ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

Императоръ Александръ I

Великій Князь Николай Михаиловичъ

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

съ 12 таблицами портретовъ и рисунковъ

ПЕТРОГРАДЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1914

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашемъ новомъ трудѣ мы не намѣрены излагать исторіи царствованія Александра Благословеннаго.

Мы стремимся дать опытъ историческаго изслѣдованія характера и дѣятельности Александра Павловича, не только какъ Государя и повелителя земли русской, но и какъ человѣка. Задача наша не изъ легкихъ — мы это сознаемъ: во-первыхъ, потому, что многіе источники отсутствуютъ, благодаря систематическому истребленію ихъ Императоромъ Николаемъ I; другіе хотя и существуютъ, но съ большими пробѣлами, какъ, напримѣръ, вся переписка Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ сыномъ-первенцомъ; во-вторыхъ, мы не могли воспользоваться полностью всѣми иностранными архивами, несмотря на широкую любезность архивовъ иностранныхъ дѣлъ: французскаго, австрійскаго и прусскаго; наконецъ, доступъ къ нѣкоторымъ частнымъ архивамъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, еще не открытъ. Главными источниками, которыми мы могли вполнѣ свободно пользоваться, были документы и рукописи Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки и Государственнаго архива, а также матеріалы, находящіеся въ Архивѣ Канцеляріи Военнаго Министерства, помѣщающемся въ Петропавловской крѣпости.

Повторяемъ, мы не старались дать исторію царствованія Императора Александра I. До сихъ поръ имѣется въ Россіи только сочиненіе Николая Карловича Шильдера. Эта интереснѣйшая книга написана съ вдохновеніемъ, увлекательно и талантливо, но, строго говоря, трудъ Шильдера нельзя назвать серьезной исторической работой. Она читается легко и, какъ историческій романъ, каждому, занимающемуся этой эпохой, необходима, но въ ней чувствуется какая-то незаконченность, много весьма досадныхъ пробѣловъ, недомолвокъ и неточностей. Покойный историкъ имѣлъ желаніе написать подробную исторію царствованія своего любимаго героя; онъ успѣлъ подготовить обширнѣйшій матеріалъ для этой цѣли, нынѣ находящійся въ Императорской Публичной библіотекѣ, но преждевременная кончина прервала благія намѣренія Николая Карловича. Смѣемъ выразить надежду, что къ столѣтію кончины Императора Александра I, то-есть къ 1925 году, найдутся молодыя силы, которыя посвятятъ себя этой работѣ.

Наша же задача гораздо скромнѣе: мы давали и даемъ матеріалы, которыми будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться. Не намъ также рѣшать вопросъ, возвеличитъ или понизитъ предлагаемое историческое изслѣдованіе образъ Благословеннаго монарха.

Думаемъ, что, какъ правитель великой страны, Александръ I займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ Русскій Государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды двадцатичетырехлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простого смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, чрезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ.

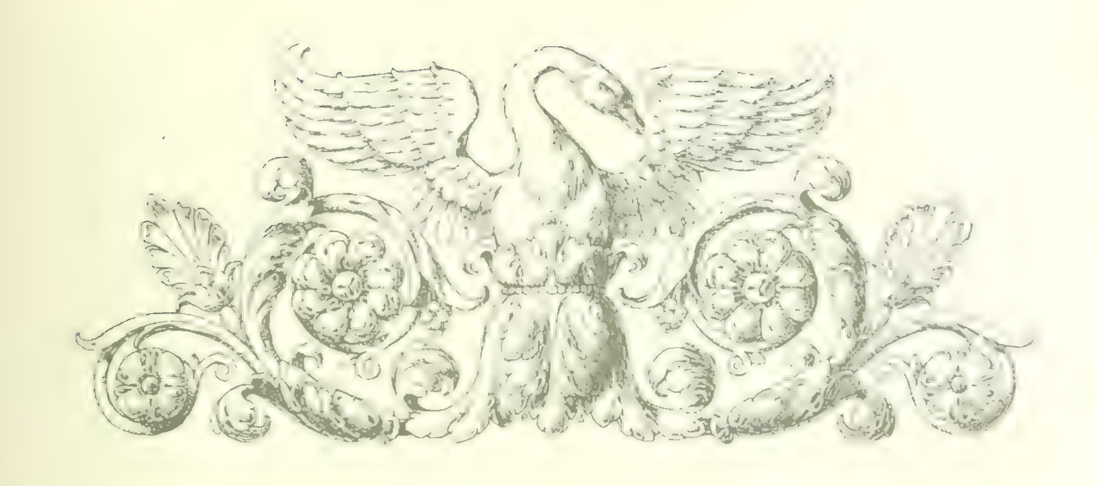
Второе изданіе настоящаго труда немного измѣнено. Выпущены многія приложенія на французскомъ языкѣ, а прибавлены нѣкоторыя письма Императрицы Елисаветы Алексѣевны, князя Петра Михайловича Волконскаго и камеръ-фурьера Бабкина, писанныя всѣ изъ Таганрога въ 1825 и въ началѣ 1826 годовъ *). Кромѣ того, мы вставили во вторую главу текста письмо Н. Н. Новосильцова къ Императору Александру I отъ 5 марта 1807 года, ранѣе нигдѣ еще не напечатанное.

Н. М.

*) Эти письма были напечатаны въ Мартовской и Апрѣльской книжкахъ „Историческаго Вѣстника“ за 1914 годъ.

Оглавленіе.

Списокъ иллюстрацій.



ГЛАВА I.

Годы колебаній.

1801—1807.

„Il serait difficile d'avoir plus d'esprit que n'en a l'Empereur Alexandre; mais je trouve qu'il y manque une pièce, et il m'est impossible de découvrir laquelle“.

(Мнѣніе объ Императорѣ Александрѣ, высказанное Наполеономъ въ одной изъ бесѣдъ съ Меттернихомъ.)

Кончина отца, столь драматичная, застала Александра, когда ему было 23 года и 3 мѣсяца отъ роду. Онъ былъ уже молодой человѣкъ и шесть лѣтъ женатъ, душой и тѣломъ вполнѣ развитъ. Слѣдовательно, ему было возможно наблюдать, размышлять и взвѣшивать всѣ событія. Два лица имѣли въ дѣтскомъ возрастѣ преобладающее на него вліяніе. То были: великая его бабка Екатерина II и швейцарецъ-воспитатель Лагарпъ. Екатерина служила живымъ примѣромъ, какъ нужно царствовать и управлять народомъ, Лагарпъ преподалъ тѣ рецепты, которые, по его мнѣнію, наиболѣе были подходящи и современны для роли монарха обширной имперіи.

1

Александръ многое усвоилъ, такъ какъ былъ воспріимчивъ, но усвоилъ поверхностно и не вдумываясь въ суть дѣла, и не стараясь понять духа русскаго человѣка. Потому его рѣшенія были торопливы и необдуманны, недоставало прочнаго фундамента.

По свидѣтельству стараго его дядьки Протасова, юноша былъ умный и даровитый, но лѣнивый и безпечный; онъ быстро схватывалъ всякую мысль, но скоро забывалъ, не умѣлъ сосредоточиться, мало читалъ, предпочитая другія развлеченія, и особенно интересовался военными упражненіями. Такъ было, когда въ 16 лѣтъ его женили, такъ оно и осталось въ годъ смерти Павла. Эти недостатки характера какъ нельзя болѣе наглядно сказались въ той роли, которую сыгралъ Александръ въ событіяхъ, доведшихъ его до престола въ мартѣ 1801 года, а также въ предшествовавшихъ интригахъ къ завершенію этой драмы. Люди, съ которыми приходилось ежедневно сталкиваться, были или придворные, или офицеры. Кромѣ нихъ, при строгостяхъ Павловскаго режима, Александру не съ кѣмъ было встрѣчаться. Ему было хорошо извѣстно, какъ многіе критиковали дѣятельность Государя, какъ боялись Павла одни и какъ ненавидѣли его другіе, что недовольство и ропотъ слышались не только въ столицѣ, но и внѣ Петербурга, что такого рода отношеніе къ его отцу не предвѣщало ничего отраднаго, и что все это могло довести до печальной развязки. Между тѣмъ, Александръ, слыша о ропотѣ и недовольствѣ, продолжалъ усердно и безпечно свои любимыя военныя занятія при любезномъ посредничествѣ опытнаго и старательнаго артиллерійскаго офицера Аракчеева; иногда вздыхалъ дома наединѣ съ своей супругой и ничѣмъ не выражалъ своихъ истинныхъ чувствъ, покорно покоряясь судьбѣ и не дѣлая никакихъ попытокъ сблизиться съ батюшкой, чтобы раскрыть ему глаза или уберечь его отъ готовящейся грозы.

А было надъ чѣмъ призадуматься. При извѣстной встрѣчѣ въ банѣ съ графомъ Панинымъ, Никита Петровичъ еще почти

за годъ, т.-е. въ 1800 году, прозрачно намекнулъ Александру на возможность заговора.

Нѣтъ сомнѣнія, что и другія лица говорили ему то же самое. Рядомъ съ этимъ, Александру было извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Екатерина хотѣла лишить наслѣдства на престолъ сына, отдавъ это наслѣдство въ руки любимаго ея внука. 16 сентября 1796 года въ разговорахъ съ Александромъ престарѣлая Императрица лично изъявила свое желаніе передать непосредственно Всероссійскій престолъ въ руки возлюбленнаго ея внука, лишивъ престола Павла Петровича. Недѣлю спустя, Александръ письменно благодарилъ бабушку за оказанное ему довѣріе *).

По этому поводу Шильдеръ старается доказать, что письмо, написанное Александромъ бабушкѣ, было послано съ вѣдома Павла Петровича. Говоря далѣе объ этомъ вопросѣ, историкъ Александра до того увлекается, что допускаетъ въ области исторической науки право „отгадывать и возстановлять — въ особенности отгадывать“ **).

Не можемъ допустить такой теоріи, потому что такого рода догадки только уклоняются отъ истины. Увлекаясь дальше, Шильдеръ сопоставляетъ даты писемъ Александра къ Аракчееву и

*) *Le 24 septembre 1796.* Votre Majesté Impériale!

Jamais je ne pourrais exprimer ma reconnaissance pour la confiance dont V. M. a bien voulu m'honorer et la bonté qu'elle a daigné avoir de faire de sa main un écrit servant d'intelligence aux autres papiers. J'espère que V. M. verra, par mon zèle à mériter ses précieuses bontés que j'en sens tout le prix. Je ne pourrais, il est vrai, jamais assez payer même par mon sang tout ce qu'Elle a daigné et veut faire encore pour moi. Ces papiers confirment évidemment toutes les réflexions que V. M. a bien voulu me communiquer tantôt et qui, s'il m'est permis de le dire, ne peuvent être plus justes. C'est en mettant encore une fois aux pieds de V. M. I. les sentiments de ma plus vive reconnaissance que je prends la liberté d'être, avec le respect le plus profond et l'attachement le plus inviolable,

de Votre Majesté Impériale le très humble et très soumis sujet et petit-fils,

Alexandre.

Едва ли Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна могли участвовать въ составленіи такой записки, гдѣ сказано, что „toutes les réflexions ne peuvent être plus justes!“

**) См. Шильдера, т. I, стр. 130 и 131.

Александра къ Екатеринѣ, и совсѣмъ голословно приходитъ къ заключенію, что свидѣтелемъ какой-то „присяги былъ Аракчеевъ", что будто бы „необъяснимая дружба" между Александромъ Павловичемъ и Аракчеевымъ кроется въ этой присягѣ, данной Наслѣдникомъ отцу въ присутствіи гатчинскаго капрала. Все это требовало бы какихъ-либо доказательствъ, но они отсутствуютъ. Единственное свидѣтельство о происшедшей въ царской семьѣ размолвкѣ по поводу намѣренія Императрицы Екатерины лишить Павла престола находится въ приложеніяхъ къ I тому исторіи Шильдера, а именно: „Записка великой княгини Анны Павловны", изъ матеріаловъ и бумагъ, собранныхъ М. А. Корфомъ для жизнеописанія Императора Николая. Великая княгиня, много лѣтъ спустя, кому-то разсказала, что „dans un de ces moments d'effusion de confiance, ma mère raconta à mon mari que, pendant qu'elle était en couches de mon frère Nicolas (слѣдовательно, въ іюнѣ 1796 года, а вовсе не въ Сентябрѣ, т. к. Николай Павловичъ родился 25 іюня того же года), l'Impératrice Catherine lui avait fait communiquer un papier dans lequel il était question d'exiger de mon père une renonciation de ses droits à la couronne en faveur de mon frère Alexandre, insistant que ma mère signât ce papier en guise d'adhésion à l'acte que l'Impératrice voulait obtenir. Ma mère en ressentit une juste indignation et se refusa à le signer. L'Impératrice Catherine en fut très irritée et la froideur qu'elle lui montra était la conséquence d'avoir vu son projet déjoué. Plus tard mon père eut connaissance de ce papier retrouvé parmi ceux de l'Impératrice à sa mort. L'impression qu'il eut de ce que ma mère eût pu même être consultée sur un acte pareil fut si fâcheuse, qu'elle influa sur ses rapports avec elle et prépara bien des épreuves à maman". И это свидѣтельство подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Едва ли Императрица Екатерина могла безпокоить свою невѣстку послѣ родовъ такого рода откровеніемъ. Въ годъ смерти Николая Павловича королевѣ Нидерландской было 60 лѣтъ и, если она лично и разсказывала что-

либо подобное барону Корфу, то память могла ей измѣнить, ибо въ 1796 году Аннѣ Павловнѣ минуло всего годъ жизни. Что касается мыслей, волновавшихъ душу Александра, то это дѣйствительно останется загадкой, такъ какъ онъ ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ, крайне щекотливомъ для него, вопросѣ. Если вѣрить тому, что Александръ писалъ въ то время Лагарпу, покинувшему Россію за годъ до этого событія, то могло казаться, что юноша былъ глубоко смущенъ всѣмъ происшедшимъ и даже намѣревался удалиться навсегда съ женой за границу *). Но писать одно, а рѣшать другое дѣло, и мы затрудняемся опредѣленно высказаться, какія чувства преобладали въ сердцѣ Александра.

Льстецовъ при дворахъ не оберешься. Люди, дрожавшіе при видѣ Павла, поддѣлывались одновременно и къ Александру. Лучшій примѣръ тому—Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Другой любимецъ Императора Павла, Ростопчинъ, пока былъ въ фаворѣ, не только искалъ ласки Наслѣдника, но старался понравиться и Елисаветѣ Алексѣевнѣ, съ которой часто имѣлъ случай бесѣдовать. Что же сказать объ остальныхъ придворныхъ? Да всѣ дѣлали то же.

Изъ офицеровъ Александръ болѣе зналъ семеновцевъ, состоя шефомъ этого полка. Князь П. М. Волконскій былъ тогда его личнымъ и шефскимъ адъютантомъ. Многіе другіе офицеры Семеновскаго полка были впослѣдствіи особо отличены Александромъ, а нѣкоторые осчастливлены аксельбантами **). Молва гласила, что

*) Изъ дневника А. С. Пушкина 21 Мая 1834 года. „Въ Александрѣ было много дѣтскаго. Онъ писалъ однажды Лагарпу, что, давъ свободу и конституцію землѣ своей, онъ отречется отъ трона и удалится въ Америку". Полетика сказалъ по этому поводу: „L'Empereur Nicolas est plus positif; il a des idées fausses, comme son frère, mais il est moins visionnaire". Кто-то сказалъ о Государѣ Николаѣ Павловичѣ: „Il y a beaucoup du praporchtchique en lui et un peu du Pierre-le-Grand".

**) За все царствованіе было 5 семеновцевъ пожаловано флигель-адъютантами, а именно: 29 сентября 1802 г., штабсъ-капитаны Петръ Андреевичъ Кикинъ и Александръ Алексѣевичъ Ржевскій; 20 іюля 1811 г., штабсъ-капитанъ Николай Мартьяновичъ Сипягинъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ); 6 января 1819 г., полковникъ Леонтій Осиповичъ Гурко, и 8 Іюля 1820 г., штабсъ-капитанъ Василій Петровичъ Бибиковъ.

изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ частей семеновцы были наиболѣе озлоблены на царившіе порядки. Вскорѣ это наглядно подтвердилось.

До разыгравшейся трагедіи, Александръ много знавалъ князя Адама Чарторыжскаго, имѣвшаго на него значительное вліяніе, тоже проявившееся гораздо позднѣе. Но съ 1799 года Чарторыжскій былъ въ Италіи, а его другъ Новосильцовъ въ Англіи, у графа С. Р. Воронцова. Въ разсматриваемые дни оставались въ Петербургѣ и часто видѣли Наслѣдника: графъ П. А. Строгановъ, графъ Х. А. Ливенъ, графъ Комаровскій, Уваровъ, шефъ кавалергардовъ, и князь П. П. Долгорукій. Послѣ удаленія въ Москву Ростопчина, а Аракчеева въ Грузино, снова появились въ столицѣ братья Зубовы, которыхъ Александръ постоянно встрѣчалъ при дворѣ своей бабки за послѣднее время ея управленія. При дворѣ же его отца теперь появилась новая личность, назначенная Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. То былъ графъ П. А. Паленъ, извѣстный своимъ желѣзнымъ характеромъ и твердой волей. Благодаря этимъ качествамъ, Императоръ Павелъ и поручилъ ему наблюденіе за столицей, въ виду разныхъ тревожныхъ слуховъ, доходившихъ до душевно разстроеннаго вѣнценосца. Несомнѣнно, что Паленъ произвелъ глубокое впечатлѣніе и на Наслѣдника престола. Они видѣлись ежедневно и вели продолжительныя бесѣды *). Паленъ не скрывалъ отъ сына, что положеніе изо дня въ день дѣлается болѣе серьезнымъ и тревожнымъ, что необходимъ какой-либо выходъ, что ему, Александру, грозитъ постоянная опасность быть заключеннымъ, словомъ, дѣйствовалъ на вообра-

*) *Récit verbal du comte Pahlen à Langeron:* „On avait donné à l'Empereur quelque soupçon sur mes liaisons avec le grand-duc Alexandre; nous ne l'ignorions pas. Je ne pouvais paraître chez ce jeune prince, nous n'osions parler longtemps de suite malgré les relations que nos places nous donnaient: c'était donc par des billets (chose, je l'avoue, imprudente et dangereuse, mais indispensable) que nous nous communiquions nos pensées et les arrangements nécessaires à prendre. Ces billets étaient remis au comte Panine: le grand-duc Alexandre y répondait par d'autres billets que Panine me remettait; nous les lisions, nous y répondions et nous les brûlions sur-le-champ".

женіе юноши умѣло и искусно *). Александръ, самъ отлично зная, что гроза неминуема, ни на что опредѣленное не рѣшался, опасаясь неожиданныхъ послѣдствій, но въ концѣ концовъ далъ Палену carte blanche дѣйствовать по его усмотрѣнію. Что это означало? Да просто согласіе Наслѣдника на исполненіе заговора (подробности котораго не входятъ въ нашу задачу). Разъ заговоръ былъ рѣшенъ, началась серія жуткихъ дней, потому что безъ вѣдома Александра графъ Паленъ дѣйствовать не собирался.

Нагляднѣйшимъ примѣромъ ихъ отношеній служитъ слѣдующій эпизодъ, подтвержденный и самимъ Паленомъ **), и другими заговорщиками въ бесѣдахъ и запискахъ о минувшемъ событіи. Ночное наступленіе на Михайловскій замокъ было рѣшено предварительно въ ночь съ 9 на 10 марта. Когда о семъ было доложено Александру, онъ замѣтилъ Палену, что 9 марта было бы рисковано дѣйствовать, ибо въ дворцовомъ караулѣ находятся преданные Государю преображенцы, а что молъ съ 11 на 12 марта будетъ тамъ по очереди караулъ отъ 3 батальона семеновцевъ, за преданность которыхъ ему, Александру, онъ ручается.

---

*) *Même source.* „......il me paraissait impossible d'y parvenir sans avoir le consentement et même la *coopération* du grand-duc Alexandre. Je le sondai sur ce sujet, mais d'abord légèrement, vaguement et me contentant de jeter quelques mots sur les dangers du caractère de son père. Alexandre m'écoutait, soupirait et ne répondait rien. Ce n'est pas ce que je voulais. Je me décide enfin à rompre la glace et à lui dire ouvertement et franchement ce qu'il me paraissait indispensable de faire....... Je parvins à ébranler sa piété filiale et même à le décider à combiner avec Panine et moi les moyens de parvenir à un dénouement, dont lui-même ne pouvait se dissimuler l'urgence. Mais je dois à la vérité de dire que le grand-duc Alexandre ne consentit à rien avant d'exiger de moi la *parole la plus sacrée que l'on n'attenterait point aux jours de son père;* je la donnai“, etc., etc.

**) *Même source.* „Lorsque le grand-duc fut décidé à agir de concert avec moi, c'était un grand point de gagné, mais ce n'était pas encore tout. Il m'avait répondu de son régiment de Sémenofsky .... J'engageais le grand-duc à frapper dès le lendemain même le coup médité (c.-à-d. dans la nuit du 9 au 10 mars); il me força de différer jusqu'au 11, jour auquel le 3 bataillon de Sémenofsky, dont il était plus sûr encore que des autres, monterait la garde. J'y consentis avec peine et ne fus pas sans inquiétude pendant ces deux jours“.

Приводимъ цѣликомъ приказъ по л.-гв. Семеновскому полку.

Воскресеніе 10 марта 1801 года.

Завтра въ караулы батальонъ (3) генералъ-майора Деприрадовича *).

Въ Главный: капитанъ Воронковъ, поручикъ Полторацкій, прапорщикъ Ивашкинъ.

Къ С.-Петербургскимъ воротамъ подпоручикъ Усовъ 2-й.

Къ новымъ воротамъ поручикъ Жиленковъ.

Дежурный по карауламъ полковникъ Ситманъ.

Главнымъ рундомъ и парадировать капитанъ Мордвиновъ.

Визитеръ рундомъ и парадировать подпоручикъ Леонтьевъ 2-й.

Изъ разсказовъ одного изъ офицеровъ, бывшихъ въ ту ночь въ караулѣ, поручика Полторацкаго, мы могли почерпнуть такія подробности:

„Le 10 mars il y avait réunion à la Cour. Paul se promenait au milieu des militaires tremblants et rangés par régiments.

J'etais avec les Sémenofsky. Le grand-duc Alexandre, qui était notre chef, m'approcha et me dit: „Demain vous monterez la garde

*) Полкъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Павловича. 3-й батальонъ генералъ-майора Депрерадовича.

Генералъ-майоръ Леонтій Ивановичъ Депрерадовичъ; полковники: Иванъ Ивановичъ *Ситманъ* и Яковъ Егоровичъ Вадковскій; капитаны: Гавріилъ Ивановичъ *Воронковъ* и Дмитрій Михайловичъ *Мордвиновъ;* штабсъ-капитаны: Василій Ивановичъ Мельниковъ и Николевъ 2-й; поручики: Алексѣй Петровичъ Шубинъ, Константинъ Марковичъ *Полторацкій,* Матвѣй Трофимовичъ *Жиленковъ,* Никита Ивановичъ Кожинъ, Дмитрій Петровичъ Горихвостовъ, Александръ Алексѣевичъ Кологривовъ и Петръ Николаевичъ Усовъ 1-й; подпоручики: Александръ Николаевичъ *Усовъ 2-й,* Владиміръ Алексѣевичъ *Леонтьевъ 2-й,* Василій Николаевичъ Соймоновъ, Афанасій Гавриловичъ Завалишинъ и Алексѣй Егоровичъ Деденевъ; прапорщики: Дмитрій Ивановичъ *Ивашкинъ,* Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ, Дмитрій Ивановичъ Текутьевъ 1-й, Григорій Ивановичъ Текутьевъ 2-й и Михаилъ Алексѣевичъ Леонтьевъ 3-й.

Роты въ батальонѣ генералъ-майора Депрерадовича именовались:

Генералъ-майора Депрерадовича, полковника Вадковскаго, капитана Мордвинова, капитана Воронкова и полковника Ситмана.

au Palais Michel". Je m'inclinai, mais cela me contrariait.... de monter la garde sans que cela fût mon tour.... Le lendemain je me costumai d'après l'ordre établi; je pris de l'argent, comme on faisait alors, car on n'était jamais sûr de ne pas être expédié du Palais en Sibérie, et je me rendis au Palais Michel avec le capitaine Woronkoff et le sous-lieutenant Ivachkine. Nous montions la garde dans la cour intérieure du Palais et nous nous tenions dans une espèce de galerie.... Nous ne savions rien de ce qui se préparait; le général Deprerado-witch, qui devait me le confier à la fin de la journée, oublia complètement de le faire, au milieu des agitations qui lui tournaient la tête. La nuit était froide et pluvieuse. Nous étions fatigués. Woronkoff sommeillait sur une espèce de canapé, Ivachkine sur une chaise, et moi j'étais étendu devant la cheminée de la première chambre où se tenaient les soldats. Un laquais de la Cour accourt en criant: „On assassine l'Empereur!" Réveillés en sursaut, tremblants et effrayés, nous ne savions ce que nous devions faire. Woronkoff s'enfuit. Je restai le plus ancien, etc., etc.

J'adorais le grand-duc Alexandre, j'étais heureux de son avènement; j'étais jeune, étourdi, et, sans rien consulter, je courus dans ses appartements".

Графъ Паленъ не сразу согласился отложить назначенное предпріятіе и заявилъ Наслѣднику, „qu'il y va de vos jours", и что весь заговоръ можетъ быть раскрытъ за эти два дня.

Но Александръ стоялъ на своемъ, и Паленъ, признавъ доводы основательными, согласился отложить злополучное дѣло до ночи 11 марта. Тѣмъ не менѣе и Паленъ оказался отчасти правымъ, такъ какъ 10 марта Александръ, вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ, были арестованы во дворцѣ домашнимъ арестомъ. Словомъ, для каждаго ясно, что готовилось что-то необычное, но для современниковъ и въ частности для Александра надвигались тревожные часы. Очевидно, что и онъ сознавалъ вполнѣ всю серьезность переживаемаго момента, но, благодаря свойственной

ему безпечности и не задумываясь глубоко о возможныхъ послѣдствіяхъ, Александръ, давъ согласіе, пребывалъ въ состояніи полудремоты до окончанія заговора.

Это нравственное состояніе двадцатитрехлѣтняго юноши мало понятно для насъ, пишущихъ эти строки, но описываемая полудремота въ тѣ дни глубокой драмы стоила Александру, съ годами, ряда невыносимыхъ мученій совѣсти. Совѣсть заговорила скоро, уже съ первыхъ дней вступленія его на престолъ *), и не умолкла до гроба. Выходило такое невиданное положеніе вещей.

Наслѣдникъ престола зналъ всѣ подробности заговора, ничего не сдѣлалъ, чтобы предотвратить его, а, напротивъ того, далъ свое обдуманное согласіе на дѣйствія злоумышленниковъ, какъ бы закрывая глаза на несомнѣнную вѣроятность плачевнаго исхода, т.-е. насильственную смерть отца. Вѣдь трудно допустить слѣдующее предположеніе, а именно, что Александръ, давъ согласіе дѣйствовать, могъ сомнѣваться, что жизни отца грозитъ опасность. Характеръ батюшки былъ прекрасно извѣстенъ сыну, и вѣроятіе на подписаніе отреченія безъ бурной сцены или проблесковъ самозащиты врядъ ли допустимо. И это заключеніе должно было постоянно приходить на умъ въ будущемъ, тревожить совѣсть Александра, столь чуткаго по природѣ, и испортить всю послѣдующую его жизнь на землѣ. Оно такъ и было въ дѣйствительности, что подтвердили всѣ современники Благословеннаго монарха.

*) Де Санглень пишетъ: „Новый Императоръ шелъ медленно, колѣни его какъ будто подгибались, волосы на головѣ были распущены, глаза заплаканы; смотрѣлъ прямо передъ собой, рѣдко наклонялъ голову, какъ будто кланялся; вся поступь его, осанка изображали человѣка, удрученнаго грустью и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Казалось, онъ выражалъ на своемъ лицѣ: „Они всѣ воспользовались моею молодостью, неопытностью; я былъ обманутъ, не зналъ, что, исторгая скипетръ изъ рукъ Самодержца, я неминуемо подвергалъ жизнь его опасности".

(Описаніе перваго выхода въ Зимнемъ дворцѣ 12 марта 1801 г.)

Мало понятна также сцена, происшедшая между Императрицей Маріей Өеодоровной и сыномъ послѣ катастрофы.

Мать точно сомнѣвалась въ участіи сына и, убѣдившись въ невиновности своего первенца, бросилась ему въ объятія. Никто, конечно, не присутствовалъ при этой сценѣ, и можно судить о ней только по догадкамъ. Психологія Маріи Өеодоровны, намъ кажется, была не вполнѣ та, которую приписали ей историки этой эпохи. Хотя послѣ кончины мужа и перваго порыва отчаянія Марія Өеодоровна явно хотѣла взять бразды правленія *), но она сознавала, что это немыслимо при популярности Александра, а внѣшнія проявленія ея властолюбія были сдѣланы болѣе для эффекта и впечатлѣнія на сына, чѣмъ обдуманы заранѣе. Гораздо труднѣе опредѣлить, знала ли Императрица сама о готовящемся заговорѣ или не подозрѣвала этого; современники и историки безмолвствуютъ насчетъ заданнаго предположенія, а дневники Маріи Өеодоровны, могущіе раскрыть свѣтъ на эти событія, сожжены Императоромъ Николаемъ I, тотчасъ же послѣ смерти матери **).

Лично мнѣ мнится, что слухи о возможности заговора должны были быть извѣстны Маріи Өеодоровнѣ, а что Императоръ опасался такого исхода, то объ этомъ она могла судить потому, что потаенная дверь, ведущая въ ея аппартаменты, была изнутри заперта на ключъ, но остается невыясненнымъ по распоряженію

*) Свидѣтельство Беннигсена.

**) Въ дневникѣ поэта А. С. Пушкина мы читаемъ: „Государыня Александра Өеодоровна пишетъ свои записки. Дойдутъ ли онѣ до потомства? Елисавета Алексѣевна писала свои: онѣ были сожжены ея фрейлиной; Марія Өеодоровна также. Государь Николай Павловичъ сжегъ ихъ, по ея приказанію. Какая потеря! Елисавета хотѣла завѣщать свои записки Карамзину (слышалъ отъ Катерины Андреевны)“ (т.-е. супруги Карамзина).

Въ письмѣ отъ 12/24 марта 1826 года цесаревичъ Константинъ благодаритъ Ф. П. Опочинина за сообщеніе (по приказанію Государя Николая Павловича), что найденъ ящикъ съ любопытными бумагами, „въ числѣ которыхъ многіе волюмы, написанные карандашемъ рукою покойнаго Государя“.

Въ томъ же письмѣ онъ поручаетъ Опочинину испросить соизволеніе Государя на присылку „тетрадей, которыя писаны карандашемъ покойнымъ Государемъ“, для прочтенія.

кого именно. Всѣ описывавшіе подробности ночной драмы единогласно свидѣтельствуютъ, что дверь была заперта со стороны лѣстницы, и что, когда Павелъ бросился къ ней, онъ не могъ отворить ее. Это одно уже доказываетъ, что и въ новомъ дворцѣ вѣрили въ возможность нападенія, если не императорская семья, то приближенные или прислуга. Вѣроятно, слѣдовательно, то, что до кончины Павла ни мать, ни сынъ не говорили между собой о заговорѣ и врядъ ли говорили часто объ этомъ событіи и позже.

Говорили о заговорщикахъ и о ихъ роляхъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но не о самомъ заговорѣ, такъ какъ эта тема была едва ли пріятна Александру, а мать избѣгала всегда раздражать сына, чтобы не терять желаннаго вліянія.

Чтобы кончить съ этими гипотезами, упомяну о цесаревичѣ Константинѣ, который ничего не вѣдалъ ни о заговорѣ, ни о переговорахъ брата съ Паленомъ, и про котораго говорили, что онъ сказалъ знаменательную фразу, „qu'il ne voulait pas monter au trône souillé par le sang de son Père“.

Гораздо труднѣе было Александру разсчитаться послѣ своего воцаренія съ лицами, возведшими его такъ возмутительно нагло на престолъ предковъ.

И тутъ мы встрѣтимся съ цѣлымъ рядомъ необъяснимыхъ противорѣчій, которыя трудно окончательно разгадать и выяснить. Главы перваго и второго заговоровъ, графы Панинъ и Паленъ, удалены навсегда изъ Петербурга.

Панинъ жилъ въ своихъ угодьяхъ Дугинѣ и Марѳинѣ до самой кончины (1837 г.) и только при Николаѣ Павловичѣ получилъ разрѣшеніе наѣзжать въ Москву.

Паленъ до смерти жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи „Eckau“, Курляндской губ., и въ Ригѣ (скончался въ 1826 г.). Но кары, собственно говоря, не было наложено никакой ни на главарей, ни на прочихъ исполнителей кроваваго дѣянія. Явленіе это

скорѣе понятно, потому что ни для кого не было выгодно затѣвать шумнаго судебнаго процесса, а тѣмъ болѣе для воцарившагося Александра, такъ необдуманно вплетеннаго въ замыслы Палена и заговорщиковъ. Тѣ изъ нихъ, которымъ молва приписывала активное воздѣйствіе въ памятную ночь 11 марта, удалились въ свои деревни.

Говоримъ о князѣ Яшвилѣ, Скарятинѣ и Татариновѣ, а также о Гордановѣ, Мансуровѣ, Аргамаковѣ и Маринѣ. Впрочемъ, трое послѣднихъ и не думали оставлять службы.

Братья Зубовы окончательно удалились со сцены, живя въ своихъ имѣніяхъ, и вскорѣ одинъ за другимъ сошли въ могилу. Талызинъ, бывшій командиромъ преображенцевъ, на квартирѣ котораго собирались заговорщики до шествія во дворецъ, внезапно умеръ въ маѣ 1801 года. Увѣряли, что онъ отравился или его отравили, но слухъ остался слухомъ.

Командиръ семеновцевъ Депрерадовичъ вышелъ въ отставку только въ 1807 году и жилъ въ большой нищетѣ до глубокой старости.

Беннигсенъ, послѣ временного удаленія, оставался на военной службѣ и участвовалъ виднымъ дѣятелемъ во всѣхъ Наполеоновскихъ кампаніяхъ. Его берегли и цѣнили, какъ способнаго генерала. Но при дворѣ избѣгали его приглашать, и имя его почти никогда не встрѣчается на страницахъ камеръ-фурьерскаго журнала. Временами его звѣзда восходила, особенно во время похода 1807 года и послѣ Прейсишъ-Эйлау и Фридланда, затѣмъ онъ сыгралъ видную роль въ Отечественную войну и въ слѣдующихъ кампаніяхъ. Но, повторяю, съ Беннигсеномъ не прекращали отношеній; бывали случаи, что и Государь, и вдовствующая Императрица его принимали у себя и писали ему дѣловыя письма. Между тѣмъ, его роль при вступленіи на престолъ забыть было бы трудно; онъ занималъ выдающееся положеніе именно тогда, и его сухая и высокая фигура должна была глубоко врѣзаться

въ воображеніи, если желали вспоминать злополучную ночь тревоги и ужаса.

Думается, что если на эту личность смотрѣли сквозь пальцы, то, благодаря тому только, что онъ былъ иностранецъ, родомъ изъ Ганновера, и цѣнили его военныя дарованія. Между тѣмъ, онъ никогда не скрывалъ своей дѣятельности въ ту эпоху, любилъ даже бесѣдовать съ друзьями о быломъ и оставилъ подробныя записки, гдѣ оправдывалъ свое возмутительное поведеніе. Генералъ Фокъ (Александръ) многое записалъ съ его словъ, а послѣ его смерти нѣмецъ Бернгарди издалъ въ Германіи часть записокъ Беннигсена. Но Александръ все-таки не прощалъ ему прошлаго и не далъ ему фельдмаршальскаго жезла*), такъ легко доставшагося двумъ другимъ нѣмцамъ, Витгенштейну и Ф. В. Сакену, заслуги которыхъ были менѣе крупны. Оригинальная участь выпала на долю Уварова. Будучи раньше при Павлѣ генералъ-адъютантомъ, но потерявъ вслѣдствіе немилости это званіе, Уваровъ былъ первый назначенъ генералъ-адъютантомъ при воцареніи Александра. Съ нимъ Александръ совершалъ свои обычныя прогулки по столицѣ пѣшкомъ и верхомъ въ первые годы царствованія. Онъ почти ежедневно былъ званъ къ столу Государя, а также былъ „persona grata“ у Маріи Θеодоровны, что еще поразительнѣе. Вѣроятнѣе всего, что, благодаря его счастливому характеру и ничтожности его личности, на него смотрѣли сквозь пальцы, или Уварову удалось скрыть свою настоящую роль въ тѣхъ событіяхъ обычными шуточками и каламбурами, на которые онъ былъ мастеръ, подъ личиной постояннаго благодушія и вѣчнаго коверканія французскаго языка, обычнаго тогда для всей аристократіи, но плохо усвоеннаго Уваровымъ. Словомъ, онъ оставался l'enfant gâté царской семьи

*) Изъ записокъ Ланжерона: „Vingt ans après, lorsque Bennigsen eut à se plaindre d'Alexandre, il me dit à Odessa: „L'ingrat il a oublié que j'ai bravé l'échafaud pour lui“.

до своей кончины въ 1824 году, и не мудрено, что ехидный грузинскій временщикъ такъ зло сострилъ на его похоронахъ *).

Каково было участіе другого царскаго приближеннаго, князя Петра Михайловича Волконскаго, установить трудно. Вѣроятно, роль его, какъ молодого офицера, ограничивалась сочувствіемъ къ заговору, раздѣляемымъ большинствомъ тогдашней гвардейской молодежи, но, какъ шефскій адъютантъ Семеновскаго полка, онъ не могъ относиться безучастно къ разыгравшимся событіямъ. Во всякомъ случаѣ, князь Волконскій остался другомъ царской семьи за всю свою жизнь, а слѣдовательно, не было поводовъ оказывать ему недовѣріе, и мы готовы допустить, что активнаго участія онъ и не принималъ въ мартовскомъ эпилогѣ.

Ни записокъ, ни воспоминаній Петръ Михайловичъ не оставилъ, такъ что его личное свидѣтельство отсутствуетъ, но имя его, тѣмъ не менѣе, встрѣчается въ ходившихъ тогда спискахъ заговорщиковъ **). О людяхъ меньшаго калибра мы не будемъ распространяться, но многимъ изъ участниковъ удалось выдвинуться на послѣдующей службѣ. Примѣромъ можетъ служить Сергѣй Маринъ, назначенный флигель-адъютантомъ и получавшій позднѣе неоднократно довѣрительныя порученія Государя. Онъ умеръ въ 1813 году. Если приходится распространяться о личностяхъ, то потому именно, что нѣкоторые историки ищутъ въ составѣ удалившихся или удаленныхъ заговорщиковъ ту среду дворянства,

---

*) Изъ дневника А. С. Пушкина: „На похоронахъ Уварова покойный Государь слѣдовалъ за гробомъ. Аракчеевъ сказалъ громко (кажется, А. Орлову): „Одинъ царь здѣсь его провожаетъ, каково-то другой тамъ его встрѣтитъ?“ Уваровъ одинъ изъ цареубійцъ 11 Марта“.

**) Въ запискахъ Вельяминова-Зернова мы читаемъ слѣдующее: „Семеновскій полкъ шелъ такъ медленно, что когда голова его показалась въ воротахъ дворца со стороны Садовой улицы, то князь Петръ Михайловичъ Волконскій, какъ шефскій адъютантъ этого полка, *бывшій при наслѣдникѣ,* подскакалъ верхомъ къ батальону и закричалъ: „Помилуйте, Леонтій Ивановичъ, вы всегда опаздываете“, и, не слушая отговорокъ Депрерадовича, прибавилъ: „Ну, теперь все равно—поздравляю съ новымъ Императоромъ“.

Далѣе въ тѣхъ же запискахъ Вельяминова-Зернова: „Волконскій и Маринъ также не потеряли своей карьеры“.

гдѣ образовалась оппозиція къ мѣропріятіямъ Александра Павловича; такъ, въ книжкѣ Ю. Карцова и К. Военскаго „Причины войны 1812 года“, на стр. 24 сказано: „Обманутые въ честолюбивыхъ надеждахъ, заговорщики разсѣялись по лицу Россіи. Своими разсказами про роковую ночь 11 марта и про немилостивое отношеніе къ нимъ Государя они положили начало общественному недовольству, съ которымъ Александръ долженъ былъ бороться вплоть до самаго 1812 года“. Врядъ ли это вѣрно, и вотъ почему: подверглись полнѣйшей опалѣ только тѣ, которые завѣдомо считались убійцами, какъ князь Яшвиль *), Татариновъ, Скарятинъ **), и то не всѣ; остальные же продолжали свою службу, и никто ихъ никогда ничѣмъ не тревожилъ. Поэтому мы не допускаемъ мысли, чтобы эти немногіе могли „положить начало общественному недовольству“, съ которымъ

*) Изъ записокъ Дениса Давыдова: „Во время умерщвленія Павла, князь В. М. Яшвиль, человѣкъ весьма благородный, и Татариновъ задушили его, для чего шарфъ былъ съ себя снятъ и поданъ Я. Ѳ. Скарятинымъ“.

**) Изъ неизданныхъ еще записокъ поэта А. С. Пушкина, находящихся у его сына А. А. Пушкина. На стр. 16 рукописи:

„Третьяго дня обѣдалъ у австрійскаго посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) Пріѣхалъ въ 5 час., вмѣсто 5½, и ждалъ нѣкоторое время хозяину; 2) пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня все время. Сидя втроемъ, съ посланникомъ и его женой, разговорились объ 11 марта. Недавно на балѣ у него былъ цареубійца Скарятинъ. (Посланникъ) Фикельмонъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества. Но Александръ Павловичъ былъ окруженъ убійцами своего отца. Вотъ причина, почему при жизни его никогда не было суда надъ молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Онъ услышалъ бы слишкомъ жестокія истины. *NB.* Государь, нынѣ царствующій (т.-е. Николай I), первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышленія о цареубійствѣ, его предшественникъ долженъ былъ терпѣть и прощать“.

Далѣе, изъ „Дневника“ 17 января 1834 года: „Третьяго дня балъ у графа Шувалова. На балъ явился цареубійца Скарятинъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ множество каламбуровъ“.

8 марта 1834 г.: „Жуковскій пойманъ на дняхъ на балѣ у Фикельмона (куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ) съ цареубійцей Скарятинымъ; заставилъ его разсказывать 11 марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ Государь съ графомъ Бенкендорфомъ и застаетъ наставника своего сына, дружелюбно бесѣдующаго съ убійцей его отца. Скарятинъ снялъ съ себя шарфъ, прекратившій жизнь Павла I“.

долженъ былъ бороться Государь. Дѣйствительно, недовольство существовало въ средѣ дворянства, но причины были иныя, и главнымъ образомъ до 1812 года — опасеніе за либеральныя реформы, угрожавшія крѣпостному праву, а также союзъ съ Наполеономъ, сыномъ великой революціи, и съ Франціей вообще, какъ разсадницей передовыхъ идей, весьма мало имѣвшихъ поклонниковъ изъ дворянъ. Впрочемъ, авторы „Причинъ войны 1812 г.“, на той же страницѣ, выставляютъ и указанныя нами только-что причины недовольства, но почему связывать это съ событіемъ 11 марта 1801 г., — мы недоумѣваемъ.

Одинъ князь Яшвиль дерзнулъ написать Императору Александру вызывающее письмо, никѣмъ не читанное въ ту эпоху, и только *).

Намъ неизвѣстно, дошло ли это письмо до Государя; если бы и дошло, то оно, конечно, не сохранилось въ официальныхъ архивахъ.

Это письмо князя Яшвиля, хранившееся у его потомковъ, характерно, какъ плодъ настроенія нѣкоторыхъ изъ заговорщиковъ

*) Письмо князя Яшвиля къ Императору Александру I:

„Государь, съ той минуты, когда несчастный безумецъ, Вашъ отецъ, вступилъ на престолъ, я рѣшился пожертвовать собою, если нужно будетъ для блага Россіи, которая со времени Великаго Петра была игралищемъ временщиковъ и, наконецъ, жертвою безумія.

Отечество наше находится подъ властью самодержавною, самою опасною изъ всѣхъ властей, потому что участь милліоновъ людей зависитъ отъ великости ума и души одного человѣка. Петръ Великій несъ со славою бремя Самодержавія, и подъ мудрымъ его вниманіемъ отечество отдыхало. Богъ правды знаетъ, что наши руки обагрялись кровью не изъ корысти. Пусть жертва не безполезна.

Поймите Ваше великое призваніе: будьте на престолѣ, если возможно, честнымъ человѣкомъ и русскимъ гражданиномъ! Поймите, что для отчаянія есть всегда средство, и не доводите отечество до гибели. Человѣкъ, который жертвуетъ жизнію для Россіи, въ правѣ Вамъ это сказать. Я теперь болѣе великъ, чѣмъ Вы, потому что ничего не желаю и, если бы даже нужно было для спасенія Вашей славы, которая такъ для меня дорога только потому, что она слава и Россіи, я готовъ былъ бы умереть на плахѣ; но это безполезно, вся вина падетъ на насъ, и не такіе поступки покрываетъ царская мантія! Прощайте, Государь! передъ Государемъ я спаситель Отечества, передъ сыномъ — убійца отца! Прощайте! Да будетъ благословеніе Всевышняго на Россію и Васъ, ея земного кумира! Да не постыдится она его вовѣки!“

въ ту годину *). Но были и другіе изъ видныхъ дѣятелей этой драмы, которые до конца своихъ дней несли убѣжденіе въ правотѣ дѣйствій на столь незавидномъ поприщѣ и даже гордились сыгранной ролью. Мы говоримъ и о графѣ Паленѣ, и о генералѣ Беннигсенѣ, современники коихъ одинаково свидѣтельствуютъ, что они оба считали себя чуть ли не спасителями Россіи отъ сумасбродства тирана. Остальные ихъ соучастники были гораздо скромнѣе и предпочитали не вспоминать, во всю остальную жизнь, о сомнительныхъ подвигахъ юности.

Неугомонный Лагарпъ, примчавшійся въ Петербургъ по вызову своего бывшаго питомца, счелъ своимъ долгомъ высказать личное мнѣніе о возможной расправѣ съ заговорщиками и 30 октября 1801 года написалъ по этому поводу довольно-таки безтактное письмо Государю, особенно безтактное потому, что Лагарпъ былъ иностранецъ и долженъ былъ знать, что на Руси и Государь, и всѣ подданные никогда не терпѣли такого рода вмѣшательствъ. Впрочемъ, Александръ Павловичъ пропустилъ мимо ушей непрошенные совѣты, поступивъ мудро и логично по сложнымъ обстоятельствамъ того времени.

---

*) Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сохранились въ воспоминаніяхъ потомковъ, неизвѣстно, было ли передано письмо князя Яшвиля Государю, но предполагали, что Александръ Павловичъ читалъ его, и преданіе гласило, что именно за это письмо, а главнымъ образомъ за фразу: „Помните, что для отчаянія есть всегда средство", Яшвиль былъ удаленъ въ деревню, съ воспрещеніемъ появляться въ обѣихъ столицахъ. Въ 1812 году онъ командовалъ ополченіемъ, выставленнымъ дворянствомъ Калужской губерніи, гдѣ находилось его имѣніе, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и распоряжался удачно. Но и послѣ этого, несмотря на ходатайства, не получилъ разрѣшенія бывать въ Петербургѣ и Москвѣ. Онъ скончался въ селѣ Муромцовѣ, Калужской губ., принадлежащемъ теперь А. С. Ермолову. Жизнь князя Яшвиля въ имѣніи своемъ Муромцовѣ была скорѣе сумрачная и полная тревогъ, потому что его мучила мысль о возможномъ арестѣ или высылкѣ въ мѣста отдаленныя, а всякій колокольчикъ заставлялъ вздрагивать, что не фельдъегерь ли это изъ Петербурга. По свидѣтельству одного изъ его потомковъ, знававшаго лично старушку, бывшую приживалку князя В. М. Яшвиля, онъ страдалъ маніей преслѣдованія, какъ послѣдствіе тяжелой обстановки въ юношескіе годы. Потомки князя В. М. Яшвиля существуютъ и нынѣ, а по женской линіи произошли отъ него [illegible] и Ермоловы.

Вотъ полный текстъ Лагарповскаго посланія *).

St-Pétersbourg, le 30 octobre 1801.

Sire, Je prends la liberté d'adresser à V. M. I. quelques réflexions produites par Sa dernière conversation **).

Une nation poussée à bout par des rigueurs peut assurément réagir contre ceux qui les occasionnent. Cette vérité de sentiment n'a besoin d'aucune démonstration, et c'est pour cela qu'il est superflu d'en faire l'objet d'une stipulation expresse. Celle-ci ne peut même avoir que de fâcheux résultats, *la nécessité seule,* bien constatée, pouvant légitimer l'usage qu'on en fait.

Que votre nation, Sire, ait été réduite à cette nécessité, c'est ce qui n'est malheureusement que trop réel. Pour prévenir les suites funestes qu'eût entraînées la réaction d'une pareille masse, des remèdes prompts et sûrs étaient indispensables. Ceux dont on avait fait usage dans d'autres pays étaient certainement applicables à la situation de votre patrie, et vos qualités d'Héritier Présomptif, de fils et de citoyen vous faisaient un devoir de recourir à ces remèdes. C'est là, Sire, ce que vous avez dû vouloir, et c'est aussi, en effet, ce que vous avez voulu.

Mais les hommes chargés de mettre à l'exécution ce projet légitime ont abusé de votre confiance et désobéi à vos ordres. Cette *désobéissance formelle* désigne des coupables. Ceux-là, sans doute, ne l'étaient pas d'abord qui entrèrent dans l'appartement de l'Empereur, conformément au plan convenu; mais tous le devinrent en protégeant les assassins. Non seulement ceux-là sont coupables qui frappèrent l'Empereur et qui le firent expirer au milieu des tourments d'une longue agonie; ceux-là furent aussi leurs complices qui permirent ces atrocités lorsqu'il était de leur devoir de tirer l'épée contre les

*) См. Рукописный отдѣлъ Собственной Его Величества библіотеки, № 361.

**) Cet excellent Prince m'avait exposé dans le plus grand détail tout ce qui avait amené, accompagné et suivi la catastrophe. *(Прим. Лагарпа.)*

assassins *) et d'obéir strictement aux instructions données. Comment trois hommes seuls auraient-ils commis un pareil attentat au milieu de seize autres, s'ils n'eussent pas été soutenus par d'autres? Et que penser d'hommes qui virent froidement étrangler leur Empereur, qui réclamait en vain leur secours et qui ne succomba qu'après une résistance prolongée? Il m'est donc impossible, Sire, de ne pas croire qu'on vous a caché à dessein la vérité! Je n'affligerai point votre cœur par le récit des détails qui m'ont été répétés depuis Paris jusqu'à St-Pétersbourg. Quelle que soit la concordance de ces récits, ils sont, sans doute, exagérés, mais cette concordance même sur des hommes regardés partout comme acteurs principaux ne permet pas de les regarder comme innocents avant qu'ils se soient lavés. La renommée, qui débite tant de mensonges, répand aussi des vérités.

Il ne suffit pas que V. M. I. ait une conscience pure, ou que ceux qui ont l'honneur de La connaître soient convaincus qu'Elle n'a cédé qu'à la nécessité: il faut qu'on sache que, si Elle a dû consentir, après une longue résistance, à entreprendre pour le bien de Son pays ce qu'on avait exécuté légitimement et avec succès ailleurs **), sa loyauté et sa confiance ont été indignement trompées; il faut qu'on apprenne qu'Elle punit le crime dès qu'Elle le reconnaît, partout où il se trouve.

L'assassinat d'un Empereur au milieu de son Palais, dans le sein de sa famille, ne peut demeurer impuni sans fouler aux pieds les lois divines et humaines, sans compromettre la dignité impériale, sans exposer la nation à devenir la proie des mécontents assez audacieux pour se venger du monarque, disposer de son trône, et forcer son successeur à leur accorder l'impunité.

*) On avait réussi à persuader l'Empereur que trois scélérats seuls avaient porté leurs mains sur son père, que diverses circonstances malheureuses, l'obscurité, le désordre, etc., avaient produit des complications qu'on n'avait pu ni prévoir, ni prévenir.

**) Par exemple, en Portugal, en Danemark et même en Angleterre.

C'est à vous, Sire, qui n'êtes monté sur le trône qu'à regret, qu'il appartient d'affermir désormais celui de la Russie, que des révolutions successives ont ébranlé. Mais en attendant que les institutions que vous préparez lui rendent ce service, c'est à la justice d'en garder les sanctions. Elle punit d'une mort cruelle le vol de grand chemin, commis par des hommes que la misère a peut-être poussés au crime, et elle souffrirait autour de Votre Personne ceux que la voix publique accuse d'avoir participé à l'assassinat de l'Empereur, et qui ont été, du moins, en société avec les assassins! Sire! C'est par une justice impartiale, publique, sévère et prompte, que de pareils attentats peuvent et doivent être réprimés. Il faut faire cesser en Russie le scandale de régicides constamment impunis, souvent même récompensés, rôdant autour du trône prêts à recommencer leurs forfaits.

Si V. M. I. me demandait donc mon avis, je lui répondrais qu'il n'y a que deux partis à prendre. Le premier consisterait à admettre que les hommes qui entrèrent dans l'appartement de l'Empereur avec les trois assassins ne purent les prévenir: l'explication bénévole, qui, en atténuant la faute de ces hommes, pourrait engager V. M. I. à les éloigner simplement de Sa Personne, ce qu'ils auraient dû faire d'eux-mêmes depuis longtemps.

Le deuxième parti serait de laisser aux lois leur libre cours.

Si V. M. I. adoptait ce dernier parti, *le seul peut-être qui convienne à Sa dignité,* je lui dirais: 1) Faites examiner *isolément* d'abord, puis confronter, en présence d'hommes intègres, ceux qui appartenaient à l'escouade qui pénétra dans l'appartement de l'Empereur; c'est le seul moyen de connaître la vérité, que vous n'apprendrez point par d'autres voies, la crainte ou la malveillance corrompant tous les canaux par lesquels elle pourrait vous arriver d'ailleurs. 2) Faites mettre en jugement les barbares qui étranglèrent l'Empereur, et leurs complices qui en furent les témoins ou qui le souffrirent, si vous n'aimez mieux les éloigner. 3) Veillez à ce que la justice soit rendue avec promptitude et impartialité, et prenez les mesures telles que les

créatures des accusés ne puissent user de leurs moyens pour troubler le cours de la justice.

Je soumets ces réflexions à V. M. I., en lui observant que Son devoir, Sa sûreté et Sa gloire exigent d'Elle de ne pas renvoyer trop à se prononcer. Elle peut compter sur tous les gens de bien qui Lui feront un bouclier de leurs personnes, lorsqu'ils verront que l'indulgence et l'affabilité ne L'empêchent pas d'être sévère et juste exécuteur des lois.

Agréez, Sire, l'assurance de mon respect et de mon inaltérable dévouement.

La Harpe.

Не легко жилось и Александру Павловичу въ первые годы послѣ воцаренія *). Стараясь заглушить тревоги душевныя и угрызенія совѣсти, онъ искалъ въ воображеніи отвода этихъ мыслей и нашелъ облегченіе, а также нравственное успокоеніе, начавъ съ рвеніемъ предаваться порывамъ къ введенію новыхъ реформъ.

Приблизивъ къ себѣ своихъ сверстниковъ и единомышленниковъ въ лицѣ князя Адама Чарторыжскаго, графа Виктора

*) Изъ неизданныхъ записокъ Греча: „Но образъ вступленія на престолъ оставилъ въ душѣ Александра невыносимую тяжесть, съ которой онъ пошелъ въ могилу. Онъ былъ кротокъ и нѣженъ душой, чтилъ и уважалъ всѣ права, всѣ связи, семейныя и гражданскія, а на него пало подозрѣніе въ ужаснѣйшемъ преступленіи — отцеубійствѣ. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ совершенно чистъ въ этомъ отношеніи".

Въ другомъ мѣстѣ Гречъ говоритъ слѣдующее:

„Можно вообразить себѣ ужасъ и омерзеніе Александра, когда онъ узналъ объ этомъ дѣлѣ (т.-е. объ убійствѣ отца). Сначала онъ не хотѣлъ было принимать короны, потомъ согласился исполнить долгъ свой, но ужасное сознаніе участія его въ замыслахъ, имѣвшихъ такой неожиданный для него, терзательный исходъ, не изгладилось изъ его памяти и совѣсти до конца его жизни, не могло быть заглушено ни громомъ славы, ни рукоплесканіями Европы своему освободителю. У него остались на прекрасномъ, привѣтливомъ лицѣ тяжелыя воспоминанія этой пагубной ночи въ морщинахъ между бровями, которыя появлялись при малѣйшемъ душевномъ движеніи. Онъ могъ снести всѣ лишенія, всѣ оскорбленія, только воспоминаніе о смерти отца, мысль о томъ, что его могутъ подозрѣвать въ соучастіи съ убійцами, приводила его въ изступленіе; Наполеонъ Бонапартъ обязанъ своимъ паденіемъ оскорбленію въ немъ этого чувства".

Кочубея, графа Павла Строганова и Николая Новосильцова, Александръ положилъ начало засѣданіямъ такъ называемаго негласнаго комитета. Нами были изданы протоколы этихъ засѣданій, изъ архивовъ графовъ Строгановыхъ.

Три года продолжалось это увлеченіе, и временами казалось, что Александръ, дѣйствительно, увлекался въ той же мѣрѣ, какъ и его сотрудники, имѣвшіе счастіе не только работать съ Государемъ, но и неоднократно обѣдать у Ихъ Величествъ и продолжать бесѣды послѣ трапезъ. Говоримъ „казалось“, потому что молодой Императоръ, лично предсѣдательствуя, руководилъ преніями, интересуясь всѣми мелочами разнообразныхъ проектовъ, внесенныхъ на обсужденіе, и подчасъ старался умѣрить пылъ избранныхъ имъ же новаторовъ. Но одновременно съ этими занятіями, не подлежитъ сомнѣнію, Александръ находилъ время, прогуливаясь съ генералъ-адъютантами, слушать и ихъ возраженія, и отголоски общественнаго мнѣнія. Уваровъ, князь П. М. Волконскій, графъ Е. Комаровскій и особенно князь П. П. Долгорукій служили этими отголосками мнѣній партіи именитыхъ дворянъ, не одобрявшихъ реформаторской горячки, и, конечно, не пропускали случая освѣдомлять о томъ Государя. Въ то же время и Императрица-мать всѣми средствами старалась удержать сына отъ пагубныхъ увлеченій, предсказывая ему самыя тяжелыя послѣдствія, но все это, и рѣчи матери, и сплетни лицъ свиты, Александръ пропускалъ мимо ушей и упорно продолжалъ начатую работу, какъ бы вовсе не внимая предостереженіямъ.

Въ эти первые годы сказалась уже основная черта характера Александра, а именно: блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителемъ этой идеи, но всю тяжесть работы переносить на другихъ, внимательно прислушиваясь къ общественному мнѣнію, но ни на минуту не подавая даже вида, что въ глубинѣ души его симпатіи уже ослабѣваютъ къ предпринятому дѣлу. Совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу г. Кизеветтеръ въ этюдѣ объ

Аракчеевѣ, напечатанномъ въ „Русской Мысли“ (ноябрь 1910 г.): „Александръ навсегда избралъ главнымъ оружіемъ въ жизненной борьбѣ виртуозную способность строить свои успѣхи на чужой довѣрчивости, онъ возбуждалъ къ себѣ эту довѣрчивость той видимой готовностью къ уступкамъ, той видимой склонностью признавать чужое превосходство надъ собою и легко очаровываться чужими достоинствами, которыя были принимаемы за чистую монету столь многими современниками и позднѣйшими историками. Баронъ М. А. Корфъ, имѣвшій возможность черпать свѣдѣнія объ Александрѣ изъ разсказовъ людей, превосходно его знавшихъ, пишетъ объ этомъ Императорѣ: „Подобно Екатеринѣ, Александръ въ высшей степени умѣлъ покорять себѣ умы и проникать въ души другихъ, *утаивая собственные ощущенія и помыслы*“.

Въ предисловіи ко II тому „Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ“ (1903 г.) мы уже обратили вниманіе на странныя свойства характера Александра Павловича. Приходится привести дословно, что писалъ я тогда: „Говорятъ и повторяютъ, что всѣ преобразованія, надъ которыми такъ много потрудились въ первые годы XIX столѣтія, исходили отъ Александра I. Согласно съ этимъ, укоряютъ и клянутъ перемѣну, будто бы происшедшую позже во взглядахъ и намѣреніяхъ старшаго внука Екатерины II. Это не столько недоумѣніе, какъ большая ошибка. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ *не исходила отъ него лично*, что всѣ они были не безъ труда внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, а въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ“.

Далѣе мы обращали вниманіе на оцѣнку графомъ П. А. Строгановымъ характера занятій негласнаго комитета и отношенія къ нимъ Государя. Графъ Строгановъ быстро догадался объ истинныхъ намѣреніяхъ Александра и „de son caractère mou et indolent", служившемъ помѣхой для правильныхъ занятій. Тогда два вопроса особенно занимали юныхъ сотрудниковъ и Государя: конституція и освобожденіе крестьянъ, но о конституціи Александръ скоро пересталъ и думать, хотя продолжалъ говорить, а освобожденіе крестьянъ было сведено на устройство свободныхъ хлѣбопашцевъ.

Горячка и непослѣдовательность Александра и его сотрудниковъ по дѣламъ внутренняго благоустройства Россіи сказывались во всѣхъ мѣропріятіяхъ. Не было замѣтно и тѣни какой-либо опредѣленной системы. Все дѣлалось быстро, необдуманно, скачками. Молодые товарищи Государя, увлеченные имъ же на почву преобразованій, сами не замѣчали, что такое отношеніе къ серьезному дѣлу не могло рано или поздно не отрезвить рвенія монарха. Хотя многіе изъ дѣятелей прежнихъ царствованій открыто ворчали и не одобряли нововведеній, но нѣкоторыхъ изъ нихъ юные новаторы все же сумѣли вовлечь въ лихорадочное стремленіе ко всеобщей ломкѣ. Такимъ образомъ, люди, уже не молодые и наученные опытомъ, стали неожиданными сотрудниками ими же критикуемыхъ реформаторовъ. Графъ А. Р. Воронцовъ, Беклешовъ, Трощинскій, Н. С. Мордвиновъ, Завадовскій и Державинъ увлеклись преобразованіями *) и, сами того не замѣчая, только содѣйствовали скороспѣлымъ разрѣшеніямъ самыхъ важныхъ и существенныхъ вопросовъ. Когда 8 сентября 1802 г. были учреждены впервые министерства, то рядомъ съ именами князя Чарторыжскаго, графа Кочубея, Н. Н. Новосильцова и графа П. А. Строганова появились назначенія и такихъ видныхъ вельможъ,

*) Не увлекались сознательно весьма немногіе, и между ними особенно здраво смотрѣлъ на все происходившее графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, представившій подробную записку, гдѣ отразилось его предпочтеніе англійскому строю.

какъ графъ А. Р. Воронцовъ, Н. С. Мордвиновъ, Державинъ и графъ Завадовскій, занявшихъ посты министровъ иностранныхъ дѣлъ, морскихъ силъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія.

Молодые же сотрудники Императора скромно заняли мѣста товарищей министра, кромѣ Кочубея, взявшаго не безъ удовольствія и съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія отвѣтственный постъ министра внутреннихъ дѣлъ. До этого, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, графъ Кочубей управлялъ внѣшней политикой послѣ опалы графа Н. П. Панина, но не скрывалъ своего недовольства, занимая эту должность.

Останавливаемся особо на перемѣщеніи В. П. Кочубея и потому, что именно онъ выдвинулъ М. М. Сперанскаго, взявъ его себѣ въ главные сотрудники. Здѣсь впервые Сперанскій доказалъ особую прозорливость, бросивъ благодѣтеля своего Трощинскаго, которому повелѣно было наименоваться министромъ удѣловъ, другими словами, занять второстепенное мѣсто.

Замѣчательно, что молодой Государь, заставляя работать всѣхъ его окружающихъ, отлично разбирался между разнообразными личностями и умѣлъ во-время выдвигать того или другого дѣятеля, оставаясь лично какъ бы въ сторонѣ и не оказывая наружнаго предпочтенія любимцу данной минуты. Этотъ особый даръ Александра Павловича сказался уже съ первыхъ годовъ вступленія его на престолъ и остался ему присущимъ и въ позднѣйшее время. Кипучая дѣятельность въ области внутренней политики отвлекала Государя отъ всего того, что могло тревожить его душу, и можно только дивиться, какъ разумно онъ сумѣлъ создать себѣ увлекавшую его работу, чтобы не предаваться горечи пережитого при восшествіи на престолъ *).

*) Н. И. Гречъ дѣлаетъ такую характеристику этого времени:

„Первые годы царствованія Александра были самые счастливые и благодатные. Вообще царствованіе можетъ дѣлиться на слѣдующіе періоды: 1) отъ вступленія на престолъ до Аустерлица; 2) отъ Аустерлица до Фридланда; 3) отъ Тильзита до начала Отечественной войны;

Что же сказать о внѣшней политикѣ за тотъ же періодъ? Имѣлъ ли Александръ ясное и опредѣленное воззрѣніе, какъ ему слѣдовало вести дѣла сношеній съ иностранными государствами? Едва ли и на этой почвѣ, до Тильзита, у монарха былъ какой-либо опредѣленный планъ, а все дѣлалось ощупью, подъ минутными впечатлѣніями и безъ всякой системы.

Не довѣряя еще себѣ, Александръ предпочелъ обсуждать дѣла внѣшней политики въ засѣданіяхъ негласнаго комитета, разрѣшая своимъ сотрудникамъ полную свободу слова. Лѣтомъ 1801 года, за іюль и августъ, нѣкоторыя засѣданія были почти исключительно посвящены внѣшней политикѣ. Первоначальныя рѣшенія на этой почвѣ казались мудрыми. Было рѣшено, сохраняя достоинство Россіи, не вмѣшиваться, конечно, по возможности, въ чужеземныя дѣла и держать себя совсѣмъ самостоятельно, избѣгая какихъ-либо договоровъ. Александръ лично не выражалъ пока предпочтенія какой-либо державѣ, и врядъ ли правъ Шильдеръ, написавъ, что „Государь выступалъ на политическое поприще съ нѣкоторыми симпатіями къ главѣ французскаго правительства, первому консулу Бонапарту“ *).

Если это заключеніе сдѣлано вслѣдствіе любезнаго пріема Дюрока, посланнаго первымъ консуломъ для первоначальнаго сношенія съ воцарившимся Государемъ, то мнѣніе это мало обосновано. Вѣдь Александръ всегда былъ привѣтливъ, а особенно,

---

4) отъ Отечественной войны до Троппаускаго и Лайбахскаго конгрессовъ; 5) отъ конгрессовъ до кончины. Въ эти періоды характеръ и дѣйствія Александра измѣнялись чувствительнымъ образомъ. Съ 1801 до 1805 г. было царствованіе тишины, мира, кротости и благодати. Въ это время послѣдовали многія важныя и благодѣтельныя государственныя постановленія, о которыхъ я буду говорить пространно впослѣдствіи.

„Россія была совершенно спокойна и счастлива. Литература воскресла отъ благотворныхъ лучей свободы. Все веселилось и танцовало. Государь не участвовалъ въ шумныхъ удовольствіяхъ, но допускалъ и поощрялъ ихъ“. Эта выдержка не была напечатана въ изданныхъ запискахъ Греча. Что касается дѣленія на періоды, то мы придержались немного другой точки зрѣнія.

*) См. Шильдеръ: „Исторія царств. Имп. Александра I“, т. II, стр. 3.

будучи юношей, обладалъ врожденнымъ даромъ любезности и, если онъ не безъ удовольствія бесѣдовалъ съ Дюрокомъ, прогуливаясь съ нимъ даже въ Лѣтнемъ саду, то это обстоятельство еще вовсе не означало его симпатій къ Бонапарту. Напротивъ того, первые шаги Александра при вступленіи на престолъ скорѣе выражали склонность заключить соглашеніе съ Англіей, что и было наглядно подчеркнуто въ заключенной конвенціи съ этой страной 5 іюня 1801 года. Графъ С. Р. Воронцовъ былъ снова назначенъ посломъ въ Лондонъ, а для Парижа, на смѣну Колычева, былъ избранъ графъ Арк. Ив. Морковъ, оказавшійся далеко не подходящимъ человѣкомъ, чтобы снискать довѣріе и расположеніе Бонапарта. Австрійское правительство и особенно Прусское поспѣшили завязать съ Россіей, при перемѣнѣ правленія, наилучшія отношенія, стараясь скорѣе заручиться доброжелательствомъ со стороны Россіи и ея новаго повелителя. Эти стремленія обѣихъ сосѣднихъ державъ были знаменательны, и намъ кажется, что вскорѣ они и увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ, конечно, болѣе для нихъ, чѣмъ для русскихъ интересовъ. По удаленіи графа Н. П. Панина, Государь поручилъ графу Кочубею, несмотря на его протесты, завѣдываніе дѣлами иностранной коллегіи. Выборъ этотъ объясняется не только дружескими ихъ отношеніями, но и тѣмъ, что Кочубей былъ уже представителемъ Россіи въ Константинополѣ и не новичкомъ въ дипломатіи. Но Викторъ Павловичъ по характеру своему, крайне осторожному и выдержанному, очевидно, не желалъ себя компрометировать на столь отвѣтственномъ посту, потому и подчинился царскому рѣшенію, нехотя. Будучи всегда и вездѣ себѣ на умѣ, Кочубей замѣтно избѣгалъ брать на себя какія-либо рѣшенія, предпочитая вносить дѣла на обсужденіе негласнаго комитета, но на дѣлѣ выходило нѣчто совсѣмъ другое.

Онъ вполнѣ подпалъ подъ вліяніе своего друга, князя Адама Чарторыжскаго, вліявшаго на него исподволь и добивавшагося черезъ уста Кочубея проводить свои идеи. Такого рода воздѣй-

ствіе не ускользнуло отъ наблюдательности Александра, и, когда создались министерства, Кочубей перекочевалъ на другое поприще; канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ сталъ престарѣлый графъ А. Р. Воронцовъ, а его товарищемъ Адамъ.

Le tour a été bien joué. Но кто кого обманывалъ? Въ данный моментъ, очевидно, Александръ Павловичъ. Доказательствомъ этого, и весьма нагляднымъ, служитъ Мемельское свиданіе, происшедшее 29 мая (10 іюня) 1802 г. съ прусской королевской четой. Свиданіе это оказалось чревато послѣдствіями. Оно было рѣшено безъ вѣдома и Кочубея, и Чарторыжскаго, а когда оба они, узнавъ о путешествіи, осмѣлились спросить о цѣли, то получили уклончивые отвѣты.

Правда, имъ было завѣрено, что „поѣздка не имѣетъ никакой дипломатической цѣли“, но оба остались въ недоумѣніи и врядъ ли были довольны проявленіемъ, для нихъ неожиданнымъ, такой самостоятельности въ характерѣ Императора. И князь Чарторыжскій никогда не забылъ Мемельской поѣздки и при случаѣ ссылался на эту необдуманную выходку, какъ на особую черту Русскаго Государя — рѣшаться по обстоятельствамъ на самыя невѣроятныя комбинаціи. Не мудрено поэтому, что въ апрѣлѣ 1806 г. князь Адамъ вернулся къ тѣмѣ объ этомъ свиданіи въ одномъ изъ писемъ къ Александру: „L'amitié intime qu'au bout de quelques jours de connaissance V. M. I. y contracta (à Memel) avec le roi fit qu'Elle ne considéra plus dans la Prusse un Etat politique, mais une personne qui lui était chère et envers laquelle Elle croyait avoir des obligations particulières à remplir“ *).

Это напоминаніе могло бы казаться злымъ или остроумнымъ въ словахъ польскаго магната и патріота, но дѣло-то въ томъ, что Александръ именно подчеркнулъ Мемельскимъ свиданіемъ, что Пруссія есть „un Etat politique“, и въ этомъ и заключается все

*) *Alexandre Ier et le prince Czartoryski*, Paris, 1865, p. 31.

значеніе встрѣчи. Покойный Шильдеръ былъ вполнѣ правъ, когда выразился насчетъ свиданія слѣдующимъ образомъ: „Именно въ Мемелѣ было положено прочное основаніе личной дружбѣ Александра съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, дружбѣ, которой король впослѣдствіи былъ обязанъ сохраненіемъ своей монархіи; но, къ сожалѣнію, для достиженія этой великодушной цѣли, сохраненія, а потомъ и возстановленія прусскаго могущества потребовались потоки русской крови" *). Остается догадаться, по какимъ именно причинамъ Императоръ Александръ увлекся вполнѣ сознательно и предрѣшилъ встрѣчу съ прусской королевской семьей.

Здѣсь сказалось нравственное давленіе Императрицы-матери, тяготѣвшей ко всему нѣмецкому, а также желаніе лично познакомиться съ потомкомъ Фридриха Великаго, поглядѣть на прусскихъ гренадеръ, словомъ, проявилась страсть къ военной муштровкѣ, столь любимой имъ еще во времена гатчинскихъ вахтъ-парадовъ. Вѣдь эта страсть была отличительной чертой не только Александра Павловича, но и остальныхъ его братьевъ.

Камеръ-фурьерскій журналъ, эта безцѣнная справочная книжка и хроника жизни Ихъ Величествъ, свидѣтельствуетъ о количествѣ разводовъ и всякихъ парадовъ за время съ 1801 по 1804 годъ. О томъ же, хотя и со скорбью въ душѣ, повѣствуетъ молодая Императрица Елисавета въ письмахъ къ матери. Словомъ, несмотря на наружный интересъ къ дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ, врожденное влеченіе ко всему военному брало верхъ, и страсть эта сказалась особенно за первый періодъ правленія. Вращаясь ежедневно въ обществѣ своихъ генералъ-адъютантовъ, совершая прогулки то съ однимъ, то съ другимъ изъ счастливыхъ избранниковъ, дневные часы удѣляя докладамъ, а вечера друзьямъ по дѣламъ негласнаго комитета, Александръ сразу окунулся въ сложныя обязанности правителя Россіи.

*) Шильдеръ, т. II, стр. 87.

Почтенный графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ не даромъ писалъ князю Чарторыжскому: „Unissons-nous donc à faire tout ce qui dépendra de nous pour conserver l'excellent souverain que Dieu nous a donné. Empêchons qu'il n'abîme sa santé et ne périsse victime de son travail immodéré“.

И лондонскій Воронцовъ не былъ одинокъ въ такихъ сужденіяхъ о Государѣ. Ему вторили и другіе старцы, какъ родной его братъ, графъ А. Р. Воронцовъ, Мордвиновъ и Шишковъ, и вообще всѣ тѣ, которые цѣнили вѣкъ Екатерины.

Дѣйствительно, Александръ находилъ время то побесѣдовать съ однимъ, то приласкать другого, то оказать вниманіе третьему. Многіе приглашались къ трапезѣ, гдѣ также имѣли возможность видѣть и наблюдать Его Величество. Иногда, въ послѣобѣденные часы, нѣкоторые были удостоиваемы бесѣдой, и не одни юные сотрудники пользовались этой исключительной милостью. Въ общеніи съ разнообразными людьми Александръ изучалъ ихъ и впослѣдствіи могъ дѣлать тотъ или другой выборъ. Замѣчательно, что, когда были созданы министерства, и привлечены къ работѣ многіе заслуженные и умудренные опытомъ сановники, то все-таки эти лица не были допущены на засѣданія негласнаго комитета. Ихъ только запрашивали и просили письменнаго изложенія мнѣнія каждаго изъ нихъ. Въ архивѣ графовъ Воронцовыхъ сохранились разныя записочки, свидѣтельствующія о порядкѣ сношеній между лицами, приглашенными на занятія. Такъ, 18 сентября 1802 г., Н. Н. Новосильцовъ писалъ канцлеру графу Александру Романовичу Воронцову: „Государь Императоръ высочайше повелѣть мнѣ изволилъ сообщить вашему сіятельству, чтобы вы, милостивый государь, наканунѣ каждаго комитета, назначеннаго по вторникамъ и пятницамъ, благоволили присылать ко мнѣ краткія записки о тѣхъ предметахъ, о которыхъ предлагать намѣрены, для предварительнаго донесенія Его Императорскому Величеству. Завтра комитету Государь назначилъ быть въ 5 часовъ; ежели

имѣете что предлагать, то записку прошу прислать заранѣе, завтра поутру". И старцы безмолвно подчинялись этимъ требованіямъ. То же происходило въ области военной, гдѣ молодыя лица государевой свиты разсылались по всей Россіи для контроля надъ дѣйствіями старыхъ военноначальниковъ; эти лица, хотя и подчинялись, но почти открыто ворчали.

Какъ всегда почти случается, не всѣ изъ сотрудниковъ Государя обладали въ одинаковой мѣрѣ тактомъ, а потому на нихъ и сѣтовали вполнѣ основательно. Къ разряду этихъ личностей принадлежалъ одинъ изъ самыхъ видныхъ новаторовъ той эпохи. Мы говоримъ о князѣ Адамѣ Чарторыжскомъ. Ему, какъ поляку, было нелегко нести щекотливыя обязанности товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Къ чести его надо сказать, что онъ вполнѣ это сознавалъ и даже въ своихъ запискахъ, говоря о лестномъ назначеніи, отмѣтилъ „que c'était une de ces fantaisies que l'Empereur Alexandre s'entêtait à mettre en exécution". Но на дѣлѣ онъ часто бывалъ заносчивъ, гордъ и требователенъ, и никогда не забывалъ подчеркнуть, что онъ полякъ. Тонкій и наблюдательный сардинскій посланникъ, графъ Жозефъ де-Мэстръ, доносилъ своему правительству обо всемъ, происходившемъ при русскомъ дворѣ. Донесенія эти особенно мѣтки. Вотъ что онъ писалъ о князѣ Адамѣ, когда канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ удалился на покой, и князю было приказано его замѣнить: „Воронцовъ удалился въ Москву. Чарторыжскій будетъ всемогущъ. Онъ высокомѣренъ, коваренъ и производитъ впечатлѣніе довольно отталкивающее. Сомнѣваюсь, чтобы полякъ, имѣвшій притязаніе на корону, могъ быть хорошимъ русскимъ" *).

Де-Мэстръ, хотя былъ иностранецъ, но вѣрно оцѣнилъ этотъ выборъ человѣка, которому поручалось вести дѣла внѣшней политики. Но первые два года царствованія вмѣшивался почти во

*) Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre, Paris, 1859.

Графъ Н. П. Панинъ

Графъ П. А. Паленъ

Графъ Л. Л. Беннигсенъ

Ф. П. Уваровъ

все и бывшій наставникъ Александра, швейцарецъ Лагарпъ. Относительно его вмѣшательства въ русскія дѣла всѣ были одного мнѣнія, и вскорѣ Лагарпу пришлось вернуться во-свояси, довольно-таки сконфуженнымъ неудачнымъ своимъ появленіемъ въ русской столицѣ. Де-Мэстръ и здѣсь проявилъ наблюдательность. Говоря о царившемъ настроеніи лѣтомъ 1803 года, сардинскій посланникъ замѣчаетъ: „Россія, принявъ положеніе болѣе угрожающее и повысивъ голосъ, легко могла бы до нѣкоторой степени возстановить равновѣсіе въ Европѣ; но попробуйте внести такія мысли въ голову, настроенную Лагарпомъ. У Русскаго Императора только два помышленія: миръ и бережливость".

Говоря объ Александрѣ, де-Мэстръ отзывается о немъ съ симпатіей. „Если Государь встрѣчаетъ кого-либо на Набережной, онъ не хочетъ, чтобы выходили изъ экипажа, и довольствуется поклономъ. Къ несчастію, эта простота въ обращеніи, быть-можетъ умѣстная въ странахъ южныхъ, гдѣ умѣютъ цѣнить безыскусственное величіе, повидимому, не производитъ такого же впечатлѣнія въ Россіи. Личное уваженіе очень ослабѣло. Не всякій народъ способенъ оцѣнить всякую добродѣтель. Нужно, однако, преклоняться предъ такою любовью къ людямъ и къ своему долгу". Когда канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ рѣшился, вслѣдствіе недуговъ, покинуть свое мѣсто, онъ выражался тоже одобрительно, въ письмахъ къ племяннику Михаилу Семеновичу, о молодомъ Императорѣ. „Il faut que vous sachiez que je ne puis assez me louer de lui, et que c'est vraiment à regret que je le quitte.... J'ai reçu hier un rescrit très flatteur de l'Empereur où il me marque sur quel pied il consent à mon absence...... Je vous avoue encore que c'est avec le plus sincère regret que je quitte le Souverain qui m'a comblé de marques d'amitié et de bonté".

О простотѣ обращенія съ окружающими свидѣтельствуютъ также отношеніе Александра къ графу Павлу Александровичу Строганову. Когда графъ Строгановъ, погорячившись на одномъ

изъ засѣданій, пишетъ ему извинительное письмо, то получаетъ немедленно милостивый отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ особенно знаменателенъ, какъ образчикъ того блаженнаго состоянія, въ которомъ находился такъ недавно воцарившійся Государь. „Mon cher ami, je crois que vous êtes devenu tout à fait fou! Comment est-il possible de relever et de vous accuser d'une chose qui est la meilleure preuve de votre intérêt pour moi et votre amour pour le bien public? Croyez que je ne vous ai jamais méconnu, et tout en me disputant avec vous, je vous dois justice aux sentiments qui vous animent. De grâce, plus de ces explications qui cadrent si peu avec l'amitié qui nous unit. Ce qui ne convient pas en public peut très bien trouver place quand nous sommes seuls, et la plus grande preuve d'amitié que vous pouvez me donner, c'est de me gronder bien comme il faut quand je le mérite. Adieu, mon cher“.

Мы останавливаемся на всѣхъ этихъ подробностяхъ, кажущихся мелочахъ, чтобы лучше выяснить личность Александра за раннюю эпоху его правленія. Что сказать про женское вліяніе?

Оно почти отсутствовало въ первые годы. Императрица-мать была еще слишкомъ удручена всѣми происшедшими событіями, чтобы сосредоточить вниманіе на сынѣ; она, удалившись въ Гатчину и Павловскъ, окружила себя людьми и предметами, которые были любы Павлу, и если временами и старалась удержать сына отъ горячки всеобщей ломки, то дѣлала это неумѣло и безъ успѣха. Супруга Александра показала большое мужество и самообладаніе въ дни восшествія его на престолъ и отнеслась настолько любовно и сердечно къ мужу, что онъ никогда не забывалъ этого, даже въ худшіе годы размолвки. Но усиленныя занятія не позволяли Государю удѣлять достаточно времени для своей супруги, и видѣлись они только урывками. До 1804 года все шло благополучно, и согласіе между ними было полное. Какъ и Александръ, Елисавета ненавидѣла всякій этикетъ и церемонію; она любила жить просто, и тогда получала

полное удовлетвореніе. Это не нравилось Маріи Ѳеодоровнѣ, и часто происходили, вслѣдствіе принятаго образа жизни, недоразумѣнія между ней и молодыми супругами. Утомительны были лишь коронація и поѣздки въ Москву и обратно. Послѣ этого все шло покойно и тихо, если не считать праздничныхъ дней и безконечныхъ церковныхъ богослуженій. Въ теченіе 1803 года Государь еще аккуратнѣе собиралъ негласный комитетъ, хотя интересъ его значительно ослабѣлъ ко всѣмъ дѣламъ внутренняго управленія. Но съ ноября этого года прекратились и самыя засѣданія комитета. Причины тому были двоякія. Съ одной стороны, вниманіе Императора отвлекалось все болѣе къ дѣламъ внѣшней политики, съ другой стороны, произошли перемѣны въ составѣ перваго министерства, и впервые пришлось наткнуться на неожиданныя препоны, вредно повліявшія на характеръ Александра. Мы говоримъ о столкновеніи съ Сенатомъ вслѣдствіе предложенія другого поляка, состоящаго на русской службѣ, графа Северина Потоцкаго. Все это дѣло закончилось изданіемъ крайне неопредѣленнаго указа 21 марта 1803 года, мало кого удовлетворившаго, но результатъ борьбы съ сенаторами не только опечалилъ, но и глубоко раздражилъ монарха, не любившаго вообще всякихъ шумныхъ столкновеній.

Говорить и толковать о либерализмѣ Александръ тогда очень любилъ, но, когда дѣло доходило до конфликта, немедленно проявлялось желаніе настоять на своемъ, другими словами, подчеркнуть самодержавную власть.

Тѣмъ не менѣе, за прошедшіе два года, несмотря на быстроту и разнообразность занятій, кое-что было создано, и какъ это ни странно, но болѣе всего подвинулось впередъ дѣло народнаго просвѣщенія. Конечно, не графъ Завадовскій, бездарный и лѣнивый, какъ министръ этого вѣдомства, могъ совершить такой подвигъ, но у него былъ дѣльный товарищъ, тайный совѣтникъ М. Н. Муравьевъ, и такой энергичный сотрудникъ, какъ В. Н. Каразинъ.

Основались одинъ за другимъ три университета: въ Казани, Харьковѣ и Дерптѣ; вскорѣ въ Петербургѣ былъ учрежденъ педагогическій институтъ; Россію раздѣлили на шесть учебныхъ округовъ; появились гимназіи, уѣздныя училища, словомъ, все оживилось на почвѣ просвѣщенія. И справедливость требуетъ отдать должное Александру, который оказывалъ постоянную поддержку благому почину, нравственно и матеріально. Здѣсь, можетъ-быть, всего нагляднѣе сказалось вліяніе Лагарпа, если вообще допустить, что какія-либо вліянія оставляли продолжительный слѣдъ на дѣйствіяхъ Александра Павловича.

Изъ Каменноостровскаго дворца, Государь, отвѣчая Лагарпу на его замѣчанія относительно образованія министерствъ и лицъ, избранныхъ на посты министровъ, сообщалъ:

.... „Vos regrets sur la nomination de Zavadowsky à la place de ministre de l'instruction publique seraient diminués si vous étiez au fait de l'organisation de son ministère. Il est nul: c'est un conseil composé de Mouravieff, Klinger, Czartoryski, Novossilzoff, etc., etc., qui régit le tout. Il n'y a pas un papier qui ne soit travaillé par eux. La fréquence de mes rapports avec les deux derniers surtout, empêche le ministre d'opposer le moindre obstacle au bien que nous tâchons de faire. Au reste, nous avons rendu Zavadowsky coulant au possible, un vrai mouton: enfin il est nul, et n'est dans le ministère que pour ne pas crier s'il en eût été exclu“ (7 іюля 1803) *).

Упоминая о перемѣнахъ въ министерствахъ, мы говорили о замѣнѣ Мордвинова и Державина адмираломъ Чичаговымъ и княземъ Лопухинымъ, а также о порученіи должности оберъ-прокурора Свят. Синода личному другу Государя, князю Александру Николаевичу Голицыну. Менѣе всего порядка было въ военномъ вѣдомствѣ, гдѣ послѣ Павловскаго режима наступила полная путаница, и, несмотря на благія намѣренія военнаго министра

*) Собственная Его Императорскаго Величества библіотека.

генерала Вязьмитинова, ему не удавалось возстановить распатаннаго. Духъ войскъ былъ прекрасный, дисциплина была строгая, но генералы были, въ большинствѣ, бездарные и безтолковые. Весной 1803 года Государь приказалъ вернуться изъ Грузина Аракчееву и снова вступить инспекторомъ всей артиллеріи.

Шильдеръ, къ сожалѣнію, не даетъ никакого объясненія этому внезапному возвращенію, говоря, что „это останется навсегда загадкой при психологическомъ разборѣ характера Александра“, но прибавляетъ въ своемъ повѣствованіи рядъ весьма ѣдкихъ замѣчаній по адресу Грузинскаго отшельника. Между тѣмъ, объясняется появленіе Алексѣя Андреевича очень просто. Государю нуженъ былъ человѣкъ, преданный ему и близкій, чтобы серьезно заняться приведеніемъ арміи въ подобающій видъ. Онъ и вызвалъ Аракчеева единственно для этой цѣли, въ чемъ оказался вполнѣ правъ, такъ какъ за это время Аракчеевъ всецѣло предался своей спеціальности—артиллеріи, которую вскорѣ и привелъ въ блестящее состояніе, а въ дѣла государственныя онъ тогда и не помышлялъ вмѣшиваться.

Гораздо сложнѣе были различные ходы, сдѣланные Россіей за разсматриваемое время въ сферѣ внѣшней политики. Всякія вліянія дѣйствовали на Государя, а у него лично еще не выработался опредѣленный планъ.

Во Франціи, Бонапартъ сдѣлался пожизненнымъ первымъ консуломъ. Условія Аміенскаго соглашенія между Франціей и Англіей ни къ чему иному не привели, какъ только къ новому и окончательному разрыву между этими государствами. Канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ, благодаря вліянію брата изъ Лондона, открыто стремился закрѣпить узы съ Англіей. Графъ Морковъ велъ себя вызывающимъ образомъ въ Парижѣ и настолько навлекъ неудовольствіе перваго консула, что Бонапартъ написалъ Русскому Императору конфиденціальное письмо 17/29 іюля 1803 года, прося его отозвать русскаго представителя. Это желаніе было

исполнено, но только въ концѣ года, и 14/26 ноября графъ Морковъ выѣхалъ изъ Франціи, получивъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. Дѣлами посольства былъ оставленъ завѣдывать Убри. Первый консулъ предложилъ Императору Александру роль посредника въ своихъ неладахъ съ Англіей. Русскій Государь хотя былъ скорѣе польщенъ такимъ лестнымъ для него предложеніемъ, но отклонилъ его, поставивъ, въ свою очередь, новыя условія для компромисса. Нашъ планъ заключался въ слѣдующемъ: кабинетамъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ было предложено: Франціи немедленно очистить Гановеръ, Голландію, Швейцарію и верхнюю и нижнюю Италію; Франція сохранитъ за собою Піемонтъ; Россія предложила спорящимъ сторонамъ временно занять островъ Мальту русскими войсками, что же касается возврата Англіи потерянныхъ въ предыдущую войну колоній и судовъ, то объ этомъ не говорилось ни слова. Такого рода странныя предложенія одинаково не встрѣтили одобренія ни во Франціи, ни въ Великобританіи.

Такія предложенія были только возможны, когда внѣшнія дѣла обсуждались коллегіально, и не было настоящаго главы, руководившаго твердо и умѣло русской политикой. Для Александра, впрочемъ, это была отличная школа для будущаго, и, при наблюдательности его ума, первые промахи послужили ему на пользу. Хотя Бонапартъ всячески старался заручиться симпатіями Русскаго Императора, несмотря на рядъ неудачъ, но чаша и его терпѣнія вскорѣ переполнилась. Дѣло въ томъ, что русское правительство и особенно Александръ находили полезнымъ привлекать къ работѣ всякихъ авантюристовъ и сомнительныхъ людей, всего больше изъ среды французскихъ эмигрантовъ. Такъ Вернегъ засѣдалъ въ Римѣ въ папскихъ владѣніяхъ, Дантрегъ въ Саксоніи и Кристинъ во Франціи. Эта страсть къ содѣйствію сомнительныхъ личностей продолжалась во все время правленія Александра, и, что удивительно, нѣкоторымъ изъ нихъ удалось дойти до высшихъ степеней довѣрія, какъ, напримѣръ, ловкому Поццо-ди-Борго довелось

быть русскимъ посломъ! Въ общемъ, эти люди едва ли приносили пользу: они путали, интриговали, и только; иногда же попадались, и изъ-за нихъ происходили вовсе нежелательныя недоразумѣнія. Такъ, Кристинъ, именно въ 1803 г., былъ схваченъ во Франціи и посаженъ въ тюрьму Temple за разные происки съ легитимистами, занимавшимися заговорами противъ перваго консула. Когда его заключили, гр. Морковъ обидѣлся и заступился за Кристина, что окончательно взбѣсило Бонапарта.

Между тѣмъ, дѣла все осложнялись, и все предвѣщало образованіе коалиціи противъ пожизненнаго перваго консула. Такая коалиція вскорѣ и составилась изъ трехъ державъ: Россіи, Англіи и Австріи, при чемъ душой этой комбинаціи были императоръ Францъ и австрійскій кабинетъ. Недоставало только Прусскаго королевства. Фридрихъ-Вильгельмъ уже тогда началъ свою двойную игру, угождая Бонапарту и Александру и не обнаруживая открыто своихъ симпатій въ ту или другую сторону. Въ составѣ русскаго кабинета онъ имѣлъ заклятаго врага пруссаковъ, князя Адама Чарторыжскаго, ничего не жалѣвшаго, чтобы возстановлять Государя противъ этой монархіи. Одинъ нѣмецкій историкъ назвалъ даже планы князя Адама „ein Mordplan wider Preussen“. Насколько Императоръ Александръ мало поддавался такого рода вліянію князя Чарторыжскаго, мы вскорѣ увидимъ.

9/21 марта 1804 года случилось событіе, взволновавшее всю монархическую Европу. На Баденской границѣ былъ схваченъ герцогъ Ангіенскій (duc d'Enghien), привезенъ въ Парижъ, приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни и разстрѣлянъ въ Венсенскомъ паркѣ (parc de Vincennes). Буря негодованія разразилась и въ Петербургѣ.

Жозефъ де-Мэстръ такъ описалъ петербургское настроеніе при извѣстіи о разстрѣляніи герцога Ангіенскаго: „Негодованіе достигло высшихъ предѣловъ. Добрыя императрицы прослезились, великій князь Константинъ въ бѣшенствѣ, а Его Величество

огорченъ не менѣе глубоко. Членовъ французскаго посольства не принимаютъ, даже не говорятъ съ ними.... Императоръ облекся въ трауръ, и повѣстки о семидневномъ траурѣ были разосланы всему дипломатическому корпусу, генералу Эдувиль, какъ и прочимъ. Сегоднѣ заупокойная служба въ католической церкви. На нее отправляются многія здѣшнія дамы, такъ же, какъ и англійскій посолъ. Никогда не видалъ я мнѣнія, столь единодушно и рѣзко выраженнаго".

17 апрѣля былъ собранъ экстренно совѣтъ *), на которомъ разбиралось, что предпринять въ видѣ протеста на этотъ возмутительный произволъ Бонапарта. Единогласно рѣшили, что русскій дворъ наложитъ трауръ по разстрѣлянному. Касательно того, что дѣлать дальше, возникъ рядъ преній. Князь А. Чарторыжскій, уже замѣнившій больного канцлера, удалившагося на покой, настаивалъ на принятіи самыхъ энергичныхъ мѣръ и на отозваніи Убри изъ Парижа, т.-е. на разрывѣ съ Франціей.

Большинство приняло это мнѣніе, но нашлись двое, графъ Н. П. Румянцевъ и графъ П. В. Завадовскій, которые увѣщавали не торопиться, а главное, не давать хода чувствительности, помня, что интересы Россіи выше, чѣмъ изліянія сентиментальности, и что, собственно говоря, честь нашего Государя вовсе не была затронута этимъ драматическимъ событіемъ. Александръ Павловичъ согласился съ мнѣніемъ большинства, и Убри было поручено передать негодованіе Императора французскому кабинету. 12 мая Убри исполнилъ порученіе, а одновременно было предписано французскому представителю, генералу Эдувиль (Hédouville) покинуть Петербургъ. Бонапартъ, въ свою очередь, возмутился нѣкоторыми выраженіями ноты и приказалъ Талейрану отвѣтить въ томъ же

*) Въ засѣданіи участвовали Государь, гр. П. В. Завадовскій, гр. В. А. Зубовъ, гр. Александръ Куракинъ, гр. Н. П. Румянцевъ, гр. А. И. Васильевъ, генералъ С. К. Вязмитиновъ, князь П. В. Лопухинъ, гр. В. П. Кочубей, гр. Арк. И. Морковъ, Д. П. Трощинскій, баронъ А. Будбергъ и князь Ад. Чарторыжскій.

тонѣ, но пересолилъ. Въ отвѣтѣ было прямо сказано, что, когда въ Петербургѣ былъ умерщвленъ Императоръ Павелъ по проискамъ Англіи, никто изъ заговорщиковъ не былъ наказанъ. Этотъ намёкъ Наполеона никогда не былъ ему прощенъ, несмотря на всѣ лобзанія въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ.

6/18 мая 1804 г. Бонапартъ былъ провозглашенъ императоромъ. Пожизненное консульство продолжалось не долго. Взоры всего міра сосредоточились на замѣчательномъ корсиканцѣ, въ нѣсколько лѣтъ достигшемъ престола Франціи. Это событіе стало логическимъ эпилогомъ великой французской революціи!

Послѣ происшедшихъ инцидентовъ борьба была неминуема. Но цѣлый годъ еще тянулись переговоры между коалиціонными державами, писались новые союзные договоры, сочинялись всякія сложныя комбинаціи, словомъ, терялось дорогое время, а Наполеонъ принималъ смѣлыя рѣшенія и дѣйствовалъ. Кто же въ Россіи былъ руководителемъ внѣшней политики въ это сложное время?

Правой рукой Государя сталъ его пріятель, полякъ, князь Ад. Чарторыжскій. Лучшимъ мѣриломъ для сужденія о дѣйствіяхъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ можетъ быть то, что онъ откровенно написалъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Лично князь Адамъ былъ благороденъ, безкорыстенъ и честнѣйшихъ правилъ, но, по его неоднократному заявленію, онъ оставался патріотомъ, т.-е. мыслилъ и дѣйствовалъ, какъ заядлый полякъ. И этотъ человѣкъ былъ избранъ Александромъ въ ближайшіе сотрудники! Вотъ что записалъ князь Адамъ: „En acceptant, j'étais décidé à ne rien faire qui pût exercer une fâcheuse influence sur les destinées futures de ma patrie; mais je n'avais aucune idée nette, aucun plan arrêté quant à la nature des services que je pouvais être appelé à rendre à la Pologne dans ma nouvelle position“ *).

*) *Mémoires* du prince Adam Czartoryski. Paris, 1887, T. I, стр. 324.

Сказано ясно и откровенно. Когда идетъ рѣчь о положеніи Россіи въ 1804 году, Чарторыжскій пишетъ:

„Les russes m'ont toujours soupçonné de vouloir faire pencher la politique de la Russie vers un lien intime avec Napoléon; cela était bien loin de ma pensée, car il m'était évident que *toute entente entre les deux empires* ne pouvait manquer d'être *funeste aux intérêts de la Pologne*". И дальше: „Mon système, par son principe fondamental de reparer toutes les injustices, conduisait nécessairement au *rétablissement* graduel *de la Pologne*. Mais, afin de ne pas heurter de front les difficultés que devait rencontrer une diplomatie si contraire aux idées reçues, j'avais évité de prononcer le nom de la Pologne; l'idée de son rétablissement se trouvait implicitement comprise....... dans la tendance que je voulais donner à la politique russe" *).

Мнѣ кажется, что какіе-либо комментаріи излишни къ такому откровенію. Оно благородно съ точки зрѣнія человѣческой, патріотично для поляка и его родины, но цинично и даже преступно для руководителя русскихъ интересовъ. Если польскій князь считалъ, что „c'était une de ces fantaisies d'Alexandre à laquelle j'ai fini de me soumettre", то не лучше ли было бы, а главное, не честнѣе ли, вовсе не принимать такой отвѣтственной должности.

Въ сентябрѣ 1804 года Александру Павловичу пришло на умъ тѣмъ или другимъ способомъ повліять на Англію, чтобы создать европейское посредничество, для обузданія замысловъ Наполеона. Для этой цѣли былъ выбранъ Н. Н. Новосильцовъ, котораго послали въ Англію для воздѣйствія на англійскихъ государственныхъ людей, давъ ему двѣ инструкціи, одну офиціальную, другую секретную, скрѣпленную подписями Императора Александра и князя Адама **). Миссія Новосильцова не увѣнчалась успѣхомъ,

*) Czartoryski, *Mémoires*, T. I, стр. 361 и 372.

**) Инструкціи, [illegible] 11 сентября 1804 года, см. въ *Mémoires* Чарторыжскаго, T. II, стр. 27—45. Удивительно, что Шильдеръ въ своей „Исторіи Александра I" ни полъ-слова не сказалъ о миссіи Новосильцова!

что можно было бы предвидѣть и что весьма наглядно описано въ донесенiи графа де-Мэстра сардинскому королю.

„Novossilzoff part demain, 30 mai/11 juin. L'opinion n'est pas pour cette mission, et il me l'a dit lui-même. On dit que l'Empereur s'abaisse en s'avançant ainsi; on pourrait dire une infinité de choses sur cet article, je me borne à une phrase: Si Novossilzoff va demander la paix, sa mission est vile; s'il va offrir la paix ou la guerre, elle est noble. Il faudrait donc savoir ce qu'on a déterminé ici. En voyant une puissance aussi soupçonneuse que l'Angleterre remettre ses intérêts entre les mains d'une autre" (la Russie) „dont elle se défie visiblement, j'ai peine à croire qu'elle compte sérieusement sur un traité où le négociateur russe stipulera pour l'Angleterre. La négociation n'aboutira à rien; Novossilzoff me l'a dit sans détour, et le prince Czartoryski plus ouvertement encore, s'il est possible. Il m'a ajouté: „Il y a beaucoup de gâchis", en voulant parler des jalousies qui commencent. En effet, Sire, non seulement les Anglais ont conçu sur l'introduction des Russes dans la Méditerranée des craintes qu'ils n'ont pas su dissimuler, mais ce sentiment a même gagné les Bourbons.

„Qui pourrait le croire, et cependant rien n'est plus vrai! Beau commencement! Le prince m'a ajouté: „L'Empereur cependant ne se décourage point". La haine pour l'Angleterre est encore un singulier phénomène du moment, et qui peut nuire infiniment au succès de la cause qu'ils défendent. J'observe, j'écoute et je vois avec terreur qu'ils ne sont aimés que d'eux-mêmes. Quelquefois je voudrais être puissant pour leur dire: „Mais, au nom de Dieu, messieurs, soyez aimables! écoutez un peu le bon sens étranger; on ne traite pas les Cabinets comme vous traitez les filles: au lieu d'offrir l'argent avec un air rustique, faites l'amour!" etc., mais je ne suis pas fait pour prêcher sur ce ton" *).

*) *Mémoires politiques et correspondance diplomatique de Joseph de Maistre*, avec explications et commentaires historiques par Albert Blanc, Paris, 1858, p. 123.

Если князь Чарторыжскій и Новосильцовъ относились скептически къ означенной миссіи, то кѣмъ была внушена она Императору Александру? Намъ не удалось, несмотря на всѣ поиски въ архивахъ, разъяснить этой загадки! Возможно, что Государю лично принадлежала иниціатива такого хода, и это самое вѣроятное, такъ какъ князь Адамъ сказалъ де-Мэстру, что „l'Empereur ne se décourage point“. Мы отмѣчаемъ вообще весь этотъ инцидентъ, какъ одно изъ первыхъ проявленій самостоятельныхъ рѣшеній у Александра въ дѣлахъ внѣшней политики. Вскорѣ обнаружились и другія.

25 октября/6 ноября 1804 г. была заключена секретная конвенція съ Австріей, служащая началомъ къ дѣйствіямъ противъ Франціи, 2 января 1805 г. заключенъ союзный договоръ съ Швеціей, а 30 марта — съ Англіей, къ которому окончательно примкнула и Австрія 28 іюля/9 августа 1805 года. Какъ видно, недоставало одной Пруссіи, черезъ владѣнія которой должны были проникнуть части русскихъ войскъ, а согласія на это никакъ нельзя было добиться отъ нерѣшительнаго прусскаго короля, чему способствовалъ также всѣми силами и князь Адамъ Чарторыжскій.

Русскія войска сосредоточивались на западной границѣ; одни должны были совмѣстно съ австрійцами дѣйствовать противъ французовъ, другія предназначались противъ пруссаковъ. Большихъ подробностей относительно силъ, количества и назначенія нашихъ войскъ мы не касаемся, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу. Все это подробно изложено у многихъ историковъ той эпохи. Въ сентябрѣ Императоръ Александръ, сопровождаемый тріумвирами (кромѣ графа Кочубея) и нѣсколькими лицами свиты, направился, черезъ Могилевъ и Брестъ-Литовскъ, на театръ военныхъ дѣйствій. По пути предполагалось посѣтить родителей князя Адама въ Пулавахъ, куда и прибыли въ ночь на 18 сентября 1805 года.

Тогда восторгу поляковъ не было границъ; говорилось о намѣреніи посѣтить Варшаву, что будто тамъ, послѣ торжественной

встрѣчи, Государь провозгласитъ себя польскимъ королемъ; князь Іосифъ Понятовскій былъ главнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовленій для пріема высокаго гостя въ Варшавѣ и у себя, въ замкѣ Вилановѣ, словомъ, вся Польша жила надеждами и чаяла давно ожидаемыхъ благъ. Но незамѣтно для кого-либо, и даже для зоркихъ очей князя Чарторыжскаго, Императоръ Александръ послалъ изъ Бреста своего преданнаго и пылкаго генералъ-адъютанта, князя П. П. Долгорукаго, съ секретнымъ порученіемъ къ королю Фридриху-Вильгельму, въ Берлинъ. И вдругъ, 4 октября, Его Величество объявилъ, что ѣдетъ прямо въ Козеницы, главную квартиру генерала Михельсона, даже не останавливаясь въ Варшавѣ, а тѣмъ болѣе въ замкѣ князя Понятовскаго, а оттуда прямо въ Берлинъ. Не надо забывать, что пребываніе въ Пулавахъ продолжалось уже цѣлыя двѣ недѣли, и что ничто не предвѣщало такого крутого поворота въ намѣреніяхъ.

Что же случилось? Да ничего особеннаго. Князь Петръ Долгорукій успѣшно исполнилъ только свое порученіе. Онъ прекратилъ колебанія прусскаго короля, подлилъ масла въ огонь. Когда Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ, что его пріятели французы нарушили нейтралитетъ и перешли черезъ его владѣнія въ Анспахѣ *), король пришелъ въ негодованіе и далъ разрѣшеніе русскимъ войскамъ войти немедленно въ предѣлы его королевства. Коалиція обогатилась еще однимъ, если не союзникомъ, то явнымъ доброжелателемъ, а всѣ надежды и планы какъ князя Адама, управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Россіи, такъ и остальныхъ поляковъ рухнули. Это было поистинѣ un coup de théâtre, никѣмъ не жданный, и здѣсь уже Александръ вполнѣ наглядно проявилъ свою собственную волю. Свиданіе въ Мемелѣ 1802 года дало нежданные плоды, а вліянію польскаго магната было нанесено

---

*) См. „Князья Долгорукіе“ Великаго Князя Николая Михаиловича. Петербургъ, 1902, стр. 12—14.

первое пораженіе, которое онъ, съ болью въ сердцѣ и со скрытой злобой, молча, проглотилъ. Что разочарованіе князя Чарторыжскаго было полное, о томъ весьма прозрачно свидѣтельствуютъ его записки, гдѣ все разсказано подробно и очень картинно. Этотъ осенній эпизодъ 1805 года надо считать началомъ проявленія у Александра проблеска самостоятельнаго почина во внѣшней политикѣ.

Блестящая и торжественная встрѣча была оказана Русскому Императору въ Берлинѣ 13 октября 1805 года. Изліяніямъ любви и преданности королевской семьи не было конца. Произошла умилительная сцена ночью въ Потсдамѣ, у гробницы Фридриха Великаго, воспроизведенная на извѣстной гравюрѣ. Наконецъ, была подписана условная конвенція о присоединеніи Пруссіи къ коалиціи, при чемъ эта держава заручилась согласіемъ на присоединеніе къ ней Гановера.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ не дремалъ и, принудивъ австрійскую армію подъ Ульмомъ къ капитуляціи, шелъ съ своими войсками на Вѣну. Остальное извѣстно.

Все закончилось полнѣйшимъ пораженіемъ русско-австрійскихъ силъ подъ Аустерлицемъ, постыднымъ миромъ для Австріи и возвращеніемъ русскихъ войскъ на родину; Пруссія заключила договоръ съ Наполеономъ и получила въ даръ желанный Гановеръ. Это не помѣшало Александру Павловичу писать дружескія письма Фридриху-Вильгельму и оставить русскіе корпуса въ его полное распоряженіе. Вотъ до чего въ немъ глубоко засѣла привязанность къ Пруссіи и Гогенцоллернамъ. Но эта привязанность и это довѣріе пошли еще дальше въ слѣдующемъ 1806 году. Политическій горизонтъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, пасмурнымъ, и можно было ожидать разнородныхъ вспышекъ для новыхъ недоразумѣній. Въ эту минуту князь Чарторыжскій самымъ энергичнымъ образомъ убѣждалъ Государя бросить заигрываніе съ Пруссіей и войти въ какое-либо соглашеніе съ Франціей.

Но Александръ оставался глухъ ко всѣмъ доводамъ избраннаго имъ же совѣтника, и всѣ рѣшенія Императора шли въ разрѣзъ съ образомъ мыслей князя Адама; тѣмъ не менѣе, князь Чарторыжскій представилъ на усмотрѣніе Его Величества двѣ подробныя записки, гдѣ все было ясно и обстоятельно изложено. Одна озаглавлена: „Mémoire sur les rapports de la Russie et de la Prusse“ (17 janvier 1806), другая: „Mémoire sur la nécessité d'ouvrir des négociations de paix avec Napoléon“. Обѣ записки были составлены очень обдуманно и не лишены извѣстной логики. Первую можно признать особенно разумной, хотя въ ней и прозрачно сквозитъ ненависть къ Пруссіи, вторая написана гораздо позднѣе, когда война съ Наполеономъ уже была въ полномъ разгарѣ, но обѣ свидѣтельствуютъ о недюжинныхъ способностяхъ польскаго вельможи. Оригинально, что почти одновременно Императрица-мать увѣщавала Александра однородными совѣтами прекратить довѣрчивыя сношенія съ Пруссіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивала на скорѣйшемъ удаленіи отъ дѣлъ самого Чарторыжскаго.

Вотъ, что писала Императрица Марія Ѳеодоровна сыну 18 апрѣля 1806 года *):

„Celui qui est le plus en butte à la haine publique est le prince Czartoryski. Deux raisons se réunissent pour exciter cette haine, celle qu'il est polonais et celle des malheurs de l'automne passé. Si je m'arrête plus longuement sur ce point, c'est que je me dois à moi-même et à vous, cher Alexandre, de l'analyser plus en détail. Vous vous rappelez de ma douleur profonde à la nomination du prince Czartoryski au ministère, de toutes les représentations que je vous ai adressées, des prédictions que je vous ai faites sur les suites qui en résulteraient. Vous nommâtes cependant le prince au ministère“... Далѣе идетъ подробное изложеніе фактовъ и, наконецъ, заключеніе: „Il vous appartient présentement à vous, cher Alexandre, de juger,

---

*) См. Великій Князь Николай Михайловичъ. Русскій Архивъ, январь 1911.

par le degré de confiance que vous accordez au prince Czartoryski et à ses lumières, s'il est de l'intérêt de votre service de le laisser lutter contre des sentiments aussi prononcés, et, en ce cas, il faut le soutenir, ou, si votre confiance n'est pas plénière en lui, s'il est plus utile au bien de l'Etat de lui accorder la retraite qu'il vous a demandée déjà plusieurs fois, comme vous l'avez dit vous-même". Теперь относительно Пруссіи Императрица пишетъ сыну 14 марта 1807 г. слѣдующее: „.... Vous vous doutez que je veux vous parler de la Prusse. Je ne puis me lasser de vous répéter que l'attachement de votre grand-père à la Cour de Berlin a causé sa perte, celui de votre père pour cette même Cour lui a été bien funeste et le vôtre, cher Alexandre, l'a été suffisamment jusqu'à ce moment.... Je me bornerai à vous conjurer de donner toute votre attention à ce qu'on ne puisse vous accuser de lui sacrifier les intérêts et la gloire de votre pays. Il est certain que vous avez repris les armes pour aider et finalement pour sauver la Prusse, mais il n'en est pas moins vrai non plus que, par cette série de circonstances, nous avons vu nos frontières menacées et que vous avez été obligé à demander à votre nation des secours considérables et inconnus jusqu'à ce moment dans les annales de la Russie.... Il faut donc que dans votre marche politique vous persuadiez la nation que vous n'agissez que pour sa gloire et son repos, et que l'influence prussienne n'existe pas et vous ne lui accordez que protection et soutien, que vous ferez la paix non pas quand la Prusse le voudra, mais lorsque vous le voudrez et le croirez glorieux et nécessaire à votre Etat".

Пристрастіе Александра къ прусскому королевскому дому поражаетъ еще потому, что у него не было кровнаго родства съ Гогенцоллернами, и то, что понятно и объяснимо для Николая Павловича, женатаго на прусской принцессѣ, а также и для Императора Александра II, намъ кажется, что это пристрастіе Александра было лишь результатомъ какого-то рыцарскаго чувства его къ королевѣ Луизѣ, иначе трудно найти другое болѣе подходящее объясненіе.

На этотъ разъ Александръ внялъ увѣщаніямъ матушки, но только относительно увольненія князя Чарторыжскаго, котораго онъ самъ уже не цѣнилъ, какъ прежде, и съ которымъ рѣзко разошелся по большинству вопросовъ. 17 іюня 1806 года князь Адамъ былъ уволенъ, а министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ баронъ Андрей Будбергъ, балтійскій нѣмецъ, лишенный какихъ-либо дарованій. Но между назначеніемъ барона и уходомъ поляка произошелъ невѣроятный инцидентъ, о которомъ мы писали подробно въ книгѣ „Графъ П. А. Строгановъ" (т. III). Виновникомъ инцидента былъ другой нѣмецъ, Убри. Заведенная Государемъ привычка посылать особыхъ избранниковъ для политическихъ цѣлей укоренилась въ немъ прочно, при постоянномъ недовѣріи къ людямъ. Мы уже говорили о посылкахъ Новосильцова въ Лондонъ и князя Долгорукаго въ Берлинъ; теперь въ Лондонѣ былъ посломъ графъ П. А. Строгановъ, а въ Парижѣ—Убри, съ особыми инструкціями *). Позднѣе неоднократно командировались другіе, особенно А. И. Чернышевъ, и система эта не прекращалась во всю Наполеоновскую эпоху къ понятному раздраженію россійскихъ пословъ. Убри, уже раньше знакомый съ Парижемъ, казался подходящимъ лицомъ для веденія переговоровъ, но онъ не оправдалъ оказаннаго ему довѣрія. Его послали съ опредѣленными инструкціями для разрѣшенія вопроса о Каттаро и для урегулированія размѣна плѣнныхъ послѣ Аустерлицкой кампаніи. Между тѣмъ, подъ гипнозомъ величія и мощи Наполеона, Убри подписалъ самовольно форменный мирный договоръ съ Франціей 8/20 іюля 1806 года и немедленно повезъ этотъ документъ для ратификаціи въ Петербургъ. Что Убри самъ догадывался, что совершилъ какую-то передержку, въ этомъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія. Предупреждая графа Строганова, находившагося въ Лондонѣ, о

*) Шильдеръ опять только вскользь упоминаетъ объ инцидентѣ Убри, а также Татищевъ въ книгѣ „Alexandre Ier et Napoléon" удѣляетъ лишь нѣсколько строкъ этому дѣлу.

совершенномъ имъ актѣ, Убри писалъ графу: „Je trouve nécessaire de songer à ma justification à St-Pétersbourg pour avoir fait l'opposé des ordres dont j'étais muni. Je m'y rends aujourd'hui pour présenter et mon ouvrage et ma tête pour me punir si j'ai mal fait". Когда Убри явился въ Петербургъ, то заключенный имъ договоръ поразилъ и ошеломилъ не только Императора, но и пославшаго его князя Чарторыжскаго, уже смѣненнаго барономъ Будбергомъ. И было отъ чего прійти въ недоумѣніе. Дѣло показалось столь серьезнымъ, что немедленно былъ собранъ совѣтъ, гдѣ единогласно было постановлено ни подъ какимъ видомъ не давать ратификаціи договору. Результатомъ этого высокаго совѣщанія было изданіе манифеста 30 августа/11 сентября 1806 года, гдѣ подчеркивалась увѣренность Государя, что всѣ русскіе соединятъ свои усилія, если того потребуютъ обстоятельства для безопасности Россіи, а тогдашній Сенатъ даже обратился къ Его Величеству съ рѣчью: „Чего жъ не можно ожидать отъ Россовъ!... что единая безопасность отечества, святость Твоихъ союзовъ и спасеніе Европы призываютъ Тебя къ ополченію". Пресловутый мирный договоръ, подписанный Убри, является перломъ, до чего могла дойти растерянность русскаго посланнаго, и какъ мало онъ радѣлъ объ интересахъ Россіи. Въ этомъ договорѣ даровалась независимость Рагузской республикѣ, любезно разрѣшалось русскимъ имѣть гарнизонъ на островѣ Корфу, разрѣшалась независимость и Черногоріи, обѣщались Балеарскіе острова наслѣднику изгнаннаго короля Неаполитанскаго, и все это заканчивалось обѣщаніемъ мира съ Россіей. Наполеонъ явно подшутилъ надъ наивнымъ представителемъ Александра, очевидно, самъ не вѣря, что такого рода договоръ получитъ ратификацію въ Петербургѣ.

А что еще замѣчательнѣе, что нашлись недоброжелатели, которые распускали слухи, что будто бы Убри дѣйствовалъ по секретному порученію Государя. Слухамъ этимъ придавали вѣру, вѣроятно, потому, что Убри не понесъ кары, а удалился въ деревню

на продолжительное время *). С. А. Тучковъ въ запискахъ прямо-таки говоритъ, что „въ бытность мою (т.-е. Тучкова) въ Петербургѣ возвратился извѣстный Убри съ подписаннымъ отъ Наполеона мирнымъ трактатомъ. Но только былъ оный объявленъ верховному совѣту, какъ въ первый и послѣдній разъ его правленія, дерзнули члены онаго тому воспротивиться: они представили Государю весь вредъ, могущій послѣдовать отъ того невыгоднаго договора. Хотя многимъ извѣстно было, что Убри поступилъ во всемъ согласно съ наставленіями, данными ему Государемъ, но послѣдній всю вину возложилъ на Убри". Это сплошная клевета на Александра Павловича, и самъ Убри никогда о томъ ничего подобнаго не разглашалъ, признавая откровенно свою вину.

Гораздо удачнѣе было исполнено порученіе графомъ П. Строгановымъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ сумѣлъ показать свои блестящія способности, какъ дипломатъ и вполнѣ русскій государственный мужъ. Несмотря на щекотливое положеніе молодого графа въ сношеніяхъ съ графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, убѣленнымъ сѣдинами, почтеннаго возраста и снискавшимъ опытомъ и долгой службой всеобщее уваженіе, Строгановъ проявилъ тактъ и умѣніе въ обхожденіи со старцемъ. Графъ Воронцовъ искренно полюбилъ Павла Александровича и оказалъ ему полное довѣріе, перешедшее съ годами въ дружбу, тѣмъ болѣе, что Строгановъ былъ пріятелемъ единственнаго сына графа, Михаила, впослѣдствіи извѣстнаго правителя Новороссійскаго края и Кавказа. За время пребыванія графа Строганова въ Лондонѣ, сошелъ въ могилу Питтъ (Pitt), самый заклятый противникъ Наполеона, и его замѣнилъ Фоксъ (Fox), придерживавшійся гораздо болѣе умѣренной политики относительно Франціи.

*) Убри позже вернулся на службу и былъ послѣдовательно посланникомъ при разныхъ мелкихъ европейскихъ дворахъ.

Но графу Строганову удалось и Фокса убѣдить въ поддержкѣ Англіи, хотя только денежной и нравственной, въ предстоящей, неминуемой борьбѣ съ Наполеономъ. Узнавъ, что въ Петербургѣ произошли перемѣны, что друзья его сошли со сцены, графъ Строгановъ принялъ рѣшеніе покинуть навсегда гражданскую службу и поступилъ волонтеромъ въ дѣйствующія войска, чтобы принять участіе въ предстоящей кампаніи. Такимъ образомъ Императоръ Александръ лишился много обѣщавшаго дипломата, а обстоятельства удалили вѣрнаго друга отъ ближайшаго съ нимъ общенія. Событія шли быстро. Пруссія, только успѣвъ заключить союзный договоръ съ Франціей, уже разочаровалась въ новой союзницѣ, потому что въ Парижѣ и слышать не хотѣли о созданіи сѣверогерманскаго союза, придуманнаго Гаугвицомъ, и намѣревались снова передать злополучный Гановеръ Англіи. Картина была жалкая и смѣшная, но единственная въ своемъ родѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ заключилъ одновременно два союза, одинъ съ Франціей, другой съ Россіей, и такого рода фокусъ считался выгоднымъ, такъ какъ въ Парижѣ и въ Петербургѣ тогда еще не знали этого коварства, а король могъ во всякое время разсчитывать на поддержку той или другой изъ враждующихъ державъ. На дѣлѣ вышло, однако, все крайне прискорбно для Пруссіи и ея короля. Въ концѣ сентября Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ войну Франціи, а 15/27 октября Наполеонъ былъ уже въ Берлинѣ, разбивъ на̀-голову пруссаковъ при Іенѣ и Ауерштетѣ, при чемъ крѣпости сдались безъ выстрѣла непріятелю. Тогда, очевидно, взоры Пруссіи были обращены на Россію и на благородныя чувства Императора Александра. Они и оправдались безъ выгоды для Пруссіи, но съ явнымъ ущербомъ для интересовъ Россіи. Это поняла даже такая послѣдовательная нѣмка, какъ Императрица Марія Ѳеодоровна, но ни мольбы матери, ни совѣты друзей не помогли, и Александръ рѣшился во второй разъ сразиться съ Наполеономъ, все еще не вѣря въ геніальность

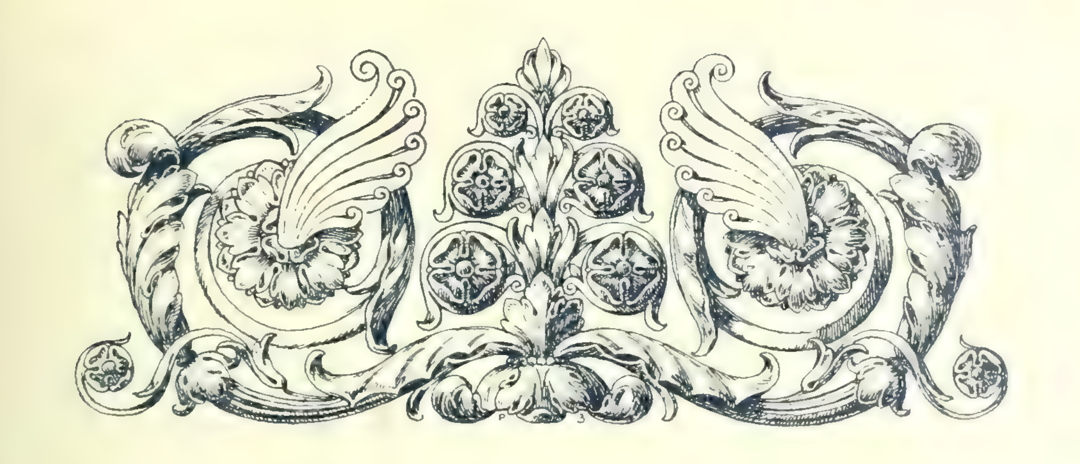
французскаго полководца и не сознавая неподготовленности русскихъ войскъ, а еще болѣе русскихъ генераловъ къ такой неравной борьбѣ на чужой территоріи. Въ 1805 году все кончилось Аустерлицемъ, теперь же, послѣ мнимаго успѣха подъ Прейсишъ-Эйлау, завершилось пораженіемъ подъ Фридландомъ (2 14 іюня 1807 года).

Ослѣпленіе Императора Александра было полное. Принимая къ сердцу несчастіе прусскаго короля и королевы Луизы, и вообще погромъ Пруссіи, Его Величество рѣшилъ самъ отправиться въ серединѣ марта 1807 г. въ дѣйствующую армію, силы которой доходили до 150.000 штыковъ, отъ прусскихъ же войскъ оставалось лишь 14.000 человѣкъ. Опять въ Мемелѣ Императоръ нашелъ пріютившуюся тамъ на клочкѣ своихъ оставшихся владѣній королевскую чету. Чтобы умилостивить Русскаго Государя, Фридрихъ-Вильгельмъ замѣнилъ Гаугвица Гарденбергомъ, считавшимся другомъ Россіи и угоднымъ видамъ нашего правительства. Это мнѣніе было тоже ни на чемъ не основано, такъ какъ, тотчасъ же по открытіи военныхъ дѣйствій, въ главной квартирѣ у Бартенштейна этотъ Гарденбергъ состряпалъ невѣроятную конвенцію, утвержденную Россіей 14 апрѣля 1807 года, гдѣ всѣ выгоды были исключительно разсчитаны для Пруссіи. И такого рода соглашеніе было одобрено Русскимъ Императоромъ, съ явнымъ ущербомъ для интересовъ Россіи, тогда какъ ни Австрія, ни Англія и слышать не хотѣли о предложенныхъ Гарденбергомъ условіяхъ. Но судьба и тутъ выручила Россію: послѣ Фридландскаго сраженія послѣдовало Тильзитское свиданіе, которое все перевернуло.

Разбирая всѣ эти событія, волновавшія Европу, спрашиваемъ, что же дѣлалось на Руси, гдѣ въ первые три года царствованія Александра Павловича такъ ретиво взялись за внутреннія преобразованія и реформы обновленія? Начиная съ середины 1804 года все мало-по-малу какъ будто застыло. Прекративъ засѣданія

негласнаго комитета. Александръ еще аккуратно посѣщалъ Комитетъ министровъ, но и тутъ стало замѣтно отсутствіе обычнаго вниманія. Мысли и помышленія Государя были отвлечены всецѣло дѣломъ внѣшнимъ, и если еще вспоминалось, что существовала комиссія для пересмотра и составленія законовъ, состоявшая подъ мнимымъ предсѣдательствомъ князя П. В. Лопухина, что нѣкоему Розенкампфу было поручено выработать проектъ какой-то конституціи, то только для того, чтобы все это положить подъ сукно. Съ того же 1804 года завязались первыя сношенія Государя съ красивой полькой, Маріей Антоновной Нарышкиной, которыя тоже отнимали не мало времени. При окончательномъ заключеніи объ эпохѣ 1801—1807 годовъ, надо сознаться, что она была самой неопредѣленной изъ всего царствованія, почему мы и назвали ее „эпохой колебаній". Началось съ проблесковъ какого-то возрожденія, кончилось погромомъ русскаго оружія. Показались новыя силы въ лицѣ юныхъ и неопытныхъ новаторовъ, были привлечены нѣкоторые почтенные дѣятели вѣка Екатерины, но сдѣлано было такъ мало, что какъ будто работа и не начиналась. Въ мірѣ военномъ не сумѣли оцѣнить Кутузова и Багратіона, а привлекали или бездарности, или неопытныхъ генераловъ и еще менѣе способныхъ главнокомандующихъ, какъ графа М. Ѳ. Каменскаго, Михельсона, Буксгевдена и даже самого Беннигсена, слава котораго была создана нѣмцами.

Предстояла нелегкая работа организовать армію, привлечь способныхъ генераловъ и офицеровъ, привести въ порядокъ часть интендантскую, обозы и всякаго рода запасы. Къ работѣ вскорѣ и было приступлено, и на этой почвѣ Аракчеевъ сдѣлалъ много. Остается добавить, что, не будь уроковъ подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ, не было бы ни Бородина, ни Лейпцига. Но объ этомъ мы уже подробно говорили въ предисловіи къ III тому „Графа П. А. Строганова".



ГЛАВА II.

Союзъ съ Наполеономъ.

1807—1812.

„Bonaparte prétend que je ne suis qu'un sot. Rira le mieux qui rira le dernier! et moi je mets tout mon espoir en Dieu".

(Sept. 1808, lettre d'Alexandre à sa soeur Catherine.)

Вотъ интереснѣйшее время, которое подробнѣе всѣхъ остальныхъ періодовъ царствованія Императора Александра I разработано историками. Въ Россіи, Шильдеръ и Татищевъ употребили все стараніе подробно изложить происшедшее и сдѣлали это добросовѣстно; во Франціи, Вандаль и Сорель разработали во всѣхъ деталяхъ сложныя сношенія между двумя императорами, при чемъ первый проявилъ особый талантъ неподражаемаго разсказчика, владѣя перомъ мастерски, а второй далъ намъ образецъ критическаго труда, гдѣ изложена суть дѣла такъ наглядно и просто, что здѣсь и кроется вся заслуга этого симпатичнаго и ученаго

историка *). Всѣ четверо уже сошли, къ глубокому сожалѣнію, преждевременно въ могилу, но труды ихъ не пропадутъ и останутся краеугольнымъ камнемъ для изслѣдователя Наполеоновской эпохи. Слава Богу, здравствуетъ еще одинъ, единственный въ своемъ родѣ, неутомимый труженикъ, посвятившій всю свою жизнь Наполеону и работающій исключительно для выясненія фигуры своего героя, его семьи и всѣхъ обстоятельствъ его бурной жизни. Мы говоримъ о Фредерикѣ Массонѣ, уже написавшемъ и издавшемъ цѣлую серію томовъ для этой цѣли и сумѣвшемъ выяснить многое, что казалось еще загадкой. Поэтому, врядъ ли мы будемъ въ состояніи прибавить что-либо новое въ этой главѣ, тѣмъ болѣе, что въ I томѣ „Дипломатическихъ сношеній Россіи и Франціи", въ предисловіи къ этому тому, мы уже подробно изложили отношенія Русскаго Государя къ французскому послу Коленкуру.

Тѣмъ не менѣе, приходится еще разъ разобрать эпоху союза. Александру Павловичу суждено было впервые столкнуться лицомъ къ лицу съ Наполеономъ и, благодаря первой встрѣчѣ между ними, Тильзитское свиданіе пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Когда Императоръ Александръ узналъ 4 іюня 1807 года о пораженіи подъ Фридландомъ, онъ находился въ мѣстечкѣ Олита, почти въ тылу арміи.

Денисъ Давыдовъ, бывшій тогда адъютантомъ у князя Багратіона, описалъ въ своихъ „запискахъ" то, что онъ видѣлъ въ главной квартирѣ генерала Беннигсена: „Я прискакалъ 6 іюня въ главную квартиру, которую составляла толпа различнаго рода людей. Тутъ были: англичане, шведы, пруссаки, французы-роя-

*) Шильдеръ: „Императоръ Александръ I", 4 тома, 1897.
Татищевъ: „Alexandre et Napoléon", 1 v., 1891. Paris.
Albert Vandal: „Napoléon et Alexandre", 2 v. Paris, 1894.
Albert Sorel: „L'Europe et la Révolution Française", 8 v. Paris, 1903—1905.

листы, русскіе военные и гражданскіе чиновники, разночинцы, чуждые службы, и военной и гражданской, тунеядцы, интриганы, словомъ, это былъ рынокъ политическихъ и военныхъ спекуляторовъ, обанкрутившихся въ своихъ надеждахъ, планахъ и замыслахъ.... Все было въ полной тревогѣ, какъ будто черезъ полчаса должно было наступить свѣтопреставленіе. Одинъ Беннигсенъ оставался неизмѣннымъ; онъ, видимо, страдалъ, но скорбію безмолвной".

При такихъ условіяхъ нужно было подумать о мирныхъ переговорахъ. Александръ, скрѣпя сердце, поручилъ это дѣло генералу князю Д. И. Лобанову-Ростовскому.

10 іюня было подписано обоюдно перемиріе, послѣ поѣздки князя Лобанова въ Тильзитъ къ Наполеону и генерала Дюрока въ главную квартиру къ Беннигсену. Александръ Павловичъ 12 іюня переѣхалъ въ мѣстечко Пиктупäненъ, гдѣ принималъ Дюрока, а того же числа князь Лобановъ вторично съѣздилъ къ Наполеону. Наконецъ, 13/25 іюня произошла самая встрѣча, а также подписаніе мирнаго договора, articles séparés et secrets, и союзнаго договора (traité d'alliance), за подписями князей Лобанова и Куракина съ русской стороны и Таллейрана съ французской. Кромѣ того, князь Д. Лобановъ и маршалъ Бертье скрѣпили своими подписями добавочное соглашеніе (convention additionnelle), продиктованное имъ лично Наполеономъ.

Обращаемъ вниманіе на лицъ, избранныхъ Императоромъ Александромъ для такого акта. То были два вельможи, оба вѣка Екатерины, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, другъ Императрицы-матери, и князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій. Выборъ былъ не случайный: нашъ Государь хотѣлъ показать Наполеону, что въ этотъ разъ онъ не намѣренъ ему представлять какихъ-либо молокососовъ, въ родѣ князя Петра Долгорукаго или Убри, а что для переговоровъ избраны имъ уже вполнѣ созрѣвшіе мужи, носящіе древнія фамиліи на Руси.

Еще знаменательнѣе было исчезновеніе министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, котораго Государь вовсе не допустилъ до переговоровъ.

Такого рода ходы были свойственны Александру, поражали современниковъ, но показывали наглядно, насколько Императоръ обладалъ даромъ наблюденія и умѣлъ, когда обстоятельства того требовали, настоять на своемъ, несмотря ни на какія постороннія вліянія. Правда, довѣріе Его Величества къ барону Будбергу было уже сильно поколеблено, и его удаленіе отъ дѣлъ было почти предрѣшено. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Н. Н. Новосильцова, писанное еще 5 марта 1807 года, послѣ полученія котораго Новосильцовъ былъ дважды принятъ Государемъ до выѣзда изъ Петербурга на театръ военныхъ дѣйствій *). Письмо Новосильцова даетъ наглядное понятіе о тѣхъ порядкахъ, которые водились въ тѣ времена въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ **).

*) Государь выѣхалъ изъ столицы 16 марта 1807 года.

**) *Lettre de M. Novossiltzoff à S. M. l'Empereur Alexandre du 5 Mars 1807.*

Dans les conversations que j'ai eu le bonheur d'avoir avec Votre Majesté Impériale depuis mon retour, guidé par le sentiment du devoir d'un sujet fidèle et par celui d'un homme dont l'attachement à son Souverain et à sa Patrie est sans bornes, je pris la liberté de Lui représenter avec toute la franchise possible que plus les dispositions du gros de la nation sont bonnes plus l'esprit de l'armée, dont chaque individu qui la compose est décidément déterminé de périr plutôt mille fois que de laisser triompher son ennemi un seul instant, est rassurant, plus la marche des affaires ici et la direction que la plupart de ceux qui en sont à la tête cherchent à leur donner, sont faites pour causer les plus vives inquiétudes et pour faire craindre les effets les plus funestes. En considérant la lenteur avec laquelle toutes les mesures du gouvernement s'exécutaient, le défaut d'ensemble, l'incohérence entre le but et les moyens qu'on voyait paraitre à tout bout de champ, le soin que l'on prend d'alarmer le public par de fausses nouvelles et d'arrêter par toutes sortes de moyens cet élan aussi noble que généreux qu'il a manifesté lorsque le danger de la Patrie a frappé ses oreilles, en considérant les entraves que l'on cherche à mettre à nous entendre et nous rapprocher de plus en plus de nos alliés et toutes les difficultés qu'on élève pour finir avec la milice, pour approvisionner notre armée par les moyens les plus prompts et les plus simples, etc., etc.; en considérant tout ceci, j'ai manifesté des doutes qu'outre l'ineptie des gens en place, il se pourrait fort bien qu'il eût un plan de trahison suivi par les employés du second ordre qui font avorter à dessein toutes les mesures que le Gouvernement adopte. Votre Majesté Impériale m'a avoué qu'Elle a eu occasion d'observer Elle-même dans la marche des affaires que ce doute n'était point sans fondement. Et en effet, quelle raison pourrait-on alléguer pour éloigner ce soupçon

Что же должны были думать несчастные Фридрихъ-Вильгельмъ и королева Луиза, присутствовавшіе вблизи при заключеніи мирнаго и союзнаго договора съ повелителемъ Европы?!

Авторъ интересной книги „Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire“ Лефевръ пишетъ слѣдующее:

„Le roi de Prusse assistait aux réunions des deux Empereurs, mais il y assistait comme un témoin *incommode* et malheureux. En sa présence, ils s'imposaient une réserve absolue, et toujours ils attendaient qu'il se fût retiré pour se livrer à leurs plus secrets épanchements. Napoléon ressentit pour ce prince une insurmontable aversion, et il se donnait le tort de la laisser paraître“.

---

en voyant les choses aller à contre-sens, lorsque, d'un côté, l'on aperçoit d'une manière aussi évidente que possible la nullité de chefs et qu'on voit, de l'autre, les Bureaux pleins de *Martinistes, Israélites, illuminés* et coquins de toutes les couleurs et les maisons fourmillant de Français et de Jacobins de toutes les nations?

Jusqu'alors, Sire, je n'avais que des doutes qui me paraissaient pourtant être assez fondés. Mais à présent plusieurs faits que je viens d'apprendre et que j'aurai l'honneur de vous soumettre ont transformé ces doutes en certitude *qu'il y a de la trahison*, et que c'est *elle* qui conduit *l'ineptie*.

Ces faits qui paraissent aussi effrayants qu'incroyables, consistent en ce qui suit.

1. Qu'au lieu de resserrer les liens avec la *Suède* de la manière la plus étroite, lui témoigner toute la confiance possible et s'entendre avec elle sur les opérations que l'on pourrait faire ensemble, le Bureau des affaires étrangères ne s'explique point, traîne, diffère, disant que *le temps n'est pas encore venu*, et oppose des doutes sur la loyauté de cette Puissance voisine. Enfin il est connu que les Français préparent dans tous les ports de la mer du Nord et de la Baltique des armements qui dans quelques semaines vont infester et inquiéter notre commerce. Le Roi de Suede offre de détruire ces armements avec nous. C'est pour le 1 de Mars qu'on devrait être prêt à commencer. Le Ministre de la marine ne trouve aucune objection à faire, et malgré tout cela cette mesure reste jusqu'à présent en suspens. M. de Steding s'en plaint amèrement.

2. Tandis qu'il est de la plus grande importance de s'entendre avec l'Angleterre, que tout dépend pour ainsi dire de sa coopération, que c'est elle qui par notre intervention doit fournir à la Prusse et à la Suède les moyens d'agir, que le Ministre d'Angleterre demande qu'on combine les opérations, qu'on convienne d'un plan et qu'il attend qu'on lui parle de *ce qu'on veut de sa nation*, en vaisseaux, en hommes, en argent, pour nous ou pour nos alliés, notre Cabinet le chicane sur le traité de Commerce, rejette les secours de l'Angleterre dans la Méditerranée de la manière la plus froide, n'entre dans aucune explication qui menerait à des arrangements clairs et précis, mais se borne à parler vaguement d'une diversion que l'Angleterre devrait faire quelque part et finit par récriminer l'Angleterre de ce qu'elle ne fait rien pour la cause commune. En vérité cette conduite a tout à fait l'air comme si on avait un dessein prémédité de nous brouiller avec cette Puissance.

Въ „Mémoires de la comtesse Potocka“ (publiés par C. Stryienski. Paris, 1902) графиня говоритъ: „Quant au roi de Prusse, sa nullité le rendit muet. Il avait fait la guerre pour satisfaire les désirs ambitieux de la reine, il fit la paix, heureux de reprendre ses habitudes paisibles, sans trop se rendre compte de ce qu'il aurait pu perdre ou de ce qu'il aurait pu gagner“.

Многострадальная королева Луиза то плакала съ Наполеономъ, то заливалась слезами съ Александромъ. Оба императора ее утѣшали, какъ могли, но Русскій повелитель иногда возносилъ глаза къ небу и шопотомъ говорилъ: „Все это къ лучшему“, „вѣрьте въ будущее“ и тому подобныя загадочныя полуфразы. Тонкій

3. Au lieu de profiter des bonnes dispositions que la Cour de Vienne commence à montrer depuis nos victoires et tâcher de s'entendre avec elle, de convenir des mesures militaires et des arrangements politiques que cette Puissance peut offrir et désirer, le Bureau des affaires étrangères se borne à des communications froides et ministérielles, refuse d'entrer dans aucun engagement, laissant tout aux événements et répétant à cette occasion, comme à toutes celles qui se présentent, la *grande maxime* que personne ne sait comprendre: „qu'on ne traitera pas, tant que ce ministère durera, des cas éventuels“. Cette conduite est vraiment aussi inouie en diplomatie que désastreuse dans ce moment, d'autant plus qu'il est plus que certain que, tant qu'on ne voudra point stipuler quelque chose de bien clair et qu'on refusera de mettre ce qu'on appelle le noir sur le blanc, jamais aucune Puissance ne fera un seul pas en avant. Enfin

4. Il est certain qu'il y a non seulement une très grande lenteur dans le Département des affaires étrangères, mais presqu'une stagnation complète:

a) L'Ambassadeur de Vienne se plaint qu'il y a près de quinze jours qu'il ne peut point obtenir une audience du Général Budberg et que dans cet intervalle il a reçu deux courriers de sa Cour.

b) Monsieur de Goltz, qui a tant de choses à traiter, se plaint aussi qu'il y a plus de huit jours qu'il ne peut pas en obtenir une.

c) Un certain Pavlocy, dalmate, qui a apporté dit-on, des projets de la plus haute importance contenant les moyens de chasser les Français de la Dalmatie est également depuis quelque temps ici à se morfondre, sans pouvoir se faire écouter au Bureau des affaires étrangères.

d) On était convenu que par le ministre Britannique et par celui des Deux-Siciles résidants à Constantinople l'on expliquerait à la Porte que la Russie, ayant fait entrer ses troupes en Moldavie et en Valachie, n'a jamais pensé à aucune hostilité contre la Turquie, espérant que par là l'on parviendrait à lui faire entendre raison; mais la lenteur qu'on y a mise n'a point permis d'essayer ce moyen, car jusqu'à présent on n'a rien fait encore, et le ministre Britannique en attendant n'est plus à Constantinople.

Sire, je n'eusse jamais fini si je voulais réunir tous les faits qui m'ont convaincu qu'il faut qu'il y ait de la trahison qui agisse sourdement d'après un plan qui ne tend à rien moins qu'à

умъ Александра особенно изощрялся въ женскомъ обществѣ, а бѣдная королева была тронута и польщена вниманіемъ безподобнаго монарха, „ce grand charmeur“, какъ часто тогда называли Императора. Почти невозможно вполнѣ точно опредѣлить, что происходило въ его душѣ при Тильзитской встрѣчѣ, тѣмъ болѣе, что ни съ кѣмъ Государь не бывалъ откровененъ. Но сохранилось нѣсколько словъ, написанныхъ къ любимой сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ, съ которой онъ не стѣснялся и часто писалъ то, что думалъ. Эти слова гласятъ: „Dieu nous a sauvés: au lieu de sacrifices, nous sortons de la lutte avec une sorte de lustre. Mais que direz-vous de tous ces événements?! *Moi, passer mes journées avec*

---

paralyser le patriotisme, à désorganiser l'administration, à faire déprécier le Gouvernement et à répandre par cela même les plus vives alarmes dans les esprits. Quelques nouvelles, que je viens de recevoir tout récemment de Moscou, me prouvent qu'on y a déjà réussi jusqu'à un certain degré.

Le moment, Sire, est décisif. Le sort de Votre règne, celui de Votre nation en dépendent. Bonaparte, par la proposition des plus insidieuses qu'il vient de faire, vous met, Sire, vous et le Roi de Prusse, devant le Tribunal de toutes les nations et chacun de vous séparément devant celui de vos sujets respectifs. La moindre fausse démarche doit nécessairement vous compromettre ou vis-à-vis de l'un, ou vis-à-vis de l'autre. Vous devez répondre catégoriquement au Roi de Prusse relativement au Congrès auquel Bonaparte paraît enfin forcé de consentir pour une pacification générale. Après ce qui s'est passé à ce sujet, le Congrès ne saurait être refusé.

Il s'agit donc de décider entre la continuation de la guerre et la paix.

Votre Majesté Impériale connait que sans le concours de l'Autriche et de l'Angleterre tous nos succès ne sauraient réduire Bonaparte dans les bornes qui sont indispensables pour l'Europe. Il est donc clair que dans ces deux hypothèses de guerre ou de paix on doit parler catégoriquement à ces Puissances, leur faire nos propositions précises et bien articulées, leur présenter des plans tant pour une campagne que pour des engagements politiques et en exiger les réponses positives dans le plus court délai possible.

Les Cours consentiront-elles? La guerre prendra un aspect vraiment favorable et nous pourrons en espérer une fin glorieuse et utile.

N'y consentiront-elles pas? Et on leur déclarera que nous ferons notre paix, et il faudrait alors la faire le plus vite. Mais cette dernière supposition n'est guère probable dès que l'on s'y prendra bien.

Plus le moment est décisif, Sire, et les circonstances dans lesquelles nous nous trouvons paraissent être délicates, et plus je crois de mon devoir de me jeter à vos pieds, Sire, et de vous prier de fixer vos regards sur ce qui se passe et tâcher d'y remédier avant qu'il ne soit trop tard.

Votre Majesté Impériale doit absolument se pénétrer de cette vérité: qu'il est très urgent de prendre quelques mesures qui puissent faire aller les choses et déjouer les intrigues des traitres, sans quoi tout peut être perdu sans ressource.

Ce 5 Mars 1807.

Bonaparte, être des heures entières en tête à tête avec lui? Je vous demande un peu si tout cela n'a pas l'air d'un rêve! Il est minuit passé, et il ne fait que sortir de chez moi. Oh! que je voudrais que vous soyez invisiblement témoin de tout ce qui se passe. Adieu, chère amie, je vous écris rarement, mais, d'honneur, je n'ai pas un moment pour respirer“.

Записочка эта помѣчена: „Тильзитъ, 17 іюня 1807 года“.

Очевидно, мысли Государя смѣнялись быстро одна другой, мозгамъ и сердцу приходилось работать усиленнымъ темпомъ; обобщать всего не удавалось сразу, требовалось напряженіе всѣхъ способностей, чтобы распредѣлить послѣдовательно все то, что приходило на умъ, и, дѣйствительно, это походило на тревожный сонъ.

Но, скажемъ мы, шесть словъ говорили больше, чѣмъ что-либо другое, написанное перомъ въ ту годину. Вотъ эти слова: „Moi, passer mes journées avec Bonaparte“.

Если вдуматься въ ихъ значеніе, то поймешь многое. Да, потомку Петра и Екатерины пришлось вести бесѣды съ сыномъ революціи, съ маленькимъ корсиканцемъ, и слушать внимательно его рѣчи, отгадывать его помышленія и даже стараться съ нимъ сблизиться.

Никогда Александръ Павловичъ, во всю свою жизнь, не могъ переварить этого свиданія, чувства его достоинства были черезчуръ уязвлены, и самолюбіе Державнаго повелителя Россіи приходилось приносить въ жертву обстоятельствамъ.

Почти одновременно Наполеонъ писалъ Жозефинѣ: „Mon amie, je viens de voir l'empereur Alexandre: j'ai été fort content de lui; c'est un fort beau, bon et jeune empereur; il a de l'esprit plus que l'on ne pense communément“. Дѣйствительно, у него было больше ума, чѣмъ предполагалъ даже Наполеонъ, а еще больше утонченной хитрости и безподобной вкрадчивости. — Въ чемъ же состояли подписанныя условія между обоими императорами? Статей

было 45, изъ которыхъ 7 отдѣльныхъ — секретныхъ и 9 наступательныхъ и оборонительныхъ союзнаго договора.

Характерная фраза была отмѣчена самимъ Наполеономъ относительно прусскихъ владѣній: „Par égard pour Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies“, а то бы Пруссія исчезла съ лица земли и была бы раздѣлена *).

Пруссіи возвращались Померанія, Бранденбургъ, Старая Пруссія, верхняя и нижняя Силезіи. Что касается пріобрѣтеннаго ею раздѣломъ Польши, то все это отпадало. Къ сожалѣнію, Императоръ Александръ не пожелалъ пріобрѣсти предложенныхъ ему Наполеономъ польскихъ земель до Нѣмана и Вислы, какъ говоритъ Татищевъ, „изъ чувства деликатности къ своему бывшему союзнику“.

Вмѣсто того, сочинили герцогство - Варшавское, никому не нужное, отдавъ его королю саксонскому. Новое герцогство никого не удовлетворило, менѣе всего поляковъ, разсчитывавшихъ на возстановленіе царства Польскаго. Графиня Потоцкая отмѣтила это событіе слѣдующими словами: „Il ne résulta pour nous que la création du modeste duché de Varsovie. C'était moins que ne faisaient présager nos espérances et nos efforts. Mais on pensa à l'avenir, afin de supporter le présent“. Объ этомъ будущемъ не подумали ни Александръ, ни его совѣтники, и, какъ увидимъ, напрасно. Городъ Данцигъ былъ объявленъ свободнымъ, на подобіе Гамбурга, и отданъ подъ протекторатъ Пруссіи и Саксоніи. Изъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ домовъ были лишены земель: Нассау, Гессенъ - Кассель, Брауншвейгъ и Ангальтъ - Цербстъ. Эти страны вошли во вновь созданное королевство Вестфальское, а младшій братъ Наполеона, Іеронимъ, объявленъ королемъ этихъ владѣній. Ему же намѣревались передать Гановеръ. Благодаря родственнымъ связямъ съ Русскимъ Императорскимъ домомъ, остались

*) Этого обстоятельства и теперь еще не любятъ вспоминать въ Берлинѣ.

неприкосновенными герцогства Ольденбургское, Мекленбургъ-Шверинское и Кобургское. Это была особая любезность Наполеона къ новому союзнику. Бѣлостокская область переходила во владѣніе Россіи.

Были выработаны двоякія посредничества: Россіи въ заключеніи мира между Франціей и Англіей; Франціи между Россіей и Турціей. Эти вопросы были подробно разработаны дополнительными статьями, которыя оставались секретными. Іосифъ, старшій братъ Наполеона, былъ признанъ Россіей королемъ неаполитанскимъ, а какъ только найдется мѣсто, куда сослать бывшаго короля Фердинанда IV, то и королемъ обѣихъ Сицилій. Вотъ сущность того, что было рѣшено и подписано между Россіей и Франціей въ Тильзитѣ.

Раньше чѣмъ перейти къ послѣдующимъ событіямъ, остановимся на одномъ вопросѣ, получившемъ неожиданное рѣшеніе, а именно на вопросѣ польскомъ. Въ апрѣлѣ 1806 года, т.-е. за годъ до Тильзита, князь Адамъ Чарторыжскій представилъ Государю подробную записку, въ формѣ письма, о политическомъ положеніи вообще и въ частности о судьбѣ Польши. Императоръ Александръ немедленно написалъ князю, при чемъ уклонился отъ прямого отвѣта относительно Польши, но на остальное далъ вполнѣ категоричные отзывы. Письмо это настолько интересно, что приведу его почти цѣликомъ, несмотря на то, что оно было напечатано въ перепискѣ Императора Александра съ княземъ Чарторыжскимъ, изданной Шарлемъ де-Мазадомъ, правда, давно, еще въ 1865 году, и не было воспроизведено позднѣйшими историками.

Письмо гласило слѣдующее: „J'ai reçu le papier que vous avez jugé à propos de m'adresser. Vous désirez une discussion, je suis prêt à l'accorder, mais je ne puis m'empêcher de vous dire que je crois qu'elle ne servira à rien, *les bases desquelles nous partons se trouvant si diamétralement opposées.*

Графъ В. П. Кочубей

Н. Н. Новосильцовъ

Князь А. А. Чарторыйскій

Графъ П. А. Строгановъ

„Après l'énumération de la position critique dans laquelle se trouve la Russie et des maux qu'elle a à craindre, les seuls moyens que vous proposez se réduisent à peu près à ces deux:

„1) de me déclarer roi de Pologne;

„2) de changer les individus qui se trouvent à la tête des départements de la guerre et de l'extérieur *).

„Il serait trop long d'entrer dans la discussion du premier article, mais je suis prêt à énoncer ma manière de voir et les raisons qui guident ma conduite. Quant au second, je déclare être content des services que me rendent les deux ministres chargés des départements ci-dessus énoncés. De plus, je ne vois personne pour les remplacer. Quel est donc ce ministre consommé qui réunisse tous les suffrages? Est-ce le général Suchtelen? J'énonce hautement que je ne le regarde pas comme possédant les qualités requises pour un ministre de la guerre, et qu'entre les deux je ne balance pas un instant de donner la préférence au général Wiasmitinoff. Pour d'autres, je ne vois même pas qui pourrait être proposé. De même je ne vois personne pour les affaires étrangères; est-ce des Panine, des Morkoff? Il faut que j'estime ceux avec qui je travaille et ce n'est qu'ainsi que je puis leur donner ma confiance. Je m'embarrasse peu des clameurs, elles ne sont ordinairement que l'effet de l'esprit de parti. Vous-même n'êtes-vous pas un exemple et n'avez-vous pas été exposé à la critique, à l'animosité de tout le public? etc., etc."

Генерала Вязьмитинова Государь, дѣйствительно, сохранилъ военнымъ министромъ до 1808 года, а князя Адама уволилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Курьезно, что въ изданной Мазадомъ перепискѣ князя Чарторыжскаго не имѣется ни одного письма князя къ Государю за 1807 и за 1808 года; между тѣмъ переписка продолжалась, и въ 1809 году была особенно оживленна. Или наслѣдники не пожелали обнародовать письма за эти года,

*) Генералъ С. К. Вязьмитиновъ и князь Адамъ Чарторыжскій.

что болѣе всего вѣроятно, или же князь Адамъ былъ настолько возмущенъ Тильзитскими рѣшеніями, что на два года прекратилъ съ Александромъ всякую переписку. Едва ли могло это быть въ дѣйствительности *).

Въ теченіе 1806 года, какъ видно, Александръ еще не помышлялъ создать подъ своимъ скипетромъ польскаго королевства, хотя неоднократно заигрывалъ съ поляками.

Памятно также постоянное вліяніе всесильной польки, Маріи Антоновны Нарышкиной, рожденной княжны Четвертинской **).

Созданіе же новаго герцогства Варшавскаго принадлежало изобрѣтенію Наполеона и Таллейрана, чтобы имѣть на востокѣ, на границѣ Россіи, возможную базу на случай разрыва съ союзникомъ. Вообще польскій вопросъ былъ однимъ изъ тѣхъ, къ которому приходилось постоянно возвращаться и во времена дружбы съ Франціей, и послѣ окончательнаго паденія Наполеона. Здѣсь мы положительно расходимся съ Шильдеромъ, утверждавшимъ, что „истиннымъ творцомъ Варшавскаго герцогства былъ не Наполеонъ, а Александръ". Что Русскій Императоръ не принялъ предложенія присоединить къ Россіи прусско-польскія владѣнія,

*) Въ изданіи переписки князя Адама Чарторыжскаго съ Императоромъ Александромъ I: „Alexandre Ier et le prince Czartoryski", Correspondance particulière, 1801—23, publiée par le prince Ladislas Czartoryski avec une introduction par Mazade, Paris, 1865, ***выпущены*** нѣкоторыя письма какъ Государя, такъ и князя, но мнѣ удалось найти эти письма въ Собственной Е. И. В. библіотекѣ, и мы даемъ ихъ въ приложеніяхъ. Читатель увидитъ причину, отчего наслѣдники князя Адама Чарторыжскаго не напечатали этихъ писемъ.

**) У сына Маріи Антоновны, Эммануила Дмитріевича Нарышкина, свято хранились всѣ письма и записки Императора Александра къ его матери.

Говорятъ, будто бы часть переписки была уничтожена Э. Д. Нарышкинымъ до его кончины, но его вдова, Александра Николаевна, урожденная Чичерина, мнѣ лично передавала, что остальную часть переписки она сожгла. Не смѣя не вѣрить такому заявленію, мы считаемъ, если дѣйствительно вся эта переписка уничтожена, почти у насъ на глазахъ, сто лѣтъ спустя,—такого рода отношеніе къ рукописямъ вандализмомъ и неуваженіемъ къ исторической старинѣ. Если бы потомки или родственники жгли письма самой Маріи Антоновны,—это было ихъ правомъ, но такъ поступать съ записками Императора Александра Павловича едва ли правильно, а надо было ихъ передать, по кончинѣ Эммануила Дмитріевича, царствующему Государю.

мы уже объяснили чувствомъ деликатности къ Фридриху-Вильгельму, а что касается герцогства Варшавскаго, то Александръ предпочелъ временно вовсе отдѣлаться отъ назойливости поляковъ. Это не помѣшало Россіи присоединить къ своимъ владѣніямъ всю Бѣлостокскую область.

Прощаніе и отъѣздъ союзныхъ Императоровъ послѣдовали 27 іюня (9 іюля) 1807 года. Представителемъ Франціи былъ посланъ въ Петербургъ генералъ Савари, герцогъ Ровиго, а русскимъ заслуженный генералъ графъ Петръ Александровичъ Толстой, братъ оберъ-гофмаршала и постояннаго спутника Государя, отправленный въ Парижъ немного позже. Оба выбора не были удачны. Савари былъ слишкомъ замѣшанъ въ дѣлѣ разстрѣла герцога Ангіенскаго и не отличался качествами дипломата; Толстой открыто возражалъ на союзъ съ Франціей, упорно отказывался отъ такого назначенія и тоже мало понималъ въ дипломатическихъ дѣлахъ. Оба союзника просто поторопились, назначая такого рода представителей, и черезъ годъ ихъ обоихъ отозвали, какъ не пригодныхъ для этихъ ролей. Барона Будберга уволили тотчасъ же по возвращеніи Государя въ Петербургъ. При назначеніи на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, выборъ палъ на графа Николая Петровича Румянцева, франкофила, занимавшаго должность министра коммерціи. Окончательно утвержденъ онъ на новомъ мѣстѣ 12 февраля 1808 года. Это былъ лучшій выборъ, который могъ сдѣлать Александръ Павловичъ.

Въ Россіи новый союзъ не былъ популяренъ, и особенно ворчала Москва. Нападки эти не прекращались до самаго разрыва, но Александръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на недовольство сановниковъ и общественное мнѣніе. Онъ продолжалъ твердо итти по пути, имъ избранному, и заставилъ покориться не только одно столичное общество, но и ближайшихъ родственниковъ въ царской семьѣ. Вскорѣ въ Петербургъ явился новый французскій посолъ, генералъ Коленкуръ, пріѣхавшій на Рождество

1807 года, а въ Парижъ былъ назначенъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, пробывшій нѣсколько мѣсяцевъ до этого русскимъ представителемъ въ Вѣнѣ.

Сношенія Императора Александра съ французскимъ посломъ были нами подробно разобраны въ „Дипломатическихъ сношеніяхъ Франціи и Россіи“, а также роль князя Куракина при дворѣ императора Наполеона была нами достаточно освѣщена.

Обратимся къ дѣламъ внутреннимъ за періодъ союза. На этой почвѣ закипѣла снова работа, и такая, которая оставила крупные слѣды на долгія времена. Мы говоримъ о дѣятельности М. М. Сперанскаго и его сближеніи съ Государемъ, которыя явились неожиданными для современниковъ и возбудили въ публикѣ самые противоположные толки, а при дворѣ вызвали зависть, клевету и цѣлый рядъ разнообразныхъ интригъ.

Императоръ Александръ давно слыхалъ фамилію Сперанскаго, знавалъ его лично, но мало, и видалъ урывками, начиная съ первыхъ лѣтъ царствованія, и позднѣе. О немъ говорили Государю Беклешовъ, братья Куракины, князь Лопухинъ, Трощинскій и, особенно много, Кочубей. Всѣмъ этимъ сановникамъ Сперанскій былъ нуженъ въ различныя времена, и всѣ они пользовались имъ и его перомъ для всякихъ работъ и проектовъ, пользовались и всѣ цѣнили умъ и работоспособность Михаила Михайловича. Извѣстно, что онъ былъ сынъ бѣднаго священника, семинаристъ, которому хорошо знакома была царившая тогда розга, но эти розги не помѣшали ему прекрасно учиться при его недюжинныхъ способностяхъ, а, главное, еще лучше усвоить все то, чему его учили.

Духовная карьера не прельщала Сперанскаго, и онъ предпочелъ гражданскую службу. Здѣсь улыбнулось ему счастье. Онъ попалъ учителемъ въ домъ князей Куракиныхъ; зная отлично древніе языки, а также французскій, онъ въ особенности хорошо умѣлъ говорить и писать на родномъ языкѣ.

Учительскимъ дѣломъ, однако, его карьера не ограничилась. Князь Алексѣй Куракинъ, бывъ генералъ-прокуроромъ, взялъ его къ себѣ въ канцелярію, гдѣ онъ быстро занялъ столь выдающееся положеніе, что, при смѣнѣ князя Куракина другими лицами, его оцѣнили и князь Лопухинъ, и Беклешовъ. Уже тогда враги его, и особенно нѣмцы, распускали про Сперанскаго всякія нелѣпости, конечно, больше изъ зависти, а главное, упрекали его въ лести и низкопоклонствѣ. Если это и было отчасти справедливо, то едва ли бѣдному семинаристу возможно было пролагать себѣ служебную дорогу, не покривя, хоть изрѣдка, душой. Трощинскій относился къ нему менѣе благосклонно, но отдавалъ ему должную справедливость; при учрежденіи министерствъ въ 1802 году Сперанскій перешелъ въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, сразу попавъ въ особую милость такого царскаго пріятеля, какъ графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.

Будущее Михаила Михайловича стало сразу обезпеченнымъ. Когда Кочубей представлялъ разные проекты въ секретномъ комитетѣ, удивлялъ многихъ своей находчивостью и увлекалъ вниманіе самого Государя, то мало кто подозрѣвалъ, что вдохновителемъ Кочубея, а нерѣдко и выразителемъ его мнѣній на бумагѣ былъ не кто иной, какъ Сперанскій. Но это зналъ Александръ Павловичъ, а главное, не забылъ. Когда потребовался ему новый сотрудникъ, а много обѣщавшіе именитые дворяне реформаторы сошли, нехотя, со сцены, то естественно Государь обратилъ свои взоры на скромнаго труженика Сперанскаго. Не даромъ Аракчеевъ, въ минуту злобы, сказалъ, что „если бы у меня была треть ума Сперанскаго, я былъ бы величайшимъ человѣкомъ“. И вотъ, когда въ 1808 году Новосильцовъ окончательно удалился, то докладчикомъ у Государя сдѣлался Сперанскій, „по особымъ дѣламъ состоящимъ“, какъ было сказано при его назначеніи. До этого онъ уже раньше неоднократно имѣлъ случаи представлять доклады Императору, въ промежуткѣ послѣ ухода Кочубея

и до замѣны его княземъ Алексѣемъ Куракинымъ. Доклады эти нравились Государю по ясности изложенія, и Александръ скоро привыкъ къ новому для него человѣку. Это сближеніе совпало съ назначеніемъ Аракчеева военнымъ министромъ, чего не пожелали оттѣнить многіе историки этого времени, а, казалось, слѣдовало бы обратить на это вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ возвращенія изъ Тильзита и еще до поѣздки въ Эрфуртъ, Александръ Павловичъ привлекъ именно двухъ противоположныхъ людей: одного для приведенія къ извѣстной системѣ внутренняго строя, другого для реорганизаціи арміи. Работая поочередно съ ними, онъ сумѣлъ вначалѣ не показывать особаго предпочтенія ни тому, ни другому, что бѣсило Аракчеева, но вовсе не смущало Сперанскаго.

Если вдуматься въ характеръ Александра, то такія сочетанія при выборѣ сотрудниковъ ему всегда нравились, и вотъ почему: Его Величество отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ человѣческихъ слабостяхъ; онъ сознавалъ, что часто могъ увлечься или какой-либо идеей или лицомъ, къ нему близкимъ, вліянію котораго онъ легко поддавался. Въ данномъ случаѣ Сперанскій былъ то лицо, которымъ онъ увлекался, и который умѣлъ на него воздѣйствовать; Аракчеевъ же былъ необходимымъ тормазомъ для всякаго рода увлеченій.

Когда была рѣшена поѣздка въ Эрфуртъ на второе свиданіе съ Наполеономъ, Сперанскому было повелѣно сопровождать Государя. Ему суждено было не только видѣть геніальнаго полководца и замѣчательнаго человѣка, но и посчастливилось бесѣдовать съ нимъ.

Какъ это ни странно, но Наполеонъ въ Эрфуртѣ оказалъ бо́льшее вліяніе на Сперанскаго, чѣмъ на Александра, и послѣдствія такого впечатлѣнія обнаружились очень скоро.

Какъ мы уже упомянули, еще въ 1803 году было возложено на министра юстиціи князя Лопухина и нѣкоего барона

Розенкампфа при особой комиссіи, въ которую они оба входили, сперва составленіе законовъ, а впослѣдствіи барону поручили написать и проектъ конституціи. Князь Лопухинъ хотя былъ предсѣдателемъ комиссіи, но ровно ничего не сдѣлалъ, а Розенкампфъ хотя и занимался, но самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что отъ него хотятъ. Когда же ему предложили заняться проектомъ конституціи, то онъ долго отказывался отъ этой чести, но послѣ протестовъ все-таки согласился и что-то сочинилъ. Гораздо позднѣе имъ была написана на нѣмецкомъ языкѣ брошюра, которую онъ назвалъ: „Uebersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peters des Grossen bis zum Tode Alexander I". То были наброски какой-то конституціи, гдѣ все было перепутано, многое пропущено и забыто, какъ поземельный вопросъ, и его записки никто не читалъ, кромѣ товарища министра Козодавлева и Сперанскаго. Послѣдній отнесся къ ней съ большимъ пренебреженіемъ и ничего изъ предложеннаго не одобрилъ, на что баронъ ужасно обидѣлся. Это высказано съ полнымъ откровеніемъ въ его автобіографіи *).

Вскорѣ послѣ Эрфурта, а именно 15 декабря 1808 года, Сперанскій былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи на мѣсто Козодавлева. На Михаила Михайловича было возложено веденіе дѣлъ по составленію законовъ, именно то, надъ чѣмъ безуспѣшно работалъ несчастный Розенкампфъ. Но въ частыхъ разговорахъ Императора со Сперанскимъ все это дѣло стало расширяться, и результатомъ такихъ бесѣдъ явилась мысль приступить къ плану всеобщаго государственнаго образованія, т.-е. къ коренной ломкѣ всего существующаго строя. Затѣя была обширная и крайне заманчивая для такого человѣка, какъ Сперанскій. Для него открылось широкое поле дѣятельности,

*) См. статьи П. Майкова, „Русская Старина", октябрь и ноябрь 1904 года, гдѣ приложена автобіографія барона Розенкампфа.

о которой онъ всегда мечталъ, и онъ приступилъ къ работѣ съ неимовѣрнымъ рвеніемъ. Тому, что вышло изъ-подъ его талантливаго пера, не суждено было осуществиться при его жизни, кромѣ созданія Государственнаго Совѣта, т.-е. именно того, къ чему Сперанскій относился всего менѣе восторженно. Другими словами, на дѣлѣ вышло, что гора родила мышь!

Случилось это, конечно, не по винѣ самого Сперанскаго, а вслѣдствіе нерѣшительности Александра и крайне невыгодно сложившихся обстоятельствъ, приведшихъ Россію къ войнѣ съ Франціей.

Работа была закончена во всѣхъ подробностяхъ къ ноябрю 1809 года, т.-е. какъ разъ ко времени охлажденія отношеній между союзниками. Основаніемъ всего проекта послужили Кодексъ Наполеона (Code Napoléon) и отчасти французская конституція de l'an VIII (1799 г.). Вотъ въ чемъ наглядно обнаружилось вліяніе Наполеона на Сперанскаго, а также и на Александра, но въ меньшей степени. Государь не рѣшался разомъ провести все въ жизнь, и, конечно, онъ былъ правъ, такъ какъ Россія врядъ ли была подготовлена къ такой коренной ломкѣ. Сперва онъ рѣшилъ только отложить выработанныя реформы до болѣе удобнаго времени, но послѣ борьбы съ Наполеономъ въ Русскомъ Императорѣ произошла полная перемѣна воззрѣній, и вся работа Сперанскаго была не только положена подъ сукно, но и забыта. О ней вспоминали въ годы преобразованій царствованія Александра II, а также и въ наши дни. Слѣдовательно, труды Сперанскаго даромъ не пропали, что и дѣлаетъ его памяти великую честь. О самомъ проектѣ мы не будемъ распространяться. Все извѣстно изъ книги Шильдера и изъ статей В. А. Тимирязева *). Мысль, положенная Сперанскимъ въ основаніе своего труда, была централизація власти. Отъ власти Самодержца Императора, черезъ Государственный

*) См. „Историческій Вѣстникъ", октябрь 1897 г., статья В. А. Тимирязева: „Александръ I и его эпоха".

Совѣтъ, который былъ какъ бы посредникомъ между царской властью и прочими управленіями, дѣла переходили въ три главныя учрежденія: Государственную Думу (Законодательное), Министерства (Управленіе) и Судебный Сенатъ (Судебное учрежденіе). Отъ этихъ главныхъ учрежденій шли развѣтвленія по нисходящимъ степенямъ; такъ, послѣ Государственной Думы должны были образоваться на мѣстахъ думы: губернская, окружная и волостная.

То же относительно министерствъ и суда.

Сперанскій хотѣлъ раздѣлить Россію на губерніи, округа и волости, и между ними распредѣлить власти законодательныя, административныя и судебныя. Какъ видно, работа была бы сложная и кропотливая, нужны были силы на мѣстахъ, но Сперанскій былъ одинъ, единомышленниковъ его было мало, а способныхъ и убѣжденныхъ людей еще меньше. Изъ всего этого увидѣлъ свѣтъ лишь Государственный Совѣтъ, торжественно открытый 1 января 1810 года. Графъ Аракчеевъ записалъ на прокладныхъ листахъ Грузинскаго напрестольнаго Евангелія: „Января 1-го 1810 года. Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста государства". Сперанскій надѣялся къ десятилѣтію царствованія, т.-е. въ 1811 году, провести остальную часть реформы, но въ 1811 году уже шли колоссальныя приготовленія къ борьбѣ съ Наполеономъ, и все кануло въ воду. Позднѣе, изъ пермской ссылки, Сперанскій писалъ Государю относительно постепенности реформъ слѣдующее: „Ваше Величество предпочли твердость блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, *нежели все вдругъ перемѣнить*, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣреніе его по

отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій".

Итакъ, послѣ эрфуртскаго свиданія у Александра Павловича обнаружилось какъ будто стремленіе вернуться на путь внутренняго упорядоченія Россіи, но стремленіе, столь желательное и логичное, продлилось не долго. Политика продолжала поглощать все вниманіе, а благія намѣренія замерзали почти при пробужденіи. Застольныя бесѣды съ французскимъ посломъ Коленкуромъ затягивались и послѣ обѣда, какъ въ былое время съ друзьями молодости. Посолъ былъ польщенъ до нельзя, благодаренъ, вѣрилъ въ искренность сердечныхъ изліяній и доносилъ Наполеону о непоколебимой дружбѣ его обворожительнаго союзника. Тѣмъ временемъ, къ Рождеству 1808 года, прибыли въ Петербургъ король и королева прусскіе съ двумя принцами, братомъ и дядей Фридриха-Вильгельма. Ихъ потянуло въ гостепріимную Россію, несмотря на всѣ перенесенныя невзгоды.

Они пробыли въ столицѣ около мѣсяца, и пребываніе сопровождалось разнообразными чествованіями, столь утомлявшими Елисавету Алексѣевну, но развлекавшими вдовствующую Императрицу-мать отъ ежедневной скуки Гатчины и Павловска. Послѣ пруссаковъ появился, въ концѣ января, австріецъ князь Шварценбергъ, чтобы подготовить Русскаго Государя къ возможности возобновленія военныхъ дѣйствій между Вѣной и Парижемъ. Александръ отнесся съ порицаніемъ къ воинственному пылу австрійцевъ, но все-таки далъ понять посланному, что едва ли Россія втянется въ новую войну. Другими словами, это значило: Понимай, какъ хочешь. И князь Шварценбергъ понялъ, что Александръ и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы активно помочь своему союзнику. Въ Вѣнѣ только этого и желали. А одновременно Государь передавалъ чуть ли не въ тотъ же день свои разговоры съ австрійцемъ Коленкуру, конечно, à sa façon, и французскій посолъ сообщилъ Наполеону, что русскія войска къ его услугамъ во всякую минуту.

Впрочемъ, Александръ не скрывалъ отъ Коленкура своихъ заботъ о благополучномъ и скорѣйшемъ окончаніи войны съ Швеціей, для которой были отвлечены значительныя русскія силы. Но дѣла въ Финляндіи шли успѣшно. Наши военноначальники, въ лицѣ князя Багратіона, Кульнева и другихъ, наносили послѣдовательно пораженія шведамъ, такъ что въ мартѣ 1809 года Александръ лично направился въ Финляндію, предпославъ туда же для обозрѣнія и общаго руководства военнаго министра графа Аракчеева. 16 марта послѣдовало открытіе сейма въ Борго. Его Величество осмотрѣлъ Гельсингфорсъ, Свеаборгъ и Або, остался отмѣнно доволенъ всѣмъ видѣннымъ и, вернувшись въ Петербургъ, узналъ, что Австрія объявила войну Наполеону. Австрійскія войска начали наступленіе съ трехъ сторонъ, а именно въ Баварію, Италію и герцогство Варшавское. Коленкуръ настойчиво требовалъ отъ графа Румянцева исполненія обѣщанной поддержки со стороны Россіи.

Государь, въ свою очередь, завѣрялъ посла, что русскія войска уже на границѣ Галиціи, вполнѣ готовыя къ выступленію *). До извѣстной степени завѣреніе было правильное, такъ какъ 70 тысячъ войскъ были тамъ сосредоточены, подъ начальствомъ князя С. Ѳ. Голицына, но войска эти стояли на мѣстѣ и долго не двигались впередъ. Когда же часть ихъ въ концѣ мая и перешла австрійскую границу, то Наполеонъ уже дрался на берегахъ Дуная. 24 іюня (6 іюля) 1809 года война закончилась Ваграмскимъ сраженіемъ, вторично напомнившимъ Австріи Аустерлицкую катастрофу. Только послѣ Ваграма русскія войска заняли безъ выстрѣла Краковъ, и эта война не стоила Россіи ни одной капли крови. Вотъ когда Коленкуръ догадался, что его обошли въ Петербургѣ, но было уже поздно, и посолъ заслужилъ изрядную головомойку отъ Наполеона, и подѣломъ. Тогда и у Наполеона

*) См. Предисловіе къ I тому „Дипломатическихъ сношеній Россіи и Франціи“ Великаго Князя Николая Михаиловича, 1905 г.

прояснились глаза на ходы тильзитскаго и эрфуртскаго союзника. Можно сказать, что эра дружбы послѣ австрійской кампаніи 1809 года миновала окончательно, и началась другая эра: взаимнаго недовѣрія и приготовленія къ борьбѣ. Союзъ оставался еще только на бумагѣ. Россія выгадала отъ безкровной войны только пріобрѣтеніе Тарнопольскаго округа; представители Александра отсутствовали во время мирныхъ переговоровъ Франціи и Австріи въ мѣстечкѣ Альтенбургѣ; Александръ подчеркнулъ этимъ свой дружескій нейтралитетъ, а Наполеонъ передалъ Галицію, наперекоръ желанію своего союзника, герцогству Варшавскому; этимъ было подчеркнуто благоволеніе императора французовъ къ Польшѣ, что очень оцѣнено поляками.

Шильдеръ замѣчаетъ, что „не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе рѣшительный образъ дѣйствій Россіи въ продолженіе войны съ Австріей доставилъ бы ей всю Галицію, а можетъ-быть, и болѣе". Эта догадка ничѣмъ не доказана. Александръ не хотѣлъ ссориться съ сосѣдкой Австріей раньше времени; возможно, что Государь ошибся въ расчетахъ, но для насъ пріобрѣтеніе „всей Галиціи" остается весьма сомнительнымъ, даже при активномъ вмѣшательствѣ Россіи. Мы выиграли на другомъ фронтѣ присоединеніемъ Финляндіи, отошедшей къ Россіи по Фридрихсгамскому мирному договору 5/17 сентября 1809 года. Еще въ Тильзитѣ Наполеонъ обратилъ вниманіе Александра на оголенность Петербурга съ сѣвера и сказалъ ему: „Il ne faut plus que les belles de Pétersbourg soient jamais troublées par le canon suédois". Императоръ Всероссійскій вспомнилъ это напоминаніе и присоединилъ Финляндію, два года спустя послѣ разговора. Умалять такого акта намъ не приходится, напротивъ того, мы подчеркиваемъ государственную мудрость Александра, сумѣвшаго отлично воспользоваться обстоятельствами для завершенія дѣла, достойнаго его предка, Петра Великаго. Не знаю, имѣло ли бы присоединеніе Галиціи то же значеніе.

Не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе 1809 года Россія еще вела войну на Балканахъ и не особенно удачно, благодаря старости и дряхлости главнокомандующаго, князя Прозоровскаго. Его смѣнили скоро, замѣнивъ княземъ Багратіономъ, имѣвшимъ частные успѣхи. Затѣмъ былъ назначенъ главнокомандующимъ юный и талантливый Н. М. Каменскій, который сразу поставилъ дѣло на твердую ногу, и можно было надѣяться на скорое окончаніе войны съ Турціей.

Но Наполеонъ не желалъ еще ссориться съ союзникомъ и всячески хотѣлъ загладить невыгодное впечатлѣніе Шёнбрунскаго договора. Коленкуръ передалъ Русскому Императору желаніе своего повелителя даже вычеркнуть наименованіе Польши изъ офиціальной переписки, и что, молъ, передача части Галиціи герцогству Варшавскому вовсе не обозначала мысли о возстановленіи Польши. Такія завѣренія мало дѣйствовали на Александра, и онъ отлично сознавалъ и понималъ ловкую игру Наполеона. Знаменитая рѣчь, произнесенная 21 ноября/3 декабря во французскомъ законодательномъ собраніи, начинавшаяся словами: „Mon allié et ami, l'Empereur de Russie"... была понята у насъ, какъ фейерверкъ пышныхъ фразъ, и только. Но не такъ понялъ эту рѣчь князь Адамъ Чарторыжскій, все еще управлявшій Виленскимъ учебнымъ округомъ въ качествѣ польскаго, а не русскаго попечителя. Онъ немедленно явился въ Петербургъ, чтобы узнать истинныя помышленія Александра.

Опять пошли нескончаемыя бесѣды, мало удовлетворившія польскаго князя, какъ видно изъ его же воспоминаній.

Императоръ жаловался на поведеніе поляковъ за границей, особенно въ Парижѣ, и на ихъ интриги противъ Россіи. Всѣ получаемыя донесенія подтверждали эти факты. На многіе вопросы Чарторыжскаго Государь не пожелалъ отвѣчать, отмалчивался, перемѣнялъ разговоръ, на что досадовалъ князь Адамъ. Въ заключеніе Государь сказалъ ему, что, конечно, если возгорѣлась бы

война съ Наполеономъ, онъ провозгласилъ бы себя королемъ Польши, но это окончательно разбѣсило князя Адама, имѣвшаго смѣлость отвѣтить, что тогда будетъ уже поздно.

Чарторыжскій былъ главнымъ образомъ озадаченъ рѣчью французскаго министра Монталиве (Montalivet), гдѣ говорилось: „Le duché de Varsovie s'est agrandi d'une portion de la Galicie. Il eût été facile à l'Empereur Napoléon de réunir à cet Etat la Galicie tout entière; mais il n'a rien voulu faire qui pût donner de l'inquiétude à son allié l'Empereur de Russie. La Galicie de l'ancien partage est restée presque tout entière au pouvoir de l'Autriche. Sa Majesté n'a jamais eu en vue le rétablissement de la Pologne. Ce que l'Empereur a fait pour la nouvelle Galicie lui a été commandé moins par la politique que par l'honneur: il ne pouvait abandonner à la vengeance implacable d'un prince les peuples qui s'étaient montrés avec tant d'ardeur pour la cause de la France".

Другими словами, князь Чарторыжскій оказался въ положеніи между двухъ огней. Было еще рано слѣдовать влеченію сердца и итти въ объятія Франціи, а съ Русскимъ государствомъ нужда заставляла еще кокетничать. Такъ и дѣйствовали не только князь Чарторыжскій, но и большинство его неутѣшныхъ соотечественниковъ. Ихъ игра въ 1810 и въ 1811 годахъ стала еще сложнѣе, но къ ней мы еще вернемся.

Что касается двухъ другихъ окраинъ, Финляндіи и Кавказа, то здѣсь правительство не проявило особой послѣдовательности. Благодаря проискамъ Густава Армфельда, ему удалось настроить Александра болѣе чѣмъ любовно и доброжелательно къ вновь пріобрѣтенному владѣнію. Даже было особо подчеркнуто, что Финляндія не губернія, а государство, въ которомъ введены конституціонныя начала, и для округленія этого новаго государства къ нему была придана Выборгская губернія, сто лѣтъ находившаяся подъ скипетромъ Россіи. Императоръ желалъ какъ бы особо подчеркнуть, что ему любо дѣлать опыты либерализма

въ качествѣ Великаго Князя Финляндіи и ограничить свою власть. Эта система была болѣе чѣмъ ошибочна: она создала рядъ сложныхъ затрудненій для его преемниковъ и повлекла за собой, до нашихъ дней, рядъ недоразумѣній и постоянныхъ треній, трудно разрѣшимыхъ.

О кавказскихъ дѣлахъ думали сравнительно мало и почти ими не интересовались. Послѣ присоединенія Грузіи въ 1801 году, на этой окраинѣ управлялъ умѣло и толково лишь князь Цициановъ, убитый вѣроломно персомъ въ 1806 году. Послѣдующіе генералы были мало способны какъ для управленія, такъ и для военныхъ дѣйствій, до назначенія на Кавказъ генерала Ермолова въ 1816 году. Эти лица оставались тамъ не долго, торопясь покинуть далекую окраину и, очевидно, не успѣвали, даже при желаніи, оставить какіе-либо плодотворные слѣды своей дѣятельности. Мы разумѣемъ графа Гудовича, Тормасова, маркиза Паулуччи и Ртищева. Всѣ эти господа только показали полную неспособность и неумѣніе управлять разнородными племенами Кавказа.

1810 и 1811 годы надо считать расцвѣтомъ довѣрія Государя къ Сперанскому и періодомъ силы и вліянія на дѣла этого государственнаго человѣка по всѣмъ отраслямъ внутренняго управленія Россіи. Но въ этихъ отношеніяхъ Александра и Сперанскаго, ежедневныхъ, откровенныхъ и полныхъ любовной довѣрчивости, надо искать корень вскорѣ случившихся недоразумѣній, закончившихся опалой.

Показывая такую исключительную милость одному лицу, давъ ему самыя обширныя полномочія, поставивъ Сперанскаго во главѣ разнообразнѣйшихъ отраслей правленія, начиная съ государственнаго секретаря и кончая канцлеромъ Абовскаго университета, Императоръ Александръ навлекъ неудовольствіе всѣхъ окружающихъ его людей, почти безъ исключенія. Сперанскій оказался вполнѣ одинокъ. Не было друзей, а враги окружали

его всюду. А онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на враговъ *), не искалъ друзей, а весь свой талантъ, всю творческую силу, всѣ способности отдавалъ одному Государю, вѣря твердо въ его покровительство и не допуская возможности утраты этого довѣрія. Два года все шло безъ задоринки, все подчинялось и преклонялось передъ царскимъ избранникомъ, бывшимъ семинаристомъ и сыномъ бѣднаго священника. Сперанскій, дѣйствительно, управлялъ тогда Россіей.

Говоря о торжественномъ открытіи Государственнаго Совѣта, Шильдеръ даетъ подробный текстъ вступительной рѣчи Императора Александра и добавляетъ, что „эта рѣчь была исполнена чувствомъ достоинства и такихъ идей, о которыхъ никогда еще не говорили Россіи съ престола". Эта оцѣнка вполнѣ правильна. Не подлежитъ также сомнѣнію, что вся рѣчь была дѣломъ пера Сперанскаго и лишь мѣстами исправлена Государемъ. Вообще открытіе Государственнаго Совѣта на новый 1810 годъ было цѣлымъ событіемъ и не только для Петербурга, но и для самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи. Но успѣхъ одного человѣка уже тогда возбудилъ самыя дурныя чувства въ сановникахъ и особенно чувство зависти. Затѣмъ, всѣ свои старанія Сперанскій приложилъ къ новому раздѣленію дѣлъ въ исполнительномъ порядкѣ. Онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ несовершенствѣ созданныхъ на скорую руку министерствъ въ 1802 году. Это было выражено въ манифестѣ отъ 25 іюля 1810 года, гдѣ подробно говорилось о вѣдѣніи каждаго министерства отдѣльно, а также главныхъ управленій. Сперанскій точно постарался опредѣлить недостатки существовавшихъ министерствъ въ особой запискѣ, поданной Государю. Вотъ этотъ перечень: 1) недостатокъ отвѣтственности министровъ. Отвѣтственность не должна состоять только на словахъ,

*) Покойный А. Н. Пыпинъ вѣрно оцѣнилъ Сперанскаго: „У него не было умѣнія бороться съ интригой, отъ которой онъ и палъ, не было желанія устранять враговъ".

но быть вмѣстѣ и существенной. 2) Недостатокъ точности въ распредѣленіи дѣлъ, основанномъ на случайномъ соединеніи прежнихъ вѣдомствъ, а не на естественныхъ отрасляхъ государственнаго управленія. 3) Отсутствіе твердой внутренней организаціи министерствъ, т.-е. „недостатокъ самыхъ учрежденій", какъ выражался Сперанскій. Ошибкой Михаила Михайловича было желаніе все совершить разомъ, не имѣя подъ рукой ни вѣрныхъ ему помощниковъ, ни доброжелателей. Нашъ почтенный историкъ Н. Дубровинъ когда-то писалъ: „Работая безъ устали, онъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, въ два года написалъ и частію осуществилъ планъ всеобщаго государственнаго управленія, положеніе о Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ, общее учрежденіе министерствъ, наказъ министрамъ и, несмотря на упреки въ заимствованіи изъ французскихъ уставовъ, далъ имъ такое направленіе, которое, съ незначительными измѣненіями, сохранилось почти до нашихъ дней. Выдающійся организаторъ, Сперанскій предлагалъ Императору: избѣгать всякой торопливости, открывать новыя учрежденія только тогда, когда все образованіе будетъ готово, переходъ отъ старыхъ учрежденій къ новымъ дѣлать постепенно, такъ, чтобы имѣть возможность остановиться и сохранить въ силѣ старый порядокъ, если для введенія новаго встрѣтились неодолимыя препятствія. Но для всего этого необходимо было время, твердость, упорство и настойчивость. Александръ же постоянно колебался между мыслію и дѣйствительнымъ ея исполненіемъ".

Ничего не можемъ добавить къ такому выводу и заключеніямъ покойнаго Дубровина. Все выражено вѣрно и мѣтко *).

Не буду распространяться о многихъ другихъ второстепенныхъ мѣропріятіяхъ, проведенныхъ за годы вліянія Сперанскаго, скажу одно, что часто и мелочныя распоряженія приводили въ негодованіе разные слои общества.

---

*) См. „Русская Жизнь въ началѣ XIX вѣка"; „Русская Старина", октябрь 1901 года.

Такъ, еще въ 1809 году вышелъ указъ о придворныхъ званіяхъ, отнявшихъ у нихъ право на чины IV и V классовъ, а другой вводилъ экзамены на гражданскіе чины. Несмотря на то, что было извѣстно, что первый изъ этихъ указовъ былъ изданъ по иниціативѣ Государя, весь гнѣвъ придворныхъ и столичнаго общества обрушился на Сперанскаго.

Вотъ именно отъ совокупности раздраженія даже по поводу всякихъ мелочей и кончилось могущество даровитаго труженика въ началѣ 1812 года. Но пока тучи только все больше и больше сгущались на горизонтѣ.

За тѣ же годы другой человѣкъ тоже имѣлъ возможность часто видѣть, говорить и писать Александру, то былъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Но его часъ еще не насталъ. Изучивъ гораздо ближе натуру своего повелителя, до тонкости прослѣдивъ всѣ странности характера Александра, Аракчеевъ оказался лучшимъ сердцевѣдомъ, чѣмъ Сперанскій. Не торопясь, онъ подготовлялъ себѣ твердую почву и терпѣливо ждалъ, когда на него обратится царская милость. Бывали вспышки, но онѣ были обдуманны. Такъ, обидѣвшись, что Его Величество не посвятилъ его во всѣ детали готовящейся реформы учрежденія Государственнаго Совѣта, Аракчеевъ уѣхалъ въ Грузино и письмомъ просилъ Государя уволить его въ отставку. Александръ Павловичъ тотчасъ же отвѣтилъ ему съ укоризной и призывалъ грузинскаго помѣщика къ чувству преданности къ нему и къ родинѣ. Оба письма напечатаны у Шильдера.

Аракчеевъ, правда, смилостивился и остался на службѣ, но все-таки, не медля, сдалъ Барклаю-де-Толли должность военнаго министра. Несмотря на такое упрямство, вполнѣ обдуманное и занесенное на страницы грузинскаго Евангелія рукою Аракчеева, Государь снова подчеркнулъ ему всегдашнюю милость и довѣріе, назначивъ его предсѣдателемъ Департамента военныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта. Эта должность была отвѣтственная и давала

возможность вмѣшиваться во все, что касалось арміи. Аракчеевъ сумѣлъ воспользоваться новымъ положеніемъ, но въ то время велъ себя съ большимъ тактомъ и не дѣлалъ промаховъ. Наоборотъ, онъ горой стоялъ за своего преемника и всячески превозносилъ достоинства Барклая.

Мы нарочно сопоставили отношенія Александра къ Аракчееву и Сперанскому, чтобы оттѣнить врожденную способность Александра приближать къ себѣ совсѣмъ разнородные элементы и работать съ ними одновременно. Такіе примѣры продолжались въ теченіе всего его царствованія.

Г. С. Батенковъ оставилъ оригинальныя показанія насчетъ совѣтовъ, данныхъ ему Сперанскимъ при поступленіи его, Батенкова, на службу къ графу Аракчееву. Онъ пишетъ: „Сперанскій далъ мнѣ слѣдующіе приказанія и совѣты: 1) Ничего никогда съ нимъ не говорить о военныхъ поселеніяхъ. 2) Ежели не хочу быть замѣшаннымъ въ хлопоты, вести себя у графа совершенно по службѣ и избѣгать всѣхъ домашнихъ связей. 3) Никогда не дать графу замѣтить, а лучше и не думать, что я могу, кромѣ него, имѣть къ Государю другіе пути“.

Затѣмъ, Батенковъ дѣлаетъ такое сравненіе между Аракчеевымъ и Сперанскимъ (*Русская Старина,* августъ 1889 г., тоже октябрь 1897 г.):

„Осмѣливаюсь здѣсь сдѣлать отступленіе, представивъ кратко параллель между сими лицами:

Аракчеевъ страшенъ физически, ибо можетъ въ жару гнѣва надѣлать множество бѣдъ; *Сперанскій* страшенъ морально, ибо прогнѣвить его — значитъ уже лишиться уваженія. *Аракчеевъ* зависимъ, ибо самъ писать не можетъ и не ученъ. *Сперанскій* холодитъ тѣмъ чувствомъ, что никто ему не кажется нужнымъ.

Аракчеевъ любитъ приписывать себѣ всѣ дѣла и хвалиться силою у Государя всѣми средствами. *Сперанскій* любитъ критиковать старое, скрывать свою значимость и всѣ дѣла выставлять легкими.

Аракчеевъ приступенъ на всѣ просьбы къ оказанію строгостей и труденъ слушать похвалы: все исполняетъ, что обѣщаетъ. *Сперанскій* приступенъ на всѣ просьбы о добрѣ, охотно обѣщаетъ, но часто не исполняетъ: злорѣчія не любитъ, а хвалитъ рѣдко.

Аракчеевъ съ перваго взгляда умѣетъ разставить людей, сообразно ихъ способностямъ; ни на что постороннее не смотритъ. *Сперанскій* нерѣдко смѣшиваетъ и увлекается особыми уваженіями.

Аракчеевъ рѣшителенъ и любитъ наружный порядокъ. *Сперанскій* остороженъ и часто наружный порядокъ ставитъ ни во что.

Аракчеевъ ни къ чему принужденъ быть не можетъ. *Сперанскаго* характеръ сильный можетъ заставить исполнить свою волю.

Аракчеевъ въ обращеніи простъ, своеволенъ, говоритъ безъ выбора словъ, а иногда и неприлично; къ подчиненнымъ совершенно искрененъ и увлекается всѣми страстями. *Сперанскій* всегда является въ приличіи, дорожитъ каждымъ словомъ и кажется неискреннимъ и холоднымъ.

Аракчеевъ съ трудомъ можетъ перемѣнить видъ свой по обстоятельствамъ. *Сперанскій,* при появленіи каждаго новаго лица, можетъ легко перемѣнить свой видъ.

Аракчеевъ богомолъ, но слабой вѣры. *Сперанскій* набоженъ и добродѣтеленъ, но мало исполняетъ обряды.

Мнѣ оба они нравились, какъ люди необыкновенные; но Сперанскаго любилъ душою".

1809 годъ можно считать апогеемъ славы и могущества Наполеона. Все трепетало передъ однимъ его именемъ, все преклонялось передъ нимъ, а въ Германіи владѣтельныя особы безчисленныхъ нѣмецкихъ княжествъ особенно старались получить благоволеніе Бонапарта и заискивали передъ нимъ, какъ могли, одинъ за другимъ наѣзжая въ Парижъ. Наполеонъ, въ свою очередь, осыпалъ милостями германскихъ принцевъ: были созданы

короли, гросгерцоги и герцоги, донынѣ сохранившіе пожалованные имъ титулы. Кромѣ того, брачными узами Наполеонъ старался закрѣпить эту преданность. Братъ его Іеронимъ женился на принцессѣ вюртембергской и сталъ въ свойствѣ съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной; принцъ Евгеній Богарне и маршалъ Бертье женились на баварскихъ принцессахъ, Баденскій великій герцогъ вступилъ въ бракъ съ Стефаніей, близкой родственницей императрицы Жозефины.

Братья Наполеона и родственники занимали престолы Испаніи, Голландіи, Вестфаліи, Неаполя, словомъ, мощь корсиканца достигла высшихъ предѣловъ.

Недоставало только прямого наслѣдника. Жозефина была безплодна. Тогда Наполеонъ рѣшается на разводъ и ищетъ себѣ невѣсту. Взоры его сперва обращаются на Россію. Коленкуру поручено просить руки великой княжны Анны Павловны.

На это предложеніе Александръ отвѣчаетъ не сразу, онъ тронутъ, по крайней мѣрѣ, наружно, но медлитъ, ибо ему нужно запросить матушку и получить ея согласіе. Императрица-мать, въ свою очередь, совѣтуется съ другою изъ дочерей, великой княгиней Екатериной Павловной. На всѣ эти переговоры тратится много времени, Наполеонъ же не скрываетъ своего нетерпѣнія и торопитъ Коленкура получить скорѣе отвѣтъ. Хотя вопросъ между Маріей Ѳеодоровной и сыномъ давно предрѣшенъ, но опредѣленнаго отвѣта Александръ все-таки не даетъ. Наполеонъ, предчувствуя отказъ, быстро перемѣняетъ фронтъ и черезъ Меттерниха обращается къ Австріи.

Здѣсь дѣло рѣшается быстро: Императоръ Францъ даетъ согласіе на бракъ дочери Маріи-Луизы.

Пока ѣдетъ еще съ курьеромъ отказъ Александра относительно его младшей сестры, бракъ Наполеона уже всенародно объявленъ съ австрійской эрцгерцогиней, а 20 марта/1 апрѣля 1810 года отпраздновано въ Парижѣ и бракосочетаніе.

Въ Петербургѣ смущены и обижены. Затѣмъ, въ теченіе десятаго и одиннадцатаго годовъ начинаются недоразумѣнія съ Россіей и такъ не прекращаются до самаго разрыва.

Поводовъ къ разладу много, но главный споръ о герцогствѣ Ольденбургскомъ и относительно свободы русскихъ портовъ для торговли съ Англіей. Никакія старанія ни Коленкура, ни князя Куракина распутать эти вопросы не приводятъ ни къ какому результату. Наполеонъ негодуетъ на Коленкура и замѣняетъ его генераломъ Лористономъ; Александръ недоволенъ своимъ посломъ, но оставляетъ его въ Парижѣ, найдя другія средства для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ во Франціи.

Для этой цѣли командируется дважды ловкій флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ, посылающій свои донесенія прямо Императору, помимо посла; одновременно совѣтникъ русскаго посольства въ Парижѣ Нессельроде пишетъ, помимо князя Куракина, государственному секретарю Сперанскому. Р. А. Кошелевъ находится въ непосредственной перепискѣ съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Г. О. Штакельбергомъ, и австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Сенъ-Жюльеномъ (Saint-Julien), опять-таки помимо канцлера, и все докладывается Кошелевымъ непосредственно Императору. Способъ особый, но онъ присущъ Императору Александру.

Добавимъ, что не только посолъ ничего не зналъ о перепискѣ между подчиненнымъ и Сперанскимъ, но и самъ канцлеръ графъ Румянцевъ тоже ничего не вѣдалъ объ этомъ фактѣ. Дѣла же Наполеона впервые постигла неудача. Война съ Англіей не прекращалась, а въ Испаніи пришлось испытать рядъ пораженій, борьба приняла ожесточенный характеръ и затягивалась. Разводъ съ Жозефиной былъ исходной точкой всѣхъ невзгодъ. Какъ бываетъ съ крупными игроками, такъ случилось и съ Наполеономъ, il perdait sa mascotte. Нуженъ былъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Выходъ этотъ въ глазахъ Наполеона былъ война съ

Россіей, единственной державой, оказавшей препоны его властолюбію, и къ этой цѣли направились всѣ его стремленія. Начался цѣлый рядъ громадныхъ приготовленій къ затѣянной борьбѣ, такъ какъ Наполеонъ уже болѣе не сомнѣвался, что его союзникъ, Александръ, готовился упорно къ возможности скораго разрыва, несмотря на всѣ завѣренія сперва Коленкура, а теперь Лористона, что Русскій Государь настроенъ миролюбиво. Передъ однимъ изъ пріемовъ французскаго посла Лористона Александръ написалъ Р. А. Кошелеву такого рода записку: „Avec les sentiments que mon âme professe, personne plus que moi n'apprécie l'impulsion qui vous a guidé. Continuez à vous livrer avec abandon et confiance, persuadez-vous que je saurai toujours vous comprendre. Tranquillisez-vous sur les inquiétudes que peuvent vous donner les propositions de Napoléon: *je suis très fermement décidé à ne pas me prêter à aucune et à rester inébranlable dans ma marche*" *). Вотъ въ общихъ чертахъ та обстановка, при которой прошелъ 1811 годъ. Въ то время взоры Александра были обращены на всѣ детали, чтобы подготовить себѣ почву для отчаянной борьбы.

Въ донесеніяхъ графа Сенъ-Жюльена графу Меттерниху австрійскій уполномоченный передаетъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ разговоровъ, которые онъ имѣлъ неоднократно за 1811 и начало 1812 года какъ съ самимъ Императоромъ Александромъ, такъ и съ графомъ Румянцевымъ и Кошелевымъ. Русскій Государь входилъ во всѣ мелочи политики, столь сложной, гдѣ главное велось черезъ посредство Кошелева, минуя канцлера графа Румянцева, которому сообщалось лишь то, что считалось маловажнымъ, или когда нельзя было обойтись безъ его вмѣшательства. Сенъ-Жюльену было трудно лавировать между Кошелевымъ и канцлеромъ, но онъ блистательно для австрійскихъ интересовъ велъ свое дѣло, обходя ловко и умѣло всѣ затрудненія, созданныя

*) Собственная Его Величества библіотека.

методомъ Александра вести дѣла внѣшней политики. Донесенія австрійца удивляютъ освѣдомленностью русскихъ обстоятельствъ, знаніемъ людей, вѣрной ихъ оцѣнкой и умѣніемъ пользоваться услугами то одного, то другого. Сравнивая донесенія и письма Коленкура, и особенно Лористона, можно только дивиться, насколько ихъ австрійскій коллега лучше понялъ свое назначеніе при русскомъ дворѣ, и какъ онъ умѣлъ пользоваться знаніемъ тогдашней обстановки въ петербургскомъ обществѣ. Когда Государь началъ приглашать къ себѣ Сенъ-Жюльена, сперва для бесѣдъ съ нимъ въ аппартаментахъ графа Н. А. Толстого, а потомъ мало-по-малу звать къ обѣду, то ловкій австріецъ сразу подмѣтилъ сходность пріемовъ обращенія съ французскими представителями. Ясно сознавая преимущество Коленкура, попавшаго чуть ли не въ положеніе царскаго друга, Сенъ-Жюльенъ и не думалъ искать такого же отношенія къ себѣ; но когда появился неопытный и наивный Лористонъ, то австріецъ занялъ положеніе уѣхавшаго Коленкура и сталъ persona gratissima у Александра Павловича. Всѣ разговоры съ Государемъ переданы почти дословно Меттерниху, съ разными мѣткими замѣчаніями, которыя отсутствовали въ донесеніяхъ французовъ. Сенъ-Жюльенъ изучилъ до тонкости характеръ Александра, вполнѣ къ нему примѣнился и отдавалъ должное его дипломатическимъ способностямъ, ставя Государя гораздо выше его сотрудниковъ, какъ Румянцева, такъ и Кочелева, и угадавъ слабости обоихъ. Для Россіи, въ концѣ концовъ, были достигнуты болѣе или менѣе желанные результаты, такъ какъ Австрія секретно обязалась при вторженіи Наполеоновскихъ полчищъ въ русскіе предѣлы играть со своими войсками по возможности нейтральную роль, схожую съ игранной Россіей въ теченіе кампаніи 1809 года.

Пока Наполеонъ подписывалъ союзные договоры съ Пруссіей и Австріей (12/24 февраля и 2/14 марта 1812 года), Александръ былъ въ оживленной перепискѣ съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ Бернадоттомъ и подготовлялъ съ нимъ союзъ,

вскорѣ заключенный. Но Александра Павловича озабочивала Польша. Онъ желалъ какими-либо путями привлечь поляковъ на сторону Россіи. Въ приложеніяхъ читатель найдетъ нѣсколько интереснѣйшихъ писемъ Государя и князя Чарторыжскаго на эту тему. Всѣ эти письма не были напечатаны въ корреспонденціи, изданной Мазадомъ. Въ концѣ февраля 1811 года князь Адамъ обратился—какъ онъ выразился: „C'est pour la première fois de ma vie que je m'adresse à V. M. I. pour une affaire d'argent"—съ денежной просьбой къ Русскому Императору *). Александръ не замедлилъ исполнить желаніе бывшаго друга. Банкиру Ралль, которому задолжали польскій магнатъ и его отецъ, была дана ссуда въ восемьсотъ тысячъ рублей! Остальныя письма посвящены исключительно вопросу о роли Польши, въ случаѣ разрыва съ Франціей.

Въ письмѣ своемъ къ князю отъ 31 января 1811 года Государь возбуждаетъ прямо, безъ запинокъ, вопросъ о положеніи, которое приметъ Польша при готовящемся конфликтѣ **). Условія Императора Александра заключались въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) Que le royaume de Pologne soit *à jamais réuni* à la Russie, dont l'empereur portera, dorénavant, le titre d'empereur de Russie et roi de Pologne.

2) Une assurance formelle et positive d'une unanimité de dispositions et de sentiments dans les habitants du Duché pour produire ce résultat, qui doit être garanti par la signature des individus les plus marquants. Maintenant je vais essayer de diminuer vos craintes sur l'insuffisance des moyens militaires qu'on a à mettre en action.

Далѣе Александръ подробно исчисляетъ русскія военныя силы, ихъ расположеніе, назначеніе и т. д. Характерна еще одна

*) Понятно, что наслѣдники постѣснились напечатать это письмо.

**) Это письмо напечатано у Мазада, но отвѣта Чарторыжскаго уже нѣтъ, а прямо слѣдуетъ письмо Государя отъ 1 апрѣля 1812 года.

фраза: „Il est hors de doute que Napoléon tâche de provoquer la Russie à une rupture avec lui, espérant que je ferai la faute d'être l'agresseur. Cela en serait une, dans les circonstances actuelles, et je suis décidé à ne pas la commettre".

Приходилось отвѣчать на такія ясно выраженныя требованія. Князь Чарторыжскій отвѣтилъ 28 февраля, и замѣтно изъ его письма, что всякое въ немъ слово было обдумано и взвѣшено. Письмо отправлено изъ Варшавы. Князь старается изложить различныя теченія въ польскомъ обществѣ и выясняетъ настроеніе своихъ соотечественниковъ. Есть мѣста въ письмѣ, заслуживающія особаго вниманія. Такъ: „On ne saurait se familiariser que peu à peu avec l'idée que la Russie puisse jamais vouloir du bien à la Pologne, et lui offrir sincèrement sa régénération. Tout en reconnaissant les qualités qui distinguent V. M., on s'imagine qu'il faut séparer sa personne de la politique de son cabinet et de l'esprit qui règne dans son armée. Ces derniers, on les suppose à jamais hostiles au nom polonais...." Все сводится къ возвращенію Польши къ ея границамъ до перваго раздѣла и возстановленію конституціи 3 мая 1791 года. Чарторыжскій не скрываетъ симпатіи большинства къ Наполеону и вѣры въ непобѣдимость его оружія. Эта мысль преслѣдуетъ и его лично, и онъ умоляетъ Государя уволить его окончательно отъ всякой службы и дать отставку. Князь Адамъ чувствуетъ, что скоро очутится въ весьма неловкомъ положеніи, и въ этомъ случаѣ его помышленія чисты и благородны. Теперь же онъ намѣренъ уѣхать изъ Польши за границу, на минеральныя воды въ Австрію, чтобы не компрометировать себя дома. Такое рѣшеніе было умно и показывало крайнюю осторожность бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Россіи.

Онъ выжидалъ на всякій случай лучшихъ дней для Польши; ему было выгодно занять нейтральное положеніе въ средѣ поляковъ, ни во что не вмѣшиваться и спокойно смотрѣть на возгоравшуюся борьбу. Если сила окажется на сторонѣ Наполеона, то

покончить разъ навсегда всѣ счеты съ Россіей при содѣйствіи и покровительствѣ Франціи, если побѣда склонится подъ русскія знамена, то смягчить заслуженный гнѣвъ земли Русской и ея повелителя и найти modus vivendi съ могучей Россіей. Расчеты польскаго князя оказались правильными, его послѣдующая роль послѣ окончанія Отечественной войны это покажетъ.

Дальнѣйшія приготовленія Россіи къ грядущей бѣдѣ мы постараемся подробно разсмотрѣть въ слѣдующей главѣ.

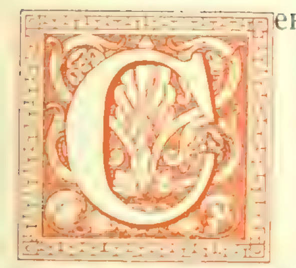
ГЛАВА III.

Борьба съ Наполеономъ.

1812—1815.

„Je m'engage sur l'honneur à ne plus traiter de la paix jusqu'au jour où le sol de la Russie sera entièrement purgé de la presence de l'ennemi“.

(Изъ письма Императора Александра къ императору Наполеону, переданнаго Балашовымъ.)



Секретарь Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Н. М. Лонгиновъ, такъ описалъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову русское правительство и людей, стоящихъ въ ту годину у власти *).

„Письмо сіе назначается для Васъ единственно.... Коль скоро правительство составлено изъ частей, не согласныхъ между собою, нельзя ожидать, чтобы оное могло поддерживать себя иначе какъ интригами; а сіи, распространяясь повсюду, наполняютъ всѣ мѣста, зависящія отъ онаго. Такимъ образомъ стоитъ только упомянуть имена министровъ нашихъ, чтобы все понять и всѣхъ оцѣнить, какъ должно.

*) См. XXIII книгу Архива князя Воронцова, стр. 145.

„Графъ Румянцевъ одинъ, можно сказать, наибольше имѣлъ вліянія на всѣ мѣры правительства. Если не купленъ Франціей, то изъ единственной въ своемъ родѣ глупости и неспособности; всегда такъ дѣйствовалъ, какъ бы на жалованіи у Бонапарта, до того, что если бывали когда минуты добраго расположенія Государя къ доброму дѣлу, то оное не иначе исполнялось, какъ мимо него. При всемъ томъ, онъ вообразилъ и заставилъ многихъ о себѣ думать, что онъ Макіавелли, хотя голова его нисколько не похожа на сего умнаго софиста въ политикѣ....

„Козодавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, есть его креатура, подлѣйшій изъ подлецовъ, знающій порядокъ и теченіе обыкновенныхъ дѣлъ и ничего никогда не значившій, много препятствовалъ сближенію Россіи съ Англіей и постоянно показывалъ себя врагомъ послѣдней. Сей глупый педантъ никакого никогда вліянія, даже понятія о политической системѣ нашей, если то можно назвать системой, не имѣлъ....

„Барклай, выведенный изъ ничтожества Аракчеевымъ, который думалъ имъ управлять какъ секретаремъ, когда вся армія возненавидѣла его самого, показалъ, однакоже, характеръ, коего Аракчеевъ не ожидалъ, и съ самаго начала взялъ всю власть и могущество, которыя Аракчеевъ думалъ себѣ одному навсегда присвоить, но ошибся, присвоивъ ихъ мѣсту, а не себѣ, и Барклай ни на шагъ не упустилъ ему, когда вступилъ въ министерство. Сколько я могу судить, Барклай есть честный и тяжелый нѣмецъ, съ характеромъ и познаніями, кои, однакожъ, недостаточны для министра. Притомъ, не имѣя ни связей, ни могущихъ друзей, Барклай одинъ стоялъ противъ всѣхъ бурь, пока, наконецъ, Ольденбургская фамилія и Сперанскій, какъ утверждаютъ, приняли его въ покровительство.

„Траверсе, по сходству положенія своего съ Барклаемъ, нашелъ въ немъ одномъ, можно сказать, товарища и друга; но въ дѣлахъ никогда ничего не значилъ. Гурьевъ, человѣкъ съ хорошими

правилами и довольно честный, но пренеспособный къ мѣсту и дѣламъ, поддерживаемый Н. А. Толстымъ, А. Н. Голицынымъ и другими придворными, часто боролся со Сперанскимъ, но устоялъ, не имѣя почти никакихъ сношеній съ прочими товарищами своими, и въ дѣлахъ, кромѣ своей части, никогда голоса не имѣлъ. Алексѣй Разумовскій, начальникъ и покровитель московскихъ мартинистовъ, зарывшись въ ботанику и метафизику, былъ и есть находкой для всѣхъ педантовъ, подъ именемъ ученыхъ, кои все могли дѣлать, лишь бы не нарушали его лѣности и покоя, и вездѣ въ ученыхъ обществахъ ввели правила такія, кои въ одной Франціи покровительствуемы.

„....Сперанскій глубоко проникнулъ и для достиженія своей цѣли разсудилъ, что надо революцію начать съ образованія юношества безъ разбора, по своимъ правиламъ, въ предосужденіе дворянству и заслугамъ предковъ. Ему надобно было не Завадовскаго, а того, кто бы ему не мѣшалъ. Разумовскій выполнилъ сію цѣль, въ прочихъ дѣлахъ не участвуя.

„Дмитріевъ, піита, человѣкъ прямой и честный, немного мартинистъ, шелъ своей дорогой, не входя въ большія связи, кромѣ съ стариннымъ пріятелемъ Балашовымъ и съ Разумовскимъ; съ прочими онъ мало знался и дѣлалъ одни свои дѣла.

„Министерство, такъ составленное, не могло почти дѣйствовать. Для него надобна была душа; нашлась она въ Сперанскомъ, къ несчастію Россіи. Креатура Кочубея; самъ Кочубей, вывезшій изъ Парижа знаменитый планъ совѣта, правительства, всеобщаго образованія, сталъ у него секретаремъ и исполнителемъ. Самъ Румянцевъ, при всей гордости своей, былъ у ногъ его. Сперанскій преобразовалъ правительство, воспитаніе, армію, финансы. Сенатъ остановилъ его, тогда какъ разрушеніе онаго было начертано, и великій творецъ онаго забытъ....

„Описавъ такимъ образомъ корень всего зла, можно удобнѣе приступить къ отраслямъ, кои не меньше имѣли вліянія на нашу

армію. Нѣкто Фуль, который принятъ изъ прусской въ нашу службу генералъ-майоромъ, былъ творцомъ нашего плана войны. Человѣкъ сей имѣетъ большія математическія свѣдѣнія, но есть не иное какъ нѣмецкій педантъ, и совершенно имѣетъ видъ пошлаго дурака. Онъ самый начертилъ планъ Іенской баталіи и разрушенія Пруссіи. Барклай и Ольденбургская фамилія покровительствовали его, какъ нѣмца, Сперанскій какъ человѣка нужнаго, или по крайней мѣрѣ ни въ чемъ ему не мѣшающаго"....

Картина, вышедшая изъ-подъ пера Лонгинова, не лестная, скорѣе безотрадная, но, къ счастію, здѣсь многое преувеличено, многое невѣрно, однако, это показаніе цѣнно потому, что изъ него видно, насколько ненависть къ Сперанскому была распространена, и даже затмила человѣка скромнаго, наблюдательнаго, какимъ былъ Лонгиновъ.

Что же было сдѣлано для защиты Русскаго государства отъ нашествія иноплеменниковъ?

Приготовленія начались уже съ 1810 года. Въ области военной два человѣка сдѣлали очень многое. То были Барклай и Аракчеевъ. Они неустанно работали для приведенія въ порядокъ всѣхъ отраслей русской арміи. Работа была не изъ легкихъ. Многіе открыто выражали недовольство, но желѣзная воля Алексѣя Андреевича и методичный и спокойный Барклай сдѣлали, что могли, не обращая вниманія на критику и интриги. Еще въ октябрѣ 1811 года графъ Аракчеевъ представилъ въ Государственный Совѣтъ собственноручно написанное мнѣніе „по дѣлу о наборѣ рекрутъ въ государствѣ". Приводимъ это мнѣніе цѣликомъ, какъ образчикъ Аракчеевскихъ резолюцій.

„Департаментъ Государственнаго Совѣта военныхъ дѣлъ къ разсужденію своему основалъ изъ сего дѣла два вопроса: сколько собрать рекрутъ, и на какихъ правилахъ оный сборъ произвесть.

„Къ разсмотрѣнію перваго вопроса департаментъ разсуждалъ, что когда сборомъ происшедшаго года трехъ человѣкъ съ

Императрица
Елисавета Алексѣевна

Великая Княгиня
Екатерина Павловна

М. А. Нарышкина

Баронесса Ю. Крюденерь

пятисотъ армія и безъ важныхъ въ нынѣшнемъ году военныхъ дѣйствій къ наступающему 1812 году только получаетъ одно укомплектованіе, безъ всякаго остатка для запаса, то изъясняемыя военнымъ министромъ военныя обстоятельства, конечно, требуютъ уже рекрутъ не только для одного укомплектованія арміи, но и для непредвидимыхъ случаевъ въ значительномъ запасѣ. Обращаясь потомъ ко второму вопросу, состоящему въ правилахъ пріема рекрутъ, разсуждалъ, что:

1) хотя производимый послѣдній пріемъ рекрутъ признается весьма строгимъ и для общества тягостнымъ, потому что по мѣрѣ строгаго набора въ пріемѣ поступаемыхъ людей на службу должно ожидать уменьшенія вышеисчисленной въ запискѣ военнаго министра годовой обыкновенной убыли въ арміи, простирающейся до 71/т. человѣкъ и составляющей десятую часть всей арміи; но самая сія строгость пріема должна, кажется, уменьшить наборъ оныхъ, хотя впослѣдствіи времени, ибо вышеприведеннымъ исчисленіемъ Военнаго министерства годичная обыкновенная убыль въ арміи составляетъ десятую часть. Слѣдовательно, таковая убыль арміи, происходящая отъ слабости поступающихъ на службу людей, производитъ не только уменьшеніе общаго народоисчисленія, но и вредъ самой арміи. Потому на семъ расчетѣ армія не можетъ имѣть большого количества старыхъ солдатъ, которые, безъ сомнѣнія, полезнѣе молодыхъ;

2) конечно, изъ числа такой значительной убыли въ арміи большая часть оныхъ выбываетъ по неспособности отставкой, но какъ сіи люди на вышеписанномъ расчетѣ должны выбывать изъ службы въ молодыхъ лѣтахъ и оставаться во все время праздными и обществу безполезными, то и они составляютъ собою въ государственномъ составѣ ни что иное, какъ ту же общую убыль въ людяхъ.

„Сіи общія разсужденія Военнаго департамента о строгости пріема и убыли въ арміи людей обратили департаментъ къ

изъясненію такихъ способовъ облегченія въ пріемѣ рекрутъ, которые не дѣлали бы ни малѣйшаго вліянія на здоровіе и крѣпость отдаваемыхъ на службу людей. А, дѣлая облегченія сей необходимой государственной повинности, уменьшали бы вмѣстѣ съ онымъ и случающіяся при этомъ злоупотребленія" *).

За тотъ же октябрь 1811 года имѣется другая записка графа, озаглавленная: „Голосъ графа Аракчеева въ Государственномъ Совѣтѣ о продажѣ рекрутскихъ квитанцій изъ казны за двѣ тысячи пятьсотъ (2500) рублей".

„Мѣра, предполагаемая о выпускѣ отъ казны за деньги рекрутскихъ квитанцій, представлена въ благодѣтельномъ видѣ *народнаго облегченія,* но въ то же самое время и въ знатномъ сборѣ денежной суммы на расходы Государственнаго Казначейства, почему, разсуждая о народномъ облегченіи, должно разсмотрѣть слѣдующее:

„Повинность рекрутская въ государствѣ есть, безъ сомнѣнія, тягостнѣйшая изъ всѣхъ повинностей, но облегчается собственнымъ разсужденіемъ каждаго вѣрноподданнаго, что она основана на вѣрныхъ и истинныхъ исчисленіяхъ нуждъ государственной защиты и отправляется всѣми сравнительно; а предлагаемая продажа квитанцій освобождаетъ однихъ богатыхъ людей отъ сей необходимой повинности, существенно разстраиваетъ выписанныя каждаго объ ней заключенія и возродитъ въ народѣ общее сомнѣніе въ мѣрахъ исчисленія сей повинности на государственную защиту.

„Вотъ неудобство ея въ общемъ обозрѣніи оной, но, представляя сходно сему предположенію, что сія продажа есть благодѣяніе правительства для богатыхъ, не должна ли возродить сія мѣра большое уныніе духа въ бѣдныхъ, когда они изъ онаго ясно увидятъ, что и самое правительство печется нынѣ неуравнительно о всѣхъ сословіяхъ, а открываетъ благодѣянія свои за деньги,

*) Архивъ канцеляріи Военнаго министерства.

не заботясь о томъ, что состоянiе бѣднаго передъ богатымъ уже есть и безъ онаго тягостно.

„Правда, сiя мѣра неуравнительнаго благодѣянiя прикрывается вербованiемъ вольныхъ людей, но можетъ ли сiя вербовка представиться достовѣрной каждому, когда находящiеся и нынѣ вербуемые въ армiю полки затрудняются въ наполненiи себя людьми; да и положивъ, что назначенное число оныхъ наполнится предполагаемыми въ семъ представленiи бродягами, то не будутъ ли они въ тягость армiи въ нынѣшнемъ ея расположенiи, и не разстроятся ли всѣ до сего сдѣланныя распоряженiя въ армiи?!

„Наконецъ, должно обратиться къ заключительнымъ разсужденiямъ: что если бы умственно предполагаемая вербовка впослѣдствiи оказалась по какому-либо случаю неудобоспособною мѣрою, то какимъ другимъ образомъ правительство можетъ выполнить наполненiе сихъ людей, кромѣ прибавки числа онаго въ предыдущемъ рекрутскомъ наборѣ, и тогда уже каждому ясно откроется, что предполагаемое благодѣянiе богатымъ есть угнетенiе для бѣдныхъ. Слѣдовательно, это должно назваться не облегченiемъ, а народною тягостью.

„Касательно наполненiя Государственнаго Казначейства суммою, то также, кромѣ невѣрности въ числѣ оной, по неизвѣстному еще числу желающихъ искупить квитанцiи, за сiю столь знатную сумму, кажется, оный сборъ сдѣлаетъ въ народѣ неблаговидный толкъ, представляющiйся въ видѣ продажи людей изъ государственной службы“.

Заключенный миръ съ Турцiей (16/28 марта 1812 г.) и все бóльшее сближенiе съ Швецiей гарантировали Россiи южный и сѣверный фронты. Вскорѣ съ послѣдней былъ подписанъ союзный договоръ. Шведскiй наслѣдный принцъ Бернадоттъ, честолюбивый и подвижный по своей натурѣ гасконца, давно искалъ сближенiя съ Александромъ. Между ними завязалась оживленная переписка, часть которой недавно только издана. Именно Бернадоттъ первый

указалъ Русскому Государю на способъ веденія войны съ Наполеономъ — избѣгать сраженій и стараться втягивать полчища врага все болѣе въ глубь страны*). Того же взгляда держался другой иностранецъ, нѣмецъ Фуль, недавно (1806 г.) перешедшій на русскую службу и сразу ставшій ненавистнымъ всѣмъ почти русскимъ военнымъ, смотрѣвшимъ на него, какъ на бездарнѣйшаго стратега и педанта**). Если Александръ Павловичъ такъ настойчиво заявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ ни за что первый не откроетъ враждебныхъ дѣйствій противъ Наполеона, то эта настойчивость объясняется вполнѣ созрѣвшимъ у него въ головѣ планомъ борьбы. Основная идея уже была намѣчена и нашла поддержку въ средѣ многихъ изъ нашихъ генераловъ, а особенно въ осторожномъ Барклаѣ.

Здѣсь умѣстно вспомнить и подчеркнуть, что обдуманные ходы Русскаго Государя стали его отличительной чертой вскорѣ послѣ Тильзита, когда произошелъ первый замѣтный переломъ въ его характерѣ, замѣтный для насъ, но скрытый отъ большинства его современниковъ и скрытый нарочно, обдуманно, съ замѣчательной послѣдовательностью и настойчивостью.

Обращаемъ еще разъ вниманіе на удивительное письмо Государя изъ Эрфурта, отъ 25 августа 1808 года, къ его матушкѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Вотъ тѣ мѣста этого письма, которыя заслуживаютъ быть отмѣченными: „....Моментъ, выбранный для свиданія, именно таковъ, что налагаетъ на меня обязанность не избѣгать его. *Наши интересы* послѣдняго времени *заставили* насъ заключить тѣсный союзъ съ Франціей; мы *сдѣлаемъ* все, чтобы доказать ей искренность, благородство нашего образа дѣйствій....

*) „Correspondance inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812“ par X., 1909.

**) Императоръ Александръ писалъ Фулю 12 декабря 1813 г.: „C'est vous qui avez conçu le plan qui, avec l'aide de la Providence, a eu pour suite le salut de la Russie et aussi celui de l'Europe“.

„....Мы спокойно увидимъ его паденіе, если на то воля Провидѣнія, и болѣе чѣмъ правдоподобно, что государства Европы, уставъ отъ бѣдствій, которымъ они подвергались такое долгое время, и не подумаютъ начинать борьбы съ Россіей изъ мести за то только, что она была союзницей Наполеона въ то время, когда каждое изъ нихъ стремилось къ тому же.... Если Провидѣніе опредѣлило паденіе этого колоссальнаго государства, сомнѣваюсь въ томъ, чтобы оно могло быть внезапнымъ, но, даже если это произойдетъ вдругъ, было бы благоразумнѣе *подождать* этого паденія и тогда только принять мѣры. Таково мое мнѣніе....

„....Въ моемъ политическомъ поведеніи я могу только слѣдовать указаніямъ *моей совѣсти,* моему *главному убѣжденію,* моему желанію, которое меня никогда не покидаетъ, быть полезнымъ отечеству. Вотъ что, матушка, счелъ я долгомъ отвѣтить Вамъ на Ваше письмо; признаюсь, мнѣ тяжело видѣть, что, когда я имѣю въ виду только интересы Россіи, чувства, которыя составляютъ дѣйствительную силу моего образа дѣйствій, могутъ быть такъ непонятны".

Слѣдовательно, еще осенью 1808 г. Александръ совершенно ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ предпринятыхъ имъ дѣйствіяхъ. Нужно было еще разъ укрѣпить, хоть наружно, союзныя отношенія съ Наполеономъ, усыпить его, а самому только готовиться и наблюдать, когда настанетъ та желанная минута, что союзникъ его окажется зрѣлымъ для крушенія своего могущества и славы. Въ Эрфуртѣ этого не понялъ Сперанскій. Онъ былъ ослѣпленъ геніальностью Наполеона и думалъ, что его Державный покровитель испытывалъ тѣ же чувства. Для Сперанскаго это было роковой ошибкой. Но другой человѣкъ, весьма пронырливый и умный, понялъ Александра, хотя еще не вполнѣ.

То былъ герцогъ Беневентскій Таллейранъ. Они имѣли случай вторично встрѣтиться и обмѣняться взглядами, сдѣлать другъ другу нѣкоторые намёки, которые впослѣдствіи обоимъ очень

пригодились. Изъ Веймара въ 1808 году, т.-е. въ ту же эпоху Эрфурта, Александръ писалъ сестрѣ Екатеринѣ: „Bonaparte prétend que je ne suis qu'un sot. *Rira le mieux qui rira le dernier!* et moi je mets tout mon espoir en Dieu“. Мы могли бы къ этому добавить, что надежда Александра была не только на одного Бога, но и на свои собственныя способности и силу воли. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Государь велъ строго обдуманную линію; интересъ, проявленный въ Тильзитѣ къ личности Наполеона, давно остылъ, тутъ исчезла „la curiosité“ видѣть и говорить съ Бонапартомъ, а явилось опредѣленное желаніе обойти и сломать мощь непрошеннаго союзника.

1809 годъ далъ блестящія доказательства политики Александра; открылъ глаза Австріи на истинныя намѣренія Русскаго Императора и разочаровалъ во многомъ Наполеона, не ждавшаго такой двойной игры. Это разочарованіе шло послѣдовательно отъ Шёнбрунскаго мирнаго договора до отказа въ рукѣ русской великой княжны, и только тогда Наполеонъ созналъ свои ошибки и круто перемѣнилъ тактику. Но было уже поздно. Нѣкоторые грѣхи въ политикѣ не проходятъ даромъ.

Болѣе извинительны французскіе послы, пребывавшіе въ тѣ годы въ Петербургѣ, особенно Лористонъ, никогда не бывшій дипломатомъ. Что же касается Коленкура, то о немъ еще не сказано послѣднее слово. Если онъ началъ уже измѣнять въ бытность свою посломъ, то скорѣе безсознательно *), но что сказать о перепискѣ его съ Александромъ послѣ отъѣзда изъ Россіи, перепискѣ, которая шла черезъ руки Сперанскаго и Нессельроде!? Къ сожалѣнію, нѣтъ еще надежды на обнародованіе этихъ писемъ, потому что наслѣдники Коленкура, господа д'Эпёйль (d'Espeuilles) и Кергорлэ (Pierre de Kergorlay), не только сами

*) *L'Europe et la Révolution française* par Albert Sorel, voir page 512, T. VII. „L'aimable Caulaincourt, préoccupé d'effacer les impressions du mariage, ne découvre partout que loyauté, désir de paix, amour de la paix. Il le croit, il l'écrit à Paris“.

не дѣлаютъ попытокъ напечатать имѣющіеся у нихъ богатые матеріалы, но никого не допускаютъ до Коленкуровскаго архива, несмотря на неоднократныя къ нимъ обращенія. Лично я дважды получилъ категорическіе отказы отъ обоихъ представителей наслѣдниковъ герцога Виченцскаго (duc de Vicence), такъ какъ мужеское потомство Коленкура прекратилось. Между тѣмъ извѣстно, что Коленкуръ на досугѣ, во времена Реставраціи, написалъ обширные мемуары, и что въ его архивѣ хранятся не только переписка съ Александромъ, но и письма Наполеона, полученныя за его пребываніе въ Петербургѣ и позже. Такіе пробѣлы досадны, но съ ними надо мириться.

Пока шла постепенная подготовка къ предстоящему столкновенію съ Наполеономъ, большинство въ Россіи критиковало дѣятельность Государя и правительства. Начиная съ 1807 года, заключенный союзъ съ корсиканцемъ никогда не былъ популяренъ, вторичная поѣздка въ Эрфуртъ еще болѣе подверглась нареканіямъ, а когда послѣ 1809 года обнаружились первыя недоразумѣнія между союзными императорами, то критика еще усилилась. Упрекали за мнимое легкомысліе не одного Александра Павловича, но и его ближайшихъ сотрудниковъ, въ лицѣ Сперанскаго и графа Н. П. Румянцева, подозрѣвая обоихъ въ желаніи болѣе соблюдать интересы Франціи, чѣмъ Россіи.

Говоръ о ихъ дѣяніяхъ и клевета только росли, и обоихъ прямо-таки обвиняли въ измѣнѣ, особенно Сперанскаго. Эти слухи доходили до Государя въ теченіе двухъ предшествовавшихъ разрыву годовъ, но, видно, Александръ оставался глухъ къ такого рода сплетнямъ, и союзъ не прекращался. Но съ средины 1811 года возбужденіе возрастало все болѣе и болѣе, несмотря на неотъемлемыя доказательства, что русское правительство стало открыто уже готовиться къ войнѣ.

Молва гласила, что Императоръ окруженъ измѣнниками, и клевета дошла до крайнихъ предѣловъ. Къ началу 1812 года

враги Сперанскаго, въ лицѣ Аракчеева, Балашова, Шишкова, шведа Армфельда и великой княгини Екатерины Павловны, нашли моментъ подходящимъ, чтобы тѣми или другими средствами сломать ему шею. Имъ удалось, не безъ труда, поколебать довѣріе Александра и вселить сомнѣніе въ его душу. Исторія паденія Сперанскаго, выразившаяся неожиданно 17 марта 1812 г. увольненіемъ его отъ всѣхъ должностей и ссылкой, стала слыть за легендарную сказку, покрытую какой-то таинственной завѣсой. Но дѣло обстояло гораздо проще, и мы въ немъ тщетно искали даже тѣни таинственности.

Когда струны общественнаго мнѣнія натянуты до-нéльзя, особенно въ минуту опасности и полной неизвѣстности, какъ то было до начала Отечественной войны, то для возбужденной толпы требуется жертва искупленія. Этой жертвой и сдѣлался несчастный М. М. Сперанскій. Онъ и не думалъ измѣнять ни Россіи, ни ея Государю; онъ былъ просто неостороженъ, самоувѣренъ, одинокъ и слишкомъ необузданъ въ разговорахъ. Ему случалось критиковать и Государя, и его распоряженія или отсутствіе оныхъ; эти-то толки дошли до Александра, но уже въ формѣ неопровержимыхъ доказательствъ, которыя ему передавались вышеозначенными лицами на словахъ или путемъ перлюстраціи. Вѣрилъ ли имъ безусловно Александръ? Врядъ ли это допустимо, но Государь понялъ главное, что нужна жертва для успокоенія встревоженныхъ умовъ.

И тогда станетъ понятнымъ выраженное Государемъ сужденіе о Сперанскомъ, что „онъ никогда не измѣнялъ Россіи, но измѣнялъ исключительно лично мнѣ“. Другими словами, Сперанскій осмѣливался критиковать Императора за его спиною, а иногда и острить насчетъ Александра. Вотъ въ чемъ заключалась личная измѣна. Тогда Благословенный монархъ рѣшился выдать Сперанскаго его врагамъ, съ грустью и болью въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, но выдалъ, зная, однако, что онъ не виновенъ и не

предатель. Подробности опалы Сперанскаго разсказаны на всѣ лады и его біографомъ, барономъ М. А. Корфомъ, и Шильдеромъ, и въ безчисленныхъ воспоминаніяхъ и запискахъ. Всѣ чего-то добивались, чего-то искали, и ничего не нашли, но придумали самыя фантастическія предположенія. Суть дѣла была гораздо менѣе сложна. Враги, найдя время удобнымъ для всеобщей атаки на ненавистнаго имъ царскаго любимца, представили слѣдующія обвиненія: возбужденіе народныхъ массъ налогами, разореніе финансовъ и недоброжелательные отзывы о правительствѣ. Но, видя, что такое обобщеніе обвиненій мало смущаетъ Александра, они раскрыли цѣлый будто бы затѣянный заговоръ для освѣдомленія Наполеона. Дѣло въ томъ, что Сперанскому было поручено вести переписку съ Нессельроде, гдѣ главные французскіе государственные дѣятели были обозначены подъ выдуманными именами*). Но Сперанскій не ограничился этими свѣдѣніями и самовластно, безъ разрѣшенія свыше, требовалъ, чтобы ему передавали вообще всѣ секретныя бумаги и донесенія изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, очевидно, безъ вѣдома канцлера графа Румянцева. Нашлось нѣсколько довѣрчивыхъ чиновниковъ, которые безпрекословно исполняли его желаніе. То были дѣйствительный статскій совѣтникъ Бекъ и экспедиторъ его канцеляріи Жерве.

Это все оказалось сущей правдой, но Балашовъ, какъ министръ полиціи, при посредствѣ разныхъ низшихъ агентовъ и клевретовъ, сумѣлъ настолько сгустить краски, что это обвиненіе подѣйствовало весьма непріятно на Государя. А такъ какъ почва уже была подготовлена многочисленными недоброжелателями Сперанскаго, то обвиненіе подѣйствовало. Кромѣ того, во время послѣдней поѣздки Александра въ Тверь къ сестрѣ Екатеринѣ, историкъ Н. М. Карамзинъ лично представилъ Императору записку

*) Такъ, Таллейранъ — mon ami Henry; Коленкуръ — Holtschinsky, Императоръ Александръ — Louise и т. д.

„О древней и новой Россіи“ и въ разговорахъ съ Александромъ убѣждалъ его остановиться на пути реформъ, безполезныхъ и приносящихъ только одинъ вредъ родинѣ. Одновременно еще усиленно агитировали противъ любимца два иностранца: шведъ Армфельдъ и сардинецъ Жозефъ де-Мэстръ, видя въ лицѣ фаворита только вреднѣйшаго революціонера, подкапывающагося подъ основы всѣхъ государственныхъ началъ и старавшагося всѣми способами дискредитировать царскую власть.

Самый фактъ опалы разсказанъ сжато и ясно барономъ М. А. Корфомъ. Привожу дословно это описаніе: „17 марта 1812 г., въ воскресеніе, Сперанскій за обѣдомъ получилъ черезъ фельдъегеря приказаніе явиться къ Государю въ 8 часовъ вечера. Эти приглашенія случались часто, и Сперанскій спокойно поѣхалъ въ Зимній дворецъ. Въ секретарской комнатѣ дожидались дежурный генералъ-адъютантъ и два министра, но государственный секретарь былъ позванъ прежде ихъ. Цѣлыхъ два часа продолжалась аудіенція. Наконецъ, дверь отворилась, и Сперанскій вышелъ, блѣдный и взволнованный. Торопливо уложивъ въ портфель бумаги и простясь съ министрами, онъ отправился домой *). Здѣсь уже ожидалъ его министръ полиціи Балашовъ. Кабинетъ его былъ опечатанъ. У Сперанскаго не хватило духа проститься съ семействомъ. Поздно ночью онъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи частнаго пристава, въ ссылку, мѣстомъ которой былъ назначенъ Нижній-Новгородъ. Его ближайшій пріятель Магницкій, впослѣдствіи такъ храбро перешедшій въ другой лагерь **), былъ тоже арестованъ ночью и сосланъ“. О смущеніи и скорби Александра существуютъ различныя свидѣтельства, которымъ можно вѣрить. Самое правдивое — князя Александра Николаевича Голицына, видѣвшаго Государя 18 марта, и которому было сказано

*) По другой версіи, Сперанскій прямо изъ дворца заѣзжалъ къ Магницкому, но не засталъ его дома, такъ какъ онъ уже былъ арестованъ.

**) Т.-е. къ Аракчееву.

Его Величествомъ: „Если бы у тебя отсѣкли руку, ты, вѣрно, кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь отняли Сперанскаго, а онъ былъ моей правой рукой!“

Но существовала и другая версія. Говорили, что Александръ, въ пылу негодованія на своего любимца, хотѣлъ будто бы примѣнить къ нему высшую кару, другими словами смертную казнь. Мы придаемъ мало вѣры такому слуху, ходившему вслѣдствіе извѣстнаго письма проректора Дерптскаго университета Паррота, который легко поддавался настроенію минуты и часто преувеличивалъ событія. Этотъ скучнѣйшій балтійскій нѣмецъ имѣлъ страсть давать совѣты Государю по различнымъ вопросамъ въ безконечныхъ посланіяхъ; въ данномъ случаѣ онъ видѣлъ Александра за два дня до паденія Сперанскаго, и, вѣроятно, въ разговорѣ о немъ Государь выражался рѣзко. Тогда Парротъ 16 марта, т.-е. наканунѣ катастрофы, написалъ письмо Императору, стараясь смягчить гнѣвъ его на Михаила Михайловича. Письмо написано съ обычнымъ паѳосомъ по-французски. Даемъ выдержку изъ него въ переводѣ:

„Одиннадцать часовъ ночи. Вокругъ меня глубокая тишина. Сажусь писать моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, съ которымъ не хотѣлъ бы никогда разлучаться. Уже сутки прошли со времени нашего прощанья, но сердце влечетъ меня еще разъ возобновить его на письмѣ.... Въ минуту, когда Вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь Вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я видѣлъ Васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь, что теперь Вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ Васъ набрасываетъ на него большую тѣнь; но въ томъ ли Вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость этихъ обвиненій, а если бъ и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то Вамъ ли его судить; всякая же комиссія, наскоро для того наряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперанскаго

ненавидятъ за то, что Вы слишкомъ его возвысили. Никто не долженъ стоять надъ министрами, кромѣ Васъ самихъ. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ ему покровительствовать: я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, и знаю даже, что онъ нѣсколько ревнуетъ меня къ Вамъ. Но если бы и предположить, что онъ точно виновенъ, чего я еще вовсе не считаю доказаннымъ, то все же опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у Васъ въ настоящую минуту нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ удалить его изъ Петербурга и надсматривать за нимъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріятелемъ. Послѣ войны, всегда еще будетъ время выбрать судей изъ всего, что около васъ найдется правдивѣйшаго. Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются между прочимъ и тѣмъ, что въ числѣ второстепенныхъ доносчиковъ на него находится одинъ отъявленный негодяй, уже однажды продавшій другого своего благодѣтеля. Докажите умѣренностью Вашихъ распоряженій въ этомъ дѣлѣ, что Вы не поддаетесь тѣмъ крайностямъ, которыя стараются Вамъ внушить. Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за Вашимъ характеромъ не укрылась, я это знаю, свойственная Вамъ черта подозрительности, и ею-то и хотятъ на Васъ дѣйствовать. На нее же, вѣроятно, разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою струною Вашего характера, чтобы овладѣть Вами“ *).

Единственно въ чемъ и самъ Сперанскій признавалъ себя виновнымъ, это въ самовольномъ присвоеніи себѣ права читать дипломатическую перлюстрацію. Въ письмѣ изъ Перми къ Государю онъ чистосердечно сознается въ этомъ проступкѣ. Письмо напечатано у Шильдера, а самое въ немъ интересное мѣсто

*) Письмо напечатано у барона М. А. Корфа, II, 13 и 14.

заключается въ словахъ: „......что тутъ могло быть легкомыслiе, но никто никогда не въ силахъ превратить сего въ государственное преступленiе. Со всѣмъ тѣмъ, и прежде, и теперь я повергаю себя единственно на Ваше великодушiе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели во всемъ правымъ".

Въ Государственномъ Архивѣ (Разр. VI, № 557) сохранилась анонимная копiя разговора, происшедшаго между Императоромъ Александромъ и Н. Н. Новосильцовымъ въ Свенцянахъ, въ началѣ 1812 года. Этотъ разговоръ правдоподобенъ (Шильдеръ помѣстилъ его въ приложенiяхъ къ III тому) и заслуживаетъ вниманiя.

„Le croyez-vous traître?" dit-il à Nowossiltzow. — „Rien moins que cela; il n'est réellement coupable qu'envers moi seul, coupable d'avoir payé ma confiance et mon amitié par l'ingratitude la plus noire, la plus abominable. Mais cela ne m'aurait pas encore porté à recourir à des mesures rigoureuses, si des personnes qui se sont donné la peine de suivre depuis quelque temps ses paroles et ses actions n'y avaient pas entrevu et dénoncé des circonstances qui faisaient soupçonner les intentions les plus malveillantes. Le temps, la situation dans laquelle se trouvait le pays, ne me permirent pas de m'occuper d'un strict et rigoureux examen des dénonciations qui me parvenaient à cet égard. Aussi lui ai-je dit en l'éloignant de ma personne:

„En tout autre temps j'aurais employé deux années pour vérifier avec la plus scrupuleuse attention tous les renseignements qui me sont parvenus concernant votre conduite et vos actions. Mais le temps, les circonstances ne me le permettent pas en ce moment: l'ennemi frappe à la porte de l'Empire, et, dans la situation où vous ont placé les soupçons que vous avez attirés sur vous par votre conduite et les propos que vous vous êtes permis, il m'importe de ne pas paraître coupable aux yeux de mes sujets, en cas de malheur, en continuant de vous accorder ma confiance, en vous conservant même la place que vous occupez. Votre situation est telle que je vous conseillerais de ne pas rester à Pétersbourg ou dans la proximité de cette ville.

Choisissez vous-même le lieu de votre séjour ultérieur — jusqu'à la fin des événements qui approchent; je joue gros jeu, et plus il est gros, d'autant plus vous risqueriez en cas de non-réussite, vu le caractère du peuple auquel on a inspiré de la méfiance et de la haine pour vous".

Вотъ вкратцѣ вся эпопея Сперанскаго. Замѣчательно, что парижскій его корреспондентъ, Нессельроде, вернувшійся еще въ концѣ октября 1811 года въ Петербургъ, былъ назначенъ въ награду за всѣ присылаемыя свѣдѣнія статсъ-секретаремъ, что всю жизнь приписывалъ рекомендаціи Сперанскаго. Императоръ Александръ назначилъ Нессельроде вскорѣ затѣмъ завѣдывающимъ его политической перепиской, а потомъ — смѣнивъ графа Румянцева — и управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Вышло это все неожиданно для самого Нессельроде, который былъ убѣжденъ, что паденіе Сперанскаго повлечетъ и его опалу. Но Нессельроде ошибся. Надо ему отдать справедливость, что онъ всегда оправдывалъ Сперанскаго, жалѣлъ о постигшей его немилости, которую приписывалъ интригамъ Балашова и Армфельда.

Приводимъ выдержку изъ интереснаго донесенія австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Сенъ-Жюльена (Saint-Julien) о паденіи М. М. Сперанскаго. Курьезно, что французскій посолъ, генералъ Лористонъ, сообщалъ только поверхностно Наполеону объ этомъ событіи, тогда какъ австріецъ сообразилъ всю важность опалы Сперанскаго и, благодаря своей близости къ Кошелеву, къ Мордвинову и къ графу Литтѣ, могъ узнать многія подробности этого дѣла, поэтому письмо Сенъ-Жюльена къ графу Меттерниху пріобрѣтаетъ цѣну и только подтверждаетъ вышеприведенныя подробности.

„Dans la nuit du 29 au 30 mars de notre style on fit partir le secrétaire d'Empire Spéranski, accompagné d'un major de police et, à ce que quelques-uns prétendent, de deux soldats de police sur le devant de la voiture, le sabre à la main, pour une destination inconnue;

on dit que c'est Nijni-Nowgorod, ville de l'intérieur du pays; d'autres croient qu'il est relégué en Sibérie. Sa Majesté, qui n'avait pas fait de travail avec lui pendant plusieurs semaines, en eut un très long le même jour, à la fin duquel, dit-on, Elle lui présenta un papier qui constatait son délit; au sortir du cabinet de l'Empereur, Spéranski parut très troublé, dut se faire aider pour ranger ses papiers dans son portefeuille, et serra la main au prince Galitzine attaché à la personne de l'Empereur, en lui disant *Adieu!* du ton d'un homme qui prend congé pour toujours. Il se rendit d'abord chez le secrétaire d'état Magnitzki, avec lequel il fut toujours très lié, mais il y trouva sa femme en pleurs, le scellé apposé à tous les papiers, et Magnitzki déjà emmené par un officier de police. Spéranski ne dit que ces mots: „Quoi, déjà!" et se fit conduire au logis. Là il trouva le ministre de police Balaschoff qui mit également le scellé sur tous les papiers; il demanda la permission d'écrire à sa belle-mère et à sa fille, qu'il ordonna de ne pas éveiller, les recommanda à son médecin et monta en voiture avec beaucoup de calme. Les avis sur cette arrestation inopinée, et qui a fait la plus grande sensation, sont très partagés. Il y a des personnes qui lui imputent un délit de haute trahison; effectivement il est difficile de concevoir que l'homme de confiance de Sa Majesté, qui a été sa propre créature, qui avait le secret de l'Etat, qui vient récemment d'être décoré d'un second cordon, puisse être traité en criminel d'Etat, à moins d'une grande suspicion d'un délit des plus graves. D'autres, parmi lesquels plusieurs des employés subalternes qui partageaient avec Monsieur de Spéranski ses opinions sur une régénération complète de la constitution de ce pays, sur la liberté des paysans, la création d'un tiers-état, etc., prétendent qu'il fut la victime du mécontentement général que la noblesse, jalouse de ses droits, et qui déjà se voyait lésée par différents plans d'administration qui commençaient à s'introduire, témoignait hautement, et que l'Empereur dans la crise actuelle croyait devoir ménager. Une troisième version disculpe entièrement Spéranski, mais impute

à Magnitzki, son intime ami, un complot d'assassinat contre Sa Majesté. Enfin, depuis quelques jours, on assure que l'Empereur a nommé une commission pour examiner les coupables; plusieurs personnes parmi les subalternes ont été arrêtées depuis.

„Il est de fait que Sa Majesté, en parlant à Leurs Majestés les Impératrices, et même à Madame de Narischkine, de Spéranski, les a rassurées en disant qu'il n'était nullement question d'intelligence avec la France. Spéranski avait tant d'ennemis que tout le monde travailla à sa perte. Armfeldt fut un des chefs de file; des femmes même s'en mêlèrent, et on ménagea à une dame de ma connaissance, marquante par beauté, ses bizarreries et sa haine contre tout ce qui est français, mais vivant isolée, éloignée de la cour et sans nulle influence, une entrevue avec l'Empereur chez Madame de Narischkine, pour lui ouvrir les yeux sur les dangers qu'il courrait en gardant sa confiance à Spéranski. Le comité de surveillance secrète travaillait depuis longtemps à lui casser le cou; et le haut clergé, révolté de la protection qu'il avait accordée à ce professeur Fessler qu'il avait fait venir d'Allemagne et qui eut l'imprudence d'émettre des opinions de déisme et toutes anti-chrétiennes, n'a pas peu contribué à sa chute.

„Le maréchal Soltykoff s'est prononcé vouloir insister auprès de Sa Majesté qu'Elle instruise le public du genre du délit des coupables pour faire taire les bruits si contradictoires que dans la ville on se permet à ce sujet. Monsieur de Spéranski prévoyait si peu le coup qui l'attendait qu'il avait dit à une personne de ma connaissance de l'aller trouver le surlendemain du jour de son arrestation, pour lui parler de ses affaires, dont il lui promit de s'occuper avec chaleur. On assure qu'on a donné de fortes récompenses aux dénonciateurs; un M. Gervais, ami de Spéranski, chef d'une des trois sections du bureau des Affaires étrangères et bras droit de M. le comte de Romanzoff, est remplacé par un prince Kozlowsky, qui accompagne le chancelier et aura la correspondance secrète.

„Depuis cette époque, il y a un revirement complet dans l'administration supérieure. Le grand conseil est dissous: il ne se tient plus qu'un comité de tous les ministres et des trois présidents de section. Ce comité est présidé par le vieux maréchal Soltykoff; il s'est rassemblé le 7 avril/26 mars pour la première fois: tout le monde admire la manière dont le vieux maréchal se montra à la hauteur du poste que l'Empereur vient de lui confier. Les résultats de ce comité seront, de séance à séance, envoyés au quartier-général pour être soumis à la décision de Sa Majesté".

Продолжимъ картину приготовленій Россіи и Франціи къ разрыву. Переговоры конца 1811 года были одной комедіей, и правъ Альбертъ Сорель, говоря о нихъ, что „ces négociations ne furent qu'un jeu d'ombres diplomatiques".

Пруссія болѣе чѣмъ когда-либо изощрялась въ излюбленной ею двойной игрѣ. Пока Шарнгорстъ, подъ чужимъ именемъ, мчится въ Петербургъ, чтобы увѣрить Русскаго Императора въ содѣйствіи Пруссіи, Наполеонъ продолжаетъ запугивать короля. Привожу опять слова Сореля: „La Prusse avait signé la tête basse, sous le canon de Davoust; elle déchirera le traité, brutalement, sous le canon russe". Когда все уже потеряно, и союзъ съ Франціей заключенъ, Фридрихъ-Вильгельмъ посылаетъ къ Александру полковника фонъ-Кнезебека (Knesebeck) съ собственноручнымъ письмомъ, полнымъ словъ отчаянія, но и живѣйшей дружбы навѣки. Написанныя строки заслуживаютъ вниманія: „Si la guerre éclate, nous ne nous ferons de mal que ce qui sera d'une nécessité stricte; nous rappellerons toujours que nous serons *unis*, que *nous devons un jour redevenir alliés* et, tout en cédant à une fatalité irrésistible, nous conserverons la liberté et la sincérité de nos sentiments, etc., etc." (31 mars 1812). Русскій Государь отнесся къ Пруссіи съ обычнымъ благоволеніемъ, вѣря и въ изліянія дружбы, и въ рокъ судьбы. Дѣла съ Австріей были тоже закончены съ наилучшимъ успѣхомъ при трудныхъ обстоятельствахъ. Эта держава гарантировала, что австрійскій

корпусъ князя Шварценберга, силою въ 30/т. человѣкъ, входившій въ составъ великой арміи, будетъ почти бездѣйствовать. 25 апрѣля австрійскій представитель въ Петербургѣ Лебцельтернъ (Lebzeltern) въ наисекретнѣйшей нотѣ своего правительства, которую по полученіи было приказано немедля сжечь, сообщалъ, что Австрія приметъ участіе въ войнѣ „de pure apparence“ и, что если Россія сама не дастъ поводовъ къ разногласію, то „la Russie n'a rien à craindre“. А 14 марта, т.-е. за мѣсяцъ до этого, Австрія уже была принуждена тоже заключить союзъ съ Наполеономъ, но при такихъ условіяхъ, которыя мало его удовлетворили, несмотря на родственныя узы съ императоромъ Францомъ.

5 апрѣля былъ заключенъ Россіей окончательный союзный договоръ съ Швеціей, при чемъ Александръ собственноручно написалъ замѣчательное письмо русскому уполномоченному, генералу Сухтелену, выяснявшее цѣлую программу. „Le grand plan sur la réunion des slaves pour faire une diversion contre l'Autriche et les possessions françaises de l'Adriatique; armer les déserteurs allemands, les déserteurs slaves; des grands armements maritimes dans l'Adriatique et la Baltique; une attaque à fond en Portugal et en Espagne *), tandis que Napoléon sera engagé entre la Vistule et le Niémen; diversion à Naples; blocus de Corfou; inquiéter toutes les côtes; des expéditions en Zélande et en Danemark. *La guerre qui va éclater en est une pour l'indépendance des nations*. Le rôle de l'Angleterre est d'y contribuer par les armements maritimes et en faisant *le caissier*“ (24 mars 1812) **).

Эта „indépendance des nations“ стала скоро Leitmotiv'омъ многихъ. Но еще 29 марта/10 апрѣля 1812 года Александръ Павловичъ завѣрялъ Лористона, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія затѣвать войны, а 8/20 апрѣля Государь выѣхалъ

*) Испанскими дѣлами вѣдалъ также Р. А. Кошелевъ.

**) См. Мартенса „Traités de la Russie“.

въ Вильну, „pour une tournée d'inspection des troupes", какъ еще думалъ наивный французскій посолъ.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ не дремалъ; закончивъ быстро всѣ дѣла въ Парижѣ, онъ направился 9 мая въ Дрезденъ. Прекрасно описалъ покойный историкъ Сорель все то, что теперь грезилось Наполеону. „Le 9 mai il partit pour Dresde, et jeté, dès lors, dans l'entreprise, il ne vit plus, dans le travail quotidien, que le premier plan, la marche des armées, travail précis, minutieux, méthodique, à base solide, au but déterminé, qui l'apaisait. La marche à l'abîme, avec chevaux et équipages; sur la chaussée, à perte de vue, les cavaleries, les artilleries, l'immensité du train, les colonnes sans fin des fantassins, absorbaient sa pensée; elle se fixait aux étapes et, comme les arbres empêchent de voir la forêt, le déroulement continuel des hommes, des bêtes et des machines cachait le gouffre où ils s'enfonceraient. Puis dans les heures de détente, dans l'intervalle des calculs positifs, les percées sur l'horizon où son imagination l'avait toujours entraîné, le devançant toujours, si loin qu'il se portât".

Одновременно послѣдовала ратификація мира съ Турціей; Россія сохранила Бессарабію и очистила отъ своихъ войскъ Молдавію и Валахію (16/28 мая). Наполеонъ отправилъ своего адъютанта Нарбонна 6/18 мая къ Александру съ послѣдними увѣщаніями мира. Ему было повторено, что „я никогда первый не подыму меча и буду ждать васъ на моей границѣ", и указавъ на лежащую на столѣ карту, нашъ Государь сказалъ Нарбонну: „Если Наполеонъ будетъ воевать, и счастіе ему улыбнется, вопреки справедливымъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ русскими, ему придется подписывать мирныя условія у Берингова пролива". Узнавъ, что императоръ французовъ перешелъ Нѣманъ, Александръ послалъ ему письмо съ генералъ-адъютантомъ Балашовымъ: „Que Votre Majesté consente à retirer ses forces du territoire russe, je regarderai ce qui s'est passé comme non avenu. Au cas contraire, je m'engage

sur l'honneur à ne plus traiter de la paix jusqu'au jour où le sol de la Russie sera entièrement purgé de la présence de l'ennemi". Въ устахъ Александра первая часть записки звучала фальшиво, такъ какъ онъ отлично зналъ и понималъ, что Наполеону поздно было перемѣнять рѣшенія; что же касается второй части,—она дышала достоинствомъ и величіемъ.

Чтобы поднять народный духъ, возбудить любовь къ дорогой родинѣ и возвышенно настроить всю Россію въ борьбѣ съ нашествіемъ иноплеменниковъ, Александръ сдѣлалъ все, что могъ. Пламенные манифесты и воззванія къ русскому народу чередовались одинъ за другимъ и были написаны мастерски, понятнымъ для каждаго языкомъ, ясно, твердо и внушительно. Для Москвы былъ избранъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, въ качествѣ главнокомандующаго древней столицы, на мѣсто престарѣлаго и дряхлаго фельдмаршала графа Гудовича. Выборъ былъ весьма удачный. Ростопчинъ сумѣлъ въ короткое время наэлектризовать все населеніе цѣлымъ рядомъ удачныхъ мѣръ, дѣйствовавшихъ на воображеніе москвичей и простого народа. Замѣнившій въ должности государственнаго секретаря Сперанскаго адмиралъ А. С. Шишковъ прекрасно владѣлъ перомъ, и ему было поручено составленіе манифестовъ. Русскія войска раздѣлены на три арміи: первая западная дана военному министру Барклаю-де-Толли, вторая западная князю Багратіону, наконецъ, третья генералу Тормасову, и къ нему шли на соединеніе войска адмирала Чичагова, изъ Молдавіи. Первоначальное рѣшеніе Государя было находиться при дѣйствующихъ войскахъ, но эту мимолетную ошибку Его Величество быстро исправилъ.

Пріѣхавъ въ Вильну 14/26 апрѣля съ многочисленной свитой, въ составѣ которой изъ прежнихъ лицъ находились лишь князь П. М. Волконскій, графъ Н. А. Толстой и докторъ Вилліе, Александръ былъ теперь окруженъ самой пестрой толпой ненавистниковъ Наполеона. Рядомъ съ разочарованнымъ Румянцевымъ и

всегда выдержаннымъ Кочубеемъ, здѣсь встрѣтились всѣ недавніе враги Сперанскаго, въ лицѣ Аракчеева, Балашова, Шишкова и Армфельда; затѣмъ копошились обиженные Бонапартомъ нѣмцы, какъ Штейнъ и Фуль, съ другими нѣмцами, носившими русскіе мундиры, какъ Беннигсенъ, Дибичъ и Толь; потомъ всякіе англичане, шведы, итальянцы, приверженцы разныхъ павшихъ Бурбоновъ, въ родѣ Вильсона, Паулуччи, Мишо и Сенъ-При. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ, при помощи *русскихъ* штыковъ, сразить владычество тирана, сына великой революціи, давали совѣты, вмѣшивались во все и только тормозили работу. Истинно русскіе воины скорбѣли и негодовали, чему служитъ нагляднымъ доказательствомъ переписка Багратіона, Ермолова, Д. Давыдова, Раевскаго и другихъ. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Вильнѣ, Александръ поѣхалъ черезъ Свенцяны въ укрѣпленный лагерь у Дриссы, гдѣ пробылъ довольно долго, но вскорѣ, внявъ совѣтамъ Шишкова и Балашова, при условной поддержкѣ Аракчеева, рѣшился покинуть армію и направиться въ Москву. Восторгъ населенія, при появленіи Александра въ Москвѣ, былъ неимовѣрный. Все это подробно и живо разсказано у Шильдера. Недѣльное пребываніе Государя въ Первопрестольной столицѣ оставило глубокое впечатлѣніе не только на жителяхъ Москвы, но и на самомъ Государѣ, только тогда сознавшемъ всю мощь русскаго народа, на которую онъ часто возлагалъ надежды, но не всегда вѣрилъ. Отнынѣ восторженное настроеніе Александра шло, повышаясь съ каждымъ днемъ; послѣдовало что-то въ родѣ Божественнаго откровенія, и душа его всецѣло отдалась Провидѣнію, завѣты котораго ему открылись, и сердце повелителя Россіи, его умъ, его помышленія стали какъ бы даромъ небесъ; то, что прежде было покрыто мракомъ, теперь прояснилось, благодаря благословенію Всевышняго. По крайней мѣрѣ, Александръ Павловичъ именно такъ объяснялъ себѣ это настроеніе и впослѣдствіи неоднократно говорилъ и писалъ о душевномъ

переворотѣ, происшедшемъ съ нимъ въ Москвѣ лѣтомъ 1812 года. Вотъ когда явились первые зачатки мистицизма и тѣхъ чувствъ, которыя привели къ идеѣ Священнаго союза. Мы особенно настаиваемъ на этомъ выводѣ, такъ какъ онъ намъ кажется правильнымъ и логичнымъ.

Покинувъ Москву, Александръ 22 іюля заѣхалъ въ Тверь къ любимой сестрѣ и вернулся въ Петербургъ уже въ обликѣ новаго Александра. Тутъ ему встрѣтилась госпожа Сталь (Staël), проѣздомъ въ Швецію, которую Государь безъ труда очаровалъ, получивъ отъ нея потоки комплиментовъ и поощреній въ начатой борьбѣ. Такого рода изліянія превратятся вскорѣ въ обычное явленіе, но на первыхъ порахъ эти изліянія дѣйствовали ободрительно на Александра, удовлетворяя чувство самолюбія и пріятно отражаясь на его воображеніи.

Здѣсь же, на Каменноостровской дачѣ, было рѣшено и подписано назначеніе фельдмаршала М. И. Кутузова главнокомандующимъ арміями, столь давно желанное и необходимое, для сосредоточенія управленія войсками въ однѣхъ рукахъ. Александръ не любилъ Михаила Иларіоновича, не забывъ ему Аустерлица, и мало уважалъ его, какъ человѣка. Императоръ сумѣлъ, однако, побороть нехорошія чувства, и въ этомъ заключается его главная заслуга.

Что назначеніе Кутузова (8 августа) послѣдовало своевременно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Нелады между Барклаемъ и Багратіономъ дошли до высшихъ предѣловъ и дѣйствовали особенно пагубно на духъ нашихъ войскъ. Здѣсь умѣстно привести два письма князя Багратіона къ Аракчееву, дающія ясную картину происходившаго.

Первое безъ даты, но, вѣроятно, писано въ іюлѣ, второе — на маршѣ, 7 августа, изъ села Михайловки.

1) „Милостивый Государь, графъ Алексѣй Андреевичъ, я ни въ чемъ не виноватъ! Растянули меня, какъ кишку, сперва по кордонному. Непріятель ворвался къ намъ безъ выстрѣла, мы

начали отходить, не вѣдаю за что. Никого не увѣришь ни въ арміи, ни въ Россіи, чтобы мы не были проданы; я одинъ всю Россію защищать не могу. 1-я армія тотчасъ должна отойти и наступать къ Вильнѣ непремѣнно, чего боятся. Я весь окруженъ и куда проберусь, заранѣе сказать не могу, что Богъ дастъ, и дремать не стану, развѣ здоровье мое мнѣ измѣнитъ, уже нѣсколько дней очень чувствую. Я васъ прошу непремѣнно наступать на непріятеля, а то худо будетъ и отъ непріятеля, и, можетъ-быть, и дома, шутить не должно, и русскіе не должны бѣжать. Это хуже пруссаковъ мы стали. Я найду себѣ пунктъ продраться, конечно, и съ потерею. Но вамъ стыдно, имѣвши взадъ укрѣпленный лагерь, фланги свободны, а противъ васъ слабые корпуса, — надо атаковать. Мой хвостъ всякій день теперь въ дракѣ, и на Минскъ, и на Вилейку мнѣ не можно пройти отъ лѣсовъ, болотъ и мерзкихъ дорогъ. Я не имѣю покоя и не живу для себя, Богъ свидѣтель, радъ все дѣлать, но надо имѣть совѣсть и справедливость. Вы будете отходить назадъ, а я все пробивайся! Ежели для того, что фигуру мою истрепать, то лучше избавить меня *отъ ерма, которое на шеѣ* моей, а пришли другого командовать. Не за что войска мучить, безъ цѣли, безъ продовольствія. Совѣтую наступать тотчасъ, не слушаясь никого. Пуля баба, штыкъ молодецъ: такъ, я думаю, остроуміе господина Фуля, что дѣлаетъ насъ бабой.

„Пожалѣйте Государя и Россію! Зачѣмъ предаваться законамъ непріятельскимъ тогда, когда мы можемъ ихъ побѣдить весьма легко. Можно сдѣлать, приказать двинуться все впередъ, сдѣлать сильную рекогносцировку кавалеріей и наступленіе цѣлой арміи. Вотъ и честь, и слава, иначе, я васъ увѣряю, вы не удержитесь и въ укрѣпленномъ лагерѣ; онъ на васъ не нападетъ въ лобъ, но обойдетъ. Наступайте, ради Бога, войска ободрятся; уже нѣсколько приказовъ дали, чтобы драться, а мы бѣжимъ! Вотъ вамъ моя откровенность и привязанность къ Государю моему и Отечеству

моему. Если не нравится, избавьте меня, а я не хочу быть свидѣтелемъ худыхъ послѣдствій. Хорошо ретироваться 100 верстъ, а не 500! Видно есть злодѣи Государя и Россіи, что гибель намъ предлагаютъ. Итакъ, прошеніемъ я вамъ все сказалъ, какъ русскій русскому, но если умъ мой иначе понимаетъ, прошу простить.

Б." *)

2) „Я думаю, что министръ (т.-е. Барклай) уже рапортовалъ объ оставленіи непріятелю Смоленска; больно, грустно, и вся армія въ отчаяніи. Что самое важное мѣсто понапрасну бросили, я, съ моей стороны, просилъ лично его убѣдительнѣйшимъ образомъ, наконецъ, и писалъ, но ничто его не согласило. Я клянусь вамъ моею честію, что Наполеонъ былъ въ такомъ *мѣшкѣ*, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска. Войска наши такъ дрались и такъ дерутся, какъ никогда. Я сдержалъ съ 15/т. болѣе 35 часовъ и билъ ихъ, но онъ не хотѣлъ остаться и 14 часовъ! Это стыдно, и пятно для арміи нашей, а ему самому, мнѣ кажется, и жить на свѣтѣ не должно. Ежели онъ доноситъ, что потеря велика — неправда, можетъ-быть, около 4 тыс., не болѣе, но и того нѣтъ. Хотя бы и десять, какъ быть войнѣ! Но зато непріятель потерялъ бездну. Наполеонъ какъ ни старался и какъ жестоко ни форсировалъ, и даже давалъ и обѣщалъ большія суммы начальникамъ, только бы ворваться, но вездѣ опрокинуты были. Артиллерія наша, кавалерія моя истинно такъ дѣйствовали, что непріятель сталъ въ пень. Что бы стоило еще остаться два дня, по крайней мѣрѣ, они бы сами ушли, ибо не имѣли воды напоить людей и лошадей. Онъ далъ слово мнѣ, что не отступитъ, но вдругъ прислалъ диспозицію, что они въ ночь уходятъ. Такимъ образомъ воевать не можно, и можемъ непріятеля привести скоро въ Москву.

*) Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба, отдѣлъ I, № 693.

Въ такомъ случаѣ не надо медлить Государю. Гдѣ что есть новаго войска, тотчасъ собирать въ Москву, какъ изъ Калуги, Тулы, Орла или изъ Твери, гдѣ они только есть, и быть московскимъ въ готовности. Я увѣренъ, что Наполеонъ не пойдетъ въ Москву скоро, ибо онъ усталъ, кавалерія его тоже, и продовольствіе его не хорошо.

„Но на сіе смотрѣть не должно, а надо спѣшить непріятелю готовить людей по крайней мѣрѣ сто тысячъ, съ тѣмъ, что если онъ приблизится къ столицѣ, всѣмъ народомъ на него повалиться, или побить, или у стѣнъ отечества лечь. Вотъ какъ я сужу— иначе нѣтъ способа. Слухи носятся, что вы думаете о мирѣ. Чтобы помириться, Боже сохрани, на сіе все же пожертвовали и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій сдаться!? Вы поставите всю Россію противъ себя, и всякій изъ насъ за стыдъ поставитъ мундиръ носить. Ежели уже такъ пошло, надо драться, пока Россія можетъ, и пока люди на ногахъ. Ибо война теперь не обыкновенная, а *національная,* и надо поддержать честь свою и всю славу манифестовъ и приказовъ данныхъ! Надо командовать одному надъ двумя. Вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству, но генералъ не то что плохой, но дрянной, а ему отдали судьбу всего нашего отечества! Я право съ ума схожу отъ досады и, простите меня, дерзко пишу; видно, тотъ не любитъ Государя и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключить миръ и командовать арміею министру!

„Итакъ, я пишу вамъ правду, готовьтесь ополченіемъ, ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи и флигель-адъютантъ Вольцогенъ; онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели... и онъ все совѣтуетъ министру. Министръ Барклай на меня жаловаться не можетъ: я не токмо учтивъ противъ него, но и повинуюсь, хотя и старше его. Это больно, но, любя моего благодѣтеля и Государя, повинуюсь. Только жаль Государя, что ввѣряетъ

такимъ славную армію! Вообразите, что нашей ретирадой мы потеряли людей отъ усталости и въ госпиталяхъ болѣе 15/т., а ежели бы наступали, того бы не было! Скажите, ради Бога, что намъ Россія, наша Мать, скажетъ, что такъ страшимся, и за что такое доброе и усердное отечество отдается сволочамъ и вселяетъ въ каждаго подданнаго ненависть и посрамленіе? Чего трусить и кого бояться. Я не виноватъ, что министръ нерѣшимъ, трусъ, безтолковъ, медлителенъ, имѣетъ всѣ худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно и ругаетъ его на́смерть. Бѣдный Паленъ отъ грусти въ горячкѣ умираетъ, Кноррингъ кирасирскій умеръ вчерась, ей Богу бѣда, и все отъ досады и грусти съ ума сходятъ!

„Спѣшите прислать намъ больше людей на укомплектованіе, милицію лучше раздать намъ въ полки, мы ихъ перемѣшаемъ, и гораздо лучше, а ежели однихъ пустить, плохо будетъ, давайте и конныхъ — нужна кавалерія. Вотъ мое чистосердечіе! Завтра я буду съ арміей въ Дорогобужѣ и тамъ остановлюсь. И первая армія за мною тащится. Не посмѣла она остаться съ 90/т. у Смоленска.

„Охъ грустно, больно, никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь. Вся надежда на Бога! Я лучше пойду солдатомъ въ сумѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ и съ Барклаемъ. Вотъ я вашему сіятельству всю правду описалъ, яко старому министру, а нынѣ дежурному генералу и всегдашнему доброму пріятелю. Простите.

Всепокорный слуга князь Багратіонъ“.

7 августа 1812 г.,
на маршѣ — село Михайловка.

Хотя Багратіонъ былъ родомъ грузинъ, но разсуждалъ, какъ русскій человѣкъ, можетъ-быть, ошибался, какъ воинъ, а чувствовалъ вѣрно. То же думали многіе другіе, и это своевременно понялъ Государь, честь ему и слава!

Почти одновременно, т.-е. 2 августа, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ написалъ князю Багратіону замѣчательное письмо, полное

чувствъ самой оживленной любви къ родинѣ, которое наглядно показываетъ, какъ въ трудную годину Отечественной войны были настроены нѣкоторые генералы, и какъ они понимали свой долгъ на службѣ въ ту же тяжелую пору.

Ермолову было всего 35 лѣтъ, онъ всегда отличался вполнѣ русскими чувствами и старался держать высоко знамя всего русскаго, что впослѣдствіи на дѣлѣ показалъ на Кавказѣ.

Вотъ его письмо: „Несправедливо вините вы меня, благодѣтель мой, будто бы я началъ писать дипломатическимъ штилемъ. Я вамъ говорю, какъ человѣку, имя котораго извѣстно всѣмъ и всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи, тому, на котораго, не безъ основанія, отечество полагаетъ надежду свою, человѣку, высокоуважаемому Государемъ и пользующемуся его довѣріемъ. Вы соглашаетесь на предложеніе военнаго министра; не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будетъ такъ! Въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, я на колѣняхъ умоляю васъ, ради Бога, ради отечества, писать Государю и объясниться съ нимъ откровенно. Вы этимъ исполните обязанность свою относительно Его Величества и оправдаете себя передъ Россіей.

„Я молодъ; мнѣ не станутъ вѣрить; если же буду писать— не заслужу вниманія; буду говорить — почтутъ недовольнымъ и охуждающимъ все; повѣрьте, ваше сіятельство, это меня не устрашаетъ. Когда гибнетъ все, когда отечеству грозитъ не только срамъ, но и величайшая опасность, тамъ нѣтъ ни боязни частной, ни выгодъ личныхъ. Я не боюсь и не скрою отъ васъ, что писалъ; но молчаніе, слишкомъ долго продолжающееся, служитъ уже доказательствомъ, что мнѣніе мое почитается мнѣніемъ молодого человѣка. Однако, я не робѣю; буду еще писать; изображу все, что вы сдѣлали, и въ чемъ встрѣчены вами препятствія. Я люблю васъ слишкомъ горячо; вы всегда благодѣтельствовали мнѣ; а потому я спрошу у Его Величества, писали ли вы къ нему

или хранили виновное молчаніе? Въ послѣднемъ случаѣ, достойнѣйшій начальникъ, вы будете кругомъ виноваты.

„Если вы уже не хотите, какъ человѣкъ, постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе арміей, я, при всемъ уваженіи моемъ къ вамъ, буду называть и считать васъ не великодушнымъ.

„Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему отечеству нашему; уступите другому и ожидайте, пока не назначится человѣкъ, какого требуютъ обстоятельства.

„Пишите, ваше сіятельство, или молчаніе ваше будетъ ужасно обвинять васъ".

Въ срединѣ августа произошла встрѣча Александра въ Або съ Бернадотомъ, „это составляло истинное дипломатическое торжество Государя, исключительно ему одному принадлежащее", говоритъ Шильдеръ, „потому что обезпечивало неприкосновенность Финляндіи и успѣхъ дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ". За мѣсяцъ до этого были подписаны союзный договоръ съ Испаніей и мирный трактатъ съ Англіей въ Эребро. Мы не будемъ описывать подробностей Отечественной войны — это не входитъ въ нашу задачу. Вскорѣ, а именно 26 августа, произошло Бородинское побоище. Побѣда не осталась ни на чьей сторонѣ, но въ виду того, что русскія войска отступили, Наполеонъ приписалъ побѣду себѣ. Кутузовъ отступилъ за Можайскъ. Послѣдовалъ знаменательный военный совѣтъ въ Филяхъ. Рѣшенія его извѣстны. Приходилось сдать Москву непріятелю. Ростопчинъ негодовалъ, но покорился судьбѣ, предавъ городъ огню и разоренію. Впечатлѣніе о въѣздѣ въ оставленную Москву Наполеона удручило Россію и Александра. Но правъ былъ старикъ Кутузовъ, писавшій въ донесеніи Государю, что „вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того, съ арміей дѣлаю я движенія на Тульской дорогѣ. Сіе приведетъ меня въ состояніе прикрывать пособія, въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заго-

товленныя. Всякое другое направленіе пресѣкло бы мнѣ оныя и связь съ арміями Тормасова и Чичагова, и т. д.“. Чаша раздраженія Русскаго Императора дошла до высшаго предѣла. Полковнику Мишо приказано передать Кутузову и войскамъ, что борьба будетъ продолжаться съ новымъ ожесточеніемъ и безъ всякаго милосердія, пока хоть одинъ французъ останется на русской землѣ. Тому же Мишо была сказана извѣстная фраза: „Наполеонъ или я; я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; *я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня*“.

Письмо Бонапарта, что не онъ виноватъ въ сожженіи Москвы, осталось безъ отвѣта, а Бернадоту Александръ, между прочимъ, сообщивъ о паденіи Первопрестольной столицы и о письмѣ Наполеона, прибавилъ, говоря о письмѣ, „qu'elle ne contenait d'ailleurs que des fanfaronnades“. И Татищевъ замѣчаетъ: „Mot dur, il se peut, mais il rend bien le sentiment qui, désormais, remplissait seul l'âme d'Alexandre envers celui dont l'amitié lui avait paru un jour un bienfait des dieux“.

Намъ кажется, что если у Александра сорвалось когда-либо подобное выраженіе — „un bienfait des dieux“, то оно было лишь одной „fanfaronnade“, то-есть именно тѣмъ, чѣмъ Александръ въ данную минуту заклеймилъ своего соперника. Но истинной дружбы (amitié) никогда не было и быть не могло.

О томъ, какъ судили современники о взятіи Москвы, можно, между прочимъ, видѣть изъ тогдашней переписки военныхъ съ ихъ семьями; нѣкоторые приходили въ отчаяніе, другіе, напротивъ того, разсуждали здраво.

Такъ, гр. П. А. Строгановъ писалъ своей женѣ отъ 13 сентября изъ Красной Пахры: „Certainement, l'occupation de Moscou par l'ennemi est affreuse, néanmoins s'il est possible de mettre de côté le triste spectacle de notre antique capitale prostituée aux souillures du monstre qui l'occupe et de considérer cette calamité du point de vue militaire abstrait, on en tirera de consolantes conclusions.

Je crois que ce succès, loin de lui avoir été favorable, l'a mis dans des embarras qu'il ignorait auparavant. Cela vaut la peine d'être approfondi, et voilà comment je l'explique: cet homme a cru fermement, et il a persuadé toute son armée, à la faveur de cette illusion, que toutes les fatigues dont il les a accablés jusqu'à ce jour prenaient un terme, que Moscou était le but final, que c'est à Moscou qu'il trouverait la paix et l'abondance, que de là il partirait agrandi pour subjuguer les parties de l'Europe qui lui résistaient encore. Il y est arrivé, mais il n'a trouvé que des monceaux de cendre, débris d'incendies; le tout allumé de nos propres mains. Personne ne lui parle de paix et, de même qu'un père qui tuerait plutôt sa fille que de la voir déshonorée, nous anéantissons Moscou au moment où nous ne pouvions plus la défendre. Il n'était guère habitué à de pareilles réceptions dans les autres capitales de l'Europe; même celle d'Espagne a été plus aimable, et le voilà terriblement désappointé"…. *).

А вотъ и голосъ не военнаго, Н. М. Лонгинова, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, случайно отъ того же 13 сентября 1812 года **):

„Увы, Москва не спасена, несмотря на 26 августа, стоившее намъ до 30.000 героевъ! Богъ знаетъ, что впередъ случится…. Ваше сіятельство еще до полученія сего узнаете о вступленіи французовъ въ Москву. Сіе случилось вслѣдствіе военнаго совѣта, который былъ созванъ, и въ коемъ Беннигсенъ и Коновницынъ предлагали защищать Москву; прочіе всѣ были за то, чтобы оставить оную, въ томъ числѣ и князь Кутузовъ, несмотря на то, что при отъѣздѣ отсюда и по прибытіи въ армію онъ объявилъ, что непріятель не иначе вступитъ въ сію древнюю столицу, какъ по его мертвому трупу ***). Видно, были важныя причины, кои

*) См. „Гр. П. А. Строгановъ“, т. III, стр. 229.

**) См. Русскій Архивъ, 1882 г., т. II, стр. 177.

***) Едва ли Кутузовъ могъ такъ опрометчиво выражаться, въ бытность свою въ Петербургѣ. Онъ былъ слишкомъ остороженъ и врядъ ли говорилъ эти слова.

заставили отступить и не привести въ дѣйствіе первоначальнаго плана защищать ее, какъ Сарагоссу. Если то справедливо, что сначала Кутузовъ отступилъ 15 верстъ по Рязанской и Тульской дорогамъ, а теперь опять лѣвымъ крыломъ занялъ Можайскъ, то можетъ статься, что непріятель обойденъ и долженъ выйти, чтобъ открыть себѣ путь, ибо Нижегородская, Ярославская, Костромская, Владимірская и другія милиціи могутъ ему попрепятствовать итти далѣе со всѣми силами, особливо имѣя въ тылу цѣлую армію, недавно съ успѣхомъ сражавшуюся подъ Можайскомъ....

„Многія письма, кои я самъ видѣлъ, полагаютъ, что дѣла наши черезъ отдачу Москвы много выиграли"....

Немного позже, изъ Лондона, графъ С. Р. Воронцовъ сообщалъ свои впечатлѣнія въ слѣдующихъ словахъ: „Quelle nation! comme elle a été peu connue, non seulement des étrangers, mais même de son propre gouvernement, qui croit que nous avons *besoin des Allemands* et que sans les Finnois, les Prussiens et les Wurtembergeois, qui remplissent la Cour et tous les départements, la Russie serait perdue!" *).

Если обратиться къ свидѣтельству самого Императора Александра, то необходимо вернуться къ достопамятному письму его къ сестрѣ Екатеринѣ отъ 18 сентября 1812 года. Цѣликомъ мы приводить его не будемъ, но должны обратить вниманіе на нѣкоторыя мѣста этого замѣчательнаго откровенія съ лицомъ, которому Александръ менѣе всего стѣснялся излагать свои истинныя чувства и намѣренія **).

„....Que peut faire un homme plus que de suivre sa meilleure conviction? C'est elle seule qui m'a guidé. C'est elle qui m'a fait nommer Barclay au commandement de la 1-re armée sur la réputation

*) См. Архивъ кн. Воронцова, т. VIII.

**) См. Великій Князь Николай Михайловичъ, „Переписка Императора Александра I съ сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной", Петербургъ, 1910.

qu'il s'était faite pendant les guerres passées contre les Français et les Suédois. C'est elle encore qui m'a fait penser qu'il était supérieur en connaissances à Bagration. Quand cette conviction s'est encore augmentée par les fautes capitales que ce dernier a faites pendant cette campagne et qui ont amené en partie nos revers, moins que jamais je l'ai cru propre à commander les deux armées réunies sous Smolensk. Quoique peu content de ce que j'ai été dans le cas de voir de Barclay, je le croyais moins mauvais que l'autre en fait de stratégie, dont l'autre n'a aucune idée. Enfin je n'en avais pas un meilleur à y mettre, dans cette même conviction, alors....

„A Pétersbourg, j'ai trouvé tous les esprits prononcés pour la nomination du vieux Koutouzoff au commandement en chef: c'était le cri général. La connaissance que j'ai de cet homme m'y a fait répugner d'abord, mais quand, par la lettre du 5 août, Rostoptchine m'a mandé que tout Moscou désire que Koutouzoff commande, trouvant Barclay et Bagration tous les deux incapables de le faire, et, sur ces entrefaites, comme exprès, Barclay n'ayant fait que sottises sur sottises auprès de Smolensk, je n'ai pu faire autre chose que céder aux vœux unanimes, et j'ai nommé Koutouzoff.... J'en viens maintenant à un article qui me tient de plus près: c'est sur mon honneur personnel. Je vous avoue, chère amie, qu'il m'est plus pénible encore de toucher cette corde et que, du moins à vos yeux, je le croyais intact. Je ne puis pas même croire que, dans votre lettre, il soit question de ce courage personnel que chaque simple soldat sait avoir et auquel je n'attache aucun mérite... Mais ce que je ne puis comprendre, c'est que vous qui, dans vos lettres à Georges à Vilna, vouliez me faire partir de l'armée, vous qui, dans celle du 5 août, me dites: „Pour Dieu, n'adoptez pas le parti de vouloir commander vous-même, car il faut sans perte de temps un chef en qui la troupe ait confiance, et, sous ce rapport, vous n'en pouvez inspirer aucune; d'ailleurs, si l'échec vous arrivait à vous-même, ce serait un mal irréparable pour le sentiment qu'il causerait“, après

Императрица Марія Ѳеодоровна

avoir ainsi posé pour fait que *je ne puis inspirer aucune confiance,* je ne puis comprendre, dis-je, ce que vous voulez me dire dans votre dernière lettre par: „Sauvez votre honneur qui est attaqué. Votre présence peut vous ramener les esprits". Est-ce ma présence à l'armée que vous entendez par là? Et comment concilier ces deux avis si opposés entre eux?

„Après avoir porté en sacrifice à l'utilité mon amour-propre personnel en quittant l'armée, parce qu'on prétendait que j'y étais nuisible, que j'ôtais toute responsabilité aux généraux, que je n'inspirais aucune confiance aux troupes, que des revers imputés à moi étaient plus fâcheux que ceux imputés à mes généraux, jugez vous-même, ma bonne amie, combien il doit m'être douloureux d'entendre que mon honneur se trouve attaqué, quand je n'ai fait que ce qu'on a voulu en quittant l'armée tandis que je n'avais pas d'autre désir que d'y rester, et que j'étais fermement résolu d'y retourner avant la nomination de Koutouzoff, et quand je n'y ai renoncé qu'après cette nomination, en partie par le souvenir de ce que le caractère courtisan de cet homme avait produit à Austerlitz et en partie en suivant vos propres conseils et ceux de plusieurs autres du même avis que vous.

„Si vous me demandez pourquoi je ne suis pas allé à Moscou, je vous dirai que jamais je n'ai pris d'engagements, ni n'ai donné de promesse d'y venir. Rostoptchine m'a beaucoup prié dans ses lettres de le faire, mais c'était avant la retraite de Smolensk, par conséquent quand, par mon voyage en Finlande, j'étais dans l'impossibilité de le faire. Par contre, après, dans sa lettre du 14 août, il me dit: „Maintenant, Sire, j'en viens au plus important, c'est-à-dire à votre voyage ici. Il n'y a aucun doute que votre présence ici n'excite encore plus d'enthousiasme, mais si, avant votre arrivée, les événements ne sont pas à notre avantage, votre personne augmenterait encore l'inquiétude générale, et, comme il ne vous convient pas de courir des risques en vous exposant, il serait mieux que vous preniez la résolution de retarder votre départ de Pétersbourg jusqu'à

la réception de quelques nouvelles qui changeraient en bien l'état actuel des choses.

„A présent examinons un peu si je pouvais venir à Moscou? Dès qu'une fois on avait posé pour principe que ma personne à l'armée faisait plus de mal que de bien, l'armée se rapprochant de Moscou après sa retraite de Smolensk, pouvais-je décemment me trouver à Moscou?....

„Quant à moi, chère amie, tout ce dont je puis répondre, c'est de mon cœur, de mes intentions et de mon zèle pour tout ce qui peut tendre au bien et à l'utilité de ma patrie, d'après ma meilleure conviction. Quant au talent, peut-être je puis en manquer, mais il ne se donne pas: c'est un bienfait de la nature et personne ne se l'est jamais procuré. Secondé aussi mal que je le suis, manquant d'instruments dans toutes les parties, menant une machine si énorme, dans une crise terrible et contre un antagoniste infernal, qui à la plus horrible scélératesse joint le talent le plus éminent et se trouve secondé par toutes les forces de l'Europe entière et par une masse d'hommes à talents qui se sont formés pendant 20 ans de guerre et de révolution, on sera obligé de convenir, si on veut être juste, qu'il n'est pas étonnant que j'éprouve des revers. Vous vous rappelez que souvent nous les avons prévus en causant avec vous deux; la perte même des deux capitales a été crue possible, et c'est la *persévérance seule* qui a été jugée devoir être le remède aux maux de cette cruelle époque. Loin de me décourager malgré tous les déboires dont je me trouve abreuvé, je suis résolu plus que jamais à persévérer dans la lutte, et tous mes soins sont employés à ce but"....

Здѣсь, какъ нельзя яснѣе, Александръ высказалъ не только вполнѣ опредѣленные взгляды на военноначальниковъ, но и на свою роль въ пережитыхъ событіяхъ. Все было взвѣшено, соображено и рѣшено настолько мудро, насколько требовали обстоятельства даннаго момента. Если сопоставить письма графа П. А. Строганова, Лонгинова, графа С. Р. Воронцова и раньше приведенныя

письма князя Багратіона и Ермолова, выражавшихъ, каждый по своему, обстановку и настроеніе, то намъ кажется, что лучше ихъ всѣхъ разсуждалъ самъ Государь.

Система, принятая Его Величествомъ и княземъ Кутузовымъ, не отвѣчать болѣе на предложенія Наполеона и избѣгать излишнихъ столкновеній въ полѣ, дала вскорѣ благіе результаты.

6/18 октября началось отступленіе великой арміи, и 9/21 уже всѣ французы покинули Москву. Ихъ бѣдствія не замедлили проявиться. Скоро настали холода, зима обѣщала быть особенно суровой, пошли морозы, дороги испортились, русскія войска тревожили непріятеля со всѣхъ сторонъ, при чемъ болѣе остальныхъ отличались донскіе казаки и партизанскіе отряды. Тѣснимый отовсюду, Наполеонъ приближался къ берегамъ Березины съ окончательно разстроенной арміей или, лучше сказать, съ остатками недавно еще блестящаго полчища. Русскіе забрали большое количество плѣнныхъ, орудій, провіанта, а непріятель, лишенный какихъ-либо удобствъ и припасовъ, уныло продолжалъ отступленіе. Голодъ, болѣзни и морозы доконали непобѣдимыя войска, и въ концѣ ноября Россія очистилась отъ непрошенныхъ гостей.

Если такой блестящій результатъ отнести къ славѣ русскаго оружія и генію русскаго народа, равно какъ и къ суровому климату Россіи, то главнымъ руководителемъ и организаторомъ состоявшагося погрома былъ Императоръ Александръ I. Въ эту годину онъ сознавалъ народную мощь, всегда существовавшую на Руси, и сплотился съ ней. И эту крупную заслугу помнила Россія и всегда вспомнитъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія Благословеннаго монарха.

Тридцатипятилѣтній Государь оправдалъ надежды своихъ подданныхъ, и это время было лучшимъ изъ всѣхъ годовъ его царствованія.

Теперь явилось новое желаніе, а именно окончательно сокрушить владычество Бонапарта, и при помощи не только русскаго,

но и чужеземнаго оружія, покончить съ нимъ навсегда. Отнынѣ всѣ стремленія Александра обратятся къ намѣченной цѣли и будутъ такими же упорными до конца освободительныхъ войнъ.

Нѣкоторые изъ русскихъ тогда еще осмѣлились критиковать Государя, что онъ, изгнавъ непріятеля изъ нашихъ границъ, продолжалъ борьбу и задался цѣлью освободить Европу. Такого мнѣнія придерживались болѣе старики, какъ Кутузовъ, Ростопчинъ и Шишковъ; намъ кажется, что они были правы, и съ точки зрѣнія интересовъ Россіи казалось выгоднѣе не вмѣшиваться въ дѣла Европы. Будущее показало весьма скоро, что такое мнѣніе имѣло свои основанія, и что Россіи послѣдующія войны принесли мало пользы, а скорѣе даже вредъ.

Первые шаги Александра къ устройству коалиціи противъ Наполеона и Франціи начались еще до окончанія Отечественной войны.

Не только велись оживленные переговоры съ Англіей и съ Швеціей, но были посланы уполномоченные, какъ князь Ливенъ, Бутягинъ и другіе, для успокоенія прусскаго и австрійскаго кабинетовъ. Пруссакамъ гарантировали прощеніе за участіе въ полчищахъ враговъ при ихъ нашествіи, и не только прощеніе, но и земельныя вознагражденія; австрійцамъ выражали благодарность за почти пассивное участіе и также обѣщали обширныя пріобрѣтенія.

Но Пруссія колебалась до конца, страхъ передъ Наполеономъ затмилъ всѣ чувства, особенно у такихъ людей, какъ самъ король и Гарденбергъ; они метались во всѣ стороны, боясь принять какое-либо твердое рѣшеніе, но ихъ неожиданно спасла самовольная выходка генерала Іорка. Этотъ прусскій вояка, получая изъ Берлина только сбивчивыя и неопредѣленныя инструкціи, отступалъ съ прусскими войсками въ аріергардѣ корпуса маршала Макдональда. Русскій же авангардъ, подъ командой генерала Дибича, тѣснилъ пруссаковъ. Между ними завязалась переписка по

иниціативѣ Рижскаго военнаго губернатора маркиза Паулуччи, и вотъ 12/24 декабря Іоркъ и Дибичъ встрѣтились на аванпостахъ; зашла бесѣда; Дибичъ увѣрялъ, что ему приказано считать пруссаковъ друзьями, и что русскіе генералы имѣли полномочія завести переговоры. Цѣлые шесть дней Іоркъ обдумывалъ, на что рѣшиться, а такъ какъ изъ Берлина приказанія отсутствовали, то 18/30 онъ принялъ предложеніе подписать конвенцію въ мѣстечкѣ Таурогенѣ. Эта извѣстная конвенція была подписана шестью лицами, изъ которыхъ три, т.-е. Дибичъ, Клаузевицъ и графъ Дона (Dohna), были на русской службѣ, а графъ Іоркъ, полковникъ Рёдеръ и маіоръ Зейдлицъ на прусской. Другими словами, условія были полюбовно приняты и скрѣплены подписями шести кровныхъ пруссаковъ! И все это получило благословеніе командующаго русскими войсками князя Витгенштейна, еще одного нѣмца! По Таурогенской конвенціи, прусскія войска Іорка признавались нейтральными на пространствѣ между Мемелемъ и Тильзитомъ. Это лишало въ самую важную минуту маршала Макдональда содѣйствія свѣжихъ и сохранившихся 16 тысячъ прусскихъ штыковъ съ 50 орудіями. Неожиданный успѣхъ такого рода былъ на руку Императору Александру и имѣлъ весьма важныя послѣдствія.

Что касается австрійской политики, то здѣсь колебаній было хотя меньше, но самая игра оказалась тоньше и сложнѣе въ рукахъ такого дипломата, какъ Меттернихъ. Онъ отлично понималъ, что удивительные успѣхи Россіи дадутъ ей преобладающее вліяніе въ Европѣ, а также повліяютъ на ростъ и значеніе Пруссіи въ Германіи. Слѣдовательно, требовалось помѣшать такого рода случайностямъ, во что бы то ни стало, Австріи занять выжидательное положеніе, избѣгая крутого разрыва съ Наполеономъ, и дѣйствовать исключительно, смотря по обстоятельствамъ. Извѣстный Генцъ (Gentz) опредѣлилъ эту политику такими, ему свойственными, выраженіями: „Nous avons dû établir notre système sur des *nuances intermédiaires*, qui nous dispensent à la fois de nous ranger

en pure perte au nombre des ennemis de la France et nous brouiller sans retour avec les puissances liguées contre elle“ *).

Надо сознаться, что все это было задумано очень ловко.

Какъ только въ Польшѣ увидѣли, что дѣло Наполеона проиграно, что всѣ надежды опять рухнули, уныніе смѣнило восторги, месть Россіи казалась естественной, и невѣроятное волненіе овладѣло всей страной. Это волненіе передалось и князю Адаму Чарторыжскому, и онъ снова обратился къ перу, чтобы развѣдать истинныя намѣренія Русскаго Императора. И было надъ чѣмъ призадуматься. Вѣдь когда война была объявлена, то въ Варшавѣ собрался сеймъ, подъ предсѣдательствомъ отца князя Адама, и сеймъ этотъ провозгласилъ возстановленіе Польскаго королевства, призывая польскій народъ къ оружію, а всѣмъ полякамъ, находившимся на русской службѣ, было предписано немедленно бросить русскіе мундиры и стать въ ряды польскихъ войскъ, вошедшихъ въ великую армію Наполеона. Но князь Адамъ старался вести себя достойно, не измѣняя ни Польшѣ, ни своему русскому покровителю **).

Такъ, еще въ письмѣ къ Государю отъ 22 іюня/4 іюля 1812 года Чарторыжскій заявляетъ: „La Pologne a été solennellement proclamée par une confédération générale, à la tête de laquelle mon père est placé. Le nom de Pologne sortant de sa bouche, et une fois prononcé, est décisif pour moi... Je vais pour ma santé aux eaux de Hongrie et de Bohême. Mais, en partant, je dois répéter mes instantes sollicitations, et porter encore une fois aux pieds de V. M. I. ma demande formelle de démission“....

Въ письмѣ отъ 4/16 августа, изъ Карлсбада, князь жалуется, что не удостоился получить отвѣта, что понятно въ виду другихъ

*) См. Alb. Sorel: L'Europe et la Révolution Française, т. VIII.

**) Въ перепискѣ Императора Александра съ кн. Чарторыжскимъ, изданной Мазадомъ въ 1865 году, выпущено 6 писемъ, а именно: за 1811 годъ три, отъ 28 II/12 III, 21 III/2 IV, 12/24 VII; письмо Императора Александра, отъ сентября 1812 г.; за 1812 годъ письмо 23 V/4 VI и часть письма 15/27 XII.

заботъ Александра Павловича. Наконецъ, два мѣсяца спустя, т.-е. 9 октября, князь опять пишетъ Государю, не получивъ отвѣта на оба предыдущія посланія. Въ этомъ письмѣ обращаетъ на себя вниманіе такое выраженіе: „Votre silence, Sire, équivaudrait enfin à un consentement"....

Проходятъ еще два мѣсяца; Императоръ Александръ продолжаетъ систему молчанія, а Чарторыжскій 6 и 15 декабря посылаетъ еще два письма, уже послѣ погрома французской арміи.

Послѣднее письмо напечатано въ „Correspondance d'Alexandre et du prince Czartoryski" опять съ большими пропусками (оно возстановлено цѣликомъ въ приложеніяхъ). Здѣсь снова князь Адамъ умоляетъ уволить его въ отставку (je réitère encore avec instance la très humble prière pour ma démission absolue) и взываетъ къ чувствамъ великодушія Александра къ его несчастной родинѣ Польшѣ. Князь писалъ краснорѣчиво и убѣдительно: „Si V. M. I., au moment où la nation polonaise s'attend à la vengeance d'un conquérant, lui tend la main et lui offre de plein gré ce qui pour elle faisait l'objet du combat, l'effet en sera magique, c'est de quoi je vous réponds, Sire; il surpassera votre attente, vous en serez étonné et touché".... И далѣе: „C'est à V. M. I., à présent, à donner l'impulsion, à expliquer ses désirs, à indiquer les moyens de s'entendre; en un mot, à finir l'œuvre. Je pense avoir tout fait, comme Polonais, pour la préparer"....

Только 13 января 1813 года Императоръ отвѣтилъ польскому князю на потоки его чернилъ. Хотя все письмо замѣчательно, но мы приведемъ только нѣкоторыя, особенно интересныя мѣста: „...La vengeance est un sentiment qui m'est inconnu, et ma plus douce jouissance est de payer le mal par le bien. Les ordres les plus sévères sont donnés à mes généraux d'agir en conséquence et de traiter les Polonais en amis et en frères.

„Je vais vous parler avec toute franchise; pour faire réussir mes idées favorites sur la Pologne, j'ai à vaincre quelques difficultés,

malgré le brillant de ma position actuelle. *D'abord l'opinion en Russie.* La manière dont l'armée polonaise s'est conduite chez nous, les sacs de Smolensk, de Moscou, la dévastation de tout le pays a ranimé les anciennes haines! Secondement, dans le moment actuel, une publicité donnée à mes intentions sur la Pologne *jetterait complètement l'Autriche et la Prusse dans les bras de la France,* résultat qu'il est très essentiel d'empêcher, d'autant plus que ces puissances me témoignent déjà les meilleures dispositions“.... Затѣмъ идетъ убѣдительное напоминаніе: „*N'oubliez pas que la Lithuanie, la Podolie et la Volhynie se regardent* jusqu'ici comme *provinces russes,* et qu'aucune logique au monde ne pourra persuader à la Russie de les voir sous la domination d'un autre souverain que celui qui régit la Russie!“

Послѣ такихъ категорическихъ заявленій весьма характеренъ конецъ этого письма, въ видѣ post-scriptum'a: „Si, à l'issue de tous les événements, je pouvais me retrouver un moment au sein de votre famille, cela me causerait un plaisir fou. Tout à vous de cœur et d'âme“.

Слѣдовательно, польскій вопросъ былъ отложенъ, чтобы не тревожить Берлинскій и Вѣнскій кабинеты, но въ сущности уже предрѣшенъ, такъ какъ Александръ считалъ герцогство Варшавское собственностью Россіи, пріобрѣтенное мечемъ и кровью.

11/23 декабря 1812 года Александръ Павловичъ торжественно вступилъ въ Вильну, покинутую имъ весной при трудныхъ обстоятельствахъ. Маститый князь Кутузовъ встрѣтилъ Его Величество съ подобающимъ почетомъ, окруженный героями Отечественной войны.

Въ Вильнѣ Государь пробылъ болѣе двухъ недѣль, совѣтуясь съ генералами о планѣ предстоящей кампаніи, организуя всѣ детали сложнаго вторженія въ Германію и давая инструкцію за инструкціей русскимъ уполномоченнымъ, равно и случайнымъ агентамъ, для скорѣйшаго вовлеченія Пруссіи и Австріи въ замышляемую имъ коалицію.

Здѣсь же, въ Вильнѣ, узнали о Таурогенской конвенціи, заключенной генераломъ Іоркомъ, а 28 декабря главныя силы уже направились изъ Вильны къ Нѣману. Государь рѣшилъ лично оставаться при штабѣ князя Кутузова, чтобы не терять общаго руководства *). Съ этого момента началось вполнѣ ненужное для русскихъ интересовъ освобожденіе Германіи отъ ига Наполеона. Русскія войска вступили въ Польшу. Покойный Шильдеръ даетъ наглядную картину этого шествія. „Въ герцогствѣ Варшавскомъ никто, однако, не встрѣчалъ русскихъ, какъ своихъ избавителей. Одни евреи каждаго мѣстечка, лежавшаго по дорогѣ, гдѣ проходили войска, выносили разноцвѣтныя хоругви, съ изображеніемъ на нихъ вензеля Государя; при приближеніи русскихъ они били въ барабаны и играли на трубахъ. Иногда показывались поляки, которые, по обыкновенію своему, сами не знали, чего хотѣли; одни говорили, что имъ наскучило иго французовъ, другіе же смотрѣли на русскихъ съ сердитыми лицами, какъ вслѣдствіе вкоренившихся въ нихъ къ Россіи чувствъ, такъ и потому, что каждый шагъ русской арміи впередъ отодвигалъ часъ возстановленія Польши. Впрочемъ, полякамъ нельзя было жаловаться: войска наши соблюдали величайшій порядокъ".

Наши войска двигались непрерывно впередъ и въ февралѣ 1813 года уже дошли до береговъ Одера, а главная квартира находилась въ Калишѣ.

Тутъ сосредоточились всѣ переговоры о коалиціи, а также появился князь Адамъ Чарторыжскій, чтобы лично подчеркнуть свою преданность Александру и возобновить его любовныя чувства къ Польшѣ **).

*) Для облегченія Государю общаго руководства генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба всѣхъ армій.

**) Шильдеръ неправильно говоритъ, что „успѣхи русскаго оружія побудили князя Ад. Чарторыжскаго возобновить съ Императоромъ Александромъ прерванную событіями послѣдняго времени переписку" (Т. III, стр. 140).

Мы уже говорили, что, начиная съ іюня 1812 года, князь Чарторыжскій не переставалъ писать Государю, но только не получалъ отвѣтовъ.

Почти въ то же время король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ перебрался изъ Потсдама въ Бреславль, отчасти вслѣдствіе совѣтовъ Меттерниха изъ Вѣны, а еще болѣе изъ опасенія быть арестованнымъ у себя же въ столицѣ маршалами Ожеро (Augereau) и Неемъ (Ney).

Никогда несчастный король не показалъ столько нерѣшительности, какъ за эти дни, и даже Гарденбергъ занесъ это обстоятельство на страницы своего дневника. Эти колебанія закончились, наконецъ, подписаніемъ въ Калишѣ 16 февраля союзнаго договора съ Россіей. Но чего только не выдумывали до этого рѣшенія и король, и его безтолковые совѣтники! Еще 6 и 21 января Императоръ Александръ лично писалъ и увѣщавалъ Фридриха-Вильгельма въ чистосердечіи своихъ намѣреній относительно Пруссіи. Въ одномъ изъ писемъ слышалась глубокая иронія: „J'espère que le général York a agi dans le sens des intentions de Votre Majesté", а Іоркъ былъ отрѣшенъ отъ командованія за произвольно подписанную конвенцію! Въ другомъ, такая рекомендація прусскаго патріота Штейна, перешедшаго на русскую службу, а теперь присвоившаго себѣ роль Александрова эмиссара въ дѣлѣ освобожденія Германіи:

„J'ai revêtu de mon plein pouvoir un *dignitaire russe*, mais un des plus fidèles sujets de Votre Majesté, le baron Stein. J'espère avoir donné par là une preuve à V. M., combien la conservation de ses Etats à leur légitime souverain me tient au cœur". Одновременно, за подписью князя Кутузова, составленная нашимъ Государемъ прокламація была обращена къ нѣмецкому народу. Казалось, чего еще колебаться? а между тѣмъ король послалъ въ Калишъ Кнезебека съ невѣроятнымъ предложеніемъ о желаніи Пруссіи получить цѣликомъ все герцогство Варшавское. На такого рода требованіе Кнезебекъ получилъ рѣзкій отказъ изъ устъ самого Императора Александра, сказавшаго ему, что если желаютъ пріобрѣтеній, то пусть лучше отнимутъ что-либо

у Саксоніи, показавшей излишнюю преданность Наполеону. Историкъ Сорель замѣчаетъ по этому поводу, не безъ остроты: „Dépouiller un roi, en vertu du droit de la guerre, est un acte dont un roi de Prusse ne s'est jamais embarrassé“.

Очевидно, Калишскій договоръ не удовлетворилъ прусскіе аппетиты, но событія шли такъ быстро, что не оставалось ничего больше, какъ соглашаться на требованія Россіи. Въ подписанныхъ условіяхъ, скрѣпленныхъ подписями князя Кутузова и Гарденберга, обращаемъ вниманіе читателя на слѣдующія строки: „En conduisant ses troupes victorieuses hors de ses frontières, le premier sentiment de S. M. l'Empereur de toutes les Russies fut celui de rallier à la belle cause que la Providence a si visiblement protégée ses anciens et plus chers alliés, afin d'accomplir avec eux des destinées auxquelles tiennent et le repos et le bonheur des peuples épuisés par tant de commotions et tant de sacrifices. Le *temps arrivera* où les traités ne seront plus des trèves, où ils pourront de nouveau être observés avec *cette foi religieuse, cette inviolabilité sacrée* auxquelles tiennent la considération, la force et la conservation des empires“.

Впервые мы встрѣчаемъ такое опредѣленное воззваніе къ Провидѣнію и Божьему Промыслу въ офиціальномъ документѣ, но съ этихъ поръ такого рода парадоксъ сталъ пріобрѣтать права гражданства и былъ основаніемъ новыхъ политическихъ вѣяній, сложившихся въ умѣ Александра I и затмившихъ у него вскорѣ чувства къ собственной его родинѣ—къ Россіи, съ которой онъ только-что успѣлъ сродниться въ годину Отечественной войны.

Когда Берлинъ былъ занятъ русскими войсками, Александръ поѣхалъ въ Бреславль на свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, и оба монарха могли снова предаться обычнымъ изліяніямъ дружбы. 4/16 марта Пруссія объявила войну Наполеону. Здоровье князя Кутузова настолько пошатнулось, что онъ окончательно слегъ

въ постель въ Бунцлау и скончался 16/28 апрѣля 1813 года *). Его замѣстилъ въ качествѣ главнокомандующаго князь Витгенштейнъ, а вскорѣ послѣ того Барклай.

Что касается императора Наполеона, то, вернувшись въ Парижъ (6/18 декабря 1812 г.), онъ усиленно сталъ готовиться къ продолженію борьбы. Положеніе его было не изъ легкихъ. Во время его отсутствія произошелъ заговоръ генерала Мале (Malet), кончившійся ничѣмъ, но оставившій непріятное впечатлѣніе у парижанъ. Во Франціи большинство устало отъ постоянныхъ войнъ, и все больше слышались голоса о прекращеніи потоковъ крови; финансы страны были ослаблены, а тутъ еще понадобились новые наборы солдатъ. Наполеонъ сознавалъ трудность своей задачи и обратилъ особенное вниманіе на Австрію. Ему казалось, что императоръ Францъ, какъ отецъ Маріи-Луизы и дѣдъ ея ребенка, не могъ остаться безучастнымъ къ ихъ дальнѣйшей участи. Но за нимъ стоялъ Меттернихъ и зорко слѣдилъ за событіями. Теперь началась та игра, о которой Меттернихъ давно мечталъ, и, какъ въ шахматномъ искусствѣ, имъ были пущены ходы, маскирующіе истинныя намѣренія игрока. Меттернихъ хотѣлъ поставить Австрію въ положеніе посредника, тянуть переговоры съ Наполеономъ, для которыхъ былъ командированъ въ Парижъ Бубна, а тѣмъ временемъ постепенно сближаться съ Россіей, не давая ей перевѣса въ дѣлахъ рѣшенія судьбы Европы. Какъ ни грустно сознаться,

*) Ланжеронъ оставилъ въ запискахъ такую характеристику князя Смоленскаго: „On ne pouvait avoir plus d'esprit que Koutouzoff, on ne pouvait avoir moins de caractère, on ne pouvait réunir plus d'adresse a plus d'astuce, on ne pouvait posseder moins de véritables talents et plus d'immoralité. Une mémoire prodigieuse, une grande instruction, une rare amabilité, une conversation aimable et intéressante, une bonhomme un peu factice, à la vérité, mais agreable à ceux qui voulaient bien en être la dupe, voilà les agrements de Koutouzoff. Une grande violence, une grossiereté d'un paysan lorsqu'il s'emportait ou lorsqu'il n'avait pas à craindre la personne à qui il s'adressait, une bassesse envers les personnes qu'il croyait en faveur, portee au point le plus avilissant, une paresse insurmontable, une apathie qui s'etendait à tout, un égoisme rebutant, un libertinage aussi crapuleux que degoûtant, peu de delicatesse pour les moyens à se procurer de l'argent voila les inconvenients de ce même homme“.

но Меттернихъ съ успѣхомъ добился желанныхъ результатовъ и вскорѣ достигъ преслѣдуемыхъ цѣлей, завершивъ все то, что имъ было мастерски намѣчено. Наполеона ему удалось обойти сравнительно легко, но съ Александромъ не обошлось безъ цѣлаго ряда крупныхъ недоразумѣній.

Князю Шварценбергу было дано разрѣшеніе заключить перемиріе съ русскими въ Цейсѣ (Zeycs), что дало австрійскому корпусу возможность отступать безъ выстрѣла. Тѣмъ временемъ, австрійскій министръ всячески старался увѣрить Наполеона въ самомъ доброжелательномъ отношеніи къ Франціи, чему онъ мало придавалъ довѣрія. Адъютантъ императора французовъ Нарбоннъ поѣхалъ въ Вѣну для переговоровъ, и съ тою же цѣлью князь Шварценбергъ направился въ Парижъ. Это происходило въ первыхъ числахъ апрѣля 1813 года, а 16/28 Наполеонъ уже былъ въ Веймарѣ, гдѣ принялъ руководство надъ своей арміей. Приблизительно въ тѣхъ же числахъ, а именно 12/24 апрѣля, Императоръ Александръ и король прусскій торжественно въѣхали въ Дрезденъ, гдѣ народъ германскій, наконецъ, имѣлъ возможность лицезрѣть того, который дѣлался освободителемъ Германіи *). Но уже 17/29 апрѣля разыгрался кровопролитный бой подъ Люценомъ, гдѣ оба союзные Государя лично присутствовали, что не помѣшало Наполеону выиграть сраженіе. Тогда, чтобы воспользоваться добытымъ успѣхомъ, Наполеонъ намѣревался послать Коленкура къ Императору Александру и вступить съ нимъ въ переговоры помимо Австріи. Но нашъ Государь не пожелалъ видѣть посланнаго, Коленкуръ не былъ допущенъ, а ему было передано, что Александръ не желаетъ вести какихъ-либо

*) Частное письмо баронессы Вертернъ (v. Werthern) къ своимъ родителямъ: „...Nicht beschreiben kann ich Euch, beste Eltern, meine Wonne, als der Retter Deutschland's so ganz in seiner Schöne über dieselbe Treppe hinauf stieg, die am 27 April dieses Jahres der Tyrann von unserem Vaterland noch mit stolzer Mine, die Malice im Auge, betrat; heute wurde der Zutritt jedem erlaubt, der sich gern an dem Anblick der Retter des Vaterlandes weiden wollte“....

(Письмо написано позже, изъ Веймара, 11/23 октября 1813 г.).

разговоровъ отдѣльно отъ Австріи. Другими словами, восторжествовала опять идея коалиціи, но не прямые интересы Россіи. Мы это подчеркиваемъ.

Въ первыхъ числахъ мая (8/20) разыгрался новый двухдневный бой подъ Бауценомъ, ознаменовавшійся еще одной побѣдой для французскаго оружія, а русско-прусскія войска принуждены были отступить къ Рейхенбаху. Послѣ этого союзные монархи согласились на предложенное Наполеономъ перемиріе, условія котораго были выработаны въ мѣстечкѣ Плейсвицъ (Pleiswitz). Русскимъ комиссаромъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, прусскимъ — генералъ Клейстъ, а французскимъ Коленкуръ. Послѣдній всѣми силами старался вести переговоры наединѣ съ графомъ Шуваловымъ и возобновлялъ, но напрасно, ходатайства черезъ Нессельроде о личномъ свиданіи съ Императоромъ Александромъ.

Чтобы вернуться къ роли Коленкура въ эти дни, не надо забывать, что онъ всегда былъ persona gratissima у Александра и послѣ своего отъѣзда, два года назадъ, изъ Петербурга, и что до разрыва съ Россіей герцогъ Виченцскій оставался въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ русскихъ. Историкъ Сорель, всегда корректный и благородный въ своихъ сужденіяхъ, старается вполнѣ обѣлить Коленкура. „On ne saurait cependant confondre Caulaincourt dans la troupe des partisans de l'empire sans l'empereur, ni mettre en doute le „loyalisme“ de son dévouement personnel à Napoléon, tant de fois déclaré et avec tant de chaleur“. Мы же продолжаемъ сомнѣваться въ *безусловномъ* „лойялизмѣ“ Коленкура и, главное, потому, что его бумаги еще не увидѣли свѣта, чтобы окончательно разъяснить поведеніе герцога Виченцскаго и въ 1813, и въ 1814 годахъ. Тотъ же Альберъ Сорель говоритъ нѣсколькими строками раньше:

„Depuis Erfurt, le duc de Vicence paraît chez les alliés, pour subir l'influence de Talleyrand et servir ses desseins. Il était entré

en relations avec Nesselrode, alors conseiller d'ambassade de Russie à Paris, et qui adressait une correspondance secrète au Tzar par l'entremise de Spéransky".

Разъ доказано, что Коленкуръ находился подъ вліяніемъ Таллейрана, то допустимо предполагать многое. Но Коленкуру теперь все-таки не удалось видѣть и бесѣдовать съ Русскимъ Императоромъ.

Перемиріе продолжалось отъ 4/16 іюня до 8/20 іюля и носило исключительно характеръ военный, въ немъ не было высказано ничего политическаго. Наполеонъ, согласившись на эту комбинацію, впослѣдствіи разочаровался, признавъ за собой ошибку и промахъ. Ошибкой это было потому, что дало возможность новому русскому главнокомандующему Барклаю (назначенному послѣ Бауцена) привести въ порядокъ усталыя и затрепанныя войска, а промахомъ, еще болѣе крупнымъ, было то, что за это время австрійцы передумали и сговорились съ союзниками для общаго плана военныхъ дѣйствій. Вскорѣ послѣ этого Австрія, дѣйствительно, вошла въ коалицію.

Гораздо болѣе чревато послѣдствіями было вмѣшательство Англіи и ея присоединеніе къ коалиціоннымъ державамъ; это случилось вскорѣ послѣ Калишскаго соглашенія, и въ главную квартиру были командированы лордъ Каткартъ (Cathcart) для переговоровъ съ Императоромъ Александромъ и Стюартъ (Stewart) съ королемъ прусскимъ. Переговоры завершились въ Рейхенбахѣ*), при чемъ Англія обязалась уплатить крупныя военныя издержки Россіи и Пруссіи, а въ договоръ была внесена статья, по которой ни одна изъ упомянутыхъ державъ не могла принимать рѣшеній въ переговорахъ безъ согласія Великобританіи. „La Russie et la Prusse s'engagent à ne point négocier séparément avec leurs ennemis communs, à ne signer ni paix, ni trêve, ni convention quelconque autrement que d'un commun accord".

*) Martens, T. III. Notice sur les traités de Reichenbach.

Такого рода уговоръ, въ теченіе всего періода войнъ съ Наполеономъ, только стѣснялъ коалицію, но былъ выгоденъ для англичанъ. Послѣдствія показали, насколько англійская политика была вѣрно разсчитана. Весь іюнь и іюль 1813 года прошли въ нескончаемыхъ спорахъ и переговорахъ между разными уполномоченными союзниковъ, сперва въ Рейхенбахѣ, потомъ въ Прагѣ. Всякій тянулъ въ свою сторону, желая выгадать побольше, и первую скрипку безспорно игралъ выдержанный и хитроумный графъ Меттернихъ, что совершенно вѣрно отмѣтилъ Альберъ Сорель.

„Metternich se montra supérieur par la maîtrise de soi-même, la suite, la dextérité, la souplesse dans les défilés. Cet homme du monde, ce dandy politique, à la main blanche et nerveuse, déploya le sang-froid, le coup d'œil et l'énergie d'un vieux pilote". Не менѣе работалъ и Русскій Государь, находя время входить во всѣ мелочи политики и военныхъ комбинацій и ведя обширную переписку съ матерью, супругою, сестрой Екатериной и княземъ А. Н. Голицынымъ. Но, несмотря на всѣ старанія и утонченные пріемы, многое ускользало отъ вниманія Александра, и часто тщеславіе затемняло лучшіе порывы сердца и ума. Къ этому прибавилось еще душевное настроеніе, увлекавшее Государя все больше и больше на пути угадыванія завѣтовъ Провидѣнія и приведшее скоро къ непонятному мистицизму. Изъ переписки съ великой княгиней Екатериной Павловной видно, что это настроеніе росло, но пока не мѣшало пускаться на всѣ средства, чтобы вовлечь безповоротно Австрію въ дѣло коалиціи, при чемъ подвижная и неугомонная сестра приняла живѣйшее участіе во всѣхъ закулисныхъ интригахъ.

Для болѣе нагляднаго пониманія истиннаго настроенія Александра за эти тревожные дни, приведу нѣкоторыя выдержки изъ его письма къ князю А. Н. Голицыну. Еще изъ Калиша, 16 марта, Государь писалъ ему:

„Vous aurez pu voir par ma lettre après ma communion que ma pensée m'a porté vers vous et que j'ai eu un vrai besoin de vous exprimer l'émotion avec laquelle je me suis acquitté cette fois-ci du devoir sacré. Votre lettre du même jour m'a fait un plaisir extrême. Le passage que vous aviez copié pour moi a été vivement senti, et je vous dirai même que depuis Pétersbourg aucun jour ne se passe sans que je ne lise l'Ecriture Sainte. Cette lecture m'attache de plus en plus, et si Dieu me ramène sain et sauf auprès de vous, j'aurai à vous citer beaucoup de circonstances dans le genre de la réception de ma lettre au sortir de votre église".

17 апрѣля, послѣ въѣзда въ Дрезденъ на Св. Пасху, встрѣчаются въ письмѣ такія описанія:

„C'est samedi 12, après la messe, par conséquent après *Воскресни Боже* que nous avons fait notre entrée à Dresde, et à minuit nous avons chanté sur les bords de l'Elbe *Христосъ Воскресе!* Il me serait difficile de vous rendre l'émotion dont je me sentais pénétrer en repassant tout ce qui s'était passé depuis un an, et où la Providence Divine nous avait conduits".... *).

Вотъ живые слѣды того возвышеннаго настроенія, въ которомъ пребывалъ человѣкъ, стоявшій во главѣ коалиціи для освобожденія Европы отъ ига того, кого Государь часто называлъ „ce diable d'homme".

Послѣ Рейхенбахскаго перемирія состоялся конгрессъ въ Прагѣ, продлившійся цѣлый мѣсяцъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ, конечно, Меттернихъ, который еще до его открытія успѣлъ посѣтить лично Наполеона въ Дрезденѣ и имѣлъ съ нимъ наединѣ двухчасовой разговоръ. Единственнымъ результатомъ этой встрѣчи было то, что австрійскій министръ убѣдился, что передъ нимъ находится не полководецъ побѣдоносныхъ дней Аустерлица и Ваграма, а уже другой человѣкъ, испытавшій всѣ прелести похода

*) Собственная Его Императорскаго Величества библіотека.

въ Москву; что же касается окружавшихъ Наполеона маршаловъ и генераловъ, то всѣ они пріуныли и оказались усталыми и разочарованными. Съ такими впечатлѣніями Меттернихъ отправился 27 іюня/9 іюля въ зáмокъ Трахенбергъ (Trachenberg), гдѣ пребывали Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ, чтобы сообщить имъ о видѣнномъ и слышанномъ въ Дрезденѣ. Оттуда Меттернихъ для проформы заѣхалъ къ императору Францу въ другой зáмокъ, Брандейсъ (Brandeis), стараясь его убѣдить скорѣе примкнуть къ союзникамъ, но и Францъ оказался столь же нерѣшительнымъ, какъ прусскій король. Затѣмъ начались пражскіе переговоры съ французскими уполномоченными, Коленкуромъ и Нарбонномъ, а также и съ Нессельроде и Гумбольдомъ (прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ). Въ сущности все, что произошло въ Прагѣ, было одной комедіей, и вотъ почему: Наполеону предлагались для заключенія мира такія унизительныя условія, на которыя онъ никогда не согласился бы, и на это можно было съ увѣренностью разсчитывать. Собственно говоря, за кулисами дѣйствовала Англія съ ея представителями, лордомъ Каткартомъ и Нугентомъ (Nugent), которые выработали и настаивали именно на условіяхъ унизительныхъ, а слѣдовательно, непріемлемыхъ. Французскіе представители говорили и дѣйствовали въ весьма примирительномъ тонѣ, также и Нессельроде, но англичане устами того же Меттерниха не давали никому сговориться и только затягивали переговоры. Наконецъ, Австрія рѣшилась предъявить 28 іюля/9 августа ультиматумъ Наполеону, готовому уже принять главную часть австрійскихъ условій, на чемъ особенно настаивали и Коленкуръ, и Маре (герцогъ Бассано). Но тогда Императоръ Александръ заявилъ, что не желаетъ болѣе даже слышать о какихъ-либо новыхъ мирныхъ предложеніяхъ. Въ тотъ же день, а именно 4/16 августа, Коленкуръ выѣхалъ изъ Праги, а Австрія, наконецъ, примкнула къ коалиціи. Планъ Русскаго Императора увѣнчался полнѣйшимъ успѣхомъ, но не безъ содѣйствія Англіи, а для Меттерниха происшедшій

разрывъ Австріи съ Наполеономъ едва ли можно считать за побѣду, потому что вся иниціатива снова переходила въ руки Александра. Но это временное полуфіаско Меттернихъ постарался исправить въ будущемъ.

Временное прекращеніе военныхъ дѣйствій дало возможность подойти русскимъ резервамъ, организовать русскую армію; Пруссія поставила на ноги новые полки; къ союзникамъ присоединился Бернадоттъ съ шведами; а Австрія, входя въ коалицію, давала свѣжія силы *). Словомъ, всѣ выгоды отъ перемирія получили союзники.

При такихъ условіяхъ война возобновилась и болѣе не прекращалась до занятія Парижа. Къ этому времени относится пріѣздъ генерала Моро (Moreau) въ главную квартиру союзныхъ армій. Несмотря на самый радушный пріемъ со стороны Императора Александра, активной роли ему не пришлось играть, зато внимательно слушали его совѣты о способѣ борьбы съ Наполеономъ. Эти совѣты послужили впрокъ. Сущность заключалась въ томъ, чтобы избѣгать столкновеній тамъ, гдѣ руководилъ лично Наполеонъ, а стараться бить отдѣльно его маршаловъ, разбросанныхъ съ корпусами на разныхъ пунктахъ театра войны. Если же связываться съ Бонапартомъ, то не иначе какъ съ громаднымъ превосходствомъ силъ, „en tâchant de l'envelopper“. Для француза такіе совѣты считаемъ преступными, потому что Моро отлично зналъ слабыя стороны боевыхъ товарищей, но союзникамъ они безспорно послужили въ пользу. Впрочемъ, въ первой же битвѣ Моро былъ убитъ. Битва эта произошла подъ Дрезденомъ и длилась двое сутокъ — 14/26 и 15/27 августа. Наполеонъ остался побѣдителемъ, но безъ практическихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе, первая удача смутила союзныя стороны, и пошли опять переговоры. Но частные успѣхи снова подняли духъ войскъ коалиціи.

---

*) По настоянію австрійцевъ, князь Шварценбергъ былъ назначенъ генералиссимусомъ союзныхъ армій.

Въ теченіе августа мѣсяца подъ Кульмомъ былъ взятъ въ плѣнъ Вандаммъ (Vandamme), и его корпусъ уничтоженъ; подъ Кацбахомъ Макдональдъ разбитъ Блюхеромъ, и Удино (Oudinot) — подъ Гросбереномъ (Grossbeeren).

Переговоры велись въ Тёплицѣ (Tœplitz) и завершились новыми договорами между Россіей и Австріей, и Россіей и Пруссіей. То было лишь подтвержденіемъ рейхенбахскихъ и пражскихъ соглашеній. Самый договоръ состоялъ изъ четырехъ статей и двухъ дополнительныхъ. Обращаемъ вниманіе на четвертый пунктъ: „Un arrangement à l'amiable entre les trois cours, de Russie, d'Autriche et de Prusse sur le sort futur du duché de Varsovie".

Въ Тёплицѣ Александръ занялъ главенствующее положеніе. Сорель писалъ: „Alexandre joua ici un personnage supérieur. C'est alors qu'il se montra le régulateur, ou, comme on commençait à dire dans le jargon classique du temps, le roi des rois, l'Agamemnon de la nouvelle Iliade". И дальше: „Il sut, de loin, charmer et gagner les Français, répétant et faisant répéter sans cesse qu'il séparait de la cause de Napoléon la cause de leurs libertés et celles de leurs frontières: propos politique simple et profond".... И, наконецъ, Сорель заканчиваетъ: „...Enfin et surtout il dicta les traités très politiques dressés sur le modèle qui avait prévalu à Kalisch, et qui tous tendaient à cet objet, *réserver les disputes* en réservant les prétentions de chacun sur les conquêtes communes. Prenons d'abord, chacun ensuite reconnaîtra ses prises!

Мы затруднились бы добавить что-либо къ такому блестящему резюме покойнаго французскаго историка и вполнѣ согласны съ его выводами. Но, изучая послѣдовательно роль и помышленія нашего Государя, мы, къ сожалѣнію, принуждены часто прерывать повѣствованіе о ходѣ событій для яснаго пониманія обстановки и вставлять цитаты или письма, поясняющія наши выводы. Такъ, изъ Тёплица Александръ сообщалъ князю А. Н. Голицыну о кончинѣ Моро и писалъ такого рода соображенія: „J'aurais voulu

graver en lettres d'or la dernière page de votre lettre du 2 septembre *), mon cher ami, et la placer dans le cœur de tout vrai chrétien. C'est exactement la manière dont j'ai envisagé le malheureux événement arrivé au général Moreau, et la meilleure preuve que je puis vous en donner, c'est que, de Prague encore, j'ai écrit à Pétersbourg que malheur à nous si nous nous imaginons que, puisque Moreau est avec nous, tout est dit, que c'est Dieu seul, et non Moreau ou un autre, qui peut conduire l'œuvre à bonne fin; aussi, sur moi, cet événement, laissant le regret amer pour la personne du général, n'a produit d'autre effet que de me raffermir dans la croyance que Dieu se réserve à Lui seul le soin de conduire le tout et que *ma confiance en Lui est plus forte que dans tous les Moreau de la terre.* Chez nous les choses continuent à aller à merveille. Tout à vous de cœur et d'âme".

A Töplitz, le 16 septembre 1813.

Вѣра въ Провидѣніе и въ Божій Промыслъ все больше росла и укрѣплялась въ душѣ Александра Павловича.

22 декабря 1813 г./3 января 1814 г. Государь сообщалъ Лагарпу свои впечатлѣнія:

„.... Laissez-moi vous dire que si, à côté de l'œuvre de la Providence, quelque persévérance et énergie que j'ai eu l'occasion de déployer depuis deux ans ont été utiles à la cause de l'indépendance de l'Europe, c'est à vous et à vos instructions que je le dois. Votre souvenir, dans les moments difficiles, a été constamment présent à ma pensée, et le désir d'être digne de vos soins, de mériter votre estime m'a soutenu. Nous voici, des bords de la Moskva sur ceux du Rhin que nous allons franchir ces jours-ci. Si près de vous, je nourris la douce consolation que je pourrai vous serrer dans mes bras et vous réitérer de bouche toute la gratitude que mon

*) Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти этого письма князя Голицына къ Государю.

cœur vous portera jusqu'au tombeau. Ce sera un des jours les plus heureux de ma vie"... *).

Какъ мило и просто написаны эти строки. Сколько душевной благодарности, сколько деликатнаго вниманія къ своему старому наставнику выражено въ немногихъ словахъ. Александръ, на порогѣ Франціи, не забылъ высказать Лагарпу, что происходило въ глубинѣ его сердца.

Въ кровопролитномъ двухдневномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ (4/16 и 5/17 октября) союзники, наконецъ, разбили армію Наполеона. Послѣ этого пошли опять разговоры о мирныхъ переговорахъ, при чемъ всякій думалъ лишь о выгодахъ своей страны. Въ глубинѣ души ни императоръ Францъ, ни Меттернихъ еще не предполагали о замѣнѣ династіи во Франціи, имъ была люба мысль о возможности имѣть вліяніе, притомъ преобладающее, въ случаѣ регентства Маріи-Луизы. Императоръ Александръ держался другого образа мыслей, главное, не желая еще предрѣшать чего-либо. На этой почвѣ онъ никакъ не могъ столковаться съ Меттернихомъ, у котораго теперь нашелся подъ руками французскій представитель въ Веймарѣ, Сентъ-Эніанъ (Saint-Aignan), шуринъ Коленкура, тоже одинъ изъ вѣрныхъ клевретовъ Таллейрана.

Изъ Франкфурта этого француза командировали къ Наполеону съ цѣлой серіей предложеній, извѣстныхъ подъ именемъ франкфуртскихъ.

Суть предложеній сводилась къ тому, чтобы Франція сохранила за собой естественныя свои границы (limites naturelles), которыя послужили бы основой для подготовки мира (bases de la paix définitive). Въ такомъ духѣ Сентъ-Эніанъ составилъ свое предложеніе. Но все это было выражено въ такой неопредѣленной формѣ, что могло служить лишь къ новымъ недоразумѣніямъ;

*) Собственная Его Величества библіотека.

предѣлы Альпъ, Пиренеевъ и Рейна, такъ называемые естественные, едва ли могли удовлетворить Наполеона, а, кромѣ того, встрѣтили сильную опозицію со стороны Англіи, въ лицѣ ея министра Касльри (Castlereagh). Въ его корреспонденціи мы читаемъ отъ 7 декабря 1813 г. слѣдующее: „Je ne puis pas vous cacher le malaise du gouvernement à la lecture du mémoire de Saint-Aignan, et très certainement, un pareil document, s'il est publié par l'ennemi sans un contre-document de notre part, excitera des impressions pénibles dans ce pays“ (l'Angleterre). Въ Парижѣ, гдѣ большинство только и мечтало о мирѣ, всѣ салоны ухватились за эти bases de Francfort, и Сентъ-Эніанъ былъ всѣми радушно встрѣченъ, всѣми, кромѣ самого Наполеона. Хотя о возстановленіи Бурбоновъ мало кто и думалъ — они были почти забыты во Франціи, но, благодаря проискамъ Англіи, открыто принявшей ихъ сторону, главные политическіе дѣятели, какъ Таллейранъ, Дальбергъ и другіе, уже были посвящены въ эти планы и готовились исподволь къ такой перспективѣ. Приблизительно въ то же время Наполеонъ узналъ объ измѣнѣ Мюрата, перешедшаго на сторону коалиціи, благодаря вліянію Меттерниха. Союзники же продолжали подозрѣвать Русскаго Императора въ его симпатіяхъ къ Бернадотту. Несмотря на всѣ доводы различныхъ историковъ, доказывающихъ серьезность этихъ симпатій со стороны Александра, мы склонны думать, что врядъ ли у Государя былъ какой-либо созрѣвшій взглядъ, кого именно возвести на французскій престолъ, а если говорятъ о вліяніи пріѣхавшаго въ главную квартиру Лагарпа, то оно въ дѣйствительности уже не существовало.

При такихъ условіяхъ вскорѣ открылся конгрессъ въ Шатильонѣ (Châtillon), своего рода походный конгрессъ, потому что военныя дѣйствія не прекращались. Нельзя описать всѣ интриги, которыя произошли во время этихъ преній: то былъ раздѣлъ добычи между коршунами, пока жертва еще пребывала въ предсмертныхъ судорогахъ. Не даромъ повторялась на всѣ лады фраза

Таллейрана, что „c'est le commencement de la fin", а недавно пожалованный въ князья Меттернихъ всѣмъ и каждому говорилъ, что не стоитъ жертвовать Наполеономъ, чтобы въ угоду Императору Александру замѣнить его Бернадоттомъ. Словомъ, когда наставало время дѣлежа, и чувствовалась близость Парижа, то мало кто могъ сдерживать пылъ своихъ страстей. Но къ этому моменту появился новый актеръ въ лицѣ англичанина Каслри (Castlereagh) *), лично пріѣхавшій, чтобы высоко держать знамя Великобританіи и принять участіе въ эпилогѣ переговоровъ. Его безпокоили два лица: Александръ и Меттернихъ. Съ австрійцемъ онъ скоро сговорился, а съ Русскимъ повелителемъ игра была труднѣе.

Не могу удержаться, чтобы не привести выдержку изъ Сореля, настолько она типична **).

„Castlereagh arriva le 18 janvier (1814) à Fribourg. C'est un personnage qui parait sur la scène quand le drame touche à sa fin; il va dès lors rester sur les premiers rangs; il contribuera puissamment, et de son caractère de représentant de l'Angleterre et de sa personne même, à préparer le dénouement.

„.... Il exécrait la Révolution en elle-même, et parce qu'elle était française et tournait à la grandeur de la France. Anéantir la Révolution, ramener la France à ses anciennes limites, voilà toute sa politique.... Castlereagh ne voulait ni la ruine totale et l'effacement de la France, ni le triomphe et *la prépondérance de la Russie*. Ces vues l'éloignaient d'Alexandre. Alexandre l'inquiéta toujours sans le séduire jamais; tout, en ce slave insaisissable, l'induisait en méfiance; cette comète bouleversait son système. Metternich, sans lui inspirer plus de confiance, le rassurait par sa méthode: il louvoyait dans les mêmes eaux"....

*) Министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи.
**) Sorel: L'Europe et la révolution française, t. VIII, pp. 248 et 249.

Касльри былъ главнымъ приверженцемъ возстановленія Бурбоновъ, и ему приходилось побороть оппозицію со стороны Россіи и Австріи къ этому замыслу. Въ числѣ окружающихъ Александра были въ то время самые различные типы иностранцевъ.

Корсиканецъ Поццо-ди-Борго, недавно пріѣхавшій изъ Лондона, гдѣ онъ успѣлъ сговориться съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, открыто поддерживалъ въ главной квартирѣ кандидатуру Бурбоновъ, при содѣйствіи француза роялиста маркиза Рошешуара (Rochechouart), состоявшаго съ 1811 года въ званіи флигель-адъютанта Русскаго Императора. Бывшій воспитатель Государя, Лагарпъ, тоже находившійся при особѣ Александра, тянулъ въ сторону Бернадотта, мечтая о созданіи французской республики съ первымъ консуломъ во главѣ и находя шведскаго наслѣднаго принца подходящимъ для этой роли.

Но Императоръ Александръ не поддавался такого рода интригамъ, желая предоставить выборъ главы правительства самимъ французамъ, а Меттернихъ добивался возможно дольше оттянуть переговоры, чтобы установить регентство Маріи-Луизы.

Касльри доносилъ еще 18/30 января лорду Ливерпулю: „По моему мнѣнію, въ настоящее время намъ всего опаснѣе рыцарское настроеніе Императора Александра. Въ отношеніи къ Парижу его личные взгляды не сходятся ни съ политическими, ни съ военными соображеніями. Русскій Императоръ, кажется, только ищетъ случая вступить во главѣ своей блестящей арміи въ Парижъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы противопоставить свое великодушіе опустошенію собственной его столицы“.

Наконецъ, у Александра терпѣніе лопнуло, и было рѣшено возможно скорѣе двигаться на Парижъ, занять столицу Франціи и тамъ уже обсудить дальнѣйшее.

По этому поводу пруссакъ Гарденбергъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Vu le roi (т.-е. Фридриха-Вильгельма) et l'Empereur de Russie. Discussion sur le plan d'opérations et mésentendus. Intrigue de

Stein pour aller droit sur Paris, ce que veut aussi l'Empereur Alexandre. Le parti autrichien y est contraire; d'autres ne savent ce qu'ils veulent". Это намекъ на короля Прусскаго. А Сорель дѣлаетъ такого рода замѣчаніе:

„Ce roi fit, ce jour-là, ce qu'il faisait depuis la fameuse visite au tombeau du Grand Frédéric, à Potsdam, en novembre 1805: il céda au prestige de l'Empereur Alexandre et se jeta dans ses bras". Тѣмъ временемъ уполномоченные державъ все еще продолжали спорить въ Шатильонѣ и въ общемъ не могли спѣться. 28 января/9 февраля графъ Андрей Разумовскій, представитель Россіи, получилъ приказаніе изъ главной квартиры, перешедшей на другой день въ Труа (Troyes), отъ Нессельроде прервать переговоры.

Военныя дѣйствія возобновились цѣлымъ рядомъ кровопролитныхъ сраженій при Шампоберѣ (Champaubert), при Монмирайлѣ и Шато-Тьерри, гдѣ снова успѣхъ временно перешелъ на сторону Наполеона, но послѣ неудачныхъ для него дѣлъ при Арсисѣ на Оби (Arcis-sur-Aube) и при Ферѣ-Шампенуазѣ, все было потеряно, и 19/31 марта союзники вошли въ Парижъ. За то же время въ Шомонѣ (Chaumont) происходили окончательные переговоры между представителями державъ, которые закончились союзнымъ актомъ между Россіей, Австріей, Пруссіей и Англіей. Этотъ актъ періодически возобновлялся въ будущемъ въ Вѣнѣ (1815), въ Парижѣ (1815) и въ Аахенѣ (1818) и послужилъ основаніемъ Священнаго союза (la Sainte Alliance), руководившаго дѣлами Европы почти до 1848 года. Тѣмъ не менѣе, покуда искренности было мало, и въ дѣйствительности не существовало никакого дружелюбія, а одно соперничество между подписавшими договоръ.

Заключеніе Сореля даетъ истинное освѣщеніе этому акту: „Le traité était signé, mais, pour s'être engagés avec cette solennité, les alliés n'avaient pas abjuré leurs dissentiments et leurs rivalités: à l'arrière-plan, pour la paix générale, la question de Pologne et la

question de la suprématie russe; au premier plan, la question de la paix avec Napoléon ou de la déchéance de l'empire".

Князь А. Н. Голицынъ сказывалъ, что во время послѣднихъ совѣщаній передъ занятіемъ Парижа Александръ Павловичъ ему говорилъ о тѣхъ чувствахъ, которыя имъ овладѣли въ эту минуту:

„Въ глубинѣ моего сердца затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, какое-то непреоборимое желаніе передать это дѣло въ полную волю Божію. Совѣтъ продолжалъ заниматься, а я на время оставилъ засѣданіе и поспѣшилъ въ собственную комнату; тамъ колѣни мои подогнулись сами собой, и я излилъ передъ Господомъ все мое сердце". Послѣ этого Александръ вернулся въ засѣданіе и объявилъ о намѣреніи итти немедленно на Парижъ. 19 марта совершился знаменитый въѣздъ въ столицу Франціи.

Фигура освободителя Европы привлекла вниманіе парижанъ, и восторги смѣнялись оваціями толпы, взоры которой обращались къ привлекательному образу Русскаго Государя. Александръ сіялъ на своемъ сѣромъ конѣ (когда-то подаренномъ ему Наполеономъ), въ ореолѣ блеска и славы. Выраженіе его лица и особенно глазъ показывало то настроеніе, въ коемъ онъ пребывалъ, озаренный лучами Божественнаго Провидѣнія и завершенія его завѣтной мечты. Онъ былъ, дѣйствительно, великолѣпенъ и по простотѣ формы одежды, въ вицъ-мундирѣ Кавалергардскаго полка, и по той величавой осанкѣ, которая ему была всегда присуща.

Но теперь предстояло сказать послѣднее слово и рѣшить вопросъ, какой образъ правленія предоставить Франціи. Вопросъ былъ сложный, надо было считаться съ требованіями союзниковъ и съ желаніемъ французскаго народа.

Въ этотъ моментъ главнымъ двигателемъ всего въ Парижѣ и неподражаемымъ актеромъ на аренѣ всѣхъ интригъ явился Таллейранъ. У него-то въ домѣ, на улицѣ Сенъ-Флорентенъ (Saint-Florentin), остановился Русскій Императоръ, такъ какъ была

пущена въ ходъ ловко задуманная басня, что будто бы подъ стѣнами Елисейскаго дворца заложены мины, и тамъ опасно жить Его Величеству. Не подлежитъ сомнѣнію, что и эта выдумка была устроена не безъ участія князя Беневентскаго, потому что ему было лестно и выгодно имѣть Государя подъ своей кровлей. Таллейранъ, успѣвшій уже столковаться и съ англичанами, и со всѣми агентами Бурбоновъ, быстро созвалъ находящихся въ Парижѣ сенаторовъ, и эти господа постановили огромнымъ большинствомъ изъ числа присутствующихъ на экстренномъ засѣданіи сената призвать на престолъ Франціи единственнаго законнаго претендента, Людовика XVIII.

Все это было удивительной комедіей, въ виду отсутствія всякаго значенія сената, почти никогда не собиравшагося въ года имперіи, но для перваго впечатлѣнія ничего другого не требовалось. Очевидно, Александръ былъ озадаченъ такимъ постановленіемъ всякаго сброда людей, составлявшихъ эту коллегію, гдѣ было не мало и такихъ личностей, которыя голосовали за казнь Людовика XVI, а временное правительство Франціи, въ которомъ Таллейранъ былъ главнымъ воротилой, заявило о своемъ уваженіи къ постановленію сената. Тѣмъ временемъ Наполеонъ засѣдалъ въ Фонтенбло и помышлялъ освободить Парижъ отъ непрошенныхъ гостей, но предварительно ему нужно было завязать непосредственныя сношенія съ Александромъ. Для этой цѣли имъ были избраны Коленкуръ, какъ лицо пользовавшееся довѣріемъ Государя, и два маршала, Ней и Макдональдъ. Они явились къ Государю и были немедленно имъ приняты, къ великому смущенію временного правительства.

Бесѣда затянулась; Александръ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы успокоить и обворожить посланныхъ Наполеона; Коленкуръ и маршалы, въ свою очередь, обратились къ великодушію Александра, умоляя его поддержать идею регентства, съ императрицей Маріей-Луизой во главѣ. На Александра Павловича это прямое обращеніе бывшаго союзника произвело извѣстное впе-

чатлѣніе, и онъ обѣщалъ маршаламъ повліять на временное правительство и сенатъ въ желанномъ для нихъ смыслѣ. Такого рода перемѣны въ образѣ мыслей Государя случались нерѣдко, подъ впечатлѣніемъ минуты, а въ данномъ случаѣ еще помогало чувство глубокой антипатіи къ Бурбонамъ. Сейчасъ же послѣ посланныхъ изъ Фонтенбло явились къ Русскому Императору лица временного правительства. Таллейранъ и Дальбергъ настаивали на прежнемъ рѣшеніи сената и убѣждали Александра въ невозможности принятія идеи какого-либо регентства.

Хотя Александръ былъ поставленъ этими разговорами, столь противоположными, въ довольно неловкое положеніе, но Его Величество объявилъ Таллейрану, что дастъ на другое утро свое окончательное рѣшеніе.

Вдругъ случилось неожиданное событіе, сразу перемѣнившее всю обстановку. Маршалъ Мармонъ измѣнилъ Наполеону и перешелъ съ ввѣренными ему войсками за рѣчку Эссонъ, т.-е. къ непріятелю.

5 апрѣля Александръ потребовалъ посланныхъ Наполеона рано поутру къ себѣ и объявилъ имъ, что предложеніе о регентствѣ отвергнуто союзниками, но что павшій владыка Франціи остается его другомъ въ несчастіи, что ему будетъ предоставленъ островъ Эльба, какъ мѣсто жительства, и что Наполеонъ можетъ разсчитывать на слово Русскаго Императора.

Таллейранъ торжествовалъ, англичане были въ восторгѣ, Меттернихъ радовался неудачѣ русскихъ замысловъ, одни французы, въ массѣ, оставались безучастными къ возвращенію своихъ законныхъ королей изъ дома Бурбоновъ.

Но былъ ли доволенъ первыми результатами отреченія Наполеона владыка земли Русской? Намъ кажется, что его волновали самыя разнообразныя чувства.

Не вѣрится, чтобы послѣ удовлетвореннаго самолюбія и паденія соперника у Александра оставалось еще чувство злобы

къ Наполеону, какъ это часто бываетъ вообще съ людьми послѣ нравственнаго успѣха, а особенно послѣ гибели противника, является что-то въ родѣ сожалѣнія или сострадания къ судьбѣ побѣжденнаго. Такое чувство долженъ былъ испытывать Александръ, а къ этому примѣшалось великодушіе побѣдителя.

Кромѣ того, Русскій Государь только-что исполнилъ обрядъ христіанина и говѣлъ на Страстной недѣлѣ Великаго поста. Св. Пасха приходилась въ 1814 году на 29 марта/10 апрѣля, одновременно съ католической.

Слѣдовательно, большинство разговоровъ происходило именно во время говѣнія. Тотъ же пріятель (confident) Государя, князь А. Н. Голицынъ, свидѣтельствуетъ, что настроеніе Александра въ ту пору было самое возвышенное.

Александръ Павловичъ ему передавалъ при первой ихъ встрѣчѣ послѣ Парижа, что „... я и здѣсь повторю то же, что, если кого Милующій Промыслъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ Божественной своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія добровольное отреченіе Наполеона, какъ будто нарочно, поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобы совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь“ *).

Начало говѣнія, т.-е. 23 марта/4 апрѣля, понедѣльникъ Страстной недѣли, совпало именно съ днемъ измѣны Мармона и съ отреченіемъ Наполеона. Кромѣ того, весьма оригинально, что Государь говѣлъ вмѣстѣ съ другимъ своимъ пріятелемъ, А. А. Аракчеевымъ, только-что смиренно отказавшимся отъ фельдмаршальскаго жезла. Алексѣй Андреевичъ, видимо, придавалъ особое значеніе этому факту совмѣстнаго говѣнія и записалъ въ своемъ журналѣ за 1814 годъ: „Государь изволилъ говѣть и пріобщаться

*) Шильдеръ, III т., стр. 222.

Св. Тайнъ, равномѣрно и графъ Аракчеевъ". Потому мы относимся весьма осторожно къ разнымъ свидѣтельствамъ иностранцевъ въ ихъ воспоминаніяхъ этой эпохи, и особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые старались опредѣлить роль Александра и догадаться объ истинныхъ его помышленіяхъ.

Такъ Пакье (Pasquier), бывшій тогда префектомъ полиціи въ Парижѣ, записалъ въ своихъ мемуарахъ ту рѣчь, которую сказалъ Русскій Императоръ представителямъ Парижа передъ вступленіемъ союзниковъ въ столицу: „Je n'ai qu'un ennemi en France, et cet ennemi est l'homme qui m'a trompé de la manière la plus indigne, qui a abusé de ma confiance, qui a trahi avec moi tous les serments, qui a porté dans mes Etats la guerre la plus inique, la plus odieuse. Toute réconciliation entre lui et moi est désormais impossible, mais je le répète, je n'ai en France que cet ennemi. Tous les Français, hors lui, sont bien vus de moi. J'estime la France et les Français, et je souhaite qu'ils me mettent dans le cas de leur faire du bien.... Dites donc, messieurs, aux Parisiens que je n'entre pas dans leurs murs en ennemi, et qu'il ne tient qu'à eux de m'avoir pour ami; mais dites aussi que j'ai un ennemi unique en France, et qu'avec celui-là je suis irréconciliable".

Эта рѣчь только доказала тактъ и пониманіе Александромъ истиннаго положенія дѣлъ во Франціи, а тирады по адресу Наполеона были исключительно разсчитаны на эффектъ.

Когда послѣдовала встрѣча нашего Государя съ королемъ Людовикомъ XVIII, то она произвела отталкивающее впечатлѣніе на Александра, и холодность въ обращеніи была обоюдная.

Послѣ этого, Александръ старался показать еще бо́льшее вниманіе всѣмъ тѣмъ, кто былъ связанъ семейными узами съ павшимъ императоромъ, что доказали неоднократныя его посѣщенія императрицы Жозефины и ея дочери, королевы Гортензіи. Несмотря на всѣ протесты многихъ изъ союзниковъ и въ особенности Меттерниха, Александръ настоялъ, чтобы островъ Эльба

былъ предоставленъ во владѣніе Наполеона, и командировалъ своего генералъ-адъютанта графа П. А. Шувалова, чтобы сопровождать его при проѣздѣ чрезъ Францію. Интересно, что при заключеніи окончательнаго мирнаго договора 18/30 мая не было ни слова сказано о судьбѣ Польши. Относительно этого вопроса у Александра составился вполнѣ опредѣленный планъ.

Князь Чарторыжскій, зорко слѣдившій за ходомъ событій, поспѣшилъ явиться въ главную квартиру союзниковъ въ Шомонѣ и, вмѣстѣ съ остальными, прибылъ въ Парижъ. Появленіе его могло бы пройти незамѣченнымъ въ той пестрой свитѣ, которая окружала союзныхъ монарховъ. Лагарпъ, Жомини, Поццо, Штейнъ привлекали бо́льшее вниманіе, но пріѣздъ польскаго князя былъ весьма непріятенъ для Меттерниха и Гарденберга. Они не безъ основанія боялись его вліянія, а такъ какъ польскій вопросъ особенно тревожилъ Австрію и Пруссію, то, несмотря на всѣ прочіе интересы, пришлось слѣдить за дѣйствіями непрошеннаго новаго гостя.

Чарторыжскаго видѣли во всѣхъ салонахъ Парижа, гдѣ онъ былъ радушно принятъ. Благодаря его проискамъ, на одномъ изъ баловъ старикъ Костюшко былъ представленъ Императору Александру и удостоенъ крайне любезной бесѣды. Желаніе старика вернуться на свою родину и умереть въ Польшѣ было принято къ свѣдѣнію, и дано обѣщаніе удовлетворить это ходатайство. Въ то же время цесаревичъ Константинъ восхищался польскими войсками и, по словамъ Шильдера, пилъ за здравіе польской націи на завтракѣ у графа Красинскаго. Александръ, въ свою очередь, принялъ двухъ представителей польскихъ войскъ, безпокоившихся о дальнѣйшей судьбѣ ихъ, и они также были обласканы Русскимъ Государемъ. Словомъ, всѣ предварительные ходы были мастерски разсчитаны для дальнѣйшей работы на почвѣ сближенія, но Александръ избѣгалъ открывать свои карты, а только обвораживалъ поочередно видѣнныхъ имъ поляковъ. Изъ переписки князя Чарторыжскаго съ Н. Н. Новосильцовымъ видно,

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ

Князь М. И. Кутузовъ

Князь П. И. Багратіонъ

П. В. Чичаговъ

что князь Адамъ былъ удовлетворенъ и остался убѣжденнымъ, что Александръ не измѣнилъ взглядовъ на дорогой ему польскій вопросъ.

Дальнѣйшее о судьбѣ Варшавскаго герцогства рѣшено было обсудить на конгрессѣ въ Вѣнѣ.

Въ концѣ мая 1814 года Императоръ Александръ поѣхалъ въ Англію, куда давно его звала любимая сестра Екатерина *), уже раньше прибывшая въ Лондонъ. Опять блестящая свита сопровождала Высокаго посѣтителя и его спутника, короля прусскаго. Здѣсь, кромѣ Барклая и Платова, англичане могли увидѣть Блюхера и Іорка, а также и князя Чарторыжскаго, ловко проскользнувшаго въ число лицъ государевой свиты.

Вся Англія встрѣтила какъ нельзя болѣе радушно освободителя Европы. На этомъ единодушномъ настроеніи такой дисциплинированной страны, какъ Великобританія, можно было, при желаніи, сдѣлать многое и завязать прочныя сношенія между обѣими націями. Къ сожалѣнію, Александръ подпалъ всецѣло подъ вліяніе своей взбалмошной сестры Екатерины, не обратилъ никакого вниманія на суть дѣла и возможныя выгоды своего пребыванія для интересовъ Россіи, а отдался лишь внѣшнимъ проявленіямъ любезности при радушіи такого пріема. Государь уже начиналъ поддаваться тому религіозному настроенію, которое оказало впослѣдствіи роковые результаты; внутренняя борьба не мѣшала ему предаваться чувствамъ тщеславія и даже какъ будто веселиться на нескончаемыхъ балахъ и вечерахъ, устроенныхъ въ честь его лондонской аристократіей. Все это весьма живо и рельефно разсказано въ воспоминаніяхъ княгини Ливенъ, супруги русскаго посла **). Словомъ, мѣсяцъ, проведенный въ Англіи, далъ лишь

*) Великій Князь Николай Михаиловичъ, „Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной". Петербургъ, 1910.

**) См. „Переписка Императора Александра съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной", стр. 225—247.

обратные результаты. Регентъ (впослѣдствіи король Георгъ IV), его министры, часть общества, вся офиціальная Англія остались недовольны и возмущались заигрываніемъ Александра и его сестры съ оппозиціей, а, пока шли увеселенія, за спиной Русскаго Императора уже образовалось враждебное звено въ лицѣ лорда Касльри и князя Меттерниха, которое вскорѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ привело къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Путешествіе, отъ котораго такъ много ожидали всѣ искренно желавшіе сближенія между Россіей и Англіей, не привело ни къ чему, а дало лишь поводы къ недовольству и злобѣ. Посѣтивъ, на обратномъ пути, мимолетно Голландію и супругу свою въ Бруксалѣ, гдѣ съѣхалась для встрѣчи вся баденская родня, Его Величество вернулся въ Петербургъ 13 іюля 1814 года. Полтора мѣсяца провелъ Государь въ столицѣ, но это кратковременное посѣщеніе родины дало себя знать во многихъ распоряженіяхъ и перемѣнахъ въ личномъ составѣ сотрудниковъ.

Шильдеръ съ болью въ сердцѣ говоритъ: „Быстрыми шагами приближалось то печальное время, когда усталый побѣдитель Наполеона долженъ былъ скрыться за мрачной фигурой гатчинскаго капрала“ *). Намъ кажется, что рано еще говорить объ усталости „побѣдителя Наполеона“; это состояніе обнаружилось гораздо позже, т.-е. послѣ Ватерло и вторичнаго возвращенія въ Россію. Теперь же настроеніе явилось иное, и вѣрнѣе было бы опредѣлить его періодомъ броженія, борьбы внутренней, постояннаго недовольства собой и окружающими, но объ усталости еще не было и помина. Послѣдовательно были уволены отъ должностей: канцлеръ графъ Румянцевъ, государственный секретарь Шишковъ и главнокомандующій Москвы графъ Ростопчинъ.

Относительно первыхъ двухъ это было логично, такъ какъ оба давно хворали и оказались неспособными къ работѣ; Румян-

*) Шильдеръ, III т., стр. 250.

цева уже de facto, съ конца 1812 года, замѣнилъ Нессельроде. Шишковъ, больной, не могъ сопутствовать Императору ни въ Парижъ, ни въ Англію и лѣчился въ Германіи. Вмѣсто него, былъ назначенъ 30 августа 1814 г. А. Н. Оленинъ.

Что же касается увольненія графа Ростопчина, то надобность въ немъ прекратилась съ Отечественной войной; онъ былъ всегда антипатиченъ Александру, а въ ту пору была сдѣлана уступка общественному мнѣнію. Θедоръ Васильевичъ глубоко обидѣлся и оскорбился такимъ явнымъ невниманіемъ къ его особѣ, болѣе не принималъ участія въ дѣлахъ до кончины (1826), не посѣщалъ засѣданій Государственнаго Совѣта, переселился за границу и истощалъ свое остроуміе то въ парижскихъ салонахъ, то въ перепискѣ съ немногими друзьями.

Вернувшись въ Россію, Александръ Павловичъ пожелалъ письменнымъ обращеніемъ къ населенію засвидѣтельствовать свою благодарность всѣмъ сословіямъ. Для этой цѣли 30 августа 1814 г. былъ обнародованъ обширный манифестъ, написанный Шишковымъ, но со многими измѣненіями, сдѣланными рукою Александра. Въ своихъ воспоминаніяхъ Шишковъ записалъ слѣдующее: „По написаніи сего манифеста, неоднократно читалъ я оный Государю, и всегда въ присутствіи графа Аракчеева, чего при прежнихъ чтеніяхъ писанныхъ мною бумагъ никогда не бывало. При первомъ чтеніи, Государь съ нѣкоторою суровостью спросилъ у меня: Для чего дворянство я поставилъ выше воинства? (ибо такъ у меня сперва было). Я отвѣчалъ, что дворянство есть первое государственное сословіе, снабжающее войско изъ среды себя полководцами, военноначальниками, ратниками и, словомъ, всѣми потребными силами; а потому, яко цѣлое, долженствуетъ преимуществовать передъ частью самого себя.—„Вотъ“, сказалъ мнѣ съ насмѣшкой Государь, „стану я равнять такого-то съ такимъ-то!“ (онъ назвалъ здѣсь два лица по имени). На это отвѣчалъ я: „Государь! сравненіе двухъ частныхъ лицъ не дастъ справедливаго

заключенія о двухъ сословіяхъ, происходящихъ одно отъ другого". — Я хотѣлъ продолжать еще дальше мои доводы, но Государь не слушалъ меня, повелительнымъ голосомъ приказалъ мнѣ статью о воинствѣ поставить выше статьи о дворянствѣ, и я въ первый разъ, увидя его гнѣвнаго, принужденъ былъ замолчать. На другой день, переписавъ бумагу, принесъ я ему оную для подписанія. Прочиталъ еще разъ. Онъ взялъ перо; но вдругъ остановился, оттолкнулъ отъ себя бумагу и сказалъ: „Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти, и съ чѣмъ я нимало не согласенъ". Я съ удивленіемъ взглянулъ на него и, увидя, что онъ отъ досады весь покраснѣлъ, сказалъ ему съ твердостью: „Государь, Вы нигдѣ при чтеніяхъ моихъ не изволили сдѣлать замѣчанія Вашего, и потому я не знаю, какое мѣсто или слово противно мнѣнію и волѣ Вашего Величества". Онъ указалъ мнѣ на статью о помѣщикахъ и крестьянахъ, гдѣ о существующей между ними связи сказано: *„...на обоюдной пользѣ основанная"*. Выраженіе сіе находилъ онъ съ мнѣніемъ своимъ не согласнымъ и не справедливымъ. Я хотѣлъ объяснить ему, что всякая связь между людьми, изъ которыхъ одни повелѣваютъ, а другіе повинуются, на семъ токмо основаніи нравственна и благотворна; что самая вѣра и законы предписываютъ сіе правило, и что помѣщики, не наблюдающіе онаго, лишаются власти управлять своими подчиненными; но онъ, не допустивъ меня ни до какихъ объясненій, вычеркнулъ одно только сіе выраженіе, оставя все прочее, то же самое подтверждающее, и отдалъ мнѣ бумагу назадъ для переписанія. Сіе несчастное въ Государѣ предубѣжденіе противъ крѣпостного права въ Россіи, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства и порядка внушено ему было находившимся при немъ Лагарпомъ и другими, окружавшими его, молодыми людьми, воспитанниками французовъ, отвращавшими глаза и сердце свое отъ одежды, отъ языка, отъ нравовъ, словомъ, отъ всего

русскаго“ *). Свидѣтельство такого человѣка, какъ Шишковъ, для насъ цѣнно, но вовсе не по причинамъ, выставленнымъ покойнымъ Н. К. Шильдеромъ, видѣвшимъ здѣсь уже выдвигающееся вліяніе Аракчеева, которое въ данномъ случаѣ мы отрицаемъ.

Александру Павловичу дворянство было всегда ненавистно, и корень ненависти скрывался не въ крѣпостномъ правѣ, а въ роли дворянства въ кровавомъ событіи 11 марта 1801 года, не забытомъ Государемъ въ теченіе всей его жизни.

Присутствіе же Аракчеева при разговорѣ съ Шишковымъ объясняется просто желаніемъ имѣть свидѣтеля при переговорахъ о такомъ важномъ манифестѣ; Шишкову же, вѣроятно, измѣнила память, когда онъ писалъ свои записки. Вѣдь, при паденіи Сперанскаго, разговоры его съ Аракчеевымъ и Балашовымъ были совмѣстны, также и тогда, когда понадобилось добиться удаленія Александра изъ дѣйствующей арміи, въ 1812 году; для избранной цѣли именно Шишковъ настаивалъ тогда, чтобы Аракчеевъ сталъ докладчикомъ ихъ взаимнаго соглашенія, что и было на самомъ дѣлѣ. Что въ настоящемъ случаѣ Аракчеевъ присутствовалъ, „но хранилъ глубокое молчаніе“, то это скорѣе потому, что и онъ хотѣлъ догадаться о причинахъ гнѣва Государя и о его истинныхъ намѣреніяхъ. А при нѣкоторомъ сомнѣніи, естественно что Аракчеевъ предпочелъ молчать. Въ словахъ же манифеста „надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать осѣдлость и присоединить къ нимъ и семейства“ заключается весьма прозрачный намёкъ на идею военныхъ поселеній; въ этомъ Шильдеръ правъ, но сама мысль исходила изъ головы Государя, а вовсе не отъ Аракчеева, бывшаго противникомъ такого учрежденія. Шишкову же было поручено составленіе манифеста, какъ государственному секретарю и какъ человѣку, прекрасно

*) Записки, мнѣнія и переписка А. С. Шишкова. Изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлинъ, 1870 г., т. I, стр. 308.

владѣвшему перомъ, но это былъ его послѣдній актъ, потому что именно 30 августа онъ былъ замѣненъ Оленинымъ и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Лучшимъ свидѣтельствомъ настроенія Императора при возвращеніи въ Петербургъ (въ 1814 году) служитъ показаніе князя А. Н. Голицына. Вотъ что онъ говорилъ: „...Наконецъ, Государь возвратился къ намъ въ Петербургъ. Я уже давно летѣлъ въ мысляхъ своихъ къ нему навстрѣчу; чаянія и ожиданія мои были велики. Я не ошибся въ нихъ! Я не могъ довольно насмотрѣться на возлюбленнаго Александра: онъ весь былъ проникнутъ смиреніемъ и самоотверженіемъ; въ пылу неумолкающихъ плесковъ народныхъ, онъ все воздавалъ Господу силъ и Ему только одному усвоивалъ побѣду. Любовность его, столь ему всегда свойственная, взяла характеръ какого-то типичнаго равнодушія, изъ глубины, однакожъ, котораго выказывалась *воля энергичная, воля всепоборающая*"....

Но болѣе всего Государя занималъ въ разсматриваемое время вопросъ польскій, и когда Его Величество отправился 1/13 сентября на Вѣнскій конгрессъ, то рѣшилъ заѣхать на пути въ имѣніе князей Чарторыжскихъ — Пулавы, чтобы этимъ показать наяву незыблемое расположеніе къ полякамъ, несмотря на ихъ враждебную роль въ минувшую Отечественную войну. По дорогѣ въ Пулавы, въ мѣстечкѣ Бялы, встрѣтила Государя польская депутація, во главѣ съ княземъ Сулковскимъ, а также Н. Н. Новосильцовъ, какъ членъ временного управленія герцогства Варшавскаго. Александръ Павловичъ принялъ поляковъ любезно и сказалъ имъ краткую рѣчь, гдѣ всякое слово было обдумано. Новосильцовъ писалъ своему другу, графу П. А. Строганову, по поводу сказаннаго: „Le discours qu'il leur a tenu était si fort de raison, si logique et en même temps si mesuré et si adroit que les bras me sont tombés d'étonnement. Il n'a rien promis, il ne s'est engagé à rien et a tout demandé".

Насъ удивляетъ не то, что счелъ нужнымъ сказать Государь, а удивленіе Новосильцова, который долженъ былъ неоднократно работать съ державнымъ покровителемъ поляковъ и могъ успѣть привыкнуть къ способамъ и взглядамъ, имъ проводимымъ. Но послѣ распада тріумвирата, Новосильцова постигла опала за рядъ всякихъ промаховъ и его чрезмѣрную самонадѣянность; когда онъ снова былъ привлеченъ къ работѣ, то произошло это исключительно по ходатайству его же друзей, Строганова и Чарторыжскаго. Онъ былъ близкій сотрудникъ монарха, и странно изъ его устъ слышать, что „les bras me sont tombés d'étonnement". Это только до очевидности показываетъ, насколько мало знали Александра Павловича не только современники вообще, но и приближенные.

Шильдеръ, преслѣдуемый idée fixe, что вліяніе Аракчеева чувствовалось во всемъ, въ примѣчаніяхъ къ III тому говоритъ: „Императоръ Александръ даже въ Пулавахъ вспомнилъ графа Аракчеева, находившагося въ то время въ своемъ любезномъ Грузинѣ, и не упустилъ случая обрадовать его слѣдующими дружескими строками, написанными 6 сентября передъ отъѣздомъ: „Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за твои желанія отъ 5 числа; ты знаешь, сколь искренно я тебя люблю. Сейчасъ ѣду дальше". Недоумѣваемъ, что было особеннаго въ томъ, что въ Пулавахъ Императоръ вспомнилъ пріятеля и отвѣтилъ ему двумя словами на поздравленіе съ днемъ Ангела Государыни Елисаветы Алексѣевны (5 сентября). Смѣемъ высказать какъ разъ обратное мнѣніе, а именно, что Аракчеева Государь не взялъ съ собой на конгрессъ, какъ элементъ, ему тамъ не нужный, и что это было сдѣлано не случайно, а потому, что Александръ считалъ его присутствіе болѣе полезнымъ въ Россіи. Въ дни же конгресса въ Вѣнѣ, едва ли Александръ часто вспоминалъ Алексѣя Андреевича, а предавался болѣе сложнымъ заботамъ. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ лонѣ семьи Чарторыжскихъ, наканунѣ конгресса, были не только актомъ вѣжливости, но, очевидно, имѣли

и политическій характеръ. Это прекрасно поняли наши сосѣди, австрійцы и пруссаки, и приготовились къ ходамъ борьбы относительно судьбы Польши въ Вѣнѣ.

Хотя въ сентябрѣ весь европейскій ареопагъ былъ уже почти въ сборѣ въ столицѣ Австріи, но самый конгрессъ еще долго не открывался, а шли предварительныя работы и частныя спѣвки между различными представителями державъ. Русскими уполномоченными были графъ Нессельроде, князь Андрей Разумовскій и русскій посолъ въ Вѣнѣ гр. Штакельбергъ. Къ нимъ были прикомандированы Поццо-ди-Борго, Каподистрія, Анстетъ и въ качествѣ illustre étranger князь Адамъ Чарторыжскій, но онъ никакого прямого участія въ переговорахъ не принималъ.

Отмѣтимъ, что въ числѣ уполномоченныхъ Россіи и приданныхъ имъ сотрудниковъ находился только одинъ коренной русскій — князь Разумовскій, остальные были три нѣмца, корсиканецъ, грекъ и, въ качествѣ outsider'а, полякъ. Руководителемъ же всѣхъ этихъ господъ былъ самъ Государь, написавшій собственноручно краткую программу занятій, озаглавленную: „Points sommaires de l'instruction".

Въ журналѣ Михайловскаго-Данилевскаго за 1815 годъ отмѣчено, между прочимъ: „Императоръ употреблялъ теперь генераловъ и дипломатовъ, не какъ своихъ совѣтниковъ, но какъ исполнителей своей воли; они его боятся, какъ слуга своего господина". (Это свидѣтельство заслуживаетъ нѣкотораго вниманія: Данилевскій былъ флигель-адъютантомъ и находился въ Вѣнѣ въ числѣ лицъ свиты.) Не подлежитъ сомнѣнію, что руководство всѣми дѣлами во времена конгресса было сосредоточено въ рукахъ Александра, который по очереди находилъ время, при безконечныхъ празднествахъ, бесѣдовать равно и со своими сотрудниками, и съ иностранцами. Рѣдко приходилось такъ трудно и сложно обо всемъ подумать, ничего не упустить, не увлекаясь деталями, и опредѣленно держать намѣченную линію. И надо отдать должное

работоспособности монарха, постоянно отвлекаемаго отъ занятій то родственниками, какъ русскими *), такъ и иностранными, то устраиваемыми развлеченіями. Описать всего, происходившаго на Вѣнскомъ конгрессѣ, почти невозможно, но насъ интересуютъ лишь главныя фигуры тѣхъ, которые орудовали на этомъ единственномъ въ своемъ родѣ съѣздѣ, напоминавшемъ какую-то международную ярмарку, съ самыми разнородными стремленіями, сдѣлавшуюся игралищемъ всѣхъ страстей и самыхъ невѣроятныхъ интригъ.

Кромѣ Императора Александра, два лица обращали на себя всеобщее вниманіе: Таллейранъ и Меттернихъ. Кто былъ ловчѣе, трудно опредѣлить, но французъ проявилъ все свое вѣроломство, всю гибкость своей фальшивой натуры, величаво прикрытую чувствами патріота несчастной Франціи; австріецъ, снѣдаемый тщеславіемъ, безподобно умѣвшій пользоваться слабостями людей вообще и обстановкой въ частности, хитрый и вкрадчивый, желалъ стать во главѣ всѣхъ комбинацій и вырвать изъ рукъ повелителя Россіи руководство въ преніяхъ. Оба часто видѣлись, часто сходились во взглядахъ, какъ дѣльцы, но въ душѣ другъ друга презирали и ненавидѣли.

Таллейрана никто не жаловалъ, но всѣ боялись; Меттерниха боялись одинаково, но многое прощали, такъ какъ онъ былъ нуженъ большинству пріѣхавшихъ дѣлить Наполеоново наслѣдство. Поццо-ди-Борго, нашедшій уже для своихъ замысловъ отличное помѣщеніе собственной особы въ качествѣ русскаго посла при Бурбонахъ и генералъ-адъютанта **) Александра I, говоря о Таллейранѣ, охарактеризовалъ его въ одномъ изъ писемъ къ Нессельроде очень мѣтко: „C'est un homme qui ne ressemble à aucun autre, il gâte, il arrange, il intrigue, il gouverne de cent manières différentes

*) Въ Вѣнѣ находились. Императрица Елисавета, цесаревичъ Константинъ, великія княгини Марія и Екатерина Павловны.

**) Поццо-ди-Борго назначенъ генералъ-адъютантомъ 2/14 апрѣля 1814 года.

par jour. Son intérêt pour les autres est proportionné au besoin qu'il en a dans le moment". Въ данномъ случаѣ, въ Вѣнѣ, Таллейранъ, стараясь держать высоко знамя Франціи, умѣло перессорилъ союзниковъ.

Два вопроса встрѣтили особенныя затрудненія и повлекли къ нескончаемымъ преніямъ, это вопросы о судьбѣ Польши и Саксоніи. Россія требовала получить всѣ тѣ земли, которыя именовались герцогствомъ Варшавскимъ *); Пруссія намѣревалась захватить всю Саксонію, но тому и другому противилась Австрія, въ лицѣ Меттерниха, не желавшаго слишкомъ большого роста земельныхъ пріобрѣтеній на восточной границѣ Австріи и территоріальнаго увеличенія владѣній Пруссіи, могущихъ дать этой державѣ первенствующее вліяніе въ Германіи. Самое трудное было Александру столковаться съ своимъ союзникомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, несмотря на всѣ взаимныя любовныя изліянія, выразившіяся въ ихъ перепискѣ **) и личныхъ разговорахъ. Вожделѣнія Пруссіи не ограничивались только желаніемъ пріобрѣсти Саксонію, но и часть польскихъ земель по Вислѣ.

Къ протестамъ Австріи присоединились также англичане, поддерживаемые и Таллейраномъ ***).

12 октября Касльри обратился съ письмомъ къ Императору Александру, оспаривая притязанія Россіи на герцогство Варшавское; 30 октября Государь отвѣтилъ англійскому представителю въ довольно раздраженной формѣ, присоединивъ къ письму особую

*) Пруссія соглашались уступить въ крайнемъ случаѣ Познань (Posen) до линіи, проведенной отъ Торна до Пейзерна и оттуда вдоль Просны до границы Силезіи, и Кульмскій округъ до Древенца, за исключеніемъ района вокругъ Торна.

**) См., въ *Correspondance inédite du Roi Frédéric Guillaume III et de la Reine Louise avec l'Empereur Alexandre I*, publiée par Paul Bailleu, Leipzig, Paris, 1890, письмо Александра къ королю отъ 2 августа и короля къ Александру отъ 19 августа 1814 г.

***) Это повело къ тайному соглашенію между этими тремя державами, т.-е. Австріей, Англіей и Франціей, заключенному въ Вѣнѣ 9/21 декабря 1814 года и направленному противъ Россіи и Пруссіи.

объяснительную записку, составленную княземъ Чарторыжскимъ. Но и это не удовлетворило Касльри, и 4 ноября онъ написалъ Государю новое посланіе, въ болѣе мягкомъ тонѣ, на которое 21 ноября Императоръ отвѣтилъ еще болѣе категорично меморандумомъ, написаннымъ Каподистрія. Невиданная полемика, въ видѣ частной переписки, окончательно разсердила Русскаго Государя, и Александръ потребовалъ прекратить такой способъ переговоровъ.

Неоднократно переговоры принимали такой острый характеръ, что можно было опасаться разрыва и прекращенія преній, но неожиданная высадка Наполеона 23 февраля/7 марта 1815 года повліяла благотворно, и соглашеніе все-таки было достигнуто. (Оно ознаменовалось подписаніемъ заключительнаго трактата 27 мая/8 іюня 1815 г. между Россіей, Франціей, Пруссіей, Австріей, Англіей, Испаніей, Швеціей и Португаліей.) Въ главныхъ чертахъ, то, чего такъ настойчиво добивался Русскій Государь, было достигнуто. Россія навсегда присоединила герцогство Варшавское, но Познань, Бромбергъ и Торнъ отошли къ Пруссіи, въ видѣ компенсаціи за то, что Саксонія все же осталась королевствомъ и не была окончательно раздѣлена; кромѣ того, Тарнопольская область, уступленная Россіи въ 1809 году, была возвращена Австріи, а Краковъ сталъ вольнымъ городомъ. Эти уступки были сдѣланы, главнымъ образомъ, въ виду появленія Наполеона, и Александру пришлось пожертвовать земельными вознагражденіями, чтобы не мѣшать солидарности коалиціи. Идея Александра Павловича воссоздать подъ своимъ скипетромъ Польское королевство, съ особой конституціей, не встрѣчала никакого сочувствія не только въ средѣ русскихъ людей, но даже и чужеземцевъ, какъ Поццо-ди-Борго. Знаменательно и то, что графъ Нессельроде, а также В. С. Ланской, изъ Варшавы, умоляли Государя не создавать этой роковой ошибки. Александръ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ и шелъ къ намѣченной цѣли твердо и опредѣленно. Въ этомъ вопросѣ у него проявилось какое-то рыцарское чувство не только къ другу

дѣтства и юности князю Чарторыжскому, но и вообще къ полякамъ, которымъ онъ не переставалъ вѣрить; онъ надѣялся на полное ихъ сліяніе съ русскими при умѣломъ и самостоятельномъ управленіи Польшей *). Заблужденіе шло такъ далеко, что смущало всѣхъ его сотрудниковъ, знавшихъ, что такого рода рѣшенія уже походили на упрямство, съ которымъ бороться было немыслимо.

Ланской, человѣкъ обыкновенныхъ способностей, но хорошо знавшій условія Польскаго края, выражался въ письмѣ къ Государю не столько смѣло, сколько трогательно. Письмо кончалось словами: „....Государь, простите русскому, открывающему передъ тобою чувства свои и осмѣливающемуся сблизить съ нимъ народъ и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правиламъ; и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять ядъ свой на насъ. Болѣе не смѣю говорить о семъ и, какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный Вашему Императорскому Величеству, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно“ *(4 мая 1815 года).*

Письмо не имѣло ни малѣйшаго успѣха. Свидѣтельство Поццо-ди-Борго еще поразительнѣе. Встрѣтившись въ Вѣнѣ черезъ семнадцать лѣтъ послѣ конгресса, въ 1832 году, съ барономъ П. К. Мейндорфомъ, на вопросъ барона, правда ли, что онъ, Поццо, предсказалъ польскую революцію 1831 года, старикъ корсиканецъ ему отвѣтилъ: „Cela m'a valu la disgrâce de S. M., et il ne me l'a jamais pardonné. Dans le fait, Alexandre m'avait fait venir ici pour défendre ses intérêts et le représenter au congrès comme plénipo-

*) Ludwik Hr. Dębicki, *Pulawy (1762—1830)*, Monografia, Lwów, 1887, т. II. Письмо князя Адама Чарторыжскаго къ его отцу отъ 1 (13) октября 1814 г.—Князь Адамъ удивлялся настойчивости Александра и восторгался дѣйствіями Государя по польскому вопросу.

tentiaire. Quand j'arrivai, il me fit venir dans son cabinet, et là il me tint pendant deux heures, me parlant d'abord, du ton d'un inspiré et „le sang dans l'œil“, des injustices commises depuis si longtemps envers cette pauvre Pologne, de la nécessité de réparer cette injustice en rétablissant la Pologne et en lui rendant ses anciennes provinces conquises par la Russie. Après avoir longtemps déclamé là-dessus, il me dit qu'il m'avait choisi pour travailler à la charte de Pologne. Tout d'abord je jugeai dans quelle fausse route il cheminait et lui fis comprendre que ce serait non seulement une faute, mais un crime envers la Russie de faire ressusciter par elle son plus cruel ennemi; que la Pologne ainsi rétablie serait pour les affaires intérieures de la Russie un cancer, comme pour ses relations extérieures, et que les ennemis de la Russie dirigeraient toute leur action et toutes leurs espérances sur la Pologne; enfin, que le mal qu'on avait fait n'était plus humainement réparable et que dans tous les cas on ne pouvait, pour arriver à ce but, faire un nouveau mal; que les anciennes provinces polonaises avaient été acquises à la Russie par l'Impératrice Catherine, et que la nation ne lui pardonnerait jamais de disposer ainsi d'une chose qu'elle regarderait comme ne lui appartenant pas“.... *).

Не надо забывать, что Поццо былъ иностранецъ и въ 1815 году состоялъ еще недолго на русской службѣ. Тѣмъ болѣе его взглядъ поражаетъ своей ясностью и прозорливостью. Торжествовалъ одинъ князь Адамъ Чарторыжскій. Труды столькихъ лѣтъ и всѣ его заботы для блага соотечественниковъ не пропали даромъ. Онъ могъ гордиться справедливо и гордился не только тогда, но и въ преклонномъ возрастѣ, когда, сидя въ Парижѣ, послѣ польской революціи 1831 г. и чуть не до самаго возстанія 1863 г., онъ окончательно порвалъ всѣ связи съ Россіей. Чувство глубокой благодарности къ другу дѣтства сквозитъ всюду въ его

*) Изъ неизданныхъ бумагъ барона Петра Казимировича Мейендорфа, см. статью Великаго Князя Николая Михаиловича въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1910 г.

воспоминаніяхъ, и онъ до могилы чтилъ память Александра I, несмотря на всю ненависть къ его преемнику Императору Николаю и къ русскимъ вообще.

Князь Адамъ не брезгалъ никакими средствами и ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы добиться осуществленія своей завѣтной мечты, т.-е. возстановленія Польши, какъ отдѣльной государственной величины.

Зная, что въ 1814 году, въ Лондонѣ, Государь видѣлся съ знаменитымъ писателемъ и законовѣдомъ Іереміей Бентамомъ, котораго самъ польскій князь частенько посѣщалъ за лондонское пребываніе, Чарторыжскій постарался завести отношенія между Императоромъ и Бентамомъ. По его внушенію, Бентамъ написалъ два письма, въ 1814 и 1815 годахъ, Александру Павловичу (эти письма были напечатаны въ 1869 году въ „Вѣстникѣ Европы" покойнымъ Пыпинымъ), изъ которыхъ второе было ему передано въ Вѣнѣ Чарторыжскимъ. Въ сношеніяхъ съ Бентамомъ Государь интересовался пересмотромъ законовъ, когда-то порученнымъ барону Розенкампфу, потомъ Сперанскому, а потомъ забытымъ. Насъ тутъ интересуетъ тотъ фактъ, что Александръ въ 1814 году вспомнилъ вообще объ этихъ пересмотрахъ законовъ, когда мысли его были направлены совсѣмъ въ другую сторону. Это объясняется просто: князю Чарторыжскому понадобился кодексъ законовъ для возстановленнаго Польскаго королевства; тогда сталъ ему нуженъ и Бентамъ, а въ бесѣдахъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ съ Государемъ на его излюбленную тему онъ весьма легко заинтересовалъ Александра вопросомъ о законахъ. Но въ данномъ случаѣ вовсе не думали о пересмотрѣ русскихъ законовъ, а исключительно польскихъ; поэтому Государь и отвѣтилъ любезно на первое письмо Бентама, гдѣ говорилось много о Польшѣ; на второе же письмо не послѣдовало отвѣта, такъ какъ англичанинъ очень подробно коснулся вопроса о Россіи и пересмотра именно русскаго законодательства въ нескончаемо длинномъ посланіи, а въ планы Импера-

тора въ 1815 году не входило никакихъ преобразованій на этой почвѣ. На этихъ двухъ письмахъ Бентама къ Государю и одномъ письмѣ Александра къ англичанину и прекратились ихъ сношенія, къ великому огорченію и разочарованію самого Бентама, которыя еще усугубились, когда онъ узналъ, что не князь Чарторыжскій былъ назначенъ вице-королемъ Польши, а совсѣмъ неизвѣстный ему генералъ Заіончекъ, въ роли намѣстника.

Письмо Александра къ Бентаму гласило:

Вѣна, 10/22 апрѣля 1815 года.

„Съ большимъ интересомъ я прочелъ письмо и находящіяся въ немъ предложенія содѣйствовать вашими познаніями законодательнымъ трудамъ, имѣющимъ цѣлью доставить моимъ подданнымъ новый кодексъ законовъ. Это дѣло слишкомъ близко моему сердцу, и я придаю ему такое высокое значеніе, что не могу не желать воспользоваться, при его совершеніи, вашими знаніями и опытностью. Я предпишу комиссіи, на которую возложено исполненіе этого дѣла, прибѣгать къ вашему содѣйствію и обращаться къ вамъ съ вопросами". (Мимоходомъ скажемъ, что никакихъ вопросовъ Бентаму не было предложено, потому что въ 1815 году комиссія существовала только номинально и бездѣйствовала.) Иначе звучало письмо князя Адама, отправленное также изъ Вѣны 25 апрѣля 1815 года: „М. Г. Постоянныя путешествія, которыя совершилъ Его Императорское Величество послѣ того, какъ оставилъ Англію, и великіе интересы, занимавшіе его въ послѣднее время, только теперь позволили мнѣ представить Его Императорскому Величеству письмо ваше, ему адресованное. При семъ я съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу передать вамъ отвѣтъ Императора. Я не перестаю питать къ вамъ высокое уваженіе и льщу себя надеждой, что вы не откажете дать ваши совѣты и *намъ* во всемъ томъ, что можетъ имѣть отношеніе къ законодательству, которое Его Императорское Величество *удостоитъ*

даровать Польшѣ. Когда придетъ время, я не премину обратиться къ вамъ и напомнить дружескія обѣщанія, которыя вы были такъ добры мнѣ дать въ этомъ отношеніи.

А. Чарторыжскій".

Остается только дивиться изобрѣтательности польскаго магната!

Когда въ Вѣнѣ, весною 1815 года, судьба герцогства Варшавскаго окончательно опредѣлилась, то Александръ Павловичъ не замедлилъ написать два письма: одно —предсѣдателю польскаго сената графу Островскому, другое, позднѣе—князю Чарторыжскому.

Графу Островскому Государь писалъ: „En prenant le titre de roi de Pologne, j'ai voulu satisfaire aux vœux de la nation. Le royaume de Pologne sera uni à l'empire de Russie par les titres de sa propre constitution, sur laquelle je désire de fonder le bonheur du pays. Si le grand intérêt du repos général n'a pas permis que *tous* les polonais fussent réunis sous le même sceptre, je me suis efforcé du moins d'adoucir, autant que possible, les rigueurs de leur séparation et de leur obtenir partout la jouissance possible de leur *nationalité* (18/30 avril 1815)".

Значитъ, Императоръ Александръ преслѣдовалъ двѣ цѣли:

1) соединить всю Польшу, до раздѣловъ ея, въ однѣхъ рукахъ, подъ державной властью Россіи. Этого достигнуть не удалось;

2) чтобы вездѣ поляки могли свободно пользоваться своими гражданскими правами. Кажется, и это пожеланіе не получило въ дѣйствительности полнаго примѣненія и осталось скорѣе несбыточной мечтой.

Князю Чарторыжскому было написано слѣдующее: „Pendant le temps que vous avez passé auprès de moi *), vous avez eu l'occasion de connaître mes intentions sur les institutions que je veux établir en Pologne, et sur les améliorations que je désire introduire dans ce

*) Т.-е. въ Вѣнѣ, на конгрессѣ.

pays. Vous aurez soin de ne jamais le perdre de vue dans les délibérations du conseil et d'y attirer toute l'attention de vos collègues, afin que la marche du gouvernement et les réformes qu'il est chargé d'opérer soient d'accord avec ma manière de voir. Vous n'omettrez pas, si le besoin se présentait, de prendre à cet égard l'initiative pour hâter les résultats et présenter des projets conformes au système adopté. Comme vous n'êtes pas moins instruit de mes idées sur l'esprit dans lequel je prétends que le choix de divers employés se fasse, vous ne manquerez pas de veiller à ce qu'il soit dirigé dans ce sens. Dans un pays ballotté depuis si longtemps par tant de dérangements et de révolutions, il est de la plus grande importance que l'on suive une marche uniforme bien combinée. Voilà ce que j'ai voulu vous rappeler encore une fois par cet écrit, que je vous permets même d'exhiber afin de donner plus de foi à ce que vous aurez à dire pour satisfaire à mes intentions (13/25 mai 1815)".

Поражаетъ повелительный тонъ этого посланія: вполнѣ опредѣленныя инструкціи, ясность изложенія и личный оттѣнокъ отданныхъ повелѣній. Слѣдовательно, у Государя сложился зрѣлый планъ образа дѣйствій въ новомъ королевствѣ, планъ, основанный на ложныхъ утопіяхъ, на который потребовались годы размышленій для введенія такого порядка. Императоръ продолжалъ смотрѣть глазами либерализма и на Финляндію, и на Польшу; то, что не было ему угодно вводить въ Россіи, казалось естественнымъ испытать на ближайшихъ окраинахъ.

Зарождающееся зерно мистицизма не помѣшало Александру даровать своеобразную конституцію Польшѣ и Финляндіи. Такое смѣшеніе понятій все же легко объяснимо.

Идеи, привитыя въ юности Лагарпомъ, оставили слѣды и въ зрѣлые годы; общеніе съ людьми разныхъ вѣяній хотя смутило Александра относительно своевременности общей ломки и реформъ въ Россіи, но совмѣстная работа съ такимъ человѣкомъ, какъ Сперанскій, все-таки дала результаты. То, что было отложено

въ долгій ящикъ для Россіи, гдѣ народъ пребывалъ еще въ невѣроятной тьмѣ, казалось возможнымъ примѣнить на окраинахъ. Мы увидимъ, что, несмотря на совершившійся переломъ въ характерѣ Александра вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса, онъ продолжалъ относиться съ уваженіемъ къ конституціоннымъ началамъ, введеннымъ въ Финляндіи и Польшѣ, и даже, когда въ послѣднія времена жизни реакція свирѣпствовала на Руси, обѣихъ окраинъ не трогали и почти не стѣсняли *). Государь произносилъ неоднократно рѣчи въ Варшавѣ при открытіяхъ сейма, подготовлялъ и обдумывалъ заблаговременно эти рѣчи и видимо симпатизировалъ такому порядку. Эта подготовка его вовсе не утомляла, а, напротивъ того, развлекала, и онъ со вниманіемъ относился ко всему, что касалось Польши и Финляндіи. Такой складъ ума, очевидно, смущалъ современниковъ, затруднялъ работу его сотрудниковъ,

*) Въ запискахъ Греча мы читаемъ: „Побѣда и слава растворили его мягкое сердце, зачерствѣвшее было въ трудахъ, опасностяхъ и особенно въ союзѣ съ Наполеономъ: союзы съ Бонапартомъ и его исчадіями всегда были пагубны для державъ Европы. Въ Александрѣ проснулись и либеральныя идеи, очаровавшія начало его царствованія. Въ 1814 году онъ побудилъ Людовика XVIII дать французамъ хартію, а на Вѣнскомъ конгрессѣ хлопоталъ о дарованіи германскимъ державамъ представительнаго образа правленія. Въ Вѣнѣ окружили его поляки, Чарторыжскій, Костюшко, Огинскій и другіе, напомнили ему прежнія его обѣщанія и исторгли у него честное слово, что онъ употребитъ всѣ свои силы, чтобы возстановить Польшу и дать ей конституцію. Европа видѣла въ этомъ требованіи замыслы властолюбія и распространенія предѣловъ и увеличенія силъ Россіи. Австрія и Пруссія опасались вліянія этой конституціи на свои польскія области. Англія и Франція не хотѣли, чтобы Россія въѣхала клиномъ въ Европу.

„Всѣ русскіе министры возстали противъ этого, даже бывшіе въ ея службѣ иностранцы — Штейнъ, Каподистрія и Поццо-ди-Борго. Нессельроде впалъ было въ немилость государеву; употребленъ былъ дипломатъ-писарь Анштетъ, которому все было нипочемъ, лишь бы онъ могъ ѣсть страсбургскіе паштеты. Иностранцы, особенно австрійцы и пруссаки, соглашались и на присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи, только бы въ немъ не было представительнаго правленія. Александръ настоялъ на своемъ и получилъ герцогство съ небольшими уступками сосѣдямъ, назвалъ его королевствомъ въ Европѣ и царствомъ въ Россіи. Поляки негодовали на это наименованіе тѣмъ болѣе, что въ полномъ титулѣ „Царь Польскій“ постоянно былъ подлѣ „Сибирскаго“. Русскіе были огорчены дарованіемъ исконнымъ врагамъ нашимъ правъ, которыхъ мы сами не имѣли, награждены были люди, лѣзшіе на стѣны Смоленска и грабившіе Москву, а защитники Россіи, вѣрные сыны ея, оставлены были безъ вниманія: имъ заплатили варяго-русскими манифестами Шишкова“.

но приходилось всѣмъ примѣняться къ характеру Государя. Все, всегда принимая открыто на свою отвѣтственность въ дѣлахъ польскихъ и финляндскихъ и предоставляя исключительно себѣ инициативу дѣйствій, когда вопросъ касался русскихъ дѣлъ, наоборотъ, Государь какъ бы старался прикрыть себя другими лицами, что мы вскорѣ наглядно увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Что же произошло послѣ высадки Наполеона у гольфа Жуана и торжественнаго шествія его до Парижа? Вѣнскій конгрессъ самъ собой распался, страхъ передъ Бонапартомъ затмилъ всѣ прочія чувства и прекратилъ недоразумѣнія и распри. Надо было прежде всего сокрушить окончательно общаго врага. Упреки многихъ, съ княземъ Меттернихомъ во главѣ, посыпались на Императора Александра, считая его виновникомъ возможности бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, такъ какъ это мѣстожительство было избрано, только благодаря великодушію Александра Павловича. Но обстоятельства сложились такъ, что было не до упрековъ, а понадобилась заручка, что Россія снова станетъ во главѣ коалиціи. Тогда возобновился договоръ 30 мая 1814 года между Россіей, Пруссіей, Австріей и Англіей. Первыя три державы должны были выставить арміи, каждая въ 150/т. штыковъ, а Англія обязалась уплатить субсидію въ размѣрѣ пяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Союзники объявили декларацію, въ видѣ обращенія ко всѣмъ народамъ Европы 1/13 марта 1815 года, гдѣ императоръ Наполеонъ былъ поставленъ внѣ закона (hors la loi). На поляхъ Ватерло закончилась драма побѣдой арміи Веллингтона и Блюхера. Снова всѣ иностранцы поспѣшили въ Парижъ рѣшать дальнѣйшую судьбу Наполеона и Франціи. Императоръ Александръ, покинувъ Вѣну 13/25 мая, прибылъ 23-го въ Гейльброннъ, гдѣ рѣшилъ дождаться прибытія русскихъ войскъ. Здѣсь произошло знаменитое свиданіе съ баронессой Крюденеръ, и послѣ этого свиданія сталъ замѣтенъ новый переломъ въ его характерѣ. 28 іюня Императоръ

вторично въѣхалъ въ Парижъ, но на этотъ разъ въѣздъ уже былъ не тотъ, и впечатлѣніе всего получилось другое. Мѣстомъ жительства былъ избранъ Елисейскій дворецъ, а въ сосѣдствѣ помѣстилась, въ отелѣ Моншеню, назойливая баронесса, не желавшая выпустить изъ своихъ сѣтей новаго своего послѣдователя.

Настроеніе Государя, во время вторичнаго пребыванія на берегахъ Сены, было крайне нервное, а временами и унылое. Ему были противны вернувшіеся Бурбоны: онъ ихъ презиралъ глубоко; успѣхи и лавры Веллингтона также были ему непріятны; фигура Таллейрана опротивѣла болѣе, чѣмъ когда-либо; огорчали денежныя претензіи пруссаковъ и намѣреніе ихъ, и англичанъ, обездолить французскіе музеи въ пользу собственныхъ; наконецъ, ежедневныя посѣщенія госпожи Крюденеръ едва ли вліяли успокоительно, даже при усиленномъ чтеніи Библіи на дому, въ минуты отдохновенія. Между тѣмъ, приходилось и на этотъ разъ проявить твердость воли и послѣдовательность. А еще въ Вѣнѣ Государю была показана копія секретнаго договора между Франціей, Австріей и Англіей, направленнаго противъ Россіи, переданная Коленкуромъ Бутягину и найденная между забытыми Бурбонами бумагами, послѣ ихъ бѣгства изъ Парижа.

Извѣстно, какой разговоръ произошелъ также въ Вѣнѣ между Александромъ и Меттернихомъ, въ присутствіи Штейна, по поводу этого договора, и то, что было сказано австрійскому министру: „Пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Намъ предстоятъ теперь другія дѣла. Наполеонъ вернулся, и поэтому союзъ нашъ долженъ быть тѣснѣе, чѣмъ когда-либо“.

Каково было рѣшать важнѣйшія дѣла съ человѣкомъ, вѣроломство котораго такъ наглядно было обнаружено, да не съ нимъ однимъ, а еще съ тѣми же Таллейраномъ и Касльри!! А въ дѣйствительности все было какъ будто забыто; съ Меттернихомъ произошло полное примиреніе на почвѣ созданія пресловутаго

Священнаго союза, и примиреніе это продолжалось до самой кончины Александра.

Теперь предстояло отстоять цѣлость Франціи, которой угрожали ненасытные аппетиты побѣдителей англо-германской расы. Пруссаки проявляли особую страстность и жадность, точно предвкушая пятимилліардную контрибуцію 1871 года. Сорель говоритъ: „Ce n'est plus contre la personne de Napoléon que l'Allemagne s'acharne, c'est contre la France même". Немного дальше онъ дѣлаетъ прекрасную характеристику Александра Павловича въ эти дни смуты и страстей: „Alexandre se montra tout à la fois ce qu'il était et ce qu'il voulait paraître, politique et magnanime. Jusqu'alors, le politique l'avait emporté dans son personnage. Cette grandeur d'âme dont il se sentait capable, dont il se faisait depuis sa jeunesse un idéal, il l'avait plutôt mise en scène et s'en était plutôt donné le spectacle en 1814 qu'il n'en avait éprouvé l'efficace et opéré l'action. En 1815, il vit de haut, il vit clair, il vit loin, et il agit avec autant de simplicité et de droiture que d'énergie et d'habileté".

Александръ Павловичъ пробылъ въ Парижѣ почти три мѣсяца, и чего только не пришлось ему видѣть и испытать за это время!

Сперва вернувшійся король Людовикъ XVIII управлялъ при сотрудничествѣ такихъ людей, какъ Фуше и Таллейранъ, думая угодить извѣстнымъ слоямъ общества; потомъ пошла расправа съ людьми, наиболѣе замѣшанными при возвращеніи Бонапарта: судили и казнили маршала Нея *) и полковника Лабедоера (La Bédoyère), другихъ осуждали заочно, третьихъ подвергли ссылкѣ, словомъ, свирѣпствовалъ такъ называемый бѣлый терроръ, при безмолвіи иностранныхъ пришельцевъ и даже Русскаго самодержца. 29 августа/10 сентября произошелъ знаменитый смотръ войскамъ у лагеря при Вертю, закончившійся тостомъ Александра на большомъ обѣдѣ за миръ Европы и благоденствіе народовъ.

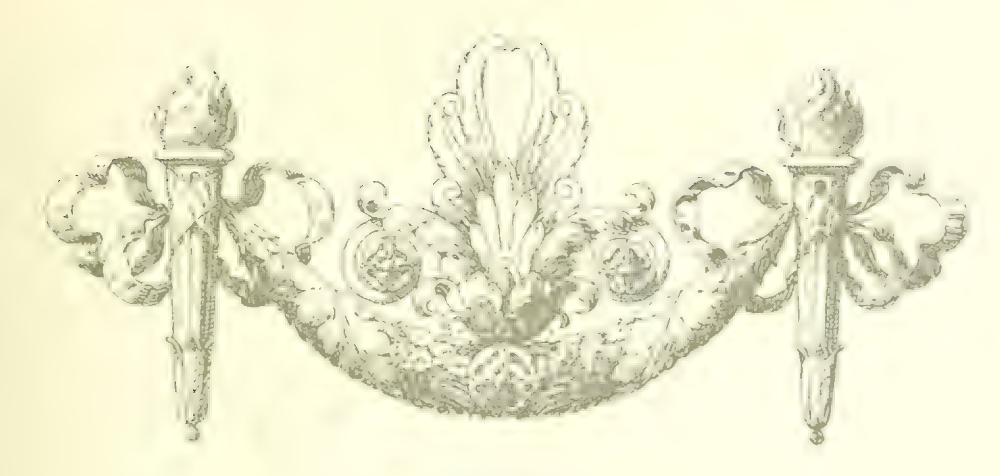
*) Ней былъ разстрѣлянъ только 25 ноября/7 декабря 1815 года.

Наконецъ, 14/26 сентября былъ заключенъ Священный союзъ между тремя монархами: Россіи, Пруссіи и Австріи; къ нимъ примкнула Англія. Было постановлено всѣ вопросы рѣшать на періодичныхъ конгрессахъ, уподобившихся своего рода верховнымъ судилищамъ Европы.

Въ тотъ же день произошла смѣна французскаго министерства, и король пригласилъ герцога Ришельё, бывшаго благодѣтеля Одессы, сформировать новое, изъ котораго выбылъ злоязычный Таллейранъ, и тутъ сострившій насчетъ герцога: „C'est le français qui connaît le mieux la Crimée“ *). Во Франціи были временно оставлены оккупаціонныя войска, ввѣренныя Веллингтону. Въ ихъ числѣ было оставлено около 30 тысячъ русскихъ воиновъ, подъ начальствомъ графа Михаила Семеновича Воронцова. Въ серединѣ сентября выѣхалъ Императоръ Александръ и направился на Брюссель, потомъ чрезъ Дижонъ въ Швейцарію, на Базель и Боденское озеро и далѣе чрезъ Баварію въ Берлинъ, куда прибылъ только въ концѣ октября. Оттуда путь слѣдовалъ черезъ новое Польское королевство въ Варшаву.

Окончательный же мирный договоръ былъ подписанъ только 8/20 ноября 1815 года; на основаніи его, Франція должна была уплатить 700 милліоновъ франковъ контрибуціи недавнимъ врагамъ и содержать оккупаціонныя войска до того срока (максимумъ пять лѣтъ), когда союзныя державы найдутъ подходящимъ ихъ вернуть. Такъ окончилась великая борьба Европы съ Наполеономъ.

*) Между Государемъ и Ришельё произошелъ курьезный разговоръ: Александръ разложилъ карту и показалъ на ней всѣ требованія земельныхъ вознагражденій, предъявленныхъ союзниками. „Voilà la France telle que mes alliés voulaient la faire; il n'y manque que ma signature, et je *vous promets* qu'elle y manquera *toujours*“.



ГЛАВА IV.

Эпоха конгрессовъ.

1816—1822.

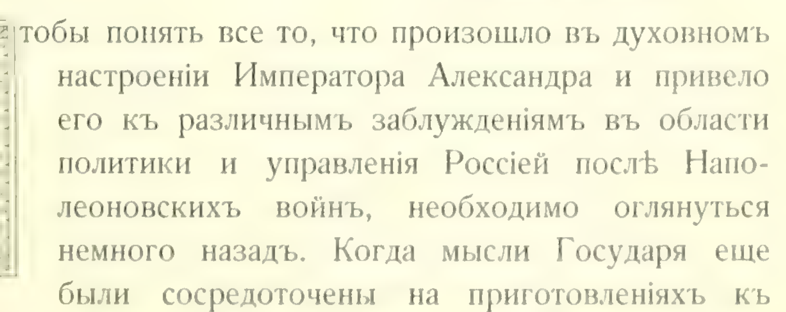
Мистицизмъ. Военныя поселенія.

„Я вполнѣ отдаюсь Его предрѣшеніямъ, и Онъ одинъ всѣмъ руководитъ, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими къ завершенію общаго блага“.

(Изъ письма Императора Александра князю Голицыну.)

„Государь Императоръ, принявъ въ уваженіе долговременное содержаніе въ крѣпости рядовыхъ (такихъ-то), равно и бытность въ сраженіяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, избавя ихъ отъ безчестнаго кнутомъ наказанія, прогнать шпицъ-рутенами каждаго черезъ батальонъ 6 разъ и потомъ отослать въ рудники“.

(Изъ приговора суда по дѣлу л.-гв. Семеновскаго полка.)



Чтобы понять все то, что произошло въ духовномъ настроеніи Императора Александра и привело его къ различнымъ заблужденіямъ въ области политики и управленія Россіей послѣ Наполеоновскихъ войнъ, необходимо оглянуться немного назадъ. Когда мысли Государя еще были сосредоточены на приготовленіяхъ къ борьбѣ съ Наполеономъ до Отечественной войны, ему приходилось часто бесѣдовать съ пріятелемъ дѣтства, княземъ А. Н. Голицынымъ, уже ставшимъ убѣжденнымъ поборникомъ православія

и давно управлявшимъ, въ качествѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, всѣми дѣлами Церкви и Св. Синода, котораго онъ былъ оберъ-прокуроромъ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ спросилъ какъ-то разъ Государя, читаетъ или читалъ ли онъ Евангеліе. Александръ ему простодушно отвѣтилъ, что слушалъ Евангеліе при богослуженіяхъ, но на дому не читалъ священнаго писанія вообще, не имѣя на то времени.

Когда Голицынъ настоятельно просилъ Государя сдѣлать ему удовольствіе все же почитать Евангеліе, Александръ ему любезно обѣщалъ это сдѣлать. Тогда князь не замедлилъ подарить ему Библію, но присовокупилъ, что пока проситъ читать только одно Евангеліе и апостольскія посланія, оставивъ Апокалипсисъ и Библію для позднѣйшаго времени. Лѣтомъ 1812 года Александръ Павловичъ ѣздилъ въ Финляндію на свиданіе съ Бернадоттомъ и въ теченіе долгихъ передвиженій въ экипажахъ сталъ просматривать и читать св. писаніе. Вернувшись въ Петербургъ, Александръ сказалъ Голицыну, что онъ восхищенъ отъ чтенія, но что не удержался, чтобы не прочесть также мѣста изъ Апокалипсиса: „Тамъ, братецъ, только и твердятъ объ однихъ ранахъ и зашибаніяхъ (il n'y a que plaies et bosses); мнѣ кажется, что будто новый міръ открывается для меня; право, я тебѣ очень благодаренъ за твой совѣтъ“ *). Такъ, мало-по-малу Александръ началъ ежедневно прочитывать по одной главѣ изъ Евангелія, по одной изъ апостольскихъ посланій, а иногда почитывалъ и Апокалипсисъ, который впослѣдствіи сталъ привлекать все его вниманіе. Касательно Ветхаго Завѣта Голицынъ повѣствуетъ такую версію, которая намъ кажется весьма правдоподобной. Читая одно изъ посланій апостола Павла, гдѣ говорится о плодахъ вѣры, и что эта вѣра „низлагаетъ внѣшнихъ враговъ, какъ побѣждаетъ миромъ супро-

*) См. записки Ю. Н. Бартенева: „Разсказы князя А. Н. Голицына“, Русскій Архивъ, 1886 г.

тивныя силы", Александръ замѣтилъ указаніе на Библію въ этомъ посланіи, сталъ искать цицаты, а потомъ терпѣливо прочелъ и всю Библію. Это совпало съ вторичной поѣздкой Государя въ Вильну, а вообще чтеніе св. писанія сильно повліяло на обнародованные за 1812 годъ воззванія и манифесты.

За періодъ Отечественной войны, слѣдовательно, произошла первая перемѣна въ привычкахъ Александра, т.-е. онъ, читая св. писаніе, сталъ религіознымъ, что до этого замѣчалось мало.

Съ этихъ же поръ завязалась постоянная переписка между Императоромъ и княземъ Голицынымъ на почвѣ христіанской, не прекращавшаяся до конца жизни Его Величества *).

Для дальнѣйшаго пониманія переработки въ характерѣ Александра необходимо остановиться на тѣхъ личностяхъ, которыя способствовали этому перерожденію. То были князь А. Н. Голицынъ и Р. А. Кошелевъ. О нихъ мы и постараемся поговорить и дать ихъ характеристику. Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ мало свѣдѣній объ обоихъ; особенно мало о Кошелевѣ, о Голицынѣ же все-таки кое-что появлялось въ печати **).

Родіонъ Александровичъ Кошелевъ родился въ 1749 году, былъ записанъ десяти лѣтъ въ Конную гвардію, произведенъ въ корнеты въ 1769 г., назначенъ адъютантомъ (къ кому, неизвѣстно) въ 1777 г., потомъ изъ ротмистровъ пожалованъ, при Павлѣ, въ камергеры и назначенъ 26 ноября 1796 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Копенгагенъ; отъ этой должности вскорѣ уволенъ и вышелъ въ отставку. Много странствовалъ по Европѣ, гдѣ завелъ сношенія съ Сенъ-Мартеномъ (Saint-Martin), Сведенборгомъ, Эккартсгаузеномъ, Лафатеромъ и поступилъ въ масонство.

*) Князь А. Н. Голицынъ до своей кончины въ Гаспрѣ, въ Крыму, въ 1844 году, хранилъ всѣ письма и записки Александра. Они-то и попали послѣ его смерти въ Собственную Его Величества библіотеку, но, вѣроятно, часть ихъ была уничтожена.

**) На нѣмецкомъ языкѣ книга *Gœtze:* „Furst Galitzin und seine Zeit" и на русскомъ *Н. Стеллецкаго:* „Князь А. Н. Голицынъ и его церковно-государственная дѣятельность". Кіевъ, 1901 г.

При воцареніи Александра I сталъ дѣятельнымъ членомъ Библейскаго общества; назначенъ предсѣдателемъ Комиссіи прошеній, 1 января 1810 г. членомъ Государственнаго Совѣта, позднѣе былъ оберъ-гофмейстеромъ.

Въ 1811 году, несмотря на то, что Кошелевъ никакихъ служебныхъ отношеній не имѣлъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Государь поручилъ ему вести переписку отъ его имени, помимо канцлера графа Румянцева, съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Густавомъ Оттоновичемъ Штакельбергомъ, а также и съ австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ Сенъ-Жюльеномъ (Saint-Julien). Повидимому, Кошелева и графа Штакельберга связывала дружба и на почвѣ масонства, такъ какъ въ нѣкоторыхъ письмахъ графа говорится о какихъ-то личностяхъ съ подставными фамиліями, которыхъ опредѣлить не удалось, но по смыслу дѣло и идетъ о масонахъ и въ связи съ ними о политикѣ.

Въ 1812 году Кошелеву было поручено, совмѣстно съ нѣкоторыми другими лицами, разсмотрѣть бумаги сосланнаго Сперанскаго, и въ томъ же году онъ уволенъ, по прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ въ видѣ пенсіи получаемаго оклада. Съ тѣхъ поръ его зрѣніе стало сильно слабѣть, и Кошелевъ предался исключительно мистицизму, пропагандируя свои идеи въ петербургскомъ обществѣ. Съ первыхъ годовъ царствованія онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Александру Павловичу и состоялъ съ нимъ въ перепискѣ. Кошелевъ былъ женатъ на В. И. Плещеевой и скончался 78 лѣтъ, въ 1827 году.

Князь А. Н. Голицынъ познакомился съ Кошелевымъ въ 1811 г. въ Совѣтѣ, а сблизился съ нимъ послѣ одной произнесенной имъ, Голицынымъ, рѣчи въ Совѣтѣ о защитѣ христіанства и православія въ отвѣтъ на рѣчь Сперанскаго, когда большинство Совѣта высказалось противъ Голицына. Послѣ засѣданія Кошелевъ подошелъ къ князю и сказалъ ему: „Почтенный князь, вы такъ превосходно

защищали права христіанства, такое раскрыли чистое ревнованіе вашего сердца, что мнѣ было бы очень пріятно покороче съ вами познакомиться; мало этого, мнѣ бы даже хотѣлось заслужить вашу пріязнь и дружбу“. Съ тѣхъ поръ Голицынъ сталъ часто бывать у Кошелева и съ нимъ окончательно подружился, сильно подпавъ подъ его вліяніе. Государь же частенько проводилъ съ ними время, втроемъ, бесѣдовалъ на религіозныя темы и часто съ ними переписывался, а иногда въ письмахъ къ Голицыну приказывалъ ему передавать ихъ на прочтеніе и Кошелеву. Кошелевъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ имѣлъ помѣщеніе.

Несомнѣнно и то, что именно Кошелевъ привлекъ, при посредствѣ еще нѣсколькихъ единомышленниковъ, Голицына къ мистицизму, несмотря на то, что князь считался убѣжденнымъ сыномъ Православной церкви.

Князь Александръ Николаевичъ былъ младшій сынъ князя Николая Сергѣевича Голицына отъ третьяго его брака съ А. А. Хитрово (впослѣдствіи вышедшей замужъ за Кологривова). Родился онъ 8 декабря 1773 г., а спустя нѣсколько дней послѣ его рожденія, его батюшка скончался. Александра Николаевича опредѣлили въ Пажескій корпусъ, откуда онъ поступилъ въ Преображенскій полкъ, но вскорѣ оставилъ военную службу, не имѣя къ ней наклонности. Какъ товарища дѣтскихъ игръ великаго князя Александра, Императрица Екатерина, при женитьбѣ внука, опредѣлила Голицына къ великокняжескому двору камеръ-юнкеромъ, а 26 лѣтъ онъ получилъ званіе камергера, оставаясь при великомъ князѣ Александрѣ. По воцареніи Павла, Голицына сперва не тревожили, но потомъ, какъ водилось, безъ всякой причины, приказали переѣхать въ Москву, гдѣ онъ и жилъ до восшествія на престолъ Александра. Императоръ встрѣтилъ его съ радостью и, неожиданно для Голицына, назначилъ его оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ для дальнѣйшей подготовки. По свидѣтельству самого Александра Николаевича, онъ велъ тогда самую безпутную жизнь, мало чему вѣрилъ,

считался вольтеріанцемъ, но не увлекся съ прочими сверстниками на почвѣ либеральныхъ реформъ, а оставался убѣжденнымъ „монархистомъ“, какъ его величали товарищи. Горячка преобразованій его не прельщала, чего онъ не скрывалъ и отъ Александра, а когда у Государя ослабѣла страсть къ преобразованіямъ, то Его Величество ему предназначилъ мѣсто оберъ-прокурора Св. Синода, на мѣсто Яковлева. Какъ Голицынъ ни отказывался отъ высокой чести этого назначенія, Государь настоялъ на своемъ, и тридцатилѣтнему молодому человѣку пришлось засѣдать съ почтенными пастырями церкви *). Опять-таки по его же собственнымъ показаніямъ, Голицынъ только тогда впервые прочелъ Евангеліе и сталъ отвыкать отъ распутной жизни, чтобы нести бремя новой должности съ достоинствомъ. Въ 1810 году А. Н. Голицынъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а также главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, оставаясь оберъ-прокуроромъ Св. Синода. За эти пять лѣтъ Голицынъ уже окончательно переродился, сталъ не номинальнымъ, а дѣйствительнымъ главой своего вѣдомства, при чемъ обратилъ особое вниманіе на образованіе духовенства, основавъ три новыя духовныя академіи. Въ разсматриваемую эпоху, т.-е. въ 1816 году, князь былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, а съ 1818 года носилъ званіе вновь учрежденнаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Словомъ, въ его рукахъ сосредоточилась самая важная отрасль народнаго и духовнаго образованія, а оберъ-прокурорство Синода было передано князю Б. С. Мещерскому. Новое министерство состояло изъ двухъ департаментовъ: духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ А. И. Тургеневъ, и просвѣщенія В. М. Поповъ. Приблизительно къ тому же времени (6 декабря 1812 г.) относится учрежденіе „Русскаго Библейскаго общества“, однимъ изъ основателей котораго былъ Голицынъ, также

*) Онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода 21 октября 1803 г.

Кошелевъ, а Государь принялъ званіе почетнаго члена общества. 15 февраля 1813 г., изъ Калиша, Александръ далъ свое согласіе на это званіе въ письмѣ къ Голицыну: „J'accepte avec plaisir une place entre les membres de la Société de la Bible“.

Еще 25 января 1813 года, изъ Плоцка, Государь сообщалъ князю Голицыну: „...Ваше послѣднее письмо, гдѣ вы мнѣ сообщаете объ открытіи Библейскаго общества, меня заинтересовало и тронуло. Да ниспошлетъ Всевышній благословеніе на это учрежденіе; я придаю ему величайшее значеніе и вполнѣ согласенъ съ вашимъ взглядомъ, что святое писаніе замѣнитъ пророковъ (les Prophètes). Вообще эта всеобщая тенденція къ сближенію съ Христомъ Спасителемъ для меня составляетъ дѣйствительное наслажденіе. Можете располагать всѣми необходимыми денежными средствами для печатанія Библіи“. Образовался комитетъ для управленія дѣлами общества. Предсѣдателемъ общества былъ избранъ князь Голицынъ, вице-предсѣдателями: графъ В. П. Кочубей, графъ А. К. Разумовскій, Р. А. Кошелевъ и нѣкоторые другіе. Секретарями общества избраны В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ. Его Величество приказалъ отпустить 25 тысячъ рублей единовременно для нуждъ общества и на будущее время производить субсидію по 10 тысячъ рублей ежегодно. Очевидно, Англійское Библейское общество (British and Foreign Bible Society) приняло во всемъ этомъ живѣйшее участіе, командировавъ въ Петербургъ своего агента, пастора Патерсона, а однимъ изъ директоровъ вновь образованнаго Библейскаго общества попалъ другой англичанинъ, пасторъ Питтъ *). Слѣдовательно, инициатива, собственно говоря, шла отъ англичанъ, а не отъ русскихъ, что мы и отмѣчаемъ.

*) Нашъ маститый историкъ-изслѣдователь А. Н. Пыпинъ высказалъ такого рода соображенія по поводу возникновенія у насъ Библейскаго общества, которыя сохранили всю силу и понынѣ, а онъ писалъ въ 1868 году: „Россійское Библейское общество представляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ русской общественной жизни времени Императора Александра I. Какъ и многое другое въ этой, еще столь недавней, жизни, исторія Библейскаго общества почти неизвѣстна нынѣшнимъ поколѣніямъ“.

Новое Русское Библейское общество проявило большую энергію и занялось переводами Библіи и священныхъ писаній, распространившимися по Россіи въ массѣ экземпляровъ. Если мы обращаемъ вниманіе на возникновеніе на Руси такого рода общества, то для того, чтобы показать, до чего доходила вообще вѣротерпимость. Эта черта особенно отличала князя Александра Николаевича и его ближайшихъ сотрудниковъ, А. И. Тургенева и В. М. Попова, а также нѣкоторыхъ іерарховъ, въ числѣ которыхъ особенно отличался архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ), ректоръ духовной академіи, и митрополиты Петербургскій Амвросій и Кіевскій Серапіонъ, изъ которыхъ Филаретъ былъ членомъ Библейскаго комитета, а оба митрополита — вице-президентами общества *). Но были уже тогда нѣкоторыя лица изъ среды духовенства, которыя осуждали эту вѣротерпимость и со временемъ вступили въ открытую борьбу съ княземъ Голицынымъ. Личность князя была далеко не заурядная; это былъ выдающійся государственный дѣятель, который успѣлъ сдѣлать многое на своемъ сложномъ и трудномъ поприщѣ. Конечно, близость князя къ Государю и возможность личныхъ докладовъ еще усугубляли его значеніе, что особенно возбуждало ревность Аракчеева. Но, въ теченіе многихъ лѣтъ, довѣріе Александра къ Голицыну было неограниченное, и его врагамъ не удавалось подорвать этого довѣрія до 1822 года.

Князь Голицынъ отличался рѣдкой работоспособностью, добросовѣстностью, всегда ровнымъ и привѣтливымъ обращеніемъ съ подчиненными и умѣніемъ вести занятія съ своимъ покровителемъ Государемъ. Терпимость Александра Павловича не только къ сектантству, но и къ масонству была всѣмъ извѣстна, а князь Голицынъ и Р. А. Кошелевъ широко пользовались милостивымъ

*) Вице-президентами общества еще числились засѣдавшіе въ Св. Синодѣ епископы Черниговскій Михаилъ и Тверской Серафимъ; оба впослѣдствіи были Петербургскими митрополитами.

отношеніемъ монарха на этой почвѣ. Къ сожалѣнію, о характерѣ Кошелева, о его частной жизни и о его дѣятельности намъ не удалось собрать достаточно данныхъ. Въ 1814 году, при посѣщеніи Англіи, Императоръ Александръ познакомился съ видными квэкерами Алленъ (Allen) и Грилле (Grillet), имѣя съ ними продолжительные разговоры. Немного позднѣе, возвращаясь изъ Великобританіи и Голландіи, Государь заѣхалъ въ Бруксалъ (въ Баденѣ), гдѣ пребывала супруга его, Императрица Елисавета. Здѣсь ему былъ представленъ извѣстный Юнгъ-Штиллингъ. Знакомство произошло черезъ фрейлину Р. А. Стурдзу (впослѣдствіи графиню Эдлингъ), къ которой былъ расположенъ Императоръ. Черезъ неё же, годъ спустя, въ Гейльброннѣ (Heilbronn) достигла, наконецъ, и баронесса Крюденеръ давно желаннаго свиданія. Князь Голицынъ, передавая въ своихъ разсказахъ объ этой встрѣчѣ, говоритъ: „Многія причины располагали Государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Криднершу. Съ одной стороны, собственное настроеніе сердца царева къ ощущеніямъ религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божію; съ другой увидѣть женщину, носившую, такъ сказать, въ себѣ живое слово Божіе, проходящую по юнымъ и невѣрственнымъ поколѣніямъ Европы какъ бы съ званіемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и предупреждала, и сопровождала громкая молва народная; наконецъ, знать, что сія женщина есть и русская подданная: все это, можетъ-быть, заставило Государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Криднершею.... Въ это самое время Государь получилъ отъ Р. А. Кошелева извѣстную книжку подъ названіемъ: „Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ“, сочиненіе Эккартсгаузена, переводъ съ нѣмецкаго А. Лабзина, которую Государь, хотя и читалъ, но никакъ не понималъ содержанія книги. Призванная Криднерша, по точнымъ увѣреніямъ Александра, умѣла растолковать и объяснить ему трудныя и непонятныя доселѣ мѣста этого сочиненія“.

Вся эта постепенность встрѣчъ и разговоровъ едва ли случайна: она подготовлялась цѣлой плеядой лицъ, заинтересованныхъ не одной личностью освободителя Европы, но и личными интересами и побужденіями. Не надо забывать, что такіе умные и убѣжденные люди, какъ Кошелевъ и Лабзинъ *), состояли или въ перепискѣ съ тѣмъ же Юнгъ-Штиллингомъ, квэкерами, различными моравскими братьями и т. п., или, какъ Лабзинъ, переводили на русскій языкъ всю эту литературу. Лабзинъ представляетъ любопытную и своеобразную фигуру въ кругу дѣятелей Александровскаго царствованія, перемѣнчивыя настроенія котораго ярко и рельефно отразились на его службѣ. Широкое и разностороннее образованіе, большой умъ, недюжинныя духовныя силы и изумительную энергію Лабзинъ израсходовалъ на пропаганду своихъ мистическихъ воззрѣній. Искренно преданный идеямъ христіанства, истинно православный, онъ стремился къ отысканію вѣчныхъ истинъ и къ созданію той мистической „внутренней" церкви, въ которой онъ видѣлъ залогъ людского счастія на землѣ, прообразъ церкви Небесной. Надѣленный отъ природы всѣми качествами, необходимыми для руководства другими, властолюбивый, Лабзинъ гипнотически дѣйствовалъ на людей, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Съ виду гордый, надменный, онъ былъ добръ съ людьми бѣдными и угнетенными, но съ тѣми, кто былъ выше его, обращался сухо, съ преувеличенной суровостью, которой не было въ существѣ его характера; напротивъ, онъ любилъ шутку, былъ остроуменъ, и бесѣда съ нимъ была пріятна. Постоянная борьба съ такими же, какъ онъ самъ, фанатиками, но противной его партіи, озлобила его, непріятныя стороны его характера рѣзче

*) Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ (1766—1826) окончилъ въ 1784 г. Московскій университетъ, служилъ одно время въ Иностранной коллегіи, конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, а съ 1818 г. вице-президентъ этой Академіи. Извѣстный мистикъ, масонъ, переводчикъ мистическихъ сочиненій на русскій языкъ, издатель журнала „Сіонскій Вѣстникъ", пріятель Кошелева и князя Голицына.

Цесаревичъ
Константинъ Павловичъ

Князь
М. Б. Барклай-де-Толли

Графъ И. И. Дибичъ

Графъ М. А. Милорадовичъ

и чаще выступали наружу, и были причиной его крушенія *). Интриги, если такъ можно выразиться, велись обдуманно и тонко. За всѣмъ происходящимъ зорко слѣдила баронесса Крюденеръ, слѣдила и приняла всѣ мѣры, чтобы знакомство ея съ Государемъ состоялось.

Мы не высоко цѣнимъ достоинства этой особы, а ея убѣжденность болѣе чѣмъ сомнительна. Побужденія мнимо восторженной баронессы стояли на болѣе реальной почвѣ. Она была стѣснена недостаткомъ денежныхъ средствъ и всегда во всемъ испытывала нужду. Кромѣ чувствъ тщеславія, случая сыграть видную роль, дѣйствовала и алчность. Вѣдь и въ наше время встрѣчаются личности, проникнутыя чувствомъ особой набожности (la haute dévotion), нерѣдко скрывая подъ этой завѣсой совсѣмъ другія побужденія. Такъ было и съ лифляндской баронессой. Не даромъ выдала она свою дочь, Юлію, за барона Беркгеймъ, братъ котораго былъ министромъ въ Карлсруэ и близокъ къ Баденской великогерцогской семьѣ, и не даромъ этотъ Беркгеймъ перешелъ на русскую службу. Въ записочкахъ Императора Александра къ князю Голицыну постоянно встрѣчаются анонимныя денежныя вспомоществованія; они разсыпались щедрою рукой и на г-жу Крюденеръ, и на ея родню. Слезливая проповѣдница имѣла способность говорить увлекательно, страстно, съ какой-то жестокой откровенностью, но все это было разсчитано и прикрыто вѣжливой формой въ изысканной манерѣ самой рѣчи. Въ началѣ своего желаннаго знакомства, т.-е. въ Гейдельбергѣ и въ Парижѣ (1815 г.), она, дѣйствительно, обворожила Императора, произвела на него необходимый ей эффектъ, такъ что впечатлительный Александръ оказался подъ ея вліяніемъ и еще больше углубился въ религіозное чтеніе и въ анализъ собственной тревожной души. Но такое исключительное вліяніе продолжалось очень недолго, всего годъ,

*) См. Великій Князь Николай Михаиловичъ, „Русскіе портреты", т. I, 46.

не болѣе; вскорѣ баронесса просто надоѣла державному послушнику, который хотя съ ней еще и переписывался, но писала больше она одна нескончаемыя посланія, полныя витіеватыхъ выраженій, туманныхъ заключеній, голословныхъ цитатъ изъ священнаго писанія, а въ общемъ несущія лишь оттѣнокъ неподражаемой скуки и однообразныхъ повтореній. Читая эти письма (которыя найдутъ въ приложеніяхъ), поражаешься монотонностью, тяжелымъ слогомъ, удручающимъ однообразіемъ, несуразностью, а главное—отсутствіемъ чистосердечія и искренности.

Многіе историки приписали г-жѣ Крюденеръ возрожденіе идеи Священнаго союза (la Sainte Alliance), другіе вліянію на Русскаго Государя Меттерниха. Мы же убѣждены, что эта идея, плодъ долгой работы и воображенія, всецѣло принадлежитъ лично Императору Александру. Но тотъ фактъ, что могло произойти недоразумѣніе между историками на этой почвѣ, вполнѣ возможенъ. Пока Александръ еще только соображалъ и намѣчалъ себѣ общую программу такого религіознаго союза, онъ имѣлъ частое общеніе сперва съ Меттернихомъ, на конгрессѣ въ Вѣнѣ, а потомъ, въ 1815 году, въ Парижѣ проводилъ почти всѣ вечера у баронессы Крюденеръ. Поэтому весьма легко было предположить, что идея Священнаго союза была внушена ему кѣмъ-либо изъ названныхъ лицъ. Но не надо забывать, что всѣ подробности акта новаго союза были набросаны лично Государемъ на бумагѣ, и что онъ читалъ вслухъ свое произведеніе баронессѣ за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Парижа. Это чтеніе могло дать поводъ къ догадкѣ, что г-жа Крюденеръ или продиктовала Государю, или дала ему мысль объ идеѣ союза. Два свидѣтельства въ пользу нашего предположенія заслуживаютъ вниманія: одно исходитъ отъ короля прусскаго, Фридриха-Вильгельма, неоднократно повторявшаго фразу, относящуюся до обожаемаго имъ союзника: „Si le Bon Dieu bénit nos projets, nous pourrons un jour dans l'avenir glorifier le Seigneur devant tout l'univers"; другое идетъ отъ обычнаго спутника

баронессы Крюденеръ, швейцарца Эмпейтазъ (Empaytaz), „qu'il était intéressant de voir cet homme (Alexandre), entouré de tant de gloire, de toutes les grandeurs du trône, chercher avec nous ainsi la force et le secours de l'Eternel". Эти „force et secours de l'Eternel" именно и искалъ Александръ для своего вдохновенія.

Кромѣ того, всѣ послѣдующія мѣропріятія свидѣтельствуютъ о непреклонной волѣ Государя провести въ жизнь свою излюбленную идею о религіозномъ союзѣ. Такъ, 25 декабря 1815 г. былъ обнародованъ манифестъ, подтверждавшій созданіе Священнаго союза, и было отдано повелѣніе прочесть этотъ актъ во всѣхъ православныхъ церквахъ, а 18 марта 1816 года Государь сообщилъ собственноручно русскому послу въ Лондонѣ, графу Х. А. Ливену, о томъ же событіи:

St-Pétersbourg, le 18 mars 1816.

Monsieur l'ambassadeur comte de Lieven, Ayant jugé nécessaire de donner une entière notoriété à l'acte d'alliance fraternelle et chrétienne conclu le 14 septembre de l'année dernière avec mes alliés, Sa Majesté l'Empereur d'Autriche et Sa Majesté le Roi de Prusse, je me suis réservé d'en faire connaître l'esprit et le véritable point de vue aux personnes revêtues de ma confiance et chargées, comme vous l'êtes, d'être les interprètes de mes intentions auprès des monarques amis ou alliés de la Russie. Les développements que je vous transmets par la présente ne laissent rien à désirer sur le contenu de l'acte en lui-même, et sur le manifeste qui en a annoncé la conclusion à mes peuples.

L'ensemble des notions qui me sont parvenues jusqu'à ce jour relativement aux fausses interprétations données à ce gage d'union et d'harmonie démontre l'importance d'une explication plus précise des motifs qui l'ont cimenté. Le génie du mal, terrassé par l'action supérieure d'une Providence qui dispose à son gré des souverains et des peuples, semble faire de nouveaux efforts pour prêter à cette

stipulation des vues politiques aussi peu compatibles avec la pureté des intentions qui l'ont dictée, que contraires au but salutaire qu'elle est destinée à remplir.

Mes alliés et moi, pénétrés de la grande pensée qui a présidé aux événements de la dernière lutte européenne, avons eu en vue d'appliquer plus efficacement aux relations civiles et politiques des états les principes de paix, de concorde et d'amour qui sont le fruit de la religion et de la morale du christianisme.

En conséquence, nous nous sommes plu à considérer un acte de cette nature comme étant le meilleur moyen de nous pénétrer plus intimement nous-mêmes de ces préceptes conservateurs, trop longtemps relégués dans la sphère étroite des rapports individuels, de les faire apprécier aux autres et d'en rendre par là la pratique plus active, plus étendue et plus uniforme.

Dès longtemps tout homme impartial a dû être frappé de l'extrême circonspection à laquelle se trouvaient réduits ces principes salutaires, et n'a pu qu'attribuer à cette cause l'enchaînement des calamités qui ont affligé le monde depuis nombre d'années. La base sur laquelle repose la sainteté du serment une fois ébranlée, les préceptes de fraternité et d'amour, vraie source de toute liberté civile, devenus secondaires, on ne pouvait se flatter de travailler utilement au salut des peuples sans un retour absolu vers ces mêmes principes, sans un aveu solennel qui servît à en fixer l'époque et qui assujettît à cette règle invariable les rapports mutuels des souverains et des nations qui leur sont confiées.

Telle étant l'intention qui a suggéré cet acte, le but unique et exclusif de l'alliance ne peut être que le maintien de la paix et le ralliement de tous les intérêts moraux des peuples que la Divine Providence s'est plu à réunir sous la bannière de la croix.

Un acte de cette nature ne saurait renfermer en soi aucune vue hostile à l'égard des peuples qui n'ont point le bonheur d'être chrétiens. Il n'a pour objet que de favoriser la prospérité intérieure de chaque état et le bien général de tous, qui doit résulter de l'amitié entre

leurs souverains, rendue d'autant plus indissoluble qu'elle est indépendante des causes accidentelles.

Un acte qui porte ce caractère peut encore moins se référer à des projets de conquête, attendu que son but ne saurait être atteint par la force des armes. Ce n'est que par l'ascendant de l'exemple et la séduction pacifique du bonheur dont jouiront les nations chrétiennes sous les auspices tutélaires de leur religion, que l'on peut espérer de voir sa lumière consolante se répandre indistinctement sur toutes les nations.

Tels sont les développements que j'ai désiré vous faire connaître sur la teneur et l'objet de l'acte du 14 septembre, ainsi que sur le motif de sa publication. Il n'est que l'expression simple et précise des sentiments gravés dans le cœur de mes frères d'armes et alliés, ainsi que dans le mien. Leurs Majestés partagent donc sans doute l'intention qui m'a porté à le rendre public, et c'est dans cette conviction intime, ainsi que pour contribuer au maintien de la paix dont l'Europe goûte actuellement les douceurs, que je me propose de notifier l'énoncé de ces sentiments à tous les gouvernements étrangers au christianisme et que la malveillance aurait pu indisposer contre cette alliance éminemment pacifique, parce qu'elle est conforme au véritable esprit de la religion.

D'après la teneur des explications énoncées ci-dessus, que je vous charge de communiquer au Prince Régent et à lord Castlereagh, vous êtes autorisé à les prévenir que mon intention est d'adresser à la Sublime Porte, par l'organe de mon envoyé, une démarche conçue dans le même sens et propre à dissiper toutes les inquiétudes. Vous ajouterez qu'il me serait agréable de voir ces explications amicales vis-à-vis de la Porte appuyées par celles du cabinet de S. M. Britannique.

Намъ кажется вполнѣ естественнымъ, что развивавшійся въ душѣ Александра мистицизмъ, начиная съ годины Отечественной войны, довелъ его до созданія Священнаго союза, а потому нечего искать посторонних вдохновителей ни въ лицѣ г-жи Крюденеръ, ни въ князѣ Меттернихѣ, или вообще въ комъ-либо другомъ. Вѣдь, право, нельзя же отнять у Александра I иниціативы

и силы воли, которыя онъ проявлялъ такъ часто во многихъ случаяхъ своего бурнаго царствованія. Если кто и имѣлъ на него постоянное вліяніе, то, несомнѣнно, этими лицами были князь А. Н. Голицынъ и Р. А. Кошелевъ, но современники (или весьма немногіе изъ нихъ) и историки этой эпохи едва ли знали о перепискѣ его съ княземъ Голицынымъ и не подозрѣвали о корреспонденціи съ Кошелевымъ. Что же касается до переписки Государя съ баронессой Крюденеръ, то о ней знали и въ Россіи, и въ Европѣ, благодаря ей самой, такъ какъ это служило для нея рекламой. Письма баронессы сохранились, и то не всѣ, а письма Александра къ ней были полностью вручены г-жей Крюденеръ князю А. Н. Голицыну въ 1821 году и переданы имъ Его Величеству.

Эти письма, къ сожалѣнію, не сохранились и были, вѣроятно, уничтожены либо самимъ Александромъ Павловичемъ, либо преданы сожженію его братомъ, Императоромъ Николаемъ, систематичнымъ истребителемъ многихъ безцѣнныхъ бумагъ и рукописей. Примѣромъ того, до какихъ предѣловъ доходило довѣріе Императора Александра къ Кошелеву, можетъ служить письменная передача такой тайны, какъ задуманная рѣчь при открытіи сейма въ Варшавѣ, въ 1818 году, на критику Родіона Александровича, а также впечатлѣнія Государя, переданныя ему же послѣ прочтенія этой рѣчи *). Потому и досадно, что ничего цѣльнаго до насъ не доходитъ, а почти всегда лишь отрывочныя части. Нѣкоторыя письма и записки Государя къ Кошелеву сохранились, и мы все найденное даемъ въ приложеніяхъ, равно какъ и письма самого Кошелева къ Александру; вѣдь о его личности осталось такъ мало данныхъ въ нашей исторической литературѣ. Когда Кошелевъ скончался, 26 ноября 1827 года, то безжалостный ханжа, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій высказалъ про покойнаго такого рода тираду: „Я сижу во глубинѣ безмолвія и уединенія

*) См. письмо Государя отъ 19 марта 1818 года изъ Варшавы, стр. 457, № 31.

и молю Господа, да изведетъ въ свое время на дѣло свое человѣка Божія подкопомъ взорвати дно глубинъ сатанинскихъ, содѣянныхъ въ тайныхъ вертепахъ — тайныхъ обществъ вольтеріанцевъ, франкмасоновъ, мартинистовъ, и сокрушитъ главу седмиглаваго змія треклятаго иллюминатства, его же жрецъ или магъ недавно, въ день святаго Георгія, двадесятъ шестого дня Ноемврія, позванъ на судъ къ Господу". Очевидно, что пронырливый архимандритъ и всегдашній другъ Аракчеева отлично сознавалъ, что со сцены сошелъ человѣкъ, который долгое время, совмѣстно съ княземъ Голицынымъ, Лабзинымъ и многими другими, былъ бѣльмомъ въ глазу у Фотія въ Александровскія времена.

Что вліяніе Кошелева шло послѣдовательно и не прерывалось, это можно заключить изъ ряда записокъ Императора Александра, адресованныхъ Родіону Александровичу, за разные годы, въ періодъ отъ 1811 до 1815 года и позднѣе:

Въ мартѣ 1811 года, на Страстной недѣлѣ: „....благодарю васъ за выраженныя чувства и, какъ вы, я тоже возлагаю всю мою надежду на Промыслъ Божественнаго Существа. Когда увидимся, поговоримъ съ вами о содержаніи присланныхъ мнѣ вами отдѣльныхъ листовъ"....

Изъ Плоцка, 25 января 1813 года: „....Какъ мнѣ пріятно узнать, что вы меня поняли. Моя вѣра чиста и ревностна. Съ каждымъ днемъ эта вѣра во мнѣ растетъ и крѣпнетъ, давая такого рода наслажденіе, которое было невѣдомо для меня. Но не думайте, что это только результатъ послѣдняго времени; я давно уже искалъ этого пути".

Отъ 25 апрѣля 1813 года, изъ Дрездена: „Глубокое спасибо за присылку чудной книги, которую я прочитываю съ жадностью. Я молю Создателя, чтобы это чтеніе сдѣлало меня болѣе достойнымъ ко всѣмъ милостямъ Провидѣнія".

Еще отъ 13 декабря 1815 года: „Прочелъ ваше письмо съ глубокимъ волненіемъ и спѣшу благодарить васъ за выражен-

ныя чувства. Я обязанъ вамъ многимъ, потому именно, что вы меня навели на тотъ путь, по которому я теперь слѣдую убѣжденно, что привело къ достигнутому успѣху затѣяннаго дѣла при содѣйствіи Всевышняго. Но то, что еще осталось мнѣ сотворить на родинѣ же, вѣроятно, гораздо труднѣе достижимо, но это меня не пугаетъ, ибо, при помощи нашего Спасителя, я теперь считаю все возможнымъ и полагаюсь вполнѣ на него"....

Наконецъ, изъ Москвы, 7 января 1818 года: „.... Мое самое горячее желаніе добросовѣстно исполнять завѣтную волю нашего Спасителя.... Теперь нѣсколько словъ по поводу пріѣзда въ Петербургъ М. А. Нарышкиной. Надѣюсь, что вы слишкомъ хорошо освѣдомлены о моемъ душевномъ состояніи, чтобы безпокоиться на мой счетъ. Скажу вамъ больше, если я еще считалъ бы себя свѣтскимъ человѣкомъ, то, право, здѣсь нѣтъ заслуги остаться равнодушнымъ къ особѣ, послѣ всего того, что она сотворила" (Государь убѣдился въ ея невѣрности).

Обратимся къ дальнѣйшей судьбѣ баронессы Крюденеръ. Проскитавшись въ теченіе трехъ лѣтъ по разнымъ мѣстамъ Германіи и Швейцаріи, имѣя мало успѣха отъ своихъ проповѣдей, нуждаясь въ деньгахъ, но помня приглашеніе Государя въ 1815 году заѣхать въ Петербургъ, баронесса рѣшилась въ 1818 году перекочевать къ себѣ на родину, въ Лифляндію. На пропускъ въ Россію ея различныхъ спутниковъ было дано разрѣшеніе, но Рижскій генералъ-губернаторъ, маркизъ Паулуччи, дѣлалъ имъ различныя затрудненія, что дало поводъ къ недоразумѣніямъ. Вслѣдствіе этого, 9 мая 1818 года, Императоръ Александръ написалъ маркизу письмо слѣдующаго содержанія:

„....Съ сожалѣніемъ вижу, что вы не вполнѣ поняли содержаніе разговора, который имѣли мы съ вами объ этомъ предметѣ въ Царскомъ Селѣ. Къ чему нарушать спокойствіе существъ, занимающихся только молитвами къ Предвѣчному и никому не дѣлающихъ зла? Чѣмъ болѣе въ такихъ случаяхъ розысковъ и

надзору, тѣмъ прибавляется только важности для зѣвакъ. Оставьте Госпожу Крюденеръ и другихъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ, потому что, какое вамъ до того дѣло, кто какъ молится Богу! Каждый отвѣчаетъ Ему въ томъ по своей совѣсти. Лучше, чтобы молились какимъ бы то ни было образомъ, нежели вовсе не молились".

Государь и въ этомъ случаѣ обнаружилъ полную вѣротерпимость. Въ Петербургѣ г-жа Крюденеръ появилась только въ 1821 году, когда Императоръ былъ еще на Лайбахскомъ конгрессѣ, но она дождалась его возвращенія. Здѣсь она усиленно агитировала въ пользу возставшихъ грековъ, вступивъ въ оживленныя сношенія съ вожаками греческаго возстанія. Такая дѣятельность противорѣчила намѣреніямъ Александра, и за баронессой былъ установленъ негласный надзоръ. Но у ней бывали многіе, и особенно ревностно князь А. Н. Голицынъ, несмотря на запрещеніе посѣщать баронессу. Государь получалъ донесенія полиціи о посѣщеніяхъ, но, очевидно, разрѣшалъ Голицыну её видѣть и даже поощрялъ его въ этомъ. Впрочемъ, самъ Голицынъ неоднократно разсказывалъ Ю. Бартеневу о такого рода странномъ методѣ отношеній къ проповѣдницѣ. Наконецъ, терпѣніе Александра лопнуло, и Его Величество ей написалъ лично, требуя прекращенія агитаціи въ пользу оказанія помощи грекамъ и прося не вмѣшиваться не въ свои дѣла. Письмо было отправлено къ ней съ А. И. Тургеневымъ на прочтеніе и привезено обратно. Тогда обиженная баронесса вернулась въ Лифляндію, а оттуда отправилась въ Крымъ, гдѣ пріобрѣла маленькое имѣніе и провела остатокъ дней въ обществѣ своей дочери Беркгеймъ, княгини Анны Сергѣевны Голицыной (сестры Софіи Сергѣевны Мещерской) *)

*) Княгиня А. С. Голицына была замужемъ за камергеромъ княземъ И. А. Голицынымъ, но не жила съ нимъ. Она жила долго въ Крыму, въ принадлежавшемъ ей имѣніи Кореизъ и погребена около церкви въ Гаспрѣ (нынѣ имѣніе Вел. Кн. Александра Михаиловича); скончалась въ 1838 году. Послѣдніе годы своей жизни князь А. Н. Голицынъ прожилъ рядомъ съ ней и умеръ, 6 лѣтъ спустя послѣ нея, въ Крыму же; погребенъ въ Балаклавскомъ монастырѣ.

и другихъ послушницъ ея религіознаго экстаза. Скончалась г-жа Крюденеръ въ Крыму 25 декабря 1824 года.

По поводу ея кончины, тотъ же архимандритъ Фотій написалъ такого рода филиппику, не лишенную остроумія:

„Криднеръ была женщина зловѣрія лжехристіанскаго, какой-то западной ереси, съ дарованіями острыми, лѣтъ уже преклонныхъ. Она выдавала себя за вдохновенную свыше. Молва разнеслась отъ нѣкоторыхъ ея учениковъ столь быстро о ней, что весь Петербургъ подвигся, какъ новое чудо, видѣть и слышать госпожу Криднеръ. Женка сія, въ разгоряченности ума и сердца, отъ бѣса вдыхаемой, не говоря никому противнаго похотямъ плоти, обычаямъ міра и дѣламъ вражіимъ, такъ нравиться умѣла всѣмъ во всемъ, что, начиная съ первыхъ столбовыхъ бояръ, жены, мужи, дѣвицы спѣшили, какъ оракула нѣкоего дивнаго, послушать женку Криднеръ. Нѣкоторые почитатели ея, изъ обольщенія ли своего или изъ ругательства надъ святынею христіанскихъ догматовъ, портреты изобразили Криднерши, издавали въ свѣтъ ее съ руками, къ сердцу прижатыми, очи на небо имѣющую, и Святаго Духа съ небесъ, какъ на Христа, сходящаго во Іорданѣ или на Дѣву Богородицу при Благовѣщеніи архангельскомъ. Въ сѣтяхъ Татариновой и Криднерши самъ министръ духовныхъ дѣлъ весь увязалъ. Его любимцы съ нимъ одно творили“.

Гораздо любопытнѣе было почти одновременное появленіе въ Петербургѣ другой коренной русской проповѣдницы, Екатерины Филипповны Татариновой. Ея мать, Буксгевденъ, вдова полковника, была няней великой княжны Маріи, старшей изъ умершихъ въ младенчествѣ дочерей Императора Александра († въ 1800 г.); Буксгевденъ была оставлена квартира въ Михайловскомъ замкѣ въ числѣ немногихъ лицъ изъ штата придворныхъ, жившихъ въ этомъ зданіи послѣ кончины Императора Павла. Екатерина Филипповна воспитывалась въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и

вышла замужъ за офицера Измайловскаго полка Ив. Мих. Татаринова, тяжело раненаго подъ Бородинымъ.

Съ 1815 г. Е. Ф. Татаринова, послѣ смерти мужа, умершаго отъ послѣдствій раны, переселилась также къ матери въ Михайловскій зàмокъ. Какъ многіе въ ту эпоху, она особенно интересовалась религіозными вопросами, искала „всемірной истины" на почвѣ объединенія различныхъ духовныхъ убѣжденій и обобщенія обрядовъ богослуженія. Пока другіе увлекались піэтизмомъ, масонствомъ, разными сектантскими толками, Татаринова сосредоточила свою дѣятельность исключительно на помощи бѣднымъ, нищимъ и бродягамъ, а также посѣщала „корабли" (собранія) скопцовъ, участвовала на ихъ „страдахъ" (пѣніяхъ) и духовныхъ плясках (радѣніяхъ). Въ день св. Архангела Михаила, 8 ноября 1817 г., Екатерина Филипповна перешла изъ лютеранства въ православіе и почувствовала въ себѣ съ тѣхъ поръ даръ пророчества. Ею заинтересовался князь А. Н. Голицынъ и, по отъѣздѣ матери ея въ Лифляндію, испросилъ у Государя разрѣшеніе ей продолжать жить во дворцѣ и выдавать ей, въ теченіе 20 лѣтъ, пенсію въ размѣрѣ 6 т. рублей въ годъ. Получивъ высокомилостивую поддержку, Татаринова стала собирать у себя кружокъ избранныхъ лицъ, гдѣ происходили бесѣды на религіозныя темы, чтеніе священнаго писанія, пѣніе кантатъ на простонародной рѣчи, и т. д. Собранія происходили въ началѣ въ одной изъ дворцовыхъ залъ Михайловскаго зàмка, куда появлялись также лица, занимавшія видное положеніе, какъ, напримѣръ, князь Голицынъ и Кошелевъ; обо всемъ этомъ было извѣстно Петербургскому митрополиту Михаилу, оказывавшему негласную поддержку такого рода сходкамъ*).

Наконецъ, Татаринова удостоилась быть принятой самимъ Государемъ, пожелавшимъ её видѣть лично; бесѣда была продолжительная, и пріемъ оказался болѣе чѣмъ радушнымъ.

*) Изъ воспоминаній митрополита Филарета. „Правосл. Обозрѣніе", 1868 г., № 8.

Но милость Государя не ограничилась однимъ пріемомъ проповѣдницы, потому что былъ еще принятъ одинъ изъ главныхъ ея послѣдователей, Никита Ѳедоровъ, музыкантъ 1-го кадетскаго корпуса, награжденный чиномъ 14 класса. Увѣряли, что будто бы Александръ Павловичъ писалъ Кошелеву, что онъ „пламенѣетъ любовію къ Спасителю всегда, когда только читаетъ въ письмахъ Родіона Александровича объ обществѣ госпожи Татариновой въ Михайловскомъ замкѣ", и что „симъ обществомъ надѣюсь я истребить ереси—и скопцовъ, и масоновъ!" *). Этого письма мы не нашли въ перепискѣ Кошелева, но возможно, что кое-что подобное и было написано Государемъ. Пять лѣтъ Татаринова продолжала безпрепятственно свою дѣятельность; въ 1821 году ей было повелѣно выѣхать изъ дворца, переименованнаго въ Инженерный замокъ, для помѣщенія тамъ Инженернаго училища, а, какъ извѣстно, 1 августа 1822 года всѣ тайныя общества были закрыты.

Вышло, что удаленіе Татариновой совпало съ отъѣздомъ въ Крымъ баронессы Крюденеръ, и это совпаденіе, опять-таки не случайное, а слѣдствіе новой перемѣны въ теченіяхъ мыслей и въ намѣреніяхъ Императора Александра.

Было бы пробѣломъ съ нашей стороны не упомянуть о пріѣздѣ въ 1819 и въ 1820 годахъ двухъ извѣстныхъ баварскихъ экзальтированныхъ проповѣдниковъ, Линдля и Госнера; одинъ говорилъ въ мальтійской церкви Пажескаго корпуса, другой въ особомъ помѣщеніи на Большой Морской. Ихъ рѣчи пользовались успѣхомъ у всевозможныхъ воздыхателей въ поискахъ истины и у тѣхъ, которые считали это дѣло моднымъ и выгоднымъ для себя, въ смыслѣ карьеры. Но по таланту они, конечно, уступали православнымъ проповѣдникамъ, какъ митрополиту Михаилу, такъ и краснорѣчивому Филарету. Вскорѣ Линдля любезно выпроводили

*) См. „Девятнадцатый Вѣкъ" П. Бартенева, Москва, 1872 г., книга I: „О духовномъ [illegible] Е. Ф. Татариновой", Юрія Толстого.

въ Одессу, а Госнера отправили за границу за его книгу: „Geist des Lebens“ только въ 1824 году, при паденіи князя Голицына.

Гораздо интереснѣе по своей дѣятельности былъ англичанинъ Вальтеръ Веннингъ, членъ Лондонскаго общества попеченія о тюрьмахъ, основатель и директоръ подобнаго же общества въ Петербургѣ, учрежденнаго 19 іюля 1819 года.

Эта личность была весьма почтенная, вовсе не занимавшаяся пропагандой мистицизма или проповѣдями, а посвятившая всю дѣятельность исключительно своей спеціальности — тюрьмамъ.

Его записка о положеніи въ Россіи тюремнаго быта, представленная Веннингомъ Государю, произвела на Александра сильное впечатлѣніе и вызвала въ немъ сочувствіе къ тюремному обществу, такъ что, когда Веннингъ скончался въ 1821 году, Императоръ выразилъ глубокое сожалѣніе о смерти его въ одной изъ записокъ къ князю Голицыну *).

Мы постарались въ краткихъ чертахъ описать главныхъ дѣятелей того религіозно-душевнаго состоянія, которое принято называть мистицизмомъ. Въ чемъ же оно состояло? Главное заключалось въ стремленіи приблизиться къ истинѣ, путемъ невидимаго общенія съ Божьимъ Промысломъ, и стараніи разгадать свое собственное „я“. Другими словами, мистицизмъ представляетъ извѣстный типъ душевной дѣятельности въ порывахъ сближенія и единенія съ Творцомъ вселенной **). Мистицизмъ появился въ

*) См. записку № 40, подъ конецъ, стр. 429.

**) Сохранилась въ Собственной Его Величества библіотекѣ (Рукоп. Отд., № 441, шк. I, п. 3, к. 10) молитва, написанная рукой Императора Александра и, вѣроятно, составленная или княземъ А. Н. Голицынымъ, или Кошелевымъ. Она находилась въ бумажникѣ Государя.

Копія.

O mon Grand Dieu! prends-nous en ta sacrée garde et ave compassion et pitié de nous.

Fais que nous ne démarchions et détournions jamais du chemin de l'honneur et de la vertu, fais que nous nous en écartions jamais pas pour un instant, guide-nous, ô mon Grand Dieu! par ce chemin et fais que nous nous en écartions jamais

Nous te remercions, ô mon Grand Dieu! pour toutes les bontés et bienfaits que tu as et que tu as eu pour nous. O mon Grand Dieu! nous te prions, continue de les répandre sur nous

Россіи еще въ царствованіе Екатерины, но тогда всѣ эти общества считались противоправительственными, въ связи съ тайными организаціями, масонствомъ, и ихъ преслѣдовали и тогда, а въ царствованіе Павла еще болѣе. При правленіи же Александра дѣятельность всѣхъ тайныхъ и явныхъ обществъ особенно оживилась, а послѣ Отечественной войны и борьбы съ Наполеономъ почти всѣ были заражены страстью къ какой-то таинственности. Одни стали мистиками, другіе масонами, что не мѣшало имъ быть одновременно и тѣми, и другими. Наглядный примѣръ мы видимъ на Кошелевѣ и Лабзинѣ; первый былъ убѣжденный масонъ, но относился любовно къ мистицизму; второй принадлежалъ скорѣе къ мистикамъ, но не брезгалъ и масонствомъ. Даже въ средѣ духовенства такіе выдающіеся пастыри церкви, какъ Филаретъ (впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Московскій), какъ митрополитъ С.-Петербургскій Михаилъ (преемникъ Амвросія), открыто сочувствовали мистикамъ, но всѣ одинаково осуждали масонство *).

---

et tous ceux qui nous sont chers, et sur toute l'humanité, et fais que tous nous tâchions de nous en rendre de jour en jour plus dignes et de les mériter par notre conduite et en tâchant de nous rendre de jour en jour réellement meilleurs, et faites aussi que nous y réussissions autant qu'il est en notre pouvoir de le faire et que réellement nous devenions de jour en jour meilleurs en tout.

Daignez nous seconder et nous faciliter les moyens.

Pardonnez-nous, ô mon Grand Dieu! tous nos péchés, toutes nos fautes et toutes nos inadvertances. Pardonnez-nous les, ô mon Grand Dieu! et faites que nous nous en corrigions de jour en jour davantage, de même que nos défauts, et que nous en commettions de jour en jour moins.

O mon Grand Dieu! épargne à nous, préserve nous, détourne de nous et garantis-nous de toutes les épreuves, tous les malheurs, chagrins, peines, déplaisirs, ennuis, maladies, incommodités, inquiétudes, embarras difficultés, empêchements, désagréments et de toutes les choses désagréables, contrariétés, contraintes et contre-temps.

O mon grand Dieu! épargne-nous les, détourne-les de nous, garantis-nous en, et préserve-nous en, mais par contre fais aussi que s'ils s'en présentent, nous nous en tirions avec noblesse de sentiments et grandeur d'âme et fais aussi que nous ayons du courage et de l'espérance en toi.

Rends-nous heureux, ô mon Grand Dieu!

*) Изъ записной книжки В. Л. Боровиковскаго 23 сентября 1819 г.: „Слухъ носится, что князь Голицынъ съ Филаретомъ хотятъ составить новое христіанское сословіе, въ противность масоновъ“ (П. Бартеневъ, *Девятнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 218).

Зная, что и Императоръ Александръ предавался глубокимъ колебаніямъ на почвѣ религіозной, ища успокоенія душѣ своей, то въ чтеніи священнаго писанія, то въ общеніи съ моравскими братьями, квэкерами и такими восторженными проповѣдницами, какъ г-жи Крюденеръ и Татаринова, все русское общество увлекалось, если не въ равной степени, то все таки слѣдило со вниманіемъ за всѣми толками, сектами и проповѣдниками, какъ православными (Филаретъ, Фотій), такъ и сектантскими.

Очевидно, что болѣе фанатическая часть православнаго духовенства не одобряла этихъ увлеченій, и когда дѣло зашло слишкомъ далеко, то въ средѣ пастырей обнаружилось понятное желаніе прекратить такой порядокъ, угрожавшій, по ихъ убѣжденіямъ, основамъ Православной церкви. Къ этимъ лицамъ относились С.-Петербургскій митрополитъ Серафимъ (преемникъ Михаила и ставленникъ Аракчеева), Кіевскій митрополитъ Евгеній и Юрьевскій архимандритъ Фотій. Послѣдній былъ самымъ ярымъ противникомъ всѣхъ сектъ, а еще болѣе мистиковъ; оба митрополита были менѣе суровы и болѣе сообразовались съ обстоятельствами, а изъ свѣтскихъ людей къ нимъ присоединились Шишковъ и, въ особенности, Аракчеевъ. Они восторжествовали только за три года до кончины Государя, но борьбу повели гораздо раньше и исподволь. Пыпинъ говоритъ: „Голосъ этого духовенства имѣлъ за себя и всѣ ультраконсервативные элементы, всѣхъ людей, которымъ всякое нововведеніе съ самаго начала казалось „развратомъ“ и подкопомъ подъ церковь, престолъ и отечество. Самому Аракчееву, вѣроятно, не было ни малѣйшаго дѣла до Библейскаго общества, но ненависть къ обществу отъ приверженцевъ старины показалась Аракчееву удобнымъ средствомъ для низверженія князя Голицына *).

Характернымъ эпизодомъ этой борьбы мистиковъ съ извѣстною частью духовенства служитъ инцидентъ съ книгой нѣкоего

*) См. „Вѣстникъ Европы“, 1868 г., ноябрь. Пыпинъ: „Русское Библейское общество“.

Станевича: „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души", пропущенная цензоромъ архимандритомъ Иннокентіемъ, въ 1818 году. Въ этой книгѣ встрѣчались прозрачные намёки на дѣйствія мистиковъ, власти вообще, и выражалось все въ рѣзкой и оскорбительной формѣ. Книга была показана княземъ Голицынымъ Государю, который пришелъ въ негодованіе; Иннокентію былъ сдѣланъ строгій выговоръ, и, въ видѣ почетной ссылки, его назначили епископомъ въ Оренбургъ и, только благодаря его нездоровью, перевели въ Пензу, гдѣ онъ черезъ годъ и скончался (1819). Архимандритъ Фотій считалъ себя ученикомъ Иннокентія, пришелъ въ ярость отъ постигшей Иннокентія кары и поклялся отомстить князю Голицыну при удобномъ случаѣ, что и исполнилъ съ успѣхомъ. Между тѣмъ князю Александру Николаевичу, Лабзину, Кошелеву, Филарету, словомъ, всѣмъ главнымъ дѣятелямъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, болѣе всѣхъ вредили ихъ же главные сотрудники, игравшіе или двойную роль, какъ А. И. Тургеневъ, или старавшіеся подорвать къ нимъ довѣріе общества разными мѣрами строгости и несправедливости. Къ этимъ послѣднимъ принадлежали извѣстные своей подлостью Руничъ и, особенно, Магницкій, также ловко проникшіе въ Библейское общество, которому они старались придать лишь мрачную форму обскурантства; одновременно и тотъ, и другой поддѣлывались къ Фотію и Аракчееву, все имъ доносили, а передъ княземъ Голицынымъ разыгрывали роль самыхъ преданныхъ ему людей. Поэтому неудивительно, что при этихъ господахъ самоуправство цензуры дошло до такихъ предѣловъ, что не только возмущало А. С. Пушкина, Жуковскаго, но и Дмитріева, и даже Карамзина. Н. М. Карамзинъ писалъ Дмитріеву, что „князь Голицынъ хорошій человѣкъ.... но я къ нему совсѣмъ не близокъ и съ Кошелевымъ не знакомъ; даже текстами не промышляю. Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ...."
Оказывается, что и Карамзинъ никогда не видалъ Р. А. Кошелева,

а между тѣмъ Кошелевъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, который частенько посѣщалъ историкъ Государства Россійскаго. Не удивительно потому, что, когда Голицына постигла немилость, радовались даже назначенію престарѣлаго Шишкова его преемникомъ. Но рѣчь обо всемъ этомъ впереди.

Если православное духовенство, въ большинствѣ, не сочувствовало ни мистицизму, ни Россійскому Библейскому обществу, состоящему почти изъ однихъ и тѣхъ же дѣятелей, то еще болѣе въ Европѣ возстали противъ такихъ проявленій католическое духовенство и папа. У насъ эта борьба ознаменовалась двумя актами: 20 декабря 1815 года, по Высочайшему указу, были высланы изъ Петербурга всѣ монахи іезуитскаго ордена, а 13 марта 1820 года они были изгнаны и изъ Россіи. Также въ 1816 году папа Пій VII издалъ запрещеніе противъ польской Библіи, изданной Русскимъ Библейскимъ обществомъ, а въ 1824 году запрещеніе было повторено его преемникомъ, папой Львомъ XII *).

Что̀, конечно, ожесточало въ Россіи многихъ противъ дѣйствій и помышленій русскихъ мистиковъ, стоявшихъ у власти, это отсутствіе и невозможность критики, такъ какъ цензура была сосредоточена въ тѣхъ же рукахъ князя А. Н. Голицына и его сотрудниковъ и единомышленниковъ.

Кромѣ того, несмотря на всю свою вѣротерпимость, самъ Государь не любилъ, чтобы обсуждали или критиковали одобренныя имъ мѣропріятія. Это соотвѣтствовало тѣмъ странностямъ его характера, гдѣ крайній иногда либерализмъ немедленно заглушался проявленіями такого же крайняго приступа самодержавія, что одинаково смущало его друзей и недоброжелателей. Въ 1847 году въ Парижѣ была напечатана Н. И. Тургеневымъ книга подъ заглавіемъ: „La Russie et les Russes“. Авторъ этого изданія, между

*) См. „Вѣстникъ Европы“, Пыпинъ: „Россійское Библейское общество“. 1868 годъ, августъ, сентябрь, ноябрь, декабрь.

прочимъ, дѣлаетъ такое оригинальное заключеніе: „Въ русской жизни, гдѣ все дѣлается таинственно и по интригѣ, гдѣ солнце гласности освѣщаетъ только результаты, никогда не углубляясь до причинъ, репутація человѣка зависитъ не столько отъ него самого, сколько отъ тѣхъ, которые берутся составить ему таковую".

Если такое заключеніе можетъ казаться преувеличеннымъ вообще, то въ частности въ разсматриваемую эпоху оно подмѣчено вѣрно и примѣнимо ко многимъ дѣятелямъ Александровскаго времени. Достойно вниманія, что даже представители иностранныхъ державъ доносили о вѣротерпимости Русскаго Государя и посвящали донесенія этому вопросу. Такъ, 4 марта 1817 года, французскій посланникъ, графъ Ноайль (comte de Noailles), докладывалъ: „...Un rescrit de S. M. I. adressé le 21 décembre 1816 au gouverneur de Kherson et publié en dernier lieu dans un journal de St-Pétersbourg mérite d'être remarqué par les principes de tolérance religieuse qui y sont établis. Ce rescrit a pour objet la secte des „Douchoborzi". Les individus qui la composent se trouvent réunis dans le district de Mélitopol (gouvernement de Tauride), et, d'après les ordres de l'Empereur et au mépris des dénonciations dirigées contre eux, ne doivent être troublés en aucune manière pour leur croyance religieuse, mais au contraire traités et protégés comme les autres sujets de S. M. I., „la persécution n'étant jamais un moyen bon et chrétien de ramener à la véritable église": c'est ainsi que s'exprime ce rescrit...."

Въ своемъ донесеніи отъ 30 мая 1817 года Ноайль пишетъ: „...L'Empereur semble se délasser des soins du gouvernement en se livrant aux sentiments religieux qui remplissent son cœur et dominent son esprit; il continue à porter le plus grand intérêt à la Société Biblique. Le bref du Pape adressé à l'archevêque polonais de Gnesne et dirigé contre cette société, le refus qu'on dit avoir été fait par le Saint Père d'accéder à la Sainte Alliance, ont irrité l'Empereur Alexandre contre l'Eglise Romaine. S. M. I. a donné

vingt mille roubles à M. Stourdza, grec d'origine, jeune homme remarquable par l'étendue de son esprit et de ses connaissances, pour faire imprimer à Weimar un ouvrage renfermant une apologie de *l'Eglise orthodoxe* et des attaques virulentes contre l'église d'occident *). Je n'ai pas lu cet ouvrage, on le dit écrit avec talent, il produit un grand effet dans le monde et devient un sujet de triomphe pour les grecs, qui, comme vous le savez, tiennent beaucoup à leur religion, encore plus peut-être par orgueil national que par profonde conviction.... **).

Для насъ особенно цѣнны эти донесенія, свидѣтельствующія о значеніи, которое придавали иностранцы проявленію у Государя такой вѣротерпимости къ сектантамъ, и о дѣятельности Россійскаго Библейскаго общества, не ускользнувшей отъ вниманія убѣжденнаго легитимиста, француза Ноайль, перваго представителя Франціи въ Петербургѣ послѣ воцаренія короля Людовика XVIII.

Донесеніе Ноайль подтверждается вполнѣ другимъ свидѣтельствомъ. Въ путешествіи по югу Россіи въ 1818 году сопровождалъ Государя въ числѣ другихъ лицъ свиты статсъ-секретарь В. Р. Марченко. Вотъ что онъ повѣствуетъ въ своей автобіографіи: „Въ Кіевѣ, когда Государь уже садился въ коляску, отправляясь въ дальнѣйшій путь, къ Варшавѣ, предстали передъ нимъ до 30 мужиковъ съ просьбой. Спѣша отъѣздомъ, Государь приказалъ мнѣ переговорить съ ними, а самъ уѣхалъ. Это были посланные отъ молоканъ и духоборцевъ, которые поселены на Молочныхъ Водахъ, въ Таврической губерніи, между нагайцами и колонистами. Они жаловались на притѣсненія генералъ-губернатора графа Ланжерона....

*) „Considérations philosophiques et morales sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe". Stuttgard et Tubingue, Cotta, 1816.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ опроверженіе было издано сочиненіе подъ заглавіемъ: „L'église catholique justifiée contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe", par M..., Lyon et Paris, Rusand, 1822, при чемъ это сочиненіе приписывалось графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Ростопчиной, рожденной Протасовой.

**) Archives du Quai d'Orsay (Ministère des affaires étrangères à Paris).

„По пріѣздѣ въ Варшаву, я доложилъ Государю обо всемъ и представлялъ опасенія мои насчетъ развитія вредныхъ правилъ духоборцевъ. „Я давно знаю о нихъ", сказалъ Государь, „и потому поселилъ ихъ между нагаями и нѣмцами: тамъ они не могутъ никого совратить. Ихъ ученіе вредно и опасно; но я не хочу порабощать совѣсть. Они отреклись признавать во мнѣ Государя, я имъ дозволилъ это — только бы исполняли обязанности гражданскія. Они отреклись присягать, я велѣлъ брать съ нихъ одно честное слово. Во время войны они не хотѣли стрѣлять, опираясь на заповѣдь: „Не убій", и на представленія, что ихъ ведутъ противъ враговъ отечества, отвѣчали, что Моисеевъ законъ, дозволяя защищать себя, нигдѣ не говоритъ объ отечествѣ. Тогда только я принужденъ былъ приказать разстрѣлять двухъ или трехъ изъ нихъ".

„Между тѣмъ бумаги, поступившія отъ графа Ланжерона, подтвердили, что онъ, по настоянію духовенства, дѣйствительно, хотѣлъ принудить духоборцевъ къ повиновенію Церкви и государственнымъ постановленіямъ.

„Поэтому Государь повелѣлъ сообщить Ланжерону, чтобы духовныя власти и земская полиція не вмѣшивались въ дѣла духоборцевъ, а бумаги были отправлены къ министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну".

Хронологически мы прервали наше повѣствованіе послѣ окончанія Вѣнскаго конгресса, удѣливъ первую часть настоящей главы мистицизму. Возвращаемся къ событіямъ 1815 года. Александръ Павловичъ изъ Берлина направился въ созданное имъ, новое королевство Польское. Чтобы подчеркнуть свое благоволеніе къ полякамъ, Его Величество облекся въ польскій мундиръ и 31 октября черезъ Мокотовскую заставу совершилъ верхомъ торжественный въѣздъ въ Варшаву. Польская аристократія чествовала своего благодѣтеля увеселеніями и балами, на которыхъ Государь всѣхъ сумѣлъ обворожить милостивымъ обхожденіемъ, но часть поль-

скаго общества все же не была удовлетворена, находя, что новое королевство недостаточно округлено земельными пріобрѣтеніями, и желала видѣть Волынь, Подолію и Литву въ предѣлахъ своихъ владѣній. Представитель литовскихъ губерній (Вильно, Гродно и Минскъ), князь Огинскій, явился съ депутаціей въ Варшаву привѣтствовать Государя, какъ короля польскаго. Пріемъ этой депутаціи былъ благосклоненъ, а въ бесѣдахъ съ княземъ Огинскимъ ему ничего не было сказано положительнаго, не дано опредѣленныхъ обѣщаній, а сдѣлано много намековъ на будущее, на довѣріе, конечно, личное къ нему, Государю, и взываніе къ терпѣнію, чтобы неосторожными шагами не скомпрометировать будущихъ предначертаній. 15 ноября была подписана въ Варшавѣ конституціонная хартія Польскаго королевства, а намѣстникомъ назначенъ заслуженный генералъ польскихъ войскъ при Наполеонѣ—Заіончекъ.

Никто не ожидалъ такого назначенія, а менѣе всѣхъ князь Адамъ Чарторыжскій, съ увѣренностью разсчитывавшій получить желанное званіе намѣстника, въ переводѣ на иностранные языки вице-короля, что такъ пріятно звучало бы и льстило тщеславнымъ замысламъ царскаго друга. Не подлежитъ сомнѣнію, что разочарованіе князя Адама не поддавалось описанію, а наружно приходилось все скрывать и страдать молча и съ достоинствомъ, довольствуясь кресломъ въ польскомъ сенатѣ. Оказалось, что ни поѣздка въ главную квартиру союзныхъ войскъ, ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, ни визиты къ Іереміи Бентаму (Bentham), ни присутствіе въ Вѣнѣ на конгрессѣ не помогли князю Чарторыжскому. Ему пришлось на сей разъ еще болѣе разочароваться въ царственномъ покровителѣ, чѣмъ въ дни Мемеля (1802 г.), Аустерлица (1805 г.) и Тильзита (1807 г.), когда кончилось счастливое время негласнаго комитета и управленія иностранной политикой Россіи. Достовѣрно неизвѣстно, что именно произошло между Императоромъ и княземъ, но, вѣроятно, займы 1811 года, а иногда рѣзкости

въ письмахъ князя Адама, привели къ такому неожиданному результату. Словесныхъ пререканій, очевидно, не было; это не соотвѣтствовало характеру отношеній Государя вообще къ его сотрудникамъ, — а просто назначеніе Чарторыжскаго на постъ намѣстника было признано не подходящимъ.

Императоръ Александръ вернулся въ Петербургъ 2 декабря 1815 года, а въ новый годъ (1816 г.) появился знаменитый благодарственный манифестъ, вызвавшій много толковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, но въ общихъ чертахъ выражавшій то религіозно-государственное настроеніе, приводившее въ смущеніе современниковъ и вызывавшее опасенія за новыя вѣянія, овладѣвшія повелителемъ Россіи.

Здѣсь опять, къ сожалѣнію, мнѣ придется разойтись со взглядами покойнаго Шильдера, развивавшаго на страницахъ IV тома исторіи Александра I мысли о роли Аракчеева и о его вліяніи въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Благословеннаго монарха.

Такъ, уже въ началѣ своего повѣствованія Шильдеръ дѣлаетъ такое заключеніе: „Можно утвердительно сказать, что въ это время Аракчеевъ сдѣлался первымъ или, лучше сказать, единственнымъ министромъ; всѣ прочіе сановники имперіи утратили силу и вліяніе на дѣла государственныя". Такое голословное сужденіе мало обосновано, и въ предыдущихъ строкахъ мы видѣли обратное, а именно вліяніе и другихъ людей, въ лицѣ князя Голицына и Кошелева, и частое проявленіе царской иниціативы. Если бы Шильдеръ ограничился своимъ выводомъ относительно Государственнаго Совѣта, утратившаго въ тѣ года всякое значеніе, и въ засѣданіяхъ котораго имѣлъ первенствующее вліяніе Аракчеевъ, то это было бы правильно. Произошло такое смѣшеніе понятій у историка Александра отчасти потому, что въ цѣлой серіи главъ IV тома Шильдеръ исключительно ссылается на неизданныя записки Михайловскаго-Данилевскаго. Эти записки заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, мало вниманія, такъ какъ Михай-

ловскій часто уклоняется отъ истины и освѣщаетъ всѣ событія черезъ узкую призму придворнаго выскочки, старавшагося выслужиться и заискивавшаго то у князя П. М. Волконскаго, то у А. И. Чернышева, то у графа А. Х. Бенкендорфа. Описанія и заключенія, сдѣланныя имъ, до того предвзяты и односторонни, что его свидѣтельствами прямо-таки неудобно пользоваться, а тѣмъ болѣе основывать выводы на такого рода воспоминаніяхъ *).

Этотъ же 1816 годъ ознаменовался еще назначеніемъ князя П. В. Лопухина предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, взамѣнъ умершаго князя Н. И. Салтыкова, и отправленіемъ на Кавказъ, вмѣсто бездарнаго Н. Ѳ. Ртищева, славнаго воина и вполнѣ русскаго человѣка А. П. Ермолова, въ качествѣ командира отдѣльнаго Грузинскаго корпуса **) и управляющаго одновременно гражданской частью на Кавказѣ. Это назначеніе стало для окраины важно своими послѣдствіями, и нельзя не признать, что лучшій выборъ для такого отвѣтственнаго мѣста трудно было сдѣлать. И здѣсь опять нѣтъ никакого вліянія Аракчеева; напротивъ, былъ

*) Государственный секретарь Василій Романовичъ Марченко въ своей автобіографіи даетъ, между прочимъ, слѣдующую характеристику Михайловскаго-Данилевскаго. „Послѣднее сочиненіе генерала Михайловскаго-Данилевскаго, которому, по Высочайшей волѣ, открыты были всѣ архивы, должно быть вѣрнѣе прочихъ; только я, грѣшный, при полномъ уваженіи къ его достоинствамъ и уму, не полагаюсь на правдивость его, видя, что онъ выставляетъ себя какимъ-то близкимъ дѣйствующимъ лицомъ у фельдмаршала Кутузова и Императора Александра, и болѣе, что онъ черезчуръ уже льститъ нѣкоторымъ вельможамъ...... Мнѣ доподлинно извѣстно, что до 1830 года не былъ онъ фаворитомъ ни князя П. М. Волконскаго, ни графа А. И. Чернышева...... А на счетъ 1812—1815 годовъ скажу, что въ 1812 году вступилъ М.-Д. въ ополченіе и былъ зачисленъ въ канцелярію главнокомандующаго...... Спрашивается, когда же и отчего могъ М.-Д., молодой мальчикъ, близкимъ быть къ Кутузову, у котораго были Коновницынъ, Толь и др....... Весь 1813 годъ М.-Д. былъ въ канцеляріи князя П. М. Волконскаго, которою управлялъ полковникъ Селявинъ; на Вѣнскомъ конгрессѣ и до вторичнаго пріѣзда въ Парижъ, М.-Д. находился при князѣ Волконскомъ по дворцовой части, завѣдывая расходомъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей; да и въ 1816 году былъ не больше, какъ капитанъ. По этимъ должностямъ и чинамъ можно судить о хвастовствѣ Михайловскаго-Данилевскаго“ (Русская Старина, мартъ, 1896 года: „Автобіографическая записка гос. секр. В. Р. Марченко“, В. А. Бильбасова).

**) Переименованнаго въ Кавказскій корпусъ въ 1819 году, по настоянію Ермолова, находившаго наименованіе Грузинскимъ неподходящимъ.

назначенъ человѣкъ, ему ненавистный за свою самостоятельность, какимъ былъ Ермоловъ.

Въ августѣ того же года Александръ предпринялъ путешествіе по Россіи и, начавъ съ Москвы, далѣе посѣтилъ Тулу, Калугу, Рославль, Черниговъ, Кіевъ, Житоміръ и Варшаву, какъ было сказано, „для обозрѣнія губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны, и чтобы ускорить своимъ присутствіемъ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій“. Шильдеръ прибавляетъ такое замѣчаніе: „Государь какъ бы хотѣлъ заглушить овладѣвшее имъ мрачное настроеніе духа безпрестанной перемѣной мѣстъ и впечатлѣній“. Это замѣчаніе было бы вполнѣ умѣстно послѣ исторіи въ Семеновскомъ полку, т.-е. послѣ 1821 года, вплоть до кончины Александра, когда, дѣйствительно, наступилъ полный маразмъ въ характерѣ Государя, но въ 1816 году настроеніе вовсе не было мрачнымъ, а только возвышенно-религіознымъ. Первопрестольная столица оказала самый радушный пріемъ своему Царю, и все населеніе Москвы было пропитано этими чувствами, не исключая тогда еще и дворянства, которому Государь посвятилъ особо прочувствованную рѣчь. Михайловскій-Данилевскій удивляется, что въ годовщину Бородина Александръ не посѣтилъ поля сраженія и не служилъ даже панихиды въ Москвѣ по убіеннымъ, а, вмѣсто того, былъ на балу у графини Орловой-Чесменской 26 августа, что будто бы Государь не любилъ вспоминать Отечественной войны вообще въ разговорахъ, а между тѣмъ ѣздилъ изъ Вѣны на поля Ваграма и изъ Брюсселя въ Ватерло. Относительно бала у графини Орловой, надо сказать, что онъ былъ не 26, а 24 августа; въ день же годовщины Бородина никакого бала въ Москвѣ не было. Что же касается воспоминаній объ Отечественной войнѣ, то въ высказанномъ Михайловскимъ мнѣніи есть нѣкоторая доля правды, такъ какъ другія свидѣтельства подтверждаютъ это мнѣніе. Однако, мы затрудняемся сдѣлать по этому поводу какое-либо заключеніе; возможно, что мысль о крово-

пролитіи и столькихъ жертвахъ войны была непріятна впечатлительному сердцу Александра Павловича. Въ день его тезоименитства, 30 августа 1816 года, послѣдовалъ указъ о М. М. Сперанскомъ и Магницкомъ, вызвавшій величайшее недоумѣніе и смутившій весьма многихъ.

„Передъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ, приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ. Потому, желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваю: тайному совѣтнику Сперанскому быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому воронежскимъ вице-губернаторомъ“.

Какая-то иронія звучала въ соединеніи фамиліи Сперанскаго съ этимъ Магницкимъ, слѣпымъ выполнителемъ всякаго „чего изволите“ и „какъ прикажете“.

Какъ ни прискорбно сознаться для памяти Сперанскаго, но проявленіе первой милости, на пятомъ году опалы, не обошлось безъ содѣйствія Аракчеева: ему Сперанскій не только писалъ, но и посѣтилъ его въ Грузинѣ въ теченіе 1816 года. Объ этомъ можно заключить изъ письма Михаила Михайловича отъ 28 мая 1820 г., находящагося въ числѣ прочихъ бумагъ Аракчеева въ Архивѣ канцеляріи Военнаго министерства (№ 33): „Я иду прямымъ путемъ и не озираюсь въ сторону, исполняю тѣмъ совѣтъ одного добраго пустынника, еще въ 1816 году въ обители его, Грузинѣ, мнѣ данный, и оправдываю его мнѣніе, всегда для меня драгоцѣнное“.

Выѣхавъ изъ Москвы 31 августа и посѣтивъ въ теченіе путешествія вышеозначенные города, Государь остался въ Варшавѣ немного болѣе двухъ недѣль (отъ 18 сентября до 5 октября 1816 г.), чтобы повидаться съ братомъ Константиномъ, обсудить совмѣстно польскія дѣла, осмотрѣть войска. Его Величество все время былъ въ отличномъ расположеніи духа.

Въ 1817 году состоялось бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой, дочерью короля Фридриха-Вильгельма Прусскаго, и закладка въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, храма въ память Отечественной войны.

Изъ Москвы, 1-го марта 1818 года, Государь снова пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ произнесъ знаменательную рѣчь при открытіи перваго Польскаго сейма. Эта рѣчь, какъ видно, долго озабочивала Александра и привлекала все его вниманіе. Шильдеръ увѣряетъ, что только за два дня до произнесенія ея, Императоръ призвалъ къ себѣ графа Каподистріа (Capo d'Istria) *), привлеченнаго съ 1816 года въ качествѣ статсъ-секретаря къ работамъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и помогавшаго гр. Нессельроде въ его занятіяхъ по этому вѣдомству. Оригинально, что опять чужеземецъ, грекъ, былъ призванъ для такихъ сложныхъ занятій, точно такъ же, какъ въ былое время — полякъ, князь Чарторыжскій, при канцлерѣ А. Р. Воронцовѣ, въ началѣ царствованія.

Императрица Елисавета Алексѣевна дала такую характеристику графа Каподистріа: „Ce comte Capo d'Istria est un caractère que je ne puis débrouiller encore, malgré qu'il fait depuis longtemps un objet d'étude pour moi. Quelquefois j'ai cru y voir clair et je me sentais vraiment attirée à lui avec toute la confiance que mériterait une réunion de talents et de belles qualités. Mais tout à coup il se présente en lui des revers qui contredisent ce que vous aviez cru

*) Въ Сборникѣ Имп. Русск. Ист. Общества напечатанъ разсказъ графа Каподистріа: "Aperçu de ma carrière publique depuis 1798 jusqu'à 1822", но приведеннаго ниже Шильдеромъ разговора тамъ не имѣется (См. стр. 227, т. III Сборника).

solidement établi, et vous êtes rejeté à cent lieues en arrière. Beaucoup de finesse fait, je crois, le fond de ce caractère, et le sol sur lequel il marche la favorise encore davantage: c'est d'ailleurs le caractère national grec, et de la finesse à la duplicité il n'y a pas loin. Or, il n'y a pas de barrière plus sûre pour mon caractère que celle de la duplicité; partout où je la vois, je m'arrête et je retourne sur mes pas" *).

Разсказъ, приведенный Шильдеромъ, слѣдующій: Государь, призвавъ къ себѣ Каподистріа, сказалъ ему: „Вотъ моя рѣчь", прочиталъ ее и, передавая графу, добавилъ: „Даю вамъ полное право расположить фразы, согласно грамматикѣ, разставить точки и запятыя, но не допущу другихъ измѣненій". Но Каподистріа, исполнивъ порученіе, написалъ свой проектъ, не имѣвшій никакого успѣха у Государя, который настоялъ оставить свой. Переводъ этой рѣчи на русскій языкъ былъ сдѣланъ княземъ П. А. Вяземскимъ, служившимъ тогда въ Варшавѣ, въ канцеляріи Н. Н. Новосильцова.

Между тѣмъ, изъ переписки съ Кошелевымъ видно, что единственнымъ вдохновителемъ и цензоромъ указанной рѣчи былъ не кто иной, какъ Кошелевъ, что было тайной для современниковъ, а также неизвѣстно и Шильдеру. Рѣчь была написана самимъ Государемъ и прочитана въ засѣданіи сейма государственнымъ секретаремъ на французскомъ языкѣ. Это одно изъ либеральнѣйшихъ произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера Александра Павловича, гдѣ конституціонные принципы были поставлены въ основу всего управленія Польскимъ королевствомъ. Очевидно, и здѣсь не было и тѣни вліянія Аракчеева или Шишкова, а скорѣе воспоминаніе Лагарповскихъ проповѣдей, отлично усвоенныхъ его воспріимчивымъ ученикомъ.

Конечно, рѣчь привела въ восторгъ поляковъ, но была осуждена въ Россіи и подверглась критикѣ цесаревича Константина, хотя и засѣдавшаго въ польскомъ сеймѣ, въ качествѣ депутата

*) Великій Князь Николай Михаиловичъ, „Императрица Елисавета Алексѣевна", т. II, 645.

отъ предмѣстья Варшавы, Праги, но никогда не сочувствовавшаго вообще либеральнымъ началамъ. Изъ письма же Императора Александра къ Кошелеву видно, что Государь остался очень доволенъ и рѣчью, и сдѣланнымъ на поляковъ впечатлѣніемъ, объяснивъ все это особенною милостью Божьяго Промысла. Но довольство не раздѣлялось большинствомъ русскихъ, а особенно, въ средѣ военныхъ, гдѣ пребываніе Государя въ Варшавѣ и милостивое вниманіе, оказанное полякамъ, вызывали критику и опасеніе за будущее. Князь И. Ѳ. Паскевичъ повѣствуетъ въ своихъ запискахъ, что какъ-то разъ во время этого пребыванія въ Варшавѣ, въ присутствіи Милорадовича, гр. Остерманъ-Толстой на вопросъ его, Паскевича: „Что изъ этого будетъ", отвѣтилъ: „А вотъ что будетъ, что ты черезъ десять лѣтъ будешь ихъ штурмомъ брать". Графъ Остерманъ ошибся лишь на три года въ предсказаніи *). А. А. Закревскій сообщалъ П. Д. Киселеву: „Рѣчь Государя, на сеймѣ говоренная, прекрасная, но послѣдствія для Россіи могутъ быть ужаснѣйшія, что ты изъ смысла оной легко усмотришь" **). Графъ Ростопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову: „...Le discours de l'Empereur à Varsovie, ses préférences marquées aux polonais et l'insolence de ceux-là ont monté les têtes; des jeunes gens lui demandent une constitution. Tout cela finira par le renvoi d'une douzaine des plus bavards; car on sait crier, mais pas se révolter, et il n'y a que les langues qui s'insurgent. On regarde comme une constitution la liberté des paysans, qui est contre le vœu de la noblesse, mais on ne voudra pas restreindre son pouvoir et se mettre sous l'empire de la justice et de la raison" ***).

Также разсуждали и думали не только Ростопчинъ, Закревскій и Остерманъ, но и Ермоловъ, и Киселевъ, и всѣ лучшіе русскіе люди того времени.

*) Князь Щербатовъ, „Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ", С.-Пб., 1888—1894 гг.

**) Сборникъ И. Р. И. О., т. LXXVIII, стр. 192. Шильдеръ, т. IV, стр. 95.

***) Архивъ князя Воронцова, книга VIII, стр. 363.

Конечно, послѣ Варшавскаго пребыванія Александръ Павловичъ не замедлилъ, 18 апрѣля 1818 г., посѣтить въ Пулавахъ семью князя Чарторыжскаго. Это новое вниманіе Государя къ князю Адаму едва ли загладило скрытую досаду, что другимъ лицамъ, а не ему, было суждено играть выдающуюся роль въ новомъ королевствѣ, но самолюбіе тщеславнаго пана все же получило удовлетвореніе. Затѣмъ Государь направился въ длинное путешествіе по югу Россіи; начавъ съ Бессарабіи, онъ чрезъ Тирасполь пріѣхалъ въ Одессу. По дорогѣ къ нему присоединился гр. Аракчеевъ, вернувшійся съ осмотра военныхъ поселеній. Въ Одессѣ произошло увольненіе Беннигсена отъ должности главнокомандующаго второй арміей и замѣна его фельдмаршаломъ кн. Витгенштейномъ. Управленіе Новороссійскимъ краемъ находилось въ рукахъ графа Ланжерона, преемника герцога Ришельё *), который проявлялъ не меньше рвенія, чѣмъ его предшественникъ, но не обладалъ его дарованіями. Тѣмъ не менѣе оба француза сдѣлали много для города Одессы, оставили по себѣ добрую память и очень облегчили задачу будущему благодѣтелю этого края, графу М. С. Воронцову, находившемуся тогда еще во Франціи съ оккупаціонными корпусами **).

Покинувъ Одессу, Государь послѣдовательно посѣтилъ Вознесенскъ, Николаевъ, Херсонъ, Перекопъ, Симферополь, Керчь, весь южный берегъ Крыма, Байдарскую долину и Севастополь, гдѣ осмотрѣлъ сперва военныя поселенія графа Витта, потомъ флотъ, дивился прелестямъ Крымскаго побережья, посѣщая живописные монастыри, и, наконецъ, въ Севастополѣ осматривалъ строящіяся укрѣпленія и сдѣлалъ смотръ Черноморскому флоту. Послѣ десятидневнаго путешествія по Крыму, путь былъ взятъ изъ Перекопа

*) Изъ Одессы Императоръ Александръ съ фельдъегеремъ послалъ въ Парижъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго герцогу Ришельё въ благодарность за время его правленія.

**) Приблизительно въ это время скончался фельдмаршалъ Барклай, а командованіе 1-й арміей перешло къ генералу Ф. В. Сакенъ.

на Новочеркасскъ, Таганрогъ, Ростовъ, Нахичевань и затѣмъ чрезъ Воронежъ, Липецкъ и Рязань; 1 іюня Его Величество вернулся въ Москву, оставшись отмѣнно доволенъ всѣмъ видѣннымъ. Здѣсь произошла встрѣча короля прусскаго 3 іюня, затѣмъ съ гостями дворъ переѣхалъ въ Царское Село и Петергофъ, гдѣ были устроены всякія увеселенія до отъѣзда короля въ Берлинъ (5 іюля), а 27 августа Государь выѣхалъ за границу, чтобы слѣдовать на конгрессъ въ Аахенъ. Въ Берлинѣ, конечно, была остановка для свиданія съ прусской королевской семьей, и здѣсь Государь имѣлъ продолжительныя бесѣды на религіозныя темы съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ; бесѣды эти сдѣлали обоюдно большое впечатлѣніе на собесѣдниковъ. Эйлертъ услыхалъ впервые изъ устъ Русскаго Государя развитіе идеи Священнаго союза и откровеніе по поводу той нравственной метаморфозы, которая произошла въ чувствахъ Александра. Нѣмецкій епископъ былъ глубоко пораженъ и удовлетворенъ разговорами съ Русскимъ Царемъ, что отразилось въ его показаніяхъ впослѣдствіи, гдѣ онъ выразился, говоря про Государя, что „er sprach mit orientalischer Begeisterung“.

Очевидно, епископъ поспѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, который посовѣтовалъ ему немедленно все слышанное записать для назиданія потомства, что Эйлертъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ обаятельная личность Русскаго Императора не только интересовала, но и пугала извѣстную часть австро-нѣмецкаго общественнаго мнѣнія. Нѣкоторые германскіе мыслители и военные волновались при мысли, что, избавившись отъ ига Наполеона, легко попасть въ сѣти побѣдоносной Россіи и ея повелителя, съ его либеральными заигрываніями съ сынами революціи, для привлеченія ихъ на дѣло общаго христіанскаго блага. Особенно въ Австріи, князь Меттернихъ подозрительно относился къ политическимъ ходамъ Александра на почвѣ Священнаго союза, желавшаго привлечь и мелкія государства къ

этому союзу, что вовсе не входило въ планы австрійскаго кабинета. Выразителемъ мыслей Меттерниха служитъ извѣстный политическій пройдоха Генцъ (Gentz), записавшій много интереснаго изъ эпизодовъ той эпохи. Генцъ весьма мѣтко подмѣчалъ политику Императора Александра, но не могъ отдѣлаться въ сужденіяхъ отъ вліянія своего покровителя—Меттерниха.

Вотъ что писалъ Генцъ въ тѣ дни о нашемъ Государѣ:

„Русскій Императоръ есть единственный государь, который въ состояніи осуществить самыя обширныя предпріятія. Онъ въ челѣ единственной въ Европѣ арміи, которою можно располагать. Ничто не устоитъ передъ ударомъ этой арміи. Никакія препятствія, останавливающія другихъ государей, для него не существуютъ, какъ, напримѣръ, конституціонныя формы, общественное мнѣніе и прочее. Задуманное нынче онъ можетъ осуществить завтра.

„Говорятъ, что онъ непроницаемъ, и, однако, всѣ позволяютъ себѣ судить объ его намѣреніяхъ. Онъ чрезвычайно дорожитъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ, быть-можетъ болѣе, чѣмъ собственно такъ называемой славой. Названія умиротворителя, покровителя слабыхъ, возстановителя своей имперіи имѣютъ для него болѣе прелести, чѣмъ названіе завоевателя. Религіозное чувство, въ которомъ нѣтъ никакого притворства, съ нѣкотораго времени сильно владѣетъ его душой и подчиняетъ себѣ всѣ другія чувства. Государь, въ которомъ добро и зло перемѣшаны такимъ удивительнымъ образомъ, долженъ необходимо подавать поводъ къ большимъ подозрѣніямъ, и безразсудно было бы утверждать, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Но когда я его вижу въ отношеніяхъ данныхъ и положительныхъ, то, мнѣ кажется, не будетъ безразсуднымъ предположить, что онъ сдѣлаетъ и чего онъ не сдѣлаетъ.

„Онъ смотритъ на себя, какъ на основателя Европейской федераціи, и хотѣлъ бы, чтобы на него смотрѣли, какъ на ея вождя. Въ продолженіе двухъ лѣтъ (1816—1818) онъ не написалъ

ни одного мемуара, ни одной дипломатической бумаги, гдѣ бы эта система не была представлена славою вѣка и спасеніемъ міра. Возможно ли, чтобы послѣ того передъ общественнымъ мнѣніемъ, которое онъ уважаетъ и котораго боится, передъ религіей, которую онъ чтитъ, онъ бросился въ предпріятія несправедливыя для разрушенія дѣла, отъ котораго онъ ждетъ для себя безсмертія? Если многіе думаютъ, что все это съ его стороны комедія, то я попрошу доказательствъ...“

Нельзя отказать Генцу въ большой дозѣ наблюдательности, многое схвачено вѣрно и мѣтко.

16 сентября 1818 года Императоръ Александръ прибылъ въ Аахенъ, гдѣ уже находились его союзники, императоръ Францъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ. Тутъ обнаружились съ самаго начала различные принципы, выраженные державами. Россія настаивала на идеѣ общаго, великаго союза, основаннаго на братствѣ народовъ и на христіанствѣ, къ которому должны бы были примкнуть всѣ государства Европы; Австрія и Англія желали сохраненія лишь союза четырехъ первоначальныхъ державъ, то-есть ихъ самихъ, Россіи и Пруссіи.

С. М. Соловьевъ, описывая Аахенскій конгрессъ, говоритъ: „Обнаружилась тѣсная связь между кабинетами Лондонскимъ и Вѣнскимъ; главною причиною этой связи были ревность, страхъ, возбужденные колоссальнымъ величіемъ Россіи, вмѣшательствомъ ея кабинета во всѣ европейскія отношенія. Было замѣчено съ русской стороны, что Англія и Австрія стремились, во-первыхъ, чтобъ держать Францію въ продолжительномъ несовершеннолѣтіи; во-вторыхъ, слѣдовать той же политикѣ и относительно Испаніи; въ-третьихъ, держать Нидерланды и Португалію въ зависимости отъ Англіи; въ-четвертыхъ, государства Италъянскія держать въ такой же зависимости отъ Австріи; въ-пятыхъ, вооружить германскую конфедерацію для удержанія Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ; въ-шестыхъ, установить прямыя сношенія между Гер-

маніею и Оттоманскою Портою, съ цѣлью дѣйствовать на Россію, не нарушая, повидимому, четверного союза; въ-седьмыхъ, вмѣшиваться въ отношенія сѣверныхъ государствъ; въ-восьмыхъ, вмѣшиваться также въ отношенія Россіи къ Персіи и Турціи“ *).

Но опасенія князя Меттерниха и Касльри не оправдались. Какъ они оба ни старались подмѣтить въ Александрѣ коварные замыслы, имъ не удалось на этотъ разъ уличить Русскаго Государя въ коварствѣ. Тѣмъ не менѣе князь Меттернихъ, успокоившись насчетъ замысловъ самого Государя, продолжалъ безпокоиться, потому что у него твердо засѣло въ головѣ, и сложился вполнѣ опредѣленный взглядъ, что Россія и завоевательная политика понятія нераздѣльныя. Тогда вся подозрительность австрійскаго канцлера сосредоточилась на строгомъ наблюденіи за дѣйствіями русскихъ агентовъ, которыми кишѣла въ тѣ года и Австрія, и Германія. Собственно говоря, торжествовалъ только въ полной мѣрѣ наблюдательный Генцъ, записавшій слѣдующее: „Всѣ безпокойства исчезли.... Императоръ Александръ изложилъ свои чувства и свои политическіе виды съ удивительною искренностью, ясностью и точностью. Узнали, что онъ не имѣлъ никогда ни малѣйшаго расположенія сближаться съ Франціею насчетъ своихъ тѣсныхъ сношеній съ союзниками, что онъ считаетъ преступленіемъ, измѣною противъ Европы одну мысль о разрушеніи четверного союза; что онъ желаетъ сохраненія мира, договоровъ, поддержанія системы, которой три года слѣдуютъ великія державы. Эти рѣчи, подкрѣпляемыя выраженіями самаго благороднаго энтузіазма къ общему благу, нравственности, религіи, чести, ко всему, что есть самаго возвышеннаго въ дѣлахъ человѣческихъ, произвели впечатлѣніе самое быстрое и могущественное. Исчезли боязнь и недоумѣніе. Поздравляли себя съ тѣмъ, что не отказались отъ конгресса, который приносилъ величайшую пользу

*) Императоръ Александръ I, политика-дипломатія. Петербургъ, 1877 г.

Европѣ уже тѣмъ однимъ, что повелъ къ этимъ объясненіямъ. Императоръ Александръ остался вѣренъ своимъ заявленіямъ. Его поведеніе во все время конференціи отличалось мудростью, добросовѣстностью, умѣренностью. Исторія Аахенскаго конгресса сосредоточивается около его Августѣйшей Особы; онъ былъ его двигателемъ, направителемъ, героемъ".

Одной изъ задачъ Аахенскаго конгресса было также разрѣшеніе вопроса относительно участія Франціи въ дѣлахъ Священнаго союза. Согласно настояніямъ Русскаго Императора, Франція, наконецъ, освобождалась отъ опеки четырехъ державъ, и иностранныя войска получили приказаніе очистить ея территорію. Но и здѣсь Англія и Австрія дѣлали всевозможныя затрудненія, не желая, чтобы Франція присоединилась къ прочимъ союзнымъ государствамъ для рѣшенія европейскихъ дѣлъ. Относительно будущихъ конгрессовъ, мысль о періодическихъ ихъ созывахъ была оставлена, а рѣшено собираться по мѣрѣ надобности и согласно обстоятельствамъ. По окончаніи конгресса, Александръ Павловичъ поѣхалъ во Францію, чтобы сдѣлать смотръ русскимъ войскамъ въ Валансьеннѣ и Мобёжѣ и навѣстить короля Людовика XVIII. Пребываніе Государя въ Парижѣ на этотъ разъ было самое кратковременное, и оттуда Его Величество вернулся опять въ Аахенъ; когда дѣла на конгрессѣ приближались къ концу, Государь посѣтилъ сестру Анну Павловну въ Брюсселѣ, супругу свою въ Карлсруэ и матушку въ Штутгартѣ, оттуда поѣздка продолжилась въ Веймаръ къ сестрѣ Маріи и чрезъ Богемію въ Вѣну, гдѣ пребываніе ограничилось всего десятью днями.

Изъ Вѣны послѣдовало возвращеніе въ Россію, черезъ Ольмюцъ, Тешенъ, Ланхутъ, Сеняву, гдѣ была остановка въ лонѣ семьи князя Чарторыжскаго и изліяніе обычныхъ формъ вѣжливости къ родителямъ князя Адама. Потомъ путь Высочайшаго слѣдованія шелъ на крѣпость Замостье, Брестъ-Литовскъ и Минскъ. Въ предѣлахъ Польскаго королевства Государя сопровождалъ

цесаревичъ Константинъ, а 22 декабря Его Величество вернулся въ Царское. Почти одновременно возвратилась изъ-за границы Императрица-мать. Вскорѣ пришло извѣстіе о внезапной кончинѣ жизнерадостной великой княгини Екатерины Павловны, скончавшейся отъ послѣдствій простуды послѣ рожистаго воспаленія 28 декабря 1818 года.

Эта потеря глубоко потрясла державнаго брата усопшей, съ которой онъ былъ особенно друженъ и относился къ ней болѣе любовно, чѣмъ къ прочимъ сестрамъ. Лѣтомъ 1819 года совершилась новая поѣздка по Россіи. На этотъ разъ Государь посѣтилъ сѣверную часть имперіи, съ совсѣмъ ограниченной свитой, такъ какъ, кромѣ князя П. М. Волконскаго, его сопровождали только врачъ Вилліе и фельдъегерь Соломка. Александръ Павловичъ иногда тяготился всякимъ лишнимъ лицомъ во время путешествій; онъ стремился уединяться, если былъ озабоченъ или чѣмъ-либо разстроенъ, часто предпочиталъ быть съ такими людьми, при которыхъ онъ могъ вовсе не стѣсняться. Въ данномъ случаѣ такъ и было, потому что онъ грустилъ по скончавшейся Екатеринѣ Павловнѣ и намѣренно искалъ другихъ впечатлѣній и уединенія. Потому странно, что Шильдеръ старается подчеркнуть исключеніе изъ поѣздки флигель-адъютанта Михайловскаго-Данилевскаго. „На этотъ разъ", говоритъ историкъ Александра, „Михайловскій-Данилевскій не участвовалъ въ путешествіи; завистникамъ и недоброжелателямъ его удалось, наконецъ, съ успѣхомъ оклеветать и отстранить многолѣтняго спутника Государя отъ непосредственной близости къ монарху".

Такое освѣщеніе только даетъ поводъ къ историческимъ неточностямъ и недоразумѣніямъ. Смѣемъ завѣрить, что никогда Михайловскій-Данилевскій не былъ ни довѣреннымъ лицомъ, ни особенно отличаемымъ флигель-адъютантомъ; едва ли онъ могъ имѣть даже завистниковъ, потому что нечему было и завидовать, а Государь относился къ нему привѣтливо, какъ къ прочимъ лицамъ

свиты, но вполнѣ безразлично. Вся дальнѣйшая тирада Шильдера на трехъ страницахъ заимствована цѣликомъ изъ записокъ Михайловскаго и доказываетъ лишь малоправдоподобную болтовню ихъ автора. Если бы все это относилось до Аракчеева, котораго тоже не удостоили взять въ путешествіе, то это было бы еще понятно, но зачѣмъ было распространяться о мнимой опалѣ такой третьестепенной личности, какъ Михайловскій, мы недоумѣваемъ.

Предпринятый путь шелъ чрезъ рѣдко посѣщаемыя мѣстности, чрезъ Лодейное Поле, Вытегру и Каргополь на Архангельскъ *). Поражаетъ скорость ѣзды для тѣхъ временъ: Государь, выѣхавъ изъ Царскаго Села 23 іюля, 28-го былъ уже въ Архангельскѣ; затѣмъ Его Величество посѣтилъ Петрозаводскъ, Олонецъ и переѣхалъ въ Финляндію, осмотрѣвъ такія малолюдныя мѣста, какъ Сердоболь, Куопіо, Каяны, Улеаборгъ и даже Торнео. Настроеніе Государя было все время самое благодушное и привѣтливое, очаровавшее одинаково какъ жителей сѣверныхъ окраинъ, такъ и обитателей Финляндіи. Несмотря на отсутствіе юркаго Михайловскаго-Данилевскаго, путешествіе это было описано и издано капитаномъ главнаго штаба финляндскихъ войскъ Грипенбергомъ и составляетъ теперь библіографическую рѣдкость **).

Насколько странствованіе въ Архангельскъ и Олонецкую губернію совершено было быстро, настолько осмотръ Финляндіи продолжался сравнительно долго; Александръ Павловичъ вкушалъ

*) Посѣщеніе Архангельска ознаменовалось различными милостями; между прочимъ, крестьянамъ уѣздовъ Архангельскаго, Кемскаго и Кольскаго прощено 67/т. рублей разнаго рода недоимокъ. На населеніе посѣщеніе Государя произвело тѣмъ бо́льшее впечатлѣніе, что болѣе ста лѣтъ, со времени Петра Великаго (1694 г.), русскіе государи не бывали въ этой мѣстности.

**) „Описаніе путешествія Императора Александра I изъ станціи Нисселэ въ городъ Каяну во время послѣдняго вояжа Его Величества въ Великое Княжество Финляндское лѣтомъ 1819 года", изданное Севастьяномъ Гриппенбергомъ. С.-Петербургъ, 1828 г.

О пребываніи Государя въ сѣверномъ краѣ существуетъ брошюра: „О Высочайшихъ посѣщеніяхъ Олонецкой губерніи Августѣйшими особами въ XIX столѣтіи. Петрозаводскъ, 1877. Есть также литографія: Государь Императоръ Александръ I на Валаамѣ въ августѣ 1819 г. Царское Село, 1858 г.

всѣ прелести суроваго ландшафта этого края и наслаждался тишиной и величіемъ финляндской природы. Возвратившись въ Петербургъ всего на нѣсколько дней, 6 сентября Государь отбылъ въ новгородскія военныя поселенія, а оттуда въ Варшаву, гдѣ его присутствіе потребовалось вслѣдствіе крупныхъ недоразумѣній между Новосильцовымъ и княземъ Чарторыжскимъ, а также неудовольствій противъ управленія цесаревича Константина. Вообще, дѣла въ новосозданномъ Польскомъ королевствѣ шли далеко не успѣшно, и новые порядки мало удовлетворяли поляковъ, а со стороны русскихъ, самыхъ различныхъ направленій, слышалось одно порицаніе чрезмѣрному довѣрію Государя, оказанному полякамъ. Несмотря на всеобщую критику, на увѣщанія Н. М. Карамзина, представившаго отдѣльную записку: „Мнѣніе русскаго гражданина“ о дѣлахъ польскихъ, Александръ продолжалъ слѣдовать по намѣченному имъ пути. Кромѣ того, въ Варшавѣ засѣдала особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Новосильцова, образованная послѣ сейма 1818 года, которой была поручена разработка проекта конституціи для русскаго государства. Новосильцовъ призвалъ къ этому дѣлу иностраннаго юриста, француза Дешанъ (Deschamps), оказавшагося не на высотѣ порученнаго ему сотрудничества. Переложеніе на русскій языкъ дано было князю П. А. Вяземскому, а самый проектъ удостоился громкаго наименованія „Государственной уставной грамоты Россійской Имперіи“. Князь Вяземскій, имѣвшій случай лично докладывать о ходѣ работъ Государю, свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Александръ Павловичъ показывалъ большой интересъ къ этому дѣлу, что „Государь надѣется привести непремѣнно это дѣло къ желанному окончанію, что на эту пору одинъ недостатокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго государственнаго оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе мысли, для него *священной;* что онъ знаетъ, сколько преобразованіе сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчій въ людяхъ“,

и т. д. *). Свидѣтельство князя П. А. Вяземскаго, конечно, важно, но едва ли Государь имѣлъ серьезное намѣреніе довести свою мысль до конца, если вспомнить работы на ту же тему комиссій Розенкампфа, потомъ Сперанскаго и снова того же Розенкампфа, которыя, дѣйствительно, собирались и засѣдали, но не имѣли ни малѣйшаго практическаго результата и, собственно говоря, мало интересовали Государя при его тогдашнемъ расположеніи духа.

Извѣстно, насколько въ разговорахъ Императоръ Александръ умѣлъ обворожить собесѣдника: такъ было и съ княземъ П. А. Вяземскимъ, и съ исторіографомъ Карамзинымъ, и со всѣми тѣми, которые получали Высочайшія аудіенціи. Но, повторяемъ, разговоры одно, а проведеніе ихъ въ жизнь—другое, а въ тѣ дни только два вопроса возбуждали интересъ не наружный, а положительный въ мысляхъ Государя: бесѣды на религіозныя темы и военныя поселенія, къ которымъ мы вернемся скоро. Конечно, современники становились втупикъ отъ самыхъ неожиданныхъ мѣропріятій и рѣшеній, а потому и получалась не только путаница въ настроеніи общественнаго мнѣнія, но и полная распатанность въ дѣйствіяхъ правительственныхъ органовъ. Не мудрено, что срывались такія бесѣды, какъ, напримѣръ, съ Карамзинымъ, гдѣ, потерявъ терпѣніе, исторіографъ могъ говорить Государю: „Sire, vous avez beaucoup d'amour-propre... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je vous dis, je l'aurais dit à votre père... (Сомнѣваемся въ этомъ.) Sire, je méprise les libéralistes du jour; je n'aime que la liberté, qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne demande plus votre bienveillance. Je vous parle peut-être pour la dernière fois" (29 дек. 1819 г.) **). И что же? Александръ выслушивалъ и такія тирады одинаково терпѣливо, благодушно улыбаясь, и, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Карамзинъ, „онъ не требовалъ

*) См. Шильдеръ, Александръ I, т. IV, стр. 151 и 152.

**) См. Русскій Архивъ, № 8, 1911 г. Н. М. Карамзинъ (по поводу памятника ему въ селѣ Остафьевѣ).

моихъ совѣтовъ, однакоже слушалъ ихъ, хотя имъ большею частью и не слѣдовалъ"... Въ данномъ случаѣ Карамзинъ считалъ своимъ долгомъ говорить правду въ глаза царю, какъ русскій человѣкъ, и дѣлалъ это безстрашно. Однако, и онъ не зналъ характера вѣнценосца, потому что тогда врядъ ли онъ терялъ бы время на подобныя откровенія, ничего не дававшія для пользы дѣла.

Непослѣдовательность Александра касалась не только однихъ дѣлъ благоустройства Россіи, но и выражалась въ назначеніяхъ, изъ которыхъ одни были удачны, но поражали неожиданностью, а другія ничѣмъ не могли быть объяснены. Къ первому роду мы отнесли уже отправленіе Ермолова на Кавказъ въ 1816 году, а теперь посылка М. М. Сперанскаго генералъ-губернаторомъ въ Сибирь (вмѣсто зловреднаго И. Б. Пестеля), при весьма лестномъ письмѣ, вполнѣ обѣлившемъ павшаго любимца; ко второму назначенія генерала Меллера-Закомельскаго, а потомъ А. И. Татищева военными министрами, не обладавшихъ никакими особенными качествами по опытности или дарованіямъ. Вмѣсто умершаго Козодавлева (1819 г.), министромъ внутреннихъ дѣлъ снова былъ назначенъ графъ В. П. Кочубей, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ новаторовъ начала царствованія, но почти уже отказавшійся отъ либеральныхъ увлеченій и сумѣвшій ладить даже съ Аракчеевымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ переписка. Министерство полиціи съ кончиной С. К. Вязьмитинова (преемника Балашова) было упразднено, а полицейскія дѣла перешли въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго отпалъ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, присоединенный къ министерству финансовъ.

Въ то же время посѣтили Россію англійскіе квэкеры Алленъ и Грилле, представленные еще въ 1815 году Государю въ Лондонѣ, а теперь имъ любезно принятые въ русской столицѣ; они были также приняты митрополитомъ Михаиломъ, епископомъ Филаретомъ и княземъ А. Н. Голицынымъ. Квэкеры были тронуты и остались весьма довольны посѣщеніемъ Россіи.

Одновременно произошли крупные безпорядки въ военныхъ поселеніяхъ, въ Чугуевѣ, которые были быстро прекращены желѣзнымъ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ и его исполнительными помощниками.

1818 и 1819 годы, такимъ образомъ, ознаменовались цѣлой серіей самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ событій. Чего только не произошло за эти два года: посѣщеніе Варшавы и знаменательная рѣчь Государя при открытіи сейма, Аахенскій конгрессъ, возвращеніе русскаго оккупаціоннаго корпуса изъ предѣловъ Франціи, поѣздки Его Величества по Польшѣ, на югъ Россіи и въ Крымъ, пребываніе въ Москвѣ и Варшавѣ, путешествія по сѣвернымъ окраинамъ и Финляндіи, наконецъ, всякія новыя назначенія и образованіе комиссіи съ самыми обширными затѣями. Эта горячка по всѣмъ отраслямъ внутренней и внѣшней политики поражаетъ и невольно наводитъ на грустныя мысли. Душевное безпокойство Русскаго Государя передавалось и подданнымъ, и даже чужеземцамъ. Повидимому, Александръ Павловичъ поставилъ въ основу всѣхъ мѣропріятій то религіозное откровеніе, которое, по его понятіямъ, освѣтило его умъ и сердце, не только какъ человѣка, но и какъ правителя. Согласно такому убѣжденію, проводились идеи внѣшней политики: возстановленіе царства Польскаго на самыхъ либеральныхъ началахъ; покровительство мистицизму, сектантству, квэкерамъ.... Но какъ сопоставить съ вышеприведенными вожделѣніями какой-то нервный интересъ къ военнымъ поселеніямъ, интересъ, затемнявшій все остальное по дѣламъ внутренняго управленія и не ослабѣвавшій до самой кончины Государя? Какъ это ни странно, но мы склонны видѣть связь между идеей устройства военныхъ поселеній и религіознымъ настроеніемъ Благословеннаго монарха. Вѣдь основой введенія такого рода поселеній было желаніе облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надѣлить ихъ земельной собственностью, другими словами, самая мысль была высоко гуманная,

пропитанная великодушными стремленіями. Чтеніе Библіи и свящ. писанія, столь усердное и постоянное послѣ годины Отечественной войны, вошло въ плоть и кровь и стало любимымъ препровожденіемъ времени въ свободныя минуты Императора Александра *). Поэтому кажущаяся неправдоподобность нашего предположенія является въ дѣйствительности логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ думъ, которыя невольно должны были приходить на умъ Государю и волновать его душу. Разъ Александръ рѣшилъ произвести на дѣлѣ опытъ военныхъ поселеній, то и дальнѣйшее его упорство въ осуществленіи этой мѣры вовсе не надо объяснять однимъ упрямствомъ, но послѣдствіемъ строго обдуманнаго плана. Возможно также, какъ говоритъ Шильдеръ, что статья генерала Сервана (Servan): „Sur les forces frontières des états“ могла породить первоначальную мысль о военныхъ поселеніяхъ. Но это одна догадка почтеннаго историка, основанная на томъ, что на поляхъ этой брошюры Его Величество „начерталъ свои мысли о поселеніи нашей арміи“. Вполнѣ правдоподобно, что брошюра Сервана усугубила намѣреніе Государя, но едва ли она была источникомъ самаго преобразованія. Шильдеръ, съ грустью въ сердцѣ, долженъ согласиться, что самая мысль неотъемлемо принадлежала Александру Павловичу, а не Аракчееву, но для утѣшенія самого себя исторіографъ говоритъ, что „документальныхъ доказательствъ о несочувствіи Аракчеева“ не удалось найти. Между тѣмъ они имѣются въ воспоминаніяхъ современниковъ и сотрудниковъ графа Алексѣя Андреевича. Покойный Дубровинъ, знатокъ этой эпохи, писалъ: „Всѣмъ было извѣстно, что многія лица, стоявшія во главѣ администраціи, въ томъ числѣ и графъ Аракчеевъ, были противъ устройства военныхъ поселеній; что Аракчеевъ предлагалъ сократить

*) Еще въ 1815 году князь Меттернихъ въ письмѣ къ императору Францу сдѣлалъ такую характеристику Александра Павловича „Il est incapable de persevérer dans le même ordre d'idées.... Depuis 1815, Alexandre a quitté le jacobinisme pour se jeter dans le mysticisme.... Aujourd'hui, les Droits de l'Homme ont fait place aux lectures de la Bible....“

срокъ службы нижнимъ чинамъ, назначивъ его, вмѣсто 25-лѣтняго, восьмилѣтнимъ, и тѣмъ усилить контингентъ арміи" *).

Совершенно вѣрно замѣчаетъ А. А. Кизеветтеръ: „И вопреки распространенному мнѣнію о томъ, что Александръ по слабости характера уступилъ вліянію Аракчеева, отказываясь отъ собственныхъ плановъ, на самомъ дѣлѣ Аракчеевъ съ его военными поселеніями самъ входилъ цѣликомъ въ эти планы царственнаго мечтателя, умѣвшаго, какъ никто, связывать въ своихъ фантазіяхъ самые противоположные элементы. Извѣстно, что мысль о военныхъ поселеніяхъ принадлежала лично Александру, и Аракчеевъ, не одобрявшій этой мысли и возражавшій противъ нея, сталъ во главѣ военныхъ поселеній только изъ угожденія волѣ Государя" **).

Далѣе Шильдеръ картинно рисуетъ создавшееся положеніе: „Тщетно", говоритъ онъ, „насильно облагодѣтельствованные крестьяне сочиняли впослѣдствіи просьбы Царю „о защитѣ хрещеннаго народа отъ Аракчеева", тщетно нѣкоторыя приближенныя лица осмѣливались возражать противъ учрежденія поселеній, Александръ оставался неумолимъ и сказалъ, что „они будутъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова". Въ другомъ случаѣ Александръ сказалъ: J'ai déjà maté des choses bien plus difficiles, et je veux être obéi dans celle-ci". Вышеприведенныя слова Государя мало правдоподобны, особенно первая цитата, неизвѣстно откуда взятая историкомъ. Относительно второй въ примѣчаніи сказано: „Dresdener Staatsarchiv: депеша изъ Петербурга отъ 30 октября 1817 года". Опять приходится отмѣтить, что такого рода анонимныя свидѣтельства только затемняютъ суть дѣла; вѣдь Александру не были присущи рѣзкости, особенно въ словахъ, и едва ли онъ могъ кого-либо увѣрять, что „онъ трупами уложитъ дорогу", выра-

*) См. Русская Старина, апрѣль, 1904, стр. 15.

**) Русская Мысль, 1910 г., статья А. Кизеветтера: „Аракчеевъ".

женіе, столь мало соотвѣтственное его характеру, а что касается иностраннаго корреспондента, то, вѣроятно, онъ сообщилъ въ Дрезденъ слышанную имъ сплетню.

Между тѣмъ военныя поселенія вводились исподволь, годами и весьма осторожно, хотя Государь и придерживался строго обдуманной системы. Первый опытъ былъ сдѣланъ еще въ формѣ указа отъ 5 августа 1815 года къ новгородскому губернатору съ повелѣніемъ расположить второй батальонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка на рѣкѣ Волховѣ, въ Высоцкой волости Новгородскаго уѣзда. Для этой цѣли солдатами были вырублены обширные лѣса, сами они размѣщены по деревнямъ крестьянъ, обращенныхъ въ военныхъ поселянъ, и приступлено къ постройкѣ прочныхъ домовъ для житья, извѣстнаго типа, сохранившихся и донынѣ тамъ, гдѣ были военныя поселенія. Графу Аракчееву было поручено неотступно наблюдать за новымъ дѣломъ и за постройками, что графъ и исполнялъ добросовѣстно и аккуратно, донося Государю о всѣхъ мелочахъ предпринятыхъ работъ. Этотъ первый опытъ со вторымъ батальономъ Елецкаго графа Аракчеева полка послужилъ основнымъ типомъ для всѣхъ послѣдующихъ поселеній, открытыхъ въ теченіе 1816 и 1817 годовъ, а также и позднѣе. Когда такихъ военныхъ поселеній накопилось уже значительное число, Императоръ сформировалъ изъ нихъ отдѣльный корпусъ, который былъ подчиненъ тому же Аракчееву *). Изъ писемъ Алексѣя Андреевича къ Государю за девятилѣтній (1816—1825) періодъ читатель можетъ убѣдиться, что главной темой переписки были военныя поселенія. Аракчеевъ доносилъ положительно о всемъ, о всякихъ мелочахъ и подчеркивалъ свое усердіе въ этомъ дѣлѣ только въ виду интереса, проявленнаго Государемъ, и чтобы доставлять ему, елико возможно, удовольствіе

*) Въ концѣ царствованія корпусъ состоялъ изъ 90 батальоновъ новгородскаго поселенія и 36 батальоновъ слободско-украинскаго (харьковскаго), екатеринославскаго и херсонскаго поселеній съ 249 эскадронами кавалеріи.

въ любимомъ, созданномъ имъ дѣтищѣ. Постоянно встрѣчаются такія выраженія: „Я, кажется, не напрасно жилъ здѣсь, успѣлъ сдѣлать въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ хорошее начало, послѣ чего, кажется, вездѣ пойдетъ легко и успѣшно"; „утѣшаюсь въ упованіи томъ, что Вашему Величеству будетъ пріятно"; „можетъ-быть, сіи бездѣлки развлекутъ вашу работу"; „люди прекрасные, здоровые, веселые и съ самымъ яснымъ на лицахъ душевнымъ усердіемъ"; „истинно я всякое отъ васъ мнѣ поручаемое дѣло принимаю себѣ высшей наградой и считаю для себя удовольствіемъ быть вамъ, батюшка, хоть мало въ чемъ полезнымъ". Словомъ, лучшаго исполнителя своихъ предначертаній въ дѣлѣ поселеній, чѣмъ Аракчеевъ, Александру Павловичу нельзя было и найти, а потому понятно, что при созданіи военныхъ поселеній выборъ Государя палъ на Аракчеева, какъ на идеальнаго руководителя всего имъ задуманнаго.

Правда, крестьяне относились въ большинствѣ съ недовѣріемъ къ новшеству, подавали прошенія вдовствующей Императрицѣ, великому князю Николаю Павловичу, но вначалѣ не замѣчалось особаго ропота. Впослѣдствіи часто отношенія обострялись, больше ради мелочей, какъ приказанія брить бороды, носить казенные мундиры, а иногда, вслѣдствіе излишней строгости или безтактности мѣстнаго, подчасъ слишкомъ ретиваго, начальства. Но въ общемъ крестьянство не обнаруживало того негодованія, которое старались изобразить впослѣдствіи въ литературѣ. Болѣе критически относились къ этой мѣрѣ государственные дѣятели, видя въ военныхъ поселеніяхъ корень ненавистнаго могущества Аракчеева, а также многіе генералы, видя вредъ въ поселеніяхъ для военнаго дѣла вообще. Самую обстоятельную записку противъ системы военныхъ поселеній представилъ фельдмаршалъ Барклай, но и она не произвела желаннаго дѣйствія на Государя, несмотря на глубокое уваженіе къ ея автору, скончавшемуся уже въ 1818 году.

Замѣчательна была еще черта характера въ намѣреніяхъ и распоряженіяхъ относительно вообще крестьянства, которую Императоръ Александръ обнаруживалъ во всѣ дни царствованія. Онъ строго раздѣлялъ въ своихъ понятіяхъ русскаго мужика отъ балтійскаго хлѣбопашца и даже отъ польскаго крестьянина; такъ, одной рукой Государь закрѣпощалъ поселянъ, подвергая ихъ суровѣйшей дисциплинѣ, а другою, еще въ маѣ 1816 года, освободилъ эстляндскихъ крестьянъ. Но при освобожденіи эстовъ лично, земля ихъ отходила въ собственность помѣщиковъ-дворянъ; это походило на личину милосердія, но, собственно говоря, сводилось къ вопіющей несправедливости. На дѣлѣ вышло, что освобожденный крестьянинъ оказался болѣе закабаленнымъ, чѣмъ прежде. Между тѣмъ эффектъ получился значительный, мѣра была понята тогда большинствомъ такъ, что она только служитъ первымъ шагомъ для такой же реформы и во всей Россіи. Всюду повторялись милостивыя слова Государя, обращенныя къ эстляндскому дворянству: „Радуюсь, что дворянство оправдало мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что *либеральныя начала* одни могутъ служить основою счастія народовъ". Такая рѣчь лишь дала поводъ къ недоразумѣніямъ, и таковыя прежде всѣхъ обнаружились въ дѣйствіяхъ петербургскаго дворянства.

Во главѣ съ генералъ-адъютантомъ И. В. Васильчиковымъ петербургскіе дворяне постановили обратить своихъ крестьянъ въ обязанныхъ поселянъ, на основаніи существовавшихъ уже постановленій. Былъ составленъ актъ, за подписью 65 дворянъ-помѣщиковъ, просившихъ чрезъ Васильчикова поднести оный на Высочайшее утвержденіе. На этой почвѣ произошелъ паихарактерный инцидентъ. Когда Васильчиковъ явился съ актомъ къ Государю, Его Величество спросилъ его: „По твоему мнѣнію, кому въ Россіи принадлежитъ законодательная власть?" Князь отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія, Вашему Императорскому Величеству — самодержцу

Имперіи".—„Въ такомъ случаѣ", отвѣчалъ Александръ, „предоставь мнѣ право издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для подданныхъ моихъ". Послѣ сего послѣдовало приказаніе уничтожить актъ, что привело многихъ въ великое огорченіе. Стали не безъ основанія говорить, что Государь оказываетъ чужеземцамъ предпочтеніе передъ русскими, и критика долго не умолкала.

Въ это же время, подъ впечатлѣніемъ ожидаемыхъ благъ для крестьянства, флигель-адъютантъ полковникъ П. Д. Киселевъ представилъ Государю интересную записку: „О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи" (27 августа 1816 г.). Записка была положена подъ сукно, хотя была составлена толково и написана съ воодушевленіемъ, но она дала поводъ впослѣдствіи къ еще болѣе подробнымъ обсужденіямъ идеи освобожденія крестьянъ для тѣхъ, которые стали извѣстны подъ именемъ декабристовъ послѣ событія 14 декабря 1825 года. Такимъ образомъ, на дѣлѣ вышло весьма странное положеніе, а именно, что введеніе военныхъ поселеній какъ бы оживило надежды на прекращеніе крѣпостного права въ Россіи. Едва ли это входило въ намѣченную Императоромъ Александромъ программу и вовсе не приходило въ голову любезнѣйшему графу Аракчееву.

По поводу этого Н. Дубровинъ писалъ: „Въ то время общество было слишкомъ малочисленно, чтобы думать объ устройствѣ какихъ-либо своихъ административныхъ органовъ. Все ограничивалось одними разговорами и предположеніями. Среди этихъ разговоровъ стало извѣстно, что Императоръ Александръ поручилъ графу Аракчееву составить проектъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но съ тѣмъ, чтобы проектъ этотъ не вызывалъ никакихъ стѣснительныхъ мѣръ для помѣщиковъ и не имѣлъ ничего насильственнаго, при исполненіи со стороны правительства. Напротивъ, Государь желалъ, чтобы освобожденіе совершилось съ выгодой для помѣщиковъ, возбудило въ нихъ

самихъ желаніе содѣйствовать видамъ правительства и сознаніе, что, сообразно духу времени и успѣхамъ образованности, такое освобожденіе необходимо какъ для самихъ владѣльцевъ, такъ и для крѣпостныхъ людей. Въ этомъ направленіи Императоръ Александръ, во время своего путешествія на югъ Россіи и пріема дворянства, намекалъ ему, но не встрѣтилъ сочувствія".

Графъ же Аракчеевъ не находилъ другого способа, какъ пріобрѣсти покупкою въ казну всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, съ надѣломъ ихъ двумя десятинами земли на каждую ревизскую душу.

Онъ указывалъ подробно на средства къ приведенію въ исполненіе этой мѣры, которой, впрочемъ, не суждено было осуществиться вслѣдствіе сопротивленія дворянства и за измѣненіемъ политическихъ взглядовъ самого Императора Александра. Тѣмъ не менѣе порученіе, данное Государемъ графу Аракчееву, стало скоро извѣстно въ обществѣ, и въ одномъ 1818 году появилось нѣсколько проектовъ объ освобожденіи крестьянъ. Кромѣ Киселева, нѣкто А. Ѳ. Малиновскій предлагалъ объявить свободными всѣхъ обоего пола дѣтей, рожденныхъ послѣ 1817 года, въ ознаменованіе заслугъ, оказанныхъ крестьянами въ Отечественную войну.

Говоря о военныхъ поселеніяхъ, мы намѣренно остановились на такого рода неожиданныхъ соображеніяхъ, которыя въ тѣ годы врядъ ли могли на дѣлѣ кого-либо смущать, но, противъ всякихъ ожиданій, оказались чреваты послѣдствіями.

Въ началѣ лѣта 1820 года Государь снова покинулъ Петербургъ, и на этотъ разъ надолго, чуть не на цѣлый годъ. Сперва Его Величество посѣтилъ Грузино, а потомъ поѣздка имѣла главною цѣлью посѣщеніе военныхъ поселеній, процвѣтаніе которыхъ стало какой-то idée fixe Александра Павловича, и заботы о нихъ были любимымъ предметомъ занятій. Несмотря на неограниченное его довѣріе къ желѣзному графу, Александръ все-таки предпочиталъ лично и на мѣстахъ провѣрять работу въ созданныхъ

поселеніяхъ. Считаемъ эту черту характера достойной вниманія изслѣдователей. На дѣлѣ выходило, что хотя довѣріе къ Аракчееву и было велико, но провѣрка его дѣйствій казалась Императору тѣмъ не менѣе необходимой. Современники объясняли это желаніемъ почаще и подольше проводить время съ единственнымъ лицомъ, которое всегда и вездѣ обнаруживало слѣпую преданность и какую-то буквальную исполнительность; мы же склонны думать, что постоянныя поѣздки по поселеніямъ обнаруживали скорѣе врожденное недовѣріе Александра ко всѣмъ сотрудникамъ, не исключая и графа Алексѣя Андреевича. Къ тому же въ 1819 году, въ Чугуевѣ, произошли весьма крупные безпорядки, близко напоминавшіе бунтъ.

Безпорядки эти были быстро прекращены, при личномъ содѣйствіи Аракчеева, какъ всегда, очень крутыми мѣрами, которыя графъ и не скрывалъ въ донесеніяхъ и письмахъ къ Государю, одобрившему эти суровыя мѣропріятія. Вотъ и причина посѣщенія военныхъ поселеній лѣтомъ 1820 года. Проѣхавъ только послѣ Грузина черезъ Тверь и Москву, Государь подробно осмотрѣлъ всѣ южныя поселенія. Но въ это время умерла мать Аракчеева, и въ Чугуевѣ, и въ Вознесенскѣ Императоръ Александръ пребывалъ безъ него, съ небольшой свитой, обнаруживая интересъ къ мельчайшимъ подробностямъ быта поселянъ. Многимъ остался доволенъ, но сдѣлалъ рядъ замѣчаній графу Витту и генералу Клейнмихелю по тѣмъ отраслямъ хозяйства, которыя считалъ неудовлетворительными. Въ письмахъ къ графу хвалилъ и благодарилъ его за труды. „Я нашелъ здѣсь много порядка“, писалъ Государь изъ Чугуева, „и начала весьма удовлетворительныя. Все обѣщаетъ наилучшихъ успѣховъ. Искренно благодарю тебя за всѣ труды твои въ семъ полезномъ дѣлѣ и крайне соболѣзную о причинѣ, помѣшавшей тебѣ быть со мною здѣсь“. И въ другомъ письмѣ: „Много очень сдѣлано, но многое нужно еще поправить и улучшить“. Врачъ Д. К. Тарасовъ подробно описы-

ваетъ въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ поѣздки, гдѣ онъ участвовалъ; сопровождая барона Вилліе. О пребываніи въ Чугуевѣ Тарасовъ сообщаетъ: „Въ это время военныя поселенія стали только устраиваться, и городъ Чугуевъ былъ обращенъ въ военный городъ, гдѣ сосредоточилось главное управленіе Украинскаго военнаго поселенія. Мѣстнымъ военнымъ начальникомъ былъ генералъ Саловъ, извѣстный своими жестокими мѣрами въ Чугуевѣ при водвореніи военнаго поселенія, на которое мирные жители Украйны очень неохотно соглашались. При видѣ, какъ въ самое короткое время совершено преобразованіе края въ военное положеніе, и жители приняли военную форму, нельзя не удивляться твердости воли главнаго учредителя военныхъ поселеній. Но, съ другой стороны, нельзя не ужасаться, слышавъ отъ очевидцевъ, какія жертвы принесены жителями при обращеніи ихъ въ военныхъ поселянъ!!“

15 августа 1820 года Императоръ прибылъ въ Варшаву на сессію сейма и оставался два мѣсяца въ столицѣ возлюбленнаго Польскаго королевства. На этотъ разъ впечатлѣнія оказались уже иными, потому что господа депутаты систематически отклоняли всѣ правительственные законопроекты, что повлекло къ закрытію сейма ранѣе срока, такъ какъ Александръ уяснилъ себѣ, что съ такого рода составомъ представителей дальнѣйшая работа невозможна. Тонъ рѣчей, произнесенныхъ Государемъ, былъ тоже другой и отличался отъ розовыхъ надеждъ 1818 года: проскользнули въ словахъ и угрозы, и увѣщанія, и, конечно, нота умиротворенія для смягченія всего высказаннаго.

Настроеніе Его Величества замѣтно начало портиться. Причины тому были разнообразныя. Разладъ съ поляками быстро разнесся по Европѣ и обрадовалъ дружескіе кабинеты Вѣны и Берлина, съ волненіемъ слѣдившіе за либеральнымъ сліяніемъ Русскаго царя съ его польскими подданными. Въ февралѣ, въ Парижѣ, былъ умерщвленъ герцогъ Беррійскій; еще за годъ

до этого убитъ въ Германіи извѣстный Коцебу, слывшій тамъ за агента русскаго правительства; замѣчалось броженіе умовъ на революціонной почвѣ въ Италіи и въ Испаніи; другими словами, обнаружились со всѣхъ сторонъ грозные симптомы, смущавшіе заправилъ Священнаго союза. Рѣшено созвать новый конгрессъ, по инициативѣ Императора Александра. Снова собрались въ Троппау союзные монархи и ихъ обычные совѣтники, въ лицѣ гр. Нессельроде, Каподистріа и гр. Головкина, со стороны Россіи, князя Меттерниха, гр. Гарденберга, гр. Бернсдорфа и Стюарта отъ Австріи, Пруссіи и Англіи, и, наконецъ, двухъ французовъ, посланниковъ въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ, графа Ла-Ферронэ (La Ferronnays) и маркиза Карамана (Caraman). Въ срединѣ октября 1820 года всѣ уже были въ сборѣ, и конгрессъ начался при продолжительныхъ и ежедневныхъ бесѣдахъ Императора Александра съ княземъ Меттернихомъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе. На этотъ разъ взгляды ихъ сошлись по всѣмъ вопросамъ, и австрійскій дипломатъ воспользовался въ полной мѣрѣ, чтобы настроить Русскаго Государя въ соотвѣтствіе со своими планами управленія Европой. Англія не пожелала участвовать въ конгрессѣ; лордъ Касльри считалъ вмѣшательство державъ въ итальянскія дѣла, а въ частности въ судьбы Неаполитанскаго королевства, излишнимъ, а предписалъ лишь присутствовать на конгрессѣ англійскому представителю въ Вѣнѣ, Стюарту, которому написалъ характерную инструкцію. Приводимъ выдержку изъ этого письма:

„Если бы я былъ Меттернихомъ“, писалъ Касльри, „то не согласился бы впутывать своего дѣла въ эту паутину двоедушія и неискренности, которыми изобилуетъ жизнь короля неаполитанскаго Фердинанда. Я остаюсь при мнѣніи, что Меттернихъ существенно ослабилъ свое положеніе, сдѣлавши изъ австрійскаго вопроса — европейскій. Онъ скорѣе привлекъ бы на свою сторону общественное мнѣніе (особенно у насъ, въ Англіи), если бы

просто настаивалъ на опасномъ характерѣ карбонарскаго правительства для каждаго итальянскаго государства, чѣмъ спустивши свой корабль въ безграничный океанъ. Но нашъ другъ Меттернихъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, предпочитаетъ сложную негоціацію смѣлому и быстрому удару". Дѣло въ томъ, что Меттерниху пришло на умъ пригласить на конгрессъ короля Фердинанда, но, въ виду его старости и чтобы облегчить путешествіе, предложилъ перенести конгрессъ южнѣе, въ Лайбахъ. „Если король пріѣдетъ, то мы заставимъ его играть роль, исполненную благородства и приличія; мы сдѣлаемъ его посредникомъ между конгрессомъ и неаполитанскимъ народомъ. Если его не пустятъ, то мы засвидѣтельствуемъ, что онъ лишенъ свободы, и тогда намъ ничего не останется дѣлать, какъ итти освобождать его". Такова была затѣя австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, получившая одобреніе Россіи и Пруссіи, но смутившая французовъ и англичанъ. Когда, 23 октября, конгрессъ открылся подъ предсѣдательствомъ Меттерниха, на обсужденіе былъ представленъ Австріей мемуаръ, встрѣтившій противодѣйствіе француза Ла-Ферронэ и одного изъ представителей Россіи графа Каподистріа. Графы же Нессельроде и Головкинъ поддерживали предложеніе Австріи. Эта двойственность мнѣній русскихъ дипломатовъ была только на руку Меттерниху. Возраженія Ла-Ферронэ клонились къ тому, чтобы Австрія не вводила своихъ войскъ въ Италію, такъ какъ въ виду ненависти итальянцевъ ко всему австрійскому, смута должна только увеличиться, а, кромѣ того, для Франціи было не желательно доминирующее вліяніе Австріи въ итальянскихъ владѣніяхъ.

Въ виду разногласій, 19 ноября былъ подписанъ протоколъ Россіей, Австріей и Пруссіей дѣйствовать въ случаѣ надобности оружіемъ для прекращенія революціи въ Неаполѣ, а также пригласить короля Фердинанда на конгрессъ въ Лайбахъ. Что же касается двухъ другихъ державъ, Англіи и Франціи, то имъ

протоколъ препровождался для свѣдѣнія, съ просьбой высказаться по этому вопросу. Такой способъ удивилъ и раздражилъ представителей Англіи и Франціи, послуживъ темой для нескончаемыхъ споровъ, продолжавшихся въ Лайбахѣ, гдѣ новый конгрессъ открылся въ январѣ 1821 года. Въ концѣ концовъ восторжествовалъ одинъ князь Меттернихъ, переманивъ на свою сторону маркиза Карамана и русскаго посла въ Парижѣ, Поццо-ди-Борго, пріѣхавшаго также въ Лайбахъ. Результатомъ всего этого было, что австрійскія войска вступили въ Папскую область, а о дальнѣйшей судьбѣ Неаполитанскаго королевства споры еще продолжались долго. Въ это время вспыхнуло еще возстаніе въ Пьемонтѣ, напугавшее лицъ, засѣдавшихъ на конгрессѣ. Хотя эта новая революціонная вспышка была быстро подавлена и закончилась восшествіемъ на сардинскій престолъ Карла-Феликса, но Меттерниху удалось окончательно запугать всѣхъ гидрой революціоннаго движенія и заставить согласиться представителей державъ, что привело къ сравнительно быстрому закрытію конгресса въ Лайбахѣ, послѣдовавшему 26 февраля. Собственно говоря, результаты дѣятельности тайныхъ обществъ — итальянскія революціи, были уничтожены, но не уничтожены были тайныя общества, быстро распространявшіяся по всей Европѣ и повсюду имѣвшія одинѣ разрушительныя цѣли. Это карбонарство окончательно напугало Императора Александра, произведя на него громадное впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся послѣ разговоровъ съ Меттернихомъ, сумѣвшимъ такъ настроить Русскаго Государя, какъ ему было угодно для его дальнѣйшихъ цѣлей, для борьбы съ революціей въ Европѣ. Переломъ, совершившійся за эти дни Троппау и Лайбаха въ Александрѣ Павловичѣ, былъ настолько силенъ, что болѣе не прекращался до его кончины, а разыгравшаяся въ Петербургѣ исторія въ л.-гв. Семеновскомъ полку довершила послѣднее перерожденіе въ его характерѣ. Раньше, чѣмъ перейдемъ къ дѣлу Семеновскаго полка, приведемъ

письмо Александра къ князю А. Н. Голицыну, написанное въ Лайбахѣ, и дающее ясное понятіе о томъ настроеніи, въ которомъ онъ находился *).

„Милый другъ, уже очень давно я собирался вамъ написать длинное и подробное письмо, въ отвѣтъ на ваши отъ 31 декабря, 14 и 19 января. Улучивъ сегодня свободную минуту, я берусь за перо, обращаясь къ Спасителю, чтобы Онъ наставилъ меня изложить вамъ все такъ, какъ мнѣ диктуетъ любовь равно къ вамъ и къ истинѣ.

„Но эта правда, когда я ее чувствую въ своей душѣ, не дозволяетъ мнѣ дѣлать сравненій, потому что сама истина есть частица Божества. Изъ писемъ вашихъ и Кошелевскихъ порученій я усматриваю критику той политической системы, коей я нынче придерживаюсь. Не могу я допустить, что это порицаніе могло у васъ появиться послѣ того, какъ въ 6 мѣсяцевъ принципъ разрушенія привелъ къ революціи въ трехъ странахъ и грозитъ распространиться по всей Европѣ. Вѣдь нельзя, право, спокойно сего допускать. Едва ли ваше сужденіе можетъ разойтись съ моей точкой зрѣнія, потому что эти принципы разрушенія, какъ враги престоловъ, направлены еще болѣе противъ христіанской вѣры, и что главная цѣль, ими преслѣдуемая, идетъ къ достиженію сего, на что у меня имѣются тысячи и тысячи неопровержимыхъ доказательствъ, которыя я могу вамъ представить. Словомъ, это результатъ, на практикѣ примѣненный, доктринъ, проповѣданныхъ Вольтеромъ, Мирабо, Кондорсе и всѣми такъ называемыми энциклопедистами.

„А потому ваше порицаніе можетъ быть объяснено развѣ только страхомъ и тревогой, что борьба, нами предпринятая, не будетъ имѣть успѣха. Но когда внутренній голосъ намъ подсказываетъ, что это твореніе врага, то опасеніе за разрѣшеніе

*) Начато 8 и окончено 15 февраля 1821 г. Оригиналъ письма на французскомъ языкѣ.

игры со зломъ неумѣстно. Но есть ли это долгъ христіанина бороться противъ врага и его дьявольскаго творенія всѣми тѣми средствами, которыя даны намъ Божьимъ Промысломъ? Безпокойство неудачи не должно волновать насъ. Тутъ-то и проявится вѣра въ Божественную помощь. Не писалъ ли мнѣ неоднократно Кошелевъ въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ, что надо мнѣ бороться до конца?! Теперь мы находимся приблизительно въ такомъ же положеніи, а я вамъ говорю, что въ еще болѣе опасномъ, потому что тогда борьба велась противъ разрушительнаго деспотизма Наполеона, а настоящія доктрины куда болѣе могуче дѣйствуютъ на толпу, чѣмъ то военное иго, которымъ онъ держалъ ее въ рукахъ. Въ моихъ ежедневныхъ духовныхъ чтеніяхъ я только-что закончилъ книгу Юдиѳи. Очевидно, что жители Бетуліи не могли противиться полчищамъ Олоферна. Они вѣдь могли сдѣлать то же, что и остальные народы, т.-е. подчиниться, а не сопротивляться. И что же? Жители Бетуліи поняли, что подчиниться Набукодоносору значило отчаиваться въ могуществѣ Бога и въ той помощи, которую Онъ оказываетъ тѣмъ, кто довѣряется Ему одному.

„Здѣсь сомнѣвались въ возможности пріѣзда короля неаполитанскаго (на конгрессъ въ Лайбахѣ), а я, напротивъ того, надѣялся, что пріѣздъ состоится, и вотъ почему: король съ самаго начала неаполитанской революціи вступилъ въ тайную переписку съ императоромъ австрійскимъ. Мнѣ препроводили всю эту корреспонденцію по пріѣздѣ моемъ въ Троппау. Я убѣдился изъ нея, что свѣдѣнія газетъ о мнимомъ согласіи короля на всѣ перемѣны въ королевствѣ были ложны, а что король находился, подъ угрозою кинжала, во власти карбонаровъ; что все время онъ долженъ былъ уступать острію стилетовъ, что протестовалъ онъ и письменно, но только въ письмахъ къ австрійскому императору, такъ какъ иначе онъ рисковалъ бы жизнью. Въ одномъ изъ его писемъ меня поразило изреченіе короля. Онъ пишетъ, что находится во

власти враговъ и ихъ кинжаловъ, что ему неоткуда ждать помощи, но что *упованіе на Бога его не оставляло, и что то, что невозможно для людей, возможно для Бога*, а что, сохранивъ *вѣру въ Него*, онъ сохранилъ и надежду, что *Всевышній его не оставитъ*. И вотъ, съ этого момента мнѣ пришла мысль пригласить короля въ Лайбахъ; несмотря на всѣ шансы, что поѣздка неосуществима, я лично все же надѣялся на успѣхъ. Какъ вы сами говорите, Господь благословляетъ наши начертанія, потому что они были чисты и основаны на вѣрѣ въ Создателя.

Но я бы уклонился отъ истины, которая должна пребывать въ рѣчахъ нашихъ и помышленіяхъ, если бы промолчалъ по поводу вашихъ догадокъ о дѣйствіяхъ австрійскаго кабинета. Развѣ у васъ имѣются данныя, чтобы возводить такія обвиненія? А развѣ вы не отвѣтственны передъ этимъ Богомъ Правоты за несправедливые нападки на ближняго, безъ всякихъ доказательствъ?

„Дѣло въ томъ, что въ Троппау австрійскій кабинетъ далъ намъ неоспоримое завѣреніе въ отсутствіи какихъ-либо съ его стороны намѣреній относительно земельныхъ пріобрѣтеній (въ Италіи), которыя измѣнили бы настоящее положеніе и все то, что гарантировано подписанными трактатами. На такой почвѣ мы и работали все это время, и скажу больше: вообще въ Европѣ болѣе немыслимы какія-либо земельныя пріобрѣтенія послѣ тѣхъ узъ, которыми связаны державы, и ни одна изъ нихъ не допуститъ измѣненія нынѣшнихъ владѣній. Теперь вы видите, что обвиненія ваши были напрасны. А я вамъ дамъ еще новое доказательство этого: Австрія распространила свою деликатность до того, что прочла декларацію на самой конференціи. Австрія не только не требуетъ денежнаго вознагражденія за теперешнія ея вооруженія, но она бы и не приняла таковыхъ.

„Всѣ прочіе кабинеты одобрили эту декларацію, а, слѣдовательно, это означаетъ лишь совершившійся актъ, который вамъ еще разъ покажетъ всю ложность вашихъ предположеній.

„Вы меня убѣждаете проповѣдывать между монархами Европы подчиненіе ихъ сердецъ Всевышнему. Это заставляетъ меня вамъ отвѣтить, что король прусскій и императоръ австрійскій религіозны до глубины души, что они оба откровенно признаютъ волю Творца и всенародно объ этомъ заявляютъ. А потому для меня нѣтъ ни малѣйшей заслуги ихъ убѣждать, ибо давно принята между нами привычка бесѣдъ на эту тему. Но послѣ высказаннаго могу добавить, что, конечно, существуютъ оттѣнки въ нашихъ воззрѣніяхъ, благодаря различнымъ тремъ вѣроисповѣданіямъ, присущимъ каждому изъ насъ, а потому немыслимо, чтобы одинъ изъ трехъ дѣлался безусловнымъ судьей двухъ другихъ. Да благословитъ лучше Господь всѣхъ милостей, разрѣшивъ всѣмъ тремъ на занимаемыхъ ими престолахъ такъ дружно и откровенно спѣться по самымъ различнымъ вопросамъ, основаніемъ чего послужила любовь къ Всевышнему. Предадимся же съ вѣрою Его предначертаніямъ и Его руководительству, и постараемся не портить *вина* и *елея* *) чужими примѣсями человѣчества. Вотъ моя исповѣдь, я ее чувствую до глубины души, а потому я не имѣю права уклоняться въ сторону, не нарушивъ вѣры въ Того, Кому я всецѣло отдался. Здѣсь вы найдете примѣненіе того способа, вами настойчиво рекомендованнаго, для *пресѣченія собственной воли*. Повѣрьте, что къ этой цѣли идутъ всѣ мои стремленія, насколько моя слабая человѣческая оболочка мнѣ это дозволяетъ. Я вполнѣ отдаюсь *Его предрѣшеніямъ*, и Онъ одинъ всѣмъ *руководитъ*, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими лишь къ завершенію общаго блага. Вы мнѣ совѣтуете признаваемую мною въ бесѣдахъ съ вами мою *единственную поддержку въ Спаситель* громко исповѣдывать. Но развѣ я придерживаюсь другого языка послѣ 1812 года, когда я особенно

*) Апокалипсисъ, глава VI, ст. 6: „И слышалъ я голосъ посреди четырехъ животныхъ, говорящій: хиниксъ пшеницы за динарій, и три хиникса ячменя за динарій, *елея же и вина не повреждай*".

чувствовалъ въ сердцѣ своемъ Его призваніе. Позволяю себѣ обратиться ко всѣмъ государямъ, кто бы они ни были, съ вопросомъ, проповѣдывалъ ли я другія доктрины, и если этого вамъ мало, то обратитесь къ моей перепискѣ съ ними.

„Министрамъ своимъ я твержу то же самое; если не вѣрите, спросите каждаго изъ нихъ, что они слышали изъ моихъ устъ; а что касается обращенія къ народамъ, то лучшими документами служатъ мои манифесты, лишь подтверждающіе тождественныя мысли. Потрудитесь только прочесть всѣ манифесты съ 1812 года по сегодняшній день. Слѣдовательно, никогда боязнь общественнаго мнѣнія не была для меня помѣхой; я только заботился о судилищѣ собственной души, которая вся въ Богѣ. Вы меня убѣждаете слѣдовать по пути, намѣченному послѣ 1812 года *до моего отъѣзда въ Вѣну*. Это намекъ на то, что пребываніе мое тамъ измѣнило что-либо въ моихъ помышленіяхъ!? Относится ли намекъ къ первому пребыванію въ Вѣнѣ, продолжавшемуся восемь мѣсяцевъ, въ 1814 году? Въ такомъ случаѣ вы просто забыли, что идея Священнаго союза была мнѣ внушена въ Вѣнѣ, что я вамъ неоднократно повторялъ для того, чтобы закрыть конгрессъ. Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, случившееся въ концѣ вѣнскаго пребыванія, заставило меня отложить осуществленіе идеи Священнаго союза, съ помощью Провидѣнія, до окончанія борьбы.

„Наконецъ, въ Парижѣ, когда, благодаря Божьему Промыслу, Наполеонъ былъ вторично сокрушенъ, Господь надоумилъ меня осуществить намѣченную еще въ Вѣнѣ идею Священнаго союза, изложенную мною на бумагѣ въ Парижѣ и хорошо вамъ извѣстную.

„Какъ только я вернулся въ Петербургъ, появился манифестъ, возвѣщавшій актъ Священнаго союза, и немного позднѣе, 1 января 1816 года, былъ изданъ другой, гдѣ были перечислены всѣ ниспосланныя милости Божіи въ ту эпоху. Надѣюсь, что я

васъ теперь убѣдилъ, послѣ всего вышеприведеннаго, что восьмимѣсячное пребываніе ничуть не измѣнило моихъ религіозныхъ чувствъ предъ лицомъ всего міра. Напротивъ того, послѣ этого времени наша политика основалась на началахъ Священнаго союза со всѣми кабинетами, а особенно между тремя, которые первые усвоили себѣ эту идею, какъ ключъ къ хранилищу, которое не удалось побороть ни революціоннымъ либераламъ, ни радикаламъ, ни международнымъ карбонаріямъ. Прошу не сомнѣваться, что всѣ эти люди соединились въ одинъ общій заговоръ, разбившись на отдѣльныя группы и общества, о дѣйствіяхъ которыхъ у меня всѣ документы налицо, и мнѣ извѣстно, что всѣ они дѣйствуютъ солидарно. Съ тѣхъ поръ, какъ они убѣдились, что новый курсъ политики кабинетовъ болѣе не тотъ, чѣмъ прежде, что нѣтъ надежды насъ разъединить и ловить въ мутной водѣ, или что нѣтъ возможности разссорить правительства между собою, а главное, что принципомъ для руководства стали основы христіанскаго ученія, съ этого момента всѣ общества и секты, основанныя на антихристіанствѣ и на философіи Вольтера и ему подобныхъ, поклялись отомстить правительствамъ. Такого рода попытки были сдѣланы во Франціи, Англіи и Пруссіи, но неудачно, а удались только въ Испаніи, Неаполѣ и Португаліи, гдѣ правительства были низвергнуты. Но всѣ революціонеры еще болѣе ожесточены противъ ученія Христа, которое они особенно преслѣдуютъ. Ихъ девизомъ служитъ: убить.... *), я даже не рѣшаюсь воспроизвести богохульство, слишкомъ извѣстное изъ сочиненій Вольтера, Мирабо, Кондорсе и имъ подобныхъ.

„Чтобы вернуться къ вашимъ письмамъ, не могу допустить, что, дѣлая намёки на мой выѣздъ изъ Вѣны, вы подразумѣвали нѣсколько дней, проведенныхъ тамъ въ 1818 году, при проѣздѣ изъ Аахена. Тогда вѣдь тамъ ничего не обсуждалось;

---

*) l'infâme

все было окончено въ Аахенѣ, согласно принципамъ единенія и соглашенія между кабинетами. Здѣсь Франція была допущена, по случаю окончанія срока военной оккупаціи, препятствовавшей ей работать съ нами до этого въ томъ же дружескомъ сообществѣ. Еще менѣе правдоподобно предположеніе о Вѣнѣ, если оно относится къ нынѣшнему проѣзду: я провелъ тамъ всего нѣсколько дней, а вся работа закончилась въ Троппау и Лайбахѣ, что вамъ хорошо извѣстно. Потому, откровенно говоря, я не понялъ, что̀ вы подразумѣвали подъ *Вѣнскимъ отъѣздомъ,* а еще менѣе — какія вліянія вы подозрѣвали тамъ? Я могу васъ увѣрить, что всѣ ваши предположенія голословны и неправдоподобны, ибо никто и не пробовалъ подорвать моихъ религіозныхъ убѣжденій. Вполнѣ согласенъ съ вами, что вся адова преисподняя обрушилась на наши предпріятія. Это вполнѣ естественно и сходится съ тѣмъ, что изложено выше. Очевидно, всѣ они ополчились на насъ, видя, какъ открыто мы объявили себя послѣдователями ученія Христова, каждый по своему убѣжденію, въ чемъ я ручаюсь за насъ троихъ. Сами вы пишете, что „адъ не можетъ сокрушить моей вѣры, потому что она уже закоренѣла въ душѣ моей“. Это ваше выраженіе. Дай-то Богъ, чтобы вы оказались правымъ, и я возлагаю всю мою надежду на помощь Спасителя, какъ и во всемъ остальномъ. А въ другомъ письмѣ вы говорите, что „Кошелевъ обреченъ на молчаніе до того момента, когда избранникъ начнетъ свои дѣйствія съ бо̀льшей надеждой и вѣрой“. Какъ мнѣ согласовать такого рода изреченія? Только могу положительно васъ увѣрить, что я поступаю исключительно по *своей вѣрѣ,* а невозможно руководствоваться вѣрою другого. Вотъ истина, которую недостаточно сознаютъ. Если бы я дѣйствовалъ по вѣрѣ другого, и она не совпадала съ моей вѣрой, то я бы былъ преступникомъ. Я осмѣливаюсь заявить, что это подтвердилъ апостолъ Павелъ. Святое писаніе передо мною, я искалъ въ немъ означенное мѣсто, и мои

глаза остановились на Посланіи къ римлянамъ, глава VIII, ст. 22, до конца главы *).

„Это не то мѣсто, что я искалъ, но такъ какъ то, что окрылось, вполнѣ аналогично, то прочтите главу. Цитата относительно *вѣры* находится въ Посланіи къ римлянамъ, глава XIV, въ послѣднемъ ст. 23: „Онъ осужденъ, ибо поступалъ противъ убѣжденія, а все, что дѣлается противъ убѣжденія, грѣхъ“. Вообще слѣдовало бы прочесть всю XIV главу, потому что она поясняетъ обоюдныя отношенія, основанныя на вѣрѣ. По-моему, я лично еще далекъ отъ осторожности, мудрости, обдуманности и т. д., но я чувствую, что во мнѣ таится откровеніе святого, священнаго дѣла. Но подорвать это дѣло я не долженъ и не могу, а тѣмъ паче быть причиной недоразумѣній. Св. Павелъ говоритъ римлянамъ въ главѣ XIV, ст. 13: „Не будемъ осуждать другъ друга, потому что не надо давать случая брату во Христѣ къ паденію“. Вы говорите, что Коше-

*) Ст. 22. Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стенаетъ и мучится донынѣ. Ст. 23. И не только она, но и мы сами, имѣя начатокъ Св. Духа, и мы въ себѣ стенаемъ, ожидая усыновленія: искупленія тѣла нашего. Ст. 24. Ибо мы спасены въ надеждѣ. Надежда же, когда видитъ, не есть надежда: ибо если кто видитъ, то чего ему и надѣяться. Ст. 25. Но когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терпѣніи. Ст. 26. Также и Духъ подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ: ибо мы не знаемъ, о чемъ молимся, какъ должно, но самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными. Ст. 27. Испытующій же сердце знаетъ, какая мысль у Духа, потому что онъ ходатайствуетъ за святыхъ, по волѣ Божіей. Ст. 28. Притомъ знаемъ, что любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу. Ст. 29. Ибо кого Онъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына Своего, дабы Онъ былъ первороднымъ между многими братьями. Ст. 30. А кого Онъ предопредѣлилъ, тѣхъ и призвалъ; а кого призвалъ, тѣхъ и оправдалъ, тѣхъ и прославилъ. Ст. 31. Что же сказать на это? Если Богъ за насъ, кто противъ насъ? Ст. 32. Тотъ, который Сына Своего не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ, какъ съ Нимъ не даруетъ намъ и всего? Ст. 33. Кто будетъ обвинять избранныхъ Божьихъ? Богъ оправдываетъ ихъ. Ст. 34. Кто осуждаетъ? Христосъ Іисусъ умеръ, но и воскресъ: Онъ и одесную Бога, Онъ и ходатайствуетъ за насъ. Ст. 35. Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ? Какъ написано. Ст. 36. За Тебя умерщвляютъ насъ всякій день, считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе (псал. 43, 23). Ст. 37. Но все сіе преодолѣваетъ силою Возлюбившаго насъ. Ст. 38. Ибо Я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее. Ст. 39. Ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

левъ видитъ отсутствіе гармоніи въ сообществѣ! Откуда онъ это взялъ? Никто болѣе меня не желалъ такой гармоніи и не молился такъ усердно, чтобы добиться оной. Я увѣряю васъ, что я всегда дѣлалъ все для сохраненія этой гармоніи, кромѣ того, что внутреннее чувство мнѣ запрещало. Повторяю, не отъ меня зависитъ побороть влеченіе сердца, а когда оно заговоритъ, то нѣтъ человѣческой силы, чтобы меня переубѣдить противъ моего внутренняго влеченія. Но чтобы вернуться къ Родіону Александровичу, въ чемъ же видитъ Кошелевъ нарушеніе этой гармоніи? Можетъ-быть, онъ это высказалъ по поводу г-жи Бушъ? Вѣдь это единственный пунктъ нашего съ нимъ разлада. Ну и что же, вѣрный принципу истины, когда я пишу, я убѣжденъ, что въ проповѣдяхъ г-жи Бушъ много человѣческаго, вы это знаете изъ нашихъ разговоровъ, моя душа глубоко это сознаетъ. Развѣ я хочу измѣнить такого рода взглядъ? Очевидно, нѣтъ....“ (Остальную часть письма читатель найдетъ въ первоначальномъ французскомъ текстѣ въ приложеніяхъ). Когда я далъ прочесть письмо Государя и отвѣтъ на него князя Голицына (см. приложенія) одной старушкѣ, послѣдовательницѣ ученія Пашкова и лорда Рэдстока, она выразилась такъ: „Galitzine était un converti, mais Alexandre pas du tout“. Такое мнѣніе намъ кажется весьма близкимъ къ истинѣ.

Эти строки, написанныя князю Голицыну изъ Лайбаха, какъ нельзя болѣе наглядно передаютъ то душевное состояніе, въ которомъ обрѣтался повелитель земли Русской. Мы затрудняемся дать вѣрную оцѣнку этого психоза, приближавшагося скорѣе къ какому-то общему сумбуру разума и мыслей, чѣмъ къ иной формѣ мышленія. Въ строкахъ письма чувствуется разладъ духовный, и тщетно ищешь того душевнаго спокойствія, о которомъ не разъ говоритъ самъ писавшій это посланіе. Ссылки на Библію, на Апокалипсисъ, на Посланія апостола Павла къ римлянамъ поражаютъ, какъ плодъ болѣзненнаго мечтанія нравственно разстроеннаго человѣка. Сравненія съ Юдифью, съ Олоферномъ

и съ Набуходоносоромъ и примѣненіе ихъ къ положенію короля Фердинанда Неаполитанскаго болѣе походятъ на бредъ сумасшедшаго, чѣмъ на что-либо другое. Поражаетъ еще нервное отношеніе Государя къ критикѣ его дѣйствій въ области внѣшней политики, которую позволили себѣ его духовные собратья, Голицынъ и Кошелевъ, всегда смѣло и откровенно говорившіе ему обо всемъ томъ, что соприкасалось съ религіозными темами. Надо сознаться, что защита своего образа дѣйствій не вполнѣ удалась Александру Павловичу, и замѣтны явные признаки передержки въ его оправдательныхъ аргументахъ. Вообще, его письмо, писанное въ теченіе цѣлой недѣли, носитъ отпечатокъ какой-то внутренней борьбы и необычайной нервности. Если сопоставить даты, что такое настроеніе можно себѣ объяснить впечатлѣніемъ исторіи, случившейся въ концѣ октября 1820 года въ Семеновскомъ полку, въ связи со всѣми донесеніями о возгоравшемся революціонномъ движеніи въ Италіи и въ Испаніи, т.-е. съ возродившимся карбонарствомъ. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ послѣдовательность внутренняго перерожденія души Русскаго Государя, необходимо подробно остановиться на дѣлѣ бунта въ Семеновскомъ полку. Командовалъ въ ту пору семеновцами полковникъ Шварцъ, безтактный и крутой по характеру нѣмецъ, ставленникъ Аракчеева. Онъ былъ причиной, почти единственной, вспышки безпорядковъ, а если безпорядки сразу не прекратились, то вина за это падаетъ на нераспорядительность и растерянность гвардейскаго начальства. Всѣ потеряли голову, особенно въ виду отсутствія Государя, и если внимательно прочесть письма И. В. Васильчикова и графа Милорадовича, ихъ донесенія офиціальныя, а также и частныя письма, то легко убѣдиться, что начальство было не на высотѣ своего призванія. Александръ Павловичъ нѣжно любилъ семеновцевъ, еще будучи Наслѣдникомъ, состоя ихъ шефомъ, всегда особенно отличалъ полкъ и выдѣлялъ офицеровъ, изъ которыхъ пять человѣкъ состояли у него флигель-адъютантами. Происше-

ствіе въ любимомъ полку поразило и огорчило Государя до крайнихъ предѣловъ. Цѣлыя недѣли прошли послѣ этого въ самой оживленной перепискѣ по этому дѣлу; а на мѣстѣ, въ Троппау, гдѣ 28 октября 1820 года было получено печальное извѣстіе, Александръ изливалъ свою горечь не только князю П. М. Волконскому и приближеннымъ, но посвятилъ во всѣ детали и случившагося здѣсь князя Меттерниха. Хитрому австрійцу все это пришлось болѣе, чѣмъ кстати, и Меттернихъ не переставалъ убѣждать Русскаго Императора въ прямой связи этого бунта съ дѣйствіями революціонныхъ обществъ въ Европѣ. Ни завѣренія Васильчикова и Закревскаго, что въ безпорядкахъ не было и тѣни политической подкладки, ни даже убѣжденіе графа Аракчеева, что „нижніе чины всѣхъ менѣе виновны", не могли переубѣдить Государя. Лучше всего выразилось истинное настроеніе Александра въ письмахъ къ Аракчееву, Милорадовичу и Васильчикову (всѣ напечатаны у Шильдера), а также въ письмахъ къ частнымъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ княгинѣ С. С. Мещерской:

„Nous sommes occupé ici à une besogne des plus importantes, mais des plus difficiles. Il s'agit de porter remède contre *l'empire du mal* qui s'étend avec célérité et par tous les *moyens occultes* dont se sert *le génie satanique* qui le dirige. Ce remède que nous cherchons, hélas! est au-dessus de notre chétif pouvoir humain. Le Sauveur seul, par le pouvoir de Sa parole Divine, peut fournir ce moyen. Invoquons-Le donc de toute la plénitude, de toute la ferveur de nos cœurs, pour qu'Il daigne répandre Son Esprit Saint sur nous et nous faire marcher dans la voie qui seule peut Lui plaire et qui seule peut nous conduire au salut".

Такимъ образомъ, въ умѣ Государя сложилось опредѣленное понятіе „о злѣ" и „о геніи сатаны", съ которыми онъ рѣшилъ бороться до послѣдней крайности. Въ связи съ этимъ, неудивительно, что имъ уже было отдано повелѣніе о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ итальянскія дѣла (армія предполагалась

численностью до 100/т. войскъ, составленныхъ изъ Литовскаго, 3 пѣхотнаго и 4 резервнаго кавалерійскаго корпусовъ), которое, къ счастію, не было приведено въ исполненіе.

Что же касается исторіи, случившейся въ Семеновскомъ полку, то Александръ Павловичъ держался особаго мнѣнія, вѣря твердо, что зло пришло извнѣ, отъ какихъ-то карбонаріевъ, и, несмотря на почти единогласное противное мнѣніе петербургскаго высшаго военнаго начальства, пребывалъ въ этомъ заблужденіи. Если обратиться къ свидѣтельствамъ такихъ людей, какъ А. А. Закревскій, то должна бы исчезнуть послѣдняя тѣнь сомнѣнія въ томъ, кто былъ истиннымъ виновникомъ случившагося.

Такъ, 19 октября 1820 года Закревскій писалъ князю П. М. Волконскому: „Происшествіе, случившееся въ Семеновскомъ полку, всѣхъ здѣсь огорчило, но долженъ вамъ сказать, что сему не иная есть причина, какъ совершенное остервенѣніе противу полковника Шварца, и другихъ побочныхъ причинъ совершенно никакихъ нѣтъ, развѣ военный судъ, назначенный надъ первымъ батальономъ, не откроетъ ли чего...."

Мѣсяцъ спустя, Закревскій писалъ еще (19 ноября 1820 г.):

„....Увѣренъ, что сіе происшествіе васъ еще болѣе трогаетъ, потому что вы сами въ этомъ полку служили.... Будьте увѣрены, почтеннѣйшій князь, что происшествіе въ Семеновскомъ полку бывшее, совершенно не имѣетъ никакихъ побочныхъ причинъ, какъ только единственно ненависть къ Шварцу...."

Въ приложеніяхъ мы даемъ подробное донесеніе генералъ-адъютанта И. В. Васильчикова, къ которому приложены „секретныя замѣчанія собственно для свѣдѣнія одного Васильчикова", написанныя рукой Императора Александра. Изъ нихъ ясно видно, какое значеніе Государь придавалъ этому печальному случаю, и въ какія мельчайшія подробности онъ считалъ нужнымъ входить. Еще замѣчательнѣе собственноручная замѣтка Его Величества на приговоръ суда и резолюціи, писанныя рукою графа Аракчеева

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій

на поляхъ приговора. Поражаютъ строгость и суровая жестокость въ примѣненномъ наказаніи надъ нѣкоторыми нижними чинами, признанными судомъ зачинщиками бунта. Лишь для немногихъ сдѣлано смягченіе наказанія противъ рѣшенія военнаго суда, а главарямъ, несмотря на боевыя ихъ отличія и бытность въ кампаніяхъ, кара увеличена до прогнанія шесть разъ сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ батальона шпицрутенами. Вотъ текстъ самой записки Его Величества, приложенной къ дѣлу *).

„Разсмотрѣвъ съ должнымъ вниманіемъ производство военныхъ судовъ надъ нижними чинами, бывшими въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, и надъ полковымъ командиромъ онаго, полковникомъ Шварцомъ, нахожу:

1) Зачинщиками неповиновенія, происшедшаго въ семъ полку, восемь рядовыхъ, поименованныхъ въ спискѣ подъ №№ 1 и 3.

2) 1-ю Гренадерскую роту, виновную въ непозволительномъ выходѣ на перекличку безъ повелѣнія отъ начальниковъ, въ непослушаніи фельдфебелю, приказавшему имъ разойтись по камерамъ, въ принесеніи начальству жалобъ на притѣсненіе полкового командира, оказавшихся ложными, по строгому изслѣдованію коммиссіи военнаго суда, надъ симъ послѣднимъ учрежденной, и, наконецъ, въ умышленномъ утаеніи именъ зачинщиковъ неповиновенія.

3) Нижнихъ чиновъ, поименованныхъ въ спискѣ № 2, виновными участниками явнаго возмущенія противу начальства и продолженія неповиновенія до отвода ихъ въ крѣпость.

4) Нижнихъ чиновъ, поименованныхъ въ спискѣ подъ №№ 5, 6, 7 и 8, равномѣрно содѣйствовавшими въ неповиновеніи, но оказавшими менѣе умысла къ оному.

5) Нижнихъ чиновъ, поименованныхъ въ спискѣ подъ №№ 3, 4 и 9, менѣе виновными прочихъ, но не умѣвшими воспротивиться силою пагубному дѣйствію товарищей своихъ.

*) Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

6) Рядового Сергѣя Торохова виновнымъ въ дерзкомъ ослушаніи противу дежурнаго генерала въ день выступленія.

7) Наконецъ, полковника Шварца виновнымъ въ несообразномъ выборѣ времени для ученія и въ нерѣшимости лично принять должныя мѣры для прекращенія неповиновенія въ ввѣренномъ ему полку.

„Вслѣдствіе сего, сообразя приговоры комиссіи военныхъ судовъ и желая уменьшить, елико возможно, число наказуемыхъ, обратя должную строгость законовъ единственно на виновнѣйшихъ, повелѣваю:

„Означенныхъ здѣсь въ § 5 распредѣлить наравнѣ съ нижними чинами 2 и 3 баталіоновъ въ армейскіе полки, составляющіе 3-й корпусъ.

„Означенныхъ въ § 4 распредѣлить безъ наказанія въ полки, составляющіе Кавказскій корпусъ.

„Означенныхъ въ § 3, какъ болѣе виновныхъ, въ полки и баталіоны, составляющіе Сибирскій корпусъ, безъ наказанія.

„Означенныхъ въ § 2 распредѣлить въ полки и баталіоны, составляющіе Оренбургскій корпусъ, равномѣрно безъ наказанія.

„Въ 1-мъ и 6-мъ §§ упомянутыхъ рядовыхъ, какъ настоящихъ зачинщиковъ, въ примѣръ другимъ прогнать спицъ-рутенами сквозь баталіонъ по 6 разъ, съ отсылкою въ рудники.

„Назначеннымъ для распредѣленія по корпусамъ Сибирскому и Оренбургскому быть зрителями при наказаніи.

„Полковника Шварца отставить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять, избавляя его отъ строжайшаго наказанія во уваженіе къ прежней долговременной и усердной службѣ, храбрости и отличію, оказаннымъ имъ на полѣ сраженія.

„При разсмотрѣніи сего дѣла, найдя, что командующій 1-ю Гренад. ротою капитанъ Кашкаровъ, что нынѣ Бородинскаго полка подполковникъ, не представилъ ни начальству, ни военному суду записки, поданной ему фельдфебелемъ въ самый вечеръ

происшествія, случившагося въ его ротѣ, и въ коей означены были имена зачинщиковъ, и тѣмъ самымъ сокрылъ отъ начальства настоящихъ виновниковъ происшествія;

„Равномѣрно найдя, что полковникъ же Вадковской, командовавшій тогда 1-мъ баталіономъ, слабымъ и несообразнымъ съ долгомъ службы своимъ поведеніемъ, далъ усилиться безпорядку, повелѣваю обоихъ предать военному суду. Комиссіи же военнаго суда, производившей дѣло о нижнихъ чинахъ, сдѣлать строгій выговоръ за безпорядочное и съ законами несогласное производство дѣла. Оберъ-аудитора Бѣляева за неисполненіе своей обязанности посадить въ крѣпость на мѣсяцъ, отставя отъ службы".

Въ тѣхъ же бумагахъ Закревскаго имѣются еще слѣдующіе документы:

„Дежурный генералъ Главнаго Штаба Вашего Величества генералъ-адъютантъ Закревскій и совѣтникъ Аудиторіатскаго департамента Пащенко полагаютъ:

Роты Вашего Величества:

Рукою Аракчеева:	Рядовыхъ:	
Сквозь строй чрезъ батальонъ 6 разъ, съ отсылкою въ рудники.	1. Николая Степанова. 2. Якова Хрулева. 3. Ивана Дурницына, по списку № 3.	Какъ зачинщиковъ происшествія, выключа изъ воинскаго званія, бить кнутомъ, давъ Степанову и Хрулеву по 50, а Дурницыну 40 ударовъ; сослать въ каторжную работу.
Въ Оренбургскій корпусъ безъ наказанія.	Той же роты рядовыхъ 166 человѣкъ, по списку № 3.	Снявъ съ тѣхъ, кто имѣетъ, знаки отличія, наказать шпицъ-рутеномъ, каждаго чрезъ батальонъ по одному разу, разослать въ армейскіе полки, со строгимъ за поведеніемъ ихъ мѣстному начальству смотрѣніемъ и внушеніемъ.
Въ 7-ю пѣхотную дивизію.	1. Дмитрія Петрова. 2. Алексѣя Лаптева. 3. Венедикта Семенова, по списку № 3.	За чистосердечное признаніе и открытіе зачинщиковъ безъ наказанія отослать въ армейскіе полки.

Производ. въ подпоручики.	Фельдфебеля Брагина, по списку № 10.	Какъ по суду оказавшагося невиннымъ и содѣйствовавшаго къ обнаруженію виновныхъ, отъ суда и ареста освободя, отослать тѣмъ же званіемъ въ армейскіе полки, безъ всякаго наказанія.
Безъ наказанія въ Кавказскій корпусъ, кромѣ унт.-офиц. Мягкова, котораго, разжаловавъ, отослать въ Оренбургскій корпусъ.	Унт.-офицеровъ 14 человѣкъ, по списку № 10.	Какъ не содѣйствовавшихъ къ удержанію рядовыхъ отъ противозаконнаго ихъ поступка, снявъ, кто имѣетъ, знаки отличія и разжаловавъ въ рядовые, отослать въ армейскіе полки.
Въ 7 дивизію, кромѣ Глухова.	Рядовыхъ 14 человѣкъ, по списку № 9.	По невинности ихъ, отъ суда и ареста освободя, распредѣлить въ армейскіе полки.

А генералъ-аудиторъ Булычевъ, не будучи на сіе согласенъ, въ особенности полагаетъ:

	Рядовыхъ: Степанова. Хрулева. Дурницына.	Наказать чрезъ батальонъ шпицъ-рутеномъ, первыхъ двухъ по три раза, а Дурницына одинъ разъ, съ отсылкою въ дальніе гарнизоны.
	Той же роты рядовыхъ 166 человѣкъ, по списку № 3.	Вмѣнивъ имъ въ наказаніе судъ и девятимѣсячное въ казематахъ содержаніе, разослать въ армейскіе полки.
	Фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ сей же роты 14 человѣкъ, по списку № 10.	Освободя ихъ отъ суда, разослать на службу тѣмъ же званіемъ въ армейскіе полки.

Затѣмъ единогласно полагаютъ:

1-й Фузилерной роты

	Рядовыхъ:	
	1. Никифора Кузнецова, по списку № 1.	Какъ зачинщика, бить кнутомъ, давъ 30 ударовъ, сослать въ каторжную работу.
Чрезъ батальонъ 6 разъ и въ рудники.	2. Никифора Петрова, по списку № 1.	Наказать шпицъ-рутеномъ чрезъ тысячу человѣкъ два раза, отослать въ дальнѣйшій гарнизонъ.
Безъ наказанія въ Сибирскій корпусъ.	3. Той же роты 164 человѣка, по списку № 2.	По жеребью десятаго бить кнутомъ, давъ каждому по 25 ударовъ, сослать въ каторжную работу, а остальные затѣмъ

		148 человѣкъ, по снятіи знаковъ отличія, прогнать шпицъ-рутеномъ каждаго чрезъ батальонъ по три раза, потомъ, приведя на вѣрность службы вновь къ присягѣ, разослать въ дальніе полки, съ строгимъ за ними мѣстному начальству смотрѣніемъ и внушеніемъ.
Безъ наказанія въ Кавказскій корпусъ.	4. Фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ сей роты 14 человѣкъ, по списку № 10.	Освободя отъ суда и ареста, тѣми же чинами разослать въ армейскіе полки.
Въ 7-ю дивизію.	5. Рядовыхъ той же роты 18 человѣкъ, по списку № 9.	По невинности ихъ, отъ суда и ареста освободя, распредѣлить въ армейскіе полки.

2-й Фузилерной роты

	Рядовыхъ:	
Чрезъ батальонъ 6 разъ и въ рудники.	1. Харитона Павлова. 2. Никифора Чистякова. 3. Ларіона Васильева, по списку № 1.	Какъ зачинщиковъ происшествія, бить кнутомъ, давъ Павлову 50, а послѣднимъ по 40 ударовъ, сослать въ каторжную работу.
Безъ наказанія въ Сибирскій корпусъ.	Той же роты 52 человѣка, по списку № 2.	Изъ нихъ по жеребью десятаго бить кнутомъ, давъ каждому по 25 ударовъ, сослать въ каторжную работу, а остальныхъ затѣмъ 47 человѣкъ, прогнавъ шпицъ-рутеномъ каждаго чрезъ батальонъ по три раза и потомъ приведя на вѣрность службы къ присягѣ, разослать въ армейскіе полки, съ строгимъ при томъ за ними мѣстному начальству смотрѣніемъ и внушеніемъ.
Въ Кавказскій корпусъ.	Той же роты 69 человѣкъ, по спискамъ №№ 5 и 6.	Во уваженіе долговременнаго ихъ содержанія въ казематахъ, разослать въ армейскіе полки, съ строгимъ мѣстному начальству за поведеніемъ ихъ смотрѣніемъ.
Въ 7-ю дивизію.	Сей же роты 61 человѣкъ, по спискамъ №№ 4 и 9.	Какъ не участвовавшихъ въ происшествіи съ прочими нижними чинами, отъ суда и ареста освободя, распредѣлить въ армейскіе полки.
Въ Кавказскій корпусъ.	Фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ той же роты 14 человѣкъ, по списку № 10.	Освободя отъ суда и ареста, отослать на службу тѣми же чинами въ армейскіе полки.

3-й Фузилерной роты

Въ Кавказскій корпусъ.	Рядовыхъ 147 человѣкъ, по спискамъ №№ 7 и 8.	Замѣня имъ судъ и арестъ, въ наказаніе разослать въ армейскіе полки.
Въ 7-ю дивизію. 147 + 69 = 216; 147 + 69 + 134 = 350	39 человѣкъ, по списку № 9.	Какъ они въ происшествіи съ прочими не участвовали, то, отъ суда и ареста освободя, распредѣлить въ армейскіе полки.
Въ 7-ю дивизію.	Фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ той же роты 12 человѣкъ, по списку № 10.	Освободя отъ суда и ареста, тѣми же чинами отослать на службу въ армейскіе полки.

5-й Фузилерной роты

Черезъ батальонъ 6 разъ и въ рудники.	Рядовой Сергѣй Тороховъ, по списку № 1.	Выключа изъ воинскаго званія и наказавъ плетьми, давъ 50 ударовъ, сослать въ крѣпостную работу.
Комиссіи строгій выговоръ, а Бѣляева на мѣсяцъ въ крѣпость и отставить отъ службы.	Насчетъ комиссіи военнаго суда, производившей дѣло о нижнихъ чинахъ, полагаютъ генералъ-адъютантъ Закревскій и совѣтникъ Пащенко: чтобы презусу и асессорамъ за упущеніе сдѣлать выговоръ, а производителя того дѣла оберъ-аудитора 6-го класса Бѣляева, арестовавъ, посадить на четыре мѣсяца въ крѣпость, потомъ отставить отъ службы.	

Напротивъ того, генералъ-аудиторъ Булычевъ, не находя упущенія со стороны военнаго суда, заключаетъ, что дѣло произведено съ отличнымъ тщаніемъ.

Приговоръ окончательно выраженъ былъ такъ:

„По военному суду, произведенному надъ нижними чинами, составлявшими 1 баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, нижеозначенные рядовые оказались виновными въ слѣдующемъ: роты Его Величества Николай Степановъ и Яковъ Хрулевъ: они первые, ходя въ вечеру 16 октября 1820 года по холостымъ артелямъ, подговорили солдатъ собраться въ коридоръ, подъ видомъ переклички, для принесенія жалобы на отягощеніе службы, гдѣ люди по выходѣ сдѣлали ослушаніе противъ своего фельдфебеля, ибо, по приказанію его, изъ коридора не разошлись и не допустили ему самому итти къ капитану для объявленія о таковомъ непозволительномъ сборищѣ, и въ разнорѣчивыхъ въ судѣ

и при слѣдствіи показаніяхъ, коими, закрывая себя и настоящее происшествіе, не инако доведены до признанія, какъ уже по явномъ ихъ въ томъ отъ другихъ изобличеніи.

За каковыя преступленія по суду приговаривались: выключа ихъ, Степанова и Хрулева, изъ воинскаго званія и снявъ медали, вмѣсто смерти, бить кнутомъ, давъ каждому по 50-и ударовъ, сослать въ каторжную работу.

Но Государь Императоръ, принявъ въ уваженіе долговременное Степанова и Хрулева содержаніе въ крѣпости, равно и бытность въ сраженіяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: избавя ихъ отъ безчестнаго кнутомъ наказанія, прогнать шпицъ-рутеномъ каждаго чрезъ баталіонъ по 6 разъ и потомъ отослать въ рудники.

Иванъ Дурницынъ: онъ, слѣдуя внушенію означенныхъ Степанова и Хрулева, первый закричалъ въ верхнемъ этажѣ на перекличку, по поводу котораго люди, выйдя въ коридоръ, произвели противозаконное дѣйствіе, и за сіе по суду приговаривался, выключа его, Дурницына, изъ воинскаго званія, бить кнутомъ, давъ сорокъ ударовъ, сослать въ каторжную работу.

Но Государь Императоръ, Всемилостивѣйше избавляя его, Дурницына, отъ положеннаго ему наказанія, Высочайше повелѣть соизволилъ, прогнавъ его шпицъ-рутеномъ сквозь баталіонъ 6 разъ, отослать въ рудники.

2-й Фузилерной роты. Харитонъ Павловъ: онъ первый, пришедъ ночью 17 октября изъ нижняго коридора въ верхній, объявилъ рядовому жъ Чистякову и прочимъ товарищамъ своимъ, которые тогда еще не спали, что людей роты Его Величества увели въ крѣпость, и что надобно за нихъ заступиться и выручить; потомъ, получа отъ рядового Ларіона Васильева въ томъ согласіе, произвелъ то, что Чистяковъ вдругъ выбѣжалъ въ коридоръ и, закрича на перекличку, вызвалъ людей, предъ коими сей Павловъ кричалъ: Нѣтъ Государевой роты, она погибаетъ. За каковыя дѣйствія

по суду приговаривался: Павлова, выключа изъ воинскаго званія, бить кнутомъ, давъ 50 ударовъ, сослать въ каторжную работу.

Но Государь Императоръ, Всемилостивѣйше избавляя его отъ приговореннаго наказанія, Высочайше повелѣть соизволилъ: Павлова прогнать шпицъ-рутеномъ сквозь баталіонъ 6 разъ, съ отсылкою въ рудники".

Такія измѣненія были сдѣланы и по другимъ пунктамъ, въ отношеніи всѣхъ виновныхъ.

Продолжительное пребываніе въ предѣлахъ Австріи кончилось отъѣздомъ Его Величества 1 мая 1821 года изъ Лайбаха въ обратный путь, ознаменовавшійся посѣщеніемъ въ Офенѣ могилы старшей сестры, великой княгини Александры Павловны, супруги эрцъ-герцога палатина. Оттуда, чрезъ Венгрію и Галицію, Государь прослѣдовалъ въ Варшаву, а 24 мая прибылъ въ Царское Село. Здѣсь, тотчасъ же послѣ возвращенія, онъ узналъ о доносѣ, полученномъ въ его отсутствіе, о политическомъ заговорѣ, съ приложеніемъ списка всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ немъ. По версіи Шильдера, извѣстилъ Государя обо всемъ этомъ командиръ гвардейскаго корпуса И. В. Васильчиковъ, и Государь отвѣтилъ ему: „Mon cher Wassiltchikoff, vous qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs". Затѣмъ послѣдовало нѣкоторое молчаніе, и Государь добавилъ: „Ce n'est pas à moi à sévir". Возможно и правдоподобно, что такой разговоръ былъ въ дѣйствительности, но внѣ сомнѣнія, что Государь уже былъ освѣдомленъ обо всемъ, еще будучи за границей. За это говоритъ и записка А. Х. Бенкендорфа, поданная въ томъ же 1821 году и найденная въ письменномъ столѣ Александра Павловича въ Царскомъ Селѣ, послѣ его кончины, тѣмъ же Бенкендорфомъ, при разборкѣ бумагъ. Вложивъ найденную записку, на которой не было ни одной помѣтки, въ конвертъ, Бенкендорфъ написалъ на немъ: „Le papier en question retrouvé l'année 25, dans le cabinet de

l'Empereur Alexandre à Zarskoé Sélo, donné l'année 21", а на запискѣ Александръ Христофоровичъ сдѣлалъ такую надпись: „Remis à l'Empereur Alexandre l'année 21, 4 ans avant l'événement du 14 décembre 1825".

На этомъ фактѣ приходится остановиться, но объяснить его логично мы затрудняемся, по слѣдующимъ причинамъ. Если сопоставить строгости по приговору Семеновскаго полка и всю переписку по этому дѣлу, гдѣ Государь упорно искалъ причинъ политическихъ, не обнаруженныхъ ни слѣдствіемъ, ни судомъ, то какъ допустить полнѣйшую индифферентность къ запискѣ Бенкендорфа и къ сообщенному на словахъ Васильчиковымъ?! Какъ разгадать, отчего Государь чуть было не вмѣшался активно въ итальянскія дѣла, чтобы бороться съ карбонарствомъ, а у себя дома, на Руси, ничего не предпринималъ, чтобы пресѣчь надвигавшуюся бѣду, и сказалъ такую фразу: „Ce n'est pas à moi à sévir!" Неужели возможно, что, настроенный Меттернихомъ къ самой отчаянной борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ Европы, Александръ могъ равнодушно относиться къ однороднымъ проявленіямъ въ Россіи? А въ дѣйствительности это было такъ, хотя и не совсѣмъ. Говоримъ не совсѣмъ потому, что душевно изстрадавшійся монархъ нашелъ, однако, то лицо, которое должно было его замѣнить по всѣмъ дѣламъ внутренняго правленія Россіей, и которому онъ не только добровольно, но вполнѣ обдуманно сдалъ бразды управленія родиной. Это лицо былъ Аракчеевъ.

Заблужденіе Государя шло настолько далеко, что онъ предполагалъ исцѣлить Россію отъ революціоннаго настроенія во многихъ слояхъ общества и арміи не чѣмъ другимъ, какъ распоряженіями избраннаго имъ для этихъ цѣлей замѣстителя, въ лицѣ грубаго и необразованнаго исполнителя его же велѣній, Аракчеева. И такое заблужденіе вошло въ плоть и кровь Александра Павловича. Онъ вообразилъ, что Аракчеевымъ онъ какъ бы прикрылъ

себя отъ всякой отвѣтственности, и вотъ до какихъ предѣловъ дошли результаты мистицизма и религіознаго экстаза, приведшіе Государя къ такому плачевному исходу.

А проблески зародившейся фантазіи прикрывать себя Аракчеевымъ, гдѣ только возможно, проявлялись постепенно, и мы ихъ нашли и на поляхъ приговора по семеновской исторіи, и въ другихъ документахъ. Такъ, въ дѣлахъ Военно-Ученаго Архива сохранилось черновое письмо, писанное цѣликомъ рукою Императора Александра еще 20 февраля 1820 года по частному дѣлу и адресованное Рижскому генералъ-губернатору маркизу Паулуччи. Письмо это было переписано Аракчеевымъ и отправлено маркизу отъ его, Аракчеева, имени. Оно гласило: „Милостивый государь мой, маркизъ Филиппъ Осиповичъ. Получа письмо Ваше со вложеніемъ прошенія на Высочайшее Имя Государя Императора, по довольно внимательному разсмотрѣнію, рѣшился я онаго не вручать Его Величеству и при семъ оное Вамъ возвращаю.

„Причины, побудившія меня къ сему, суть слѣдующія: время, въ кое дозволено подавать просьбы объ увольненіи отъ службы, уже миновало съ 1 января, и не прежде какъ 1 сентября оныя принимаются. Во-вторыхъ, искренно долженъ Вамъ признаться, что я не нахожу повода Вамъ приступать къ подобной рѣшительности; ибо, бывъ облагодѣтельствованы милостями Государя, касательно чина, въ которомъ Вы находитесь, сверхъ онаго лестнаго званія генералъ-адъютанта и довольно достаточнаго состоянія, исправляя должность, которая уже доказываетъ довѣренность Государя къ особѣ Вашей, я не понимаю, чего еще Вы можете желать? Имѣвъ весьма часто случай бесѣдовать съ Государемъ, я могу Васъ увѣрить, что ни его мнѣніе, ни довѣренность къ Вамъ ни въ чемъ не перемѣнились и послѣ всего вышесказаннаго, если Вы вспомните, что Вы изъ чужой службы поступили въ россійскую въ 1807 году, и въ теченіе 13 лѣтъ достигли степени, до которой многіе изъ товарищей Вашихъ употребили болѣе 25 лѣтъ

службы ихъ, то съ справедливостью должны будете согласиться, что жаловаться Вамъ невозможно. Извините мое чистосердечіе, оно въ моемъ нравѣ, и я привыкъ имъ руководствоваться.

Аракчеевъ".

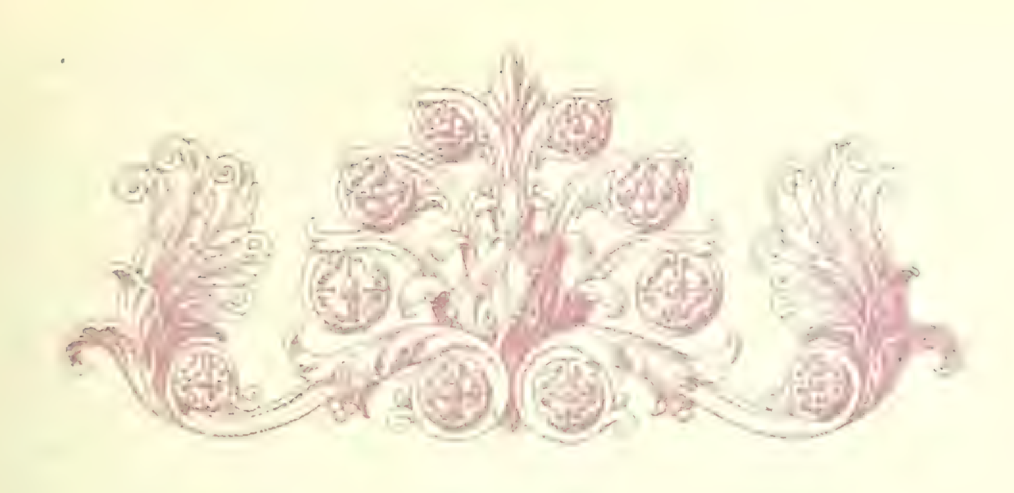
Все, что изложено въ этомъ письмѣ, правильно, и Паулуччи вполнѣ заслужилъ такую отповѣдь. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ Аракчеева долженъ былъ невольно поразить зазнавшагося иностранца, не знавшаго даже русскаго языка, и которому, вѣроятно, перевели на французскій языкъ Аракчеевское посланіе.

Слѣдовательно, если Паулуччи былъ неудовлетворенъ отвѣтомъ, то его гнѣвъ долженъ былъ обрушиться на Аракчеева, такъ какъ маркизъ не могъ ни секунды подозрѣвать, что вся отповѣдь была сочинена самимъ Государемъ. То же самое и въ дѣлѣ семеновцевъ: вся проявленная строгость и жестокость были отнесены вліянію Аракчеева, между тѣмъ онъ вовсе не вмѣшивался во всю процедуру этого судебнаго разбирательства вообще и подчеркивалъ свое невмѣшательство въ письмахъ къ Императору, предпочитая сидѣть въ Грузинѣ, либо въ военныхъ поселеніяхъ за время разбора семеновской исторіи. И вотъ приходится недоумѣвать, почему Александръ Павловичъ счелъ необходимымъ проявить такую строгость къ нижнимъ чинамъ любимаго имъ полка, а оставилъ даже безъ замѣтки поданную ему записку Бенкендорфа, которая обнаружила гораздо болѣе грозные симптомы среди офицерства и части общества. Не мудрствуя лукаво, постараемся объяснить это явленіе возможно проще, на основаніи характера Императора Александра. Онъ былъ шефомъ семеновцевъ, еще будучи Наслѣдникомъ, онъ помнилъ роль полка при восшествіи на престолъ въ 1801 году, онъ гордился боевыми подвигами возлюбленнаго полка на поляхъ брани, и вдругъ, именно въ Семеновскомъ полку случилось такого рода происшествіе, гдѣ уваженіе къ шефу, къ начальству было забыто, а дисциплина *нахально* нарушена.

Чувство обиды и горечь разочарованія привели не только къ строгости, но и къ жестокости!

Что же касается разоблаченій Бенкендорфа и Васильчикова, то они затронули другую больную струну, а именно другое разочарованіе, касавшееся самого себя, своей личности, своихъ заблужденій молодости, всѣхъ либеральныхъ мечтаній въ различные періоды царствованія, и привели къ вполнѣ естественному упадку духа и снисходительности къ прегрѣшеніямъ ближняго, согласно ученію любви во Христѣ. Совѣсть должна была мучить монарха и заставила его отнестись милостиво къ заблужденіямъ другихъ (меньшей братіи), и не хватило ни мужества карать ихъ, ни желанія бичевать себя.

Предоставлялось силамъ небеснымъ, а не разуму человѣка, бороться на этой почвѣ, а неумолимый рокъ, вѣроятно, чудомъ, намѣтилъ для излѣченія недуга именно раба Божьяго Алексѣя Андреевича Аракчеева.



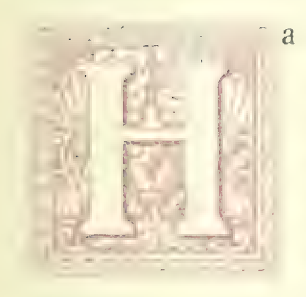
ГЛАВА V.

Общее разочарованіе.

(1822—1825).

„O mon Grand Dieu! prends nous en Ta sacrée garde et aie compassion et pitié de nous".

(Изъ молитвы, писанной рукой Императора Александра I).

а стѣнахъ собора въ Грузинѣ и теперь еще виситъ большой барельефъ Императора Павла, и надъ нимъ виднѣется надпись, изображенная золотыми буквами: „Сердце мое чисто и духъ правъ предъ Тобою". Въ этихъ немногихъ словахъ мы видимъ разгадку отношеній Александра I съ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ. Вѣдь обликъ того человѣка, который былъ задержанъ, по приказанію графа Палена, у петербургскихъ заставъ 11 марта 1801 года, а своимъ появленіемъ въ столицѣ могъ предупредить трагическую развязку мрачной ночи этого достопамятнаго дня, долженъ былъ врѣзаться въ память тогда еще совсѣмъ молодого Государя, вступившаго на Всероссійскій престолъ. Впечатлѣніе это должно было укрѣпиться тѣмъ болѣе сильно и глубоко,

что характеръ и нравъ Аракчеева были очень хорошо извѣстны Александру. Трудно себѣ представить, что произошло бы, если бы Аракчееву удалось во-время предупредить катастрофу, такъ ловко обдуманную графомъ Паленомъ и съ цинизмомъ доконченную генераломъ Беннигсеномъ!

Между тѣмъ, на первое время послѣ воцаренія Александра Павловича Аракчеевъ какъ бы намѣренно стушевался, скрывшись въ Грузинѣ и почти не появляясь въ Петербургѣ. Въ пору гатчинскихъ экзерцицій, Наслѣдникъ престола уже былъ знакомъ съ ревностнымъ служакой, артиллерійскимъ офицеромъ, и не разъ этотъ артиллеристъ, съ вѣчно холоднымъ выраженіемъ лица, ограждалъ юношу отъ порывовъ гнѣва его батюшки. Такого рода людей помнятъ, и воспоминаніе о нихъ не стушевывается съ годами. Императоръ Александръ и не думалъ забывать вѣрнѣйшаго слугу своего родителя и столь же преданнаго ему служаку. Черезъ девять лѣтъ послѣ восшествія на престолъ, Александръ впервые посѣтилъ Грузино 7 іюня 1810 года, на обратномъ пути изъ Твери, отъ великой княгини Екатерины Павловны. На листахъ напрестольнаго Евангелія Аракчеевымъ записаны подробности перваго пребыванія его благодѣтеля. Сказано: „Изволилъ войти съ графомъ въ церковь, гдѣ встрѣтило его духовенство съ крестомъ и святой водой и проводило въ церковь. Государь изволилъ осмотрѣть всю церковь, а изъ оной изволилъ съ графомъ пойтить въ садъ...."

При вторичномъ посѣщеніи, 8 іюля 1816 года, Государь снова былъ въ соборѣ. „При входѣ въ соборъ, Его Величество по обыкновенію былъ встрѣченъ священно-церковно-служителями съ крестомъ и святой водой. Послѣ чего и по вступленіи въ церковь, тотчасъ началась божественная литургія, въ продолженіе которой Государь изволилъ стоять противъ образа св. апостола Андрея Первозваннаго, у праваго клироса, и, по окончаніи божественной литургіи, изволилъ осмотрѣть памятники въ соборѣ Императору Павлу I и убіеннымъ офицерамъ графа Аракчеева

полка". Весьма правдоподобно, что при этихъ посѣщеніяхъ собора взоры Государя должны были остановиться и на барельефѣ Павла, висящемъ на лѣвой стѣнѣ церкви, и на надписи, идущей чрезъ всю стѣну со стороны лѣваго клироса. И надпись, и изображеніе отца не могли не сдѣлать впечатлѣнія, и впечатлѣніе должно было быть значительное, потому что слова надписи безмолвно говорили, что моль я, Аракчеевъ, правъ передъ памятью усопшаго, и что сердце мое чисто. Это напоминаніе минувшихъ дней дѣйствовало тяжело и наводило на грустныя думы. Приблизивъ къ себѣ Аракчеева послѣ горячки первыхъ лѣтъ увлеченій преобразованіями, Александръ естественно могъ вблизи убѣдиться въ работоспособности Алексѣя Андреевича и спокойно наблюдать за его дѣйствіями. Вообще Государь обладалъ качествомъ наблюденія и умѣніемъ держать при себѣ результаты видѣннаго и слышаннаго, не сообщая о томъ никому раньше времени. Работая съ Аракчеевымъ въ тѣ годы исключительно по военному дѣлу, Александръ оцѣнилъ его усердіе, неподкупность и исполнительность, а главное, постепенно привыкалъ къ его холодной фигурѣ, мало внушавшей довѣріе кому-либо.

Александръ Павловичъ, будучи по природѣ болѣзненно недовѣрчивымъ вообще ко всѣмъ окружающимъ, дѣлалъ нѣкоторыя исключенія для друзей юности, какъ князь П. М. Волконскій и князь А. Н. Голицынъ, которыхъ онъ вовсе не стѣснялся, уже по одной привычкѣ къ ихъ лицамъ. Сближеніе же съ Аракчеевымъ произошло незамѣтно и послѣдовательно, что только показываетъ умѣніе грузинскаго помѣщика приноровиться къ характеру Государя. Послѣ Отечественной войны, имѣть Аракчеева около себя стало необходимостью. Императоръ чувствовалъ, что, при совершившейся въ немъ нравственной перемѣнѣ, ему этотъ человѣкъ нуженъ, какъ знавшій его предначертанія по дѣламъ вообще и какъ лицо, на которое онъ могъ всецѣло положиться, что онъ его пойметъ, не выдастъ и не подведетъ. Еще

раньше 1812 года, когда мысли Государя уже отдались приготовленіямъ къ борьбѣ съ Наполеономъ, влеченіе его къ Аракчееву обнаружилось въ желаніи увидать то мѣсто, которое облюбовалъ вѣрный слуга его покойнаго батюшки, и куда онъ постоянно удалялся при малѣйшихъ недоразумѣніяхъ съ нимъ самимъ. Словомъ, хотѣлось увидать загадочное Грузино и пожить тамъ. Въ 1810 году, наконецъ, удалось, послѣ посѣщенія сестры въ Твери, исполнить завѣтную мечту. И вотъ, послѣ первой поѣздки сейчасъ же сказались и результаты. Довѣріе къ Аракчееву еще усилилось, а при содѣйствіи Екатерины Павловны, которая особенно цѣнила Алексѣя Андреевича, вскорѣ удалось свернуть шею Сперанскому и утолить давнишнее чувство ревности къ этому „недостойному" любимцу. Какъ только окончились Наполеоновскія войны, Александръ, не медля, снова поспѣшилъ въ Грузино, и эти посѣщенія съ годами еще участились. Что-то непонятное влекло благодѣтеля въ уединенное гнѣздо благодарнаго ему человѣка, избравшаго, по желанію Императора Павла, своимъ девизомъ на гербѣ лаконическое сочетаніе: „Безъ лести преданъ". Но эти три слова относились не только къ нему, а одинаково и къ покойному Павлу. Тамъ, въ Грузинѣ, и въ домѣ, и въ соборѣ, и въ саду — всюду находились предметы почитанія и благоговѣнія къ памяти его родителя; тамъ невольно приходилось вспоминать о погибшемъ отцѣ, а въ лицѣ владѣтеля этого помѣстья видѣть преданнаго слугу покойнаго; другими словами, на воображеніе должно было дѣйствовать нѣчто таинственное, столь близкое къ тому мистическому состоянію, въ которомъ находился недавній освободитель Европы. Словомъ, память о Павлѣ, тѣнь его, влекли Александра, помимо личныхъ чувствъ, къ тусклому облику Алексѣя Андреевича.

И обликъ этотъ воплотился сперва въ чуткомъ воображеніи монарха, а съ годами сдѣлался неотлучной фигурой, слѣдовавшей по его стопамъ. Отказываясь отъ всѣхъ внѣшнихъ отличій, какъ-то отъ знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго, а потомъ и отъ

фельдмаршальскаго жезла, предложеннаго ему по занятіи Парижа, Аракчеевъ какъ бы подчеркивалъ передъ Государемъ свое безкорыстіе и свою преданность безъ лести ему одному. Такое отношеніе не только трогало сердце Александра, но заставляло невольно заблуждаться въ истинныхъ чувствахъ преданнѣйшаго графа и закрывать глаза на всю эту фальшь, приводившую въ негодованіе приближенныхъ и сотрудниковъ, но вовсе не возмущавшую самого Императора. Напротивъ того, съ годами довѣріе къ Алексѣю Андреевичу росло, и когда религіозное настроеніе овладѣло душой Александра, то ему казалось вполнѣ естественнымъ поручать этому человѣку важнѣйшія дѣла въ Государствѣ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что лишь одинъ Аракчеевъ вѣрно его понимаетъ, безпрекословно исполняетъ и никогда не измѣняетъ царскихъ велѣній. До исторіи въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку вліяніе графа все же имѣло свои предѣлы и сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на дѣлахъ военныхъ поселеній; въ то время имѣли еще голосъ и значеніе князь П. М. Волконскій, А. А. Закревскій, князь А. Н. Голицынъ и нѣкоторые другіе, но по возвращеніи съ Лайбахскаго конгресса и эти люди лишились обычнаго довѣрія и сошли одинъ за другимъ со сцены. Съ 1822 года по всѣмъ дѣламъ Государь началъ слушать только одного Аракчеева, принимать исключительно его доклады по всѣмъ отраслямъ управленій; а всесильный графъ окружилъ монарха исключительно своими ставленниками и клевретами, не смѣвшими ему противорѣчить и что-либо предлагать, не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ. Послѣдніе четыре года царствованія Александра Павловича стали въ дѣйствительности годами управленія Россіей одного Алексѣя Андреевича Аракчеева.

Онъ издавалъ законы, разсылалъ повелѣнія, наказывалъ, миловалъ, объявлялъ выговоры или высказывалъ неудовольствіе, выдвигалъ разныя бездарности, въ общемъ угнеталъ своимъ безсердечнымъ игомъ Россію и русскихъ подданныхъ, а Александръ

молчалъ, страдалъ душевно, недомогалъ часто физически и все покорно подписывалъ. Въ этой главѣ мы разберемъ это тяжелое время. Кто же былъ въ сущности тотъ человѣкъ, который къ концу такого блестящаго царствованія, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Александровской эпохи, сталъ почти неограниченнымъ вершителемъ судебъ Россіи?

Аракчеевы были новгородскіе дворяне, ведущіе свой родъ отъ Ивана Степановича Аракчеева, получившаго за службу предковъ въ 1684 году вотчины въ Новгородскомъ уѣздѣ. Дѣдъ графа былъ убитъ турками въ походѣ Миниха, а отецъ не долго служилъ въ преображенцахъ, но въ чинѣ еще поручика вышелъ въ отставку и сталъ жить въ помѣстьѣ, имѣя на свою долю душъ 20 крестьянъ, попавшихъ ему при раздѣлѣ наслѣдія предка. Здѣсь онъ женился, и здѣсь родились у него три сына: Алексѣй (23 сент. 1769 г.), Петръ и Андрей. Отецъ, видимо, отдавалъ предпочтеніе первенцу. Родители жили, какъ вообще помѣщики тѣхъ временъ. Жили скромно, по бѣднымъ средствамъ, но не нуждались. Мать, набожная, учила сама Алексѣя молитвамъ, часто водила его въ церковь, а дьячокъ училъ грамотѣ и ариѳметикѣ. Мальчика пріучали къ труду и порядку, что онъ усвоилъ на всю жизнь; дьячокъ радовался успѣхамъ Алексѣя по ариѳметикѣ, а когда ему пошелъ двѣнадцатый годъ, отецъ хотѣлъ послать сына въ Москву въ школу, но, благодаря дѣтямъ сосѣда Корсакова, пріѣзжавшимъ на каникулы изъ корпуса, рѣшили Алексѣя отдать въ Петербургѣ въ кадеты. Это было не легко, пришлось долго скитаться по столицѣ, пока случайно генералъ Мелиссино не обратилъ вниманія на мальчика, и 19 іюля 1783 г. Алексѣя опредѣлили въ Артиллерійскій шляхетскій корпусъ. Повезло еще въ томъ, что Мелиссино, изъ временныхъ начальниковъ корпуса, попалъ въ настоящіе, по смерти генерала Мордвинова.

Петръ Ивановичъ Мелиссино, по тогдашнимъ временамъ, былъ очень начитанъ и образованъ, родомъ греко-итальянецъ,

всюду побывалъ и избралъ для себя военную карьеру, доведшую его до высшихъ чиновъ. Въ петербургскомъ обществѣ сумѣлъ занять независимое положеніе, хотя дворянская знать его недолюбливала, называя въ насмѣшку то panier percé, то grand seigneur manqué. Императрица Екатерина цѣнила въ немъ энергичнаго человѣка и сдѣлала директоромъ корпуса за нѣсколько мѣсяцевъ до поступленія въ него Алексѣя Аракчеева. Порядки въ школахъ были тогда суровые, но и ученики часто бывали полувзрослые, буйные, требовавшіе дисциплины, а, чтобы держать эту компанію въ повиновеніи, тогда не было другихъ средствъ, кромѣ розги, которая воспѣвалась даже въ стихахъ:

„Розга умъ острить, память возбуждаетъ
И волю злую во благо прелагаетъ......
Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте;
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,
Ибо не зла, а добра желаютъ".

Маленькій Аракчеевъ сразу сумѣлъ обратить на себя вниманіе корпуснаго начальства по прилежанію, выдержкѣ и успѣхамъ въ математикѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ, при слабой домашней подготовкѣ, перебрался въ высшіе классы, 9 февраля 1784 г. сталъ капраломъ, 21 апрѣля фурьеромъ, а 27 сентября произведенъ въ сержанты, получалъ награды и уже въ 1787 году попалъ въ офицеры. Счастіе не оставляло юноши. Мелиссино рекомендовалъ его учителемъ къ сыновьямъ графа Н. И. Салтыкова, въ 1791 году его избрали преподавателемъ артиллеріи въ родномъ ему корпусѣ. Это совпало со временемъ, когда Наслѣдникъ Русскаго престола, Павелъ, искалъ артиллерійскаго инструктора для гатчинскихъ войскъ, и Мелиссино не замедлилъ назначить на эту должность молодого Аракчеева, прибывшаго въ Гатчину 4 сентября 1792 года. Тутъ, въ Гатчинѣ, въ теченіе четырехъ лѣтъ Аракчеевъ

неутомимо обучалъ войска, старался усовершенствовать артиллерію, работалъ съ неимовѣрнымъ усердіемъ и окончательно пріобрѣлъ расположеніе Павла Петровича, выражавшееся то въ похвалахъ, то въ награжденіяхъ отличіями. Гораздо позднѣе Алексѣй Андреевичъ разсказывалъ про эту эпоху, что „служба въ Гатчинѣ была тяжелая, но пріятная, потому что усердіе всегда отмѣчалось, а знаніе дѣла и исправность въ особенности. Наслѣдникъ престола жаловалъ меня, но иногда и журилъ крѣпко, всегда почти за неисправность другихъ". Зато самъ Аракчеевъ на службѣ былъ невыносимъ и отличался не только требовательностью, но и жестокостью, которую онъ уже раньше проявлялъ, состоя преподавателемъ въ корпусѣ, гдѣ сѣченіе розгами воспитанниковъ было его излюбленнымъ занятіемъ. Впрочемъ, и съ солдатами онъ не признавалъ другихъ способовъ взысканія, развѣ только еще безжалостно билъ людей по лицу, чѣмъ попало. Хотя въ тѣ времена другихъ наказаній не знали, но и тогда Аракчеевъ поражалъ своихъ сослуживцевъ и начальство особымъ, свойственнымъ ему одному, звѣрствомъ. Когда скончалась Императрица Екатерина, и Павелъ вступилъ на престолъ, на Аракчеева посыпались милости новаго Императора. Уже 7 ноября 1796 года полковникъ Аракчеевъ назначенъ Петербургскимъ городскимъ комендантомъ, зачисленъ въ Преображенскій полкъ, а 8 ноября произведенъ въ генералъ-майоры. Ему отведено помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, а именно бывшіе аппартаменты князя П. А. Зубова, что вправо отъ Комендантскаго подъѣзда. 12 декабря Аракчеевъ получилъ 2000 крестьянскихъ душъ, а имѣніе, по предоставленному ему выбору, получилъ въ Новгородской губерніи, Грузинской волости. Во время коронаціи въ Москвѣ, куда Аракчеевъ послѣдовалъ за Государемъ, ему даны Александровская лента и баронскій титулъ. Къ поднесенному на утвержденіе гербу, Императоръ Павелъ собственноручно прибавилъ надпись: „Безъ лести преданъ".

Кромѣ должности коменданта, Аракчеевъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ, а немного позже и командиромъ Преображенскаго полка. По всѣмъ тремъ должностямъ онъ сумѣлъ возбудить неудовольствія, вслѣдствіе чрезмѣрной требовательности. Аракчеевъ, при ежедневныхъ сношеніяхъ съ Павломъ, докладывалъ лично Императору о всякомъ упущеніи по службѣ и о всякой мелочи, подчеркивая свое безпристрастіе и особое рвеніе къ занимаемымъ должностямъ. Такимъ образомъ, двадцатисемилѣтній генералъ пріобрѣталъ понемногу все бо̀льшее значеніе и незамѣтно вмѣшивался въ дѣла, прямо его не касающіяся. Такія личности, какъ безсмертный Суворовъ, не могли избѣжать интригъ гатчинскаго капрала. Находимъ такую записку *), адресованную Императоромъ Аракчееву: „Объ отставкѣ Суворова, по отзыву, что теперь войны нѣтъ", а въ приказѣ отъ 6 февраля 1797 г. сказано: „Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, относясь Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы". По этому поводу другой Павловскій любимецъ, Ростопчинъ, замѣчаетъ: „Стопобѣдный Суворовъ попался въ когти гатчинскаго капрала, который, въ числѣ прочихъ, взялся смирять высокомѣріе Екатерининскихъ героевъ". Словомъ, Аракчеевъ не признавалъ никакихъ заслугъ отечеству, внѣ бывшей гатчинской службы, а на сановниковъ вѣка Екатерины II смотрѣлъ, какъ на людей, награжденныхъ слишкомъ милостиво.

За это время произошло сближеніе между Александромъ Павловичемъ и Аракчеевымъ, въ виду совмѣстной ихъ службы. Императоръ Павелъ поручилъ Аракчееву преподать всѣ тонкости военной службы, принятой въ Гатчинѣ, Наслѣднику престола. 24 ноября 1796 года великій князь Александръ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ губернаторомъ и инспекторомъ Петербургской

*) В. Ѳ. Ратчъ, „Свѣдѣнія о графѣ А. А. Аракчеевѣ, часть I, по 1798 г.", СПб., 1864 (изъ *Военнаго Сборника*, №№ 5 и 12 за 1861 г., и № 1 за 1864 г.), стр. 142.

дивизіи, а 1 января 1798 года,— предсѣдателемъ Военной коллегіи. Всѣ приказы, отдаваемые при паролѣ въ Петербургѣ, были подписываемы Александромъ, какъ губернаторомъ, а скрѣплялись подписью Аракчеева, сперва по званію коменданта, а потомъ генералъ-квартирмейстера. Сношенія завязались ежедневныя, но, къ сожалѣнію, подробныя свѣдѣнія отсутствуютъ, а документами лишь могутъ служить сохраненныя Аракчеевымъ записочки Наслѣдника престола.

При кратковременномъ правленіи Императора Павла, Аракчеевъ впадалъ въ опалу: первый разъ за подполковника Лена, застрѣлившагося изъ-за аракчеевской брани, при чемъ Аракчеевъ былъ уволенъ въ отпускъ, сохранивъ званіе генералъ-квартирмейстера (1 февраля 1798 года), а, по прошествіи полутора мѣсяца, вѣроятно, вслѣдствіе недоразумѣній съ Преображенскимъ полкомъ, Аракчеевъ лишился послѣдней должности генералъ-квартирмейстера (его замѣнилъ генералъ-лейтенантъ Германъ) и 18 марта уволенъ въ чистую отставку, съ награжденіемъ чиномъ генералъ-лейтенанта. Но уже 11 августа 1798 года Павелъ смилостивился и приказалъ Аракчееву вернуться изъ Грузина въ столицу, гдѣ въ началѣ 1799 года осчастливилъ его назначеніемъ инспекторомъ всей артиллеріи, пожаловалъ командоромъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, а 5 мая возвелъ въ графское достоинство.

Но на этотъ разъ могущество гатчинскаго капрала было кратковременно, такъ какъ Аракчеевъ попался въ ложныхъ донесеніяхъ о кражѣ въ арсеналѣ, и 1 октября 1799 года снова былъ отставленъ отъ службы; за Павловское время болѣе никакихъ должностей не занималъ. Сохранились всего 32 записки Александра Павловича, Наслѣдника, къ его будущему другу за періодъ отъ 23 сентября 1796 года до 12 декабря 1799 года; за 1800 и 1801 года мы не нашли ни одной записки; переписка возобновилась лишь 10 мая 1802 года, т.-е. болѣе года спустя послѣ восшествія Александра на престолъ. Нѣкоторыя

сохранившіяся письма, хотя и короткія по содержанію, интересны для характеристики Александра въ Павловскую эпоху. Такъ, 1 октября 1796 года Наслѣдникъ писалъ: „Алексѣй Андреевичъ, имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше, а сожалѣю весьма, что майоръ и офицеры мои подвергаются наказаніямъ, особливо въ столь легкихъ вещахъ. Надѣюсь, что впредь будутъ рачительнѣе. Чувствительно васъ благодарю, Алексѣй Андреевичъ, за стараніе, которое вы приложили къ моей просьбѣ; мнѣ отмѣнно сіе лестно. Пребываю навѣкъ вамъ доброжелательнымъ, Александръ". Тутъ просвѣчиваетъ въ словахъ Александра какъ будто нота неодобренія за излишнюю строгость, но рядомъ другая записка, безъ даты, изъ Москвы (вѣроятно, за время коронаціи Павла), уже другого тона: „Другъ мой Алексѣй Андреевичъ, что тебѣ сдѣлалось? Отпиши мнѣ подробнѣе о твоемъ здоровіи. Мнѣ всегда грустно безъ тебя, и если бы не праздники, я бы къ тебѣ заѣхалъ. Дѣла всѣ вчерась ввечеру кончилъ". Вотъ и еще одна записка, изъ Москвы же: „Другъ мой Алексѣй Андреевичъ, я пересказать тебѣ не могу, какъ я радъ, что ты съ нами будешь. Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женой, которую мнѣ, признаюсь - жаль покинуть". Выходило, слѣдовательно, что еще въ 1797 году разлука съ супругой замѣнялась удовольствіемъ проводить время съ Аракчеевымъ!

Отъ того же года, безъ даты, другое письмо посвящено исключительно службѣ: „...У насъ чудеса дѣлаются. Тревога за тревогой; вчерашняя имѣла дурныя послѣдствія: два офицера преображенскіе были разжалованы въ солдаты, но послѣ, слава Богу, снова прощены. Государь мнѣ также приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты изобрѣлъ, что удобнѣе будетъ: присоединить гвардейскій батальонъ артиллерійскій къ большому ученію всей артиллеріи, или особо Каннабиху заставить сдѣлать въ Гатчинѣ для одного онаго батальона? Теперь, другъ мой, у меня есть моя

просьба до тебя. Пожалуй, пиши ко мнѣ, каковы бываютъ мои разводы и ученья, и въ чемъ ошибки и неисправности состоятъ? Я слышалъ, что Голицынъ не умѣлъ сдѣлать каре; я объ ономъ уже писалъ Корсакову, чтобы впредь сего не случалось. Отпиши мнѣ о семъ приключеніи и, пожалуй, впредь *муштруй ихъ хорошенько* въ ученіяхъ, чѣмъ ты крайне обяжешь того, который на *весь вѣкъ свой останется твоимъ истиннымъ другомъ,* и который желаетъ нетерпѣливо, чтобы ты пріѣхалъ въ Павловское". Здѣсь уже военный микробъ гатчинскихъ экзерцицій сказывается вполнѣ наглядно, а выраженіе „муштруй ихъ хорошенько" является первымъ зачаткомъ будущихъ требованій для дисциплины и порядка.

Совершенно вѣрно замѣчаетъ А. А. Кизеветтеръ: „Если Аракчееву не удалось окончательно закрѣпить расположенія Павла, зато онъ достигъ за это время другой цѣли: онъ сумѣлъ стать необходимымъ человѣкомъ для Александра. Именно здѣсь, въ условіяхъ Павловскаго режима, таились, по моему убѣжденію, первоначальныя сѣмена интимной близости этихъ двухъ людей, давшія впослѣдствіи такой пышный цвѣтъ. Вся дальнѣйшая исторія отношеній между Александромъ и Аракчеевымъ была предрѣшена и можетъ быть объяснена обстоятельствами Павловскаго времени". За 1799 годъ записки Александра уже отличаются большею любовностью, и довѣріе къ человѣку, видимо, растетъ. „....Итакъ, я всегда тебѣ буду благодаренъ, когда въ свободный часъ ты мнѣ что-нибудь напишешь. Еще я могу тебѣ попреку сдѣлать въ томъ, что ты не отвѣчалъ на мой вопросъ касательно до ошибки въ строеніи каре. Я признаюсь тебѣ, что похвала, которую ты дѣлаешь о моемъ полку, походитъ немного на критику. Итакъ, по дружбѣ прошу тебя, объясни мнѣ подробнѣе о недостаткахъ и неисправностяхъ. Завтра у насъ маневръ. Богъ знаетъ, какъ пойдетъ?! Я сумнѣваюсь, чтобы хорошо было. Я хромой. Въ проклятой фальшивой тревогѣ помялъ опять ту ногу, которая была уже помята въ Москвѣ, и только что могу на

лошади сидѣть, а ходить способу нѣтъ; итакъ, я съ постели на лошадь, а съ лошади на постелю. Ты говоришь, другъ мой, что отъ меня зависитъ пріѣздъ твой въ Павловское. Если такъ, то пріѣзжай неотмѣнно какъ можно скорѣе. Пребываю навѣкъ тебѣ вѣрнымъ другомъ". Затѣмъ Александръ сообщаетъ о рожденіи первой своей дочери Маріи: „Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ, Богъ мнѣ даровалъ дочь, и очень счастливо". Наконецъ, послѣ второй и окончательной опалы, 15 октября 1799 года, Александръ старается утѣшить пріятеля: „Я надѣюсь, другъ мой, что мнѣ нужды нѣтъ тебѣ при семъ несчастномъ случаѣ возобновить увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ; ты имѣлъ довольно опытовъ объ ней, и я увѣренъ, что ты объ ней и не сумнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится. Я справлялся вездѣ о помянутомъ твоемъ ложномъ донесеніи, но никто о немъ ничего не знаетъ, и никакой бумаги такого рода ни отъ кого совсѣмъ въ Государеву канцелярію и не входило; а Государь, призвавши Ливена, продиктовалъ ему самъ тѣ слова, которыя стоятъ въ приказѣ. Если что-нибудь было, то съ побочной стороны. Но я вижу по всему дѣлу, что Государь воображалъ, что покража въ арсеналѣ была сдѣлана по иностраннымъ наущеніямъ. И такъ какъ уже воры сысканы, какъ уже, я думаю, тебѣ и извѣстно, то онъ ужасно удивился, что обманулся въ своихъ догадкахъ. Онъ за мною тотчасъ прислалъ и заставилъ пересказать, какъ покража сдѣлалась, послѣ чего сказалъ мнѣ: „Я былъ все увѣренъ, что это по иностраннымъ проискамъ". Я ему на это отвѣчалъ, что иностраннымъ мало пользы будетъ въ 5 старыхъ штандартахъ, — тѣмъ и кончилось. Про тебя онъ ни слова мнѣ не говорилъ, и видно, что ему сильныя внушенія на тебя сдѣланы, потому что я два раза просилъ за Апрѣлева, который и дѣла совсѣмъ съ тѣмъ не имѣлъ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться, не почему иному, кажется, какъ потому, что Апрѣлевъ отъ тебя шелъ. Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ, не забывай меня, будь

здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается“. Послѣ этого письма имѣется лишь одно отъ 12 декабря 1799 г., гдѣ Александръ благодаритъ Аракчеева за поздравленіе со днемъ рожденія и еще разъ завѣряетъ его въ дружбѣ навѣки.

На два года корреспонденція прекращается, по крайней мѣрѣ письма съ обѣихъ сторонъ отсутствуютъ во всѣхъ архивахъ, и это правдоподобно, потому что въ эти годы уже шли переговоры съ графомъ Панинымъ и Паленомъ о заговорѣ, гдѣ вовсе не нуждались въ содѣйствіи грузинскаго помѣщика.

Но письмо Наслѣдника престола, послѣ вторичнаго паденія Аракчеева, показываетъ, насколько удаленіе его озабочивало Александра, потому что, лишившись особы доселѣ всемощнаго графа, юноша опасался проявленій гнѣва своего отца, и теперь некому было при трудныхъ обстоятельствахъ оберегать Наслѣдника. Врядъ ли выраженія любви и дружбы относились къ личности Аракчеева: просто, онъ былъ необходимъ Александру, чтобы заслонять его отъ всевозможныхъ порывовъ батюшки, никогда не оказывавшаго довѣрія сыну-первенцу.

Въ этомъ предположеніи мы снова сходимся съ точкой зрѣнія г. Кизеветтера, который говоритъ: „Александръ заслонялся Аракчеевымъ отъ отца, и для того-то, чтобы обезпечить себѣ это, столь необходимое и надежное прикрытіе, онъ всячески цѣплялся за Аракчеева, расточалъ ему нѣжныя признанія въ любви и дружбѣ и не хотѣлъ вѣрить очевиднымъ фактамъ, которые бросали тѣнь на нравственную личность Аракчеева. Здѣсь было не ослѣпленіе личностью Аракчеева, а расчетливое использованіе его услугъ въ интересахъ самосохраненія“. Такъ же и далѣе: „Не доказываетъ ли колебаніе въ служебной карьерѣ Аракчеева, что и во все время своего царствованія, такъ же какъ и въ бытность свою Наслѣдникомъ престола, Александръ являлся въ своихъ отношеніяхъ къ Аракчееву не жертвой безотчетнаго увлеченія личностью послѣдняго, а, наоборотъ, господиномъ, сознательно

употреблявшимъ Аракчеева, въ качествѣ орудія, для осуществленія своихъ самостоятельныхъ плановъ. Когда Александръ былъ Наслѣдникомъ, Аракчеевъ былъ нуженъ, чтобы заслониться имъ отъ отца; когда Александръ началъ царствовать, онъ приближалъ къ себѣ Аракчеева каждый разъ, когда считалъ необходимымъ заслониться имъ отъ своихъ подданныхъ".

Всѣ эти выводы переданы вѣрно, но мы, однако, должны добавить, что не малую роль сыграли въ отношеніяхъ между этими столь противоположными натурами и результаты трагическаго исчезновенія Императора Павла, гдѣ Аракчеевъ остался въ сторонѣ, а Александръ былъ причастенъ, давъ разрѣшеніе дѣйствовать заговорщикамъ. Постоянный гнетъ событія 11 марта 1801 года не оставлялъ Александра во всю его жизнь, а когда душевныя тревоги стали превращаться въ религіозно-мистическое настроеніе, то его влекло именно къ тому человѣку, который былъ когда-то посредникомъ между нимъ и покойнымъ отцомъ, тѣнь котораго преслѣдовала столь назойливо Александра, что онъ не могъ отъ нея отдѣлаться. И въ этомъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ самъ Аракчеевъ, который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминалъ державному покровителю о его незабвенномъ батюшкѣ. Даже подъ стѣнами Парижа, въ 1814 году, Аракчеевъ отмѣтилъ рядомъ съ совмѣстнымъ говѣніемъ съ Александромъ и панихиду (11 марта) по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, что рельефно подчеркнуто въ его журналѣ за этотъ годъ. Позднѣе, а именно 29 іюня 1823 года, Аракчеевъ писалъ Александру въ день именинъ его покойнаго родителя: „Отдавъ въ храмѣ Божіемъ чувства душевной благодарности памяти сегодняшняго именинника, который, предстоя у престола Божія, конечно, видитъ истинную любовь и преданность къ Августѣйшему его преемнику того подданнаго, котораго угодно ему было еще при жизни своей къ нему приблизить, съ приказаніемъ быть ему вѣрнымъ слугой, я исполняю оное въ полной

мѣрѣ душевнаго моего расположенія и благодарю ежедневно Бога за милостивое Вашего Величества ко мнѣ расположеніе".

Послѣ восшествія на престолъ, Александръ первые два года не тревожилъ Аракчеева, занимаясь съ усердіемъ, но безъ убѣжденія въ засѣданіяхъ негласнаго комитета либеральными новшествами. Какъ только интересъ къ реформамъ сталъ ослабѣвать, былъ вызванъ изъ Грузина Алексѣй Андреевичъ, и ему снова приказано быть инспекторомъ всей артиллеріи. Здѣсь, въ теченіе пяти лѣтъ, Аракчеевъ проявилъ самую кипучую дѣятельность и на почвѣ чисто артиллерійской сдѣлалъ много существеннаго. Заслуги его были отмѣчены разными благодарностями, а 28 іюня 1807 года, изъ Таурогена, онъ получилъ такого рода рескриптъ: „Господинъ генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ! Доведеніе до превосходнаго состоянія артиллеріи и успѣшное дѣйствіе оной въ продолженіе сей войны, также исправное снабженіе оной всѣмъ нужнымъ, обязываетъ меня сдѣлать достойное воздаяніе заслугамъ вашимъ; посему приказомъ моимъ вчерашняго дня произведены вы въ генералы-отъ-артиллеріи. Примите сей знакъ моей признательности и особаго моего благоволенія, съ коими пребываю вамъ благосклонный". Затѣмъ, 1 іюля того же 1807 года Аракчеевъ получилъ другой рескриптъ, весьма милостивый, гдѣ въ девяти пунктахъ предписывались различныя новыя усовершенствованія по артиллеріи, а 13 января 1808 года Аракчеевъ назначенъ военнымъ министромъ. Опять назначеніе не случайное, а вызванное обстоятельствами, изъ которыхъ ближайшимъ была война съ Швеціей на финляндской территоріи, гдѣ требовалась энергичная рука. Аракчеевъ былъ вскорѣ командированъ въ Финляндію, чтобы лично руководить дѣйствіями военноначальниковъ и не затягивать кампаніи. Тутъ вліяніе его оказалось полезнымъ, и шведская война закончилась сравнительно быстро. Государь былъ отвлеченъ поѣздкой въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ, и ему нужна была твердая рука на время своего отсутствія.

Обращаемъ вниманіе на письмо Александра Павловича изъ Лейпцига отъ 5 октября, на обратномъ пути изъ Эрфурта: „Всѣ заключенія и по онымъ предписанія послѣдовавшія нахожу совершенно основательными. Буксгевденъ продолжаетъ все глупости дѣлать. Поступокъ Тучкова противъ М. Долгорукаго подлъ до крайности и доказываетъ завистливую душу. Мнѣ кажется, полезно бы было въ награду за одержанныя побѣды произвести Н. М. Каменскаго въ генералы-отъ-инфантеріи, равномѣрно и Багратіона, который старѣе его и, кажется, исполнилъ хорошо ему препорученное. Долгорукаго произвести въ генералъ-лейтенанты *). Такимъ образомъ, мы бы подвинули людей, отличающихся отъ прочихъ, и которые принесутъ несомнѣнную пользу, бывъ начальниками. Тучкова **) я бы думалъ смѣнить, а весь его корпусъ препоручить Долгорукому, который лучше все исполнитъ. Если въ душѣ своей ты согласенъ съ симъ мнѣніемъ, прикажи тотчасъ отдать въ приказѣ; если же имѣешь какое возраженіе на оное, то погоди моего пріѣзда, я не замедлю долѣе трехъ или четырехъ дней послѣ сего курьера. Впрочемъ, я довольно не могу нахвалиться тобою, и имѣю отличнаго въ тебѣ помощника". Въ этихъ строкахъ ясно выражено и довѣріе, и благоволеніе къ военному министру, а также вполнѣ правильное мнѣніе о боевыхъ заслугахъ генераловъ.

За періодъ управленія Военнымъ министерствомъ Аракчеевымъ получено отъ Императора 56 писемъ или записокъ, и всѣ они свидѣтельствуютъ о большомъ довѣріи къ нему.

Когда былъ заключенъ миръ съ Швеціей, на будущаго временщика посыпались щедрыя награды, но знаковъ ордена св. апостола Андрея Первозваннаго Аракчеевъ все же не принялъ,

*) Князь М. П. Долгорукій былъ убитъ ядромъ 15 октября 1808 года въ сраженіи при Иденсальми.

**) Николай Алексѣевичъ Тучковъ 1-й, умеръ отъ раны, полученной въ 1812 году на поляхъ Бородина.

несмотря на то, что Его Величество удостоилъ его присылкой имъ лично носимаго ордена. Этимъ Аракчеевъ хотѣлъ подчеркнуть свое безкорыстіе и преданность Государю, основанныя не на знакахъ внѣшняго отличія. Способъ извѣстный, но тѣмъ не менѣе производившій впечатлѣніе, правда, только на Государя, а не на прочихъ сослуживцевъ графа. А вотъ и наглядные примѣры царскихъ милостей: 30 августа 1808 года: „Въ доказаніе признательности Его Императорскаго Величества къ ревностной службѣ и неусыпной дѣятельности военнаго министра графа Аракчеева, повелѣваемъ Ростовскому мушкатерскому полку носить его имя".

Годъ спустя, 6 сентября 1809 года, другой знакъ признательности: „Миръ, Слава Всевышнему, заключенъ на мною предложенныхъ основаніяхъ. Чтобы не терять времени, я, отступя отъ порядка, приказалъ адъютанту заѣхать въ крѣпость съ повелѣніемъ выстрѣлить 101 пушку" (т.-е. выстрѣловъ). „При семъ прилагаю то, что по всей справедливости тебѣ слѣдуетъ, а чтобы болѣе изъявить мою благодарность за всю твою службу, и чтобы пріятнѣе тебѣ было оный носить, прилагаю здѣсь мой собственный, который я носилъ" (знаки ордена св. Андрея Первозваннаго). На этомъ письмѣ Аракчеевымъ сдѣлана помѣтка: „Получено 6 сентября 1809 года съ флигель-адъютантомъ Твороговымъ, въ 12 часу дня. При ономъ приложенъ былъ орденъ св. Андрея, который и находился у графа до 7 час. вечера". На другой день, т.-е. 7 сентября 1809 года, полученъ графомъ еще рескриптъ: „Въ воздаяніе ревностной и усердной службы военнаго министра графа Аракчеева, войскамъ отдавать слѣдующія ему почести и въ мѣстахъ Высочайшаго пребыванія Его Императорскаго Величества". Казалось, чего еще оставалось желать счастливому царскому избраннику?! А между тѣмъ Аракчеевъ позволялъ себѣ часто показывать то недовольство, то просто капризы, если Государь ему чего-либо не сообщалъ или оказывалъ довѣріе и расположеніе другимъ. И всѣ эти выходки сходили для него благополучно. Особенно

рѣзко выразилось дурное расположеніе графа при образованіи Государственнаго Совѣта, когда ему не показали проекта реформы. Графъ страшно обидѣлся и взбѣшенный уѣхалъ къ себѣ въ Грузино; Александръ старался всѣми средствами смягчить гнѣвъ своего любимца, но въ концѣ концовъ Аракчеевъ настоялъ на своемъ и сдалъ управленіе Военнымъ министерствомъ Барклаю. Что Аракчеевъ поступилъ обдуманно, свидѣтельствуетъ надпись на поляхъ Грузинскаго Евангелія отъ 1 января 1810 года, гласящая: „Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста въ государствѣ“. А между тѣмъ Александръ Павловичъ сдѣлалъ все, чтобы удержать графа отъ нахальнаго поступка, написавъ ему такого рода знаменательныя слова: „При первомъ свиданіи нашемъ вы мнѣ рѣшительно объявите, могу ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчеева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо смѣлъ надѣяться, или необходимо мнѣ будетъ заняться выборомъ новаго военнаго министра“.

И что же? Александру пришлось искать новаго человѣка на эту должность, а Аракчеевъ самодовольно сѣлъ на предсѣдательское мѣсто въ Военномъ департаментѣ Государственнаго Совѣта!

Вышло, что Аракчеевъ какъ бы остался побѣдителемъ въ домашней распрѣ съ Государемъ, а Александръ удовольствовался быть побѣжденнымъ и ничѣмъ не выразилъ вполнѣ естественнаго недовольства. Напротивъ того, Императоръ лѣтомъ впервые посѣтилъ Грузино, точно этой поѣздкой онъ желалъ подчеркнуть свое раскаяніе или самобичеваніе. Слѣдовательно, Аракчеевъ могъ только радоваться результатамъ своихъ непозволительныхъ пріёмовъ въ обращеніи съ Русскимъ царемъ, и пріёмы эти повторялъ также и въ будущемъ, все съ тѣмъ же успѣхомъ. Какія же объясненія можетъ искать историкъ въ такого рода проявленіяхъ униженія паче гордости? Мы допускаемъ только одно: смиреніе

предъ тѣмъ человѣкомъ, котораго „сердце было чисто и духъ правъ предъ нимъ“, то-есть предъ Императоромъ Павломъ. Другихъ аргументовъ нельзя найти. Вѣдь и нахальству, и дерзостямъ есть предѣлъ, а въ отношеніяхъ этихъ двухъ людей оставалось что-то непонятное, потому что, по природѣ, они были рѣзко противоположны другъ другу.

Кизеветтеръ говоритъ: „...Аракчеевъ могъ мѣнять направленіе своей дѣятельности въ какой угодно степени, но онъ не могъ съ этого момента примириться лишь съ однимъ: чтобы у Государя явилась мысль, что кто-нибудь другой можетъ выполнять функціи тѣлохранителя и личнаго пѣстуна лучше или хотя бы даже хуже, нежели Аракчеевъ. Этого Аракчеевъ допустить не могъ, ибо онъ отлично понималъ, что именно здѣсь—единственная опора всего великолѣпнаго зданія его безграничнаго всевластія“. Можемъ завѣрить автора этихъ строкъ, что у Александра Павловича никогда не являлось мысли о замѣнѣ Аракчеева кѣмъ-либо другимъ, и что едва ли опасенія Аракчеева были чистосердечны, когда они проявлялись наружу, а просто это былъ пріёмъ, имъ усвоенный, для лучшаго обузданія разныхъ страстей своего покровителя. Что же касается до „функцій тѣлохранителя“, то Александръ именно желалъ имѣть такого человѣка, какъ Аракчеева, а послѣдній находилъ эту функцію только выгодной для себя.

Надо отдать безпристрастно должное Аракчееву, что иногда онъ находился на высотѣ порученнаго ему дѣла и, имѣя способность работать безъ устали, исполнялъ успѣшно все то, что ему было поручено. Сдавъ должность военнаго министра, онъ, какъ председатель Военнаго департамента въ Государственномъ Совѣтѣ, не мѣшалъ Барклаю приводить армію въ надлежащій видъ и помогалъ ему въ работахъ въ теченіе 1810 и 1811 годовъ для подготовки борьбы съ Наполеономъ, будучи посвященъ во всѣ детали громадныхъ подготовленій. Эта освѣдомленность Аракчеева помогла ему исполнять должность почти единственнаго

А. И. Чернышевъ

Графъ К. В. Нессельроде

Г. А. [illegible]

Князь А. Н. Голицынъ

секретаря Государя во время Отечественной войны. Оставшіяся 77 записокъ Александра къ нему за этотъ періодъ *) наглядно доказываютъ справедливость нашей точки зрѣнія, а нѣкоторыя записки свидѣтельствуютъ не только о неограниченномъ довѣріи къ нему Императора, но и о замѣчательной прозорливости Государя въ ту годину. Въ приложеніяхъ помѣщены всѣ записки; здѣсь же приведемъ только самыя характерныя **):

7 сентября 1812 года: „Чтобы нѣсколько публику приготовить къ печальнымъ извѣстіямъ, мнѣ кажется нужно напечатать сегодня же послѣдній рапортъ Кутузова, котораго печатаніе было оставлено; но пошли тотчасъ, чтобы могъ онъ разойтиться въ публикѣ сего же дня". Печальное извѣстіе касалось сдачи Москвы непріятелю послѣ Бородина.

9 сентября: „Письмо къ генералъ-адъютанту Волконскому я распечаталъ. Оно по службѣ, и нужно все сдѣлать, какъ требуетъ Винценгеродъ. Другія два письма, къ женѣ его и отъ Сергѣя Волконскаго къ сестрѣ, я читалъ, и должно отослать. Я еще написалъ письмо къ Винценгероду, которое при семъ же приложено".

14 сентября: „Прочтя бумаги къ Балашову, пришли назадъ ко мнѣ для доставленія къ матушкѣ".

17 сентября: „У меня рескриптъ къ Кутузову написанъ въ сходствіе нашего разговора. Но, по внимательному разсмотрѣнію на картѣ, я нахожу, что сіе дѣло, дабы могло быть полезно, требуетъ точнѣйшаго соображенія, особливо по неравнымъ дистанціямъ, въ коихъ окружныя губерніи лежатъ отъ Москвы. Для сего необходимо сей проектъ обдѣлать внимательнѣе, чего успѣть нельзя сегодня. А потому я полагаю курьера отправить, а съ симъ планомъ пошлемъ другого".

---

*) А именно: №№ 1—66 (стр. 595—605) и №№ 1—11 (стр. 606—607).

**) Возможно, что приводимыя тутъ записки утомятъ вниманіе читателя, но для пониманія отношеній между Императоромъ Александромъ и графомъ Аракчеевымъ онѣ представляютъ безцѣнный кладъ и многое объясняютъ.

29 сентября: „Прикажи переписать снова, я забылъ поправить одно слово, безъ котораго и смыслу не было. Хотя на чистомъ выскоблить, продралъ бумагу“.

Сентября (безъ даты): „Всего короче сказаться больнымъ тебѣ, или сказать, что я тебя звалъ къ себѣ обѣдать, а мой обѣдъ, право, лучше тамошняго“.

26 октября: „Мнѣ пришло на умъ, лучше не посылать сего письма, чтобы не произвесть напраснаго раздора“.

29 октября: „Я имѣлъ терпѣніе прочесть всѣ сіи бумаги. Много весьма интереснаго, и я желаю, чтобы самъ ихъ прочелъ“.

1 ноября: „Прочтя, вороти ко мнѣ всѣ сіи бумаги на имена разныхъ министровъ; я самъ ихъ разошлю, а то на тебя еще въ состояніи будутъ сердиться“.

2 ноября: „Вороти мнѣ письмо къ Нессельроде. Хорошо бы мнѣ съ тобой повидаться передъ твоимъ отъѣздомъ завтра. Я въ семь часовъ и даже въ седьмомъ часу уже одѣтъ“.

9 ноября: „Кажется, Всемогущій обратилъ на главу сего изверга всѣ тѣ бѣдствія, которыя онъ намъ готовилъ“ (про Наполеона).

11 ноября: „Я видѣлъ, что Чернышевъ будетъ огорченъ, если его сдѣлать просто генералъ-маіоромъ; то онъ, кажется, заслуживаетъ, чтобы его произвести прямо въ генералъ-адъютанты, что и исполнить“.

14 ноября: „Прикажи списать точныя копіи съ писемъ вице-короля“ (Евгенія Богарне), „даже до подписи. Мнѣ надобно ихъ отослать въ Швецію“ (къ Бернадотту).

21 ноября: „Помнится мнѣ, что во вчерашнемъ рапортѣ Витгенштейна, говоря о своей побѣдѣ, называетъ онъ ее *неслыханной*. То, если оно такъ, и еще есть время сіе слово выкинуть изъ печатныхъ листковъ, то прикажи оное исполнить“.

6 декабря: „За стужею, для сбереженія людей, можно отмѣнить отвозъ трофей въ Казанскую“.

Всѣ эти записки наглядно доказываютъ степень довѣрія Императора къ Аракчееву, а также, что за Отечественную войну не кто иной какъ Аракчеевъ былъ въ дѣйствительности секретаремъ Государя по всѣмъ военнымъ дѣламъ. То же самое происходило во время кампаній 1813 и 1814 годовъ, а записокъ за этотъ періодъ сохранилось около ста *). Изъ нихъ приведу только двѣ или три, такъ какъ остальныя всѣ въ томъ же духѣ, какъ за Отечественную войну.

9 февраля 1813 года: „Съ семи часовъ до сихъ поръ я не зажималъ, по несчастію, рта своего съ этой проклятой политикой. Мочи нѣтъ! Если ничего необходимаго у тебя нѣтъ, то я завтра поутру съ тобой увижусь“. Эти строки доказываютъ, до чего добросовѣстно Государь велъ лично дѣла внѣшней политики, и до какой степени онъ иногда утомлялся разговорами и всякими переговорами въ этой области.

Когда лѣтомъ 1814 года, изъ Парижа, Его Величество отправился въ Англію, то Аракчеевъ его не сопровождалъ, а оставался на нѣмецкихъ водахъ для лѣченія. 22 мая Государь ему написалъ такого рода исповѣдь: „...Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстался съ тобой. Пріими еще разъ всю мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и которыхъ воспоминаніе навѣкъ останется въ душѣ моей. Я скученъ и огорченъ до крайности. Я себя вижу послѣ 14-лѣтняго тяжелаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной, и ничье удаленіе мнѣ столь не тягостно, какъ твое. Навѣкъ тебѣ вѣрный другъ“. Въ этихъ словахъ вылилось все, что могъ Александръ высказать вѣрному служакѣ и точному исполнителю всѣхъ предначертаній.

*) А именно, №№ 12—105 (стр. 607—622).

Думается, что въ тяжелые годы борьбы съ Наполеономъ Аракчеевъ былъ, дѣйствительно, тѣмъ неотлучнымъ и необходимымъ лицомъ, на работу котораго монархъ могъ положиться при своихъ сложныхъ и разностороннихъ занятіяхъ и обязанностяхъ. Былъ ли выборъ Государя удаченъ, или нѣтъ — другой вопросъ; но намъ кажется, что за эпоху войнъ врядъ ли Александръ Павловичъ нашелъ бы другого человѣка для такой сложной и кропотливой работы, который все исполнялъ бы быстро и точно. Рядомъ съ нимъ находился при Государѣ другой довѣренный пріятель, князь П. М. Волконскій, ненавидѣвшій Аракчеева, но исполнявшій столь же добросовѣстно возложенное на него дѣло. Безспорно, у Александра былъ особый талантъ соединять на общую пользу для занятій совсѣмъ противоположные элементы, которые ему безропотно подчинялись и добросовѣстно исполняли все имъ порученное.

Несмотря на милостивыя слова Государя передъ отъѣздомъ въ Англію, между нимъ и Аракчеевымъ въ Парижѣ еще произошли недоразумѣнія на почвѣ обидъ, что, молъ, Его Величество въ немъ болѣе не нуждается. Марченко, бывшій въ то время тоже въ Парижѣ, говоритъ: „Аракчеевъ, не будучи спрашиванъ пять недѣль съ докладами, огорчился и рѣшился остаться два года за границей. Передъ выѣздомъ изъ Парижа отправилъ онъ письмо Государю, чтобы онъ позволилъ ему остаться на водахъ, и указъ, на мое имя заготовленный, но безъ моего вѣдома, чтобы, по прибытіи въ Петербургъ, разсортировалъ я дѣла канцеляріи и сдалъ по принадлежности въ министерства и Иностранную коллегію — затѣя совершенно пустая и невозможная къ исполненію. Государь послѣ сего позвалъ къ себѣ Аракчеева и, какъ графъ сказывалъ мнѣ, были большія объясненія. Предлагаемо ему было званіе фельдмаршала; только кончилось тѣмъ, что онъ получилъ отпускъ“. При обратномъ проѣздѣ Императора изъ Англіи черезъ Германію, Аракчеевъ видѣлся съ нимъ въ Аахенѣ и перемѣнилъ намѣреніе: отправился просто на просто въ Петербургъ

и съ такимъ расчетомъ, чтобы быть тамъ раньше Государя. Спрашивается, къ чему была вся эта комедія отпуска и лѣченія?

Но, видимо, такіе пріемы онъ считалъ необходимыми въ своихъ отношеніяхъ съ Александромъ Павловичемъ. Послѣ заключенія Священнаго союза и въ разгаръ мистицизма, Государь всецѣло поручилъ Аракчееву веденіе дѣла военныхъ поселеній. По этому поводу между ними завязалась нескончаемая переписка, и въ приложеніяхъ даны какъ записки Александра, такъ и донесенія графа на эту тему. Переписка не прекращалась и во время конгрессовъ. Такимъ образомъ, въ 1822 году, исподволь и незамѣтно, Аракчеевъ дошелъ до апогея своего могущества, воспользовавшись умѣло и ловко окончательнымъ переломомъ въ характерѣ Благословеннаго монарха *).

Мы остановили наше повѣствованіе на окончаніи Лайбахскаго конгресса. Греческое возстаніе привлекало тогда взоры Европы. Каподистріа убѣждалъ всячески Императора Александра оказать

*) Въ запискахъ Греча приведено стихотвореніе, написанное на Аракчеева.

„К. Ѳ. Рылѣевъ, будущій декабристъ, въ посланіи къ князю Вяземскому, написанномъ будто бы въ подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубелліи и напечатанномъ въ „Невскомъ Вѣстникѣ", говорилъ очень явно объ Аракчеевѣ:

„Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ высшій санъ пронырствами злодѣй,
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!"

Александръ Михайловичъ Тургеневъ, въ своихъ запискахъ, произноситъ такой приговоръ надъ Аракчеевымъ: „Исторія — неумолимый судія событій — на страницѣ (начала царствованія Александра Павловича) сыщетъ еще къ смягченію, къ снисхожденію относительно его личности достаточно основательныхъ доказательствъ... Но, ставъ царемъ, судьей посреди царей, Александръ предался (апатіи) и ввѣрилъ правленіе обширнѣйшаго своего Государства Аракчееву, человѣку-невѣждѣ, дышащему злобою и ненавистью, котораго, кромѣ гнуснѣйшихъ льстецовъ, никто терпѣть не могъ, не произносилъ безъ презрѣнія имя его. Народъ, да и во всѣхъ сословіяхъ общества, Аракчеева называли змѣемъ-горынычемъ! Въ извиненіе сего ни словъ, ни доказательствъ не сыщется" (*Русская Старина*, декабрь 1885, Т. XLVIII, стр. 480—481).

содѣйствіе грекамъ, но тщетно; того же добивалась и баронесса Крюденеръ, но также безъ всякаго успѣха. Тѣмъ временемъ князь Меттернихъ настаивалъ на созывѣ новаго конгресса въ Веронѣ и предварительно просилъ Русскаго Государя заѣхать въ Вѣну, чтобы лично переговорить о положеніи дѣлъ въ Греціи и въ Испаніи съ императоромъ Францемъ и сговориться съ нимъ о планѣ дѣйствій на будущемъ конгрессѣ. Александръ не колебался и пожертвовалъ Каподистріа, съ которымъ привыкъ совмѣстно работать послѣ 1815 г., въ теченіе семи лѣтъ, а оставилъ для управленія внѣшней политикой одного Нессельроде.

Въ августѣ 1822 года Каподистріа выѣхалъ навсегда изъ Россіи, а турецкія дѣла, которыми со времени Екатерины вѣдали русскіе государи, сносясь непосредственно со Стамбуломъ, перешли на обсужденіе Европы. Этимъ совершена роковая ошибка, чреватая послѣдствіями, и она всецѣло лежитъ на отвѣтственности Александра Павловича, поддавшагося вліянію князя Меттерниха. Шильдеръ справедливо замѣчаетъ: „Дѣйствительно, для Россіи потеря Каподистріа была важнѣе проиграннаго сраженія". Самъ Меттернихъ сознавалъ всю важность ухода греческаго патріота и писалъ императору Францу: „Русскій кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра Великаго и всѣхъ его преемниковъ", а въ разговорѣ съ англійскимъ генераломъ Майтландомъ (Maitland) сказалъ ему: „Eh bien, Général, le principe du mal est déraciné, le comte de Capodistria est enterré pour le reste de ses jours. Vous vivrez en paix dans les iles, et l'Europe sera délivrée de grands dangers, dont l'influence de cet homme la menaçait". Понимали создавшуюся обстановку и многіе русскіе, и въ числѣ ихъ Карамзинъ, а заблуждался лишь Русскій Государь. 15 мая 1822 г. онъ выѣхалъ въ Вильну, гдѣ дѣлалъ смотры гвардейскому корпусу, уже долгое время тамъ находившемуся, будто бы, въ боевой готовности, для выступленія въ походъ за границу, а въ сущности удаленному изъ столицы послѣ Семеновской

исторіи для избѣжанія вредныхъ вліяній тайныхъ обществъ на офицерскій составъ гвардіи. Затѣмъ Государь въ іюнѣ совершилъ обычную экскурсію по военнымъ поселеніямъ, побывалъ снова въ Грузинѣ у больного Аракчеева, въ началѣ августа прибылъ въ Варшаву, а 26 августа явился въ Вѣну на зовъ князя Меттерниха. „Je suis dans les meilleurs termes avec lui" (l'Empereur Alexandre), „et il n'est guère à craindre que ces relations viennent à s'altérer. Le tour de force que j'ai accompli n'est pas commun" *) Такъ впослѣдствіи самодовольно выражался въ своихъ воспоминаніяхъ Меттернихъ, и, дѣйствительно, его ходы для пріобрѣтенія вліянія на Русскаго Императора не прошли даромъ (le tour de force n'est pas commun): ему удалось вполнѣ одурманить Александра.

Шильдеръ говоритъ, что, при этой новой поѣздкѣ сына за границу, Императрица Марія Ѳеодоровна будто бы взяла съ него слово не заѣзжать въ Римъ для свиданія съ папой. Намъ не удалось провѣрить вѣрность этого разсказа, но въ запискѣ сардинскаго министра графа Лескарена (conte della Scarena) къ королю Карлу-Альберту сказано: „La tendance de l'Empereur Alexandre vers le catholicisme était soupçonnée dans la famille impériale; l'Impératrice-Mère craignait qu'un entretien avec le Saint Père ne déterminât son fils à rentrer dans le sein de l'Eglise, et elle le pria avec instance de ne pas aller à Rome. L'Empereur Alexandre, toujours plein de déférence envers sa mère, le promit et tint parole" **). Не такъ давно, другой историкъ, Пирлингъ, старался доказать, на основаніи разговоровъ Мишо-де-Боретуръ на эту тему съ кѣмъ-то изъ современниковъ, что если Александръ тайкомъ и не принялъ католической вѣры, то онъ былъ сильно расположенъ къ этому.

*) Metternich, *Mémoires*, 8 vol., Paris, 1880—1884. T. III, стр. 563, частное письмо отъ 9/21 декабря 1822 г.

**) Записка отъ 22 августа 1841 г., на французскомъ языкѣ, перепечатана въ итальянскомъ переводѣ въ журналѣ *La Civiltà Cattolica* [illegible]; см. тамъ же, стр. 342—352.

Дѣло въ томъ, что Мишо, будучи флигель-адъютантомъ, а потомъ и генералъ-адъютантомъ Александра I, вышелъ въ отставку, жилъ въ Италіи, гдѣ и скончался въ 1841 г., при чемъ оставилъ запечатанную шкатулку на имя Императора Николая, которая и была ему передана родственниками послѣ кончины Мишо. Удалось найти только расписки князя П. М. Волконскаго въ полученіи этой шкатулки съ бумагами, но сами бумаги исчезли и, вѣроятно, были сожжены Николаемъ Павловичемъ. Несмотря на мое глубокое уваженіе къ трудамъ Пирлинга, я не могу согласиться съ мнѣніями почтеннаго ученаго. Въ такого рода вопросахъ однихъ догадокъ и предположеній недостаточно, а какіе-либо документы для доказательства симпатій Александра къ католицизму отсутствуютъ, и врядъ ли, при образѣ мыслей Государя, они вообще могли существовать. Вся переписка Благословеннаго монарха съ княземъ А. Н. Голицынымъ и Р. А. Кошелевымъ даетъ совсѣмъ другіе выводы. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сохранившимися документами, а потому можемъ на нихъ и ссылаться. Ни въ запискахъ, ни въ письмахъ нѣтъ ни малѣйшаго намёка на какое-либо расположеніе Александра къ католичеству, а потому мы положительно отрицаемъ всѣ высказанныя догадки по этому вопросу.

Когда, въ концѣ августа 1822 г., Императоръ Александръ прибылъ въ Вѣну, гдѣ оставался не долго, онъ пожелалъ видѣть нѣкоего аббата князя Гогенлоэ (Hohenlohe), находившагося въ родствѣ съ большинствомъ австрійской аристократіи, хорошо знакомой Государю еще со временъ Вѣнскаго конгресса. Мы ничего удивительнаго не видимъ въ этой встрѣчѣ, а Шильдеръ, видимо, придавалъ ей особое значеніе, потому что подробно описалъ это свиданіе, закончивъ слѣдующими словами: „Выслушавъ рѣчь аббата, Александръ опустился передъ нимъ на колѣни и просилъ благословенія; растроганный аббатъ исполнилъ его желаніе и прижалъ благочестиваго монарха къ своему трепещущему сердцу. Затѣмъ между ними началась бесѣда, продолжавшаяся болѣе двухъ часовъ;

содержаніе этой бесѣды осталось тайной". Опять, если вдумаешься въ эти строки, историкъ Александра искалъ въ свиданіи съ аббатомъ Гогенлоэ чего-то таинственнаго. Въ сущности, ничего особеннаго не было, а Государь, зная благочестіе князя-аббата, желалъ съ нимъ повидаться и побесѣдовать.

Едва ли можно предположить, что Александръ повѣрилъ ему какія-либо тайны, кромѣ, конечно, духовныхъ, на которыя онъ былъ особенно щедръ въ своихъ изъясненіяхъ; въ тотъ же проѣздъ черезъ Вѣну Александръ Павловичъ видѣлся съ квэкеромъ Алленомъ, своимъ давнишнимъ знакомымъ, и имѣлъ съ нимъ тоже религіозные разговоры. Князь Гогенлоэ оставилъ книжку, озаглавленную: „Mémoires et expériences dans la vie sacerdotale et dans le commerce avec le monde, recueillis dans les années 1815—1834", par le prince Alexandre Hohenlohe. Paris, 1835.

Въ ней мы находимъ краткую передачу разговора его съ Русскимъ Императоромъ: „Il fut ensuite question de différents événements que je ne saurais confier à la plume, les communications que Sa Majesté daigna me faire m'imposant un silence sacré sur ces objets".

Вѣроятно, Шильдеръ, прочитавъ эту выдержку, нашелъ въ ней достаточное указаніе на таинственность, потому что аббатъ не желалъ оглашать перомъ содержанія бесѣды. Находимъ, что аббатъ проявилъ лишь тактъ, какъ духовное лицо, но дѣлать изъ этого иные выводы прямо-таки непонятно. Вѣдь Шильдеръ на той же страницѣ говоритъ о двухъ бесѣдахъ Александра въ Вѣнѣ за то же время съ квэкеромъ Алленомъ, прибавляя, что „Императоръ не удовольствовался духовной бесѣдой съ аббатомъ Гогенлоэ и пожелалъ также видѣть квэкера Аллена".

Оказывается, что въ двухъ разговорахъ съ англичаниномъ не было ничего таинственнаго, а простое влеченіе сердца къ подобнаго рода разговорамъ; отчего же искать другого въ бесѣдѣ съ католическимъ аббатомъ?

И вообще, подробно изслѣдуя характеръ отношеній Императора Александра къ лицамъ духовнаго званія Православной церкви, къ мистикамъ и т. д., нигдѣ положительно нельзя найти какихъ-либо симпатій къ католичеству.

Дипломатическіе переговоры продолжались въ Вѣнѣ три недѣли. Оттуда, чрезъ Зальцбургъ и Тегернзее, Русскій Императоръ направился чрезъ Тироль въ Верхнюю Италію, въ Верону. Кромѣ него, собрались здѣсь монархи Австріи и Пруссіи, мелкіе итальянскіе правители и всѣ министры соотвѣтствующихъ державъ. Отъ Россіи, кромѣ графа Нессельроде, были приглашены русскіе послы въ Парижѣ и Лондонѣ, Поццо-ди-Борго и графъ Ливенъ. На первой очереди былъ поставленъ вопросъ о дѣлахъ испанскихъ. Франціи поручалось оружіемъ возстановить порядокъ въ Испаніи. Это было первое довѣріе, оказанное Бурбонамъ послѣ ихъ воцаренія союзниками.

Что касается дѣлъ турецкихъ, то на конгрессѣ не пришли къ опредѣленному рѣшенію; относительно же грековъ, Англія, въ лицѣ Каннинга (Canning), не замедлила занять то положеніе, которое до этого принадлежало Россіи, а именно, съ этого момента не переставала оказывать протекцію грекамъ и вліять также въ Константинополѣ въ желанномъ для нея смыслѣ.

Всѣ, бывшіе въ Веронѣ на конгрессѣ, замѣтили ту перемѣну, которая произошла въ характерѣ Русскаго монарха. По этому поводу толковали на всѣ лады и дипломаты, и сановники, а многіе изъ нихъ занесли свои впечатлѣнія въ изданные потомъ мемуары.

То лицо, съ которымъ Александръ наиболѣе сблизился въ Веронѣ, было, несомнѣнно, Меттернихъ. Ему любовно и довѣрчиво Благословенный передавалъ веденіе европейскихъ дѣлъ на принципахъ, основанныхъ Священнымъ союзомъ. Такимъ образомъ, единовременно, усталый побѣдитель Наполеона вручалъ бразды внутренняго управленія Россіей Аракчееву, а внѣшнюю политику отдавалъ на попеченіе Меттерниха. Вотъ къ чему привели при-

ступы меланхоліи, какъ результаты занятій съ разными экзальтированными проповѣдниками, мистиками, неуравновѣшенными лицами женскаго пола и всякими духовными мечтателями!

Князь Меттернихъ записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ почти всѣ разговоры съ Русскимъ Императоромъ за Веронскіе дни. Они поучительны, правдивы и доказываютъ лишь наблюдательность тонкаго австрійскаго дипломата. Извѣстная формула, примѣненная въ то время къ душевному состоянію Александра, „утомленіе жизнью", была также утверждена въ понятіяхъ Меттерниха и занесена имъ торжественно на скрижали исторіи.

Другой политическій дѣятель, историкъ и литераторъ, извѣстный французъ Шатобріанъ (Chateaubriand), прахъ котораго покоится на скалѣ надъ моремъ въ Сенъ-Мало, тоже изощрялъ свое перо для распознанія личности симпатичнаго повелителя Россіи. Онъ даже посвятилъ особую книгу: „Le congrès de Vérone", гдѣ съ восторгомъ повѣствуетъ о бесѣдахъ своихъ съ Императоромъ Александромъ и дѣлаетъ рядъ фантастическихъ заключеній по поводу характера нашего Государя. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя фразы изъ разговоровъ его съ Александромъ даютъ вѣрную ноту того духовно-политическаго сумбура, въ которомъ, къ сожалѣнію, пребывалъ Русскій Царь. Его Величество сказывалъ Шатобріану: „Il ne peut plus y avoir de politique anglaise, française, russe, prussienne, autrichienne; il n'y a plus qu'une politique générale, qui doit, pour le salut de tous, être admise en commun par les peuples et par les rois.

„C'est à moi à me montrer le premier convaincu des principes sur lesquels j'ai fondé l'alliance. Une occasion s'est présentée: le soulèvement de la Grèce. Rien, sans doute, ne paraissait être plus dans mes intérêts, dans ceux de mes peuples, dans l'opinion de mon pays, qu'une guerre religieuse avec la Turquie; mais j'ai cru remarquer dans les troubles du Péloponèse le signe révolutionnaire. Dès lors, je me suis abstenu. Que n'a-t-on pas fait pour rompre l'alliance?

On a cherché tour à tour à me donner des préventions et à blesser mon amour-propre; on m'a outragé ouvertement. On me connaissait bien mal si on a cru que mes principes ne tenaient qu'à des vanités ou pouvaient céder à des ressentiments. Non, je ne me séparerai jamais des monarques auxquels je suis uni. Il doit être permis aux rois d'avoir des alliances publiques pour se défendre contre les sociétés secrètes. Qu'est-ce qui pourrait me tenter? Qu'ai-je besoin d'accroître mon empire? La Providence n'a pas mis à mes ordres huit cent mille soldats pour satisfaire mon ambition, mais pour protéger la religion, la morale et la justice, et pour faire régner les principes d'ordre sur lesquels repose la société humaine".

Слѣдовательно, въ греческомъ вопросѣ страхъ передъ революціей и тайными обществами затмилъ въ Александрѣ всѣ благія намѣренія и чувство справедливости, всѣ интересы Россіи и его личные, лишь бы не нарушились принципы Священнаго союза. Такая теорія врядъ ли можетъ выдержать критику, она только свидѣтельствуетъ наглядно, до чего могло дойти затменіе Русскаго Императора, говорившаго открыто, что „мнѣ надлежитъ, какъ основателю Священнаго союза, показать примѣръ примѣненія на практикѣ его принциповъ".

Роковые Веронскіе дни закончились посѣщеніемъ Венеціи; страшные холода неожиданно посѣтили тогда Италію, и въ декабрѣ Александръ Павловичъ, опять чрезъ Тироль, предпринялъ обратный путь на родину; посѣтивъ сестру, великую княгиню Марію Павловну, въ Пильзенѣ, Государь чрезъ Варшаву вернулся, наконецъ, въ Царское Село 20 января 1823 года.

Теперь мы разсмотримъ то злосчастное время, получившее именованіе аракчеевщины, которое составляетъ самую печальную страницу двадцатичетырехлѣтняго царствованія Александра I. Покойный Пыпинъ въ нѣсколькихъ строкахъ такъ характеризовалъ это время: „...Наступали послѣдніе годы царствованія Императора Александра, печальные годы, въ которые должны

были мало-по-малу разрушиться всѣ надежды, какія возникали и отъ начала царствованія, и отъ временъ національныхъ войнъ, и могли уцѣлѣть. Теперь уже едва ли кто ожидалъ широкихъ благотворныхъ реформъ, едва ли кто надѣялся на исправленіе государственнаго зданія. Очевидно становилось, что старые порядки возрождаются съ прежней силой, не опасаясь болѣе никакихъ либеральныхъ нововведеній. Императоръ Александръ не выдержалъ тѣхъ принциповъ, въ которые нѣкогда вѣрилъ. Мистическій піэтизмъ проложилъ въ его умѣ дорогу къ совершенной реакціи; онъ сталъ считать своимъ долгомъ поддерживать патріархальный абсолютизмъ и защищать отъ воображаемыхъ опасностей алтари и престолы. Всѣ дурныя стороны прошедшаго, олицетворившіяся въ Аракчеевѣ, поддерживали въ немъ извѣстный эгоизмъ власти, который долженъ былъ окончательно подавить прежнія лучшія намѣренія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наскучалъ правленіемъ, которое, при всемъ могуществѣ власти, было безсильно противъ безпорядка, злоупотребленій и произвола, своими размѣрами напоминавшихъ давнопрошедшія времена. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ самъ страдалъ отъ того противорѣчія, въ которое его все больше и больше увлекали безсиліе воли и недостатокъ вниманія къ дѣйствительному положенію вещей“ *).

Еще до отъѣзда Государя на конгрессъ въ Верону, 1 августа 1822 года послѣдовалъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, князя Кочубея, гласящій: „Всѣ тайныя общества, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, какъ-то, масонскихъ ложъ или другими, закрыть, и учрежденія ихъ впредь не дозволять, а всѣхъ членовъ сихъ обществъ обязать подписками, что они впредь, ни подъ какимъ видомъ, ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея составлять не будутъ“.

*) См. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ“ А. Н. Пыпина, 1890 г., стр. 430 и 431.

Эта мѣра на дѣлѣ врядъ ли была дѣйствительна и, можетъ-быть, только отчасти отразилась на масонскихъ ложахъ; что же касается разныхъ обществъ, и именно тайныхъ, то они продолжали существовать и мало-по-малу начали принимать политическій характеръ. Но самый фактъ опубликованія такого рескрипта возбудилъ надежды всѣхъ тѣхъ, которые возмущались дѣятельностью князя А. Н. Голицына, Кошелева, разныхъ другихъ мистиковъ и проповѣдниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и всѣ враги ихъ встрепенулись. Во главѣ интриги сталъ архимандритъ Фотій, сумѣвшій переманить на свою сторону Петербургскаго митрополита Серафима, а также заручиться поддержкой Аракчеева. Хотя сломать шею князю Голицыну было не такъ легко, но подорвать его вліяніе удалось сравнительно быстро, потому что расположеніе къ нему Александра начало замѣтно ослабѣвать. Наивный и набожный князь Александръ Николаевичъ попалъ на удочку и благодушно содѣйствовалъ устройству аудіенціи для Фотія у Государя, которая была дана 5 іюня того же года, а 26 августа уже послѣдовало назначеніе Фотія настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря. Несомнѣнно, что рескриптъ 1 августа былъ написанъ подъ вліяніемъ Фотія, и въ тотъ же день онъ получилъ награду — алмазный крестъ, торжественно возложенный на него митрополитомъ Серафимомъ во время богослуженія въ церкви Петропавловской крѣпости. Послѣ возвращенія Александра Павловича изъ-за границы въ 1823 году, Фотій не переставалъ быть въ сношеніяхъ съ Государемъ, чему содѣйствовали графиня Анна Орлова, вдова Державина, старикъ Шишковъ, а также и Магницкій, дѣйствовавшій за кулисами черезъ Аракчеева.

Интрига была мастерски подготовлена. Весною 1824 года Фотій написалъ Государю два очень рѣзкія посланія. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что „въ наше время о многихъ книгахъ сказуется и многими обществами и частными людьми возвѣщается

о какой-то *новой религіи,* яко бы предуставленной для послѣднихъ временъ. Сія новая религія, проповѣдуемая въ разныхъ видахъ, то подъ видомъ новаго свѣта, то новаго ученія, то пришествія Христа въ Духѣ, то соединеніе церквей, то подъ видомъ какого-то обновленія и акибы Христова тысячелѣтняго царствованія, то внушаемая подъ видомъ какой-то новой истины, есть *отступленіе* отъ вѣры Божіей, апостольской, отеческой, православной. Это новая религія есть вѣра въ грядущаго антихриста, двигающая революціею, жаждущая кровопролитія, исполненная духа сатанина. Ложные пророки ея и апостолы Юнгъ-Штиллингъ, Эккартсгаузенъ, Гіонъ, Бемъ, Лабзинъ, Госнеръ, Феслеръ, методисты, гернгутеры". Далѣе идетъ воззваніе къ царю: „Да воскреснетъ Богъ и десницею твоею и духомъ, на тебѣ сущимъ, да расточатся враги Бога отцовъ нашихъ и да исчезнутъ со всѣми ложными ученіями отъ лица земли нашея" *). Какъ это ни странно, но Государь отнесся благосклонно къ Фотіевскому посланію, несмотря на то, что въ немъ сквозила критика всѣхъ его недавнихъ друзей и лицъ, пользовавшихся его покровительствомъ. Вѣроятно, ссылка на революціонное движеніе произвела наибольшее впечатлѣніе. Почти одновременно появилась въ русскомъ переводѣ книга нѣмецкаго моднаго проповѣдника Госнера: „Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament". До свѣдѣнія Государя дошло о вредномъ направленіи этой книги, а митрополитъ Серафимъ лично доложилъ 17 апрѣля 1824 года о вредѣ Госнеровскаго произведенія Его Величеству. Государь передалъ книгу на разсмотрѣніе Комитета министровъ, а Комитетъ поручилъ Шишкову и В. С. Ланскому подробно ознакомиться съ ея содержаніемъ.

---

*) См. И. А. Чистовичъ. „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія", СПб., 1894 г., стр. 232–233.

20 апрѣля Александръ принялъ архимандрита Фотія, которому было повелѣно: „Явиться съ секретнаго входа и тайной лѣстницею въ кабинетъ къ Государю, дабы сіе не было всѣмъ гласно". Бесѣда ихъ продолжалась три часа, а 7 мая Фотій послалъ свое второе посланіе съ титуломъ: „Дѣло Божіе всецѣло исправи" и „Планъ революціи, обнародываемый тайно, или тайна беззаконія, дѣлаемая тайнымъ обществомъ въ Россіи и вездѣ". Результатомъ всего этого было паденіе князя А. Н. Голицына, послѣдовавшее 15 мая 1824 года; ему оставлено лишь завѣдываніе почтовымъ вѣдомствомъ, что скорѣе было насмѣшкой, чѣмъ утѣшеніемъ, при полной потерѣ вліянія и почетныхъ должностей. Не довольствуясь уходомъ Голицына, Фотій и Аракчеевъ повели атаку на Библейское общество; имъ содѣйствовали Шишковъ, замѣнившій Голицына въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, и митрополитъ Серафимъ. Но, несмотря на всѣ ихъ выпады, Александръ не далъ согласія на закрытіе Библейскаго общества, а только утвердилъ представленіе о пріостановленіи выпуска краткихъ катихизисовъ. Фотій съ своей стороны представилъ Государю записку: „О дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ въ Россіи чрезъ Библейское общество". Все это, вмѣстѣ взятое, должно было волновать тревожную душу Александра; онъ сознавалъ всю передержку въ обвиненіяхъ, направленныхъ на своего друга дѣтства и того человѣка, съ кѣмъ онъ читалъ священное писаніе, но утомленіе жизнью было столь велико, что онъ болѣе не чувствовалъ силы бороться и уступалъ. Но, какъ всегда, уступая, онъ пощадилъ Библейское общество, а также не прекращалъ отношеній съ Голицынымъ, продолжая съ нимъ видѣться, хотя и рѣже, чѣмъ раньше. Этимъ нравственнымъ упадкомъ силъ и энергіи пользовались Аракчеевъ и его разные низкопоклонные избранники; а Государь почти всегда соглашался съ мнѣніемъ Алексѣя Андреевича и дозволялъ ему приводить въ исполненіе разныя мѣропріятія, которымъ онъ едва ли сочувствовалъ, а также и назначать мини-

стровъ, которые почти всѣ перемѣнились за послѣдніе годы царствованія и были обязаны своимъ выборомъ исключительно вліянію графа Аракчеева, какъ вѣрные его клевреты. Такъ послѣдовательно были назначены: министромъ внутреннихъ дѣлъ бездарнѣйшій нѣмецкій чиновникъ баронъ Б. Б. Кампенгаузенъ, замѣнившій графа В. П. Кочубея; военнымъ министромъ А. И. Татищевъ, отличавшійся лишь отсутствіемъ всякихъ способностей и своей тучностью; вмѣсто князя П. М. Волконскаго, былъ сдѣланъ начальникомъ главнаго штаба Его Величества пруссакъ Дибичъ, давно уже заискивавшій аракчеевскихъ милостей. Вмѣсто умнаго, дѣловитаго и способнаго А. А. Закревскаго *), получившаго постъ Финляндскаго генералъ-губернатора, былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ безличный и ничѣмъ себя не проявившій генералъ Потаповъ; адмиралъ Шишковъ, дряхлый и разочарованный, сталъ неожиданно министромъ народнаго просвѣщенія; наконецъ, еще нѣмецъ Канкринъ, получилъ, вмѣсто графа Гурьева, портфель министра финансовъ и оказался, случайно, вполнѣ на мѣстѣ, чѣмъ основательно гордился его покровитель, Аракчеевъ. Кампенгаузенъ оставался министромъ всего нѣсколько мѣсяцевъ: онъ умеръ вслѣдствіе ушибовъ, полученныхъ при паденіи изъ кареты, а на его мѣсто назначенъ малозначащій В. С. Ланской, знакомый хорошо съ польскими дѣлами по службѣ въ Польшѣ, но вовсе не подготовленный управлять дѣлами Россіи. Викторъ Павловичъ Кочубей сошелъ со сцены въ 1823 году, еще до назначенія Кампенгаузена, предпочтя покой въ Диканькѣ труднымъ занятіямъ по министерству, судьбы котораго зависѣли больше отъ прихоти

*) Князь П. М. Волконскій писалъ А. Закревскому 23 сентября 1823 г., по поводу его ухода: „Вчера получилъ я приказъ 30 августа, который меня совершенно поразилъ вашимъ назначеніемъ въ Финляндію. Такое удаленіе изъ столь важнаго мѣста, безъ малѣйшаго предваренія главнаго начальника" (т.-е. самого Волконскаго), „ясно мнѣ доказываетъ, что всячески ищутъ и желаютъ отъ него избавиться; но вы спросите меня, за что? Право, не знаю, можетъ-быть, за излишнее усердіе, Богу одному извѣстно...."

Аракчеева, чѣмъ отъ какихъ-либо указаній со стороны Императора. Но даже богатый и самостоятельный Кочубей подчасъ заискивалъ у Аракчеева, что не говоритъ въ его пользу, а налагаетъ тѣнь на память этого симпатичнаго государственнаго дѣятеля, сумѣвшаго во̀-время оцѣнить дарованіе Сперанскаго.

Такъ, 17 мая 1823 года графъ Кочубей написалъ Аракчееву слѣдующаго рода письмо: „Сколько ни уклонялся я всегда безпокоить кого бы то ни было просьбами моими, но, въ надеждѣ на снисхожденіе вашего сіятельства ко мнѣ, рѣшаюсь нынѣ обратиться къ вамъ съ таковою. Въ продолженіе почти четырехлѣтняго управленія моего Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, чиновники онаго не получали наградъ. Сіе ставитъ меня въ непріятное положеніе. На меня жалуются, и жалуются справедливо, ибо дѣлаютъ сравненіе. Многіе чиновники вышли и выходятъ; а между тѣмъ должно, однакожъ, сказать правду, трудовъ ихъ не меньше другихъ. Представленія мои, Комитету Министровъ въ 1821 году сдѣланныя, разсмотрѣны, и ваше сіятельство лично величайшее одолженіе окажете, если изволите ускорить испрошеніемъ Высочайшаго разрѣшенія. Въ горестной участи, Всевышнимъ Промысломъ мнѣ предопредѣленной, мнѣ нужны нѣкоторыя утѣшенія, и я найду особенное удовольствіе и въ семъ отношеніи быть вашему сіятельству обязаннымъ“. — Конечно, по тону это письмо болѣе сдержанно, чѣмъ письма другихъ государственныхъ дѣятелей Александровской эпохи, но все же и въ немъ замѣтно низкопоклонство, которымъ особенно отличались нѣмцы, состоявшіе на русской службѣ. Влеченіе Императора Александра къ иностранцамъ вообще и въ частности къ нѣмцамъ было извѣстно и сказывалось во всѣ годы царствованія. Такъ, въ числѣ лицъ, болѣе приближенныхъ, въ качествѣ генералъ-адъютантовъ были назначены: нѣмецъ изъ Гессена Винцингероде (дважды, такъ какъ онъ выходилъ въ отставку); пруссакъ Дибичъ; остзейцы: графы Бенкендорфъ и Толь, бароны Корфъ, Розенъ и Меллеръ-Закомельскій; кор-

сиканецъ Поццо-ди-Борго; два сардинца: маркизъ Паулуччи и графъ Мишо, и три француза: графъ Сенъ-При, графъ Ламбертъ и Жомини (уроженецъ Швейцаріи, принявшій французское подданство). Въ виду того, что за все время правленія было назначено 45 генералъ-адъютантовъ, иностранцы заняли весьма почетное мѣсто (13 на 45). Военнымъ изъ русскихъ это пристрастіе не нравилось. Хотя не роптали, но критиковали многіе. Группа любителей всего исключительно русскаго состояла изъ такихъ лицъ, какъ Ермоловъ, Закревскій и графъ М. С. Воронцовъ. Къ нимъ примыкали другіе, а именно: князь П. М. Волконскій, Н. Н. Раевскій, Д. Давыдовъ, П. Киселевъ, братья Вельяминовы, Сабанѣевъ, Рудзевичъ и еще другіе. Изъ переписки между этими лицами, на каждомъ шагу, видны критика и порицаніе какъ Александра, такъ и всесильнаго Аракчеева, за ихъ особое покровительство нѣмцамъ. Ермоловъ писалъ изъ Тифлиса, 8 іюня 1823 года, Закревскому: „.... Весьма искусно развели Толя съ Дибичемъ, но лучше еще, что дали ему званіе генералъ-адъютанта, ибо по крайней мѣрѣ будетъ онъ себѣ подобныхъ болѣе уважать и во дворцѣ воздержится ругаться непристойно. Хорошо замѣнили и Желтухина. Нейдгардтъ, точно, офицеръ отличный, а понравиться умѣетъ не менѣе предмѣстника, имѣя, сверхъ того, ту неоцѣненную выгоду, что онъ нѣмецъ и любимецъ Дибича. Теперь только прочнымъ образомъ основалось „царство нѣмцевъ", и, конечно, попользуются они случаемъ". Денисъ Давыдовъ писалъ тому же Закревскому: „Наконецъ, я свободенъ: учебный шагъ, ружейные пріемы, стойка, размѣръ пуговицъ изгоняются изъ головы моей! Шварцы, Гурки и Нейдгардты, торжествуйте, я не срамлю вашего сословія! Слава Богу, я свободенъ! Еще не задохся, теперь я на чистомъ воздухѣ!"

И, дѣйствительно, если взять списки генераловъ двадцатыхъ годовъ, то въ нихъ пестрятъ фамиліи разныхъ Паленовъ, Эссеновъ, Гельфрейховъ, Роговъ, Шварцевъ, Нейдгардтовъ, Розеновъ,

Корфовъ, Кноррпнговъ, Оппермановъ, Бистромовъ, Пейкеровъ, Ольдекоповъ, Штейнгелей, Крейцовъ и т. д. Они получали и полки, и бригады, дивизіи и корпуса; отличались строгостью, любили фронтовыя упражненія и нерѣдко попадали въ сотрудники Аракчеева по службѣ въ военныхъ поселеніяхъ, которыя восхваляли на всѣ лады. Два вышеприведенныхъ письма наглядно показываютъ отношеніе такихъ людей какъ Ермоловъ *) и Д. Давыдовъ, къ „царству нѣмцевъ", и нельзя не подивиться такому пристрастію со стороны Александра Павловича. Что же касается Аракчеева, то онъ и не скрывалъ своихъ вкусовъ и своего увлеченія прусскими порядками, а въ Грузинѣ и понынѣ красуются разные богатые подарки, полученные имъ отъ короля Фридриха-Вильгельма III за оказанныя королю услуги. Въ арміи же сѣтовали на то, что нѣмцамъ давали предпочтеніе и что ихъ осыпали наградами гораздо болѣе щедро, чѣмъ русскихъ. То же было и при назначеніяхъ въ гвардію.

Еще 30 марта 1820 года Закревскій писалъ Киселеву: „Посылаю тебѣ три Высочайшіе приказа съ 11 числа; изъ приказа 19 увидишь порядочное производство въ генералы; не знаю, куда мы ихъ готовимъ и что съ ними будемъ дѣлать.

„Признаться тебѣ долженъ, что не понимаю нынѣшняго назначенія полковыхъ командировъ въ гвардію: въ Семеновскій Шварца, въ Преображенскій Пирха, въ Измайловскій Мартынова, въ Московскій Фридерикса, а въ Лейбъ-Гренадерскій Стюрлера. Я говорилъ о семъ Васильчикову, и онъ мнѣ ничего не могъ отвѣтить, кромѣ, что Государю такъ угодно".

Наконецъ, удаленіе стариннаго слуги Государя, князя Петра Михайловича Волконскаго, и замѣна его въ роли начальника главнаго штаба Дибичемъ ясно указывали на новый курсъ и на измѣнившееся теченіе касательно военныхъ вопросовъ въ умѣ

*) Еще въ 1811 году Ермоловъ писалъ М. С. Воронцову: „. . . . Не понимаю, почему не должны покидать меня всѣ непріятности и оскорбленія. Проклятая нѣмецкая шайка меня вся ненавидитъ, и я, безъ сумлѣнія, не уклонюсь отъ безпрерывныхъ обидъ".

Императора. Назначеніе Дибича состоялось 30 апрѣля 1823 года. Шильдеръ, по обыкновенію, подробно излагаетъ всю исторію паденія князя Волконскаго исключительно словами Михайловскаго-Данилевскаго. Онъ развязно повѣствуетъ въ своихъ запискахъ, что князь Петръ Михайловичъ удалился вслѣдствіе недоразумѣнія изъ-за сокращенія военной смѣты. „Онъ занимался симъ предметомъ нѣкоторое время съ директорами разныхъ департаментовъ военнаго управленія и нашелъ, что можно убавить на 800 т. рублей требуемое количество; но такъ какъ сіе показалось мало значащимъ Императору, то Его Величество передалъ это дѣло графу Аракчееву, который, призвавъ къ себѣ генералъ-кригсъ-комиссара Татищева, работалъ съ нимъ 5 дней и сбавилъ изъ смѣты 18 милліоновъ. Когда Государь о семъ узналъ, то сказалъ князю Волконскому, что „послѣ сего онъ видитъ, что князь окруженъ или дураками, или плутами, которые или не умѣли, или не хотѣли найти средствъ сбавить смѣты“. Сей упрекъ заставилъ князя ѣхать въ отпускъ, а Татищева сдѣлали военнымъ министромъ“.

Причина, выставленная Михайловскимъ-Данилевскимъ весьма далека отъ истины, и мы приведемъ выдержки изъ писемъ князя П. М. Волконскаго къ Закревскому, которыя опредѣленно указываютъ на то, что, при возрастающемъ вліяніи Аракчеева, князь находилъ для себя болѣе невозможнымъ продолжать свою многолѣтнюю работу.

3 октября 1823 года, изъ Парижа, князь Волконскій писалъ:

„...... Прощайте, любезный другъ, пишите ко мнѣ почаще, черезъ Булгакова, или по оказіи, ибо, навѣрное, наши письма распечатываютъ на почтѣ; хотя Булгаковъ намъ и пріятель, но обязанность его и, вѣроятно, приказанія сіе дѣлать заставляютъ. Впрочемъ, у кого совѣсть чиста, тотъ покоенъ и ничего не боится. Сожалѣю только о томъ, что современемъ, конечно, Государь узнаетъ всѣ *неистовства злодѣя* (Аракчеева), коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыть же ихъ — нѣтъ

возможности по непонятному ослѣпленію его къ нему; между тѣмъ растеряетъ много честныхъ людей, и возстановятся прежніе лихоимство и безпорядокъ въ ходѣ дѣла".

Въ этихъ строкахъ, во-первыхъ, поражаетъ тотъ фактъ, что самъ ежедневный сотрудникъ Государя въ теченіе столькихъ лѣтъ убѣжденъ, что его письма вскрываются и читаются на почтѣ, а слова: „вѣроятно, приказанія" даютъ поводъ думать, что это дѣлалось по повелѣнію Его Величества. Во-вторыхъ, Волконскій немилосердно и вполнѣ сознательно бичуетъ Аракчеева, заклеймивъ его дѣянія выраженіемъ „неистовства злодѣя", и подтверждаетъ недвусмысленно, что ослѣпленіе къ этому человѣку „непонятное", и что „нѣтъ возможности" открыть глаза Государю. Въ устахъ князя Петра Михайловича такое заявленіе весьма важно, потому что никто изъ окружающихъ не былъ такъ близокъ къ Александру, какъ именно Волконскій. Между тѣмъ и онъ ошибся, предполагая, что „Государь современемъ все узнаетъ": напротивъ того, все такъ и осталось до кончины Императора въ Таганрогѣ.

Въ другомъ письмѣ князь Волконскій возвращается къ вопросу о своемъ уходѣ и сообщаетъ Закревскому интересное разсужденіе на эту тему (3 ноября 1823 г.): „......Вы пишете и просите, чтобы я возвратился, но зачѣмъ? чтобы совершенно себя убить, ибо до сихъ поръ не могу поправить своего здоровья; къ тому же весьма непріятно видѣть, что всѣ мои труды пропали совершенно. Устройство, которое стоило мнѣ здоровья, все разрушено, надобно снова знакомиться съ чиновниками, работать, какъ лошадь, не имѣя довѣренности ни къ военному министру" (Татищеву), „ни къ дежурному генералу" (Потапову), „на коихъ лежитъ основаніе всего штаба, заниматься каждой бездѣлицей самому, къ тому же еще быть задавлену побочными дѣлами и не имѣть нисколько времени для себя. Вы признаетесь, что никому не можетъ быть пріятна сія жизнь. Вы говорите, что Государь и соотечественники увидятъ, сколько я жертвую собою. Я весьма сожалѣю, ежели въ 27 лѣтъ,

что я былъ при Его Величествѣ, сего еще не замѣтили, ибо, кажется, во все сіе время довольно было случаевъ, гдѣ я жертвовалъ жизнью и здоровьемъ, не говоря уже о состояніи, о которомъ никогда и не помышлялъ. Теперь же нахожу даже безчестнымъ занимать мѣсто такое, котораго труды здоровье мое не позволяетъ мнѣ переносить“..... *). Очень вѣроятно, что Александру Павловичу было тяжело разстаться съ другомъ, принесеннымъ въ жертву въ угоду Аракчееву.

Говорятъ, что передъ отъѣздомъ князя въ Парижъ, Государь особенно приласкалъ Петра Михайловича и наканунѣ его выѣзда изъ Петербурга провелъ съ нимъ въ бесѣдѣ весь вечеръ, до трехъ часовъ утра. Жаль, что князь Волконскій не оставилъ воспоминаній, гдѣ бы подробно изложилъ это свиданіе, но письма князя достаточно ясно рисуютъ тогдашнія положеніе и обстановку. Такъ, на протяженіи одного года, Императоръ Александръ рѣшился разстаться и съ княземъ Волконскимъ, и съ княземъ Голицынымъ, конечно, не прерывая съ ними частныхъ отношеній, но удаливъ отъ участія въ дѣлахъ. Петру Михайловичу пришлось, однако, быть свидѣтелемъ кончины обожаемаго имъ монарха, а также и его супруги.

Вотъ когда явилась потребность въ постоянныхъ передвиженіяхъ и вояжахъ, для успокоенія безотраднаго душевнаго состоянія и гнёта разочарованія. Хроникеромъ этихъ путешествій, медикомъ Тарасовымъ, занесены интересныя подробности странствованій по Россіи. Цѣлая половина 1823 года прошла въ такого рода поѣздкахъ, а до этого еще дважды Государь посѣтилъ Грузино. 16 августа онъ покинулъ Царское Село, направляясь на Москву, черезъ Ижору, Тихвинъ, Мологу, Рыбинскъ, Ярославль и Ростовъ Великій. Здѣсь онъ долго молился у гроба

*) Въ 1823 году князь Волконскій страдалъ только отъ чиріевъ; никакихъ болѣзней не имѣлъ, кромѣ горечи потери довѣрія у Государя, и жилъ до 1852 года, скончавшись министромъ двора Императора Николая I, въ Петергофѣ.

Димитрія Ростовскаго, а затѣмъ посѣтилъ монаха о. Амфилохія и настоятеля Иннокентія, съ которыми провелъ наединѣ нѣсколько часовъ въ оживленной бесѣдѣ. Въ Москвѣ Его Величество пробылъ недолго, жилъ въ Кремлѣ, производилъ смотры, посѣщалъ госпитали и больницы и осчастливилъ своимъ присутствіемъ балъ въ Благородномъ собраніи. Покинувъ Москву, прожилъ три дня въ Орлѣ, гдѣ продолжались смотры войскамъ; потомъ чрезъ Брянскъ поѣхалъ въ военныя поселенія въ Засельѣ, Могилевской губерніи, гдѣ флигель-адъютантъ Клейнмихель встрѣтилъ Государя и показывалъ ему всѣ новшества, произведенныя здѣсь, на очень песчаной и неприглядной мѣстности. Врачъ Тарасовъ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе объ этомъ посѣщеніи: „Здѣсь повсюду видна твердость воли графа Аракчеева основателя военныхъ поселеній. Въ короткое время здѣсь воздвигнуты огромныя зданія, въ коихъ помѣщаются штабы полковъ, лазареты и дома для полковыхъ и батальонныхъ командировъ. На воздвигнутыхъ зданіяхъ и на поляхъ виденъ отпечатокъ: Improbus labor omnia vincit“. Это путешествіе ознаменовалось рядомъ маленькихъ приключеній: на одномъ изъ смотровъ близъ Брестъ-Литовска лошадь одного польскаго офицера ударила въ ногу Государя, отъ боли онъ довольно долго страдалъ; фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ, при паденіи съ лошади, вывихнулъ руку; наконецъ, тяжко заболѣлъ лейбъ-медикъ Вилліе и долгое время былъ почти при смерти. Смотрами подъ Брестъ-Литовскомъ Государь остался доволенъ и оттуда направился въ Волынскую губернію, Каменецъ-Подольскъ, Хотинъ и на австрійскую границу, въ мѣстечко Черновицы. Тутъ оставался два дня въ сообществѣ императора Франца, 25 и 26 сентября, съ которымъ обсуждалъ разные политическіе вопросы, но безъ князя Меттерниха, оставшагося больнымъ въ Вѣнѣ. Но и безъ его присутствія, все было рѣшено согласно его планамъ, а именно Александръ обѣщалъ возобновить отношенія съ Турціей, такъ какъ турки вывели

войска изъ Придунайскихъ княжествъ, а этимъ миръ становился обезпеченнымъ еще на нѣкоторое время на Балканахъ, несмотря на то, что греческій вопросъ ни на іоту не подвинулся впередъ. Тѣмъ не менѣе Россія обязалась не вмѣшиваться вооруженно въ греческія дѣла, а этого только и добивался австрійскій канцлеръ.

27 сентября Его Величество отбылъ въ Бессарабію и переправился черезъ Днѣстръ въ Могилевъ, гдѣ остановился въ домѣ мѣстнаго богача-еврея, а оттуда поѣхалъ въ Тульчинъ. Здѣсь Государь пробылъ нѣсколько дней для подробнаго обзора 2-й арміи, которой въ общемъ остался отмѣнно доволенъ, кромѣ 15-й дивизіи Михаила Орлова, пробывшей долгое время во Франціи, въ составѣ оккупаціоннаго корпуса. Императоръ нашелъ духъ чиновъ этой дивизіи неподходящимъ, отсутствіе фронтовой выправки, упадокъ дисциплины и не скрылъ своего неудовольствія. Причины тому были доносы, говорившіе о революціонномъ направленіи офицерства, что и подтвердилось позже, когда многіе изъ чиновъ этой дивизіи были замѣшаны въ заговорѣ 14 декабря 1825 года, и во главѣ ихъ—самъ М. Ѳ. Орловъ. Но въ общемъ Александръ Павловичъ остался доволенъ состояніемъ 2-й арміи, что и выразилось въ назначеніи Киселева, начальника штаба этой арміи, генералъ-адъютантомъ. Впечатлѣніе, сдѣланное царскимъ пребываніемъ на войска, было тоже отличное, что наглядно выражено въ одномъ изъ писемъ Киселева къ Закревскому (напечатано у Шильдера). Конецъ этого письма обращаетъ на себя вниманіе: „Государь обѣдалъ посреди 65.000 человѣкъ, которые тоже обѣдали и пили за здоровіе монарха съ непринужденными восклицаніями, и коихъ чистосердечіе и пылкость вырвали слезы радости изъ глазъ Его Величества..... Вотъ плоды нѣсколько настоятельнаго нрава моего, который со всѣхъ сторонъ и всѣми былъ столь часто и столь много обезохоченъ. Всѣ раздѣляли радость общаго торжества, и всѣ, кажется, забыли, что большая изъ нихъ часть противилась пять лѣтъ тѣмъ введеніямъ,

которыя возвели армію на степень отличной". Такіе люди, какъ Киселевъ, были немногочисленны, и Государь умѣлъ цѣнить характеръ и способности Павла Дмитріевича, не только цѣнить, но и отличать, несмотря на самостоятельность личности Киселева и его враждебное отношеніе къ дѣйствіямъ Аракчеева. Отмѣчаемъ снова эту черту характера Императора Александра, проблески которой обнаруживались и въ тѣ годы, когда утомленіе жизнью и маразмъ уже омрачили дѣятельность Государя, отдавшагося всецѣло прихотямъ грузинскаго временщика. А между тѣмъ еще бывали моменты, когда Александръ умѣлъ отдавать должное, возвышать и довѣрять людямъ независимымъ и талантливымъ, какъ Киселевъ, Закревскій, Ермоловъ и графъ М. С. Воронцовъ, назначенный въ томъ же году Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Но эти минуты отрезвленія были кратковременны и преходящи, чутье подсказывало поддерживать и отличать достойныхъ дѣятелей, но болѣе не хватало воли ознаменовать свое расположеніе на практикѣ, и все снова погружалось въ тотъ мракъ аракчеевщины, который оставилъ столь тяжелый отпечатокъ на послѣднихъ годахъ правленія.

Осмотрѣвъ еще часть военныхъ поселеній, Императоръ посѣтилъ крѣпость Замостье, гдѣ ему представилась блестящая конница польскихъ войскъ, послѣ чего послѣдовало возвращеніе въ Царское Село (3 ноября 1823 г.). Здѣсь ожидала его съ нетерпѣніемъ спутница его жизни, Императрица Елисавета, сближеніе съ которой начало обнаруживаться съ начала двадцатыхъ годовъ и шло, повышаясь, до скорбной развязки въ Таганрогѣ.

Въ небольшіе промежутки времени, между частыми путешествіями за границу и по Россіи, Государь сталъ любовно относиться къ заброшенной имъ супругѣ. Вниманію Александра къ нервной, больной и впечатлительной Елисаветѣ не было предѣловъ; онъ всячески старался приласкать и утѣшить ее въ различныхъ печальныхъ случаяхъ, происшедшихъ за послѣднее время въ Баденской семьѣ, и особенно, когда скончалась любимая сестра

Императрицы, принцесса Амалія, такъ долго проживавшая при русскомъ дворѣ. Елисавета была весьма чувствительна къ такимъ проявленіямъ нѣжности своего супруга, котораго она не переставала обожать и считать кумиромъ. И въ эти недѣли кратковременныхъ пребываній Государя въ столицѣ, на Каменномъ островѣ и особенно въ Царскомъ Селѣ, и Александръ, и Елисавета снова сходились и привыкали другъ къ другу, изъясняясь съ полной откровенностью о всѣхъ злобахъ дня и о давнишнихъ воспоминаніяхъ, откровенно говоря о всемъ томъ, что могло въ былое время тревожить ихъ чуткія сердца. Письма Императрицы къ маркграфинѣ матери носятъ отпечатокъ этихъ свиданій. Иногда просвѣчиваютъ жгучая боль и всегдашнее неудовлетвореніе судьбой у Государыни. Какъ трогательны эти немногія слова письмеца, написанныя изъ Каменноостровскаго дворца матери, во время пребыванія Александра, въ 1823 году, въ Москвѣ: „....J'ai eu aussi une lettre de l'Empereur de Moscou, qui s'y est beaucoup plu pendant le peu de jours qu'il y a passé et me dit *qu'il m'y avait désirée*. Hélas! je n'aurais pas demandé mieux, et c'eût été bien facile!...“ Это, что-то недосказанное, составляло обыкновенную черту ея нрава, и въ эти минуты она особенно страдала душевно. А между тѣмъ эти нѣсколько дней, проведенные Александромъ въ Москвѣ, были посвящены вопросу, оказавшемуся важнымъ послѣдствіями.

Какъ извѣстно, еще 20 марта 1820 года появился манифестъ, въ которомъ объявлялось, что бракъ цесаревича Константина Павловича съ великой княгиней Анной Ѳеодоровной былъ расторгнутъ, а 12 мая того же года цесаревичъ вступилъ въ новый бракъ съ графиней Іоанной Грудзинской, получившей титулъ княгини Ловичъ. 14 января 1822 года Константинъ Павловичъ обратился съ письмомъ на имя Государя, въ которомъ категорически отказывался отъ престолонаслѣдія, „передавъ сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня, и тѣмъ самымъ

утвердить навсегда непоколебимое положеніе нашего государства". Отвѣтъ Государя на это письмо напечатанъ у Шильдера *).

Историкъ Александра говоритъ: „На этомъ пока дѣло остановилось. Только въ 1823 году Императоръ Александръ, томимый предчувствіемъ близкой кончины, пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженіе, условленное имъ съ цесаревичемъ". Какъ всегда, Шильдеръ даетъ своеобразную окраску всему этому дѣлу, которое было вполнѣ естественно, даже безъ „предчувствія близкой кончины", котораго въ сущности въ 1823 году мы не могли замѣтить ни въ настроеніи, ни въ дѣйствіяхъ монарха. Вѣдь разговоры въ царской семьѣ о перемѣнѣ престолонаслѣдія шли уже давно, одинаково озабочивая обѣихъ Императрицъ и Государя. Императрица Елисавета даетъ особое освѣщеніе этому дѣлу въ письмахъ къ матери, гдѣ между прочимъ прорывается такая фраза: „Nicolas n'a qu'une idée en tête, c'est de régner". Это написано тотчасъ же послѣ вступленія въ бракъ Николая Павловича. Оно могло быть отголоскомъ тѣхъ холодныхъ отношеній, которыя существовали между Елисаветой и великимъ княземъ, но тѣмъ не менѣе сорвавшееся выраженіе крайне характерно.

Также извѣстно, что первые разговоры между Государемъ и Николаемъ Павловичемъ произошли еще въ 1819 году, и что принцъ Вильгельмъ Прусскій былъ посвященъ во всѣ подробности переговоровъ какъ тогда, такъ и въ позднѣйшее время. Слѣдовательно, вопросъ назрѣвалъ постепенно, а послѣ брака цесаревича съ полькой сталъ на очереди и подвергся всестороннему семейному обсужденію, хотя и тайному. Отчего Императоръ Александръ облекъ весь этотъ актъ такою тайною — вопросъ уже другой. По нашему разумѣнію, и это объясняется просто. Было вовсе нежелательно разглашать прежде времени отреченіе отъ престола цесаревича Константина, давать поводъ къ массѣ лишнихъ

*) Т. IV, стр. 278 и 279.

толковъ и разговоровъ, словомъ, доводить до всеобщаго свѣдѣнія такого рода деликатный вопросъ. Александръ Павловичъ, вѣроятно, не могъ предвидѣть всего того, что повлекло къ событіямъ 14 декабря 1825 года, и намъ кажется, что онъ былъ въ 1823 году далекъ отъ мысли о близости своей смерти. Собственно говоря, все было сдѣлано, чтобы придать дѣлу законный ходъ, и приняты всѣ мѣры для избѣжанія случайностей. Если послѣ кончины произошли памятныя недоразумѣнія, то, право, трудно винить его за такого рода событія. Все было обдумано вполнѣ ясно и логично. Проектъ манифеста было поручено составить архіепископу Филарету (будущему митрополиту Московскому), потомъ Государемъ сдѣланы нѣкоторыя поправки и измѣненія, а 16 августа 1823 года манифестъ былъ утвержденъ и подписанъ въ Царскомъ Селѣ. 27 августа, будучи въ Москвѣ, Императоръ Александръ прислалъ утвержденный манифестъ въ конвертѣ архіепископу Филарету, съ собственноручною надписью: „Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть Московскому епархіальному архіерею и Московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ, прежде всякаго другого дѣйствія“.

Шильдеръ дѣлаетъ слѣдующее разсужденіе: „Мысль о тайнѣ тотчасъ родила въ умѣ Филарета вопросъ: какимъ же образомъ восшествіе на престолъ, естественнѣе всего могущее произойти въ Петербургѣ, согласовать съ манифестомъ, тайно хранящимся въ Москвѣ? Онъ не скрылъ своего недоумѣнія и представилъ, чтобы списки съ составленнаго акта хранились также въ Петербургѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Синодѣ и въ Сенатѣ. Предложеніе Филарета было одобрено Императоромъ Александромъ“.

Все это весьма голословно, врядъ ли вполнѣ вѣрно, а подтверждается, вѣроятно, неизданной запиской митрополита Филарета: „Воспоминанія, относящіяся къ восшествію на престолъ Императора

Николая Павловича", какъ указано въ примѣчаніи 334-мъ къ IV тому Исторіи Александра I. Возможно, что Филаретъ говорилъ о своихъ недоумѣніяхъ Государю, а Его Величество немедленно одобрилъ его предположеніе, что доказываетъ, что и самъ Александръ Павловичъ имѣлъ ту же мысль, которую, безъ сомнѣнія, привелъ бы въ исполненіе и безъ бесѣды съ Филаретомъ. Другое недоразумѣніе тоже особо отмѣчено Шильдеромъ. Въ виду надписи на переданномъ конвертѣ, Филаретъ предполагалъ, что Московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, освѣдомленъ объ этомъ актѣ. Оказалось, послѣ кончины Императора Александра, что князь Голицынъ ничего не зналъ о хранящемся манифестѣ въ Успенскомъ соборѣ. Опять-таки не видимъ здѣсь ничего удивительнаго, потому что на конвертѣ не было указано фамиліи князя Голицына, который могъ быть замѣщенъ другимъ лицомъ, а сказано, что немедленно послѣ „моей кончины открыть Московскому епархіальному архіерею и Московскому генералъ-губернатору", очевидно, кто бы онъ ни былъ.

Слѣдовательно, Филаретъ, какъ лицо, получившее на храненіе этотъ манифестъ и вложившее оный въ ковчегъ государственныхъ актовъ, въ Успенскомъ соборѣ, долженъ былъ оповѣстить о томъ Московскаго генералъ-губернатора, князя Голицына, тотчасъ же по полученіи извѣстія о кончинѣ Государя. Филаретъ этого не сдѣлалъ, и ошибка его очевидна. О степени освѣдомленности по этому вопросу великаго князя Николая Павловича Шильдеръ говоритъ: „Николаю Павловичу только изъ словъ Маріи Ѳеодоровны извѣстно было о существованіи какого-то акта отреченія, составленнаго въ его пользу; объ этомъ Императрица упоминала иногда вскользь въ разговорѣ. Вотъ какимъ страннымъ образомъ Императоръ Александръ обставилъ измѣненіе важнѣйшаго основного закона Имперіи". Мнѣ кажется, откуда бы Николай Павловичъ ни зналъ объ отреченіи, это — дѣло второстепенное; но фактъ безусловный, что онъ былъ освѣдомленъ объ этомъ, равно какъ

и Филаретъ, князь А. Н. Голицынъ, графъ Аракчеевъ, а также обѣ Императрицы.

Повторяемъ, ничего „страннаго“ мы не видимъ въ обстановкѣ всего этого дѣла, а что касается впечатлѣнія тайны, то оно скорѣе понятно, въ виду важности самаго акта. Въ Петербургѣ манифестъ хранился въ трехъ главныхъ государственныхъ учрежденіяхъ: въ Государственномъ Совѣтѣ, Св. Синодѣ и Сенатѣ. Чего же больше? Въ нашу задачу не входятъ подробности восшествія на престолъ Императора Николая I, а потому мы воздержимся отъ разсужденій о дальнѣйшей судьбѣ и о послѣдствіяхъ манифеста, подписаннаго 16 августа 1823 года.

Послѣ возвращенія Александра Павловича въ столицу, состоялся пріѣздъ родной племянницы вдовствующей Императрицы, принцессы вюртембергской, невѣсты великаго князя Михаила Павловича, и 5 декабря было совершено мѵропомазаніе. Принцесса Шарлотта получила имя Елены; ей, современемъ, было суждено сыграть такую выдающуюся роль въ дни царствованія Императора Александра II, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Бракосочетаніе молодыхъ совершилось только 8 февраля 1824 года и въ походной церкви, рядомъ съ комнатой выздоравливающаго Благословеннаго монарха, простудившагося послѣ Крещенскаго парада и прохворавшаго цѣлый мѣсяцъ. Къ сильной лихорадкѣ присоединилось рожистое воспаленіе ноги, и были дни, когда состояніе больного внушало серьезныя опасенія, настолько тревожныя, что изъ Варшавы былъ вызванъ цесаревичъ Константинъ. Но когда онъ прибылъ въ Петербургъ, то засталъ уже брата выздоравливающимъ. Шильдеръ приводитъ разговоръ Императора Александра, только-что оправившагося отъ тяжкаго недуга, съ Ларіономъ Васильевичемъ Васильчиковымъ, и со словъ послѣдняго вводитъ такую фразу въ уста Государя: „...Je n'aurais pas été fâché, au fond, de me débarrasser de ce fardeau de la couronne qui me pèse terriblement“. Онъ какъ будто подчеркиваетъ эти слова, намекая

на желаніе Александра отречься отъ престола и удалиться куда-нибудь *). Что Императоръ Александръ былъ уже давно утомленъ бременемъ правленія, извѣстно было не только многимъ въ Россіи, но и за границей; этой утомленностью умѣло воспользовался Аракчеевъ, а по дѣламъ внѣшней политики кн. Меттернихъ, но чтобы Государь серьезно думалъ объ отреченіи отъ престола, едва ли такъ, и мы къ этому вопросу еще вернемся.

Вполнѣ оправившись отъ болѣзни, Императоръ Александръ съ новымъ рвеніемъ отдался своему любимому дѣтищу военнымъ поселеніямъ. Новою заботою Государя явилось желаніе закрыть кабаки въ поселеніяхъ. Для этой цѣли Аракчеевъ лично направился на мѣста, чтобы исполнить волю Государя. Изъ писемъ Его Величества виденъ интересъ къ этому дѣлу. 2 марта 1824 г. онъ спрашиваетъ Аракчеева: „Имѣешь ли ты также извѣстіе изъ Старой Руссы, и какое дѣйствіе произвело уничтоженіе кабаковъ?“ Другой разъ: „Надѣюсь на Всемогущаго, что позволитъ и поможетъ привести сіе дѣло къ желаемому концу“. Въ свою очередь, Аракчеевъ обнадеживалъ обычнымъ своимъ рвеніемъ и обѣщалъ возможно скорѣе исполнить всѣ новыя требованія. „Всякое трудное для меня дѣло“, писалъ онъ, „легко мнѣ выполнять, если я оное исполняю по препорученію Вашему“. Вниманіе Государя обраща-

*) Изъ дневника князя А. С. Меншикова: „Князь П. М. Волконскій полагаетъ, что у покойнаго Государя дѣйствительно приходило на умъ отреченіе отъ престола. Заключеніе свое выводитъ изъ вырвавшихся словъ о будущихъ предположеніяхъ и между прочимъ о разборѣ библіотеки, когда отдѣлается отъ занятій. Ежели бы кончина Императрицы Елисаветы Алексѣевны послѣдовала бы при Его жизни, князь Волконскій полагаетъ, что Государь не только отрекся бы отъ царствованія, но въ состояніи былъ удалиться въ монастырь. Таганрогъ, 27 февраля 1826 года“.

Это свидѣтельство курьезно, но оно теряетъ значеніе, такъ какъ Императрица скончалась послѣ Государя, и разговоры, а также высказанныя предположенія князя Волконскаго, могли быть плодомъ угнетеннаго душевнаго состоянія самого князя Петра Михайловича, неотлучно находившагося при Императрицѣ послѣ кончины Государя въ Таганрогѣ и вспоминавшаго о различныхъ бесѣдахъ съ покойнымъ Государемъ, что весьма естественно. Между тѣмъ князь Меншиковъ, видимо, придавалъ извѣстное значеніе этимъ впечатлѣніямъ князя Волконскаго и записалъ ихъ для памяти.

лось на всякія мелочи, и даже на праздныя посѣщенія поселеній посторонними лицами, что, видимо, сердило гатчинскаго капрала, потому что въ отвѣтахъ онъ жаловался на „петербургское праздноглаголаніе“. Но Императоръ продолжалъ выражать безпокойство, которое обнаружилось въ одномъ изъ писемъ, отправленномъ въ первыхъ числахъ марта: „Обращая вниманіе бдительное на все, что относится до нашихъ военныхъ поселеній, глаза мои нынѣ прилежно просматриваютъ записки о проѣзжающихъ. Всѣ выѣзжающіе въ Старую Руссу дѣлаются мнѣ замѣчательными. Такъ, 2 марта отправились туда: отставной генералъ-майоръ Веригинъ; 47 Егерскаго полка полковникъ Аклечеевъ; служащій въ Департаментѣ государственныхъ имуществъ форштмейстеръ 14 класса Рейнгартенъ для описи лѣсовъ; Инженернаго корпуса штабсъ-капитанъ Кроль. Можетъ-быть они поѣхали и по своимъ дѣламъ, но въ нынѣшнемъ вѣкѣ осторожность не безполезна. Если сей Веригинъ есть тотъ самый, котораго я знаю, то-есть братъ Плещеевой и Донауровой, то я въ него вѣры большой не имѣю, человѣкъ весьма надменный“. Въ такомъ же родѣ продолжаются распросы объ остальныхъ упомянутыхъ лицахъ и особенно о Рейнгартенѣ: „Объ форштмейстерѣ нужно узнать, по твоему ли требованію или губернаторскому присланъ онъ описывать лѣса въ теперешнюю пору, или по распоряженію министерства финансовъ, что довольно странно будетъ“.

Кромѣ того, въ 1824 году Императоръ Александръ пожелалъ еще расширить Новгородскія военныя поселенія, и въ этомъ духѣ было предложено дѣйствовать графу Аракчееву. 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи вошли въ составъ новыхъ 12 округовъ, распредѣленныхъ въ десяти волостяхъ Новгородской губерніи. Аракчеевъ быстро исполнилъ волю своего благодѣтеля, такъ что могъ скоро донести объ этомъ Государю: „Воля Вашего Величества во всѣхъ оныхъ волостяхъ мною была растолкована, и равно и собственная польза ихъ, состоявшая въ сохраненіи при себѣ безотлучно

семействъ своихъ, послѣ чего я не имѣлъ надобности употребить какое-либо военное принужденіе, но даже и сдѣлать строгаго выговора добрымъ русскимъ подданнымъ...." Читая эти строки, подумаешь—какая идиллія, а между тѣмъ населеніе вовсе не было обрадовано такого рода милостями и продолжало скрытно ворчать на эти непрошенныя благодѣянія. Государь же былъ особенно обрадованъ быстрымъ исполненіемъ его предначертаній и 16 марта высказалъ свое удовольствіе усердному графу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Съ наижнвѣйшей благодарностью къ Всемогущему Богу получилъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, письмо твое съ извѣстіемъ о благополучномъ окончаніи начатаго дѣла и о благоустройствѣ, при ономъ сохраненномъ. Умѣю я цѣнить всѣ твои труды и неусыпныя попеченія, и благодарность моя къ тебѣ столь же искренна, какъ и неограничена...."

Если мы приводимъ выдержки изъ такого рода писемъ, то для того только, чтобы убѣдить читателя, что монархъ, входившій въ детали, столь своеобразныя, относительно проѣзжавшихъ черезъ военныя поселенія и мечтавшій о расширеніи послѣднихъ, едва ли думалъ объ отреченіи отъ престола Всероссійскаго или объ удаленіи въ уединенныя мѣста.

Мы вообще не признаемъ въ исторической наукѣ догадокъ и предположеній, которыя умѣстны развѣ въ романахъ, а предпочитаемъ опираться на факты, засвидѣтельствованные документами. Этимъ избѣгаются недоразумѣнія и лишнія разсужденія.

Какъ раньше было нами разсказано, весною того же года произошло паденіе князя А. Н. Голицына, которому въ утѣшеніе было оставлено завѣдываніе почтовымъ департаментомъ послѣ долгаго управленія духовными дѣлами и народнымъ просвѣщеніемъ. Государь пожелалъ тоже утѣшить другого сотрудника многихъ лѣтъ, а именно вернувшагося изъ заграничнаго отпуска князя П. М. Волконскаго, которому была пожалована Андреевская лента при милостивомъ рескриптѣ. Но на старую должность

начальника главнаго штаба князь не былъ допущенъ, а Дибичъ, напротивъ того, утвержденъ въ новой должности приказомъ по арміямъ. Словомъ, бывшихъ друзей только утѣшали, но болѣе не слушали, а графа Аракчеева поощряли въ усердіи и совѣтовались съ нимъ обо всемъ. Даже, когда лѣтомъ того же 1824 года скончалась любимая дочь Государя отъ М. А. Нарышкиной, на другой день послѣ этого несчастія, столь поразившаго монарха, Александръ внезапно выѣхалъ одинъ въ Грузино, чтобы найти утѣшеніе въ сообществѣ графа Алексѣя Андреевича.

Передъ выѣздомъ въ Грузино, Его Величество успѣлъ, несмотря на всю горесть отъ потери любимаго существа, написать нѣсколько словъ Аракчееву: „Не безпокойся обо мнѣ! Воля Божія, и я умѣю ей покоряться. Съ терпѣніемъ переношу я мое сокрушеніе и прошу Бога, чтобы Онъ подкрѣпилъ силы мои душевныя. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я удовольствія съ тобой увидѣться завтра и надѣюсь, что поѣздка моя и предметы, коими въ оной заниматься буду, разсѣятъ нѣсколько печальныя мои мысли“. (Царское Село, 23 іюня 1824 года.)

Откровенно говоря, мы недоумѣваемъ, каково могло быть утѣшеніе въ сообществѣ холоднаго и безсердечнаго Грузинскаго помѣщика, а такого рода психологія чувствъ Александра Павловича прямо-таки вызываетъ одно лишь удивленіе и не поддается болѣе анализу. Но фактъ остается во всей своей наготѣ, и мы не могли его не отмѣтить. Врачъ Тарасовъ, сопровождавшій Государя въ поѣздкѣ въ Грузино, подробно разсказываетъ въ воспоминаніяхъ объ этомъ пребываніи и свидѣтельствуетъ о благодушномъ состояніи монарха, а также покорности его судьбѣ послѣ перенесеннаго потрясенія. Александръ, видимо, отдыхалъ въ уединенномъ помѣстьѣ графа и вполнѣ удовлетворялся царившей тамъ обстановкой. Еще до отъѣзда въ Грузино, Тарасовъ наблюдалъ за нимъ и старался угадать нравственное состояніе Государя. Тарасовъ передаетъ свои впечатлѣнія просто. Вотъ, что онъ

писать: „При выходѣ Императора въ пріемный залъ, я внимательно наблюдалъ лицо его, на которомъ, къ величайшему моему удивленію, я не могъ замѣтить ни малѣйшей черты, обличающей внутреннее положеніе растерзанной такою важною потерею великой души его. Онъ обычно былъ привѣтливъ ко всѣмъ, нѣкоторымъ дѣлалъ вопросы, пояснялъ отвѣты и до того сохранилъ присутствіе духа, что, кромѣ насъ троихъ, бывшихъ въ кабинетѣ его, никто не могъ знать о его внутреннемъ состояніи души". Это самообладаніе и умѣніе скрывать свои чувства было основной чертой характера Александра Павловича во всю его жизнь.

Въ концѣ лѣта Императоръ снова совершилъ большую поѣздку по Россіи, съ 16 августа по 24 октября 1824 года, но не заѣзжалъ въ Москву, хотя посѣтилъ всѣ прилегавшія губерніи. На этотъ разъ многіе губернскіе города были осчастливлены царскимъ пріѣздомъ, какъ-то Пенза, Тамбовъ, Самара, Симбирскъ, а также Оренбургъ, Уфа, Златоустовскіе заводы, Пермь, Екатеринбургъ, Вятка и Вологда. Путешествіе вовсе не утомило Государя, несмотря на перенесенную зимою болѣзнь; напротивъ того, всѣ были поражены бодрымъ его видомъ и интересомъ, который онъ проявлялъ при посѣщеніяхъ больницъ, тюремъ, заводовъ и другихъ учрежденій. Онъ былъ ласковъ и особенно привѣтливъ ко всѣмъ, и его посѣщенія произвели глубокое впечатлѣніе на населеніе этихъ мѣстъ.

Къ сожалѣнію, скоро послѣ возвращенія въ столицу, на Петербургъ нагрянула неожиданная бѣда, а именно 7 ноября ознаменовалось небывалымъ наводненіемъ вышедшей изъ береговъ Невы, которая затопила многія мѣстности и поглотила массу человѣческихъ жизней. Это бѣдствіе, случившееся почти на глазахъ Императора, страшно его поразило, но онъ не растерялся и принялъ цѣлый рядъ энергичныхъ мѣръ, чтобы прійти на помощь населенію. Столица была раздѣлена на три временныхъ генералъ-губернаторства: Васильевскій островъ, Петербургская и Выборгская стороны,

надзоръ надъ которыми былъ порученъ тремъ генералъ-адъютантамъ: графу Бенкендорфу, графу Комаровскому и Депрерадовичу, подъ общимъ руководствомъ Петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича. Образовались комитеты для оказанія помощи пострадавшимъ, а самъ Государь лично всюду ѣздилъ, провѣрялъ работу подчиненныхъ и своимъ появленіемъ старался облегчить участь главнымъ образомъ бѣднѣйшаго класса населенія.

Мѣсяцъ спустя послѣ наводненія, серьезно захворала Императрица Елисавета Алексѣевна, давно уже проявлявшая большую слабость и частыя недомоганія. Болѣзнь супруги еще болѣе омрачила настроеніе Государя, и зима наступила при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Вотъ когда, дѣйствительно, началось проявленіе полнаго маразма, и обнаружилось это настроеніе въ стремленіи къ уединенію и въ постоянныхъ молитвахъ. Александръ, будучи вообще очень набожнымъ, искалъ себѣ утѣшенія въ чтеніи священныхъ книгъ, стараясь заглушить житейскія тревоги и невзгоды. Тарасовъ замѣчаетъ: „Императоръ былъ очень религіозенъ и истинный христіанинъ. Вечернія и утреннія свои молитвы совершалъ на колѣняхъ и продолжительно, отъ чего у него наверху берца у обѣихъ ногъ образовалось очень обширное омозоленіе общихъ покрововъ, которое у него оставалось до его кончины".

Тѣмъ не менѣе наружно Государь старался не показывать своего истиннаго душевнаго состоянія и продолжалъ обычныя занятія, конечно, болѣе всего съ однимъ Аракчеевымъ, котораго онъ продолжалъ считать своимъ ангеломъ хранителемъ, именно въ тяжелыя минуты, что, повторяемъ, достойно глубочайшаго удивленія. Остальные люди и приближенные не удовлетворяли его, а больше утомляли, и бесѣды, напримѣръ, съ Карамзинымъ, котораго за послѣдніе годы Его Величество видывалъ часто, вовсе не доставляли ему удовольствія, а были скорѣе ему въ тягость. Когда Аракчеевъ выдвигалъ Магницкаго, испрашивая для него аудіенцію, то Государь изъявлялъ на это согласіе, но какъ бы совѣстился,

чтобы кто-либо не встрѣтилъ у него такого недостойнаго человѣка. Это можно заключить изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ къ Аракчееву въ іюлѣ 1825 года: „Я неудобства никакого не вижу принять Магницкаго, только надобно такъ распорядиться, чтобы не вмѣстѣ было съ Карамзинымъ, и лучше, ежели бы и не встрѣчались. Карамзинъ готовится просить дозволенія пріѣхать; то Магницкому можно назначить время послѣ отъѣзда Карамзина".

До чего доходила заботливость Александра въ такого рода посѣщеніяхъ!

1825 годъ начался, какъ и всѣ предыдущіе, обычными пріёмами, выходомъ и поздравленіями. Въ числѣ другихъ графъ Аракчеевъ, пребывавшій въ Новгородской губерніи, получилъ нѣсколько милостивыхъ словъ, кончавшихся выраженіемъ: „не испрося на тебя истиннаго благополучія Божія"; на что графъ отвѣчалъ въ томъ же родѣ, говоря: „и да ниспошлетъ Онъ Духа Святаго съ новымъ увѣреніемъ о нелицемѣрной преданности стараго слуги". Ни бѣдствія наводненія, ни болѣзнь супруги, ни приступы маразма не поколебали всегдашнихъ проявленій дружбы. Уже въ началѣ апрѣля Государь снова собрался въ путь, на этотъ разъ въ Польшу для открытія третьяго сейма, а за два мѣсяца до этого былъ изданъ acte additionnel, возвѣщавшій, что публичныя засѣданія сейма могутъ происходить исключительно при открытіи и закрытіи сейма и въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, а въ остальное время — только при закрытыхъ дверяхъ. Это нововведеніе казалось бы излишнимъ, но цесаревичъ Константинъ находилъ эту мѣру желательной, и было уступлено его желанію. Послѣ прибытія въ Варшаву 15 апрѣля, двѣ недѣли прошли въ смотрахъ войскъ, а 1 мая, при самой торжественной обстановкѣ, былъ открытъ лично Государемъ третій польскій сеймъ. Его Величество ровнымъ и пріятнымъ голосомъ прочелъ на французскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь, а вслѣдъ за нимъ статсъ-секретарь графъ Грабовскій передалъ ее сейму на польскомъ языкѣ. Всѣ лица,

присутствовавшія на этомъ открытіи, оставили единогласныя показанія о томъ чарующемъ впечатлѣніи, которое произвелъ Русскій Императоръ простотой и величіемъ своего обращенія, а также физической свѣжестью всей своей осанки и благодушіемъ выраженія лица и глазъ. Даже самые заклятые изъ польскихъ государевыхъ недоброжелателей должны были сознаться, что ихъ король никогда не былъ такъ въ ударѣ и въ такомъ блескѣ, какъ именно при открытіи третьяго сейма, а польскія дамы навзрыдъ рыдали отъ умиленія во время рѣчи Александра.

То же впечатлѣніе получилось и при закрытіи этого сейма 1 іюня, опять-таки лично самимъ Императоромъ, произнесшимъ нѣсколько словъ, которыя вызвали живѣйшее одобреніе польской публики. „Вѣрьте“, сказалъ Александръ, „что я сумѣю отдать справедливость тому довѣрію, которымъ ознаменовалось нынѣшнее ваше собраніе. Оно не останется втуне. Я сохраню о немъ память, соединенную съ неизмѣннымъ желаніемъ убѣдить васъ, какъ искренна моя къ вамъ привязанность, и какое вліяніе окажетъ ваше поведеніе на вашу будущность“.

Аракчееву, который оставался въ Грузинѣ, Его Величество не замедлилъ сообщить о своихъ варшавскихъ впечатлѣніяхъ: „Здѣсь, благодаря Всевышняго, идетъ все по желанію, и я отмѣнно доволенъ общимъ расположеніемъ“ *). По пріѣздѣ въ Царское Село 13 іюня, Александра потянуло снова въ Грузино, куда онъ отбылъ 26-го и оставался у Аракчеева цѣлыхъ десять дней.

По возвращеніи въ столицу, начались приготовленія къ поѣздкѣ на югъ, потому что здоровье Елисаветы Алексѣевны все ухудшалось. Мысль о поѣздкѣ въ Италію была оставлена, въ виду нежеланія Императрицы уѣзжать изъ предѣловъ Россіи, и послѣ долгихъ совѣщаній медиковъ мѣстомъ жительства былъ избранъ Таганрогъ, о которомъ до этого никто никогда не говорилъ, какъ

*) Выраженія этого письма приводитъ и Шильдеръ, IV т., стр. 334.

о климатическомъ курортѣ. Поэтому не удивительно, что выборъ такого пункта для поправленія здоровья одинаково поразилъ всѣхъ, многіе даже терялись въ догадкахъ о причинѣ такого рѣшенія. Между тѣмъ все объяснялось просто. Императрица Елисавета чувствовала себя настолько слабой и нервной, что одна мысль о возможности удаленія куда-либо за границу приводила ее въ разстройство, и тогда доктора должны были рѣшиться выбрать наименѣе удаленное мѣсто, куда путешествіе было бы не такъ утомительно, и гдѣ по пути можно было подыскать удобныя остановки для ночлеговъ или дневокъ. Въ этотъ промежутокъ времени Императоромъ Александромъ было получено знаменитое письмо Шервуда, унтеръ-офицера 3 Украинскаго уланскаго полка, говорившее о готовящемся заговорѣ въ арміяхъ (особенно во 2); состоялся пріёмъ, наединѣ, въ Каменноостровскомъ дворцѣ этого унтеръ-офицера, и ему поручено было открыть нити всего этого преступнаго замысла. Весь этотъ эпизодъ разсказанъ Шильдеромъ во всѣхъ подробностяхъ. Но далѣе, историкъ Александра обычно настолько увлекается, что дѣлаетъ рядъ предположеній, которыя мы не можемъ не опровергнуть. Шильдеръ передаетъ разговоръ Государя съ княземъ А. Н. Голицынымъ, которому онъ поручилъ привести въ порядокъ свои бумаги. Намъ кажется, что, уѣзжая въ долгое путешествіе съ больной супругой и не зная, когда придется ему вернуться, Александръ поступилъ вполнѣ логично. Далѣе покойный историкъ разсказываетъ, какъ князь Голицынъ умолялъ Александра обнародовать актъ о престолонаслѣдіи и отвѣтъ Его Величества, который неоднократно вызывалъ уже пренія и всякія догадки: „Remettons-nous-en à Dieu: Il saura mieux ordonner les choses que nous autres, faibles mortels". Прежде всего обращаемъ вниманіе на то, что единственное свидѣтельство объ этомъ разговорѣ исходитъ отъ самого князя А. Н. Голицына, записавшаго эту бесѣду *нѣсколько лѣтъ спустя* и, главное, *послѣ* разыгравшейся трагедіи 14 декабря 1825 года.

Князь Голицынъ могъ забыть разныя подробности разговора, а въ виду своего характера, недавней обиды послѣ удаленія отъ дѣлъ, легко могъ постараться быть въ роли пророка всего происшедшаго, и этимъ обратить на себя вниманіе Императора Николая. Въ дѣйствительности такъ и было. Николай Павловичъ всегда ссылался на показаніе князя Голицына, говоря о событіяхъ 14 декабря, и всячески ласкалъ князя до самой его кончины въ Крыму (1844 г.).

Однако, Шильдеръ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: „Невольно представляется вопросъ, почему Императоръ Александръ рѣшилъ хранить эти акты въ столь глубокой тайнѣ отъ назначеннаго имъ наслѣдника, а также и отъ Россіи? Трудно найти для подобнаго образа дѣйствій разумное объясненіе, и тайну свою Александръ унесъ съ собою въ могилу. Нѣкоторые полагаютъ, что Государь одновременно съ манифестомъ объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія намѣревался объявить и о собственномъ отреченіи отъ престола. Странная надпись на пакетѣ: „хранить до моего востребованія“, можетъ-быть, дѣйствительно, указываетъ на намѣреніе Александра осуществить, согласно прежнимъ мыслямъ, отреченіе отъ престола....“

Относительно великаго князя Николая Павловича мы уже высказались раньше, и для него эта тайна могла быть лишь относительной, т.-е. онъ могъ не знать о сохраненіи актовъ въ Успенскомъ соборѣ и въ высшихъ учрежденіяхъ Петербурга. Мы вполнѣ это допускаемъ и убѣждены, что Императоръ Александръ сдѣлалъ это не спроста, а обдумавши, предполагая, что цесаревичъ Константинъ могъ перемѣнить свое намѣреніе объ отреченіи, а, кромѣ того, Государь, вѣроятно, опасался возможныхъ недоразумѣній между братьями, могущихъ обнаружиться преждевременно, если бы они оба стали говорить на эту тему. Что касается Россіи, то Александръ находилъ опаснымъ разглашать актъ при своей жизни, избѣгалъ лишнихъ толковъ и разговоровъ, что мы также уже отмѣтили раньше.

Отчего надпись на пакетѣ, отданномъ на храненіе въ Успенскій соборъ, Шильдеръ находитъ „странной", еще менѣе понятно. Если Государь допускалъ возможность измѣненія взглядовъ брата Константина, то надпись станетъ вполнѣ понятной. Наконецъ, вѣдь Николай Павловичъ могъ умереть раньше Константина, а такъ какъ великій князь Александръ Николаевичъ былъ малолѣтнимъ, то до его совершеннолѣтія должно было бы быть регентство, а регентами тогда могли быть только Константинъ или Михаилъ Павловичи. Словомъ, „хранить до востребованія" была надпись предупредительная, а вовсе не относящаяся до его собственнаго отреченія, о которомъ онъ и не думалъ.

Также изъ переданнаго Шильдеромъ разговора Государя съ княземъ Голицынымъ явствуетъ, что о возможности преждевременной кончины Александра Павловича предполагалъ князь, но вовсе не Государь, а потому Голицынъ и высказывалъ свои опасенія на счетъ акта о престолонаслѣдіи, на которыя Александръ отвѣтилъ въ извѣстной туманной формѣ, столь ему свойственной. Такимъ образомъ, все предположеніе Шильдера должно отпасть.

Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи историкъ Александра подробно останавливается на послѣднихъ дняхъ пребыванія Императора въ столицѣ, до выѣзда его въ Таганрогъ. Фантазія Шильдера настолько разыгрывается, что самыя обычныя явленія въ его глазахъ пріобрѣтаютъ какое-то особое значеніе. Напримѣръ, послѣднее посѣщеніе матушки въ Павловскѣ, въ Розовомъ павильонѣ, въ сырую и сѣрую погоду, при осеннемъ колоритѣ всей природы, вызвало будто бы у Александра особую грусть, а также воспоминаніе того же павильона 11 лѣтъ назадъ, при побѣдоносномъ возвращеніи изъ Парижа, тоже навлекло пасмурное настроеніе. Затѣмъ, передъ самымъ выѣздомъ изъ Петербурга, Государь посѣтилъ Александро-Невскую лавру, отслужилъ молебенъ, приложился къ мощамъ св. Александра Невскаго, бесѣдовалъ съ митрополитомъ Серафимомъ, а также въ кельѣ съ схимникомъ

все это, по мнѣнію Шильдера, означало предчувствіе скорой кончины. Не можемъ мы никакъ согласиться съ такою точкою зрѣнія. Вовсе не отрицая мрачнаго настроенія, тяжелыхъ думъ, накопившихся за послѣдніе годы, общаго разочарованія и даже нѣкотораго пресыщенія жизнью, мы положительно отказываемся найти признаки предчувствія близкой смерти и вообще какихъ-либо намековъ на скорое исчезновеніе съ земного поприща. Все это могло явиться въ воображеніи, въ связи съ неминуемыми народными толками послѣ кончины Александра Павловича, но мы недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось почтенному и симпатичному Николаю Карловичу подводить всѣ обстоятельства отъѣзда Государя въ Таганрогъ, а также и подробности его смерти, подъ извѣстную спеціальную призму, завершенную таинственными словами самого Шильдера въ послѣднихъ строкахъ его историческаго труда, а также изображеніемъ сибирскаго старца Ѳеодора Кузьмича, не имѣвшаго ничего общаго съ Благословеннымъ монархомъ.

Въ серьезной исторической работѣ такія гипотезы лишь смущаютъ читающихъ и могутъ порождать легенды, ничего не имѣющія общаго съ исторіей. Жалѣю, что именно мнѣ, почитателю и пріятелю покойнаго, приходится прійти къ такого рода заключеніямъ.

Ихъ Величества покинули Петербургъ въ началѣ сентября 1825 года: Государь—перваго, а Государыня третьяго. Каждаго изъ нихъ сопровождала небольшая свита и врачи. Александръ пожелалъ быть раньше своей супруги въ Таганрогѣ, чтобы лично все подготовить къ ея прибытію, съ возможнымъ удобствомъ и комфортомъ. Для этой же цѣли заблаговременно былъ командированъ архитекторъ Шарлемань.

Вниманію Александра къ больной Елисаветѣ не было предѣловъ, и все время на пути онъ писалъ ей письма и записочки, самыя трогательныя и задушевныя, случайно дошедшія до насъ послѣ кончины Императрицы и уцѣлѣвшія отъ сожженія. Больная Государыня, ѣхавшая съ остановками и ночлегами, была особенно

тронута такимъ отношеніемъ къ ней ея супруга и уже на пути чувствовала нравственное облегченіе, будучи въ восторгѣ, что, наконецъ, она могла выбраться изъ Петербурга и изъ той гнетущей для нея обстановки, которая создалась годами и отчасти благодаря враждебному къ ней отношенію вдовствующей Императрицы.

Елисавета прибыла въ Таганрогъ 23 сентября, на десять дней позже Александра, и была встрѣчена Государемъ на послѣдней станціи. До въѣзда въ приготовленный для нея домикъ, оба супруга заѣхали въ греческій Александровскій монастырь, гдѣ слушали краткій молебенъ съ многолѣтіемъ. Затѣмъ жизнь пошла совсѣмъ помѣщичья, безъ всякаго церемоніала и этикета: Ихъ Величества дѣлали частыя экскурсіи въ экипажѣ, вдвоемъ, по окрестностямъ, оба восхищались видомъ моря и наслаждались уединеніемъ. Государь совершалъ, кромѣ того, ежедневныя прогулки пѣшкомъ; трапезы тоже обыкновенно происходили безъ лицъ свиты, словомъ, все время протекло такъ, что супруги оставались часами вмѣстѣ и могли непринужденно бесѣдовать между собой, такъ какъ это было имъ пріятно. Казалось, наступила пора вторичной lune de miel, и всѣ окружающіе были поражены такимъ отношеніемъ между супругами, какого никому изъ лицъ свиты, кромѣ старыхъ врачей, Вилліе и Штофрегена, и князя П. М. Волконскаго, не привелось раньше наблюдать. И Александръ, и Елисавета наслаждались такимъ образомъ жизнью и только сожалѣли, что не приходилось имъ до этого такъ проводить время въ загородныхъ дворцахъ и дачахъ окрестностей Петербурга.

Безмятежно жилось при этой новой для нихъ обстановкѣ цѣлый мѣсяцъ, послѣ чего, по настоянію новороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова, Александръ рѣшилъ совершить кратковременную, но роковую для него поѣздку по южному берегу Крыма.

Лучшимъ свидѣтелемъ этого мѣсяца пребыванія въ Таганрогѣ служитъ сама Императрица Елисавета Алексѣевна. Настроеніе ея

отражается въ ея письмахъ къ матери, гдѣ постоянно встрѣчаются такія выраженія испытываемаго ею счастія: „...On voit la mer presque de toutes les rues, et mon établissement, que l'Empereur a soigné dans tous ses détails avec tant de sollicitude, est joli et „heimlich"; je ne trouve à redire qu'au trop". Но есть и другое свидѣтельство Елисаветы, которое для насъ пріобрѣтаетъ особенную цѣнность. Дѣло касается настроенія Александра и его дальнѣйшихъ плановъ. Въ одномъ изъ писемъ ея къ матери, 8 октября, мы читаемъ слѣдующія строки: „Je lui ai demandé dernièrement de me dire quand il comptait retourner à Pétersbourg, parce que j'aimais mieux le savoir afin de me préparer à l'idée de son départ, comme à une opération. Il m'a répondu: „Le plus tard possible, je verrai encore: mais dans tous les cas pas avant la nouvelle année". Cela m'a mise de belle humeur pour toute la journée...." Слѣдовательно, Александръ былъ вполнѣ удовлетворенъ пребываніемъ въ Таганрогѣ и вовсе не помышлялъ вернуться въ столицу, во всякомъ случаѣ раньше новаго года, т.-е. еще трехъ мѣсяцевъ. А между тѣмъ случилось два обстоятельства, которыя могли бы принудить Государя вернуться въ Петербургъ. Мы говоримъ о драмѣ, случившейся въ Грузинѣ, гдѣ умертвили любовницу Аракчеева, послѣ чего графъ, убитый горемъ и разъяренный противъ крестьянъ, не сталъ болѣе заниматься государственными дѣлами; а потомъ получились такія донесенія, которыя не оставляли больше сомнѣнія въ существованіи заговора среди офицерства.

Его Величество сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы утѣшить своего зловреднаго друга, и настойчиво звалъ его въ Таганрогъ къ себѣ, чтобы лично имѣть возможность разсѣять жгучую скорбь грузинскаго изверга. Но напрасно; Аракчеевъ остался глухъ къ зову своего покровителя, ища утѣшенія въ объятіяхъ архимандрита Фотія, а великое развлеченіе доставили ему тѣ пытки и истязанія, которымъ подверглись не только участники убійства Минкиной, но и всѣ заподозрѣнные въ сочувствіи къ этому

убійству. Эгоизмъ и неблагодарность Аракчеева къ Александру особенно сказались именно въ эти дни. У Шильдера приведена вся переписка между ними и всѣ прочія подробности этого дѣла. Мы же только обратимъ вниманіе на нѣкоторыя выраженія изъ писемъ Государя, на которыя графъ Алексѣй Андреевичъ не соблаговолилъ отозваться.

„...Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь, куда ѣхать. Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который тебя бы искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь здѣсь жить, какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ. Но заклинаю тебя всѣмъ, что есть святого, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна и, могу сказать, необходима, а съ отечествомъ и я не разлученъ....“

И эти строки писалъ не простой пріятель или добрый знакомый, а самъ Государь, тотъ Благословенный монархъ, который такъ возвысилъ Аракчеева и показывалъ ему не только одно расположеніе, но и необъяснимую любовь! Наконецъ, тутъ мы читаемъ и призывъ къ долгу, къ службѣ отечеству, олицетворенному также въ особѣ царской.... и что же? Аракчеевъ не шевельнулся, отписывался пошлыми письмами, доказавшими лишь одно, что онъ человѣкъ не только низкій, но и неблагодарный.

Конечно, такое отношеніе грузинскаго графа къ нему, сильно огорчившее Александра, могло бы раскрыть ему окончательно глаза, на что такъ упорно надѣялся князь Петръ Михайловичъ Волконскій, а на дѣлѣ огорченіе осталось, но и симпатіи къ Аракчееву остались тоже неизмѣнными. Ослѣпленіе чувствъ было полнѣйшее, и съ ними сошелъ въ могилу Александръ, „сей сфинксъ, не разгаданный до гроба“, какъ его любилъ называть боготворившій его историкъ, Н. К. Шильдеръ!

Что же касается дѣлъ заговора, то отношеніе Аракчеева къ такому вопросу было прямо преступно. „По причинѣ сильнаго

разстройства“, графъ не счелъ нужнымъ ни отвѣтить на письма Шервуда, ни принять и выслушать его лично, что составляло его священную обязанность. Въ своихъ запискахъ Шервудъ высказался совершенно опредѣленно по поводу этихъ дней: „... Эти десять дней разницы“ (т.-е. не полученіе отвѣта на письма) „имѣли большія послѣдствія: никогда бы возмущеніе гвардіи 14 декабря на Исакіевской площади не случилось; затѣявшіе бунтъ были бы заблаговременно арестованы. Не знаю, чему приписать, что такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, которому столько оказано благодѣяній Императоромъ Александромъ, и которому онъ былъ такъ преданъ (!!), пренебрегъ опасностью, въ которой находились жизнь Государя и спокойствіе государства, для пьяной, толстой, рябой, необразованной, дурного поведенія и злой женщины: есть надъ чѣмъ задуматься“.

Если унтеръ-офицеръ Шервудъ, родомъ англичанинъ, пришелъ къ такого рода заключеніямъ, то пишущій нынѣ эти строки только можетъ добавить чувство глубокаго негодованія и отвращенія къ роли Аракчеева въ дѣлѣ безопасности личности его благодѣтеля и вообще къ его отношенію къ особѣ Государя. Здѣсь вполнѣ отчетливо выразилась вся подлая фигура грузинскаго помѣщика, и онъ самъ себѣ подписалъ приговоръ быть заклеймённымъ не только современниками, но и всѣми послѣдующими поколѣніями.

Хотя всѣ эти обстоятельства не могли не огорчить Александра Павловича, но въ общемъ онъ продолжалъ безмятежно свой образъ жизни; съѣздилъ на четыре дня въ Новочеркасскъ, посѣтивъ нѣкоторыя мѣстности Войска Донского, снова на шесть дней вернулся въ Таганрогъ, а 20 октября съ немногочисленной свитой отправился путешествовать по Крыму. По свидѣтельству всѣхъ его сопровождавшихъ, Государь былъ въ рѣдкомъ, радостномъ настроеніи духа, восхищался прелестями природы южнаго побережья Крыма, посѣщалъ всѣ достопримѣчательности то въ экипажѣ, то верхомъ, пока не простудился отъ собственной

неосторожности. Произошло это на пути изъ Балаклавы въ Георгіевскій монастырь. Былъ теплый день, Его Величество ѣхалъ верхомъ въ одномъ мундирѣ, безъ шинели, въ сопровожденіи одного фельдъегеря, такъ какъ свиту отпустилъ заранѣе; прогулка казалась прелестной, солнце парило во всю, Государь незамѣтно вспотѣлъ, какъ вдругъ подъ вечеръ подулъ свѣжій, порывистый вѣтеръ; Его Величество сильно продрогъ и, не успѣвъ заблаговременно доѣхать до Севастополя, прибылъ туда только послѣ восьми часовъ вечера. Какъ извѣстно, въ южныхъ странахъ время заката солнца считается самымъ опаснымъ; необходимо одѣвать что-либо теплое, а у Государя ничего подходящаго не оказалось, и онъ доѣхалъ до мѣста ночлега въ томъ же одѣяніи, какъ выѣхалъ изъ Балаклавы, съ явными признаками сильной простуды, отказавшись отъ обѣда и попросивъ только стаканъ чаю. Къ медицинской помощи Его Величество не обращался и на другой день, 28 октября, продолжалъ поѣздку въ коляскѣ на Бахчисарай. Здѣсь онъ приказалъ Тарасову приготовить какой-то согрѣвательный напитокъ, но ѣлъ мало и чувствовалъ уже недомоганіе.

Даже Шильдеръ принужденъ заявить о хорошемъ расположеніи духа Александра, несмотря на его начинающееся нездоровье. „Государь не далъ себѣ покоя и между прочимъ совершилъ поѣздку верхомъ въ Чуфутъ-Кале и на обратномъ пути посѣтилъ Успенскій монастырь; онъ казался совершенно здоровымъ, былъ весьма веселъ и со всѣми обращался съ обычной своей благосклонностью". Слѣдовательно, за нѣсколько недѣль до кончины Государь, повидимому, не помышлялъ уже болѣе объ отреченіи отъ престола или объ удаленіи въ уединенныя мѣста, о чемъ, по завѣренію Шильдера, онъ серьезно подумывалъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Такого рода свидѣтельство историка Александра очень цѣнно для насъ, потому что вся легенда о мечтахъ отреченія отпадаетъ сама собою.

1 и 2 ноября Императоръ Александръ посѣтилъ еще Евпаторію и Перекопъ; все время не жаловался на нездоровье, но справлялся у врачей о крымской лихорадкѣ и о средствахъ противъ этого недуга. При переѣздѣ изъ Орѣхова въ Маріуполь, 4 ноября, у Государя сдѣлался сильнѣйшій ознобъ, и онъ впервые прибѣгъ къ помощи Вилліе, рѣшивъ продолжать дорогу, несмотря на слабость послѣ пароксизма, а подъ вечеръ 5 ноября Его Величество прибылъ въ Таганрогъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждала его Императрица послѣ двухнедѣльной разлуки, во время которой она получила извѣстіе о кончинѣ мужа сестры своей Каролины, короля Баварскаго. Нѣсколько дней Александру было какъ будто лучше, въ ночь съ 8 на 9 ноября показался обильный потъ, и врачи начали надѣяться на благополучный исходъ болѣзни. Но улучшеніе было только кажущееся, и въ послѣдующіе дни лихорадка усилилась, слабость стала проявляться еще нагляднѣе при общемъ упадкѣ силъ, сонъ сдѣлался тревожнымъ, и замѣчалась сонливость въ теченіе всѣхъ этихъ дней, очень смущавшая Вилліе. 14 числа Государь всталъ, хотѣлъ бриться, но съ нимъ сдѣлался обморокъ, продолжавшійся довольно долго. Врачи перепугались, а еще болѣе Елисавета Алексѣевна; больного окончательно уложили въ кровать, съ которой онъ болѣе не подымался. 15 числа Государь пожелалъ пріобщиться Св. Тайнъ, которыя были ему даны священникомъ Ѳедотовымъ, съ которымъ онъ оставался больше часа наединѣ во время исповѣди и причащенія. Послѣ этого Государыня и священникъ убѣждали Александра болѣе не отказываться отъ лѣкарствъ и подчиниться требованіямъ медиковъ. Тарасовъ говоритъ, что Государь обѣщалъ это исполнить и сказалъ врачамъ: „Теперь, господа, ваше дѣло; употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными“. Но врачи ясно сознавали, что спасти больного уже поздно, такъ какъ появились мозговыя явленія, осложнявшія ходъ болѣзни, при постоянно возвышенной температурѣ;

17 числа снова появился лучъ надежды, такъ какъ за ночь положенная на затылокъ шпанская мушка облегчила больного, и день прошелъ сравнительно хорошо, но съ вечера на 18 число мозговыя явленія повторились съ бóльшею интенсивностью, и Виллie потерялъ всякую надежду на возможность спасенія. Всю ночь Государь пролежалъ въ безпамятствѣ, не приходя болѣе въ себя; Императрица Елисавета безотлучно оставалась при умирающемъ; къ утру 19-го положеніе ухудшилось, силы оставляли больного, дыханіе было затрудненное, и все постепенно готовилось къ окончательной печальной развязкѣ. Около 11 часовъ утра Александра I не стало. Онъ отошелъ въ вѣчность спокойно, безъ видимыхъ страданій, и лицо его, при разставаніи со всѣмъ земнымъ, озарилось какимъ-то особымъ райскимъ сіяніемъ. Горе царственной вдовы и окружающихъ было безутѣшно. Александръ скончался 47 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 7 дней; его правленіе Россіей продолжалось 24 года 8 мѣсяцевъ и 7 дней. Онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ физическихъ въ 1825 году, и никто не могъ предвидѣть такого рокового исхода, и менѣе другихъ пользовавшіе обыкновенно его врачи. Вскрытіе тѣла показало, что почти всѣ органы были въ полной исправности, а болѣзнь, которая свела его въ могилу, была специфическая форма горячки (тифозный видъ запущенной лихорадки, по нынѣшнимъ понятіямъ); лѣченіе оказалось запоздалымъ, а до 14 числа Государь отказывался отъ всякихъ лѣкарствъ и не желалъ подчиняться требованіямъ медиковъ. Тѣло Императора было тщательно набальзамировано, но, по недостатку всего необходимаго для этой сложной операціи, оно быстро почернѣло, и черты лица сильно измѣнились. Сперва останки Благословеннаго монарха находились въ одной изъ комнатъ таганрогскаго дома, гдѣ онъ почилъ, и гдѣ совершались ежедневныя панихиды, а послѣ были перенесены въ Александровскій монастырь, до перенесенія тѣла въ Петербургъ.

Какъ актъ о кончинѣ Александра I, такъ и протоколъ вскрытія тѣла были подписаны находившимися при его кончинѣ лицами, съ тою разницею, что первый актъ былъ подписанъ генералъ-адъютантами княземъ Волконскимъ и Дибичемъ и только двумя медиками, Виллiе и Штофрегеномъ, а протоколъ девятью врачами и скрѣпленъ подписью генералъ-адъютанта Чернышева. При долгомъ слѣдованіи тѣла Государя по Россіи до Петербурга, нѣсколько разъ осматривали положеніе усопшаго въ гробу, каждый разъ съ особаго разрѣшенія генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, на котораго было возложено сопровождать останки Императора, и въ присутствіи всѣхъ сопровождавшихъ лицъ Государевой свиты, а также медиковъ. Погребеніе въ Петропавловскомъ соборѣ состоялось лишь 13 марта 1826 года.

Обращалъ ли когда-нибудь любезный читатель вниманіе на то, съ кѣмъ только не приходилось Александру Павловичу встрѣчаться за 48 лѣтъ его жизни? А на этомъ слѣдуетъ остановиться. Въ дѣтствѣ и отрочествѣ онъ видѣлъ весь блескъ двора своей бабки Екатерины, и передъ нимъ промелькнули такія фигуры, какъ Потемкинъ, Румянцевъ, Алексѣй Орловъ, Суворовъ, Безбородко, братья Зубовы.... словомъ, почти всѣ Екатерининскіе орлы. За кратковременное царствованіе отца пришлось встрѣтиться съ людьми уже другого калибра, отъ Ростопчина, Беклешова, Н. П. Панина, графа Палена, Аракчеева до ничтожнаго Кутайсова включительно. Затѣмъ пошли сношенія съ людьми уже новыми и съ нѣкоторыми сотрудниками бабки и отца. Кого только Александръ не встрѣчалъ на Руси за 24 года правленія, съ кѣмъ только не велъ онъ продолжительныхъ бесѣдъ, и съ военными, и съ гражданскими, и съ дипломатами, и съ учеными, съ профессорами, съ художниками, съ мистиками, съ масонами, съ сектантами, съ лицами духовнаго званія, какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства, съ поляками, съ балтійскими нѣмцами, съ восточными людьми, и всѣхъ умѣлъ очаровать, приласкать, а главное, заинтересовать

своей обаятельной личностью. А что касается иностранцевъ, то опять-таки нѣтъ почти ни одного мало-мальски извѣстнаго на любомъ поприщѣ человѣка, котораго не знавалъ бы Государь. Ему были извѣстны почти всѣ австрійцы, отъ полковника Вейротера до эрцгерцога Карла и отъ Стадіона до Меттерниха. Изъ нѣмцевъ передъ нимъ прошли всѣ эти Гаугвицы, Гарденберги, Фули, Штейны, Шарнгорсты, Гнейзенау, Блюхеры, Іорки, Гумбольдты, а сколько ихъ переходило и перешло на русскую службу, подчасъ непрошенными гостями. А что сказать о знакомыхъ во Франціи, начиная съ Наполеона и его братьевъ до Людовика XVIII и герцога Орлеанскаго (Луи-Филиппа); Таллейранъ, Фуше, Сіесъ имѣли честь говорить и не разъ, а долго, съ Русскимъ Императоромъ. Александръ зналъ почти всѣхъ маршаловъ Наполеона: Ланнъ, Бертье, Мюратъ, Бернадоттъ, Ней, Даву, Лефевръ, Макдональдъ, Ожеро, Удино, Мармонъ, изъ коихъ четверо первыхъ имѣли знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; и далѣе генералы: Коленкуръ, Лористонъ, Эдувиль, Дюрокъ, Жомини, Моро; наконецъ, артисты, художники: Тальма, Жераръ, Изабей, и всѣ извѣстнѣйшія тогда женщины, какъ императрица Жозефина, королева Гортензія, г-жа Сталь, г-жа Рекамье; всѣ красавицы парижскихъ салоновъ, большинство актрисъ — всѣ онѣ удостоились вниманія Русскаго монарха. Также и англичане: Регентъ (Георгъ IV), лордъ Ливерпуль, Веллингтонъ, Касльри, Стюартъ, Каткартъ, Нугентъ, и лондонскія дамы, и квэкеры, и т. д.

Почти всѣ проповѣдники, мыслители были представлены Государю (епископъ Эйлертъ, Парротъ, Юнгъ-Штиллингъ, г-жа Крюденеръ). Наконецъ, во Франціи именитые легитимисты: герцогъ Ришельё, Блака, Деказъ, также греческіе патріоты Каподистріа, Ипсиланти и разные политическіе авантюристы: князь де-Линь, Генцъ, Ланжеронъ, Поццо, Паулуччи, Кристинъ, изъ которыхъ нѣкоторые перешли на русскую службу. Въ общемъ, рѣдко кому въ жизни приходилось имѣть такое пестрое знакомство

съ различными представителями человѣчества, какъ именно Александру I.

Заканчивая наше историческое изслѣдованіе, гдѣ мы старались выяснить, насколько возможно, сложную личность Императора Александра, перемѣны, совершившіяся въ его характерѣ за различные періоды его бурнаго царствованія, отношенія съ людьми, какъ русскими, такъ и чужеземными, взгляды Государя на событія вообще и на дѣла управленія Россіи въ частности, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о немъ самомъ, какъ правителѣ большой страны, какъ Русскомъ Царѣ и какъ человѣкѣ.

Какія обстоятельства повліяли на даровитую натуру Александра Павловича, что онъ вылился въ зрѣломъ возрастѣ въ такія сложныя, а подчасъ и мало понятныя формы. Двуличность хотя, можетъ-быть, и была природнымъ свойствомъ его характера, но годы дѣтства и отрочества, несомнѣнно, оказали на эту склонность самое пагубное вліяніе. Съ одной стороны, геніальная бабка Екатерина, до безумія любившая внука первенца, съ другой — полусумасшедшій отецъ и честолюбивая мать, оба недовольные и обиженные Императрицей и устраненные ею отъ воспитанія ребенка. Слѣдовательно, съ ранняго возраста чуткій мальчикъ уже могъ замѣтить скрытую борьбу вокругъ себя. Потомъ появились воспитатели: во-первыхъ, лукавый князь Салтыковъ, все время игравшій на два фронта, потомъ ворчливый дядька Протасовъ и, наконецъ, мечтательный республиканецъ, швейцарецъ Цезарь Лагарпъ.

Пока Салтыковъ училъ ребенка ладить съ бабкой и родителями одновременно, Лагарпъ вселялъ въ голову мальчика начала свободы и равенства, столь мало сходныя съ общей обстановкой, при которой росъ Александръ. Поэтому сразу получилась та путаница понятій и идей, при которой развивался Наслѣдникъ Россійскаго престола. Какъ только мальчикъ окрѣпъ, отецъ сталъ требовать военной выправки и обученія тонкостямъ военнаго

искусства, а Императрица Екатерина рѣшила женить 16-лѣтняго юношу-подростка и составила для молодыхъ дѣтей-супруговъ особый дворъ, куда вошли самые различные элементы, одни поставленные Екатериной, другіе — родителями. Какъ сверстники, кромѣ брата Константина, были приглашены два поляка, братья Чарторыжскіе, и князь А. Н. Голицынъ. Немного позднѣе появились и офицеры, въ лицѣ князя П. М. Волконскаго, графа Комаровскаго, князя П. П. Долгорукаго и еще нѣкоторыхъ другихъ.

Скончалась Екатерина II. Пошли томительные годы правленія Павла, и юношѣ-наслѣднику пришлось, въ теченіе почти пяти лѣтъ, исключительно предаваться военнымъ упражненіямъ, при строгомъ наблюденіи за нимъ батюшки, обращавшаго вниманіе на малѣйшія упущенія, и при любезномъ содѣйствіи новаго человѣка, артиллерійскаго офицера Аракчеева. Одновременно Александру было хорошо извѣстно, что бабка хотѣла лишить престола Павла и передать оный ему; такая мысль не могла не тревожить частенько, особенно при характерѣ воцарившагося его отца, и нужно было обладать большимъ тактомъ и выдержкой, чтобы безропотно покоряться фантазіямъ Павла Петровича. Получалась такая картина: Александръ не могъ наслаждаться супружеской жизнью, будучи постоянно отвлекаемъ военными обязанностями и проводя время на плацахъ съ солдатами; онъ усталый возвращался домой, всегда въ тревогѣ и безпокойствѣ за слѣдующій день; ничего не успѣвалъ читать, ничѣмъ не могъ серьезно заниматься и терялъ часто терпѣніе, приходя въ отчаяніе отъ скуки общаго непригляднаго режима.

А завѣты Лагарпа сидѣли въ головѣ, не успѣвъ еще испариться, воображеніе и мечтанія наводили на грустныя мысли, и именно тогда, вѣроятно, являлось какое-то стремленіе удалиться, бѣжать съ женою за границу и даже отказаться отъ престола. Но пока мысли только бродили, не успѣвъ принять опредѣленной формы, какъ вдругъ начались толки о готовящемся заговорѣ.

Сперва Александръ твердо рѣшилъ не вмѣшиваться въ это дѣло, но, какъ извѣстно, Паленъ увлекъ его, и онъ далъ роковое согласіе на исполненіе замысла, при непремѣнномъ условіи пощадить жизнь отца. Когда драма свершилась, и Александръ сталъ неожиданно самодержцемъ Россіи, онъ встрепенулся и понялъ, что не такъ-то легко быть Русскимъ Царемъ. Встрѣченный восторгами народа и всѣхъ подданныхъ, Александръ обѣщалъ править Россіей въ духѣ своей бабки Екатерины. Началась всеобщая ломка и влеченіе къ самымъ либеральнымъ реформамъ, къ которымъ поощрялъ Александра вернувшійся Лагарпъ и молодые, пылкіе сотрудники. Эра реформъ продолжалась недолго, и вскорѣ интересъ къ внѣшнимъ событіямъ и къ восходящей звѣздѣ Наполеона Бонапарта поглотили все вниманіе. Началась борьба, закончившаяся на поляхъ Аустерлица и Фридланда. Затѣмъ свершилось что-то совсѣмъ новое и необычное. Русскій Государь заключилъ союзъ съ сыномъ великой революціи, съ геніальнымъ корсиканцемъ! Россія сперва недоумѣвала, а вскорѣ стали слышаться голоса негодованія и почти всеобщей критики. Александръ остался глухъ къ этому понятному ропоту и продолжалъ дружбу съ новымъ союзникомъ, по крайней мѣрѣ наружно. И это время пролетѣло весьма быстро. Вскорѣ одна лишь мысль твердо засѣла въ вожделѣніяхъ Александра низвергнуть могущество и первенство непрошеннаго друга. Союзъ началъ ослабѣвать и постепенно испарился, приведя къ разрыву въ 1812 году.

Началась година Отечественной войны. Это была пора расцвѣта недюжинныхъ способностей Александра Павловича, умѣвшаго примѣниться къ обстоятельствамъ и приблизиться къ духу русскаго народа. Государь выказалъ напряженіе всѣхъ силъ мозговой работы, принесъ въ жертву личныя симпатіи къ людямъ, предоставивъ играть первыя роли Кутузову и Ростопчину, что было противно его природѣ и высказалось наглядно впослѣдствіи; но въ данную минуту эти два имени вселяли довѣріе большинству

подданныхъ. Написанные манифесты и воззванія къ русскому народу перомъ Шишкова, понятнымъ слогомъ, дѣлали громадное впечатлѣніе и появлялись своевременно. Императоръ находилъ время входить во всѣ мелочи при возникшей борьбѣ за честь и спасеніе родины отъ ига Наполеоновскихъ полчищъ; онъ не брезгалъ никакими средствами, чтобы сломать мощь геніальнаго врага, увлекшагося бывшими успѣхами и вѣрившаго въ свою побѣдоносную звѣзду. Словомъ, 1812 годъ сблизилъ Царя съ народомъ, и какъ жаль, что Александръ не отдалъ себѣ въ этомъ настроеніи вполнѣ яснаго отчета и слишкомъ быстро забылъ все то, что можно было создать на этой благодарной почвѣ. Увлеченія успѣхами политики и внѣшней славой привели къ продолженію борьбы на чужихъ земляхъ, гдѣ русскія войска всюду являлись освободителями угнетенныхъ владычествомъ Наполеона. Роль Русскаго Государя была возвышенная и благородная, но и только. Интересы Россіи не требовали такого вмѣшательства, оказавшагося не соотвѣтствующимъ благу родины и приведшаго только къ выгодѣ чужеземцевъ, а вовсе не русскихъ. Нескончаемая война продолжалась еще цѣлыхъ три года, потребовала громадныхъ издержекъ и множества человѣческихъ силъ, которыя можно было сохранить въ цѣлости, и онѣ пригодились бы впослѣдствіи. Эти три года войнъ за освобожденіе Европы были роковыми во всѣхъ отношеніяхъ и для личности монарха. Александръ скоро пресытился благами величія и славы, впалъ въ настроеніе, заглушившее въ немъ чувства патріотизма, и отдался всецѣло зловредному мистицизму въ области недостигаемаго на землѣ блаженства, которое высказалось въ примѣненіи на практикѣ идеи Священнаго союза, столь невыгоднаго и вреднаго для интересовъ Россіи. А Священный союзъ породилъ никому ненужные конгрессы, завязалъ постоянныя отношенія между Александромъ и Меттернихомъ, въ которыхъ послѣдній оказался ловчѣе и предусмотрительнѣе, оставшись побѣдителемъ на дипло-

матической аренѣ, окончательно сбившимъ съ толку довѣрившагося ему такъ неосторожно Русскаго Императора. Рядомъ съ этимъ Священный союзъ и мистицизмъ породили на Руси аракчеевщину.

Александръ, невольно отдавшись религіозно-мистическимъ утопіямъ, не могъ уже заниматься дѣлами съ такимъ же увлеченіемъ, какъ раньше; онъ началъ тяготиться всѣмъ тѣмъ, что входило въ атрибуты царской власти и мало-по-малу окончательно отстранился отъ заботъ по внутреннему управленію, довѣрившись одному только человѣку — Аракчееву. Между тѣмъ, Государь не могъ временами не сознавать своей ошибки; постоянныя путешествія по Россіи доказываютъ стремленіе знать и видѣть, что дѣлается на мѣстахъ, но не хватало болѣе силы воли лично руководить сложной машиной управленія, и Александръ впадалъ самъ съ собой въ противорѣчіе, любовно подчиняясь другой волѣ, грузинскаго помѣщика. Два вопроса тѣмъ не менѣе ни на минуту не потеряли ни интереса, ни полной послѣдовательности въ дѣйствіяхъ. Мы говоримъ о Польшѣ и о военныхъ поселеніяхъ. Здѣсь работа кипѣла и не ослабѣвала. Воплощеніе идей либерализма годовъ юности и лагарповскихъ завѣтовъ нашли для себя примѣненіе въ устройствѣ Польскаго королевства, столь противномъ опять-таки для интересовъ Россіи. На этой почвѣ не помогли ни совѣты, ни увѣщанія приближенныхъ людей, даже иностраннаго происхожденія. Александръ, начиная съ злополучныхъ дней Вѣнскаго конгресса, шелъ твердою поступью и добился своего, не удовлетворивъ надеждъ неутолимыхъ поляковъ и глубоко огорчивъ всѣхъ русскихъ. То же самое случилось и съ военными поселеніями.

И здѣсь, большинство голосовъ не одобряло этой мѣры и малопонятнаго нововведенія; даже Аракчеевъ осмѣлился вначалѣ противиться такого рода фантазіи, но Александръ настоялъ на своемъ и до самой кончины нервно слѣдилъ за мнимыми

успѣхами цѣлой сѣти военныхъ поселеній, которыя онъ лично навѣщалъ, когда только могъ. Собственно говоря, въ жизни Александра Павловича совершилось только два рѣзкихъ перелома въ характерѣ. Первый обратилъ всеобщее вниманіе при началѣ борьбы съ Наполеономъ еще въ 1810 и 1811 годахъ, второй совершился въ Парижѣ въ 1815 году и шелъ по нисходящей вплоть до самой кончины Государя.

Теперь постараемся разсмотрѣть фигуру Императора Александра I съ другой точки зрѣнія. Заслуживаетъ ли онъ быть причисленнымъ къ *великимъ* государямъ и правителямъ?

Въ исторіи, государи, признанные всенародно великими, имѣли тоже свои слабости, и нравственныя, и физическія. Заслуживаетъ ли Александръ наименованія великаго государя и правителя? Смѣемъ думать, что да. Весьма немногіе удостоились такого почетнаго прилагательнаго по отношенію къ ихъ дѣятельности на пользу своей родины; такъ, въ Россіи заслужили наименованія Великихъ Петръ I и Екатерина II, въ Пруссіи - Фридрихъ II, въ Австріи Марія-Терезія, во Франціи Людовикъ XIV и Наполеонъ I. Всѣ они сдѣлали по различнымъ отраслямъ много полезнаго, оставившаго слѣды и послѣ ихъ кончины, и вели успѣшныя войны, сдѣлавъ цѣнныя земельныя пріобрѣтенія. О степени ихъ геніальности мы не говоримъ, такъ какъ это понятіе уже имѣетъ значеніе всемірное. Лучшимъ примѣромъ служитъ Наполеонъ. Его геніальности никто не оспаривалъ и не будетъ оспаривать.

Для Россіи Александръ не былъ великимъ, хотя его царствованіе дало многое, но ему не хватало знанія ни русскаго человѣка, ни русскаго народа. Какъ правитель громаднаго государства вообще, благодаря геніальности сперва его союзника, а потомъ врага, Наполеона, онъ навсегда займетъ совсѣмъ особое положеніе въ исторіи Европы начала XIX столѣтія, получивъ и отъ мнимой дружбы, и отъ соперничества съ Наполеономъ то наитіе, которое составляетъ необходимый атрибутъ Великаго монарха. Его обликъ

сталъ какъ бы необходимымъ дополненіемъ образа Наполеона, до того эти два человѣка—антиподы умѣли, каждый на свой ладъ, обворожить и подчинить своей волѣ окружавшихъ ихъ людей. Оба нашли противодѣйствіе только въ одной націи, а именно въ странѣ Альбіона, которая вообще не признаетъ и рѣдко признавала міровое значеніе личности, особенно другого народа. Кромѣ англичанъ, всѣ остальныя народности Европы сперва подчинялись власти и вліянію Наполеона, а послѣ него—Александра. Если бы была въ ту эпоху хоть одна фигура, напоминавшая Бисмарка, то обстановка измѣнилась бы и для Наполеона, и для Александра, но ни Меттернихи, ни Таллейраны не могли, какъ они ни старались, затмить вліянія и обаянія ни того, ни другого.

Что же касается Александра, то геніальность Наполеона отразилась, какъ на водѣ, на немъ и придала ему то значеніе, котораго онъ не имѣлъ бы, не будь этого отраженія; можетъ-быть, это парадоксъ, но мы его допускаемъ.

Если обратиться къ дѣятельности Императора Александра I по отношенію къ Россіи, то время его правленія нельзя причислить къ счастливымъ для русскаго народа, но слѣдуетъ признать весьма чреватымъ послѣдствіями въ исторіи нашей родины. Послѣ долголѣтнихъ царствованій императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II, которыя шли по стопамъ Великаго Петра, Россія развивалась быстро и заняла въ концѣ XVIII столѣтія уже вполнѣ опредѣленное положеніе среди странъ Европы. Кратковременный Павловскій режимъ, кромѣ общаго раздраженія, не оставилъ другихъ слѣдовъ.

Для Александра, вступившаго на русскій престолъ при общемъ восторгѣ, открывалось широкое поле дѣятельности. Вначалѣ, увлеченный реформами, онъ, казалось, понялъ свою задачу и хотѣлъ что-то создать прочное, но это мимолетное стремленіе не успѣло пустить корней, несмотря на сравнительно долгій періодъ общей ломки. Сперва молодые сотрудники, а потомъ Сперанскій, сдѣлали,

что могли, чтобы положить основы обновленія внутренняго строя и порядковъ. Фундаментъ, какъ ни говори, а былъ положенъ, но далеко не прочный. Но тутъ явился Бонапартъ, и этотъ человѣкъ сразу измѣнилъ весь ходъ мыслей и всю намѣченную работу Русскаго Государя.

Можно было ожидать, что время соперничества и борьбы, такъ успѣшно законченной, вернетъ снова въ русло начатую, съ такимъ рвеніемъ, работу первыхъ лѣтъ. Но надежда оказалась напрасной. Напротивъ того, все добытое на поляхъ брани кровью русскихъ воиновъ было принесено въ жертву идеѣ Священнаго союза, а Россія продолжала пребывать въ глубокомъ снѣ, въ которомъ военныя поселенія не могли дать живой струи, а покровительство, оказанное разнымъ сектамъ и масонству, только породило насажденіе тайныхъ обществъ, которыя, благодаря событіямъ 14 декабря 1825 года, надолго отвели Россію на путь самой убѣжденной реакціи Николаевскаго режима. Случилось нѣчто неожиданное: послѣ блеска вступленія на престолъ и міровой славы побѣдъ русскаго оружія Александръ Павловичъ оставилъ брату тяжелое наслѣдство, страну, изнемогшую отъ прошлыхъ войнъ, а еще болѣе отъ аракчеевщины, и весь организмъ больнымъ и утомленнымъ, а внутри полнѣйшую дезорганизацію власти и всякаго порядка, при полномъ отсутствіи какой-либо опредѣленной системы управленія. Приходилось преемнику снова укрѣпить своды расшатаннаго зданія.

Опредѣлить характеръ Александра I, какъ человѣка, задача не изъ легкихъ. Въ немъ было что-то врожденное, которое привлекало къ нему людей. Французы называютъ это качество— „le charme“. Это врожденное свойство творило чудеса и обворожало всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться. Если присоединить ко всему симпатичную фигуру Государя, его чарующую улыбку, выраженіе его глазъ и манеру обращенія, то получалось то общее, что покоряло сердца. Не даромъ въ соб-

ственной царской семьѣ и мать, и супруга, и братья, съ ихъ женами, называли Александра нашимъ ангеломъ, „notre ange“, а Императрица Елисавета Алексѣевна увѣковѣчила это прозвище въ письмѣ о его кончинѣ: „Notre ange est au Ciel, et moi, malheureuse, sur la terre“.... Тотъ же образъ ангела украшаетъ Александровскую колонну на площади Зимняго дворца. Возможно, что въ душѣ Александра Павловича и было нѣчто ангельское, потому что его доброта и благожелательство къ ближнему не подлежатъ сомнѣнію, но, къ сожалѣнію, эта черта нерѣдко омрачалась и другими порывами. Рядомъ съ этой добротой, иногда проявлялось и злопамятство, никогда вполнѣ не угасавшее, а, кромѣ того, чувствовалась частенько и двуличность, которую сразу не каждому удавалось подмѣтить. Двуличность никогда не оставляла Александра, составляя коренную черту его нрава, уже ранѣе объясненную. Она давала ему возможность одновременно работать съ Сперанскимъ и Аракчеевымъ, съ Аракчеевымъ и А. Н. Голицынымъ, а также и съ Волконскимъ; онъ могъ слушать и подчиняться совѣтамъ Меттерниха и заниматься часами съ Каподистріей; пока Александръ обвораживалъ Наполеона въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, онъ спокойно писалъ матушкѣ о тѣхъ способахъ, какими возможно сломать его мощь; въ одну дверь входилъ къ нему довѣрчиво канцлеръ Румянцевъ, а въ другую тайкомъ впускался Копелевъ; съ одного подъѣзда подъѣзжалъ англійскій квэкеръ или другой сектантъ, а съ другого входилъ убогій монахъ или самъ митрополитъ; въ одинъ часъ шла бесѣда о возвышенныхъ чувствахъ долга монарха къ своей родинѣ съ Карамзинымъ, а въ другое время Александръ могъ выслушивать спокойно какого-нибудь Магницкаго, и что болѣе всего замѣчательно, что всѣ эти люди выходили очарованными изъ кабинета Государя и часто воображали, что Его Величество соблаговолитъ раздѣлять ихъ образъ мыслей.

Одинаково съ этимъ, Александръ обладалъ замѣчательною работоспособностью, особенно въ эпоху Отечественной войны и

послѣдующихъ кампаній за освобожденіе Европы. Онъ имѣлъ даръ, входя во всѣ мелочи, быстро схватывать суть дѣла и принимать соотвѣтствующее рѣшеніе. Иногда примѣшивалась извѣстная доля упрямства, особенно когда Александръ предполагалъ или замѣчалъ желаніе другого лица настоять на своемъ мнѣніи и какъ бы подчинить себѣ волю Государя; въ этихъ случаяхъ Императоръ становился непреклоннымъ въ проведеніи собственныхъ предначертаній. Умомъ Александръ могъ всегда похвастаться, и умомъ тонкимъ, чуткимъ и вполнѣ природнымъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ даръ особаго чутья познавать скоро людей, играть на ихъ слабостяхъ и всегда подчинять своимъ требованіямъ. Не мудрено, что Наполеонъ на островѣ св. Елены, въ порывѣ горечи, написалъ про него, „que c'était un grec du Bas-Empire", другими словами, „византіецъ смутныхъ временъ", и что разные мудрецы изъ дипломатовъ, какъ Таллейранъ, Меттернихъ или Каслъри, смущались при бесѣдахъ съ Александромъ и должны были напрягать всѣ свои способности, чтобы не попасть впросакъ. Необходимо также отмѣтить, что при всѣхъ эволюціяхъ, совершившихся въ характерѣ Александра, основныя черты его нрава сохранились, и очевидцы, видѣвшіе и говорившіе съ нимъ въ годы юности, также восторженно отзывались о его способностяхъ, какъ и тѣ, которые встрѣчались съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни. Если мужчины поражались его дарованіями, то что сказать о женщинахъ? Супруга Александра, несмотря на всѣ измѣны мужа, сохранила къ нему чувство особой привязанности и любви даже тогда, когда Александръ какъ бы забылъ о существованіи первой спутницы и подруги своей на землѣ. Сестра Екатерина прямо-таки молилась на брата и не могла удержаться отъ проявленій къ нему любви и дружбы. Суровая и надменная Марія Ѳеодоровна, никогда не обнаруживавшая внѣшнихъ проявленій нѣжности въ чувствахъ, и она боготворила и гордилась своимъ сыномъ. Мы сказали нѣсколько словъ о ближайшихъ родственни-

цахъ, но почти всѣ женщины, имѣвшія общеніе съ Государемъ, сохранили о немъ самую свѣтлую память.

Что же касается лицъ ближайшей свиты, докторовъ, всей прислуги, т.-е. тѣхъ, которымъ пришлось быть ежедневными свидѣтелями обычнаго домашняго обихода Его Величества, то всѣ они души не чаяли въ своемъ повелителѣ и готовы были умереть за него.

Очевидно, что въ Александрѣ, дѣйствительно, таилось то рѣдкое качество притяженія къ себѣ людей, дававшее себя знать въ проявленіяхъ къ нему любви и привязанности. И подумать, тотъ же Александръ могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютые приговоры къ наказанію солдатъ розгами и къ проведенію сквозь строй по нѣскольку разъ! Здѣсь психика должна невольно наткнуться на непонятную загадку, и такого рода загадку, которая должна смутить не одного изслѣдователя историческихъ личностей. Вѣдь каждый день, начиная съ 1812 года, Государь читалъ по одной главѣ или изъ св. Евангелія, или изъ Библіи; зналъ многія цитаты священнаго писанія наизусть, постоянно въ письмахъ ссылался на слово Христово, и тотъ же человѣкъ могъ поощрять такого рода взысканія и смотрѣть сквозь пальцы на всѣ изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ, въ теченіе многихъ непрерывныхъ лѣтъ. Вѣроятно, нѣкоторые критики были бы склонны видѣть въ этомъ невѣроятномъ противорѣчіи ту двуличность его характера, о которой мы только-что говорили, но мы убѣждены, что въ этихъ случаяхъ не было этой двуличности, а скорѣе результатъ особаго рода религіознаго фанатизма, отчасти связаннаго съ тѣмъ временемъ, съ тѣми нравами и обычаями, при которыхъ протекла жизнь Александра Павловича. Другого объясненія мы не находимъ.

Если разсмотрѣть еще отношенія его къ сотрудникамъ, то здѣсь мы наткнемся на другую загадку, а именно на неограниченное довѣріе къ Аракчееву, которымъ, кромѣ него, никто

другой не пользовался. Но по этому вопросу мы уже высказались съ достаточною ясностью, а потому не будемъ возвращаться къ нему.

Остается сказать нѣсколько словъ о связанной съ именемъ Благословеннаго монарха легендѣ о сибирскомъ старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ. Безъ сомнѣнія, легенда весьма поэтичная и настолько заманчивая для воображенія, что она могла увлечь такихъ мыслителей и писателей, какъ Левъ Николаевичъ Толстой. Сознаюсь откровенно, что и пишущій эти сроки много лѣтъ увлекался той же легендой.

Скажу больше, увлекался настолько, что сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобы разгадать тайну старца, опредѣлить его личность и собрать о немъ всѣ подробности. Удалось только болѣе или менѣе опредѣлить его образъ жизни въ Сибири и собрать свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя его посѣщали. Въ особой статьѣ мы подробно изложили результаты нашихъ изслѣдованій и розысковъ *). Но эти результаты были обратны тому, на что мы возлагали надежды; выяснилось только одно, а именно, что старецъ не былъ и не могъ быть Императоромъ Александромъ I, а личности самого Ѳеодора Кузьмича такъ-таки и не удалось установить. Позволимъ себѣ еще высказать нѣкоторыя соображенія по этому вопросу. Если вдуматься въ характеръ и наклонности Александра Павловича, то нельзя найти въ нихъ ни малѣйшей склонности къ такого рода превращенію, а тѣмъ болѣе къ добровольной рѣшимости итти на такого рода лишенія въ зрѣломъ возрастѣ, при совсѣмъ исключительной обстановкѣ. Вѣдь, по разсказамъ старца, его, какъ бродягу, на пути въ Сибирь подвергли тѣлесному наказанію розгами. Ну неужели можно допустить,

*) Великій Князь Николай Михаиловичъ, *Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ Старца Ѳедора Козьмича.* СПб., 1907 г.

См. также ниже, стр. 738, *Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ Императора Александра I.*

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ

чтобы такой человѣкъ, какъ Императоръ Александръ, могъ добровольно согласиться на такого рода публичное истязаніе. Даже зарвавшаяся фантазія должна имѣть предѣлы! Повторяемъ, что если бы Государю могла прійти на умъ мысль о замѣнѣ себя въ гробу другимъ покойникомъ, то для исполненія какъ и этой выдумки, такъ и для способовъ исчезновенія его, Государя земли Русской, понадобилось бы имѣть подъ рукой цѣлую группу сообщниковъ, не считая Императрицы Елисаветы; неужели возможно допустить, что на такого рода комбинацію нашлось бы достаточное количество исполнителей?! Поэтому мы окончательно пришли къ убѣжденію, что не только противна всякой логикѣ возможность правдоподобія легенды, но и нѣтъ ни малѣйшаго аргумента или доказательства въ пользу такого предположенія.

Оканчивая наше повѣствованіе, остается сказать, что мы старались опираться, по возможности, на достовѣрные документы, внесли въ нашу работу все то, что не было еще напечатано для выясненія личности Благословеннаго монарха, и хотѣли приблизиться къ дѣйствительной фигурѣ этого Государя.

Не знаемъ, удалось ли намъ достаточно рельефно оттѣнить различныя черты сложной натуры Александра Павловича; возможно, что мы что-либо опустили или недостаточно выяснили нѣкоторыя подробности. Еще разъ выражаемъ надежду, что болѣе юныя силы на Руси возьмутся написать болѣе обширную работу, посвященную исторіи царствованія Александра I; мы же даемъ ту канву, тѣ данныя, которыя подлежатъ всестороннему освѣщенію при изложеніи всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые волновали и Россію, и Европу въ первой четверти XIX столѣтія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письма Александра I къ Лагарпу *).

1.

Au Citoyen de La Harpe,
ci-devant membre
du Directoire Helvétique.

St-Pétersbourg, le 9/21 mai 1801.

Le premier moment de vrai plaisir que j'ai ressenti depuis que je me trouve à la tête des affaires de mon malheureux pays, c'est celui que j'ai éprouvé en recevant votre lettre, mon cher et vrai ami. Je ne puis vous rendre tout ce que j'ai senti, et surtout en voyant que vous me conservez toujours les mêmes sentiments qui sont si chers à mon cœur, et que ni l'absence ni l'interruption de relations n'a pu altérer.

Croyez, mon cher ami, que rien au monde n'a pu aussi porter atteinte à mon attachement inviolable pour vous et à toute ma reconnaissance pour les soins que vous avez eus pour moi, pour les connaissances que je vous dois, et, plus que tout cela, pour les principes que vous m'avez inspirés et de la vérité desquels j'ai eu les occasions de me convaincre bien des fois.

Il n'est pas en mon pouvoir de reconnaître tout ce que vous avez fait pour moi, et jamais je ne pourrai m'acquitter de cette dette sacrée.

Je tâcherai de me rendre digne d'avoir été votre élève, et je m'en glorifierai toute ma vie; aussi, ce n'est qu'en obéissant aux ordres les plus positifs que j'ai cessé de vous écrire **), sans cesser pourtant de penser à vous et aux moments que nous avons passés ensemble. Il me serait bien doux d'espérer qu'ils pourront revenir, et cela serait me rendre bien heureux que

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, № 395, шк. 1, п. 3, к. 8.

**) J'ai eu depuis la jouissance d'apprendre que les motifs de cette interdiction n'existaient plus au commencement de 1801, S. M. I. l'Empereur Paul Ier ayant daigné s'expliquer à cette époque d'une manière honorable pour moi, et s'étant rappelé *la manière touchante* dont j'avais eu l'honneur de prendre congé d'Elle. En me rapportant cette conversation, en 1801, S. M. I. Alexandre Ier désira savoir ce que ces mots pouvaient signifier, ce qui m'obligea de lui faire part de l'entretien que j'avais eu en avril 1795 à Gatchina avec son Auguste père. La certitude que ce monarque infortuné, dont le cœur était si noble, avait conservé le souvenir de cet entretien me toucha vivement. *(Прим. Лагарпа.)*

de l'effectuer. Là-dessus je m'en remets absolument à vous et à vos convenances domestiques; car il n'y en a aucunes autres qui pourraient jamais s'y opposer *). Mais une grâce que je vous demande, c'est de m'écrire de temps en temps et de me donner vos conseils, qui me seront si salutaires dans un poste comme le mien, et *dont je ne me suis chargé que pour pouvoir être utile à mon pays et le préserver pour l'avenir de nouveaux malheurs*. Que ne pouvez-vous être là pour me guider de votre expérience et me garantir *des pièges auxquels je suis exposé par ma jeunesse, et peut-être l'ignorance dans laquelle je suis de la noirceur des âmes perverties!* On juge si souvent d'après soi-même, et, désirant le bien, on se flatte trop que les autres sont dans les mêmes intentions, jusqu'à ce que l'expérience vienne prouver le contraire: alors on se trouve détrompé, mais peut-être trop tard, et le mal se trouve fait. Voilà, mon cher ami, pourquoi un ami éclairé et expérimenté est le trésor le plus grand qu'on puisse avoir.

Mes occupations m'empêchent de vous en écrire davantage. Je finis par vous dire que ce qui me donne le plus de peine et de travail, c'est de concilier les intérêts et les haines particulières, et de faire coopérer les autres au seul et unique but, *l'utilité générale*.

Adieu, mon cher ami. Votre amitié sera ma consolation dans mes peines. Dites mille choses de ma part à votre femme, et recevez les compliments de la mienne. Si je puis vous être utile, disposez de moi, et mandez-moi ce que je puis faire **).

2.

Записки Александра I къ Лагарпу во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ въ 1801 и 1802 гг.

St-Pétersbourg, décembre 1801.

Je saisis, mon cher, le premier moment libre qui se présente pour vous remercier de votre dernière lettre, et pour vous dire que vous ne pouvez pas m'écrire assez souvent, que c'est la plus grande marque d'amitié que vous pouvez me donner, et que vous ne faites par là qu'ajouter à toute la reconnaissance que je vous ai vouée pour la vie.

*) En montrant cette lettre aux envoyés russes, ils m'eussent tous délivré un passeport, et tous me le refusèrent. J'appris enfin qu'une circulaire du ministère des affaires étrangères leur avait ordonné d'en agir ainsi. *(Прим. Лагарпа.)*

**) C'est cette lettre que le célèbre orateur Erskine, depuis Grand Chancelier d'Angleterre, arrosa de ses larmes après l'avoir lue au Plessis-Piquet, et à laquelle il fit allusion avec son admirable faconde en portant la parole dans une affaire où le nom de l'Empereur avait été prononcé. En lui montrant cette lettre, j'avais voulu lui montrer en déshabillé celui que la Providence avait placé à la tête de 50 millions d'hommes, et qu'en qualité d'homme d'État, ami du genre humain, il lui importait de connaître. *(Прим. Лагарпа.)*

Je ne conçois pas d'où a pu naître le bruit de la création d'un chancelier. Jamais il n'en a été question, et jamais cela ne se fera. Votre façon de juger l'individu s'accorde parfaitement avec la mienne. Le temps fera tomber ces bruits. Adieu, mon cher, je vous salue.

St-Pétersbourg, décembre 1801.

Mille grâces, mon cher ami, pour votre billet et pour la brochure y incluse *). Je suis bien fâché que vous ne m'ayez pas fait avertir le soir que vous aviez passé chez moi. Je compte un de ces jours être assez bien pour passer chez vous. Adieu, mon cher, je vous salue.

St-Pétersbourg, 1er janvier 1802.

Mon cher ami, Je viens de finir mon travail dans ce moment, et il est neuf heures passées. Je suis donc obligé de me priver de la satisfaction de venir vous souhaiter la bonne année, comme je me l'étais proposé. Adieu, mon cher, j'espère être plus heureux après-demain.

St-Pétersbourg, janvier 1802.

Je joins ici, mon cher, le mémoire bien insuffisant dont je vous ai parlé **). Je ne crois pas que vous puissiez en tirer un grand parti. Au moins, il vous donnera l'idée de la nullité actuelle d'une institution aussi importante pour la nation.

Janvier 1802.

Recevez, mon cher, mes remerciements pour le mémoire que vous avez bien voulu m'adresser ***).

J'ai voulu passer moi-même chez vous l'un de ces jours; les affaires m'en ont empêché. J'espère être plus....... En attendant, je vous dirai que j'ai lu avec bien de l'intérêt le détail sur vos affaires domestiques, et je me ferai

---

*) C'était une description statistique de l'un des départements de la France, très bien faite, et pouvant offrir un modèle pour les travaux pareils qu'on se proposait d'entreprendre en Russie. *(Прим. Лагарпа.)*

**) C'était le rapport présenté le 4 mars 1801 à S. M. I. l'Empereur Paul Ier par la Commission Impériale des écoles, que j'avais désiré connaître, et qui servait de base à mon Mémoire du 4 mars 1802. *(Прим. Лагарпа.)*

***) Il consistait surtout dans un tableau des résultats que la Russie pouvait retirer des découvertes faites par Lapeyrouse et par Vancouver. *(Прим. Лагарпа.)*

un devoir, et en même temps un plaisir bien cher pour moi, de vous mettre hors de tout souci sur ce sujet. Adieu, mon cher, je vous salue *).

St-Pétersbourg, du commencement de février 1802.

Ayant un moment à moi, mon cher, je l'emploie à vous répondre sur votre dernière lettre.

Je ne vous avais pas offert une arende, dans l'idée qu'elle ne pouvait vous convenir, ne pouvant la régir vous-même, et croyant qu'une pension fixe était préférable, car les revenus des arendes varient souvent, selon la fertilité de l'année. Mon intention avait été de porter votre pension, de 2000 R. qu'elle est dans ce moment, à 5000 R. Je ne crois pas que l'arende dont vous me parlez puisse fournir à ce revenu. J'ai fait prendre, en attendant, tous les renseignements nécessaires, et, dès que je les aurai, je vous en ferai part.

En attendant, croyez que mon premier désir est de vous témoigner, autant qu'il est en mon pouvoir, ma reconnaissance pour tout ce que je vous dois, et c'est un vrai plaisir pour moi d'en avoir l'occasion. Un de ces jours, je compte passer chez vous; en attendant, je vous salue.

St-Pétersbourg, 11 avril 1802, au soir.

Mon cher ami, J'ai voulu venir chez vous pour vous remercier de l'envoi que vous m'avez fait, surtout pour le mémoire **). C'est une nouvelle obligation que vous joignez à toutes celles que je vous dois déjà, et vous n'avez pu me donner une idée plus vraie de votre amitié. On m'a retenu jusqu'à ce moment: ainsi je dois remettre ma visite, soit à Dimanche ou Lundi. Bonsoir, mon cher. Tout à vous.

St-Pétersbourg, 29 avril 1802.

Mon cher ami, M. Vitovtoff, qui est chargé de la partie qui devra soigner l'indigence et toutes les institutions y relatives, voudrait vous communiquer quelques essais de ses travaux, pour vous consulter. C'est un homme rempli de bonne volonté et de zèle, surtout pour la partie qui lui est confiée et qui demande encore dans ce pays-ci un grand perfectionnement.

*) S. M. I. m'avait invité à Lui faire connaître l'état de mes affaires. Je La priai de permettre que ce fût par écrit. Elle y consentit, et j'eus l'honneur de Lui écrire trois fois à ce sujet. La générosité de S. M. I. termina tout par un gracieux Oukaze du 5 mai 1802.

(Прим. Лагарпа.)

**) C'est du mémoire du 7 avril 1802 dont il s'agit. Il était destiné à récapituler les principaux sujets dont il avait été question pendant l'hiver. *(Прим. Лагарпа.)*

St-Pétersbourg, mai 1802.

Mon cher ami, Je joins ici les frais de votre voyage, tout en vous invitant cependant à ne pas l'entreprendre, ou à en reculer du moins le moment autant que possible. Tout à vous pour la vie *).

Письма къ Лагарпу послѣ его отъѣзда изъ Петербурга.

3.

Au Citoyen La Harpe,
ci-devant membre du Directoire Exécutif
de la République Helvétique,
au Plessis-Piquet, près Paris.

St-Pétersbourg, 26 octobre 1802.

Mon cher et vrai ami, J'ai tardé bien longtemps à vous écrire. Ne m'en voulez pas de mal; j'ai été si surchargé de besogne, que peu de moments me restent libres.

J'ai reçu maintenant vos trois bien intéressantes lettres de Königsberg, de Francfort et du Plessis-Piquet. Elles m'ont fait un plaisir bien réel. Vous connaissez, mon cher, mon amitié sincère pour vous: vous savez qu'elle est basée d'abord sur l'estime la plus vraie pour votre caractère, ensuite sur toute la reconnaissance que je vous devrai jusqu'au tombeau. Vous n'y avez pas peu ajouté par votre voyage à Pétersbourg. Je sens et reconnais encore jusqu'ici toute l'utilité que j'en ai retirée, même sans parler de tout l'agrément que j'en ai eu, en vous revoyant après une si longue absence.

Bien des grâces pour tous les détails dans lesquels vous entrez, dans votre lettre de Francfort. Je l'ai lue avec un grand intérêt, et je m'efforcerai sûrement de mettre à profit les conseils que votre amitié me donne.

La mesure dont nous avons si souvent parlé ensemble se trouve en pleine activité **). Le ministère est organisé, et va assez bien, depuis plus d'un mois. Les affaires en ont acquis beaucoup plus de clarté et de méthode, et je sais à qui m'en prendre, si quelque chose cloche. Lamsdorf est de

*) Les billets ci-dessus sont les seuls que j'aie conservés de tous ceux que S. M. I. me faisait l'honneur de m'adresser pendant mon second séjour à St-Pétersbourg, en 1801 et 1802.
(Прим. Лагарпа.)

**) Il s'agit ici de la grande opération de la création des ministères et de la classification des affaires à répartir entre eux. Qu'il me soit permis de citer ici une anecdote qui s'y rapporte. Un soir, je vis entrer chez moi S. M. I. dans une affliction que je n'oublierai jamais. Depuis plusieurs jours, cet excellent prince avait été occupé à rechercher les causes et les auteurs des désordres affreux qui avaient fait quelques centaines de malheureux dans le gouvernement d'Irkoutsk, sans avoir pu les découvrir, le contrôle imparfait subsistant à cette époque n'en fournissant pas les moyens. Après avoir fait mes efforts pour rappeler son courage, nous cherchâmes de concert quelles mesures pourraient prévenir à l'avenir de pareils malheurs, et il fut reconnu que la création des ministères et l'établissement d'un *Contrôle* bien réel offraient la perspective du succès.
(Прим. Лагарпа.)

retour depuis quelques jours; il est à Gatchina avec ma mère; j'attends son retour pour lui parler au sujet de Ludwig, dont je crois l'acquisition très utile.

Adieu, mon cher et bon ami. Ma femme vous dit mille choses. Présentez mes hommages à la vôtre, et conservez-moi toujours votre amitié et votre souvenir, qui me resteront éternellement précieux. Dans quelques jours je vous adresserai une autre lettre, dans laquelle je vous parlerai en détail de Miss Williams. Votre sincère ami.

4.

A Monsieur de la Harpe,
en mains propres.

Kamennoï Ostrof, 7 juillet 1803,
à minuit et demi.

Mon cher, mon vrai ami, c'est par M. Baïkoff que je vous écris.

J'ai gardé bien longtemps le silence, mais, n'aimant pas confier mes lettres pour vous à la poste et, la plupart du temps, n'ayant pas un moment à moi, j'ai manqué plusieurs courriers qui auraient pu vous les porter. Ma besogne journalière est si forte, qu'à peine je puis suffire pour l'expédier: ne voulant pas remettre au lendemain, elle absorbe tout mon temps. Mais trêve à mon apologie: j'aime mieux recourir à votre amitié et à votre indulgence.

Vos lettres, mon cher ami, me font le plus sensible plaisir. Si vous n'êtes pas rebuté d'écrire à quelqu'un qui vous répond si rarement, de grâce, continuez-les moi; c'est une des plus grandes marques d'amitié que vous pouvez me donner. Les conseils que j'y trouve sont autant de nouvelles obligations que vous ajoutez à celles que je vous dois déjà, et dont ma reconnaissance durera autant que ma vie; je me fais et me ferai toujours gloire d'être votre débiteur.

Je suis bien revenu avec vous, mon cher, de notre opinion sur le Premier Consul. Depuis son Consulat à vie, le voile est tombé, et depuis lors, c'est allé de mal en pis. Il a commencé par se priver lui-même de la plus belle gloire réservée à un homme, et qui seule lui restait à cueillir, celle de prouver qu'il avait travaillé sans aucune vue personnelle, uniquement pour le bonheur et la gloire de sa patrie, et, fidèle à la constitution qu'il avait jurée lui-même, de remettre après les 10 ans le pouvoir qu'il avait en mains. Au lieu de cela, il a préféré singer les Cours, tout en violant la constitution de son pays. Maintenant c'est l'un des tyrans les plus fameux que l'histoire ait produits.

J'ai lu avec admiration les passages des fragments que vous m'avez envoyés du *Vrai sens du Vote sur le Consulat à vie* [*]).

La justice que vos compatriotes vous ont enfin rendue m'a fait un plaisir sensible; elle vous était due depuis longtemps. Je n'ai pu qu'approuver votre réponse: les circonstances n'en permettaient pas d'autre.

---

*) Brochure de Camille Jordan, qui faisait grand bruit. *(Прим. Лагарпа.)*

J'ai vu avec peine qu'on a pu supposer que je fusse pour quelque chose dans les dissensions des Suisses, surtout que je sois pour le parti des anciens gouvernants. *Vous rendez trop justice à mes principes pour croire jamais que je soutiendrais l'oppression.*

Quant à Christin, il se trouve en Suisse, parce que j'ai ordonné à M. de Morkoff de le renvoyer de son service, ne voulant avoir rien à faire avec les intrigants.

J'ai rempli, mon cher, vos désirs sur Hallvill, et l'ai placé dans le bataillon d'artillerie des Gardes. J'espère qu'il est content, et moi bien charmé d'avoir pu faire quelque chose qui vous soit agréable.

Vous me parlez dans plusieurs de vos lettres du désir que plusieurs individus vous témoignent d'entrer au service de la Russie. Je vous répondrai là-dessus que, si vous connaissez personnellement le mérite distingué des individus et que vous me les recommandiez comme tels, je ne ferai certainement pas difficulté de les recevoir, pourvu que vous m'annonciez clairement leurs prétentions, et qu'elles se trouvent compatibles avec nos usages. Du reste vous connaissez la grande quantité de nationaux qui se trouvent chez nous sans places, par la difficulté d'en trouver: ainsi, je ne voudrais prendre de l'étranger que ceux qui sont vraiment distingués par leur mérite et leur caractère moral. Communiquez-moi franchement toujours votre façon de penser, quand les cas se présenteront.

L'opinion que vous prétendez qu'on veut bien avoir de moi me touche beaucoup. Tout mon désir est de pouvoir un jour la justifier, et tous mes soins y sont voués. Mon but restera constamment le même, et mes efforts ne se ralentissent pas, malgré les obstacles. La doctrine professée là où vous êtes ne gagne pas heureusement jusqu'ici. Nous restons fidèles à nos principes et tâchons peu à peu de les mettre en pratique.

Je vous suis bien reconnaissant pour tous les papiers et livres que vous m'avez envoyés, et qui sont du plus grand intérêt. Je vous charge une fois pour toutes de souscrire en mon nom pour tel ouvrage que vous jugerez bon. Ayez soin seulement de m'envoyer avec vos lettres le compte de la dépense, que je rembourserai toujours à la maison de votre beau-frère, à St-Pétersbourg.

Vos regrets sur la nomination de Zavadowsky à la place de ministre de l'instruction publique seraient diminués, si vous étiez au fait de l'organisation de son ministère. Il est nul. C'est un conseil, composé de Mouravief, Klinger, Czartorysky, Novossiltzoff, etc., etc., qui régit tout: il n'y a pas un papier qui ne soit travaillé par eux. La fréquence de mes rapports avec les deux derniers surtout empêche le ministre d'opposer le moindre obstacle au bien que nous tâchons de faire. Au reste, nous l'avons rendu coulant au possible, un vrai mouton: enfin il est nul, et n'est dans le ministère que pour ne pas crier s'il en eût été exclus.

Vous m'avez glissé quelques mots sur la Phillis et les prétendus beaux cadeaux que je lui ai faits. Ah! je vous assure, *parole d'honneur*, qu'on a bien tort si l'on me suppose la moindre chose de commun avec elle. Le cadeau n'était autre que celui qu'il est d'usage de faire à tout débutant.

A présent, j'ai à vous parler sur Miss Williams; je m'avoue coupable d'avoir tardé si longtemps. Je suis parfaitement content de ses conditions. Quant à l'émolument, je m'en remets à celui que vous jugerez vous-même être convenable, comme par exemple 2000 ou 3000 roubles *). Enfin, je m'en rapporte à vous, comme aussi je vous prie, en grâce, faites-moi connaître ceux à qui vous désirez que je témoigne ma reconnaissance pour les différents envois que vous m'avez faits, et en quoi elle doit consister; mais, de grâce, marquez-moi définitivement votre opinion là-dessus, et, à l'instant, tout sera exécuté.

Je ne puis finir ma lettre sans vous exprimer toute ma sensibilité sur l'intérêt tendre que vous m'avez témoigné à l'occasion de cet événement de prétendu assassinat arrivé au Jardin d'Eté. Vous avez dû apprendre que ce n'était qu'un mauvais sujet qui voulait se rendre intéressant en prétendant avoir été blessé par attachement pour moi, afin que je payasse ses dettes.

Quant à l'affaire du Sénat dont vous me parlez dans votre dernière lettre il serait trop long de vous en parler ici; mais tant est qu'il n'y a pas un mot de vrai dans la manière dont elle vous est parvenue.

Il est bien tard, et je meurs de sommeil. Adieu, mon cher et vrai ami, continuez-moi votre amitié, qui me sera éternellement précieuse, et croyez à celle qui ne finira qu'avec ma vie.

Je vous serais bien reconnaissant, si vous pouviez me faire faire connaissance de plus près avec Erskine et Jefferson; je m'en estimerais vraiment honoré.

Ma femme vous dit mille choses, de même qu'à la vôtre, et je lui présente aussi mes respectueux hommages. Tous les amis de l'humanité d'ici se rappellent à votre souvenir. Adieu, mon cher, tout à vous pour la vie.

5.

A M. de la Harpe, ci-devant colonel au service de Russie.

St-Pétersbourg, 15 janvier 1808.

(Apportée par M. le colonel Tchernicheff.)

Mon cher et respectable ami, J'ai des torts réels à me reprocher vis-à-vis de vous, mais des torts de procédés, et non de cœur: ce cœur vous chérit, et vous chérira tant qu'il aura un souffle de vie. Ce n'est ni une diminution de confiance, ni une suite des effets de la calomnie qui m'a fait interrompre ma correspondance avec vous.

Il serait trop long de vous détailler ici mes raisons, cette lettre-ci n'étant que pour la renouer, et pour vous accuser la réception des vôtres, jusqu'au № 45 inclusivement. Le seul № 44 me manque, et j'en suis d'autant

*) Cet arrangement ne fut pas conclu. Tout se réduisit à un seul envoi, à titre d'échantillon. *(Прим. Лагарпа.)*

plus fâché, que, par votre dernière, je vois qu'elle devait être d'un intérêt majeur. Toutefois je ne puis que vous savoir gré de la bonne intention que vous avez eue. Répétez-vous bien que son accomplissement, quand vous le jugerez *possible pour vous,* me causera une joie réelle. Tout à vous de cœur et d'âme.

Aucune réforme de pension ne peut jamais tomber sur vous: je vous dois le peu de ce que je sais.

6.

12 mars 1811.

(Transmise par M. le colonel Tchernycheff.)

Vous me faites toujours le plus grand tort, mon cher ami, quand vous doutez de mon attachement et de ma reconnaissance pour vous.

Ces sentiments *sont inaltérables, comme les principes que je vous dois, et auxquels je reste fermement attaché, en dépit de la pente qu'on s'efforce à donner aux opinions là où vous êtes. Ici, nous* marchons peu à peu, *mais toujours en s'approchant davantage des idées libérales.* Que j'aurais donné cher pour m'entretenir avec vous quelques heures! — Peut-être la fantaisie vous prendra-t-elle une fois de venir voir vos amis d'ici, et je n'ai pas besoin de vous dire que vous serez reçu à bras ouverts. Si ma correspondance n'est pas plus active, c'est qu'il m'est toujours pénible de ne vous parler que de lieux communs. Mon travail de douze heures par jour, *joint aux autres devoirs de ma place* qui m'emportent les quatre restantes, de manière à m'en laisser à peine une avant de me coucher, m'ôte toute possibilité d'entrer dans les discussions que devraient faire naître vos lettres; mais elles ne sont pas moins reçues avec avidité et le plus vif intérêt. Je suis charmé que le porteur de celle-ci vous ait plu. C'est un excellent jeune homme et qui donne de l'espérance; je le recommande à vos conseils. Ne me les épargnez pas de même, et quand parfois je vous trouve injuste à mon égard, je ne suis pas moins docile à les écouter. Tout à vous de cœur et d'âme pour la vie. Mille respects à votre épouse.

7.

A M. de la Harpe, en mains propres.

Fribourg-en-Brisgau, 22 décembre 1813/3 janvier 1814.

Enfin, mon cher, mon respectable ami, je puis vous parler sans que mon écriture puisse vous compromettre et sans qu'elle passe par l'indiscrète inquisition des postes.

C'est M. Monod qui vous remettra ces lignes. J'ai éprouvé une véritable jouissance à faire sa connaissance, d'après la place que je sais qu'il occupe

dans votre estime; aussi il ne lui en a pas beaucoup coûté pour gagner ma confiance. Je lui ai parlé avec un entier abandon sur tout ce qui tient à votre patrie, sur les efforts que j'ai faits pour en faire respecter la neutralité, sur les promesses que j'avais obtenues de l'Autriche à cet égard, et enfin sur la circonstance qui a servi de prétexte pour éluder ces promesses, et que *vous devez à vos Messieurs de Berne et à leurs méprisables intrigues.*

On a profité du moment où de Francfort je me rendais à Fribourg, et où je m'étais arrêté quelques jours à Karlsruhe pour rendre mes devoirs aux parents de ma femme, pour violer le territoire suisse, *à l'invitation, soi-disant, de vos Messieurs de Berne.* M. Monod a pu juger lui-même de *toute l'indignation qu'une conduite pareille, soit de la part de mes alliés, soit de la part de vos intrigants, avait produite sur moi.*

Mais venons au fait. Le mal était constant: il fallait le corriger au plus tôt. Voici sommairement ce que j'ai obtenu à force d'instances, et de la chaleur avec laquelle j'ai soutenu la cause de votre patrie.

Les changements survenus à Berne ne seront pas soutenus, et les intrigants qui les ont produits seront désavoués *). On ne souffrira pas que l'existence des cantons de Vaud et d'Argovie soit compromise ou inquiétée par celui de Berne. La Diète va être rassemblée, et c'est elle seule qui réglera constitutionnellement les changements qu'elle jugera nécessaire d'apporter à l'acte de médiation. Les cantons seront maîtres d'apporter remède à ce qui peut manquer à leur organisation intérieure, toutefois en n'étendant pas leurs droits les uns sur les autres. Les puissances alliées ne se mêleront pas de tout ce qui tient aux affaires intérieures de la Suisse, et se contenteront d'empêcher par leurs conseils toute désunion et toute rixe. Ce sont là les principes irrévocablement arrêtés pour notre conduite.

Le plénipotentiaire que j'ai envoyé auprès du Landamman et de la Diète est un M. de Capo d'Istria, homme très recommandable par sa probité, sa délicatesse, ses lumières et ses vues libérales. Il est de Corfou, par conséquent républicain, et c'est la connaissance de ses principes qui me l'a fait choisir. Je vous le recommande particulièrement; il a ordre de se concerter avec M. Monod et avec vous. Je vous prie instamment de le guider, et je vous garantis qu'il professe une profonde estime pour vous, vous connaissant non pas simplement de nom, mais par vos ouvrages, ayant eu l'occasion à St-Pétersbourg de lire tous les cahiers que vous nous aviez dictés pendant notre éducation. Il a beaucoup aidé à faire sentir au ministère autrichien tout l'odieux de sa conduite et les conséquences fâcheuses que peut avoir pour la cause des Alliés une manière pareille de se souiller.

Avant de finir cette épître, *laissez-moi vous dire que si, à côté de l'œuvre de la Providence, quelque persévérance et énergie que j'ai eu l'occasion de déployer depuis deux ans ont été utiles à la cause de l'indépendance de*

---

*) Malheureusement l'influence des autres Cabinets l'emporta au Congrès de Vienne. Les [illegible] des années 1828, 1829, 1830 et 1831 en ont été les conséquences inévitables.

(Прим. Лагарпа.)

l'Europe, c'est à vous et à vos instructions que je les dois. Votre souvenir, dans les moments difficiles, a été constamment présent à ma pensée, et le désir d'être digne de vos soins, de mériter votre estime, m'a soutenu.

Nous voici, des bords de la Moskva, sur ceux du Rhin que nous allons franchir ces jours-ci. Si près de vous, je nourris la douce consolation que je pourrai vous serrer dans mes bras et vous réitérer de bouche toute la gratitude que mon cœur vous portera jusqu'au tombeau. Ce sera un des jours les plus heureux de ma vie.

Je vais, dans quatre à cinq jours, voir ma sœur *) à Schafhouse, où je compte m'arrêter jusqu'au 10 janvier. Ensuite, je serai dans le cas de passer quelques jours à Bâle avant de continuer notre marche dans l'intérieur de la France. Vous serez le bienvenu partout où vous pourrez me joindre, et dites-vous que vous êtes attendu avec la plus vive impatience **).

Adieu, mon cher, mon vrai ami; de cœur et d'âme tout à vous pour la vie. J'ai reçu exactement toutes vos lettres numérotées.

8.

Langres, à 9 heures $^3/_4$ du soir.
Fin de janvier.

Mon cher, mon respectable ami, je n'ai pas de mots pour vous rendre tout le bonheur que j'éprouve à l'idée de pouvoir enfin vous serrer dans mes bras et vous renouveler de bouche ma gratitude pour tout ce que je vous dois; car, dans tous mes moments pénibles, c'est l'idée de n'être pas indigne de vos soins qui m'a soutenu et a ranimé mon courage.

Je vous ai attendu toute cette après-dînée avec la plus vive impatience, et la fatalité veut que, depuis une heure, il me soit survenu tant de rapports et d'expéditions de courriers à faire, que je crains bien que cela ne me retienne bien avant dans la nuit. Je vous engage donc à vous coucher maintenant, et de venir chez moi à 7 heures précises du matin ***). Nous pouvons avoir alors de trois à quatre heures de tranquillité pour causer ensemble. Tout à vous, de cœur et d'âme, pour la vie.

---

*) Великая Княгиня Екатерина Павловна.

**) Je partis de Paris le 19 janvier 1814 avec un passeport que le ministre de la police (duc de Rovigo) m'accorda par l'ordre de Napoléon, et joignis quelques jours après S. M. I. à Langres. *(Прим. Лагарпа.)*

***) Le lendemain, j'étais à 7 heures du matin chez S. M. I. *(Прим. Лагарпа.)*

9.

Billet écrit au crayon et adressé à Chaumont.

Du champ de bataille de la Rothière,
le 1 ou 2 février.

Mon cher et respectable ami, je vous annonce une victoire complète. L'ennemi a été culbuté sur tous les points, et on lui a enlevé 56 canons et quantité de prisonniers. Je vous écris à la pointe du jour. Je vais monter à cheval, et, si la journée d'aujourd'hui est aussi heureuse que celle d'hier, nous aurons obtenu notre grand résultat. Tout à vous.

10.

Troyes, février.

Je vous envoie les dépêches de Capo d'Istria. Vous y remarquerez une nuance très distincte entre celles signées en commun avec son collègue Lebzeltern et celles écrites pour moi tout seul *).

11.

Mai 1815, de Vienne.

Mille grâces pour l'incluse **). Il y aurait beaucoup à pérorer sur tout cela. Mercredi, quand vous viendrez chez moi, je vous donnerai ma lettre pour Munich. Wolkonsky va vous remettre le passeport. Tout à vous.

12.

29 mai/10 juin 1815, de Heidelberg.

J'ai reçu vos deux lettres. Pardonnez-moi ma franchise, mais je diffère totalement d'opinion. Même, il me semble que la vôtre a subi une altération depuis nos conversations à Vienne.

Se plier au génie du mal, c'est consolider sa puissance, c'est lui offrir les moyens d'établir sa tyrannie d'une manière plus terrible que la première fois. Il faut avoir le courage de la combattre, et, avec l'aide de la Providence Divine, de l'union et de la persévérance, nous arriverons à un résultat heureux. Telle est ma conviction!

*) Il s'agissait des affaires de la Suisse.
**) C'était un mémoire du 17 mai, destiné au développement de dix observations principales

N'ayant pas le temps de vous répondre en détail, je joins ici un petit mémoire que j'ai fait faire sous mes yeux, comme réponse au contenu de vos deux lettres *).

Tout à vous de cœur et d'âme pour la vie. Mille choses à Madame.

13.

Weimar, 23 novembre 5 décembre 1818.

Je ne puis laisser partir Michel sans me rappeler par quelques lignes à votre souvenir, cher et respectable ami.

Ai-je besoin de vous parler des sentiments indestructibles qui m'unissent à vous? Vous les connaissez depuis longtemps, et leur sincérité, ainsi que leur force ne peuvent s'attiédir. Mais j'ai besoin de vous remercier pour tout ce que vos lettres contiennent de si intéressant, et souvent de si précieux pour moi. Croyez que l'approbation de mon respectable Instituteur a un prix infini pour moi, que son souvenir m'occupe constamment, et que bien des fois *je me place, en pensée, en présence et vis-à-vis de lui, et tâche de préjuger les conseils qu'il pourrait me donner.*

Si vous avez été content de mon langage ou de ma conduite dans des circonstances délicates ou épineuses, comme pendant la Diète à Varsovie, lors de cette dernière réunion à Aix-la-Chapelle, ou dans d'autres moments dificiles plus anciens, un *hommage à la vérité* me force à dire que je le dois *à cet appui qui ne nous manque jamais quand on le réclame avec confiance entière dans son efficacité.* Voici une assertion de la justesse de laquelle *je réponds.* Mon cœur qui vous chérit tendrement a eu besoin de vous faire cet épanchement, à vous, cher ami, de qui je tiens la presque totalité des notions et des connaissances que je possède.

Je recommande à vos soins et à votre amitié mon frère Michel. C'est un excellent jeune homme, réunissant à de bonnes intentions les meilleures qualités et beaucoup d'intelligence. Je lui envie le temps qu'il passera avec vous. Ma mère m'a dit vous avoir écrit sur ses intentions à son égard. A son départ de Russie, je l'ai muni de quelques réflexions générales que je désire qu'il vous montre. Je vous serai très obligé si vous faites remettre à la Légation à Berne, à mon adresse, le manuscrit dont vous m'avez parlé **). Soyez sans inquiétude sur ma santé; elle est excellente. Tout en menant une

---

*) Il s'agit ici des observations adressées au Cte Capo d'Istria le 20 avril *relativement à la situation de la Suisse*, et de la lettre que j'avais eu l'honneur d'adresser à S. M. I. le 1er juin, sur le même sujet. *(Прим. Лагарпа.)*

**) C'était le Mémoire sur *Rio de la Plata* que M. Ribadavia m'avait promis et qu'il m'avait adressé d'abord à Aix-la-Chapelle, où je n'étais pas. *(Прим. Лагарпа.)*

vie active et laborieuse, je n'abuse pas de mes forces; ma sobriété très rigide les soutient et les conserve.

Ne m'en voulez pas pour la rareté de mes lettres. Ne voulant avoir que de bons instruments auprès de moi, j'en ai très peu: cela m'oblige à un travail personnel très étendu, et qui m'enlève tout mon temps. Mais j'en ai toujours pour penser à vous, vous chérir et vous porter dans mon cœur cette reconnaissance que je vous dois à tant de titres, et qui ne finira qu'avec ma vie.

Mille choses aimables de ma part à Madame, dont le souvenir m'a été bien précieux. Que je serais heureux, quand une fois je pourrais vous faire visite dans votre charmante habitation! Tout à vous, de cœur et d'âme, pour la vie.

—

II.

Письма Лагарпа къ Императору Александру I *).

1.

A S. M. l'Empereur Alexandre Ier,
à Moscou.

St-Pétersbourg, 30 août 1801.

Sire, J'avais espéré pouvoir vous présenter un précis de ce qui s'est passé en Helvétie. Désirant le rendre concis, je n'ai pu le terminer encore. Si V. M. I. désire que je le Lui adresse à Moscou, Elle le recevra dans peu de jours; néanmoins, s'il n'y a pas d'urgence, je pourrais attendre Son retour, afin de donner les explications ultérieures. Au reste, tout ceci devant être subordonné à la supposition qu'il n'est pas indifférent pour la Russie que l'Helvétie devienne la proie de l'étranger, je viens, Sire, vous demander une grâce, celle de permettre que je réponde à ce qui vous sera présenté à ce sujet, dès que les intérêts particuliers de votre Empire vous permettront d'y mettre quelque importance.

Sa Majesté l'Empereur défunt n'eut jamais des données justes sur cette matière; vous trouverez sans doute convenable, Sire, de les rectifier par des faits, et de comparer les dires réciproques. Ainsi que je le disais à V. M. I., Elle doit tenir tribunal dans Son cabinet sur ce qui Lui est présenté chaque jour, *quelle que soit la personne qui ait parlé.*

L'extrait № 1 vous donnera déjà, Sire, une idée de la situation des affaires: il me vient d'un ami sûr. La présentation officielle au Roi d'Angleterre de l'ancien gouvernant bernois Freudenreich comme agent de l'ancien gouvernement, dont il y est fait mention, est de nature à aliéner plus que jamais les esprits, et peut forcer nos gouvernants provisoires, tout maladroits qu'ils sont, à se jeter plus que jamais dans les bras du gouvernement français, à l'influence duquel une politique sage devrait les soustraire, en faisant luire à leurs yeux l'espoir de n'être pas abandonnés à eux-mêmes.

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, № 536, шк. I, п. 3, к. 8.

V. M. I. trouvera sous le № 2 quelques résultats d'observations qui m'ont été faites en conversation. Il doit exister un mémoire intéressant sur cette matière importante: *A word to the wise*. Permettez encore, Sire, qu'usant des droits que votre amitié m'accorde, je vous présente les réflexions suivantes:

Il me semble d'abord qu'il est pour vous de la plus haute importance *de faire l'Empereur*, soit lorsque vous paraissez en public, soit lorsque vous traitez avec les hommes auxquels vous avez confié un département quelconque. Je ne suis point l'aveugle panégyriste de l'étiquette, mais lorsque le Chef d'une nation se présente, parle ou agit comme tel, il doit, suivant l'expression pittoresque de Démosthène, *revêtir la dignité de son pays*. Votre nation y est accoutumée depuis longtemps, surtout dans l'intérieur de l'Empire, elle y attache beaucoup d'importance, et je crois qu'elle en a besoin. Votre jeunesse, Sire, vous commande peut-être encore plus impérieusement de ne pas vous relâcher sur ce point. Accoutumé comme vous l'êtes à estimer les hommes ce qu'ils valent, et convaincu que l'instruction ne finit qu'avec la vie, vous accueillerez sans doute toujours avec empressement les lumières et ceux qui vous les transmettront, à quelque classe qu'ils appartiennent; mais, je vous en conjure, Sire, ne souffrez pas que sous aucun prétexte on exerce sur vous une influence quelconque. Ecoutez avec votre affabilité ordinaire, mais dirigez les conversations, et, après avoir recueilli les données, pesez les opinions dans la balance impartiale de votre judiciaire, prononcez ensuite et faites connaître *votre volonté*. Je dis *votre volonté* parce que les constitutions de votre pays et les intérêts de votre peuple ne donnent qu'à vous le droit de vouloir en dernier ressort: ils vous commandent même d'en user. Que ceux que vous avez placés à la tête des départements de l'administration publique, ministres ou autres, s'accoutument à l'idée qu'*ils ne sont que vos délégués*, que vous avez le droit de savoir tout, de tout connaître et que *vous voulez en faire usage*. Sur cela, point de partage! Les chefs de divers départements, je me rappelle, exerçaient jadis une autorité despotique; on eût dit que chacun d'eux était empereur. Cela déchargeait le Souverain, et il n'était pas de sa dignité de voir par lui-même! Tels étaient les motifs dont on étayait ce bel usage; mais que de maux innombrables en ont été les résultats, et qui eût osé les faire connaître! Je ne puis trop le répéter, Sire, traitez les chefs de divers départements avec les égards qui leur sont dus, écoutez-les, *mais jugez seul* et *sans eux*: faites-leur ensuite connaître avec calme que, votre décision une fois prise, il ne leur reste plus qu'à s'y conformer. Votre affabilité naturelle saura tempérer la gravité sévère du monarque, et le calme avec lequel vous émettrez vos ordres fera sentir la nécessité d'obéir sans que vous ayez besoin de recourir à votre autorité. Je n'insisterais pas tant sur ce point, Sire, si je ne connaissais pas la tendance universelle des chefs de départements et de la bureaucratie à devenir *exclusifs*. Permettez-moi de vous citer mon expérience. Pendant les dix-huit mois de mon administration, il fallut m'astreindre à une surveillance quotidienne pour retenir nos ministres dans l'ornière qui leur avait été tracée, et dont ils sortaient à chaque instant: et remarquez que c'était dans une république. La [illegible] ou la faiblesse de plusieurs de mes collègues leur ayant enfin

fourni les moyens de se soustraire à cette surveillance, ils se coalisèrent contre les directeurs qui s'étaient montrés peu complaisants, en particulier contre moi qui ne pouvais agir seul, et renversèrent le Directoire, en mettant à la disposition de ses ennemis les moyens d'exécution dont ils étaient dépositaires. Vous, Sire, qui ne partagez le pouvoir avec personne, vous pouvez donc sans efforts ramener dans la bonne route ceux qui s'en écarteraient; il ne faut pour cela que contracter l'habitude de la surveillance.

Une seconde réflexion que je fais, serait que vous fixassiez une ou deux heures par semaine pendant lesquels ceux qu'on appele *Grands* seraient admis à vous approcher et à jouir de votre présence. Ces heures, Sire, ne seraient point perdues: elles vous gagneraient les cœurs en prouvant que vous rendez à l'âge et aux dignités ce qui leur appartient.

Une troisième réflexion serait d'exiger péremptoirement qu'on vous remît *de suite, par écrit,* les faits allégués pour ou contre les individus qu'on recommande ou qu'on inculpe, afin de pouvoir aller aux informations et de savoir à qui vous en prendre. Il serait même essentiel d'avoir dans votre cabinet un livre destiné à recevoir les données relatives aux individus qu'on vous indique, et de l'accompagner d'un registre des noms et des matières. Cette pratique serait surtout très utile pour choisir les hommes que V. M. I. charge de La représenter en pays étranger, et qui doivent être en premier *des hommes de Son choix,* aussi capables d'exécuter avec fidélité et intelligence les instructions émanées d'Elle que peu disposés à devenir les instruments d'autres volontés que la Sienne. La société des Jésuites, qui fut si bien servie, le dut à une pratique semblable. Comme gouvernant, j'en éprouvai jadis les bons effets et je me conforme à cette règle dans la note № 3 *).

Une dernière réflexion enfin, serait d'exiger que toute demande un peu importante vous fût adressée *par écrit et d'une manière concise.* Mais il faudrait aussi que V. M. I. répondit *catégoriquement* et aussi vite que possible. On se console d'un *Non;* les renvois et l'attente donnent de l'humeur, font des mécontents. Qui oserait se plaindre d'un monarque agissant comme administrateur de l'Etat?

Sire, vous allez recevoir les hommages d'un peuple immense; je sais qu'ils ne vous enorgueilliront pas, mais lorsque la couronne sera placée sur votre tête aux acclamations publiques, et certes, elle est très signifiante, cette cérémonie, rappelez-vous les sublimes paroles de Joad dans *Athalie,* et répétez tout bas l'engagement que vous prîtes dès votre treizième année de travailler à fonder le bonheur de la Russie sur des bases inébranlables. Vos concitoyens et les étrangers ont les yeux fixés sur votre règne. Vous remplirez leur attente et mériterez d'immortels éloges en usant de vos moyens avec prudence,

*) Les trois pièces, №№ 1, 2 et 3, étaient des annexes que je ne retrouve ni parmi les originaux ni parmi les copies. Plus tard j'adressai à S. M. l'Empereur un modèle de registre pareil à celui dont je m'étais bien trouvé lorsque j'avais été gouvernant; je l'ai retrouvé dans le recueil de mes lettres qui m'a été envoyé. *(Прим. Лагарпа.)*

courage, persévérance et énergie. *Tous les obstacles cèdent devant une volonté ferme et bien prononcée, que la sagesse dirige.*

Il me reste, Sire, à faire des vœux pour votre heureux voyage. Puissiez-vous y puiser de nouvelles forces, comme j'espère qu'il vous procurera de nouveaux moyens. Agréez, Sire, l'assurance de mon respect et de l'attachement inviolable que je vous ai voué pour la vie.

2.

A S. M. l'Empereur Alexandre Ier, à Moscou, à l'époque de son couronnement.

St-Pétersbourg, 3 septembre 1801.

Sire, Lorsqu'il existe dans un Etat des codes de lois dignes de ce nom, bien connus de chacun, et un mode de procéder usité depuis longtemps et réunissant à l'avantage de conduire vite et sûrement à la connaissance de la vérité celui de garantir de l'arbitraire, lorsque les emplois de judicature y sont le partage exclusif d'hommes destinés de bonne heure à remplir cette noble tâche et éprouvés quant à la probité, l'administration de la justice peut être considérée comme aussi parfaite que les œuvres humaines peuvent l'être.

L'intervention du Souverain dans les matières judiciaires serait, dans un pareil Etat, une monstruosité. Sa prérogative ne peut lui donner que le droit de veiller à ce que les tribunaux, toujours bien composés, ne franchissent pas les limites de leurs attributions. Avec une pareille organisation du *pouvoir judiciaire*, tous peuvent reposer en paix, *puisque gouvernants et gouvernés ont une commune garantie*. Mais, dans un pays dépourvu de ces avantages, où il n'existe ni codes de lois ni procédure judiciaire dignes de ce nom, dans un pays où, à l'exception de quelques obscurs rabulistes, nul n'étudie les lois, dans un pays où les tribunaux, *sans en excepter un seul,* composés en majeure partie d'hommes étrangers à leur vocation, n'ont aucune marche certaine, dans un pays où presque tout ce qui tient à cette intéressante branche de l'administration publique est incohérent et imparfait, le Souverain doit exercer des attributions supérieures à une simple surveillance.

Assurément, toute intervention semblable de la prérogative souveraine peut entraîner les plus graves inconvénients. Mais ces derniers seraient encore bien plus graves, si le Souverain abandonnait son peuple à des tribunaux composés comme il a été dit et dépourvus d'un fil pour se conduire. L'éminence de ces tribunaux serait même un motif de plus pour les soumettre à une *surveillance sévère,* qui leur ôtât la fantaisie d'abuser du désordre et de franchir les limites de leurs fonctions. S'il existait donc un pays auquel ce qui précède pût s'appliquer, je conseillerais au Souverain:

1) de conserver son droit d'intervention avec le plus grand soin, pour ne pas s'exposer à voir les tribunaux, et en particulier les plus éminents, travailler à perpétuer les abus ou à étendre leur autorité aux dépens de la sienne;

2) de s'occuper sérieusement et avec urgence d'une autre organisation de ce qu'on appelle le *Pouvoir judiciaire*, et de garder pour l'achèvement de cette salutaire entreprise l'exercice tout entier de sa prérogative. Par exemple, il pourrait: *a)* faire recueillir d'abord les lois et les usages de divers peuples dont il est le chef et provoquer tout homme capable à seconder ce travail; *b)* charger une commission de mettre en ordre ces données, de rédiger soit *les Codes particuliers* que la prudence commande peut-être d'accorder à diverses tribus, soit *un Code général,* et de présenter de plus une organisation des tribunaux concordante avec les lois nouvelles;

3) ces travaux méritoires étant terminés, et la nouvelle organisation ayant subi la critique des hommes qui pensent que les lois ne méritent le nom de bonnes qu'autant qu'on les adapte aux circonstances dans lesquelles se trouvent les gouvernants et les gouvernés, il serait digne d'un Souverain que la destinée appelle à préserver son peuple du despotisme, de sanctionner ce grand ouvrage et d'assurer par là aux gouvernés les bienfaits de *la liberté civile,* en même temps qu'il diminuerait sa propre responsabilité, et procurerait à sa prérogative une garantie qu'elle n'avait pas eue jusqu'alors *).

Il importe tant d'avoir des données pour être en état de prendre des mesures, que je ne puis m'abstenir de toucher encore ce point, instruit par les écoles d'autrui et par ma propre expérience. L'administration est subdivisée en divers départements, dont il est indispensable que le Souverain connaisse parfaitement l'organisation, la composition et les travaux. Cette connaissance indispensable pourrait s'obtenir en demandant à chaque ministre ou chef de département des mémoires clairs et concis, tant sur le personnel du département, sur les attributions et les travaux de celui-ci que sur son *état de situation* à une époque donnée: complets ou incomplets, ces mémoires fourniront des moyens d'aller aux informations et de recueillir de nouvelles données **). Mais pour les obtenir, il faut introduire *de fait* un usage différent de celui qui a eu lieu jusqu'ici et qui rend tout chef d'un département, tout président d'une commission, tellement arbitre de tout ce qui s'y traite ***), que rien ne peut être porté au Souverain sans son aveu, et que la voix du mérite obscur et timide demeure étouffée, au détriment de la chose publique.

Maintenant, Sire, la subordination, mais d'un bras ferme, tenez les portes ouvertes à la vérité, et ne souffrez pas que les dépositaires de votre autorité

*) Il s'ensuit qu'avant l'époque de ces réformes préparées par des travaux et par l'opinion publique, il serait dangereux de se lier les mains en augmentant ou changeant seulement les attributions actuelles des tribunaux. On n'embarrasserait pas peu ceux qui désirent cette augmentation, ou qui voudraient soustraire les cours de justice à l'influence actuelle de la prérogative, en les invitant à expliquer ce qu'ils entendent par ces mots. *Pouvoir judiciaire, Pouvoir législatif, Pouvoir exécutif,* sources de tant d'erreurs. *(Прим. Лагарпа къ самому подлиннику.)*

**) Il faut convenir du jour auquel ces mémoires seront remis. Fussent-ils pour la première fois des *contes bleus,* ils ne le seraient plus une seconde fois si le Souverain montrait une volonté bien décidée de *voir clair dans les affaires.* *(Прим. Лагарпа къ самому подлиннику.)*

***) Entre autres exemples, je citerai la *Commission des écoles normales,* dont les travaux furent neutralisés, sous Catherine II, par une suite de cet usage.

(Прим. Лагарпа къ самому подлиннику.)

en fassent un monopole à votre préjudice, en ne laissant passer que *leurs clients*, en éloignant quiconque ne fléchit pas devant eux. Si la calomnie et la méchanceté arrivent à vous par la même porte, et vous pouvez y compter, Sire, vous ne tarderez pas à les reconnaître. Mais portes et fenêtres ouvertes à quiconque apporte des vérités utiles, à quiconque veut et peut seconder Alexandre travaillant à éclairer son peuple et voulant lui donner une patrie à aimer, en lui assurant les avantages de *la liberté civile!*

Au nom de votre peuple, Sire, gardez intacte l'autorité dont vous êtes revêtu, et dont vous ne voulez user que pour son plus grand bien. Ne vous laissez point entraîner par *l'aversion que le pouvoir absolu vous inspire. Ayez le courage de le conserver tout entier et sans partage*, puisque la constitution de votre pays vous l'accorde légitimement, jusqu'au moment où, les travaux nécessaires pour lui fixer les limites étant terminés sous vos auspices, vous pourrez n'en retenir que ce que les besoins d'un gouvernement énergique exigeront *).

Cet ouvrage est de longue haleine. J'espère que vous vivrez pour le voir terminé et pour en jouir, mais que les chances de la durée de la vie ne vous engagent pas à précipiter les temps: ce serait le moyen de tout perdre.

Enfin, Sire, pardonnez à ma sollicitude cette nouvelle épître, dont voici le sommaire: *Prendre* **ad referendum** *les propositions tendantes à borner l'exercice de vos facultés, et ne contracter d'engagements que ceux que vous devez et pouvez tenir.* Ces avis vous seront superflus, sans doute, mais il m'est impossible de ne pas vous les transmettre **).

---

*) Vous savez, Sire, que le conseil aristocratique qui s'était emparé de l'autorité après la mort de Pierre II, fut regardé de mauvais œil par la nation. Toute limitation de votre autorité au profit d'une assemblée d'hommes organisée comme aujourd'hui le serait bien davantage, à moins d'avoir été amenée *par vous lentement*, et par *des institutions préparatoires* qui n'existent pas encore. Observez les vieux renards et les vieux courtisans.

(Прим. Лагарпа къ самому подлиннику.)

**) Le rapport présenté à l'Empereur sur le Sénat n'eût laissé au Monarque qu'un vain [illegible] si on lui eût accordé tout ce que des ambitieux lui faisaient réclamer. Plusieurs mémoires avaient aussi été remis dans le but de profiter du libéralisme d'un jeune Prince pour l'engager [illegible] qu'il n'eût pu tenir. La connaissance que j'avais de toutes ces menées fut ce qui [illegible] cette lettre. *(Прим. Лагарпа.)*

III.

Изъ переписки Императора Александра I съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ.

A) Письма князя Чарторыжскаго къ Александру I *).

1.

Pulawy, 28 février/12 mars 1811.

Sire, Je me disposais déjà à rendre compte à V. M. I. de mon séjour à Varsovie, lorsque je reçus la seconde lettre qu'Elle a daigné m'écrire en date du 31 janvier. La force du raisonnement qu'elle contient, l'image d'un avenir heureux et tranquille qui, sous vos auspices, Sire, pourrait s'ouvrir pour mon pays, et la manière franche et bienveillante dont vous nous l'offrez, m'ont fait éprouver à sa lecture une profonde émotion.

Depuis la réception de cette dernière lettre, il coûte m'en encore davantage de ne pouvoir dès à présent annoncer à V. M. I. des résultats qui répondent complètement à Son attente.

Je ne trouve rien à changer ni à rétracter dans le contenu de ma lettre précédente. La difficulté du plan et les moyens qu'il faudrait employer pour la surmonter y sont exactement indiqués. Mais il y manquait une conclusion, qui restait à faire après une inspection plus immédiate des choses, et cette conclusion n'est pas telle que je l'eusse souhaitée, puisqu'elle laisse et vos désirs et la destinée de mon pays dans une fâcheuse incertitude.

Le rétablissement de la Pologne dans son étendue passée, sous un régime national et constitutionnel, fait toujours le vœu unanime, le but unique des Polonais du Duché. Mais dans ce moment on ne saurait encore, surtout dans l'armée, produire subitement la conviction que ces vœux puissent se réaliser, que ce but puisse être atteint en abandonnant la France et en s'unissant à la Russie. Ce changement total dans les opinions, les idées, les sentiments et tous les rapports existants ne peut s'opérer immédiatement et d'un jour à l'autre. Pour le produire, on aurait besoin de temps et de circonstances qui préparent les voies et facilitent l'exécution.

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, № 831, шк. II, п. 3, к. 23.

La Russie et la France étant les deux puissances qui en mal ou en bien peuvent seules influer sur le sort de la Pologne, il m'était facile d'amener la conversation sur cette matière délicate et d'entendre comparer les avantages et les inconvénients à prévoir de part et d'autre. Dans ces conversations, les arguments très forts dont le précis se trouve renfermé dans les lettres de V. M. I. ne manquaient jamais de faire la plus vive impression. Mais en dernière analyse c'était la confiance et la crainte aveugles qu'inspirent le génie, le savoir-faire et le bonheur de Napoléon qui semblaient l'emporter; qu'il puisse être vaincu, que les Alliés ne retombent pas dans les fautes qu'ils ont commises précédemment, sont deux suppositions dont la possibilité est difficilement admise. La confiance dans les moyens et dans les intentions de la Russie ne peut se ranimer instantanément; on ne saurait se familiariser que peu à peu avec l'idée que la Russie puisse jamais vouloir du bien à la Pologne, et lui offrir sincèrement sa régénération. Tout en reconnaissant les qualités qui distinguent V. M. I., on s'imagine qu'il faut séparer Sa Personne de la politique de Son Cabinet et de l'esprit qui règne dans Son armée. Ces derniers, on les suppose à jamais hostiles au nom polonais; de sorte que l'idée d'une entrée des troupes russes s'est confondue dans beaucoup de têtes avec celle de dévastation et de joug humiliant. Malheureusement les événements passés, la conduite et surtout les discours des militaires russes pendant la campagne de Galicie a fourni des arguments à cette opinion. „S'il se forme une nouvelle coalition contre la France, quels que soient les risques que nous courrions dans ce terrible conflit, il vaut pourtant mieux nous en tenir au plus habile, et à celui qui a déjà prouvé par des faits l'intérêt qu'il prend à la cause de la Pologne: l'expérience du passé doit nous éclairer sur l'avenir". Voilà les raisonnements que j'ai entendu faire. Ce n'est pas, je le répète, que la pluralité ne réfléchisse sur le sort qui attend ce pays, qu'elle ne sente tous les avantages qui résulteraient pour la Pologne si elle renaissait du gré de la Russie: je n'ai rencontré personne qui ne sache rendre justice à V. M. I., et dans la discussion Elle entendrait énoncer des opinions qu'Elle trouverait conformes à Ses vues. Mais ces discussions se terminent d'ordinaire par un regret de ce que V. M. n'a pas profité des occasions qu'Elle a eues pour créer et s'attacher la Pologne, et par le souhait qu'Elle ne laisse pas échapper cette même occasion si jamais elle se présentait de nouveau.

Nous n'en sommes pas encore au point de pouvoir dépasser cette limite; les difficultés de loyauté, de reconnaissance, de confiance, de crainte, en un mot toutes celles que j'ai énumérées, ont encore trop de pouvoir, parce qu'il n'y a dans le passé aucun *trait* à leur opposer. Tout le monde est d'accord tant qu'il ne s'agit que de raisonnements et de vœux à former pour l'avenir; mais dès qu'on touche à l'action, dès qu'on suppose une détermination à prendre immédiatement, l'ascendant de Napoléon, qu'aucun événement arrivé, aucun travail suivi n'a miné jusqu'à présent, reprend naturellement le dessus.

Le germe des opinions et des sentiments qui peuvent convenir aux vues de V. M. I. existe donc et existera, car on sera toujours ici polonais et pas

français, mais ce germe trop constamment étouffé par les événements passés, pour reprendre du ressort et produire des effets, aurait besoin ou d'être ranimé par un système de conduite différent de celui que la Russie a suivi jusqu'à présent, ou bien d'être développé instantanément par un nouvel aspect des choses déjà existant.

Il faudrait donc que le gouvernement russe puisse pendant quelque temps chercher les moyens de prouver sa bonne volonté non seulement aux Polonais de sa domination, mais aussi au Duché de Varsovie, se montrer moins opposé à la cause de la Pologne, profiter des occasions qui peuvent s'offrir pour faire apercevoir de plus en plus, et par des exemples à citer, que les intentions véritables de Napoléon sont beaucoup moins généreuses et moins bienveillantes que celles de V. M. I.

Ou bien il faudrait que de premiers succès marquants aient brisé le prisme dont Napoléon a fasciné tous les yeux, et que la conduite de vos armées lors de leur entrée dans le pays et d'autres faits analogues aient donné naissance à une juste confiance dans les moyens et les intentions de la Russie: pour lors, sans doute, la proclamation de V. M. I. serait reçue avec joie et enthousiasme, et produirait tout l'effet qu'Elle a droit d'en attendre. Comme, dans les guerres contre Napoléon, les commencements sont pour la plupart brillants, mais le point difficile est de les soutenir, il semble que ce serait un avantage important et un grand résultat des premières victoires, si elles servaient à conquérir l'attachement unanime d'une nation guerrière et nombreuse qui, par son adhésion à la cause commune, contribuerait beaucoup à assurer le succès final. Car, dans ce cas, cette même armée qui aujourd'hui balancerait d'abandonner les drapeaux de Napoléon, refusera pour sûr de marcher contre ses propres foyers, et finira par se réunir à ses frères. Mais tant que rien de pareil n'aura précédé, le pouvoir moral de la France, l'ascendant que des succès constants d'une part et des fautes accumulées de l'autre ont assuré à Napoléon, conservera probablement son influence tout aussi bien ici qu'en Bavière, dans le Würtemberg et en Saxe.

Les choses changeraient aussi du tout au tout si Napoléon venait à mourir. Comme le charme tient à sa personne, il cesserait avec lui; alors on considérerait la position du pays avec calme et sans illusion, et l'on se porterait du côté où des avantages plus solides seraient assurés.

Tels sont les résultats de mes observations sur les lieux; je me suis fait une loi de vous les soumettre, Sire, avec toute la véracité et la franchise possible. Elles se réduisent à ce qui suit: qu'il a existé plusieurs circonstances où il ne dépendait que de la Russie de relever la Pologne et de se l'attacher à jamais, que, ces occasions ayant échappé sans que V. M. ait pu ou voulu en profiter, la situation actuelle des choses ne se prête pas à satisfaire instantanément à Ses vues, surtout de la manière dont Elle l'exige dans Sa dernière lettre, mais que l'occasion qui a passé, qui n'existe pas encore, peut aisément revenir et amener les résultats désirés. Dans les temps où nous vivons, les événements marchent si vite et font varier si promptement les opinions, que ce changement peut s'opérer beaucoup plus tôt que nous ne l'imaginons.

Au reste, Sire, dans aucun cas je n'aurais été en état de vous procurer les signatures que vous croyez indispensables pour être certain de la coopération du Duché. En prenant même les choses au mieux, j'aurais trouvé des difficultés à obtenir beaucoup de ces signatures, et j'aurais craint en les exigeant de faire éventer tout le plan. Mais j'aurais cherché à vous offrir d'autres sûretés moins sujettes à inconvénients, et j'ose dire que la meilleure de toutes eût été si j'eusse positivement assuré V. M. I. qu'Elle peut compter sur la réunion des habitants et la coopération de l'armée.

Il ne m'appartient pas de débattre la question s'il convient à V. M. de prendre ou non le caractère d'agresseur, de hâter ou de retarder une rupture avec la France. Me trouvant à près de trois cents lieues, ayant perdu le fil des affaires et ne les voyant que d'une seule face, je ne puis avancer un avis à ce sujet.

En bornant mes raisonnements à ce qui a rapport à la Pologne, si j'avais des conclusions à tirer des observations que je viens de fournir, elles consisteraient dans les points suivants:

1° Dans le cas que V. M. I. jugera à propos de laisser filer le temps sans rien entreprendre d'hostile, Elle devrait profiter de ce temps pour se mettre pour ainsi dire en coquetterie non seulement vis-à-vis des Polonais de Sa province, mais particulièrement vis-à-vis du Duché. L'accueil favorable que V. M. a fait dernièrement à quelques-uns des premiers circule déjà, et ne sera pas perdu; mais c'est surtout ce qui regarde le bien général des provinces et leur nationalité séparée qui ferait effet. D'un autre côté, le règlement qui fixe en Russie pour seules douanes d'entrée Polangen et Radzivilow est cité comme preuve d'une prédilection marquée pour les pays prussiens et autrichiens et d'une volonté décidée de ruiner le Duché. Les vues bienfaisantes de V. M. sur la Pologne ne pourraient-elles devenir matière à négociation, servir à accorder les intérêts des deux Empires, et empêcher une guerre sanglante en Europe? Ce serait peut-être une manière d'éclairer préalablement l'opinion sur les véritables intentions des deux Souverains qui s'apprêtent à rentrer en lice.

Il me vient une idée à cet égard que je vais soumettre à V. M. I. et dont Elle fera tel usage que l'ensemble de Ses combinaisons politiques Lui permettra. V. M., ayant une fois rassemblé Ses forces de manière à être également prête à l'offensive comme à la défensive, mais décidée pour le moment à garder cette dernière, pourrait tenir à Napoléon ce langage: que l'accroissement inquiétant de la puissance française par l'incorporation de la Hollande, d'une grande partie de l'Allemagne et par l'élévation au trône de Suède d'un Prince français, et l'augmentation successive des armées de Napoléon dans les nouveaux départements allemands vous avaient forcé de votre côté à augmenter votre armée et à réunir la plus grande partie sur vos frontières occidentales afin d'être prêt à tout événement; que cependant il vous était impossible de faire des efforts aussi dispendieux et de tenir longtemps sur pied des forces aussi considérables si vos finances restaient dans leur état actuel; que par conséquent, si la sûreté de votre Empire exigeait que vous gardassiez

cette attitude, vous seriez en même temps obligé de vous mettre à même de la soutenir, et que, dans ce cas, vous ne pourriez faire autrement que d'ouvrir incessamment vos ports au commerce anglais et de vous séparer du Système appelé Continental, car c'était le seul moyen de soutenir un état militaire aussi nombreux; qu'il ne se présentait qu'une manière d'arranger la chose à la satisfaction des parties, c'était de rétablir la Pologne dans sa grandeur passée, à laquelle vous garantissiez solennellement une constitution, un gouvernement et une existence séparée sous la condition que la couronne de Pologne soit réunie à celle de Russie; que de cette manière toute raison de défiance et de brouillerie cesserait entre les deux Empires et que la Russie acquerrait un surcroît de forces approchant de celui que la France venait de se donner, et, gagnant un degré de sécurité de plus, pourrait dans ce cas persévérer encore dans le système de Napoléon; que ce serait d'ailleurs contenter les vœux d'une nation à laquelle Napoléon dit prendre intérêt et exécuter ce que lui-même vous avait déjà proposé à Tilsit.

Si Napoléon consent, la position de la Russie se renforce du double. Ayant dans la Pologne un boulevard assuré, elle ne sera plus obligée, au grand détriment de ses finances, de tenir sur pied une masse de troupes aussi énorme. Si Napoléon ne consent pas, vous êtes libre d'ouvrir vos ports, et vous tenez en main le moyen le plus sûr de dévoiler ses véritables intentions relativement à la Pologne et de faire connaître combien les vôtres en comparaison sont plus sincères, plus sages, plus bienveillantes.

2° Dans le cas que V. M. jugeât à propos de rompre la première, ou qu'Elle fût forcée à se défendre, en tout état de choses dès que la guerre commencera, il paraîtrait convenable de procéder à l'exécution du plan de V. M. I., et de proclamer la Pologne sous les conditions les plus attrayantes, dans le moment qui, vu les circonstances d'alors, sera jugé le plus propice, et nommément aussitôt que la marche des troupes russes vous aurait mis en possession du Duché et de la ville de Varsovie.

La peine et les regrets que j'éprouve de ce que les vues sages et généreuses de V. M. I., qui sont faites pour devenir une source de gloire pour son règne et de bonheur pour mon pays, ne puissent être remplies dès à présent de la manière dont Elle le désire, ces regrets, dis-je, ne sont diminués que par l'espoir que V. M. ne se laissera pas décourager par un premier essai, qu'Elle persévérera dans Ses nobles intentions, et qu'un avenir peut-être prochain indiquera le moment où elles pourront encore s'effectuer avec succès.

Lorsque, dans ma lettre précédente, j'élevais un doute que Napoléon ne fût pas informé du changement qui s'opérait dans les idées du Cabinet de Pétersbourg, mon seul but était d'engager V. M. à ne pas baser Ses calculs sur une ignorance qui me paraissait très improbable. Je soupçonne même que Napoléon est à la piste des plans de V. M. relativement à la Pologne, à quoi les discours du public de Pétersbourg doivent nécessairement contribuer.

Avant d'avoir lu l'avis que vous daignez, Sire, me donner sur la police de Paris, j'avais su qu'un agent de M. de Savary était arrivé à Varsovie, chargé spécialement de surveiller s'il ne se formait pas un parti russe dans le

Duché, et d'avoir l'œil à cet égard sur ma famille, et sur moi en particulier. V. M. n'a-t-Elle pas fait quelques confidences à M. d'Oginski, car il était fort suspecté à Paris à cause de différentes phrases qui lui étaient échappées? On savait aussi que l'ex-maréchal Rovinski, demeurant à Breslau, homme généralement mésestimé et taré dans l'opinion publique, qui est regardé comme une espèce d'agent intermédiaire entre la Russie et la Prusse, avait tenu des propos sur les projets que les Alliés avaient en faveur de la Pologne. Toutes ces notions m'ont convaincu que l'on était aux aguets et que je pouvais facilement être compromis. C'est ce qui m'a fait redoubler de précautions et hâter mon départ de Varsovie, d'autant qu'après y avoir passé près d'un mois, un plus long séjour devenait pour le moment inutile, et ne pouvait m'apprendre rien au delà de ce que je viens de soumettre à V. M. I.

Je joins ici une traduction de la Constitution du 3 mai. Les additions et les modifications qu'il faudrait y faire seraient un travail qui prendrait trop de temps pour l'entamer dans ce moment et retarder cette expédition.

Il ne me reste plus que d'ajouter quelques mots sur moi-même. Vous avez daigné, Sire, m'accorder un semestre indéfini et la permission d'aller dans l'étranger. Cependant cette permission n'est énoncée que dans la lettre de V. M.: ne jugera-t-Elle pas convenable de la confirmer par l'oukaze usité?

Mes projets particuliers sont toujours de partir pour l'étranger à la belle saison, d'autant que ma sœur aînée veut faire le même voyage à cause de sa santé et qu'elle désire que je l'accompagne. Après avoir été aux eaux, nous voudrions visiter la Suisse, pays qui, entre tous ceux qui sont sous l'influence française, est le seul que l'on puisse regarder comme toujours neutre et celui où l'on peut rester le plus tranquillement. Cependant, jusqu'à la belle saison établie, je veux dire jusque vers la fin de mai, j'aurai tout le temps d'attendre et de recevoir les ordres ultérieurs de V. M., si Elle juge à propos de m'en donner. Peut-être qu'après avoir laissé passer quelques semaines, je ferai encore une course à Varsovie, pourvu que j'en trouve un prétexte plausible. Je me déciderais même plus tard à ne pas m'éloigner de ses environs si j'imaginais pouvoir être de quelque utilité à la chose commune. Mais au cas que la tournure des circonstances me persuade du contraire, je désirerais ne pas remettre un voyage dont ma santé a besoin.

Permettez, Sire, qu'à cette place je vous réitère ma prière pour un congé absolu. L'avenir est si incertain, et les événements ont un cours si précipité que je ne saurais ne pas désirer ma démission. Cette formalité ne changera rien à mes rapports et à mon dévouement pour V. M. I., et pourra ou me sauver de cruels embarras, ou me rendre plus capable d'être utile à votre cause. J'ai toujours ardemment désiré de réunir la gloire et les intérêts de V. M. à ceux de mon pays: je serai toujours prêt à travailler avec tout le zèle possible à ces deux buts. Toutefois, aucun de mes sentiments n'étant caché à V. M. depuis quinze ans, Elle sait que mon premier intérêt, mes premiers vœux doivent être pour ma patrie.

Par une bizarrerie tout à fait singulière, V. M. I. connaît à cet égard la pureté de mes sentiments beaucoup mieux que divers de mes compatriotes

qui supposent que les opinions que j'ai souvent énoncées relativement aux affaires de Pologne sont motivées par des vues d'intérêt personnel et d'ambition qu'ils croient pouvoir être plus facilement contentées lorsque nous aurons été redevables à V. M. de la renaissance de notre patrie. Voilà pourquoi, si les circonstances le permettent, et que ce soit par la Russie que la Pologne obtienne son rétablissement, je pense que, dans ce cas surtout, il serait très à propos que je sois hors du service, car cela me donnerait bien plus de moyens d'agir et d'être utile au but commun.

Je ne répéterai plus ma demande, Sire, mais daignez vous rappeler que je ne cesse de vous l'adresser, parce que, même abstraction faite de toute considération publique, mes circonstances particulières m'y obligent. Du reste, je m'en remets à V. M. I.; Elle n'a qu'à décider de la manière et du moment où Elle voudra me l'accorder.

Je suis avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet, A. Czartoryski *).

Apostille. On m'avait promis pour sûr la traduction de la Constitution du 3 mai. Ne l'ayant pas reçue jusqu'à présent, je ne retarderai pas davantage l'envoi de cette lettre, et la traduction suivra plus tard.

2.

Pulawy, 28 février/12 mars 1811.

C'est pour la première fois de ma vie que je m'adresse à V. M. I. pour une affaire d'argent, et je me flatte qu'Elle approuvera les motifs qui m'y décident. Mon père avait emprunté pour huit ans deux cent cinquante mille roubles à la Banque. Au terme du payement, nous eûmes l'espoir d'obtenir cette même somme pour huit autres années. Cet espoir manqua, à cause des mesures prises dans toutes les banques publiques pour arrêter la baisse des assignations. J'étais déjà parti de Pétersbourg. M. Rall nous rendit le service important de payer notre dette à la Banque, sans quoi la terre hypothéquée, comme d'usage, eût été séquestrée. Par l'extrême inexactitude des postes et peut-être par la négligence de mes gens d'affaires et celle de M. Rall lui-même, ce ne fut que le 12 janvier que je reçus le premier avis, encore très imparfait, de cette transaction. Jugez, Sire, de ce que j'éprouvais lorsqu'à mon retour de Varsovie je trouvais ici deux lettres arrivées coup sur coup par des estafettes, dont je prends la liberté de joindre ici des copies **).

Depuis ce moment je n'ai ni paix ni repos, je me donne tous les soins imaginables pour rassembler et faire parvenir la somme de 40.000 ducats à Pétersbourg dans le plus court délai possible. Les arrangements que j'ai pris me donnent la certitude qu'elle sera payée en totalité vers la fin du mois

---

*) Этой формулою и кончаются всѣ письма князя А. Чарторыжскаго къ Александру I.
**) См. ниже, стр. 384 и 385.

de juin. Mais je tremble que jusque-là M. Rall, malgré les envois que je m'efforcerai de lui faire entre temps, ne se trouve dans la nécessité de suspendre ses payements.

Daignez, Sire, s'il est possible, faire en sorte que je n'aie pas à me reprocher d'avoir été la cause, quoiqu'involontaire, de la ruine de cette famille, et que Rall ne soit pas perdu pour m'avoir rendu service. M. Rall a toujours des comptes à régler avec la Couronne. Ne pourrait-on pas le sauver en n'exigeant pas trop sévèrement des payements qu'il doit faire, ou bien en l'aidant de quelque somme dans le moment critique?

Pour ma part, tout ce que je solliciterai, c'est que V. M. I. veuille l'aider de quelque manière que ce soit, jusqu'à la concurrence de 40.000 ducats sur lesquels nous venons, mon père et moi, de lui donner une obligation dans les formes requises, promettant de le payer à la fin de juin cette année, sous l'hypothèque de nos terres.

V. M. I., en tendant une main secourable à Rall, sauverait une famille intéressante de sa perte, me sauverait moi-même d'une cruelle situation et ne risquerait rien pour Ses avances, car si même il était possible qu'elles ne fussent pas remboursées au mois de juin prochain, nos terres seraient une sûreté plus que suffisante pour cette somme.

Si V. M. ordonnait de faire quelque avance à M. Rall en fondant leur rentrée sur ma dette, je supplierais dans ce cas de faire présenter à qui il appartiendrait notre obligation originale, afin qu'il y soit inscrit quelle partie de la somme sera due à la Couronne. Nous risquerions autrement de payer deux fois: il se pourrait d'ailleurs que d'autres eussent déjà avancé des fonds sur cette même sûreté.

Si V. M. I. veut m'accorder la grâce que je sollicite, et qu'Elle soit disposée à aider Rall, daignez, Sire, le faire chercher et lui parler à ce sujet, car, comme il n'est pas prévenu de ma lettre à V. M., je doute qu'il ose s'adresser à Elle dans sa détresse.

Veuillez, Sire, excuser mon importunité. C'est avec une crainte et une anxiété extrême que j'attendrai les premières nouvelles de Pétersbourg. Je ne me serais pas permis d'importuner V. M. s'il ne s'agissait d'empêcher la ruine de toute une famille.

Письмо банкира Раль къ князю Чарторыжскому.

St-Pétersbourg, ce 7 février 1811.

Les malheurs m'accablent, ma réputation est compromise, et je péris si vous ne venez promptement à mon secours. J'ai payé votre dette à la Banque pour vous sauver des désagréments, et je me suis par là attiré des malheurs sans fin! Je l'avais prévu et néanmoins je me suis exposé sur l'assurance solennelle de M. de Witzki que je serai remboursé sans faute

Князь П. М. Волконскій

Графъ Н. А. Толстой

Баронетъ Я. В. Вилліе

А. Д. Соломка

vers le 20 janvier. J'ai besoin sans le moindre retard de 40 mille ducats qui ne font qu'une partie de votre dette: je suis sacrifié, et par vous, mon Prince, si vous différez un moment.

Письмо Г-жи Раль.

Ce 10 février.

Votre bonté connue, la noblesse de vos sentiments, et le désespoir dans lequel l'état de mon mari me met, sont de sûres garanties que vous pardonnerez la liberté que je prends de vous écrire pour vous supplier de venir à notre secours.

Depuis plusieurs semaines, je vois mon mari dans les plus vives inquiétudes, et je viens enfin d'apprendre qu'il vous a expédié une estafette pour vous demander 40 mille ducats qu'il attendait déjà de vous, mon Prince, en janvier. Sa situation ne peut se dépeindre, elle devient plus cruelle de jour en jour, et si vous ne lui envoyez pas incessamment les 40 mille ducats sur ce que vous lui devez, il sera réduit à suspendre ses payements.

Au nom de Dieu, mon Prince, sauvez-nous de ce malheur affreux, qui non seulement entraînerait notre ruine totale, mais qui nous ferait, à moi et à mes huit enfants, éprouver le malheur plus grand encore de perdre mon pauvre mari, qui, par la véhémence de son désespoir, n'y survivrait certainement pas.

Il vous suffira sans doute, mon Prince, de penser que le sort d'une famille entière dépend de vous, pour vous animer à employer tous vos efforts pour éloigner d'elle le terrible malheur dont elle est menacée.

J'ai encore une grâce à vous demander, c'est que mon mari ne soit jamais informé de la démarche que j'ai faite auprès de vous.

C'est avec les sentiments de la plus haute considération que j'ai l'honneur d'être, etc.

3.

Pulawy, 21 mars/2 avril 1811.

J'ai pris la liberté dans une de mes précédentes de confier à V. M. I. les embarras dont le banquier Rall était menacé. L'envoi que je lui ai fait des fonds que j'ai été en état de ramasser ici me donne l'occasion de vous adresser, Sire, la présente. Quoique je n'aie rien de nouveau à mander à V. M., je n'ai pas voulu manquer d'en profiter.

V. M. I. sera étonnée d'apprendre que, quoiqu'on parle chez nous sans cesse de la Constitution du 3 mai, et qu'on déplore sa chute, il soit cependant presque impossible d'en trouver le texte, dont jadis on a fait une édition en plusieurs langues et qui maintenant est devenu un ouvrage rare. Je n'ai pu encore me le procurer. J'y trouve surtout de la difficulté à cause que dans

ce moment tous les yeux sont ouverts, la moindre circonstance est remarquée, et qu'une recherche trop insistante de cet ouvrage ferait naître des soupçons. Mais je me rappelle que, dans les *Constitutions des principaux Etats de l'Europe* par M. de la Croix *), on trouve celle du 3 mai, textuellement ou par extrait, si je ne me trompe, dans le 4e et dernier volume. J'engage donc V. M. I. de se faire apporter cet ouvrage, que les libraires de St-Pétersbourg ne manqueront pas d'avoir.

Le rassemblement des troupes russes sur les frontières du Duché et de la Prusse met en mouvement toutes les têtes. Des négociants de Pétersbourg ont mandé à leurs correspondants de Varsovie qu'il était question que V. M. voulait se faire proclamer Roi de Pologne. Des lettres du cordon russe font mention du même bruit: il commence donc à se répandre. Peut-être que les conversations que j'ai engagées sur ce sujet y auront contribué; cependant je ne le crois pas, parce qu'il ne m'est pas encore revenu qu'on m'ait jamais nommé comme étant pour quelque chose dans ces bruits. L'idée de la réunion des couronnes de Russie et de Pologne sur votre tête a été tant de fois reproduite et si généralement connue, qu'il n'est pas étonnant que la moindre apparence la réveille et la propage.

Ceci a l'avantage pour le moment que les esprits s'accoutument de nouveau à considérer ce dénouement comme possible et à peser les avantages qui en résulteraient, sans que V. M. puisse aucunement être compromise par là vis-à-vis de Napoléon: car, puisqu'il ne Lui est pas possible d'arrêter les propos vagues qui circulent dans le public de Pétersbourg, comment pourrait-Elle empêcher ceux dont le public de Varsovie s'entretient? Cependant, je le répète, pour qu'il s'en suive une opinion réellement favorable à la Russie, susceptible de résultats effectifs et analogues aux désirs de V. M., il faudrait du temps, il faudrait une conduite soutenue de Sa part et des succès qui prouvent que les Français peuvent avoir le dessous.

En attendant que j'apprenne, Sire, vos résolutions ultérieures, j'essaie, par le peu de moyens qui peuvent ne pas me compromettre, d'influencer l'opinion. Il serait nécessaire de lui donner l'assiette qu'elle doit avoir, d'élever l'esprit public à sa hauteur véritable et de faire sentir qu'une nation, pour renaître, ne doit pas être l'instrument d'autrui, mais doit agir par elle-même et pour elle-même, doit être capable de chercher sans prévention ses propres avantages partout où il lui seront offerts. Cette impulsion conforme au bien de ce pays-ci, si on parvenait à la donner, pourrait seule favoriser les projets de V. M.

Ayant appris que M. d'Oginski s'est rendu à Pétersbourg, je crois de mon devoir d'avertir V. M. I. qu'il ne jouit pas d'un grand crédit et d'une estime générale chez nous. On le croit léger et inconséquent: la tournure de son esprit et plusieurs traits de sa vie lui ont donné cette réputation. Au

---

*) *De la Croix, Constitutions des principaux Etats de l'Europe et des Etats-Unis d'Amérique,* T. I –V 1793, T. VI 1801. См. Т. III, стр. 279—336, XXXVIIe discours, Constitution [illegible]

reste, si jamais V. M. procède à l'exécution de Son projet, sa réussite dépendra en grande partie du choix qu'Elle fera des gens qu'Elle emploiera: je crois donc d'obligation absolue de Lui parler toujours à ce sujet avec la plus grande franchise. Je supplie surtout V. M. de ne faire aucune mention au comte Oginski de votre correspondance avec moi, car je craindrais, sans mauvaise intention de sa part, que de confidence en confidence je ne finisse par beaucoup risquer ici.

Je suis coupable de n'avoir pas jusqu'à présent parlé à V. M. I. de la reconnaissance dont mes parents et le reste de ma famille sont pénétrés pour le souvenir dont vous les honorez, Sire, et de ne m'être pas acquitté de la commission qu'ils ne cessent de me donner de les mettre à vos pieds.

Daignez, Sire, avant qu'il plaise à V. M. de décider plus définitivement sur mes demandes, ne pas oublier l'oukaze nécessaire pour la continuation indéfinie de mon semestre.

4.

Pulawy, 12/24 juillet 1811.

Sire, n'ayant reçu depuis longtemps aucun ordre de la part de V. M. I., et ne voyant pas revenir la personne que j'ai envoyée à Pétersbourg, je me suis décidé à partir incessamment pour les eaux de Silésie. La belle saison est déjà si avancée qu'en retardant plus longtemps mon départ, je perdrais cette année toute possibilité d'y aller avec ma sœur, qui en a plus besoin que moi et qui difficilement se résoudrait à entreprendre ce voyage si je ne l'y accompagnais. Privé de tout avis de la part de V. M., je crois ne rien omettre par cette course et ne point manquer à ce que Ses intentions pourraient exiger. Je n'ai pas beaucoup à ajouter à mes lettres précédentes. L'opinion que la Pologne n'a rien à attendre des promesses de Napoléon, et qu'il ne pense pas sincèrement à la rétablir sous une forme qui puisse convenir aux Polonais, commence à circuler et à pénétrer même dans l'armée. Les progrès de cette opinion sont déjà visibles, mais sa marche est lente et craintive; car, les bruits qui venaient de Lithuanie et qui annonçaient vos vues bienveillantes ayant aussi cessé, l'on a peine à asseoir ses idées d'une manière quelconque et l'on ne sait pas où rattacher ses espérances. L'on est abattu, obéré d'impôts et sans moyens de les payer. L'habitude du train adopté, la terreur d'un changement en pire, plutôt qu'une véritable conviction, retiennent encore les Polonais du Duché dans la voie où tant de circonstances les ont forcés à entrer. Mais cet état de choses ne peut guère durer; il est moralement et physiquement impossible de le supporter pendant longtemps. Le changement d'opinion qui s'opère dans l'armée, et qui est déjà sensible, peut devenir très marquant, si l'accablante situation du moment continue et si V. M. garde toujours Ses intentions précédentes.

Il paraît que la France, s'obstinant à la conquête de l'Espagne, met un grand prix à conserver la paix avec la Russie. Les préparatifs guerriers dans

le Duché n'en sont pas moins poussés avec activité. Je sais de très bonne part que Napoléon a tenu dernièrement le propos suivant: „Qu'un seul Kozak „pénètre dans la frontière du Duché de Varsovie, et je proclame la Pologne. „On dit que l'Empereur Alexandre a le même projet, et qu'il désire devenir „Roi de Pologne. Si c'est de gré à gré, je ne m'y oppose pas: au contraire, „j'y accéderai volontiers. Moi-même je lui en avais déjà fait l'offre, mais alors „il n'a pas voulu l'accepter. Je consentirais même que son frère devienne „Roi de Pologne“. Voilà ses propres paroles! V. M. I. en fera son profit, mais sans citer le propos, car cela pourrait compromettre la source d'où je le tiens.

L'idée que j'ai soumise à V. M. dans une de mes lettres d'entrer en négociation directement avec Napoléon sur le Royaume de Pologne en présentant sa formation comme moyen de régler les différends, d'empêcher la guerre et de consolider la bonne harmonie entre les deux Empires, cette idée, dis-je, me paraît toujours une des plus acceptables. La situation présente des affaires de l'Europe semble s'y prêter et lui être très propice, et je n'aperçois pas les inconvénients qui pourraient en résulter pour V. M. I.

Б) Письмо Александра I къ князю Чарторыжскому *).

1er avril 1812.

Je ne sais, mon cher ami, si vous avez pénétré la cause de mon silence? Vos précédentes lettres m'ont laissé trop peu d'espoir de réussite pour m'autoriser à agir, à quoi je n'aurais pu me résoudre raisonnablement qu'ayant quelque probabilité de succès. J'ai donc dû me résigner à voir venir les événements et à ne pas provoquer une lutte dont j'apprécie toute l'importance et le danger, sans croire cependant pour cela y échapper.

Une seconde cause aussi a mis obstacle à notre correspondance. J'ai su de source certaine que tous vos pas étaient épiés et que l'espionnage le plus adroit se trouvait organisé autour de vous. Je ne voulais donc pas vous exposer au moindre danger, et j'ai cru que, par une interruption de communication totale pendant un temps assez considérable, les soupçons qu'on avait sur vous se calmeraient et qu'alors, en y mettant encore plus de prudence et de circonspection que par le passé, nous pourrions la reprendre sans risque pour vous.

Finalement les projets qui nous ont occupés, soit par leur probabilité, qui ne pouvait échapper à tous les êtres pensants, soit par l'indiscrétion de quelques-uns de vos compatriotes, qui, dans de bonnes intentions, ont répandu

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, № 831, шк. II, п. 3, к. 23. Съ черновика, написаннаго карандашомъ рукой Императора Александра I.

imprudemment leurs propres idées, ces projets, dis-je, ont pris une publicité qui ne pouvait que leur être très désavantageuse, de manière qu'on en a parlé même à Dresde et à Paris.

Toutes ces considérations m'ont fait garder ce long silence, mais ni l'intérêt que m'ont inspiré les idées qui nous ont occupés, ni la résolution de les mettre en œuvre *quand les circonstances s'y prêteront,* ne m'ont abandonné un instant. Les papiers ci-joints peuvent vous en convaincre mieux que tout ce que je pourrais vous en dire.

La rupture avec la France est inévitable, à ce qu'il paraît. Le but de Napoléon est d'anéantir, ou d'abaisser du moins, la dernière puissance qui reste sur pied en Europe, et, pour y parvenir, il met en avant des prétentions inadmissibles et incompatibles avec l'honneur de la Russie. 1° Il veut que tout commerce avec les neutres soit interrompu: c'est nous priver du seul encore qui nous reste. 2° En même temps il exige que, privés de tout moyen d'exporter nos propres productions, nous ne mettions aucune entrave à l'importation des produits de luxe français, que nous avons prohibés n'étant plus assez riches pour les payer.

Comme jamais je ne puis consentir à des propositions pareilles, il est probable que la guerre doit s'en suivre, malgré tout ce que la Russie a fait pour l'éviter. Elle va faire couler des flots de sang, et cette pauvre humanité va être encore sacrifiée à l'ambition insatiable d'un homme créé, à ce qu'il me semble, pour son malheur.

Vous êtes trop éclairé pour ne pas voir combien de sa part les idées libérales envers votre patrie y sont étrangères. Napoléon a eu à ce sujet des conversations très confidentielles avec les envoyés d'Autriche et de Prusse, et le ton dans lequel il s'y est expliqué peint très bien et son caractère et le peu d'affection qu'il porte envers vos compatriotes, qu'il ne regarde que comme des instruments de sa haine envers la Russie.

Cette guerre, que je ne puis plus éviter, me dégage de tous les ménagements que j'ai eu à garder envers la France, et me laisse la liberté de travailler à mes idées favorites sur la régénération de votre patrie. Il ne s'agit donc que de déterminer la marche la plus avantageuse à suivre pour assurer le succès de nos plans, et, pour que vous soyez mieux à même d'asseoir votre jugement, je crois utile de vous donner quelques indications sur les opérations militaires. Quoiqu'il n'est pas impossible que nous puissions nous porter avec nos forces jusqu'à la Vistule, même la passer, et par là avoir le moyen d'entrer à Varsovie, il est plus prudent cependant de ne pas baser nos calculs sur des chances aussi avantageuses: de là naît la nécessité d'arranger nos démarches de manière à ne pas compter sur les ressources et l'effet que la possession de Varsovie pourrait nous procurer. C'est dans nos provinces qu'il faudra donc créer le centre d'action.

Il en résulte plusieurs questions très importantes à résoudre. Quel est le moment le plus propre pour prononcer la régénération de la Pologne? Est-ce à l'instant même de la rupture? Est-ce après que les opérations militaires nous auront procuré quelques avantages majeurs? Si le second parti

est préféré, sera-t-il utile au succès de nos plans d'organiser un Grand-Duché de Lithuanie comme mesure préalable et de lui donner une des deux constitutions préparées? Ou faut-il ajourner cette mesure pour la confondre dans celle de la régénération de la Pologne entière?

C'est sur ces questions essentielles que je vous invite à m'énoncer votre opinion franchement. Je désire de même que vous m'en donniez une sur deux papiers ci-joints et lequel des deux vous paraît préférable. Peut-être trouverez-vous plus utile d'amalgamer un troisième projet des deux que j'envoie, et je vous engage de vous guider par votre propre conviction.

Je n'entrerai plus ici en discussion sur les deux chances qui se présentent pour la Russie dans cette lutte: il me semble avoir épuisé ce chapitre dans mes précédentes. Je me contenterai de rappeler seulement l'étendue immense de terrain que les armées russes ont derrière elles pour se retirer et ne pas se laisser entourer, et les difficultés qui à mesure augmenteront pour Napoléon en l'éloignant si fort de toutes ses ressources. Si la guerre commence, on est résolu ici à ne plus poser les armes. Les ressources militaires qu'on a rassemblées sont très grandes, et l'esprit public est excellent, en différant essentiellement de celui que vous avez vu les deux premières fois. Il n'y a plus de cette jactance qui faisait mépriser son ennemi: on apprécie au contraire toute sa force, on croit que des revers sont très possibles, mais on est décidé malgré cela à soutenir l'honneur de l'Empire à toute outrance.

Quel effet la jonction des Polonais ne ferait-elle pas dans ces circonstances! C'est immense, et cette masse d'allemands menés par force suivrait très certainement leur exemple. Ne serait-il donc pas possible de produire ce grand résultat? La Suède a conclu une alliance offensive et défensive avec nous. Le Prince Royal brûle du désir de devenir l'antagoniste de Napoléon contre lequel il a une ancienne inimitié personnelle, et, allant sur les traces de Gustave-Adolphe, il ne désire que d'être utile à une cause qui est celle de l'Europe opprimée. Vous qui avez été si zélé de tout temps pour cette même cause, vous sentirez, je n'en doute pas, tous les avantages immenses qui résulteront si elle triomphe, et, comme polonais, vous ne pouvez pas vous aveugler sur tous les malheurs auxquels votre patrie s'expose si, suivant les étendards français, elle donnait à la Russie un droit de se venger d'elle pour tout le mal qu'elle lui aura fait.

Je désire que vous me donniez une liste d'individus sur lesquels nous pourrions compter pour l'exécution de nos plans. Il serait bien avantageux si dans le nombre il y en avait des militaires de l'armée du Duché.

Me conformant à vos conseils, j'ai mis jusqu'ici une grande modération envers ceux de vos compatriotes dans nos provinces qui sont notés pour être très mal intentionnés pour la Russie, espérant que cette modération serait appréciée: cependant elle a produit plutôt l'idée que c'est une sorte de crainte qui oblige à dissimuler envers eux. La guerre une fois commencée, il serait très urgent de déterminer la ligne de conduite qu'on suivra envers eux; la sécurité générale en dépend, et je désire beaucoup que vous me donniez là-dessus vos idées.

C'est à Vilna, mon cher ami, que je vous prie d'adresser votre réponse. J'écrirai toujours par M. Lanskoy, gouverneur de Grodno.

Je m'aperçois que je ne vous ai pas répondu au Post-scriptum de votre dernière lettre du 25 janvier. L'idée d'amener de gré Napoléon à régénérer la Pologne en la mettant sous la domination d'un Roi Empereur de Russie est chimérique: jamais il ne consentira à un résultat aussi avantageux à la Russie, et surtout dans un moment où il n'est occupé que de plans destructeurs contre elle. Il n'envisagera jamais comme une complaisance de la part de la Russie l'impossibilité où elle a été de l'empêcher d'envahir la Prusse, impossibilité qui est résultée d'un manque d'énergie total de la part du Roi de Prusse, qui a voulu voir dans Berlin et son Palais sa Monarchie.

Adieu, mon cher ami. La Providence seule connaît l'issue qui est réservée à tous les grands événements qui se préparent. Il m'aurait été bien doux de vous revoir, ne fût-ce que pour peu de temps, dans ces moments si intéressants, partant dans trois jours pour Vilna, mais je n'ose vous le proposer, sentant parfaitement tout le danger qu'il y aurait pour vous dans cette course.

Ne prenez pour guide dans tout cela que votre prudence, et croyez-moi de cœur et d'âme tout à vous pour la vie. Mille respects de ma part à toute votre famille, à laquelle je porte une sincère affection.

J'ai été empressé de remplir vos désirs envers M. de Rall, et il y a dix à onze mois que je lui ai avancé une somme de 800.000 roubles et lui facilitant encore d'autres remboursements qu'il avait à faire à la Couronne.

B) Письма князя Чарторыжскаго къ Александру I.

5.

Siniawa, ce 23 mai/4 juin 1812.

Sire, Ce n'est qu'hier que Kluczewski est arrivé ici et que je suis en possession de la lettre de V. M. I. du 1er avril et des papiers volumineux qui y sont annexés. Le porteur s'est heureusement tiré des diverses difficultés qu'il a rencontrées, mais il n'a pu arriver plus tôt. Je suis bien au regret du retard forcé que sa course a éprouvée, craignant que V. M. n'ait attendu tout ce temps avec inquiétude et déplaisir une réponse de ma part. Une occasion unique se présente pour vous la faire parvenir, Sire: c'est le passage de M. de Novossiltzoff, dont j'attends l'avis à toute heure, et que je compte aller voir à quelques postes d'ici, afin d'éviter, s'il est possible, l'esclandre que notre entrevue pourrait causer. Les difficultés de communications avec la Russie augmentent journellement; il devient même dangereux de les surmonter, et j'en ai été particulièrement averti: l'article de la lettre de V. M., par lequel Elle veut bien m'informer de l'espionnage qui m'entoure, m'oblige de redoubler de prudence à l'avenir. Novossiltzoff passera aujourd'hui ou demain: il ne me reste que quelques heures pour rassembler mes idées et les exprimer

à la hâte. Il faut me presser et toucher seulement les points principaux de la lettre de V. M., sans m'étendre sur les objets dont elle traite avec tout le détail qu'ils exigeraient.

Quand on est hors du centre des affaires, étranger à leur ensemble, quand c'est de si loin qu'on se parle et qu'entre la question et la réponse il s'écoule des six semaines et plus d'intervalle, tandis que chaque jour amène de nouveaux incidents et des changements continuels à la situation des choses, il est bien difficile, Sire, de hasarder des conseils. Cette difficulté augmente lorsqu'il faut les donner dans un moment aussi décisif: une seule erreur, un mot mal compris portent avec soi un si grand poids de responsabilité, et ma position particulière me la fait craindre plus qu'à tout autre! Ce ne sera donc pas des conseils positifs que j'oserai donner; mais, puisque vous l'ordonnez, Sire, j'énoncerai des opinions, des raisonnements. Ce sera à V. M. I. à faire Ses conclusions.

L'attachement invincible des Polonais pour leur Patrie fait qu'ils tendront éternellement à se réunir et à ravoir une existence nationale. Cette volonté, qui ne cesse d'agir et qui ne se décourage jamais, et les circonstances actuelles semblent conduire nécessairement à une réintégration quelconque de la Pologne, dont le partage fut la première source de toutes les calamités qui depuis ont assailli l'Europe. La lutte qui s'entame, entre autres grands résultats, ne finira pas probablement sans que la Pologne ne renaisse d'une manière ou d'une autre. Le Souverain qui voudra gagner l'affection des habitants devra leur promettre les biens qu'ils désirent; celui qui tiendra sa promesse pourra compter sur leur attachement inviolable. Une constitution basée sur celle du 3 mai, des mesures qui fassent cesser la misère excessive et générale, en réunissant tout ce que l'intérêt public et particulier peuvent faire désirer, seraient sans doute de nature à remplir le vœu de la majorité.

La création d'un Grand-Duché de Lithuanie dont V. M. I. a conçu le projet, eût été, il y a quelque temps, un préalable fort à désirer; mais il eût fallu y procéder il y a un an, lorsque cette œuvre, jusqu'à une rupture probable, pouvait encore produire ses effets et prendre forme et consistance. A l'instant même où le canon va gronder, au milieu des embarras, des désordres, des incertitudes de la guerre, il est difficile et presque impossible d'organiser un nouvel ordre de choses et de le mettre en exécution. Mais si, lors de la déclaration de la guerre, il paraissait un manifeste contenant la promesse solennelle faite à la nation des avantages qu'elle aurait à espérer du Souverain qui lui parlerait, cette publication pourrait produire un grand effet sur les esprits. Si même cet effet ne se manifestait pas par des avantages immédiats, ce serait un germe qui ne manquerait pas de fructifier selon les circonstances. Les événements de la guerre décideraient du moment où l'on pourrait mettre en exécution les intentions bienfaisantes proclamées par le Souverain.

J'ai parcouru les deux projets de Constitution. Il m'est impossible en si peu de temps d'énoncer un avis définitif sur aucune d'elles. Leur fond est à peu près le même, et la majeure partie des articles me paraît bonne. Le projet plus volumineux annonce plus de connaissances locales, mais, à mon avis,

contient quelques détails qui paraissent superflus dans un acte constitutif. Je crois en effet qu'on pourrait amalgamer ces deux projets et qu'il en résulterait un troisième qui vaudrait mieux; mais ce travail demanderait un temps qui me manque. Je doute, je le répète, que dans ce moment-ci vous puissiez vous occuper, Sire, à introduire la nouvelle forme de gouvernement dans celles de vos provinces où s'établira probablement le théâtre de la guerre. Mais si des avantages remportés vous indiquaient le moment d'y procéder, une réunion de quelques personnes éclairées et bien pensantes du pays jouissant de l'estime publique vous fournirait les lumières dont V. M. aura besoin pour choisir entre les deux projets et y faire les changements nécessaires. Ce travail pourrait même se préparer d'avance.

Le choix des personnes employées et consultées influera toujours essentiellement sur le succès des affaires en Pologne. V. M. est surtout intéressée de porter une attention particulière sur ce point afin d'éviter toute ressemblance avec les anciennes opérations de la Cour de Russie dans lesquelles on voyait d'ordinaire figurer les hommes les plus mal famés du pays. Le nom même de M. d'Oginski placé en tête inspirerait de la méfiance sur la solidité et le succès de l'entreprise à cause de la légèreté dont on l'accuse. Ilinski et Worcell ne peuvent du tout être employés chez nous, car ils jouissent d'une trop mauvaise réputation. M. de Wawrzecki serait en état de fournir des renseignements justes sur les individus de marque dignes d'être employés ou consultés.

La bonhomie, la sensibilité, le courage sont les qualités caractéristiques de ma Nation. Au milieu d'une longue anarchie, suite de la plus mauvaise forme de gouvernement, jamais le trône de Pologne n'a été ensanglanté. Les Polonais sont donc incapables d'ingratitude pour des bienfaits reçus. D'un autre côté, la bienveillance et la générosité sont le genre que V. M. a adopté et qui Lui sied le mieux. L'on peut, ce me semble, prendre des mesures propres à assurer la sécurité générale, sans que la bonté qui vous est naturelle cesse d'agir. Il se commettra à l'insu de V. M. assez d'actes de rigueur: pourquoi en augmenter le nombre en les autorisant? Il faudrait au contraire, par la ligne de conduite adoptée, chercher à détruire toute animosité entre les deux nations que l'on prétend réunir. Le parti dont l'armée foulera le moins les habitants se les attachera à coup sûr. D'ailleurs V. M. I. est-Elle bien certaine de la véracité des rapports sur les personnes qu'on Lui rend suspectes? J'ai à citer une preuve frappante du peu de foi qu'ils méritent souvent, par le nombre de dénonciations auxquelles M. de Czacki a été en butte, le plus honnête homme possible, incapable d'aucune action à laquelle l'honneur ou le devoir répugnerait. En général, si les traits de générosité et de bienveillance personnels à V. M. I. n'ont pas produit tout leur effet, c'est qu'ils étaient sans cesse contredits par les dispositions tout opposées du gouvernement et par les vexations continuelles de ses agents subalternes.

Daignez, Sire, vous rappeler qu'il y aura bientôt sept ans que je proposai à V. M. I. pour la première fois de prendre l'avance dans les affaires de Pologne et de s'assurer à jamais de l'attachement de mes compatriotes. Plusieurs circonstances à différentes époques ont depuis lors présenté la facilité

de reprendre ce projet. A mesure qu'elles ont échappé, les difficultés de l'entreprise ont augmenté. Il n'y a que de grands succès militaires qui puissent réparer le défaut des mesures trop tardives, et je ne saurais à cet égard que répéter ce que j'en ai dit dans mes lettres précédentes.

Pardon, Sire, si celle-ci a du décousu et si je n'ai pas su répondre comme V. M. l'aurait désiré aux questions qu'Elle a bien voulu m'adresser. Je crains que Novossiltsoff ne vienne à tout moment me prendre au dépourvu. Comme je compte passer quelques heures avec lui, nous les emploierons à causer sur la crise aux résultats de laquelle tant de pays et d'individus ont attaché leurs espérances et leurs craintes. Je ne crois pas commettre une indiscrétion en ne lui cachant pas les vues de V. M. sur la Pologne, objet dont il est instruit depuis si longtemps. Permettez, Sire, que je me réfère d'avance au compte qu'il vous rendra de notre conversation et qui deviendra un supplément nécessaire à ma lettre.

Avant de la finir, je dois traiter un sujet qui n'est que personnel et dans lequel je voudrais savoir faire parler mon cœur. C'est celui de mon extrême reconnaissance pour la bonté avec laquelle vous daignez vous mettre à ma place et prendre intérêt à la situation cruelle dans laquelle je me trouve. J'ai lu avec une émotion profonde les raisons qui ont engagé V. M. à suspendre la correspondance avec moi, et la manière dont Elle veut bien ne pas insister sur mon arrivée à Vilno. J'ai senti jusqu'au fond de l'âme toute la valeur de cette condescendance, et j'y ai reconnu la preuve de l'ancienne amitié dont vous m'avez honoré, et une délicatesse de sentiment dont, parmi les souverains de nos jours, V. M. est peut-être La Seule capable de donner l'exemple. Tandis que d'immenses armées déjà rassemblées et prêtes à en venir aux mains vont devenir les arbitres de nos destinées, je n'aurais été d'aucune utilité à V. M. et j'aurais cruellement compromis toute ma famille. Grâce vous soit rendue, Sire, de m'avoir permis de rester dans ma retraite! Je m'efforce dans cet asile d'échapper au conflit de sentiments et de devoirs auquel je suis exposé. L'aspect des événements, loin de me tranquilliser sur ce sujet, redouble mes craintes. Patrie, famille, amitié, reconnaissance, opinion publique d'un côté ou de l'autre, tout ce que l'homme doit aimer et révérer dans la vie vont être en jeu, et probablement devenir contradictoires. Depuis le moment où le sort me plaça auprès de V. M. I., Elle connaît à fond toute ma façon de penser, qui, de Son aveu, est devenue la restriction de mon service. Si donc j'avais le temps de L'importuner par tant de détails, vous seul, Sire, apprécieriez complètement les mille circonstances qui rendent ma position et plus difficile et plus douloureuse. Mon seul soulagement est de pouvoir en parler avec un entier abandon à V. M. I. Souvent je me perds dans ce labyrinthe de motifs et d'inquiétudes opposées qui me donnent une fièvre pénible. Déjà je prévois le moment où mes parents seront obligés de se rendre à Varsovie! V. M. croit que Napoléon ne fera jamais rien de grand et de généreux en faveur de la Pologne. Mais si le contraire arrivait! Que faire alors? Quelle position envers sa famille et ses concitoyens, d'être non seulement étranger à leurs efforts, mais d'être même marqué à leurs yeux d'un cachet

hostile!... Peut-être aussi les événements tourneront tout autrement que mes diverses inquiétudes ne me le représentent quelquefois. Je m'en suis d'ailleurs remis à V. M. de décider du moment où Elle trouvera juste de me libérer du service, et je m'en suis remis non comme au Souverain, mais comme à celui qui, dans tant d'occasions importantes de ma vie, m'a permis de placer en lui toute ma confiance.

La Providence prononcera sur la lutte terrible qui s'engage. Elle vous inspirera. Quels que soient Ses décrets, je souhaite que V. M. I. ne se départisse pas de la modération et de la bonté généreuse qui forment la base de Son caractère. Ces nobles qualités ne peuvent jamais nuire, et prêtent souvent à qui les exerce l'aide et l'appui le plus assurés. Je fais des vœux pour votre bonheur, j'en fais pour ma patrie. Que je serais heureux si ces vœux pouvaient se concilier! Quoi qu'il en soit, rien n'empêchera que la reconnaissance et l'attachement que je dois à la Personne de Votre Majesté ne soient à jamais gravés dans mon cœur.

Siniawa, 1/13 juin 1812.

Post-Scriptum. Il y a huit jours que cette lettre a été écrite dans l'attente du passage de M. de Novossiltsoff. Je désespérais déjà de le voir, lorsqu'un billet de sa part m'apprend qu'il se trouve à l'endroit convenu: je n'ai que peu d'instants pour ajouter cette apostille.

J'expédie à V. M. I. ma lettre telle qu'elle est, afin que vous y voyiez, Sire, l'explication du retard de ma réponse et mon désir invariable de remplir vos volontés et de répondre à votre confiance. Mais depuis que cette lettre a été terminée, les événements, comme il arrive communément dans des temps de crise, ont marché d'un pas rapide et les choses ont pris un nouvel aspect quant aux affaires de Pologne.

Napoléon, arrivé à Posen, n'a rien négligé pour gagner les cœurs des Polonais: on leur fait espérer un avenir brillant et heureux; une diète va, dit-on, se rassembler. On met surtout de l'intérêt à rassembler les personnages les plus marquants et les plus considérés dans la nation. Mon père, comme je le prévoyais, a été sommé de se rendre à Varsovie; s'il se fût refusé à cette invitation, il eût encouru le blâme général et des dangers graves pour sa fortune et sa famille. La coopération, avouée maintenant, de l'Autriche aux plans de Napoléon ôtait à mon père toute possibilité d'excuse: il est donc parti hier.

D'après cette tournure donnée aux opérations relatives à la Pologne, il faut s'attendre à tout moment à quelque mesure éclatante dont ma patrie sera l'objet, et, selon toutes les apparences, elle aura eu lieu avant que cette lettre ne parvienne à V. M. I. Toute proclamation ou opération de Sa part tendant au même but me paraîtrait dans ce cas tardive et manquant absolument le but. Cela ne semblerait qu'une invitation faite après coup: je n'en prévois la possibilité et la convenance que dans le cas où des victoires et des conquêtes auraient mis V. M. à même de parler avec la certitude d'être écouté et de produire l'effet désiré.

Je suis resté seul ici en proie à une angoisse inexprimable. V. M. I. sait combien je suis attaché à ma patrie, et combien je lui désire ardemment toutes les prospérités possibles: Elle sait tout aussi bien mon extrême attachement à Sa Personne.

Daignez vous rappeler les sentiments que je dois à mon père, ceux qui m'unissent à toute ma famille, à tant d'amis qui se sont prononcés: déjà, parce que je n'ai pas fait de même, l'on me méjuge et l'on m'en veut. Comment se partager entre tant de sentiments et de devoirs différents et opposés, ou comment les combiner? Quelle peine peut être plus poignante que celle d'être suspect aux siens et regardé comme un apostat de ses premiers sentiments et de ses premiers devoirs! Je confie à V. M. ma pensée tout entière, comme Elle a daigné m'y accoutumer jadis. Vous pourriez, Sire, diminuer en partie le martyre de ma position en m'accordant ma démission absolue. J'adresse cette demande non au Souverain, mais à la Personne dont l'amitié m'a été si souvent secourable et que j'invoque dans le moment le plus important et le plus difficile de ma vie. Si V. M. pouvait me voir ici et juger en détail de ma position, Elle me plaindrait et serait convaincue de la nécessité où je suis de solliciter ma démission. Quel que soit le succès de ma demande, daignez m'en instruire en adressant un mot de réponse par M. Bienkowski, administrateur de nos terres à Męczybor avec ordre de la faire parvenir par une voie sûre. J'espère que le Ciel aura pitié de moi, et que la force des événements me tirera de cette tourmente d'une manière conforme à mon devoir. Le remplir est mon seul désir.

J'ai dit en hâte et sans réserve tout ce que le cœur m'a dicté: je sais qu'on ne risque pas à le laisser parler avec V. M. I. Daignez, Sire, recevoir encore une fois l'hommage de mon attachement et de ma reconnaissance.

---

6 *).

Siniawa en Galicie, ce 15/27 décembre 1812.

Sire, j'ai adressé le 6 de ce mois une lettre sans signature à V. M. I. qui Lui sera probablement parvenue, dont cependant je mets ci-joint une copie.

Les événements de la guerre ayant pris une tournure qui semble décisive, je crains que personne ne veuille à présent plaider auprès de V. M. les intérêts de ma patrie, et je me suis décidé d'expédier M. Kluczewski avec les papiers ci-joints. Puissent-ils contribuer à vous convaincre, Sire!

Je redoute, d'une part, les insinuations des puissances continentales, qui voudront vous détourner d'une idée qui leur fera ombrage et qui est trop belle pour que leurs Cabinets puisse la comprendre. Ce qui me rassure, c'est que l'Angleterre, vu ses intérêts bien entendus et vu la façon de penser du Prince Régent, ne peut manquer de la goûter. D'un autre côté, je crains les

*) Съ черновика, написаннаго карандашомъ рукою князя Чарторыжскаго.

conseils des personnes qui vous entourent, et qui, pour des considérations particulières, seront peut-être contraires au projet, ou bien qui, exaltées par vos succès, oublieront que ce sera la manière la plus avantageuse et la plus glorieuse de les assurer.

Au fond, tout mon espoir est dans vos propres sentiments, Sire. Vous êtes plus que personne maitre du sujet. Il serait donc inutile d'entrer dans de plus longs développements et de prévoir des objections pour y répondre. Je ne saurais m'imaginer que V. M. I., après avoir voulu quand Elle ne pouvait pas, ne veuille plus à présent quand Elle peut tout ce qu'Elle voudra. Ce sont des moments qui ne reviennent pas dans la vie.

Si V. M., au moment où la nation polonaise s'attend à la vengeance d'un conquérant, lui tend la main et lui offre de plein gré ce qui pour elle faisait l'objet du combat, l'effet en sera magique: c'est de quoi je vous réponds, Sire. Il surpassera votre attente; vous en serez étonné et touché.

S'il vous convenait de suivre l'idée relative au Grand-Duc Michel, je prendrais sur moi de tout signer sans retard et de répondre que tout ce que vous exigeriez serait rempli.

Je crois qu'il est de mon devoir de ne pas cacher à V. M. I. qu'une source continuelle d'inquiétude et de frayeur pour les Polonais, c'est le Grand-Duc Constantin, qui est votre successeur apparent. Et c'est pourquoi ils préféreraient une autre tige. En effet, un Roi de Pologne qui aura trois cent mille Russes à ses ordres, dès qu'il voudra ne pas respecter les lois, ne pas tenir ses promesses, dès qu'il voudra détruire ce que son prédécesseur aura statué, en sera toujours le maître. C'est cet avenir qui rendra aussi les Polonais si insistants à obtenir une Constitution bien réglée; quoique dans le fond les précautions de ce genre les mieux prises ne pourront pas garantir d'une violence décidée, ni même d'un changement de principe et de volonté dans un Souverain futur de la Russie.

Quel que soit au reste l'arrangement que vous préférerez, Sire, d'après les bases que je vous ai soumises, je crois ne pas trop m'avancer en assurant qu'il se terminera à votre pleine satisfaction.

C'est à V. M. I. à présent à donner l'impulsion, à expliquer Ses désirs, à indiquer les moyens de s'entendre, en un mot, à finir l'œuvre. Je pense avoir tout fait comme polonais pour la préparer.

Pour ce qui est de moi en particulier, quoique, dans l'attente, Sire, d'une réponse de votre part, j'aie refusé jusqu'à présent d'envoyer mon accession à la Confédération, cependant je m'y suis joint par sentiment, j'y ai adhéré de tous mes vœux pour ma patrie, ainsi que les trois lettres que j'ai adressées à V. M. I. le témoignent. Ce n'est pas sans doute tandis que mes compatriotes croient voir approcher le moment où leurs intentions les plus droites, leurs sacrifices les plus héroïques, leurs pertes les plus sensibles ne seront suivis que par des malheurs plus grands encore; ce n'est pas, dis-je, lorsque toutes les espérances de mon pays semblent péricliter, que j'irai me rétracter et renier devant V. M. une cause sacrée pour tout polonais et qui restera belle et juste si même elle ne cesse d'être malheureuse. Si vous nous tendez la

main, Sire, je veux éprouver en plein le ravissement de mes compatriotes; si vous nous rejetez, je partagerai leur affliction et leur désespoir.

Je supplie de nouveau V. M. I. de m'accorder mon congé absolu, que j'ai demandé bien avant la guerre pour des raisons particulières et que tous les motifs réunis me font solliciter aujourd'hui. V. M. ne peut plus en avoir pour me refuser ma demande, quelque tournure qu'Elle veuille donner aux affaires. Cependant s'il faut me rendre auprès de vous, Sire, pour défendre la cause de mon pays, si vous croyez que ma présence pourrait lui être utile, je suis prêt à entreprendre ce voyage.

V. M. ne se rapprochera-t-Elle pas du théâtre des événements pour être plus à même de les diriger? Voulez-vous, Sire, que je fasse de premières ouvertures à la Confédération et au Gouvernement de Varsovie? Voulez-vous y employer quelque autre? Ne vous conviendrait-il pas que je sois chargé de leur part à conclure l'arrangement? Dans ce cas, j'enverrais bien vite mon accession à la Confédération, et, muni de leur confiance, je leur obtiendrais bientôt la vôtre.

Si vos intentions sont favorables, Sire, daignez me les faire connaître en toute hâte; mais surtout, et avant tout, donnez vos ordres en conséquence à vos généraux [1]). *En tardant de traiter et en ne s'y prenant pas bien, on risque que l'armée polonaise, qui déjà se réorganise, et une foule de militaires distingués ne suivent la retraite des Français et leurs drapeaux. Outre que ce serait une perte très réelle, ce corps deviendrait un nouveau noyau pour les entreprises futures de Napoléon.* Mon conseil serait que V. M. I. donne au plus tôt à Son armée des instructions analogues à ce que contient l'annexe A, et qu'en même temps vous me fassiez parvenir les articles préliminaires que vous croyez, Sire, pouvoir accorder, signés de votre main. D'autres points qui demanderaient une discussion ultérieure pourraient être réglés à la suite de cette première démarche. Fort éloigné en toute occasion de prendre sur moi au delà de mes moyens, je crois dans celle-ci que personne n'en aura davantage que moi pour combiner les choses et les finir promptement d'accord avec les désirs des deux parties: veuillez seulement m'instruire des vôtres. Si V. M. fait appeler le porteur de ces paquets, il sera en état de répondre à Ses questions et de donner des éclaircissements sur plusieurs points.

Quelles que soient vos dispositions, Sire, je supplie V. M. de se rappeler que c'est à Elle seule que je me confie: je La conjure de ne pas me compromettre, ce qui pourrait m'attirer les désagréments les plus sérieux.

V. M. est dans ce moment au comble du bonheur et de la gloire. Quelque attachement que je porte à Votre Personne, il ne me reste, pour ainsi dire, aucun souhait à former pour vous.

Apostille.

J'ajouterai encore que mon expédition se réduit à vous engager, Sire, à m'instruire de vos intentions actuelles relativement à la Pologne, et à vous

[1]) Курсивъ означаетъ пропуски въ изданіи Мазада переписки князя Чарторыйскаго съ Императоромъ Александромъ I.

prouver la nécessité d'arrêter conditionnellement sans retard des articles préliminaires conformes aux bases indiquées, tout au moins au projet de l'annexe A. Dès que j'aurai appris à quoi vous consentez, ce que vous offrez et ce que vous désirez, je serai en état de m'avancer et je saurai agir. Pour ne pas perdre un temps d'autant plus précieux que les communications sont longues et difficiles, je propose que V. M. I. m'envoie de suite lesdits articles préliminaires signés, afin que j'aie en main de quoi inspirer de la confiance. Le reste marcherait de soi-même et serait convenu successivement.

Elle voudra bien aussi me marquer si les troupes russes pourront continuer la campagne d'hiver, comment elles la dirigeront, jusqu'où elles comptent la pousser; et combien de troupes sont destinées à la faire? Etes-vous décidé à continuer la guerre jusqu'à la paix générale? A quoi vous attendez-vous de la part de l'Autriche? V. M. I. ne me donnera des éclaircissements sur ces points qu'autant que vous croirez qu'ils pourront être nécessaires pour concerter un plan d'exécution aussitôt que les articles préliminaires auraient été éventuellement arrêtés.

Il y aura sans doute des personnes qui auront le droit de demander que leur situation, leur rang, soient assurés. Sur cela, en temps et lieux, je prendrai sur moi de promettre ce qui sera convenable et indispensable pour arriver au but. V. M. I. ne me désavouera pas.

La conquête du Duché ne pourrait pas s'opérer sans peine et sans perte: les Français veulent absolument conserver ce point. L'armée et les habitants voient leur position, mais ne sont pas abattus: ils sont décidés à soutenir les plus dures extrémités, plutôt que de délaisser la cause de la Patrie. Il dépend de V. M. de tourner à son profit ce patriotisme noble et courageux.

Le mouvement Jacobinique qui a eu lieu à Paris doit aussi faire naître de sérieuses réflexions. S'il y avait une révolution en France, il est très probable qu'elle s'étendrait sur une grande partie de l'Allemagne, où les esprits sont fort montés dans ce sens. N'est-ce pas encore une très forte raison d'arranger le Nord de manière à n'avoir à craindre aucune vicissitude, aucun orage?

Si les choses peuvent s'arranger, je pense que je serai beaucoup plus utile en ne bougeant pas d'ici, que si je me rendais auprès de V. M., ce qui ne manquerait pas de donner l'éveil. Il est important de l'éviter: les Français vont redoubler de surveillance et de sévérité. Si V. M. est décidée à donner aux affaires de Pologne une tournure malheureuse, je me flatte qu'Elle m'a conservé assez de bonté pour ne pas me faire entreprendre inutilement un voyage dispendieux et très pénible pour ma santé. Dans tous les cas, je supplie encore une fois V. M. I. de ne pas me compromettre d'aucune manière, et de couvrir toute cette affaire d'un voile impénétrable.

IV.

Письма и записки Императора Александра I къ князю А. Н. Голицыну *).

1.

Tilsit, le 21 mai 1807.

J'ai reçu votre lettre qui m'annonce l'accident survenu au Père Ozeretzkowsky **), et je profite du premier moment de libre que j'ai pour vous en faire mon compliment de condoléance. J'acquiesce à la proposition du Synode de nommer *ad interim* le Père confesseur; pour le successeur réel, je m'en remets entièrement à votre choix. Je n'ai pas confirmé le papier du Synode que vous m'avez envoyé, puisque c'est un rapport et non un *Doclad.* Voici la première fois de ma vie que j'écris moi-même relativement à des affaires aussi saintes, et je m'en sens tout édifié. Nous nous portons tous, grâce à Dieu, très bien et tâchons de passer notre temps le moins ennuyeusement possible, ce qui n'est pas mal difficile. L'inaction de l'armée est tuante et me désespère, mais je me suis fait une loi de ne gêner en rien le général (Bennigsen), et c'est pour cela que je me trouve à quelque distance du quartier général.

En vous souhaitant bien du plaisir pour votre course, je suis tout à vous.

Les deux archevêques pour lesquels vous m'avez demandé des congés n'ont qu'à profiter selon leur bon plaisir.

2.

Vilna, le 21 avril 1812.

Воистину воскресъ!

Je vous suis bien reconnaissant, mon cher ami, pour le petit mot qui accompagnait les livres. Je l'ai senti dans toute sa valeur. Je vous sais aussi

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки. Приложенія V и VI составляютъ все, что удалось найти изъ переписки Александра I съ княземъ А. Н. Голицынымъ.

**) Озерецковскій, Павелъ Яковлевичъ, первый по времени оберъ-священникъ арміи и флота, † 12 мая 1807 г. отъ апоплексическаго удара. Его преемникомъ былъ назначенъ 20 іюля I. С. Державинъ. Въ промежутокъ же со дня его смерти до этого назначенія управленіе военнымъ духовенствомъ было поручено духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеру С. Θ. Θедорову (Боголюбовъ, „Очерки изъ исторіи управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ......", СПб., 1901).

beaucoup de gré pour tout ce que vous me dites dans votre lettre. C'est me rendre un véritable service que de me parler de la sorte, et je vous prie instamment de continuer avec toute franchise.

Le service divin est plus que pitoyable ici. Les miens ne sont pas arrivés encore; j'en compte faire des instituteurs pour ici.

Chez nous, du reste, rien de nouveau. L'armée est dans le meilleur esprit, l'artillerie superbe. Aucune négociation n'est probable, car les seules bases sur lesquelles je veux traiter ne seront jamais acceptées. Du reste, si honorablement et avantageusement la guerre peut être évitée, cela sera un service essentiel à rendre à notre patrie, car une lutte pareille est un fléau très grand dans les plus heureuses chances même. Mais tout fait croire que la Providence l'a résolu ainsi et nous nous y préparons avec tranquillité d'âme et courage, mettant toute ma confiance dans Dieu et Sa miséricorde.

Adieu, tout à vous.

3.

Vilna, le 5 juin 1812.

Je suis bien charmé de vous avoir fait plaisir en adhérant à votre demande pour l'église. Votre lettre m'en a fait un très grand; j'ai pleine confiance dans les paroles qui la terminent, j'y ai puisé même une véritable consolation et je m'en remets avec abandon à la volonté de notre Créateur.

La bagarre va commencer sous peu, nous nous attendons tous les jours à être attaqués. Nous sommes tout prêts et ferons notre devoir de notre mieux. Dieu décidera du reste. Tout à vous de cœur et d'âme. Continuez-moi de temps en temps vos lettres. Mes respects à Mme Gourieff et Mme Nesselrode.

4.

Samocha, 23 juin 1812.

Tolstoï a été témoin de la profonde émotion que m'a causée votre lettre du 18. Dans des moments comme ceux dans lesquels nous nous trouvons, le plus endurci éprouve, je crois, un retour vers son Créateur: qu'est-ce donc pour ceux qui, dans les moments les plus calmes et les plus tranquilles, y ont trouvé leurs plus douces jouissances? Dites-vous donc que, pour m'acquitter de ce devoir sacré et en même temps si cher à mon cœur, le temps ne me manque jamais: je me livre à ce sentiment si habituel pour moi, je m'y livre, dis-je, avec une chaleur, un abandon, bien plus grands encore que par le passé. J'y trouve ma seule consolation, mon seul appui. Aussi c'est ce sentiment seul qui me soutient, qui me ranime, qui me fait envisager avec résignation les décrets de la Providence.

Vous, et celle que je regarde comme ma compagne et qui partage mes principes sous ce rapport, sont les seuls êtres avec lesquels je me laisse aller

à l'expression de ce qui se passe dans mon cœur. Aussi je reçois votre lettre avec un véritable contentement.

Grâces à Dieu, tout va chez nous comme cela doit aller; dans quelques jours les événements seront plus marquants et plus décisifs. Adieu; tout à vous de cœur et d'âme.

5.

Vilna, le 18 décembre 1812.

Voici des explications sur l'individu avec l'image. Il serait bon cependant que vous le vissiez. Il est chez Viasmitinof. Tout à vous.

6.

Orany, le 28 décembre 1812.

Mille grâces pour vos vœux. Puissent-ils me porter bonheur! De mon côté, journellement je travaille sur moi pour m'en rendre moins indigne. Grâces au Tout-Puissant, tout va on ne peut mieux. Königsberg est à nous.

Tout à vous. Votre cadeau m'a fait le plus sensible plaisir.

7.

Lyck, le 9 janvier 1813.

Voici une lettre que j'ai reçue de ma femme. Son contenu vous apprendra de quoi il s'agit. Si je m'adresse sur ce sujet à Viazmitinoff, je suis sûr que des maladresses sans fin seront commises et qu'au bout je n'apprendrai rien. N'y a-t-il pas moyen, en montrant cette lettre de ma femme à Lénivtzoff, de l'engager à voir un peu de quoi il peut être question? Ce n'est qu'à titre d'amitié que je le demande, sachant qu'il le connaît. Au reste, plus que jamais je me remets à la volonté de mon Dieu et me soumets aveuglément à Ses décrets. Tout à vous de cœur et d'âme.

A propos de Labzine, je n'ai pas été édifié du choix que Schigorine a fait de ses conseillers: Sacharoff et Labzine me portent à penser que le reste qui m'est inconnu est à peu près dans le même genre. Je crains un peu qu'il ne sorte de tout cela quelque galimatias gênant.

8.

Plotzk, le 25 janvier 1813.

Des marches continuelles m'ont ôté tout moyen de vous remercier pour votre lettre du 1er janvier et pour tous les souhaits qu'elle contient. Puissent-ils se réaliser! J'ai joui véritablement de ce que vous et Lénivtzoff m'avez

compris. Ce qui est exprimé dans les Manifestes est parti du plus pur de mon cœur. Priez notre Sauveur de ce qu'Il me raffermisse dans cette voie, que je suis déjà par conviction plénière.

Votre dernière lettre sans date dans laquelle vous me rendez compte de l'ouverture de la Société de la Bible m'a intéressé et ému au delà de toute expression. Que l'Etre Suprême bénisse cet ouvrage! Je le regarde de la plus haute importance et je crois votre manière d'envisager, que l'Ecriture Sainte elle-même remplacera les Prophètes, parfaitement juste. En général cette tendance de tous les côtés à ce qui peut nous rapprocher du vrai règne de Jésus-Christ me cause une jouissance véritable.

Faites travailler les meilleurs architectes aux projets de mon Temple, et envoyez-moi vos idées sur les Images et l'Autel. Puisse ce Temple être le véritable Temple de notre Sauveur et puisse-t-il servir à réunir les hommes au vrai Culte!

Tout à vous.

Prenez tout l'argent nécessaire pour la publication des Bibles.

9.

Kalich, le 15 février 1813.

J'accepte avec plaisir une place entre les membres de la Société de la Bible. Grâce à Dieu, tout va très bien chez nous, et nous nous reposons et nous réorganisons pendant que les routes sont impraticables.

Tout à vous de cœur et d'âme.

10.

Kalich, le 26 février 1813.

Vous saurez déjà l'occupation de Berlin. Gloire au Tout-Puissant!

Je fais mes dévotions, et avec moi beaucoup de soldats. Nous écoutons les prières ensemble. Notre service divin se fait admirablement. J'ai réussi dans ce que je désirais, et c'est nos musiciens de régiment qui chantent de manière à ne pas céder aux chantres de la Cour. Cette masse de monde priant ensemble avec ferveur et onction est vraiment édifiante, et mon cœur jouit en plein.

Le médecin Muller m'a prié de tenir sur les fonts de baptême chez lui. Remplacez-moi, je vous prie.

Avant de finir, pardonnez-moi ce que j'ai pu commettre vis-à-vis de vous pour que je m'acquitte en paix d'un devoir qui ne m'a jamais paru aussi sacré que cette fois-ci. Tout à vous de cœur et d'âme.

11.

1er mars 1813.

Je viens de finir mes dévotions. Jamais je ne les ai faites avec le sentiment que j'ai éprouvé cette fois-ci.

Je vous envoie les papiers inclus. Il m'est impossible de décider maintenant la place pour l'Eglise à Moscou, n'étant pas assez au fait des localités.

Tout à vous de cœur et d'âme.

12.

Dresde, le 17 avril 1813.

Mille grâces, mon cher ami, pour votre lettre sur Pâques. C'est du fond de mon cœur que je vous réponds: *Воистину воскресъ!* et plût à Dieu que cela ne soit pas une vaine expression!

C'est samedi 12, après la messe, par conséquent après *Воскресни Боже,* que nous avons fait notre entrée à Dresde, et à minuit nous avons chanté sur les bords de l'Elbe *Христосъ воскресъ.* Il me serait difficile de vous rendre l'émotion dont je me sentais pénétré en repassant tout ce qui s'était passé depuis un an et où la Providence Divine nous avait conduits.

A côté cependant de ces sensations de plaisir et de gratitude envers notre Sauveur, nous nous préparons avec soumission à une épreuve difficile. Le maréchal, à la suite d'un appétit souvent immodéré, s'est refroidi très sérieusement, et sa maladie a pris le caractère d'une fièvre nerveuse. C'est vous dire qu'il nous donne les plus vives inquiétudes: Hufeland et Wylie lui prodiguent leurs soins.

Voici une lettre de ma belle-sœur *) avec une incluse. Il me semble que, comme cet homme doit se trouver en Amérique où il passera le reste de ses jours avec ses enfants, s'ils sont élevés dans notre religion, c'est les exposer à manquer des moyens d'en observer le rite. Si donc la chose est faisable, annoncez-la, je vous prie.

M. Spada désire être placé à la censure; il se trouve auprès du comte Kotchubey, où il conservera sa place. Annoncez la chose, et signifiez, après vous être abouché avec lui, les ordres nécessaires à ce sujet à qui il appartient.

Le baron Stroganoff, surnommé le Petit **), celui qui est perclus, a fait venir d'Italie quelques objets d'art. Dites à Gourieff de les laisser passer.

Tout à vous de cœur et d'âme.

---

*) Принцессы Амалии Баденской.

**) Баронъ Александръ Сергѣевичъ (1771—1815).

Письмо Принцессы Амалiи Баденской.

Ce 5 avril 1813.

Mon cher frère, J'ose croire que vous ne m'en voudrez pas de m'être chargée de vous présenter cette lettre. Elle est de M. Fischer, négociant américain, qui, à ce qu'on m'assure, vous est même personnellement connu.

Il désire épouser, comme vous verrez par sa lettre, une demoiselle russe, parente de Mme Krudener, et, comme étant votre sujette, il vous en demande la permission. Mais ce qu'il n'a pas osé ajouter, et ce qui cependant fait l'objet principal de sa sollicitude, c'est qu'il désire que ses enfants à venir puissent être de sa religion à lui, d'autant plus qu'il compte retourner dans sa patrie au bout de quelques années. On lui a dit aussi qu'il serait obligé de se faire naturaliser russe en épousant cette demoiselle, ce qui, avec la religion de ses enfants, s'ils doivent être élevés dans celle de ce pays-ci, l'obligerait à renoncer pour toujours à sa patrie et lui causerait une peine sensible, car tous ses parents s'y trouvent encore. Cela pourrait même, pour cette raison, devenir un obstacle insurmontable au mariage qu'il désire contracter et auquel les deux parties attachent tout leur bonheur. Le prince Galitzine et l'Archevêque, auquel il s'est adressé pour cet objet, lui ont répondu que votre permission seule pourrait lever l'obstacle, et, plein de confiance en votre bonté, il ose par ma voix vous demander une grâce qui peut seule assurer sa félicité. Mme Krudener, dont vous connaisez l'activité pour obliger, a passé ce matin la rivière en bateau pour m'apporter cette lettre en me priant de vous l'envoyer le plus tôt possible. Je ne veux pas abuser plus longtemps de votre complaisance à me lire, et je finis, mon cher frère, en me recommandant à votre souvenir et à la continuation de votre amitié qui est pour moi du plus grand prix. Amélie.

13.

Peterwaldau, le 3 juillet 1813.

Comment est-il possible, mon cher ami, d'être assez déraisonnable pour chercher des causes à ce que je ne vous ai pas répondu à une ou deux de vos lettres? Je vous donne ma parole d'honneur qu'il n'y en a pas d'autres que l'impossibilité absolue par manque de temps de le faire, surtout depuis la mort du Maréchal. Loin de vous en vouloir pour votre franchise, je vous en sais gré au contraire et vous prie même instamment de continuer, de même que nos entretiens spirituels.

Je tâche tout doucement d'avancer dans une voie qui seule fait toute ma consolation et mon appui.

Tout à vous de cœur et d'âme.

14.

Août 1813.

J'ai reçu votre lettre du 10 août, et j'ai donné tout de suite les ordres à Gourieff pour qu'il vous délivre 5000 r. Grâces au Tout-Puissant, les choses vont bien chez nous, et l'ennemi a déjà perdu 226 pièces d'artillerie sur différents points. Nous, pour notre part, nous en avons eu le 18 de ce mois 81. La Garde s'est couverte de gloire.

Je ne serai pas fâché cependant quand je me trouverai dans votre église à rendre grâce au Créateur pour tous Ses bienfaits. Tout à vous de cœur et d'âme.

15.

Töplitz, le 7 septembre 1813.

Voyez un peu ce que c'est que cet Archimandrite qui s'est adressé à Barclay? Le nom me paraît ressembler à celui de ce mauvais sujet qui a été placé par feu l'Empereur à un couvent dans le Gouvernement de Pskoff qui, je crois, a été affecté à l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem, personnage que le Synode a ensuite privé de sa place et renvoyé dans un autre couvent. Chez nous, grâce à Dieu, tout continue à aller à merveille, et dans l'espace de ces cinq derniers jours, nous avons pris dans de petites affaires trois généraux français, Paillard, Kreutzer et Brunet. Tout à vous.

16.

Schweinfurt, le 21 octobre 1813.

Demandez au comte Tatichtchef s'il ne désirerait pas que son fils soit placé à la Cour comme gentilhomme de la Chambre, ou bien dans toute autre carrière civile ou diplomatique?

Dieu Tout-Puissant nous a accordé une victoire éclatante à la suite d'une bataille de quatre jours sous les murs de Leipzig sur ce fameux Napoléon. L'Etre Suprême a prouvé que devant Lui rien n'est fort, rien n'est grand sur la terre, que ce qu'il veut relever Lui-même. 27 généraux, près de 300 canons et 37.000 prisonniers sont les fruits de ces mémorables journées, et nous voici à deux marches de Francfort-sur-le-Main. Vous devez vous dire ce qui se passe dans mon cœur!

Tout à vous pour la vie.

17.

Francfort-sur-le-Main, le 6 novembre 1813.

Quant à Méfody, vous savez que je n'ai pas un grand tendre pour lui. Dites-moi ce que vous en pensez, s'il faut lui continuer les gages pour la place au Synode ou non?

18.

Francfort-sur-le-Main, le 11 novembre 1813.

Défendez en mon mon à Théophilacte de faire paraître l'apologie de la traduction. Je déteste les dissensions, et surtout dans le clergé, et je saurai bien les empêcher.

Malheur à celui qui osera agir en contravention de mes intentions! Je vous autorise, si vous le jugez à propos, de lire même cette lettre au prélat en lui conseillant de prendre garde à sa conduite. Tout à vous.

Faites venir l'archevêque de Tchernigoff *).

19.

Francfort-sur-le-Main, le 26 novembre 1813.

D'après la sincérité que j'ai mise toujours dans mes rapports avec vous, j'ai droit de vous dire que vous avez commis une imprudence. Votre intention a pu être très bonne, mais, dans des cas d'une importance aussi majeure, avant de procéder au moindre changement dans les usages jusqu'ici en vigueur, il fallait nécessairement demander mes ordres.

Je joins ici les rapports de Paulucci. La chose doit être redressée tout de suite, et l'ancien ordre de choses, qui existe depuis si longtemps et qui est regardé comme un privilège, absolument rétabli sur l'ancien pied. J'ai écrit à Paulucci que je vous en avais donné l'ordre; aussi faites en sorte que la chose ne tarde pas un instant.

Je trouve même ces changements entièrement inutiles, surtout dans des provinces où on tient beaucoup à une marche réglée et consacrée par le temps. Ainsi la petite utilité qu'on pourrait retirer de ces changements ne vaut pas les embarras qu'ils produisent d'ordinaire. Tout à vous.

*) Михаилъ, впослѣдствіи митрополитъ Петербургскій.

20.

Freybourg, le 22 décembre 1813.

Je vous envoie, mon cher ami, les papiers inclus, lisez-les avec attention; la personne doit arriver à Pétersbourg. La prochaine fois, je vous en écrirai plus au long, n'ayant pas un instant à moi. Tout à vous.

21.

Vienne, le 5 février 1815.

Je vous envoie une lettre de Mme de Langeron pour que vous me disiez votre avis sur l'objet en question.

Que de grâces j'ai à vous rendre pour *Le Combat Spirituel!* *) J'ai déjà achevé cette lecture et elle m'a causé une jouissance véritable.

Le Tout-Puissant m'a soutenu dans tous les moments difficiles que j'ai eus ici, et nos affaires sont terminées depuis assez longtemps déjà à mon entière satisfaction. Nous achevons le reste de la besogne. Tout à vous.

22.

Le 31 août 1817.

Je vous prie de faire examiner cette affaire avec une sévère attention, en envoyant sur les lieux un employé de confiance. La requête m'a été remise par un des signataires, le lieutenant aux Gardes Douvé, que je connais sous les meilleurs rapports pour avoir servi dans le régiment de Sémenowsky, quand je le commandais moi-même.

23.

Poltava, le 16 septembre 1817.

Je suis très désireux de voir les deux individus dont vous me parlez. Il faut indispensablement les faire venir à Moscou. Mais prenez vos arrangements de manière là-dessus à éviter de fausses interprétations ou des commérages. Tout à vous. Mille choses à M. de Kochéleff.

*) Composé en italien vers 1600 par les Théatins et généralement attribué au P. Lorenzo

24.

Spusk, près de Taroutino,
*ce 28 septembre 1817 *).*

Je suis si excédé des plats panégyriques qu'on me débite à chaque ville où se trouve un évêque, que je suis décidé à les défendre par un oukaze au Synode. En attendant, comme nous sommes à la veille d'arriver à Moscou, je voudrais que vous avertissiez de cela l'archevêque pour qu'il réformât son discours et qu'il fasse plutôt une courte invocation à Dieu ou une espèce de bénédiction, aussi très courte, qu'il nous donnerait à l'entrée de l'Eglise au lieu de ces fades louanges, insoutenables à être entendues par tout être qui sent que le bon et le bien ne viennent que de Dieu, et que ce n'est que le mal qui est notre ouvrage.

Tout à vous.

25.

Varsovie, le 26 mars 1818.

Que *le Tri-Un* soit mille et mille fois loué pour l'issue qu'a prise l'affaire du Métropolite! C'est très particulier, que depuis plusieurs jours j'en avais comme le pressentiment dans mon cœur. Rendez-moi la justice d'avouer que toujours je vous ai répété que j'avais la foi complète qu'en temps opportun Dieu arrangera cette affaire, et je l'aime mille fois mieux arrangée par Lui seul que par nous autres humains.

J'ai signé tous les papiers, que je vous renvoie. Demandez de ma part à Michel **) ses bénédictions et ses prières. Je sens pour lui un sentiment qui peut se rendre difficilement.

Mille choses à M. Kochéleff et à la princesse Mestchersky ***). Tout à vous en notre Sauveur.

Ici, grâces à Dieu, les choses vont on ne peut mieux.

26.

Baydary, le 15 mai 1818.

Je joins ici toute la correspondance du général Viazmitinoff sur Mme de Krudener. Malheureusement je l'ai reçue trop tard pour y porter remède, car les rapports, étant du 10 avril, ne m'ont pu parvenir qu'après avoir quitté

*) На конвертѣ, съ адресомъ: „Статсъ-Секретарю Князю Голицыну" и припискою рукою Его Величества: „нужное", имѣется отмѣтка князя: „Получено въ Клину 29 Сент. 1817 и исполненіе по оному сдѣлано".

**) Митрополитъ Петербургскій.

***) Княгиня С. Мещерская, сестра Анны Сергѣевны Голицыной.

Varsovie. La conduite qu'on a fait tenir à Paulucci est du dernier ridicule. Je suis sûr que c'est encore l'ouvrage de Fock. Il y a huit jours que j'ai expédié exprès un courrier à Paulucci pour avertir les autorités prussiennes qu'il venait de recevoir la permission d'admettre tous ces individus. J'ai tancé Paulucci parce que moi-même, en le quittant cet hiver à Zarskoé Sélo quand je m'en retournais à Moscou, je lui ai nommément dit de ne pas inquiéter Mme de Krudener. Je désire que vous écriviez à Mme Krudener que je regrette beaucoup tous les désagréments qui lui sont arrivés, qu'il m'était impossible de les prévoir, car je l'avais supposée instruite des formalités observées en Russie pour l'admission des étrangers, que tout cela était arrivé parce qu'elle avait négligé de s'y conformer, mais que j'avais donné des ordres, dès que j'ai été informé de la chose, d'admettre tous ces individus et d'en faire écrire aux autorités prussiennes.

Tout à vous en Notre Sauveur.

27.

Aix-la-Chapelle, le 28 octobre 1818.

Je vous envoie une lettre adressée à Wolkonsky du couvent de Solovetzkoy. Il faudra faire chercher cet homme. Il paraît qu'il s'y passe des désordres.

Je viens d'être informé que deux quakers des plus estimés de la Société, et que j'ai beaucoup connus à Londres, se nommant M. Allen et M. Grillet, vont arriver à Pétersbourg. Tâchez de les bien recevoir et de leur accorder toute l'hospitalité et la cordialité possibles. Comme de raison, vous vous entendrez à ce sujet avec M. Paterson et avec le quaker chargé des défrichements.

Je vous envoie de même un papier que la perlustration m'a fourni. Voilà encore un homme sur la bonne opinion duquel il faut revenir! Montrez ce papier à M. Kochéleff, auquel vous ferez mille compliments de ma part, et vous lui direz que, grâce à la bonté Divine, tout continue à aller très bien chez nous, et les difficultés qui se présentent parfois sont détournées par l'inépuisable et miséricordieuse assistance de Celui qui ne refuse jamais à ceux qui mettent leur unique confiance et toute leur foi en Lui.

Rendez, je vous prie, l'incluse à la princesse Mestchersky. Tout à vous en Notre Sauveur.

28.

Kargopol, le 4 août 1819.

Je porte des regrets sincères à M. Kozodavleff. Je vous prie de les exprimer de ma part à sa veuve.

J'ai signé les deux rescrits. Mille compliments à M. Kochéleff.

Mon voyage va, grâce à Notre Sauveur, on ne peut mieux. La température est délicieuse, et j'ai trouvé ce pays bien plus beau qu'on ne s'imagine, des habitants excellents, en général beaucoup de très bonnes choses.

Continuez à m'envoyer les papiers de la poste, mais ayez soin de marquer sur l'enveloppe que ce sont *les Papiers de la Poste*. Tout à vous en Notre Sauveur.

29.

*Pélignier *), le 12 août 1819.*

J'ai à peine le moment de vous dire que je suis tout à fait de votre opinion et que, d'après l'Acte de Famille, Maria Nikolaewna doit suivre Michel **). Il semble que nous ne pouvons suivre aucune autre règle que celle prescrite exactement par l'Acte de Famille. Une seule déviation pourrait en entraîner d'autres, et l'ouvrage de feu l'Empereur serait gâté! Tout à vous.

30.

Tchougouef, le 31 juillet 1820.

Je joins ici les papiers que m'a remis M. Lwoff, que j'ai dû envoyer à ma Mère et qu'elle vient de me restituer en me demandant de lui communiquer la copie des deux oukazes que vous aviez préparés. Je ne peux pas me rappeler si vous les avez conservés chez vous, ou bien si vous me les avez rendus. En tout cas, pour ne pas perdre de temps, comme vous devez en avoir les brouillons, faites m'en faire un nouvel exemplaire au net, pour que je puisse les signer et vous les renvoyer. Mais comme cela durera trop longtemps, alors vous pouvez remettre à M. Villamoff des copies certifiées par vous, comme si vous aviez déjà reçu ces papiers signés par moi. Et moi j'aurai soin, quand vous m'enverrez les oukazes pour les signer, d'y mettre la date d'aujourd'hui ainsi que le lieu d'où je vous écris. Cela fera gagner au moins quinze jours.

Bien des choses à M. Kochéleff. Tout à vous en Notre Seigneur.

31.

Varsovie, le 23 août 1820.

Je profite du premier instant de libre que j'ai pour vous adresser ces lignes. C'est avec le plus grand intérêt que j'ai lu tous les papiers que vous

*) Въ Финляндіи, гдѣ-то на пути между Сердоболью и Куопіо.

**) Т.-е. по ектиньѣ мѣсто Великой Княжны Маріи Николаевны слѣдуетъ непосредственно послѣ Великаго Князя Михаила Павловича.

m'avez envoyés depuis notre séparation. Remerciez-en, je vous prie, M. Kochéleff, dites-lui que c'est pour ménager ses yeux que c'est à vous que j'adresse ces lignes, mais pour que vous les lui lisiez. Tout ce qu'il m'a écrit ainsi que ce qu'il m'a fait parvenir par vous m'est allé droit au cœur, et j'ai la *conviction* que tout est *venu d'ordre*.

Les temps sont marquants et le deviennent tous les jours davantage. Que Son Règne arrive!

Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Seigneur.

32.

Varsovie, le 23 août 1820.

J'ai reçu les papiers, que je joins dans une autre enveloppe, de la part de D. Galitzine *) sur la construction de l'Eglise à Moscou. Vous y verrez qu'il propose un autre moyen. J'ignore si ses calculs sont justes, et surtout si le nombre de travailleurs sera suffisant? Examinez le tout; peut-être même faudra-t-il que vous en écriviez à l'architecte. Je suis au regret du retard que cela met à l'affaire, mais en cela comme en toute chose, que la volonté de Dieu soit faite! Peut-être est-ce en analogie avec le sentiment de M. Kochéleff sur les *Temples construits de mains d'hommes*.

33.

Varsovie, le 22 septembre 1820.

Je vous renvoie les deux papiers que vous m'avez envoyés et que j'ai lus avec le plus grand intérêt. Il me semble qu'il sera inutile de parler à ma Mère sur la quakeresse arrivée, car les écoles pour les filles des soldats de la Garde sont déjà toutes formées. Ce sont les seules que ma Mère se proposait d'établir et dont j'ai parlé dans le temps à M. Allen. Mais cette quakeresse pourra nous être très utile pour l'enseignement des institutrices destinées pour les écoles de femmes, quand une fois nous commencerons à en établir pour les pauvres de la ville, et qui ne doivent relever que du ministère de l'instruction publique. Il faut donc que jusqu'à mon arrivée elle reste chez Willen, et après nous déciderons, à l'aide de Dieu, comment nous devrons procéder.

Mille choses de ma part à M. Kochéleff. Je m'unis journellement à vous deux et je donne tous les moments que je puis économiser de mes occupations d'affaires à mes lectures spirituelles, pour lesquelles je sens un besoin plus grand que jamais.

Vous saurez déjà qu'une réunion entre les Souverains a été décidée à Troppau. Les circonstances sont bien marquantes. Je prie sans cesse Notre

*) Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ.

Divin Sauveur qu'Il m'éclaire, qu'Il me guide, qu'Il me donne la consolation de remplir uniquement Sa volonté. Priez vous deux de votre côté. Eclairé *le Tri-Un*, les résultats peuvent être immenses. Sans Son aide, tout sera inutile.

Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Sauveur.

34.

Любочня, 6 octobre 1820.

Je vous envoie les papiers sur la bâtisse de l'Eglise à Moscou.

Comme de raison j'ai approuvé l'„Учреждение". Mais il faut qu'en l'envoyant au gouverneur militaire de Moscou, vous lui écriviez de ma part que je n'ai pu m'en tenir au plan qu'il me proposait, puisque par ce plan, il aurait fallu de nouvelles sommes exigées pour les matériaux, que le ministère des finances n'est pas en état de fournir.

Ayant demandé à Volkonsky des renseignements sur le colonel Korsakoff, il m'en a dit un bien infini. En conséquence, j'ai fait écrire le Rescrit. Je me suis en même temps arrêté de signer celui sur Rounitch, tant à cause de l'incertitude de ce que le prince Galitzyne prétend exister sur son caractère moral que parce que, d'après l'Etat de la commission que vous avez joint, il ne se trouve d'émoluments d'assignés que pour un seul Совѣтникъ. Si vous tenez que Rounitch fût aussi placé, éclaircissez les doutes qui se présentent sur son caractère avec le prince Galitzyne. Il m'a semblé en outre qu'en rejetant son plan, et en adoptant celui de Witberg, une certaine déférence pour sa présentation sur Korsakoff lui était due.

J'ai lu avec la plus grande émotion les différents papiers que vous et M. Kochéleff m'avez envoyés. Avec l'aide du Sauveur, j'espère en faire le meilleur usage que mon cœur m'indiquera. Les versets que vous avez ouverts m'ont beaucoup frappé et me sont allés droit au cœur.

Dites mille amitiés de ma part à M. Kochéleff. Adieu, cher ami. Tout à vous en Notre Sauveur.

35.

Troppau, le 14 décembre 1820.

Je saisis le premier moment de libre que j'ai pour vous tracer à la hâte ces lignes. La nouvelle sur la maladie de Berckheim, que vous me donnez par votre dernière lettre, m'a vivement affecté. Peut-être est-il prêt à passer dans la véritable vie et d'approcher de Celui qui en est l'unique source. Que la volonté de Notre Sauveur soit faite! Dites à sa femme tout ce que votre cœur, si bon, si compatissant, pour elle en mon nom. J'ai prié et je prie encore journellement pour eux deux.

Vous ne m'avez pas dit un mot de la part de M. de Kochéleff dans votre dernière lettre. Faites-lui mes amitiés. Journellement je me réunis à vous deux aux pieds de Notre Sauveur.

Il a daigné bénir nos premières démarches, et vous verrez par les communications que Kotchubey ou Divoff vous feront, que nous sommes parvenus à tirer le Roi de Naples des mains de véritables assassins. Il s'est embarqué à bord de l'escadre anglo-française et nous arrive par Livourne à Laybach. C'est un résultat majeur, car par là nous avons réuni à nous l'autorité légitime et légale, qui, appuyée par la force armée, et surtout par le secours du Très-Haut, parlera à la partie de la nation qui n'est qu'égarée et se trouve sous la férule de la partie coupable et atroce. Avec l'aide de Dieu, nous espérons éviter même par là une guerre en forme. Ce résultat a été cru impossible pour bien des hommes d'état. Mais tout est possible à Dieu.

Je vis dans une retraite complète. Ma sœur est la seule distraction que j'aie, aux heures des repas ou quand nous avons la possibilité de sortir pour prendre l'air ensemble; le reste du temps au travail ou à mes lectures spirituelles.

Après-demain je pars pour Laybach, m'en remettant complètement dans la volonté du Sauveur pour tout ce qui doit suivre ainsi que pour ce qui me regarde personnellement.

Tout à vous en Notre Seigneur.

36.

Laybach, le 8 janvier 1821.

Je profite du premier moment de libre que j'ai pour vous répondre à votre lettre du 10 décembre et vous remercier pour tous vos vœux que vous faites pour moi. Je n'y ajoute que celui, que Notre Sauveur veuille daigner m'instruire en tout à remplir uniquement Sa volonté.

J'en viens à un sujet qui me peine. Voici la seconde lettre où vous ne me dites pas un mot de la part de M. de Kochéleff: je vois donc que c'est avec intention. J'ignore ce qui cause cette altération dans nos relations de sa part; ce que je puis certifier, c'est que je ne crois pas y avoir donné lieu. Si je puis avoir des torts involontaires, je suis prêt à les reconnaître, pourvu que je les connaisse. Enfin, en cela comme en toute autre chose, je m'en remets entièrement à Dieu et que Sa Sainte volonté se fasse! Je ne me connais pas d'autre désir, d'autre vœu que de la remplir strictement en tout, autant que ma misérable humanité sait la comprendre et me laisse de force pour l'exécuter.

Recevez mes félicitations et mes vœux pour l'année dans laquelle nous venons d'entrer, et puisse *le Tri-Un* éclairer de plus en plus notre marche, en nous épurant toujours davantage de tout ce qui n'est qu'humain en nous. Exprimez les mêmes vœux de ma part à M. de Kochéleff. Au reste tout ce

que je vous écris est toujours comme pour vous deux, et, si je ne lui adresse pas mes lettres, ce n'est que pour ménager sa vue et m'épargner quelques moments, car il faut le double de temps pour écrire dans un caractère tel qu'il faut pour ses yeux. Tout à vous en Notre Seigneur.

Je joins ici un papier sur un désordre scandaleux qui s'est passé à une Eglise à Pétersbourg.

37.

Laybach, le 16 janvier 1821.

Loin de regretter de m'avoir écrit une lettre plus longue que de coutume, vous auriez dû vous dire, cher ami, d'avance tout le plaisir et l'intérêt avec lequel je la lirais. Que le Dieu Tout-Puissant vous éclaire de plus en plus et vous rende de jour en jour plus propre à remplir fidèlement Sa volonté! Il y a longtemps que votre cœur est tout à Lui, et il n'a besoin que *d'âmes de bonne volonté,* comme nous dit l'Ecriture.

Je regarde tout ce que vous m'annoncez comme autant de nouvelles miséricordes qu'il Lui plaît de verser sur nous, et surtout sur vous particulièrement. Tout cela aura son but déterminé et toute chose viendra *en son temps,* pourvu que nous soyons fidèles.

Vous connaissez l'intérêt sincère que je prends à tout ce qui vous regarde: je ne saurais donc vous dire, à plus forte raison, le sentiment avec lequel j'ai reçu tout ce qui fait le contenu de votre lettre du 24 décembre. Que Sa volonté soit faite en toute chose! voilà quelle doit être notre devise en toute circonstance, et de remplir cette volonté d'après notre meilleure conviction doit être notre soin perpétuel.

Mille amitiés à M. de Kochéleff. Que Dieu soit avec vous en toute chose! Amen.

38.

Laybach, le 8 février 1821.

J'ai commencé une lettre détaillée pour vous. Mais elle ne pourra être achevée pour ce courrier-ci. Je ne puis pas disposer de beaucoup de moments pour ce travail par jour, avec la multiplicité de mes autres occupations. Bien des choses de ma part à M. de Kochéleff. Je me recommande à vos prières à tous les deux. Tout à vous en Notre Sauveur.

Si Mme Krüdener est arrivée, dites-lui mille choses affectueuses de ma part, ainsi qu'aux Berckheim.

---

39 *).

Начатое 8 и оконченное 15 февраля 1821 г.

Il y a bien longtemps que je porte le désir, cher ami, de vous écrire une lettre longue et détaillée en réponse aux vôtres du 31 décembre, 14 et 19 janvier. Ayant aujourd'hui un moment à moi, je prends la plume en priant Notre Divin Sauveur qu'Il daigne conduire mon cœur et ma main pour vous la tracer, avec ce langage que l'affection pour vous et la vérité m'imposent.

Mais cette même vérité, quand je la sens dans mon cœur, ne me permet pas de composer avec elle, car la vérité est une portion de la Divinité elle-même.

D'après vos lettres et surtout d'après les commissions dont vous vous acquittez de la part de M. de Kochéleff, je crois apercevoir une désapprobation du système politique que nous suivons dans ce moment.

Je ne saurais admettre que cette désapprobation naisse d'une croyance en vous que les principes désorganisateurs qui, dans moins de six mois, ont révolutionné trois pays et qui menacent de s'étendre et d'embrasser l'Europe entière, dussent être tranquillement soufferts. Cette pensée-là ne peut être que contraire à vos sentiments, puisque ces mêmes principes désorganisateurs, tout en étant ennemis des Trônes, sont dirigés plus encore contre la Religion chrétienne et que c'est elle surtout qu'ils poursuivent, ce dont mille et mille documents authentiques peuvent vous être produits. En un mot, ce n'est que la mise en pratique des doctrines prêchées par Voltaire, Mirabeau, Condorcet et par tous les prétendus philosophes connus sous le nom d'encyclopédistes.

Cette désapprobation donc en vous ne saurait provenir que d'un sentiment de crainte ou d'inquiétude sur le succès de la lutte dans laquelle nous nous trouvons engagés. Mais une crainte semblable doit-elle autoriser à composer avec le mal, quand une voix intérieure nous dit que ce mal est l'œuvre de l'ennemi? Ne sommes-nous pas tenus par un devoir de Chrétiens à lutter contre cet ennemi et son œuvre infernale de tout notre pouvoir et par tous les moyens que la Providence Divine a placés dans nos mains? L'inquiétude sur le succès ne doit pas nous arrêter. C'est là où la foi dans le secours Divin doit nous soutenir. L'année 1812, 1813 et 1814, M. Kochéleff ne m'a-t-il pas écrit plus d'une fois de *persévérer jusqu'au bout?* Nous nous trouvons maintenant dans une situation à peu près semblable, et je disais que le mal actuel est d'un genre plus dangereux encore que ne l'était le despotisme dévastateur de Napoléon, puisque les doctrines actuelles sont bien plus séduisantes pour la multitude que le joug militaire sous lequel il la tenait.

Dans mes lectures spirituelles quotidiennes, j'étais justement au *Livre de Judith* ces jours-ci. Les habitants de Béthulie n'étaient certainement pas de force à résister à l'armée immense que conduisait Holoferne. Ils auraient pu

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, шк. II, п. 5, к. 33, № 1113.

fort bien faire comme le reste des peuples, qui, au lieu de résister, se sont tous soumis. Mais les habitants de Béthulie ont senti en eux que plier sous l'empire de Nabuchodonosor, c'était désespérer dans la Toute-Puissance de Dieu et dans le secours qu'Il accorde à ceux qui mettent *uniquement* leur confiance en Lui *seul*.

Nous avons douté sur la possibilité de l'arrivée du Roi de Naples. Et moi, par contre, j'ai fondé mon espoir qu'elle aura lieu sur les faits suivants. Le Roi s'était ménagé dès le commencement de la Révolution de Naples un moyen de correspondance entièrement secret avec l'Empereur d'Autriche. Cette correspondance m'a été communiquée dès mon arrivée à Troppau. Par elle j'ai vu que tout ce que les journaux avaient débité sur le libre acquiescement du Roi au changement qui venait de se passer était complètement faux, que le Roi était prisonnier et sous le poignard des Carbonaris, qu'à chacun des actes de son autorité qu'on avait exigé et extorqué de lui à peu près le stylet sur la gorge, il avait fait une protestation par écrit, et qu'il l'avait adressée chaque fois par ce canal secret à l'Empereur d'Autriche, ne pouvant la rendre publique sans compromettre sa vie.

Dans une de ces lettres secrètes se trouvait une phrase qui m'a frappé. Il y dit qu'il se trouve au pouvoir de ses ennemis et sous leur poignard, qu'il n'a de secours de personne à attendre; néanmoins *sa confiance en Dieu ne s'était pas affaiblie et ce qui paraissait impossible aux hommes ne l'était pas à Dieu, que, mettant toute sa foi en Lui seul, il conservait l'espoir qu'Il ne l'abandonnerait pas.* Dès que j'ai lu ce passage, il y a quelque chose qui m'a dit intérieurement: *Cet espoir ne sera pas déçu, et Dieu ne l'abandonnera certainement pas!*

Aussi, dès ce moment nous avons conçu l'idée d'appeler le Roi près de nous, et, malgré toutes les chances qui s'opposaient à la réussite de cette démarche, j'ai toujours nourri l'espoir qu'elle réussira. Aussi, comme vous le dites, Dieu a béni nos intentions, parce qu'elles étaient pures et parce qu'elles étaient basées sur la foi en Lui seul.

Mais en même temps je manquerais à cette *vérité* qui doit régner dans nos paroles comme dans nos pensées, si je me taisais sur les suppositions gratuites que vous établissez sur la politique du Cabinet autrichien. Quelles données avez-vous pour l'accuser comme vous le faites? Et n'est-on pas responsable devant *ce Dieu de Vérité* de toute inculpation injuste qu'on fait peser sur le prochain sans y être autorisé par quelque preuve? Le fait est que, dès notre réunion à Troppau, le Cabinet autrichien nous a donné une Déclaration formelle qu'aucune pensée d'envahissement ou d'extension de limites, enfin de changement de l'état de possession actuel et garantis par les Traités, n'entrait dans ses vues. C'est là la base sur laquelle nous avons travaillé tout ce temps, et je dirais plus, aucune extension de territoire n'est même possible en Europe depuis les liens qui unissent tous les Etats, car toutes les puissances de l'Europe sont décidées à ne pas tolérer que l'une d'elle s'avisât de changer l'état de possession actuel. Vous voyez donc que vous avez établi une accusation gratuite.

Je vais vous en donner une nouvelle preuve. L'Autriche a poussé la délicatesse au point de donner une Déclaration à la Conférence comme quoi non seulement elle ne demanderait aucune indemnité pécuniaire pour les frais de ses armements actuels, mais qu'elle était décidée à ne pas même l'accepter. Chacun des autres Cabinets a fait une réponse formelle à cette Déclaration pour l'approuver et elle est donc devenue Acte. Cela vous prouvera encore mieux que vos suppositions ont été injustes.

Vous me recommandez de prêcher aux Souverains de livrer leurs cœurs au Seigneur. Cette même *vérité* me commande de vous répondre que le Roi de Prusse et l'Empereur d'Autriche sont religieux du fond de leurs cœurs, qu'ils reconnaissent franchement la Toute-Puissance du Seigneur et en toutes les occasions le confessent hautement. Je n'ai donc aucun mérite de m'entretenir avec eux sur un sujet pareil, puisque c'est une habitude prise entre nous depuis si longtemps. Mais après vous avoir dit cela, je suis également tenu d'ajouter qu'il peut y avoir des nuances dans notre manière d'envisager les choses qui tiennent soit aux différents rites que nous professons, soit au degré d'avancement dans la voie intérieure dans laquelle chacun de nous se trouve, et sur lequel il est bien difficile que chacun de nous s'établisse juge pour les autres.

Bénissons tous plutôt ce Dieu de Bonté, qui a permis que trois êtres placés à des postes comme ceux auxquels nous nous trouvons élevés, s'entendent si franchement, si amicalement sur toutes les questions et soient réunis l'un à l'autre par un lien de cœur fondé sur l'amour que tous trois professent pour le Seigneur. Ensuite abandonnons-nous avec foi à Sa conduite et à Sa direction et *ne gâtons ni le vin ni l'huile* *) en y mêlant de notre propre ouvrage, qui ne serait que tristement humain. Voilà ma profession de foi, je la sens dans mon cœur, et dès lors je ne puis en dévier sans infidélité à Celui auquel je me suis remis en entier.

C'est là la manière dont je puis vous prouver ce que vous me recommandez avec instance, nommément de *me défaire de toute volonté propre*. C'est à quoi toutes mes pensées et mes soins sont voués, autant que ma chétive humanité est capable de le remplir. Je m'abandonne complètement à *Sa direction*, à *Ses déterminations*, et c'est *Lui* qui *amène* et qui *place* les *choses*; je ne fais que suivre en tout abandon, persuadé comme je le suis dans mon cœur qu'Il ne peut mener que vers le but que Son économie a décidé pour le bien commun.

Vous me dites de confesser hautement ce dont je conviens dans mes entretiens avec vous, *que mon unique ressource est le Seigneur*. Mais ai-je tenu un autre langage depuis 1812, époque à laquelle j'ai senti si puissamment dans mon cœur l'appel de mon Sauveur? Avec les Souverains, j'en appelle à tous, tant qu'ils sont, si jamais ils m'ont entendu une autre doctrine, j'en appelle à toute ma correspondance avec eux, qui en fait document. A mes ministres, je ne fais que répéter ce même langage. Questionnez lequel vous

*) *Apocalypse*, chap. VI, v. 6.

voudrez, si jamais ils ont entendu autre chose de ma bouche; enfin aux Peuples, c'est mes Manifestes qui doivent faire preuve que ce n'est encore que ce même et unique langage que je leur ai tenu. Donnez-vous la peine de relire tous ceux qui ont paru, depuis 1812 jusqu'au moment actuel. Ainsi donc, jamais la crainte de l'opinion ne m'a arrêté sur ce sujet et je ne me suis jamais soucié que du tribunal de mon cœur, qui est tout au Seigneur.

Vous me dites de suivre la marche que j'ai suivie depuis 1812 *jusqu'à mon départ pour Vienne*. Vous le dites dans un sens à me faire croire que vous supposez que ce séjour a pu porter quelque atteinte à ma manière de voir ou de sentir! Mais de quel départ pour Vienne parlez-vous? Est-ce celui pour le Congrès en 1814, où nous y avons séjourné pendant huit mois. Si telle était votre idée, vous avez oublié en ce cas que l'idée de la Sainte Alliance m'a été inspirée à Vienne, comme je vous l'ai dit plus d'une fois, pour clôturer le Congrès, que ce n'est que le retour de Napoléon de l'île d'Elbe, survenu à la fin de notre séjour à Vienne, qui m'a fait naître la croyance, qu'il fallait encore différer avec l'exécution de cette pensée jusqu'au moment que cette nouvelle lutte serait terminée à l'aide de la Providence, et qu'enfin c'est à Paris, après que Napoléon s'est trouvé terrassé pour la seconde fois par la miséricorde Divine, que Dieu me mit dans le cœur de réaliser ce vœu que je nourrissais depuis le Congrès et me porta à tracer sur le papier l'acte, tel que vous le connaissez. Aussitôt après mon retour à Pétersbourg, parut le Manifeste par lequel l'Acte de la Sainte Alliance a été publié, et ensuite, plus tard, le 1er janvier 1816, parut celui dans lequel j'ai cru devoir énumérer tous les bienfaits que le Seigneur s'est plu de répandre sur nous pendant cette mémorable époque.

Je crois vous avoir prouvé par tout ce que je viens de vous dire que le séjour de huit mois que j'ai fait alors à Vienne est bien loin d'avoir porté atteinte à mes idées religieuses ou à la confession de ces idées devant le monde entier. Au contraire, c'est depuis cette époque que notre politique, étant basée sur un acte aussi solennel, n'a cessé d'avoir cette intimité entre tous les Cabinets et surtout principalement entre les trois qui ont été les premiers à le conclure, intimité qui a été comme la clef de la voûte et qui a résisté à toutes les tentatives qu'ont essayées contre elle tous les révolutionnaires libéraux, niveleurs radicaux et Carbonaris de tous les coins du monde. Car, ne vous faites pas d'illusion sur cela, il y a une conspiration générale de toutes ces sociétés: elles s'entendent et se communiquent toutes, j'en ai des preuves certaines en main, et c'est depuis qu'elles se sont convaincues que la politique établie entre les Cabinets n'est plus comme celle d'autrefois, que tout espoir de les désunir et par conséquent de pêcher en eau trouble ou de diviser pour régner est évanoui, et que surtout la Religion Chrétienne est devenue la base fondamentale des principes qu'ils professent, dès ce moment, dis-je, toutes ces sectes, qui sont anti-chrétiennes et qui sont fondées sur les principes de la soi-disant philosophie de Voltaire et d'autres pareils, ont voué à tous les gouvernements une vengeance la plus acharnée. Nous en avons vu des tentatives en France, en Angleterre, en Prusse, tandis qu'en Espagne, à

Naples et en Portugal ils ont réussi déjà à culbuter les gouvernements. Mais ce qu'ils poursuivent, c'est moins les gouvernements que la Religion du Sauveur. Leur devise est de tuer *l'Inf* ......, je n'ose même tracer cet horrible blasphème, trop connu d'ailleurs par les écrits de Voltaire, Mirabeau, Condorcet et de tant d'autres semblables. Pour en revenir à vos lettres, je ne peux pas croire que vous entendiez par mon départ pour Vienne le peu de jours que j'y ai passés à mon retour d'Aix-la-Chapelle en 1818. Là, aucune affaire quelconque ne s'est traitée; toutes ont été terminées à Aix-la-Chapelle, et encore terminées d'après les mêmes principes d'union et d'accord intime qui n'ont pas cessé de diriger les Cabinets. La France a été admise à cette même intimité en y faisant cesser l'occupation militaire sous laquelle elle s'était trouvée jusqu'à cette époque.

Il est encore moins possible de supposer que, par mon départ pour Vienne, vous entendiez désigner mon absence actuelle, parce que cette fois-ci j'ai à peine vu Vienne, n'y ayant fait que passer et notre travail s'étant fait à Troppau et à Laybach, comme vous le savez très bien. Ainsi, franchement, je n'ai pas pu comprendre ce que vous vouliez désigner par le *départ pour Vienne*, et encore moins me rendre compte quelle espèce d'influence lui avez-vous pu supposer? Ce dont je peux bien vous répondre, c'est que ces suppositions sont complètement gratuites et destituées de toute vérité et qu'aucune espèce de tentative contre mes opinions religieuses n'a été même essayée.

Je suis complètement d'accord avec vous que l'enfer est déchaîné contre notre marche: c'est tout simple, et tout ce que je vous ai dit plus haut tend à le prouver. Mais c'est précisément comme vengeance de ce que sans déguisement et ouvertement nous nous déclarons Chrétiens et professons la Religion du Sauveur, chacun d'après sa meilleure conception, mais ce que je puis bien répondre, chacun de nous trois le fait de cœur et aussi bien qu'il sait le faire. Vous me dites que l'enfer ne peut attaquer ma foi, qui est profondément enracinée dans mon cœur, je cite vos propres paroles. J'aime à l'espérer, mettant toute mon unique confiance, en cela comme en toute autre chose, dans l'aide du Seigneur. Mais dans une autre lettre vous me dites que „M. Kochéleff est réduit au silence jusqu'à ce que l'Elu agisse avec plus „d'abandon et *de foi*".

Comment concilier ces deux assertions? Tout ce que je puis vous dire, c'est que j'agis complètement d'après *ma foi*, mais il m'est impossible d'agir d'après *la foi d'un autre*. Voilà une vérité qui me semble n'est pas assez sentie. Si j'agissais d'après *la foi d'un autre* et qu'en même temps cette manière d'agir ne serait pas en concordance avec *ma foi*, je crois que je serais criminel.

Cette croyance est, j'ose le dire, d'accord avec St-Paul.

Dans ce moment-ci, j'ai ouvert l'Ecriture pour chercher le passage qui se rapporte à ce que je viens de vous dire, et, en ouvrant le livre, mes yeux se sont portés sur l'*Epître aux Romains*, chap. VIII, depuis le v. 22 jusqu'à la fin du chapitre. Ce n'est pas la citation que je cherchais, mais comme ce

qui s'est ouvert m'a paru si marquant et analogue à ce que je vous écrivais, je vous engage à le lire.

La citation sur laquelle j'appuie ce que je vous ai dit sur *la foi* est dans l'*Epître aux Romains,* chap. XIV, dans le dernier verset 23: *„Il est condamné parce qu'il n'agit pas selon la foi. Or tout ce qui ne se fait pas selon la foi est péché"*. Au reste, tout ce chapitre mériterait d'être lu, puisqu'il explique bien les relations dans lesquelles on se trouve l'un envers l'autre sur tout ce qui a rapport à la foi. D'après ma conviction, je suis bien loin de renfermer la semence pour des prétextes tels que prudence, sagesse, circonspection, etc., mais je sens que je suis dépositaire d'une œuvre sacrée, sainte: je ne dois ni ne puis la compromettre; je dois encore moins être une cause de scandale.

St-Paul dit, *Epître aux Romains,* chap. XIV:

V. 13: *„Ne nous jugeons donc plus les uns les autres,* mais jugez plutôt que *vous ne devez pas donner à votre frère une occasion de chute et de scandale"*.

V. 16: *„Prenez donc garde de ne pas exposer aux médisances des hommes le bien dont nous jouissons"*.

V. 18: „Et celui qui sert Jésus-Christ en cette manière *est agréable à Dieu et approuvé des hommes"*.

V. 19: „Appliquons-nous donc à rechercher ce qui peut *entretenir la paix pour nous,* et observons tout ce qui peut nous édifier les uns les autres".

V. 21: „Et il vaut mieux ne rien faire *de ce qui est à votre frère une occasion de chute ou de scandale, ou qui le blesse parce qu'il est faible"*.

V. 22: „Avez-vous une foi éclairée? *Contentez-vous de l'avoir dans le cœur aux yeux de Dieu.* Heureux celui que *sa conscience ne condamne point en ce qu'il veut faire"*.

V. 23: *„Or tout ce qui ne se fait pas selon la foi est péché"*.

Vous me dites que M. Kochéleff voit qu'il n'y a pas d'harmonie nécessaire dans le lien! Mais en quoi le voit-il? Personne plus que moi ne désire cette harmonie et ne prie Dieu avec plus de ferveur pour l'obtenir. J'ose dire que de mon côté j'ai toujours tout fait pour conserver et maintenir cette harmonie, excepté ce que mon sentiment intérieur me défendait de faire. Encore une fois, il ne dépend pas de moi d'agir contre ce sentiment intérieur; quand il me parle, je dois plier et me soumettre, et il n'y a pas de considération humaine pour laquelle je puisse transgresser ce que ce sentiment intérieur m'indique. Mais, pour revenir à ce que je vous disais sur cette harmonie que M. Kochéleff croit être dérangée, encore une fois, en quoi le voit-il? Est-ce par rapport à Mme Bouche? Car voilà le seul point où nous différons dans la manière de sentir. Eh bien! fidèle à cette *vérité* qui guide ma plume, je vous dirai sur Mme Bouche, que plus d'une fois j'ai été dans le cas de vous dire dans nos conversations que je croyais qu'il entrait parfois beaucoup d'humain dans les paroles de Mme Bouche. J'en ai eu un sentiment très pro-

noncé dans mon cœur. Dépend-il de moi de déraciner ce sentiment intérieur? Ah! bien sûr que non!

Quand il s'agissait de faire partir Dubié pour Berlin, vous vous souviendrez combien j'ai été contre ce voyage: je sentais intérieurement en moi quelque chose qui me disait que cela n'était pas bien. Enfin, par déférence, par soumission à l'opinion de M. Kochéleff et à la vôtre, j'ai fini par ne plus m'opposer à ce départ; cependant j'avais exigé qu'il ne fût pas question de moi dans les pourparlers que Dubié comptait se ménager. En même temps je me suis dit: *Si c'est une œuvre de Dieu, elle se manifestera par sa réussite*, et alors je serai le premier à avouer que mon sentiment intérieur m'a abusé, et dès ce moment je me conformerai avec la plus entière soumission à tout ce qui me sera indiqué. Par des lettres que j'ai reçues de vous à Varsovie, j'ai vu que Dubié se vantait d'avoir été très bien accueilli par le Roi de Prusse, et d'être très content des résultats de ses entretiens avec lui. J'étais donc tout prêt à me croire coupable, et s'est avec ce sentiment que je suis arrivé à Troppau. Mais ma surprise a été complète quand, après un séjour avec le Roi de Prusse de près de quinze jours, me trouvant presque tous les jours avec lui en tête-à-tête et dans des conversations très intimes, je ne lui ai pas entendu me dire un mot sur Dubié ni ses entretiens. Enfin, quelques jours avant le départ du Roi, j'ai rompu la glace moi-même et je lui ai demandé des détails sur ses entrevues avec Dubié. La manière dont il m'en a parlé ne m'a pas laissé le moindre doute que Dubié a transgressé la première condition que j'avais mise à son départ en s'annonçant chez le Roi comme envoyé à lui *par moi*. C'est là la raison pour laquelle le Roi le reçut, mais avec une très grande surprise. Ensuite j'ai eu tout aussi peu de doute que Dubié a été très peu fidèle dans le récit qu'il vous a fait de ses conversations avec le Roi, car, bien loin de pouvoir en être content, le Roi n'a accordé aucune confiance à ce qu'il lui a dit, puisque le Roi lui a demandé quelques preuves de ce qu'il lui avançait et Dubié n'en a jamais pu produire. Le Roi lui a demandé enfin son opinion sur la marche qu'il avait à proposer, et Dubié n'a jamais pu lui rien articuler. Aussi le Roi ne l'a envisagé que comme un aventurier qui n'était pas qualifié à inspirer de la confiance. Cela m'a suffi pour me prouver que mon sentiment intérieur ne m'avait pas trompé quand il s'opposait fortement à ce voyage de Dubié et réprouvait tout autant toutes ces lettres que Mme Bouche a jugé à propos d'écrire et qui n'ont produit plutôt qu'un effet nuisible. C'est là ce que mon sentiment intérieur m'avait dit d'avance, ne m'y faisant envisager qu'une œuvre humaine et non Divine. Celle-ci a au contraire toujours bien marqué par son à-propos et par la manière persuasive avec laquelle elle venait s'adresser à ceux pour lesquels elle est adressée.

Dieu ne se trompe pas en dirigeant Ses missions. Elles sont envoyées là où elles ne peuvent que produire leur effet et elles arrivent avec un caractère à ne pas laisser en suspens ceux auxquels elles sont adressées, quand ce sont surtout des êtres craignant et aimant leur Dieu. Enfin, pour continuer mon objet, fidèle à ce que je me suis imposé, j'ai attendu que l'Empereur

d'Autriche me dise un mot sur ce qui lui est parvenu de cette affaire, mais jusqu'à ce moment il ne m'en a jamais ouvert la bouche. C'est encore un document de plus pour moi de la vérité de mon sentiment intérieur. J'attendrai encore: si Dieu me met dans le cœur de rompre le silence, je le ferai tout de suite; mais je ne le ferai que si j'éprouve cette impulsion, m'étant complètement remis à Dieu seul pour toutes mes actions et mes pensées.

J'ai été étrangement surpris il y a huit jours à peu près en recevant une lettre incluse dans une autre au prince Wolkonsky de Pétersbourg, signée par une Mme Zebrowsky, née Bystrom, sur une affaire personnelle d'intérêt. Toute cette lettre, avec la note sur l'affaire qui y est jointe, se trouve écrite de la main de Mme Bouche. Je la joins ici. Vous verrez que, d'après ce qui est marqué dans la lettre, elle demeure dans l'hôtel de Londres, par conséquent dans le même local avec Mme Bouche. Je vous demande franchement à vous-même: est-ce un rôle qui convient à Mme Bouche que de transcrire des pétitions sur des affaires d'intérêt, et c'est-il analogue à ce mystère sous lequel il était convenu qu'elle devait continuer de rester, mystère dont elle-même parle sans cesse dans ses réponses? Comment concilier deux marches si opposées? Et n'est-ce pas une preuve nouvelle que beaucoup d'humain entre dans ses mobiles?

Si vous pouviez nourrir quelque doute sur ce que j'avance, vous auriez le moyen de tirer la chose au clair en venant d'une manière inattendue chez cette Mme Zebrowsky, comme ayant été chargé par moi de prendre des éclaircissements sur sa pétition, et vous lui demanderiez en même temps qui lui a écrit cette pétition? que cette écriture nous était connue. Quant à moi, plus je l'ai confrontée et plus j'ai acquis la conviction que c'est Mme Bouche qui l'a écrite.

Tout ce que je vous ai cité plus haut sur elle raffermit encore davantage mon sentiment intérieur, d'agir avec infiniment de mesure vis-à-vis des autres Souverains sur un sujet si peu clair encore et sur le principal personnage duquel, ainsi que sur son aide Dubié, je ne puis *avec vérité* rien dire ni de rassurant ni même de certain. Car soyons vrais: comment les connaissons-nous? Qu'est-ce qui a constaté leur mission? Et admettons même les intentions les plus pures de leur part, admettons même la voie la plus religieuse, par conséquent quelques lumières supérieures: d'après cette intime conviction qu'il ne m'est pas possible d'étouffer en moi, il s'est mêlé tant de fois de l'humain de leur part, qu'en conscience je ne puis, sans trahir la vérité et sans agir en sens inverse de ce que me dit mon sentiment intérieur, les recommander aux Souverains Alliés comme des autorités infaillibles ou comme des intermédiaires avérés entre le Seigneur et nous, et en prendre surtout la responsabilité sur moi.

Vous me dites que M. Kochéleff a été frappé par l'incendie de Bruxelles. Mais pourquoi doit-il être envisagé comme un pâtiment *(sic!)* ou un avertissement pour moi? *La vérité* me porte encore à vous dire que je ne partage pas cette opinion. Ma sœur [*]), son mari, leurs enfants sont heureusement

[*]) La Grande-Duchesse Anna Pavlovna

sortis de la maison, personne des domestiques n'a été victime; ainsi je n'ai qu'à remercier Dieu, car quelques effets de brûlés sont une chose bien peu conséquente. Ne serait-il pas plus permis d'envisager cet événement comme un de ces sacrifices miséricordieux que le Seigneur impose quelquefois à ceux qu'Il gratifie d'un très grand bonheur? C'est ainsi que mon cœur l'a envisagé. Ma sœur est aussi heureuse qu'il est donné à un être humain de l'être: le bonheur le plus parfait, des enfants charmants, une situation qu'elle affectionne beaucoup. Souvent, je l'avoue, j'avais quelque inquiétude de ce trop de bonheur. Il me paraît donc qu'un événement de ce genre est salutaire pour eux, pour ne pas se laisser aller à une sécurité trop complète et toujours nuisible, et réchauffer leur recours à ce Dieu de miséricorde. Voilà ce que j'ai senti sur ce sujet.

Vous et M. de Kochéleff semblez nourrir quelques inquiétudes sur les influences papales. Rappelez-vous ce que dit Notre Seigneur dans la barque à ses disciples sur leurs craintes: „Pourquoi êtes-vous des hommes de peu de foi?" N'aurais-je pas quelque droit de vous appliquer cette citation? Ce que je puis vous garantir, c'est que j'ai eu bien peu de mérite à résister à ces influences, car pas une syllabe ne m'est parvenue de la part du Pape sur aucune ingérence quelconque de sa part dans les affaires de nos Eglises Catholiques. Mais d'ailleurs, comment mettre cette crainte que vous éprouvez sur le Pape et son influence en harmonie avec les paroles de Mme Bouche, qui prétend qu'il doit nécessairement être une des chevilles ouvrières de la grande œuvre?

J'ai lu avec la plus mûre attention la citation que vous m'appliquez des versets 3, 4, 5 et 6 du chap. X de la IVe *Epître aux Corinthiens.* Ma réponse se trouve dans le même chapitre au verset 7, par conséquent tout de suite après ceux que vous me citez. Lisez-la et méditez-en le contenu.

Sur le juif, je suis parfaitement de votre opinion, que toute cette affaire peut attendre mon retour.

Enfin voici une bien longue lettre. Je n'ai suivi que l'impulsion de mon cœur en vous l'écrivant et je la termine en vous disant que c'est bien ardemment que je désire cette entente harmonique dans notre lien, mais il ne dépendra jamais de moi d'étouffer ce que mon sentiment intérieur me désignera être la vérité et je n'ai pas de force d'agir contre elle.

Faites mes plus tendres amitiés à M. Kochéleff, ainsi qu'à Mme Krudener, à Berckheim et à sa femme. Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Sauveur.

Отвѣтъ князя А. Н. Голицына на предыдущее письмо Императора Александра I *).

С.-Петербургъ, 4 марта 1821 г.

Ayant reçu, Sire, votre lettre commencée le 8 et finie le 15 février, je m'empresse d'y répondre avec la franchise que je dois à mon Divin Maître et au lien qui nous unit avec vous en Jésus-Christ. Vous reconnaissez dans mes lettres et surtout dans l'opinion que j'énonce de M. Kochéleff une certaine désapprobation de votre politique. Vous en cherchez la source, et, comme vous dites bien, vous ne pouvez l'attribuer à l'indifférence de notre part pour les principes désorganisateurs qui ont déjà révolutionné trois pays et qui, attaquant les Trônes, sont dirigés plus encore contre la Religion chrétienne. Vous trouvez donc cette source de désapprobation dans un sentiment de crainte que vous nous supposez sur le succès de la lutte dans laquelle vous vous trouvez engagé, et vous répondez à cette idée, qu'il n'y a pas moyen de composer avec le mal, quand une voix intérieure vous dit que ce mal est l'œuvre de l'ennemi. La réponse de ma part se trouve dans votre lettre même, dans ce qui est dit ci-dessus: si c'est l'œuvre de l'ennemi, que peut la force armée contre l'enfer, et le Christianisme peut-il être soutenu par des armées?

Des Princes qui ont contracté la Sainte Alliance ont des règles fixes de conduite, et, depuis que cet acte fut signé, les Princes ont-ils suivi dans toute leur marche les trois articles qu'ils ont promis au Seigneur? La pratique de ce Manifeste du Règne de Christ sur terre aurait attiré des grâces sur grâces et aurait mené les Souverains à la réorganisation pour que le Verbe régnât en eux et par eux sur la terre, afin de couronner Son Œuvre et remettre tout à Son Père. Voilà à quoi la Providence appelle ses Elus.

Les croix de l'année 1812 ont produit en vous, Sire, cette heureuse préparation, pour que l'Esprit Divin puisse agir par vous, et l'humiliation que vous avez supportée avec résignation et amour a produit les fruits de la première campagne en France. Dieu Seul, comme vous l'avez senti mieux que personne, vous a élevé au pinacle de la gloire humaine, et plus il vous élevait, plus vous vous mettiez dans le néant devant lui. Et quelle fut votre force spirituelle alors? Je l'ai senti par expérience. Vous aviez une douceur angélique, une paix qui m'a souvent donné l'onction, une modestie naturelle et une force dans les paroles avec une sagesse qui montrait les traces de Dieu, qui a habité dans ce cœur crucifié, qui était comme un vase rempli de bonne odeur et qui, en se vidant même, exhalait la même odeur. Vous aviez besoin alors de conversation pour glorifier Dieu, pour communiquer avec les âmes pénétrées d'amour pour le Seigneur. Ensuite vint le voyage à Vienne pour le congrès (cité dans ma lettre) où l'ennemi, dans la dissipation et les fêtes, très adroitement sema l'ivraie en vous. Cette idée me dispose à porter votre attention

*) Собственная Его Императорскаго Величества библіотека, Рукописный Отдѣлъ, № 1110, шк. II, п. 5, к. 33.

sur le passage de l'Evangile où les serviteurs par zèle voulaient arracher l'ivraie, et le Seigneur les en empêcha, afin que, l'arrachant, ils ne détruisissent le bon grain, attitude qui par justice fut ainsi accordée au libre arbitre pour son action y relative. Votre fond était toujours resté à Dieu et l'élection était trop clairement prononcée pour que l'œuvre de l'ennemi ne fût astucieusement voilée. Vous ne pouviez pas même l'apercevoir en produisant par la grâce Divine la Sainte Alliance et d'autres Manifestes, comme vous me le faites remarquer. Tout cela même vous donna l'assurance que vous étiez avancé dans la voie. Vous commençâtes même à prêcher le Christ aux dames et à d'autres personnes, si vous vous en rappelez: à quelle occasion M. Kochéleff vous fit la remarque qu'il ne fallait pas encore dépenser, tandis qu'il s'agissait d'amasser. L'ivraie croissait en attendant avec le bon grain, et le temps vint où à la fin j'ai pu remarquer moi-même que, par considération humaine, vous m'avez fait changer des phrases chrétiennes dans les papiers que je présentais à la signature et nommément dans un rescrit à un certain Бородавка, homme pieux qui a fait quelques donations. Ensuite les considérations pour l'opinion de quelques catholiques vous mettaient dans l'embarras, et vous étiez prêt de gêner des prédicateurs prêchant le pur Evangile. Même, Sire, j'oserais vous dire une chose dont vous ne conviendrez point, mais que j'ai remarquée par plusieurs indices. Vous aviez honte de moi, parce que j'ai ouvertement rompu avec le monde et que je ne me souciais plus de ce qu'il pouvait dire de moi en bien ou en mal. La dernière année que nous avons passée ensemble, je ne vous voyais plus autrement que les jours de travail, parce qu'apparemment le public ne pouvait pas vous reprocher de voir une fois la semaine un homme qui était avec vous plusieurs fois par jour quand je n'étais qu'amusant et frivole. Examinez, Sire, ce tableau et considérez ensuite si des hommes qui vous sont voués entièrement en Jésus-Christ ne durent pas vous faire part de certaines appréhensions sur votre marche. D'ailleurs, l'engagement que nous avons pris tous les trois en face du Dieu vivant, n'est pas une plaisanterie et celui que vous avez placé péniblement pour lui au haut du Triangle, sans qu'il l'ait voulu, sentant que pour cet effet ce résultat était encore précoce, n'aurait-il pas eu une responsabilité devant le Haut Tri-Un, s'il ne vous eût pas dit ce qui pesait sur son cœur? Et la manière dont vous le reçûtes l'a réduit au silence direct vis-à-vis de vous; mais l'amour qui nous unit me pousse néanmoins à vous écrire ce qui part de son cœur crucifié, produit des états spirituels par lesquels vous passez et que vous avez en perspective.

Vous me citez, Sire, *Judith*, que vous lisiez dans vos lectures journalières et que j'ai fini aussi de lire depuis quelques jours, vous pouvant la citer à mon tour, croyant, Sire, être certain que ce livre est plus à l'appui de mon opinion que de la vôtre. Car les habitants de Béthulie ne s'appuyaient point sur la force des armées, mais sur *Dieu seul*, et ensuite vous m'avez communiqué, Sire, des citations de l'Ecriture Sainte, qui, permettez-moi de vous dire, ne peuvent nous regarder comme faisant partie d'un lien si spirituel et si sacré que nous devons être comme un seul homme. Et toutes ces citations regardent la prédication à un peuple comme les Romains, que St-Paul prêchait, et nous

ne cherchons pas à être prédicateurs, mais coopérateurs de l'œuvre Divine sur la terre, et nous ne pouvons prendre, dans la position où nous nous sommes trouvés vis-à-vis de vous, que l'ensemble de l'Ecriture Sainte et non partiellement et dans un sens détaché.

Si vous voulez, Sire, vous rappeler ce que je vous ai écrit cet été à Varsovie sur la source de la puissance des Rois, comment Dieu l'a cédée pour ainsi dire à Saül et comment nous sommes parvenus aux temps où le Seigneur veut derechef régner sur la terre et veut que les puissances s'abaissent devant Lui, que leurs cœurs s'ouvrent et que le Saint Esprit agisse en eux. Si les puissances ne veulent pas de ce nouvel ordre de choses, alors l'enfer a la permission de soulever les peuples pour leur ôter cette puissance. La marche de l'Elu est claire dans ces circonstances. Voilà ce qu'a prêché Mme Bouche. Que nous fait la personne, quand même il y aurait de l'humain en elle, comme vous le dites. Il ne faut jamais s'attendre que les instruments dont se sert Dieu soient toujours parfaits, et la plupart du temps ils sont choisis parmi des ignorants et des faibles. Dieu a parlé même par une ânesse: les pierres parleront, si les hommes voudront rester sourds. Enfin, Sire, ne considérons pas celui qui porte la parole Divine, pourvu qu'elle ait le caractère de la vérité et l'analogie avec l'Ecriture Sainte. C'est sous cet aspect que nous l'avons envisagé d'après lequel j'ai traité toute l'affaire.

Vous terminez votre lettre, Sire, avec des sentiments en Notre Seigneur, mais son contenu prouve que vous n'avez pas goûté ce que l'amour pour vous de deux êtres qui vous sont entièrement voués, ont constamment cherché à vous mettre au cœur. Vous voulez seulement paraître devant nous juste et avancé dans la voie, puisque vous dites que vous ne faites rien que par les déterminations de Dieu et que vous ne faites que suivre en tout ce qui vous est ordonné par Lui. C'est aussi le seul vœu que nous pouvons former pour vous, mais alors ce serait nous qui serions dans la fausse voie, n'étant pas en entente harmonique avec vous.

Notre troisième, après avoir entendu avec humilité, résignation et soumission toute la lecture de votre lettre, m'a chargé de remercier V. M. pour Son souvenir, et, après une courte prière incontinent faite, il m'a prié de prendre l'Ecriture Sainte, de l'ouvrir et de poser le doigt sur le premier verset qui me tomberait sous la main. Ce verset est le 3me dans le psaume 140 du Psalmiste-Roi. Alors frappé de cette miséricordieuse leçon et plein de gratitude envers Celui de qui il la reçoit, il se voue plus que jamais au plus profond silence, jusqu'à d'autres temps et d'autres ordres. Et dans cette disposition, portant sa croix, il met au pied de celle de Notre Sauveur tout ce qu'il a pu jusqu'ici vous faire parvenir directement ou par transmission, comme tout ce qu'il vient de recevoir de vous dans votre dernière lettre du 8 au 15, ne déguisant rien, mais bénissant et louant le Seigneur de tout, en tout et pour tout.

Je dois, Sire, répondre encore au sujet de l'incendie de Bruxelles, que vous qualifiez de pâtiment *(sic!)* pressenti par notre troisième. Ce n'était au contraire qu'un sentiment d'avertissement, comme celui de Czarsko-Selo où on frappa

les hochets en montrant le danger que pouvaient courir dans de pareils événements les personnes mêmes. Mais les pâtiments *(sic!)* pressentis par lui pour l'année 1821 et 1822 se développent déjà dans les famines et mortalités qui en sont le résultat sur plusieurs points de l'Empire, comme dans l'esprit de la force armée et en partie dans celui même de la nation, bien différent de ce qu'il était l'année 1812 et 1813 et 1814 que vous citez, et si, à cette dernière époque, le sentiment d'agir hors des domaines nationaux fut juste, comme fortement prononcé, dans notre troisième, celui du moment actuel pour l'Elu également fortement prononcé de n'être que conseil sage et prépondérant pour l'extérieur, mais opérateur paternellement vigilant pour l'intérieur. C'est à présent à V. M., d'après *sa foi*, qu'il appartient de décider si ce sentiment dans notre troisième, à l'époque où il vous l'exprima, était vrai et si votre action en tout point y a été conforme.

Quant à ce dont les suppôts de Satan, comme Voltaire, Mirabeau et Condorcet, ont profondément pénétré V. M. relativement aux associations infernales, personne ne sait mieux que vous, Sire, combien plus efficacement notre troisième est convaincu de tous ces dangers par une lumière découlée d'une source ineffable et pure, qu'il ne vous a pas laissé ignorer dans le temps, objet sur lequel il lui est arrivé de revenir plus d'une fois vis-à-vis de vous. Cette conversation fut franchement terminée hier entre nous en priant avec ferveur pour l'Elu et en demandant au Seigneur que, dans ma carrière de l'activité en évidence et de celle de notre troisième de silence en soumission, Господь всещедро наградилъ бы насъ для Дѣла Своего, Духомъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, во славу Его Господа Нашего, познавая Его ежедневно болѣе и болѣе въ непостижимой Его благости къ тварямъ, предающимся неограниченно Его Святой волѣ. Аминъ. Аллилуїа.

P. S. Pour ce qui concerne la lettre écrite par Mme Bouche pour Mme Zebrowska, d'après l'aveu que la première nous fit après avoir expédié sa lettre pour vous, vous devez savoir déjà les motifs qui l'ont guidée dans cette affaire; mais comme vous m'avez envoyé la lettre de Mme Zebrowska par laquelle elle vous demande que son affaire soit suspendue jusqu'à votre retour, je demande vos ordres, Sire, sur ce que je dois faire de la lettre.

40.

Laybach, le 24 février 1821.

J'ai reçu, cher ami, vos deux lettres du 28 janvier et du 4 février. Remerciez, je vous prie, M. Kochéleff bien affectueusement pour son souvenir et pour ce qu'il vous a chargé de me dire.

Les deux lettres ci-jointes expliquent le doute sur celle de Mme Zebrowsky que je vous ai envoyée par le dernier courrier. Elles vous prouveront que je ne me suis pas trompé dans mes suppositions: je vous laisse vous-même juge si tout cela est bien correct? Maintenant donc Mme Zebrowsky se trouve initiée dans les rapports de Mme Bouche avec moi, puisque sa lettre

adressée directement à moi a été incluse dans celle de Mme Zebrowsky au prince Wolkonsky, et celle-ci n'a été écrite que pour faire parvenir celle de Mme Bouche directement à moi, comme vous vous en convaincrez vous-même. J'ai souligné quelques passages, soit de cette lettre, soit des réponses ci-jointes, qui constatent que Mme Bouche est contente maintenant de la marche des choses. Même elle avoue avoir eu tort d'attendre des demandes de ma part! Tout cela me prouve, cher ami, qu'en me laissant aller avec un entier abandon à la volonté Divine et au sentiment intérieur qu'il place Lui-même dans mon cœur, je crois suivre la route la plus sûre, et qui m'a préservé déjà de bien des faux pas. Que Sa volonté seule soit faite en tout! Voilà mon refrain perpétuel.

Je joins ici de même la perlustration d'une lettre de Christin sur laquelle vous et M. de Kochéleff avez fixé mon attention. Je partage complètement votre opinion à tous deux sur cette lettre. Aussi je vous assure bien que c'est là les principes que nous suivons et que jamais nous n'avons voulu entrer dans aucune composition avec les carbonaris et les révolutionnaires, soit de Naples, soit de l'Espagne. Si nous avions suivi une marche différente, il y a longtemps que nous aurions terminé; mais cela n'aurait été qu'un palliatif momentané. Nous avons mieux aimé lutter contre une somme de difficultés plus grandes, mais ne pas composer avec le mal et travailler de toutes nos forces à le détruire en plaçant toute notre foi dans le secours Tout-Puissant du Seigneur.

Maintenant venons aux affaires. La lettre de M. Malan, ministre de l'Eglise de Genève, est excellente. Je vous restitue la vôtre et je vais répondre à la mienne, ensuite je vous l'enverrai de même. Je vous renvoie une de vos *Записки* avec ma résolution. Quant à l'autre sur les Ecoles d'enseignement mutuel, je vous dirai avec ma franchise habituelle que, tout en ayant complètement raison pour le fond de l'affaire, vous avez manqué quant à la forme.

La vente qui se fait par la commission des Ecoles Militaires de tableaux vieux n'a lieu qu'en vertu d'un ordre donné par moi. Avant donc de le révoquer de votre propre autorité, vous auriez dû m'en demander mon assentiment, ou bien en conférer verbalement avec le comte Araktchéeff, sous les ordres duquel elle se trouve. Il vous aurait instruit alors que cette vente est instituée uniquement pour procurer un bénéfice à cette commission, avec lequel elle puisse suffire aux différentes dépenses qui pèsent sur elle, que peu lui importe quels tableaux et quels modèles d'écriture elle imprime, mais ce qui lui est indispensable, c'est qu'elle puisse avoir un revenu avec lequel elle compense ses dépenses, ainsi qu'elle peut parfaitement adopter vos modèles, mais pourvu qu'on lui laisse la faculté de les vendre. Au reste, tout ce que je vous dis là, c'est de mes propres conjectures, car je n'ai pas reçu encore un mot du comte Araktchéeff sur cette affaire. Je lui ai demandé des renseignements.

Faites mes plus tendres amitiés à Mme Krudener, à Mme Berckheim et à son mari. La mort de Véning m'a profondément affligé. Faites-moi le plaisir de dire au frère et à sa femme toute la part que je prends à leur douleur.

Tout à vous de cœur et d'âme en notre Divin Sauveur.

J'ai marqué avec le crayon et avec une oreille une des lettres de Rosenstrauch, qui mérite votre attention. Je fais chorus avec lui sur ce qu'il dit.

41.

Laybach, le 10 mars 1821.

Je commence, cher ami, par vous dire que Samedi de la première semaine du Carême, j'ai eu le bonheur de recevoir la Sainte Communion, et à cette occasion je me suis réuni en pensée et en prières à vous et à M. Kochéleff, ce que je vous prie de lui dire de ma part, en lui exprimant mes sentiments affectueux et de me pardonner, tous les deux, tous les torts que j'ai pu avoir envers vous. Le Seigneur a permis que j'aie éprouvé un sentiment de bien-être cette fois-ci supérieur à ce que j'éprouvais précédemment en remplissant ce Saint Acte, et en même temps, jamais je n'ai senti plus fortement ma chétivité, toute ma misère. J'ai voulu vous écrire par le dernier courrier pour vous annoncer que je m'étais acquitté de ce devoir Sacré, mais j'ai eu tant de travail à expédier que je n'ai pu y réussir.

Vous savez déjà par les nouvelles que le dernier courrier a apportées à Pétersbourg le surcroît d'occupation qui nous est survenu. Le Piémont vient d'être révolutionné d'après le modèle de l'Espagne, de Naples et du Portugal, et par le même comité directeur de Paris qui a produit les trois premiers bouleversements. Mon valet de chambre Maxime va vous remettre des papiers qui vous mettront au fait des détails de toute cette affaire, que je vous prie de lire à M. Kochéleff. Ils sont contenus dans deux enveloppes sous № 1 et 2.

Ces circonstances sont d'une importance extrême. Je les regarde comme plus majeures peut-être que le retour de Napoléon de l'Ile d'Elbe en 1815, car le mal que nous avons à combattre cette fois-ci est plus puissant que n'était le pouvoir de Napoléon. Par conséquent les mesures que nous avions à prendre devaient être proportionnées à l'éminence du danger. C'est maintenant que j'ai compris pourquoi le Seigneur m'a retenu ici jusqu'à ce moment! Que de grâces n'ai-je pas à Lui rendre d'avoir arrangé les choses de manière que je me trouvasse encore réuni à mes Alliés et à leur Cabinet! C'eût été une vraie calamité, si il en fût autrement. Aussi, après avoir imploré le secours du Tout-Puissant, dans vingt-quatre heures toutes les mesures importantes ont été arrêtées et expédiées, et maintenant nous plaçons avec tranquillité tout notre espoir dans l'aide du Seigneur.

En vous écrivant la dernière fois, j'ai oublié de vous parler de la lettre incluse de Christin. A l'heure qu'il est, je vois que cela ne s'est pas fait par hasard et que les événements eux-mêmes devaient servir de meilleure réfutation aux raisonnements qu'il y fait sur l'inutilité des réunions des Souverains, et vous prouver qu'il ne s'agit pas de faire de simples traités comme autrefois, et pour lesquels certainement un ambassadeur suffirait. Il s'agit à cette

époque-ci de lutter contre le règne de Satan; aucun ambassadeur n'y est suffisant: ce ne sont que ceux que le Seigneur a mis à la tête des Nations qui peuvent, *sous Son bon plaisir*, persévérer dans cette lutte et ne pas plier la tête sous ce pouvoir satanique, toujours croissant et se démasquant davantage.

Depuis Troppau j'avais le sentiment intérieur qu'on nous préparait quelques mines et qu'au premier jour elles allaient sauter. Mes conjectures se sont complètement réalisées. Indépendamment de ce qui se passe dans le Piémont, une insurrection contre le pouvoir de la Porte Ottomane a éclaté dans la Petite Valachie, et nous venons de recevoir la nouvelle que le prince Ypsilanti, le même qui a un bras emporté et auquel j'avais donné un semestre depuis un an pour soigner sa blessure qui se rouvre, est arrivé tout à coup à Yassy et a déclaré au Hospodar qu'il se trouvait appelé par les Grecs de l'Epire et de la Morée, ses compatriotes, pour les délivrer de la puissance de la Porte, et qu'il allait se mettre à leur tête. C'est un fou, qui probablement se perdra lui-même, et entraînera dans sa perte beaucoup de victimes, car ils n'ont ni canons, ni moyens, et il est vraisemblable que les Turcs les écraseront. Mais il n'y a pas de doute que l'impulsion à ce mouvement insurrectionnel n'eût été donnée par le même comité central directeur de Paris, dans l'intention de faire une diversion en faveur de Naples et empêcher que nous ne détruisions une de ces synagogues de Satan, établies uniquement pour propager et répandre sa doctrine anti-chrétienne. Ypsilanti, dans la lettre qu'il m'adresse, me dit ouvertement qu'il appartient à une *société secrète*, formée dans le but de la délivrance et de la régénération de la Grèce. Or toutes ces sociétés secrètes ont leur aboutissant au comité central de Paris. La révolution du Piémont n'a de même qu'un but semblable. C'est l'établissement d'un foyer de plus pour prêcher cette même doctrine et l'espoir par là de paralyser les résultats des principes chrétiens professés par la Sainte Alliance.

Or pour lutter contre un mal aussi actif, aussi puissant en moyens, il faut plus que de simples ambassadeurs. Dans des époques de dangers aussi éminents, toute autre considération doit se taire devant l'urgence du danger et la nécessité de lutter contre cet ennemi de la Religion de Notre Sauveur, qui menace de tout engloutir. Il est bon de remarquer que, dans la révolution de Naples et du Piémont, la Providence Divine a empêché que les personnes revêtues de l'autorité légitime restassent dans les mains des insurgés et les a réunies par contre aux Souverains alliés. En voici le second exemple, car le Roi de Sardaigne, n'ayant jamais voulu souscrire à l'acceptation de la constitution espagnole, a abdiqué. Son successeur légitime est son frère le Duc de Genevois, qui, par un pur hasard (ou plutôt par la volonté Divine), s'était rendu avant la révolution à Modène pour y voir le Roi de Naples à son passage. C'est là où la nouvelle de la révolution à Turin l'a trouvé. Placé hors des mains de ses ennemis, il a protesté formellement contre tout ce qui s'est passé et appelé le secours des Souverains Alliés. Cette circonstance, comme vous le verrez par les papiers, a déconcerté le plan des révolutionnaires, et ils se trouvent déjà dans une très grande confusion. Gloire en soit rendue à Dieu!

Le sort de la France est très incertain. Le comité central révolutionnaire réside à Paris. Après avoir allumé tous les incendies au dehors qui ont été en son pouvoir, il est plus que probable qu'il tâchera d'en allumer un en France même, et par là de lier un ensemble avec les révolutionnaires d'Espagne et ceux du Piémont. Je cite exprès ces probabilités pour que vous vous prépariez à ce qui, d'après ma manière de sentir, me paraît très possible. Mais aussi les mesures que le Seigneur a permis que nous prenions, réunis comme nous le sommes heureusement ensemble, avec la protection de Son Bras Tout-Puissant, j'espère, seront proportionnées à la grandeur du danger.

En attendant, grâce à la miséricorde Divine, j'ai les plus heureuses nouvelles à vous donner sur les opérations sur Naples. On peut regarder cette guerre comme finie, et elle n'a pas coûté à l'Empereur d'Autriche 50 hommes. Ce qui paraissait un colosse à combattre, par cet enthousiasme, cette exaltation, dont on disait les Napolitains animés, et tous les armements nombreux qu'ils avaient faits, par la *foi nue* en Dieu et par cette simple confiance en Lui et la conviction qu'Il n'abandonne pas ceux qui *n'espèrent qu'en Lui,* dans moins de quinze jours avec 45.000 hommes s'est trouvé anéanti. Gloire encore en soit mille et mille fois rendue à *ce Dieu* de bonté, à *ce Sauveur* qu'Il nous a donné dans Sa miséricorde et à *cet Esprit Saint* qu'Il nous a destiné pour nous conduire quand nous nous abandonnons à Lui seul! Voilà l'espoir de délivrer Naples par des diversions, à peu près anéanti pour nos ennemis.

Je termine cette lettre, cher ami, par vous dire que, d'après l'ordre habituel que j'ai établi pour mes lectures quotidiennes, j'en suis dans ce moment dans le Vieux Testament au *Livre de Job.* A chaque chapitre que je lis, je lis aussi les explications que Mme Guyon en donne. Dans les quatre premiers chapitres, je trouve une analogie à ma propre situation personnelle, qui me pénètre et qui vibre dans mon cœur. Faites-moi le plaisir de lire ces quatre premiers chapitres dans Sacy, et à chaque chapitre lisez dans le volume VII des *Œuvres* de Mme Guyon l'explication qu'elle en donne sur chacun. Adieu, cher ami, dites mille choses à Mme Krudener, à Mme Berckheim et à son mari. Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Seigneur.

J'ai omis de vous dire que j'attendais le résultat des affaires de Naples pour me mettre tout de suite en route pour Pétersbourg. Car dès lors mon rôle était fini et le reste pourrait s'arranger paisiblement par mon plénipotentiaire. Mais apparemment que le Seigneur en a décidé autrement, car cette nouvelle circonstance survenue en Piémont et toutes les mesures qu'elle motive me forcent malgré moi à suspendre mon départ jusqu'à ce que nous apprenions au juste l'effet qui en aura rejailli sur la France.

42.

Laybach, le 18 mars 1821.

Mon valet de chambre Maxime va vous remettre un paquet № 3. C'est la continuation des nouvelles. Vous y verrez les grandes grâces que le Seigneur répand sur nous dans Sa miséricorde. Vous y verrez de même que mes appréhensions sur la France ne sont que trop exactes. Abandonnons-nous complètement à la Sainte Volonté de notre Dieu, et Il fera tout prospérer à l'avancement de Son œuvre.

Je n'ai pas un moment pour vous en dire davantage. Bien des amitiés de ma part à M. de Kochéleff. Tout à vous en Notre Seigneur.

43.

Laybach, le 1er avril 1821.

Mon valet de chambre Maxime vous remettra encore des papiers qui vous prouveront, j'espère, d'une manière palpable ce que la *foi en Dieu seul et Son secours* produisent.

Je n'ai pas un moment pour entrer dans de plus amples détails. Dites bien des choses de ma part à M. Kochéleff. Tout à vous en Notre Seigneur.

44.

Vérone, le 28 octobre 1822.

Je croyais vous avoir dit que je ne voulais plus entretenir aucun rapport avec Mme Bouche. Ainsi je vous prie de lui renvoyer la lettre qu'elle m'a adressée en l'avertissant que, s'il y en aura d'autres, elles seront toutes pareillement renvoyées.

Rappelez-vous ce qui concerne les médaillons et comment nous les avons quittés!!!

Quant à *Ensel*, franchement il m'a paru dérangé, dès le premier moment que je l'ai vu; c'était vis-à-vis de la ferme à Zarsko-Sélo. Cela était tel, que je l'ai fait prendre par l'invalide qui y est préposé et le conduire au Château, mais Galitzyne André, que j'ai rencontré quelques moments après, m'a dit tant de choses de lui que j'ai été curieux de le voir. Quand il est venu avec M. Popoff chez moi, il n'a nullement répondu à tout ce que Galitzyne m'en a dit, et vous devez vous rappeler que j'ai été charmé qu'il partît. Je puis difficilement me mêler de son affaire. Chaque pays a ses règles, et on fait bien de les suivre. D'ailleurs le Roi de Prusse n'est pas ici; il est parti pour Rome et Naples.

Tout à vous en Notre Seigneur.

45.

Pilsen, le 25 décembre 1822.

J'ai besoin, dans ce jour si cher à tout chrétien, de vous adresser quelques lignes pour vous dire que votre lettre du 10 décembre a été jusqu'au fond de mon cœur. Remerciez aussi M. Kochéleff pour ce qu'il vous a chargé de me dire.

J'ai lu aussi avec sensibilité celle du 3 novembre et je puis vous assurer que mon cœur n'a rien contre vous. Un manque de temps est le seul obstacle à ma correspondance avec vous: ces lignes, je vous les écris après 2 heures du matin et à peine j'ai pu achever mon expédition. Dans quelques semaines j'espère que le Seigneur me ramènera chez vous. Tout à vous en Jésus-Christ.

46.

Taganrog, le 22 septembre 1825.

Grâce à Dieu, je me porte bien et suis arrivé très heureusement à ma destination.

Vos désirs sont remplis, et j'ai envoyé les ordres nécessaires au ministre des finances.

L'histoire qu'on vous mande de Novgorod n'est qu'un conte bleu; les deux personnages qu'on avait mis pour un moment dans le couvent en question ne sont rien moins que ce qu'on tâche de les représenter dans votre lettre. Je les juge par leurs propres écrits que j'ai lus moi-même.

Tout à vous.

Vous recevrez de Gourieff du Cabinet 16.000 R. на извѣстныя употребленія. Veuillez les accepter de ma part pour vous mettre à l'aise et prévenir la nécessité de faire des dettes.

47.

Записки Александра I къ князю А. Н. Голицыну *).

Faites dire, je vous prie, au vieux Archimandrite de 70 ans que j'ai un moment pour le recevoir aujourd'hui à 6 heures, et faites-le arriver à mon petit escalier comme vous l'avez fait pour le moine d'Archangel. Pour que le froid d'aujourd'hui ne le gèle pas, faites louer une voiture pour le conduire et mettez-la sur mon compte. Tout à vous.

Aussitôt l'Archimandrite sorti, nous travaillerons comme de coutume.

*) Безъ датъ, но почти всѣ двадцатыхъ годовъ.

Je voudrais que vous mettiez la date d'hier, parce que j'ai dit au Métropolite que c'était fait.

Faites, je vous prie, acheter une bonne pelisse au capucin, il gèle très fort, et faites-lui louer une bonne voiture fermée. Tout à vous.

Voici l'ouvrage fait. Si vous n'avez aucune observation, passez tout de suite chez Nesselrode et faites-le copier en russe et en français sur les mêmes feuilles, comme cela se fait toujours pour les traités, et dites-lui de me l'envoyer encore aujourd'hui. Veillez à ce que la ponctuation soit juste.

J'aurai un moment aujourd'hui pour le baptême de Krim-Guirey. Cela pourrait se faire au Palais d'Hiver à 5 heures, dans mon salon bleu, entre la chambre des secrétaires et mon cabinet. Je ne demande pas mieux que d'avoir pour marraine de l'enfant Mme Pitt, et comme elle a son appartement au Palais d'Hiver, elle pourra très bien s'y rendre jusqu'à la cérémonie, et, quand tout sera prêt, je la ferai avertir.

Le prince Wolkonsky va avertir Mme Pitt de ces dispositions, et vous, veuillez vous charger d'en informer Krim-Guirey et de prendre tous les arrangements nécessaires avec le curé anglais. Tout à vous.

J'ai oublié de vous prier d'avertir l'Evêque Jona que je désire qu'il n'y ait ni sermon ni discours de réception. Toute la cérémonie se passant de nuit, il me paraît peu convenable de l'allonger par des additions qui n'y appartiennent pas.

Tout à vous en Notre Seigneur Jésus-Christ.

Faites observer, je vous prie, à M. Kochéleff notre lecture d'aujourd'hui, surtout l'Evangile de St-Luc: c'est justement celui dont j'ai cité hier un verset et lu quelques autres. C'est assez remarquable. L'explication de Mme Guyon est aussi bien essentielle. Tout à vous.

Je fixe votre attention sur notre lecture d'aujourd'hui, surtout sur le chapitre IV de *la Sagesse* et son explication dans Mme Guyon, ainsi que sur *l'Evangile de St-Luc,* chap. XIII. Ils sont remarquables pour moi et m'apprennent à recevoir avec plus d'humilité et de soumission les avis qui me parviennent. Je vous ferai part des développements la première fois que nous nous reverrons. Lisez en attendant ce billet à M. Kochéleff. Tout à vous en Notre Seigneur.

Dimanche matin.

Dites, je vous prie, à M. Kochéleff que je propose de nous réunir demain, à l'heure habituelle, au lieu d'aujourd'hui. Je serai en ville à 6 heures; nous commencerons donc avec vous par notre travail ordinaire. Pour aujourd'hui, je désire rester à Zarsko Sélo et éviter par là le grand dîner de demain, qui même par là n'aura pas lieu du tout, vu mon absence, ce qui, je crois, enragera tout le monde. Tout à vous.

Vous me connaissez assez, j'espère, pour être sûr que, si j'avais la *conviction* que c'est une œuvre de Dieu, je n'hésiterais ni ne balancerais un moment. Je n'aurais besoin d'aucun comité quelconque pour prendre ma décision et j'agirais avec la fermeté qui est dans mon caractère dès que j'agis d'après mon *sentiment intérieur* ou l'impulsion de ma foi. Mais ici il n'y a rien de tout cela. J'y vois, ce qui malheureusement ne se rencontre que trop souvent depuis quelque temps, un masque de religion, une hypocrisie qui se couvre de ce manteau pour être moins aperçu, et au fond, il y a beaucoup d'apparence du moins qu'un principe de radicalisme en est le mobile. Dès ce moment, cela devient une affaire délicate, et selon moi, elle doit être menée avec clarté et publicité. Les papiers de Paulucci d'ailleurs, à mon avis, sont très bien faits. Je désirerais que vous écoutiez *avec calme aujourd'hui*, vous réservant seulement de présenter une opinion pour une séance prochaine, que *vous évitiez les discussions* et qu'ensuite, revenu chez vous, vous *priiez bien*, et puis nous discuterons à nous deux la chose; après quoi vous présenterez votre opinion telle que *votre conscience vous l'indiquera*. Voilà ce qui m'est mis au cœur de vous dire. Tout à vous en Notre Seigneur et Sauveur Jésus-Christ. Que Son Esprit nous éclaire!

Ce que vous venez de m'écrire m'embarrasse beaucoup, car j'ai déjà commencé de parler sur cet objet au général Vasiltchikoff hier, et, ayant été empêché de continuer par l'heure de la messe, je l'ai invité à venir dîner aujourd'hui avec moi pour continuer notre conversation. N'ayant absolument aucune autre affaire à traiter avec lui, je me trouverais dans une étrange position en ne lui disant plus rien. C'est un homme sur la discrétion duquel on peut compter, et il en sera comme si je ne lui avais rien dit. Faites voir tout cela à M. Kochéleff et écrivez-moi ce qu'il aura répondu. Encore une fois, c'est sans aucun inconvénient quelconque, cependant je désire beaucoup la réponse de M. Kochéleff. Tout à vous en Notre Sauveur.

Faites attention, je vous prie, à notre lecture de ce matin, surtout à l'Evangile depuis le verset 14 jusqu'au 24. Surtout après ce qui a été décidé dans notre réunion, c'est marquant. Communiquez mon billet à M. Kochéleff.

Dites, je vous prie, à M. de Kochéleff que c'est chez lui que je compte venir comme l'autre fois.

Ayant justement du temps aujourd'hui, je désirerais voir M. Kochéleff, si lui ne se sent pas trop fatigué de ses dévotions. C'est à 8 heures que je lui propose de venir et c'est à vous que j'adresse ces lignes, pensant que vous êtes ensemble, pour ménager sa vue. Dites-moi bien franchement si ma proposition ne le dérange pas? Tout à vous.

Engagez, je vous prie, M. Kochéleff à être chez vous à 8 heures, et alors je vous ferai chercher tous deux comme l'autre fois par le petit escalier. Tout à vous.

Je n'ai rien contre, que M. Kochéleff sache la destination de cette somme.

Ayant aujourd'hui quelques moments à moi, je désire que vous avertissiez de ma part André Golitzyne de venir à Zarsko Sélo aujourd'hui *de la manière convenue entre nous,* et de se présenter chez mon valet de chambre à 8 heures ce soir.

Tout à vous.

Jeudi 15 décembre.

Je vous prie d'avertir André Golitzyne que je serai trop occupé cette fois-ci à Zarsko Sélo pour le recevoir, d'autant plus que ma Mère veut venir m'y voir. Si j'avais quelques moments, je le lui ferais savoir par vous.

Je reçois à l'instant votre lettre et je m'empresse d'y répondre. Dites à André qu'il m'est impossible pendant ce séjour de recevoir ni Alexéeff ni lui-même, parce que ma sœur vient demain dîner chez moi, et le soir ma femme arrive pour passer la journée de vendredi ici; samedi matin je rentre en ville et aujourd'hui j'ai beaucoup trop d'occupations. Mais j'aurais la même facilité, peut-être plus, de recevoir Alexéeff au Palais d'Hiver, car je suis impatient d'en faire la connaissance.

Mercredi matin.

Je pourrais recevoir ce soir Alexéeff à 8 heures du soir, comme l'autre jour, et mon valet de chambre sera sur le grand подъѣздъ de la Néva pour le conduire.

Mardi matin.

C'est demain que je me propose de recevoir les deux moines du couvent cartousien au Palais d'Hiver, à 7 heures. Vous leur ferez louer une voiture et les ferez conduire au podiesd ordinaire.

A 7 heures et ½ vous inviterez aussi l'Archimandrite Moldave à venir au Palais d'Hiver, mais sur le grand podiesd du côté de la Néva. Il y aura là quelqu'un pour le conduire plus loin. Tout à vous.

Jeudi soir.

C'est demain lundi qu'aura lieu notre travail et notre réunion aux heures habituelles.

Remerciez, je vous prie, M. Kochéleff pour ce qu'il m'a fait dire par vous. Je tâcherai, sous le bon plaisir du Seigneur, d'en faire mon profit.

Répondez au prince André qu'avant de s'absenter, je désire qu'il vienne vous voir; après votre entrevue, il peut partir. Avertissez-le toutefois que je ne puis le recevoir à Zarsko Sélo ces jours-ci, ayant trop d'occupations. Après que vous l'aurez vu, vous pourrez fixer notre entrevue avec Glinka. Tout à vous en Notre Seigneur.

Mardi soir.

Avant-hier soir, des crampes m'avaient saisi à la suite de quelque chose d'indigeste qui s'est trouvé dans mon dîner. Grâce au Tout-Puissant, à la suite de quelques remèdes tout cela a passé, j'ai eu une très bonne nuit et aujourd'hui je me porte à ravir.

Mille remercîments pour tout ce que vous me dites et pour les vœux que vous formez pour moi; j'espère que le Seigneur daignera les exaucer. Tout à vous. Bien des choses à M. Kochéleff, à Mme Krudener et aux Berckheim.

J'ai vu hier le nouvel Archevêque de Kieff [1]). Sa conversation m'a fait grand plaisir. Il me paraît tout à fait tel à être promu à la dignité de Métropolitain. Préparez donc l'oukase en conséquence et envoyez-le moi pour la signature.

Je consens très volontiers à laisser à M. Berckheim ses appointements.

L'affaire sur mon valet de chambre et Minitzky est tirée au clair, et je vous en parlerai à notre première réunion. Tout à vous en Notre Seigneur.

Mardi soir.

[1]) Митрополитъ Евгенiй (Болховитиновъ) съ 16 марта 1822 г., † 23 февраля 1837 г.

Je vous envoie la lettre de Golitzyne dont je vous ai parlé. Vous ne lui direz pas, comme de raison, que vous l'avez vue. J'aurais bien des choses à vous dire sur son compte la première fois que nous nous verrons. En attendant, soyez prudent avec lui, écoutez-le, mais ne lui confiez rien, en restant pour les formes extérieures aussi amical que jusqu'ici.

Les endroits soulignés sont des marques que je m'étais faites pour en parler avec Golitzyne. Tout à vous en Notre Seigneur.

V.

Записки князя А. Н. Голицына къ Императору Александру I, съ отвѣтами Государя.

1.

Czarsko-Sélo, le 1er juillet 1820.

N'espérant pas vous voir, Sire, comme vous partez pour Péterhof, permettez-moi de me rappeler à votre souvenir et vous prier d'avoir la bonté de me mettre du nombre de ceux qui doivent travailler avec vous samedi, si, comme on dit, vous serez de retour à Czarsko-Sélo, parce que j'ai des affaires qui demandent votre décision.

Que le Seigneur Jésus-Christ soit avec vous!

Отвѣтъ Государя.

Comme je suppose que cela vous est égal de travailler avec moi le samedi ou bien le dimanche, il est probable que ce sera ce dernier jour, puisque, d'après toute apparence, j'aurai beaucoup trop d'occupations samedi et que notre soirée sera consacrée comme de coutume à notre réunion. Tout à vous.

2.

Отвѣты Государя *).	*Каменный Островъ, 19 августа 1821 г.*
	Позвольте мнѣ испросить нѣкоторыя разрѣшенія отъ Вашего Величества:
Удобнѣе всего наканунѣ Александрова дня, когда онъ по обычаю пріѣзжаетъ звать Императрицъ въ Лавру.	1) Митрополитъ Серафимъ докладывалъ ли вчера лично о своемъ представленіи Императрицамъ; ежели нѣтъ, то когда прикажете ему представиться къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексіевнѣ, потомъ уже можно будетъ просить о соизволеніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, ибо митрополитъ просилъ его увѣдомить.

*) Писаны карандашемъ рукою Государя.

Освящать.

2) Прикажете ли освящать церковь на подворьѣ Валаамскомъ безъ Вашего Величества или нѣтъ, о семъ проситъ Валаамскій игуменъ разрѣшенія.

Въ Соловецкой.

3) О *Шумиловѣ* *) прошу Вашего разрѣшенія, въ Спасоефимьевъ ли монастырь или въ Соловецкой онъ посылается? Графъ Милорадовичъ писалъ мнѣ о доставленіи къ нему письма архимандриту соловецкому, говоря тутъ же, что онъ „посылается въ тотъ же монастырь, гдѣ начальникъ „скопцовъ **) находится“.

Видя противорѣчіе, я возвратилъ ему письмо, прося его, чтобы онъ испросилъ повелѣнія Вашего, ежели встрѣтилось какое сомнѣніе, но во всякомъ случаѣ вѣрнѣе мнѣ имѣть Ваше разрѣшеніе въ Спасоефимьевъ или въ Соловецкой, прося графу Милорадовичу не говорить о моемъ вопросѣ, чтобъ ему не показалось то обиднымъ.

Свиданіе съ Сигнеусомъ будетъ въ первый мой пріездъ въ городъ.

4) О Сигнеусѣ ***), какъ прикажете?

3.

Le 3 décembre 1821.

Quels sont vos ordres, Sire, pour la journée d'aujourd'hui, à quelle heure je dois venir avec mon travail et s'il y aura après la réunion, pour que je puisse avertir M. Kochéleff en conséquence.

Отвѣтъ Государя.

Il me sera impossible de vous recevoir aujourd'hui, parce que ma sœur arrivera après dîner et que nous allons avec ma Mère à sa rencontre à Strelna. Notre travail ne pourra donc se faire que lundi après dîner, et la réunion à samedi prochain.

4.

Le 24 décembre 1821.

A quelle heure, Sire, dois-je venir travailler aujourd'hui? Entre autres choses j'ai à vous faire mon rapport sur le juif emmené ici par vos ordres.

*) Меѳодій Петровичъ Шумиловъ, томскій купецъ, скопецъ, † въ ссылкѣ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1823 г. (*Русская Старина*, т. 56, ноябрь 1887, стр. 615).

**) Кондратій Селивановъ, въ Спасо-Ефимьевскомъ монастырѣ.

***) Евангелическій С.-Петербургскій епископъ.

Отвѣтъ Государя.

C'est demain que nous travaillons ensemble à 6 heures après le dîner, mais j'ai toujours besoin de vous voir aujourd'hui sans papiers, ayant à vous dire plusieurs choses. Ainsi venez chez moi à 6 heures après dîner et par la petite entrée.

5.

Le 5 février 1822.

Je suis chargé, Sire, par M. Kochéleff de demander vos ordres pour ce soir si notre réunion aura lieu comme vous l'avez proposé.

Отвѣтъ Государя.

A cause d'un travail diplomatique et d'une conférence que je dois donner à M. Tatichtcheff qui part, c'est à demain que je dois remettre notre réunion.

6.

Czarsko Sélo, 1822,
dimanche, à 6 heures du matin.

J'ai oublié, Sire, de vous avertir hier soir que Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth a ordonné que le Métropolite de Pétersbourg vienne chez Elle aujourd'hui, à une heure après-midi, à Kamennoï Ostroff; ainsi ne voudrez-vous pas le recevoir aussi pour l'invitation d'usage? L'Impératrice Mère le recevra demain, à trois heures, au Palais Taurique. Ma lettre qui annonce cet arrangement part avec le Reitknecht qui accompagne V. M. pour être expédié au Métropolitain.

Отвѣтъ Государя.

Très bien.

7.

Le 9 mars 1822.

Ayant rempli, Sire, vos ordres sur le compte de la baronne Krüdener par le moyen du baron Berckheim, je viens de recevoir une lettre de la princesse Galitzyne[1]) que je joins ici, en vous priant de me dire deux mots sur ce que j'ai à lui répondre.

[1]) Княгиня Анна Сергѣевна.

Отвѣтъ Государя.
J'y consens volontiers.

8.

Отвѣты Государя.

С.-Петербургъ, 16 марта 1822 г.

По повелѣнію Вашего Величества препровождаю:

1) указъ о пожалованіи Евгенія митрополитомъ Кіевскимъ.

2) проектъ другой: не угодно ли его сдѣлать и членомъ Св. Синода, какъ и прежніе Кіевскіе митрополиты были. По справкамъ я нашелъ, что митрополиту Серапіону бѣлой клобукъ позволено было носить указомъ, мною объявленнымъ Св. Синоду; ежели соизволите, то я и нынѣ о семъ объявлю.

Митрополитамъ Михаилу и Серафиму писаны были рескрипты при препровожденіи креста на бѣлой клобукъ. Причина тому та, что въ Кіевѣ множество крестовъ брильянтовыхъ, принадлежащихъ Кіевской каѳедрѣ, а въ здѣшней оныхъ нѣтъ, и при пожалованіи митрополита непремѣнно нужно оной пожаловать.

Лучше рескриптомъ сіе исполнить.

Я буду ожидать разрѣшенія Вашего Величества, объявить ли мнѣ указъ или прислать рескриптъ къ Вашему подписанію.

9.

Le 19 avril 1822.

Je viens de recevoir, Sire, une lettre de Mme Tatarinoff que je vous envoie. Elle est au désespoir qu'on ne lui a donné que deux jours pour rester au Palais Michel. Etant malade, et son quartier, quoique loué, n'étant pas encore prêt, elle demande qu'on lui donne quelques jours encore. Je vous prie, Sire, de me dire en deux mots ce que j'ai à lui répondre.

Отвѣтъ Государя.

Vous ayant chargé de trouver un quartier logeable pour Mme Tatarinoff, je ne pouvais pas m'attendre que le choix tomberait sur un quartier qu'on doit repeindre à neuf. Il sera difficile de changer les dispositions prises pour

le Palais Michel. C'est donc à Mme Tatarinoff à s'y conformer. Je crois avoir fait ce qui dépendait de moi pour ses convenances, en lui faisant fournir par vous un autre quartier en équivalent de celui qu'elle quitte et qui proprement n'a jamais été donné à elle, mais à sa mère et par conséquent auquel elle n'avait aucun droit. Elle a écrit à ma femme, mais celle-ci ne veut pas se mêler de la chose, trouvant qu'elle doit être complètement contente de ce qu'on fait pour elle, quand jamais elle n'avait aucun droit à un quartier.

Il est bien étrange que dans tout Pétersbourg, on ne puisse trouver quelques chambres où on puisse loger une femme sans famille, ne fût-ce que comme un *en attendant*, jusqu'à ce que son véritable quartier fût achevé.

10.

Le 29 avril 1822.

Le prince André Golitzyne doit vous avoir donné, Sire, un volume des *Victimes*, et, comme ce livre appartient à Madame Krudener, elle voudrait le ravoir avant son départ.

M. Kochéleff m'a dit que la réunion est pour demain; ainsi je suppose que mon travail est aussi pour demain.

Отвѣтъ Государя.

Le livre se trouve à Zarsko Sélo: j'y compte aller demain, ainsi je vous le renverrai tout de suite en y arrivant. Quant à notre réunion et à notre travail, je vous propose de les fixer à mercredi, puisque je vais dîner demain à la campagne, ayant un travail pressant à y faire, un courrier devant partir ce lundi. Je serai de retour mardi, mais, ce jour étant destiné pour le travail polonais et finlandais, ce sera donc mercredi que nous nous réunirons.

Tout à vous.

11.

Le 13 mai 1822.

J'ai vu, Sire, dans ce moment Alexéeff, qui aurait désiré vous remettre quelque chose qui vous serait utile pour le voyage. Si aujourd'hui vous ne partez pas pour Czarsko Sélo de bonne heure, vous pourriez peut-être le recevoir au Palais d'Hiver; dans ce cas, je vous prie de me donner vos ordres là-dessus. Ou bien demain, il pourrait venir à Czarsko Sélo, en donnant vos ordres où il doit arriver.

Отвѣтъ Государя.

Je pars à l'instant pour Zarsko Sélo. Je serai charmé moi-même de voir Alexéeff: cela pourrait très bien s'arranger si vous venez vous-même demain à Zarsko Sélo pour la messe, comme pour prendre congé, que vous ordonniez en même temps au courrier par lequel vous envoyez chercher Alexéeff de l'amener à Zarsko Sélo à 8 heures du soir dans vos appartements, où je le ferais chercher par mon valet de chambre.

12.

Kamennoï Ostroff, le 31 mai 1824.

Je viens de recevoir, Sire, une lettre pour S. M. l'Impératrice Elisabeth, de la part de Mme Tatarinoff par laquelle elle annonce la mort de sa mère. Dois-je la présenter moi-même ou vous l'envoyer pour la remettre à S. M.?

Отвѣтъ Государя.

Vous pouvez la présenter vous-même demain quand vous viendrez chez ma femme.

13.

Kamennoï Ostroff, le 13 juin 1824,
à 7 heures et demie du matin.

Que dois-je répondre, Sire, à Mlle Bounine? Par la lettre ci-jointe, elle demande une voiture et un laquais de la Cour à 10 heures ce matin pour arriver en ville (de *Тентелева деревня,* à la 3e verste sur le chemin de Péterhof, où elle demeure) et se reposer un peu pour arriver à l'heure marquée à Kamennoï Ostroff.

Отвѣтъ Государя.

Faites-lui donner une voiture de la Cour et un domestique: probablement sans, elle ne saurait pas où arriver. Du reste, dites-lui que, si sa santé l'empêche de venir cette fois-ci, ce n'est que partie remise à un autre jour.

Письмо А. П. Буниной *).

Милостивый Государь

Почтеннѣйшій мой благодѣтель

Князь Александръ Николаевичъ!

Съ сердечною радостью повинуюсь Высоко-Монаршей лестной для меня волѣ. Ваше Сіятельство удивитъ выраженіе мое, не соотвѣтственное обстоятельству, когда я скажу, что *постараюсь быть.* Ибо желаніе по духу и препятствіе по тѣлу причина, что не могу сказать рѣшительно. Я сію минуту поѣду въ городъ; но какъ я еще не начинала выѣзжать и, къ сожалѣнію, сегодня на ночь брала ванну, то и не знаю допуститъ ли здоровье. Но ради самого Бога не извольте о томъ докладывать Государю. Я такъ сильно желаю быть, что соберу всѣ силы. Не можно ли будетъ сдѣлать милость прислать за мною придворную карету съ лакеемъ въ 10 часовъ утра, чтобы я могла въ городѣ немного отдохнуть; ибо, не имѣя на разсылки человѣка, я боюсь опоздать и сама себя лишить счастья.

Поручаю себя въ милость вашу Вашего Сіятельства, сіятельнѣйшій князь благодѣтель мой, преданная, покорнѣйшая и благодарная

13 іюня 1824 года. Анна Бунина.

14.

19 іюня 1824 г.

Vous sachant dans la peine **), Sire, je ne puis m'empêcher de vous écrire quelques mots, non de consolation, car c'est le Seigneur seul qui peut consoler, mais j'ai besoin de m'unir à vous en Notre Seigneur pour me tenir en Sa présence et Lui demander qu'Il soutienne votre résignation, que vous m'avez fait entrevoir dans une rencontre au jardin de Czarsko Sélo depuis peu. Vous étiez préparé a cette perte, et la manière dont vous envisagiez ce sacrifice m'a donné l'idée, en recevant la nouvelle de votre chagrin, de vous la communiquer.

Dieu vous a arraché miraculeusement au péché. Humainement vous ne saviez comment aborder la rupture du lien qui faisait le bonheur, quoique illégitimement, de votre existence. A présent Il retire à Lui le fruit de ce lien qui ne devait pas, pour ainsi dire, voir le jour d'après la sainte volonté de Dieu, et, par cet arrêt, corrige la faute de votre propre volonté. Il le retire dans Son sein dans quel état? Dans l'innocence, dans la piété enfin: un ange qui, au lieu de pécher dans ce bas monde en y restant, priera pour vos péchés et ceux de sa mère devant le Trône de l'Agneau. Le vide qui s'est fait dans

*) Анна Петровна Бунина, писательница, р. 1774 г., † 1829 г.

**) Написано по случаю кончины Софіи Дмитріевны Нарышкиной.

votre cœur par la perte de cet objet d'affection qui vous est arraché, offrez-le au Seigneur pour qu'Il s'en empare et qu'Il le remplisse par Son Esprit.

Nous ne pouvons pas quelquefois rendre Maître le Sauveur de tout notre cœur, mais c'est bien heureux si nous pouvons peu à peu Lui céder le terrain pour qu'ensuite, possédant le cœur en plein, Il édifie ce Temple Intérieur où Il cherche à régner sans partage.

Je fais des vœux pour que votre cœur résiste le moins possible à ce Bon Maître et qu'Il vous comble de Ses grâces qui sont les seules durables et réelles. Je m'unis à vous le plus étroitement possible en Notre Sauveur et vous recommande à Lui, à la Sainte Mère, à tous les Saints et à la Hiérarchie de tous les Anges et particulièrement à votre Ange Gardien.

Отвѣтъ Государя. *Ce jeudi soir, le 19 juin.*

Je suis bien touché de votre intérêt, et votre lettre m'est allée droit au cœur.

J'ai un service personnel à vous demander, mais cela a besoin de s'expliquer de bouche; je désire donc que vous veniez me voir demain matin, à 10 heures, ici, à Krasnoyé Sélo.

Tout à vous en Notre Sauveur.

15.

Отвѣты Государя. *[Іюль 1824.]*

Матушка желаетъ, чтобы по случаю отъѣзда Александры Өеодоровны и Николая Павловича праздника чтобы не было **). О чемъ и объявить бар. Альбедилю.

1) Баронъ Альбедиль испрашиваетъ на устройство иллюминаціи въ Петергофѣ *) 74.147 руб., откуда прикажете отпустить, изъ казначейства или изъ кабинета?

Здѣсь приложена справка прежнимъ примѣрамъ.

2) Нужны для иллюминаціи сей рабочіе люди изъ адмиралтейства 20-го нынѣшняго мѣсяца; прикажете ли объявить Вашу волю начальнику морского штаба?

Тѣ же, которыя и прошлый годъ отведены были въ обоихъ мѣстахъ.

3) Для пріѣзда главнокомандующаго прикажете ли въ Таврическомъ отвести комнаты и какія? Въ Царскомъ Селѣ Ваше Величество сказали мнѣ, что назначаете комнаты у парадной лѣстницы— также нужно будетъ придворный экипажъ и содержаніе по обычаю.

Исполнить.

*) По случаю тезоименитства Императрицы Маріи Өеодоровны, 22-го іюля.

**) Предстояла морская поѣздка Великокняжеской четы въ Ростокъ.

Выдать.

4) Саблуковъ проситъ меня доложить о приданомъ для дочери его, фрейлины *).

О семъ послѣдуетъ повелѣніе впредь.

5) Для свѣдѣнія Вашего Величества краткая записка изъ донесенія Б. Альбедиль о безпорядкѣ, случившемся въ селѣ Путиловѣ — зачинщики уже высланы изъ села и посажены въ С.-Петербургѣ въ тюрьму. Ген.-майоръ Захаржевскій доставилъ мнѣ просьбу того же села Путилова крестьянъ, подававшихъ просьбу въ Царскомъ Селѣ, а они задержаны въ полиціи Царскаго Села.

Сія просьба съ краткой изъ оной запискою здѣсь приложена.

6) Хотѣлъ я также лично объяснить записку, порученную мнѣ княгинею Мещерскою, о которой она уже Вашему Величеству говорила, которую я оставилъ у себя, ежели до отъѣзда Вашего буду имѣть случай у Васъ быть, ибо она требуетъ поясненія и повелѣнія Вашего министру финансовъ.

16.

Отвѣты Государя.

Каменный Островъ, 5 августа 1824 г.

По прошлогоднему.

1) Шталмейстеръ К. Долгорукой спрашиваетъ о выѣздѣ парадномъ Ихъ Величествъ Императрицъ въ Преображенской соборъ, по порядку ли прошлаго года или иначе?

Въ прошломъ году съѣзжались въ Таврической дворецъ и тамъ садились въ парадныя кареты: какъ прикажете, Государь?

Завтра въ Зимнемъ на Невской большой подъѣздъ игумену въ 5-ть, а монаху въ исходѣ 6-го часу.

Князя приму въ четвертокъ на Каменномъ острову, въ 10-ть часовъ утра.

2) Не назначите ли мѣсто и часъ пріема игумена, бывшаго Валаамскаго, и единовѣрческаго монаха.

3) Напомнить считаю долгомъ о К. Алексѣѣ Борис. Куракинѣ, когда и гдѣ ему благодарить за внучку.

*) Свадьба Софіи Александровны Саблуковой и князя Валеріана Григорьевича Мадатова состоялась 13-го іюля 1824 г.

VI.

Записки Императора Александра I къ Р. А. Кошелеву [*]).

1.

1811, avant le départ pour Tver [**]).

Je vous envoie les papiers que j'ai reçus de vous en vous remerciant de me les avoir procurés. Je suis très fâché de n'avoir pas un moment à vous donner avant mon départ, mais aussitôt de retour, ce qui sera Lundi en huit, j'aurai le plaisir de vous recevoir.

2.

Mars 1811, dans le courant de la Semaine Sainte.

Malgré moi j'ai dû renoncer ces jours-ci à vous voir, par le peu de temps qu'il me restait pour les affaires à cause des devoirs religieux de la semaine. Je vous rends bien des grâces pour les sentiments que vous m'adressez, et je place comme vous toute ma confiance dans l'Etre Suprême. J'ai lu avec le plus vif intérêt les petites feuilles que vous avez jointes à votre lettre: je me réserve de vous en parler à notre première entrevue. Finalement je vous envoie des dépêches que je viens de recevoir de Stackelberg par courrier à l'instant. Je compte vous voir Samedi après dîner. Tout à vous.

3.

1 avril 1811. Veille de Pâques.

C'est aujourd'hui, le soir après 8 heures, que je suis prêt à vous recevoir.

[*]) Государственный Архивъ.

[**]) Государь отправился въ Тверь въ воскресенье 12 марта 1811 г., и вернулся въ Петербургъ во вторникъ, 21-го.

4.

1811.

Voici une lettre à cachet volant et une autre particulière pour vous fermée, que je viens de recevoir de Stackelberg. Il paraît que les choses s'améliorent, mais Stackelberg et Schwarzenberg sont entièrement de mon avis de ne pas commencer de notre part la lutte.

5.

1811.

Je suis prêt à vous recevoir aujourd'hui, à 7 heures après dîner.

6.

(6 juin) 1811, à Kamenny-Ostrow.

Mon intention était de voir Armfeld tout de suite après dîner, ensuite Vitoftoff *), et puis vous, pour pouvoir vous parler de ma conversation avec ces deux individus. Si vous souhaitez un autre arrangement, cela m'est très égal; dites-le moi seulement. Tout à vous.

7.

1811.

Si vous dînez aujourd'hui chez ma Mère, venez tout de suite après le dîner. Sinon, alors passez chez moi à 5 heures ½: c'est le moment où à peu près je rentre.

8.

1811.

C'est Jeudi que je vous prie de venir dîner chez moi, et après dîner j'aurai quelques moments à vous donner.

9.

(été 1811.)

Si l'Angleterre a intérêt de voir la Russie dans une position à pouvoir véritablement résister à la France, il est indispensable qu'elle lui facilite la conclusion de la paix avec la Turquie sous des conditions honorables pour la

*) Витовтовъ, Александръ Александровичъ, статсъ-секретарь. См. ниже, стр. 483, № 44.

Russie. Il serait de même essentiel que l'Angleterre aide la Russie dans les dépenses qu'un armement aussi considérable amène indispensablement; en se chargeant, par exemple, de la dette d'Hollande, le but serait rempli. Si de tels résultats sont obtenus par l'entremise de l'Angleterre, alors la Russie terminera sur l'heure tous ses différends avec l'Angleterre en ouvrant ses ports, parce qu'elle sera alors en mesure de résister à l'attaque de la France qui s'en suivra inévitablement.

10.

Juin 1811.

C'est demain après dîner à 7 heures que je compte vous recevoir. J'ai laissé la lettre de Zéa chez moi.

11.

(juillet) 1811.

La présence de beaucoup trop de monde à dîner m'a empêché de vous parler hier. Sur Odessa, je suis parfaitement d'accord; quant au second point, je crois utile de m'en tenir à mon opinion, que je vous ai énoncée l'autre jour. Tout à vous.

12.

19 septembre 1811.

Je vous prie de dire que vous m'avez soumis tous les papiers et que vous attendez ma décision. Tout à vous.

13.

9 octobre 1811.

Si vous trouvez si souvent avoir trop de besogne, jugez donc ce qui doit en être le cas pour moi! Cette quinzaine a été plus remplie d'occupations encore que de coutume. Aussi, de retour de Gatchina, pour où je pars cette après-dînée, j'aurai le plaisir de vous recevoir et de vous entretenir des objets intéressants que vous m'avez communiqués.

14.

11 octobre 1811.

Je ne peux pas vous cacher que le style de votre billet et les expressions dont vous vous servez sur le compte du chancelier m'ont beaucoup surpris. Je ne puis pas permettre qu'on s'énonce ainsi sur ceux que j'emploie.

Vous êtes complètement dans l'erreur de croire qu'on puisse présenter quelque chose au Conseil contre mon intention, et cette affaire n'y a paru que d'après mes ordres. Permettez-moi de vous l'observer, votre opinion seule dans des affaires d'un certain intérêt ne peut pas guider ma décision, et qu'il m'importe quelquefois de faire discuter les objets; c'est pour cela que l'affaire de Caracas a été portée au Conseil. Elle n'a jamais dû passer par le département d'Economie, parce qu'elle est purement politique.

En général, j'ai eu le plaisir de vous répéter plus d'une fois que je ne me conduirais que d'après ma manière de voir, et non d'après celle des autres, et vous tout aussi bien que les autres voudrez bien vous y conformer.

15.

11 octobre 1811.

Je vous ai marqué, encore de Kamenny-Ostroff, de répondre que vous m'avez remis les lettres dont on vous avait chargé et que vous attendez mes ordres. J'ignore pourquoi vous ne l'avez pas fait. Mais je dois vous observer que l'office ci-joint est de la dernière insolence. L'individu qui l'écrit s'y permet un langage que je ne tolérerais pas d'un ambassadeur d'aucune nation quelconque. J'exige de vous de le lui renvoyer en lui en faisant l'observation, et, une autre fois, je me trouverais dans le cas de prendre des mesures contre l'individu, qui le feront repentir de son impertinence.

16.

23 octobre 1811.

Le duc de Richelieu, ayant trouvé moyen d'expédier la lettre du duc de Serra-Capriola, l'en avertit. C'est sa lettre que je joins ici.

17.

Novembre 1811.

Il est indispensable que la lettre passe par le chancelier, car Stackelberg l'a averti de cette lettre. Le reste sera rempli d'après la teneur de votre billet. Saint-Julien, en remettant la lettre au chancelier, pourrait même lui dire qu'il désirait que la réception de cette lettre ne transpirât point.

18.

30 novembre 1811.

Faites parvenir la lettre au comte de Witt. Je vous restitue les papiers du duc de Serra-Capriola, ceux d'Armfeld et ceux de Stackelberg. Dès que j'aurai un moment de libre, je ferai venir chez moi Vitoftoff conjointement avec Gagarine pour voir leurs papiers, et de même, le plus tôt qu'il me sera possible, je vous recevrai.

19.

Novembre 1811.

Je trouve votre dépêche très bien et n'ai rien à y ajouter ou retrancher. Mercredi, je compte vous voir de même que Vitoftoff.

Pendant que je vous écrivais ce billet, je viens d'en recevoir un du chancelier de nulle valeur, que je voulais déchirer. En attendant, je tenais en main la minute de votre dépêche pour la joindre à ce billet, et, par une distraction impardonnable, je l'ai déchirée en deux avec le billet du chancelier. Mais heureusement cela ne fait que deux morceaux, et on peut parfaitement s'en servir pour la copier. Mille excuses de ma bévue. Tout à vous.

20.

19 janvier 1812.

Voici les différentes pièces que vous me redemandez. Je n'ai rien reçu pour le duc de Serra-Capriola. Quand vous serez assez bien pour sortir, mandez-le moi; je vous fixerai une heure pour nous voir.

21.

22 janvier 1812.

C'est demain, à 7 heures après dîner, que je compte vous recevoir.

22.

(См. ниже, стр. 515, № 103.) *26 janvier 1812.*

La Russie, par ses armements et par son attitude, est d'un secours réel à l'Espagne en attirant par là même une très grande masse de forces françaises, qui auraient été dirigées contre l'Espagne, dans le Nord. Sans traités d'alliance, ces deux Etats n'en suivent pas moins une marche qui leur est mutuellement utile. Si la guerre éclate dans le Nord, pour qu'elle puisse

avoir un résultat heureux pour les deux Etats, il faut nécessairement que l'Espagne fasse des efforts pour, profitant du moment où l'attention et les forces de la France seront portées vers le Nord, porter la guerre dans le sein même de la France. Si l'Angleterre en même temps porte des diversions puissantes, d'un côté sur les villes Anséatiques, et de l'autre depuis la Sicile sur l'Italie ou le Royaume de Naples, on pourrait se flatter alors à juste titre que ces efforts réunis atteindraient leur but, celui de faire finir les malheurs de l'Europe.

23.

26 janvier 1812.

Voici la dépêche de Stackelberg et ma petite note sur les affaires d'Espagne.

24.

En envoyant une minute de dépêche pour Vienne.

26 janvier 1812.

J'allais vous envoyer l'autre paquet quand j'ai reçu le vôtre. Je n'ai fait que quelques légers changements dans votre minute.

25.

15 février 1812.

Si votre mal d'yeux ne vous retient pas dans votre chambre, j'ai une heure à moi aujourd'hui pour vous recevoir. C'est à 8 après dîner.

26.

21 mars 1812.

Le duc a fait une réponse à Canning que je trouve très bien et que je lui ai déjà renvoyée. Je suis prêt à vous recevoir cette après-dînée à 8 heures.

27.

Plotzk, le 25 janvier 1813.

C'est avec une vive reconnaissance que j'ai reçu votre lettre du 1er janvier. Des marches continuelles m'ont ôté le moyen de vous répondre plus tôt, et je saisis pour le faire le moment où nous voilà arrivés à la Vistule. Il m'est bien doux d'avoir été compris par vous. Ma foi est sincère et ardente. Elle se

raffermit tous les jours et me fait goûter des jouissances que j'ignorais totalement. Mais ne croyez pas qu'elle date de ces derniers temps: il y a plusieurs années déjà que je cherchais cette voie. La lecture de l'Ecriture, que je n'avais connue que très superficiellement, m'a fait un bien difficile à rendre en paroles. Si j'ai regretté quelque chose dans nos conversations, c'est que trop souvent elles deviennent purement politiques, tandis que mon cœur désirait avec ardeur qu'elles soient spirituelles.

Adressez vos prières à l'Etre Suprême, à Notre Sauveur, et au Saint-Esprit qui émane d'Eux, pour qu'ils me guident, me raffermissent dans la seule voie qui mène au Salut, et me donnent les facultés nécessaires pour achever ma tâche publique, en rendant ma patrie heureuse, mais non dans le sens vulgaire: c'est à avancer le vrai règne de Jésus-Christ que je place toute ma gloire. Tout à vous.

28.

Dresde, le 25 avril.

J'ai reçu avec une véritable reconnaissance le livre admirable que vous m'avez envoyé et je le lis avec avidité. Je demande à Notre Sauveur que la lecture me rende moins indigne de toutes les bontés que la Providence Divine s'est plu à verser sur nous. Tout à vous.

29.

13 décembre 1815.

C'est avec une profonde émotion que j'ai reçu votre lettre et vous exprime avec empressement ma reconnaissance pour tous les sentiments que vous m'y témoignez. Je vous dois beaucoup, vous avez puissamment contribué à me faire adopter la marche que je suis maintenant par conviction, et qui seule m'a fait réussir dans l'ouvrage si difficile que le Très-Haut m'a réservé. Celui qui reste encore à faire dans notre pays natal est peut-être plus difficile encore: mais il ne m'effraye pas, car, ne pouvant agir que par Notre Sauveur, avec Son aide je crois tout possible et c'est à Lui seul que je me remets. Je regrette beaucoup votre indisposition, qui me prive du plaisir de vous voir. Tout à vous.

30.

Moscou, le 7 janvier 1818.

Je saisis le premier moment libre que j'ai pour vous remercier du fond de ce cœur qui vous est bien attaché, pour vos deux lettres du 12 décembre et 1er janvier 1818. J'ai été bien touché de leur contenu et des vœux que vous adressez pour moi à la Source unique de Tout Bien. Mes pensées se

réunissent bien souvent aux vôtres et le désir le plus ardent que j'éprouve, c'est celui de remplir scrupuleusement la Volonté de Notre Divin Sauveur. J'espère dans quelques jours avoir le plaisir de vous revoir à Pétersbourg, où je compte arriver, s'il plaît à Dieu, le 15 ou le 16.

En attendant, je ne puis différer de vous dire un mot sur l'arrivée à Pétersbourg de Mad. de Narychkine. J'espère que vous connaissez trop bien mon état présent pour nourrir la moindre inquiétude sur mon compte à ce sujet. Au reste, aurais-je été encore homme du monde, qu'il n'y aurait pas eu de mérite pour moi à rester complètement étranger à cette personne, après tout ce qui s'est passé de sa part. Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Divin Maître.

31.

Varsovie, le 19 mars 1818.

J'éprouve un besoin de m'entretenir quelques moments avec vous et de vous dire un mot sur mon séjour à Varsovie. Grâces à Notre Divin Sauveur, si miséricordieux pour tous ceux qui Le cherchent et qui ont recours à Lui du fond de leur cœur, je jouis ici de la plus grande tranquillité qu'à Moscou et Pétersbourg. Le Grand Carême y contribue pour beaucoup et Dieu a permis que j'arrange mon temps de manière que, depuis le dîner, je ne sors plus et dans le courant de la soirée j'ai quelques heures complètement à moi, que j'emploie, comme de raison, à mes lectures favorites. C'est *la Philosophie Chrétienne* qui maintenant fait ma récréation. La Bonté Divine a permis aussi que l'époque importante de l'ouverture de la Diète se soit passée à merveille. La disposition des esprits est excellente, et je jouis d'avoir suivi fidèlement envers cette Nation la marche que Notre Sauveur m'a mise dans le cœur. Je vous envoie mon Discours d'Ouverture. C'est encore un de ces ouvrages où, complètement inexpérimenté, et sentant parfaitement la difficulté de ma position et combien ce que j'avais à prononcer du haut du Trône, pour la première fois de ma vie à peu près, à la face de l'Europe entière n'était pas facile à être rédigé, je me suis encore adressé à ce Divin Sauveur avec ferveur, et Il m'a entendu et permis qu'il sortît de ma plume ce que vous allez lire, avec très peu de corrections pour le style, que j'ai fait faire par de plus éloquents que moi. En général, toute cette séance était vraiment imposante et touchante par les sentiments qu'elle a produits. Je n'entre pas dans les détails de l'enchaînement et de la suite de mes idées, pour la rédaction de mon discours; votre cœur saura vous les expliquer en les lisant avec attention. Et quand on pense que c'est à ceux qui passaient pour nos plus cruels ennemis que la Russie tient ce langage et que du haut du Trône Polonais à Varsovie on parle des principes de notre Divin Législateur et de la Morale Chrétienne, comment ne pas se sentir embrasé de la gratitude la plus brûlante envers Lui! Ah! je la sens du fond de mon cœur, cher Родіонъ Александровичъ, et votre cœur chrétien la sentira comme moi. En général, depuis notre dernière

conversation chez vous, je ne puis vous exprimer combien le sentiment de la tendre amitié que je vous porte a pris une force de plus, et combien, dans tous ces moments où je me place aux pieds de Notre Divin Maître, notre réunion avec vous est devenue encore plus intime.

Mille et mille choses à Galitzyne et à l'Archevêque Michel, à la bénédiction duquel je me recommande. Priez tous pour moi que Notre Divin Sauveur m'aide de jour en jour à devenir moins indigne de Le servir avec cet abandon et cette désappropriation de moi-même que je voudrais y mettre. Tout à vous de cœur et d'âme en Son Nom et pour Son œuvre pour toujours.

Le Discours n'est pas un secret; il est publié, comme de raison.

32.

Varsovie, le 26 mars 1818.

Il y a peu d'heures que j'ai reçu votre intéressante lettre du 19 mars, cher ami, et je ne veux pas tarder un moment pour vous en remercier. Par celle que vous avez dû recevoir de ma part, vous avez dû vous convaincre que, loin de m'importuner par la vôtre, elle ne pouvait que me causer un vrai plaisir. Bien loin de n'être occupé, comme vous le croyez, que de faits temporels, ma principale occupation, par la Miséricorde Divine, n'est que l'avancement de Son ordre et un travail très appliqué sur moi-même dans ce but unique. Jamais je n'ai mené une vie plus sédentaire et plus retirée qu'ici; ainsi je ne suis nullement distrait de la marche spirituelle.

L'affaire du Métropolite, terminée de cette manière, m'a causé un plaisir extrême; depuis quelques jours, j'en avais comme un pressentiment dans mon cœur. Mais permettez-moi, cher Родіонъ Александровичъ, de vous dire, avec cette franchise entière qui préside dans mes relations avec vous, que je ne partage pas votre opinion à ce sujet. Ce peu de part que j'ai eu pour ma personne à ce résultat est justement ce que je trouve de plus satisfaisant. Cela devient visiblement une œuvre de Dieu, et c'est là ce qu'il fallait. Rendez-moi la justice d'avouer que, chaque fois qu'il en était question entre nous, je vous ai toujours répété que j'avais une foi complète que le Sauveur arrangera cette affaire Lui-même dans le temps opportun. Mon attente, comme vous le voyez, n'a pas été trompée, et j'aime mille fois mieux un résultat amené purement par la foi et la prière, que par une opération humaine. Dans cet instant la pendule vient de sonner. Ah! cher ami, je ne m'abuse pas dans le sentiment de mon cœur. Aimons à Lui tout devoir, à ne mettre notre esprit qu'à Lui et à ne tout attendre que de Lui seul: alors tout viendra en son temps et à propos. Mais pour cela redoublons de ferveur, de foi, de sévérité sur nous-mêmes, et de confiance dans Sa Miséricorde Divine. Je reçois avec soumission, humilité et reconnaissance les admonitions que vous m'adressez et je tâcherai de les mettre à profit. Mais, pour cela même, je vous invite avec instance de vous expliquer plus clairement sur *les influences qui diffèrent*

la condition absolue des deux voies, expressions mêmes de votre lettre. Parlez-moi sans réticences, et je vous en saurai véritablement gré.

Je reçois de même avec soumission tout ce que vous me dites sur Léonard et ses papiers. Maintenant qu'il est avec vous, tâchez de trouver jour sur la manière de mettre à exécution son plan de découvertes. Jusqu'ici rien ne s'est offert à ma pensée dans ce sens.

Tout ce que vous me dites sur le Palais Michel m'a été droit au cœur. Pour cette œuvre-là, je sens un véritable embrasement et je le sens pendant mes prières, auxquelles vous et notre troisième sont constamment associés.

Adieu, cher ami, que le Très-Haut soit constamment avec vous et qu'Il vous éclaire de Sa Divine Lumière. Tout à vous pour Son œuvre.

33.

Aix-la-Chapelle, le 20 septembre 1818.

Je m'empresse de vous annoncer par le premier courrier qui part d'ici, cher ami, que, grâces à Notre Divin Sauveur, je suis heureusement arrivé à Aix-la-Chapelle le 16 au soir. Autant qu'il m'a été possible de juger dans ces trois jours, les dispositions des Cabinets alliés sont très bonnes, et il règne la plus grande harmonie ainsi qu'une conformité complète dans la manière de juger les questions qui doivent nous occuper. Aussi j'espère, avec l'aide du Tout-Puissant, que notre besogne marchera bien et sans perte d'un temps précieux.

Selon ma promesse, j'ai voulu vous faire part de ces données le plus tôt possible. Bien des choses à Galitzyne, je vous prie. Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Sauveur.

34.

Le 9 juin 1819.

Votre écrit de ce matin est venu à point. Il m'a fait un bien réel. Je sens dans mon cœur que c'est la vérité qui doit fixer toute mon attention spirituelle et être l'objet de mes soins assidus. Priez pour moi.

35.

Jeudi soir.

Je suis très impatient moi-même de vous voir, et je vous prie de venir chez moi demain, après le dîner, à 6 heures. Tout à vous.

36.

Mercredi matin.

Je suis très impatient du plaisir de vous revoir et je vous attends chez moi ce soir, à 7 heures. Tout à vous.

37.

Vous avez désiré me voir avant ou après Noël. Je vous avertis que j'ai du temps ce soir, après 8 heures; mais je ne sais si cela peut vous convenir. Si vous pouvez venir sans que cela vous dérange, je serais très aise de vous recevoir. Tout à vous.

38.

Mardi.

Je vous rends bien des grâces pour ce que vous m'avez envoyé et que j'ai lu avec tant d'intérêt. Dans le peu de temps qu'il me reste à passer ici, j'espère vous voir encore deux fois, s'il plaît à Dieu, et nommément Lundi, à 7 heures du soir, chez moi, et Samedi, un peu plus tard, chez vous. C'est là où je vous dirai adieu après avoir consacré toute notre soirée à nos conversations habituelles. Tout à vous en Notre Sauveur.

39.

Samedi.

J'espère que vous aurez pensé que c'est Samedi aujourd'hui et que vous viendrez chez moi. Je vous attendrai à 7 heures et ½. Si par hasard vous ne vous sentiez pas tout à fait bien, c'est moi qui viendrais chez vous à la même heure. Tout à vous.

40.

Lundi.

J'aurais profité déjà aujourd'hui de la proposition que vous me faites, si je ne devais aller en ville ce soir. Aussitôt de retour, je vous prierai de passer chez moi pour m'entretenir avec vous, indépendamment de nos réunions de Samedi. Tout à vous.

41.

Mardi matin.

C'est avec une véritable reconnaissance que j'ai reçu le don que vous m'avez fait ce matin. Joignez aussi vos prières aux miennes, pour que la lecture de ce livre ait pour moi l'utilité nécessaire. Tout à vous.

42.

Au lieu de venir chez moi aujourd'hui, après le dîner, comme nous en étions convenus, je vous propose, cher ami, de passer plutôt la première soirée de l'année demain chez moi, dans notre réunion habituelle avec Galitzyne. Nous aurons par là plus de temps et j'aime à commencer l'année de cette manière. Heureusement demain soir il n'y a rien à la Cour. Tout à vous de cœur et d'âme.

VII.

Письма Р. А. Кошелева къ Императору Александру I.

1.

27 avril 1810.

Une ouverture importante pour les intérêts de V. M. I. venant de m'être faite, et un papier y relatif remarquable m'étant confié, je n'ose pas différer, Sire, à vous demander une audience, en suppliant V. M. de vouloir me l'accorder sans délai, dans les moments les plus opportuns pour Elle. Je suis avec dévouement à Ses pieds.

2.

29 avril 1810.

L'ouverture qui m'a été faite sous le rapport politique me paraît d'autant plus intéressante, qu'elle arrive d'un côté où V. M. I. fait une guerre qu'il est si désirable et si urgent de terminer. Daignez croire, Sire, que ce n'est que pour la décharge de ma conscience que j'ose vous presser de m'entendre, car, pur d'intention, mon unique but est de marcher humblement sous la garde de Celui, à qui je dois uniquement compte de mes actions. Je suis avec respect aux pieds de V. M.

3.

13 juin 1810.

Le baron Armfeld, que j'ai beaucoup connu dans mes voyages et que sous tous les rapports je crois savoir apprécier à sa juste valeur, m'a, dans les deux fois qu'il est venu me voir, vivement intéressé par les confidences qu'il m'a faites en général, et par les notions qu'il m'a communiquées en particulier sur la Suède et sur les personnages qui y figurent dans ce moment. Plein de capacités, pas mal ambitieux encore pour son âge, et ayant

toujours été anti-napoléonien, je suis convaincu que V. M. pourrait en tirer un grand parti pour Son service, en provoquant la fougue de son dévouement pour sa nouvelle patrie et Votre Auguste Personne, Sire, sentiment dont il m'a paru glorieux et pénétré. D'après ces mêmes confidences, j'ai lieu de croire que M. de Schœnbom, arrivé récemment de Stockholm, doit être chargé de quelque chose de particulièrement confidentiel pour V. M. Ces faits exposés, il ne me reste qu'à vous supplier, Sire, de n'y voir que mes motifs.

4.

15 juin 1810.

Relancé de nouveau par une confiance qui ne peut que me flatter, je crois devoir encore cette fois transmettre à V. M. les communications ci-jointes, qui, quoique antérieures à celles que j'ai déjà eu l'honneur de mettre en Sa possession, semblent néanmoins être d'un grand intérêt. Me dévouant aussi par zèle pour le service de ma patrie et le vôtre, Sire, quand même je foulerais toute considération sous le rapport de ma propre personne, je ne saurais, à cause de l'épineux des temps, le faire sous celui du loyal duc, qui, avec un abandon aussi prononcé, se confie à moi. J'ose donc supplier V. M. de le préserver du plus léger compromis dans cette circonstance, comme de me renvoyer la lettre de M. Adair, et le traité français avec la Perse, que le duc redemande.

N'agissant dans cette occasion que par l'impulsion profonde de ma conscience, cette tâche une fois remplie, je jouis du sentiment d'être en paix avec moi-même, sans arrière-pensée quelconque, tant pour le général que pour le personnel.

5. *

23 août 1810.

Si mon respect pour les occupations multipliées de V. M. m'a imposé la loi de L'importuner le moins possible de ma personne et de mes communications, ce n'est pas que tout ce temps je n'eusse été assez fondé pour désirer de la faire. Cédant néanmoins à l'empire des circonstances, je me suis voué à autant de discrétion sous mon rapport, qu'à ma très grande sensibilité, j'ai cru remarquer de réserve sous le vôtre, Sire. Si dans tout cela il y en a suffisamment pour le repos de ma conscience, il n'en est pas à beaucoup près de même pour mon zèle et mon dévouement, et je n'ose plus cacher à V. M. que, le cœur gros du dernier résultat politique relatif à l'élection de Bernadotte, je ne puis voir qu'avec une profonde douleur la paix avec la Porte dans un vague inquiétant, appréhendant des conséquences aussi subversives qu'elles me paraissent prochaines.

Dans une entière désappropriation de moi-même, c'est peut-être le dernier élan de mon dévouement que j'ai l'honneur de transmettre ici à V. M. I.,

auquel toutefois j'ai celui d'ajouter pour correctif que mes notions sur l'Espagne se soutiennent sur le même pied, que la prise de Ciudad-Rodrigo est une bluette après laquelle le maréchal Masséna a été obligé de rétrograder et de diviser ses forces, faute de subsistance, que les Cortès sont déjà rassemblés depuis plus d'un mois, qu'une nouvelle constitution sera annoncée à l'Europe, de manière à l'étonner, que les Amériques y seront comprises non plus comme colonies, mais comme parties intégrantes de la Monarchie, qu'enfin le courage y est remonté au point qu'on y croit à l'impossibilité d'être subjugué par l'ennemi du monde, et voilà probablement ce qui porte celui-ci à vouloir bouleverser d'autres contrées, afin de se soutenir dans l'opinion de ses malheureux sujets, dont il fouette cruellement le sang. Tels sont, Sire, les actes d'une Nation, qui, fidèle aux principes de ses ancêtres, conserve un profond respect pour leur religion et leurs us, et ne se laisse pas imprégner d'innovations illuminatiques.

6.

24 septembre 1810.

M. Colombi m'ayant prévenu qu'il avait reçu de Cadix des offices du plus grand intérêt, j'ai cru, lorsque je l'ai vu, devoir exiger que toutes les communications contenues dans ces offices tendantes à des ouvertures à faire à V. M. I. fussent traduites avec précision et exactitude, en déclarant que ce ne serait que de cette manière que je les porterais à votre connaissance, Sire. Le digne espagnol, ayant acquiescé à mon désir, vient de m'envoyer ces traductions, que, munies de sa signature, j'ai l'honneur de transmettre à V. M., en les accompagnant de la lettre qu'à cette occasion il m'a adressée. Ces ouvertures, étant les premières de ce genre depuis celles qui, par mon canal, ont été faites par feu le comte Florida-Blanca, fixeront sûrement l'attention de V. M., le respectable gouvernement espagnol méritant des égards et des ménagements à cause de ses précieuses dispositions pour la Russie.

Les lignes que, dans le № 1, j'ai pris la liberté de souligner, laissant à V. M. une latitude digne de Son aplomb, pourront peut-être dans ce moment être utilisées pour Ses finances gênées. Car, quant à la loyauté et à la discrétion, elles Lui sont garanties par le peu qui a transpiré depuis que, par Son autorisation, le fil voilé m'est confié. J'attendrai les ordres de V. M., après que, dans Sa sagesse, Elle aura pesé et mûri les réponses à faire à des ouvertures aussi importantes dans ce moment qu'elles peuvent être utiles dans la suite.

7.

5 octobre 1810.

M. de Vitoftoff, revenu après l'expiration de son congé de quatre mois, s'était flatté qu'il serait traité à son retour par V. M. I. comme il l'a été à son départ. Le voyant troublé de ce mécompte, et désirant le maintenir dans son

courage pour le travail, j'ose vous supplier à genoux, Sire, de daigner recevoir cet honnête individu, la première fois qu'il prendra la liberté de se présenter à la porte de votre cabinet. Ce sera la seule et unique fois que j'oserai réclamer pour lui une telle faveur. Une audience de 5 à 6 minutes est bientôt passée, et cette grâce remplira mes vues, sous des rapports autant de service qu'à moi personnels, qu'en attendant que je puisse les détailler à V. M., Son tact Lui expliquera de reste, eu égard à la place que, par Ses hautes volontés, j'occupe. D'ailleurs, je ne crois pas devoir cacher ici que, l'intention de M. de Vitoftoff étant de quitter le service, je l'engage de ne pas en faire la démarche de quelques mois encore, afin de compléter notre œuvre commune et obtenir ensuite une retraite sans désagrément. J'use dans cette occasion comme dans toute autre, Sire, de la franchise la plus illimitée, résolu à persévérer dans cette marche, tant que la Providence inspirera à V. M. des dispositions à m'y maintenir, et me pénétrera en même temps de la conviction que je puis ne pas être inutile à Son service.

M. Colombi, ayant déjà accusé par voie extraordinaire la réception de ses derniers offices, désire naturellement, pour l'acquit de ses devoirs, être muni de vos ordres y relatifs, Sire. Tout en usant, pour le rassurer, des armes de la persuasion que la confiance qu'il me témoigne me suggère, je me crois néanmoins obligé de soumettre le cas à l'attention particulière de V. M. I.

Indépendamment de cette ouverture remarquable, j'aurais, d'après mes notions et mes aperçus, d'autres communications à faire à V. M., si je ne craignais de paraître importun, comme je l'ai craint lors de l'élection de Bernadotte, dont j'étais sûr plus de quinze jours avant qu'elle eût été connue ici.

Ma manière de servir V. M. Lui a été démontrée, je me flatte, ces jours passés; car, sans la nomination du comte de Litta, elle serait à ignorer, que depuis plus de deux ans je sers, j'ose le dire très effectivement, sans traitement et sans appointement quelconques. Cette circonstance vous prouvera également, Sire, que, dans ce qui est même de règle et de justice, j'évite le plus que je puis, surtout lorsque l'intérêt m'est personnel, l'intervention des tiers.

8.

12 octobre 1810.

J'ai l'honneur de porter à la connaissance de V. M. I. les pièces intéressantes ci-incluses, exactement traduites des originaux espagnols; ce que M. Colombi m'a promis de continuer, en tant que, dans la totalité de ceux qui lui entreront, il s'en trouvera d'aussi remarquables. V. M. appréciera sûrement à sa juste valeur le patriotisme d'une nation généreuse qui, s'identifiant avec les principes de son respectable gouvernement, le seconde de manière à forcer l'admiration de ses contemporains et à s'assurer celle de la postérité.

Ambitionnant à baser de même mon service sur l'échelon inébranlable qui, [illegible] mon dévouement pour mes devoirs, me maintiendra sous la garde

d'une conscience pure dans le présent comme dans l'avenir, je ne saurais ne pas déplorer le funeste concours de circonstances qui a imposé à V. M. la plus prudente, comme la plus indispensable réserve à des ouvertures du plus grand intérêt, faites finalement en dépit des événements passés, avec la loyauté et la franchise qui caractérisent de nos jours le gouvernement espagnol.

M. Colombi partage vivement ce cuisant regret. Toutefois, plein de zèle, il s'oublie entièrement dans cette circonstance, par la confiance qu'il veut bien continuer à m'accorder, et, sans pouvoir calculer l'effet que produira à Cadix la nullité d'une démarche dont il s'était promis quelque succès, il ne renonce pas encore, en fervent cosmopolite, à entretenir par tous les moyens que notre courage nous inspirera mutuellement, le fil précieux qu'il serait si désespérant de voir rompu. Ayant donc réussi à le décider à se contenter uniquement de mon individualité, que, par votre autorisation, Sire, je ne balance pas à mettre en jeu, j'ose assurer V. M. que, sous aucun rapport, Sa Personne ne se trouve pas plus avancée cette fois qu'elle ne l'était lors de l'ouverture de feu le comte Florida-Blanca.

Après cet exposé fidèle de ma conduite, me reposant sur votre magnanimité, Sire, j'ose déposer ici à vos pieds mon humble et seule prière que, dans la supposition où, malgré mon zèle et mes soins, je finirais par me convaincre qu'il ne me sera plus possible d'être utile à votre service, V. M. daignât me permettre de me soustraire en entier aux affaires, qui commencent à prendre d'une manière un peu trop sensible pour mon physique, sur mes forces morales. C'est fondant pour les cas à venir mon espoir sur une telle justice de V. M. que, pour La servir, j'userai du reste de mes moyens, sous la garde de Celui à qui je me confie pleinement.

Les cajoleries de circonstance de l'Empereur Napoléon ne peuvent être évaluées qu'à raison de ses embarras; car la déposition de Lucien Bonaparte au gouvernement britannique à Malte par écrit, et l'aventure du drogman de l'ambassadeur persan, connue de vous, Sire, crèvent les yeux sur ce à quoi on doit s'attendre d'une ambition effrénée, toujours disposée à fouler aux pieds ce qu'il y a de plus sacré.

9.

19 novembre 1810.

M. Colombi, après m'avoir demandé à le voir hier dans l'après-dînée pour me communiquer la traduction d'une lettre de l'agent de la Régence Espagnole accrédité auprès de la Porte, que le dernier courrier autrichien lui a apportée, je lui en demandai une copie, que, venant de recevoir dans le moment, je crois de mon devoir de faire passer à la connaissance de V. M. Je suis avec dévouement à Ses pieds.

10.

23 novembre 1810.

Remplir les ordres de V. M. I. (en Lui transmettant cette nouvelle traduction, qui lui attestera la difficulté, pour ne pas avoir la témérité d'exprimer l'impossibilité, qu'aura l'Empereur Napoléon de subjuguer l'Espagne), est, je l'avoue, un devoir dont je m'acquitte avec zèle, dévouement et patriotisme. Commençant à être quitte d'un rhume qui pendant plusieurs jours m'a retenu à la maison, j'espère avoir le bonheur de pouvoir bientôt me présenter devant V. M.

11.

28 novembre 1810.

Me voyant placé par la Providence de manière à ne me considérer dans ma carrière temporelle que comme instrument de Sa volonté, je ne me permettrai plus, d'après mon serment et les principes de la philosophie qui me dirigent, de ne pas vous envisager, Sire, comme celui qui, sur la terre, devez être pour moi au-dessus de toutes considérations et de toutes affections. D'après cet exposé de plein abandon, je confie à V. M. la lettre d'un ami de vingt-cinq ans, qui, pour la première fois depuis qu'il est à son poste, me parle sans réserve de ses aperçus politiques et de sa position individuelle. Agissant de la sorte, je désire prouver que, tant qu'il vous plaira de m'honorer de votre précieuse confiance, Sire, vous serez maître absolu de mes pensées et de mes actions, en tant que le tout pourra être concilié avec ma conscience. Pour l'intelligence de V. M., je ne balance pas à Lui confier l'explication de l'espèce de chiffre dont depuis nombre d'années nous nous servons avec le susdit ami, que je La supplie de jeter au feu après avoir pris connaissance du contenu de la lettre.

12.

13 décembre 1810.

Un agent de la Régence Espagnole, arrivé ici par terre, adressé ostensiblement au général Pardo, et clandestinement à M. Colombi, apporte des communications verbales de la plus haute importance, qui, il y a une heure, viennent de m'être confiées. Désireux de les porter à la connaissance de V. M. I., je La supplie, pour m'acquitter de cette tâche, de me fixer des moments opportuns pour Elle.

13.

17 décembre 1810.

En faisant passer à V. M. I. des communications nouvelles, telles que je viens de les recevoir, je profite de la circonstance pour Lui annoncer que, conformément à Ses volontés, j'ai réussi à persuader M. de Vitoftoff de rester au service. La première fois que j'aurai le bonheur de vous voir en particulier, Sire, j'aurai celui de déposer à vos pieds la profonde gratitude de ce serviteur pour ce que j'ai été autorisé à lui annoncer.

14.

24 décembre 1810.

En transmettant à V. M. I. les certitudes qu'Elle a désirées, je La supplie de vouloir me restituer sans délai le passeport de la Régence de M. Zea, qui, en me le confiant, m'a expressément demandé que cela fût fait ainsi.

Mon zèle m'imposant l'impérieuse loi de fixer l'attention de V. M. sur l'importance des ouvertures, pour les résultats à venir, entrées du Midi, je La prie en outre d'agréer mon papier ci-annexé, comme l'hommage le plus dévoué de tout mon abandon. Je suis aux pieds de V. M.

15.

26 décembre 1810.

Après avoir vu deux fois M. Zea chez M. Colombi et longuement causé avec lui, je crois pouvoir oser garantir que sa mission porte tout le cachet de la pureté de l'intention, de la profondeur des conceptions, en un mot de toute la loyauté et sagesse qui caractérisent de nos jours l'infiniment remarquable gouvernement espagnol. Les notions qu'il apporte sous les rapports particuliers et généraux surpassent en importance et intérêt les idées que nous nous en sommes formées, et mon seul désir serait que V. M. pût le voir et l'entendre pour s'en convaincre par Elle-même. Envisageant, vu la crise du moment, cette négociation voilée comme l'événement politique le plus intéressant de votre règne, Sire, je ne vous cacherai pas que, tout flatté que je sois de m'y trouver placé comme intermédiaire, je me croirais, d'après mon intime conviction, dans l'obligation de me retirer entièrement des affaires, si ce fil précieux que la Providence daigne me confier pouvait se rompre par le funeste concours de circonstances que je ne cesse de déplorer.

En déposant cette vérité aux pieds de mon Maître chéri sur la terre, en mon Maître adoré au Ciel, je prends la liberté de solliciter la restitution du passeport que M. Zea vient de me faire redemander encore.

16.

6 janvier 1811.

En transmettant à V. M. I., pour Sa connaissance préalable, la copie de la lettre que M. Zea remettra demain à M. de Gourieff, je La supplie de ne pas paraître en être instruite, lorsque Son ministre des finances soumettra l'objet à Sa haute décision. Quoique, à cause des circonstances difficiles du moment, cette démarche ne sera proprement faite que pour voiler le but final du séjour de M. Zea dans cette capitale, il se pourrait néanmoins qu'il en résultât des commencements d'avantages commerciaux pour les deux nations.

17.

10 janvier 1811.

M. Colombi m'ayant annoncé avant-hier que des nouvelles de l'agent de la Régence Espagnole à Constantinople lui étaient entrées, je le priai de m'en donner une traduction exacte, qu'il m'apporta hier et, sur ma demande, n'hésita pas à me confier en même temps la lettre originale. En les portant à la connaissance de V. M., je La supplie d'avoir la bonté de me restituer la dernière.

18.

16 janvier 1811.

La lettre ci-jointe, et une précédente que M. Colombi m'a écrite il y a quatre jours à peu près dans le même sens, prouveront à V. M. I. l'urgence pour moi de L'approcher, afin de poser, sous l'égide de la plus sage politique comme du plus profond mystère, un fondement solide à des liens du plus haut intérêt pour notre Patrie.

Malgré toute la prudence qui, j'ose le garantir, s'observera à l'avenir comme elle s'est observée depuis trois ans, des mesures qui ne présenteront pas le caractère de la plus grande sûreté ne satisferont pas un gouvernement respectable, qui, dans ses conceptions étendues, embrasse l'avenir comme le présent, et, sous ce rapport, offre à la Russie pour le moment des avantages inappréciables, étant décidé en outre à faire d'autres sacrifices tendants au salut et à la gloire des deux pays. Tels sont, Sire, les produits d'une philosophie qui émane de l'Incréé, différente de celles qui dans leurs subtilités, ne faisant que singer la perfection, séduisent, égarent les faibles mortels et perdent les États.

Mû dans cette circonstance remarquable de mon service par le sentiment unique de mon devoir, j'ai besoin d'entretenir longuement cette fois V. M. d'objets aussi sérieux qu'importants; je La supplie en conséquence de m'en faciliter les moyens de la manière la plus opportune pour Elle, à cause du prochain départ de M. Zea.

19.

19 janvier 1811.

Je m'empresse de restituer à V. M. l'intéressante notice de Sa Main Auguste, qui, ajoutée aux communications confidentielles que j'ai été autorisé de faire verbalement, a produit un effet merveilleux sur nos loyaux amis. Désirant vous rendre, Sire, une réflexion de M. Zea sur Constantinople et une assurance positive donnée par le même pour tous les cas, eu égard à l'état physique de M. Colombi, je supplie V. M. de m'accorder une audience de 5 à 6 minutes.

20.

27 janvier 1811.

L'état de M. Colombi ayant fait différer et l'expédition de M. Zea, et la composition de la missive à Constantinople, je m'empresse, à présent que dans le susdit état il y a un petit mieux, de soumettre à V. M. la traduction en français de l'office espagnol, auquel M. Colombi ferait les corrections que V. M. jugerait nécessaires.

Je profite de cette occasion pour vous informer, Sire, que M. de Vitoftoff, après avoir mis plusieurs jours à chercher dans ses papiers celui que vous lui avez fait demander par moi, l'a à la fin trouvé et le fait mettre au net.

21.

29 janvier 1811.

En m'empressant d'envoyer à V. M. le papier que M. de Vitoftoff vient de m'apporter dans l'instant, j'attends Ses ordres relatifs à M. Zea, qui désire partir Samedi ou Dimanche prochain. J'ai en outre à entretenir V. M. d'objets intéressants, témoin les deux petites missives que, dans l'intime de la plus profonde confiance, je me crois obligé de porter à Sa connaissance. Je me réserve de vous parler plus au long, Sire, d'un projet dont, sans de bonnes enseignes, je n'ai jamais voulu me mêler, et qui date encore du temps du prince de Schwarzenberg.

22.

31 janvier 1811.

Impatient de verser dans le sein de V. M. ce que de tous côtés la confiance de plusieurs a déposé dans le mien, particulièrement depuis l'audience de la semaine dernière du comte de Saint-Julien, je me condamnerais de ne

pas insister, Sire, que vous me permettiez de vous voir le plus opportunément possible avant l'expédition de vos courriers pour Paris et pour Vienne. Comme précurseur de tout ce que j'ai à dire à V. M., j'ai l'honneur de Lui passer le billet confidentiel ci-joint, en La suppliant de me le renvoyer encore aujourd'hui.

23.

4 février 1811.

Ayant l'honneur de passer à V. M. l'office espagnol, j'ai celui de Lui annoncer qu'il paraît que l'Empereur Napoléon a conçu le projet de faire abdiquer son frère Joseph en sa faveur, et de réunir de cette manière l'Espagne et le Portugal au grand Empire. J'avoue qu'une telle fougue d'ambition, sans me surprendre, ne parlerait pas puissamment pour la profonde politique du grand homme.

Le comte de Saint-Julien, que j'ai vu hier et que j'ai beaucoup engagé à être franc du collier avec V. M., m'a confirmé dans l'opinion que j'avais, que sa Cour, malgré son désir sincère de rapprochement, est d'une timidité à côté de laquelle il est essentiel que nous usions de beaucoup de prudence avánt notre paix avec la Porte, sans laquelle je croirais que, par peur, elle ne se permettra pas de penser à aucune acquisition de ce côté.

24.

5 février 1811.

Le comte de Saint-Julien, ayant demandé à me voir hier, s'est concerté avec moi sur la marche officielle et confidentielle qu'il aurait à observer, et nous en sommes convenus sous les deux rapports. Mais comme en outre il m'a fait deux questions que j'ai prises *ad referendum*, dont l'une, très confidentielle, indubitablement avec intention, j'ai besoin de porter le tout à la connaissance de V. M. Comme une audience de 10 à 12 minutes sera pour cela suffisante, je demande vos ordres, Sire, pour le moment de me présenter.

25.

7 février 1811.

Le comte de Saint-Julien a été aux anges de la confidence dont j'ai été l'organe, et m'a protesté, non foi de ministre, mais foi de gentilhomme, que non seulement jamais proposition d'échanger la Galicie contre le Littoral n'a été faite à sa Cour, mais qu'il croyait qu'après l'ouverture de V. M., toute offre de ce genre serait à l'avenir déclinée. Désireux de porter à votre connaissance, Sire, maintes séductions mises en œuvre pendant le séjour du comte Metternich à Paris, je prie V. M. de me fixer pour cela une demi-heure opportune.

Devant écrire incessamment au comte de Stackelberg, s'entendre et préciser, en politique, est, ce me semble, de la plus absolue nécessité.

26.

9 février 1811.

M. Zea, qui compte partir Jeudi prochain, telle chose qui arrive avec Colombi, m'a enchanté hier et aujourd'hui par les confidences du plus haut intérêt dont, de plein abandon, il a complété toutes celles qu'il m'avait déjà faites, ce qui ajoute à l'idée qu'il m'a déjà suffisamment donnée du prix que son gouvernement met à l'alliance avec la Russie. Ne pouvant pas résister à la passion que j'ai que V. M. le voie et l'entende, et croyant dans mon dévouement avoir trouvé pour cela un moyen qui ne me paraît pas présenter d'inconvénient quelconque, je vous prie, Sire, de me permettre de vous voir ce soir pour cinq à six minutes, afin de vous soumettre mon mode.

27.

15 février 1811.

Nos loyaux espagnols ayant reçu un avis remarquable de leur ambassadeur à Londres, M. Zea est venu chez moi il y a une heure, pour éclaircir un objet sur lequel V. M. seule peut donner des lumières qu'ils désirent avoir et qu'ils me semblent mériter par le dévouement prononcé avec lequel ils agissent. Il m'importera en conséquence de voir V. M. avant le départ de M. Zea, retardé uniquement à cause du testament de M. Colombi, dont on a commencé à s'occuper depuis hier matin, et duquel j'aurai également à dire quelques mots à V. M.

28.

18 février 1811.

L'urgence d'une toute petite audience aujourd'hui m'impose, pour avoir ce bonheur, l'obligation de supplier V. M. de daigner me préciser le quart d'heure le plus opportun pour Elle. Je suis à vos pieds, Sire, en sujet aussi dévoué qu'humble.

29.

24 février 1811.

Le comte de Saint-Julien ayant demandé à me voir ce matin, il m'importe de porter à la connaissance de V. M. ce qui a motivé cette entrevue. J'ai en outre à demander vos ordres, Sire, pour l'audience de M. de Vitoftoff, qui me parait essentielle, tant sous le rapport du pap.er relatif aux fabriques de drap

que sous celui de l'organisation de la Chancellerie, dans laquelle vous avez daigné agréer que mon neveu Gagarine *) fût placé.

30.

8 mars 1811.

Malgré mon respect pour les occupations de V. M. et le désir que j'aurais de ne pas L'importuner, l'urgence de mettre la dernière main à l'œuvre de la bienfaisance m'impose l'obligation de Lui demander la faveur d'une prompte audience pour M. de Vitoftoff. Indépendamment de Votre Auguste sanction, Sire, qu'exige cet objet, cette audience déterminerait en résultat final de placement de mon neveu Gagarine, que, de cette manière, il est si essentiel de voiler sous un autre rapport.

Je supplie en outre V. M. de me renvoyer la brochure que j'ai eu l'honneur de lui remettre la dernière fois que j'ai eu celui de La voir, qui, n'étant pas à moi, peut d'un jour à l'autre m'être redemandée.

31.

22 mars 1811.

En portant aux pieds de V. M. mes félicitations dévouées sur Son heureux retour dans la capitale **), où Sa présence est toujours, et a été particulièrement cette fois, si ardemment désirée, je m'empresse de passer à Sa connaissance les deux offices qui me sont entrés pendant Son absence. L'espagnol est une réponse à celle que V. M. a jugé à propos de faire simplement en mon nom aux ouvertures officielles du gouvernement de Cadix, transmises en automne dernier par feu M. Colombi. Gros en outre, Sire, de tout ce que j'ai à dire et à lire à V. M. sur ce qu'en sus j'ai reçu de Vienne, je La supplie de me permettre de La voir sans retard, car plus mon aplomb par le développement des événements devient épineux, plus il m'importe de me munir d'instructions et d'ordres, désireux que je suis de ne négliger quoi que ce soit dans des transactions d'un si haut intérêt.

32.

29 mars 1811.

Cédant à une impulsion forte, à laquelle je ne sais ni ne veux résister, je mets aux pieds de V. M. les petites feuilles ci-jointes, que, dans le plus

*) Князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, р. 1789 г., † 1872 г., сынъ генералъ-поручика [illegible] Павла Сергѣевича Гагарина отъ брака съ Татьяной Ивановной Плещеевой, родной сестрой жены Р. А. Кошелева.

**) [illegible] изъ Твери во вторникъ, 21 марта 1811 г.

désapproprié des dévouements, je Lui consacre comme résultat d'une de nos conversations et garantie de la philosophie par laquelle je prie sans cesse qu'il me soit accordé de me diriger. Je remets l'effet de ma démarche à Celui à qui je m'abandonne en entier en tout et partout.

Le besoin de causer avec V. M. (sur des objets qui, quoique d'un genre différent, sont néanmoins pour le temporel de la plus haute importance) me presse également, et en conséquence je désire de ne pas trop en voir différer le moment.

Le comte de Saint-Julien est encore venu avant-hier me faire plusieurs questions préalables avant l'arrivée de son courrier, qu'il attend d'un moment à l'autre. Dans l'ignorance où je suis de tant de choses, j'ai tâché de répondre le mieux que j'ai pu.

J'ose, dans mon indignité, prier le Père Commun que, dans les actes que V. M. exercera aujourd'hui et demain, Sa grâce se prononce en Elle! Je profite de cette occasion, Sire, pour vous supplier de dire un mot d'obligeance à votre confesseur, relativement à sa présidence.

33.

31 mars 1811.

Le courrier autrichien est arrivé. Le comte de Saint-Julien, qui sort de chez moi, désire savoir si la lettre autographe de son Maître vous soit remise par le chancelier, par moi, ou par le comte Saint-Julien lui-même. Son vœu en outre, qui, vu les circonstances, me paraît très sage, est que V. M. ne lui fît l'honneur de l'admettre à une audience que dans le courant de la semaine des fêtes, afin de ne pas trop éveiller l'attention de l'ambassadeur, de même que celle du chancelier, en imprimant de cette manière une certaine insignifiance à l'arrivée du courrier. Le comte de Saint-Julien repassera chez moi dans l'après-dînée, pour recevoir par moi les ordres de V. M.

33bis.

31 mars 1811.

Occupé uniquement de Vienne ce matin, je demande pardon à V. M. d'avoir oublié de Lui envoyer les communications ci-jointes, qui me sont entrées encore hier, et auxquelles je n'aurais peut-être pas pensé sans une audience que m'a demandée le duc, pour me faire une traduction verbale de la dépêche italienne du commandeur Ruffo, et dont je viens de lui demander une traduction en français par écrit, qu'il m'a promise, que je porterai demain à la connaissance de V. M., si toutefois, sous ce rapport, il n'y aura rien de changé.

Quant à la lettre autographe, vos ordres relatifs, Sire, sont signifiés.

34.

7 avril 1811.

Discret sous le rapport du temps de V. M. I., qui est toujours trop rempli pour qu'on ose se permettre de longues discussions dans Son cabinet, je prends la liberté de porter à Sa connaissance le mémoire ci-joint, que j'ai composé, et que je transmets avec un entier abandon, en l'accompagnant de celui que j'ai fait il y a cinq ans, et qui, mal écrit de ma main, parce que je n'étais pas alors en possession d'un travailleur exact et sûr comme celui, Sire, que je dois actuellement à vos bontés, peut dans le temps n'avoir que faiblement attiré votre attention, et même s'être égaré depuis.

Déposant aux pieds de V. M., sans calcul personnel quelconque, cet acte de dévouement, je me permettrai, dans la plus profonde confiance, de fixer Son attention sur Son régulateur politique, qui, placé en évidence, a le malheur d'inspirer des sentiments pénibles à tous les Cabinets, hors celui des Tuileries, au moins en apparence, sentiments que plusieurs de ces Cabinets sont autorisés à croire être les vôtres, Sire, comme, par exemple, ceux de Vienne, de Cadix, de Constantinople, et par le moyen des deux derniers, d'après toutes les probabilités, celui de Londres même. Un tel ordre de choses, extraordinaire par le fait, est fortement à regretter, à cause de l'épineux et du difficultueux dans les transactions d'un haut intérêt; ce que mon expérience commence à me rendre tous les jours plus sensible.

Après cet exposé, je me crois obligé d'exprimer à V. M. que non seulement je n'ambitionne pas à succéder au comte de Romanzoff, mais que, dans le cas même où le ministère des affaires étrangères me fût proposé, je m'y refuserais. Je ne me sens pas assez fort, ni en courage, ni en moyens, pour entreprendre une tâche aussi difficile. En suppliant à genoux mon Auguste Maître de prendre acte de cette confession, je me flatte qu'il ne verra dans le jugement que je me suis permis de porter sur son chancelier que le dévouement d'un russe zélé, autant que celui d'un sujet religieusement attaché à son Souverain.

J'ajouterai à tout le précité que, sans me refuser à être accessoirement utile, comme je puis l'avoir été jusqu'à présent par la confiance que la Providence veut bien qu'on m'accorde, mes circonstances domestiques et ma santé commençant à m'imposer la loi de me soustraire à des besognes multipliées, surtout à des besognes d'un genre différent, j'ose prévenir ici V. M. que je suis résolu à solliciter auprès d'Elle ma démission de la présidence de la Commission des requêtes, lorsque la Curatelle de la Partie de la Bienfaisance sera par Elle finalement sanctionnée. En restant curateur de cette Partie et membre du Conseil, je pourrai, si vous daignez l'agréer, Sire, vaquer à mes affaires et soigner ma santé avec plus de suite.

M'étant épanché ainsi dans le sein de mon Maître vénéré, j'attendrai, si ses bienveillantes dispositions me seront continuées, que, dans un moment opportun, Elle m'accorde la grace de lui exposer brièvement mes besoins, que

je soumettrai à sa justice plus qu'à sa faveur, conformément au principe que, depuis que je suis honoré de ses bontés, je me suis fait celui de n'user d'aucune intervention intermédiaire.

(Mémoire.) *7 avril 1811.*

Ayant toujours envisagé l'aplomb de la Russie tel à ne devoir songer à organiser aucun système de ligue offensive, depuis le sort de la toute première coalition, dont l'Autriche et la Russie furent les arcs-boutants, et dont les intérêts différents et contradictoires changeant d'objet après chaque nouvel événement, portait dans son principe même le germe de la dissolution, mon travail diplomatique dans cet esprit est attesté par le mémoire confidentiel du Cabinet danois en date de Copenhague du 9 février 1798, qui doit se trouver dans les Archives Impériales, au collège des affaires étrangères.

Comme on n'agit bien en affaires que quand les conceptions sont à la hauteur des temps et des événements, à l'époque susmentionnée il était possible, non seulement de résister au torrent dévastateur de la Révolution Française, mais de l'arrêter dans ses progrès effrayants, de manière à rétablir l'équilibre politique de l'Europe, fortement menacé déjà alors de crouler.

A la seconde coalition, où la Prusse a si puissamment méconnu ses intérêts, conduite que, pour son malheur et celui de l'Europe, elle n'a payée que trop cher, quoique mes idées sur la marche politique à suivre pour ma patrie fussent restées les mêmes, néanmoins, regardant à cette époque la plus grande partie du Midi de l'Europe perdue pour toute autre influence que la française, j'avais la conviction qu'on était encore en possession de grands moyens pour le salut du Nord du continent, et à cet effet, je composai, lorsque j'en fus requis, un mémoire que, d'après mes faibles lumières, je jugeai devoir convenir à ces temps, que je présentai en date du 12 janvier 1806.

Croyant inutile de revenir sur le passé, de manière à reproduire dans ce papier ce qui malheureusement est aussi frais dans ma mémoire, c'est-à-dire tout ce qui s'est passé dans les différents Cabinets depuis le commencement de l'année 1806 jusqu'à la consolidation de la troisième coalition, je ne me permettrai que de déplorer les funestes événements qui nécessitèrent la paix de Tilsit, et successivement l'entrevue d'Erfurt.

Depuis cette époque, aggravante pour la Russie en particulier comme pour l'Europe en général, le Perturbateur du repos public n'a pas cessé de prodiguer les séductions et les cajoleries les plus astucieuses pour les complaisances du loyal Empereur Alexandre, qui, rigide observateur de ses engagements, les a fidèlement observés, tels onéreux qu'ils fussent pour ses peuples. Mais une politique soufflée par toutes les puissances infernales ne pouvait amener d'autre résultat qu'un embrasement général, et nous voilà arrivés au terme où, malgré nos sacrifices et nos déférences, il faut nous décider à opter entre l'état d'une paix humiliante, dont la prolongation minera sensiblement nos superbes moyens, ou celui de nous lancer à nous seuls, en mettant en jeu

toutes nos ressources, dans une lutte dont l'issue décidera des destinées du continent plus que du bien-être réel de la Russie; car, dans la supposition même de revers remarquables, cet Empire, amoindri par la perte des provinces ci-devant polonaises, pourra conserver une existence moins signifiante, à la vérité, mais toujours assez indépendante pour, sans avoir la gloriole d'influer sur la politique de l'Europe, être encore doucement heureux chez lui.

Telle est, dans la plus cruelle des hypothèses, ma profession de foi, et je l'avoue humblement, mais loin de tout Russe qui se sent, une pensée aussi affligeante. L'Espagne garantit ce que peut une volonté nationale forte, lorsqu'elle se prononce pour la défense de sa religion, de ses foyers, de son souverain légitime. Fort de ce sentiment, je crois que les grands moyens de la Russie suffisent pour sauver son honneur et rassurer les parties de l'Europe du plus au moins politiquement souffrantes, qui, à la sourdine, adressent leurs vœux pour la conservation de ce bel Empire, encore intact, et sous les ailes protectrices duquel elles voudraient se réfugier avec autant d'ardeur que naguères elles le redoutaient.

L'expérience du passé, qui jusqu'à présent n'a malheureusement été mise à profit que par le Cabinet des Tuileries, offre, sous le rapport des mesures trop tardives, des traits de lumière qui, en présentant les temps depuis le commencement de la Révolution Française, de même que les hommes et les choses, dans leur vrai jour, indiquent suffisamment, ce me semble, les partis qui restent à prendre pour sortir de la crise cruelle du moment et prévenir de plus grands embarras et des malheurs inévitables. Malgré la vérité triviale, qu'aux grands maux on ne doit opposer que les plus grands remèdes pour prévenir les catastrophes, elle est toujours bonne à citer. J'oserai en conséquence émettre ici ma très humble opinion, avec toute la chaleur du patriotisme dont je puis être capable, tout le dévouement que je professe par devoir et par sentiment à mon Souverain, et toute la simplicité de cœur et d'esprit avec lesquels je présente cette faible, mais bien zélée production.

L'infraction du traité de Tilsit par la réunion du Duché d'Oldenbourg à l'Empire Français offre, selon moi, une circonstance fortunée pour nous décharger de tout le poids que les engagements contractés par la Russie dans le susdit traité lui font porter. Une déclaration de guerre se manifeste, je pense, ou par une lésion de territoire, ou par un fait hostile sans avis préalable quelconque. De la part de l'Empereur Napoléon, le premier cas me semble notoirement avoir eu lieu. Or il s'agit de savoir à présent si nous sommes assez prêts sous tous les rapports pour commencer avec espoir de succès une lutte, qui probablement pour l'Europe sera la dernière, ou si, dans le cas contraire, temporiser et nous préparer davantage est plus sage. Outre que je ne puis pas avoir la témérité de produire dans mon orbite individuelle une opinion sur deux points aussi importants, en décider n'appartient qu'à notre Auguste et bon Maître; lui seul, dans sa sollicitude constante pour le bien-être de la patrie, pèsera dans sa sagesse, sous l'influence et la protection Divines, ce qui, dans ces temps épineux, pourra se concilier avec sa gloire, l'utilité de son Empire, et le salut du continent.

Je finirai en me permettant simplement de juger, dans mes faibles lumières, les deux cas précités, sous les différents points d'utilité politique qu'ils présentent. Dans le premier, en se rendant maître du Duché de Varsovie, on dominera l'Oder, on sauvera la Prusse, dont on réunira les forces aux nôtres, on terminera à l'aise les guerres de Turquie et de Perse, on comprimera la Suède, on relèvera le courage des Allemands, on rétablira à volonté les relations commerciales avec l'Angleterre, qui régénéreront *ex-abrupto* nos intérêts les plus chers, ceux de la prospérité nationale; et on couronnera l'œuvre par nous assurer radicalement l'Autriche. Dans le second, en suite de la protestation contre l'infraction, on ne pourra que tâcher de sauver la Prusse, vu l'habilité perfide de notre adversaire, qui, sous ce rapport, nous gagnera peut-être de vitesse; on employera également tous les moyens de terminer nos guerres de Turquie et de Perse, résultat indispensable, qui n'est uniquement pas désiré par nos soi-disant amis, mais qui l'est ardemment par nos soi-disant ennemis; on ne négligera pas de s'assurer le mieux que l'on pourra de la Suède; on ne relèvera pas encore le courage des Allemands; on ne perdra pas de vue le rétablissement des relations avec l'Angleterre, impérieusement commandé par nos besoins, et on s'assurera de l'Autriche, de manière seulement à ne pas l'avoir contre nous.

Dans le premier cas, la lutte une fois commencée nous déliera par le fait même de tout engagement. Dans le second, disposés et prêts à repousser l'agression, on annoncera franchement et avec dignité: 1° que l'Empereur Alexandre, lésé dans ses droits, a trop à cœur les vrais intérêts de ses peuples pour leur faire courir encore les chances d'une guerre, que pour éviter il n'y a sorte de sacrifice qu'il n'ait fait; 2° qu'il ne sera pas le premier à commencer cette guerre, mais que, se croyant dans sa conscience dégagé du traité de Tilsit, il était en attitude, par tous les moyens que la Providence a mis en ses mains, de défendre la plus belle cause, celle de son honneur et celui de ses peuples; 3° il déclarera que, se réservant par le dégagement susmentionné même de rétablir les relations qu'il jugera utiles à la Russie, il n'en contractera jamais de contraires aux intérêts de la France, dont il est décidé à rester l'allié, sans obligation simplement de dépendre servilement de sa politique au détriment de celle de son Empire.

Comme le principe de ce second système ne serait que défensif sous le rapport physique, la base devrait en être avouée à la face du monde. Un second rapport préservatif, infiniment essentiel, me semble exiger de la part de notre gouvernement une surveillance d'état aussi vigilante qu'énergique, afin de paralyser le travail qui s'exerce sur les esprits, arme morale dont l'Empereur Napoléon s'est toujours servi avec succès dans les pays où ce venin rongeur a pu être le précurseur de ses faits militaires.

(Mémoire.) *12 janvier 1806.*

Au plus fort d'une crise qui confond les calculs humains, et dans le dédale des chances qui ballottent les destinées de l'Europe, il est, je le sens,

d'autant plus téméraire d'émettre une opinion sur les mesures qu'il y aurait à prendre pour prévenir une destruction totale des rapports sociaux, et dès lors un bouleversement politique universel, que, n'ayant pour boussole directrice que mes propres aperçus, ou des notions que des confiances individuelles me donnent de temps en temps, souvent peut-être imparfaitement, l'erreur peut ne pas m'être étrangère. Néanmoins, fort de mon zèle et de la pureté de mes intentions, je pense qu'on n'agit bien dans les affaires que lorsque les conceptions s'identifient avec les temps et les événements: croyant baser ainsi les miennes, je les soumets ici sans présomption comme sans arrière-pensée.

Dans des temps où rien en politique ne se plaide au tribunal de la raison, mais tout à celui de la force, il ne faudrait rien moins qu'un concours de volontés désappropriées, de zèle énergique, d'actions rigoureuses, pour rétablir l'équilibre politique, qu'un poids énorme et désorganisateur tombé dans la balance dérange totalement. L'expérience malheureuse des coalitions est trop décourageante pour qu'il ne faille pas renoncer, ce me semble, à l'espoir d'atteindre le but du rétablissement de la paix de l'Europe, *avec loyauté et sur des bases équitables*, par le moyen de ligues offensives. Le sort de celles que nous avons vues successivement se former et se dissoudre, et dont nous déplorons maintenant les effets, offre un exemple frappant et instructif. La ruine d'une grande partie de l'Europe paraît inévitable, et l'enchaînement des circonstances est si funeste, que l'on est déjà réduit à préférer une paix humiliante et désavantageuse à la continuation d'une guerre dans laquelle toutes les chances sont en faveur de l'ennemi.

Mais quel fruit peut-on se promettre d'une paix précaire et illusoire? Avec l'activité inquiète et ardente de Buonaparte, la prépondérance toujours croissante de la France l'encouragera à abuser de la première occasion pour rallumer un embrasement nouvel et général. A quels résultats, dans cette hypothèse, ne doivent pas s'attendre les pays qui ont encore le bonheur de ne pas être devenus les victimes des plans de l'ennemi de l'ordre social! Pour opposer une digue au torrent dévastateur, le rôle de la Russie serait peut-être de s'abstenir pour quelque temps, au moins en apparence, d'influer sur le Midi de l'Europe, mais de porter toute son attention sur le Nord et (en renonçant sur ces deux points aux mesures offensives, dans la composition desquelles il est suffisamment prouvé qu'il n'y a pas de puissance humaine qui puisse faire entrer la Cour de Berlin, sans la coopération de laquelle on ne jouerait que le jeu du Cabinet des Tuileries) envisager dans un système d'alliance défensive et préservative la planche de salut à laquelle, sous son égide et sous celle de la Prusse, se cramponneraient, s'il m'est permis de m'exprimer ainsi, le Danemark, la Suède, le Roi d'Angleterre, simplement dans sa qualité d'Electeur de Hanovre, les Electeurs de Saxe, de Hesse, avec le reste des petits poids politiques dont se compose le Nord de l'Allemagne. Quand même on ne réussirait pas par ce moyen à diminuer la cause du mal, pour les [illegible] épouvantées et les dessous de cartes qui travaillent du plus au moins tous les Cabinets, l'arrêter serait déjà beaucoup.

Malgré toute la prudence dont la Russie ait à user relativement au système du Cabinet de Berlin, suivi avec autant d'astuce que de persévérance depuis la paix de Bâle, il ne serait peut-être pas impossible, d'après la manière dont j'ai lieu de supposer le Roi de Prusse avancé vis-à-vis de S. M. l'Empereur Alexandre, d'arracher à son Cabinet le consentement à une alliance où l'offensif ne se prononcerait que dans le cas de l'urgence la plus absolue, et qui n'aurait pour but que la conservation politique du Nord de l'Europe, suffisamment menacé par le développement des plans ambitieux et gigantesques du Perturbateur du repos public.

Comme le principe d'une telle alliance ne serait que défensif et préservatif, l'objet devrait en être hautement et fortement prononcé, et la base avouée à la face de l'Europe. Les engagements pris par les parties contractantes devraient ne choquer et ne provoquer personne, mais présenter uniquement le système d'une réunion de vues et d'intérêts, en annonçant la résolution inébranlable de le maintenir à tout prix.

Cette digue politique ainsi établie, un rôle plus actif et plus digne du superbe aplomb de la Russie l'attend du côté de l'est et du sud-est du continent: rôle qui doit lui faire recouvrer en plein son influence dans le Midi, et pour le succès duquel ses grands moyens et l'alliance de l'Angleterre lui sont uniquement nécessaires. Les idées sur ce système, vaste et forcément indispensable, pourront faire le sujet d'un second mémoire, que je n'ose qu'indiquer ici, en l'abandonnant humblement à une composition sinon plus zélée, au moins plus mûrie et surtout plus habile, que celle-ci.

35.

15 avril 1811.

Persuadé dans mon âme et conscience que l'année courante doit être décisive pour la gloire de V. M., si ce n'est par le fait des armes, ce sera peut-être par le moyen des transactions, j'ose La supplier à genoux de ne pas trop prêter l'oreille aux séductions napoléoniennes, qui, étant toujours de circonstance, doivent cette fois-ci être toutes rapportées à ses désastres en Espagne.

Profondément pénétré de la vérité que ces remarquables et intéressantes localités sont destinées par la Providence à confondre les calculs humains, en brisant la verge de son impénétrable justice, je prends la liberté de fixer votre attention, Sire, sur les rapports qui, par la volonté du Très-Haut, existent déjà entre les pays susmentionnés et V. M., rapports qui, commencés depuis plus de trois ans, ont mûri à l'ombre du mystère, et qui, au moment où ils ont dû cesser par la mort de feu M. Colombi, se sont régénérés avec plus de vigueur par l'arrivée inattendue de M. Zea, dont d'un jour à l'autre nous recevrons, j'en suis certain, les nouvelles les plus intéressantes de Londres.

Occupé de ces objets toute la nuit, et bien gros de l'avenir, je n'ai pas su résister à l'impérieux besoin de porter les regards de mon Maître sur la terre sur les œuvres de Notre Maître au Ciel, qui, dans Sa profonde

miséricorde, me semble préparer plus d'une voie encore pour nous faire sortir de la crise funeste dans laquelle tant d'événements malheureux nous ont placés. Daignez recevoir, Sire, avec votre bonté accoutumée, l'abandon zélé qui a motivé l'envoi de ces lignes.

36.

18 avril 1811.

Si la responsabilité de V. M. me trouble souvent, la mienne commencerait à m'intimider cruellement, sans la résignation, résultat du don précieux de ma foi, qui me soutient sensiblement.

Après cette confession de plein abandon, j'ai l'honneur de dire à V. M. que ce ne sont pas les opinions de Schwarzenberg et de Stackelberg qui me convaincront que, dans notre position, ne pas commencer la lutte est préférable; mais c'est la vôtre, Sire. Car, placé comme vous l'êtes par la Providence dans le temporel, vous êtes et plus intéressé, et plus à même sous tous les rapports, de décider la question. Cette matière, qu'il serait trop long de détailler ici, pourra faire une fois le sujet d'une conversation sérieuse et utile, si V. M. daignera l'agréer.

37.

22 avril 1811.

La fréquence des instances du comte de Saint-Julien, qui dans le moment même sort de chez moi, m'oblige de solliciter auprès de V. M. une audience, uniquement pour demander Ses ordres sur les objets qu'il vient de recevoir, et qui lui sont intimés de la manière la plus pressante et la plus positive.

38.

4 mai 1811.

Après ce que j'ai osé représenter à V. M. sur l'urgence de la paix avec la Porte Ottomane, je ne me permettrai (en Lui transmettant les communications ci-jointes) que de porter Son attention sur le fâcheux de la relation dont il y est fait mention, si toutefois le cas est tel. Je suis aux pieds de V. M.

39.

14 mai 1811.

Après l'aveu que j'ai déjà fait à V. M. I. qu'ambitieux de ne rien devoir qu'à Elle seule, je n'userai dans aucun cas d'une intervention intermédiaire, je prends la liberté de Lui soumettre la notice ci-jointe, et d'y ajouter que, mes

circonstances domestiques, tant sous le rapport de ma malheureuse paternité que sous celui de mes affaires économico-administratives, exigeant que je fasse cet été une absence de deux mois pour le moins, je désire concilier ce besoin avec mes devoirs de service. J'en préviens en conséquence V. M., afin d'apprendre si Elle agrée mon projet la première fois que j'aurai le bonheur de La voir.

Je continue toujours d'espérer que, la curatelle de la Bienfaisance une fois sanctionnée, V. M. acceptera ma démission de la présidence, qui, malgré ce qu'Elle a daigné me dire à cet égard, me voile moins dans mes certains rapports avec Elle que ne le fera, je crois, la curatelle, ce que j'aurai l'honneur de Lui exposer la première fois qu'Elle me permettra de Lui en parler.

V. M. a daigné me promettre qu'Elle ne tarderait pas à accorder une audience à M. de Vitoftoff, qui est importante pour moi à cause de la curatelle, qui doit me mettre en fond de facilités pour les développements qui me semblent prochains, et pour lesquels j'ai besoin d'un coopérateur capable et sûr. Veuillez donc, Sire, accorder cette audience que j'ose solliciter encore, pour déterminer mon aplomb futur.

40.

18 mai 1811.

En conséquence du sentiment profond dont, sur les affaires d'Espagne, il a constamment plu à la Providence de me pénétrer, sentiment que cette même Providence a daigné permettre que j'énonçasse plus d'une fois à V. M., je me réjouis autant du retour forcé du Roi Joseph à Paris que des déconfitures napoléoniennes qui l'ont précédé. Ces événements me semblent, d'après mes faibles lumières, promettre un changement de système politique, que je considère aussi peu éloigné qu'il est ardemment désiré par la nation qui a le bonheur d'avoir V. M. pour Maître. N'y aurait-il pas moyen, Sire, de procéder aux mesures provisoires y relatives, par la permission de la sortie des grains dans le midi de votre Empire, ce qui, en produisant un grand effet sur les esprits, en produirait sûrement un également sensible sur les cours de change?

Pardonnez, Sire, mon radotage, s'il vous paraissait tel, mais votre touchante bonté dans le dernier billet dont V. M. m'a honoré provoque en moi un abandon sans calcul, auquel je me laisse aller avec un sentiment suave.

41.

27 mai 1811.

Permettez qu'après les actions de grâces les plus ferventes que, dans ma plus profonde gratitude, j'ai rendues à l'Eternel sur l'événement dont, dans Ses décrets impénétrables, Il a à la fois avant-hier menacé et préservé,

Sire, votre Empire et vos sujets, j'ose, dans mon dévouement, d'après la provocation de V. M. I. même de me laisser aller vis-à-vis d'Elle au plus entier abandon, La supplier à genoux de regarder cet événement pour l'avenir comme un avis ineffable, en fixant à cette occasion Son attention sur l'étendue de Ses obligations, et en en calculant tous les résultats, dans le cas de contraventions y relatives.

Puissiez-vous, ô mon Maître chéri, au milieu de vos occupations et soucis, tenir un peu de compte du sentiment qui dirige dans ce moment ma plume, et le rapporter à qui il appartient!

Les besoins d'approcher V. M. s'accumulent tous les jours, et le respectueux silence qu'en conséquence de mes principes je me suis imposé commence à peser fortement sur mon zèle, vu l'impossibilité de tout transmettre par écrit et la scrupuleuse attention avec laquelle je désire remplir ma tâche dans ses moindres nuances.

Dans le moment même, je reçois le billet ci-joint. V. M., qui lira toujours dans mon cœur et sera constamment Maîtresse de mes pensées, en fera ce qui Lui plaira.

Zea est parti de Londres pour s'embarquer à Portsmouth le 19 avril de notre style; le catalan a quitté un jour plutôt la même capitale. Le premier pourra nous revenir dans sept à huit semaines, le second devrait déjà être ici: j'attribue ce retard à un procédé dont je parlerai à V. M. la première fois que j'aurai le bonheur de La voir.

42.

1 juin 1811.

N'ayant pas pu, et encore moins osé, prolonger ma fortunée audience d'avant-hier, j'ai été empêché de produire les besoins qui exigent que je fasse cet été une courte absence, et apprendre à cet égard les dispositions de V. M., qui, de telle manière qu'elles se prononcent, seront pour moi des arrêts sacrés. Désirant ainsi concilier mes devoirs de service avec ceux de mes intérêts individuels, je ne balancerai jamais, et V. M. n'en doutera pas, de faire le sacrifice des derniers, mais encore y aurait-il moyen peut-être de ne pas négliger les uns sans nuire aux autres; et c'est pour cette raison que la permission de m'expliquer avec vous, Sire, incontinent après que M. de Vitoftoff vous aura soumis son travail, me sera indispensable. Je la sollicite donc de votre bonté.

En attendant les ordres de V. M. pour l'audience de M. de Vitoftoff, je prends la liberté de Lui rappeler l'expédition de Koudriawsky pour Vienne, ce qui, d'après l'usage, augmenterait les frais de 100 ducats, car, au lieu de 200 qu'on donne ordinairement lorsqu'on expédie un courrier, on en donne 300 lorsqu'on en expédie deux ensemble.

43.

3 juin 1811.

En suite de ce que V. M. m'a signifié Elle-même d'une certaine bienséance pour une Cour alliée et intéressante, surtout en suite des conférences que j'ai successivement eues, avant-hier avec M. Lebzeltern, hier avec M. de Saint-Julien et le baron d'Armfeld, j'ai l'honneur de vous soumettre, Sire, la minute de l'office que je compte expédier par Koudriawsky. Elle me semble contenir ce qu'il faut pour rassurer et ne pas paraître indifférent, en stimulant le zèle des employés participants à l'œuvre.

Il me tarde aussi de rendre à V. M. le précis des conférences précitées, particulièrement de la première. Quant à celle du baron d'Armfeld, qui, ébloui des bontés de V. M., m'a fait un exposé verbal assez circonstancié de ses vues sur la politique extérieure, des papiers y relatifs qu'il a eu le bonheur de remettre et de la réponse sage qui à cette occasion lui a été faite, j'aurais bien des choses à représenter, malgré mon extrême désir de la réussite, ce que la fin de mon mémoire en date du 8 avril atteste *).

Le temps est si gros d'un avenir où les événements remarquables se succéderont avec tant de rapidité pour moi, que mon aplomb semble exiger impérieusement que V. M. daigne s'occuper de son organisation finale, car, avec toute mon ardeur, et Dieu le sait, pour le service, je puis manquer, étant tout seul, d'yeux et de santé, dont je suis jaloux de conserver les restes pour les consacrer uniquement à V. M.

44.

6 juin 1811.

Mon expédition officielle et confidentielle, accompagnée d'une dépêche très volumineuse du comte de Saint-Julien, a été remise hier à 11 heures du soir à Koudriawsky. Je remercie V. M., pour celui-ci et pour moi, d'avoir permis qu'il fût expédié.

Comme je sais du baron d'Armfeld qu'il doit voir V. M. demain, et qu'Elle a daigné me marquer qu'Elle me verrait, de même que M. de Vitoftoff, demain également, oserai-je Lui demander si c'est le matin ou l'après-dinée, et lequel de nous deux devra précéder l'autre? **) Je vous demande un million de pardons, Sire, de cette liberté, mais, ayant à entretenir V. M. de beaucoup de choses, je voudrais, indépendamment de Ses intérêts, mettre cette audience à profit pour ne plus être dans le vague sur les miens propres.

*) См. выше, стр. 475.
**) См. выше, стр. 450, № 6.

45.

12 juin 1811.

Comme, à mon retour de Pavlowsky, hier, j'ai appris que V. M. avait eu la bonté de me faire dire qu'occupée, Elle ne pouvait me recevoir, je ne puis rapporter le message qu'au jour d'aujourd'hui, et ne me présenterai que lorsque j'en recevrai les ordres, avec précision du jour et du temps.

N'ayant d'arrière-pensée, Sire, que celle de vous servir avec fruit et zèle, je vous supplie de croire que c'est sous l'œil du Maître des Maîtres que je vous adresse ces lignes.

46.

14 juin 1811.

C'est en conséquence de l'article dans la lettre du prince Castel Cicalla, en date du 12 novembre de l'année passée, souligné dans le projet ci-joint (que j'ai porté Vendredi dernier, mes instantes et zélées représentations de sujet et de Russe aux pieds de V. M.) que je m'empresse de Lui transmettre le résultat de mon insinuation avec le travail y relatif.

Si V. M., après avoir pesé dans Sa sagesse le projet, trouve qu'il Lui convient de suspendre encore l'œuvre, j'ose garantir que jamais rien ne transpirera de la velléité d'une pareille intention. Si, au contraire, Dieu Lui en inspire la disposition, je Lui réponds également sur ma tête qu'Elle ne sera pas compromise en quoi que ce soit, et, mon individu même étant voilé, il n'y aura que le duc seul en évidence.

Au cas du consentement de V. M. à mon action, voilée dans cette circonstance, si, selon Ses vues et convenances, Elle juge à propos de faire des corrections à la lettre au prince Castel Cicalla, Elle n'aura qu'à me les faire connaître verbalement, ou dans un papier séparé, et je Lui donne ma parole d'honneur qu'il n'y aura dans l'office rien de retranché ni d'ajouté, et que tout s'y observera d'après les Hautes volontés de V. M.

47.

18 juin 1811.

Je m'empresse de passer à V. M. I. les communications qui me sont entrées hier vers minuit. L'office original du 15 avril est remarquable par l'article qui concerne le baron d'Armfeld et par les assurances positives du ministre même, relatives aux dispositions du Prince Régent. La traduction littérale de la lettre du prince Castel Cicalla ne laisse pas que d'être *in extenso* très intéressante, mais particulièrement dans ce qui se rapporte à la Porte et au nouvel ambassadeur Liston.

Pleinement convaincu que cette voie est la plus célère comme la plus efficace pour terminer notre fatale guerre de ce côté, j'ose, dans tout l'abandon de mon dévouement, fixer l'attention de mon Auguste Maître sur le résultat que je regarde dans ce moment comme le premier de nos besoins politiques.

Ma belle-sœur Plechtchéieff, arrivée depuis trois jours de Paris, a passé par Vienne. De la dernière ville, elle m'a apporté une lettre du comte de Stackelberg qui, entre autres, me met au fait de bonnes dispositions du ministère autrichien pour nous. De la première, elle m'en a apporté une de M. La Harpe, la seule qu'il m'ait écrite depuis mon retour de l'étranger, et des plus remarquables par le tableau désastreux qu'en abrégé et d'une manière voilée il me fait de l'état de Paris et de la France. Ces faits réunis me pénètrent de la persuasion que V. M., en se maintenant purement et simplement dans Sa digne et belle attitude militaire, pourra procéder à telle mesure que dans Sa sagesse Elle jugera utile à Son Empire et à Ses peuples.

48.

24 juin 1811.

L'habitude d'agir de manière à ne pas me mésestimer me fera toujours préférer la chance d'être plus utile qu'agréable, quand l'impossibilité de concilier les deux me sera démontrée par mes facultés morales. Cet aveu ajouté à ce que dans ma ferveur de sujet j'ai osé représenter plus d'une fois, je me suis décidé à compléter mon acquit de conscience en portant en dernière analyse l'attention de V. M. sur les trois points suivants: 1° sur l'urgence d'un système, dont, dans notre marche politique, je n'aperçois pas de traces bien frayées; 2° sur l'utilité de discussions suivies y relatives, afin de nous soustraire aux décousus, qui, je le crains, deviendront nuisibles au moment de développements importants très prochains; décousus qui pourront nous jeter dans un discrédit d'opinion morale d'autant plus fâcheux, qu'il se consolidera en raison de ce que nos moyens physiques seront appréciés; 3° sur le temps précieux, beaucoup trop au pillage, qui, une fois négligé sans qu'on en ait profité pour baser nos futurs rapports de conduite et de liaisons politiques sur un plan approprié à notre aplomb et à nos vrais intérêts, ne se regagnera qu'avec des désavantages sensibles.

M'étant exprimé ainsi, mon mode de servir V. M. La convaincra-t-il, de ma désappropriation d'une part, et de la pureté de mes motifs de l'autre? Mon Auguste Maître, malgré les insinuations qui agissent peut-être en ma défaveur, me supposera-t-il une ambition autre que celle, me trouvant dans ma passe, de combiner et de préparer des voies pour que, de telle manière que la Providence l'inspire, il puisse sortir avec avantage de la fausse position dans laquelle une série d'événements malheureux et de calculs erronés l'ont placé?

Non, je ne puis le penser, et fort de ce sentiment, je me crois obligé de déclarer ici que, la tâche que je me suis imposée, couronnée de succès

ou du contraire, une fois remplie, je ne compte m'occuper en paix individuelle que du salut de mon âme, et votre chancelier, Sire, peut être tranquille sur mes vues ultérieures, connues d'ailleurs de V. M. pour avoir été précisées dans ma lettre du 7 avril, qui accompagnait mon mémoire de la même date.

Le chevalier Bezerra, ma bien bonne connaissance de l'étranger, sur laquelle j'ai même eu l'honneur de prévenir V. M., m'a déjà vu trois fois, le plus confidentiellement possible. Je me fais un devoir de vous supplier, Sire, de ne pas le juger sur sa taille. Son caractère noble et droit, son âme ardente pour la grande et belle cause des gouvernements et des Souverains légitimes, le placeront à votre Cour de manière à contraster fortement sous tous les rapports avec le général Pardo. Le chevalier Bezerra n'est chargé de quoi que ce soit pour notre Cabinet de la part du gouvernement britannique. Mais en revanche sa latitude est illimitée de la part du sien, mû par tout ce qui existe de moins équivoque et de plus dévoué pour notre Patrie et votre Auguste Personne. La plus grande réserve vis-à-vis du chancelier lui étant intimée, il lui est impérativement signifié d'avoir le cœur sur les lèvres toutes les fois qu'il aura le bonheur de s'entretenir avec V. M.

Ayant cru devoir m'acquitter de cette information avant l'audience du Mardi, je prends la liberté de vous redemander, Sire, l'office original du prince Castel-Cicalla, pour le restituer au duc de Serra-Capriola, qui me le redemande. Quant aux autres papiers destinés à rester chez V. M. ou chez moi, le cas est différent, de telle manière qu'il Lui plaise d'en décider.

49.

30 juin 1811.

Me voyant en butte à des dessous de cartes que je ne veux pas me donner la peine de débrouiller autrement qu'en m'en ouvrant à V. M., parce qu'étant par principe étranger à ce qui présente l'ombre de l'intrigue, je me sens si pur d'intention et si fort d'aplomb à confondre la malveillance, que, sous l'œil du Maître au Ciel, je ne crois pas devoir m'expliquer et me justifier que vis-à-vis de mon Maître sur la terre tant que, par la volonté du premier, je me maintiendrai dans mes rapports temporels avec le second: en conséquence de cet exposé, je supplie à genoux V. M. I. de m'accorder une audience, qui me devient aussi nécessaire que le manger et le boire le sont à celui qui a faim et soif.

Quoique j'aie prévu que je finirais par me trouver en proie à des machinations, néanmoins je me crois obligé envers V. M. même de Lui exposer, avec mes propres aperçus, tout ce qui m'est revenu de plusieurs côtés, en [illegible] de bien plates manigances et du plus astucieux patelinage.

J'espère que mon Souverain chéri ne me refusera pas la grâce que je sollicite; car, jaloux de son estime encore plus que de sa faveur, je ne lui [illegible] que si, dans ma susceptibilité, mon courage pour mon avenir

venait à se froisser, je ne balancerais pas à prendre un parti pour lequel je penche par calcul personnel, mais que je combats par zèle.

Zea écrit de Cadix en date du 18/30 mai qu'il comptait se rembarquer incessamment; au moyen de quoi, sauf les événements imprévus, je l'attends ici du 20 au 25 du mois prochain.

50.

4 juillet 1811.

En passant le billet ci-joint, que j'ai reçu hier soir après être revenu de chez V. M. sans avoir eu le bonheur de La voir, je désire prouver simplement que la délicatesse avec laquelle le loyal duc redemande l'office du 15 d'avril me semble mériter qu'on le lui restitue.

Demain j'aurai l'honneur de me présenter chez V. M. entre 7 et 8 heures; je La supplie de m'accorder finalement une bonne audience, car outre qu'à 60 ans il m'importe de fixer ma destinée, que, chargé de précieux intérêts, je vois si fort dans le vague, j'ai, pour soulager ma conscience, des notions importantes à communiquer.

51.

9 juillet 1811.

J'ai l'honneur de soumettre les deux projets de lettre pour Londres et Constantinople; je les accompagne de la lettre particulière pour moi, en suppliant V. M., afin de ménager le temps, de me faire connaître sans délai si Elle approuve *in extenso* les premiers, et si, sous le rapport de la seconde, Elle m'autorise à consentir à l'article qui m'y est relatif. De même permettra-t-Elle que la voie par le duc de Richelieu soit utilisée?

52.

14 juillet 1811.

V. M. n'ayant pas jugé à propos de me répondre hier aux deux points sur lesquels j'ai pris la liberté de demander Sa Haute décision, à cause de l'instance du duc, qui ne pense pas sans raison que l'acquiescement à ces deux points accélérerait notre intéressante affaire, je regarde le silence de V. M. comme un ordre positif de décliner la proposition, et, pour être en règle, je L'en préviens.

Je crois de mon devoir de passer à votre connaissance, Sire, la lettre que j'ai reçue il y a trois jours du baron d'Armfeld, et de l'accompagner de celle de M. La Harpe, à cause de ce que celle-ci contient sur la Suisse; côté duquel, ainsi que de l'Italie, j'ai eu ces jours-ci des notions qui me

font bouillonner le sang dans les veines pour notre pressant besoin politique, la paix avec la Porte.

Abandonnant à la justice de V. M. la formation de mon état, lorsqu'Elle sanctionnera la curatelle de la Bienfaisance, je suis, etc.

53.

17 juillet 1811.

Le duc de Serra-Capriola m'ayant envoyé sa lettre pour Constantinople sous enveloppe à cachet volant au duc de Richelieu, je crois de mon devoir d'ajouter celle qu'à cette occasion il m'a adressée. Je pense que V. M. confiera Elle-même au ministre de la guerre l'expédition pour Odessa, ou que, dans le cas contraire, Elle daignera me munir de Ses ordres.

Comme il commence à m'être démontré qu'en dépit de mes vues humaines d'une part, de même que des mouvements d'intrigailleries de l'autre, les dispositions de V. M. placent dans mes mains de grands et de précieux intérêts, j'y vois un arrêt de la Providence, et en conséquence, dans ma ferveur de sujet et de patriote, je me croirais criminel si je ne faisais pas l'entier sacrifice de mes propres besoins. Aussi, pour la décharge la plus complète de ma confiance, je dépose à vos pieds, Sire, ma détermination de rester cloué à Pétersbourg jusqu'à ce que tout ce qui bout dans notre pot politique arrive à une parfaite cuisson. Je vais pour cela faire mes arrangements, espérant sous la garde de Dieu que les événements permettront pour moi l'année prochaine la possibilité d'une plus longue absence.

Je me flatte en outre qu'après les fêtes de Péterhof, surtout avant Sa tournée projetée, V. M. m'accordera une bonne audience, afin que, pour le temps de Son absence, je puisse me pourvoir d'instructions suffisantes pour tous les cas.

54.

27 juillet 1811.

M. de Stürmer étant enfin arrivé, j'ai vu le comte de Saint-Julien très longuement hier. Après m'avoir communiqué par ordre de son Maître une dépêche infiniment intéressante, tant par les notions qu'elle contient que par les aperçus politiques qu'elle présente, il m'a confié que les quatre points sur lesquels il lui est intimé de faire les plus instantes représentations étaient les suivants:

1° l'urgence de faire la paix avec la Porte;

2° l'offre de l'Autriche de porter des paroles de conciliation entre la Russie et la France, au cas que cela pût convenir à V. M.;

3° stipulation des termes du payement de la créance;

4° différents sujets de plaintes des agents autrichiens en Valachie et Moldavie.

Après nous être concertés sur lesquels de ces points il conférerait avec le chancelier, nous sommes convenus que ce serait sur le quatrième seul, et que je demanderais vos ordres, Sire, sur les trois autres.

La difficulté que j'ai de voir V. M., la gêne de Sa position vis-à-vis de moi, qui, à mon plus cruel regret, me devient manifeste, me prescrivent le dévoué devoir de La supplier de voir le comte de Saint-Julien sans perte de temps, en me prévenant du jour qu'Elle daignera fixer pour cela, afin que j'engage ce ministre de porter à cette occasion à la connaissance de V. M. la dépêche qui m'a été confiée hier, ce dont, j'en suis sûr, il se fera un bonheur.

Fidèle en outre à mon principe religieux de vous entourer, Sire, de la vérité autant que cela peut être dans mes moyens, je me fais un devoir de vous envoyer ci-incluse la lettre confidentielle d'un ami, et, pour rafraîchir la mémoire de V. M. sur la clef dont nous nous servons, j'ai mis de ma main l'explication au-dessus de chaque nom.

Le duc de Serra-Capriola ne cesse de me sommer de répondre à ses questions, surtout à celle qui a trait au commandeur Ruffo. Vrai devant V. M. comme je veux toujours l'être devant Dieu, je ne Lui cacherai pas qu'en suite de tout ce qui m'est revenu, que quand même le Cabinet de St-James se mettrait en quatre pour Lui procurer la paix aux conditions qu'Elle désire, je crains qu'il n'y échoue. Notre dernière victoire, comme je ne l'ai que trop prévu, est tout autrement sonnée à Constantinople, et le jeu de Napoléon, que nous avons été obligé de jouer dans cette circonstance, rend d'autant plus efficace à notre détriment le travail français sur les esprits ottomans.

55.

28 juillet 1811.

Après la rentrée de mon expédition ci-incluse, que le valet de chambre de V. M., Yacovleff, n'a pas osé recevoir avant votre retour de Péterhof, Sire, je reçus le billet № 1 du chevalier Bezerra, qui me confia et me laissa la missive *secretissima* de l'ambassadeur de Portugal à Londres, et qui, en conséquence de notre conférence précitée, m'envoya ce matin, accompagnée du billet № 2, la traduction littérale de l'office portant pour lui les ordres de sa Cour, qu'en somme j'ai l'honneur de transmettre ci-joints.

Je crus devoir conseiller au chevalier Bezerra de ne pas différer de demander une audience du chancelier, afin de lui communiquer une partie des ordres reçus par lui de sa Cour. Quant à la *secretissima,* avec maintes autres confidences sur lesquelles le chevalier ne cesse de m'ouvrir son cœur, je me réserve d'en entretenir V. M. la première fois qu'Elle m'accordera le bonheur de L'approcher; car outre que tout ne peut pas s'écrire, je vais dans l'instant même présider la commission, et qu'en vérité, pour peu que V. M. persiste à prolonger l'ordre de choses actuellement existant pour moi, je n'aurai plus d'yeux pour voir, ni de forces morales pour agir. J'accompagne mon expédi-

tion de ce jour d'une lettre que j'ai prié le chevalier Bezerra de me confier; elle est d'un comte Sternberg, homme d'esprit et bon observateur.

D'un moment à l'autre Zea doit nous arriver.

56.

30 juillet 1811.

Les événements politiques commandent si impérieusement de ménager le temps, que, tout fâché que je suis d'obséder pour ainsi dire V. M. par la fréquence de ma correspondance, ne pouvant user que de ce moyen, je me l'impose avec ferveur pour l'acquit de ma conscience.

L'expédition ci-incluse, surérogatoire à celles du 27 et 28, contient deux avis, l'un espagnol, l'autre sicilien. L'annexe du premier est infiniment remarquable; je l'envoie avec tout le mauvais français de M. d'Azanza, autrement dit le duc de Santa-Fé. Quant à la lettre du duc de Serra-Capriola accompagnant la traduction de l'avis sicilien, je ne me permettrai de m'arrêter que sur l'article qui a trait à M. Labouchère que je connais moins de personne que de réputation, celle-ci beaucoup plus à l'avantage du séduisant de son esprit et de ses connaissances en finances qu'à celui de ses principes politiques; notions qui m'ont été fraîchement confirmées par le loyal chevalier Bezerra, qui l'a beaucoup connu en Hollande, et qui même le voit souvent ici.

57.

4 août 1811.

N'ayant pas été invité au dîner solennel pour la St-Napoléon, tandis que les Grandes Charges et les membres du Conseil l'ont été, ce n'est pas comme piqué de fait, et V. M. me connait trop bien pour cela, que je le porte à Sa connaissance, mais comme développement de manigances que depuis longtemps j'ai prévues, et que je mépriserais si elles ne plaçaient pas V. M. vis-à-vis de moi dans une gêne douloureusement sensible à un serviteur attaché à Votre Personne et à votre service, Sire, de la manière la plus désappropriée.

Fort de ma conscience et de la justice de V. M., je tombe à Ses pieds pour Lui demander la grâce de décider de ma destinée, dans un moment où, occupé de Ses précieux intérêts, j'ai si peu de facilités de L'approcher. Après ce qu'à différentes époques j'ai fait, dit et écrit, j'ai pu ne pas être toujours agréable, mais il m'est impossible de croire que j'aie démérité. La judiciaire distinguée de V. M., Son caractère magnanime et Son excellent cœur m'en sont garants. Cédant donc à l'empire des circonstances, mais constamment fidèle à mes principes, j'ose, au défaut d'un autre aplomb pour moi si mes services sont nécessaires, proposer les deux modes suivants: 1° en agréant ma démission de la présidence, que V. M. daigne, en me conservant dans la charge

de Cour dans ma place au Conseil, m'accorder un congé illimité pour raison de santé; 2° ce qui me voilerait davantage, qu'Elle daigne m'accorder très gracieusement ma retraite absolue des affaires; accompagnant l'un ou l'autre de ces modes d'une marque de bienveillance quelconque, afin que, pour l'utilité du service, aux yeux des Cabinets et des individus qui m'honorent de leur confiance, mon aventure ne porte pas le cachet d'une disgrâce. De cette manière je pourrais être également utile en entretenant soigneusement les fils que je tiens déjà solidement et ceux qui, d'après maintes probabilités, m'entreront, et, sans aller jamais dans le cabinet de V. M., je fixerais moins l'attention de ceux qui veulent me voir hors de selle, pouvant communiquer avec Elle, et par le moyen de ma correspondance accoutumée, que, débarrassé de toute autre besogne, je suivrais sans peine, et par mon neveu Gagarine, que V. M. nommerait secrétaire d'Etat (qui, par parenthèse, sait très bien le russe, l'ayant appris par principes à l'université de Moscou), du zèle et de la discrétion duquel j'ose répondre.

Si, jusqu'à ce que les circonstances permissent plus de fixité dans notre marche politique, V. M. agréait ma proposition dévouée, je La supplierais de m'accorder une dernière audience, dans laquelle nous déterminerions tout ce qu'il y aurait à observer, jusqu'à une époque plus favorable, qu'heureusement je pressens ne pas être très éloignée.

58.

7 août 1811.

J'ai l'honneur de passer à V. M. la réponse aux questions sur le commandeur Ruffo, et celui de Lui demander Sa haute décision sur cet objet, qui intéresse si fort le duc. J'oserais aussi solliciter, si cela ne vous gênait pas, Sire, la restitution des *№№ sub* 3 et 4 du comte Stackelberg, avec la lettre particulière du même apportée par le lieutenant Bidermann peu de jours avant la fête de Péterhof.

Je compte aujourd'hui après le Conseil aller en campagne, et n'en revenir que jeudi prochain.

59.

12 août 1811.

Au retour de ma course de Pavlowsky et de Zarsko Selo, le comte de Saint-Julien ayant demandé à me voir, nous nous sommes très longuement vus ce matin. Comme résultat de l'audience que V. M. a daigné accorder dimanche dernier à ce ministre, audience dont il m'a mis au fait, il compte expédier un courrier mercredi au plus tard, et il m'importe de savoir si l'intention de V. M. est, que, profitant de cette occasion, je réponde au comte Stackelberg aux deux *№№ sub* 3 et 4.

Pour complément de ce que j'ai eu l'honneur d'exposer à V. M. samedi dernier, je crois de mon devoir, dans les circonstances du moment, de La supplier de donner Ses ordres au chancelier d'avoir quelques égards de bonne amitié simplement aux plaintes des agents commerciaux autrichiens en Valachie et Moldavie, point qui, je le sais, tient fortement à cœur à l'Empereur François, et, plus que cela encore, d'ordonner à M. Gourieff de s'entendre avec le ministre d'Autriche sur les termes des payements de la dette, trop modique en elle-même pour que les grands intérêts de la Russie, qui exigent de ne pas laisser refroidir les dispositions viennoises, ne soient pas pris en première et urgente considération. Je puis mal voir, Sire, mais, d'après la confiance de V. M. que je chéris autant qu'elle m'honore, je ne me permettrai jamais de représentations qui ne soient pas réglées sur ma conscience et basées sur mon zèle.

Ayant de nouveau été sommé pour la permission du commandeur Ruffo, je compte demain décliner définitivement la chose, et j'en préviens V. M., ne voulant pas L'importuner davantage du fait.

60.

28 août 1811.

Si, depuis que j'ai eu le bonheur de voir V. M. en particulier, je n'ai pas été absolument étranger à ce qui s'est passé, par le moyen de mes relations privées et confidentielles, je me suis, vu ma position individuelle, imposé le plus rigoureux silence, à moins de choses trop saillantes pour les intérêts de V. M. Croyant me trouver dans ce cas à présent, je persévère à agir selon que mon zèle et ma conscience me le commandent.

Le général major Sabloukoff, lié avec le prince Czartoryski, vient d'en recevoir une lettre d'affaires par M. Witzki, et, à cette occasion, a eu des communications verbales du plus haut intérêt, que, pour plus d'exactitude et de sûreté, M. de Sabloukoff a sous la dictée de M. Witzki couchées sur le papier, telles que j'ai l'honneur de les produire ci-jointes. Quoique je ne doute pas que V. M. ne soit instruite de plusieurs de ces faits, peut-être même de tous, néanmoins, transmettant ces notions, je me conforme à mes principes et espère que la confiance qui en vue du bien général m'est accordée ne sera nullement compromise, de telle manière qu'il plaira à V. M. de diriger Son action.

Je profite de cette occasion pour vous rappeler, Sire, que, M. de Vitortoff ayant abrégé son voyage de près d'un mois dans l'intention uniquement de vous être agréable, je désirerais vivement qu'il plût à V. M. de le voir, afin de ne pas ralentir l'ardeur d'un serviteur qui, indépendamment de la besogne avancée avec succès, apporte de sa tournée des notions remarquablement intéressantes.

61.

1er septembre 1811.

Le comte de Saint-Julien sort de chez moi, après m'avoir communiqué par ordre de son Maître tout ce que son courrier d'aujourd'hui lui a apporté. Le cœur saignant de tout ce que j'ai eu l'infortune de prévoir et la douleur de n'avoir pas pu empêcher, je supplie V. M. de vouloir bien sans retard donner une audience au comte Saint-Julien, que j'ai déterminé de vous faire part, Sire, de toute son expédition de ce jour, y compris même le rapport du prince Schwarzenberg de la conversation du 15 août aux Tuileries, rapport qui diffère en quelque chose de celui du prince Kourakine. Persévérant à agir avec un entier abandon, je passe ci-joint la lettre toute confidentielle du comte de Stackelberg. J'espère que mon Auguste Maître ne daignera voir dans cette mesure que mon sentiment profond pour l'homme, absolument distinct de celui pour le Souverain.

62.

3 septembre 1811.

Après deux entrevues avec le comte de Saint-Julien, dans lesquelles, sans en importuner V. M., j'ai fait de mon mieux pour consolider la confiance si impérieusement commandée par les circonstances, il m'a déclaré ce matin que, dans le courant de la journée même, il présenterait une note au comte de Romanzoff, et m'a prié d'en prévenir V. M. Cette note portera sur les plaintes des agents autrichiens en Valachie et Moldavie, auxquelles vous daignerez sûrement avoir égard, Sire, autant que cela pourra se concilier avec vos hauts intérêts. Ensuite comme, dans tout ce qui est relatif à la dette, il a ordre de ne parler qu'à moi, il est revenu à la charge de manière à émouvoir mon zèle au point de me décider à supplier V. M. de daigner donner Ses ordres à Son ministre des finances, afin que sous ce rapport il n'y ait de relations qu'entre M. de Gourieff et le comte de Saint-Julien. La Cour de Vienne n'insiste nullement sur le payement en entier à la fois, mais désire que, selon la promesse de V. M., elle soit remboursée dans le courant de 1812. Ne pouvant pas tout détailler par écrit, je crois, d'après mes notions, avoir de puissants motifs de désirer que V. M. daigne prendre en considération cette petite réclamation autrichienne, le travail de l'ennemi commun étant partout trop actif pour ne pas apprécier l'urgence de s'entendre, de se ménager et de se raffermir dans une confiance mutuelle, sans apparence d'équivocité quelconque.

63.

8 septembre 1811.

Malgré tout ce que je m'impose pour importuner V. M. le moins possible de ma personne et de mes communications, j'éprouve une véritable peine,

me trouvant toujours réduit à demander Ses ordres par écrit, mode qui, tout facile qu'il me soit rendu par Ses bontés, ne laisse pas que d'avoir pour moi des inconvénients généraux et particuliers.

M'étant déchargé d'une partie du poids qui froisse moralement mon âme, je prends la liberté, avant que V. M. me permette de La voir et de Lui soumettre tout ce qui m'est confié depuis plusieurs semaines, de demander ce que je dois répondre au comte de Saint-Julien, qui, sorti de chez moi il y a deux heures, m'a mis au fait de son audience d'hier de la manière la plus détaillée. Ce ministre, qui se propose d'expédier un courrier dans peu de jours, m'a questionné si, dans sa conférence de bienséance qu'il compte avoir avec le chancelier avant cette expédition, il lui parlerait de l'autorisation de V. M. d'écrire à l'Empereur François qu'Elle agrée l'intervention de bonne amitié de ce Monarque entre vous, Sire, et l'Empereur Napoléon. Ne me considérant pas compétent pour décider la question, je supplie V. M. de me dicter ma réponse, que le comte de Saint-Julien désire savoir avant la conférence précitée.

Je profite de cette occasion pour passer ci-joint l'extrait qui annonce l'arrivée de Zea d'un moment à l'autre.

Daignez me faire connaître, Sire, si je dois user du courrier autrichien pour écrire officiellement au comte de Stackelberg.

64.

11 septembre 1811.

Pendant que V. M. siégeait au Conseil, j'ai, étant un peu incommodé, passé tout mon temps avec le digne et loyal Zea, qui me reviendra ce soir après les 10 heures pour continuer la conversation la plus intéressante que la Providence ait permis que j'eusse eu de ma vie. Je suis impatient de porter sans délai à votre connaissance, Sire, avec ce qui m'est déjà entré, tout ce que j'apprendrai ce soir, après que j'aurai jeté les yeux sur les instructions et les pleins pouvoirs que M. Zea s'est engagé de me montrer en entier.

65.

12 septembre 1811.

En passant à V. M. la minute de ma dépêche, je Lui demande pardon de ce que, pour ménager mon temps et mes yeux, je la Lui envoie sans l'avoir recopiée. Comme il m'importe en outre de verser dans le sein de V. M. tout ce que mes deux infiniment intéressantes réunions m'ont appris hier, je demande Ses ordres avec précision d'un temps opportun pour que je puisse porter à Ses pieds, avec mon dévouement, tous les moyens que la Providence, qui veille sur votre Auguste Personne et votre Empire, Sire, vous place dans les mains, en dépit du satanisme sensiblement déchaîné d'un autre côté pour paralyser toute marche régulière. Je suis aux pieds de V. M. I.

66.

13 septembre 1811.

Le courrier autrichien ayant dû partir demain matin, le comte de Saint-Julien vient de me dire qu'à cause de moi, il le retarderait jusqu'à vendredi. Il m'importe donc de ravoir ma minute, afin de pouvoir, avec l'approbation de V. M., ajouter cette communication officielle à la confidentielle dont je m'occupe, ou de m'en abstenir si Elle ne l'agrée pas. Je ne saurais cacher aussi qu'eu égard à toutes les transmissions infiniment intéressantes de M. Zea, qui, indépendamment de ce dont il est muni de Cadix, est également chargé des intérêts britanniques, ayant eu avant son départ de Londres l'honneur d'une audience très longue du Prince Régent, il me semble urgent que V. M. daigne me voir et m'entendre.

J'ai l'honneur de vous envoyer ci-joint, Sire, des imprimés intéressants apportés par M. Zea, en les accompagnant d'un petit feuillet, qu'après une prière fervente devant la Croix de Notre Sauveur, je me suis décidé de vous consacrer, en abandonnant au tact de V. M. l'application au temps, aux choses et aux individus.

67.

17 septembre 1811.

M. Zea ayant demandé à me voir avant-hier, je le vis hier. Il me déclara avec déférence que, dans la confiance qu'il lui est impossible de ne pas me professer, à cause de celle que son gouvernement m'accorde, il m'avait remis les lettres pour V. M. I. de la Régence Espagnole et du Prince Régent d'Angleterre. Mais comme, d'après ses instructions, il lui est obligatoire de ne pas s'écarter en quoi que ce soit de ce qu'elles portent, il me prévenait que, pour sa décharge, il m'adresserait un office, ce qu'il fit encore hier, lequel office j'ai l'honneur de porter ci-joint à la connaissance de V. M. Je demande donc en conséquence Ses ordres. M'autorisera-t-Elle, au cas qu'il Lui convienne de différer Sa Souveraine décision, d'accuser à M. Zea par écrit la réception et d'annoncer de même la présentation des lettres, ce qui, pour sa responsabilité, me semble de toute justice, ou me permettra-t-Elle de La voir bientôt, et, dans cette supposition, ne Lui plaira-t-il pas de m'honorer de quelques mots adressés privativement sur ce sujet, qui suffiront pour le calme de l'âme du plus loyal des hommes et du plus zélé des serviteurs?

Il m'est doux de m'acquitter ici d'un saint devoir, celui d'attester la dignité, la loyauté et la prudence dans la conduite espagnole, qui, pendant le cours d'une négociation qui, à ma grande satisfaction, achève sa quatrième année, résultat pour lequel je me prosterne avec humilité devant l'Arbitre des destinées, place dans les mains de V. M. des moyens puissants, avec la faculté de fixer les modes, de préciser les époques et de prescrire les conditions.

Daignez être persuadé, Sire, qu'heureux de ce que je tiens, il me tarde de déposer aux pieds de V. M., avec l'officiel précité, tout ce que l'intime confidentiel m'a transmis.

68.

23 septembre 1811.

Le comte de Stackelberg m'ayant écrit par le général Fock, a accompagné sa lettre (qui ne contient d'essentiel que le désir persévérant de la Cour de Vienne de nous voir en paix avec la Porte) des deux copies ci-jointes, que mon habitude religieuse de penser tout haut avec V. M. m'impose la loi de Lui soumettre, malgré que je ne saurais douter que les originaux ne l'aient déjà été par M. le chancelier, à qui ils sont entrés par la même occasion.

Le second office de M. Zea que j'ai la douleur de devoir transmettre à V. M. me peine d'autant plus, que, sur sa première ouverture verbale y relative, j'ai cru pouvoir qualifier de commérages la supposition de vouloir traiter avec des rebelles qui travaillant subversivement contre leur gouvernement légitime, ne reconnaissent Ferdinand VII que pour la forme, parce que, au nom seul de Joseph ou de Napoléon, exécrés dans ces contrées par le peuple, celui-ci ne se laisserait pas conduire et massacrerait ses misérables chefs, suppôts des Français. Feu l'Impératrice Catherine n'a jamais voulu permettre qu'on écoutât, et encore moins qu'on transigeât avec les Etats-Unis de l'Amérique Septentrionale, avant qu'ils fussent légalement constitués et reconnus. Que V. M. daigne donc ne pas accorder qu'un sujet aussi impropre, dans les circonstances du moment surtout, soit traité au Conseil. Pourquoi, Sire, par un fait de cette nature, ternirions-nous encore notre politique! Le paragraphe de la page 32 dans la brochure que j'ai eu dernièrement l'honneur d'envoyer à V. M., qui commence ainsi: *Les intrigues infernales de Buonaparte, etc.*, prouve l'état des contrées précitées, victimes du souffle satanique qui ravage du plus ou moins l'univers.

L'état aussi extraordinaire que fâcheux du ministère de V. M., qui inspire si peu de confiance, m'oblige, à la prière instante du ministre de Portugal, de grossir mon expédition de ce jour de la copie de la note que, provoqué par le chancelier, il a présentée en août. Sur ce sujet, comme sur tant d'autres accessoires à mon principal objet, il me faudrait vous envoyer des cahiers, Sire, vu que les moyens de vous entretenir sont si fort obstrués pour moi; mais outre la peine que j'éprouverais d'embarrasser V. M. de tant de paperasses et de La fatiguer de tant de lectures, mes moyens physiques s'y opposent, car ma santé commence à exiger de si grands ménagements, que, hors la commission, où ma présence est de nécessité stricte, je ne sors plus depuis quinze jours. Si cette dégringolade ira en croissant, je me verrai obligé, malgré mon zèle, dont je crois avoir donné des preuves, de solliciter une retraite devenant également nécessaire sous le rapport de mes affaires, qui, nonobstant tout l'ordre que dans ma position je tâche d'y mettre, se

dérangent sensiblement par les calomnies générales, et surtout par la mauvaise année courante.

V. M., sachant que, pour mon personnel, je n'use pas plus que pour le reste d'intermédiaires entre Elle et moi, ne trouvera sûrement pas mauvais que je dépose ainsi à Ses pieds mes besoins physiques et moraux avec une entière confiance.

69.

26 septembre 1811.

En m'empressant de passer à V. M. l'officiel et le confidentiel parvenus à moi hier soir par le prince Dolgorouky, je me félicite de pouvoir Lui prouver par la copie officielle de la lettre du comte de Ludolf, que V. M. tenait déjà confidentiellement, que ma confiance n'est jamais le produit d'un calcul humain, mais celui d'un sentiment qui, je me permettrai de le dire ici, peut être encore plus apprécié par l'homme que par le Souverain. C'est basant sur ce principe ma conduite que j'ai toujours ambitionné d'être plus vrai qu'agréable, plus utile que complaisant.

Les besoins de mon service voilé croissant tous les jours en raison de la pénurie des moyens de remplir ma tâche sans appréhension pour ma responsabilité, je me vois obligé de déclarer aux pieds de mon Maître chéri qu'indépendamment de tout ce dont j'ai à l'entretenir sur ses hauts intérêts, il m'est plus urgent que jamais de fixer ma destinée d'une manière un peu tranquillisante, afin de ne pas brûler à petit feu, tant moralement que physiquement. C'est toujours avec un abandon extrême de confiance, d'attachement et de respect que je suis, etc.

70.

3 octobre 1811.

A tout ce que, dans mon plus profond dévouement pour l'Auguste Personne de V. M. I. et mes conceptions individuelles pour les intérêts de ma patrie, j'ai pris la liberté de transmettre et de représenter, je dois ajouter l'office ci-joint, que M. Zea est venu hier me remettre lui-même, en l'accompagnant de quelques réflexions, qu'à vos pieds, Sire, j'ose soumettre à votre justice.

Il y a aujourd'hui juste vingt-quatre jours que les ouvertures espagnoles et britanniques ont été par moi transmises à V. M., la seconde, confiée particulièrement à mon instance pressante, afin d'éviter des embarras, car l'intimation positive du Prince Régent à M. Zea était de tâcher de remettre les siennes en mains propres, tant la méfiance de S. A. R. envers notre ministère est prononcée. M. Zea, jaloux de répondre à toute la confiance dont il est

revêtu, désirerait pour sa décharge pouvoir au moins produire devant ses hauts commettants des preuves indubitables que les lettres de la Régence et du Prince Régent sont exactement parvenues à V. M. Ce désir, dont je conçois et apprécie toute la délicatesse, me semble mériter, Sire, que vous l'honoriez de votre attention particulière en rapportant cette même attention sur moi, en égard à la confiance qui, dans des temps aussi épineux, m'a valu des résultats si propices pour l'avenir, qu'il m'est si précieux de conserver.

Quand, vu les autres engagements de V. M., il n'entrerait pas dans Sa politique de consolider pour le moment par une transaction formelle le rapprochement avec les gouvernements espagnol et britannique, entretenir ce fil pour ce qui nous attend dans quelques mois peut-être ne peut pas, ce me semble, ne pas paraître du plus grand intérêt. Or quel inconvénient pourrait-il y avoir que, sans des réponses directes de V. M., et, si Elle ne le jugeait pas à propos encore, sans les miennes même, aux offices de M. Bardaxi et du marquis de Wellesley, j'accusasse officiellement par quelques lignes à M. Zea la réception des lettres pour V. M. et leur transmission fidèle? Une telle autorisation présenterait le cachet d'une régularité de dignité bienséante, en même temps qu'elle calmerait notre négociateur voilé, en vous laissant, Sire, toute la latitude nécessaire pour les combinaisons ultérieures, jusqu'à ce que dans votre sagesse vous annonciez votre Souveraine décision.

Ayant prévu la difficulté que dans mes rapports avec V. M. je finirais par éprouver, j'ai eu l'honneur de Lui proposer deux modes de communications, aussi efficaces pour l'utilité du service que sans inconvénient pour l'extérieur; mais Elle n'a pas daigné les goûter, tout en continuant à ne pas déterminer un troisième, sur lequel elle avait paru se fixer, qui aurait eu pour moi l'avantage de me débarrasser de ma présidence, qui, au milieu de mes autres occupations, me surcharge et me fatigue. L'intermédiaire qu'aux pieds de V. M. je sollicite depuis longtemps, aurait suppléé aux écritures, en portant à Sa connaissance les moindres détails, qu'en écrivant il est impossible de ne pas omettre et qui dans leur nombre renferment souvent des traits infiniment intéressants.

Enfin, Sire, je finirai par dire ici que, passé l'attitude imposante que pour la sûreté de votre Empire vous avez organisée et dans laquelle il est si urgent de vous maintenir, les gouvernements espagnol et britannique ne demandent pas foncièrement autre chose. A cette condition, V. M. est dans la passe fortunée de pouvoir compter sur les plus grands sacrifices et sur tous les efforts de ces deux gouvernements pour comprimer l'oppresseur du monde.

Ma mauvaise vue ne me permettant pas de continuer à entretenir plus longtemps V. M. de mes besoins, qui, plus souvent que je ne le voudrais pour le service, amènent des décousus auxquels, vu ma position extraordinaire, il m'est presque impossible de remédier, j'abandonne, sous l'œil de Celui qui dirige ma plume, au tact distingué de V. M. et à Sa justice, d'en peser les inconvénients et de me tendre une main secourable.

71.

11 octobre 1811.

Tout malade, j'ai la douleur de transmettre à V. M. l'office qui vient de m'entrer.

L'indigne cause des rebelles a été produite et traitée solennellement au Conseil de V. M. en Sa présence, et un agent estimable du plus respectable gouvernement, qui défend votre cause, Sire, en défendant celle de tous les Souverains légitimes, ne parvient pas depuis plus de quatre semaines à obtenir une réponse officielle voilée; mode auquel il est dans votre pouvoir, Sire, de donner par moi telle extension que, selon les occurrences politiques, vous jugerez convenable de préciser! C'est, dans ces temps désastreux, une réflexion de plus, soumise avec abandon à la justice de V. M. Le cœur froissé, je me jette avec dévouement à Ses pieds.

72.

11 octobre 1811.

Quand un ministre déhonté persiste à produire une affaire, diplomatiquement incohérente, politiquement inconvenante, que, sans se soumettre aux formes sanctionnées par son Souverain, il se permet de porter cette affaire au plenum du Conseil sans la faire passer par le département de l'Economie politique, quand enfin il l'emporte au point qu'en suite de la lecture faite de son projet, il réussit à faire lire un rescrit préparé avec intention contre la volonté de son Maître, ce qui malheureusement n'a pas échappé à tous les membres du Conseil de V. M., que reste-t-il à faire à l'homme religieusement dévoué à sa patrie, saintement attaché à ses devoirs, scrupuleusement jaloux de la gloire de son Souverain, qui, pour servir celui-ci, se débat avec un zèle soutenu depuis nombre d'années en vue d'amener des chances favorablement dignes, afin de paralyser avec autant de prudence que d'honneur la cruelle et fausse position dans laquelle une série d'événements malheureux et de conduites inconcevables ont placé notre politique? En déposant cette question aux pieds du Trône, j'ose la soumettre à la justice de V. M.

M'étant toujours dirigé par un tact purement patriotique, qui seul ne nuit pas aux affaires, je ne crois pas avoir besoin de nouvelles garanties sous ce rapport auprès de V. M. Aussi ne Lui cacherai-je pas qu'avant-hier, au sortir du Conseil, j'étais, sous l'invocation et l'assistance Divine, déterminé à prendre un parti décisif. Mais les lignes Augustes et confidentielles que j'ai eu le bonheur de recevoir quelques minutes après être rentré chez moi me prescrivent d'après mes principes une marche différente, jusqu'à ce que V. M. m'ait permis de L'écouter et de L'entretenir à fond sur les objets dont je suis en possession, qui, à côté de Ses plus hauts intérêts, Lui dévoileront dans la déshonorante affaire de Caracas des vues plates d'une part, perfidement astucieuses de l'autre, le tout brochant sur des spéculations vilement intéressées.

Que l'Être des Êtres devant qui nous comparaitrons tous un jour ait pitié de nous! Qu'Il nous accorde miséricorde, grace, lumière! C'est en m'élevant en esprit et en proférant ces paroles du fond de l'âme que j'ai l'honneur d'être, etc.

P. S. J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint ce qui m'est entré hier de Vienne par le comte Nesselrode.

73.

11 octobre 1811.

Dès ce moment, vos Suprêmes volontés, qui ont toujours été des arrêts sacrés pour moi, le deviendront désormais davantage. Dans les billets Augustes qui viennent de m'entrer, je vois un décret supérieur, devant lequel je me prosterne avec reconnaissance. Daignez donc, ô mon Maître chéri, m'accorder gracieusement la faculté de pouvoir dans une retraite adresser mes vœux pour votre gloire et la prospérité de ma patrie, état qui commence à convenir si fort à mes infirmités morales et physiques. Ayant eu le bonheur d'être rapproché de l'Auguste Personne de V. M., je ne crois pas avoir besoin de présenter pour ce que je sollicite une supplique en forme. J'attends donc de Ses bontés que, par cette grâce, Elle mettra le comble à ce que je Lui dois et ce que j'aurais pu Lui devoir.

Je remettrai l'office espagnol, et exécuterai les ordres de V. M. y relatifs. Quant à la certaine réponse dont Elle daigne faire mention, elle a été verbale de ma part, parce que le billet de V. M. m'intimait de la dire, et non de la donner par écrit.

74.

16 octobre 1811.

Pour mes besoins personnels, j'ai recouru jusqu'ici à la justice de V. M. I.: actuellement sous ce rapport j'implore Sa charité! Daignez, Sire, m'accorder la grace que mes circonstances domestiques et surtout le dérangement très sensible de ma santé exigent. J'ose, pour être tout à fait en règle, présenter ici une supplique en forme.

Me supposant autorisé dans un des billets Augustes du 11 de répondre par écrit au négociateur espagnol, j'ai cru devoir le lui promettre, et compte en conséquence m'en acquitter brièvement demain. Je me permettrai de certifier à cette occasion que, courageusement dévoué à la cause pour le service de laquelle nuls dangers ne l'intimideront, M. Zea est profondément et sentimentalement pénétré de ce qui est dû à V. M. I. En transmettant fidèlement ce qui m'est entré aujourd'hui, je crois, tout retiré que je serai du service, devoir offrir à V. M. ma coopération dans la tâche voilée et importante qui [illegible] confiée, par le mode de l'intermédiaire que j'ai plus d'une fois proposé et [illegible]ment, jusqu'à ce que, sous voile ou en évidence, Elle ait fait choix d'un autre [illegible] comp[illegible] toutes les confiances, le Cabinet de Vienne essentiellement y compris.

Прошеніе.

Октября 16 дня 1811 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

Домашнія обстоятельства, требующія въ крайне умѣренномъ состояніи моемъ большого поправленія, а болѣе еще разстроенное здоровье, принуждаютъ меня повергнуть себя къ престолу и всеподданнѣйше В. И. В. просить о Высочайшей, и въ настоящемъ положеніи моемъ о единственной, милости всемилостивѣйше уволить меня отъ службы.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь и проч.

75.

20 octobre 1811.

En portant à la connaissance de V. M. I. la note ci-jointe qui m'est depuis peu très extraordinairement entrée, je Lui en fais hommage, en La suppliant en sujet bien attaché de la garder jusqu'à ce que des développements qui me semblent peu éloignés fixent, plus qu'ils ne l'ont peut-être fait jusqu'ici, l'attention de V. M. sur les dangers des associations secrètes, et l'urgence extrême d'un éveil permanent et vigilant y relatif.

Le symbole dont il est fait mention dans la note, et que je n'ai pas, est le compendium du satanisme, et doit se trouver chez la personne que j'ai eu l'honneur de vous indiquer, Sire, mardi dernier. Je pense toutefois que, jusqu'à la manifestation évidente des développements précités, en conservant la note, il serait bon que V. M. parût ne se douter de rien, et qu'Elle ne me nommât pas dans aucun cas. A la première occasion opportune, je pourrai en dire davantage; pour à présent, d'après mon sentiment dévoué, je ne crois pas que plus de mouvement soit nécessaire.

A la prière du général Pardo, le chancelier présentera à la confirmation de V. M. la nomination d'un consul du Roi Joseph à Odessa, dans la personne de Don Luis del Castillo, qui y vit en particulier, y ayant été précédemment consul de Charles IV. Comme cet individu est très bien pensant, et connu pour tel par son gouvernement légitime, M. Zea m'a supplié de ne pas laisser ignorer ces particularités à V. M. Depuis ma très concise accusation officielle de la réception et transmission fidèles des lettres, notre négociateur espagnol s'est calmé. Sans oser me permettre aucune réflexion sur les réponses à faire à ce dont V. M. est en possession, je déposerai humblement à Ses pieds mon idée dévouée suivante: l'opinion qui nous est redevenue favorable de la part du gouvernement britannique et espagnol étant de nature à être appréciée pour le présent et ménagée pour l'avenir, il ne me semble pas impossible, d'après le sens foncier de leurs ouvertures, de pouvoir mener de front les intérêts de la Russie, vis-à-vis de la France même. V. M. pèsera de reste dans Sa sagesse ces nuances délicates et importantes; qu'Elle daigne

ne voir dans mon abandon habituel que mes motifs, basés sur mon attachement pour Sa Personne et ma passion pour Sa gloire!

A la décoration Gracieusement accordée au jeune Dolgorouky que son chef a sollicitée comme encouragement, j'ose vous supplier encore, Sire, de lever avec magnanimité l'accroc de la dette envers l'Autriche. Indépendamment de ce que la chose a été annoncée officiellement, je suis pénétré de la vérité qu'une telle mise en jeu vous rapportera des profits politiques au centuple. M'étant soumis à la Suprême volonté de V. M., je me sens moralement et physiquement soulagé depuis que, Très Gracieusement débarrassé de ma présidence, je pense que je pourrai être essentiellement utile comme travailleur de cabinet: comme tel aussi, je me consacrerai avec tout le zèle dont je puis être capable.

76.

23 octobre 1811.

En suite des ordres de V. M. donnés à M. de Vitoftoff, je l'ai vu deux fois. Je commencerai par vous exprimer toute ma gratitude, Sire, pour la grâce accordée à mon neveu Gagarine, qui, j'ose le garantir, ne s'en rendra pas indigne. Quant à ce qui m'est personnel dans l'ordre de choses qui va s'organiser, je m'en suis franchement expliqué avec M. de Vitoftoff, sans que toutefois mes besoins essentiels pour le service voilé se manifestassent le moins du monde; ce à quoi j'espère avoir réussi.

M. de Vitoftoff, à qui, pour la clarté de sa marche, j'ai cru pouvoir confier que V. M. m'a Très Gracieusement promis de me démettre de ma présidence, Lui soumettra mon idée sur la manière dont sans inconvénient, ce me semble, il y aura moyen de m'attacher la chancellerie de la Partie de la Bienfaisance, en en nommant directeur mon neveu. Si V. M. daignera l'agréer, j'oserai La supplier de couronner Ses bontés pour moi en permettant que le rescrit soit également rédigé et présenté par M. de Vitoftoff. V. M. ne daignerait-Elle pas dans cette circonstance faire quelque chose pour ce secrétaire d'état? Ses moyens et son zèle sont de nature à mériter toute considération. Une décoration, ou le rang de conseiller privé, beaucoup de ses cadets l'étant devenus, proposés à son choix par V. M. même, le flatteraient, je pense, mais il ne faudrait pas qu'il se doutât que je m'en suis permis l'insinuation. Tout en connaissant la subtilité de l'amour-propre de cet intéressant individu, de la force duquel il ne se doute pas souvent lui-même, j'en apprécie la quintessence pour l'utilité réelle et variée dont il peut être pour le service.

A cette occasion, je me permettrai de parler aussi en faveur de l'honnête M. Sokoloff, qui, lorsqu'il était jurisconsulte, recevait 3000 d'appointement, tandis que, depuis qu'il est membre de la Commission des Demandes, il n'en reçoit que deux. Servant depuis près de deux ans avec lui, je crois de toute justice de fixer sur lui l'attention de V. M., afin de prévenir un résultat dont le service souffrirait.

Je vous demande un million de pardons, Sire, de ces deux représentations bien dévouées. Dieu m'est témoin que, n'ayant en vue que de vous entourer de toutes les affections de vos bons sujets, je ne suis et ne serai mû que par ce sentiment, tant que la Providence permettra que je vous serve.

77.

23 octobre 1811.

Le portugais de la fameuse *secretissima* est arrivé hier sans être porteur de quoi que ce soit d'intéressant pour personne, à l'exception d'une lettre anglaise de Liston, un peu remarquable, pour le chevalier Bezerra, écrite encore en juillet, avant son départ pour Constantinople. Si V. M. désirait par curiosité en prendre connaissance, le chevalier ne ferait sûrement pas difficulté de me la confier. Ce dernier, qui s'était attendu à des communications importantes, tombe de son haut de l'aventure; mais quelqu'un qui en sera marri, ce sera le duc de Serra-Capriola, pour lequel le courrier, à ce que m'a dit le ministre de Portugal, n'apporte pas une pauvre petite ligne. Ce fait prouve que le Prince Régent et son ministre, ayant pour le préalable placé leur confiance dans le négociateur espagnol, attendent, étant devenus plus prudents dans la circonstance que ne l'a été jusqu'ici le Cabinet de St-James.

78.

27 octobre 1811.

J'ai l'honneur de transmettre à V. M. I. le Symbole des Illuminés tel qu'en langue italienne il a dans le temps été saisi par le défunt Sénat de Venise, dont très extraordinairement une copie italienne m'est entrée quatre jours après mon expédition de la note, de quelle copie ayant fait faire par mon neveu une traduction, je l'offre ici comme un supplément à la note et comme le cachet de mon dévouement.

Regardant mon œuvre, sous le rapport de l'éveil relatif au danger des associations secrètes, complétée, je rentre dans mon orbite individuelle. En abandonnant au Tout-Puissant au Ciel d'inspirer, comme au Puissant sur la terre de remplir sa tâche, j'implore la bénédiction de Celui-Là et fixe l'attention de Celui-Ci sur des développements prochains, de la plus extrême importance.

Puisqu'il a plu à la Providence de disposer V. M. à me conserver auprès d'Elle, en dépit de ce qui s'est passé et de ce qui a dû se passer, ce que le temps, je n'en doute pas, démontrera et prouvera, je sollicite une petite audience, afin de soumettre à V. M. mes idées sur la composition de la chancellerie de la Partie de la Bienfaisance, en vue de l'utilité du service voilé, qui, pour le moment, doit être mon objet principal. La nomination du comte Nesselrode au secrétariat d'état m'a été d'autant plus agréable, que, devenant pour moi

un grand trait de lumière, elle donne naissance à des conceptions nouvelles, qui, pouvant conserver dans l'ordre actuellement existant votre politique extérieure, Sire, l'intérieure ou secrète pourra être menée de front avec sûreté et succès, sans compromis ni décousu. J'ai toujours reconnu des moyens au serviteur précité, mais je les apprécie bien davantage depuis que la pureté et la solidité de ses principes m'ont été très fraîchement attestés par un ami de vingt-six ans en qui j'ai une entière confiance. C'est pour soumettre mes zélées et humbles idées sur tous ces aperçus que je désire avoir le bonheur d'approcher V. M.

Je finis, Sire, en portant à vos pieds mes félicitations sur les événements arrivés et attendus sur le Danube, événements sur lesquels le doigt du Tout-Puissant s'imprime si sensiblement.

79.

3 novembre 1811.

J'ai obéi à V. M. I. en restant au service, et, en suite de cette soumission, je Lui ai exposé tous mes besoins personnels, de même que, dans ma position, tous ceux de ma tâche difficile. Il ne me reste qu'à attendre avec résignation et dévouement, Sire, que vos Hautes volontés sur moi et sur mon œuvre se prononcent.

En conséquence de cet exposé, fidèle sans calcul temporel à ne pas dévier de la voie que je me suis tracée, je transmets à V. M. l'imprimé ci-joint. J'ignore s'il a pu entrer ici d'autres exemplaires de cette feuille, mais en vous faisant hommage de celle-ci, Sire, je garantis que, hormis l'individu qui me l'a remise et moi, personne ne l'a lue.

80.

12 novembre 1811.

Respectant les occupations de V. M. autant que Ses dispositions sous le rapport des besognes dont je me trouve chargé, je n'ai plus osé demander des audiences, qui, par la manière dont je ne cesse d'être journellement relancé, me seraient si nécessaires. Dans une telle position, me dirigeant uniquement par un tact analogue à mon dévouement, je tâche de me tirer d'affaire le mieux que je puis. Dieu veuille que, dans la suite, ma conduite soit honorée de l'approbation de V. M.!

Comme résultat de ce que je viens d'exposer, je n'ai pas cru pouvoir me refuser à la transmission de l'office ci-joint. Je l'accompagne du billet confidentiel, en certifiant qu'indépendamment des instructions originales de la Régence que j'ai vues et lues, dont j'ai exigé qu'une traduction fût faite pour la présenter, ainsi que je le fais ici, celles secrètes de M. Bardaxi m'ont été également communiquées *in extenso*, qui, dans mes conceptions à moi, Sire,

me semblent ne rien laisser à désirer pour les intérêts de la Russie, tant pour les temps présents qu'à fur et mesure pour ceux à venir.

Le comte de Saint-Julien, qui vient de me voir et me parler des entraves que M. le chancelier met et mettra, selon lui, à la malheureuse affaire de l'argent, j'ai eu beau le tranquilliser, j'ai si peu réussi à le calmer qu'il m'a déclaré qu'il allait m'adresser un office, lequel office l'ayant suivi de très près, avec une note, je m'empresse de les porter ci-joint à la connaissance de V. M.

A cette occasion, je me permettrai de rappeler à V. M. que, le retour à Vienne du prince Nicolas Dolgorouky étant fortement désiré par son chef, ne daignera-t-Elle pas donner Ses ordres pour que la première expédition de courrier lui soit destinée? Ce qui, en mon particulier, me mettrait à même d'y faire passer avec sûreté mes communications officielles et individuelles.

N'ayant pas pu approcher tout ce temps de V. M., je me suis décidé, d'après la latitude accordée à M. de Vitoftoff, de procéder à l'organisation de la chancellerie de la Partie de la Bienfaisance. Quand daignerez-vous ordonner, Sire, que votre nouveau secrétaire d'état se présente devant V. M. avec le journal et quelques autres papiers relatifs à cette organisation, qui demandent Sa Haute confirmation, et qui ne Lui prendront que très peu de temps?

81.

16 novembre 1811.

Depuis mon expédition de dimanche matin, je ne reçois pas d'ordres de V. M. J'apprends toutefois que M. le chancelier compte expédier aujourd'hui le prince Dolgorouky, et le comte de Saint-Julien m'a relancé hier et avant-hier pour l'affaire du malheureux payement. Ai-je pu m'attendre, Sire, que cette dernière éprouverait tant de difficultés, après que, par votre ordre, j'ai été autorisé d'annoncer officiellement au ministre autrichien que le payement se ferait dans le courant de 1812, que pour cet effet il serait mis en rapport avec M. de Gourieff, que, par votre ordre également, la chose a été officiellement annoncée à votre ministre à Vienne, et que je suis en possession du billet Auguste qui m'intime cet ordre? Comment, dans cette circonstance, m'abstiendrai-je de parler de la malveillance d'un ministre qui, dans sa logique inconcevable, se plait à perdre ainsi les affaires? Quel moyen aurai-je de l'éviter, si V. M. veut que je continue à La servir, moi qui ne suis, après avoir obéi à Ses Hautes volontés, soutenu que par un zèle purement et simplement religieux?

82.

18 novembre 1811.

J'ai l'honneur de faire hommage à V. M. de la gravure ci-incluse, qui m'a été envoyée de l'intérieur de la France. Que le fait soit réel ou qu'il

soit le produit d'imaginations embrasées et exaltées, l'effet sur les esprits pour l'Empereur Napoléon est en dernière analyse le même; et il est tel, que, malgré la vigilance des polices et les ordres les plus positifs aux préfets de tâcher de calmer les esprits sur ledit fait, la gravure a été exécutée dans les environs de Savone, et répandue dans les départements de l'Empire, avec une célérité, *m'assure-t-on, difficile* à concevoir.

Le prince Dolgorouky est parti sans porter par mon entremise de correctif à la dépêche de M. le chancelier, et sans que j'eusse été autorisé de faire une réponse quelconque au comte de Saint-Julien. Sont-ce des compromis, Sire, sont-ce des décousus? En me jetant à vos pieds, j'ose fixer votre attention, non sur moi, mais sur Votre Auguste Personne, sur vos précieux intérêts. Tant que les circonstances ne permettront pas que notre politique ait plus de fixité, nous ne rétablirons pas la confiance qui nous reviendrait de droit à tant de titres, et, tant que les deux ne deviendront pas sensibles, Kochéleff gémissant aux pieds de V. M. ose Lui déclarer qu'il ne pourra pas Lui être utile.

Je me suis attaché par sentiment à V. M., je Lui serai toujours dévoué par serment et par principes. Je crois à une vie à venir. Pour passer dans celle-ci avec le moins de souillure possible, il m'importe encore ici-bas de me mettre en règle avec ma conscience. En conséquence, désireux de mériter ce résultat ineffable de mes plus chères espérances, en conciliant mon devoir futur avec mon service passé et présent, mon choix, en tant qu'il dépend de moi, ne saurait être douteux. V. M., qui me connaît comme Sa main, chose qu'en La servant j'ai toujours ambitionnée, est sûre, je m'en flatte, qu'Elle m'aura à Ses ordres toutes les fois et de tel lieu qu'Elle daignera m'appeler, lorsque surtout je me convaincrai que je pourrai être plus utile que je ne crois l'être à présent. En attendant, ma santé et mes affaires qui se délabrent se remettraient, la première par plus de calme et de soin, les secondes par un ordre plus suivi et une stricte économie, impérieusement commandés par les temps et la médiocrité de ma fortune. Après ce que j'ai tant de fois représenté et produit sous le rapport des modes pour le service, conciliés avec mes convenances individuelles, il ne me reste qu'à réclamer la justice de V. M. sur ma position et espérer qu'en l'embrassant dans son étendue, Elle daignera m'accorder l'unique objet de mes vœux pour le moment.

C'est toujours avec l'abandon dont j'ai contracté une si douce habitude, que j'ai l'honneur d'être, etc.

83.

22 novembre 1811.

Le comte de Saint-Julien, ayant demandé à me voir hier, m'a rendu tout chaud compte de l'audience que M. le chancelier lui a donnée dans la matinée, et fait part du correctif que ce ministre a produit, cette fois, en séparant les deux objets, celui de la dette reconnue par V. M. et celui de la

transaction politique pour le cas à venir. Comme le comte de Saint-Julien sait rapporter à qui il appartient ce changement dans les dispositions du comte Romanzoff, il m'a consulté s'il pourrait se permettre d'en témoigner toute sa sensibilité la première fois qu'il aurait le bonheur de rencontrer V. M. à la promenade. J'ai cru pouvoir lui dire que je n'y voyais pas d'inconvénient, et, d'après mon habitude de tout dire à V. M., je L'en préviens.

Ne daignerez-vous pas permettre, Sire, que le prince Gagarine vous porte les papiers qui attendent votre Haute confirmation? Tout cela ne vous prendrait tout au plus que 8 à 10 minutes, et ferait un bon effet, car, dans mon dévouement, je ne puis pas passer sous silence que, de telle manière que ma destinée future se décide, la nouvelle organisation de la chancellerie dont mon neveu sera le directeur ne pourra être que d'une grande utilité sous les deux rapports connus à V. M. S'il ne convenait pas à V. M. de permettre la courte apparition de mon neveu dans Son cabinet, me permettrait-Elle, dans ce cas, de Lui adresser les papiers à ma manière accoutumée?

84.

27 novembre 1811.

J'ai l'honneur de porter tout chaud à la connaissance de V. M. ce qui confidentiellement vient de m'entrer de Vienne. Je vous supplie, Sire, de daigner me faire connaître votre volonté à l'égard de la lettre à cachet volant pour le comte de Witt. Je suis aux pieds de V. M.

85.

27 novembre 1811.

Je m'empresse de passer à V. M. les communications du duc de Serra-Capriola, que je reçois à l'instant même. Je suis aux pieds de V. M.

86.

28 novembre 1811.

Malgré tout ce que j'éprouve et en dépit de ce que j'aurais eu tant de raisons d'espérer, je ne sais pas, d'après un sentiment auquel je ne résiste jamais, avoir d'autre marche que celle d'aller droit mon chemin avec V. M. Comme résultat de ce que j'ai avancé, j'ai l'honneur de Lui confier les deux incluses, en La suppliant de me restituer la lettre du Duc de Sussex. Je suis aux pieds de V. M.

87.

5 décembre 1811.

J'apprends à l'instant même que le Roi de Prusse est observé à Berlin de manière que, sans les plus grands risques pour sa personne, il lui sera impossible de quitter cette capitale. Cette confidence a, je le sais, été faite hier par l'ambassadeur de France au ministre de Westphalie. Croyant la tenir de part sure, je m'empresse d'en donner connaissance à V. M. Je suis avec devouement a Ses pieds.

88.

10 décembre 1811.

Fidèle à mon principe de tout porter à la connaissance de V. M., je m'empresse, sans réflexions à moi propres, de Lui soumettre les incluses, qui me sont entrées tard hier, et sur lesquelles je viens de jeter un coup d'œil à l'instant meme. Je suis aux pieds de V. M.

89.

Billet accompagnant une communication officielle espagnole. — *14 décembre 1811.*

Il y a deux mois que je n'ai eu le bonheur de voir V. M. en particulier. L'année s'écoule, rien de ce qui m'a été Gracieusement promis ne s'effectue, et tout, généralement tout, reste stagnant pour moi. Il est dans mes sentiments d'avouer que je me sens moins propre que jamais pour les temps, comme il est dans mes principes de ne pas le cacher à celui à qui jusqu'ici je me suis fait une loi religieuse de ne rien cacher.

Aux pieds de mon Auguste Maitre, je demande justice pour moi, attention pour les interets qui me sont confiés.

90.

23 décembre 1811.

En transmettant à V. M. d'après mon principe ce que le baron Buhler vient de m'adresser, je demande Ses ordres sur la réponse à faire à l'égard du baron de Salis. Je suis avec dévouement aux pieds de V. M.

91.

24 décembre 1811.

Au milieu de tant d'intérêts de la plus haute et de la plus urgente importance, j'ai à ajouter à toutes les amertumes de ma position celle de devoir encore porter à la connaissance de V. M. sur la plus mince des affaires l'office ci-joint. Les compromis continuant d'être ainsi à l'ordre du jour, je me flatte que, dans votre magnanimité, Sire, vous daignerez agréer à la fin qu'avec le commencement de l'année, je prenne un parti, que de toutes manières la force des circonstances me commande.

92.

28 décembre 1811.

Le comte de Saint-Julien, flatté de la manière gracieuse avec laquelle V. M. a daigné le traiter à la dernière parade, est venu de celle-ci même m'en rendre compte, en me priant instamment de tacher de lui donner des éclaircissements sur les raboteux que M. le chancelier a jugé à propos et pu produire, là où tout avait été réglé et officiellement annoncé.

Le ministre d'Autriche m'a encore extraordinairement vu hier, pour me communiquer la dépêche qui lui est entrée du comte de Metternich, sur le contenu de laquelle il doit demander aujourd'hui une audience à M. le chancelier et dont j'ai tiré les passages les plus remarquables, que je m'empresse, Sire, de vous transmettre par extrait. Conviendra-t-il que je continue à rester muet dans cette circonstance, ou, dans le cas contraire, ce que je dois faire et dire me sera-t-il précisé? Ces questions soumises aux vues et à la justice de V. M., j'ose L'assurer que, si j'ai eu l'ambition de servir lorsque j'ai cru pouvoir être essentiellement utile, j'en ai bien plus de me retirer, convaincu que je suis de ne pouvoir pas l'être.

Extrait de la dépêche du comte Metternich.

L'Empereur est trop juste pour réclamer le remboursement d'une somme quelconque, qu'il n'aura pas la conviction de lui être due sans réserve aucune. S. M. I. ne rend pas moins une justice entière à la loyauté de l'Empereur Alexandre, et c'est *de ce chef seul* qu'il croit devoir compter sur une rentrée qui nous a été *annoncée* comme devant s'effectuer.

L'Empereur croirait déroger à tout ce qui s'est passé, en liant maintenant le payement de quelques millions avec une question politique générale quelconque. S. M. I. les sépare de nouveau de la manière la plus explicite, et ne peut en fournir une preuve plus évidente qu'en vous ordonnant à porter à S. M. I. de toutes les Russies (dans le moment même où on semble vouloir revenir sur le payement de la dette en question) l'assurance qu'en déplorant l'état de tension qui existe entre les Cours de Russie et de France, et malgré

les dangers inséparables d'un pareil état de choses pour les puissances intermédiaires, notre Auguste Maitre n'a rien changé à son attitude politique, et que son *indépendance* de tout lien et engagement contraire ou en faveur d'une puissance quelconque est *complète*.

93.

4 janvier 1812.

Dans l'ignorance où je suis de répondre au duc, je passe son billet à V. M. Je profite aussi de l'occasion pour lui transmettre ce qui, dans l'instant même, m'entre du baron de Buhler. Je suis, Sire, avec dévouement à vos pieds.

94.

5 janvier 1812.

Le baron de Buhler m'ayant demandé une entrevue ce matin, il vient de m'annoncer que, ses affaires ici étant terminées, il compte dans huit à dix jours partir pour Vienne, et me prie de lui faire connaître pour ce temps les intentions de V. M. relatives aux ouvertures du baron de Salis, en lui précisant son dire et son faire dans cette circonstance. Qu'y répondrai-je, Sire? Attendant sur cela, comme sur la réponse à faire au billet d'hier du duc, les ordres de V. M., je suis avec respect et dévouement à Ses pieds.

95.

9 janvier 1812.

Dans ma catégorie extraordinaire, qui commence à prendre trop sensiblement sur ma santé, à influer puissamment sur mes intérêts, et à la veille de ne plus être utile à ceux de V. M., je ne puis me permettre ni représentations ni réflexions, croyant sous ce rapport avoir rempli ma tâche de manière à prouver que je me suis toujours vu dans les affaires et que je n'ai jamais vu celles-ci en moi.

Evitant en conséquence d'importuner V. M. par des volumes d'écriture de tout ce qui, depuis plusieurs semaines, m'a été confidentiellement transmis et me serait entré par écrit si mon aplomb ne fût devenu autre, je ne crois pas cependant devoir charger ma conscience au point de laisser ignorer à V. M. ce qui, sous la sauvegarde de M. le chancelier, m'est un peu tardivement parvenu de Vienne. Cette lettre est la seconde qui, du même lieu et de la même personne, m'entre de cette manière; mais la première a été si fort caressée par S. E., que, m'étant arrivée en lambeaux, je n'ai pas pu en apprendre grand'chose, et ne me suis borné qu'à rendre toute la justice due au courage et à la sublimité de la politique du ministre. D'après le déchiffrant ci-joint, de même que d'après tout ce qui est précédemment parvenu à ma

connaissance du comte de Metternich, je ne puis pas le juger équivoque, mais bien embarrassé, et en conscience on le serait à moins, eu égard à ce que l'Autriche, dans sa position, a devant, derrière, autour d'elle, et à tout ce qui se prépare dans son voisinage.

Déchiffré de la dépêche du Comte S.

Vienne, 29 décembre n. st. 1811.

Le temps n'est pas favorable pour la Prusse, pour laquelle je nourris de vives inquiétudes. Elle envoie en Autriche son ci-devant ministre de la guerre, pour la consulter sur le danger commun pouvant résulter pour eux de la paix avec la France: jugez par là de l'opinion qu'on a de notre Cabinet, de son crédit à Berlin! Je ne sais pas ce que l'Autriche répondra, mais Metternich est assez embarrassé de ses propres affaires, et trop en effroi de la France, pour penser à autre chose. Le pire est, à mon avis, la disposition française de Schwarzenberg, visant, à ce qui me semble, à conduire l'Empereur François à Napoléon. Metternich, quoique extrêmement aimable pour moi, n'est pas entièrement catégorique; il vient cependant de s'adresser très franchement à moi, en rejetant, non sans ombre de raison, tous les torts sur le chancelier. Il paraît effectivement être cause de la plus grande partie du mal, car, à cause de lui, on ne prend pas de parti décidé, et c'est ce qu'il y a de pire. Metternich m'a consulté s'il ne devait pas charger Lebzeltern de faire parler un peu serré à la Russie sur les intérêts respectifs des deux anciennes Cours Impériales, et j'ai été de cet avis, pourvu que cela passât par vos mains. L'Autriche ne conçoit pas comment l'Empereur Alexandre ne s'assure pas coûte que coûte de la Prusse, dont la coopération lui est indispensable, et il ne devrait pas souffrir qu'elle hésitât entre lui et la France. Cette affaire, plus importante que le Duché de Varsovie, devrait mieux marcher que la paix avec la Turquie, qui n'avance pas. La guerre recommencera, ce qui rendra probable celle avec la France. Je plains Nesselrode. Moins la paix avec la Turquie est probable, plus il sera difficile de rétablir les relations commerciales, cependant indispensables. J'accuse de ce mal moins Koutouzoff et Italinsky, que cet attachement pour la Moldavie, qu'il aurait fallu se presser d'abandonner, aussi bien que la Valachie, en faisant un pont d'or à la Turquie.

96.

14 janvier 1812.

Accoutumé à passer l'éponge sur tout ce qui m'arrive de désagréable quand il est question des intérêts de V. M., je m'empresse de vous envoyer de plein abandon, Sire, tout ce qui vient de m'arriver avec le courrier autrichien, la lettre pour V. M. y comprise. Je suis avec la plus entière confiance aux pieds de mon Auguste Maître.

97.

15 janvier 1812.

Malgré tout ce que je fais pour me soustraire à la prolongation d'une besoin qui me met dans le cas d'importuner souvent V. M. I., je ne puis cependant pas me libérer moi-même du devoir de porter à Sa connaissance et à Sa décision ce que, dans ma position, je juge être de la plus stricte règle sous le rapport de votre dignité, Sire, et d'une certaine bienséance à moi relative. Tel est le motif de la transmission du papier ci-joint: n'y répondrai-je pas encore? Il a plu à V. M. de sanctionner la confiance que la Providence a permis que plusieurs Cabinets et individus m'accordassent. Tant qu'il ne Lui plaira pas d'insinuer, ou de m'autoriser de le faire, Sa Haute volonté y contraire, la gêne de cette relation pour Elle ne pourra pas ne pas exister. Il me serait si doux de devoir à vos bontés, Sire, la cessation des rigueurs actuelles de ma destinée, sans que je fusse obligé de me déterminer à prendre une résolution qu'en égard à vos précieux intérêts sous le rapport de l'opinion, je ne puis pas dans mon dévouement ne pas croire nécessaire!

Une autre tache m'impose l'obligation de rappeler à V. M. qu'il y a trois mois que, par Son ordre, la chancellerie de la Partie de la Bienfaisance est organisée, mais que rien ne marche d'après celle-ci, vu que le papier y relatif n'est pas confirmé. J'ai pris la liberté de soumettre deux fois le fait à votre attention, Sire, et, tout peiné que je suis de revenir à la charge, je ne puis pas, d'après mon serment et mes sentiments pour l'Auguste Personne de V. M., être indifférent à ce qui, sous un tel rapport, concerne et l'opinion et l'utilité du service. J'ose donc représenter encore qu'une audience de 8 à 10 minutes, accordée aux deux secrétaires d'état, ou à l'un d'eux, suffira pour la sanction de cet objet et mettra fin aux incertitudes et aux inquiétudes de plusieurs individus.

98.

18 janvier 1812.

Le comte de Saint Julien m'a vu deux fois depuis l'arrivée de son courrier. Il m'a fait part de deux dépêches, l'une ostensible, qu'il a ordre de produire au chancelier, l'autre confidentielle, qu'il lui est intimé de ne lire qu'à moi, pour, par mon organe, en faire passer le contenu à la connaissance de V. M.

Aux termes où, par votre Haute volonté, je me trouve placé vis-à-vis de tous, Sire, et conformément à l'impression que cet état de choses opère sur l'opinion, impression qui, sous la garde de ma conscience, me trace ma marche, j'ai voulu éprouver la confiance du Cabinet de Vienne en exigeant de la part du comte de Saint Julien ce à quoi jusqu'ici il a fait difficulté de consentir, nommément (en vue d'être fidèle dans la transmission des communications précitées, me rabattant sur ma mauvaise mémoire) de me délivrer copie des deux dépêches. Après un peu d'hésitation, le ministre d'Autriche,

Императоръ Александръ I на смертномъ одрѣ

sur ma garantie de gentilhomme à gentilhomme qu'il ne serait pas compromis, s'y est engagé, et m'a tenu parole.

Dans l'intime de la confiance, j'envoie ces copies à V. M. et profite de cette occasion pour La prier de me restituer ce qui particulièrement m'est entré du comte de Stackelberg avec le courrier autrichien, et ce que, de plein abandon, je vous ai transmis et confié, Sire, lundi dernier.

P. S. Pour être tout à fait en règle, j'accompagne mon expédition du billet confidentiel du ministre d'Autriche.

99.

19 janvier 1812.

J'attendrai avec empressement les ordres de V. M. I., étant déjà beaucoup mieux, et me rendant aujourd'hui au dîner de S. M. votre Auguste Mère, Sire, d'après les ordres que j'en ai reçus.

Je suis avec dévouement aux pieds de mon Auguste Maître.

100.

22 janvier 1812.

Quoique je me plaise à n'envisager les rigueurs de ma position du moment que comme l'effet du cruel empire des circonstances, néanmoins le déroulement des événements rend mon existence à Pétersbourg si pénible que, pour que je me décidasse à prolonger l'état de sacrifice de ma santé et de ma tranquillité, il faudrait que j'eusse, non en perspective, mais en réalité, la certitude d'être foncièrement utile, par un changement dans mon aplomb qui me donnerait, sous le rapport moral et physique, des facilités dont je suis complètement dénué, et qui deviennent d'autant plus urgentes, que, d'une part, les développements les plus intéressants nous talonnent, et que, de l'autre, l'existence sur le pavé de la capitale devient pour moi tous les jours plus difficile, vu les temps et la diminution sensible de mes moyens. Déposant aux pieds de V. M., dans toute l'effusion de mes sentiments pour Elle, l'exposé précité, j'ose me flatter qu'Elle daignera n'y voir que le zèle le plus pur qui m'anime pour Ses intérêts, et ne méconnaîtra pas le pressant besoin que j'ai de L'approcher, de la manière la plus opportune.

101.

22 janvier 1812.

Je m'empresse de passer à V. M. l'extrait ci-joint, déchiffré d'une lettre du comte de Stackelberg, que l'estafette arrivée aujourd'hui m'a apportée, et qui, sous la sauvegarde de M. le chancelier, a été traitée comme les deux

précédentes. En attendant le bonheur de vous voir demain, Sire, je suis avec le plus respectueux dévouement aux pieds de V. M.

Déchiffré de la lettre du comte de Stackelberg.

22 janvier 1812.

Il y a très longtemps que je n'ai rien reçu de vous. Je n'écris pas à Nesselrode, parce que je le crois parti pour Paris. La seule chose que j'aie à vous dire de la part du comte Metternich, c'est que tout ce que le chancelier a pu ébruiter sur la conduite contraire aux intérêts de la Russie d'un agent autrichien en Valachie, est absolument controuvé. Metternich m'en a fait voir la preuve, par laquelle il paraît certain que cet agent n'a en rien favorisé la Turquie, mais au contraire a tenu une conduite fort impartiale. Quant à celle de Sturmer, je n'en répondrai pas également, quoique je n'aie rien de positif à alléguer contre lui. Pour le comte Metternich, il m'est impossible de ne pas en être satisfait, malgré la part que la vanité ou la malveillance peuvent avoir aux insinuations qui ne cessent de me travailler sur son compte.

102.

25 janvier 1812.

En suppliant V. M. de me renvoyer le dernier office du comte Stackelberg *sub* № 7, pour que je puisse, d'après Ses ordres, m'occuper aujourd'hui de la composition de ma minute et la Lui soumettre demain matin au plus tard, vu que le comte de Saint-Julien compte faire son expédition dans la journée du samedi, je profite aussi de cette occasion pour vous rappelez, Sire, votre promesse de me munir de vos vues, idées et intimations pour la Péninsule, M. Zea désirant également de ne pas tarder à expédier son fidèle. Je suis avec dévouement aux pieds de V. M.

103.

26 janvier 1812.

V. M. ne me renvoyant pas l'office du comte Stackelberg *sub* № 7, je me suis, craignant de manquer de temps, décidé à composer ma minute, que je m'empresse de soumettre à V. M. en Lui demandant pardon de la Lui envoyer telle qu'elle est, ménageant ainsi ma bien mauvaise vue, mon neveu Gagarine étant grippé et au lit depuis avant-hier.

Le courrier autrichien devant partir demain, je vous supplie, Sire, de vouloir bien me renvoyer ma minute encore aujourd'hui, et de daigner vous rappeler de la promesse de me munir de vos volontés pour la Péninsule. Je suis aux pieds de V. M.

Lettre à M. Zea.

28 janvier 1812.

En me décidant à vous envoyer une copie de ma main de l'original intéressant dont avant-hier je vous ai confié la lecture, je crois vous donner une preuve non équivoque de mon estime personnelle pour vous, comme un témoignage irrécusable de mon dévouement pour la belle cause que votre loyal gouvernement défend avec autant d'énergie, cause qui n'a cessé d'être celle de mon cœur, depuis les premières ouvertures de feu et digne comte Florida-Blanca, qui ont établi entre moi et votre gouvernement des relations dont je m'honore. Veuillez, monsieur, être l'interprète de ces sentiments auprès de LL. EE. MM. Bardaxi d'Azara et le marquis de Wellesley. Transmis par vous, ils donneront à ces ministres d'état une juste idée de mes regrets de ne pas voir (malgré nos franches et grandes déterminations, à vous si bien connues) les choses assez mûres pour pouvoir être autorisé à m'exprimer officiellement, et me trouver ainsi en règle de ce qui, sous ce rapport, m'a été directement adressé de leur part.

Note annexée à la lettre precédente.

(См. выше, стр. 153 и 154, №№ 22 и 23.)

La Russie, par ses armements et par son attitude, est d'un secours réel à l'Espagne en attirant par là même une très grande masse de forces françaises, qui auraient été dirigées contre l'Espagne, dans le Nord. Sans traités d'alliance, ces deux Etats n'en suivent pas moins une marche qui leur est mutuellement utile. Si la guerre éclate dans le Nord, pour qu'elle puisse avoir un résultat heureux pour les deux Etats, il faut nécessairement que l'Espagne fasse des efforts pour, profitant du moment où l'attention et les forces de la France seront portées vers le Nord, porter la guerre dans le sein même de la France. Si l'Angleterre en même temps porte des diversions puissantes, d'un côté sur les villes Anséatiques, et de l'autre depuis la Sicile sur l'Italie ou le Royaume de Naples, on pourrait se flatter alors à juste titre que ces efforts réunis atteindraient leur but, celui de faire finir les malheurs de l'Europe.

104.

4 février 1812.

M. Zea, m'ayant vu deux fois dans le courant de la semaine, m'a prévenu hier qu'il me passerait aujourd'hui un office, que venant de recevoir je m'empresse de porter à la connaissance de V. M. I. Espérant être dans deux à trois jours tout à fait quitte d'une fluxion sur les yeux qui pendant cinq à six m'a empêché de m'occuper, j'use de la permission que V. M. a daigné me donner de Lui rappeler de recevoir M. Vitottoff et le prince Gagarine,

afin de confirmer l'état de la chancellerie de la Partie de la Bienfaisance, et en même temps j'ose réclamer Sa justice et Sa bienfaisance sous le rapport de Sa Souveraine promesse de me soulager moralement et physiquement dans la carrière de mon service, qu'il Lui plaît de prolonger.

Ces grâces d'une urgence absolue pour ma tranquillité individuelle accordées, il m'importera dans ces temps pressants et décisifs d'approcher opportunément V. M., afin d'avoir avec Elle une conversation profondément confidentielle, où, pour qu'Elle ne me méconnaisse pas, Elle me permette de m'épancher dans le sein de l'homme plus que dans celui du Souverain. Sanctionnant de la sorte, sous la garde de Dieu et sous votre bon plaisir, Sire, mon aplomb futur, V. M. me mettra à même de concilier efficacement deux devoirs, celui envers mon Maître sur la terre, en mon Maître au Ciel.

J'ai l'honneur d'être religieusement respectueux et dévoué, etc.

P. S. Malgré que, dans ma catégorie, je crois avoir rempli ma tâche sous le rapport de l'éveil relatif au ver rongeur moral précurseur des faits hostiles du fléau de l'univers, néanmoins, avant le bonheur de causer avec V. M. de la manière la plus profondément confidentielle, je ne résiste pas au besoin pressant de reporter Son attention et Sa sollicitude Souveraines sur l'urgence d'une vigilance prompte et bien plus activement suivie dans une partie des plus intéressantes. Les raisons de cette instance dévouée de ma part, Sire, dérivent de tout ce qui m'est fraîchement parvenu de différentes sources plus étrangères que nationales, dévotement attachées à la bonne cause.

105.

11 février 1812.

Quoique je me propose de me présenter au dîner de V. M., continuant néanmoins à ne pas être content de ma santé et ayant surtout de sérieuses inquiétudes pour ma vue, ma raison humaine me porterait à battre décidément en retraite, si l'élan d'un puissant reste de zèle, dont il m'est encore consolant de pouvoir faire preuve, ne m'imposait la loi de me vouer comme homme de cabinet au service de V. M. Comme tel je me suis déjà offert, et je m'offre dévotement encore; mais en conséquence, vu mes besoins, il m'est impossible de ne pas revenir à la charge auprès de V. M. en La suppliant à genoux de daigner exécuter les promesses Souveraines qui à cet égard m'ont été faites.

Personne plus que moi peut-être, Sire, n'embrasse en grand toute l'importance de vos occupations comme toute l'étendue de vos soucis du moment; personne aussi, Dieu le sait, ne les partage plus vivement. Mais, pour le soulagement et le repos de l'âme d'un sujet tout dévoué, mon Auguste Maître, dans sa charité, ne trouvera-t-il pas dix minutes à consacrer? Temps plus que suffisant pour la confirmation du papier relatif à la nouvelle chancellerie, pour ma démission de la présidence, et pour la fixation, en toute justice, de ma

destinée, à l'égal de tant d'autres avec lesquels, en bonne conscience et sans présomption, je crois pouvoir rivaliser.

Cette dernière instance d'abandon, ajoutée à mon avant-dernière lettre dans le même esprit, prouvera, je m'en flatte, à V. M. que, sachant rapporter au temps l'indifférence qui depuis quelque temps se manifeste à mon égard, je n'en ai pas été troublé, et mon ardeur ne s'en est pas ralentie.

Daignez agréer, Sire, cet hommage, pur d'intention, vrai d'expression, qui vous est chrétiennement adressé.

106.

22 février 1812.

Au milieu du monde physique dans lequel je vis, le monde moral que je sens me fait respecter jusqu'aux méfiances de V. M. I. Convaincu toutefois que l'on ne se rapproche de la vérité qu'à mesure que l'effet du monde moral prédomine sur celui du monde physique, j'ai osé vous soumettre, Sire, mon désir dévoué d'avoir avec vous une conversation profondément confidentielle, non, je l'atteste devant Dieu, avec une intention autre que celle de repasser en simplicité de cœur les différentes époques depuis que la Providence a permis que V. M. me rapprochât d'Elle, et de fixer Son attention sur des développements qui ne Lui sont pas étrangers, mais qui, dans la crise décisive du moment, pourraient contribuer à enlever les teintes rembrunies dans le vaste tableau que V. M. embrasse déjà dans toute Sa sollicitude.

A cet acquit de conscience déposé aux pieds de mon Auguste Maître, j'ajouterai, pour compléter l'œuvre de mon zèle, qu'ayant tâché depuis ma dernière entrevue avec V. M. de me pourvoir par L. de nouveaux renseignements sur S., je me crois en possession de garanties suffisantes pour certifier que l'individu offre autant de sûreté sous le rapport moral, qu'il promet de succès sous le rapport intellectuel, et que les demi-confiances, qui n'atteindraient pas le but désiré, ne peuvent plus être de saison.

Je me permettrai, en finissant cette lettre, de rappeler à V. M. Sa promesse de confirmer les papiers relatifs à la chancellerie de la Partie de la Bienfaisance, tant à cause de mes besoins qu'en vérité à cause du petit nombre d'individus dont elle doit être composée et qui depuis plusieurs mois sont comme des oiseaux sur des branches, sans fixation ni moyens.

107.

23 février 1812.

J'envoie à V. M., ci-jointe, la confidence la plus fraîche du comte Stackelberg, qui, entrée encore sous la garde de M. le chancelier, m'a été par celui-ci transmise hier. Je suis impatient (pour voir plus clair sur la Cour de Vienne et juger en résultat final sa politique dans la crise décisive du moment) de

recevoir des réponses officielles aux sondes profondes que j'ai jetées en date du 28 du mois passé, et sur lesquelles les biais ne sauraient être admissibles, après la clarté et la précision avec lesquelles en votre Auguste Nom, Sire, je me suis énoncé.

Je suis respectueusement aux pieds de V. M.

Déchiffré de la lettre du comte Stackelberg.

2/14 février 1812.

Mes relations avec Metternich, basées sur la franchise la plus grande, sont, il paraîtrait, les meilleures possibles, de même que mon assiette, généralement parlant, en Autriche. L'Empereur François est particulièrement bon pour moi, et neutraliserait la malveillance de Metternich, si tant y a qu'il y en eût, ce dont je n'ai rien moins que la certitude. Le résultat de ma franchise a été une complète ouverture de cœur de la part de Metternich, qui avait eu vis-à-vis de moi des réticences sur ses communications en particulier avec la Prusse, qu'il vient de me dévoiler entièrement. Metternich s'est complètement blanchi, mais ce n'est pas l'essentiel, qui est dans l'affreuse position de l'Autriche: elle est telle, à pouvoir d'un instant à l'autre la forcer à prendre parti contre la Russie. Les forces militaires italiennes et bavaroises se trouvant au dos de l'Empereur François pourront le contraindre à passer par tout ce que voudra Napoléon. Mon plus grand chagrin est que, sans être tout à fait injuste, il est possible d'accuser la Russie d'une partie des maux qui affligent l'Europe.

P. S. Pour ne pas donner matière à un nouveau barbouillage politique, je n'ai dû produire au chancelier que la moitié de ce que je viens de vous dire relativement au comte Metternich, dont l'abandon cette fois-ci vis-à-vis de moi a été complet.

108.

28 février 1812.

Un intérêt de famille qui tient au devoir et intéresse à la fois le cœur nécessite pour moi une audience de 5 à 6 minutes; fâché de devoir la solliciter au milieu de vos occupations, Sire, je vous en demande pardon. Mais V. M. sait que, n'usant pas, par principe et par sentiment, de l'intervention des tiers, je suis toujours désireux de produire ce que je reçois de V. M. comme le cachet précieux de Sa bienveillance pour moi, non pas simplement parce qu'il me flatte, mais encore parce que, dans ma position, je le crois utile à la tâche de mon service.

Si toutefois il ne convenait pas à V. M. de m'accorder la faveur de ma petite audience, me permettra-t-Elle de porter ma demande à Ses pieds par l'organe du prince Galitzyne, dont j'estime et apprécie le tact et la discrétion?

Je suis avec dévouement aux pieds de V. M.

109.

9 mars 1812.

Ne sachant quelle réponse faire au capitaine Bodmer, qui s'adresse à moi, m'ayant été, comme V. M. l'a su dans le temps, adressé par le comte de Stackelberg, je crois de mon devoir de soumettre ici la lettre du loyal suisse, afin que, si son canon ne convient pas, il quitte la Russie sans mécontentement fondé. Il me semble dans mon dévouement qu'il importe dans ce moment que l'opinion dans la patrie de Guillaume Tell ne nous devienne pas défavorable.

Je porte aux pieds de V. M. mes félicitations chrétiennes sur l'acte ineffable exercé par Elle ce matin, en les accompagnant de tous mes vœux, dans ces temps difficiles tant extérieurs qu'intérieurs.

110.

10 mars 1812.

Approchant peu V. M., je ne sais pas, malgré les ménagements qu'exige ma vue, résister à l'impérieux besoin de porter à Sa connaissance un fait que, mû par le sentiment profond de mon devoir, je Lui transmets ici, sous la garde de Celui qui me l'impose.

M. de Rachmanoff, gouverneur civil de Cherson, mon neveu par sa femme, m'a donné les notions les plus intéressantes sur les approvisionnements des troupes, à part toutes celles relatives à l'administration dans l'intérieur, ajoutées à ce que malheureusement je ne savais déjà que trop. Comme pour ces dernières, il faudrait qu'il descendît du Ciel une légion d'Anges pour y introduire une régularité morale remarquable, je me bornerai à ne fixer l'attention de V. M. que sur le chapitre des approvisionnements, dans les gouvernements où il se commet des malversations criminelles, qu'il est si urgent de paralyser. Ce n'est sûrement pas à titre de neveu que j'ai l'ambition de faire connaître le zèle de M. Rachmanoff à V. M., mais c'est à titre de sujet capable que, dans mon dévouement, je désirerais que V. M. connût, entendît et mît en rapport intime avec le digne ministre de la guerre, qui ne tarderait pas à en tirer un grand parti pour le service et les finances de l'Etat.

J'ai lieu de présumer que M. de Rachmanoff a pu être desservi auprès de V. M., sans me mêler d'approfondir quels ont été les agents et les moyens qui ont pu amener une chance aussi peu méritée de l'individu, et, j'ose le dire, aussi peu favorable pour le service.

En sujet toujours zélé, j'ai le courage de supplier V. M. d'écouter, de voir et de juger ensuite par les résultats pour Ses Hauts intérêts si, dans ce que je viens d'avancer, j'ai produit la vérité dans toute sa pureté.

111.

11 mars 1812.

Il n'y a pas de ménagements d'yeux qui tiennent contre le zèle, Sire: en conséquence, sachant que mon neveu Rachmanoff aura le bonheur d'approcher ce matin V. M., je La supplie de l'encourager en le questionnant, et de le rassurer sur les résultats personnels à lui. Il est d'autant plus important de s'éclairer sur une partie où il se commet des crimes d'état, que, depuis qu'il est ici, M. de Rachmanoff a déjà appris des choses infiniment intéressantes à ce sujet.

Il est possible que, vu mon état physique et mes dispositions morales, je joue de mon reste, mais, ambitionnant d'être pur devant Dieu, je ne puis pas me résoudre à ne pas être utile autant que je le puis, en dépit des temps, des hommes et de mes moyens.

112.

16 mars 1812.

Souffrant de mes mauvais yeux, et n'ayant pas sous la main mon scribe affidé pour déchiffrer ce qui m'est entré de confidentiel, je m'empresse de porter à votre connaissance, Sire, l'office court qui dans l'instant même vient de m'être envoyé de l'hôtel d'Autriche. J'ignore ce que peut être devenu le rapport *sub* № 9, que le ci-joint *sub* № 10 me fait juger avoir passé dans d'autres mains.

Le besoin que j'aurais de causer avec V. M. devenant tous les jours plus urgent, et la possibilité de le faire graduellement plus difficile, mon courage commence sensiblement à me faire faux bond, Sire, et, en sujet bien dévoué, mais abandonné en Dieu, je dépose aux pieds de V. M., avec mon profond respect, mes peines cuisantes.

113.

16 mars 1812.

Je demande pardon à V. M. de ce que, pour ménager mes mauvais yeux, j'use de la main de mon scribe affidé pour vous transmettre ci-joint tout le confidentiel qui m'est entré ce matin, accompagnant l'officiel que j'ai déjà eu l'honneur d'envoyer il y a quelques heures. Sans calcul comme sans arrière-pensée quelconque, je suis aussi fidèle dans cette transmission, Sire, que respectueusement dévoué dans mon attachement à votre Auguste Personne.

Déchiffré de la lettre du comte Stackelberg.

7 mars 1812.

Je partage vivement vos chagrins, et j'admire votre courageuse persévérance. Je ne me crois pas moins fondé que vous à regretter, pour moi comme pour la Russie, qu'il ne nous ait pas été donné des moyens sûrs de correspondance, ce qui aurait été des plus aisés, par la voie indiquée du ministre de la guerre. Qu'en est-il résulté, c'est que j'ai été dans l'obligation, comme aussi bon russe qu'il y en ait, de dire certaines choses pour mettre ma responsabilité à l'abri, et de les adresser de nécessité au chancelier. Il n'en est résulté aucun inconvénient quelconque pour les relations entre notre Auguste Maître et l'Empereur François, mais peut-être pour moi vis-à-vis de S. M., et je m'en consolerai par l'idée d'avoir fait mon devoir; il me serait douloureux sans doute qu'on ne m'en rendît pas la justice, sous le rapport de la conduite effective comme des intentions, que me rend l'Autriche. Quant à ce qui est des idées relatives à Spéransky, elles ont malheureusement été partagées par toute la mission autrichienne, qui, ne l'estimant certainement pas plus que vous, a regretté que ces dissemblances d'action et ces divergences d'opinion partagées par plusieurs autres personnes, aient tellement rehaussé les actions du chancelier, qui étaient bien bas, puisque vous et le ministre de la guerre étiez chargés de mener les affaires les plus importantes.

Lettre du même.

8 mars.

J'ai lieu de croire que, si vous n'êtes pas satisfait des communications qui vont vous être faites par cette occasion, ce ne sera pas faute qu'elles n'énoncent de grandes vérités. Je n'en pourrai juger pertinemment qu'après le départ de ce courrier; mais j'ai pu en porter ce pronostic après une intéressante conversation que j'eus hier depuis 7 jusqu'à 9 heures. Le comte Metternich s'y est montré, comme de coutume, sous le meilleur jour. Malheureusement il ne saurait être plus fort que les circonstances, et celles-ci ont, par la conduite perfide ou sotte du chancelier, tourné tout à la défaveur du rapprochement entre la Russie et l'Autriche, en mettant celle-ci à la merci de Napoléon. Il faut que les exigences de celui-ci aient furieusement redoublé, car sans cela le comte Metternich n'aurait sûrement pas permis que se prissent des mesures en dernière analyse nécessairement dirigées contre la Russie, et desquelles vous instruira le comte de Saint-Julien. Je n'en prévois pas moins pour moi la nécessité de me déplacer d'ici. L'idée de Metternich est que je me fixe à Gratz, et cela me paraît fort convenable, puisqu'à cette petite distance, on pourrait entretenir des rapports intéressants pour la Russie. Il s'agira de savoir si, dans le cas d'une guerre avec la France, le ministre des affaires étrangères permettra qu'il parvienne des communications d'Autriche. C'est ce dont vous devrez vous occuper d'avance avec Lebzeltern, auquel j'engagerai Metternich d'en écrire, comme de tout cet avenir.

Le baron Buhler m'a parlé de relations avec la Suisse, dans l'idée que vous en aviez déjà causé avec moi, mais je ne me rappelle pas qu'il en ait été question dans aucune de vos lettres. Je me garderai bien de donner trop d'extension à ces rapports, qui n'amèneraient que des malheurs particuliers sans utilité générale: vous savez que j'ai dans ce pays beaucoup d'amis, auxquels je m'intéresse vivement, mais que par là je ferai tout plutôt que de les compromettre. Une circonstance impérieuse m'a cependant forcé d'écrire au chancelier relativement à un vaste projet dans lequel se trouverait entrer la Suisse. Mais je l'ai fait d'une manière tellement retenue, à devoir faire renoncer la Russie à des idées qui ne sont pas à réaliser sur l'Italie en particulier, à moins de la connivence de l'Autriche.

Je ne partage que trop votre fâcheux pronostic relatif à un accueil convenable qu'il serait peut-être temps de faire par notre Cabinet à ce qui arrive en Espagne: le chancelier saurait casser le cou à cela comme à tout ce qui est bon. Quant aux forces anglaises dans la Péninsule qui devraient prospérer en contribuant en notre faveur, en raison de la prochaine guerre avec la France, je regarde comme d'un très mauvais augure la retraite de Wellesley, que le Prince Régent a bien sottement mis de côté. Dans tout cela, il n'y a de bon que ce qui se fait en Suède. A cette occasion, Metternich, m'ayant appris qu'il leur était parvenu que la défiance qu'inspire le chancelier avait déjà gagné Bernadotte, m'a beaucoup parlé de vous, comme vous pouvez bien penser.

114.

19 mars 1812.

Depuis le billet du dimanche du duc et ma courte entrevue avec lui hier après la visite que lui a faite le chancelier, j'ai l'honneur de passer à V. M. ce qui vient de m'entrer en ce moment, en La suppliant de daigner m'honorer sans délai d'une réponse, qui puisse me dicter celle que j'ai à faire au duc dans cette circonstance. Redoutant les décousus qui devraient essentiellement être évités à cause des compromis pour vos fondés de pouvoirs, Sire, il faudrait, ce me semble, que V. M. intimât par mon organe au duc, que dans cette négociation il ait à accorder sa pleine confiance au chancelier. Par là l'humiliant pour le ministre serait enlevé, l'épineux pour moi cesserait d'exister, et votre dignité, Sire, maintenue. En outre, en serviteur dévoué, j'oserai ajouter que, ne changeant pas ma manière de voir sur la nécessité absolue de la paix avec la Porte, il serait peut-être plus efficace que V. M. se donnât Elle-même la peine d'écrire à M. Italinsky, en précisant Ses Hautes volontés sur cet important objet. Pour la gloriole, la limite du Sereth serait sans contredit désirable à obtenir, mais pour l'utilité réelle, celle du Pruth avec une alliance offensive et défensive dûment exprimée serait peut-être plus rassurante pour la Porte, et, vu la crise du moment, plus avantageuse aux deux Empereurs. Pardonnez, ô mon Maître chéri, cet élan de sujet soumis, jaloux de votre vraie gloire.

Le comte de Saint-Julien est venu me lire et rabâcher ce que, de son aveu, il a également fait au chancelier. Lebzeltern, chargé, je le sais, de m'en dire davantage, vient de m'écrire seulement il y a une heure, pour demander à me voir demain; j'ai dit au premier que je désirais qu'ils pussent conserver une apparence d'indépendance, en se maintenant dans leur neutralité annoncée. Mes yeux m'empêchant de continuer, je finis en suppliant V. M. d'agréer le profond respect, etc.

115.

20 mars 1812.

Ma conférence avec Lebzeltern vient d'être terminée, Sire. La lecture d'une dépêche du comte Metternich, toute confidentielle, dont le comte de Saint-Julien n'a aucune connaissance, m'a été lue *in extenso*. Cette dépêche porte en substance que le mot de garantie exigé en votre Auguste Nom par mon organe, a, selon le comte Metternich, été prononcé par sa Cour dans ses dernières communications, qui manquent encore elles-mêmes de la garantie que sa démarche ne l'exposera pas à des complications avec la France. En somme, Sire, il m'importerait de voir V. M., quand ce ne serait que pour un quart d'heure, mon état d'yeux ne me permettant pas d'écrire longuement.

En suppliant V. M. d'avoir la bonté de m'honorer d'une réponse à ma transmission d'hier, pour que je puisse me trouver en règle vis-à-vis du duc de Serra-Capriola, je suis avec dévouement et respect à Ses pieds.

116.

23 mars 1812.

Portant aux pieds de V. M. I. l'expression de ma plus vive gratitude pour la grâce qu'Elle a daigné m'accorder avant-hier, je La supplie d'être persuadée que je vois passer sans la moindre peine dans d'autres mains ce que, dans mon dévouement et zèle, la Providence a permis que je préparasse. Veuillez également croire, Sire, que le sentiment de vous avoir été utile m'est aussi doux que sera délicieux celui d'avoir été rapproché de votre Personne et d'être convaincu dans ma conscience que, n'ayant pas démérité, je ne suis pas indigne d'être conservé dans votre Auguste souvenir.

Les occupations multipliées de V. M. au moment de Son départ m'empêchent de L'importuner de la présentation des comptes-rendus pour les deux parties qui me sont confiées. En abrégé, j'ai l'honneur d'annoncer ici que, dans celle de la Bienfaisance, je laisse en quittant des années 10 et 11, quarante mille roubles d'économie placés au lombard. Si V. M. ne juge plus à propos de confirmer le papier relatif à la chancellerie de la Partie de la Bienfaisance, je mets à Ses pieds les destinées du petit nombre d'individus qui ont dû la composer, et qui, depuis que, par votre ordre, Sire, son état est fermé, se trouvent presque sans moyen d'existence.

A cette même occasion, je prends la liberté de recommander particulièrement le secrétaire d'état prince Gagarine, dont le service confidentiel cesse avec ma retraite, et qui, si la chancellerie précitée n'est pas confirmée, restera sans emploi, ayant tout ce qu'il faut pour servir utilement. Me proposant de ne plus importuner V. M. par ma correspondance, La sachant dans ce moment absorbée, je compte confier mon affaire au prince Golitzyne: outre qu'agissant ainsi, je crois être en règle sous le rapport du service, c'est aussi eu égard à l'estime sincère que je porte au prince.

Il ne me reste plus, Sire, que de solliciter la continuation précieuse de vos bontés, en suppliant V. M. de daigner, si Elle le juge à propos, régler mes rapports futurs avec Elle, au cas que, dans la catégorie où je vais entrer, Elle crût que je puisse encore Lui être utile, directement *d'Elle à moi*, à quoi le sentiment religieux de mon devoir ne me permettra jamais de me refuser.

J'ai l'honneur d'être avec respect, dévouement, attachement.....

117.

2 avril 1812.

Les bruits qui m'atteignent font partir V. M. après-demain, et mon sort, malgré Sa Gracieuse promesse, reste dans le vague! Me plaçant sous l'égide de votre justice, Sire, j'ose espérer que, si je n'ai pas mérité d'autre salaire pour la manière dont j'ai servi ostensiblement et confidentiellement, votre cœur magnanime ne se refusera pas à poser le dernier sceau au seul vœu que dans ma position je puisse former.

Je remets de nouveau aux pieds de V. M. les destinées des individus qui ont dû composer la chancellerie de la Partie de la Bienfaisance, destinées qui pèsent à ma responsabilité. J'y joins encore le secrétaire d'état prince Gagarine, qui depuis plus d'un an a servi sous moi avec discrétion et zèle, et pour lequel il me serait bien doux d'obtenir le St-Wladimir de la 3e classe, lui qui depuis six ans porte cette décoration à la boutonnière, et qui, depuis qu'il a l'honneur d'être secrétaire d'état, n'a pas eu celui d'approcher V. M.

Ne pouvant plus espérer pour moi-même le bonheur de vous voir en particulier, Sire, je porte avec dévouement à vos pieds, et mon profond respect, et mes vœux les plus fervents.

118.

3 avril 1812.

Le Très Gracieux mode de mon congé me pénètre de la plus profonde reconnaissance, qu'il m'est bien doux de porter aux pieds de V. M. I. Pour mettre le comble à vos bontés, Sire, daignez m'accorder la faveur de pouvoir vous l'exprimer verbalement, et vous offrir la continuation de mes services, au cas qu'ils vous soient agréables.

La catégorie de mon état actuel ne ralentira pas en quoi que ce soit l'ardeur et la pureté de mon zèle, ce dont j'ose répondre, sous la garde de Celui qui dirige dans ce moment ma plume.

Cet hommage de devoir et de sentiment rendu d'esprit et de cœur, je me mets sous l'Auguste protection de V. M. et ai l'honneur d'être, etc.

119.

15 avril 1812.

Je m'empresse de passer à V. M. sous la sauvegarde du prince Golitzyne l'expédition officielle et confidentielle arrivée de Vienne, qui m'ayant été envoyée par M. le ministre de la guerre de Vilna, celui-ci sera plus à même que tout autre d'expliquer les raisons du retard que cette expédition a éprouvé à me parvenir. Mes vœux les plus fervents accompagnant partout V. M., je La supplie de les agréer avec bonté, de même que le respect profond avec lequel, etc.

120.

3 mai 1812.

Forcé de continuer à importuner V. M. I. de mes transmissions dévouées et confidentielles, j'ai l'honneur de porter à Sa connaissance une lettre de M. Lebzeltern qu'après deux conférences que je me suis vu obligé d'avoir avec lui à la suite de ce que le dernier courrier autrichien lui a apporté, j'ai persuadé de m'écrire, afin, dans la crise du moment, si décisive pour l'Europe, de donner à V. M. une idée juste de l'importance de l'ouverture de la Cour de Vienne. En vue persévérante de produire la vérité à vos yeux, Sire, j'accompagne mon expédition de ce jour de deux lettres de mon ami; l'antérieure en date m'est arrivée par Vilna, et la postérieure apportée par le courrier autrichien. J'oserai à cette occasion supplier V. M. de vouloir bien, avec ces dernières, me renvoyer une précédente du même ami, dont, par zèle également, j'ai cru devoir accompagner ma transmission en date du 15 du mois passé.

Il me semble que le moyen le plus sûr de se mettre au fait de l'ouverture autrichienne serait de faire arriver sous quelque prétexte à Vilna M. de Lebzeltern, à qui il est impérieusement intimé de ne lire qu'à vous seul, Sire, la dépêche, dont le contenu paraît être du plus grand intérêt, et tel peut-être à devoir faire redouter à l'Empereur François pour son avenir le simple soupçon d'un compromis vis-à-vis de la France. Dans le cas cependant où ce mode présenterait des inconvénients, tant relatifs à l'éveil général qu'à celui particulier du comte de Saint-Julien sur la personne de son subordonné, et qu'en conséquence, V. M. se décidât à faire signifier à celui-ci de me lire la dépêche,

pour de cette manière en prendre connaissance, il sera indispensable, pour rassurer M. de Lebzeltern, rigide observateur des ordres qu'il reçoit, que V. M. daigne lui donner Sa parole Souveraine que jamais il ne transpirera un iota de l'abandon profondément confidentiel qui, par mon organe, sera déposé dans Son Sein Auguste. Croyant dans cette nouvelle circonstance, pour moi des plus délicates, m'être acquitté de mon devoir envers V. M., j'attendrai Ses ordres Suprêmes pour m'y conformer scrupuleusement, ayant d'ailleurs résolu, pour l'acquit de ma conscience, de ne pas quitter la capitale avant la fin du mois, et entièrement disposé à d'autres sacrifices, si mon Auguste Maître le jugeait nécessaire.

VIII.

Письма баронессы Крюденеръ къ Императору Александру I и къ князю А. Н. Голицыну.

А) Письма къ Императору Александру I.

1 *).

Vendredi, 23 juin 1815.

Je commence par rectifier une erreur, Sire, qui m'a fait de la peine. Je ne sais si c'est dans une lettre ou dans les ordres que j'ai remis que je dis: *Le Seigneur ordonne que vous vous liiez étroitement à l'Eglise.* Ce mot m'a coûté de la peine depuis que je ne vous ai vu, car il est extrêmement essentiel, Sire, que je sois fidèle dans les plus petites nuances et dans chaque mot. Priez donc le Seigneur de me pardonner! J'aurais dû dire: *Le Seigneur vous invite,* et non: *Le Seigneur vous ordonne.* Ce qui est ordre sont les commandements nécessaires au salut de chaque homme, les Saintes Ecritures nous le montrent; mais, dans les voies intérieures et dans les voies d'amour où il conduit ses Elus comme vous, il prie, il demande avec le regard irrésistible de son amour, il invite, il conseille. Oh! si vous saviez, Sire, combien il vous aime, vous ne pourriez plus lui résister en rien! Mais cette grande conception peut être longtemps pensée avant d'être; cette profonde conviction du cœur qu'elle devienne, persuadez-vous, Sire, que tout ce que Christ désire le plus ardemment au monde est un cœur tout à lui sans aucune réserve, car il peut établir là son temple, et c'est alors le chef-d'œuvre de toutes les créations: un cœur régénéré ainsi est plus que tous les chérubins, il est l'ouvrage et le salaire du Sang de l'Homme-Dieu; mais, pour que ce chef-d'œuvre se réalise, il faut la pleine coopération et la libre volonté de la créature, il faut qu'il entre dans l'abandon entier de ce cœur le don le plus illimité, le plus pur de l'amour.

Et c'est ce qui a produit si souvent les tristesses déchirantes du Sauveur! Il voyait, et prévoyait combien cela était rare: c'est le plus grand miracle qui

*) Изъ Императорской Публичной библіотеки.

existe après celui de l'amour de Notre Dieu. Car il faut que le cœur de l'homme, pour devenir ainsi, soit tout rempli de la vie de Christ et qu'il meure aux plus subtils mouvements de son propre moi. Chacun croit aimer Dieu; ceux qui lui font, ainsi que vous, Sire, de grands sacrifices ne disent pas sans raison qu'ils l'aiment: c'est déjà l'Eternel qui agit en eux par son amour, mais ce n'est que le commencement de l'œuvre dont je parle, et dont St-Paul *(Epître aux Corinthiens, 13)* est un si beau développement. Oh! Grand Dieu, qu'il est difficile d'aimer Dieu, et que nous en sommes incapables et que nous sommes encore loin de l'amour quand nous croyons en avoir! L'étude de mon misérable cœur me le montre chaque jour. De tous temps il y a eu des chrétiens qui ont même donné leur vie pour Notre Dieu Maître: il y a eu des solitaires qui, renonçant à tout ce qui peut séduire ou réjouir les hommes, n'ont vécu que dans le renoncement et la prière, il y a eu non seulement dans la Thébaïde, mais dans nos cloîtres, des Trappistes et des Chartreux, il y a eu des Saints se dévouant entièrement aux préceptes de l'Evangile et ne vivant que pour exercer la charité envers les hommes.... et enfin dans tous les Etats des modèles de vertus et de piété, et, malgré cela, tous ces cœurs, quoique aimant déjà Christ, pouvaient être bien loin de cette perfection si chère au cœur de Jésus qui identifie la créature et l'unit tellement au Créateur qu'il peut l'appeler son Epouse, et qu'il naît de cette union tant d'âmes acquises pour leur salut et la gloire du Sauveur.

Ces êtres privilégiés sont ses plus chers Elus, les objets de sa prédilection, les enfants de son cœur et de son choix, et ceux qui doivent composer le petit nombre de cette Eglise à laquelle Christ s'identifie pour régénérer le monde et le gouverner par eux durant ces mille ans de repos, du Grand Sabath. Vous êtes un de ces Elus, et votre cœur fut déjà préparé par de grands sacrifices et d'énormes douleurs à être capable de devenir la joie et les délices de Notre Dieu. Mais, Sire, savez-vous combien cette perfection si chère à Dieu coûte de combats, de courage, de persévérance, de douleurs? Sans doute on est puissamment aidé, on a des jouissances que le reste des hommes ne peut seulement deviner, et on devient pour les hommes un canal de grâce et de bénédictions, tel que votre noble cœur affamé du bonheur des autres peut le devenir. Mais, encore un coup, la réussite de cette œuvre est si rare, le dépouillement si entier, sa croix journalière à porter quelquefois si pénible, que le Seigneur n'a presque pas d'âmes de bonne volonté pour se dévouer ainsi à Lui, s'immoler par amour, ne pas penser seulement à son salut, penser à la gloire du Dieu qu'on aime. Ces êtres-là sont non seulement régénérateurs de peuples ici-bas, mais, en toute éternité, jusqu'à ce que tout soit conquis, ils sont les coopérateurs du Sauveur, ses amis, son conseil, la plus chère portion de son héritage.

Si vous ne pouviez, Sire, répondre à ces grandes vues, le Seigneur ne vous aurait point appelé à l'emploi éminent d'être le vainqueur du dragon et le conducteur des peuples.

L'amour seul peut vous rendre capable cependant de remplir le but du Sauveur. Il ne vous ordonne rien là-dessus, il vous montre ce cœur sanglant,

cœur qui veut verser sur vous et sur tout ce qui respire des torrents de charité; il vous invite, par cette âme même qui lui a déjà été si fidèle, à ne pas reculer, à ne pas vous décourager. Si vous voulez le suivre, tout sera facile: oh! combien il vous aimera, d'avoir cette enfance de cœur qui peut seule vous donner Christ en entier! Il ne peut se communiquer à vous, jusqu'à ce que vous puissiez distinguer sa volonté par l'influence de son St-Esprit immédiatement, que par les canaux qu'il s'est choisis à cet effet. Je ne parle pas de grandes opérations, il n'est plus question de cela, il vous a après montré comme il vous guidait; il n'est pas question non plus de grandes vertus chrétiennes ni de grands renoncements. Il s'agit de vous vider de toute la vie d'Adam pour vous remplir de la vie de Christ, afin que le corps de la Résurrection puisse se former en vous, que Christ puisse comme un Soleil se lever en vous et que par vous aussi il en éclaire, allume et réchauffe d'autres. Sire, il s'agit alors de sortir de bien des choses, de mourir à sa propre volonté, d'avoir une docilité d'enfant, une candeur, une ouverture de cœur, une confiance pour cet Etre auquel le Seigneur vous donne les titres de créance et qu'il légitime à vos yeux et légitimera toujours davantage. C'est cet Etre-là que l'Eternel instruit de moindres arrêts ou résistances qui se trouvent en vous, avec une fidélité incroyable. Vous pouvez compter sur le Dieu si grand: jamais il ne souffrira qu'on vous abuse ou qu'on abuse de votre confiance ou qu'on puisse vous mal guider. Ces êtres ont leurs pouvoirs, ils sont tellement possédés par leur Divin Maître qu'il leur est impossible, quelque faibles qu'ils puissent être par eux-mêmes, qu'ils ne préfèrent la gloire de Christ, qu'ils aiment si passionnément, à chaque intérêt de la terre, à leurs plus chères affections. Ces êtres si rares, formés avec tant de soin et à une école si sévère et si douce, suivent l'Epoux sanglant et ont laissé tout derrière eux.

Sire, avant les temps Dieu prépara chacune de vos voies: il le dit lui-même, qu'il donne des Nations pour un Elu. Jugez donc ce que lui est l'homme qui exécute les grands décrets qui décident des éternités et des régénérations de tous les univers! Ainsi il prépare par mille et mille douloureux apprentissages le cœur qui devait vous guider dans ces difficiles voies: j'y ai été trop exercée pour me méprendre; aucun subterfuge, aucune retraite de la nature ne m'échappe, quand il est nécessaire, car Dieu lui-même m'instruit, il me révèle votre cœur là où je dois lui être utile. J'ai guidé dans ces voies bien des âmes; elles m'ont fait souffrir beaucoup: presque toutes s'arrêtent et affligent le Seigneur par des réserves, des oppositions de volonté qui leur paraissent insignifiantes et qui font les grands retards. Si, au lieu de cela, on consultait Dieu, il montrerait bientôt ce qu'il y a à faire; l'abandon, la confiance, l'exposition des doutes, si l'on en a, sont nécessaires. Quant à la personne avec laquelle le Seigneur nous met en rapport, presque toujours j'ai vu que ceux que je devais conduire me supposaient des vues humaines ou de l'honneur, et s'entortillent ainsi; la souffrance alors remet les choses à leur place. Cependant j'ai toujours vu les plus grands malentendus, parce que l'orgueil ou la propre volonté veulent avoir raison. Ce qui fait que, sur cent

mille chrétiens, on peut hardiment dire que, s'il en arrive *un* à être dans les grandes voies de l'amour pur et du dépouillement entier, c'est beaucoup, et quand je vous ai vu entrer avec une si haute simplicité dans ces voies, mon étonnement a été extrême.

Mais, Sire, oserai-je vous parler à cœur ouvert? Vous me l'avez permis, vous m'avez promis une confiance sans réserve, et cette confiance a été altérée sous certains points. Vous avez été moins libre depuis quelque temps; il y a dans votre caractère, avec un degré d'élévation que je n'ai presque jamais rencontré, une retenue, une habitude de trouver les hommes méprisables qui est bien facile à expliquer dans votre situation. Vous n'en êtes que plus grand, Sire, d'être resté excellent pour chacun. Cependant, dans nos relations, cette réserve de prudence coupe tout. Involontairement et sans savoir pourquoi, mon cœur se serre, car enfin, en ne voyant que votre conduite avec moi, elle est parfaite, remplie de cette beauté qui vous distingue et au delà de tout ce que je pourrais prétendre. Mais, Sire, c'est en renonçant à tout ce qui est personnel que je puis être un instant l'instrument du Sauveur. Il le sait bien, et si mon cœur n'était pas ainsi, ce ne serait pas moi qu'il aurait choisie. Que de fois, que de fois je tire ces passages! Je suis seule, Eternel, à prendre la cause de ton peuple: ne me laisse pas! Que de fois je vois que ce n'est qu'avec la plus persévérante, la plus infatigable ardeur de braver tous les jugements qui pourraient s'élever contre moi, que je puis faire l'œuvre de Christ!

Dans ces voies intérieures si profondes où vous devez être conduit et auxquelles ne sont appelés que les plus grands cœurs, l'Eternel est sans cesse à solliciter que vous lui cédiez pas à pas tout votre être. Dans ses plus subtiles nuances, dans ses plus petites ramifications, il faut que la vie de Christ circule moralement dans tout votre corps spirituel. Il faut que vous deveniez un enfant, un organe si pur de la volonté du Seigneur, un être si vidé de la vie du monde, que vous ayez, pour ainsi dire, ce corps cristallin du premier homme par la pensée et l'action pure, avant que ce grand procédé de transmutation qui va s'opérer sur tout ce qui est à Dieu et qui est plus prochain qu'on ne pense, puisse s'effectuer.

Vous croirez peut-être que c'est une chose extrêmement difficile. Oui, à certains égards. Mais vous êtes si puissamment aidé, vous n'êtes ni le premier ni le dernier dans cette ligne. Enfin vous aimez, et vous êtes un de ces grands témoins, et, avec la même ardeur qui vous a fait vous jeter avec tant de courage dans la lutte temporelle, avec le même courage vous entreprendrez la grande lutte spirituelle. Etant à la tête du peuple de Dieu, devant être le Temple de l'Eternel, en vue à toute la Chrétienté, jugez combien vous devez être purifié par la Grâce! Enfant et héros à la fois, jetez-vous donc dans le cœur de Christ, laissez-le faire, demandez-lui, s'il le faut, un signe pour vous donner pleine conviction que je suis chargé par lui de cette mission du cœur, la plus honorable pour vous; la plus grande, puisqu'elle doit vous incorporer au Cœur du Sauveur. Toutes les voies humaines ne peuvent rien vous apprendre: il faut l'œil divin, une conduite divine, il faut cette femme habituée à vivre aux pieds de Christ, qu'il interroge et qu'il enseigne avec une telle fidélité.

Vous ne pouvez même connaître vos besoins; vous ne pouvez prier pour cela, ne sachant pas combien, de mourir à tout ce qui entrave la pleine possession de Christ en vous, est pernicieux et qu'est-ce qui l'entrave.

Prenez, Sire, un corps qu'on voudrait conserver: on injecte ses plus délicats vaisseaux d'un baume précieux et conservateur; il faut que tout soit imprégné de ce baume. De même, vous devez être tout rempli de la vie divine, qui est tout autre chose que les vertus. Souvent les vertus soi-disantes lui sont contraires: combien n'est-il donc pas essentiel d'avoir un guide! Aussi Dieu m'ôte-t-il toute autre affaire: tout est éloigné de moi, votre éducation spirituelle tient au cœur de l'Eternel; il s'y attache avec un amour infini, il me presse, me console quand je pleure, m'encourage dans mes souffrances, en m'attachant à vous comme une mère tendre qui surveille son enfant avec anxiété. Votre éducation entraîne celle de milliers d'individus. Cette perfection spirituelle n'est pas demandée de tous; de vous elle est absolument demandée, non ordonnée, mais Dieu même sollicite, prie, presse.

Secondez ma faiblesse! Un ange n'a pas à lutter contre le monde et ses tentations. Mille fois, si je ne vous aimais pas, Seigneur, et si l'histoire du peuple pour lequel vous m'avez élevée n'était pas tout pour moi, si je ne vous aimais pas passionnément, je le quitterais, tant il m'est pénible d'être attaché si étroitement aux destinées d'un homme à qui il est absolument égal que ce soit moi ou tout autre qui vienne à lui. Oh! Seigneur, qu'il est humiliant, qu'il est douloureux de s'attacher encore à un homme, et combien j'avais espéré en être délivrée à jamais! Je sens bien qu'il faut que cela soit ainsi, pour que je pleure ces larmes de mère: sans cela, où seraient les souffrances qui le feraient avancer et que vous comptez pour tort, où serait l'intérêt infatigable? Et enfin c'est le plus fort lien qui existe sous les cieux. Vous savez, Seigneur, si j'ai la folie ou la prétention d'une affection terrestre, si même je veux qu'il ait du charme seulement à me voir; je ne veux rien que Votre gloire. S'il pouvait avancer sans moi, je m'en irais: Vous l'avez voulu autrement. Je sais que Vous m'avez donné de la puissance sur *Lui* comme sur tous ceux que vous unissez si étroitement à moi; est-ce que j'en use jamais? est-ce que je demande la moindre chose? fais-je une prière qui me regarderait, pourrait me satisfaire, moi? Vous connaissez la sainteté de ma prière et de mon invocation: renversez donc toutes les barrières qui peuvent empêcher l'avancement rapide et si nécessaire de Votre Enfant chéri Alexandre, le fidèle, le Bien-Aimé de Christ. Montrez-lui qu'il est bien plus que ces Chrétiens qui n'ont pas sa sphère, qu'il est ce grand soldat qui ne veut que lutter: parents, amis, sœurs et frères, opinion des hommes dans ses plus fines ramifications, tout doit Vous être sacrifié, on ne doit pas Vous dérober un seul instant. Les liens de la nature, ceux des Empires, ceux du cœur, ne sont que les secondaires lorsqu'il s'agit de Vous, Seigneur, et de cette grande union avec Vous de laquelle doivent résulter tant de magnificences. Oh! quand Vous m'avez envoyé une femme qui me rapprochait de Vous, qu'ai-je fait? j'ai tout bravé, j'ai été non pas insensible aux larmes de ma mère, mais j'y ai résisté, j'ai obéi fidèlement, j'ose le dire, à cette

femme, quelquefois, il est vrai, avec résistance, mais, me prosternant ensuite en Vous implorant et obéissant, j'ai bravé le monde et ses railleries, je me suis prononcée hautement, j'ai passé pour fanatique et folle, et, avec Votre témoin, Seigneur, qu'ai-je fait quand l'enfer le poursuivait, ainsi que Vous le dites déjà dans Vos Livres Sacrés? je l'ai défendu seule, suivi partout: j'ai été accablée de toutes parts, j'ai vu les prisons et l'échafaud, j'ai soutenu, ce qui est plus, le jugement du monde, des imbéciles, les regards envenimés de ceux qui noircissaient mes plus saintes intentions, les propres injustices et aveuglements de cette âme elle-même qui devait me méjuger pour que je meure à tout, et vous m'avez fait la grâce pendant sept ans d'un martyre spirituel où tout a été brisé en moi, où, détruite et languissante, quelquefois près du désespoir, je me relevais de mes luttes pour étendre mes bras languissants vers votre croix et pour Vous dire: „Christ, Epoux de mon âme, ne me „laissez pas, soutenez-moi, je meurs de douleurs peut-être, mais je meurs pour „Vous, et en Vous restant fidèle!“ Et ce n'est qu'ainsi que pouvait s'opérer cette œuvre immense contre laquelle était tout l'enfer, et tous les hommes, même les meilleurs Chrétiens ignorants dans les voies de Dieu, car le nombre des Elus est petit, l'Eglise un noyau, et le cœur de Christ composé d'un peuple d'enfants dont vous devez faire partie, cher Empereur.

Où trouveriez-vous donc, j'ose vous le dire, l'être qui peut être pour vous ce que je suis? Où trouvez-vous ce cœur fait absolument pour vous comprendre, enlevé à tout ce qui n'est pas son Dieu, s'immolant sans cesse, qui sacrifie tout à la gloire d'un Sauveur passionnément aimé, pleurant, priant, gémissant pour vous et votre mission, s'attachant à vos pas, malgré tout ce qui mine et dévore et fait si mal à toutes les puissances de l'âme? Oh! que ce matin encore, quand j'ai lutté avec Christ, quand j'ai appris qu'il y avait entre vous et moi quelque chose qui arrêtait votre progrès momentané et que vous ne pouviez connaître vous-même (ce que j'avais déjà senti), quelles larmes j'ai versées! Quels déchirements éprouve cette nature qui a déjà tout souffert, qui sept ans a traversé toutes les ramifications de douleurs de ce genre avec son premier témoin, qui m'exerçait dans un genre tout contraire au vôtre, voulait toujours m'avoir avec lui, croyait que c'était rébellion contre les ordres de Dieu quand je suivais l'Esprit Saint qui m'appelait ailleurs dans de grandes missions, combien, dis-je, j'avais souffert! Il faut avoir passé par ces carrières de douleurs où la souffrance vous est donnée comme un état pour avancer les autres, où il ne reste qu'à souffrir sans se plaindre, qu'à se laisser dévorer par elle, qu'à mourir à tout pour savoir ce que c'est, et, quand cela revient sous mille formes avec tous les êtres qui vous sont confiés, oh! qu'il faut aimer Christ, j'ose le dire! Ah! lui, *Lui* seul, celui qui est si digne d'être aimé et qui aime tout, peut remporter les victoires. Mon cœur est brisé, je ne puis plus voir une affection! Celle de ma fille et Berckheim me fait souvent mal. Je me dis: C'est un homme! Ils ont l'affreuse et triste science de dévorer la vie. Toute la mienne l'a été par eux: elle est encore, quoique saintement, leur victime. Hélas, mon Dieu! pardonnez à la pécheresse, qui a mérité de [illegible] mille et mille fois plus, mais Vous, Mon Dieu et Mon Bienfaiteur,

Vous m'avez tout pardonné! Eh bien! je me dévoue à Vous, je ne Vous demande plus: „Pourquoi m'avez-Vous attachée à cet Empereur?" C'est mon bonheur de Vous dévouer ma vie, quoique souvent mon cœur, dans cette grande œuvre si difficile, si remplie de souffrance, j'ai besoin d'un cœur qui me soutienne, prie et pleure avec moi, et m'aime comme ceux qui, par attrait, sentant tout ce que j'étais pour eux, n'avaient pas besoin de penser s'ils se compromettaient ou non. Lui ne m'aime pas du tout, Seigneur, lui disais-je; je suis un être nul pour lui, un événement de sa vie devant lequel il s'observe sans cesse pour penser: „Lui dirai-je ce mot, lui écrirai-je cette phrase? Ne peut-on „pas l'interpréter autrement?" Eh! que peut-il me donner, Mon Dieu, que je n'aie pas mille fois plus par Vous! Que veux-je de lui, moi qui pousse le scrupule avec chaque âme au point d'ensevelir dans mon cœur chaque confession qui regarde le premier comme le dernier, et qui doit me paraître sacrée. Vous qui m'avez élevée, donnez-lui donc de la confiance: il en avait dans les premiers jours. Ce n'est pas à moi qu'il nuit, c'est à lui-même. Montrez-lui donc, cher Seigneur, mes pouvoirs: tous ses Empires ne me sont rien, ni toutes ses vertus. Il ne m'est cher qu'autant qu'il est tout à Vous, qu'il peut remplir cette grande mission qu'il commence à peine à connaître. Grand Dieu! Vous le destinez à de si grandes choses et daignez me choisir pour Vous obéir dans cette éducation. Montrez-lui donc combien je Vous dois!

---

2 *).

Безъ даты (1815?)

Je vous remercie, Sire, d'avoir daigné penser à moi hier, au milieu de tant de choses qui vous occupent. S'il est possible, j'espère avoir le bonheur de vous voir ce soir. Mon âme est fortement occupée: j'ai passé par de grandes souffrances qui tiennent à la France, mais Dieu m'a donné, quelque indigne que j'en suis, aussi de grandes bénédictions et joies.

Mon âme se sent quelquefois si abattue, mais l'Eternel me redonne du courage, et j'espère de Sa miséricorde que ceux qu'il a choisis feront Sa volonté et que l'œuvre immense de ces temps ira.

La messe, pendant laquelle j'ai été prosternée en larmes et prières, m'a rendu de ces forces que je retrouve toujours là. J'y ai prié pour vous, Sire, qui m'avez tant occupée cette nuit encore, car j'ai senti et vu les entraves qui vous environnent, et je sais comme tout est près. Si tout votre courage, aidé par la force du Très-Haut, ne vous jette tout entier dans l'œuvre de votre entière régénération et ne fasse de votre étroite union avec ce peuple de Juda qui doit manifester partout le Livre de Juda votre principale affaire, et tout le reste accessoire, car l'histoire sacrée de ces temps est tout et les Empires sont les accessoires, Sire, je ne puis alors que souffrir, mais j'espère dans le Dieu vivant qui m'attache à vos grandes destinées; il vous montrera

*) Изъ Императорской Публичной библіотеки.

que je vous dis la vérité: tout vous entravera, votre cœur généreux voit en d'autres de grandes espérances, mais ces autres ne sont encore rien. Des ministres astucieux, des peuples viciés, les soulèvements de l'Europe entière, retardent encore ces grandes régénérations des Empires qui vous sont montrés. Il faut sortir de toute œuvre particulière; il faut n'être qu'à l'Eternel: l'histoire de tous les siècles et des éternités, la manifestation de Jésus-Christ vainqueur dans les Siens va avant tout, le reste vous sera donné par-dessus. Il faut vous convaincre que ce peuple est celui qu'il vous a désigné, que Harr Golls est celui qu'il a choisi pour prier dès longtemps et être chef de l'Eglise, que chacun a sa Mission, que c'est dans ce grain de Sennevier qui doit devenir un grand arbre que l'Eternel a mis sa volonté, comme il fait toujours: les plus petites choses en apparence amènent les plus grands résultats, il cache son œuvre sous les voiles des mystères et les sages rient et se moquent des petits. C'est aux enfants qu'il se découvre: où sont-ils, ces enfants qui se font honnir et mépriser? Qu'ils sont rares ceux qui préfèrent leur Sauveur à tout, oublient leur bonheur personnel, abandonnent sans résistance chaque moment de la vie; publient ses voies, racontent ses merveilles, ne s'embarrassent plus des leurs, meurent à tout, et, en jetant le monde derrière eux, sont si forts, ainsi que le dit l'Apôtre, si forts, car leur Divin Maître est avec eux: ils sont honnis, méprisés, bannis, regardés comme fous, et sont le sel de la terre!

Sire, le mouvement extraordinaire dans Paris, les prières de quarante heures, les jeûnes, l'exposition du St-Sacrement où les Eglises pleines voient les fidèles et les repentants pleurer sur les outrages faits à la religion, ces prières demandées par le Roi, ne vous disent-elles pas beaucoup, sur ce peuple qui doit manifester ici cette Eglise que le Seigneur a choisie, qui doit être avec vous, faire votre œuvre avec Vous, s'incorporer, pour ainsi dire, à vos actions, à vos prières, et revenir avec vous élever cet autel au milieu de l'Egypte, ainsi que le dit Esaïe, chap. 19, tandis qu'une enseigne est dressée sur les frontières, dit encore Esaïe, cette enseigne est cette Eglise que vous devez former.

Quand j'arrivais ici, Sire, pour annoncer les châtiments, me croyait-on? Maintenant, Dieu ne s'est-il pas servi de nous tous pour porter le Roi à cet acte public qui doit faire tressaillir nos cœurs avides de la gloire de Christ, de ce Christ si outragé dans Babylone et auquel on va demander miséricorde maintenant? Quel triomphe pour ceux qui l'aiment! Oh! Sire, si vous saviez ce que chacun de nous a traversé, vous croirez que le Seigneur, quelque indignes que nous soyons, a voulu nous préparer à prêcher l'Evangile.

Vous verriez surtout dans Horr Golls son Elu, son grand instrument. Cette foi d'Abraham qui lui fit tout quitter, et cet amour pour le Sauveur qui lui fit traverser en pardonnant toujours à ses ennemis des persécutions et calomnies dont on ne peut se faire d'idée, car l'enfer le connaissait bien; le grand triomphe de voir l'Evangile pur prêché ici dès votre première arrivée; le culte que vous célébrâtes publiquement, votre marche visiblement conduite par l'Eternel, votre conduite qui a manifesté en obéissant à l'Evangile, en vous séparant du monde, que vous aimiez et suiviez Jésus-Christ, votre pratique

journalière qui montrait le respect pour le Sauveur que vous confessiez tout haut, l'inspiration générale du peuple qui attend de vous bien des choses encore, la connaissance que les initiés ont et ont reçue de vous, ma mission de vous montrer comme ce chrétien, qui est plein de son Divin Maître, cette foule qui accourt pour entendre l'Evangile: tout ne montre-t-il pas les grands desseins de Dieu sur tous les peuples par son Eglise?

Oh! Sire, je vous conjure, pénétrez-vous de ces idées. Les châtiments s'avancent sur la France, et des flots de peuples redoutables inonderont peut-être bientôt bien des pays.

Soyez tout à la Grande Œuvre et permettez à celle qui a été élevée dans toutes ces vérités si grandes d'être pour vous cette voix que l'Eternel a choisie pour votre carrière spirituelle. Si vous saviez par combien de morts il a fallu que ces êtres passent pour entendre cette voix presque imperceptible de Dieu, de l'Esprit Saint, qui doit guider dans les replis les plus cachés et aider à la régénération d'un homme comme vous, faire éviter les choses qui arrêtent, entravent et qui paraissent souvent vertu même!

Vous qui êtes si grand, si enfant, je vous le dis sans crainte, vous ne pourrez avancer sans moi autant que Dieu veut que ce soit moi, je l'ai vu dans tant de conduites spirituelles.

Il a ses voies. Adorons-les et marchez, Sire, sous ces étendards de Dieu vivant, vous, son Elu, son Bien-Aimé, l'espoir des peuples, parce qu'il est avec vous, et son enfant si cher, parce que vous savez si bien vouloir l'aimer!

3 *).

(Loué soit Jésus-Christ!) *Leipzig, décembre 1817.*

Il faut, Sire, que le Seigneur ait voulu que je vous parle dans ce jour solennel, la veille de la fête de Noël et en même temps le jour de naissance de l'Elu du Seigneur, des profonds sentiments qui en Christ me lient à jamais à vous. Ce matin, en priant pour vous, en pensant au bonheur dont vous deviez jouir en voyant la Russie entièrement fleurir sous les saintes lois de Jésus-Christ, et voir la Bible répandue et l'Eternel adoré dans vos vastes Etats, je désirais faire parvenir un seul son au milieu de tant de félicités et m'unir à toute cette famille des enfants de Dieu que vous êtes appelé à conduire, quand ce soir un courrier russe qui passe me fait demander si j'avais des lettres pour la Russie.

Je venais de regarder l'image du Christ, et d'adorer le Dieu de mon cœur dans une découpure qui m'était parvenue hier et m'offrait ces traits de souffrances et d'amour. Je pensais: si je pouvais l'envoyer à l'Empereur, à Lui, dont l'âme est toute à mon Dieu! et peu de minutes après, l'occasion se présente: je vois la trace qui m'est prescrite. Je joins ici la

*) Слѣдующіе №№ 3, 5, 6, 7 — по копіямъ изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, шк. II, п. 2, к. 35, № 1157.

découpure. En n'ayant qu'une seule lumière dans la chambre, et tenant le papier au-dessus, vous verrez se tracer ces traits, qu'aucune main à la vérité ne peut dépeindre, mais que les Anges reflètent dans les cœurs religieux comme le vôtre. Ils vous diront, Sire, que le sentier du chrétien n'est que combat et souvent douleur; mais vous savez déjà que la croix a ses délices. Ils vous diront que j'ai, ainsi que ma fille, le bonheur de suivre Jésus-Christ, pauvres, dénuées, à travers des persécutions, des insultes, des outrages, accusées de vues politiques, prisonnières, livrées d'un Etat à l'autre, en proie au jacobinisme des polices et de petits Princes d'Allemagne, mais heureuses, Sire, de n'avoir fait qu'obéir à notre Dieu. On a dispersé les nôtres, on nous a forcées de partir de Bade sans un sou d'argent, on nous a fait jeûner, on a maltraité nos gens, on nous a insultées publiquement, mais ce Dieu qui juge les reins et les cœurs manifestait notre innocence, et souvent et presque toujours, ce n'était qu'un triomphe, tout, tout se pressait autour de nous, assiste à notre culte et apprenait à adorer Christ.

Nous devions être honorées de la gloire de souffrir un peu pour notre adorable Sauveur, pour les pauvres qu'il aime, de dévoiler la honte de ces Etats qui ne pouvaient nous reprocher que de vivre d'après l'Evangile et d'avoir nourri par la grâce de Dieu des milliers d'affamés. Enfin on le demande, à quoi sert la Sainte Alliance, et si on ose croire qu'elle n'est qu'un simple son.

C'était ce que voulait le Seigneur. Certes, il effacera les trônes qui maintenant refusent le dernier moyen de salut, les Saintes Ecritures, sur lesquelles est fondé cet acte solennel. Il fallait un peuple qui ne voulût que souffrir et faire la volonté de son Dieu.

Longtemps il avait daigné me montrer ses voies. Sa mission a été reconnue comme divine par des prêtres et des prédicateurs de différentes confessions, les miracles constatés, et les jugements qui sont sur la terre suivent aussi. C'est un grand moyen de grâce au milieu de la défection générale; on n'a pas d'idée de l'état des choses, même les chrétiens dorment et ne viennent pas au banquet de noces où ils sont invités. Dans les communes moraves, il y a du mouvement, nous avons vu tout se rallier autour de nous, et convenir qu'on avait peu d'amour pour Christ, et qu'il fallait un feu nouveau. Les temps approchent où l'Eglise sortira jeune et victorieuse, parée par son divin Epoux; et Alexandre le Béni voit déjà les heureux fruits de cette Sainte Alliance, qui par lui est l'œuvre de l'Eternel.

La Suisse languit, des milliers de pauvres souffrent, les gouvernements sont terribles, la famine a dévoré des milliers: partout où la Mission a eu des membres, ces membres sont devenus des soleils. Schaffhouse a trois sociétés de Chrétiens, Bâle et ainsi de suite. Nous avons plaidé la cause des opprimés, et avons dû être persécutées. Mais partout le peuple de Dieu se forme, un peuple nouveau allume de nouvelles contrées, le jugement frappe celle-ci.

Le Roi de Saxe a été seul humain envers nous et m'a laissé quelques jours, et le Seigneur m'a envoyé une indisposition, afin que je puisse recevoir ici des fonds et obtenir au moins un peu de repos. En Prusse, on nous a traités comme des malfaiteurs en passant sur son territoire, nous insultant, nous

chassant, ne nous laissant pas une nuit, et nous poussant avec nos cochers dans des chemins dangereux et inconnus: jamais nous n'avions été plus heureuses! Un vieux prédicateur nous reçut, il a 80 ans, et me dit: „Etes-vous „cette femme persécutée pour l'Evangile?“ Je lui dis que oui, et il nous combla d'amour. Nous venions d'Erfurt: le lendemain, tout ce qui pense bien se rendit là, et nous témoigna ses regrets; on imprima sur-le-champ un ouvrage pour moi, et il y eut beaucoup de conversions. C'est tout ce qu'il nous faut, que le Seigneur soit glorifié! Je l'adore et le remercie de ce voyage; jamais je n'avais senti le bonheur du Christianisme comme à présent: les honneurs ne me sont rien, et les outrages ma gloire. Que la primitive Eglise revive, et je suis heureuse! N'étant et ne devant être protégée par personne, les hommes et les siècles se sont prononcés. Le Seigneur prend notre défense, Il est notre Dieu, nous son peuple.

Je ne sais où je vais. Si on me pousse en Russie, si telle est la volonté du Seigneur, je passerai volontiers quelque temps paisible, s'il plaît à Dieu, au milieu de mes paysans, ou ailleurs. J'espère, Sire, que vous permettrez aux personnes qui m'accompagnent d'entrer en Russie. Que le Seigneur des Seigneurs vous bénisse!

Ma fille vous présente avec moi ses respectueux hommages.

B. Krudener.

Ces versets ouverts pour vous, Sire, *Lamentations de Jérémie,* chap. 1, peignent aussi l'état déplorable de la chrétienté châtiée. Le châtiment approche, les calamités seront grandes.

Puisse le Seigneur, si c'est Sa sainte volonté, vous inspirer quelque chose pour les malheureux Suisses! Je joins l'extrait de quelques lettres de curés; ce n'est pas aux gouvernements qu'il faut adresser les fonds, c'est à ces hommes pieux et aimant les pauvres. Il ne faut pas beaucoup; Dieu bénit les moindres choses, et Jésus-Christ vous comblera de ses dons.

Oh! que les Russes sont heureux d'avoir un Chrétien pour Souverain! Si vous aviez une idée des lois barbares de ces gouvernements, vous en gémiriez. Je devais connaître ces horreurs, c'était la voie du Seigneur, et la certitude que la Sainte Alliance est le grand et seul refuge des peuples.

Que le Seigneur Vous bénisse, Cher Empereur!

---

4 *).

(Loué soit Jésus-Christ!) *Mittau, 24 avril 1818.*

Je remets, Sire, sous le sceau de la confession, ces papiers: tant de personnes y sont intéressées, et les lettres que vous daignâtes m'écrire, de même que des journaux et copies de mes lettres, s'y trouvent. Si je vis, s'il plaît

*) Изъ Императорской Публичной библіотеки.

au Seigneur, l'Elu du Seigneur me les rendra, ces papiers. Si je meurs, vous voudrez, Sire, les remettre à ma fille, qui peut rendre à ceux qui sont intéressés à cela leurs lettres ou réclamations, après que vous aurez, Sire, repris ce qui vous regarde. Je parle au Monarque chrétien: sa charité m'entend, je n'ai rien fait que vouloir confesser Christ, mon Dieu, devant les peuples et les Etats: je veux le confesser par Sa Grâce jusqu'à mon dernier souffle; priez, Sire, pour moi, que je sois fidèle à ma grande vocation. Ma vie vous a été dévouée, et je vous ai proclamé aux peuples et aux Etats comme l'Elu du Seigneur et le serviteur de Notre Dieu Tri-Un en Christ.

Pardonnez-moi si je vous ai jamais offensé. Le Seigneur des Seigneurs me justifiera; Il connaît mon cœur, ainsi que ceux des fidèles disciples avec lesquels j'ai eu le bonheur de prêcher l'Evangile, de nourrir en son nom des milliers de pauvres, de les défendre, les Saintes Ecritures à la main, devant leurs oppresseurs. Je ne me plains pas, je suis heureuse de vivre et de mourir pour Christ, mon Dieu et le vôtre. Vous lui serez fidèle, Sire, je suis contente; j'implore le Sang de l'Alliance de l'Agneau sans tache, me reconnaissant comme indigne pécheresse. Il m'a pardonné, et j'attends du Père Céleste en Jésus-Christ seul grâce et pardon.

Je ne veux vivre que pour Christ et adore Dieu le Père, Dieu le Fils et Dieu le St-Esprit. Je prie la Ste-Vierge de prier pour moi, pécheresse.

Le Seigneur vous bénisse! Vivez pour le règne de Jésus-Christ, qui a déjà commencé par sa Sainte Alliance. Jusqu'à mon dernier souffle, je vous dirai: „Sire, soyez fidèle à votre grand appel et confessez Notre Dieu Sauveur!“

Je baise vos mains qui répandent sur le pauvre le bien et s'élèvent pour adorer Mon Dieu et le vôtre.

Votre soumise,
Baronne Krüdener.

Je pardonne à tous mes ennemis et à tous les aveugles, à tous ceux qui ont écrit contre moi et interprété mes paroles à leurs sens, à tous, et prie pour eux.

Выдержка изъ письма баронессы Крюднеръ къ князю А. Н. Голицыну.

Mittau, 24 avril 1818.

. . . . . . je déclare que j'ai adressé une grande caisse blanche à S. M. l'Empereur de toutes les Russies, contenant des lettres de lui, des papiers le concernant, des copies de lettres et tant et tant de lettres et papiers concernant les aveux, confessions même de prêtre; je remets à celui qui est prêtre aussi et élu du Seigneur, ces papiers jusqu'à ce que je puisse les ravoir . . . .

5 *).

Petchour, (?) septembre 1819.

Le temps est venu, Sire, où je dois vous parler, et les grands événements qui se préparent rendent l'entrevue que vous daignerez m'accorder de la plus grande importance. Le voile des malentendus et des faux jugements qui m'enveloppent à vos yeux se déchirera comme une toile d'araignée, et vous connaîtrez les grandes voies de l'Eternel, qui couvre toujours ses grands desseins d'une majestueuse obscurité. Lui-même, ce Sauveur adorable, que votre cœur adore, ainsi que le mien, vous montrera mon innocence.

Mais il ne s'agit point de moi, qui ne veux que de plus en plus disparaître aux yeux des hommes, et qui dois renoncer à tout, si je veux obéir à mon Dieu. Sa gloire seule est tout: le terrible jugement qui avance fait tomber tous les bras de chair, tous les appuis humains; et qui a trouvé le Paradis dans le cœur de Notre Seigneur Jésus-Christ ne voit que sa croix et dédaigne tout le reste.

C'est aux pieds de cette croix, Sire, que ma voix vous appelle pour vous apprendre de grandes choses, qui regardent l'Elu du Seigneur, et pour apprendre de vous-même à ne voir que le Seigneur des Seigneurs.

Le temps est court, les grandes pénitences sont nécessaires, les grandes prières doivent être le seul objet de la vie, car les torrents de grâces veulent sauver des milliers et des milliers. Le salut de la Prusse et de son Roi rendent surtout nécessaires ces prières au cœur de Celui qui aime tant à prier, et j'ai des choses d'une grande importance à vous dire, Sire, au sujet de la Prusse.

Daignez m'assigner quelques moments, je suis inconnue ici; de grandes directions du Seigneur m'ont amenée dans ce lieu si remarquable par ses trésors de grâces et par ses souvenirs, si liés à l'histoire de Russie. C'est ici que j'ai invoqué la protection de la Mère de notre Dieu pour vous et pour moi dans les grands combats qui commencent; c'est à Elle que j'ai voué le lieu dans lequel j'ai vu s'accomplir les vœux de ma jeunesse, et prononcé la liberté, après avoir vu y vivre d'après les saintes lois du Seigneur, qui y est Roi, des sujets qui ne doivent connaître que l'Evangile et Sa sainte volonté. J'ai pu tout déposer pour ne rien avoir de ce bien considérable, Dieu merci, que le bonheur de suivre Jésus-Christ pauvre et vivant d'aumônes, ainsi qu'il le demande des siens. Heureuse du mépris du monde en suivant cette croix qui sera redoutable, si elle n'est un asile dans ces temps de désolations, j'ai suivi la volonté du Seigneur sans aucun plan humain, et l'Ordre Teutonique dont je descends m'avait frayé et tracé le chemin.

---

*) Lettre de Mme de Krudener à l'Empereur Alexandre [illegible] au Couvent de Petchour. S. M. passa la nuit à N[illegible] [illegible] Mme de Krudener réitérait sa demande. L'heure fut indiquée. Nos [illegible] l'instant qu'il se mit en voiture, une lettre pleine de [illegible] avant attendu plus d'une heure *(Примѣчаніе къ самому оригиналу, изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки).*

Je remets ces lignes sous la protection de la Sainte Mère de notre Dieu. Ce n'est pas sans un profond souvenir que je pense que, sous sa sainte protection, vous formâtes il y a quatre ans, dans ces jours à peu près, un acte si solennel.

Je ne veux que la volonté du Seigneur; alors tout est repos et tranquillité céleste: je l'éprouve, Sire, en vous écrivant. Veuillez prier pour moi, et puisse ma voix vous dire encore, comme je l'espère: Loué soit Jésus-Christ!

Que le Dieu Tré-Un vous bénisse, et que la Sainte Vierge intercède pour nous, avec tous les Saints!

Votre soumise et respectueuse servante,

B. de Krudener.

Je sais, Sire, que je vous importune, que je vous offense peut-être, mais vous êtes chrétien: dois-je offenser Dieu? ne faut-il pas que j'obéisse, que je vous dise ce que vous devez savoir au moment où tous les dangers pressent? Ma conscience sera tranquille; si vous ne voulez pas écouter, je dois accepter la Croix et les humiliations, je pourrai dire un jour dans l'Eternité que je ne vous offensais jamais volontairement. Votre grande destinée fut l'objet de mes vœux, et j'ai beaucoup souffert, mais que dis-je, beaucoup? j'ai eu le bonheur de souffrir un peu de cet opprobre qui doit être le sentier de chaque disciple: on ne peut servir le Seigneur sans braver les jugements du monde.

Veuillez, Sire, par un mot me faire savoir si vous voulez me donner un moment. Agréez mes respectueux hommages.

6.

1821.

Seigneur, ayez pitié de nous, ô Jésus! ô mon Dieu! ayez pitié de nous! Seigneur, Vous voyez ce que souffrent ceux qui veulent Vous aimer, Vous voyez les terribles douleurs de ceux qui Vous voient offensé sans cesse, Vous entendez mes gémissements, et mes sanglots ne Vous échappent pas. Je viens encore de me prosterner, d'implorer Votre miséricorde pour l'Empereur: ma voix, quelque indigne qu'elle soit, Vous a imploré par le Sang Sacré de l'Agneau sans tache, elle a attaqué Votre adorable cœur, ô Jésus! elle a demandé que ses accents Vous touchent, que Vous brisiez les résistances, Vous qui êtes le Tout-Puissant, que Vous déchiriez le voile de l'aveuglement, et que Vous parliez à ce cœur qui est si cruellement déçu. Hélas! mon Dieu, il ne voudrait pas Vous résister, mais la séduction l'environne; ô Seigneur! ouvrez ses yeux, paraissez comme l'irrésistible amour, avant de paraître comme un feu dévorant! Que son âme s'élance vers Vous! Qu'il embrasse cette croix offerte encore, et qui vient renverser tous les autres pouvoirs, qu'il pleure, qu'il frappe sa poitrine, qu'il se voie au milieu de cette politique dégradée,

et qu'il recule devant l'audace d'oser mêler la cause des Rois à Votre cause, ô mon Dieu! Quoi! ces Rois coupables, que Vous appelez par le jugement à Vous rendre compte de leurs actions, ont-ils régné en Votre nom, comme ils l'avaient paru promettre? Votre longanimité les a encore épargnés; les fruits qu'ils ont portés ne sont qu'amertume et désobéissance; les peuples languissent, et leurs cris Vous demandent, ô mon Roi et notre seule espérance, et, quand Vous apparaissez sur les ruines du monde, on veut Vous arrêter, Vous barrer le passage. On punit ceux qui volent vers Votre croix, que vous montrez encore comme un moyen de salut; on frappe la jeunesse encore noble et généreuse, qui voit un peuple gémissant égorgé à ses yeux, et qui frémit de voir l'Eglise audacieusement insultée. On ne laisse pas seulement frapper la vie du corps, on veut tuer la vie de l'âme; la plus affreuse des politiques regarde les gladiateurs qui expirent dans un cirque, compte les têtes, comme le dit l'Angleterre, pour y placer des comptoirs, et des Princes chrétiens se couvrent de la honte ineffaçable dans l'histoire, de la honte qui fait pleurer les Anges qui voient le Seigneur des Seigneurs abandonné, et Mahomet ravageant le sanctuaire, nommant par ses descendants le Patriarche dans le conseil des impies et posant la main sur les droits de notre Sainte Eglise. En vain, Seigneur, en vain Vous avez fait traverser la mer au Patriarche, après son glorieux martyre; il a nommé les fils de l'Eglise, il a désigné la Russie; il appelait à la pénitence, il rassemblait les fidèles, nous avons été sourds!

O mon Dieu! que répondrons-nous! La nature nous accable, le jugement nous poursuit par les rochers et les vagues, par les peuples et les témoignages sans nombre de nos péchés terribles.

Grand Dieu, ayez pitié de nous, quand le soleil pâlit et que l'orage gronde sur nos têtes. Seigneur! remuez les entrailles et faites pleurer d'amour celui que j'ai vu si grand par Votre grâce, que Vous avez déjà repris une fois avec Votre grande miséricorde sur les ruines de son Empire, et que Vous avez placé, comme David, au milieu des Rois et des peuples pour leur apprendre à vous aimer. Ayez pitié, Miséricordieux Seigneur, de sa misère, montrez-lui ce qu'on lui cache. Il a repoussé cette sentinelle qui ne voulait que Votre gloire, qui n'ambitionnait que de le voir confesser Votre sacré nom, Jésus-Christ: son cœur noble et généreux a été même dur envers cette voix, qui ne lui demandait que de Vous aimer. Il a vu sans émotions mes larmes et mes douleurs, car je souffre de Vous voir outragé; il n'a pas écouté ma prière d'avoir à cœur la cause de la veuve et de l'orphelin, de marcher avec courage, de ne s'appuyer que sur Votre bras, Seigneur, et de penser que c'est là la prière qui Vous plaît.

Que répondra-t-il, Seigneur, au tribunal de Votre justice? Me reprochera-t-il, avec ceux qui me haïssent et me jugent, que je ne devais pas Vous suivre, Vous adorer ainsi, ambitionner Votre gloire, me réjouir de l'opprobre? Me dira-t-il que je ne devais pas venir ici, que Vous ne deviez pas avoir dans son vaste Empire une seule place où on annonçât Vos jugements qui s'effectuent, et Votre amour qui ne demande que la pénitence?

M'en voudra-t-il d'être entourée de ces pauvres qui devraient l'entourer, de leur prêcher l'Évangile, de mendier pour eux et de prier pour lui? Que répondra-t-il, Seigneur, à ces grands témoignages que je lui apportais aussi, et ces miracles dont Vous légitimiez ce peuple que Vous envoyâtes aux Rois et aux peuples? Pourra-t-il douter de la grandeur de cette mission, dont il était aussi, qui devait être un si grand moyen de salut et qui a amené tant de cœurs à la Croix, qui d'un bout de l'Europe à l'autre Vous a glorifié, ô mon Roi! et qu'il devait mieux connaître? Croira-t-il que tant de visions qui montrèrent cette femme aux peuples ne disaient point aussi qu'il ne devait pas se détourner d'elle, qui, heureuse du mépris du monde, ne voulait que le voir à Vos pieds.

O Seigneur! qu'avait-il à me reprocher? Depuis le premier moment que Vous m'envoyâtes vers lui, ai-je cessé d'être cette voix fidèle, cette femme qui, mettant de côté tout intérêt humain, ne voulait que sa gloire, qui le montrait partout comme l'espérance des peuples, qui priait, pleurait, souffrait pour lui, et qui, quoique persécutée par l'ennemi, cependant était si comblée de Vos grâces, qu'il n'aurait dû en croire les propos et les calomnies qui l'éloignèrent en cette opinion des Cabinets et de ce monde qui avait tant d'intérêt à cet éloignement.

Je luttai cependant, Seigneur, abandonnée par l'homme qui devait être du parti de la Croix, je traversai l'Europe, proscrite, dans la plus belle des causes sans un signe d'intérêt, et mon cœur resta dévoué, et, ne voulant que mon Dieu, humiliée, délaissée ici, en butte aux traits de la méchanceté et de l'aveuglement, je déposai tout, et l'amitié d'un homme qui m'avait comblée de tant de reconnaissance autrefois fut déposée sous la Croix aussi. Vous, ô mon Dieu! me dédommagiez grandement, Vous m'envoyâtes Vos bien-aimés, les pauvres, les larmes de la douleur et les miracles de votre amour dans tant de cœurs qui Vous adorèrent, ô mon Dieu! Je parcourais ces champs, ces campagnes, où je n'étais séparée que de quelques pas pour ainsi dire des demeures Impériales, et d'où une barrière impénétrable me bannissait; je pensais que, dans les grandes douleurs qu'il m'avait fallu traverser pour celui que Vous aviez appelé à de si grandes destinées, j'avais offert ma vie, Seigneur, pour qu'il remplît Vos profonds desseins de miséricorde sur lui, et qu'amenée dans son vaste Empire, il n'y avait pas seulement une seule fleur pour moi, ni un verre d'eau, qui est la seule chose que je puisse accepter. Mais, ô mon Dieu! je ne regrette nullement ces jours où j'avais vu son cœur chrétien et si grand me prodiguer tant de bienveillance; j'étais heureuse d'un bonheur auquel les hommes ne peuvent rien ajouter, et qu'ils ne peuvent ternir.

Mais je pleurais sur les maux de la Russie et les douleurs qu'il se préparait, je pleurais dans la plus belle des causes, et, voyant la Croix appeler tout ce qui respire pour l'amour, et la cause de mon Dieu jugée par la honteuse politique des cabinets, le ciel pleurait aussi, la famine s'avançait dans ces torrents de pluie, et la pénitence envoyée, prêchée par tant de voix, n'était point reçue.

Mon cœur s'affligea, et je luttai avec la douleur. Autrefois j'aurais été droit au cœur qui Vous aimait, Seigneur, et j'aurais été comprise: mais tout me séparait.

Hélas! qui n'aurait fui cette ville d'iniquité, ces sépulcres blanchis, cette enceinte si frappée, où la dépouille du pauvre est entrée dans les palais, où on s'assoit sur des larmées changées contre des trames magnifiques, où la charité veille solitaire et voit tout pour la dévorante cupidité, pour l'orgueil insensé, et rien pour le cœur, où des milliers d'orphelins errent, où des veuves gémissent, où des comités de bienfaisance doivent tenir lieu de tout et remplacer les institutions sublimes de la charité, où des lois de fer poursuivent sans cesse le faible, l'opprimé, le malade que les passions emportent dans un siècle où tout est maladie, où le pouvoir échappe par la vénalité, et où les fautes sont punies dans l'imprudent d'après un code qui n'est point établi sur des lois divines, mais sur des lois humaines, adaptées à un autre siècle et n'allant plus au nôtre, parce que toutes les convenances sont changées: Seigneur, est-ce donc là Votre volonté? Cet homme si droit, cet homme dont l'âme est généreuse, et qui aime l'Evangile, doit-il être séparé ainsi de son peuple, doit-il paraître toujours sévère, doit-il ne point connaître la charité, qui actuellement surtout est si nécessaire au serviteur qui doit rendre compte au maître? Doit-il paraître aux yeux de son peuple froid et indifférent, laisser passer devant ses yeux les plaies qui le dévorent, et être jugé par la postérité même dans des impôts proposés qui effrayeraient le païen même, et que le génie seul aurait rejetés, sans parler du Christianisme? Est-ce à lui que des hommes aussi peu éclairés peuvent faire parvenir la ruine des Etats, et, quand tout s'écroule, éloigne-t-il ceux qui devraient prier avec lui? O mon Dieu! quand des Saints frémiraient de crainte, quand les Elus à peine seront sauvés, est-ce l'Empereur qui peut marcher seul, et avec tant de sévérité? car pour marcher avec Vous, Seigneur, il faut suivre Votre voix, et en vain elle devient si effrayante qu'elle renverse, il ne s'effraie pas, et ne travaille pas à ce qui Vous plaît, et quand Vous ne voulez que son bonheur, quand Vous lui dites sans cesse: „Mon fils, donne-moi ton cœur!“ quand Vous vouliez aider si puissamment, quand Vous daignâtes me montrer que Vous aviez des millions de prêts, sans qu'il coûte une obole à son peuple, quand il pourrait faire cette guerre sainte ainsi, cette croisade qui autrefois aurait fait battre son cœur généreux, il ne daigne pas même accorder un moment! Quand Vous avez daigné me montrer, Seigneur, que Vous formerez ici tant d'institutions de charité, que Vous m'avez appelée pour cela, que cela doit devenir moyen de salut pour les riches sans coûter à l'Etat, quand on m'a déjà tant offert, je ne puis obtenir un moment pour l'intérêt de tant de milliers. Mon Dieu, ayez pitié de nous, Vous êtes plus grand que l'espérance, sauvez-nous encore sur les débris du monde!

---

7 *).

Sainte-Marie du Côté de Viborg,
2 mai 1822.

Après avoir vainement tenté d'exposer à vos yeux et ma situation, Sire, et mon désir de vous obéir, et avoir commencé plus d'une fois d'écrire, j'ai encore prié ce matin le Seigneur de m'aider, car c'est la veille de mon départ aujourd'hui. Alors en ouvrant un portefeuille, j'ai trouvé une prière que j'avais écrite, je crois, en novembre. Déjà mon cœur avait été brisé dans les douleurs qui me surprenaient au milieu de tant de combats où mon âme passait et pour vous et pour moi qui était environnée de tant d'assauts. Je vous l'envoie, Sire, cette prière qui est un résumé de ce qui occupait mon âme. Que dois-je ajouter? J'embrasse vos genoux pour vous prier de ne pas croire que mon cœur veuille vous offenser. Vous avez éprouvé mon dévouement, Sire, et savez qu'il a résisté à tout, mais, quant à ce qui regarde ma conscience, je ne puis répéter qu'avec le grand Ambroise: „Si Théodose veut faire l'Empereur, je lui „offre ma tête“. O Sire! serez-vous moins grand que Théodose? Non! Vous déposerez ainsi que lui toute autre considération, et, mettant votre front sur le seuil du temple, vous verrez dans la pénitence du cœur la volonté du Seigneur, Ses voies et Son amour.

Le temps presse, Sire, il ne s'agit pas de moi ni de ma justification. Il y a quatorze ans que je fus appelée dans les Vosges à connaître la volonté du Seigneur sur moi: ce fut l'année 1808, sept années après je vous annonçai à Heilbronn que vous vaincrez en peu Napoléon, et que vous verrez les grâces du Saint-Esprit vivifier bien des chrétiens. Vous savez, Sire, que le Seigneur me légitima à votre cœur, que je vous revis peu après à Paris, que toute l'Europe vous regarda comme l'Elu auquel Dieu accordait de si grandes grâces, que les châtiments et le partage de la France annoncés aussi par Adam Muller furent suspendus par la miséricorde, que les victimes furent averties, que je fus en relation avec Mad. de Bourbon, que j'avertis Mad. Descars, qu'elle parla probablement au Roi, afin que la Famille Royale s'humiliât, que les jeûnes et les prières de quarante heures, l'adoration devant le Saint Sacrement commencèrent, que la France fut remise sous la protection de la Sainte Vierge, et que le vœu de Louis XIII fut renouvelé pour cela. Alors le Camp de Vertus, où vous vîtes aussi, Sire, le sang de l'Alliance sur sept autels implorer la miséricorde Divine, apporta les immenses bienfaits à la France. Le Seigneur se

*) Mme de Krudener a été exilée de Pétersbourg en février 1822, à la suite d'un article de gazette anglaise; mais comme les chemins étaient impraticables, S. M. permit de nous retirer dans la petite campagne de la princesse Golitzyne, sur le chemin de Wibourg. Le prince Golitzyne apporta une note de l'Empereur dans laquelle il fut dit qu'elle fasse de petits voyages de temps [illegible] en Livonie, pour se rapprocher imperceptiblement des environs de Pétersbourg, où une habitation nous sera assignée, inconnue à tout le monde, et alors l'Empereur viendra la voir. [illegible] Mme de Krudener écrivit avant son départ. *(Примѣчаніе къ самому оригиналу, [illegible] Его Императорскаго Величества библіотеки.)*

servit aussi de moyens humains: le ministère fut changé. Votre exemple Auguste prêcha au Roi et à Madame d'Angoulême, ainsi que vos conseils, et la France fut épargnée comme Ninive. Vous emportâtes l'amour et l'admiration des Français, car Dieu était avec vous, et, je vous le demande, Sire, n'étiez-vous pas plus heureux alors? Oui, je vous le dis en confiance: m'aviez-vous dit à Heilbronn et en me revoyant à Paris: „Pourquoi prophétisez-vous?" Ne m'aviez-vous pas découvert les plus profonds replis de votre conscience, et peut-on regarder ceci simplement comme un mouvement de confiance, n'y a-t-il pas une plus haute direction dans ces circonstances? Le Seigneur ne prépare-t-Il pas les canaux de grâces, peut-on les prendre et les quitter sans Sa volonté? La souffrance et les élections forment les organes, et souvent avant la naissance, par les races même d'où elles sortent. J'avais beaucoup souffert, Sire, et à Paris inconcevablement, vous avez dû le voir plus d'une fois. Si bien des choses vous ont été difficiles à comprendre, les voies de Dieu ne sont-elles pas incompréhensibles? Dans la prière et l'union, bien des choses se développent. Vous avez été abordé par quelques personnes à Paris, elles vous sont inexplicables, mais pensez, Sire, que dans toutes les grandes œuvres le mal et le mélange ont sa part; le Seigneur laisse à l'ennemi cette part que la chute lui donne, mais c'est pour en tirer sa gloire avec magnificence et pour tout sauver. D'ailleurs les grandes destinées comme les vôtres doivent être élevées comme le chêne, et passer par beaucoup d'expériences et de connaissances. Je le répète, oh! que j'ai souffert! L'Eternité vous le montrera.

Je viens à un autre point de la note que vous avez remise au prince: mon séjour ici. Rappelez-vous, Sire, que j'ai été forcée par les Princes d'Allemagne à venir en Russie, que j'y suis venue forcément, que j'ai toujours craint ce séjour, et dès mon enfance, car j'ai beaucoup souffert et à Pétersbourg nommément.

Rappelez-vous, Sire, que vous me parlâtes de votre isolement ici, que je vous dis alors à Paris que je pourrais venir, que je pensais que le Seigneur me le permettrait. Vous demandâtes quinze jours de temps, après quoi vous me dîtes que vous n'aviez pas la persuasion que je vinsse, vous deviez frapper de grands coups et que vous craindriez que la haine ne se portât sur moi, mais que peu à peu je pourrais vous suivre. Rappelez-vous, Sire, ai-je répliqué quelque chose, n'étais-je pas résignée à tout, ne voulais-je pas seulement la volonté du Seigneur en tout? Vous me promîtes de faire un journal, et me quittâtes, Sire; je ne sais pas pourquoi en me quittant, vous me dites: „A trois mois!"

Quant à ma venue ici, tout vous prouvera que ce n'est pas la chair et le sang, Sire, quoique j'eusse ici toute ma famille, et que, quelque temps après mon arrivée à Kosse, on m'engagea beaucoup à venir ici, et, je crois, parce que le marquis Paulucci désirait être débarrassé de sa surveillance. Enfin l'homme qui était chargé de mes affaires pécuniaires et en relation avec le gouverneur général m'apporta un passeport, une lettre de change et il fit arranger ma voiture. Je résistai, voyant évidemment que ce n'était pas la

volonté de Dieu encore; plus tard le Seigneur me fit connaître que je devais venir ici. J'eus des combats, je souffris, je me représentais les clameurs, la publicité, votre position, la responsabilité où j'étais si je n'étais pas fidèle, et je souffrais beaucoup; mais, me rappelant que les premiers chrétiens martyrs avaient été allumés comme des flambeaux dans Rome, j'eus honte de ma lâcheté, et je n'eus que le brûlant désir de glorifier Jésus-Christ, quand même j'irais à la rencontre de la haine et des poignards que le fanatisme agitait alors, et qui avaient cherché bien des victimes.

J'acceptai donc aussi ce séjour, mais je ne vins ici qu'après avoir été bien convaincue que je le devais; ni la douleur de ma fille, ni l'appel de Berckheim mourant, ni ce que me dit la princesse Golitzyne, qu'il n'avait, selon les médecins, que vingt-quatre heures de vie, ne me fit partir un jour avant que ce ne me fût permis par le Seigneur, et je le trouvai, Dieu merci, vivant: le Seigneur lui avait accordé la guérison dans la Sainte Communion, et nous n'avions qu'à adorer aussi pour ce miracle!

Je vous avais vu un moment, Sire, à Petchour. Malgré toutes mes craintes de vous donner ma lettre au milieu du couvent, je le dus, il ne me restait aucune autre possibilité et je fus tellement conduite pas à pas par le Seigneur que, si vous saviez les détails, vous ne pourriez qu'en être convaincu. Oh! Sire, il y avait dans cette entrevue qui pouvait vous heurter quelque chose de si grand, que vous ne pourriez qu'en être frappé, si déjà cela vous était découvert, et si vous aviez pu vaincre ce qu'il y avait d'embarrassant pour vous et me voir à Neuhausen, profiter, marcher à grands pas, car le jugement approchait de plus en plus, et minuit avait sonné aussi quand vous arrivâtes au monastère, les lampes devaient être allumées. Mais déjà bien des retards vous arrêtaient, et notre entrevue à Neuhausen n'aurait qu'augmenté la responsabilité.

Je me hâte de venir à mon séjour ici, et du reproche qu'on me fait de dire d'avance les châtiments, ce qui va toujours, et depuis les Prophètes et depuis St-Jean-Baptiste jusqu'à nos jours, ensemble avec la pénitence prêchée. Depuis l'an 1808, ce qui fait quatorze ans, on pourra suivre par les gazettes même si je n'ai pas dû dire avec d'autres ces jugements que tout le monde voit pourtant sur la terre, et, avant de vous connaître, Sire, j'ai annoncé la guerre et les fléaux en Suisse, à Genève, en Wurtemberg, à Riga, à Strasbourg, même l'année 11 la guerre des Français, jusqu'à l'année 21 que je suis venue à Pétersbourg. On pourra savoir si j'ai annoncé à la Reine de Hollande et à son frère le Prince Eugène l'an 14 que Napoléon reviendrait de l'Ile d'Elbe et que je prévins ce dernier de ne point prendre part à ce retour. Mais qu'est-ce qui prouve que ces annonces viennent du Seigneur? C'est quand l'annonce se vérifie; je puis, Sire, partout vous faire avoir les preuves là-dessus. Qui oserait douter de la volonté du Seigneur, quand dans tant d'endroits s'est formé un peuple de prières pour adoucir, détourner les coups qui devaient tomber sur Genève, où j'avais annoncé trois mois d'avance les Alliés, qui, quoique battus à Bautzen, y vinrent? Empaytaz, à la tête de ces réunions où vinrent tant d'âmes, jeûna, pria: Genève fut miraculeusement délivrée des Alliés, après qu'il eut fait la prière de Daniel. Ainsi il se forma,

à Genève et partout, de ces réunions; des aumônes furent données, la famine annoncée en Suisse vit d'abondantes grâces et des secours envoyés par Dieu; Bâle fut préservée, un grand peuple de prières s'assembla. Qui ne verrait pas dans cette réunion de tant de secours l'infinie miséricorde qui ne veut que corriger en punissant!

La gloire de Dieu ne va-t-elle pas avant tout? N'est-il pas de Sa gloire d'avertir, de montrer Sa majesté et Son amour, en même temps d'effrayer, d'appeler de toutes les manières à la conversion? Et s'il est prouvé que les événements ont suivi l'annonce, si tant de miracles ont attesté l'œuvre si grande de tant d'années, ne sera-t-on pas chargé d'une grande responsabilité en l'attaquant ou en éloignant ces âmes qui ont renoncé à tout? Certes, ce n'est pas imagination, ou pour faire parler de soi, qu'on passe par ces souffrances et s'expose à être lapidé!

Ce ne sera donc point le monde qu'on interrogera au jour du Jugement, mais cela sera la gloire de Dieu seule dont il sera question. Ce sont donc tous ces souffrants de tous les rangs, de toutes les conditions qu'il faudra aussi interroger à Pétersbourg.

Oh! Sire, vous n'avez pas d'idée tout ce qui s'y opère! Si je n'avais été qu'un tronc où les riches déposaient pour les pauvres, c'était beaucoup; car par combien de souffrances et d'apprentissages n'avais-je pas dû passer avant d'avoir cette grâce! Que de choses j'ai vues, que de larmes me sont encore présentes! On vous abuse donc, Sire, si on ne vous dit pas combien de regrets m'ont suivie, et, si vous pouviez avoir le temps de lire tant et tant de lettres, vous verriez que, dans la société aussi, tout ce qui a un cœur s'est prononcé, et dans ceux que les rangs, les places et tout distinguent. Mais qui ne craint pas? Les grands sacrifices sont rares! J'ai de puissantes voix contre moi; je ne veux pas dire des ennemis, je ne sais qu'aimer, et je crois que les profondes trames de l'ennemi sont la cause de toutes ces fables qu'on débite sur moi et qui abusent tant de personnes. Mais devait-on les écouter, et les scandales sont-ils causés par ceux qui ne veulent suivre que l'Evangile, ou bien par les faux rapports? Au reste, cela a été de tous temps; il n'y a pas eu un seul exemple, depuis que la chrétienté existe, qu'il n'y ait eu de l'ignominie, et toutes sortes d'inventions et de choses scandaleuses mises sur le compte des plus grands Saints même. Que ne dit-on pas du prince Golitzyne, qui est un être si rare, si pur! Oh! Sire, si vous saviez ce que dans l'étranger on débitait sur vous aussi! Au reste, vous le savez bien! N'espérons donc pas que d'aucune manière on se taise sur mon compte. Le Seigneur lui-même veut que vous vous prononciez hautement pour moi et cette grande cause; on sait que tout ce qui veut confesser Jésus-Christ se rallie à présent: tant de milliers et milliers se sont attachés à moi! Est-ce donc par envie de célébrité que je le dis? Il serait donc triste et fâcheux, si, pour tout ce qui pense bien, pour tant de chrétiens, pour tant d'âmes seulement liées à moi par des émotions généreuses, vous aviez l'air d'être séparé et mal pour moi. Non! je le sais, on ne se trompe pas, on connaît votre cœur, et croyez que j'ai souvent pensé avec tristesse que vous aussi aviez à

souffrir de tant de positions différentes. Oh! Sire, pardonnez-moi d'insister encore, de fixer vos regards sur les grands moments qui approchent, dites-vous aussi qu'il est impossible partout où je suis que je sois ignorée. D'ailleurs j'ai tout déposé; je suis étrangère à Kosse: on y apporte les malades, des milliers viennent de partout pour les aveux de cœur, je ne les appelle pas, mais je n'ose renvoyer personne, c'est aussi ce qu'ici j'ai dû faire; et je sais que j'ai été peu comprise, et que je vous ai déplu, Sire. Mais connaissez-vous ma terrible responsabilité, savez-vous ce que je souffre, quand je n'obéis en tout à Dieu, et que je m'écarte le moins du monde de mes devoirs. Pensez, Sire, que des prêtres catholiques et grecs ont reconnu cette grande et singulière apparition des temps, qui en est aussi un signe, et qui dit beaucoup, quand on voit toutes les confessions se réunir et reconnaître ces gens si persécutés des Etats, si comblés de grâces.

J'ai été en relation par un des nôtres avec le métropolitain Michel d'ici. Il est même apparu après sa mort en songe à un prêtre respectable; il s'est placé à côté de lui près de l'autel et lui a dit: „Priez pour les femmes". D'autres prêtres m'ont écrit, envoyé des âmes, des prêtres français de même. J'ai passé des journées entières presque à genoux plus d'une fois à entendre les aveux ailleurs, et j'ai beaucoup entendu ici, et n'était-ce pas pour cela aussi que le Seigneur voulait que vous connussiez tant de choses qu'on ne dit pas à ceux qui sont du monde? Ne fallait-il pas pour cela que j'eusse tout déposé, qu'aucun lien ne m'entravât? Oh! que d'immenses biens vous auriez pu faire, Sire, que de choses à redresser, dans ces temps où les réactions nous appellent, où il faut avoir en vue Dieu et Dieu seul! Alors il soutient les Etats et bénit tout, mais c'est ce qu'on craignit. Quel signe attendiez-vous donc pour me voir, Sire, quand je ne veux que la gloire de Jésus-Christ et votre félicité? Puis-je être dangereuse? J'ai vécu, j'ose le croire, d'après l'Evangile, à Kosse: du moins je l'ai cherché et j'ai été guidée pas à pas par le Seigneur; j'étais sans contact politique, sans voir la société. Comment y ai-je été épiée! Comment a-t-on parler, débiter des absurdités! Je n'en veux à personne, bien des choses ne pouvaient être comprises; mais devait-on juger? Enfin c'est pour dire que mes ennemis ne m'y laisseraient pas tranquille. Il faudrait m'enfermer et mon amie Hélène y consentirait de grand cœur, et serait avec moi quelque part, mais les bruits iraient encore! Je serais déchargée de responsabilité et heureuse, car rien ne me séparera, mon cœur l'espère, de ce qui peut seul me rendre heureuse, de la voie que fait suivre le Seigneur.

Je sais que vous êtes loin, Sire, de vouloir me faire de la peine. On vous tourmente, on m'a séparée même de mon frère! Dieu veuille éclairer ceux qui me connaissent si peu! Je conçois comme votre cœur bienveillant voudrait encore adoucir mon départ, et vous croyez me revoir, et que je sois entièrement ignorée! Non, Sire, je crois cela impossible. Sans doute Dieu peut faire un miracle, mais le fera-t-il, peut-on le lui demander, permettra-t-il même toujours que je vienne, je ne le sais. Il demande des pas, et un dévouement sans limite de votre cœur, Sire, car il vous aime beaucoup et vous a beaucoup confié; ce n'est pas une faveur que je demande, je ne désire que la

volonté du Seigneur. Si cependant les grands moments qui approchent vous montraient la vérité de bien des choses qui s'avancent, c'est à vous, Sire, à demander au Seigneur dans la pénitence du cœur de vous éclairer toujours plus. Alors, Sire, dans une neuvaine faite à la Sainte Vierge, demandez pour signe que le cœur de l'Impératrice Mère soit changé pour moi: il le sera, Dieu est grand et miséricordieux! Vous portez cette sainte Image sur votre poitrine, elle vous la donna, alors elle verra que depuis trente ou trente-cinq ans le vieux pasteur nommé Hiller de Wurtemberg lui envoya des papiers qui vous concernent; votre élection lui sera claire, le cœur généreux de l'Impératrice reconnaîtra la vérité, et distinguera de cette vérité les rapports qu'on lui faisait. Le Seigneur bénira son âme en lui faisant confesser Son Saint Nom dans une véritable conversion de cœur, et elle ne sera plus contre Son œuvre.

O Sire! quand vous vous verrez attaqué encore plus que l'an 12, dépouillé, pressé de toutes parts, que vous reconnaîtrez vos véritables serviteurs à leur fidélité à Dieu, alors, oh! puissiez-vous reconnaître dans une profonde contrition, en embrassant la Croix, que vous avez offensé l'amour éternel et incomparable, que vous avez résisté à tant d'invitations! Puissiez-vous, comme l'Enfant Prodigue, vous jeter dans les bras du plus tendre Père, et, couvert du sang de l'Alliance, éprouver que Dieu ne veut pas la mort du pécheur, mais qu'il vive, éprouver combien Dieu nous aime, et puissent les rayons de la grâce, les flammes de l'amour adorable du St-Esprit incendier saintement votre noble cœur! Puissiez-vous vous relever plus grand que vous ne fûtes jamais, et suivre l'Epoux sous les étendards de la Croix, la voir placée sur l'Eglise de Sainte-Sophie, adorer Jésus-Christ sur les marches de la mosquée devenue le temple du Dieu vivant, rassembler les enfants de l'appel, et, à la tête de ceux qu'une conscription de cœur va sanctifier, voir le soleil de l'Orient éclairer votre front, et le soleil de tous les esprits régner en vous dans les murs de Constantinople après vous avoir fait reconquérir les Saints Lieux! Et puissent vos heureux regards voir fuir le sarrazin infidèle de ces lieux où vous adorerez les traces de notre adorable Sauveur dans chaque grain de sable. Que la Sainte Vierge, St-Joseph, le patron des temps, et tous les Saints et Apôtres et Martyrs prient pour cette grâce, et que mon adorable Sauveur m'accorde la grâce de vous voir ainsi! Je l'implore souvent par l'intercession de ma sainte protectrice, la Sainte Mère.

J'espère en Dieu que sa miséricorde vous offre encore tous les moyens de retour au nom du Seigneur. Pour l'amour de Jésus-Christ, profitez-en!

Si ma lettre ne parle pas à votre cœur, je n'ai qu'à gémir! Rien n'altérera mon dévouement personnel, mais je serai libre. Il ne me reste encore du'à me dégager de toute responsabilité envers vous, Sire, qui à Paris exigiez que je vous parlasse des injustices, et m'avez même, une fois que je voulais cacher quelque chose, dit que vous mettiez sur ma conscience ce qui pouvait arriver à moi de ce genre.

Permettez-moi donc, Sire, que je fasse parvenir au prince ce qui à cet égard est encore sur ma conscience: vous jugerez vous-même. Je n'ai rien à

demander, et les personnes qui venaient, demandaient la prière, et c'est au pied de la Croix que je leur parlais aussi de ce qui regardait et leur âme et leurs affaires. Il est de mon devoir, puisqu'on m'accuse, de dire quels rapports j'ai eus. Ce n'est pas de moi dont il s'agit, mais de la vérité!

J'embrasse vos genoux, Sire, en vous priant de me pardonner tout ce qui a pu se mêler du moi dans cette lettre aussi! Que votre cœur généreux me pardonne et n'ait rien contre moi! O Sire! priez pour moi, je vous le demande instamment, et faites-moi savoir par un mot au prince que vous n'avez rien contre moi. Je pars dans cette espérance, je retourne avec joie dans les vallons de Kosse, j'emporte l'espoir que Dieu me ramènera encore une fois auprès de ce cœur grand et généreux qui ne peut être connu de personne comme de moi, qui l'ai vu si grand.

Que le Seigneur nous bénisse et que la Sainte Mère prie pour nous, St-Joseph et tous les Saints!

Б) Нѣсколько писемъ баронессы Крюденеръ къ князю А. Н. Голицыну, 1821 и 1822 гг. *).

1.

Cohirowa, Samedi, le 13/25 août 1821.

Cher Prince, il faut travailler tant que dure le jour, car la nuit vient.

Or comme il n'y a qu'une chose de nécessaire, qui est d'avoir Jésus-Christ et de le confesser, et de chercher à le glorifier de toutes les manières, je vous répète ici ce que je n'ai pu vous dire qu'à la hâte, et qui est, je crois, utile pour l'Empereur, que l'Autriche est au moment d'être séduite, et peut-être même par une alliance avec les infidèles, mais enfin elle montrera son cabinet à la Russie, quand même l'Empereur François a des intentions droites.

Montrez bien, cher Prince, que les plaies ont commencé, que partout où j'avais dû annoncer les châtiments, ils étaient suivis, à moins que la pénitence ne les détourne en invoquant la miséricorde du Seigneur; mais il faut une pénitence ostensible, des actes publics de prières, comme en l'an 12, et quand toute la chrétienté souffre, que la Grèce est si frappée dans les chrétiens, que neuf gouvernements souffrent de famine, de sauterelles, on peut bien faire de pénitence publique; les prêtres peuvent bien prier et invoquer le sang de la seule et de la haute Victime, Jésus-Christ, et invoquer le Dieu Tri-Un en Jésus-Christ en criant miséricorde et demander l'intercession de la Mère de Dieu, remettre la Russie sous sa Sainte Protection et demander les grandes intercessions de St-Joseph et des Saints.

---

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, № 1133, шк. II, п. 2, к. 35.

Rappelez à l'Empereur que, l'an 19, à son passage à Pétersbourg, je lui rappelai la Prusse et le salut de son Roi. Le Roi avait été averti plusieurs fois par un homme envoyé par le Seigneur. Il avertit trois fois et fut renvoyé aux ministres. Trois secousses rappelèrent au Roi sa faute de ne pas avoir écouté et profité de la miséricorde du Seigneur, une émeute, sa chute où son nez fut fracassé et un attentat sur sa vie à cause d'une histoire où Hardenberg aussi fut impliqué: le Roi n'écouta pas encore.

J'eus en l'an 19 une vision où, entre autres, je vis, après beaucoup de pleurs de la Reine qui pleurait amèrement, le Roi. Je lui demandai: „Croyez-„vous aux visions?“ Il me dit: „Non! mais si elles sont appuyées sur les „Saintes Ecritures, alors oui!“ me dit-il. Je me levai alors pour lui représenter les devoirs que la Sainte Alliance lui imposait, mais, ne pouvant continuer, je lui dis: „Vous êtes arrêté“. Il se troubla et je vis qu'il voulait me le cacher; un jeune homme appelé Schwerin voulait ouvrir la porte, mais il ne put y réussir.

Je vis pourquoi en l'an 19, où le Roi aurait pu encore accepter la miséricorde du Seigneur, j'avais dû parler à l'Empereur. A présent la Prusse est tellement agitée que des personnes qui en viennent m'en ont fait un tableau effrayant; je le connais d'ailleurs, cet Etat, par de grandes sources. Des milliers et milliers ont entendu la parole de la vie et la grande prédication des châtiments des Etats et de l'immense amour, par la mission, et, d'un bout de la Prusse à l'autre, la confession du seul Roi Jésus-Christ, qui veut régner dans ceux qu'il a choisis, retentit, et fut appuyée par des miracles assez connus. La voix qui m'apprit les désastres de la Prusse ici nouvellement, avait été émue aussi alors.

Montrez, cher Prince, la famine. Parlez où vous pouvez. Je l'ai vu en Suisse, Dieu préserve chacun du reproche de n'avoir pas agi en chrétien!

Le temps est court, les places ne sont rien, la faveur ou la défaveur une fumée, *Christ est tout*. Parlons, ne ménageons rien quand il s'agit de glorifier le Seigneur Jésus-Christ, ou nous serons renversés par les éléments mêmes! Il n'est plus temps de balancer, aimons nos Souverains en leur faisant nos rapports: vous vous rappelez de votre rêve et du rapport?

Dites à l'Empereur que je suis peinée de voir que personne ne vient de crainte de lui déplaire, tandis que les jugements les plus terribles avancent.

Enfin, cher Prince, les grands moments sont là, une personne à Odessa qui était de la Mission m'exprime aussi le mouvement général qui porte l'attention sur moi. Il en est de même en Allemagne et en Suisse. Je n'ose dire au Seigneur: „Pourquoi avez-Vous choisi quelque chose de si vil?“ mais: „Parlez, Seigneur, je me prosterne, glorifiez-Vous par le néant!“ voilà ce que je dis. Veut-il m'employer, j'obéis, et l'humain a disparu pour moi: bras de chair, le sang et ses liens, amitié et pouvoir, je laisse tout pour voler aux pieds de mon Seul Amour.

Avant que les Grecs commencèrent, des amis à nous partirent, et ayant lu dans un ouvrage: *Que fait la comtesse* (c'est ainsi qu'ils m'appelaient)? *Elle nous dirait l'heure qu'il est*, je répondis à tous par des vers

qui me furent donnés le jour de la St-Michel, et je leur dis: „Le moment „est arrivé où vous devez vous prosterner, Allemands et Suisses, qui voulez „être du peuple sacerdotal, où vous devez tout quitter pour prier que Jésus-„Christ soit glorifié, et que la Croix soit posée sur la mosquée, car il vient, „le grand Roi, et les Sarrazins vont être vaincus! Quittez vos idoles, pleurez „pour les pécheurs, aimez, confessez le Seigneur; le soleil pâlit, nous le „voyons, cher Prince, la lune pleure, le Ciel pleure ici à présent“. Voilà ce que j'écrivis l'année 20! Peut-être les grandes voies du Seigneur m'appellent bientôt ailleurs; avant de quitter l'Empereur, je voudrais le voir une fois encore, mais que la volonté du Seigneur seul se fasse! Il ne force personne, et je serai dégagée; le Seigneur sait si j'ai eu autre chose à cœur avec lui aussi, que la gloire de mon Dieu et sa félicité à lui, et je lui ai été fidèle, comme mon grand-père le fut à Pierre, jusqu'au dernier moment, et je l'aimerai sans cesse en pleurant sur le voile qui lui cache la vérité maintenant.

Je n'ai rien à perdre, car j'ai tout. Tout lui parle, les morts et les vivants, car la vision de Pierre I[r], ici si occupé de ce qui concerne la Russie, m'a avertie aussi, les éléments parlent, tout l'appelle. Portez-vous bien, cher Prince, écrivez donc, j'ose vous en prier pour avoir les détails sur les provinces frappées; la famine vient, n'ayons pas de reproches qui font pâlir à nous faire. J'ai senti le printemps dernier comme en Suisse, c'est-à-dire la bénédiction. Prions, veillons et marchons sur l'opinion pour ne pas être séduit. Que le Dieu Tri-Un en Jésus-Christ nous bénisse et que la Sainte Mère nous protège et St-Joseph et tous les Saints!

J'espère rester encore un peu à Cohirowa, car vous savez comme j'aime ces arbres où je prie. Venez donc, cher Prince, mercredi, si nous vivons, s'il plaît à Dieu, vous savez si mon cœur sent le prix de ces moments *).

---

*) Quelque temps après, l'Empereur dit au prince: „J'ai la conviction que je dois voir la „baronne“. L'entrevue avait lieu le 7 septembre dans une maison de paysan, S. M. attendait notre arrivée, et Mme de Krudener fut reçue avec beaucoup d'affection, l'Empereur prêtant la plus grande attention; j'admirais son humilité. En prenant congé, il dit: „Je pars pour la Pologne. „En six semaines je vous reverrai“. Il dit au prince: „J'ai retrouvé ce même calme, comme „à Paris“. Mais il y avait des intérêts trop puissants pour ne pas mettre tout en œuvre pour empêcher une autre entrevue. L'Empereur dit un jour au prince: „Voyez cette baronne qui a remué des royaumes, comme elle est tranquille à Cohirowa!“ Et quelquefois il demandait: „Ne m'avez-vous rien de la baronne?“

L'Empereur voulait accorder une entrevue en hiver à Zarsko-Selo, et le prince, par sa bonté, craignant le temps affreux pour Mme de Krudener, a gâté la chose en proposant le Palais.

Mme de Krudener, en parlant au prince sur son voyage en Allemagne et sur l'empressement extrême qu'on montrait de l'entendre, elle dit entre autres: „Nous leur dîmes que cette [illegible] Alliance que l'Empereur de Russie avait reçue comme un don superbe tombé dans son [illegible] et venant des régions célestes et annoncé dans les Saintes Ecritures comme l'Alliance du [illegible] Esprit était le dernier moyen de grâces pour les trônes comme pour les peuples, qu'il „n'y avait plus de garantie pour les Etats et les familles qu'en Dieu et confessant hautement [illegible] vivant d'après l'Evangile et la Bible, que tout ce qui ne suivait pas cette [illegible] état, que de nouveaux orages attendent l'Allemagne et l'Europe“. *(Примѣчаніе къ самому оригиналу.)*

2.

Loué soit Jésus-Christ! *Cohirowa, ce 19 d'août 1821.*

Cher Prince, que le Seigneur vous bénisse et se glorifie toujours plus en vous! Je ne vous demande pas pardon si je vous ai occasionné des peines et des douleurs. Le Seigneur, en nous unissant dans la connaissance de ses grandes voies et dans la prière, ne nous a unis ainsi que pour que nous voyions des fruits pour l'Eternité. Je vous aime du profond de mon cœur, quand je vous aime en Christ, et si j'avais la terre entière à vous donner, je ne vous donnerais qu'une poignée de vanité, et vous reculeriez devant moi au grand jour des rétributions.

Mais ces moments de douleurs, où j'ai été la cause que vous avez affligé, peiné, indisposé peut-être contre vous aussi, un homme que nous vénérons et chérissons à tant de titres, l'homme que le Seigneur a choisi, qu'il aime, en lequel il veut mettre sa complaisance, qu'il destine aux plus sublimes fonctions, cette douleur, Prince, d'être méjugée et accablée de l'inimitié même d'un Etre aussi distingué et aussi cher à mon âme, serait peut-être aussi poignante pour moi, et mes yeux en vous écrivant ont encore des larmes. Dieu qui est tout sait élever ceux qu'il destine au grand et souvent pénible emploi de dire la vérité, et sait leur donner le plus sublime partage, celui de préférer sa volonté à tout. Six années passées loin de l'Empereur m'ont appris à prévoir et à accepter ces situations. Je ne suis pas digne de souffrir un peu pour cet adorable Sauveur et Seul Maître qui mourut pour une si vile pécheresse. Dieu découvrira à l'Empereur si j'ai voulu autre chose que la gloire du Seigneur, si mon cœur demande avec larmes que cette belle destinée soit toute à Christ.

Quant à vous, cher Prince, tout ce que nous avons senti, vu et éprouvé, de tant de manières différentes par la miséricorde du Seigneur, c'est qu'il veut avoir un peuple d'amour et de souffrance qui meure à tout, le confesse et ne vive que pour sa gloire. Tout ce qui est grand passe par la douleur: souffrons avec joie, et ne voyons que la Croix, et la mort de l'amour dans un Dieu qui se fit homme!

Berckheim vous dira, Prince, que nous avons appris quelque chose de frappant et de bien remarquable, qui montre combien la pénitence est nécessaire. C'est jusqu'au 8 de septembre qu'est la fête de la Sainte Vierge qui sont les grands moments pour remettre sous sa protection la Russie, c'est le temps où les Bourbons et la France reçurent tant de grâces au Camp de Vertus, où l'Empereur déclara l'Alliance des Rois qui devait être si sainte et si grande. Quel jour de fête, le 30 août, qui précéda tout cela, et quel jour d'Alexandre il aurait pu avoir à présent, que de grâces m'ont été montrées pour lui, ce cher Empereur!

Je n'ai pas encore la permission de quitter Cohirowa. Ces dames sont peinées, ou l'ont été au premier moment, de ce que je pourrais avoir froid

un peu, mais en leur disant que la voie où je marche est, grâce à Dieu, celle qui peut être honorée de la prison, de l'échafaud et de tous les exils, elles l'ont bien senti. Hélas! quand des milliers périssent, ai-je mérité d'être à Cohirowa comme dans un palais et d'avoir tous les besoins de la vie, moi misérable!

Tout va se décider, cher Prince, bientôt; nous touchons à d'immenses moments. La Sainte Mère qui apparut à une femme paysanne avant que je partis de Kosse et lui dit qu'elle m'accompagnait, moi et Hélène, dans notre voyage ici, ne m'abandonnera pas. Peut-être mon séjour à Pétersbourg ne sera pas plus long: que la volonté du Seigneur soit faite! et si je ne voyais plus l'Empereur, vous, Prince, que mon cœur chérit toujours, vous demanderez à baiser pour moi cette main que j'arrose aussi à présent de larmes en pensée, et vous lui direz de me pardonner tout ce qui s'est mêlé du mien. Jamais je n'ai voulu l'offenser, je le respecte comme mon Souverain, je le vénère comme Celui que le Seigneur appela, je l'aime comme Celui qui m'a obtenu la grâce de souffrir un peu.

Veuillez, cher Prince, si vous voyez Mme Plechtchéef, lui demander pardon si je ne réponds pas à sa lettre; elle a eu un songe remarquable de moi, assurez-la de mon tendre dévouement et à tous ceux qui veulent aimer le Seigneur. Le luth qui était un bouleau dont je jouais tristement, sous les saules de Babylone, et les sons que je tirais ressemblaient à une chute d'eau, qui est douleurs aussi.

Toute à vous à jamais. Loué soit Jésus-Christ! Priez pour nous tous et pour votre misérable servante.

3.

Sainte-Marie du Côté de Viborg,
16 mars 1822.

Depuis trois jours que nous vous avons quitté, cher Prince, on dirait que vous nous manquez depuis bien longtemps. On voit bien que ce qui nous attache à vous n'est point du monde, et ne peut être jamais touché par l'oubli; aussi, malgré vos trois ministères, avez-vous encore des moments pour les absents, qui n'ont pas tort avec vous. Quoique la princesse vous écrive des volumes, je prétends vous occuper aussi; vous aurez peur en croyant que je deviens personnelle, mais vous vous rassurerez en voyant que c'est de mon bonheur que je veux vous parler. Effectivement je me trouve bien heureuse, mon cher Prince, et mon exil pourrait faire envie au monde même, si le monde pouvait être déshabillé; mais ses ambitions et les petits plaisirs sont vendus à l'aveuglement, et, pourvu que nous soyons amusés et considérés, il nous est égal d'être menés en poste à l'enfer même, car les péchés nous conduisent, et nous aimons les péchés.

Oh! que l'homme est misérable, disions-nous souvent, cher Prince, mais qu'il est heureux quand il est désabusé et que, regardant ses chaînes à côté de lui, se voyant Roi après avoir été captif, il regarde le Ciel, et verse les premières larmes de bonheur, les larmes de la reconnaissance!

Ils se trompent bien, s'ils croient qu'ils m'empêcheront d'aimer, malgré tout ce qu'ils font pour cela: il n'y a point de haine qui tienne contre l'amour; c'est la première puissance! Je prétends être plus despotique que la Porte même, et tout subjuguer. Je vous vois d'ici, vous qui ne vivez que d'outrages, me dire que cela peut durer longtemps. Soit! mais nous avons l'Eternité pour nous: patience donc! Nous sommes de ces combattants qui sont à la solde du plus grand des Rois, et puisqu'il a tout vaincu, nous vaincrons!

Courage! La politique n'est pas immortelle, et de plus elle est bien malade; elle est comme le scorpion, qui, ne voyant plus d'issue, se tue lui-même. Laissons-la se démener, mais les malades qu'elle a dans son hôpital, ayons-en pitié!

La princesse est charmante, les grands événements lui font faire les plus petites choses avec une gaieté charmante. Imaginez, Prince, qu'elle chauffe tous nos poëles, après qu'elle vous a fait ses rapports. Sa maison serait réchauffée, si elle y mettait toute la chaleur de son amitié pour nous; mais on ne peut pas, comme elle le dit fort bien, chauffer l'air, et de plus nous avons, comme disent les allemands, des tirants; effectivement il paraît que tous les tyrans du monde sont venus habiter ici: cependant, rassurez-vous, cher Prince, ils perdront tous la vie avant votre arrivée. On conspire si bien avec le feu et l'air que nous aurons chaud, et déjà nous avons des pièces très habitables; après avoir passé par les campagnes de Cohirowa, vous ne devez plus rien craindre.

Portez-vous bien, que Notre Seigneur et Dieu Jésus-Christ nous bénisse et que Sa Sainte Mère, qui ici aussi est la mère du refuge pour nous, prie pour nous et nous protège et celui que nous aimons tant.

J'étais si habituée de vous tout dire que je continue et vous parle encore.

Il neige et pleut, la mer a mis un voile, et les alouettes que j'aime tant font silence; je pense que ce sont les seuls espions que nous avons ici: si elles voient tout ce que nous faisons, au moins elles le verraient de la bonne manière, car elles étaient plus élevées que nous et la terre. Au reste vous savez que la princesse s'est constituée mon espion, elle veut vous écrire tout ce qui me concerne. Je ne trouve pas mon compte à vivre loin de la police; j'ai dit tout haut dans la ville des Césars que ce que j'avais à dire était pur, grand, utile à tous. Qu'ai-je à faire des souterrains! Ma mission a été aux aigles, et c'est sur les toits que je dis ce que j'ai à dire! C'est pour cela que je demandais à Miloradowitch tous les surveillants connus et inconnus, car il faut bien que la police se convertisse aussi. Fénelon a eu trois ans un homme payé pour le vendre et l'a gagné par ses prières; je ne suis pas Fénelon, mais j'ai le courage de tout espérer de Celui, qui est plus grand que l'Espérance et qui m'a déjà tant donné! Oui, Dieu est grand, et Sa miséricorde est inépuisable; louons, adorons, célébrons-Le à jamais!

C'est bien au coin du feu qu'on vous regrette, vous qui dites de si jolies choses, qui avez une mémoire de tant de siècles, et qui vous êtes promené pendant trois règnes avec toutes les illustrations sous les ombrages de Zarsko. Je suis si étonnée d'avoir du temps à moi, que je me craindrais si je n'étais exilée: quelle solitude effectivement, que celle où les pauvres et les affligés sont loin de moi! Il me semble que, quand je ne suis plus à leur service, je ne suis plus bonne à rien. Cependant il me fallait du calme: on me tuait à force d'amour, au lieu que les haines me rafraichissent; je suis si heureuse partout, qu'on serait bien embarrassé de m'envoyer quelque part où je m'ennuie. *Dieu seul est grand, mes frères!* disait Bossuet. Moi je le dis sans cesse, tout me le fait dire, les misérables conceptions des hommes, leurs agitations, leurs craintes de perdre quelque chose quand ils ont tout perdu et qu'ils n'ont pas le seul bonheur, celui d'avoir Dieu.

Que nous sommes heureux, cher Prince, d'être chrétiens! l'amitié de Celui que nous aimons tant ne vous ôte pas une seule des épines que vous mettent vos ennemis. La faveur de Catherine vous damnait, ainsi du reste, mais au milieu des outrages, des calomnies, de la fatigue à mort où vous réduit l'enfer, quand vous attaquez les ennemis de notre Dieu Sauveur, que vous montrez ce que disait déjà Platon, que les hommes sans religion perdent les Etats et les Empires, au milieu de cette lutte où, d'une voix ferme et soutenue par la grâce, vous condamnez l'hérésie, vous bannissez des écoles de la jeunesse les instructeurs et les prôneurs du philosophisme, au milieu de cette lutte où toutes les séductions vous environnent et où tous les dangers vous menacent, vous êtes heureux, car la Croix vous enlève, la terre s'enfuit sous vos pas, et vous trouvez dans votre oratoire le ciel et les félicités éternelles.

Que de fois j'ai vu dans vos traits, quand vous veniez chez nous, les traces de ces grandes prières qui nous révèlent les secrets de l'Eternité! Courage donc! Armez-vous de la Cuirasse de la Foi, et dites avec l'Apôtre des Gentils qu'on doit se défier de la fausse philosophie. Notre siècle ne peut se vanter que de ses inerties. Apparemment, au lieu de découvrir d'immortelles splendeurs qui sont le résultat de la vérité, il ne découvre que sa honte: aussi toutes les chutes nous environnent, et c'est au bruit des orages que nous avons l'audace de disputer sur les droits de la raison.

Dieu nous préserve de la raison du siècle et des lumières qu'elle nous a fait parvenir et qui n'éclairent plus que des ruines! Qu'avons-nous eu autre chose, depuis que la raison se bat à outrance et que les systèmes se font la guerre, qu'un enterrement après l'autre dans toutes ces chaires de philosophie qui ont brouillé l'Europe? Assurément la vérité immuable et éternelle ne produit pas ces guerres de successions: au reste prouvez-leur par Kant même, que le mal est radical et que le seul Maitre a dit: *C'est du cœur que sortent les mauvaises pensées, les adultères, les meurtres, les fornications.*

Répondez-leur, Prince, par le Livre des Livres, par le seul Code qui puisse gouverner les Empires et les peuples. La logique n'est point du ressort de ceux qui veulent être sourds; la Croyance est la seule convenance de ceux qui doivent régner et de ceux qui doivent obéir, mais la raison du siècle ne

veut aucune autorité; voilà pourquoi elle crée et son pouvoir et sa fausse liberté, et creuse sa propre fosse.

Pourquoi admet-on donc des hommes qui avant tout ne veulent pas obéir à Dieu? Déjà, par le droit romain, l'athée était proscrit et ne pouvait avoir aucune part au gouvernement, il devait quitter le territoire qu'il envenimait par sa présence. Le déisme de nos jours est une peste qui tue l'âme et le corps. Admettre un Dieu sourd et froid comme les philosophes eux-mêmes, c'est livrer au mal les générations, après s'être grisé à la coupe des Vertiges, car la raison de nos jours appelée morale par les sages des écoles lâche la bride si commodément, qu'on reconnaît l'arbre aux fruits. Hélas! c'est bien à présent qu'on peut dire: *Il n'y a plus d'enfants*, et les ténèbres agitent jusqu'à l'âge qui autrefois avait encore de la candeur et des plaisirs innocents. Tout se bat, tout dispute, tout se révolte, et fait la guerre à ceux qui ont si peu su faire connaître la sagesse et l'amour: ainsi, par une juste réaction les écoles du paganisme sont des arènes où les combattants attaquent d'abord ceux qui les égarent, et ensuite tout ce qui les gêne.

Quand Charlemagne, si connu par ses grandes institutions, demanda à Alcuin un grand homme qui unit la foi aux lumières, celui-ci lui répondit que les siècles ne produisaient que lentement un Pacôme, un Augustin, un Jérôme. Sans doute, les flambeaux des siècles sont rares, ce sont des colonnes auxquelles se rattachent des générations entières, ce sont de grands végétaux transplantés, envoyés pour quelque temps dans nos régions pour vivifier et épurer ce qu'ils touchent, et porter la vie qu'ils ont puisée et qu'ils puisent dans les sources de la vie. Mais toujours les Chrétiens ont uni les grandes lumières aux grandes vertus, inspirées par le seul Maître; jamais on n'a vu cette multitude d'ignorants s'imaginer de pouvoir enseigner, quand ils ne savent pas même l'*abc*. Que sont les hommes de nos jours auprès de ces hommes du désert, de cette suite non interrompue de ces Saints, si illustres dans l'Eglise? Nous dirait-on que les Bernard, les Thomas d'Aquin, les Ephrem n'avaient pas de lumières, ne connaissaient pas les sciences? L'Eglise n'a-t-elle pas toujours été dépositaire de toutes les vérités, de toutes les magnificences? Y a-t-il quelque chose de grand, de beau dont elle n'ait été le Séminaire? Où furent donc formés et les Basile et les Ambroise et les Chrysostôme, et tout ce qui formait les Césars? Nous dira-t-on que la jeunesse de tous ces grands athlètes de l'Orient, qui avaient à leurs ordres les sciences comme des missionnaires qu'ils envoyaient pour la gloire de Dieu porter de beaux fruits à l'humanité, que leur jeunesse, dis-je, n'ait pas été livrée aux plus profondes études! Mais la grâce les dirigeait, ces études. C'était aux pieds de la Croix qu'ils mouraient aux passions avant de se croire capables d'enseigner; ce n'était pas au milieu de toutes les velléités de la raison dégradée et du cœur corrompu qu'ils croyaient cueillir les fruits de la Sagesse.

Cette mère de l'Eternité n'a que des enfants qui avant tout glorifient la source de toute Sagesse et toute Beauté. Les sciences, si elles ne mènent point à Dieu, sont donc nuisibles, et il vaut mieux tirer le cordon pour couper accès à ce mal de nos jours bien plus terrible que la fièvre jaune, à ce mal

qui mêle à tout le venin de la chute, de cette antique et première Coulpe, cette affreuse indépendance qui a osé de tout temps détrôner le Dieu vivant et rendu ses ouvrages indépendants de Lui.

Toujours on a vu à côté du bien le mal, toujours l'Eglise même a été désunie par l'hérésie et le schisme. Adorons en nous prosternant les profondeurs d'une miséricorde qui, au lieu de frapper, ne veut que bénir, que voir l'homme revenir de ses longues erreurs, que sauver tout ce qui a jamais goûté la vie à l'Océan de l'amour, et croyons que Celui par Lequel et pour Lequel tout a été créé n'aura pas dit en vain à Son Père Céleste sur cette Croix où Il expia nos forfaits: *Père, pardonnez-leur, ils ne savent ce qu'ils font.* Aimons à son exemple ceux qui nous outragent et nous persécutent! Vous m'en avez souvent donné la leçon, cher Prince. Laissons en paix s'exercer sur nous l'arme du ridicule, la seule arme dont le monde a si peur; laissons déraisonner la raison: c'est avec des mots qu'on mène de tout temps les hommes, je parle des zéros qui se promènent partout et qui veulent gouverner l'opinion, et avoir pour eux l'opinion. Chacun, comme dit Montaigne, monte cette bête, elle est là toute bridée au service de tout le monde; mais elle se fatigue aussi, cette bête. Toutes les agitations, toutes les machinations humaines, tous les petits discours, toutes les bêtises enfin dont la langue et la plume de l'homme usent pour faire et défaire les réputations, vont se noyer au torrent infatigable du temps, qui entraîne tout: la vérité seule commande au temps, aux siècles et aux hommes de tous les âges. Aussi ne réside-t-elle pas dans les hommes, mais dans elle-même; assise sur l'Eternité immuable, voilée aux superbes, elle marche sur les soleils et gouverne les mondes sans s'embarrasser des rhéteurs qui fouillent dans la poussière et veulent prescrire une route aux astres, en s'éclaboussant de boue les uns les autres.

Ayons-en pitié, mais pas de cette pitié du monde qui elle-même n'est que péché encore, puisqu'elle se moque de ceux qu'elle veut plaindre; non! je parle de cette belle pitié de la connaissance de nous-même, qui, ayant aperçu ses propres misères, ne sait que s'humilier, frapper sa poitrine et dire avec contrition et l'ardent besoin de voir tout à Dieu: *Seigneur, que Votre Règne arrive!*

Alors l'Eglise, sous le grand Pasteur, ne formera qu'un seul faisceau de lumière, où toutes les immortelles beautés s'offriront à nos regards, produits du Ciel; les sciences, les arts nous montreront qu'ils n'étaient que de faibles rayons proportionnés ici à nos yeux terrestres, mais que leur foyer est au delà de la terre. Si les arts nous ont transportés ici-bas, c'est quand ils nous révélaient les secrets de l'Eternité; la Religion les appela et illustra ses serviteurs, comme nous l'avons vu dans les beaux siècles de Léon X et plus tard, dans les grandes Ecoles, toujours nous vîmes tout se rattacher, comme un fil indestructible, à la Croyance et à la Foi; les monastères furent sans cesse les dépositaires de tous les trésors, les archives du savoir, les conservateurs des lumières.

L'Enseignement toujours fut confié à ceux qui avaient pour base la Croyance; car l'homme doit avoir pour ses connaissances, comme pour sa conduite, des bases invariables. Il n'y a jamais eu qu'un Code inébranlable

et qui fait valoir ses titres à travers tous les temps, qui juge et absout l'homme. Il s'agit donc de le connaitre, de le suivre; il renferme en lui seul tous les trésors, il conduit à toutes les sciences, elles sont positives puisqu'elles sortent du réservoir de la vie, et la même main qui lança les univers dispensa leurs lois et établit les rapports et les harmonies qui tiennent les mondes, traça à travers l'espace la route invariable et positive de toutes les sciences. L'éternelle sagesse en dispense seule la sublime révélation, et si l'homme est grand, c'est que lui seul, en rêvant l'infini et l'immortalité de tout ce qui meurt autour de lui, est l'archive vivante de toutes les traditions.

C'est donc de Dieu seul qu'il faut attendre et obtenir l'explication de tous les chiffres si inexplicables aux savants.

IX.

Исторія въ л.-гв. Семеновскомъ полку, въ октябрѣ 1820 года.

1.

Донесеніе князя Илларіона Васильевича Васильчикова Императору Александру Павловичу *).

Государю рапортъ.

Спѣшу всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что въ ночь съ 16 на 17 число сего Октября мѣсяца л.-гв. Семеновскаго полка рота имени Вашего Величества, въ 11 часу ночи, самовольно собралась въ коридорѣ казармы, по вызову нѣкоторыхъ голосовъ на перекличку. Фельдфебель сей роты закричалъ, дабы рядовые возвратились въ свои мѣста; но они, не исполняя того, отвѣчали ему, что желаютъ говорить съ ротнымъ командиромъ. Фельдфебель, видя невозможность укротить ихъ, принужденъ былъ исполнить ихъ требованіе. Капитанъ Кошкаровъ, пришедъ къ нимъ, спросилъ, что имъ надобно, и какъ осмѣлились они собраться въ столь позднее время и при томъ самовольно. На сіе объявили, что они вынуждены были, притѣсненіями разнаго рода отъ полковаго командира, рѣшиться на таковой поступокъ и просить его довести до свѣдѣнія высшаго начальства о непомѣрной строгости и нестерпимой взыскательности полковника Шварца. Капитанъ Кошкаровъ приказалъ имъ разойтиться по своимъ мѣстамъ; они же хотя съ перваго раза не повинулись, однакоже вскорѣ то исполнили. Немедленно донесено было о семъ по командѣ, и я, бывши на тотъ разъ въ болѣзненномъ положеніи, тотчасъ послалъ начальника корпуснаго штаба **) въ Семеновскія казармы

*) „Русскій Архивъ", 1875 г., кн. № 6. Первоначальное донесеніе Государю, здѣсь [illegible]ется въ черновой рукописи.

**) Графа А. Х. Бенкендорфа.

собрать означенную роту и на мѣстѣ изслѣдовать происшествіе. Найдя изъ донесенія его нижнихъ чиновъ той роты виновными въ ослушаніи и своевольствѣ, я приказалъ арестовать ихъ всѣхъ и подъ карауломъ двухъ ротъ л.-гв. Павловскаго полка препроводить въ Петропавловскую крѣпость для содержанія въ тамошнихъ казематахъ и для производства тамъ военнаго надъ ними суда.

Въ ночи съ 17 на 18 число, первая, вторая и третья фузильерныя роты перваго баталіона, также самовольно выбѣжавъ изъ казармъ, толпами бѣгали во всѣ прочія роты остальныхъ баталіоновъ и принуждали ихъ выходить на парадное мѣсто полковыхъ казармъ для соединенія къ выручкѣ арестованной роты; притомъ насильно вламывались они въ комнаты нѣкоторыхъ ротъ, отбивали двери и требовали, дабы непремѣнно всѣ безъ изъятія нижніе чины сего полка присоединялись къ нимъ и противящихся вытаскивали насильно, угрожая въ случаѣ сопротивленія бить. Приказанія, угрозы и увѣщанія офицеровъ для обращенія къ порядку не имѣли никакого успѣха, хотя наружное почтеніе къ ихъ званію было солдатами соблюдаемо. Они безпрестанно твердили объ отягощеніяхъ, претерпѣваемыхъ ими по службѣ отъ полковника Шварца и о томъ, чтобы имъ отдана была арестованная рота. Въ такихъ обстоятельствахъ, взявъ всѣ мѣры предосторожности, по совѣщанію съ генераломъ графомъ Милорадовичемъ, положили мы, чтобы онъ сперва поѣхалъ на сборное ихъ мѣсто и поговорилъ бы съ ними. Они, не преставая толпиться въ безпорядкѣ, объявили ему: что, какъ угодно начальству поступить съ ними, они готовы на всѣ наказанія, но не могутъ болѣе сносить притѣсненій полковника Шварца; строиться же во фрунтъ не могутъ потому, что нѣтъ при полку первой роты, которая находится подъ арестомъ. Послѣ того послалъ я начальника корпуснаго штаба сказать имъ, что я самъ къ нимъ пріѣду, и чтобы для сего они построились во фрунтъ; но и сіе осталось безъ исполненія. Видя одни и тѣ же отзывы ослушныхъ, я, отрѣшивъ полковника Шварца отъ исправленія его должности, которую онъ уже исправлять не могъ, далъ повелѣніе г.-м. Бистрому 1-му принять весь полкъ въ свое командованіе и приготовить оный къ инспекторскому моему осмотру. Г.-м. Бистромъ съ объявленіемъ сего повелѣнія моего, по прибытіи на Семеновское парадное мѣсто, началъ было выстраивать 2 и 3 баталіоны; но три роты перваго баталіона тому воспрепятствовали, расталкивая становившихся въ порядокъ и отзываясь, что безъ роты имени Вашего Величества, какъ безъ головы, пристроиться имъ не къ чему. Наконецъ, я самъ пріѣхалъ и объявилъ имъ: что рота сія ослушаніемъ противу начальства и своевольствомъ содѣлалась виновною, что за сіе я арестовалъ оную, велѣлъ предать суду и до Высочайшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества ни подъ какимъ видомъ не освобожу ея ни отъ ареста, ни отъ суда, ни отъ наказанія; что теперь, равнымъ образомъ, и они сдѣлались ослушниками, а потому приказываю, чтобы и они сей же часъ шли подъ арестъ въ крѣпость. Таковое приказаніе мое было исполнено безпрекословно; они пошли, но не въ томъ видѣ и порядкѣ, каковые должны

быть въ благоустроенныхъ войскахъ. Въ продолженіе времени какъ я съ ними разговаривалъ, г.-м. Бистромъ, по предварительному распоряженію моему, занялъ л.-гв. Егерскимъ полкомъ Семеновскія казармы и тѣмъ отдѣлилъ ихъ отъ оружія, въ оныхъ находившагося.

Не могу не доложить всеподданнѣйше Вашему Величеству, что офицеры Семеновскаго полка при семъ случаѣ не оказали той твердости, которая необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ. Зачинщики сего дѣла не открыты, и я впредь до разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества приказалъ 1-й баталіонъ, какъ болѣе всѣхъ виновный, судить военнымъ судомъ въ Петропавловской крѣпости; 2-й баталіонъ при шт.-, оберъ- и унт.-офицерахъ онаго отправленъ сего числа на судахъ, отъ морского министра присланныхъ, въ кр. Свеаборгъ, 3-й баталіонъ препроводилъ я такимъ же порядкомъ сухимъ путемъ, по прилагаемому при семъ маршруту, въ кр. Кексгольмъ. Оба сіи баталіона отправлены безъ прикрытія, въ полной походной амуниціи, но безъ ружей и тесаковъ. При семъ я принялъ нужныя мѣры предосторожности и распорядился такимъ образомъ, что о поведеніи ихъ буду имѣть безпрерывно вѣрнѣйшія свѣдѣнія. Къ послѣднимъ двумъ баталіонамъ оказалъ я снисхожденіе потому, что они, дѣйствительно, почти силою вовлечены были въ участвованіе съ первымъ баталіономъ. Сверхъ того, при отправленіи ихъ внѣ столицы, замѣтилъ я въ нихъ истинное раскаяніе и смиренное повиновеніе.

Основываясь на полученныхъ мною офиціально и частно свѣдѣніяхъ, относящихся до сего происшествія, я положительно смѣю донести Вашему Величеству, что единственною причиною онаго есть полковникъ Шварцъ, и что обстоятельство сіе не заключало въ самой сущности никаковой опасности, ниже какой другой причины, кромѣ того, что нижніе чины выведены были изъ терпѣнія отъ неблагоразумнаго и неосторожнаго поведенія его, полковника Шварца. Впрочемъ, нужнымъ считаю тоже донести, что примѣръ ослушанія Семеновскаго полка имѣлъ болѣе хорошее вліяніе на прочія войска: ибо всѣ сіи, въ продолженіе непріятнаго происшествія, оказали сугубое усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей по службѣ.

Дальнѣйшія подробности изложеннаго здѣсь обстоятельства буду имѣть счастіе вслѣдъ за симъ представить Вашему Императорскому Величеству, чрезъ нарочно посылаемаго отъ меня адъютанта моего, л.-гв. Гусарскаго полка ротмистра Чаадаева.

2.

Секретныя замѣчанія собственно для свѣдѣнія одного генералъ-адъютанта Васильчикова *).

(Писаны собственноручно Императоромъ Александромъ Павловичемъ.)

1) По многимъ замѣчаніямъ, на школы взаимнаго обученія желательно бы было, чтобы обращено было особенное вниманіе насчетъ тѣхъ людей, кои обучались въ общей школѣ, бывшей въ казармахъ Павловскаго полка, какъ со стороны нравственности и поведенія ихъ, такъ и дисциплины и военнаго повиновенія, и не сохранили ли какихъ сношеній съ г. Гречемъ?

Вниманіе обращено съ самаго начала сей исторіи. По свѣдѣніямъ, люди сіи ведутъ себя хорошо; но удаленіе г. Греча нахожу нужнымъ и представлю къ пріѣзду Государя новое образованіе симъ школамъ.

2) Узнать также для любопытства, не былъ ли въ той же школѣ рядовой Московскаго полка, съ которымъ было происшествіе въ лагерѣ, и также о тѣхъ, кои были зачинщиками въ лейбъ-ротѣ Павловскаго полка противу капитана Либерта и бывшаго фельдфебеля той роты?

Не были.

3) О сихъ двухъ пунктахъ отнюдь никому не сообщать, что они отсюда писаны, но какъ бы сами пришли на мысль генералъ-адъютанту Васильчикову.

4) По дошедшимъ свѣдѣніямъ, оказалось, что, когда полкъ, предъ церковью собравшійся, не хотѣлъ строиться, тутъ же на площади находилось много и полковыхъ кантонистовъ, на коихъ нужно также обратить особенное вниманіе, и не возможно ли чего и чрезъ нихъ открыть?

По вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, полковые кантонисты не участвовали и не выходили изъ своихъ казармъ, а были на площади всѣ флейтщики.

5) У фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ лейбъ-роты Семеновскаго полка пораспросить, не замѣтили ли они предъ симъ въ разговорахъ людей между собой чего похожаго на сіе происшествіе, и не показывали ли негодованія на командира; ежели было, то когда именно, и между кѣмъ болѣе оное негодованіе или разсужденіе оказывалось, въ гренадерахъ ли, или въ стрѣлкахъ? И не помнятъ ли, кто именно таковые были? Также не замѣтили ли, чтобы солдатскія дочери, изъ школы взаимнаго обученія приходящія, приносили бы какія-либо бумажечки или записки къ рядовымъ той роты?

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, полагать должно, что фельдфебель лейбъ-роты не только не чистъ, но изъ первыхъ зачинщиковъ: то и невѣроятно отъ него что-либо узнать, равно и отъ унтеръ-офицеровъ, коихъ также невинными полагать нельзя.

---

*) Напечатанные здѣсь мелкими буквами отвѣты на замѣчанія писаны карандашемъ на подлинной рукописи Государя княземъ И. В. Васильчиковымъ.

6) Справедливо ли, что будто, когда полкъ шелъ въ крѣпость, то Московскаго полка люди, встрѣчаясь съ ними, цѣловались и, прощаясь, изъявляли имъ сожалѣніе?

Не справедливо, но сожалѣніе изъявляютъ во всѣхъ полкахъ.

7) Правда ли также, что будто и въ Преображенскомъ полку были нѣкоторые разговоры на счетъ ареста Семеновскаго полка, чтобы и съ ними того же не случилось?

Отъ полиціи много было разныхъ вздоровъ, но вѣрить имъ никакъ нельзя. По вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, толки на счетъ Семеновской исторіи есть во 2-мъ и 3-мъ баталіонахъ. Пирхомъ *) довольны; но, по несчастію, Великаго Князя **) не любятъ.

8) Почему начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, въ отсутствіе генералъ-адъютанта Васильчикова, не зналъ въ подробности, что дѣлалось въ Семеновскомъ полку, говоря часто, что, по свѣдѣніямъ его, вездѣ тихо и хорошо идетъ?

9) Ежели зналъ, что полковникъ Шварцъ обходился съ нижними чинами незаконнымъ образомъ и дѣлалъ излишнія противозаконныя отъ нихъ требованія, особенно на то, чтобы многія вещи покупали на свои деньги, почему тотчасъ не доносилъ о томъ, какъ корпусному командиру, такъ и начальнику Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества? Тѣмъ болѣе, что была доставлена записка военнаго генералъ-губернатора о явившемся въ ордонансгаузъ рядовомъ, показывавшемъ, что принуждали его дѣлать разныя вещи на собственныя его деньги, о чемъ приказано было сдѣлать строгое изслѣдованіе. Но и по сіе время никакого еще отвѣта на то не получено. Тѣмъ сожалительнѣе, что если бъ на оное во̀-время было обращено вниманіе, то, можетъ-быть, сего приключенія съ полкомъ не случилось.

Сіе теперь полкъ показываетъ; но извѣстно, что полковникъ Шварцъ отдалъ всѣ деньги, слѣдующія на дрова и освѣщеніе, и что въ каждой ротѣ болѣе 2000 рублей оставалось отъ онаго экономіи: то и невѣроятно, чтобы солдаты употребляли свои деньги на чистку. Вещей же покупать на свои деньги никакого повелѣнія отъ начальства не было, что судъ, вѣроятно, откроетъ.

Записка доставлена о рядовомъ, который не болѣе пяти дней состоялъ въ полку и переведенъ изъ гарнизоннаго баталіона, почему и обращенъ былъ въ полкъ, и слѣдствіе представлено начальнику Штаба Его Императорскаго Величества. Тѣмъ менѣе можно было обратить вниманіе на слова сего рядового, что вновь поступающій рядовой во всѣхъ полкахъ обязанъ пополнить артельныя деньги.

10) Наконецъ, нельзя оставить безъ замѣчанія дошедшіе сюда слухи, что будто нѣкоторые полковые командиры гвардейскихъ полковъ, у коихъ было спрашиваемо, могутъ ли они отвѣчать за своихъ людей, отвѣтствовали, что не могутъ. Сіе не можетъ совсѣмъ быть терпимо въ службѣ.

---

*) Баронъ Карлъ Карловичъ Пирхъ, командиръ Преображенскаго полка.

**) Михаила Павловича, незадолго передъ тѣмъ назначеннаго командиромъ бригады, въ составъ которой входилъ Преображенскій полкъ.

Начальники на то поставлены, чтобы они отвѣтствовали за своихъ подчиненныхъ и принимали такія мѣры, которыя бы давали способъ оное исполнить. Таковое пагубное понятіе не должно допускать въ войскѣ.

Всѣ надѣялись, но рѣшительно отвѣчали двое только: Орловъ и Бистромъ, Карлъ Ивановичъ. (Сначала было написано и потомъ зачеркнуто: „Никто не отвѣчалъ, что не могутъ отвѣчать".)

3.

Копія собственноручнаго письма Императора Александра I графу М. А. Милорадовичу *).

Лейбахъ, февраля 8-го 1821 года.

Графъ Михаилъ Андреевичъ. Съ откровенностью, мнѣ сродною, я долженъ вамъ сказать, что я нахожу поведеніе корпуснаго начальника съ полковникомъ Корсаковымъ въ надлежащемъ порядкѣ по службѣ. Въ тѣ времена, когда службою надлежащимъ образомъ занимались, то не позволялось, даже въ театрѣ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, офицерамъ разстегиваться, и многіе за подобное сиживали подъ арестомъ, во дворцѣ же, на балѣ, сему и примѣра не было.—Какимъ же образомъ можно попустить, чтобы полковникъ, долженствующій быть примѣромъ офицерамъ своего баталіона, давалъ подобный образецъ? Къ сему же долженъ я присовокупить, что полковникъ Корсаковъ замѣченъ уже давно съ весьма невыгодной стороны своими правилами и вольнодумствомъ, въ происшествіи Семеновскаго полка, его поведеніе и разсужденіе достойны были, чтобы надъ нимъ примѣръ сдѣлать. Вообще, зная ваши столь почтенныя правила и неоцѣненное усердіе къ службѣ и къ общему благоустройству, я надѣюсь, что вы, вникнувъ въ смыслъ сихъ строкъ, удостовѣритесь въ необходимости поддержать чинопочитаніе, на коемъ основана единственно военная служба, и безъ коего она существовать не можетъ, кольми паче, въ нынѣшнія превратныя времена. Пребываю къ вамъ искренне доброжелательнымъ.

Александръ.

*) Изъ бумагъ графа Милорадовича.

X.

„Собственноручные рескрипты Государя Императора Александра I графу Аракчееву съ 1796 по 1825 годъ“ *).

А) Рескрипты, писанные до восшествія Его Величества на Всероссійскій престолъ.

1.

С.-Петербургъ, сентября 23-го дня 1796 г.

Алексѣй Андреевичъ! Маіоръ Купрѣяновъ пишетъ мнѣ, что мое позволеніе нужно, касательно отставки капитана Зарембы, подпоручика Палицына и подпрапорщика Горяинова; но я не вижу, какъ оно можетъ быть надобно послѣ соизволенія Его Императорскаго Высочества. Впрочемъ, если оно потребно, то, безъ сомнѣнія, я позволяю.

Пользуясь симъ случаемъ, прошу васъ, Алексѣй Андреевичъ, если оное возможно, произвесть изъ младшихъ унтеръ-офицеровъ въ унтеръ-офицеры: Алексѣя Иванова, Луку Левонтіева и Ивана Жукова, которые всѣ три поведенія исправнаго, чѣмъ весьма меня одолжите.

*) Напечатано по рукописи изъ бумагъ графа А. А. Закревскаго. Провѣрено по печатному экземпляру изъ Собственной Его Величества библіотеки. Графъ А. А. Аракчеевъ напечаталъ, безъ указанія мѣста и времени, всѣ эти рескрипты, а также особо 42 рескрипта Императора Павла I, безъ разрѣшенія Государя Николая Павловича, чѣмъ вызвалъ сильное неудовольствіе послѣдняго. Замѣчательно, что эти книжечки имѣютъ двоякое заглавіе, а именно: „Собственноручные рескрипты Государя Императора Александра I къ графу Аракчееву съ 1796 г. по 1822 годъ“, потомъ „съ 1822 по 1824 годъ“. Другая книжка носитъ такое заглавіе: „Собственноручные рескрипты покойнаго Государя Императора, Отца и Благодѣтеля Александра I, къ Его подданному графу Аракчееву, съ 1796 года до кончины Его Величества, послѣдовавшей въ 1825 году“. Очевидно печатаніе начато при жизни Александра I и закончено послѣ его кончины. Экземпляры этого изданія чрезвычайно рѣдки. По преданію, оригиналы и печатные экземпляры были заложены Аракчеевымъ въ колонны колокольни Грузинскаго собора.

Я не знаю также, смѣю ли я напомнить Его Императорскому Высочеству объ унтеръ-офицерѣ Крестьянѣ Бекманѣ, котораго, онъ изволилъ говорить, что можно будетъ произвесть въ офицеры за его доброе и исправное поведеніе. Оно бы весьма теперь кстати было, потому что будетъ недостатокъ въ одномъ офицерѣ; а я вѣрно думаю, что онъ не хуже будетъ, по крайней мѣрѣ, Воронкова. Я бы весьма радъ былъ знать на сіе ваше мнѣніе. Пребываю, впрочемъ, вамъ навѣкъ доброжелательнымъ

Александръ.

2.

С.-Петербургъ, сего 1 октября 1796 г.

Алексѣй Андреевичъ! Имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше и сожалѣю весьма, что маіоръ и офицеръ мои подвергаются наказаніямъ, особливо въ столь легкихъ вещахъ. Надѣюсь, что впредь будетъ рачительнѣе. Чувствительно васъ благодарю, Алексѣй Андреевичъ! за стараніе, которое вы приложили къ моей просьбѣ; мнѣ отмѣнно сіе лестно. Пребываю навѣкъ вамъ доброжелательнымъ Александръ.

3.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Сожалѣю душевно о твоей болѣзни и благодарю тебя искренно за письмо. Если у меня будетъ минута времени, то, конечно, зайду къ тебѣ.

4.

При семъ посылаю записку о *знатномъ* выборѣ Его Императорскаго Величества въ бригадъ-маіоры. Саханской я думаю и во снѣ не грезилъ того.

5.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Сдѣлай мнѣ одолженіе побыть тутъ, когда будутъ спускать мой караулъ, чтобы они чего-нибудь не напутали; а я ѣду въ полкъ. Извини, что я тебя безпокою, Государь приказалъ, чтобы полкъ былъ передъ дворцомъ въ 11 часовъ.

6.

Я тебѣ пріятную вѣсть скажу. Мнѣ не прежде выступать, какъ 5-го февраля, или 7, у меня все готово къ 30 генваря. Гренадерскія роты идутъ, всякая при своемъ баталіонѣ. Итакъ, ты остаешься здѣсь до отъѣзда въ Павловское, и всѣ плацъ-адъютанты также. Я внѣ себя отъ радости: только не говори объ этомъ.

7.

Павловское, сего 4 марта 1797 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Получилъ вчерась письмо твое, за которое чувствительно тебя благодарю. Только жаль мнѣ видѣть, что ты недоволенъ своею грудью. Желаю искренно, чтобы она поправилась, и прошу тебя, побереги себя, ради Бога. Когда тебѣ совсѣмъ свободно будетъ, то пріѣзжай сюды, мнѣ, право, скучно безъ тебя.

У насъ разводныя ученья всякій день, и надобно справедливость отдать, что для столь короткаго времени отмѣнно хороши. Сравненія никакого нѣтъ ни съ Лейбъ-гренадерами, ни съ Кексгольмскими. Они все дѣлаютъ; только видно, что люди замучены. Въ одномъ Павловскомъ гошпиталѣ 80 человѣкъ больныхъ. Ружьемъ дурно дѣлаютъ; маршируютъ прекрасно. Федорову дана шпага; Вадковскому лента 1-го класса. Вотъ всѣ наши вѣсти. Сегодня мы были въ Царскомъ Селѣ и нашли караулы въ великой неисправности. Офицеръ арестованъ и выключенъ изъ службы. Онъ изъ старыхъ нашихъ: Ландсбергъ. Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ! я жду тебя съ крайнимъ нетерпѣніемъ и пребываю на весь вѣкъ твой искренній и усердный Александръ.

8.

Новгородъ, сего 11 августа.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Не хочу никакъ пропустить случая тебя поблагодарить за два письма, которыя я съ чувствительнымъ удовольствіемъ получилъ, и тебя увѣрить въ искренней моей привязанности и дружбѣ. Я, слава Богу, здоровъ и желаю, чтобы и ты таковъ же былъ. Прощай, другъ мой. Не позабывай старыхъ друзей. Но смотри, ради Бога, за Семеновскими.

9.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Что тебѣ сдѣлалось? Отпиши мнѣ подробнѣе о своемъ здоровьѣ. Мнѣ всегда грустно безъ тебя, и если бы не праздники, я бы къ тебѣ заѣхалъ. Дѣла всѣ вчерась ввечеру кончилъ. Въ Москвѣ.

10.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я пересказать тебѣ не могу, какъ я радъ, что ты съ нами будешь. Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою, которую мнѣ — признаюсь — жаль покинуть. Одно у меня безпокойство, это твое здоровье. Побереги себя ради меня.

11.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я къ тебѣ не письмо пишу, а цѣлую грамоту, и надѣюсь, что ты простишь, по дружбѣ своей, что я тебя безпокою въ недоумѣніи моемъ, и снабдишь меня совѣтомъ. Я получилъ бездну дѣлъ, изъ которыхъ тѣ, на которыя я не знаю, какія дѣлать рѣшенія, къ тебѣ присылаю, почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору. № 1. Отъ Мордвинова, который прописываетъ, что, по неимѣнію аудитора, нельзя послать другого офицера для пріема жалованья. Я думаю за лучшее предписать ему, чтобъ онъ выбралъ изъ унтеръ-офицеровъ способнаго къ сей должности, представилъ бы объ немъ ко мнѣ, а покамѣстъ отправилъ бы его для пріема. № 2. О разныхъ раскомандированныхъ у него людяхъ, о которыхъ я совсѣмъ не знаю, какое дать рѣшеніе, и *испрашиваю* твоего совѣта. № 3, глупые формулярные списки и, наконецъ, ихъ ротное, еще глупѣе, росписаніе, которое, я думаю, можно ему назадъ отослать, съ приложеніемъ нашей формы. № 4, о старшинствѣ одного маіора передъ другимъ, отъ него же, о которомъ, я думаю, надлежитъ и Государю доложить: буду ждать твоего совѣта. № 5, о маіорѣ отъ воротъ, о которомъ я не помню въ уставѣ ничего, а помнится положенъ капитанъ. Я думаю и о семъ надобно доложить же Государю. № 6, объ образцѣ мундира его полку. Я удивляюсь, какъ ему не выданъ образецъ вмѣстѣ съ прочими отъ князя Долгорукова, Кексгольмскаго полковника. Я не знаю также, можно ли мнѣ безъ докладу отпустить его офицеровъ для обмундированія въ Петербургъ; и что по этому рѣшить, прошу тебя снабди меня совѣтомъ. № 7-й и 8-й, отъ Колюбакина изъ Шлиссельбурга, о неимѣніи совсѣмъ своего полка: о чемъ также не знаю, какъ рѣшить; *испрашиваю* твоего мнѣнія. № 9, отъ Набокова. № 10, списокъ по старшинству, въ которомъ онъ показываетъ штабсъ-капитановъ

выше капитановъ, и они у него выбраны въ самомъ дѣлѣ изъ старшихъ, повидимому, капитановъ, въ чемъ, я думаю, надобно ему растолковать надлежащій порядокъ. № 11. Глупое ротное росписаніе, въ которомъ онъ показываетъ много неявившихся офицеровъ. № 12, дневной рапортъ по формѣ. № 13, вѣдомость объ унтеръ-штабѣ отъ Ламберта, въ которой онъ показываетъ одного подпоручика при мнѣ. Я совсѣмъ не помню, кого онъ разумѣетъ. № 14, его же ротное росписаніе, въ которомъ показано въ подполковничей ротѣ пустое мѣсто подпоручика, повидимому, того же, котораго онъ числитъ при мнѣ. № 15, отъ Бѣлозерскаго полку о причисленіи поповичей въ полкъ безъ позволенія моего, котораго, кажется, онъ могъ и ожидать; какъ ты думаешь? № 16, изъ Нарвы отъ Тизенгаузена, ротное глупое росписаніе. № 17. Списокъ по старшинству офицеровъ по формѣ. № 18, его же рапортъ. № 19, отъ Военной Коллегіи о лѣкарѣ Набокова полка. Спрашиваю твоего совѣта. № 20, отъ Буксгевдена объ обозѣ его полку. Что ты объ ономъ думаешь? № 21, отъ Салтыкова, о полотнѣ фламскомъ. № 22. Указъ о спискахъ. Я думаю, что сіе излишнее и посылать, потому что я подаю мѣсячный рапортъ, и такъ я могу и списки вмѣстѣ подавать; какъ ты думаешь? По счастію, мы рано пріѣхали на ночлегъ, и я все успѣлъ кончить. Прочія бумаги я самъ разрѣшилъ, которыхъ было, конечно, вдвое столько же, если не болѣе. Прости мнѣ, другъ мой, что я тебя безпокою; но я молодъ, и мнѣ нужны весьма еще совѣты: итакъ, я надѣюсь, что ты ими меня не оставишь. Прощай, другъ мой, не забудь меня и будь здоровъ.

Александръ.

12.

[Сентябрь 1796 г.]

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! При семъ сообщаю рѣшеныя три дѣла, мѣсячный рапортъ и списокъ офицеровъ отъ Вадковскаго; рапортъ отъ ген.-отъ-инф. Каховскаго о генеральскомъ адъютантѣ, желающемъ служить въ Бѣлозерскомъ полку; отъ Свистунова изъ Военной Коллегіи сообщенія, касательно до ружей Павловскаго гренадерскаго полка, и требованіе изъ Вязьмитинова полка сторожа въ Академію. Отъ Архарова три рапорта о полученіи моихъ ордеровъ и печатныя копіи изъ Военной Коллегіи двухъ указовъ.

Впрочемъ, другъ мой, у насъ все благополучно. Сегодня только у насъ невеселое получили извѣстіе, что свадьба *) съ Шведскимъ Королемъ совсѣмъ разорвалась. Я, по счастію, не выду сегодня; насморкъ все меня мучитъ. Каковъ-то ты въ своемъ здоровьѣ и скоро ли будешь къ намъ. Я въ отмѣнномъ нетерпѣніи тебя видѣть. Твой искренній Александръ.

*) [illegible] Княжны Александры Павловны.

13.

Городъ Гатчина, [1797 г.] іюня 1 (?).

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Съ вчерашняго числа я получилъ 3 твоихъ письма, что меня весьма порадовало: первое, отъ 22 мая изъ Ковны, 2-е, отъ 27 мая изъ Вильны и 3-е, того жъ числа, вмѣстѣ съ дѣлами, за обработываніе которыхъ тебя, любезный другъ, чувствительно благодарю. И скажу тебѣ, что мнѣ отмѣнно утѣшно видѣть, что ты меня не забываешь; ибо во мнѣ же тебѣ нечего сумнѣваться: я не перемѣнчивъ.

Я приказалъ снять со всемозможною точностію рисунки со всѣхъ повозокъ и тебѣ пришлю, какъ скоро готовы будутъ.

При семъ препровождаю къ тебѣ бумаги отъ Мелисины, которыя Государь мнѣ приказалъ къ тебѣ отослать, чтобы ты, по мнѣнію своему, отвѣты учинилъ. Я радъ очень видѣть, что не я одинъ прибѣгаю къ твоему мнѣнію.

У насъ новаго, что Архаровъ въ немилости, и запрещено ему къ Государю прямо адресоваться, а приказано все черезъ меня иттить, что мнѣ навалило много работы, но, благодаря Бога, понемногу справляюсь; что уже будетъ очень мудрено, то спрошусь твоего совѣта, любезный другъ.

Жаль мнѣ очень, что Екатеринославской полкъ тебѣ много хлопотъ надѣлалъ. За твое же стараніе искренно благодарю и прошу тебя, что если тебѣ какая нужда будетъ, то пиши всегда ко мнѣ; я съ радостію буду ее исправлять. Прощай, другъ мой! Будь здоровъ. Шикададъ вскорѣ къ тебѣ пришлю, а если успѣю, то и сегодня. Александръ.

14.

Петергофъ, 6 іюля 1797 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Нѣсколько разъ сбирался тебя поблагодарить за послѣднее письмо твое, но всегда какая-нибудь помѣха отвлекала меня отъ сего для меня пріятнаго упражненія. Наконецъ, рѣшился ночь на оное употребить, и теперь, во второмъ часу ночи, къ тебѣ пишу. Завтре, другъ мой, ѣдемъ на море. Желаю искренно, чтобы противный вѣтеръ принудилъ насъ скорѣе назадъ возвратиться.

Отвѣтъ твой и письмо на артиллерійскія бумаги очень полюбились Государю, и съ оныхъ посланы повелѣнія къ Мелисинѣ. Я ему отдалъ долгой отвѣтъ, я короткаго не показывалъ. Ты мнѣ крайне недостаешь, другъ мой, и я жду съ большимъ нетерпѣніемъ той минуты, когда мы увидимся. Прощай, другъ мой! При семъ посылаю егерскаго волторниста, котораго ты просилъ. Александръ.

15.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ. Съ отмѣннымъ нетерпѣніемъ жду той минуты, въ которую съ тобой увижусь.

16.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Письмо твое получилъ, за которое чувствительно и благодарю. Касательно до полковаго караула, я напишу повелѣніе Голицыну о учрежденіи караула. Оный сдѣлай по твоему разсмотрѣнію. Прощай, другъ мой! Будь здоровъ. Александръ.

17.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Государь мнѣ приказалъ дать знать Карпову, что онъ давеча замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ офицеровъ темляки золотые съ чернымъ; то чтобы они носили настоящіе темляки, если они имѣютъ офицерскіе чины, а ежели не имѣетъ кто офицерскаго чина, то бы не носилъ темляка. Пожалуй, пошли объ этомъ ему дать знать.

18.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я такъ давно къ тебѣ писемъ не писалъ, что не хочу пропустить сего случая, что за болѣзнью задержанъ дома.

У насъ чудеса дѣлаются. Тревога за тревогой; вчерашняя имѣла дурныя послѣдствія: два офицера Преображенскіе были разжалованы въ солдаты; но послѣ, слава Богу, опять прощены.

Государь мнѣ также приказалъ тебѣ сказать, что бы ты изобрѣлъ, что удобнѣе будетъ: присоединить гвардейскій баталіонъ артиллерійскій къ большому ученію всей артиллеріи, или особо Канабиху заставить сдѣлать въ Гатчинѣ для одного онаго баталіона.

Теперь, другъ мой, у меня есть моя просьба до тебя. Пожалуй, пиши ко мнѣ, каковы бываютъ мои разводы и ученья, и въ чемъ ошибки и неисправности состоятъ? Я слышалъ, что Голицынъ не умѣлъ сдѣлать каре. Я объ ономъ уже писалъ Корсакову, чтобы впредь сего не случалось. Отпиши мнѣ о семъ приключеніи и, пожалуй, впредь муштруй ихъ хорошенько въ ученьяхъ, чѣмъ ты крайне обяжешь того, который на весь вѣкъ свой останется твоимъ истиннымъ другомъ, и который желаетъ нетерпѣливо, чтобы ты пріѣхалъ въ Павловское. Александръ.

19.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Чувствительно тебя благодарю за письма, а особливо за твою довѣренность, которая для меня весьма лестна; а надѣюсь, что ты увѣренъ въ полной моей къ тебѣ. Я божусь, что это наговорилъ каналія Вадковской, которому я подобнаго не видывалъ.

Одно мнѣ непріятно было въ письмѣ твоемъ, это то, что ты боишься наскучить мнѣ своими письмами. Ты, я думаю, довольно долженъ быть увѣренъ, сколько они мнѣ пріятны. Итакъ, я всегда тебѣ буду благодаренъ, когда въ свободный часъ ты мнѣ что-нибудь напишешь.

Еще я могу тебѣ попреку сдѣлать въ томъ, что ты не отвѣчалъ на мой вопросъ, касательно до ошибки въ строеніи каре. Я признаюсь тебѣ, что похвала, которую ты дѣлаешь о моемъ полку, походитъ немного на критику. Итакъ, по дружбѣ, прошу тебя, объясни мнѣ подробнѣе о недостаткахъ и неисправностяхъ.

Завтре у насъ маневръ. Богъ знаетъ, какъ пойдетъ? Я сумнѣваюсь, чтобы хорошо было. Я хромой. Въ проклятой фальшивой тревогѣ помялъ опять ту ногу, которая была уже помята въ Москвѣ, и только что могу на лошади сидѣть, а ходить способу нѣтъ; и такъ я съ постели на лошадь, а съ лошади на постелю. Ты говоришь, другъ мой, что отъ меня зависитъ пріѣздъ твой въ Павловское. Если такъ, такъ пріѣзжай неотмѣнно какъ можно скорѣе. Пребываю навѣкъ тебѣ вѣрнымъ другомъ. Александръ.

20.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Пожалуй, сдѣлай мнѣ одолженіе и отошли содержавшагося Семеновскаго гренадера Стрелябина въ полковой онаго полку караулъ, чтобы тамъ его содержать и объ немъ не рапортовать, потому что онъ оставленъ только для одной справки, а другова мушкатера Луку Леонтіева прикажи не прежде надъ нимъ экзекуцію дѣлать, какъ въ субботу, а содержать его подъ именемъ рядового генералъ-маіора Колюбакина полку, въ который я его опредѣлилъ. Пребываю навѣкъ твой искренній другъ Александръ.

21.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Съ крайнимъ сокрушеніемъ долженъ тебѣ сказать, что Государь приказалъ тебѣ принять полкъ отъ Голицына, котораго отпустилъ въ отставку. Я говорю *съ сожалѣніемъ* потому, что ты мнѣ говорилъ, что ты этого боишься. Впрочемъ, для полка это отмѣнно хорошо, и я предвижу, что онъ перещеголяетъ всѣ наши.

Теперь я долженъ твое желаніе исполнить и сказать тебѣ, что меня очень хорошо сегодня приняли и ничего о прошедшемъ не упоминали. Еще вчерась мнѣ милостивые отзывы были, чрезъ мою жену, такъ, какъ

напримѣръ: *чтобы я не сердился на него,* и тому подобные. Впрочемъ, сіе не перемѣняетъ моего желанія иттить въ отставку, но, по несчастію, мудрено, чтобы оно сбылось.

Отпиши мнѣ, каково учился мой баталіонъ, да, пожалуй, не шутя, а скажи сущую правду, безъ обиняковъ: это одна благодарность, которую я требую за пару штановъ, которую я подарилъ на твой баталіонъ.

Прощай, другъ мой! Будь здоровъ и не забудь меня.

Твой вѣрный другъ Александръ.

22.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я нѣсколько разъ собирался тебѣ писать, но всегда отвлеченъ былъ какой-нибудь помѣхой. Наконецъ, сегодня нашелъ случай.

Вчерашняго числа Государь мнѣ отдалъ присланный отъ тебя счетъ, объ обмундированіи полка и приказалъ, чтобы я съ тобой описался, чтобы шить мундиры своими солдатами, что и убавитъ счетъ.

Я нашелъ, впрочемъ, цѣны отмѣнно дешевы, о чемъ и донесъ Государю. Въ осторожность тебя предувѣдомляю, что однѣ пуговицы дороги, и что мнѣ за 14 копѣекъ портище дѣлаютъ. Ты отъ меня спроси у Путилова, онъ тебѣ скажетъ, кто мнѣ ихъ дѣлаетъ.

Я приказалъ Апрѣлеву вчерась тебѣ отписать, чтобы ты погодилъ дѣлать басонъ на нашивки и кисточки, потому что Государь заказалъ другого фасона для образца. На музыкантовъ, однакоже, можно дѣлать.

Для уплаты за пуговицы уговорись съ купцомъ, чтобы онъ взялъ старыя, которыя гораздо больше.

У насъ, впрочемъ, довольно смирно идетъ. Я жду съ нетерпѣніемъ возвращенія въ городъ; тамъ чаще, другъ мой, будемъ вмѣстѣ. Прощай, будь здоровъ.

Твой вѣрный другъ Александръ.

23.

Августа 12.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Генералъ-маіоръ Талызинъ *) просилъ меня его рекомендовать тебѣ, что я и дѣлаю съ отмѣнною охотою, потому что онъ человѣкъ отмѣнно хорошій и офицеръ рѣдкой исправности. Я прошу тебя, прійми его хорошенько и снабжай его нужными совѣтами, которые, я увѣренъ, онъ потщится исполнить съ обычайною его ревностію, чѣмъ ты отмѣнно меня одолжишь.

Пребываю навѣкъ твой искренній Александръ.

*) Петръ Александровичъ (1767—1801), командиръ Преображенскаго полка.

24.

Алексѣй Андреевичъ! Государю угодно, по моему докладу, чтобы выранжированныя лошади Кавалергардскаго полку были приняты въ Преображенской полкъ и употреблены, которыя годятся, во вьючныя, а другія въ подъемныя, о чемъ ужс отъ меня и писано къ Дотишану *).

Вчерашняго числа ушелъ человѣкъ изъ Его Величества роты. Чертковъ ко мнѣ приходилъ и спрашивалъ, что ему дѣлать? Такъ какъ сегодня ученье, то я боялся, если онъ доложитъ, чтобъ Государь не разсердился, и тѣмъ бы испортило ученье. Я ему говорилъ, чтобы онъ не докладывалъ; а тебя объ ономъ нарочно увѣдомляю для того, чтобы ты, если хочешь, можешь показать его въ дневномъ большомъ рапортѣ не ночующимъ изъ тѣхъ людей, которые остались въ Петербургѣ въ околодкѣ больными, или совсѣмъ объ немъ ничего не сказывать.

Прощай, другъ мой! Будь здоровъ. Твой вѣрный другъ

Александръ.

25.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Искренно сожалѣю, что ты нездоровъ, а особливо, что кровью харкалъ. Ради Бога, побереги себя, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для меня. Мнѣ отмѣнно пріятно видѣть твои расположенія ко мнѣ. Я думаю, что ты не сумнѣваешься въ моемъ и знаешь, сколь я тебя люблю чистосердечно.

Александръ.

26.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Государь приказалъ, чтобы попрежнему ходило во внутренній караулъ два Конной гвардіи офицера, съ тѣмъ различіемъ, чтобы одинъ, съ половиною людей, становился на старомъ мѣстѣ, а другой, съ другой половиной, на мѣстѣ Кавалергардовъ, и посты бы между ними раздѣлить, включая и Кавалергардскій постъ.

Гренадерамъ стать на прежнемъ мѣстѣ, возлѣ Большой Церкви, гдѣ зимой стояли; унтеръ-офицерскій постъ передъ этой комнатой, что все и учредить завтре къ пріѣзду. Встрѣчи никакой не надобно, гусаровъ поставить попрежнему же возлѣ параднаго крыльца.

Фронтъ Конной гвардіи, которая будетъ стоять въ Кавалергардской, надобно поставить *спиною къ новой стѣнѣ,* между двухъ дверей, *лицомъ* къ той дирекціи, на которой они прежде стояли. Фронтъ же тѣхъ, которые возлѣ Императрицы, поставить, гдѣ самъ лучше изобрѣтешь.

*) Маркизъ д'Отишанъ (1738—1831), командиръ Кавалергардскаго полка.

Прощай, другъ мой! Будь здоровъ. Я съ нетерпѣніемъ жду тебя увидѣть и радуюсь отмѣнно, что по старому часто вмѣстѣ будемъ.

Твой вѣрный другъ Александръ.

27.

Валдай, 7 мая 1798 г.

Любезный другъ Алексѣй Андреевичъ! Подъѣзжая къ Вышнему Волочку, душевно бы желалъ тебя увидѣть и сказать тебѣ изустно, что я такой же тебѣ вѣрный другъ, какъ и прежде. Признаюсь, однакоже, что я виноватъ передъ тобою и что давно къ тебѣ не писалъ; но, *ей Богу,* отъ того произошло, что я не имѣлъ минуты для себя времени, и я надѣюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы могъ усумниться на минуту обо мнѣ. Если же ты сіе сдѣлалъ, то, по чести, согрѣшилъ и крайне меня обидѣлъ, но я надѣюсь, что сего не было. Прощай, другъ мой! Не забудь меня и пиши ко мнѣ, чѣмъ ты меня крайне одолжишь. Также поболѣе смотри за своимъ здоровьемъ, которое, я надѣюсь, поправится, по крайней мѣрѣ, желаю онаго отъ всего сердца и остаюсь навѣкъ твой вѣрный другъ Александръ.

28.

[Май 1799 г.]

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Богъ мнѣ даровалъ дочь и очень счастливо *).

29.

Петергофъ, 29 іюля 1798 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я имѣю порученіе отъ Государя тебѣ написать, что онъ имѣетъ нужду до тебя, и чтобы ты пріѣхалъ къ нему. Я отмѣнно радуюсь сему случаю, который мнѣ причинитъ веселіе тебя видѣть, чего уже я давно желаю. Исполнивъ волю Государя, не остается мнѣ другого, какъ пожелать тебѣ отъ искренняго сердца здоровья и хорошаго пути.

Прощай, другъ мой! Твой вѣрный другъ Александръ.

---

*) Великая княжна Марія, р. 18 мая 1799 г., † 27 іюля 1800 г.

30.

Гатчино, 31 августа 1799 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Искренно тебя благодарю за письмо твое и за поздравленіе, и если что одно меня могло обезпокоить, то, конечно, сумнѣніе, которое ты имѣешь обо мнѣ, и котораго я никогда не заслуживалъ моею привязанностію къ тебѣ. Жаль мнѣ, что давно тебя не видалъ, но, зная причины, нахожу весьма нужно имъ повиноваться.

Прощай, другъ мой! Пребываю навсегда къ тебѣ искренній

Александръ.

31.

Гатчино, 15 октября 1799 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я не хотѣлъ прежде тебѣ отвѣчать, нежели исполню желаніе твое. Вчерась я говорилъ Васильеву объ лѣкарѣ, и онъ согласился его опредѣлить попрежнему въ Ораніенбаумъ, а такъ какъ у меня тамъ уже есть одинъ, такъ онъ и будетъ оставаться въ твоемъ расположеніи, и ты можешь его везти, куда хочешь.

Я надѣюсь, другъ мой, что мнѣ нужды нѣтъ тебѣ при семъ несчастномъ случаѣ возобновлять увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ; ты имѣлъ довольно опытовъ объ ней, и я увѣренъ, что ты объ ней и не сумнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится.

Я справлялся вездѣ о помянутомъ твоемъ ложномъ донесеніи; но никто объ немъ ничего не знаетъ, и никакой бумаги такого рода ни отъ кого совсѣмъ въ Государеву Канцелярію и не входило; а Государь, призвавши Ливена, продиктовалъ ему самъ тѣ слова, которыя стоятъ въ приказѣ. Если что-нибудь было, то съ побочной стороны. Но я вижу по всему дѣлу, что Государь воображалъ, что покража въ арсеналѣ была сдѣлана по иностраннымъ наученіямъ. И такъ какъ уже воры сысканы, какъ уже я думаю тебѣ и извѣстно, то онъ ужасно удивился, что обманулся въ своихъ догадкахъ. Онъ за мною тотчасъ прислалъ и заставилъ пересказать, какъ покража сдѣлалась; послѣ чего сказалъ мнѣ: *я былъ все увѣренъ, что это по иностраннымъ проискамъ.* Я ему на это отвѣчалъ, что иностраннымъ мало пользы будетъ въ пяти старыхъ штандартахъ; тѣмъ и кончилось. Про тебя же ни слова мнѣ не говорилъ, и видно, что ему сильныя внушенія на тебя сдѣланы, потому что я два раза просилъ за Апрѣлева, который и дѣла совсѣмъ съ тѣмъ не имѣлъ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться, не по чему иному, кажется, какъ потому, что Апрѣлевъ отъ тебя шелъ.

Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ, не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается.

Александръ.

32.

12 декабря 1799 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Чувствительно благодарю тебя за твое письмо и за поздравленіе меня съ рожденіемъ. Твоя дружба всегда для меня будетъ весьма пріятна, и повѣрь, что моя не престанетъ навѣкъ. Я самъ боленъ. Когда же тебѣ получше будетъ, то пріѣзжай ко мнѣ; мнѣ крайняя нужда съ тобою видѣться и переговорить о довольно значущихъ вещахъ, касающихся до тебя.

Б) Рескрипты, писанные по восшествіи Его Величества на Всероссійскій престолъ.

1.

10 мая 1802 г.

Съ великою радостію исполняю я желаніе твое, Алексѣй Андреевичъ, и завтре же дамъ по оному нужныя повелѣнія, желая искренно, чтобы сіе помогло къ поправленію твоего здоровья. Александръ.

2.

26 апрѣля 1803 г.

Алексѣй Андреевичъ! Имѣя нужду видѣться съ вами, прошу васъ пріѣхать въ Петербургъ.

3.

Сейчасъ получилъ письмо твое, Алексѣй Андреевичъ, и сей же часъ далъ предписаніе министру выгнать Космачева изъ Департамента, не объясняя другой причины, кромѣ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ.

4.

Обстоятельства таковы, что полезнѣе будетъ, если ты, Алексѣй Андреевичъ, перемѣнишь планъ поѣздки своей и, вмѣсто Казани, осмотришь по границѣ тѣ изъ своихъ полковъ, которые назначены въ маршъ.

5.

Въ С.-Петербургѣ, 8 іюня 1805 г.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ Графъ Аракчеевъ!

Осмотрѣвъ Санктпетербургскій Арсеналъ, съ совершеннымъ удовольствіемъ видѣлъ я успѣхи въ приведеніи онаго, ревностнымъ и дѣятельнымъ попеченіемъ вашимъ, во всѣхъ отношеніяхъ до желаемаго устройства и улучшенія. Таковое всегдашними опытами доказываемое усердіе ваше къ службѣ поставляетъ меня въ пріятную обязанность изъявить вамъ симъ особенное мое благоволеніе.

Пребываю вамъ благосклоннымъ. Александръ.

6.

Въ С.-Петербургѣ, марта 8 дня 1806 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Новый доводъ неутомимыхъ трудовъ вашихъ о приведеніи ввѣренной вамъ части въ желаемое усовершенствованіе нахожу я въ сочиненныхъ подъ вашимъ руководствомъ чертежахъ полковымъ и батарейнымъ артиллерійскимъ орудіямъ, съ ихъ принадлежностью, а въ описаніи, къ тому присовокупленномъ, весьма нужныя ясности на пользу служащихъ въ артиллеріи и самой службы; а потому не упускаю и сего случая, съ новымъ же удовольствіемъ, изъявить вамъ за оное особенную признательность мою и благоволеніе,

пребывая всегда благосклоннымъ. Александръ.

Контрасигнировалъ: Министръ Военныхъ Сухопутныхъ силъ Вязьмитиновъ.

7.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 8 дня 1807 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ я сегодня при посѣщеніи здѣшняго арсенала изготовленную вновь полевую и осадную артиллерію, со всѣми къ ней принадлежностями, распоряженія работъ, занятіе мастеровыхъ, подручность каждому въ способахъ и достойный всякаго уваженія порядокъ. Все сіе и получаемыя отъ главнокомандующаго дѣйствующими арміями донесенія объ исправности находящейся при оныхъ артиллеріи обязываютъ меня отдать усердію вашему на пользу службы совершенную справедливость и симъ засвидѣтельствовать достойно пріобрѣтаемую признательность пребывающаго къ вамъ благосклоннымъ. Александръ.

Контрасигнировалъ: Министръ Военныхъ Сухопутныхъ силъ Вязьмитиновъ.

8.

Въ Таурогенѣ, 28 іюня 1807 г.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ Графъ Аракчеевъ!

Доведеніе до превосходнаго состоянія артиллеріи и успѣшное дѣйствіе оной въ продолженіе сей войны, также исправное снабженіе оной всѣмъ нужнымъ, обязываетъ меня сдѣлать достойное воздаяніе заслугамъ вашимъ; почему приказомъ моимъ, вчерашняго дня, произведены вы въ генералы-отъ-артиллеріи. Пріймите сіе знакомъ моей признательности и особеннаго моего благоволенія, съ коими пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

9.

Близъ Митавы, въ Доблене, іюля 1 дня 1807 г.

Господинъ Генералъ-отъ-Артиллеріи Графъ Аракчеевъ!

Со вступленія вашего въ службу сдѣланныя вами распоряженія по Артиллерійскому Департаменту, при нынѣшней кампаніи, исправнымъ дѣйствіемъ артиллеріи и достаточными во всѣхъ частяхъ онаго Департамента запасами, оправдали мою къ вамъ довѣренность, а симъ самымъ уже вы и получаете собственное ваше и мое удовольствіе. По случаю же нынѣшняго новаго распоряженія арміи, препоручаю вамъ по Артиллерійскому Департаменту исполнить слѣдующее:

1) Всѣ артиллерійскія бригады составить изъ равнаго количества ротъ, а именно: двухъ батарейныхъ, двухъ легкихъ, одной конной и одной понтонной, включая въ оное положеніе и три резервныя бригады.

2) Число бригадъ долженствуетъ быть по числу двадцати трехъ дивизіевъ, включая въ оное число и Сибирскую, до трехъ резервныхъ, а всего двадцать шесть артиллерійскихъ бригадъ.

3) Укомплектованіе бригадъ въ корпусахъ генералъ-лейтенантовъ: Тучкова 1, князя Горчакова, Докторова и графа Толстова, произвесть въ самихъ лагеряхъ, составя при каждомъ корпусѣ особый артиллерійскій лагерь, имѣя всѣ оные въ собственной вашей командѣ.

4) Сформированіе вновь двадцать второй артиллерійской бригады и недостающаго числа батарейныхъ, конныхъ и понтонныхъ ротъ произвесть вамъ по удобности уже въ квартирахъ, представя непродолжительно о числѣ требуемыхъ рекрутъ.

5) Понтонныя роты, въ каждой бригадѣ нынѣ полагаемыя, должны быть употребляемы, по вашему назначенію, однѣ—къ услугѣ понтоновъ, другія—къ содержанію и услугѣ запасныхъ парковъ, а третьи—къ приготовленію для артиллеріи фейерверкеровъ, гдѣ должны быть заведены и нужныя для онаго артиллерійскія школы.

6) У всѣхъ орудіевъ, батарейныхъ, легкихъ и конныхъ, прибавить по двѣ строевыя артиллерійскія лошади, съ конскою упряжью, и всѣ зарядные ящики имѣть въ три лошади.

7) На семъ положеніи, переправя нынѣшніе артиллерійскихъ ротъ штаты, представить къ моему утвержденію.

8) Во всѣхъ бригадахъ, въ батарейныхъ, легкихъ и конныхъ ротахъ, выключая Сибирской и трехъ резервныхъ, содержать число лошадей по военному времени, впредь до повелѣнія, укомплектуя, однакоже, нынѣ всѣ роты на прежнемъ положеніи, а понтонныя роты оставить на военномъ положеніи только двѣ.

9) Для зависящаго исполненія по Военной Коллегіи, имѣете представить съ онаго моего повелѣнія копію Министру Военныхъ Сухопутныхъ силъ.

Александръ.

В) Рескрипты, писанные въ бытность графа Аракчеева Военнымъ Министромъ *).

1.

Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ! Можно поздравить, особливо если тотъ порядокъ точно таковъ былъ, какъ оный описываетъ графъ Буксгевденъ. Орденъ, который онъ проситъ для Вадковскаго, приготовь, пожалуй, такъ, чтобъ можно завтра и отправить было.

Сей журналъ можно весь тотчасъ напечатать, кромѣ подчеркнутыхъ мною мѣстъ.

Я самъ къ тебѣ завтре пріѣду.

2.

Вотъ все, что онъ прислалъ. Вздору бездна, а дѣла мало. Завтре побывай у меня.

Декларацій, о которыхъ онъ упоминаетъ, уже отправлены третьяго дня.

3.

Уже теперь слишкомъ 4-го четверть, а, повидимому, представленіе у сестры еще не кончилось; мнѣ же надобно обѣдать у матушки и не позже

---

*) Такъ гласитъ оригиналъ. [illegible] помѣщенныхъ ниже на стр. 593 и 594, не помѣченныя датой, несомнѣнно относятся къ 1810 году, а, между прочимъ, №№ 50, 54 и 55.

быть въ Таврическомъ, какъ въ 4 часа: то пріѣзжай, пожалуй, ко мнѣ въ Таврической дворецъ въ 8 часовъ, послѣ обѣда.

Сію записку хотѣлъ я отправить къ тебѣ, какъ мнѣ сказываютъ сейчасъ, что ты самъ пріѣхалъ. Все, мнѣ кажется, намъ поздно начать работать, а послѣ обѣда болѣе гораздо времени будетъ.

4.

Нужно приготовить фельдъегеря для отправленія въ Етинъ къ герцогу Голштинскому, отцу того принца, который находится здѣсь, котораго и прислать сюда прошу въ теченіе же утра.

5.

Мнѣ нужно отправить куріера въ Етинъ къ герцогу Голштинскому, отцу того принца, что ген.-губер. въ Ревелѣ. Пришли мнѣ для сего хорошаго фельдъегеря.

6.

Дежурство нарядить, но съ уменьшеніемъ, по просьбѣ Короля, для убавленія расходу на подарки. Именно быть: Ливену, Клейнмихелю, Гогелю и Горголію.

7.

Вины совсѣмъ нѣтъ; оно было для одного дежурства.

Рапорты отъ Голицына въ слѣдъ за симъ пришлются отъ гр. Румянцова, которому я ихъ послалъ для прочтенія.

8.

Я забылъ вчерась на ученьѣ тебѣ сказать, Алексѣй Андреевичъ, что я уѣду въ Царское Село. И для того прошу тебя отложить работу нашу до завтрево.

9.

Австрійскій повѣренный въ дѣлахъ разсказывалъ за столомъ у Французскаго посла, что онъ званъ завтре на артиллерійское ученье. Отпиши мнѣ, какое это ученье, и правда ли, что онъ званъ, или солгалъ?

10.

Надобно будетъ нашъ комитетъ отложить до воскресенья, потому что посолъ Французской имѣетъ дѣло до меня, то послѣ обѣда онъ, конечно, все займетъ. Куракину я уже сказывалъ объ ономъ.

11.

Алексѣй Андреевичъ! Извини меня, что нельзя мнѣ тебя принять сегодня. Посолъ имѣетъ дѣло до меня. Оно насъ займетъ долго, то лучше намъ отложить до другого дня, о которомъ завтре условимся.

12.

Нужно приказать сдѣлать переводъ для графа тотчасъ. Но не менѣе нужно, чтобы онъ былъ сдѣланъ съ толкомъ и знающимъ ремесло военное, въ то же время и испытанной скромности офицеромъ. Кажется, лучшій для сей комиссіи есть ген.-маіоръ Гогель, находящійся при пажахъ. То съѣзди къ нему и, показавъ ему мою записку, скажи ему, чтобы тотчасъ приступилъ къ работѣ. Сего же дня она можетъ быть кончена и отправлена съ фельдъегеремъ къ графу.

13.

23 февраля 1808 г.

Алексѣй Андреевичъ! Письмо твое изъ Фридрихсгама мнѣ весьма пріятно было. Я желаю, чтобы и вездѣ подобное нашелъ.

Пятьдесятъ подводъ Министру внутреннихъ дѣлъ приказано нарядить въ Выборгѣ, о чемъ онъ самъ тебѣ сообщитъ.

Графъ Буксгевденъ просилъ къ нему прислать инженера для осады Свеаборга, а именно Шванебаха. Я было предпочелъ Опермана *); но онъ боленъ и ѣхать не можетъ: то не остается иного, какъ Шванебаха **), нарядить. Онъ въ Финляндіи осматриваетъ свои роты, то и дай ему нужное повелѣніе.

Пребываю навѣкъ къ тебѣ доброжелательнымъ

Александръ.

---

*) Карлъ Ивановичъ [illegible] графъ, р. 17[illegible] [illegible] 1831 г., директоръ Инженернаго Департамента.

**) Христіанъ Ивановичъ [illegible] директоръ Инженернаго Департамента.

14.

Если не было другихъ рапортовъ по военной части отъ Буксгевдена, то никакой нужды нѣтъ пріѣзжать, потому что наше вчерашнее предположеніе весьма кстати приспѣетъ къ Буксгевдену и подкрѣпитъ его въ томъ, чтобы не подаваться на капитуляцію, безъ полученія 3-хъ крѣпостей.

15.

Въ Вильманстрандѣ находятся 12 канонерскихъ лодокъ, совсѣмъ вооруженныхъ. Чичагову нужно на нихъ, по крайней мѣрѣ, по одному хорошему артиллеристу, да въ запасъ человѣкъ 8, итого 20. Если можно, то доставь ему сіе число изъ находящихся ли въ Финляндіи, или отсюда, но хорошихъ, которые бы могли командовать орудіями. Онъ посылаетъ туда курьера, то съ нимъ и можешь свое повелѣніе отправить.

16.

Слава Всевышнему! Кажется, должно весьма довольну быть. А Барклай-де-Толли часъ отъ часу мнѣ болѣе нравится.

Я думалъ баталіоны найтить по отдѣленіямъ; но въ самомъ дѣлѣ лучше, чтобы они были во фронтѣ, то прикажи имъ стоять, какъ большой разводъ; а самъ береги себя, чтобы совсѣмъ выздоровѣть, и не забывай, сколь ты мнѣ нуженъ.

17.

Одна бумага вчерась забыта была къ отправленію къ Прозоровскому; то пришли, пожалуй, ко мнѣ готоваго фельдъегеря, котораго я и отправлю въ догоню за Ставицкимъ.

18.

При семъ прилагаю рапортъ отъ морскаго капитана Роде изъ Вильманстранда. Нужно, кажется, послать на всякій случай копію съ онаго къ Барклаю, хотя онъ уже долженъ все оное знать.

19.

При семъ прилагаю бумагу, полученную мною отъ Кнорринга. Онъ, кажется, мнѣніе свое совсѣмъ перемѣнилъ.

20.

Нужно сохранить сіи извѣстія въ тайнѣ; а курьера отъ Корсакова можно либо отправить сего же вечера, или приказать ему дожидаться повелѣнія въ Гатчинѣ, но отнюдь не въ Петербургѣ.

21.

Тотъ самый Куткинъ, о которомъ писалъ Пестель, пріѣхалъ изъ Тобольска. Прикажи его арестовать. Ужо при нашей работѣ я дальное о немъ приказаніе дамъ.

22.

При семъ прилагаю рапортъ французскаго инж.-полк. Дюпонтона. Прикажи его списать исправно, а оригиналъ возврати ко мнѣ.

23.

Справься, пожалуй, съ прежними примѣрами, что выдавалось генералъ-адъютантамъ при отправленіяхъ въ армію. По онымъ и сдѣлай.

24.

При семъ присылаю копію съ предписанія моего къ Барклаю-де-Толли.

25.

При семъ прилагаю полученныя депеши отъ Прозоровскаго и мой отвѣтъ въ копіи.

26.

Вчерась, когда Кноррингъ былъ у меня, выходя, онъ оставилъ для моего любопытства письмо, которое онъ писалъ къ Тучкову. Я сейчасъ его прочелъ и при семъ прилагаю. Прикажи перевести его. Увидишь, сколь всегдашнее мое мнѣніе — дѣйствовать нашимъ правымъ флангомъ сколь можно сильнѣе, согласно и съ мыслями Кнорринга, которому нельзя отказать въ справедливости, что военное ремесло ему извѣстно. Ужо объ ономъ подробнѣе переговоримъ.

27.

При семъ прилагаю письмо мое къ Шувалову. Прочти его и послѣ, запечатавъ, отправь. Равномѣрно прилагаю здѣсь партикулярное письмо Шувалова къ Толстому, изъ котораго ты яснѣе еще увидишь всѣ обстоятельства. Желаю тебѣ покойной ночи.

28.

Кенигсбергъ, 8 сентября.

При семъ прилагаю письмо Долгорукова, которое болѣе пояснитъ причину его болѣзни и мой на оное отвѣтъ, который, запечатавъ послѣ прочтенія, препроводи, пожалуй, къ нему. Прочія дѣла, всѣ кончивъ, препровождаю обратно. У насъ, слава Богу, все хорошо, и дорога наша была до сихъ поръ весьма счастлива.

29.

Эрфуртъ, 1 октября 1808 г.

При семъ прилагаю Долгорукова письмо. Изъ онаго увидишь, что онъ добрый слуга. Мы, слава Богу, здоровы, и все идетъ по желанію. Завтре выѣзжаю въ обратный путь.

30.

Слава Господу Богу за всѣ его благодѣянія! Искренно тебя поздравляю съ толь пріятнымъ извѣстіемъ. Знамена провести во время парада по обыкновенію, а молебенъ будетъ въ Зимнемъ дворцѣ, какъ бывало всегда.

31.

На возвратномъ пути, городъ Лейпцигъ, октября 5.

Всѣ заключенія и по онымъ предписанія послѣдовавшія нахожу совершенно основательными. Буксгевденъ продолжаетъ все глупости дѣлать. Поступокъ Тучкова противъ Долгорукова подлъ до крайности и доказываетъ завистливую душу.

Мнѣ кажется, полезно бы было, въ награду за одержанныя побѣды, произвести Каменскаго въ генералы-отъ-инфантеріи, равномѣрно и Багратіона, который старѣе его и, кажется, исполнилъ хорошо ему препорученное. Долгорукова произвести въ генералъ-лейтенанты. Такимъ образомъ мы бы подвинули людей, отличающихся отъ прочихъ, и которые принесутъ

несомнѣнную пользу, бывъ начальниками. Тучкова я бы думалъ смѣнить, а весь его корпусъ препоручить Долгорукову, который лучше все исполнитъ. Если въ душѣ своей ты согласенъ съ симъ мнѣніемъ, прикажи тотчасъ отдать въ приказѣ; если же имѣешь какое возраженіе на оное, то погоди моего пріѣзда; я не замедлю долѣе трехъ или четырехъ дней послѣ сего курьера. Впрочемъ, я довольно не могу нахвалиться тобою и имѣю отличнаго въ тебѣ помощника.

32.

Кенигсбергъ, октября 11.

Сужденіе Комитета и предпринятое рѣшеніе нахожу весьма основательными. Буксгевденъ доказываетъ часъ отъ часу болѣе свою неспособность. Я бы желалъ, чтобы Комитету предложено было отъ меня его отозвать, тѣмъ болѣе, что въ своихъ письмахъ къ графу Румянцову онъ безпрестанно изъявляетъ свое желаніе проситься прочь. Мое мнѣніе было бы препоручить команду Сухтелену, который уже на мѣстѣ и коему извѣстны всѣ обстоятельства. Рѣшеніе же Комитета не приводить въ дѣйство до моего пріѣзда.

Кажется, Кронштадтъ, бывъ по позднему времени безопасенъ отъ атаки, полки Виленской, Волынской и Тобольской дѣлаются уже не нужными. Переговоря о семъ съ Морскимъ министромъ, если онъ на оное согласится, то можно имъ тотчасъ дать предписаніе выступить въ Финляндію, что и составитъ резервъ изъ шести баталіоновъ. Я не замедлю за симъ курьеромъ и самъ пріѣхать, выѣзжая отсюда нѣсколько часовъ послѣ его.

33.

Санктпетербургъ, февраля 26, 1809 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Благодарю тебя за письмо твое и за всю откровенность твоихъ изъясненій. Ты знаешь, сколь я на тебя надѣюсь.

При семъ прилагаю полученные мною рапорты отъ главнокомандующаго. Я подчеркнулъ важнѣйшія мѣста и предоставляю тебѣ судить объ истинѣ его показаній.

Нужно удостовѣриться о показуемыхъ невозможностяхъ, что и надѣюсь, что ты и исполнишь, и посему уже взять дальнѣйшую рѣшимость послѣ Аландской экспедиціи.

Насчетъ Шувалова никогда подобныхъ нареканій я не слыхивалъ. Мнѣ кажется, Кноррингъ приписалъ ему пороки покойнаго брата его.

Если бы, паче чаянія, Кноррингъ отказался отъ исполненія своей обязанности, какъ въ концѣ письма онъ объ ономъ упоминаетъ, то не

можетъ ли Сухтеленъ на время его замѣнить, чтобъ не лишиться Багратіона назначеніемъ Барклая-де-Толли. Бывъ на мѣстѣ, ты объ ономъ можешь лучше судить.

Я ѣду отсюда 13 марта, то и предоставляю тебѣ на волю, воротиться ли совсѣмъ въ Петербургъ, или пріѣхать ко мнѣ навстрѣчу въ Борго? Мнѣ необходимо надобно будетъ имѣть тебя съ собою.

Изъ показаній схваченныхъ въ плѣнъ около Умео, кажется, недостатокъ въ припасахъ у шведовъ не столь великъ, какъ описываетъ оный Кноррингъ. Лишь бы удалось намъ схватить ихъ магазейны.

Другая несообразность въ его рапортѣ та, что онъ невозможнымъ находитъ соединенное дѣйствіе Улеаборгскаго корпуса съ Вазовскимъ; въ то же самое время говоритъ, что первый можетъ дойти безъ сопротивленія до самаго Умео; слѣдовательно, уже и нѣтъ невозможности перейти Вазовскому корпусу чрезъ Кваркенъ, хотя бы послѣ и взломало ледъ для того, что, бывъ соединены сіи два корпуса, они довольно будутъ сильны, чтобы держаться на шведской сторонѣ, а, можетъ-быть, и податься впередъ будутъ въ состояніи.

Отпиши мнѣ обо всемъ поподробнѣе. Мнѣ ничуть не скучно читать твои письма.

Тебѣ навѣкъ привязанный искренно Александръ.

Получ. въ Або 2 марта.

34.

Марта 7, 1809 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я тебя не могу довольно благодарить за все твое усердіе и привязанность къ себѣ. Но и моя къ тебѣ нелицемѣрна, и ежедневно болѣе чувствую всю твою цѣну.

Поведеніе Кнорринга безстыдное, и одно твое желаніе, чтобы я не сердился, удерживаетъ меня вымыть ему голову, какъ онаго онъ заслуживаетъ.

Перемѣна въ Швеціи весьма важна для насъ, но не могу воспретить себѣ сомнѣніе: не есть ли сіе военная хитрость удержать наши дѣйствія.

Ты, бывъ ближе на мѣстѣ, можешь лучше объ ономъ судить. Мнѣ непонятно, какъ Кноррингъ, бывъ съ ними въ переговорахъ, не спросилъ у нихъ подробныхъ свѣдѣній о происшествіяхъ Штокгольмскихъ и не отписалъ мнѣ о нихъ подробно, потому что, если они и справедливы, то нужно намъ необходимо знать: съ какимъ мы правительствомъ въ Швеціи входимъ въ переговоры, признано ли оно всенародно, или оно есть дѣйствіе частныхъ партій и по оному можетъ еще разъ перемѣниться.

Я графу Румянцову приказалъ написать Алопеусу, чтобы онъ просилъ у новаго правительства пашпорта, для пріѣзда въ Штокгольмъ,

чтобы лично узнать ихъ намѣренія, а въ то же время и меня извѣстить подробно о всемъ, что тамъ дѣлается.

Покамѣстъ нахожу нужнымъ перемирія не заключать, а продолжать наши дѣйствія.

Я не могу довольно нахвалиться твоею рѣшимостью, и оною ты мнѣ оказалъ настоящую услугу. Богъ да поможетъ намъ и впредь. При семъ прилагаю указъ на твое имя, удовлетворяющій желанію твоему.

Твой вѣрный другъ Александръ.

35.

С.-Петербургъ, марта 7, 1809 г.

Господину Военному Министру и Кавалеру Графу Аракчееву.

Нахожу нужнымъ симъ моимъ указомъ ввѣрить вамъ власть неограниченную во всей Финляндіи и право представлять сей указъ вездѣ, гдѣ польза службы онаго востребуетъ. Александръ.

36.

Понедѣльникъ 8 марта.

Отнюдь не безпокойся, другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я нахожу, что весьма ты хорошо поступилъ, и спѣшу симъ тебя объ ономъ увѣрить.

Только желалъ бы я, чтобы, вмѣсто присылки съ ихъ стороны полномочныхъ на Аландъ, съ нашей стороны бы къ нимъ отправился Алопеусъ въ Стокгольмъ, такъ, какъ я объ ономъ вчера къ тебѣ писалъ. И для того, если еще оное можно, то заставь его написать къ шведскому правительству объ испрошеніи пашпорта, объявляя, что онъ на оное отъ меня повелѣніе получилъ.

Если еще Барклай-де-Толли и Шуваловъ не извѣщены о происшедшемъ, то необходимо нужно ихъ извѣстить, съ такимъ предписаніемъ, чтобы они отнюдь не переставали свои дѣйствія, хотя бы парламентеры къ нимъ и были присланы, до рѣшительнаго повелѣнія отъ тебя о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

Въ случаѣ, что предложенія наши будутъ отброшены, мнѣ мудрено отсюда рѣшить о переходѣ на шведскую сторону. Но вотъ что нужнымъ нахожу тебѣ предписать: 1-е. Стараться узнать, сколь можно достовѣрнѣе, какое число войскъ Шведы могутъ поставить на своемъ берегу для своего защищенія противу насъ, присоединя къ оному и то, что предуспѣетъ ретироваться съ Аланда? 2-е. Узнать, сколь долго ожидать можно, что ледъ простоитъ? По симъ двумъ соображеніямъ ты въ состояніи будешь судить, довольно ли мы сильны, чтобы перейтить, и, въ случаѣ неудачи, будемъ ли имѣть время перейтить черезъ ледъ назадъ?

Прежде Сейма мнѣ никакъ нельзя поспѣть въ Або, потому что онъ открывается 16, а я ѣду отсюда 13. Но я въ Боргѣ не заживусь и 18 или 19 выѣду въ Або. Вся моя надежда на Бога. Прощай, другъ мой. Надѣюсь скоро съ тобою видѣться.

37.

Миръ, слава Всевышнему, заключенъ на мною предложенныхъ основаніяхъ. Чтобы не терять времени, я, отступя отъ порядка, приказалъ адъютанту заѣхать въ крѣпость, съ повелѣніемъ выстрѣлить 101 пушку. При семъ прилагаю то, что, по всей справедливости, тебѣ слѣдуетъ, а чтобы болѣе изъявить мою благодарность за всю твою службу и чтобы пріятнѣе тебѣ было оный носить, прилагаю здѣсь мой собственный, который я носилъ.

Получено 6 сентября 1809 г., съ флигель-адъютантомъ Твороговымъ, въ 12 часу дня. При ономъ приложенъ былъ орденъ св. Андрея, который и находился у графа до 7 часовъ вечера.

38.

30 августа 1808 г.

Въ доказаніе признательности Его Императорскаго Величества къ ревностной службѣ и неусыпной дѣятельности Военнаго Министра гр. Аракчеева повелѣваемъ Ростовскому мушкатерскому полку носить его имя.

Александръ.

39.

7 сентября 1809 г.

Въ воздаяніе ревностной и усердной службы Военнаго Министра гр. Аракчеева войскамъ отдавать слѣдующія ему почести и въ мѣстахъ Высочайшаго пребыванія Его Императорскаго Величества.

Александръ.

40.

Нѣкто здѣсь сдѣлалъ предложеніе, чтобы завтре, послѣ иллюминаціи въ верхнемъ саду, пустить букетъ изъ ракетовъ. Мысль не дурна, но думаю, что мало времени осталось на пріуготовленія. Я не знаю, есть ли у насъ готовые ракеты, швермеры, лустькугели и тому подобные, и сколько оныхъ? Также сколько оныхъ найти можно на вольной продажѣ?

Отпиши мнѣ, находишь ли сіе все возможнымъ? Моя мысль, чтобы, кромѣ букета, ничего другого бы не было, и то не иначе оный дѣлать, какъ когда число ракетъ будетъ довольно значительно. Для указанія же мѣста, гдѣ ставить, офицеру прикажи явиться къ Торсукову, которому я onoe назначилъ.

41.

При семъ препровождаю, Алексѣй Андреевичъ, копіи съ моихъ рескриптовъ. Содержаніе оныхъ покажетъ причину, понудившую меня оные отправить.

42.

Мнѣніе наиблагоразумнѣйшее и которое честь дѣлаетъ разсудку писателя.

43.

Мнѣ вздумалось Кавалергардской полкъ вывесть въ разводъ, и я Уварову уже приказалъ, чтобы полкъ былъ готовъ; но для соблюденія порядка, чтобы ждалъ повелѣнія отъ тебя; то, получа сію записку, пошли своего дежурнаго адъютанта въ Новую Деревню, съ повелѣніемъ полку быть къ разводу.

44.

Пришли мнѣ письмо Имп. Наполеона. Посолъ ко мнѣ будетъ, и мнѣ нужно ему показать.

45.

Благодарю тебя, Алексѣй Андреевичъ, за хорошее извѣстіе. Завтре, поутру, побывай у меня.

46.

Пришли мнѣ обѣ депеши, полученныя вчера отъ Багратіона объ Измаилѣ, также которая съ знаменами прислана, и самъ пріѣзжай ко мнѣ поранѣе въ Зимній дворецъ.

47.

Прикажи списать и оставить у себя копію, а оригиналъ съ пакетомъ, какъ есть, возврати ко мнѣ.

48.

Остальныя я отослалъ къ гр. Румянцову для прочтенія.

49.

Не могу скрыть отъ васъ, Алексѣй Андреевичъ, что удивленіе мое было велико при чтеніи письма вашего.

Чему долженъ приписать я намѣреніе ваше оставить мѣсто, вами занимаемое? Говорить обинякaми было бы здѣсь не у мѣста. Причины, вами изъясняемыя, не могу я принять за настоящія. Если до сихъ поръ вы были полезны въ званіи вашемъ, то при новомъ устройствѣ Совѣта, почему сія полезность можетъ уменьшиться? Сіе никому не будетъ понятно.

Всѣ, читавшіе новое устройство Совѣта, нашли его полезнымъ для блага Имперіи. Вы же, на чье содѣйствіе я болѣе надѣялся, вы, твердившіе мнѣ столь часто, что, кромѣ привязанности вашей къ отечеству, личная любовь ко мнѣ вамъ служитъ побужденіемъ, вы, невзирая на оное, одни, забывъ пользу Имперіи, спѣшите бросить управляемую вами часть, въ такое время, гдѣ совѣсть ваша не можетъ не чувствовать, сколь вы нужны оной, сколь невозможно будетъ васъ замѣнить. Вопросите искренно самого себя, какое побужденіе въ васъ дѣйствуетъ? И если вы будете справедливы на свой счетъ, то вы сіе побужденіе не похвалите.

Но позвольте мнѣ, отложа здѣсь званіе, которое я на себѣ ношу, говорить съ вами, какъ съ человѣкомъ, къ которому я лично привязанъ, которому во всѣхъ случаяхъ я доказалъ сію привязанность. Какое вліяніе произведетъ въ глазахъ публики ваше увольненіе отъ должности въ такую минуту, гдѣ преобразованіе, полезное и пріятное для всѣхъ, введено будетъ въ правительствѣ? Конечно, весьма дурное для васъ самихъ. Устройство Совѣта будетъ напечатано; всякой судить будетъ, что не отъ чего было вамъ оставлять своего мѣста, и заключенія будутъ весьма не выгодны на вашъ счетъ.

Въ такую эпоху, гдѣ я право имѣлъ ожидать отъ всѣхъ благомыслящихъ и привязанныхъ къ своему отечеству жаркаго и ревностнаго содѣйствія, вы одни отъ меня отходите и, предпочитая личное честолюбіе, *мнимо* тронутое, пользѣ Имперіи, настоящимъ уже образомъ повредите своей репутаціи.

Если все вышеписанное, противъ чаянія моего, надъ вами дѣйствія никакого не произведетъ, то по крайней мѣрѣ я въ правѣ требовать отъ

васъ, чтобы до назначенія преемника вашего вы продолжали исполнять обязанность вашу, какъ долгъ честнаго человѣка онаго требуетъ. При первомъ свиданіи вашемъ вы мнѣ рѣшительно объявите, могу ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчеева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо смѣлъ надѣяться, или необходимо мнѣ будетъ заняться выборомъ новаго Военнаго Министра.

50.

[1810 г.]

Меня дома не было вчерась, какъ я получилъ письмо твое. Сегодня же далъ я надлежащее повелѣніе о г. Мертваго Военному Министру, который мнѣ сказалъ, что и до него подобное дошло. По всему я вижу, что онъ большой подлецъ *).

51.

Самъ назначь, сколько надобно, столько и пришлю тотъ же часъ.

52.

По обѣщанію моему увѣдомляю, что Совѣта въ понедѣльникъ не будетъ.

53.

Изъ 23-й.
Екатеринбургской.
Изъ 24-й.
Иркутской драг.
Ширванской.
Томской.
19-й Егерской.
Изъ 19-й.
Нижегородской драг.
Изъ 20-й.
Кавказской.
Севастопольской.

*) Объ отставкѣ генерала [illegible] Мертваго въ мартѣ 1810 г., см. *Записки* его, *Русскій Архивъ* 1867 г., № 8—9, столб. 291—295.

54.

1. О переходѣ чрезъ заливъ.
2. О числѣ на оное нужнаго войска.
3. О поѣздкѣ Военнаго Министра.
4. О моей собственной.
5. О числѣ войскъ въ Кронштадтѣ и на судахъ.
6. О приготовленіи двухъ полковъ къ выступленію.
7. О Дюпонтонѣ.

3.	21.	6.	5.
21. 3 полк.			11.000
17. 6/9 полк.			12.000
2/11 пет.			

55.

Каменный Островъ, 31 іюля [1810 г. ?].

Вслѣдствіе моего обѣщанія, спѣшу тебя извѣстить, Алексѣй Андреевичъ, что сестра пріѣдетъ въ Грузино 13-го августа ночевать *).

56.

16 ноября.

Въ одной копіи сей бумаги вкралась ошибка. Не зная, нѣтъ ли подобной въ твоей, присылаю новый свѣренный экземпляръ.

57.

21 ноября.

Я зналъ, что есть ошибка, но только не въ той бумагѣ, которую я прислалъ прошлый разъ, а въ прилагаемыхъ нынѣ.

*) Великій Князь Николай Михайловичъ, *Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной*, см. письмо № 38, отъ 6 іюня 1810 г. См. также ниже, стр. 637 и 684.

Г) Рескрипты, писанные въ продолженіе войны 1812, 1813 и 1814 годовъ.

1) До отбытія Его Величества въ армію.

1812 годъ.

1.

При семъ посылаю рапорты, поправленные для печати. Также извѣстное письмо отъ Барклая и вчерась въ вечеру полученное отъ Винценгерода, которое можно приказать Чернышеву, или Волконскому, перевести и мнѣ прислать. Я также его приправлю и послѣ пойдетъ въ печать.

У меня недостаетъ главнаго рапорта отъ Барклая о занятіи Смоленска, и потому находящіеся два я еще удержалъ, дабы сообразить съ тѣмъ. Сколько помню, онъ начинается сими словами: Послѣ отправленныхъ моихъ донесеній произошли въ арміяхъ важныя послѣдствія, и прочее.

Получена въ августѣ.

2.

Пришли мнѣ французскій рапортъ Военнаго Министра, который я получилъ въ Гельзинфорсѣ, и въ которомъ онъ пишетъ, что онъ брата отправилъ по извѣстнымъ мнѣ причинамъ, и что армія въ хорошемъ положеніи.

Получена въ августѣ.

3.

Два письма, прочтя и запечатавъ, отправь по почтѣ.

4.

1. Съ Г. Кригсъ-Комиссаромъ:
   a) О Петербургскомъ в.
   b) О Финляндскомъ в.
   c) О Клейнмихел. д.
   d) О Арзамаск. п.
   e) О Муромскихъ Гвар. Кав. Рез.
   f) О Муромск. Кав. Рез.
   g) О Артиллер. Рез.

2. Указъ Его Высочества о эскад.
3. Башуцкому.
4. Куріера къ Главнок.
5. Извѣстить Витгенштейна о Горбунц. Бригады.
6. О отправленіи ружей въ Арзамазъ.
7. Вѣрную перечень находящихся въ Артиллерійскомъ вѣдѣніи ружей.

1. Инструкціи Витгенштейну и Эссену о высадкѣ.
2. О средоточеніи корпуса Лобанова.
3. О рекрутскомъ распредѣленіи.
4. О назначеніи оныхъ въ Финляндію.
5. О награжденіяхъ по корпусу Витгенштейнову.

Переговорить со мною при первомъ свиданіи.

„Дана для памяти къ исполненію въ августѣ“.

5.

Къ канцлеру мое отправленіе готово; можно бы здѣсь справиться о кратчайшей дорогѣ въ Великія Луки. Кажется, на Смоленскъ не для чего ѣхать, а изъ Дорогобужа свернуть на Духовщину и Велижъ, если другой ближней дороги нѣтъ.

Получена въ августѣ.

6.

Прикажи тотчасъ отослать въ печать.

Получена въ августѣ.

7.

Скажи мнѣ по сему дѣлу свое мнѣніе.

8.

Если бы Чернышевъ уже отправленъ былъ къ Чичагову, прикажи фельдъегерю ѣхать за нимъ, онъ можетъ сказать, что имѣетъ депеши къ Волынскому и Подольскому губернаторамъ.

Получена въ 10 часовъ вечера 5 сентября.

9.

Чтобы нѣсколько публику приготовить къ печальнымъ извѣстіямъ, мнѣ кажется, нужно напечатать сегодня же послѣдній рапортъ Кутузова, котораго печатаніе было оставлено, но пошли тотчасъ, чтобы могъ онъ разойтиться въ публикѣ сего же дня.

Получено 7 сентября

10.

Письмо къ генералъ-адъютанту Волконскому я распечаталъ. Оно по службѣ, и нужно все сдѣлать, какъ требуетъ Винценгеродъ; другія два письма, къ женѣ его и отъ Сергѣя Волконскаго къ сестрѣ, я читалъ, и должно отослать. Я еще написалъ письмо Винценгероду, которое при семъ же приложено.

Получено 9 сентября

11.

Прочтя бумаги къ Балашову, пришли назадъ ко мнѣ для доставленія къ матушкѣ.

Получена [illegible] сентября

12.

Сію бумагу, переписанную, привези завтре съ собою, дабы съ куріеромъ, который оную повезетъ, могъ я отправить еще одну бумагу, о которой я намѣренъ съ тобою переговорить.

Получена 16 сентября

13.

При семъ прилагаю нѣкоторыя дополненія къ прежней бумагѣ.

14.

У меня рескриптъ къ Кутузову написанъ въ сходствіе нашего разговора. Но, по внимательному разсмотрѣнію на картѣ, нахожу я, что сіе дѣло, дабы могло быть полезно, требуетъ почтеннѣйшаго *) соображенія, особливо по неравнымъ дистанціямъ, въ коихъ окружныя губерніи лежатъ отъ Москвы; для сего необходимо сей проэктъ обдѣлать внимательнѣе, чего успѣть нельзя сегодня. А потому я полагаю куріера отправить, а съ симъ планомъ пошлемъ другого.

Получена 17 сентября.

*) Въ рукописи поправлено карандашемъ: „точнѣйшаго".

15.

Эссеновъ рапортъ пошли напечатать обыкновеннымъ порядкомъ къ завтрему.

Получена 20 сентября.

16.

Прикажи разослать по надписямъ.

17.

Перваго четверть; я былъ дома безвыходно до сихъ поръ, и потому считаю, что ты уже не будешь до обѣда. Я поѣду прогуливаться и въ 3-мъ часу опять буду дома.

Получена 24 сентября.

18.

Краснымъ означено то, что должно быть выкинуто, если приказъ будетъ безъ присяги. Прикажи сперва сдѣлать по одной письменной копіи и пришли мнѣ съ оригиналомъ.

Получена 28 сентября.

19.

Прикажи переписать снова; я забылъ поправить одно слово, безъ котораго и смыслу не было. Хотя на чистомъ выскоблить, продралъ бумагу.

Получена 29 сентября.

20.

Совсѣмъ у меня никакой бумаги нѣтъ; а я слышалъ, что партикулярное есть письмо.

Получена 30 сентября.

21.

Олонецкой	1.936
С.-Петербургской	700
Новгородской	2.493
	5.129

1. О переформированіи.
2. О времени на посаженіе на суда.
3. О кавалеріи.
4. О соединеніи отрядовъ на Ригскомъ рейдѣ.
5. О старшинствѣ генераловъ.
6. О счетѣ людей.

Въ	Под. г.	6
„	Старой Руси	6
„	Холму	6
„	Торопцѣ	6
„	Бѣломъ	6
„	Вязьмѣ	6
„	Дорогобужѣ	4
„	Рославлѣ	5

Получена [illegible] сентябрѣ.

22.

Я нахожу, что лучше не перемѣнять слово дружинъ, а то скажутъ, что для того перемѣнено, что оно русское.

Списокъ Кутузовъ мнѣ показывалъ, и я аппробовалъ его, онъ взялъ назадъ къ себѣ.

Получена въ сентябрѣ.

23.

Всего короче сказаться больнымъ тебѣ, или сказать, что я тебя звалъ къ себѣ обѣдать, а мой обѣдъ, право, лучше тамошняго.

Получена въ сентябрѣ.

24.

Какъ бумагу мою къ Кутузову считаю нужнымъ показать графу Н. И. Салтыкову, чего сегодня ввечеру нельзя будетъ исполнить, то полагаю, немедля нимало, отправить курієра съ печатными бумагами, а завтре поутру можетъ другой ѣхать съ моимъ рескриптомъ.

Получена [illegible]

25.

Я жалѣю, что ты нездоровъ, и, если только возможно будетъ, прiѣду самъ къ тебѣ.

Получена 9 октября.

26.

Напиши ей, что въ первый разъ сiе замедленiе случилось, но отъ того, что второй день боленъ, въ постелѣ лежишь.

Получена 10 октября.

27.

Пришли мнѣ выписку изъ писемъ Французской армiи, сдѣланную у графа Румянцова, которую я тебѣ доставилъ третьяго дня.

Получена 11 октября.

28.

Прикажи приготовить ящикъ деревянный для Австрiйскихъ штандартовъ такъ, чтобы они могли быть довезены сохранно. Я послѣ обѣда самъ буду къ тебѣ. Не понимаю я, какъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстiй ни отъ Витгенштейна, ни отъ Штенгеля, ни отъ Эссена.

Получена 11 октября.

29.

Можно всѣ сiи рапорты напечатать тотчасъ, каковы они есть.

Получена 12 октября.

30.

Прикажи разсылать, тѣмъ больше, что я знаю, что многiе ждутъ сихъ писемъ.

Получена 12 октября.

31.

Нужно приказать выдать, если можно, то сего же дня еще, полковнику Рапателю подробную карту Россiи до Москвы и обыкновенную карту.

Получена 17 октября.

32.

Бумагу къ Витгенштейну объ укомплектованіи нужно передѣлать, о чемъ я завтре объяснюсь съ тобою, а отправить ее можно съ другимъ куріеромъ. Теперь же поспѣшить отправить къ нему бумаги отъ Чичагова и Кутузова.

Получена 24 октября

33.

Кажется, можно дозволить, о чемъ извѣстить его съ сегодняшнимъ куріеромъ.

Получена 26 октября

34.

Отослать сіи три пакета. А переводъ англійскихъ писемъ доставить по прочтеніи графу Салтыкову.

Получена 26 октября.

35.

Мнѣ пришло на умъ, лучше не посылать сего письма, чтобы не произвесть напраснаго раздору. Необходимо нужно препроводить къ Витгенштейну копію съ послѣдняго рапорта Кутузова, теперь полученнаго.

Вслѣдъ за симъ пришлю я письмо къ Чичагову.

Получена 26 октября.

36.

Я имѣлъ терпѣніе прочесть всѣ сіи бумаги. Много весьма интереснаго, и я желаю, чтобы самъ ихъ прочелъ.

Получена 29 октября.

37.

Я давиче включилъ въ приказъ производство Гарпе, за взятіе Витебска, въ генералъ-маіоры. Но я вижу, что онъ уже генералъ-маіоръ, а не полковникъ, какъ я думалъ.

Получена 31 октября

38.

Полковника Мишо я опредѣлилъ въ флигель-адъютанты къ себѣ.

Получена [illegible] октября.

39.

Прочтя, вороти ко мнѣ всѣ сіи бумаги на имена разныхъ министровъ; я самъ ихъ разошлю, а то на тебя еще въ состояніи будутъ сердиться.

Получена 1 ноября.

40.

Вороти мнѣ письма къ Нессельроду. Хорошо бы мнѣ съ тобою повидаться передъ твоимъ отъѣздомъ завтре. Я въ 7 часовъ и даже въ 7-мъ уже одѣтъ.

Получена 2 ноября.

41.

У меня былъ Финляндскій комитетъ, и для того только теперь могу читать.

Получена 2 ноября.

42.

Сказанное Ковнацкимъ правда, только въ журналѣ не помянуто, что гвардія.

Получена 6 ноября.

43.

Жаль, дешево цѣны положилъ.

Получена 5 ноября.

44.

Сей пакетъ такимъ же образомъ забытъ или выпалъ при дѣланіи большого вчера.

Получена 8 ноября.

45.

При дѣланіи пакета вывалилось сіе письмо.

Получена 8 ноября.

46.

Надобно поскорѣе отправить къ фельдмаршалу куріера съ копіями Витгенштейнова рапорта, а также и Чернышева.

Получена 9 ноября.

47.

Кажется, Всемогущій обратилъ на главу сего изверга всѣ тѣ бѣдствія, которыя онъ намъ готовилъ.

Получена 9 ноября.

48.

Я видѣлъ, что Чернышевъ будетъ огорченъ, если его сдѣлать просто генералъ-маіоромъ, то онъ, кажется, заслуживаетъ, чтобы его произвести прямо въ генералъ-адъютанты, что и исполнить.

Получена 11 ноября.

49.

Прикажи его оставить до завтраго у себя.

Получена 12 ноября.

50.

Пришли мнѣ имена двухъ генераловъ, взятыхъ Кутузовымъ. А завтре привези справку, какіе онъ ордена имѣетъ.

О куріерахъ Шведскихъ надобно дать повелѣніе у шлагбаума, прямо ихъ отправлять къ Левенгельму.

Получена 13 ноября.

51.

Прикажи списать точныя копіи съ писемъ вицъ-короля, даже до подписи. Мнѣ надобно ихъ отослать въ Швецію.

Получена 1[illegible] ноября.

52.

Пошли куріера къ Паулуччи съ симъ апробованнымъ бюллетенемъ, равномѣрно и оригиналомъ, шифрованные, при семъ приложенные рапорты Макдональда. Они ему докажутъ, что его корпусъ не такъ силенъ, и что онъ самъ страшится. Прикажи ему, списавъ копіи, если ему нужно, оригиналы назадъ прислать.

Получена 16 ноября.

53.

Сей рапортъ заслуживаетъ всякое вниманіе.

Получена 18 ноября.

54.

По прочтеніи, доставь отъ меня къ графу Румянцову.

Получена 19 ноября.

55.

Вся ошибка выходитъ отъ того, что письмо, которое я читалъ, къ *Татищевой*, а въ реестрѣ написано *Житисьрерень*, что ничуть не похоже, потому я и подумалъ, что къ какой-нибудь француженкѣ.

Получена 20 ноября.

56.

Сейчасъ матушка мнѣ сказывала, что она писемъ никакихъ не имѣетъ отъ брата. Я не понимаю, отчего Лагода такъ долго держитъ давишнее письмо.

Получена 20 ноября.

57.

Помнится мнѣ, что во вчерашнемъ рапортѣ Витгенштейна, говоря о своей побѣдѣ, называетъ онъ ее *неслыханною*. То, если оно такъ, и еще есть время сіе слово выкинуть изъ печатныхъ листковъ, то прикажи оное исполнить.

Получена 21 ноября.

58.

Письмо Чичагова прикажи перевести, а потомъ мы выкинемъ, что не нужно.

Получена 22 ноября.

59.

Канцлеръ думаетъ, что прилично бы было завтрешній молебенъ пропѣть и за сію побѣду, то-есть, лучше сказать, прочесть и Ртищеву реляцію за Витгенштейновой. Прикажи изъ нея сдѣлать выписку и ко мнѣ доставь.

Получена 23 ноября.

60.

Прикажи сдѣлать двѣ копіи, одну для прочтенія въ церкви, а другую для отсылки въ печать.

Получена 21 ноября.

61.

Переговори съ нимъ (Пренделемъ) самъ, и, если мнѣ нужно будетъ, увидясь завтре съ тобою, назначу ему время.

Получена 26 ноября.

62.

Отправь тотчасъ фельдъегеря другого съ симъ письмомъ къ Беннигсену.

Получена 2 декабря.

63.

Пришли мнѣ письмо къ Влодекшѣ, которое я тебѣ вчера отдалъ. Оно было въ пакетѣ Несельрода, то мнѣ надобно его ему отдать.

Получена 3 декабря.

64.

Кажется, можно такъ выдать, какъ я поправилъ. Если найдешь какое сдѣлать примѣчаніе, то напиши на бумажкѣ и пришли мнѣ.

Получена 5 декабря.

65.

Для прочтенія въ церкви. Написать всѣ три рапорта на одной бумагѣ.

Получена 6 декабря.

66.

За стужею, для сбереженія людей, можно отмѣнить отвозъ трофей въ Казанскую.

Получена 6 декабря.

2) Во время Высочайшаго Его Величества присутствія въ арміи.

Продолженіе 1812 года.

1.

Сіи три бумаги доставь послѣ къ фельдмаршалу.

Получены въ Вильнѣ 12 декабря.

2.

Душевно тебя благодарю за поздравленіе. Я давно привыкъ считать на твою любовь ко мнѣ; но и моя къ тебѣ давно и непреложно существуетъ. Я искренно сожалѣю о твоемъ нездоровьѣ, и если удастся, то самъ побываю у тебя.

Тогожъ числа.

3.

Поставь число вчерашнее на твоемъ письмѣ къ Вязьмитинову, потому что всѣ мои письма отъ вчерашняго числа.

Тамъ же, 11 декабря.

4.

Можно послать сію копію, не переписывая.

Тогожъ числа.

5.

Прикажи переписать и отправь для печатанія къ Вязьмитинову; фельдъегерь зайдетъ скоро къ тебѣ.

Тогожъ числа.

6.

Съ Багратіономъ были привезены въ Петербургъ и оттуда назадъ доставлены.

Тамъ же, 16 декабря.

7.

Надобно узнать, зачѣмъ Багратіонъ проѣхалъ въ Петербургъ, не исполнивъ даннаго мною повелѣнія, изъ Витебска ко мнѣ поворотить?

Тогожъ числа.

8.

Прикажи переписать и отправь къ Вязьмитинову для напечатанія.

Тамъ же, 19 декабря.

9.

Фельдъегерь Михайловъ, приносившій сіи пакеты, сказывалъ, что Витгенштейнъ разбилъ Макдональда, но въ рапортахъ ни слова о семъ нѣтъ. Не знаешь ли чего объ ономъ?

Тамъ же, 23 декабря.

10.

Нужно тебѣ сіи рапорты показать лично фельдмаршалу, дабы услышать, какъ онъ сіе судитъ?

М. Меречь, 31 декабря.

11.

Препроводи мое письмо къ Беннигсену.

Того жъ числа.

1813 годъ.

12.

Платовъ продержалъ меня до часу, и я признаюсь, что крайне усталъ; то фельдъегеря отправлю завтре, послѣ обѣда, а съ тобою буду работать прежде.

г. Іоганнесбергъ, 11 генваря.

13.

Пришли мнѣ письмо мое къ Витгенштейну.

г. Виленбергъ, 13 генваря.

14.

Сестра Марія Павловна прислала.

Герцогство Варшавское, г. Млава, 20 генваря.

15.

Напиши Вязьмитинову, чтобы ключи отвезти въ Казанскую обыкновенною церемоніею съ двумя эскадронами.

г. Плоцкъ, 31 генваря.

16.

Еще нужно сдѣлать короткое донесеніе отъ фельдмаршала, для прочтенія при молебнѣ, о занятіи Варшавы и Пиллавы, извлеча оное изъ журнала.

Того же числа.

17.

Прикажи сдѣлать переводъ Винценгеродову письму по-русски и пришли мнѣ.

Кладово, 4 февраля.

18.

Пошли съ нарочнымъ фельдъегеремъ къ брату.

Вышково, 6 февраля.

19.

Отошли завтре сіи бумаги поранѣе поутру къ Волконскому.

Кронгола, близъ Конина на Вартѣ, 7 февраля.

20.

Съ 7-и часовъ, до сихъ поръ, я не зажималъ по несчастію рта своего съ этою проклятою политикою. Мочи нѣтъ. Если ничего необходимаго у тебя нѣтъ, то я завтре поутру съ тобою увижусь.

Тамъ же, 9 февраля.

21.

Сегодня разводъ съ двухъ полковъ, Астраханскаго и Фанагорійскаго. По порядку слѣдуетъ ихъ строить въ два баталіона, какъ обыкновенно въ большихъ разводахъ дѣлается. Но, мнѣ кажется, для избѣжанія распросовъ, отчего съ двухъ полковъ, и заключенія по сему о слабости оныхъ,

лучше построить въ одинъ баталіонъ, о чемъ и прикажи коменданту. Если двѣ музыки, то одну отпустить или слить вмѣстѣ.

Г. Калишъ, 17 февраля.

22.

Поздравляю съ Берлиномъ: Чернышевъ его занялъ и Репнинъ уже съ авангардомъ вступилъ въ оный.

Тамъ же, 22 февраля.

23.

Сказать, что отправленъ поутру 10 числа.

Тамъ же, 11 марта, въ 12 часовъ пополудни.

24.

Фельдъегерю показать, что отправленъ былъ съ 12-го на 13-е число.

Тамъ же, 13 марта.

25.

Если у тебя нѣтъ необходимыхъ дѣлъ, то я займусь весь вечеръ политическими бумагами, коихъ мнѣ наслали бездну. Если же есть что, не терпящее время, я готовъ принять.

Тамъ же, 15 марта.

26.

Отошли къ Вязьмитинову для напечатанія и прочтенія при молебнѣ.

Тамъ же, 25 марта.

27.

Отправлять фельдъегеря отсюда способа нѣтъ, потому что съ тѣхъ поръ, что ты вышелъ, я и секунды одинъ не оставался. Разница будетъ въ нѣсколькихъ часахъ только, а я непремѣнно его отправлю сегодня послѣ обѣда.

Тамъ же, 26 марта.

28.

Нужно куріера отправить съ тѣмъ, чтобы проходящихъ войскъ не останавливать, тѣмъ больше, что резервная армія на сихъ мѣстахъ формироваться будетъ, и ее достаточно будетъ для удержанія спокойствія въ семъ краѣ. Въ семъ бы смыслѣ и Корсакова извѣстить.

Важнѣе всего отъ захваченныхъ лицъ добраться до настоящихъ зачинщиковъ.

М. Кроточинъ, 27 марта.

29.

Можно оригиналами послать для избѣжанія переписки. Все переправлено.

Шлезія, м. Трахенбергъ, 1 апрѣля.

30.

Прикажи, пожалуй, переписать. Непонятно, что съ подобными ошибками отъ Министра Юстиціи бумаги присылаются. Оригиналы вороти ко мнѣ.

Дрезденъ, 25 апрѣля.

31.

Сдѣлай мнѣ записку и съ артиллеріею. Также у Лаврова прикажи взять записку о числѣ 5-го корпуса, въ которомъ много прибыло. Да также Барклаевъ корпусъ внеси.

Саксонія, м. Вуржень, 2 мая.

32.

Прикажи переписать одинъ перемаранный только листъ и отправь для напечатанія. Фельдъегерю прикажи сказать, что онъ отправленъ съ 12 на 13 изъ Гольдберга.

Шлезія, г. Яуеръ, 14 мая.

33.

Прикажи куріеру сказать, что былъ отправленъ вчера, въ утро.

Д. Оберъ-Гредицъ, 22 мая.

34.

Сегодня четвергъ, то-есть обѣщанный день для образцовыхъ киверовъ. Не знаешь ли, готовы ли?

Д. Петерсвальдъ, 22 мая.

35.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ 30 поутру, и прикажи выбрать хорошаго, дабы скорѣе ѣхалъ.

Пакетъ на имя жены особо, потому что она живетъ въ Царскомъ Селѣ, и фельдъегеря ѣздятъ прямо въ Павловское, и потомъ въ Петербургъ.

Тамъ же, 31 мая ночью въ 1 часу.

36.

Отослать для напечатанія.

Фельдъегерю приказать сказать, что отправленъ 2 іюня поутру.

Тамъ же, 3 іюня

37.

Прикажи фельдъегерю сказать, что былъ отправленъ вчера, поутру, то-есть 7-го.

Богемія м. Опочна, 8 іюня

38.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ сегодня ночью.

39.

Побывай у меня завтре, послѣ развода, дабы принять по сему предмету нужныя мѣры.

Шлезія д. Петерсвальдъ, 13 іюня

40.

Цѣлое послѣ обѣда занято было у меня: княземъ Чарторискимъ, пріѣхавшимъ изъ Варшавы, потомъ Нессельродомъ, воротившимся изъ Гитчина отъ Австрійскаго императора, потомъ гр. Стадіономъ, продержавшимъ меня слишкомъ часъ, за нимъ Левенгельмомъ, получившимъ

куріера, и наконецъ, пріѣхавшимъ Шведскимъ генераломъ Скіольдебрандомъ, присланнымъ отъ Наслѣднаго Принца. Сей послѣдній сію минуту лишь вышелъ. Я полагаю лучше обоимъ намъ лечь теперь спать, а завтре поутру, тотчасъ послѣ разводу, приняться за работу.

Того жъ числа.

41.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ изъ Петерсвальда 3 числа.

Изъ Шенберга, получена 6 іюля, въ Петерсвальдѣ.

42.

Прикажи переписать и внизу Марченкѣ подписать: съ подлиннымъ вѣрно.

Петерсвальдъ, 7 іюля.

43.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ сегодня, рано поутру. А пріѣхать въ Павловское 22, поутру же.

Пакеты къ графу Румянцову не отправляй до будущаго куріера.

Тамъ же, 12 іюля.

44.

Прочитай, пожалуй, сію печатную бумагу; я время не имѣлъ ее прочесть: сейчасъ только получилъ отъ главнокомандующаго. Если можно, то вороти ее ко мнѣ, дабы дорогой могъ я ей заняться.

Тамъ же, 15 іюля.

45.

Прикажи фельдъегерю сказать, что былъ отправленъ вчера, 16-го, поутру. Пакеты къ канцлеру всѣ отправь.

Тамъ же, 17 іюля.

46.

Пришли мнѣ послѣдній рапортъ дѣйствующей арміи и рапорты Лобанова, сегодня полученные съ артиллеріею.

Тамъ же, 18 іюля.

47.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ изъ Петерсвальда поутру въ понедѣльникъ, 28.

Въ Шлезіи, Блаздорфъ, 29 іюля.

48.

Прикажи перевести скорѣе сіи бумаги такъ, чтобы къ 5 часамъ поспѣли.

Если можно, то на французскій языкъ, если же долѣе, то на русскій.

Прага, 7 августа, въ 4½ часа утра.

49.

Отправь фельдъегеря въ Петербургъ и прикажи сказать ему, что онъ отправленъ сегодня поутру изъ Грушева, гдѣ мы ночевали.

Въ Богеміи, г. Кометау, 9 августа.

50.

Поздравляю съ блистательной побѣдой: 66 пушекъ, начальствующій генералъ Вандамъ и 7 другихъ генераловъ и до 7000 плѣнныхъ.

Куріеру прикажи сказать, что отправленъ въ ночь съ 18 на 19.

Прилагаемый листъ пошли къ Вязьмитинову для напечатанія и прочтенія при молебнѣ.

Теплицъ, 19 августа.

51.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ рано поутру 23 числа.

Тамъ же, 24 августа.

52.

Прикажи переписать для отданія въ приказѣ.

Того жъ числа.

53.

Напиши мнѣ: сколько желаешь для Марченка пансіону? Я по сему и исполню.

Тамъ же, 30 августа.

54.

Въ кавалерійскихъ печатныхъ рапортахъ сдѣлали непростительную ошибку, не назнача графы для лошадей.

Того жь числа

55.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ сего вечера, и пріѣхать ему въ Гатчину или Павловское, гдѣ матушка будетъ, 14-го, рано поутру. А ѣхать ему, кажется, ближе будетъ съ Праги на *Траутенау, Лансгутъ, Бреславль, Калишъ, Торнъ или Плоцкъ,* куда лучше дорога, потомъ на Ригу, что сократитъ путь.

г. Альтенбургъ, 1 сентября, ночью, въ два часа.

56.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ рано сего утра.

Того жь числа.

57.

Фельдъегерю прикажи сказать, что отправленъ сего вечера, а его отправь, когда Волконскій пришлетъ реляцію для напечатанія; въ ней дѣлаютъ малыя поправки.

58.

Собственноручное письмо Ея Императорскаго Высочества Маріи Павловны.

Вѣна, 7/19 сентября 1813 года.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! съ особеннымъ удовольствіемъ получила я письмо ваше отъ 22 августа и благодарю васъ усердно за стараніе ваше, въ разсужденіи Веймарскихъ плѣнныхъ офицеровъ, коимъ слѣдуетъ ожидать до будущаго времени перемѣну судьбы ихъ, гдѣ они находятся: а между тѣмъ, прошу васъ меня увѣдомить впередъ, ежели что воспослѣдуетъ въ пользу ихъ; я, конечно, всегда сочту вниманіе ваше къ ихъ участи доказательствомъ особой услуги, относящейся къ моей особѣ. Примите увѣреніе, что я съ отличнымъ уваженіемъ пребываю Вамъ доброжелательною.

Марія.

Въ Богеміи Теплицъ, 11 сентября

59.

Въ приказахъ сихъ объ Кутузовѣ ничего нѣтъ.
Прежде, нежели ихъ отдавать, переговори со мною объ нихъ.

Тамъ же, 11 сентября.

60.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ 13 рано поутру.

Тамъ же, 14 сентября, въ 2 часа пополудни.

61.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ въ середу, 17, поутру.

Тамъ же, 19 сентября, въ 4 часа утра.

62.

Прикажи переписать Клейнмихелю бумагу, писанную мелкою рукою.

Тамъ же, 20 сентября.

63.

Поздравляю съ побѣдою. Блюхеръ перешелъ Эльбу и разбилъ Бертрана и взялъ 2000 плѣнныхъ и 16 пушекъ.

Г. Кометау, 25 сентября, въ 10 часовъ утра.

64.

Фельдъегерю прикажи сказать, что отправленъ сего вечера. А ѣхать ему прикажи, когда отъ Волконскаго получишь журналъ дѣйствій для напечатанія и ключи Кассельскіе, которые, по привозѣ въ Петербургъ, прикажи представить матушкѣ, а потомъ Вязьмитинову отдать для отвозу обыкновеннымъ порядкомъ въ Казанскую.

При семъ большой ящикъ, который отправь завтре съ особымъ фельдъегеремъ въ Петербургъ къ камердинеру моему. Сему фельдъегерю нечего спѣшить, а можетъ ѣхать, какъ тяжелая почта.

Г. Хейницъ, 29 сентября, въ 2 часа утра.

65.

Фельдъегерю прикажи ѣхать ближнимъ трактомъ, а не черезъ Варшаву.

Г. Лейпцигъ, 7 октября, ночью въ 12 часу.

66.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ вчера, 14 ввечеру. А ѣхать на Гофъ, Прагу и потомъ ближнею дорогою на Гатчино и Петербургъ.

М. Кранишфельдъ, 15 октября.

67.

Герцогиня здѣшняя проситъ выправиться, находятся ли помянутые офицеры въ спискахъ нашихъ о плѣнныхъ?

Г. Мейнингенъ, 18 октября.

68.

Отправленіе куріера къ принцу Шведскому и собственноручная переписка съ нимъ задержали меня до сего часа. Мнѣ кажется, поздно намъ начинать нашу работу, а завтре въ Швейнфуртѣ надѣюсь ее кончить.

Г. Миттерштадтъ, 20 октября, въ 10 часовъ вечера.

69.

Если обозу моему дано повелѣніе дойти только до Амафенбурга *), то пошли ему повелѣніе тотчасъ слѣдовать сюда, въ одинъ переходъ.

Франкфуртъ на Майнѣ, 25 октября, поутру въ 5 часовъ.

70.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ ночью съ 26 на 27 число, а ѣхать прямѣйшею дорогою.

Тамъ же, 27 октября, ночью въ 2 часа.

---

*) Вѣроятно, замокъ [illegible], вблизи вышеупомянутаго Мейнингена.

71.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ сегодня поутру, очень рано.

Тамъ же, 31 октября, ночью въ 12 часу.

72.

Всегда за удовольствіе себѣ поставляю содѣйствовать столь полезнымъ побужденіямъ.

Тамъ же, 5 ноября.

73.

Прикажи фельдъегерю сказать, что былъ отправленъ вчера поутру.

Тамъ же и того же числа.

74.

Прикажи фельдъегерю сказать, что былъ отправленъ въ воскресенье 9, рано поутру.

Тамъ же, 11 ноября, пополудни въ 3 часу.

75.

Разными случаями отправка сего куріера была задержана. Письма еще изъ Карлсру. Прикажи ему сказать, что отправленъ былъ фельдъегерь изъ Карлсру 18 поутру, а 19 изъ Франкфурта. Ѣхать же ему прикажи на Лейпцигъ, Акснъ *(?)*, Берлинъ и Кенигсбергъ, дабы скорѣе пріѣхать. Писемъ, поступившихъ позже 19, не брать и отложить до другого куріера.

Тамъ же, 21 ноября, пополудни въ 8 часовъ.

76.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ въ ночь на 23 число, и поступившихъ писемъ позже 22 не брать. Ѣхать же ему на Лейпцигъ и Берлинъ.

Тамъ же, 26 ноября, пополудни въ 3 часа.

77.

Собственноручное письмо Ея Императорскаго Высочества Маріи Павловны.

Присланное мнѣ вами, Алексѣй Андреевичъ, изображеніе памятника, сооруженнаго въ честь покойнаго родителя моего, мнѣ служитъ весьма драгоцѣннымъ знакомъ вашего ко мнѣ вниманія; я принимаю его съ отмѣннымъ удовольствіемъ и буду его сохранять въ Веймарѣ, гдѣ оно найдетъ свое мѣсто, какъ доказательство вашей преданности къ предмету вѣчнаго нашего почтенія.

Благодарю васъ искренно за оное и пребываю всегда вамъ всеусердною

Марія.

Получено тамъ же 26 ноября.

78.

Прочти со вниманіемъ прилагаемый Манифестъ. По моему мнѣнію, онъ не соотвѣтствуетъ нашей цѣли и слишкомъ длиненъ и высокопаренъ. Когда прійдешь ко мнѣ, принеси назадъ.

Тамъ же, 29 ноября.

79.

Фельдъегерю прикажи сказать, что отправленъ изъ Франкфурта въ четвергъ 27, поутру рано; а ѣхать на Берлинъ.

Письма брать уже сходно съ симъ числомъ.

Г. Дармштадтъ, 1 декабря.

80.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ изъ Дармштадта въ понедѣльникъ, 1 декабря, поутру. Ѣхать на Берлинъ.

Письма брать сходно съ симъ числомъ.

Г. Карлсруэ, 3 декабря

81.

Кажется, теперь хорошъ. Скажи мнѣ, какъ онъ тебѣ нравится? И принеси назадъ.

Тамъ же, 8 декабря.

82.

Я совсѣмъ забылъ, отправлены ли съ прошедшимъ куріеромъ Модлинскіе ключи и знамя, или поѣдутъ съ нынѣшнимъ?

При семъ прилагаю Манифестъ, который ты отправишь по порядку. Я карандашемъ написалъ, какъ помѣтить число и мѣсто.

Тамъ же, 9 декабря, въ 7 часовъ утра.

83.

Ключи Дрезденскіе для помѣщенія въ Казанской церкви съ прочими.

Тамъ же и того жъ числа, въ 7 часовъ утра.

84.

Прикажи Березовскому сказать, что отправленъ 6 числа, а стараться пріѣхать прежде Рождества Христова, дабы молебенъ, вслѣдствіе Манифеста, можно было пропѣть въ сей день.

Тамъ же и того жъ числа, въ 8 часовъ утра.

85.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ 11 поутру, и письма по сему взять.

Великое герцогство Баденское, г. Фрейбургъ, 14 декабря.

86.

Фельдъегерю прикажи сказать, что отправленъ 15, въ понедѣльникъ поутру, и письма уже по сему брать.

Тамъ же, 16 декабря, въ 7 часовъ пополудни.

87.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ 19 числа, въ пятницу поутру, и письма брать по оному.

Тамъ же, 21 декабря, въ 3 часа 15 минутъ пополуночи.

88.

Скажи мнѣ свое мнѣніе о семъ приказѣ. Я велѣлъ напечатать его, дабы напомнить войскамъ, чтобы не думали, что въ правѣ грабить и мстить въ непріятельской землѣ.

Тамъ же, 24 декабря.

1814 годъ.

89.

Отправь съ нарочнымъ фельдъегеремъ къ Королевѣ Баварской, въ Мюнхенъ.

Швейцарія, г. Базель, 2 генваря.

90.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ въ ночь субботы 10 на воскресенье 11 числа.

Фельдъегеря Визгалова отправь. Ему можно отсюда вмѣстѣ ѣхать съ тѣмъ, который поѣдетъ въ Петербургъ, ибо въ лошадяхъ на почтахъ большой недостатокъ.

Франція, г. Лангръ, 13 генваря, пополудни въ 2 часа.

91.

Фельдъегерю прикажи сказать, что отправленъ изъ Лангра въ ночь съ 15 на 16 число.

Г. Шомонъ, 20 генваря, поутру въ 3 часа.

92.

Нужно приказать сказать фельдъегерю, который отправится отъ 30 генваря, что отправленный 26 изъ Баръ-сюръ-Сенъ занемогъ въ дорогѣ, и онъ отобралъ отъ него письма.

Г. Труа, 31 генваря.

93.

Прикажи фельдъегерю сказать, что отправленъ былъ въ среду, 4 февраля, изъ Понъ-сюръ-Сенъ, и письма по сему уже брать.

Бургъ Тренель, 7 февраля, въ 3 часа утра.

94.

Нужно приказать, дабы курiеры изъ Петербурга болѣе уже не ѣздили на Шатилiонъ, Баръ-сюръ-Сенъ и Труа; но съ Лангра на Шомонъ и Баръ-сюръ-Объ.

Г. Труа, 10 февраля.

95.

Отправленiе изъ Шомонъ отъ 21 февраля, въ субботу поутру.

Г. Шомонъ, 25 февраля, поутру въ 2 часа.

96.

Отправленiе отъ 25 февраля въ среду поутру, и прочiя письма по сему брать.

Тамъ же, 28 февраля утромъ.

97.

Отправленiе изъ Баръ-сюръ-Объ, отъ 2 марта, въ понедѣльникъ поутру. Фельдъегерь задержанъ былъ недостаткомъ лошадей. Письма брать сходно сему числу.

Г. Труа, 6 марта, въ 3 часа утра.

98.

При семъ посылаю большой пакетъ, въ которомъ находятся разныя любопытныя бумаги, до военныхъ обстоятельствъ 1812 и 1813 годовъ касающiяся. Ихъ можно препроводить въ Петербургъ, гдѣ въ свободное время нескучно будетъ ими заняться.

Д. Пужи, 10 марта.

99.

Отправленiе изъ Парижа въ понедѣльникъ, 30 марта, поутру; и письма по сему брать. Сей фельдъегерь догналъ предъидущаго отъ 25 числа, за недостаткомъ лошадей, и взялъ оба отправленiя.

Парижъ, 4 апрѣля, въ 5 часовъ утра.

100.

Отправь двухъ фельдъегерей и приказать имъ въѣхать въ Петербургъ часовъ 12 спустя одинъ отъ другого. Первому сказать, что былъ задержанъ недостаткомъ лошадей и болѣзнію.

Тамъ же, 19 апрѣля.

101.

Отправленіе въ среду, 29 апрѣля. Фельдъегерь былъ задержанъ, развозя повелѣнія разнымъ корпусамъ арміи.

Тамъ же, 7 мая.

102.

Отправленіе во вторникъ поутру, 5 мая.

Пріѣхать обоимъ въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ одному отъ другого. Ѣхать же скорѣе.

Тамъ же и того жъ числа.

103.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Удовлетворяя просьбѣ вашей, я увольняю васъ въ отпускъ на все то время, какое нужно вамъ для поправленія здоровья вашего. Пребываю вамъ благосклонный. Александръ.

Парижъ, мая 13 дня 1814 года.

104.

При семъ прилагаю отправленія въ Петербургъ отъ понедѣльника, 18 числа мая. Фельдъегеря выбери поисправнѣе и прикажи скорѣе ѣхать.

Письма брать только по то число; остальныя же можно отправить съ фельдъегеремъ, который поѣдетъ съ братомъ, или особаго на то нарядить.

Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстался съ тобою. Пріими еще разъ всю мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и которыхъ воспоминаніе навѣкъ останется въ душѣ моей. Я скученъ и огорченъ до крайности: я себя вижу послѣ 14-лѣтняго тяжкаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны, лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной, и ничье удаленіе мнѣ столь не тягостно, какъ твое. Навѣкъ тебѣ вѣрный другъ.

St-Leu. 22 мая 1814.

105.

Ротердамъ, 19 іюня/1 іюля 1814 г.

Сдѣлай одолженіе, Алексѣй Андреевичъ, если тебѣ не въ тягость, пріѣзжай въ Колонъ (Kologne) 22 поутру, я тамъ буду часу въ 12-мъ и отобѣдаю. Оно не такъ далеко для тебя, а мнѣ будетъ отмѣнно пріятно съ тобою видѣться. Пребываю навсегда тебѣ искренно привязаннымъ.

Пол. въ г. Ахенѣ (Экс-ла-Шапель) 20 іюня.

Д) Рескрипты, писанные по возвращеніи Его Величества изъ арміи.

1814 годъ.

1.

Царское Село, 26 іюля 1814 г.

При семъ прилагаю бумаги, которыя были препоручены Энгелю отъ гр. Салтыкова, также и отъ Пестеля. Главнѣйшія изъ нихъ мнѣ Энгель прочелъ.

Ты будешь имѣть все удобное время прочесть оныя въ твое пребываніе въ Грузинѣ, и по возвращеніи мнѣ сказать свое мнѣніе. Навѣкъ искренне тебѣ привязанный.

2.

Таврическій дворецъ, 6 августа 1814 г.

Я надѣюсь, что ты будешь доволенъ мною, ибо, кажется, довольно долго я тебя оставилъ наслаждаться любезнымъ твоимъ Грузиномъ. Пора, кажется, намъ за дѣло приниматься, и я жду тебя съ нетерпѣніемъ.

Пребываю навѣкъ тебѣ искреннимъ и преданнымъ другомъ.

Александръ.

3.

7 августа 1814 г.

При семъ прилагаю поданную отъ Министра Финансовъ бумагу, которая, можетъ-быть, пригодится къ той работѣ, что Шишкову поручена.

4.

С.-Петербургъ, 30 августа 1814 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Доказанная многократными опытами въ продолженіе всего времени Царствованія Нашего совершенная преданность и усердіе ваше къ Намъ, трудолюбивое и попечительное исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на васъ государственныхъ должностей, особливо же многополезныя содѣйствія ваши во всѣхъ подвигахъ и дѣлахъ, въ нынѣшнюю знаменитую войну происходившихъ, запечатлѣвая заслуги ваши Намъ и Отечеству, обращаютъ на нихъ въ полной мѣрѣ вниманіе и признательность Нашу, во изъявленіе и засвидѣтельствованіе которыхъ препровождаемъ Мы къ вамъ для возложенія на себя портретъ Нашъ.

Пребывая навсегда къ вамъ благосклонны. Александръ.

5.

1) О росписаніи войскъ.
2) О размѣщеніи по казармамъ гренадерскихъ полковъ.
3) О требованіяхъ изъ комиссаріата для нихъ.
4) Объ Ораніенбаумскихъ инвалидахъ.
5) О Зубовскомъ заведеніи.
6) О дорогахъ.
7) Объ образѣ ихъ поправленія.
8) О перестройкѣ Петергофа.
9) О перестройкѣ Ораніенбаума.
10) Объ откупныхъ дѣлахъ.

Дана для памяти въ августѣ 1814 года, на Каменномъ Острову.

6.

1 сентября 1814 г.

Пришли назадъ ко мнѣ въ Царское Село. Сіе письмо никакой важности не имѣетъ.

7.

2 сентября 1814 г. Изъ Царскаго Села.
(Передъ отъѣздомъ въ Вѣну.)

При семъ прилагаю:

1) Бумагу объ Унгер-Штер-Бергѣ, которую отдать князю Салтыкову.
2) Рапортъ Ольденбургскаго для храненія.
3) Рапортъ отъ Министра Юстиціи, для разсмотрѣнія и извѣщенія меня о твоемъ мнѣніи по оному.

4) Два поданныя представленія отъ бывшихъ здѣсь депутатовъ, для разсмотрѣнія же.

5) Просьбу несчастнаго, для взятія справки.

6) Рескриптъ, заготовленный еще Чарторискимъ Ланскому, который, кажется, можно отправить безъ неудобства.

7) Въ двухъ запискахъ четыре пункта, которые, кажется, также можно привести въ исполненіе.

8) Рапортъ Домбровскаго, для соображенія съ Министромъ Финансовъ и пособія, доколѣ Варшавскіе доходы достаточны будутъ. Рапортъ же послѣ возвратить брату.

9) Письмо ген.-лейтенанта Левиза ген.-маіору Бельгарду съ извѣщеніемъ о милости, но которую и доселѣ онъ не получилъ.

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ. Я проработалъ насквозь всю ночь и ѣду сейчасъ.

Побывай отъ меня у фельдмаршальши граф. Пушкиной *) и узнай отъ нея, какое она дѣлаетъ предложеніе о спасеніи ея отъ разоренія, или найди другое средство отъ нея оное узнать, хотя и не ѣздя самъ.

Не забудь рескрипта кн. Салтыкову, объ извѣщеніи министровъ касательно суммъ, удѣляемыхъ на каждое министерство на будущій годъ.

8.

Пулава, 9 сентября 1814 г.

Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за твои желанія отъ 3-го числа. Ты знаешь, сколь искренно я тебя люблю.

Сейчасъ ѣду далѣе.

Получена въ Грузинѣ 19 сентября.

9.

Вѣна, ноября 16.

Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, что ты былъ жестоко боленъ. Всемогущій Богъ услышалъ молитвы любящихъ тебя, особливо того, котораго довѣренность къ тебѣ и надежда на твое пособіе въ многотрудныхъ его обязанностяхъ есть неограниченна. Побереги себя, ради пользы отечества нашего и ради пребывающаго навѣкъ тебѣ вѣрнымъ другомъ. Александръ.

*) Графиня Прасковія Васильевна Мусина-Пушкина, рожденная княжна Долгорукова, р. 1754 г., † 1826 г. См. Великій Князь Николай Михаиловичъ, *Русскіе Портреты*, СПб., 1905—1909, Т. II, № 190.

1816 годъ.

10.

24 генваря 1814 г. (такъ!)

Въ которомъ часу будетъ ко мнѣ графъ Румянцовъ?

11.

1) О некомплектѣ, съ прибавкою отставки.

2) Оставя основаніе полковъ 2 корпуса, сколько затѣмъ излишнихъ?

3) Въ первомъ корпусѣ и въ 4 корпусѣ, сколько поступившихъ изъ шести Польскихъ губерній?

4) Въ Литовскомъ корпусѣ сколько некомплекту и выслужившихъ къ отставкѣ?

5) Исчисленіе, сколько составитъ убавки отъ 2-го корпуса.

12.

Записка для памяти.

I. По гошпиталю.

1) Классъ перемѣнить.

2) Принимать оружейниковъ.

3) Пріискать домъ помѣстительнѣе.

4) Ген.-криг.-комисс., о постеляхъ и одинаковомъ содержаніи больныхъ во всѣхъ гошпиталяхъ.

5) Копію съ онаго къ Военному Министру.

II. По заводу.

1) Ремонтъ отпускать попрежнему на старыя машины.

2) Число отдѣлываемаго оружія въ годъ убавить.

3) Образцы дурного укладу послать къ Министру Финансовъ, дабы взыскано было съ начальниковъ Сибирскихъ заводовъ.

4) Потребовать вѣдомость о числѣ отпущенныхъ съ 1812 года ружей 8 линейнаго калибра, и въ какіе полки именно?

5) По пріѣздѣ въ Петербургъ заняться выпискою искуснаго ружейнаго заводчика.

6) Устроить новое заводское отдѣленіе, совсѣмъ особое, въ маломъ видѣ, которое бы служило образцомъ для приведенія исподволь всей фабрики въ тотъ же порядокъ.

7) Пріискать надежнаго артиллерійскаго штабъ-офицера, или генерала, для замѣщенія Воронова.

8) Привести въ исполненіе всѣ новыя постановленія касательно до оружейниковъ.

III. Нѣкоторыя общія правила для городовъ.

1) Запрещается улицы громоздить и на нихъ складывать, развѣ при случаѣ постройки дома и то временно.

2) Все находящееся на улицахъ, въ кучахъ или разбросаннымъ, какъ-то: камни, доски, бревна, скамьи, всякій ломъ и прочее, прибрать съ улицъ, дабы оныя чисты были.

3) Улицы планировать, дабы ямъ или бугровъ не было, и до самыхъ домовъ.

4) Неопрятства никакого на улицахъ не терпѣть.

Получена во время вояжа въ Тулѣ,
въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1816 г.

13.

Варшава, 20 сентября 1816 г.

Благодарю тебя искренно, любезный Алексѣй Андреевичъ, за попеченія твои по Смоленской губерніи. Мѣры, предполагаемыя тобою, нахожу весьма основательными и подписалъ всѣ нужныя бумаги для исполненія, кои при семъ препровождаю для разсылки по принадлежности.

Остается еще тебѣ представить мнѣ мысли твои о пособіяхъ, нужныхъ для экономическихъ и удѣльныхъ крестьянъ, о чемъ и буду ожидать твоихъ соображеній; по пріѣздѣ ли моемъ въ Петербургъ, или и прежде, если признаешь сіе нужнымъ.

За чистосердечіе же, съ коимъ объясняешься со мною, нимало не пеняю, а напротивъ искренно благодарю.

Здѣсь, слава Богу, все хорошо, и я весьма доволенъ. Надѣюсь чрезъ 15 дней отправиться обратно въ Петербургъ.

Пребываю навсегда искренно тебя любящимъ. Александръ.

1817 годъ.

14.

20 генваря 1817 г.

Прочти со вниманіемъ сію бумагу. Она, кажется, заслуживаетъ уваженія.

15.

Царское Село, четвертокъ 8 марта.

Пришли, пожалуй, отвѣтъ къ матушкѣ на отчетъ по ея заведеніямъ.

16.

11 марта, въ 10 часовъ вечера.

Прикажи къ завтрему перебѣлить, дабы я могъ поутру подписать. Нужно приступить къ сему дѣлу, далѣе не откладывая.

17.

Была ошибка въ копіи, ибо написали въ заглавіи *Указъ,* чего въ Совѣтъ не пишется. Я поправилъ, выскобля.

18.

Завтра лично я объясню, по какой причинѣ я посылаю сіи бумаги 10 апрѣля.

19.

4 мая, пятница, въ 7 часовъ утра.

Я предлагаю, вмѣсто утра, заняться нашею работою сегодня послѣ обѣда, въ 6 часовъ ровно. Я въ 6-мъ уже буду въ городѣ.

Завтра разводное ученье твоему баталіону.

20.

12 мая.

Пришли ко мнѣ записку Министра Юстиціи по извѣстному дѣлу о женитьбѣ гр. Разумовскаго*) съ графинею Шенкъ-де-Кастель, равномѣрно и копію съ рескрипта моего къ нему по сему дѣлу, писаннаго изъ Москвы.

*) Графъ Григорій Кирилловичъ, † 1759 г. — 1837 г. См. Великій Князь Николай Михайловичъ, *Русскіе Портреты,* СПб., 1905—1909, Т. IV, №№ 217 и 218.

21.

Москва, 25 октября.

Сегодня у меня отмѣнно много дѣла. Пріѣзжай ко мнѣ отобѣдать. Послѣ обѣда будемъ работать до самаго вечера. А утро я уже употребилъ на окончаніе моихъ занятій.

22.

Москва, 3 декабря, въ 12 часовъ ночи.

Не получилъ ли какихъ извѣстій изъ Холынской волости. Мнѣ мудрено, какъ такъ долго нѣтъ развязки.

1818 годъ.

23.

Царское Село, 7 іюля 1818 года.

Третьяго дня ввечеру король Прусскій отъ насъ уѣхалъ, любезный Алексѣй Андреевичъ. Вчерась цѣлый день я занимался дѣлами Иностраннаго Министерства съ гр. Несельродомъ и Каподистріясомъ. Сегодня воскресенье. Завтра ѣду въ городъ, а во вторникъ, послѣ обѣда, буду готовъ тебя принять.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ.

Александръ.

24.

Ахенъ, 23 сентября 1818 года.

При семъ прилагаю, любезный Алексѣй Андреевичъ, бумаги, полученныя мною отъ Козодавлева. Изъ оныхъ видно, что нѣкто Градовскій, содержащійся за доносъ, жалуется на притѣсненія, имъ претерпѣваемыя, и потомъ сообщаетъ какую-то записку по-польски и заключаетъ изъ оной, что существуетъ заговоръ важный.

Мнѣ кажется, нужно его съ фельдъегеремъ привести и разсмотрѣть все дѣло въ томъ Комитетѣ, который учрежденъ на подобные предметы.

У насъ, благодареніе Богу, все идетъ успѣшно и отмѣнно.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ.

Александръ.

25.

Ахенъ, 24 октября 1818 года.

При семъ прилагаю записку Воен. Ген.-Губернатора о случившемся происшествіи въ театрѣ.

Наглость сія мнѣ крайне не нравится. Я нахожу, что слабо было поступлено по сему дѣлу. Перваго виновнаго нахожу я жандармскаго офицера, не пошедшаго на мѣсто, дабы лично видѣть, что происходитъ. Второго—унтеръ-офицера, не умѣвшаго заставить себя слушать и не вытолкнувшаго за плечи того, котораго слѣдовало вывесть, чѣмъ бы, вѣроятно, все происшествіе и кончилось.

Какъ уже довольно времени протекло, то, мнѣ кажется, вновь возобновлять сію исторію не у мѣста. Но я никакъ не намѣренъ попускать впредь подобныя наглости. По сему объяви Воен. Ген.-Губернатору и Министру Полиціи, дабы строго было надсматриваемо за поведеніемъ сихъ трехъ актеровъ, и даже и прочихъ, и при первой дерзости, арестовавъ виновнаго и посадя въ смирительный домъ, уже не иначе изъ онаго выпустить, какъ съ выключкою изъ труппы и съ отсылкою на житье въ Вятскую, Пермскую или Архангельскую губерніи, въ примѣръ другимъ, весьма мало заботясь, что устройство труппы отъ сего потерпитъ. Я предпочитаю имѣть дурной спектакль, нежели хорошій, но составленный изъ наглецовъ. Въ Россіи они терпимы не должны быть. При томъ нахожу нужнымъ, чтобы жандармскій унтеръ-офицеръ разжалованъ былъ въ рядовые за то, что не умѣлъ заставить себя слушать; а офицеръ арестованъ на недѣлю за то, что не пошелъ самъ прекратить безпорядокъ.

26.

Ахенъ, 29 октября 1818 года.

Сія бумага также заслуживаетъ уваженія и должна быть внесена въ Комитетъ. Плачевно, что Комиссіи, учрежденныя для поправленія безпорядковъ, сами впадаютъ въ столь грубыя и тяжкія ошибки.

27.

Ахенъ, 29 октября 1818 года.

Сія бумага, кажется, заслуживаетъ уваженія, и можно ее внести въ Комитетъ.

28.

Вѣна, 4 декабря 1818 года.

Кажется, сію бумагу должно внести въ Комитетъ. Но въ случаѣ малѣйшаго сумнѣнія, дождись моего возвращенія.

1819 годъ.

29.

31 генваря 1819 г.

Если проектъ Указа, который я отдалъ поутру, уже готовъ, то, пожалуй, пришли ко мнѣ: онъ будетъ мнѣ нуженъ ужо̀, въ 7 часовъ.

30.

19 апрѣля 1819 г.

При семъ записка Кампенгаузена по Комбурлееву дѣлу. Нужно мнѣ завтре, послѣ обѣда, въ 6 часовъ работать съ тобою. Привези съ собою и сіи записки и проэктъ Указа по сему дѣлу.

31.

Царское Село, 16 октября 1819 г.

Съ большимъ нетерпѣніемъ желаю я тебя видѣть, любезный Алексѣй Андреевичъ! Почти три мѣсяца мы были разлучены. Но и кромѣ личнаго удовольствія побесѣдовать съ тобою, нужно мнѣ по нѣкоторымъ дѣламъ съ тобою переговорить. Кончина Сергѣя Козмича *) меня весьма опечалила и разстраиваетъ въ моихъ соображеніяхъ.

Сегодня я тебя не позвалъ въ Царское Село, потому что утромъ ѣду въ Гатчину, гдѣ и обѣдаю, а возвращусь не прежде вечера. Но весьма пріятно мнѣ будетъ, если ты пріѣдешь завтре поутру и отобѣдаешь у меня. Надѣюсь, что въ комнатѣ твоей будетъ тепло.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящій. Александръ.

*) Вязьмитиновъ, † 15 октября 1819 г.

32.

4 ноября 1819 г.

Еще нуженъ одинъ Указъ Совѣту, о продолженіи присутствовать въ ономъ ген.-адъютанту Балашову.

(По случаю соединенія Министерствъ Полиціи и Внутреннихъ Дѣлъ.)

33.

Того же числа.

Можно уже всѣ разомъ отослать по принадлежности.

1820 годъ.

34.

9 генваря 1820 г.

Пришли мнѣ, пожалуй, письмо, къ тебѣ писанное Паулучіемъ, дабы могъ я на оное сдѣлать отвѣтъ *).

35.

Съ душевнымъ прискорбіемъ получилъ я твою записку, любезный Алексѣй Андреевичъ! Мнѣ нельзя не согласиться на желаніе твое, ибо оно есть исполненіе священнаго долга къ матери; но надѣюсь еще съ тобою увидѣться завтре.

36.

16 марта 1820 г.

Пришли мнѣ, пожалуй, отвѣтъ для матушки съ копіями прежнихъ также и грамоту на орденъ Вульфу.

37.

Царское Село, 1 апрѣля 1820 г.

Если ты расположился проѣхать чрезъ Царское Село въ субботу, любезный Алексѣй Андреевичъ, то я надѣюсь, что, по условію нашему, ты отобѣдаешь у меня. Но если ты поѣздку свою назначилъ завтре, въ пят-

*) Объ этомъ см. выше, стр. 266 – 267.

ницу, то сдѣлай одолженіе такъ распорядись, чтобы чаю у меня напиться, т.-е. пріѣхать въ Царское Село въ осьмомъ часу послѣ обѣда. Сего же дня, въ четвергъ, если ты уже въ пути, то и обѣдать и къ чаю, все къ твоимъ услугамъ. О причинѣ сей записки предоставляю лично тебѣ объяснить.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ. Александръ.

38.

20 апрѣля 1820 г.

Вчерась, говоря про журналъ Совѣтскій, я забылъ, что завтре именины Александры Өедоровны, и потому братія не будутъ къ чтенію. То журналъ могъ бы остаться не раздѣленнымъ для прочтенія завтре поутру намъ двумъ вмѣстѣ, въ 9 часовъ.

39.

Вторникъ, 8 іюня 1820 г.

Смотръ завтре будетъ послѣ обѣда. Итакъ, ничего не помѣшаетъ нашей утрешней работѣ.

40.

Петергофъ, 25 іюня 1820 г.

Такъ я свое время учредилъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, что я въ Грузино къ обѣду пріѣду, выѣхавъ завтре изъ Петергофа рано поутру, и уже къ графинѣ Строгановой не заѣду. О семъ почелъ я нужнымъ тебя извѣстить, желая, чтобы погода лучше была, нежели здѣсь продолжается уже нѣсколько дней.

Пребываю навсегда тебя искренно любящимъ. Александръ.

41.

Липецкъ, 23 іюля 1820 г.

Съ душевнымъ прискорбіемъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, получилъ я письмо твое и печальное извѣстіе объ отчаянной болѣзни матушки твоей. Я весьма умѣю цѣнить все то, что ты долженъ чувствовать, и грѣшно бы тебѣ было не быть увѣрену въ искреннемъ моемъ участіи въ твоей печали.

Двадцать пять лѣтъ могли тебѣ доказать искреннюю мою привязанность къ тебѣ, и что я не перемѣнчивъ. Душевно я желаю, чтобы Богъ подкрѣпилъ и сохранилъ твое здоровье такъ, чтобы ты могъ долгіе еще годы продолжать Отечеству столь полезную твою службу. Но и послѣ

оной, я надѣюсь, что опытъ тебѣ докажетъ, сколько твои сумнѣнія несправедливы и неосновательны.

Прискорбно мнѣ весьма, что ты не будешь со мною въ сіе путешествіе, и что столь долгое время пройдетъ до нашего свиданія. Побереги свое здоровье, я убѣдительнѣйше объ ономъ прошу.

Поручаю тебя благословенію Всевышняго и пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ. Александръ.

42.

Варшава, 9 сентября 1820 г.

Съ самаго принятія рапортовъ, я занимаюсь отправленіемъ въ С.-Петербургъ и до сихъ поръ еще половины не кончилъ. Посему я полагаю, что намъ удобнѣе будетъ работать тотчасъ послѣ обѣда, ибо у меня сегодня другихъ занятій не много будетъ.

43.

I.	1. Кав. кор.	1 Кир. 1 Улан. Гвар. легк.
II.	2. Кав. кор.	2 Кир. 2 Улан. 2 Гусар.
III.	3. Кав. кор.	3 Кир. 3 Улан. 3 Гусар.
IV.	4. Кав. кор.	1 Драг. 1 Кон.-егер. 4 Драгун.
V.	5. Кав. кор.	2 Драгун. 2 Кон.-егер. 1 Гусар.

44.

Троппау, 14 октября 1820 г.

Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за письмо. Мы, слава Богу, здоровы и соединились въ Троппавѣ. Занятія важныя. Помоги, Боже, устроить къ лучшему. При семъ возвращаю журналъ Комитетскій съ подписанными указами.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ.

45.

Троппау, 25 октября 1820 г.

Написать губернатору, чтобы принялъ въ свой надзоръ и покровительство дочь, оставшуюся послѣ отсылки матери на поселеніе. Отецъ же умеръ.

46.

Троппау, 27 октября 1820 г.

Причина ненагражденія Слободскаго есть прилагаемое при семъ дѣло. Но какъ уже симъ оно окончено, то препоручаю тебѣ, Алексѣй Андреевичъ, ближе удостовѣриться о его состояніи, поведеніи и дѣйствіи по сему дѣлу, и мнѣ, по возвращеніи, представить.

47.

Троппау, 27 октября 1820 г.

Я полагаю нужнымъ дать Розенкампфу способъ продолжать изданіе свода законовъ, и для того предлагаемую покупку отъ него экземпляровъ для присутственныхъ мѣстъ можно дозволить.

48.

Троппау, 2 ноября 1820 г.

Для храненія; а отвѣтъ уже отосланъ.

49.

Троппау, 2 ноября 1820 г.

Отсылая рапорты и партикулярныя письма Чернышева, я забылъ включить при семъ прилагаемыя, которыя нашелъ въ своихъ бумагахъ.

Онѣ слѣдуютъ къ храненію съ прочими.

50.

Троппау, 5 ноября.

Тебѣ должно уже быть извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, несчастное, но въ то же время и постыдное приключеніе, случившееся въ Семеновскомъ полку. Легко себѣ можно вообразить, какое печальное

чувство оно во мнѣ произвело. Происшествіе, можно сказать, неслыханное въ нашей арміи. Еще печальнѣе, что оно случилось въ гвардіи, а для меня лично еще грустнѣе, что именно въ Семеновскомъ полку. Но съ тобою привыкнувъ говорить со всею откровенностію, скажу тебѣ, что никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобъ сіе происшествіе было вымыслено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честію полкомъ. Отъ чего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное, ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно. По всему вышеписанному заключаю я, что было тутъ внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникнетъ: какое же? Сіе трудно рѣшить; признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ всѣ въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать. Если къ сему присовокупить, что день былъ выбранъ тотъ самой, въ который Императрицы возвратились въ городъ, то, кажется, довольно ясно обнаруживается, что желали ихъ встревожить, дабы сими опасеніями меня принудить бросить занятія наши въ Троппау и воротиться поспѣшнѣе въ Петербургъ. Но Божіему Промыслу угодно было помѣшать сему и прекратить зло въ началѣ его. Мѣры, на которыя рѣшился корпусный командиръ съ полкомъ, впослѣдствіи были необходимы; но симъ полкъ погубленъ и уже не можетъ далѣе существовать въ его нынѣшнемъ составѣ. Я почти увѣренъ, что если бы съ 1 гренадерскою ротою приличнѣе поступили при самомъ началѣ, ничего другого важнаго бы не произошло. Но уже когда всѣ три баталіона возмутились, болѣе не оставалось дѣлать какъ то, что было исполнено. Сожалѣю еще, что выбрали крѣпости Финляндскія для отправленія въ оныя баталіоновъ. Лучше было бы ихъ отправить въ Псковъ, Нарву, или тому подобныя мѣста.

Какъ мнѣ ни грустно, но теперешній составъ полка нельзя уже такъ оставить. Онъ потерялъ всякую довѣренность. Ты усмотришь изъ приказа, при семъ прилагаемаго, какъ я счелъ приличнымъ поступить, послѣ здраваго размышленія.

Для укомплектованія же вновь полка я предполагаю единственнымъ способомъ взять первые баталіоны полковъ: Имп. Австрійскаго, Кор. Прусскаго и Наслѣдн. Принца. Симъ самымъ полкъ сей опять будетъ хорошъ, но все не старый, котораго мнѣ всегда будетъ жаль. Жаль также и сіи три гренадерскіе полка разстраивать; но нечего болѣе сдѣлать. Для поправленія же сихъ трехъ полковъ полагаю третьи ихъ баталіоны раздѣлить надвое, чѣмъ опять будетъ по 8 ротъ, и укомплектовать, взявъ по одной ротѣ отъ каждаго гренадерскаго и карабинернаго полка 2 и 3 гренадерскихъ дивизій, что и составитъ 12 ротъ, которыя по 4 роты

и раздѣлятся на каждый полкъ. Симъ ротамъ уже послано повелѣніе итти. Я хотѣлъ тебя извѣстить обо всемъ, привыкнувъ разсуждать съ тобою обо всемъ, что меня занимаетъ.

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ! Кромѣ несчастнаго происшествія, у насъ, слава Богу, все хорошо идетъ. Но сіе происшествіе надѣлаетъ довольно толковъ. Напиши мнѣ, что ты про все сіе узнаешь.

Тебя навѣкъ искренно любящій.

51.

Троппау, ноября 14.

О сей бумагѣ нужно намъ переговорить при личномъ свиданіи.

Е) Рескрипты о военныхъ поселеніяхъ, писанные съ 1810 года.

1810 годъ.

1.

Каменный Островъ, 28 іюня 1810 г.

Домашнее несчастіе, со мною случившееся, помѣшало мнѣ съ тобою увидѣться въ послѣднее твое пребываніе въ Петербургѣ; потеря горячо любимаго ребенка *) лишила меня дня три всякой возможности заниматься дѣломъ. Возвратясь изъ Царскаго Села, не нашедъ уже тебя въ городѣ, ждалъ твоего пріѣзда. Но, кажется, сестра моя **) причиною, что ты еще остался въ Грузинѣ. Чтобы не терять болѣе времени, я приказалъ Лаврову ѣхать къ тебѣ въ Грузино для личнаго съ тобою переговору. Я ему подробно весь планъ изъяснилъ. Военный Министръ извѣщенъ, что сію часть я исключительно поручаю твоему попеченію и начальству. Теперь остается начать. Чертежи твои весьма мнѣ нравятся и, мнѣ кажется, лучше придумать мудрено. Лаврову покажи, пожалуй, все твое сельское устройство и, какъ скоро будешь свободенъ, пріѣзжай въ Петербургъ. За симъ, съ помощію Божіею, уже приступимъ къ дѣлу.

При семъ прилагаю всѣ бумаги по сему предмету.

Навѣкъ пребуду тебѣ искренно привязанный. Александръ.

---

*) Зинаида Дмитріевна Нарышкина [illegible]

**) Великая Княгиня Екатерина Павловна. См. ниже, стр. 684.

1812 годъ.

2.

4 марта 1812 г.

4-й баталіонъ для того и сформированъ не въ три, а въ четыре роты, чтобы при заселенномъ 3-мъ баталіонѣ можно было имѣть гренадерскую роту. Но старую гренадерскую роту сего баталіона нужно отправить вмѣстѣ съ дѣйствующими двумя, а безъ онаго въ одномъ сводномъ гренадерскомъ баталіонѣ будетъ только двѣ роты. Заселенной же баталіонъ предпиши раздѣлить на четыре роты, изъ которыхъ одна будетъ гренадерская, составленная изъ лучшихъ людей поведеніемъ, прочія три укомплектовать изъ 4-го баталіона, а сему баталіону состоять уже изъ трехъ ротъ.

1817 годъ.

3.

Царское Село, 19 іюня 1817 г.

Благодарю тебя искренно, любезный Алексѣй Андреевичъ, за все, тобою сдѣланное. Также чистосердечно и Бога благодарилъ. Начало наилучшее и, дѣйствительно, превосходитъ всякое ожиданіе. Нетерпѣливо желаю тебя видѣть, чтобъ лично поблагодарить и о многомъ изустно переговорить. Мнѣ весьма пріятно будетъ изъявить мою признательность твоимъ сотрудникамъ. У насъ, благодаря Бога, все хорошо. Принцесса пріѣхала вчера въ Касково; сегодня будетъ въ Павловское, а завтра парадный въѣздъ въ городъ.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ. Александръ.

1818 годъ.

4.

Москва, 7 генваря 1818 г.

Съ почтою вчерась получилъ я прилагаемыя два прошенія. Одно лишь повтореніе тѣхъ, которыя были поданы Михайлѣ Павловичу; а другое уже жалоба на образъ обращенія съ военными поселянами полковника Степанова. Все сіе заслуживаетъ вниманіе, дабы не испортить столь хорошо начатое дѣло. На сихъ дняхъ надѣюсь съ тобою самъ увидѣться въ Бронницахъ и подробнѣе поговорить.

Пребываю навсегда тебѣ искренно привязанный. Александръ.

5.

Варшава, 27 марта 1818 г.

Шесть дней тому назадъ получилъ я письмо твое, любезный Алексѣй Андреевичъ, отъ 10 марта и возвращаемыя при семъ бумаги. Я нахожу рѣшеніе весьма основательнымъ и въ то же время совершенно въ духѣ того милосердія, съ коимъ мы поступали съ самаго начала дѣла. Кажется мнѣ, дабы сохранить всю строгую справедливость, можно возвратить изъ Сибирскихъ полковъ Варшавскихъ посланныхъ, которые, по моему мнѣнію, болѣе принадлежатъ къ третьему или ко второму разряду, нежели къ первому. Если ты согласенъ будешь съ симъ моимъ мнѣніемъ, то тѣ унтеръ-офицеры, которые повезутъ нынѣ туда 5 человѣкъ перваго разряда, могутъ назадъ привезти трехъ Варшавскихъ посланныхъ. Сіе предоставляю я твоему лучшему собственному соображенію.

Съ несказаннымъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ письма твоего отъ 6 марта, что и остальные полки 1 гренадерской дивизіи поступили уже въ новое положеніе поселенныхъ войскъ, и что все сіе произошло съ желаемымъ порядкомъ, тишиною и устройствомъ. Да будетъ, во-первыхъ, хвала Всевышнему Богу, безъ коего ничего хорошаго не дѣлается; а потомъ, обязанъ я твоимъ бдительнымъ попеченіямъ въ успѣхѣ дѣла, для меня столь близко къ сердцу лежащаго.

Здѣсь, благодаря Бога, все идетъ отмѣнно хорошо. Земля видимымъ образомъ поправляется и устраивается. Городъ украшается. Войска прекрасныя. Умы въ самомъ лучшемъ направленіи. Открытіе сейма произведено съ желаемымъ успѣхомъ. При семъ прилагаю рѣчь, мною говоренную при семъ случаѣ, и съ нее переводъ порусски. Сеймъ продолжается съ удивительнымъ порядкомъ.

Я предпочелъ отправить сіе письмо съ первымъ фельдъегеремъ, ѣдущимъ въ Москву, разсчитывая, что оно симъ образомъ скорѣе дойдетъ до тебя. Фельдъегерь имѣетъ повелѣніе ѣхать вслѣдъ за тобою.

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ. Будь здоровъ и совершенно увѣренъ въ искренней моей привязанности къ тебѣ. Если ты немного постарѣлъ, то и я не помолодѣлъ, любя тебя и умѣвъ цѣнить всѣ заслуги, тобою Отечеству и мнѣ оказанныя. Александръ.

6.

Ахенъ, 20 сентября 1818 г.

Благодаря Бога, я благополучно прибылъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, къ своему назначенію и весьма доволенъ расположеніями, найденными мною въ нашихъ союзникахъ. Итакъ, съ помощію Божіею, надѣюсь, что мы успѣшно и безъ потери времени довершимъ занятія наши.

Извѣщай меня, пожалуй, о теченіи дѣлъ по нашимъ военнымъ поселеніямъ, хотя въ короткихъ словахъ, дабы я зналъ, все ли благополучно продолжается.

При семъ прилагаю нѣсколько бумагъ. Нужно узнать отъ Никол. Иван. Депрерадовича, что за человѣкъ сей его двоюродный братъ? И вообще справиться о подробностяхъ сего дѣла.

Маіору Эммѣ, кажется, можно помочь, ибо его предпріятіе полезно быть можетъ.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящій. Александръ.

7.

Ахенъ, 24 октября 1818 г.

Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я письмо твое, любезный Алексѣй Андреевичъ, и донесенія о продолжающихся успѣхахъ по нашимъ поселеніямъ.

Благодареніе Богу, у насъ также идетъ все хорошо и успѣшно; можно сказать, даже сверхъ ожиданія.

Я ѣздилъ въ Валансьенъ осматривать нашъ корпусъ и большую часть прочихъ войскъ, составляющихъ армію союзную. Потомъ ѣздилъ въ Парижъ; но единственно отобѣдать къ королю, и тотъ же часъ, послѣ стола, выѣхалъ назадъ.

Матушка, слава Богу, совершенно здорова и довольна своимъ путешествіемъ, и 21 проѣхала здѣсь, отобѣдавъ у меня. Я ее провожалъ до Мастрихта, гдѣ и ночевали съ ней. Теперь она въ Брюкселѣ.

Я надѣюсь, мы не замедлимъ здѣсь все привести, съ помощію Божіею, къ окончанію.

Пребываю навсегда тебя искренно любящимъ. Александръ.

P. S. Объяви, чтобы бывшему тамбовскому вице-губернатору Вейсу, признанному невиннымъ, выдали удержанное у него жалованье за все время.

8.

Ахенъ, 1 ноября 1818 г.

Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ я письмо твое, любезный Алексѣй Андреевичъ, изъ Губарева отъ 12 октября. Никакъ тебѣ не пеняю, что оно длинно, и если бы вдвое еще длиннѣе было, то съ тою же пріятностію оное бы прочелъ.

Благодарю искренно Бога, что у насъ по военному поселенію все такъ успѣшно идетъ. Послѣ же Бога, искренняя моя обязанность тебя благодарить, ибо твоихъ стараній въ семъ дѣлѣ исчислить трудно.

Черезъ два дня надѣюсь отсюда выѣхать въ Брюксель, гдѣ полагаю пробыть три дня; потомъ ѣду въ Бруксаль, гдѣ полагаю пробыть два

дня; потомъ въ Стутгартъ, гдѣ останусь три дня; оттуда въ Веймарнъ, гдѣ пробуду три дня. Потомъ чрезъ Богемію въ Вѣну, куда надѣюсь прибыть 30 ноября, а 10 декабря выѣзжаю и, съ Божіею помощію, надѣюсь быть въ Петербургѣ 23 декабря ввечеру.

По милости Всевышняго, здѣсь мы кончили свои дѣла, по желанію моему, и лучшимъ образомъ.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ. Александръ.

P. S. Бумага при семъ отъ Военнаго Губернатора по мосту.

9.

Маріенбургъ, 27 ноября 1818 г.

Съ новымъ удовольствіемъ читалъ я твой рапортъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, объ успѣхахъ по нашему военному поселенію. Я уповаю на Бога, что поможетъ намъ благополучно и довершить.

У насъ все идетъ какъ нельзя лучше. Чрезъ три дня я буду въ Вѣнѣ; а 10, съ помощію Божіею, отправлюсь въ путь домой.

Пребываю тебя искренно любящимъ. Александръ.

1819 годъ.

10.

Боровичи, 8 сентября 1819 г.

Смотрѣлъ я вчерась, съ большимъ удовольствіемъ, три баталіона подъ Новымъ-Городомъ. Я ими былъ весьма доволенъ, особливо учебнымъ, что и въ порядкѣ вещей. Погода была отмѣнно вѣтреная; невзирая на оную, исполненіе было весьма точное.

Медвѣдскимъ поселеніемъ я былъ весьма доволенъ. Мѣстоположеніе прекрасное. Баталіоны же такъ учились, что многимъ полкамъ должно быть стыдно стать возлѣ нихъ. Старанія и усердія отмѣнно много.

Не скрою отъ тебя, что, уже садясь въ коляску, четыре женщины жаловались мнѣ на насильное отданіе ихъ замужъ за солдатъ; о чемъ Борису Яковлевичу *) приказалъ я строго изслѣдовать и тебѣ подробно донести для представленія мнѣ.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ. Александръ.

*) Генералъ Княжнинъ.

11.

Издавна тебѣ извѣстны, любезный Алексѣй Андреевичъ, искренняя моя къ тебѣ привязанность и дружба, и посему ты легко повѣришь тѣмъ чувствамъ, кои ощущалъ я при чтеніи всѣхъ твоихъ бумагъ. Съ одной стороны, могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была претерпѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился. Съ другой, умѣю я также цѣнить и благоразуміе, съ коимъ ты дѣйствовалъ въ сихъ важныхъ происшествіяхъ. Благодарю тебя искренно, отъ чистаго сердца, за всѣ твои труды.

Происшествіе, конечно, прискорбное; но уже когда, по несчастію, случилось оное, то не оставалось другого средства изъ онаго выйти, какъ давъ дѣйствовать силѣ и строгости законовъ.

Съ большимъ вниманіемъ читалъ я просьбу, отъ тебя оригиналомъ мнѣ присланную и которую здѣсь включаю, дабы строго, искренно и безпристрастно намъ самихъ себя вопросить: выполнено ли нами все, нами обѣщанное полку? Не имѣвъ съ собою положенія и грамоты, данной полку, сего я теперь рѣшить не могу. Но прошу тебя искренно, обрати свое вниманіе на сей предметъ и, при личномъ со мною свиданіи, представь мнѣ опять сію оригинальную просьбу, съ своими по оной замѣчаніями. Я нѣкоторыя мѣста карандашомъ отмѣтилъ.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ. Александръ.

12.

Боровичи, 8 сентября 1819 г.

Конфирмованъ, по желанію твоему, прилагаемый журналъ; я долгомъ почитаю сообщить тебѣ искренно два замѣчанія, кои мнѣ представились по оному:

1. Ловко ли будетъ, распустивъ уже нѣкоторыхъ содержащихся подъ арестомъ по домамъ, опять ихъ собирать для отсылки, и не произведетъ ли сія мѣра новаго недовѣрія и опасенія? Относящееся въ журналѣ мѣсто до сего обстоятельства означено мною карандашомъ.

2. Въ Оренбургѣ наказывать преступниковъ будетъ ли имѣть пользу? Ибо всякое наказаніе дѣлается для примѣра, а сего наказанія участники видѣть не будутъ. Согласно ли оно будетъ въ строгомъ смыслѣ съ тѣмъ прощеніемъ, которое тобою объявлено, особливо когда изъ злѣйшихъ 40 преступниковъ трое избавлены наказанія во время экзекуціи.

Посему я полагаю, разослать всѣхъ еще одержимыхъ, по твоему назначенію, но уже не наказывая въ Оренбургѣ никого. Распущенныхъ по домамъ уже не собирать, а наблюдать строго за ихъ поведеніемъ и при малѣйшей шалости поступить съ ними строго.

Но какъ мѣстныя обстоятельства тебѣ ближе извѣстны, то съ довѣренностію предоставляю тебѣ поступить по журналу конфирмованному или по мнѣнію, здѣсь изложенному. Александръ.

13.

Боровичи, 8 сентября 1819 г.

Читалъ я со вниманіемъ судное дѣло о адъютантѣ Тарѣевѣ. Совершенно былъ бы я согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, если бы я былъ болѣе увѣренъ въ безпристрастіи и непоколебимой твердости своего Генералъ-Аудиторіата. Но, отославъ дѣло въ оный по обыкновенному порядку, если Аудиторіатъ, представляя оное мнѣ, положитъ мнѣніе еще слабѣе Лисаневича, тогда дѣло будетъ испорчено. Не послать же оное въ Аудиторіатъ и отдать мою конфирмацію просто въ приказѣ, произведетъ шумъ большой. Посему, оставя подъ строгимъ арестомъ Тарѣева, полагаю я лично съ тобою объясниться по сему и предложить два средства. Либо на правѣ главнокомандующихъ утверждать твои конфирмаціи; либо опредѣлить долгое продолженіе лѣтъ на содержаніе подъ арестомъ, какъ-то: на десять, пятнадцать или болѣе, какъ сіе дѣлается въ Царствѣ Польскомъ и въ Финляндіи.

14.

Боровичи, 8 сентября 1819 г.

Въ Фридрихсгамѣ получилъ я твое отправленіе съ фельдъегеремъ Графою, любезный Алексѣй Андреевичъ! За почту предъ тѣмъ, получилъ я отъ матушки нарочнаго фельдъегеря, съ извѣщеніемъ о трудной болѣзни, случившейся внезапно съ братомъ Михайломъ Павл., и съ просьбою прислать Виллія. По сему обстоятельству, нельзя уже мнѣ было остановиться въ Фридрихсгамѣ, и я, взявъ всѣ бумаги съ собою въ дрожки, прочелъ ихъ одинъ дорогою. Пріѣхавъ въ Петербургъ, нашелъ я, благодареніе Всевышнему, брата уже гораздо въ лучшемъ положеніи. Но матушка, бывъ въ Петербургѣ, дабы за больнымъ братомъ присматривать, принужденъ былъ и я большую часть краткаго сего моего пребыванія провести въ Петербургѣ и тѣмъ самымъ лишился я спокойныхъ часовъ для работы, на которые считалъ въ Царскомъ Селѣ. Три раза принимался перечитывать вновь всѣ твои бумаги, на сочиненіе отвѣтовъ, и всякій разъ былъ оторванъ отъ моего упражненія другими встрѣчающимися занятіями. Посему уже рѣшился я приказать фельдъегерю выѣхать ко мнѣ сюда, въ Боровичи, разочтя, что здѣсь мнѣ единственное спокойное мѣсто

кончить къ тебѣ мое отправленіе, включа въ оное и нѣсколько строкъ о смотрахъ моихъ въ Новгородѣ и Медвѣдѣ.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ. Александръ.

P. S. За болѣзнію фельдъегеря Графы, отправляется Іогансонъ.

15.

Я неважныя сдѣлалъ перемѣны и нахожу отмѣнно хорошо.

1820 годъ.

16.

1 іюня 1820 г.

При семъ возвращаю назадъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, письмо барона Кампенгаузена. Я былъ напередъ увѣренъ, что наши военныя поселенія, какъ скоро ему въ подробности извѣстными сдѣлаются, непремѣнно должны полюбиться.

Искренно тебя благодарю за участіе, которое ты принялъ въ приключеніи, случившемся въ Царскомъ Селѣ *). Благодареніе Всевышнему, что еще не хуже кончилось. При семъ прилагаю бумаги, отъ Чернышева и Атамана полученныя. Кажется, наши послѣднія писанія подѣйствовали.

Надѣюсь лично съ тобою увидѣться чрезъ нѣсколько дней. Пребываю навсегда тебя искренно любящимъ. Александръ.

17.

Чугуевъ, 31 іюля 1820.

Не могу я оставить Чугуева, не написавъ тебѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, нѣсколько строкъ. Мѣстоположеніе прелестное; видъ изъ занимаемаго мною дивизіоннаго командира дома прекраснѣйшій. Я нашелъ здѣсь много порядку и начала весьма удовлетворительныя. Все обѣщаетъ наилучшій успѣхъ. Искренно тебя благодарю за всѣ твои труды въ семъ полезномъ дѣлѣ и крайне соболѣзную о причинѣ, помѣшавшей тебѣ быть со мною здѣсь **). Твой начальникъ штаба опишетъ тебѣ всѣ подробности.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ. Александръ.

*) Пожаръ 12 мая, уничтожившій часть царскосельскаго дворца.
**) См. выше, № 41, стр. 633.

18.

Умань, 10 августа 1820 г.

За совершенное удовольствіе поставляю себѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, извѣстить тебя, что вообще я былъ весьма доволенъ всѣмъ, что я видѣлъ въ уланскихъ дивизіяхъ. Много очень сдѣлано. Но многое нужно еще поправить и улучшить. Подробныя замѣчанія я сообщилъ г.-м. Клейнмихелю и самому гр. Витту. Въ сравненіи съ первой арміей я нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя награжденія, ибо въ Чугуевѣ и въ Вознесенскѣ поболѣе потрудились, чѣмъ во всѣхъ корпусахъ.

Я ожидалъ, что ты меня извѣстишь о себѣ и о твоемъ домашнемъ положеніи, но донынѣ ничего не получилъ. Пребываю съ искреннею привязанностію тебя любящимъ. Александръ.

ж) Рескрипты за 1822, 1823 и 1824 годы.

1822 годъ.

1.

Пришли мнѣ общую карту предполагаемаго поселенія всей арміи.

Также и общую карту поселенія 1 гренадерской дивизіи и равномѣрно подробную полка имени твоего.

Получено 14 генваря.

2.

Я ѣду рано поутру, любезный Алексѣй Андреевичъ, между 7 и 8 часовъ, то пришли мнѣ бумаги тѣ, которыя могу я кончить безъ тебя. Жаль мнѣ весьма, что ты нездоровъ, и прошу убѣдительно поѣздку твою въ Царское Село располагать по возможности твоего здоровья.

Получено 22 генваря.

3.

Царское Село, генваря 14.

Въ бытность свою здѣсь ген.-адъют. Храповицкой говорилъ мнѣ о тульскихъ оружейникахъ. Другого прокормленія они не имѣютъ, какъ отъ задѣльной платы. Такимъ образомъ, когда нарядъ для дѣла оружія черезъ мѣру уменьшается, они остаются почти безъ способа пропитанія. Нынѣ сей случай произошелъ по разнымъ убавленіямъ въ смѣтѣ Военнаго Министерства. Я лично говорилъ по сему предмету съ г.-м. Штаденомъ,

который здѣсь еще находится. *) Я бы желалъ, чтобы и ты съ нимъ по сей матеріи объяснился.

Надѣюсь, любезный Алексѣй Андреевичъ, что твое здоровье поправилось? Также тебя извѣщаю, что матушка, сестра и принцъ **) завтра ко мнѣ пріѣдутъ сюда обѣдать. Такимъ образомъ мнѣ будетъ мало досуга. То если ты предполагалъ пріѣхать ко мнѣ, то лучше въ четвергъ или пятницу, а не завтра.

При семъ присылаю довольное число дѣлъ Совѣтскихъ, пребывая навѣкъ тебя искренно любящимъ.

4.

Кажется, благодареніе Богу, не о чемъ много безпокоиться, ибо происшествіе не весьма важное. А фельдъегерю я думаю просто сказать, чтобы онъ пустого не болталъ. Другое средство, отправить его завтра же поутру опять къ графу Витту, дабы онъ нѣкоторое время при немъ и остался, написавъ ему, что онъ посылается къ нему потому, что замѣченъ склоннымъ ко вранію, дабы онъ его тамъ держалъ, гдѣ, кромѣ хорошаго, не о чемъ было бы говорить, и потомъ черезъ нѣкоторое время съ рапортами или съ какимъ-нибудь извѣстіемъ благопріятнымъ прислалъ сюда.

Получено 31 генваря.

5.

Если еще бумаги и указы по Сибирскому Комитету не разосланы къ исполненію, то повремени, пожалуй, до завтрашняго утренняго нашего свиданія. Если уже отосланы, то не возвращай ихъ назадъ.

Получено 2 февраля.

6.

Царское Село, февраля 9.

Искренно сожалѣю, любезный Алексѣй Андреевичъ, о твоемъ нездоровіи, и что оно лишило меня удовольствія тебя видѣть здѣсь. Надѣюсь на Бога, что оно не будетъ имѣть дальнихъ послѣдствій.

При семъ возвращаю присланныя отъ тебя бумаги.

По дѣлу о питомцахъ Воспитательнаго дома я почитаю приличнѣе соединить все въ одинъ рескриптъ, какъ сіе мною поправлено карандашомъ.

*) Густавъ Густавовичъ (Евстафій Евстафьевичъ) фонъ-Штаденъ, командиръ Тульскаго оружейнаго завода съ 1817 г., послѣ Ѳ. Н. Воронова (См. выше, стр. 627).

**) Великая Княгиня Марія Павловна съ супругомъ, наслѣднымъ принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ.

Рескриптъ на имя князя Лопухина немного мною поправленъ. Но, отсылая его по подписаніи мною, объяви волю мою князю Лопухину, чтобы онъ былъ прочтенъ въ полномъ собраніи, и бумага тутъ же возвращена Г. Литтѣ.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ.

Копію французской бумаги гр. Литты прикажи оставить у насъ, при дѣлахъ.

7.

Сдѣлай одолженіе, лучше выслушай Сперанскаго. Онъ будетъ говорить, стало, ты будешь только слушать, что для тебя не вредно; долгихъ переговоровъ съ твоей стороны я бы не возложилъ на тебя въ теперешнемъ твоемъ состояніи. Но считаю нужнымъ замѣтить на слова, сказанныя уже Сперанскимъ тебѣ, что тутъ личной довѣренности никакой быть не можетъ допущено. Сперанскій докладывалъ по должности и читалъ журналъ Совѣтской съ приложенными при ономъ разными мнѣніями. Между прочими и сіе тутъ было. Слѣдовательно, никакого слѣда мнѣ не было разницы дѣлать между симъ мнѣніемъ и прочими. Оно же было прочтено передъ всѣми членами въ засѣданіи. И при томъ Сперанскій никакого особаго замѣчанія или оговорки по оному мнѣ не сдѣлалъ, даже когда я довольно колко сказалъ насчетъ сей бумаги мое сужденіе.

Получено 13 февраля.

8.

Матушка будетъ въ пятницу, о чемъ тебя извѣщаю, любезный Алексѣй Андреевичъ.

Получено марта 1.

9.

Привези съ собою сіи бумаги въ первый разъ, какъ будешь ко мнѣ съ докладомъ.

Получено марта 4.

10.

Жаль мнѣ весьма, любезный Алексѣй Андреевичъ, что здоровье твое такъ разстроено. Я молю Бога всякой день, дабы Онъ подкрѣпилъ силы твои, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя.

На приглашеніе Баранова въ Комитетъ я весьма согласенъ.

Получено 6 марта.

11.

При семъ возвращаю краткую меморію, изъ коей, кажется, нечего выкидывать. Но полагаю, что завтра еще общаго чтенія не будетъ, и потому привези подробную меморію на всякій случай; если мы останемся вдвоемъ, то уже сію меморію можно будетъ почесть оконченной.

Получено 7 марта.

12.

Благодарю тебя за извѣщеніе о Кочубеѣ. Я писалъ къ нему, чтобы онъ ко мнѣ не ѣздилъ, а былъ бы въ Комитетѣ.

Также тебя извѣщаю, что матушка будетъ ко мнѣ въ середу обѣдать въ Царское Село, то въ четвергъ или пятницу я тебя ожидать буду.

Получено 13 марта.

13.

По симъ бумагамъ въ первое наше свиданіе объяснимся.

Получено изъ Царскаго Села, 19 марта.

14.

Сіи бумаги были мною вручены Министру Финансовъ для прочтенія, по коимъ и представилъ онъ прилагаемую записку.

Получено апрѣля 15.

15.

Царское Село, апрѣля 19.

Братъ Николай Павловичъ ѣдетъ послѣзавтра ввечеру. Онъ меня просилъ, чтобы я къ нему пріѣхалъ завтра отобѣдать въ послѣдній разъ до разлуки, ибо послѣ завтра именины его жены и, вѣроятно, будетъ большой столъ. Такимъ образомъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, я возвращусь до обѣда завтра, и потому, дабы не дѣлать тебѣ 40 верстъ натощакъ, предлагаю тебѣ работать послѣ обѣда въ Зимнемъ дворцѣ, въ 6 часовъ. У меня весь вечеръ свободенъ, и можемъ безъ помѣшательства употребить его на наши занятія.

16.

Яковъ Васильевичъ *), съ которымъ я обстоятельно говорилъ насчетъ твоего здоровья, желаетъ настоятельно, чтобы ты нѣсколько дней въ Грузинѣ попокоился и не ѣздилъ бы на смотръ баталіоновъ пришедшихъ. Я также присовокупляю мою просьбу къ его; поберегись, пожалуй.

Получено 22 апрѣля.

17.

Царское Село, апрѣля 24.

Извѣсти меня, любезный Алексѣй Андреевичъ, каковъ ты съ пріѣзду въ Грузино, и грудная боль уменьшилась ли? Кажется, должно сіе быть родъ повѣтрія, ибо очень много людей тѣмъ же жалуются; но чрезъ нѣсколько дней проходитъ.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ.

18.

Царское Село, мая 1.

Не бывъ нимало успокоенъ послѣднимъ отвѣтомъ твоимъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, насчетъ здоровія твоего, я желаю знать, не произвели ли протекшіе нѣсколько дней какого улучшенія въ твоемъ состояніи, и грудная боль уменьшилась ли? У насъ стоитъ погода довольно свѣжая, и даже было два ночныхъ мороза.

Пребываю навсегда искренно тебя любящимъ.

По военнымъ поселеніямъ все ли благополучно?

19.

Островъ, 16 мая.

Совершенная невозможность помѣшала мнѣ писать къ тебѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, вчерась, прежде отъѣзда моего, по множеству обыкновенныхъ занятій моихъ, о чемъ я поручилъ ген.-маіору Клейнмихелю тебя извѣстить.

Извѣстія о продолжительномъ нездоровіи твоемъ крайне меня печалятъ. Яковъ Васильевичъ большую надежду полагаетъ въ употребленіи тобою кобыльяго молока и желаетъ, чтобы не отлагать начатіемъ онаго; а я еще большую надежду кладу на Всемогущаго Бога. Напиши мнѣ въ

*) Вилліе.

мнѣ, какъ ты себя чувствуешь въ сіи послѣдніе дни, послѣ отъѣзда Петра Андреевича?

Не имѣя времени сегодня отвѣчать тебѣ насчетъ Кіевскаго губернатора, при первой свободной минутѣ сіе исполню.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ.

20.

Середа, 7 іюня.

Послѣднія два письма твои, любезный Алексѣй Андреевичъ, несказанно меня порадовали, и я искренно Бога благодарилъ. Надѣюсь, что Онъ продолжитъ теперешнее поправленіе здоровья твоего и укрѣпитъ оное.

Сіе письмо посылаю къ тебѣ, дабы узнать въ точности день твоего пріѣзда, ибо 10-е число есть суббота.

Если ты будешь сей день, то я уже условился съ Нессельродомъ и переложу его работу на другой, о чемъ, желая знать предварительно, пишу тебѣ сіи строки, дабы по оному распорядиться.

Напиши мнѣ, какъ ты себя чувствуешь во время поѣздки по поселеніямъ? Здѣсь приготовлена будетъ для тебя кобыла съ молокомъ, и если нужно тебѣ верхомъ ѣздить послѣ принятія молока, то и надежная смирная верховая лошадь.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ.

21.

Царское Село, іюня 25.

При семъ прилагаю 10.000 руб., слѣдующіе въ уплату. Напиши мнѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, каково твое здоровіе послѣ нашихъ смотровъ? Не забудь также прислать инвалидовъ за приготовленной скотиной.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ.

22.

Царское Село, іюня 30.

При семъ препровождаю меморію Комитетскую точно въ томъ состояніи, въ коемъ я ее получилъ, т.-е. открывъ пакетъ, я въ сихъ бумагахъ другого не нашелъ, какъ *краткую* меморію, указы и особую статью, выписанную для справокъ. *Пространной* же меморіи, кою должно читать вмѣстѣ съ братомъ, тутъ приложено не было. Но и чтенія самаго не было, ибо я провелъ Петровъ день на Каменномъ Острову, а братъ былъ въ Павловскомъ. Поясни мнѣ, отъ чего сіе случилось? Также напиши мнѣ, какъ

ты себя чувствуешь, любезный Алексѣй Андреевичъ, и продолжаешь ли свое молочное лѣченіе?

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ.

Ни Клейнмихеля, ни инвалидовъ, для принятія скота, еще у меня не было.

23.

Царское Село, іюля 15.

Крайне сожалѣю я, любезный Алексѣй Андреевичъ, о вздорныхъ слухахъ, дошедшихъ до тебя. Они совершенно ложны, ибо, кромѣ похвалы, никто изъ моего рта другого не слыхалъ. Я знаю навѣрно, что братъ и иностранные тоже весьма хвалили ими видимое. Для составленія приказа я ожидалъ Клейнмихеля и оттого запоздалъ, о чемъ я искренно сожалѣю, ибо оно произвело тебѣ нѣкоторую непріятность, отъ чего я бы желалъ всѣми средствами тебя уберечь.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ.

24.

Прочти сіи бумаги и послѣ принеси ихъ съ собою, когда я позову тебя съ работою.

Получено августа 1.

25.

Борисовъ, августа 9.

Сіе прошеніе нужно внести въ Комитетъ Министровъ, ибо, кажется, сему человѣку не оказана должная справедливость. Но сіе исполнить не оригиналомъ, а засвидѣтельствованнымъ экстрактомъ, ибо въ прошеніи помѣщены укоризны на Сенатъ.

26.

Борисовъ, августа 9.

Сіе прошеніе равномѣрно внести въ Комитетъ, дабы справка была сдѣлана, почему просительницу не вводятъ во владѣніе имѣніемъ, когда ей уже 33-й годъ отъ роду?

27.

Ченстоховъ, августа 22.

Мнѣ кажется, сіе прошеніе должно удовлетворить, о чемъ и снесись съ Министромъ Финансовъ и управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ.

28.

Вѣна, сентября 12.

Съ душевною признательностію получилъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, письмо твое отъ 30 августа. Доказательства твоей привязанности ко мнѣ принимаю я всегда съ искреннимъ удовольствіемъ, ибо знаю, сколь они чистосердечны и посему драгоцѣнны для меня. Ты не сомнѣваешься также въ искренности моей любви къ тебѣ.

Пріятно мнѣ было видѣть, что ты провелъ именины мои въ военныхъ поселеніяхъ, и что въ нихъ все, благодареніе Богу, благополучно.

На сей недѣлѣ отправляемся мы въ Италію, т.-е. въ Верону, но не далѣе, и я надѣюсь, съ помощію Божіею, воротиться къ назначенному мною сроку въ Петербургъ.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ.

29.

Верона, октября 19.

Я предпочитаю утвердить предположенія Ярославскаго губернатора. Касательно же ресторацій, то удобно ихъ отдѣлить въ томъ строеніи брандмауерами, и тогда не нужно ихъ выводить изъ общаго зданія.

30.

Верона, ноября 6.

При семъ прилагаю присланныя мнѣ бумаги отъ Кожухова. Постарайся, любезный Алексѣй Андреевичъ, чтобы дѣло не было испорчено. Кажется мнѣ, и гр. Кочубей долженъ дорожить, дабы труды Комитета, въ коемъ онъ засѣдалъ, остались въ своемъ настоящемъ видѣ. Другая бумага отъ Кампенгаузена, дабы приложить ее, когда мы будемъ разсматривать Совѣтскія бумаги по сему предмету. Наконецъ, просьба, по которой нужно собрать надлежащія справки; а Балашовъ и самъ въ Петербургѣ.

31.

Верона, ноября 6.

При семъ три прошенія.—Если по первому, отъ Депрерадовича, окажутся по взятой справкѣ всѣ обстоятельства справедливо показанными, то, кажется, можно пріостановить исполненіе, по его желанію.—Второе, отъ Паулучія, слѣдуетъ на разсмотрѣніе въ Комитетъ Министровъ.—Третіе дождется моего возвращенія.

32.

Верона, ноября 6.

Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за письмо твое отъ 13 октября. Рапортъ г.-м. Клейнмихеля былъ мнѣ весьма пріятенъ, и благодарю Бога искренно, что у насъ все исправно и тихо.

Наши дѣла здѣсь подвигаются къ концу, и я надѣюсь въ первыхъ числахъ генваря, съ помощію Божіею, быть въ Петербургѣ, чего ожидаю нетерпѣливо.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ.

33.

Верона, ноября 12.

При семъ прилагаю письмо отставного маіора. Я не понимаю, какъ онъ могъ остаться безъ награжденія и пропитанія. Письмо и печать доказываютъ, что онъ не изъ молодыхъ вольнодумцевъ. Посему и прошу тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, возьми въ Инспекторскомъ Департаментѣ справки объ немъ и потомъ, посредствомъ Комитета о раненыхъ, устрой его участь.

34.

Верона, ноября 12.

При семъ прилагаю два прошенія, которыя мнѣ кажутся поважнѣе прочихъ, и для того оныхъ не отослалъ къ Кикину.

35.

Верона, ноября 19.

Сіе прошеніе слѣдуетъ быть внесено въ Комитетъ Министровъ, гдѣ и Военный генералъ-губернаторъ присутствуетъ.

36.

Верона, ноября 27.

Не знаю я, выборъ сенатора Мертваго весьма ли удаченъ. Мнѣ кажется предпочтительнѣе можно бы употребить было къ сей должности изъ Московскихъ же сенаторовъ *Постникова,* Кушникова, фонъ-Брина, Гермеса или *Арсеньева.* Первый и послѣднiй мнѣ извѣстны съ весьма хорошей стороны. Но сiе мое заключенiе предоставляю на твое собственное сужденiе. Если считаешь, что неловко будетъ отмѣнить представленiе Комитета, не сдѣлавъ пустой огласки, то пропусти сей особый журналъ; а иначе, можно, если бы ты случился въ Петербургѣ, переговорить о сихъ лицахъ съ Министромъ Юстицiи и рѣшительно объявить вновь назначаемаго изъ мною указанныхъ *Главнымъ директоромъ Межевой Канцелярiи.*

37.

Верона, ноября 29.

При чтенiи сего положенiя пришли мнѣ на мысль нѣкоторыя замѣчанiя, кои я и отмѣтилъ. Какъ, съ помощiю Божiею, я надѣюсь къ половинѣ генваря быть въ Петербургѣ, то на словахъ удобнѣе будетъ объясниться по симъ предметамъ. Впрочемъ, положенiе сiе весьма я одобряю.

38.

Пильзенъ, декабря 24.

Сей докладъ также подать по возвращенiи.

39.

Пильзенъ, декабря 24.

Докладъ я не конфирмовалъ, и можно оный отложить до возвращенiя моего, ибо Пушкинъ и Будбергъ представляются къ повышенiю, а я помню, что ты оными не былъ доволенъ.

40.

Пильзенъ, декабря 25.

Съ искреннею благодарностiю получилъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, письмо твое отъ 30 ноября и поздравленiе съ днемъ рожденiя моего. Всегда драгоцѣнны для меня чувства и привязанность твои. Но и мое

сердце тебѣ извѣстно, и не ново для тебя, сколь чистосердечно я самъ тебя люблю и уважаю.

Непріятно мнѣ было извѣстіе о твоемъ здоровіи. Прошу Бога, дабы послалъ тебѣ настоящее облегченіе. Не покинулъ ли ты молочную пищу свою или, лучше сказать, питіе? Тогда легко станется, что отъ недостатка питательнаго и въ то же время мягчительнаго сего напитка груди твоей хуже стало.

Прискорбная мнѣ была также кончина Сухопрудскаго. Онъ былъ достойный человѣкъ, особливо въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Надобно помыслить о его замѣщеніи.

Благодарю тебя за безпрерывное твое помышленіе о исполненіи моихъ намѣреній. При семъ возвращаю письмо Сперанскаго. Бумагъ я еще разсматривать не могъ, а пришлю съ будущимъ курьеромъ.

По милости Божіей, я уже на возвратномъ пути. Чрезъ недѣлю надѣюсь быть въ Варшавѣ, а потомъ и къ вамъ.

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ! Навѣкъ искренно тебя любящій.

41.

Тешенъ, декабря 29.

Сей случай есть первый. Я увѣренъ, что уже давно сіи люди отосланы въ штабъ поселенныхъ войскъ, и что личное твое примѣчаніе обращено было, дабы изслѣдовать отъ самихъ отъ нихъ о причинѣ, побудившей оныхъ къ побѣгу.

42.

Тешенъ, декабря 29.

Бывъ уже на возвратномъ пути, я считаю излишнимъ дѣлать на сіи бумаги письменныя замѣчанія, а предоставляю себѣ, Богъ дастъ, при личномъ свиданіи, прочесть ихъ вмѣстѣ и тогда на словахъ пояснить мои возраженія.

1823 годъ.

1.

Варшава, генваря 2.

Съѣхавшись здѣсь въ Варшавѣ съ графомъ Виттомъ, подалъ онъ мнѣ приложенную записку.

Получено въ С.-Петербургѣ 15 генваря 1823 г.

2.

Варшава, генваря 3.

Сія просьба довольно уважительна. Прикажи по ней собрать всѣ нужныя справки и приготовить къ докладу, къ моему возвращенію.

Получено въ С.-Петербургѣ 15 генваря 1823 г.

3.

Варшава, генваря 3.

Сію просьбу слѣдуетъ уважить.

Получено въ С.-Петербургѣ 15 генваря 1823 г.

4.

Варшава, генваря 3.

Сію просьбу нужно прочесть въ Комитетѣ Министровъ.

Получено въ С.-Петербургѣ 15 генваря 1823 г.

5.

Четвертокъ, февраля 8.

Чтеніе съ братіями сегодня будетъ.

Получено въ С.-Петербургѣ 8 февраля 1823 г.

6.

Привези, пожалуй, съ собой завтре оба письма Мацневой объ дочери, отданной изъ Смольнаго Монастыря ея мужу.

Получено изъ Царскаго Села въ С.-Петербургѣ 4 марта 1823 г.

7.

Царское Село, марта 14.

Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за подробное извѣщеніе. Было время уже мнѣ привыкнуть къ дурнымъ дорогамъ, и я оныхъ не страшусь, особливо когда предпринимаю путь, дабы погостить у столь

любимаго мною хозяина и осмотрѣть предметъ, столь много меня занимающій, каковъ есть поселеніе военное. Я надѣюсь выѣхать отсюда въ 12 часовъ пополудни и, употребя, по словамъ твоего присланнаго, 7 часовъ для переѣзда, прибыть къ тебѣ въ 7 часовъ вечера.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ. Александръ.

Получено въ Грузинѣ 15 марта.

8.

При семъ прилагаю рапортъ Константина Павловича, съ принадлежащими къ нему бумагами. Необходимо нужно оный прочесть въ сегодняшнемъ Комитетѣ со всѣми приложеніями. Также и образецъ хлѣба показать.

Получено въ С.-Петербургѣ 23 марта 1823 г.

9.

Сей проэктъ хорошъ. Переписанный набѣло, пришли ко мнѣ для подписи. А Атаману объяви, дабы копію съ онаго, при своемъ повелѣніи, отправилъ на Донъ съ фельдъегеремъ, котораго и препроводи къ нему.

Получено въ С.-Петербургѣ 26 марта 1823 г.

10.

Царское Село, апрѣля 11.

Бывъ занятъ другимъ дѣломъ и намѣреваясь сегодня послѣ обѣда употребить на сіе занятіе, я, развернувши бумаги, только теперь увидѣлъ, что ты мнѣ доставилъ прежніе отвѣты, а не прислалъ проэкты новыхъ. Посему возвращаю всѣ сіи бумаги для составленія новыхъ проэктовъ. По изготовленіи пришли мнѣ обратно равномѣрно и старые.

Получено въ С.-Петербургѣ 12 апрѣля 1823 г.

11.

Съ старымъ Министромъ Финансовъ надобно снестись, не поздно ли будетъ сей указъ теперь выпустить, такъ какъ уже май мѣсяцъ насталъ?

Получено въ Грузинѣ 25 апрѣля 1823 г.

12.

Царское Село, апрѣля 24.

Христосъ Воскресе, любезный Алексѣй Андреевичъ! Желаю тебѣ отъ искренняго сердца всѣхъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

При семъ посылаю тебѣ указы для отсылки по обыкновенію въ Сенатъ. Я имѣлъ изъясненіе съ Министромъ Финансовъ, и вслѣдствіе онаго написаны сіи указы. Богъ помоги новому, дабы онъ управилъ сею важною частію ко благу общему.

Равномѣрно посылаю тебѣ одинъ изъ докладовъ аудиторіатскихъ. Прочти его. Мнѣ кажется, что сіе такое дѣло, что слѣдуетъ ему итти чрезъ Военный департаментъ Совѣта. Скажи мнѣ свое мнѣніе послѣ.

По условію съ начальникомъ Морскаго штаба, Миницкаго назначаю я въ генералъ-губернаторы на мѣсто Клокачева, то попекись о заготовленіи нужныхъ бумагъ, сходно съ тѣми, кои были писаны для Клокачева *).

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящій. Александръ.

Получено въ Грузинѣ 25 апрѣля 1823 г.

13.

Чтобы не задерживать исполненія по сему полезному дѣлу, я докладъ утвердилъ, но при семъ нахожу нужнымъ сдѣлать замѣчаніе, что по отдѣленію Министерства Удѣловъ отъ Министерства Финансовъ нужно, кажется, будетъ еще прибавить одного чиновника вѣдомства Удѣловъ. При томъ я не убѣжденъ, что Яма по земской части состоятъ подъ вѣдѣніемъ Почтоваго Департамента, а болѣе полагаю, что они подъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ.

Получено въ Грузинѣ 27 апрѣля 1823 г.

14.

Царское Село, апрѣля 25.

Въ прошедшую работу съ начальникомъ Морского штаба я съ нимъ рѣшилъ назначеніе Миницкаго, но не думалъ, что онъ возьметъ на себя заготовить и указъ въ Сенатъ. Сегодня, съ прочими бумагами, онъ мнѣ прислалъ и при семъ прилагаемыя, въ коихъ находятся два проэкта указовъ Сенату. Загнутый мною не годится. Если другой написанъ въ надлежащей формѣ, то вороти мнѣ всѣ сіи бумаги для подписки и отправленія къ начальнику Морского штаба. Тѣмъ, кажется, и окончится вчерашнее мое порученіе.

Получено въ Грузинѣ 26 апрѣля 1823 г.

*) Алексѣй Өедотовичъ Клокачевъ, адмиралъ, б. начальникъ придворной флотиліи, архангельскій, вологодскій и олонецкій генералъ-губернаторъ, † въ Вологдѣ 2 января 1823 г.

15.

Царское Село, апрѣля 26.

При семъ препровождаю рапортъ, изъ котораго видно, что открыты бѣглые въ довольномъ числѣ изъ уланскихъ полковъ подъ начальствомъ графа Витта, о чемъ отъ него нужно подробно узнать.

Получено въ Грузинѣ 27 апрѣля 1823 г.

16.

Царское Село, апрѣля 26.

Извѣстный намъ голова Чудовскаго яму, пріѣхавъ сюда съ обыкновеннымъ поздравленіемъ съ праздникомъ, извѣстилъ меня, что Богъ даровалъ ему сына въ Страстную Пятницу, и просилъ меня окрестить его, бывъ намѣренъ и ребенка сюды привести, на что однакоже я не согласился, за отдаленіемъ. Такимъ образомъ, условились мы, что я тебѣ препоручу въ проѣздъ твой за меня его окрестить. Не пеняй на меня, любезный Алексѣй Андреевичъ, за сей трудъ; онъ у тебя отыметъ только четверть часа: иначе я не умѣлъ устроить.

Получено въ Грузинѣ 27 апрѣля 1823 г.

17.

Если тебѣ досужно, любезный Алексѣй Андреевичъ, то мнѣ будетъ удобнѣе, чтобы ты у меня отобѣдалъ сегодня, вмѣсто завтрешняго, и привезъ бы вмѣстѣ и дѣла. Но не торопись къ обѣду и не прежде уѣзжай, какъ по окончаніи Комитета. Ты мнѣ привезешь увѣдомленіе о томъ, что происходить будетъ въ засѣданіи.

Получено въ С.-Петербургѣ, въ Комитетѣ гг. Министровъ, 15 мая 1823 г.

18.

Царское Село, маія 22.

При семъ препровождаю просьбу ямщиковъ Петербургскихъ. Надобно строго изслѣдовать, какимъ образомъ до сего времени не удовлетворены.

Получено въ Грузинѣ 23 мая 1823 г.

19.

Каменный Островъ, іюня 9.

Какимъ образомъ до сихъ поръ еще конца нѣтъ сему дѣлу и безпрерывнымъ просьбамъ сего казака?

Получено 13 іюня 1823 г.

20.

Царское Село, іюня 6.

Прочти со вниманіемъ сіе письмо. Обстоятельства, до меня касающіяся, всѣ справедливы. Мнѣ кажется, заслуживаетъ сей крестьянинъ помилованія. Можно будетъ за нимъ послать фельдъегеря.

Получено въ Царскомъ Селѣ 14 іюня 1823 г.

21.

Царское Село, іюня 21.

По разнымъ, происшедшимъ въ Казани, обстоятельствамъ, я бы желалъ прежде нежели принять Нилова къ себѣ, чтобы ты на досугѣ увидѣлся съ нимъ.

Получено въ Грузинѣ 23 іюня 1823 г.

22.

Царское Село, іюня 21.

Кажется, сіе есть третіе письмо въ теченіе одной недѣли.

Получено въ Грузинѣ 23 іюня 1823 г.

23.

Царское Село, іюня 22.

При семъ письмо отъ ген.-адъют. Левашова. При нашемъ свиданіи скажи мнѣ на оное свое мнѣніе.

Я рѣшительно пріѣду ночевать въ Грузино 3 іюля, ибо 2-е послѣдній маневръ въ Красномъ Селѣ.

Будь здоровъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, кланяюсь тебѣ искренно.

Получено въ Грузинѣ 23 іюня 1823 г.

24.

Справиться: 1) Въ которомъ полку служилъ Прокофьевъ?
2) Котораго полку были барабанщикъ и рядовой?
3) Было ли показано сіе происшествіе въ рапортахъ дневныхъ отъ Военнаго Генералъ-Губернатора?

Получено 24 іюня 1823 г.

25.

Красное Село, іюня 21.

Весьма согласенъ.

Сія резолюція послѣдовала на докладную записку графа Аракчеева о составленіи въ Комитетѣ Министровъ особой комиссіи для разсмотрѣнія дѣлъ купца Зубчанинова.

26.

Красное Село, іюня 26.

Прикажи сдѣлать выписку, ибо такъ пространно пишетъ, что право мнѣ время нѣтъ всѣ сіи подробности читать.

Получено въ Грузинѣ 28 іюня 1823 г.

27.

Царское Село, іюня 28.

Въ послѣдній докладъ гр. Кочубея, читалъ онъ мнѣ при семъ приложенныя двѣ записки. По прочтеніи, по общему совѣщанію, послѣдовали резолюціи, на полѣ отмѣченныя, и были приведены въ исполненіе подписаніемъ указовъ.

Вчера получилъ я письмо кн. Лобанова, при семъ также приложенное. Немедля потребовалъ я отъ гр. Кочубея тѣ бумаги, по коимъ онъ мнѣ докладывалъ. Сегодня онъ мнѣ ихъ прислалъ при письмѣ, здѣсь же приложенномъ. Нарочно я ихъ къ тебѣ всѣ присылаю, любезный Алексѣй Андреевичъ, дабы ты ихъ прочелъ до моего пріѣзда въ Грузино, гдѣ мы объ нихъ подробно переговоримъ.

Во весь мой вѣкъ не привыкну я къ подобному ходу дѣлъ и къ людямъ, дѣйствующимъ по таковымъ побужденіямъ.

Захаржевскій сказывалъ мнѣ твою комиссію объ обѣдахъ; но я не могу согласиться, чтобы такъ далеко возилъ свою кухню. Подѣлимся: ты накорми насъ, какъ прошлый годъ, въ гренадерскихъ полкахъ; а я вышлю

кухню свою въ карабинерные; она меня также накормитъ и въ день возвращенія отъ маркиза.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ. Александръ.

Получено въ Грузинѣ 28 іюня.

28.

Петергофъ, іюля 21.

При семъ прилагаю годовые отчеты по Александровской мануфактурѣ и по карточной фабрикѣ, равномѣрно и другія бумаги, отъ матушки полученныя. Привези съ собою проэктъ отвѣта, по примѣру прошлыхъ годовъ. Также и черные сихъ прошедшихъ лѣтъ.

Получено въ С.-Петербургѣ 21 іюля 1823 г.

29.

Петергофъ, іюля 26.

Между бумагами, отъ матушки доставленными и нѣсколько дней тому назадъ отъ меня къ тебѣ присланными, находится записка по Александровской мануфактурѣ о льняномъ пряденіи. Пришли ее ко мнѣ.

Получено въ С.-Петербургѣ 26 іюля 1823 г.

30.

Царское Село, іюля 28.

По сей бумагѣ должно дать повелѣніе Министру Финансовъ о продленіи платежа процентовъ еще на нѣсколько лѣтъ, по представленію матушки.

Получено въ Грузинѣ 29 іюля 1823 г.

31.

Царское Село, августа 2.

По условію нашему, извѣщаю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, что я въ Петербургъ, на Каменный Островъ пріѣду въ субботу, 4 августа, ввечеру, и пробуду до 10-го.

Получено въ Округѣ Короля Прусскаго полка 3 августа 1823 г.

32.

Черновицъ, 25 сентября 1823 г.

Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за письмо твое отъ 21 сентября изъ Кіева. Печальное извѣстіе о кончинѣ достойнаго барона Кампенгаузена, которое уже съ недѣлю до меня дошло, крайне меня огорчило. Я много въ немъ потерялъ и умѣлъ всегда цѣнить его похвальныя качества. Подобныхъ людей въ семъ вѣкѣ мало, и замѣнить его будетъ трудно. Всѣ сіи дни объ ономъ думалъ, но не пріискалъ еще никого.

Вчерась прибылъ я сюды, Бога благодарю, благополучно. Нужно необходимо прибавить будетъ два дня къ здѣшнему пребыванію. Баронъ Дибичъ о семъ тебя подробно извѣщаетъ. Все остается по старымъ распоряженіямъ, но двумя днями позже.

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ. Навѣкъ искренно тебя любящій

Александръ.

Получено въ Новомиргородѣ 28 сентября 1823 г.

33.

Новомиргородъ, 9 октября 1823 г.

Я предпочитаю завтре въ Петриковкѣ работать съ тобою, мы будемъ имѣть болѣе свободнаго времени, ибо я еще не кончилъ съ начальникомъ штаба, а уже довольно поздно.

34.

23 декабря 1823 г.

При семъ препровождаю доклады, поданные отъ Герцога; я ихъ всѣ читалъ. Первый, въ которомъ отчетъ за прошедшій годъ, я полагаю нужно будетъ прочесть въ Финансовомъ Комитетѣ. Прочіе, кажется, можно пустить къ исполненію. Просмотря ихъ, возврати ко мнѣ съ твоимъ мнѣніемъ. Кажется мнѣ, ему желается, чтобы вышли разрѣшенія къ 1-му генваря.

Боюсь я, что тебѣ холодно было ѣхать.

Навѣкъ искренно тебя любящій

Александръ.

Получено въ Грузинѣ 24 декабря, въ 6 часовъ утра

35.

28 декабря 1823 г.

Заготовь грамоты на Александровскія ленты Канкрину и Оленину къ 1-му генваря, и пришли ко мнѣ.

Получено въ Грузинѣ 28 декабря 1823 г.

1824 годъ.

1.

1) О Волхонскомъ.
2) О Храповицкомъ.
3) О Стесселѣ.
4) О контролерѣ.
5) О графѣ Виттѣ.
6) О Хованскомъ.
7) О Балашовѣ.
8) О Тимофеевѣ.

Получено 8 генваря.

2.

О сихъ двухъ вѣдомостяхъ лично со мною переговорить.

Получено 9 генваря.

3.

Указы переписать съ сдѣланными мною поправками.

Въ объявляемыхъ указахъ на семъ же основаніи исключить всѣхъ принадлежащихъ къ Виленскому университету и училищамъ Польскихъ губерній. Равномѣрно и принадлежащихъ къ Царскосельскому Лицею и Пенсіону.

Получено 12 генваря.

4.

Прочти сіе мнѣніе, а потомъ въ удобное время будемъ о немъ говорить вмѣстѣ.

Получено 1 февраля.

5.

Прочти сіе мнѣніе, а послѣ въ удобное время объ ономъ поговоримъ.

Получено 2 февраля.

6.

Сіи бумаги оставь у себя до перваго свиданія нашего.

Получено 5 февраля.

7.

Я съ Голицынымъ работалъ слишкомъ полтора часа, и уже при концѣ работы онъ мнѣ началъ говорить о сей бумагѣ. Я подумалъ, что она того же содержанія, что и присланная отъ Шульгина, и приказалъ ее отдать тебѣ. Надобно необходимо послать за унтеръ-офицеромъ и бомбардиромъ, также и за Гагинымъ. Дубовицкой здѣсь, то прикажи его арестовать чрезъ оберъ-полицмейстера. Сіи же бумаги нужно прочесть въ Комитетѣ Министровъ и потребовать отъ Балашова и Московскаго военн. ген.-губернатора ими полученныя.

Получено 5 февраля.

8.

21 февраля 1824 г.

Лично со мною объясниться по сей бумагѣ.

Получено въ С.-Петербургѣ 21 февраля.

9.

Бумаги, поданныя Московскимъ Военн. ген.-губернаторомъ и которыя нужно мнѣ представить при первомъ докладѣ.

Получено въ С.-Петербургѣ 24 февраля.

10.

Оберъ-полицмейстеру объявить, дабы непремѣнно сысканы были и доставлены къ тебѣ, хотя бы было послѣ твоего отъѣзда; но на пересылку ихъ въ Грузино чтобы употребленъ былъ надежный чиновникъ.

Получено въ С.-Петербургѣ 27 февраля.

11.

С.-Петербургъ, 2 марта 1824 г.

При семъ препровождаю по извѣстному займу проценты и 10.000 въ уплату капитала.

Равномѣрно бумаги, поступившія въ пятницу ко мнѣ отъ Паулучія. Въ одинъ изъ первыхъ дней нашей работы мы ихъ разсортируемъ, иныя для поступленія въ Комитетъ, а другія для немедленнаго окончанія.

Напиши мнѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, какъ ты себя чувствуешь, и каковъ твой кашель?

Также имѣешь ли извѣстія изъ Старой Руссы, и какое дѣйствіе произвело уничтоженіе кабаковъ?

Ген.-маіоръ Ешинъ пріѣхалъ, что я видѣлъ изъ записки о пріѣзжающихъ, не знавъ совсѣмъ, что онъ будетъ сюда.

Наша больная Герцогиня *) безъ всякой надежды, что насъ всѣхъ весьма печалитъ. По сему обстоятельству принужденъ я былъ остаться въ Петербургѣ.

Навѣкъ искренно тебя любящій Александръ.

Получено въ Новгородѣ 3 марта.

12.

3 марта 1824 г.

Замѣтить статсъ-секретарю Оленину, что писецъ сей меморіи не соблюдаетъ даннаго правила: болѣе оставляетъ промежутковъ между словами. Лучшаго примѣра ему поставить нельзя, какъ здѣсь же прилагаемое положеніе о доходахъ и расходахъ города Одессы, равномѣрно и записки отъ Оленина, при коей оно приложено.

Получено въ г. Старой Руссѣ 4 марта.

13.

Обращая бдительное вниманіе на все, что относится до нашихъ военныхъ поселеній, глаза мои нынѣ прилежно просматриваютъ записки о проѣзжающихъ. Всѣ выѣзжающіе въ Старую Руссу дѣлаются мнѣ замѣчательны. 2 марта отправились въ Старую Руссу отставной ген.-маіоръ Веригинъ, 47 Егерскаго полка полковникъ Аклечеевъ, служащій въ Департ. Государственныхъ Имуществъ форштмейстеръ 14 класса Рейнгартенъ для описи лѣсовъ, Инженернаго корпуса штабсъ-капит. Кроль.

Можетъ-быть, они поѣхали и по своимъ дѣламъ, но въ нынѣшнемъ вѣкѣ осторожность не безполезна.

Если сей Веригинъ есть тотъ самый, котораго я знаю, то-есть братъ Плещеевой и Данауровой, то я въ него вѣры большой не имѣю, человѣкъ весьма надменный. Но онъ въ вечернемъ вчерашнемъ рапортѣ показанъ уже воротившимся изъ Старой Руссы, что довольно странно, и время такъ коротко было, что, кажется, ему нельзя было успѣть туда и доѣхать. То воротился ли онъ съ дороги, или какая другая причина произвела сію странность, остается загадкою.

Полковникъ Аклечеевъ довольно замѣтенъ. Онъ служилъ въ гвард. Финляндскомъ полку и перешелъ съ бат. сего полка въ гв. Волынской

*) Антуанетта, супруга герцога Александра Вюртембергскаго, рожденная Саксенъ-Кобургская, р. 1779 г., † 2 марта 1824 г.

въ Варшаву. Тамъ, за содѣйствіе съ другими офицерами въ нѣкоторой неуважительности къ начальству своему, братомъ былъ отставленъ и шатался здѣсь по Петербургу. Полиціею онъ былъ замѣченъ между либералистами во время происшествій Семеновскихъ въ 1820 году. — Послѣ просился въ службу и, по общему совѣщанію съ братомъ, написанъ въ его Литовской корпусъ. Нынѣ здѣсь въ отпуску. Можетъ-быть, онъ помѣщикъ того уѣзда, но отъ него станется, что онъ и изъ любопытства поѣхалъ въ Старую Руссу, посмотрѣть, что тамъ будетъ. Объ инженерномъ ничего не знаю. О форштмейстерѣ нужно узнать, по твоему ли требованію или губернаторскому присланъ онъ описывать лѣса въ теперешнюю пору, или по распоряженію Министерства Финансовъ, что довольно странно будетъ.

Вообще прикажи Марковникову и военному начальству обратить бдительное и обдуманное вниманіе на пріѣзжающихъ изъ Петербурга въ вашъ край.

Первой мой фельдъегерь отъ тебя еще не воротился; но я посылаю сего, не ожидая перваго, дабы бумаги не накоплялись, и также дабы, съ возвращеніемъ ихъ, я имѣлъ случай получить извѣстія, что у тебя дѣлается?

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ! Мы всѣ здѣсь въ грусти искренней о кончинѣ доброй Герцогини.

Навѣкъ тебя любящій.

Получено въ Старой Руссѣ 4 марта.

14.

С.-Петербургъ, 6 марта 1824 г.

Поручить статсъ-секретарю Оленину выправиться, когда фамилія Болховскихъ сдѣлалась княжескою?

Получено въ г. Старой Руссѣ 8 марта.

15.

7 марта 1824 г.

Не задерживая Меморіи, единственно по сему мнѣнію лично со мною объясниться.

Получено въ г. Старой Руссѣ 10 марта.

16.

Царское Село, 8 марта 1824 г.

Получа письмо твое, любезный Алексѣй Андреевичъ, отъ всей души поблагодарилъ я Бога за всѣ твои неусыпныя старанія и труды. Я умѣю ихъ цѣнить во всемъ ихъ достоинствѣ. Надѣюсь на Всемогущаго, что позволитъ и поможетъ привести сіе дѣло къ желаемому концу.

Допросъ, снятый съ крестьянина, нимало меня не удивляетъ. Я полагаю, что необходимо Петербургская работа кроется около нашихъ поселеній, и что на настоящій слѣдъ мы еще не попали, ибо отвѣтъ двухъ лицъ, помянутыхъ въ допросѣ, кажется, отводитъ отъ нихъ подозрѣніе въ ихъ участіи. Посему мое мнѣніе есть то, чтобъ продолжать доискиваться истины. Нужно будетъ также снять допросъ съ крестьянина Васильчикова, который пріѣзжалъ въ Наговскую волость, дабы узнать, кто его научилъ на сіе дѣло?

Жаль мнѣ очень тебя, что по такой дурной погодѣ, а особливо по испортившейся дорогѣ, надобно было тебѣ разъѣзжать. Искренно желаю, чтобы здоровье твое онаго не почувствовало.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать увѣдомленія твоего о довершеніи начатаго дѣла.

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ. Навѣкъ искренно тебя любящій

А.

Получено въ г. Старой Руссѣ 9 марта.

17.

16 марта 1824 г.

При семъ возвращаю показанную Я. В. Вилліемъ мнѣ бумагу объ осмотрѣ гошпиталей Володимірскихъ.

Получено въ Грузинѣ 17 марта.

18.

С.-Петербургъ, 16 марта 1824 г.

Съ наиживѣйшею благодарностію къ Всемогущему Богу получилъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, письмо твое съ извѣстіемъ о благополучномъ окончаніи начатаго дѣла и благоустройствѣ, при ономъ сохраненномъ. Умѣю я цѣнить всѣ твои труды и неусыпныя попеченія, и благодарность моя къ тебѣ столь же искренна, какъ и неограниченна.

Одно меня сокрушаетъ и безпокоитъ, именно твое здоровье. Усердно прошу Бога, чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы для пользы государственной и лично моей.

Рапортъ твой формальный препроводилъ я въ Главный Штабъ и нашелъ приличнымъ на оный сдѣлать тебѣ должный отвѣтъ.

При семъ съ добрымъ твоимъ Шумскимъ *) посылаю много другихъ бумагъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю лично тебя увидѣть. Сегодня ѣду я въ Царское Село и пробуду въ немъ до 26 марта.

*) Михаилъ Андреевичъ, р. 1803 г., † 1851 г., флигель-адъютантъ, мнимый сынъ [illegible]ева и Минкиной, кончилъ жизнь печально, за пьянство и буйный нравъ сосланъ [illegible] монастырь.

По словамъ Шумскаго, ты намѣреваешься пріѣхать въ середу или четвергъ, то найдешь меня мимоѣздомъ въ Царскомъ Селѣ, куда я приказалъ въ середу пріѣхать и Виллію, дабы онъ былъ тутъ къ твоимъ услугамъ.

Навѣкъ искренно тебя любящій А.

Получено въ Грузинѣ 17 марта.

19.

Царское Село, 4 маія 1824 г.

При семъ препровождаю довольно знатное количество бумагъ, особливо по Государств. Совѣту.

Я надѣюсь, что ты извѣщенъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, что смотръ назначенъ въ четвергъ.

По извѣстному дѣлу Минист. Духовнаго нужно мнѣ будетъ съ тобою увидѣться. Вторникъ я буду весь занятъ съ Нессельродомъ и Грабовскимъ, а въ середу я ѣду въ Петербургъ, то мнѣ бы казалось кстати, если ты пріѣдешь къ смотру въ середу ввечеру. Послѣ смотра я тебѣ дамъ мои препорученія, а въ пятницу мы займемся уже бумагами по исполненію оныхъ. Я пробуду нѣсколько дней на Каменномъ Острову послѣ смотра, въ которые мы будемъ имѣть время кончить наши дѣла.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ. А.

Получено 5 мая.

20.

30 мая.

Недѣли двѣ назадъ выдано, по повелѣнію моему, изъ Царскосельскаго Правленія симъ ямщикамъ 6000 р. въ заемъ, который они обязались заплатить по полученіи денегъ изъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ.

Получено въ военномъ поселеніи 31 мая.

21.

30 мая.

Нужно, кажется, объявить Комитету указъ словесный о присутствіи попрежнему Голицына въономъ, по званію Главноуправляющаго Почтовымъ Департаментомъ.

Получено въ военномъ поселеніи 31 мая.

22.

Царское Село, 7 іюня 1824 г.

При семъ прилагаю меморію Совѣта о новомъ банкѣ.

Хотя я и утвердилъ мнѣніе большинства членовъ, но признаюсь, что внутренне я согласенъ съ кн. Салтыковымъ насчетъ уравненія Москвы съ Петербургомъ.

Скажи мнѣ по сему свое заключеніе.

Получено въ Великопольѣ, за Новымъ-Городомъ, 8 іюня.

23.

7 іюня 1824 г.

Узнай, пожалуй, представилъ ли сосѣдъ твой Путятинъ просьбу о принятіи дочери его въ Смольный Монастырь? Если помянутая просьба дѣйствительно того Путятина, который на дорогѣ къ военнымъ поселеніямъ, то матушка хочетъ непремѣнно ее удовлетворить.

Получено въ Великопольѣ, за Новымъ-Городомъ, 8 іюня.

24.

При семъ прилагаю остальныя Меморіи, у меня бывшія.

Искренно сожалѣю, любезный Алексѣй Андреевичъ, о томъ, что ты мнѣ пишешь насчетъ своихъ глазъ. Но я надѣюсь, что оно пройдетъ. Гемороидальные припадки иногда производятъ подобное послѣдствіе.

Въ субботу я не могу еще пріѣхать въ Царское Село, ибо и матушка остается до вечера на Елагиномъ, а буду въ воскресенье, послѣ обѣда.

Моя личная печаль часъ отъ часу увеличивается, ибо больная ежедневно хуже становится *).

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ. А.

Квартира тебѣ будетъ въ Красномъ Селѣ весьма добрая, въ томъ же домѣ со мною.

Получено въ Царскомъ Селѣ 14 іюня.

25.

Не слѣдуетъ ли сіе заглавіе перемѣнить?

*) Софія Дмитріевна Нарышкина, р. 1808 г., † 18 іюня 1824 г.

26.

Царское Село, 23 іюня 1824 г.

Не безпокойся обо мнѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ. Воля Божія, и я умѣю ей покоряться. Съ терпѣніемъ переношу я мое сокрушеніе и прошу Бога, чтобы Онъ подкрѣпилъ силы мои душевныя.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю я удовольствіе съ тобою увидѣться завтре и надѣюсь, что поѣздка моя и предметы, коими въ оной заниматься буду, разсѣятъ нѣсколько печальныя мои мысли. Навѣкъ тебя искренно любящій и благодарный за твое участіе въ моей скорби Александръ.

Получено въ Грузинѣ 23 іюня.

27.

Лично по сему дѣлу со мною объясниться.

Петергофъ, 23 іюля 1824 г.

28.

Пенза, 1 сентября 1824 г.

Обоихъ разрѣшить.

Получено 15 сентября.

29.

Симбирскъ, 5 сентября 1824 г.

Внести въ Комитетъ Министровъ, дабы обращено было вниманіе на безпорядки, происшедшіе въ незаконномъ награжденіи Высоцкаго.

Получено 5 сентября.

30.

Симбирскъ, 5 сентября 1824 г.

Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за поздравленіе съ днемъ Ангела моего и за желанія твои. Они мнѣ драгоцѣнны, зная твою любовь ко мнѣ и всю искренность твоихъ чувствъ. Но и ты знаешь, сколь чистосердечно я тебя люблю и почитаю.

Благодаря Бога, путь мой весьма былъ счастливъ. Погода наипрелестнѣйшая безпрерывно продолжается, и дороги прекрасныя. Край, черезъ который я проѣхалъ, наибогатѣйшій и любо на него смотрѣть. Войсками 2 корпуса я весьма доволенъ, но однакоже, по истинѣ сказать, не дошли еще совсѣмъ до тѣхъ, кои собраны въ округѣ 1 гренадерской дивизіи.

Противу 5 корпуса, который ты видѣлъ годъ назадъ подъ Москвой, 2 корпусъ лучше, равенствомъ и правильностію въ шагѣ.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ. Александръ.

Получено въ Округѣ Гренадерскаго графа Аракчеева полка 15 сентября.

31.

Вологда, 17 октября 1824 г.

При семъ прилагаю, любезный Алексѣй Андреевичъ, новый мой маршрутъ, изъ котораго ты увидишь, что я ѣду на Новгородъ, а не на Тихвинъ. Посему надѣюсь тебя увидѣть въ Новѣ-городѣ 22 ввечеру, если ты еще не уѣхалъ въ столицу.

Пребываю навѣкъ искренно тебя любящимъ. А.

Получено въ Округѣ Наслѣднаго Принца Прусскаго полка 22 октября.

32.

Суббота, 8-го.

Мы совершенно сошлись мыслями, любезный Алексѣй Андреевичъ, и твое письмо несказанно меня утѣшило, ибо нельзя мнѣ не сокрушаться душевно о вчерашнемъ несчастіи, особливо же о погибшихъ и оплакивающихъ ихъ родныхъ. Завтре побывай у меня, дабы все устроить.

Навѣкъ искренно тебя любящій А.

Получено 8 ноября 1824 г., на другой день бывшаго наводненія въ С.-Петербургѣ.

33.

Пришли мнѣ еще одинъ экземпляръ инструкціи ген.-адъют., назначеннымъ временными воен. губернаторами.

Получено 11 ноября 1824 г. въ С.-Петербургѣ.

34.

Сейчасъ я получилъ отъ матушки извѣщеніе, что похороны Политики *) назначены завтре, то она желаетъ, чтобы разрѣшеніе отъ митрополита могло послѣдовать сего вечера или завтре поутру рано.

Получено 8 декабря 1824 г., въ 10 часовъ вечера.

*) Михаилъ Ивановичъ, д. ст. сов. (р. 1768 г., † 5 декабря 1824 г.).

35.

Царское Село, понедѣльникъ, 22 декабря.

Пріѣзжай ко мнѣ въ Зимній дворецъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, завтре, въ одиннадцать часовъ. Я въ десять выѣду отсюда.

Получено въ С.-Петербургѣ 23 декабря 1824 г.

3) Рескрипты, писанные въ послѣднее время жизни Государя Императора, въ 1825 году.

1.

С.-Петербургъ, 1 генваря 1825 г.

Не хочу я провести новаго года, не поздравя тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, и не пожелавъ тебѣ всякихъ благополучій на сей начинающійся годъ или, лучше сказать, не испрося на тебя истиннаго благословенія Божія.

При семъ прилагаю довольное число бумагъ.

Будь здоровъ и не забывай любящаго тебя искренно.

Получено въ г. Старой Руссѣ 2 генваря 1825 г.

2.

Оставить подворіе въ нынѣшнемъ состояніи, о чемъ я лично объяснялся съ обоими игуменами. Они того же мнѣнія.

Получено въ С.-Петербургѣ 13 генваря 1825 г.

3.

Отправить его въ Таганрогскій греческій монастырь, съ предписаніемъ настоятелю имѣть за нимъ строгое смотрѣніе.

Получено въ Царскомъ Селѣ 20 генваря 1825 г.

4.

С.-Петербургъ, 22 генваря 1825 г.

Сей докладъ не выпускать, до личнаго объясненія со мною.

5.

Жаль мнѣ очень, любезный Алексѣй Андреевичъ, что твоему здоровью не лучше. Сто лѣтъ праздновалось отъ созданія Петербурга, какъ пріятное напамятованіе. Кажется, неловко принять сіе за образецъ для печальнаго воспоминанія, тѣмъ больше, что подобное воспоминаніе о Петрѣ Первомъ чинится ежегодно, наканунѣ его именинъ, т.-е. Петрова дня. Къ сему присовокупляется еще причина, не позволяющая подобный поминъ исполнить 28 генваря, ибо въ сей день рожденіе Михаила Павловича, что, кажется, лучше оставить сіе въ молчаніи.

Навѣкъ тебя искренно любящій.

Получено въ С.-Петербургѣ 26 генваря 1825 г.

6.

Воскресенье, 1 февраля 1825 г.

Изъ получаемыхъ ежедневно записокъ отъ Якова Васильевича Вилія, съ удовольствіемъ вижу, любезный Алексѣй Андреевичъ, что здоровье твое постепенно поправляется. Но въ полученной сегодня онъ меня извѣщаетъ, что ты собираешься завтре сюда пріѣхать. Я убѣдительно тебя прошу сего не дѣлать, ибо послѣ столь сильной лихорадки поѣздка сюда будетъ не въ мѣру, и ты подвергаешься опять простудиться.

Итакъ, я настоятельно требую отъ тебя, завтре не ѣздить. Послѣзавтре я самъ поутру буду въ Петербургѣ, въ будущую же поѣздку въ Царское Село я надѣюсь, что ты будешь совсѣмъ здоровъ, и тогда я отмѣнно буду радъ тебя здѣсь видѣть.

Искренно тебя любящій.

Получено 1 февраля 1825 г., въ 9 часовъ вечера.

7.

Взять справку, какой породы сей князь Ходжеминосовъ? Какой губерніи помѣщикъ, и давно ли родъ сей въ княжескомъ достоинствѣ?

Получено въ С.-Петербургѣ изъ Царскаго Села 17 февраля 1825 г.

8.

1825 г. февраля 25 дня.

1) Причины, побудившія правительство приступить къ установленію военныхъ поселеній.

2) Пользы, которыя правительство старалось соединить въ семъ установленіи.

3) Правила, на которыхъ сіе установленіе учреждено.

4) Выгоды, предоставляемыя поселянамъ, взамѣнъ обращенія ихъ въ военную службу.

9.

С.-Петербургъ, Воскресенье, 1 марта 1825 г.

Напиши, пожалуй, митрополиту Кіевскому, что я его желаю принять къ себѣ сегодня, въ 6 часовъ съ половиной.

10.

1) О Соймоновѣ.
2) О Гладковѣ.
3) О Шульгинѣ.
4) О Комитетѣ.
5) О фасадахъ.

Получено въ С.-Петербургѣ 20 марта 1825 г.

11.

Нужно заготовить отвѣтъ на обыкновенномъ основаніи, а по представленіямъ о наградахъ исполнить.

Получено въ С.-Петербургѣ 1 апрѣля 1825 г.

12.

Христосъ Воскресъ! Любезный Алексѣй Андреевичъ! Не зная твоихъ расположеній касательно нашихъ бумажныхъ занятій, считаю лучшимъ тебя извѣстить о расположеніи моего времени. Не оставалось у меня другого времени, какъ сего утра, для принятія съ дѣлами Московскаго генералъ-губернатора, онъ будетъ ко мнѣ въ 8 часовъ; затѣмъ я приму Воронцова съ его бумагами, не располагаясь иттить къ разводу. Потомъ схожу къ матушкѣ и сестрамъ; послѣ аудіенція двумъ Англинскимъ министрамъ, новому и старому, графу Сенъ-При, прусскому маіору Туну; потомъ въ часъ начальникъ Морского штаба, то я бы желалъ, чтобы ты ко мнѣ пріѣхалъ въ половинѣ второго, но безъ бумагъ, ибо у меня, право, времени нѣтъ, а я тебѣ передамъ, которыя у меня находятся. Послѣ обѣда отправляюсь я въ Царское Село.

Получено 1 апрѣля 1825 г., на третій день Пасхи.

13.

Здѣсь должна быть ошибка, ибо 2-й *корпусъ* въ 1-й *арміи*. Если точно онъ 2-й арміи, то не можетъ быть 2-го корпуса, а долженъ быть 6-го или 7-го.

Получено въ Грузинѣ 23 апрѣля 1825 г.

14.

Варшава, 15 апрѣля 1825 г.

Твое письмо, любезный Алексѣй Андреевичъ, душевно меня опечалило насчетъ твоего здоровья. Я прошу Бога, отъ всего сердца, чтобы Онъ подкрѣпилъ и исцѣлилъ тебя. Не забывай кобылье молоко, оно тебѣ уже много помогло. Я сегодня, благодарю Бога, благополучно пріѣхалъ. Но свободнаго время долѣе тебѣ писать вовсе не имѣю.

Тебя искренно любящій навѣкъ.

Получено въ Грузинѣ 23 апрѣля 1825 г.

15.

Варшава, 1 мая 1825 г.

Внести въ Комитетъ Министровъ, дабы строгое вниманіе было обращено на сіе гнусное происшествіе, для открытія виновныхъ и должнаго примѣра надъ оными, такъ и надъ безсовѣстными игроками.

Получено въ Грузинѣ 13 мая 1825 г.

16.

Варшава, 1 мая 1825 г.

Кромѣ оной статьи, я согласуюсь въ прочихъ съ рѣшеніемъ Совѣта.

По сей же статьѣ отмѣчено мною, что рѣшеніе послѣдуетъ впредь, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы списаться съ Минскимъ губернаторомъ и отобрать у него объясненія по сему дѣлу. Вообще нужно собрать всѣ меморіи Совѣтскія, въ которыхъ подобныя отмѣтки: *что рѣшеніе послѣдуетъ впредь,* существуютъ.

Я ихъ дѣлалъ въ намѣреніи послѣ объясниться по симъ статьямъ, не задерживая исполненія по меморіи.

Получено въ Грузинѣ 13 мая 1825 г.

17.

Варшава, 22 мая 1825 г.

По прiѣздѣ моемъ, лично по сей бумагѣ со мною объясниться.

18.

Варшава, 23 мая 1825 г.

Немедля по полученiи письма твоего отъ 30 апрѣля, любезный Алексѣй Андреевичъ, далъ я нужныя повелѣнiя начальнику штаба и поручилъ ему объ оныхъ тебѣ сообщить, дабы ты съ Герцогомъ устроилъ размѣщенiе 13-й дивизiи такимъ образомъ, чтобы она не мѣшала поселеннымъ войскамъ, и дабы не было между ними сообщенiя.

Самъ же я въ тотъ день не имѣлъ времени писать. Посему я надѣюсь, что ты уже и распорядилъ къ лучшему, какъ слѣдуетъ.

Здѣсь, благодаря Всевышняго, идетъ все по желанiю, и я отмѣнно доволенъ общимъ расположенiемъ.

Попекись о своемъ здоровьѣ, оно мнѣ драгоцѣнно.

Навѣкъ тебя искренно любящiй.

Получено въ Грузинѣ 31 мая 1825 г.

19.

Сувалки, 3 iюня 1825 г.

Какими вздорами заставляютъ заниматься и отрываютъ отъ дѣлъ, гораздо важнѣйшихъ.

Получено 10 iюня 1825 г.

20.

Царское Село, 17 iюня 1825 г.

Я самъ собирался тебѣ писать, любезный Алексѣй Андреевичъ, когда я получилъ письмо твое. Я намѣреваюсь быть на Каменный Островъ въ пятницу поутру, то я тебѣ предлагаю, прiѣзжай ко мнѣ въ два часа. Часъ мы поработаемъ съ тобою до обѣда, потомъ отобѣдаемъ вмѣстѣ и послѣ обѣда будемъ продолжать работу нашу. Завтре же мнѣ необходимо надобно кончить политическiя бумаги, которыя навалили на меня во время послѣдняго пути.

Навѣкъ тебя искренно любящiй.

Получено въ С.-Петербургѣ 17 iюня 1825 г.

21.

Царское Село, іюня 24, въ 10 часовъ вечера.

Сейчасъ получилъ я письмо твое, любезный Алексѣй Андреевичъ.

Весьма мнѣ прискорбно, что дожди столь много повредили въ военныхъ поселеніяхъ. Сегодня въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ дождя не было. Я ѣздилъ на Каменный Островъ поутру, и грязь была большая, а послѣ обѣда воротился назадъ и уже большая пыль была отъ вѣтру, который весьма скоро сушитъ. Если сегодня у васъ дождь пересталъ и, по милости Божіей, завтра и послѣзавтра, то-есть день моего пріѣзда въ Грузино, его не будетъ, что уже составляетъ три дня, а къ сему можно еще причесть четвертый, то-есть день пріѣзда принца въ Грузино и на ночлегъ въ твой полкъ, что и составитъ тѣ четыре дня, которые ты желаешь для обсушки. Перемѣнять же весьма будетъ затруднительно, по причинѣ разсчета времени въ лагерѣ, который при семъ прилагаю и который докажетъ тебѣ, что упражненія въ ономъ хватаютъ до Петергофскаго житья. При томъ и крестины *) отложены до моего возвращенія изъ поселенія. Но если, по несчастію, дождь завтра будетъ итти сильно, то я рѣшусь отложить, о чемъ подробно тебѣ напишу съ другимъ фельдъегеремъ.

Навѣкъ тебя любящій.

Получено въ Грузинѣ 25 іюня 1825 г.

22.

Царское Село, 13 іюля 1825 г.

Я неудобства никакого не вижу принять Магницкаго, только надобно такъ распорядиться, чтобы не вмѣстѣ было съ Карамзинымъ, и лучше, ежели бы и не встрѣчались. Карамзинъ готовится просить дозволенія пріѣхать, то Магницкому можно назначить время послѣ отъѣзда Карамзина.

При семъ прилагаю отношеніе Московскаго военнаго генералъ-губернатора къ Дибичу, оно, кажется, писано прежде полученія моихъ послѣднихъ повелѣній насчетъ Мамонова. Но чтеніе сихъ бумагъ даетъ довольно странный видъ сему дѣлу. Не кроется ли тутъ чего другого? Мамоновъ вызывается прислать какую-то бумагу, которую его хотѣли заставить подписать. Сличая сіе съ приложеннымъ объявленіемъ его офицерамъ и солдатамъ, даетъ какое-то странное понятіе объ сей бумагѣ и содержаніи оной. Я подчеркнулъ краснымъ карандашомъ примѣчательнѣйшія мѣста. Для сего нужно мнѣ бы было съ тобою увидѣться, то не пріѣдешь ли въ Петергофъ, къ матушкиному празднику? Симъ случаемъ будешь имѣть способъ проститься съ принцемъ Оранскимъ, который ѣдетъ послѣ праздника.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящій.

Получено въ Грузинѣ 15 іюля 1825 г.

*) Великой Княжны Александры Николаевны, р. 12 іюня 1825 г.

23.

Петергофъ, 2 августа 1825 г.

Весьма согласенъ, чтобы отказать сему знаменитому прожектеру, раздѣляя совершенно опасеніе на его намѣренія.

24.

Прикажи мнѣ списать сію записку отъ знака № В до самаго конца.

Получено на Каменномъ Острову 29 августа 1825 г.

25.

Велижъ, 4 сентября 1825 г.

Спросить по сему дѣлу мнѣніе митрополита Серафима. Одно обстоятельство по оному довольно примѣчательно, то именно, что епископъ былъ братъ *второй* жены просителя.

Получено въ полку графа Аракчеева 10 сентября 1825 г.

26.

Таганрогъ, 16 сентября 1825 г.

Благодаря Бога, я достигъ до моего назначенія, любезный Алексѣй Андреевичъ, весьма благополучно, и могу сказать даже пріятно, ибо погода и дороги были весьма хороши. Въ Чугуевѣ я полюбовался успѣхамъ въ построеніяхъ. Объ фронтовой части не могу ничего сказать, ибо, кромѣ разводу и пѣшаго смотра поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ и кантонистовъ, я ничего не видалъ.

Петра Андреевича Клейнмихеля я съ удовольствіемъ нашелъ въ Чугуевѣ. Я кое-что препоручилъ ему тебѣ написать.

Здѣсь мое помѣщеніе мнѣ довольно нравится, воздухъ прекрасный, видъ на море, жилье довольно хорошее, впрочемъ, надѣюсь, что самъ увидишь.

При семъ прилагаю прежній проэктъ повѣстки по городу отъ военнаго губернатора, и поданную послѣ отъ начальника Морского штаба, съ необходимыми перемѣнами.

Теперь то время, что пора сдѣлать сіе оповѣщеніе, то условься вмѣстѣ съ Моллеромъ и Милорадовичемъ, и приведи оное въ исполненіе.

Пребываю навѣкъ тебя искренно любящимъ.

Получено послѣ смерти благодѣтеля моего Императора Александра Благословеннаго 10 декабря 1825 года.

27.

Таганрогъ, 19 сентября 1825 г.

При семъ прилагаю бумаги, поданныя мнѣ графомъ Воронцовымъ. Прочти ихъ со вниманіемъ. Онѣ заслуживаютъ уваженія. Мнѣ кажется, слѣдуетъ ихъ разсмотрѣть въ Комитетѣ Финансовъ. Но я бы желалъ, чтобъ сіе послѣдовало въ твое присутствіе, дабы обращено было должное вниманіе при разсужденіяхъ объ сихъ предметахъ. Для сего я полагаю, что ты побываешь на время въ Петербургѣ, до отъѣзда твоего въ Таганрогъ. Такимъ образомъ, ты самъ мнѣ и привезешь рѣшенія Комитета по симъ бумагамъ.

Пребываю навсегда тебя искренно любящій.

Получено въ Грузинѣ 1 октября 1825 г.

28.

Таганрогъ, 22 сентября 1825 г.

Любезный другъ! Нѣсколько часовъ, какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе объ ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя.

Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ предъ Богомъ.

Предайся слѣпо Его святой волѣ. Вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ несчастіи я могу тебѣ указать, другихъ не существуетъ, по моему убѣжденію.

Искренне раздѣляю я твою печаль. Хотя я не зналъ и не видывалъ особы, тобою оплакиваемой, но она тебѣ была искреннимъ и давнишнимъ другомъ, сего довольно, чтобы потеря ея была для меня прискорбна. Къ сему присоединяется еще ужасная мысль объ образѣ сей кончины. Я живо воображаю все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти. Твое положеніе, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое собственное здоровье сильно оное почувствовало. Но еще разъ тебѣ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ, отчаяніе есть грѣхъ и сильный грѣхъ. Покорность совершенная волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонить главы наши, съ умиленіемъ и повиновеніемъ Его святой волѣ. Покорись ей, и Богъ самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ.

Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь, куда ѣхать? Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное, будешь здѣсь жить, какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ.

Но заклинаю тебя всѣмъ, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ своихъ силъ,—вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія. Я Бога усердно прошу, чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье, и вселилъ бы въ тебя необходимую твердость, съ повиновеніемъ Его святой волѣ.

Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показаніе преступниковъ и твое по всему оному предположеніе.

Объяви губернатору мою волю, чтобы старался дойтить всѣми мѣрами, не было ли какихъ тайныхъ направленій или подущеній?

Любезный другъ, жаль мнѣ выше всякаго изреченія твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ, что оно должно чувствовать, и скорблю съ нимъ искренно.

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга, вѣрнаго тебѣ друга.

Получено въ Грузинѣ 1 октября.

29.

Таганрогъ, 3 октября 1825 г.

Твое здоровье, любезный другъ, душевное и тѣлесное, послѣ таковаго несчастія, крайне меня безпокоитъ. Я нарочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человѣка тебѣ преданнаго, дабы съ нимъ посовѣтоваться насчетъ твоего положенія, и, по довольномъ разсужденіи, положили мы, чтобы ему отложить до другого времени осмотръ войскъ, находящихся подъ начальствомъ графа Витта, дабы могъ онъ возвратиться немедленно къ тебѣ. А я буду имѣть возможность получать подробное свѣдѣніе какъ о твоемъ здоровьѣ, такъ и о подробностяхъ всего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ, мнѣ крайне прискорбно, что Даллеръ ни одной строки о тебѣ не пишетъ, когда прежде онъ всякій разъ исправно извѣщалъ о твоемъ здоровьи. Неужели тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебѣ, въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ забыть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно! И еще грѣшнѣе усумниться въ его участіи въ твоей печали. Убѣдительно тебя прошу, любезный другъ, если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣщать на свой счетъ, я въ сильномъ безпокойствѣ.

Навѣкъ искренно тебя любящій.

Получено въ Грузинѣ 11 октября 1825 г.

30.

Таганрогъ, 3 октября 1825 г.

Отецъ Архимандритъ Фотій!

По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, графъ Алексѣй Андреевичъ послѣ несчастія, его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянія. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы, съ помощію Всевышняго, много можете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпя ихъ, вы окажете важную услугу Государству и мнѣ, ибо *служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества.*

Христіанинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою Господнею ему наносимые. Мы всѣ въ волѣ Его. Испрашивая благословенія вашего, поручаю себя молитвамъ вашимъ.

Письмо сіе хранить въ тайнѣ.

И) Два рескрипта и Указъ Комитету Министровъ Царствующаго Государя Императора Николая Павловича.

1.

С.-Петербургъ, 20 декабря 1825 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Посылаю къ вамъ черновую записку двухъ моихъ къ вамъ отношеній, насчетъ перевода Канцеляріи *Собственной* Моей въ Мое непосредственное завѣдываніе и объ увольненіи васъ отъ завѣдыванія Канцеляріею Комитета Министровъ. Я ожидаю отъ васъ вашихъ на оную замѣчаній, вмѣстѣ съ возвращеніемъ ко мнѣ оной. Я желаю симъ исполнить долгъ мой и удовлетворить справедливому желанію вашему. Николай.

2.

С.-Петербургъ, 20 декабря 1825 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпѣвшее отъ поразившаго насъ общаго несчастія, и столь мнѣ и отечеству нужное, Я, согласно желанію и просьбѣ вашей, увольняю васъ отъ занятій дѣлами

по *Собственной* Моей Канцеляріи, которая посему и будетъ находиться въ непосредственномъ Моемъ завѣдываніи, равномѣрно, удовлетворяя желанію вашему, предоставляю вамъ и Канцелярію Комитета Министровъ поручить управляющему дѣлами сего Комитета, дѣйствительному статскому совѣтнику Гежелинскому, о чемъ Указъ Комитету сего числа послѣдовалъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ пребываю къ вамъ навсегда доброжелательнымъ.

Николай.

С.-Петербургъ, 20 декабря 1825 г.

Комитету гг. Министровъ.

По желанію и просьбѣ генерала графа Аракчеева, увольняю его отъ завѣдыванія дѣлами Комитета гг. Министровъ, а Канцелярію онаго повелѣваю поручить управляющему дѣлами сего Комитета, дѣйствительному статскому совѣтнику Гежелинскому.

Николай.

XI.

Письма графа Аракчеева къ Императору Александру I *).

1810 годъ.

1.

Изъ Грузина, 29 іюня.

Я не имѣю столько ни разума, ни словъ, чтобъ изъяснить Вамъ, батюшка, Ваше Величество, всей моей благодарности, но Богу извѣстно, сколь много я Васъ люблю и на какихъ правилахъ я Вамъ преданъ, одно оное только меня и утѣшаетъ. Доставляйте мнѣ случай доказывать все сіе на опытахъ, тогда Вы меня болѣе полюбите.

Вашу потерю **) слышалъ я и знаю, что оная должна быть Вамъ тяжела, но извѣстная мнѣ Ваша вѣра на Всевышняго должна укрѣпить Васъ.

Приказаніе Ваше застало меня совсѣмъ готоваго ѣхать въ С.-Петербургъ, ибо Ея Высочество ***) вчерась, только въ 4 часа пополудни, изволила пріѣхать въ Грузино и сегодня, въ 1 часъ пополудни, въ совершенномъ здоровіи отправилась далѣе. Сіе самое меня здѣсь и удерживало, но, получа фельдъегеря отъ Васъ, батюшка, и увидѣвъ, что г. Лавровъ долженъ ко мнѣ, кажется, сегодня пріѣхать, я остался здѣсь, дабы, не терявъ времени, показать ему все нужное къ его свѣдѣнію и съ нимъ же вмѣстѣ немедленно возвратиться въ С.-Петербургъ, почему и прошу приказать ему скорѣе ко мнѣ пріѣхать, если, паче чаянія, онъ еще не выѣхалъ.

Ихъ Высочества отмѣнно ко мнѣ были милостивы и всѣмъ довольны, и я получилъ письмо для врученія Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ, которое, батюшка, осмѣливаюсь представить къ Вамъ, прося покорно Ваше Величество представить уже оное къ Императрицѣ и объяснить причину, почему я не самъ оное представляю, дабы не изволила прогнѣваться и принять сіе въ другомъ видѣ.

Ихъ Высочества расположены ѣхать и по ночамъ, дабы скорѣе прибыть въ С.-Петербургъ, и предполагаютъ успѣть въ нынѣшнюю пятницу ввечеру быть въ С.-Петербургѣ. Однако, запретили мнѣ Государынѣ Императрицѣ, Ваше Величество, объ ономъ сказывать, располагая увѣдомить о пріѣздѣ своемъ изъ Ладоги.

*) Архивъ канцеляріи Военнаго Министерства XVI 21.
**) Умерла [illegible] Зинаида Дмитріевна Нарышкина.
***) [illegible] Екатерина Павловна съ супругомъ.

1812 годъ.

2.

Изъ С.-Петербурга, 28 генваря.

Батюшка, Ваше Величество! изволите увидѣть изъ письма Лаврова, что дѣла его идутъ хорошо.

Я же опять прибѣгаю къ Вамъ съ просьбами; адъютанты мои: Назановъ вышелъ въ отставку и нечѣмъ доѣхать домой, и даже здѣсь заплатить; онъ бѣденъ, но очень хорошій былъ слуга; другой, Перренъ, женится. Пожалуйте имъ обоимъ по тысячѣ рублей, оное будетъ служить награжденіемъ мнѣ, а дабы не безпокоить того, кого я болѣе всего на свѣтѣ люблю, то и адъютантовъ брать къ себѣ не буду.

1814 годъ.

3.

Отвѣтъ графа Аракчеева, сдѣланный Государю Императору 22 мая 1814 года изъ Парижа, на полученное отъ Его Величества изъ С.-Ле.

Всемилостивѣйшій Государь! Чувствую всю цѣну милостиваго Вашего письма, оно будетъ для меня на всю жизнь утѣшеніемъ. Позвольте, Всемилостивѣйшій Государь, и мнѣ сказать съ прямою откровенностью, что любовь и преданность моя къ Вашему Величеству превышали въ чувствахъ моихъ все на свѣтѣ, и что желанія мои не имѣли другой цѣли, какъ только заслужить одну Вашу довѣренность не для того, чтобъ употреблять ее къ пріобрѣтенію себѣ наградъ и доходовъ, а для доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего о несчастіяхъ, тягостяхъ и обидахъ въ любезномъ отечествѣ. Вотъ была другая цѣль моя! Но почувствовавъ слабость здоровья и замѣтя въ себѣ неспособность, которая не дозволяла меня употребить въ дѣлахъ и быть Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, полезнымъ, долженъ былъ просить себѣ увольненія. Не смѣю скрыть также предъ Вами, Государь, и того, чтобы меня не тяготило душевное огорченіе.

Вашего Императорскаго Величества вездѣ и всегда буду благодарнымъ и вѣрнымъ подданнымъ и слугою.

4.

(Писанное съ В. Р. Марченкою 3 сентября.)

Приказанія Ваши въ точности будутъ исполнены, и отвѣты мои изволите усмотрѣть изъ прилагаемой записки.

По рапорту Сената, мое мнѣніе, что онос дѣло должно быть разсмотрѣно въ Совѣтѣ, почему и проэктъ указа я отдалъ г. Марченку.

Въ ономъ дѣлѣ виноватъ министръ финансовъ тѣмъ, что позволилъ своему департаменту выдавать откупщикамъ деньги тогда, когда должно было дѣлать въ С.-Петербургской казенной палатѣ, и тогда бы сего упущенія не послѣдовало, а если бы что и случилось, тогда бы Сенатъ взыскалъ съ казенной палаты. Касательно ассигнованія суммъ гг. министрамъ для будущаго года, то указу никакого не надобно; я оное все объявилъ князю Николаю Ивановичу Салтыкову, и онъ приказалъ уже объ ономъ сообщить министрамъ, равнымъ образомъ объявилъ волю Вашу и г. министру финансовъ объ уменьшеніи его смѣты, а теперь займусь съ министромъ военнымъ и дамъ ему наставленіе, на какіе предметы должно будетъ требовать суммы на будущій годъ по Военному Министерству.

1816 годъ.

5.

Изъ Смоленска, 10 сентября.

Вашему Императорскому Величеству представляю одинъ примѣръ объ оказанномъ вспоможеніи отъ правительства экономическимъ и удѣльнымъ крестьянамъ Смоленской губерніи.

Послѣ прогнанія непріятеля изъ губерніи, въ началѣ 1813 года, до новаго урожая хлѣба, правительство принуждено было крестьянъ своихъ кормить; и для сего отпустило денежныя суммы, на кои разными чинами покупанъ былъ хлѣбъ, показанный цѣною отъ 10 до 19 руб. за четверть, овесъ по 13 рублей. Изъ онаго хлѣба, напримѣръ, отпущено крестьянину одна четверть или 8 четвериковъ съ тѣмъ, чтобъ онъ черезъ три года возвратилъ правительству. Но чѣмъ же отъ него требуютъ возврата? Не хлѣбомъ, а деньгами. Въ нынѣшнемъ году, по благости Божіей, цѣна хлѣбу не прежняя, а отъ 6 до 8 рублей за четверть, слѣдовательно, чтобъ выручить тѣ деньги, которыя казна съ него требуетъ, бѣдный крестьянинъ долженъ продать овса 21 четверикъ, что составляетъ болѣе нежели въ $2^1/_2$ раза противу выданнаго ему хлѣба. Сей примѣръ представляю человѣколюбивому сердцу Вашего Величества и испрашиваю собственнаго Вашего заключенія: прилично ли правительству брать съ подданныхъ своихъ низшаго класса людей, именно съ крестьянъ, столь неблаговидный и закону христіанскому противный прибытокъ? Народъ же, любящій и обожающій своего Государя, долженъ оное переносить, полагая въ мысляхъ своихъ, по невѣдѣнію въ дѣлахъ, и сей распорядокъ волею Вашего Величества.

1817 годъ.

6.

19 мая.

Батюшка, Ваше Величество!

Два дня я находился (17 и 18 числа) въ военномъ поселенiи Высотской волости и, по возвращенiи въ Грузино, исполняю Вашу волю и дѣлаю мое донесенiе:

1. Послѣ извѣстнаго Вашему Величеству сдѣлавшагося въ одной деревнѣ безпорядка, всѣ крестьяне оной деревни въ то же время скрылись въ лѣсъ, но какъ съ военной стороны ничего не было противу нихъ дѣлано, дабы ихъ болѣе не настращать и не озлобить, то они на третьи сутки собрались обратно домой и принялись за свои работы, окромѣ восьми человѣкъ начинщиковъ.

2. Изъ нихъ четыре человѣка 17 числа уже представлены крестьянами другихъ деревень, куда они пришли просить хлѣба, и находятся нынѣ подъ карауломъ.

3. Остальныхъ же четырехъ, самыхъ дурныхъ людей, еще по сiе время нѣту въ своихъ домахъ, и неизвѣстно, гдѣ находятся, а должно полагать, что и они также шатаются въ окружныхъ селенiяхъ, о чемъ и дано знать гражданской земской полицiи.

4. По соображенiю моему на мѣстѣ о разныхъ разговорахъ между жителями сей вотчины, найдено, что въ числѣ ихъ находятся и, окромѣ вышеписанныхъ осьми преступниковъ, еще десять человѣкъ въ разныхъ деревняхъ, дурного поведенiя и худо отзывающихся о семъ новомъ устройствѣ, чѣмъ самымъ отвращаютъ всѣхъ прочихъ крестьянъ отъ настоящей цѣли къ ихъ устройству; почему я всѣхъ оныхъ, записавъ въ солдаты, отправлю на почтовыхъ, подъ присмотромъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ, въ Оренбургской корпусъ на службу къ генералъ-лейтенанту Эссену *).

5. Формальнаго же суда по бывшему безпорядку я не спѣшу начинать, дабы дать время остальныхъ четырехъ преступниковъ имѣть въ своихъ рукахъ.

6. Касательно же строенiя, то доношу Вашему Величеству, что оное начато и будетъ продолжаться съ успѣхомъ по всѣмъ частямъ, и я ничего не упущу изъ виду, чтобы только все оное новое устройство шло въ порядкѣ.

Оканчиваю тѣмъ, что желаю и молю Бога, дабы Ваше Величество были здоровы и спокойны.

---

*) Петръ Кирилловичъ, позднѣе графъ.

7.

Іюня 6.

Въ военномъ поселеніи, слава Богу, все благополучно, и дѣти военныхъ поселянъ, отъ 6 до 18 лѣтъ, всѣ обмундированы.

Обмундированіе, по распоряженію моему, началось въ одинъ день, въ 6 часовъ утра, при ротныхъ командирахъ въ четырехъ мѣстахъ, вдругъ, и продолжалось такимъ образомъ къ центру изъ одной деревни въ другую, при чемъ ни малѣйшихъ непріятностей не повстрѣчалось, кромѣ нѣкоторыхъ старухъ, которыя плакали, думая, что вмѣстѣ съ обмундированіемъ возьмутъ отъ нихъ дѣтей, но когда увидѣли, что, одѣвши, отдали имъ дѣтей и приказали въ то же время заниматься попрежнему крестьянскою работою, то и онѣ успокоились. Касательно же обмундированныхъ дѣтей, то на нихъ я любовался; они стараются покончить поскорѣе свои работы, а возвратясь домой, умывшись, вычистятъ и подтянутъ свои платья и немедленно гуляютъ кучами изъ одной деревни въ другую; а когда съ кѣмъ повстрѣчаются, то становятся сами уже во фрунтъ и снимаютъ шапки.

Крестьянамъ же, главное, полюбилось то, что дѣти ихъ всѣ почти въ одинъ часъ были одѣты, говоря, что отъ онаго одному противъ другого не обидно.

Окончивъ, съ Божіей помощью, сіе, я приступлю скоро и къ слѣдующему окончательному распоряженію. Судъ надъ бунтовщиками оконченъ, и я уже сдѣлалъ свою конфирмацію. Четырехъ только главныхъ зачинщиковъ гражданское вѣдомство высѣчетъ на мѣстѣ преступленія плетьми и возьметъ къ себѣ для отсылки ихъ на поселеніе, а остальныхъ двухъ человѣкъ, менѣе виновныхъ, высѣкутъ батогами и оставятъ военными поселянами, и симъ самымъ окончится оное дѣло, окромѣ находящагося одного зачинщика въ бѣгахъ, и о коемъ не можемъ узнать, гдѣ онъ по сіе время находится.

Какъ скоро оное будетъ окончено, то во всѣхъ деревняхъ розданы будутъ мундиры, и всѣмъ крестьянамъ до 46 лѣтъ приказано будетъ въ одинъ день, во всѣхъ деревняхъ, одѣться въ мундиры и остаться въ оныхъ навсегда, употребляя оные уже ежедневно во всѣхъ своихъ работахъ. Волосы же стричь и бороды брить я не велю, а оставлю ихъ въ нынѣшнемъ положеніи, ибо сіе само по себѣ временемъ сдѣлается.

Окончивъ оное, я не премину донести особо объ ономъ Вашему Величеству.

8.

Іюня 17.

Всеподданнѣйше доношу Вашему Величеству, что всѣ годные на службу люди въ Высотской волости обмундированы и работаютъ уже въ мундирахъ. Сіе окончено столь тихо и успѣшно, что я и самъ не ожидалъ. Многое число жителей уже остригли бороды, а другіе и выбрили,

говоря, что непристойно уже въ мундирѣ быть въ бородѣ. Итакъ, Всемилостивѣйшій Государь, я, кажется, не праздно жилъ здѣсь; успѣлъ сдѣлать въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ хорошее начало, послѣ чего, кажется, вездѣ пойдетъ легко и успѣшно, когда здѣсь ближніе къ столицѣ крестьяне (235 человѣкъ) и ихъ дѣти (165 человѣкъ) надѣли военный мундиръ. Признаюсь вамъ, Государь, что я очень за оное благодарю Бога и чрезвычайно утѣшаюсь въ упованіи томъ, что оное и Вашему Величеству будетъ пріятно.

20 числа сего мѣсяца я располагаюсь явиться къ Вашему Величеству и буду просить, дабы Вы всемилостивѣйше пожаловали подарки моимъ помощникамъ: г.-м. Бухмееру, баталіонному командиру фонъ-Фрикенъ и адъютанту Мартосу.

1818 годъ.

9.

Городъ Зміевъ, 18 апрѣля.

Всеподданнѣйше приношу Вашему Императорскому Величеству глубочайшую благодарность мою за милостивое письмо Ваше отъ 27 марта, которое я удостоился получить 9 сего апрѣля, въ округѣ военнаго поселенія 3 уланской дивизіи.

Дѣйствительно, Всемилостивѣйшій Государь, человѣку, истинно вѣрующему, вездѣ можно видѣть Божію милость къ себѣ, какъ и письмо сіе доказало мнѣ оное.

Письмо сіе достигло до меня въ то самое время, когда я начиналъ было скорбѣть здѣсь отъ всѣхъ обстоятельствъ, мною тутъ встрѣченныхъ.

Но оно, поистинѣ, обновило унывающій мой духъ и придало мнѣ новыя силы трудиться почти день и ночь во все здѣсь мое пребываніе.

Всевышнему благодареніе! Съ Его святою помощію, мнѣ кажется, я сдѣлалъ хотя нѣчто полезное, и это самое меня совершенно успокоило.

При отъѣздѣ Вашего Величества изъ Москвы, извѣстны Вамъ были безпокойства, въ здѣшнемъ поселеніи возникавшія, такъ же, какъ и мое по сему случаю предписаніе, сколько можно менѣе военному начальству тревожить коренныхъ жителей, до моего пріѣзда къ нимъ. Но полученное мною дорогою извѣстіе о буйствѣ сосѣдственныхъ экономическихъ деревень, о коемъ донесено Вашему Величеству отъ генералъ-лейтенанта Лисаневича и харьковскаго гражд. губернатора, приводило меня въ то опасеніе, чтобы въ одно время вдругъ не открылось подобнаго духа неповиновенія и въ самыхъ военныхъ поселеніяхъ. Къ крайнему моему прискорбію, вскорѣ догадки сіи подтвердились: дорогою изъ Москвы я получилъ донесеніе о происшедшемъ безпорядкѣ въ округѣ Таганрогскаго полка. Но, по милости Божіей, безпокойство сіе окончилось безъ всякаго важнаго произшествія, взятьемъ только 5 человѣкъ военныхъ поселянъ

подъ караулъ и объявленіемъ жителямъ о скоромъ моемъ къ нимъ пріѣздѣ, изъ коихъ четырехъ, найдя невинными, я немедленно освободилъ обратно въ свои домы.

Дабы имѣть мнѣ полное понятіе о положеніи здѣшнихъ дѣлъ и, сколько возможно, времени не теряя, употребить и самый путь свой въ пользу, я назначилъ генералъ-маіору Александрову выѣхать къ себѣ навстрѣчу въ городъ Орелъ, и оттуда уже, ѣхавши съ нимъ вмѣстѣ, поставилъ себя въ извѣстность обо всемъ, что было для меня нужно.

По пріѣздѣ сюда, дѣйствительно, я было унылъ духомъ, когда увидѣлъ 16/т. человѣкъ коренныхъ жителей въ страхѣ, печали и нѣкоторомъ родѣ онѣмѣлости, то-есть въ такомъ расположеніи, въ какомъ пребываетъ человѣкъ, когда онъ, будучи недоволенъ своимъ состояніемъ, страшится, но не знаетъ, что ему предпринять къ улучшенію своей участи, и отъ сей неизвѣстности переходитъ въ нѣкоторое вредное ко всему равнодушіе.— Коренные жители недовольны военнымъ поселеніемъ, а военное начальство жалуется на ихъ ослушаніе: однимъ словомъ, каждая сторона говоритъ свое и защищаетъ только себя, не думая о цѣли общей.

Въ семъ положеніи дѣлъ, единственный способъ къ поправленію оныхъ — прибѣгнуть къ Богу и просить Его о наставленіи, какъ и всегда я сіе дѣлаю. Въ то самое время, вдругъ, получаю Ваше письмо, яко благоволеніе ко мнѣ Божіе, и съ твердымъ упованіемъ на Святой Промыслъ приступилъ къ слѣдующимъ мѣрамъ:

1. Дозволилъ каждому округу выбрать изъ каждаго селенія самимъ между собою по два человѣка депутатовъ и быть ко мнѣ въ дивизіонную штабъ-квартиру.

2. Выслушалъ прежде отъ нихъ только одни жалобы и желанія каждаго округа особо. Они показали мнѣ, что желаемое ими есть у всѣхъ общее, и что оное можно допустить, нисколько не разстроивъ чрезъ то общаго плана поселенія, какъ Ваше Величество изволите ясно сіе усмотрѣть въ прилагаемыхъ здѣсь отданныхъ мною приказахъ.

3. Послѣ того депутаты каждаго округа были мною вторично выслушаны уже въ присутствіи генераловъ, полкового командира и командира поселенныхъ эскадроновъ. Я объявилъ имъ свое согласіе на ихъ просьбы и возможность удовлетворенія оныхъ.

4. Отпустилъ депутатовъ по своимъ селеніямъ и при семъ велѣлъ имъ слышанное отъ меня объявить жителямъ, обѣщая, что все оное будетъ отдано въ приказѣ, котораго экземпляры раздадутся имъ печатные.

Симъ самымъ способомъ, кажется, успѣлъ я успокоить жителей, если только будетъ исполнять военное начальство сдѣланное мною распоряженіе, и если дастся время совершенно забыть имъ прошедшее и, такъ сказать, освободиться отъ нынѣшняго ихъ страха и онѣмѣлости.

Послѣ оной, позвольте сказать, Всемилостивѣйшій Государь, весьма трудной для тѣла и души работы, я объѣхалъ всѣ округи военнаго поселенія, разстояніемъ слишкомъ 200 верстъ составляющіе, подтвердилъ на мѣстѣ сдѣланное мною обѣщаніе и услышалъ отъ депутатовъ, что

объявленное имъ мое приказаніе кореннымъ жителямъ принято ими съ удовольствіемъ.

Вотъ главныя черты моего Вашему Величеству донесенія о здѣшнихъ моихъ занятіяхъ; подробности же онаго изволите усмотрѣть, если удостоите прочтенія, изъ бумагъ, здѣсь прилагаемыхъ, въ коихъ найти также изволите мѣры, принятыя мною, дабы ничего въ полкахъ не дѣлалось безъ моего позволенія и дабы самое росписаніе поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ было присылаемо ко мнѣ съ ихъ командирами, полагая симъ средствомъ побудить частныхъ командировъ, отъ коихъ зависитъ внутреннее спокойствіе жителей, заняться болѣе и понимать важность плана поселенія.

Если все, мною предпринятое, изволите Вы, Всемилостивѣйшій Государь, найти исполненнымъ сходно съ Вашими намѣреніями, тогда уже я тѣмъ паче удостовѣрюсь въ покровительствѣ къ себѣ Божіемъ. Его же святой волѣ угодно было съ 1796 года сблизить меня съ Наслѣдникомъ, а потомъ оставить и при моемъ Государѣ.

Наконецъ, всеподданнѣйше доношу Вашему Величеству, что безпорядки и въ Саввинской экономической отчинѣ прекращены, и что 17 человѣкъ зачинщиковъ взяты губернаторомъ въ Харьковъ къ суду. — Я же на сихъ дняхъ выѣзжаю отсюда и, проѣхавъ чрезъ поселенія графа Витта, явлюсь въ городъ Кишиневъ къ Вашему Императорскому Величеству, а тогда, во время самаго вояжа, возможно и должно будетъ въ подробности объясниться съ Вашимъ Величествомъ о всѣхъ здѣшнихъ дѣлахъ, требующихъ ближайшаго къ себѣ Вашего вниманія.

10.

Сентября 29.

Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что во всѣхъ округахъ военныхъ поселеній, по полученнымъ донесеніямъ, все идетъ заведеннымъ порядкомъ, и даже бывшіе, извѣстные Вашему Величеству, безпорядки въ 3 уланской дивизіи, что нынѣ вторая, въ Таганрогскомъ полку, приходятъ въ должный порядокъ, какъ доноситъ генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ. Выписка изъ сего донесенія при семъ прилагается.

Объ успѣхѣ ученья въ поселенныхъ полкахъ 11 дивизіи, Елецкомъ и Полоцкомъ, Ваше Величество изволите усмотрѣть въ донесеніи генерала-лейтенанта Цвиленева, равномѣрно въ копіи при семъ прилагаемомъ.

Касательно прочихъ приказаній Вашего Величества, при Высочайшемъ отъѣздѣ Вашемъ мнѣ данныхъ, всеподданнѣйше доношу:

Генералъ-лейтенантъ Эссенъ увѣдомляетъ меня чрезъ посланнаго къ нему фельдъегеря, что безпорядки между уральскими казаками въ то же время окончились, и нынѣ все находится спокойно, и что посему онъ не находитъ надобности вводить къ нимъ постороннихъ войскъ.

О московскомъ экзерциргаузѣ генералъ-лейтенантъ Бетанкуръ лично мнѣ объявилъ, что онъ послѣ осмотра своего въ проѣздъ свой чрезъ Москву донесъ уже Вашему Величеству, что никакой опасности онъ не предвидитъ, а прежнее донесеніе основалъ на словахъ пріѣхавшаго тогда изъ Москвы, къ нему, извѣстнаго Вашему Величеству Боде.

О комитетѣ для разсмотрѣнія почтоваго дѣла я объяснялся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и, согласясь на составленіе онаго изъ членовъ, означенныхъ въ прилагаемомъ у сего рескриптѣ, всеподданнѣйше представляю оный къ Высочайшему подписанію.

По дѣламъ о переходѣ эстляндскихъ крестьянъ въ свободное состояніе Высочайше повелѣли мнѣ заготовить указъ о дворовыхъ людяхъ; но какъ по сему нужно было прежде сдѣлать сношеніе съ бывшимъ гражданскимъ губернаторомъ Икскулемъ, то нынѣ оный указъ всеподданнѣйше представляю къ подписанію.

Для поправленія бѣдныхъ жителей Стараго Крыма, армянъ, требовано было, по Высочайшему Вашему повелѣнію, отъ таврическаго гражданскаго губернатора мнѣніе о средствахъ, какія къ тому предполагаются, почему онъ въ донесеніи своемъ предполагалъ даровать имъ, съ наступающаго новаго года, право на винную въ ихъ городѣ продажу и отпустить въ пользу ихъ безденежно изъ озеръ Крымскихъ 50/т. пудовъ соли.

Ваше Величество повелѣли спросить у армянъ, довольны ли они симъ предложеніемъ, вмѣсто назначенной имъ въ жалованной грамотѣ земли?

Нынѣ, прилагается у сего доставленное чрезъ губернатора письменное ихъ показаніе, которое свидѣтельствуетъ ихъ собственное желаніе на предоставленіе имъ таковой продажи и отпуска соли.

Вслѣдствіе сего всеподданнѣйше при семъ подношу на имя министра финансовъ къ подписанію указъ.

11.

Деревня Губарево, 12 октября.

Батюшка, Ваше Величество!

Октября 2 числа я выѣхалъ изъ Грузина для осмотра военныхъ поселеній 1 гренадерской дивизіи и сего числа окончилъ только оный въ баталіонахъ Короля и Принца Прусскаго, потому что я осматриваю всѣ деревни и всѣ земли, дабы знать подробно положеніе оныхъ, ибо, съ помощію Божіею, на будущее лѣто я приступлю уже къ строенію домовъ и въ баталіонѣ Короля Прусскаго.

Милостивыя ваши письма отъ 20 и 23 сентября я получилъ вчерашній день въ округѣ поселенія Наслѣднаго Прусскаго принца, принесъ душевно Богу за оныя благодарность и Вамъ оную же съ чистѣйшимъ сердцемъ повторяю, что Вы не забываете стараго своего слугу, который безпрестанно думаетъ о Вашемъ Величествѣ.

Осмотръ мой продолжается съ большимъ мнѣ удовольствіемъ, ибо вездѣ я нахожу удовольствіе жителей, тишину и спокойствіе, какъ съ ихъ стороны, такъ и отъ военныхъ ихъ товарищей, и во всѣхъ ротахъ нашелъ я неожиданную новость: караулы представлены во время моего пребыванія какъ офицерскіе, такъ унтеръ-офицерскіе, изъ однихъ коренныхъ новыхъ военныхъ поселянъ, по доброй ихъ волѣ обучавшихся; я всѣхъ ихъ благодарилъ отъ имени Вашего и выдалъ каждому отъ лица Вашего денежное награжденіе.

Въ деревнѣ Есьянахъ вспомнилъ я мысленно про себя, что прошлаго года жители сей деревни дѣлали Вашему Величеству много заботы и неудовольствія, а нынѣ стоятъ въ ружье и дѣлаютъ все, что должно знать солдату. Вотъ что дѣлаетъ попеченіе Государя о своемъ народѣ.

Въ прочихъ военныхъ поселеніяхъ все, слава Богу, также смирно и спокойно, и генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ донесъ мнѣ чрезъ нарочно присланнаго 8 числа сего мѣсяца, что и въ Таганрогскомъ полку всѣ жители обмундированы по положенію, и тѣмъ оное также, слава Богу, пріятнѣе, что все сіе окончено тихо и смирно; почему теперь, по возвращеніи моемъ, и находящихся въ округѣ моего полка 8 человѣкъ отправлено обратно въ ихъ семейства, во 2 уланскую дивизію.

Сего числа ночевалъ я въ деревнѣ Губаревой, на большой дорогѣ, и буду осматривать селенія, по Вишерѣ рѣкѣ расположенныя, а къ ночи переѣду ночевать въ имѣніе г-на Сперанскаго, а завтра отправлюсь въ Медвѣдскую волость и такъ далѣе.

Всѣ прочія приказанія Ваши исполню въ точности; но простите меня великодушно, что я много написалъ, и вѣрьте неизмѣнной моей къ Вамъ чистѣйшей преданности, съ коею до конца жизни пребудетъ.

12.

Штабсъ-квартира 1 Карабинернаго полка поселеннаго баталіона.

Село Медвѣдь, 18 октября.

Графъ Аракчеевъ всеподданнѣйше испрашиваетъ:

1) О переводѣ въ гвардіи Саперный баталіонъ адъютанта моего инженеръ-поручика Шестакова, съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи, который употребленъ мною былъ въ округахъ поселенныхъ баталіоновъ перваго и второго Карабинерныхъ полковъ, при строеніяхъ госпиталей и домовъ баталіонныхъ командировъ, и все оное окончилъ успѣшно и хорошо, и тѣмъ самымъ военные поселяне избавились нынѣ содержанія больныхъ въ своихъ домахъ.

2) Во время нынѣ моего здѣсь пребыванія явился ко мнѣ находящійся здѣсь въ отпуску у брата своего, военнаго поселянина, рядовой лейбъ-

гвардии Финляндскаго полка Θедоръ Артемьевъ съ просьбою о переводѣ его въ 1 Карабинерный полкъ, въ поселяемый баталіонъ, для жительства съ роднымъ своимъ братомъ.

13.

4 ноября.

Дѣла Комитета Министровъ идутъ своимъ порядкомъ. Требующихъ неотложнаго Вашего Величества разрѣшенія по сіе время не представилось, потому Васъ оными теперь и не обезпокоиваю. Но считаю за нужное нынѣ же довесть до свѣдѣнія Вашего Величества о касающемся происшедшаго ослушанія крестьянъ въ войскѣ Донскомъ, за которое наказано большое число людей, хотя по суду, но безъ Высочайшаго утвержденія, чрезъ ошибку Сената, что изволите увидѣть въ прилагаемой запискѣ.

По поселенію войскъ вездѣ, слава Богу, смирно и спокойно, и идетъ своимъ порядкомъ. Я осмотрѣлъ поселенные баталіоны 1 гренадерской дивизіи и подношу о томъ Вашему Императорскому Величеству особый мой рапортъ. Прошу милостиваго Вашего утвержденія представляемымъ мною наградамъ. Ибо извѣстно Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что я на оныя весьма скупъ, и ходатайствую не иначе, какъ о людяхъ, дѣйствительно достойныхъ Вашихъ милостей.

Напрасно безпокоилъ Васъ г. Марченко. Я уже прежде объявилъ Высочайшую Вашу волю, что ему должно присутствовать въ комитетахъ: о недоимкахъ и театральномъ; что дѣла же Государыни Императрицы, я зналъ прежде Вашу волю, дабы они находились въ Вашей канцеляріи. Нынѣ же и дѣла г. Сперанскаго я велѣлъ сдать камердинеру Мельникову, коего я призывалъ къ себѣ и объявилъ ему Ваше мнѣ приказаніе.

Молю Бога, да сохранитъ Ваше здоровье и да устроитъ скорѣе Ваше къ намъ возвращеніе! Сего желаетъ старый вашъ слуга и вѣрноподданный.

14.

С.-Петербургъ, 18 ноября.

Приношу Вашему Императорскому Величеству мою всенижайшую благодарность за всемилостивѣйшее письмо Ваше отъ 26 октября. Ежечасно молю Бога, чтобъ сохранилъ здоровье Ваше; ежечасно считаю дни, приближающіе Ваше къ намъ возвращеніе. Въ душевной, никогда неизмѣнявшейся моей къ Вашему Величеству привязанности, въ пріятной привычкѣ, болѣе чѣмъ двадцатилѣтней, нелицемѣрно служить Вашему Величеству, чувствительно скучаю безъ Васъ!

Повелѣніе Ваше по поводу случившагося безпорядка въ театрѣ отъ наглости актеровъ и упущенія жандармскаго офицера я исполнилъ, объявивъ

Ваше Монаршее замѣчаніе управляющему министерствомъ полиціи и военному генералъ-губернатору, обоимъ вмѣстѣ, равномѣрно и князю Тюфякину.

Объ опредѣленіи двухъ гражданскихъ губернаторовъ указы при семъ представляю къ Высочайшему подписанію, о господинѣ же Будбергѣ объяснялся лично съ барономъ Кампенгаузеномъ и получилъ на сіе его желаніе. И равномѣрно представляю при семъ и извѣстный Вашему Величеству указъ на имя министра финансовъ о ссудѣ денегъ Слободскому Украинскому гражданскому губернатору Муратову, который принимаетъ эту милость со всеподданническою благодарностію, и поведеніемъ котораго къ поспѣшествованію устройства военныхъ поселеній я отмѣнно доволенъ.

Дѣла Комитета Министровъ идутъ своимъ порядкомъ, и особаго вниманія Вашего или неотложнаго разрѣшенія Вашего требующихъ не случилось.

На прошедшей недѣлѣ были, однако, въ немъ два примѣчательныя засѣданія по дѣламъ Сибирскаго генералъ-губернатора, въ которыхъ, послѣ продолжительныхъ и жаркихъ разсужденій и преній, единогласно положено уволить и гражданскаго губернатора Трескина и генералъ-губернатора. По сему и разсудилъ я представить здѣсь проэктъ рескрипта къ Сперанскому, ежели изволите найти оный выражающимъ тотъ смыслъ, въ которомъ угодно было Вашему Величеству приказать къ нему написать.

Считаю нужнымъ довесть до свѣдѣнія Вашего, что, по представленію министра финансовъ объ увеличившейся по всему государству до 96/милл. руб. недоимки денежныхъ податей и сборовъ, изъ Сената публикованъ указъ, коего экземпляръ у сего прилагаю. По сему случаю происходятъ, кажется, въ публикѣ различные толки, какъ я слышалъ о томъ отъ нашего канцлера гр. Румянцева. Хотя гр. Румянцевъ, какъ извѣстно Вашему Величеству, и имѣетъ привычку видѣть вещи въ черномъ цвѣтѣ, однако, я счелъ за нужное обстоятельство сіе довесть до Вашего свѣдѣнія. Дѣло это разсматривано было въ Комитетѣ Министровъ во время моего послѣдняго объѣзда военныхъ поселеній.

Въ Государственномъ Совѣтѣ происходило жаркое разсужденіе по дѣлу о долгахъ графа Огинскаго. Болѣе же примѣчанія достойнаго ничего не случилось.

Оренбургскій военный губернаторъ Эссенъ прислалъ ко мнѣ нарочнаго съ рапортомъ къ Вашему Величеству, у сего представляемымъ. Онъ въ то же время прислалъ мнѣ списки и съ его рапорта и съ его отношенія къ статсъ-секретарю графу Нессельроду. Изъ нихъ я увидѣлъ, что требованіе его принадлежитъ разсужденію Комитета Министровъ, и все дѣло внесъ въ оный.

По Высочайшемъ Вашего Величества утвержденіи мнѣнія Государственнаго Совѣта, 12 прошедшаго августа, о бывшемъ тамбовскомъ вице-губернаторѣ Вейсѣ, я тогда же, по приказанію Вашему, объявилъ Высочайшую волю о выдачѣ ему утвержденнаго жалованья. Почему же исполненіе сего замедлилось, я тотчасъ справлюсь и, ежели нужно будетъ, дамъ дѣлу движеніе.

Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, тихо, смирно и благополучно. А я съ душевною всеподданнѣйшею привязанностію пребуду навѣкъ Вашего Императорскаго Величества.

15.

Ноября 25.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо отъ 1 ноября я получилъ. Служба моя посвящена единожды привязанности моей къ Вамъ, Государь, слѣдовательно и будетъ вѣчно она одинакова, несмотря на всѣ разные толки, партіи и непріятности.

Слава Богу, что пріѣздъ Вашъ къ намъ рѣшительно опредѣленъ; помоги Вамъ Богъ оное выполнить.

Требуемое позволеніе Оренбургскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта Эссена о выводѣ войскъ въ киргизскую степь Комитетомъ отмѣнено и рѣшительно ему запрещено.

По дѣлу о постройкѣ судовъ для моста я, лично объяснившись съ г. Бетанкуромъ, объявилъ волю Вашу о препорученіи сей постройки г. Бетанкуру и объ отпускѣ на первый случай 25 тысячъ рублей.

Прилагаю не вложенный въ прежнемъ моемъ письмѣ указъ о выдачѣ денегъ Слободско-Украинскому гражданскому губернатору.

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, все благополучно. Я 28 числа поѣду въ свое Грузино къ празднику Андрея Апостола помолиться и проѣду опять по нашимъ селеніямъ.

1819 годъ.

16.

Августа 24, гор. Чугуевъ.

Батюшка, Ваше Величество!

Представляя мои донесенія о здѣшнихъ дѣлахъ формальными бумагами, я пишу сіе письмо уже не къ Государю, а къ Александру Павловичу, слѣдовательно, и открываю здѣсь расположеніе моего духа.

Происшествія, здѣсь бывшія, меня очень разстроили. Я не скрываю отъ Васъ, что нѣсколько преступниковъ, самыхъ злыхъ, послѣ наказанія, законами опредѣленнаго, умерли; и я ото всего онаго начинаю очень уставать, въ чемъ я откровенно признаюсь передъ Вами.

По важности дѣла, я расчелъ о времени, что никакъ не могу поспѣть въ С.-Петербургъ къ отъѣзду Вашего Величества, а потому и отправилъ [illegible] донесенія чрезъ сего нарочнаго, прося на оныя обратить Ваше

вниманіе и удостоить меня, прежде отъѣзда Вашего изъ С.-Петербурга, отвѣтомъ, чѣмъ самымъ успокоите мои мысли и душу.

Я осмѣливаюсь равномѣрно просить Васъ осмотрѣть, по предположенію Вашему и безъ меня, войска генералъ-маіора Княжнина и поселенные карабинерные баталіоны, чѣмъ самымъ Вы изволите имъ показать участіе Ваше въ семъ новомъ заведеніи, безпорядка же тамъ, и въ отсутствіе мое, никакого не будетъ; впрочемъ, буди воля Ваша, какъ Вамъ угодно, а я изъяснилъ свои мысли, по моему слабому понятію.

Окончивъ здѣсь осмотръ, я располагаю выѣхать обратно въ первыхъ числахъ сентября; слѣдовательно, разрѣшеніе Ваше получу въ дорогѣ, а можетъ-быть здѣсь еще и на мѣстѣ.

До конца моей слабой жизни пребуду вѣрноподданный Вамъ.

1820 годъ.

17.

Село Грузино, 2 апрѣля.

Батюшка, Ваше Величество!

Милости ко мнѣ Ваши я чувствую въ полной ихъ цѣнѣ и прошу Бога ежедневно, дабы Онъ даровалъ мнѣ только здоровье служить Вамъ чистою душою. Дорога такъ худа, что въ одинъ день поспѣть къ обѣду въ Царское Село невозможно, а потому и ночую сегодня въ Помераньѣ, дабы завтра, т.-е. въ субботу, имѣть счастіе обѣдать въ Царскомъ Селѣ и поздравить Васъ съ праздникомъ.

Болѣзнь Ваша испугала меня, но спасибо Муравьеву, что онъ меня успокоилъ. Государь! И Ваши лѣта приближаются къ нашимъ, то нужно беречь здоровье, худо безъ него; я оное каждый день чувствую надъ собою.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный Г. А.

18.

Изъ Могилева, отъ 8 августа.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивыя письма Вашего Величества изъ Липецка и Чугуева я получилъ. Они каждый разъ даютъ мнѣ новыя силы посвящать всѣ дни моей жизни на службу Вашу. Я, по кончинѣ моей матери, исполнилъ послѣдній долгъ и прожилъ при ея гробѣ 2 недѣли, проведя оное время въ молитвѣ и душевномъ размышленіи, а 1 августа отправился оттуда въ здѣшнее военное поселеніе пѣхотныхъ полковъ, Полоцкаго и Елецкаго, и, осмотря здѣсь оные, беру смѣлость воспользоваться позволеніемъ Вашего

Величества и 17 августа выѣду отсюда въ Варшаву, дабы лично принесть мою вѣрноподданную благодарность за Ваше принятое обо мнѣ участіе и дабы равномѣрно окончить въ присутствіи вашемъ нѣкоторыя дѣла, какъ-то: о рекрутскомъ наборѣ и учрежденіи фурштадтскихъ баталіоновъ.

19.

30 сентября, Округъ поселенія графа Аракчеева полка.

Батюшка, Ваше Величество!

Простите меня, что я безпокою Васъ моею душевною благодарностію за милости Ваши, оказываемыя мнѣ во время моего пребыванія въ Варшавѣ. Я, по пріѣздѣ въ поселеніе 1 гренадерской дивизіи, нашелъ все благополучно, спокойно и смирно, окромѣ случившихся двухъ довольно важныхъ пожаровъ въ поселеніи 1-го Карабинернаго полка, что изволите усмотрѣть изъ прилагаемой у сего особой записки. Впрочемъ, слава Богу, въ баталіонахъ, на работѣ находящихся, больныхъ мало, и теперь я, осмотря оные, распущу ихъ по зимнимъ квартирамъ.

Прошу ежедневно Бога о сохраненіи Вашего здоровья и пребуду навѣки вѣрноподданный.

20.

28 октября.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю Васъ за милостивое Ваше письмо отъ 14 октября. Вы, батюшка, бывъ заняты дѣлами, обезпокоиваете себя еще и письмами къ подданному своему; мнѣ за сіе заслужить Вамъ невозможно, а долженъ только молиться за васъ Богу.

Какъ мнѣ скучно, больно и досадно, что случившееся въ Семеновскомъ полку происшествіе огорчитъ Ваше Величество; я, можетъ-быть, грѣшу, но думаю, что оно не отъ солдатъ.

Слава Богу, въ военныхъ поселеніяхъ вездѣ благополучно, тихо и смирно, и сего 31 числа вступаютъ въ округи поселенія дѣйствующіе баталіоны полка моего имени; но только, батюшка, нападаетъ Вашъ министръ духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынъ. Я къ нему, по волѣ Вашего Величества, сдѣлалъ отношеніе, въ копіи у сего прилагаемое, а какой отъ него получилъ отвѣтъ, то оный въ оригиналѣ также при семъ прилагаю. Я уже привыкъ къ его расположенію, то и могу оное переносить; но, мнѣ кажется, неловко, что онъ изволитъ нападать на старика митрополита, дабы и его заставить быть непріятелемъ военнаго поселенія.

Уставъ, имъ упоминаемый,—не что иное, какъ молитвы, напечатанныя въ типографіи военной единственно для священниковъ военнаго поселенія, въ 1 гренадерской дивизіи находящихся, дабы они, переписывая, не сдѣлали ошибокъ, котораго одинъ экземпляръ у сего прилагаю.

Я признаю самъ себя виноватымъ, что послалъ къ нему печатные, а не письменный, но можно ли въ нашихъ званіяхъ и мѣстахъ другъ къ другу придираться и дѣлать подобныя непріятности, дабы видѣли служащіе въ канцеляріяхъ, тѣмъ болѣе, когда его сіятельству видно было, что на все сіе была Высочайшая Ваша воля.

Цензурѣ довольно дѣла смотрѣть за сочинителями.—Извѣстнаго Вамъ Пушкина стихи печатаютъ въ журналахъ, съ означеніемъ изъ Кавказа, видно, для того, чтобы извѣстить объ немъ подобныхъ его сотоварищей и друзей. Навѣкъ чистымъ сердцемъ и душою преданный Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

21.

2 ноября.

Батюшка, Ваше Величество!

Слава Богу, во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ благополучно, смирно и тихо. Въ прошедшее воскресенье, т.-е. 31 октября, вступили дѣйствующіе баталіоны гренадерскаго моего имени полка и расположились въ домахъ военныхъ поселянъ хозяевъ.

Извините меня, батюшка, что я при важныхъ Вашихъ занятіяхъ прилагаю при семъ порядокъ вступленія сихъ баталіоновъ и приказъ мой, въ полку отданный. Можетъ-быть, хотя не много, сіи бездѣлки мои развлекутъ трудную Вашу работу и тѣмъ самымъ облегчатъ душевныя занятія Ваши.

Чистымъ сердцемъ преданный Вашему Императорскому Величеству.

22.

Грузино, 18 ноября.

Батюшка, Ваше Величество!

Очень много чувствую, какъ непріятно и печально было Вамъ получить извѣстіе о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку. Я узналъ объ ономъ въ своемъ Грузинѣ, и первое чувство моего сердца было о Вашемъ Величествѣ, что сіе происшествіе тяжко опечалитъ Васъ и сильно подѣйствуетъ на душу Вашу.

Я совершенно согласенъ съ мыслями Вашими, что солдаты тутъ менѣе всего виноваты, и что тутъ дѣйствовали съ намѣреніемъ, но кто и какъ, то нужно для общаго блага найти самое оное начало. Я могу ошибиться, но думаю такъ, что сія ихъ работа есть пробная, и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго.

Высочайшій Вашъ приказъ такой, какой необходимъ при семъ случаѣ; равномѣрно о переводѣ офицеровъ прежнихъ и помѣщеніи новыхъ, но съ хорошимъ расположеніемъ, весьма полезно.

Я, батюшка, живу въ Грузинѣ и поселенiи, и нѣтъ охоты ѣхать безъ Васъ въ городъ; то здѣсь, слава Богу, мало свѣдѣнiй доходитъ до меня; а слышалъ только отъ г.-м. Петрова, который съ Шварцомъ знакомъ, что онъ полагаетъ, сiе происшествiе случилось по неудовольствiю на него офицеровъ.

Вы позволите мнѣ все говорить и писать. Не лучше ли будетъ, если семеновскихъ солдатъ распредѣлить въ полки только 2 и 3 гренадерскихъ дивизiй, чѣмъ самымъ Вы бы ихъ лучше сохранили, а о поведенiи ихъ имѣли бы вѣрное всегда свѣдѣнiе.

Въ военныхъ поселенiяхъ вездѣ, слава Богу, смирно и благополучно. Молю Бога, да сохранитъ Ваше здоровье и даруетъ Вамъ скорѣе окончить общiя дѣла и возвратиться къ намъ на труды своего государства.

23.

Грузино, 30 ноября.

Батюшка, Ваше Величество!

Получа приказанiе Ваше отъ 9 ноября о присылкѣ по нѣскольку меморiй, я исполняю оное, и съ первымъ послѣ сего повелѣнiя ѣдущимъ фельдъегеремъ отправлю при семъ три меморiи.

Во всѣхъ военныхъ поселенiяхъ, славу Богу, благополучно, смирно, тихо. Я вчера возвратился изъ Есьянъ, смотрѣлъ тамъ 6 фузелерную роту, которая составлена по большей части изъ тѣхъ людей, которые при поступленiи своемъ въ военное поселенiе дѣлали извѣстные Вамъ безпорядки, но, признаюсь, былъ отмѣнно ими восхищенъ: люди прекрасные, здоровые, веселые и съ самымъ яснымъ на лицахъ душевнымъ усердiемъ.

Утѣшаясь душевно онымъ, я сдѣлалъ еще первую слѣдующую пробу: по нахожденiи роты въ экзерциръ-гаузѣ, я велѣлъ, неожиданно никому, выйти по командѣ моей всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ и унтеръ-офицерамъ вонъ изъ экзерциръ-гауза, и заперъ двери; оставшись съ ними одинъ, спросилъ ихъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ до меня просьбъ, и всѣмъ ли они довольны? Признаюсь, батюшка, я, по милости Божiей, былъ награжденъ за сiю пробу; они всѣ, въ одинъ ясный и твердый голосъ, отвѣчали мнѣ, что всѣмъ довольны и ни о чемъ не имѣютъ причины ни жаловаться, ни просить. Я поблагодарилъ Бога, отпустилъ роту, сказавъ имъ, что обо всемъ ономъ буду писать къ Вашему Величеству, и былъ весь день очень веселъ.

24.

С.-Петербургъ, 17 декабря.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо отъ 19 ноября я получилъ въ карабинерныхъ поселенныхъ баталiонахъ, куда ѣздилъ осматривать до выѣзда моего

въ С.-Петербургъ, и по сей причинѣ не успѣть донесть Вамъ, батюшка, 10 декабря.

Кажется, пришедшіе мои баталіоны довольны своимъ расположеніемъ, и въ полку смирно, тихо и спокойно; штабъ-офицеры Чевакинской и Воронцовъ очень понимаютъ все устройство и находятъ оное для полка очень полезнымъ; о прочихъ офицерахъ ничего не могу сказать, ибо все люди молодые.

Баталіоны дѣйствующіе оба расположены въ округѣ своего полка и въ тѣхъ самыхъ поселенныхъ ротахъ, какъ Вы изволили назначить. Тѣсноты никакой нѣтъ, доказательствомъ чему служитъ прилагаемый рапортъ полковника Фрикена, изъ коего изволите усмотрѣть, что, по желанію самихъ постояльцевъ, всѣ мезонины остались незанятыми. Во всѣхъ поселеніяхъ, слава Богу, смирно, тихо и спокойно. При осмотрѣ карабинерныхъ баталіоновъ я нашелъ людей довольными своимъ положеніемъ, а особливо, какъ они увидѣли на опытѣ, что послѣ бывшихъ въ сентябрѣ пожаровъ милосердіемъ Вашего Величества всѣ они устроены и помѣщены въ домы на жительство, какъ обыкновенно экономическіе крестьяне при таковыхъ случаяхъ терпятъ всевозможныя нужды.

Въ Могилевскомъ поселеніи продолжается строгое слѣдствіе по принесеннымъ мнѣ жалобамъ, о коихъ я докладывалъ Вамъ, батюшка, въ Варшавѣ, и, къ неудовольствію моему, оказываются злоупотребленія ротныхъ командировъ отъ несмотрѣнія г-на Насѣкина, который, кажется, по получаемымъ мною донесеніямъ будетъ виноватъ. Я осмѣливаюсь опять послать къ Вамъ, батюшка, правила отправленія ежедневной службы, приспособленныя уже къ мѣстному расположенію поселеннаго полка, и одинъ экземпляръ ежедневнаго рапорта дежурнаго штабъ-офицера въ поселенномъ полку.

Я теперь, батюшка, нахожусь въ большомъ свѣтѣ и истинно признаюсь Вамъ, что отмѣнно безъ Васъ скучаю.

Осмѣливаюсь приложить записку по собственной моей просьбѣ, ибо мнѣ хочется сего молодого человѣка отъ нынѣшнихъ вольнодумцевъ, и занять по способности его продолжать далѣе математическія науки.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

1821 годъ.

25.

С.-Петербургъ, 28 генваря.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивыя Ваши письма отъ 16 декабря изъ Троппау и отъ 8 генваря изъ Лейбаха я получилъ, за которыя и приношу мою вѣрноподданную благодарность.

По первому письму я не доносилъ Вамъ, батюшка, потому что разсмотрѣніе годовой смѣты окончено въ Комитетѣ гг. Министровъ только сего генваря 25 числа. Убавка въ суммахъ сдѣлана, по согласію военнаго

министра, въ такихъ артикулахъ, въ которыхъ нашли возможность сократить; потомъ исключили нѣкоторыя суммы на новыя строенія, которыхъ начало удобно можно еще повременить, и, наконецъ, прибавкою 3/милл. руб. отъ министра финансовъ, по его согласію, и, однимъ словомъ, дѣло сіе окончено единогласно и хорошо. Вы, батюшка, напрасно безпокоились. Этотъ страхъ бываетъ ежегодно и всегда кончится возможностію выполненіемъ онаго дѣла.

По второму письму Вашему, я долженъ себя винить, что сдѣлалъ Вамъ, батюшка, безпокойство въ отеческой Вашей заботливости о размѣщеніи дѣйствующихъ баталіоновъ. Простите великодушно оному, но вѣрьте Богу, что я оныя дѣла очень горячо принимаю къ сердцу, а потому прежде, нежели я допустилъ сію мѣру, очень много ее разсматривалъ и обдумывалъ и, доводя ее до Вашего свѣдѣнія, напередъ зналъ, что я получу о семъ Ваше справедливое замѣчаніе. Но рѣшился дозволить оное по обоюдному самихъ солдатъ желанію, и дабы вдругъ не огорчить рядовыхъ хозяевъ, которые, получая полное число своихъ постояльцевъ, и такъ много уже должны заботиться въ содержаніи ихъ пищею, какъ, напротивъ того, я разсуждалъ, что если бы постояльцы почувствовали тѣсноту въ своемъ размѣщеніи, то отъ нихъ скорѣе я могу услышать неудовольствіе, потому что они видятъ въ каждомъ домѣ находящійся въ готовности устроенный для нихъ пустой покой, нежели отъ хозяевъ, которые бы молчали, но при началѣ сего важнаго дѣла могли бы возъимѣть къ постояльцамъ отвращеніе, и тогда возродилось бы между ними общая холодность и неудовольствіе, какъ, напротивъ того, нынѣ, по милости Божіей, до сего времени еще не было ни одной ссоры и жалобы между ними. Вотъ, батюшка, мои бывшія разсужденія при расположеніи симъ образомъ людей въ домахъ, но я оныя пишу не для того, чтобы оправдывать себя предъ Вами. Всякое Ваше мнѣ наставленіе есть священный для меня законъ, но если мои разсужденія были не хороши, то я человѣкъ, могу при всемъ моемъ усердіи ошибаться и прошу въ ономъ Вашего извиненія. Порядокъ сей, при наступленіи весны, самъ собою исправится по той причинѣ, что въ оное время хозяйки должны будутъ имѣть въ покояхъ болѣе мѣста для работы холста, и тогда сами пожелаютъ перемѣстить постояльцевъ въ верхніе покои.

Число больныхъ, замѣчаемое Вами, батюшка, кажется, не велико, ибо дѣйствующіе баталіоны перемѣнили образъ своей жизни и самую воду, да и принесли модныя болѣзни, коихъ должно было помѣстить непремѣнно въ госпиталь.

Мнѣ чрезвычайно больно, что я отнимаю у Васъ время на мои объясненія, и вторично въ ономъ прошу Вашего отеческаго прощенія.

Милосердіе Божіе ко мнѣ продолжается. Вездѣ въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, смирно, тихо и благополучно, хотя недоброжелатели наши продолжаютъ истощать всѣ способы ухищренія къ помѣшательству онаго. Слѣдствіе о злоупотребленіяхъ въ Могилевскомъ поселеніи окончено, и я скоро донесу Вашему Величеству во всей подробности.

26.

С.-Петербургъ. 11 февраля.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо отъ 15 генваря я получилъ и о капитанѣ Шишкинѣ сдѣлалъ мое отношеніе къ барону Сакену. Здоровье мое собственно для меня очень плохо, но для усердія моего и душевной привязанности къ Вамъ, батюшка, оно неизмѣнно и еще крѣпче молодыхъ моихъ лѣтъ.

По милости Божіей, во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, смирно, тихо и благополучно; на веселые дни наступающей масленицы я отъѣзжаю въ мое Грузино, дабы лично объѣхать баталіоны 1 гренадерской дивизіи.

О злоупотребленіяхъ въ Могилевскомъ поселеніи посылаю мое донесеніе. Я поступилъ по всей строгости начальника, что изволите усмотрѣть подробно изъ посылаемыхъ бумагъ.

Ваше Величество еще нынѣ получаете въ пакетѣ подъ № 1 особый журналъ Комитета гг. Министровъ по продовольствію въ Черниговской губерніи, изъ коего изволите увидѣть личное неудовольствіе военнаго губернатора, которое, кажется, во время голода можетъ сдѣлать упущеніе въ распоряженіяхъ, и отъ онаго будетъ болѣе вреда бѣдному народу. Я осмѣлился приложить проэктъ указа, если онъ излишній, то изорвите его, батюшка, и примите оное за мое обыкновенное въ дѣлахъ усердіе.

Здѣсь нехорошіе слухи о недостаткѣ продовольствія у жителей въ губерніяхъ: Курской, Смоленской, Орловской и Пермской.

Вашего Императорскаго Величества на всю мою жизнь преданный и вѣрноподданный.

27.

Журналъ, требующій особаго Вашего, батюшка, занятія, о чемъ и записка моя прилагается.

З а п и с к а.

25 февраля.

Я, батюшка, вмѣсто отъѣзда въ Грузино и поселеніе, сдѣлался боленъ и лежу въ постелѣ масленицу и первую недѣлю, а потому и не былъ въ Комитетѣ при разсужденіяхъ влагаемаго журнала.

Прочитавъ же оный, опасаюсь, не сдѣлано ли сіе представленіе на пробу, дабы само правительство согласилось на прибавку цѣнъ, которыя существовали уже нѣсколько лѣтъ сряду въ одномъ положеніи, а потому и полагаю, что нужно обратить Вамъ, батюшка, вниманіе В. М., дабы непремѣнно цѣны удержаны были, позволя въ поставкѣ вещей наблюдать и прежніе сроки; чѣмъ изволите отнять и причину, имъ выставленную.

Касательно же требуемыхъ суммъ, то мое мнѣніе такое, что В. М. можетъ всегда оными заимствоваться по возможности изъ прочихъ ему

подчиненныхъ департаментовъ; что и я дѣлалъ во время моего управленія министерствомъ.

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, благополучно, смирно и тихо.

Дѣла Государственнаго Совѣта получены и отосланы по принадлежности.

28.

Марта 4.

Мнѣ, батюшка, полегче, но я еще не могу никуда выѣзжать. Мой Даллеръ, во время моей трудной болѣзни, пригласилъ господина Миллера, а они теперь оба меня вмѣстѣ лѣчатъ.

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, вездѣ благополучно, а въ Новгородскомъ и масленицу провели смирно и тихо.

29.

Марта 11.

Батюшка, Ваше Величество!

Здоровье мое хотя нѣсколько поправилось, но я еще такъ слабъ, что не могу никуда выѣзжать и хочу только сію минуту выѣхать въ первый разъ въ крѣпость къ панихидѣ, ибо исполненіе сего душевнаго долга всегда поставляю въ моей жизни первѣйшею пріятною обязанностію.

Благодарю Бога, во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ благополучно, смирно, тихо и спокойно, а въ моемъ полку и вывозка камня скоро окончится. Посылаемая сего числа одна бумага успокоитъ Васъ, батюшка, что Ваше намѣреніе солдаты понимаютъ и начинаютъ оное чувствовать.

Отправленное нынѣ къ Вамъ, батюшка, образованіе штаба много меня занимало и, кажется, оно обработано довольно хорошо и во всѣхъ частяхъ согласно съ общими правилами прочихъ корпусныхъ штабовъ.

Полученное мною вновь письмо отъ губернатора Муратова, я почелъ долгомъ моимъ отослать при семъ къ вамъ, батюшка, въ оригиналѣ.

Молю Бога о сохраненіи здоровья Вашего, чего желаетъ вѣрноподданный Вашего Величества. Г. А.

30.

Марта 13.

Батюшка, Ваше Величество!

Я не смѣлъ съ нынѣшнимъ фельдъегеремъ безпокоить письмомъ моимъ, слыша о воспослѣдовавшихъ отъ васъ указахъ по движенію армій, и зналъ, что Вы, батюшка, нынѣ очень заняты по дѣламъ итальянскимъ, а теперь еще и по дѣламъ молдаванскимъ, но пріѣздъ г-на Сперанскаго

заставилъ меня обезпокоить Васъ сею бумагою. Сперанскій при личномъ свиданіи просилъ меня, дабы его письмо отправлено было къ Вашему Величеству въ моемъ пакетѣ. На оное я ему объяснилъ, что онъ можетъ сіе сдѣлать самъ, отославъ письмо свое дежурному генералу, но онъ желалъ, дабы я сдѣлалъ ему сіе въ одолженіе, почему уже я и рѣшился отъ него принять и при семъ оное прилагаю. По перепискѣ моей съ нимъ я не могъ его встрѣтить въ Грузинѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по моей болѣзни, а во-вторыхъ, что и увѣдомленіе его о проѣздѣ Новгорода я получилъ отъ него изъ Москвы наканунѣ его пріѣзда самаго сюда, въ Петербургъ. Но надѣюсь, что онъ будетъ у меня въ Грузинѣ, а потомъ увидитъ со мною вмѣстѣ и военное поселеніе. О подробностяхъ нашего здѣсь свиданія прилагаю особую записку.

Благодарю, батюшка, за милостивое письмо Ваше отъ 24 февраля. Дай Богъ, дабы Вы могли о возвращеніи своемъ поскорѣе выполнить Ваше намѣреніе.

Представленную къ Вашему Величеству бумагу отъ министра просвѣщенія представляю при семъ обратно, потому что я уже 4 марта по сему дѣлу донесъ Вамъ, батюшка, запретивъ немедленно, по требованію кн. Голицына, продажу таблицъ; при обученіи же въ школахъ военнаго поселенія употребляются, по Вашему, данному мнѣ, повелѣнію, тѣ самыя таблицы, которыя напечатаны въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, слѣдовательно, дѣло сіе по моей части совершенно окончено, кажется, сходно желанію министра просвѣщенія.

При семъ письмѣ приложена особая записка, отъ 25 марта, слѣдующаго содержанія:

Г-нъ Сперанскій пріѣхалъ въ Петербургъ 21 числа, послѣ обѣда, къ вечеру. Поутру 22 числа, рано, прислалъ ко мнѣ д. с. с. Цейера *), съ объявленіемъ о своемъ пріѣздѣ и съ просьбою назначить ему того же утра часъ, въ который бы онъ могъ пріѣхать къ первому ко мнѣ. Въ первомъ часу, по назначенію моему, онъ пріѣхалъ ко мнѣ и между прочими разговорами сдѣлалъ мнѣ слѣдующіе три вопроса, на кои просилъ убѣдительнѣйше моего мнѣнія:

1 вопросъ: Представляться ли мнѣ во дворцѣ къ Императрицамъ?

Мой отвѣтъ: Вы пріѣхали сюда Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, а всѣ генералъ- и военные губернаторы обыкновенно въ первое воскресенье представляются, слѣдовательно, я не нахожу причины, дабы и Вы не должны были слѣдовать сему же общему порядку.

2 вопросъ Сперанскаго: Писать ли мнѣ о пріѣздѣ своемъ къ Государю?

Мой отвѣтъ: Государю о пріѣздѣ вашемъ будетъ извѣстно чрезъ обыкновенный рапортъ военнаго губернатора о всѣхъ пріѣзжающихъ въ столицу; но если вы разсудите и сами особымъ письмомъ донести

*) Францъ Ивановичъ, съ 1797 г. неизмѣнный другъ и постоянный помощникъ М. М. Сперанскаго.

Государю Императору о своемъ пріѣздѣ, то сіе никакъ не противно общему порядку вещей.

3 вопросъ г-на Сперанскаго: Какъ ему вести себя: принимать ли къ себѣ всѣхъ, кто будетъ пріѣзжать, или по собственной моей склонности вести жизнь уединенную.

Мой отвѣтъ: Сей вопросъ очень трудный, и его рѣшить можете одни сами вы, сходно вашему желанію, а можетъ-быть, и по опытамъ, сдѣланнымъ къ вамъ первымъ посѣщеніемъ.

Анекдотъ разсказываетъ мнѣ Сперанскій. Дорога его была изъ деревни его, близъ Пензы находящейся, на Тамбовъ—Рязань въ Москву. Въ Рязань онъ пріѣхалъ въ 6 часовъ утра, такъ что еще немногіе въ городѣ вставши были. Онъ узналъ, что Балашевъ въ Рязани, то и началъ бриться, дабы, одѣвшись, съѣздить къ нему, какъ чрезъ полчаса по пріѣздѣ его во время туалета отворяются двери и входитъ къ нему Балашевъ, съ адъютантами. Балашевъ просилъ его къ себѣ обѣдать, дабы онъ могъ ему представить всѣхъ чиновниковъ губерніи, ему ввѣренной. Сперанскій упрашиваетъ его объ отмѣнѣ онаго и соглашается обѣдать у него, но не иначе какъ съ отмѣною сего представленія.

31.

Грузино, 6 апрѣля.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо отъ 10 марта получилъ. Я приношу мою душевную благодарность какъ за оное, такъ и за препорученіе мнѣ резервовъ; истинно я всякое отъ Васъ мнѣ поручаемое дѣло принимаю Вашею себѣ наградою и считаю для себя удовольствіемъ быть Вамъ, батюшка, хотя мало въ чемъ полезнымъ. Труды Ваши тяжки для Васъ, я онаго не могу никогда иначе себѣ вообразить и молюсь только Богу о подкрѣпленіи Вашего здоровья. Раздѣлить же сего размышленія въ нынѣшнемъ расположеніи людей ни съ кѣмъ невозможно; я очень обрадовался и благодарилъ Бога, что Августѣйшая родительница Ваша уже нѣсколько разъ удостоила меня своею откровенностію; ее очень безпокоитъ Ваше отсутствіе, но, что дѣлать, надобно повиноваться опредѣленной Вамъ отъ Бога сей тяжкой судьбѣ.

Я, батюшка, къ 1 апрѣля переѣхалъ въ свое Грузино; былъ въ поселеніи; нашелъ, слава Богу, все хорошо; люди уже живутъ въ мезонинахъ. Выставка камня окончена, и происходитъ теперь сдача оному; и, слава Богу, никакого при сей работѣ несчастья не случилось; да и въ прочихъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, все благополучно, смирно и тихо.

О резервахъ прилагаю къ свѣдѣнію Вашему, батюшка, особую записку. Движеніе гвардейскому корпусу весьма будетъ полезно, если еще займутся хорошенько во время онаго господами офицерами.

О недостаткѣ въ продовольствіи по губерніямъ хотя послѣ онаго и затихло, но г. Кочубей послалъ чиновниковъ узнать объ ономъ, а нынѣ получилъ я письмо изъ Орловской губерніи отъ больного Бухмеера, въ коемъ онъ повторяетъ мнѣ о нуждахъ народа въ продовольствіи, съ коего выписку я послалъ немедленно къ графу Кочубею.

О Мордвиновѣ доложу Вамъ, что я съ нимъ знакомъ, какъ и со всѣми, ему подобными, и считаю его пустымъ человѣкомъ, который изъ личности къ Мин. Фин. подаетъ свои мнѣнія, а выполнить ихъ самъ не въ состояніи, но при первомъ удобномъ случаѣ поговорю съ нимъ по всѣмъ Вашимъ, батюшка, замѣчаніямъ, но напередъ знаю, что добраго ничего не услышу.

Я сію недѣлю говѣю и, при душевной моей исповѣди, не имѣю грѣха противу Васъ, батюшка, а поздравляю Васъ съ наступающимъ праздникомъ, въ которомъ первая моя мысль обратится къ Вамъ, ибо я теперь не имѣю родительницы, слѣдовательно, все на свѣтѣ у меня замѣняете собою.

Окончу мое письмо короткими словами о болѣзни моей; она должна быть въ какомъ-нибудь внутреннемъ моемъ около сердца поврежденіи, ибо припадки мои продолжаются, и ихъ облегчить не могутъ; но усердіе мое къ Вамъ, батюшка, при всякомъ біеніи сердца моего увеличивается, и будетъ неизмѣнно до конца моей жизни.

32.

Грузино, 20 апрѣля.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше письмо отъ 31 марта мною получено. Я прошу Бога ежедневно, дабы дѣла иностранныя позволили Вамъ скорѣе возвратиться къ намъ.

Вопросъ Вашъ, батюшка, весьма важный, и я другого ничего не могу придумать, какъ совершенно съ Вами согласенъ, что необходимо должно Вамъ окончить иностранныя дѣла, на которыя, конечно, и всѣ наши карбонари, вѣрно, глядятъ пристально и ожидаютъ развязки оныхъ.

Я, батюшка, ведя съ Муратовымъ переписку о поселеніи, нарочно ни слова въ оной не упоминалъ ему въ отвѣтъ на его присланное письмо ко мнѣ и отосланное къ Вамъ. Но, несмотря на оное, я получилъ на Святой недѣлѣ вновь довольно важное письмо, которое не смѣю, чтобъ къ Вамъ не послать; оно, можетъ-быть, совершенно и пустое, но въ такихъ дѣлахъ и въ расположеніи моемъ, кажется, я не долженъ онаго таить отъ Васъ, батюшка.

По недостатку продовольствія въ Черниговской губерніи истинно, батюшка, одни личныя неудовольствія, но, кажется, теперь видно изъ донесеній, что закупкою хлѣба жители довольно обезпечены, и оное дѣло не должно много Васъ безпокоить; а письмо графа Разумовскаго единственно доказываетъ его алчность къ доходамъ, ибо съ его состояніемъ я бы не только прокормлять своихъ крестьянъ, но и всѣхъ прочихъ

нуждающихся въ оной губерніи, и оно, кажется, также не стоитъ въ нынѣшнее время Вашего занятія.

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, вездѣ смирно и спокойно; но только у насъ, въ Новгородской губерніи, очень большой разливъ рѣки Волхова, которому давно уже подобнаго не было, но по сіе время еще ничего вреда отъ сего не видно.

Замѣчаніе Ваше, батюшка, объ офицерѣ, представленномъ мною къ отставкѣ за присылку просьбы, мимо начальства, въ Инспекторскій Департаментъ, я совершенно признаю справедливымъ и прошу въ ономъ извиненія; а его приказалъ судить военнымъ судомъ.

По болѣзни моей, которая кроется въ груди, легко я могу быть подверженъ скоропостижной смерти, то осмѣливаюсь у сего приложить поясненіе духовному моему завѣщанію. Прошу, батюшка, Высочайше оныя утвердить.

Вашего Императорскаго Величества вѣчно преданный вѣрноподданный.

33.

Грузино, 26 апрѣля.

Повелѣніе Ваше, батюшка, отъ 9 апрѣля я получилъ, и въ точности будетъ все исполнено, послано вторичными предписаніями въ отмѣну первыхъ, отъ меня уже разосланныхъ бумагъ.

Слава Богу, что время приближается Вашему къ намъ возвращенію; да услышитъ Всевышній желаніе Вашихъ вѣрноподданныхъ!

Просьбу г-на Мандрыки я читалъ, и Ваше замѣчаніе весьма справедливо. Почтъ-директоромъ въ Черниговѣ уже опредѣленъ подписнымъ Вашимъ, батюшка, указомъ 13 марта дѣйств. статск. сов. Мельниковъ, слѣдовательно, опредѣлить его туда уже невозможно; то я полагалъ бы, не угодно ли Вамъ будетъ, батюшка, предоставить его просьбу разсмотрѣть въ Комитетъ раненыхъ, а ему предоставить опредѣлить мѣру удовлетворенія оной. Въ семъ смыслѣ я осмѣлился приложить два проэкта указовъ: въ одномъ препровождается его просьба, а въ другомъ просто безъ оной.

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, вездѣ благополучно, смирно и тихо. Погода съ 10 апрѣля у насъ прекрасная, и весь лѣсъ уже распустился. Войска, на работу назначаемыя, уже собираются въ свои биваки. Навѣки преданный душою и сердцемъ вѣрноподданный.

34.

Грузино, 2 іюля.

Батюшка, Ваше Величество!

Вчерашній день цѣлое утро провелъ я на осмотръ и слѣдствіе поселеннаго баталіона Наслѣднаго Принца Прусскаго полка, и, слава Богу,

ничего не оказалось, о чемъ Вамъ, батюшка, донесетъ подробно г.-м. Клейнмихель. Я цѣлые три часа былъ между солдатами, безъ офицеровъ, и все время разговаривалъ, до того, что уже не могъ говорить отъ усталости. О наградахъ представляю записки; онѣ всѣ по назначенію Вашего Величества.

Я опять чувствую себя нездоровымъ, а болѣе всего скука и тоска меня одолѣваютъ, и я на сихъ дняхъ на четыре дня думаю ѣхать въ Тихвинскій монастырь помолиться.

Полученное мною вчерашній день письмо отъ Ник. Ник. Новосильцова при семъ къ вамъ, батюшка, въ оригиналѣ прилагаю.

35.

Грузино, 11 іюля.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю Васъ, батюшка, за милостивое письмо и доношу, что въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, все благополучно, и дѣло въ баталіонахъ Наслѣднаго Принца дѣйствительно окончилось, но думаю, что и отсылку къ генералу Эссену людей уменьшу и, вмѣсто шести человѣкъ, отошлю троихъ, но и тѣхъ еще отправленіемъ спѣшить не буду.

Порядокъ въ отчетахъ требуетъ подписного указа о пожалованной Вами, батюшка, за смотръ суммѣ, на отпускъ оной изъ капитала военныхъ поселеній, который при семъ и прилагаю.

36.

Корпусная квартира, 7 августа.

Батюшка, Ваше Величество!

Въ военныхъ поселеніяхъ все благополучно, но скотской падежъ въ 4 ротѣ Е. В. Короля Прусскаго продолжается. Дурная и дождливая погода сдѣлала военнымъ поселянамъ весьма много убытку, ибо самая большая часть ихъ сѣнокосовъ разлившеюся въ рѣкѣ Волховѣ водою потоплена; да и самый хлѣбъ началъ примѣтнымъ образомъ портиться. Но какъ всему оному есть власть Божія, то и сѣтовать на оное невозможно.

Осмотрѣвъ здѣшніе округи, я сего числа, батюшка, отправляюсь въ поселеніе карабинерныхъ полковъ, гдѣ пробуду до 13 числа сего мѣсяца. Если угодно будетъ Вашему Величеству посѣтить строго военныя поселенія, то, кажется, не иначе оное можно сдѣлать, какъ дать время установиться хорошей погодѣ, дабы успѣло хорошенько вездѣ просохнуть, что не прежде можетъ быть, какъ послѣ 20 числа августа, а безъ онаго теперь всѣ дороги сдѣлались не только дурны, но почти неспособны; и во всѣхъ работахъ нашихъ сдѣлалась большая остановка.

Въ какомъ же порядкѣ я нахожу возможнымъ представить Вамъ, батюшка, предполагаемый смотръ, то на усмотрѣніе прилагаю особую записку и прошу утвержденія Вашего.

37.

14 августа.

Батюшка, Ваше Величество!

Возвратясь изъ поселенія карабинерныхъ полковъ, я ничего иного, слава Богу, не могу донести Вашему Величеству, какъ все нашелъ хорошо, смирно и спокойно; о чемъ донесу и формально, вслѣдъ за симъ.

О побѣгахъ изъ раскольниковъ я съ ними имѣлъ большой разговоръ, и кажется, и ихъ усовѣстилъ, обѣщавъ имъ ходатайствовать у Васъ, батюшка, по ихъ просьбамъ; о чемъ впредь особо донесу Вашему Величеству. Побѣги же ихъ въ общемъ числѣ также неважны, ибо бѣжало ихъ изъ обоихъ полковъ восемь человѣкъ мущинъ и женщинъ. Разобравъ сіе дѣло, я только двухъ необмундированныхъ поселянъ и одну жену бѣжавшаго унтеръ-офицера отправилъ въ Новгородъ къ губернатору въ рабочій домъ.

Теперь приступаю къ донесенію вамъ, батюшка, объ общемъ здѣсь несчастіи, происшедшемъ отъ безпрерывныхъ дождей, отъ коихъ рѣка Волховъ разлилась до самой той же высоты, какая была нынѣшнею весною, а еще хуже, что вода и по сіе время ежедневно прибываетъ и, затопивъ всѣ луга, теперь затопляетъ уже и самыя поля съ хлѣбомъ. Ото всего онаго должно опасаться недостатку большого не только въ прокормленіи скота, но и самыхъ людей, а продолжающіеся дожди не позволяютъ ни готоваго хлѣба убирать, ни вновь для будущаго года сѣять. Дороги сдѣлались такъ дурны, что не только я слегъ въ постелю отъ несносной боли въ боку, но самая даже коляска Ваша почти сдѣлалась негодною. Сообщеніе сухопутное, по разлитію водъ, отъ Чудова въ Грузино и изъ округа Гренадерскаго моего имени полка въ Спасскую Полисть совсѣмъ прекратилось; а по всѣмъ онымъ причинамъ, я осмѣливаюсь предложить Вамъ, батюшка, объ отмѣнѣ Вашей поѣздки въ военное поселеніе.

Прилагаю при семъ полученный пакетъ въ моемъ письмѣ отъ генералъ-адъютанта Чернышева, какъ и самое его ко мнѣ письмо.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

38.

Грузино, 16 августа.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу Вамъ, батюшка, мою вѣрноподданную благодарность за ми-[illegible] письмо Ваше, я отдохнулъ уже послѣ своей поѣздки и завтра ѣду въ военное поселеніе.

Прилагаю при семъ нѣсколько бумагъ, касающихся до военнаго поселенія; изъ нихъ нѣкоторыя, кажется, будутъ пріятны Вамъ, батюшка. Я нарочно объяснилъ желаніе крестьянъ въ формальномъ рапортѣ, дабы, если угодно Вамъ будетъ, отдать оный къ исполненію въ разсужденіи Высочайшаго приказа, то видѣли бы невѣрующіе и вредящіе намъ. Пріѣздъ Вашего Величества я всегда считаю особою себѣ наградою, а потому я и буду ожидать рѣшительнаго приказанія Вашего, но, дай Боже, чтобы погода началась хорошая, которая у насъ все и по сіе время продолжается еще очень дождливая, то и нужно, чтобъ хотя нѣсколько просохнуло. Прибыль воды все еще продолжается, и сообщеніе изъ Чудова въ Грузино очень плохое. Если же сія несносная погода помѣшаетъ пріѣзду сюда Вашему, батюшка, то я уже пріѣду, съ позволенія Вашего, къ 25 числу въ Царское Село.

39.

Грузино, 23 сентября.

Батюшка, Ваше Величество!

Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ обстоитъ благополучно. Какіе произведены были мною смотры и ученья въ присутствіи генераловъ: графа Витта, Ешина и полковника Криднера, то объ ономъ всеподданнѣйше представляю особую записку и испрашиваю милостиваго Вашего вниманія, дабы Вы изволили объ оныхъ спросить какъ у г. Витта, такъ и у полковника Криднера, изъ коихъ послѣдній не осмѣлится предстать къ Вашему Величеству безъ особаго Вашего ему приказанія.

40.

Грузино, 20 октября.

Батюшка, Ваше Величество!

Мои занятія Вамъ должны быть извѣстны: Грузино и военное поселеніе; вотъ мои прогулки. Но для чего оное? Единственно для того, чтобъ угодить моему Государю Александру Павловичу, съ коимъ я провелъ мою молодость, а теперь и старость ему же посвящаю.

Лѣто было худое, отчего и работы шли неуспѣшно, то хотѣлось оное наградить хорошею осенью, почему и оставался здѣсь, пока всѣ войска пошли по квартирамъ. Вчера только изъ поселенія возвратился и располагалъ было завтра ѣхать совсѣмъ уже на шумное городское житье, но, не знаю отъ чего, прошедшую ночь въ поселеніи, да и сію въ Грузинѣ, имѣлъ сильные болѣзненные свои припадки, такъ что долженъ былъ посылать будить своего Даллера; то, отдохнувъ сегодня и завтра, а въ субботу къ ночи переѣду въ городъ, и если Вы, батюшка, будете находиться

въ Царскомъ Селѣ, то я осмѣлюсь вечеромъ увидѣться съ Вашимъ Величествомъ.

Капиталъ военнаго поселенія составился Вашимъ, батюшка, распоряженіемъ, слѣдовательно и употребленіе его совершенно зависитъ отъ воли Вашей, а мое мнѣніе о деньгахъ такое, что онѣ учреждены, кажется, не для того, чтобъ лежать, но для употребленія, а особливо для помощи въ нуждахъ добрымъ людямъ.

Слѣдовательно, назначаемую Вами, батюшка, сумму 500/т. рублей очень возможно выдать изъ капитала военнаго поселенія.

Но денегъ я къ Вашему Величеству не могу съ симъ фельдъегеремъ прислать, ибо я никогда казенныхъ денегъ не держу у себя ни одного рубля, а на мелкія употребленія для раздачи въ поселеніяхъ, безъ чего обойтись нельзя, издерживаю по возможности свои собственныя, разумѣется небольшія суммы, потому что и весь мой годовой доходъ состоитъ изъ 70/т. рублей, включая въ оное число и получаемое мною отъ Васъ жалованье и столовыя, 18/т. рублей. Всѣ денежныя суммы находятся всегда въ Экономическомъ Комитетѣ, но оный, по моему приказанію, не смѣетъ у себя держать наличныхъ денегъ болѣе какъ для необходимыхъ расходовъ, что показываетъ прилагаемая у сего послѣдне мною полученная дневная записка, и прочія всѣ суммы находятся въ Ломбардѣ; то я нынѣ же предписалъ Комитету требовать изъ Ломбарда въ нѣсколько пріемовъ означенную сумму 500/т. рублей, и по мѣрѣ полученія изъ онаго я буду представлять лично къ Вамъ, батюшка. А первые 200/т. рублей можно будетъ изъ наличныхъ въ Комитетѣ, немедленно по пріѣздѣ моемъ къ Вамъ, представить, и обо всемъ ономъ я донесу Вамъ, батюшка, при первомъ личномъ моемъ представлении.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Г. А.

(Послано съ поручикомъ Блюменталемъ.)

1822 годъ.

41.

Февраля 9.

Батюшка, Ваше Величество!

Я во вторникъ въ Комитетѣ гг. Министровъ занемогъ и насилу могъ пріѣхать домой, и лежалъ въ постелѣ цѣлый вчерашній день. Сегодня, хотя мнѣ немного и легче, но я не могу ѣхать въ Царское Село ни сегодня, ни завтра, въ чемъ и прошу Вашего себѣ извиненія.

42.

Апрѣля 24, въ 10 часовъ вечера.

Батюшка, Ваше Величество!

Я болѣе бы ни для чего не желалъ себѣ здоровья, какъ только для того, батюшка, чтобъ мнѣ служить Вамъ; вѣрьте истинному Богу, что я чувствую Вашу къ себѣ милость и цѣню ее, какъ вѣрный Вашъ сынъ и слуга.

Боль моя въ груди не проходитъ, а особливо ввечеру я чувствую жаръ и потъ, а ночью имѣлъ и лихорадку съ ознобомъ. Я безпрестанно вчера и сегодня былъ почти весь день на воздухѣ и стараюсь себя перемогать; сегодня ѣздилъ съ Даллеромъ въ дрожкахъ, но при семъ движеніи чувствую боль сильнѣе. Молюсь Богу, дабы Онъ меня облегчилъ для службы моему отцу и благодѣтелю Александру Павловичу.

43.

Грузино, 5 мая.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю Васъ, батюшка, за присылку ко мнѣ Якова Васильевича Виллье; онъ меня успокоилъ, что я, отдохнувъ, буду въ состояніи опять служить моему благодѣтелю Александру Павловичу, и сіе самое уже меня чрезвычайно порадовало.

Молюсь Богу, дабы сохранилъ Ваше здоровье при безпрестанныхъ трудахъ Вашихъ.

Пребываю навѣкъ чистою душою преданный Вамъ вѣрноподданный.

44.

Грузино, 11 мая.

Батюшка, Ваше Величество!

Имѣя по нѣкоторымъ дѣламъ, касающимся до военныхъ поселеній, а особенно по полученному отъ гр. Витта донесенію, доложить Вашему Величеству, я отправилъ оныя съ генералъ-маіоромъ Клейнмихелемъ, прося Васъ, батюшка, принять его съ оными; онъ не займетъ Васъ болѣе получаса. Простите меня великодушно, что я осмѣливаюсь приложить къ Вамъ копіи съ писемъ, полученныхъ мною изъ Кіева отъ брата моего; я не знаю г. губернатора, а слышалъ много хорошаго о вице-губернаторѣ, но все сіе предаю въ Ваше мудрое соображеніе и во всемъ совершенно съ Вами, батюшка, буду согласенъ.

Желаю скораго и благополучнаго возвращенія, остаюсь до конца жизни преданный Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

45.

Грузино, 31 мая.

Приношу Вамъ, батюшка, вѣрноподданническую благодарность за милостивое Ваше письмо изъ Острова, ко мнѣ писанное. Я не хотѣлъ безпокоить Васъ, батюшка, письмомъ своимъ, зная, что Вы во время Вашего вояжа были много заняты.

Употребляемое мною кобылье молоко дѣлаетъ мнѣ пользу, и я съ оного времени имѣю свои припадки слабѣе, но только еще не могу хорошо спать; но со всѣмъ онымъ чувствую себя, слава Богу, лучше и завтра же поѣду смотрѣть свои полки, а послѣ сего осмотрю округи Императора Австрійскаго, Короля Прусскаго и Наслѣднаго Принца, на что и употреблю 6 дней, а по возвращеніи въ Грузино, намѣренъ пріѣхать, около 10 числа іюня, въ Царское Село поклониться Вамъ, батюшка, ибо мнѣ очень скучно, что я такъ долго не видалъ моего единственнаго въ свѣтѣ благодѣтеля.

Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, благополучно, смирно и тихо.

46.

Грузино, 2 іюня.

Батюшка, Ваше Величество!

Милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе превышаетъ всякую благодарность, и я со всѣмъ душевнымъ чувствомъ моего желанія не знаю, чѣмъ и когда могу за оное заслужить. Къ одному Всемогущему Богу обращаюсь ежеминутно съ молитвою, да подкрѣпитъ Его святая десница мое здоровье, которое ни для чего иного не будетъ употреблено до конца моей жизни, какъ къ истинному и усердному служенію моему отцу, благодѣтелю и Государю Александру Павловичу.

Сейчасъ поѣду въ поселенія, ибо я назначилъ осматривать войска, а потомъ, на будущей недѣлѣ, пріѣду въ Царское Село съ моею благодарностью къ моему благодѣтелю.

47.

Грузино, 25 іюня.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу мою вѣрноподданную благодарность за милостивое Ваше письмо; я возвратился изъ военнаго поселенія въ пятницу, т.-е. 23 числа, и признаюсь, батюшка, я усталъ и теперь отдыхаю, а къ удивленію своему замѣчаю, что старость иногда оспариваетъ и самое усердіе. Но утѣшаю себя тѣмъ, если я угодилъ Вашему Величеству. Деньги 10/т. рублей мною получены, а я навѣкъ пребуду вѣрноподданный.

48.

Грузино, 1 іюля.

Батюшка, Ваше Величество!

Я виноватъ, батюшка, передъ Вами. Послѣ возвращенія моего изъ военнаго поселенія, по обыкновенію печатавъ самъ пакетъ къ Вашему Величеству, позабылъ вложить пространную меморію, которая и оставалась здѣсь у меня; въ чемъ и прошу у Васъ, батюшка, милостиваго прощенія, ибо я себя за оное уже наказалъ лишнимъ припадкомъ, дабы впредь онаго не случилось. При семъ отправляю вновь приготовленныя меморіи. Инвалиды за скотомъ, я полагаю, уже прибыли въ Царское Село; а Клейнмихеля я, батюшка, не отправляю потому, что съ 25 числа іюня ожидаю всякой день генерала Рауха, и коль скоро покажу ему военное поселеніе, то вслѣдъ за нимъ и генерала Клейнмихеля отправлю съ дѣлами, которыя всѣ уже приготовлены. Молоко я, батюшка, регулярно пью каждый день, и оно мнѣ дѣлаетъ примѣтную пользу. Повторяя мое извиненіе, пребуду навѣкъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

49.

Грузино, 17 іюля.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю, батюшка, за милостивое награжденіе Ваше поселеннымъ войскамъ отряда Новгородскаго; они по усердію своему достойны Вашей милости. Въ прошедшую субботу я возвратился изъ карабинерныхъ поселеній и нашелъ тамъ, слава Богу, все хорошо и смирно. Ученьемъ былъ также доволенъ; оба баталіона учились съ порохомъ, въ 3 рядовъ.

Урожай хлѣба не хорошъ, но, слава Богу, тамъ нѣтъ скотскаго падежа; а во всѣхъ прочихъ гренадерскихъ полкахъ оный очень свирѣпствуетъ.

50.

Августа 30.

Батюшка, Ваше Величество!

Великой сей день для меня по чувствамъ приверженной души моей къ особѣ Всеавгустѣйшаго моего благодѣтеля провожу я въ военномъ поселеніи, какъ въ мѣстѣ, Вами, батюшка, вновь сотворенномъ, и сейчасъ, возвратясь изъ храма Божія, гдѣ съ чистою вѣрою и усердною молитвою просилъ Бога о продолженіи здоровья Вашего и о совершеніи всѣхъ желаній Вашихъ, а здѣсь осмѣлился обезпокоить Васъ, батюшка, сими строками, не пышными, но усердными, дабы поздравить моего Государя и благодѣтеля съ днемъ его Ангела.

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, все благополучно и смирно, и тихо. Генералъ-маiора Клейнмихеля отправилъ я во 2 уланскую дивизію.

Знатные посѣтители мои, графъ Кочубей и Сперанскій, были въ поселеніяхъ. Я имъ показалъ устройство двухъ полковъ моего имени и Его Величества Короля Прусскаго, и гр. Кочубей объяснился, что какое произвело на него чувствіе осмотръ военныхъ поселеній, то будетъ объ ономъ писать къ Вашему Величеству.

Отправлено 1 сентября изъ С.-Петербурга.

51.

Гатчина, 13 октября.

Батюшка, Ваше Величество!

Генералъ-маіоръ Клейнмихель возвратился изъ Харькова. Онъ нашелъ въ поселенной 2 уланской дивизіи, благодаря Бога, все въ хорошемъ положеніи, какъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ оригинальнаго его рапорта. Мелкія же, сдѣланныя имъ, замѣчанія есть мое дѣло исправить, о коихъ я и не безпокою Вашего Величества.

Генералъ Ешинъ, слава Богу, выздоровѣлъ и вступилъ въ командованіе дивизіею, чему я очень радъ.

Урожай хлѣба въ оныхъ поселеніяхъ былъ очень хорошій. Впрочемъ, слава Богу, батюшка, и во всѣхъ поселеніяхъ благополучно, смирно и тихо. Благодарю, батюшка, за милостивое Ваше письмо и молюсь ежедневно, дабы поскорѣе къ намъ обратно возвратились.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни вѣрноподданный.

52.

Грузино, 31 октября.

Письмо Вашего Императорскаго Величества отъ 25 октября, съ приложеніемъ къ оному прописей солдатскихъ дочерей и литографированныхъ картинъ глухонѣмыхъ, я имѣлъ счастіе получить, но я успѣхомъ симъ не удивлялся, ибо, находясь подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, тѣ заведенія всегда будутъ процвѣтать въ наукахъ, и симъ успѣхамъ обязаны воспитанники единственно материнскому Вашего Императорскаго Величества попеченію, а молитвы, ими возсылаемыя, ко Всевышнему Творцу, единственною ихъ будутъ благодарностію за Монаршее Ваше къ нимъ вниманіе.

Чувствуя въ полной мѣрѣ сіе особенное Монаршее благоволеніе Ваше ко мнѣ, примите, Ваше Императорское Величество, изъявленіе моей всеусерднѣйшей благодарности и глубочайшей признательности, съ коими до конца жизни дней моихъ пребуду

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

53.

Ноября 3.

Зять статсъ-секретаря Муравьева Картмазовъ, находившійся въ Лугѣ городничимъ, а послѣ предсѣдателемъ Новгородской гражданской палаты, переведенъ, по несогласію съ губернаторомъ, въ Херсонскую гражданскую палату. Но какъ онъ, дѣйствительно, сдѣлался боленъ, то и увольняется нынѣ отъ должности съ пенсіономъ. Г-нъ Муравьевъ проситъ о назначеніи ему пенсіона, вмѣсто опредѣленнаго Комитетомъ Министровъ 840 рублей, то жалованье, какое онъ получалъ въ Новгородской губерніи, 1375 рублей.

(Послано Государю при меморіи Комитета 12 сентября.)

54.

Грузино, 30 ноября.

Батюшка, Ваше Величество!

Приближающійся день Вашего рожденія есть въ мірѣ семъ день моего благополучія. По сему-то и не могу удержать желанія моего и не принести Вамъ, батюшка, мое отъ истиннаго сердца поздравленіе. Прошу Господа Бога, да продлитъ жизнь Вашу, да укрѣпитъ здоровье Ваше, на перенесеніе тяжкихъ трудовъ при нынѣшнихъ лукавыхъ человѣческихъ мысляхъ и дѣяніяхъ. Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, батюшка, все благополучно, смирно и тихо, за что ежедневно приношу благодареніе Богу. Я увѣренъ, что Вы, батюшка, въ теченіе моей службы изволили замѣтить во мнѣ всегда истинное желаніе въ исполненіи приказаній Вашихъ, почему и нынѣ, уладивъ съ г. Сперанскимъ объ учрежденіи комиссіи для пересмотра положеній о военныхъ поселеніяхъ, представляю при семъ, въ пакетѣ подъ № 1, общій нашъ о семъ докладъ, а одобреніе его изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ въ оригиналѣ письма.

При представленіи сего доклада я долженъ просить у Васъ, батюшка, о награжденіи извѣстныхъ Вамъ трехъ человѣкъ, изъ коихъ, батюшка, г. Самбурской, дѣйствительно, заслуживаетъ представленной награды, ибо во все время несчастнаго и безвиннаго его терпѣнія, онъ всею душою трудился при составленіи всѣхъ положеній, до Военнаго поселенія касающихся, то и нахожу нужнымъ ободрить его, дабы не лишиться нужнаго и способнаго человѣка.

На сихъ дняхъ умеръ управлявшій дѣлами Комитета Министровъ Сухопрудской; я въ немъ потерялъ добраго себѣ помощника; теперь мнѣ и по симъ дѣламъ надобно будетъ обращать особый надзоръ.

Позвольте, батюшка, сказать нѣсколько словъ и о себѣ. Боль моя въ груди возобновилась во всей ея силѣ съ наступленіемъ сырой погоды и не даетъ мнѣ ночью пользоваться нужнымъ для подкрѣпленія силъ сномъ. Но надежда и упованіе мое Богъ, и утѣшеніе обожаемый мною Монархъ и благодѣтель Александръ Павловичъ.

1823 годъ.

55.

Грузино, 13 марта.

Батюшка, Ваше Императорское Величество!

Я почелъ нужнымъ донести Вашему Величеству чрезъ нарочнаго офицера о слѣдующемъ:

1) Дорога до Чудова очень хороша на колесахъ.

2) Дорога отъ Чудова до Грузина очень дурна. На саняхъ невозможно, а на колесахъ весьма грязно: по новой дорогѣ послѣднія пять верстъ, а по старой дорогѣ цѣлая половина.

3) Самая рѣка Волховъ въ такомъ положеніи, что по оной въ коляскѣ переѣхать опасно, а должно перейти пѣшкомъ по дѣланнымъ мосткамъ.

4) Дорога изъ Грузина до военнаго поселенія хороша и безопасна, а должно только будетъ въ двухъ мѣстахъ, по множеству снѣга, для лучшей удобности проѣхать, верстъ пять, въ одну лошадь на саняхъ, которыя мною и приготовлены. Въ военномъ поселеніи все, слава Богу, благополучно, и солдаты всѣ желаютъ видѣть Ваше Величество. Желаніе грузинскаго хозяина имѣть у себя почитаемаго имъ всѣмъ сердцемъ своего Государя и благодѣтеля есть безпредѣльно, только бы по дурной вышеописанной дорогѣ не было безпокойно Вашему Величеству.

56.

Грузино, 25 апрѣля.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу мою вѣрноподданную благодарность за милостивое письмо Ваше; я не смѣлъ писать къ Вашему Величеству, но сердце и мысли мои всегда заняты моимъ Государемъ и благодѣтелемъ.

Присланный Вашимъ Величествомъ аудиторіатскій докладъ, дѣйствительно, долженъ быть разсмотрѣнъ въ Военномъ департаментѣ Совѣта, почему, дабы не обременить Васъ, Государь, особымъ приказаніемъ, я и вставилъ оный у себя для внесенія заведеннымъ порядкомъ. При семъ представляю Вашему Величеству положеніе о Тульскомъ оружейномъ заводѣ, съ выпискою изъ онаго, которую, прочитавъ, Вы изволите увидѣть все содержаніе онаго, тѣмъ болѣе, что оно не заключаетъ ничего касающагося до оружейниковъ. Въ военныхъ поселеніяхъ все, слава Богу, благополучно.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни вѣрноподданный.

57.

Грузино, 28 апрѣля.

Батюшка, Ваше Величество!

Представляю при семъ проэктъ Указа о госп. Миницкомъ, вновь написанный сходно съ тѣмъ, который былъ писанъ для Клокачева, въ копіи у сего также прилагаемый.

Я получилъ на сихъ дняхъ письмо барона Кампенгаузена, которое показалось мнѣ приличнымъ довести и до Вашего, батюшка, свѣдѣнія. Оно прилагается въ копіи единственно для того, чтобъ удобнѣе можно было оное прочитать. Приказаніе Ваше о крестинахъ на яму будетъ мною исполнено.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

58.

Грузино, 28 іюня.

Батюшка, Ваше Императорское Величество!

Сегодня пріѣхалъ изъ поселенія; все готово къ принятію нашего Всемилостивѣйшаго Государя Императора; но боюсь, батюшка, дождей, которые у насъ сдѣлали ужасную грязь, такъ что дѣлать линейнаго ученья на парадныхъ новыхъ мѣстахъ совсѣмъ невозможно. Въ воскресенье, 1 числа, остаюсь здѣсь у обѣдни и буду просить Бога о хорошей погодѣ, а послѣ обѣда поѣду въ поселеніе и возвращусь въ понедѣльникъ ввечеру.

Грузинской хозяинъ испрашиваетъ позволенія кормить своего благодѣтеля своею кухнею, какъ въ Грузинѣ, такъ и въ поселеніяхъ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

59.

Грузино, 29 іюня.

Батюшка, Ваше Величество!

Отдавъ въ храмѣ Божіемъ чувства душевной благодарности памяти сегодняшняго именинника, который, предстоя у Престола Божія, конечно, видитъ истинную любовь и преданность къ Августѣйшему его преемнику того подданнаго, котораго угодно ему было еще при жизни своей къ нему приблизить, съ приказаніемъ быть ему вѣрнымъ слугою, я исполняю оное въ полной мѣрѣ душевнаго моего расположенія и благодарю ежедневно Бога за милостивое Вашего Величества ко мнѣ расположеніе. Присланныя бумаги гр. Кочубея и кн. Лобанова прочиталъ. Я всегда удивляюсь симъ людямъ, что они не могутъ отвыкнуть отъ интригъ и обмановъ. Видно, справедлива старинная пословица, что привычка у человѣка вторая есть его натура. Я безпрестанно молюсь Богу о погодѣ, ибо проливные дожди

помѣшаютъ въ настоящемъ видѣ представить усердные наши труды моему благодѣтелю.

Прошу, батюшка, отмѣнить присылку Вашей кухни въ Карабинеры, ибо я уже все распорядилъ, и вы меня онымъ изволите обидѣть, а прикажите ей только выѣхать въ день возвращенія Вашего Величества отъ маркиза.

60.

Грузино, 16 іюля.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу, батюшка, Вамъ вѣрноподданную и истинную благодарность за милостивое вниманіе Ваше къ трудамъ моимъ, которые и впредь будутъ посвящены Вамъ, батюшка, до самой крайней возможности моего здоровья. Посылаю съ начальникомъ штаба всѣ бумаги, касающіяся до смотра, къ Высочайшему Вашему усмотрѣнію. Я долгъ имѣю просить Ваше Величество о награжденіи генералъ-маіора Клейнмихеля, какъ усерднаго слугу Вашего, орденомъ св. Анны первой степени, чѣмъ самымъ Вы изволите усугубить его стараніе.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни вѣрнѣйшій Вашъ вѣрноподданный.

61.

*Округъ Гренадерскаго Его Величества Короля Прусскаго полка.
3 августа.*

Батюшка, Ваше Величество!

Присланный фельдъегерь нашелъ меня въ военныхъ поселеніяхъ. Какъ Вы, батюшка, утро 6 числа изволите быть заняты Преображенскимъ праздникомъ, то я и пріѣду въ С.-Петербургъ, на Каменный Островъ, пополудни въ 6 часовъ.

62.

Кіевъ, 21 сентября.

Батюшка, Ваше Величество!

Во-первыхъ, приношу мою вѣрноподданную благодарность за милостивое Ваше обо мнѣ попеченіе во время пребыванія моего въ свитѣ Вашего Величества.

Во-вторыхъ, представляю при семъ полученную мною записку о послѣднихъ дняхъ жизни почтеннаго барона Кампенгаузена, въ которой изволите усмотрѣть просьбу его къ Вашему Величеству, препорученную имъ моему у Васъ ходатайству. По честности правилъ сего человѣка мы съ нимъ были друзьями, слѣдовательно, полученное мною о его смерти извѣстіе (въ Гомелѣ, у дряхлаго канцлера) меня очень огорчило.

Ваше Величество потеряли въ немъ также хорошаго слугу. Истинно, по нынѣшнимъ дурнымъ временамъ, Вы мало изволите имѣть такихъ людей, что и болѣе по моей къ Вамъ, батюшка, привязанности печалитъ, особливо наслышавшись въ сіе же время отъ старика Румянцова о нынѣшнемъ времени извѣстныхъ Вамъ, обыкновенныхъ черныхъ его мыслей.

Я долженъ былъ до 17 числа пробыть въ Могилевскомъ военномъ поселеніи, а потому и пріѣхалъ сюда вчера ввечеру, гдѣ проведу у брата 23 число сентября, а 24 числа, въ первый день 55 года моей жизни, поѣду къ графу Витту.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

63.

Грузино, 24 декабря.

Батюшка, Ваше Величество!

На присланные отъ Вашего Величества доклады я заготовилъ проэкты указовъ, каковые при семъ и представляю. Я не нашелъ ничего болѣе замѣтить, какъ исключилъ отъ полученія орденовъ тѣхъ чиновниковъ, коихъ чины ниже титулярныхъ совѣтниковъ, о коихъ и можно будетъ отнестись къ герцогу для назначенія имъ другихъ наградъ. Если позволите удостоить подписаніемъ указовъ, то о подаркахъ и производствѣ мелкихъ статскихъ чиновниковъ я объявлю волю Вашего Величества, чѣмъ самымъ дѣло сіе и будетъ окончено. Изъ представленныхъ къ наградамъ не нужно ли будетъ исключить господъ: Борейшу, о коемъ не очень идетъ хорошая слава, и Бахтурина, который былъ въ связи съ Вельяшевымъ, до будущаго времени, пока они заслужатъ лучшую о себѣ репутацію. Благодарю, батюшка, за милостивое Ваше ко мнѣ вниманіе; я, слава Богу, доѣхалъ хорошо и сегодня молился Богу въ своей церкви, прося Его о сохраненіи Вашего здоровья. Поздравляя Васъ, батюшка, съ завтрашнимъ праздникомъ, остаюсь навѣкъ неизмѣннымъ

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ слугою.

1824 годъ.

64.

Село Медвѣдь, 4 марта.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю покорно за милостивое Ваше письмо. Кашель мой еще продолжается, но по крайней мѣрѣ не дѣлается сильнѣе; да теперь я, батюшка, объ немъ и не думаю, а все мое воображеніе обращено на новое военное поселеніе; дабы и сію мою службу окончить добрымъ манеромъ, куда сейчасъ и отправлюсь.

Уничтоженіе кабаковъ ничего особаго не произвело; и они всѣ закрыты, и продажа прекращена. Впрочемъ, по сіе время доносятъ мнѣ, что довольно смирно, окромѣ одной Наговской волости, гдѣ начались было оказываться безпорядки, а потому и расположили въ оной немедленно излишнее число баталіоновъ. Губернаторомъ я отмѣнно доволенъ; онъ исполняетъ свой долгъ, какъ вѣрный слуга своему Государю, и, кажется, мы откроемъ работу надъ симъ дѣломъ петербургскихъ жителей.

О просьбѣ генералъ-маіора Ешина пріѣхать въ С.-Петербургъ я докладывалъ вамъ, батюшка, еще въ самое то время, когда вы изволили наградить его орденомъ.

Я здѣсь нашелъ генералъ-маіора Палицына совершенно не способнымъ быть бригаднымъ командиромъ въ округахъ Карабинерныхъ полковъ, по ограниченности его головы, а онъ самъ убѣдительно меня проситъ о помѣщеніи его бригаднымъ командиромъ вторыхъ баталіоновъ, на работѣ находящихся. Увидя, что онъ въ теченіе двухнедѣльнаго здѣсь пребыванія ничего не могъ сообразить въ своемъ понятіи, то я и испрашиваю посылаемою у сего особою докладною запискою о перемѣнѣ его генералъ-маіоромъ Самбурскимъ, который можетъ занять сіе мѣсто, а полковникъ Захарловскій не можетъ здѣсь оставаться и потому, что онъ моложе полкового командира 1 Карабинернаго полка, полковника Леонтьева.

Вашего Императорскаго Величества до конца моей жизни пребуду истинно вѣрноподданный.

65.

Старая Русса, 4 марта.

Благодарю, батюшка, Ваше Величество, за милостивое Ваше наставленіе касательно осторожности противо пріѣзжающихъ сюда гостей. Она, дѣйствительно, весьма въ нынѣшнія времена нужна; доказательствомъ сему послужить можетъ какъ Вашему Величеству, такъ и мнѣ самому, посылаемый у сего къ Вамъ, батюшка, подлинный допросъ одного крестьянина, поступающаго нынѣ въ военное поселеніе, въ коемъ изволите найти высшаго и нижняго класса людей, знакомыхъ Вашему Величеству.

Инженернаго корпуса штабсъ-капитанъ Кроль и форстмейстеръ Рейнгартенъ назначены мною для здѣшняго поселенія и, по моему приказанію, пріѣхали сюда.

Г-нъ Веригинъ долженъ быть самый тотъ, котораго Вы изволите именовать. Я его также знаю съ весьма нехорошей стороны, но только его здѣсь, кажется, не было, а я приказалъ узнать, не пріѣзжалъ ли онъ въ Новгородъ.

Г-на полковника Аклечеева я лично не знаю, но уже одна фамилія сія заставляетъ меня опасаться его, ибо покойный сего имени извѣстенъ Вамъ, батюшка, по участію своему въ происшествіи 11 марта. Генералъ-маіоръ Аклечеевъ былъ, говорятъ, сему полковнику родной дядя, и

оставшееся послѣ его имѣніе, сказываютъ мнѣ, находится въ здѣшнемъ уѣздѣ, то я и приказалъ обо всемъ ономъ порядочно развѣдать.

Съ Божіею помощію, на Коего всегда во всѣхъ производимыхъ мною дѣлахъ возлагаю упованіе мое, сего числа въ двухъ волостяхъ, Наговской и Спасской, при собраніи жителей прочитанъ былъ указъ и объявлено имъ дѣйствительное поступленіе ихъ въ военное поселеніе.

Сія церемонія окончилась тихо, смирно и безъ малѣйшаго безпорядка и происшествія. Я благодарю Бога, что Онъ наставилъ меня въ сей новой мысли, не дѣлать вдругъ обмундированія и бритья бородъ, что въ свое время исподоволь исполнится, а симъ самымъ сохранится надлежащая тишина и спокойствіе.

Завтра поутру, въ 6 часовъ, поѣду я въ другія двѣ волости, по самой дурной, испортившейся дорогѣ, но со всѣмъ тѣмъ долженъ буду въ одинъ день сдѣлать 120 верстъ въ пошевняхъ, въ одну лошадь, ибо иначе уже никакъ ѣхать нельзя.

Отправляю при семъ къ Вамъ, батюшка, три указа къ подписанію, ибо оное распоряженіе нужно нынѣ же сдѣлать.

Болѣе теперь ничего не имѣю донести Вамъ, батюшка, какъ только окончу тѣмъ, что всякое трудное для меня дѣло легко мнѣ выполнять, если я оное исполняю по предпорученію Вашему.

Пребываю до конца жизни истинный вѣрноподданный.

66.

Г. Старая Русса, 13 марта.

Съ душевнымъ благодареніемъ къ Богу, помогающему мнѣ исполнять намѣренія Государя моего, я съ пріятнымъ удовольствіемъ имѣю счастіе Вамъ, батюшка, донести, что указъ о поступленіи всѣхъ жителей въ военное поселеніе, съ раздѣленіемъ оныхъ на 12 округовъ поселенныхъ полковъ 2 и 3 гренадерскихъ дивизій, во всѣхъ десяти волостяхъ объявленъ.

Воля Вашего Величества во всѣхъ оныхъ волостяхъ мною была растолкована, а равно и собственная польза ихъ, состоящая въ сохраненіи при себѣ безотлучно семействъ своихъ, послѣ чего я не имѣлъ надобности не только употребить какое-либо военное принужденіе, но даже и сдѣлать строгаго выговора добрымъ русскимъ подданнымъ.

Восемь волостей я лично самъ объѣхалъ, послѣднія же двѣ, Ляховицкую и Воскресенскую, по причинѣ боли въ груди, происшедшей отъ большого сотрясенія при ѣздѣ въ пошевняхъ по испорченной дорогѣ, гдѣ должно было ѣхать объѣздами, по канавамъ и кочкамъ, я уже объѣхать не могъ, но выбранные жители оныхъ волостей, по объявленіи указа, были мною лично въ Старой Руссѣ успокоены въ семъ новомъ состояніи.

Объявленіе сіе окончено 9 марта, но я съ намѣреніемъ промедлилъ симъ моимъ до сего числа Вамъ, батюшка, донесеніемъ, дабы

удостовѣриться въ спокойномъ расположеніи жителей, и въ теченіе сихъ трехъ дней ни откуда донесеній о безпокойствахъ не получено; а вездѣ, слава Богу, все смирно и тихо.

Окончу мое донесеніе тѣмъ, батюшка, Ваше Величество, что весьма много труднаго дѣла будетъ довести сіе поселеніе, по обширности его, до той степени, въ каковой находится нынѣ 1 гренадерская дивизія, и я, при всемъ моемъ желаніи, сумнѣваюсь, по слабости моего здоровья, дабы я могъ увидѣть лично оное въ подобномъ положеніи.

Донесеніе сіе отправляю къ Вамъ, батюшка, съ воспитанникомъ моимъ, гвардіи конной артиллеріи подпоручикомъ Шумскимъ. Онъ вездѣ при объявленіи указа лично находился. Я приготовляю его, если угодно будетъ Богу, себѣ вмѣсто сына и надѣюсь, что онъ будетъ вѣрный слуга Государю, а потому и желательно мнѣ при жизни своей видѣть его при подобныхъ серьезныхъ занятіяхъ, дабы онъ могъ заслужить вниманіе своего Государя.

Я представляю Вамъ, батюшка, объ окончаніи сего дѣла особый мой по формѣ рапортъ на тотъ случай, что, можетъ-быть, угодно Вамъ оный будетъ отдать въ Главный Вашего Величества Штабъ, дабы прекратить С.-Петербургское праздноглаголаніе.

67.

7 апрѣля.

Христосъ Воскресе,

Батюшка, Ваше Величество!

Сейчасъ получилъ я извѣстіе объ оказанной мнѣ милости назначеніемъ моего Шумскаго флигель-адъютантомъ. Первое мое дѣло было идти въ церковь и пасть на колѣни въ храмѣ Божіемъ за Государя моего, коему посвятилъ всю мою жизнь и тѣломъ, и душею.

Примите, батюшка, мою сыновнюю Вамъ благодарность. Я буду всегда просить Бога, дабы Онъ, Всевышній, увѣрилъ Васъ, батюшка, что нѣтъ въ мірѣ другого человѣка, который бы болѣе меня былъ Вамъ преданъ.

Цѣлую Ваши руки. Остаюсь навѣкъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный графъ Аракчеевъ.

68.

Округъ поселенія Гренадерскаго Его Величества Короля Прусскаго полка.

1 іюня 1824 г.

Батюшка, Ваше Величество!

Присланный отъ Вашего Величества нашелъ меня въ военномъ поселеніи, гдѣ я дѣлаю смотръ всѣмъ войскамъ. Вчера оное происходило

въ полку моего имени, а сегодня въ полку Его Величества Короля Прусскаго. И такимъ образомъ я буду объѣзжать до 13 числа сего мѣсяца, а къ 15 числу располагаю пріѣхать въ Царское Село, донести Вамъ, батюшка, по дѣламъ службы и получить приказаніе Ваше въ разсужденіи пріѣзда, батюшка, Вашего.

69.

Округъ поселенія Гренадерскаго Наслѣднаго Принца Прусскаго полка.

9 іюня.

Батюшка, Ваше Величество!

Полученныя мною бумаги всѣ окончены и отправлены съ симъ же фельдъегеремъ по принадлежности, куда слѣдуетъ.

Замѣчаніе Ваше, батюшка, по новому банку, сдѣланное насчетъ уравненія Москвы съ Петербургомъ, весьма справедливо, и я совершенно съ онымъ согласенъ. Но, кажется, лучше оное исправить особымъ дополнительнымъ положеніемъ, нежели передѣлывать сіе, утвержденное уже Вашимъ Величествомъ, положеніе; что самое будетъ сходно и съ правиломъ, о семъ упоминаемымъ въ самомъ положеніи банка, то я меморію Совѣта со всѣми бумагами не удерживаю, отправляю съ симъ же фельдъегеремъ къ г. Оленину въ особомъ пакетѣ.

Сосѣдъ мой Путятинъ дочерей не имѣетъ, окромѣ двухъ сыновей, слѣдовательно, и просьба, поданная о принятіи дочери, должна быть не его, а другого Путятина.

Окончивъ Ваши, батюшка, приказанія, скажу нѣсколько словъ и о военныхъ поселеніяхъ. По милости Божіей, вездѣ, слава Богу, все хорошо, смирно и спокойно. Я самъ ѣздилъ и въ Старую Руссу, гдѣ новые поселяне, кажется, довольны своимъ положеніемъ. Перепись продолжается съ большимъ вниманіемъ и разборчивостію. Я тружусь съ удовольствіемъ, ибо сіе пріятно тому, кому я продолжаю мое служеніе близко тридцати лѣтъ.

Подвигаясь къ шестидесятымъ годамъ своей жизни, человѣкъ долженъ всегда ожидать разныхъ въ своемъ физическомъ положеніи перемѣнъ. Окромѣ моихъ обыкновенныхъ грудныхъ припадковъ, открылась у меня слѣпота въ глазахъ; каждое утро я не могу около получаса видѣть и читать, но послѣ оное проходитъ. Я не ропщу на оное, ибо глаза мои довольно работали, а и о Васъ, батюшка, я увѣренъ, что Вы стараго слугу своего и слѣпого будете любить.

На сей недѣлѣ окончу мое путешествіе, а въ субботу къ ночи намѣренъ пріѣхать въ Царское Село.

Вашего Императорскаго Величества до конца моей жизни.

70.

Грузино, 10 іюля.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу Вамъ, батюшка, мою душевную благодарность за милостивое Ваше ко мнѣ вниманіе во время смотра Вашего Величества. Истинно увѣряю Васъ, батюшка, что я все, что только могу, то сдѣлаю съ усердіемъ.

Дабы Ваше Величество были довольны симъ новымъ заведеніемъ, отправляю къ Вамъ, батюшка, съ разными дѣлами начальника штаба генералъ-маіора Клейнмихеля, прошу его принять милостиво, ибо онъ, по своему усердію, сіе заслуживаетъ.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни пребуду истинно вѣрноподданный.

71.

Грузино, 20 іюля.

Батюшка, Ваше Величество!

Вчера возвратился ко мнѣ генералъ-маіоръ Клейнмихель и объявилъ мнѣ о милостивомъ Вашего Величества меня награжденіи производствомъ Шумскаго. Я спѣшу, батюшка, принесть Вамъ мою вѣрноподданную благодарность. Сего числа пріѣхалъ ко мнѣ преосвященный митрополитъ Серафимъ, котораго, по желанію его, завтра везу самъ по военнымъ поселеніямъ, гдѣ онъ располагаетъ 22 числа служить самъ въ округѣ Его Величества Короля Прусскаго полка, въ новой церкви. Я въ оный день буду въ новомъ семъ храмѣ молиться Богу о Вашемъ, батюшка, и дражайшей Вашей родительницы здоровьѣ, поздравляя Ея Императорское Величество съ наступающимъ днемъ Ангела.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни.

72.

Г. Старая Русса, 24 августа.

Батюшка, Ваше Императорское Величество!

Отъ усерднаго сердца и чистаго помышленія поздравляю Васъ, батюшка, съ днемъ Вашего Ангела, прося Всевышняго Бога, дабы Онъ сохранилъ Васъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ и ниспослалъ бы Ангела Своего хранителя подкрѣпить здоровье Ваше для перенесенія трудовъ Вашихъ, кои мнѣ болѣе всѣхъ другихъ Вашихъ подданныхъ извѣстны. Я день Вашего Ангела еще проведу въ здѣшнихъ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ, слава Богу, смирно, спокойно и начинаетъ показываться въ людяхъ

уже военный видъ. Извѣстные Вашему Величеству бѣглые являются, и весьма мало остается еще не возвратившихся, а извергъ человѣческій, покусившійся на жизнь своихъ дѣтей, о коемъ я докладывалъ Вашему Величеству, найденъ въ болотахъ умершимъ, какъ полагать должно, отъ голода.

Урожай хлѣба и льна въ здѣшнемъ военномъ поселеніи нынѣшній годъ очень хорошъ, такъ что давно такого не было. Сія милость Божія, утѣшая военныхъ поселянъ, споспѣшествуетъ новому сему учрежденію; но, напротивъ того, изъ представленныхъ отъ меня записокъ изволите, батюшка, усмотрѣть, что саранча опустошаетъ поля и луга не только у графа Витта, но и даже оказалась и въ Слободско-Украинской губерніи, въ поселеніи 3 уланской дивизіи.

Я здѣсь теперь занимаюсь трудною работою о расположеніи полковыхъ штабовъ и буду онымъ заниматься столько, сколько уже силъ моихъ будетъ, дабы учредить оное самымъ лучшимъ образомъ, какъ только мѣстоположеніе онаго позволитъ.

Навѣкъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

73.

Округъ поселенія Гренадерскаго Его Величества Императора Австрійскаго полка.

18 сентября.

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшая Государыня!

Удостоясь получить при милостивомъ рескриптѣ Вашего Императорскаго Величества безцѣнный для меня подарокъ, кедровыхъ орѣховъ, созрѣвшихъ на деревѣ, посаженномъ въ годъ рожденія въ Бозѣ почивающаго Государя Императора, моего истиннаго благодѣтеля, я священнымъ долгомъ поставляю себѣ принесть за оный Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, мою вѣрноподданническую благодарность. Подарокъ сей будетъ мнѣ, въ моемъ Грузинѣ, напоминать два предмета, всегда пріятные моему сердцу: память покойнаго Государя и милостивое Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ вниманіе. Но, дабы сохранить его и на будущія времена, то я не премину сѣмена онаго посѣять въ Грузинскомъ моемъ садикѣ, вблизи находящагося въ ономъ бюста покойнаго моего благодѣтеля Государя Императора, куда я ежедневно хожу поклоняться душою и тѣломъ, и благодарю его, что онъ, еще при жизни своей, пріучилъ меня къ нынѣ Царствующему Государю Императору Александру Павловичу, коему вся моя жизнь посвящена навѣки.

Счастіе имѣю быть

Вашего Императорскаго Величества.

74.

С.-Петербургъ, 8 ноября.

Батюшка, Ваше Величество!

Благодарю Васъ, батюшка, за память обо мнѣ. У меня ничего не случилось, ибо вода не доходила до моего дома; но я не могъ спать всю ночь, зная Ваше душевное расположеніе, а потому и увѣренъ самъ въ себѣ, сколь много Ваше Величество страдаете теперь о вчерашнемъ несчастіи. Но Богъ, конечно, иногда посылаетъ подобныя несчастія и для того, чтобы избранные Его могли еще болѣе показать страдательное свое попеченіе къ несчастнымъ. Ваше Величество, конечно, употребите оное нынѣ въ настоящее дѣйствіе. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательныя для поданія помощи бѣднѣйшимъ, а не богатымъ. Подданные Ваши должны Вамъ помогать, а потому и осмѣливаюсь представить Вамъ мои мысли.

Вашимъ, батюшка, благоразумнымъ расположеніемъ съ моими малыми трудами составленъ довольно знатный капиталъ военнаго поселенія. Я, по званію своему, не требовалъ изъ онаго даже столовыхъ себѣ денегъ. Нынѣ испрашиваю въ награду себѣ отдѣлить изъ онаго капитала одинъ милліонъ на пособіе бѣднѣйшимъ людямъ. За что, конечно, Богъ поможетъ дѣлу сему съ пользою для отечества и славою Вашего Величества еще лучшимъ образомъ въ исполненіи своемъ продолжаться.

Учредите, батюшка, Комитетъ изъ сострадательныхъ людей, дабы они немедленно занялись помощію бѣднѣйшимъ людямъ. Они будутъ прославлять Ваше имя, а я, слыша оное, буду имѣть лучшее на свѣтѣ семъ удовольствіе.

Вашего Императорскаго Величества

до конца моей жизни вѣрноподданный.

1825 годъ.

75.

Старая Русса, 3 генваря.

Батюшка, Ваше Величество!

Приношу Вашему Императорскому Величеству изъ глубины души моей истинную и нелицемѣрную христіанскую благодарность. Сіе Ваше къ подданному своему вниманіе обновляетъ у него притупляющіяся его силы и дѣлаетъ еще для Вашего Величества полезнымъ работникомъ.

Въ военныхъ поселеніяхъ 2 и 3 гренадерскихъ дивизій, слава Богу, все благополучно, смирно и тихо, но со всѣмъ онымъ сія огромная машина требуетъ сильнаго труда и крѣпкаго здоровья.

Я здѣсь нахожусь съ 28 числа декабря и не прежде 5 генваря могу выѣхать, послѣ чего долженъ еще осмотрѣть поселенные полки 1 гренадерской дивизіи, такъ что я въ мое милое Грузино не прежде могу возвратиться, какъ 10 генваря.

Молю Всевышняго Бога, да благословитъ Онъ Ваше Императорское Величество на сей наступающій Новый Годъ новымъ здоровьемъ, новыми вѣрными подданными, къ облегченію многотруднаго Вашего прехожденія, и да ниспошлетъ Онъ Духа Святаго съ новымъ увѣреніемъ о нелицемѣрной преданности стараго слуги Вашего Императорскаго Величества, вѣрноподданнаго.

76.

С.-Петербургъ, 8 апрѣля.

Батюшка, Ваше Величество!

Представляю къ Вашему Величеству письмо князя Лопухина, которое онъ просилъ меня отправить къ Вашему Величеству, и вмѣстѣ съ онымъ проситъ князь Лопухинъ позволенія отлучиться ему изъ С.-Петербурга, то я и прилагаю проэктъ ему рескрипта. Сенаторъ Соймоновъ весьма, кажется, чувствуетъ вашу милость въ назначеніи 25 т. рублей, о чемъ я и прилагаю проэктъ указа.

Припадки мои увеличиваются въ такомъ градусѣ, что съ 6 на 7 число ночью, окромѣ своего Даллера, долженъ былъ послать просить Геирота. Сегодня положили они сдѣлать консиліумъ, приглася еще г-на Елизена. Я одного боюсь, что, если мои припадки доведутъ меня до такого положенія, что я не въ состояніи буду исполнять моихъ обязанностей, кои я всегда съ удовольствіемъ и полнымъ раченіемъ, по душевной моей привязанности къ Вашему Величеству, исполняю. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

77.

С.-Петербургъ, 17 апрѣля.

Батюшка, Ваше Величество!

Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, вездѣ смирно и тихо. Но графъ Виттъ доноситъ, что въ первыхъ числахъ сего мѣсяца продолжались еще морозы и снѣгъ въ такомъ количествѣ, что существуетъ санная дорога. Обстоятельство весьма важное: ибо послѣдствіемъ онаго есть совершенный недостатокъ корму для скота во всей Херсонской губерніи, и отъ того пропадаетъ онаго большое количество; а между людьми свирѣпствуетъ цынготная болѣзнь. Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ лично подтвердилъ о семъ въ Комитетѣ Министровъ, о чемъ нынѣ же представляется мною особый журналъ въ числѣ Комитетскихъ дѣлъ.

Я послалъ нарочнаго фельдъегеря къ графу Витту, чтобъ получить обо всемъ ономъ подробное свѣдѣніе, приказавъ удержать его у себя до тѣхъ поръ, пока откроется тамъ весенняя погода.

По Новгородскому поселенію на сихъ дняхъ произошло слѣдующее: гренадерскаго Его Величества Короля Прусскаго полка два человѣка рядовыхъ 1 гренадерской роты 9 апрѣля отлучились изъ полку и 14 числа явились въ С.-Петербургѣ у военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, съ жалобою на своего ротнаго командира, состоящею въ томъ, что будто онъ наказываетъ ихъ очень строго. Графъ Милорадовичъ немедленно пріѣхалъ ко мнѣ и представилъ сихъ людей. Я лично обо всемъ ихъ разспрашивалъ и отправилъ ихъ къ дивизіонному начальнику Угрюмову для преданія военному суду, предписавъ самому ему отправиться въ округъ Короля Прусскаго, сдѣлать ротѣ инспекторскій смотръ и, что окажется, донести мнѣ для представленія рапорта его въ оригиналѣ Вашему Величеству. Ротою сею командуетъ штабсъ-капитанъ Дзерожинскій, который командовалъ оною еще до вступленія дѣйствующихъ баталіоновъ въ военное поселеніе.

Простите меня, батюшка, если я скажу и о себѣ нѣсколько словъ: врачи мои принялись за меня лѣкарствами, но я отъ него не имѣю облегченія и чувствую очень часто ночью свои припадки и большую слабость. Я прошусь у нихъ, дабы они меня отпустили въ Грузино, гдѣ мнѣ нужно быть и по дѣламъ военнаго поселенія. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

78.

Новгородъ, 30 апрѣля.

Батюшка, Ваше Величество!

Хотя здоровье мое еще очень плохо поправляется, но я уже другую недѣлю объѣзжаю военное поселеніе, въ коихъ, слава Богу, все хорошо, смирно, тихо, и я могу Бога благодарить, что любуюсь успѣхомъ Вашего Величества учрежденія. Но теперь обращаюсь, батюшка, къ Вамъ съ покорною просьбою, обратите Ваше вниманіе. Я слышу, что идетъ на работу на шоссе къ Новгороду 13 пѣхотная дивизія, и нѣкоторые полки будутъ стоять возлѣ самаго нашего поселенія, почти вмѣстѣ съ моими войсками; я не ручаюсь теперь, чтобъ не вышло какой важной перемѣны въ поселенныхъ войскахъ; будетъ, навѣрное, слабый присмотръ и самое взысканіе, безпорядокъ въ работахъ, вольнодумство между офицерами. И всѣ сіи болѣзни столь прилипчивы, что я Вашему Величеству откровенно докладываю, что они поселятся и въ военныхъ Новгородскихъ поселеніяхъ, и тогда труды Вашего Величества шестилѣтніе пропадутъ. Я пишу сіе не столько для себя, ибо мое здоровье истинно худо; то мнѣ командовать долго не придется, но желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобъ и послѣ меня оное молодое и несозрѣлое еще государственное заведеніе было оставлено

въ истинномъ добромъ духѣ и расположеніи, а не раскрашенное и вычищенное только снаружи, и на время какого-либо смотра; я всѣ сіи мысли Вамъ доношу не одинъ, а и генералъ Угрюмовъ совершенно согласенъ съ моими, и самъ даже началъ мнѣ объ ономъ здѣсь говорить.

Желаю Вамъ, батюшка, Ваше Величество, болѣе всего здоровья, которое дороже всего на свѣтѣ, что я знаю на опытѣ, и остаюсь навѣки Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

79.

Старая Русса, 27 мая.

Батюшка, Ваше Величество!

Я здѣсь въ Старой Руссѣ живу съ 23 числа и доношу Вашему Величеству, что, слава Богу, все смирно, тихо и благополучно. Прилагаю при семъ оригинальной рапортъ дивизіоннаго начальника генералъ-маіора Угрюмова, по слѣдствію бѣжавшихъ людей, и явившихся въ С.-Петербургѣ у военнаго генералъ-губернатора, изъ коего усмотрите, что сіе происшествіе случилось единственно по дурному поведенію людей. Равномѣрно представляю при семъ бумаги графа Витта и письмо графа Кочубея, по коимъ видно, что по существующему въ Херсонской губерніи бѣдствію военные поселяне терпятъ менѣе прочихъ жителей.

Вашего Императорскаго Величества до конца жизни вѣрноподданный.

80.

Грузино, 13 іюля.

Батюшка, Ваше Величество!

Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что посыланный фельдъегерской офицеръ Лангъ привезъ сего числа отъ графа Витта 3 Украинскаго уланскаго унтеръ-офицера Шервуда, который объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ дѣло донести Вашему Величеству, касающееся до арміи, а не до поселенныхъ войскъ, состоящее будто въ какомъ-то заговорѣ, которое онъ не намѣренъ никому болѣе открыть, какъ лично Вашему Величеству. Я его болѣе и не спрашивалъ, потому что онъ не желаетъ онаго мнѣ открыть, да и дѣло не касается до военнаго поселенія, а потому и отправилъ его въ С.-Петербургъ къ начальнику штаба генералъ-маіору Клейнмихелю съ тѣмъ, чтобъ онъ его содержалъ у себя въ домѣ и никуда не выпускалъ, пока Ваше Величество изволите приказать, куда его представить. Приказалъ я Лангу и на заставѣ унтеръ-офицера Шервуда не записывать, обо всемъ ономъ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству доношу. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

81.

Грузино, 27 іюля.

Батюшка, Ваше Величество!

Прилагаю Вашему Императорскому Величеству вновь полученное изъ Москвы отъ князя Голицына о графѣ Мамоновѣ письмо и вмѣстѣ съ онымъ прошу Васъ, батюшка, разсмотрѣть проэкты моихъ отношеній къ г-ну Мамонову и князю Голицыну, дабы мнѣ быть увѣрену, что они написаны въ томъ смыслѣ, какъ угодно было Вашему Величеству мнѣ лично въ Петергофѣ приказать.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

82.

Штабъ Императора Австрійскаго, 16 августа.

Батюшка, Ваше Величество!

Генералъ-маіоръ Клейнмихель прислалъ ко мнѣ 12 числа августа съ фельдъегеремъ донесеніе о первоначальномъ его свиданіи съ г-мъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, а вчерашняго числа возвратился изъ Москвы и г-нъ Танѣевъ, съ коимъ получено донесеніе генерала Клейнмихеля и собственноручная записка Танѣева, содержащія въ себѣ подробное изложеніе всего онаго дѣла. Всѣ сіи бумаги при семъ къ Вамъ, батюшка, въ оригиналѣ всеподданнѣйше представляю.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

83.

Письмо, писанное графомъ на третій день случившагося въ Грузинѣ смертоубійства Настасьи Федоровны.

Грузино, 12 сентября.

Батюшка, Ваше Величество!

Случившееся со мною несчастіе потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ; здоровье и разсудокъ мой такъ разстроился и ослабъ, что я одной смерти себѣ желаю и ищу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу, друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, я не знаю еще, куда осиротѣвшую свою голову преклоню; но отсюда уѣду.

Вѣрный слуга Г. А.

84.

Грузино, 1 октября.

Батюшка, Ваше Величество!

После причастія Св. Христовыхъ Таинъ сего числа получилъ отцовское Ваше письмо. Приношу за оное сыновнюю мою благодарность и цѣлую Ваши руки. Письмо Ваше есть отцовское утѣшеніе въ моей печали, и я, конечно, возлагаю мое упованіе на Бога, но силы мои меня оставляютъ, біеніе сердца, ежедневная лихорадка, и три недѣли не имѣю ни одной ночи покою, и единая тоска, уныніе и отчаяніе, все оное привело меня въ такую слабость, что я потерялъ совсѣмъ память, и не помню того, что дѣлаю и говорю за нѣсколько часовъ, слѣдовательно, какія со мною будутъ послѣдствія, единому Богу извѣстно. Единое же мое утѣшеніе нынѣ уединеніе и церковь, а потому я и рѣшился еще остаться здѣсь, до тѣхъ поръ, сколько могутъ вытерпѣть мои тѣлесныя силы. Ахъ! Батюшка, если бы вы увидѣли меня въ теперешнемъ положеніи, то вы бы не узнали Вашего вѣрнаго слугу.

Вотъ положеніе человѣка въ мірѣ семъ, единымъ моментомъ, по власти Божіей, измѣняется все человѣческое положеніе. О поѣздкѣ моей къ Вамъ ничего не могу еще нынѣ сказать, благодарю и чувствую въ полной цѣнѣ ваши милости, въ коихъ истинно увѣренъ, ибо Богу извѣстно, что я служилъ Вамъ честно, вѣрно и преданно. Отцовское въ письмѣ Вашемъ о мнѣ, вѣрноподданномъ, изреченіе я чувствую, но не избалуюсь отъ оныхъ, ибо я прошу всегда Бога, дабы Онъ изъ меня дѣлалъ Вамъ единственнаго вѣрнаго слугу. Прилагаемое письмо преосвященнаго митрополита покажетъ Вамъ болѣе мое положеніе, а я прошу Бога не о себѣ, а о Вашемъ здоровьѣ, которое необходимо для отечества въ нынѣшнее бурное время. Описаніе о злодѣйскомъ происшествіи пришлю послѣ, если силы мои укрѣпятся, а теперь не въ состояніи онаго сдѣлать,—преступники, семь человѣкъ, отосланы къ законному суду; легко можетъ быть, батюшка, сдѣлано сіе происшествіе и отъ посторонняго вліянія, дабы сдѣлать меня неспособнымъ служить Вамъ и исполнять свято Вашу, батюшка, волю, а притомъ, по стеченію обстоятельствъ, можно еще, кажется, заключить, что смертоубійца имѣлъ помышленіе и обо мнѣ, но Богу угодно было, видно, за грѣхи мои, меня оставить на мученіе, сіе все мы узнаемъ въ томъ лучшемъ мірѣ, а не въ здѣшнемъ, зломъ и коварномъ. Обнимаю заочно колѣни Ваши и цѣлую руки Ваши. Остаюсь несчастный, но вѣрный Вамъ до конца жизни преданный слуга.

85.

Грузино, 14 октября.

Благодѣтель и отецъ мой, Ваше Императорское Величество!

Вчера ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, отдалъ мнѣ отеческое Ваше письмо и пересказалъ всѣ Ваши, батюшка,

неисчисленныя обо мнѣ попеченія; да воздастъ за все сіе Господь Богъ, а я, благодѣтель и отецъ мой, виноватъ передъ тобою, грѣшилъ и думалъ, что въ царскомъ званіи не можно такъ отечески заняться своимъ подданнымъ, но нынѣ вижу совсѣмъ оному противное, и что Господь Богъ единаго тебя даровалъ мнѣ отца и благодѣтеля, и что и утѣшенія ни отъ кого не вижу, кромѣ Вашего Величества, лобызаю твои колѣна и руки, и предаю себя волѣ Божіей, а о моемъ положеніи донесетъ Вамъ добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель, который почивалъ со мною въ одной комнатѣ. Господь Богъ да сохранитъ Ваше, батюшка, здоровье, а я вѣчно преданный Вамъ сынъ и слуга. Г. А.

86.

Грузино, 27 октября.

Отецъ и благодѣтель, батюшка, Ваше Величество!

Посылаю къ Вамъ подробное описаніе бывшаго въ моемъ Грузинскомъ домѣ злодѣянія, написанное Шумскимъ, по моей диктовкѣ, для единаго Вашего свѣдѣнія.

Здоровье мое, батюшка, плохо, о чемъ изволите узнать изъ Даллерова письма, всякой день становится хуже, но я переношу оное терпѣливо и стараюсь всякой день быть на воздухѣ; но біеніе сердца и жаръ, и потъ ночной меня весьма разслабляютъ.

Весьма мнѣ хочется уѣхать изъ Грузина, но по сіе время еще не можно было онаго сдѣлать, а теперь хочу переѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ пожить въ уединеніи, ближе къ Фотію, если же увижу, что болѣзнь моя будетъ увеличиваться, то уже поѣду въ Петербургъ, котораго житья, я признаюсь, боюсь, батюшка, ибо не дадутъ мнѣ покоя модные наши братья. Ахъ! Батюшка, летѣлъ бы я къ вамъ въ Таганрогъ, ибо мнѣ ничего такъ не хочется, какъ видѣть моего благодѣтеля; но боль въ груди такъ велика становится, что боюсь въ сію дурную погоду въ дорогу пуститься; кажется, я не перенесу онаго. Добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель живетъ въ Новгородѣ и занимается слѣдствіемъ дѣла, забравъ отъ меня почти всѣхъ дворовыхъ людей, а именно 22 человѣка. Прощай, мой отецъ, вѣрь, что если я буду живъ, то буду тебѣ одному принадлежать, а умру, такъ душа моя будетъ помнить Вашего Величества обо мнѣ вниманіе.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

XII.

Маршруты путешествій по Россіи.

Выписки изъ „Журнала Камерфурьерской должности по половинѣ Императора Александра I Павловича“ за 1812, 1814, 1815—1825 годы *).

I. Выѣзды и путешествія Императора Александра I.

1812 г.	9	апрѣля	отъѣздъ въ гор. Варшаву въ 4 часа дня,
	22	іюня	возвращеніе изъ Варшавы въ 2 часа ночи,
	8	августа	отъѣздъ въ Финляндію, въ гор. Або,
	21	„	возвращеніе изъ Финляндіи въ 8 час. 30 мин. вечера,
	7	декабря	отъѣздъ въ армію въ гор. Вильно,
1814 г.	12	іюня	возвращеніе изъ Парижа въ 10 час. вечера,
	1	сентября	отъѣздъ на конгрессъ въ Вѣну,
1815 г.	1	декабря	возвращеніе изъ-за границы,
1816 г.	8	іюня	отъѣздъ въ „Грузино“ въ 3 час. 30 м. дня,
	10	„	возвращеніе изъ „Грузина“,
	10	августа	отъѣздъ въ Москву, Кіевъ и Варшаву,
	13	октября	возвращеніе изъ Варшавы въ 12 ч. 15 м. дня,
1817 г.	25	августа	отъѣздъ для обозрѣнія арміи въ Витебскъ, Могилевъ, Кіевъ, Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Калугу и въ Москву,
	30	сентября	пріѣздъ въ Москву въ 10 ч. 35 м. вечера,
1818 г.	18	января	возвращеніе въ Петербургъ въ 3 часа дня,
	30	„	отъѣздъ въ Москву въ 12 час. ночи,
	21	февраля	отъѣздъ въ Варшаву въ 7 час. утра,
	1	іюня	пріѣздъ изъ Крыма въ Москву въ 3 ч. 45 м. утра,
	15	„	возвращеніе въ Петербургъ въ 7 ч. 50 м. утра,
	27	августа	отъѣздъ „въ вояжъ“ 5 ч. 45 м. утра,
	22	декабря	возвращеніе изъ Ахена въ 11 ч. 10 м. вечера,

*) Архивъ Министерства Императорскаго Двора. За 1813 г. Камерфурьерскаго журнала нѣтъ, за 1814 г. [illegible] только одинъ день, 30 ноября, и весь декабрь мѣсяцъ.

1819 г.	26	іюня	отъѣздъ въ „Марьино“, имѣніе гр. С. В. Строгановой, въ 11 ч. утра, при чемъ ночлегъ былъ на станціи „Померанье“ Новгородской губ.,
	27	„	пріѣздъ въ „Грузино“,
	29	„	возвращеніе изъ „Грузина“ въ 7 ч. 15 м. вечера,
	23	іюля	отъѣздъ въ Архангельскъ и Финляндію (на 42 дня) въ 7 ч. 20 м. утра,
	2	сентября	возвращеніе изъ Финляндіи въ началѣ 2 часа пополуночи,
	6	„	отъѣздъ въ Варшаву чрезъ Новгородъ,
	13	октября	возвращеніе изъ Варшавы въ 2 ч. 5 м. дня,
1820 г.	4	марта	отъѣздъ въ „Грузино“,
	5	„	возвращеніе изъ „Грузина“ въ 12 ч. ночи,
	26	іюня	отъѣздъ въ „Грузино“ въ 10 ч. 55 м. утра,
	29	„	возвращеніе изъ „Грузина“ въ 4 ч. 30 м. дня,
	8	іюля	отъѣздъ въ 5 ч. 50 м. утра въ слѣдующіе города: 1) мѣстечко „Зализы“ 10 іюля, 2) гор. Осташковъ 11 и 12 іюля, 3) гор. Тверь 13, 14 и 15 іюля, 4) гор. Москва 17, 18 іюля, 5) гор. Рязань 19 іюля, 6) гор. Козловъ 20, 21 и 22 іюля, обѣдъ, 7) гор. Липецкъ 22 іюля, 8) гор. Воронежъ 23, 24 и 25 іюля, обѣдъ, 9) гор. Нижнедѣвицкъ 25 іюля, 10) гор. Короча 26, 27 и 28 іюля, обѣдъ, 11) гор. Обоянь 28 іюля, 12) гор. Чугуевъ 29, 30 и 31 іюля, обѣдъ, 13) гор. Харьковъ 31 іюля, 14) гор. Полтава 1 и 2 августа, 15) гор. Кременчугъ 3 августа, 16) гор. Новомиргородъ 4 августа, 17) гор. Вознесенскъ 5, 6, 7 и 8 августа, обѣдъ, 18) гор. Ошманка 9 августа, 19) гор. Умань 10 августа, 20) гор. Литинъ 11 августа, 21) гор. Острогъ 12 августа, 22) гор. Владиміръ 13 августа, 23) гор. Пулава 14 августа, 24) гор. Варшава 15 августа,
1821 г.	24	мая	возвращеніе изъ Лайбаха въ 11 ч. 15 м. дня,
	21	іюня	отъѣздъ въ „Грузино“,
	27	„	возвращеніе изъ „Грузина“,
	12	сентября	отъѣздъ въ Витебскъ въ 7 ч. 30 м. утра,
	25	„	возвращеніе изъ Витебска въ 9 ч. 30 м. утра,

1822 г.	15	мая	отъѣздъ въ Вильну въ 6 ч. 30 м. утра, чрезъ Гатчину, Лугу, Псковъ, Динабургъ и Бѣлостокъ,
	31	„	возвращеніе изъ Вильны въ 4 ч. 45 м. дня,
	14	іюня	отъѣздъ въ „Грузино“,
	20	„	возвращеніе изъ „Грузина“,
	4	августа	отъѣздъ въ Варшаву въ 6 ч. 15 м. утра,
1823 г.	20	января	возвращеніе изъ Варшавы въ 6 ч. 25 м. вечера,
	15	марта	отъѣздъ въ „Грузино“ въ 1 ч. 25 м. дня,
	17	„	возвращеніе изъ „Грузина“ въ 6 час. вечера,
	3	іюня	отъѣздъ въ „Грузино“ въ 1 ч. 25 мин. дня, при чемъ проѣхалъ по Новгородской губерніи и посѣтилъ городъ Старую Руссу,
	11	„	возвращеніе изъ „Грузина“,
	16	августа	отъѣздъ въ „вояжъ по Россіи“ (на 2½ мѣсяца) въ 5 ч. 30 м. утра,
1824 г.	24	іюня	отъѣздъ въ „Грузино“ въ 1 ч. 50 м. дня,
	2	іюля	возвращеніе изъ „Грузина“, при чемъ обѣдъ былъ на станціи „Долговка“,
	16	августа	отъѣздъ изъ Царскаго Села въ „вояжъ по Россіи“ въ 7 час. утра, на Торопецъ—Боровскъ, Рязань—Тамбовъ, Пензу—Симбирскъ, Оренбургъ—Екатеринбургъ и обратно на Вятку—Пермь, Вологду—Тихвинъ въ Царское Село,
	23	октября	возвращеніе изъ „вояжа по Россіи“ въ 7 ч. 30 м. вечера,
1825 г.	4	апрѣля	отъѣздъ въ Варшаву въ 7 час. 55 м. утра,
	13	іюня	возвращеніе изъ Варшавы въ 7 час. вечера,
	26	„	отъѣздъ въ „Грузино“ въ 8 час. утра,
	6	іюля	возвращеніе изъ „Грузина“, съ обѣдомъ на станціи „Спасская Полисть“,
	1	сентября	отъѣздъ въ Таганрогъ въ 6 ч. утра.

Послѣ перваго посѣщенія въ іюнѣ 1810 г., Его Величество съ 1816 по 1825 г. былъ еще 10 разъ въ Грузинѣ.

XIII.

Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ Императора Александра I *)

I.

Письмо Императрицы Елисаветы Алексѣевны изъ Таганрога отъ 21 ноября 1825 г. Вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Въ связи съ разными брошюрами, появившимися за послѣднее время въ нашей литературѣ, о тождествѣ Императора Александра I съ сибирскимъ старцемъ Ѳедоромъ Козьмичемъ, приведу любопытное письмо Императрицы Елисаветы, написанное два дня послѣ кончины ея супруга.

При этомъ считаю долгомъ напомнить, что первое письмо Елисаветы Алексѣевны къ матери ея мужа было написано въ самый день смерти Александра Павловича, т.-е. въ четвергъ 19-го ноября 1825 года.

Это умилительное письмо, переписанное въ сотнѣ экземпляровъ и ходившее по рукамъ въ тѣ времена, начиналось извѣстными словами: „Notre ange est au ciel et moi sur la terre de tous ceux qui le pleurent la créature la plus malheureuse“ и т. д.

Черезъ два дня было, однако, написано другое письмо, которое не было еще приведено ни у Шильдера, ни у меня, но именно оно заслуживаетъ вниманія, особенно для любителей всякихъ легендъ и поисковъ чего-то чудеснаго въ самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ. Привожу это письмо цѣликомъ.

Taganrog, Samedi le 21 novembre 1825.

Que vous dirai-je, chère Maman, toujours et toujours que je suis la plus malheureuse des créatures!

Je demande des secours à Dieu. Je prie cette âme angélique qui est auprès de lui de m'en obtenir. Hélas! Mon Dieu, je ne trouve encore ni force, ni courage... Lui savait en donner ici-bas. J'ai perdu tout appui, j'ai perdu le but de ma vie: pour moi tout est fini avec lui!

---

*) Историческій Вѣстникъ, мартъ и апрѣль 1914 г.

Il a communié sans se croire en danger, mais avec ce bonheur pur qu'il goûtait toujours en remplissant cet acte. Il a communié avec connaissance et s'est confessé de même. Mais c'était son âme qui passait à travers l'assoupissement dont ses facultés étaient déjà oubliées. Cette âme s'est manifestée presque jusqu'à la fin. Il conservait la faculté d'aimer, ayant perdu celle de comprendre. O mon Dieu, mon Dieu! ces souvenirs déchirants seront la nourriture de ma vie.

Que Dieu vous assiste, chère Maman, vous avez encore des liens et des devoirs dans la vie. Puissiez-vous y trouver de la force et du courage!

Смѣю надѣяться, что приведенныя выше строки убѣдятъ даже скептиковъ, что Александръ I пріобщался святыхъ таинъ въ полномъ сознаніи, а до этого и исповѣдывался *), свидѣтельства же его супруги, написанныя отъ души, въ первые моменты горя, столь откровенно, не допускаютъ и тѣни сомнѣнія, чтобы Елисавета Алексѣевна притворялась, способствуя мнимому бѣгству своего августѣйшаго супруга, и надѣвала на себя какую-то маску, чтобы скрыть дѣйствительность. Повторяю, что всѣмъ воображеніямъ есть предѣлъ,—что, конечно, не помѣшаетъ ни князю В. В. Барятинскому, ни К. Н. Михайлову еще изощряться на эту тему и писать всякія книжонки.

II.

Письмо Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Le 25 décembre 1825.

Wylie désire que je lui donne une lettre pour vous, chère Enfant. Je n'ai pas besoin de vous prier de le recevoir avec toute la bienveillance dont il a besoin pour se supporter lui-même.

Il est *bien, bien* malheureux, et, graces aux bienfaits de l'Etre angélique que nous pleurons, sa douleur est pure, car sa fortune est depuis longtemps indépendante; il possède tout ce qui peut flatter l'ambition, mais son cœur est brisé. Pour moi, je le vois partir avec bien du regret, il est devenu pour moi presque un ami: tout ce qu'il a été, tout ce qu'il a vu, partage, des paroles ne peuvent pas le rendre.

*) У священника Θедотова.

III.

Письмо лейбъ-медика Штофрегена къ баронету Я. В. Виллiе.

Biélew, le 8 de mai 1826.

Mon cher Baronet,

Vous avez vu souffrir l'Ange qui vient d'être enlevé de sa prison. Vous auriez dû voir avec quelle patience et résignation Elle supportait ses souffrances, jusqu'au dernier jour. Toujours calme, Elle ne proférait aucune plainte. Pleinement convaincue de l'incurabilité de sa maladie, de l'inutilité des remèdes, Sa Majesté opposait aux angoisses les plus pénibles le calme de l'innocence et la conviction religieuse d'un meilleur avenir au delà de ce monde de douleur. L'Ange de la mort délivra l'âme de toutes les vertus sans douleur, sans agonie, au milieu d'un sommeil tranquille. Ce n'était pas la mort que je redoutais pour Elle! Non, il fallait s'y attendre, je n'ose pas dire: il fallait l'espérer. Je craignais une cachexie prolongée, qui, en la retenant au lit, aurait eu des suites atroces. Vu le décharnement total, j'étais persuadé que le second jour S. M. aurait au dos des plaies jusqu'aux os. Des douleurs affreuses se seraient unies aux angoisses causées par l'état vicieux de la circulation du sang, produit de la désorganisation du cœur et du système vasculaire.

Je ne comprends pas comment S. M. a pu supporter la fatigue du voyage.

Dans toutes les villes, je proposais en vain à S. M. de se reposer un ou deux jours. Elle s'y opposa toujours avec fermeté, disant qu'Elle ne voulait pas donner trop de peine à S. M. l'Impératrice Mère et qu'Elle désirait arriver aussi près que possible de Kalouga. Ce n'est qu'à Koursk qu'Elle se permit de rester un jour, et nous devons à ce délai le bonheur que S. M. n'ait rendu l'âme au moment où Elle serait tombée dans les bras de S. M. l'Impératrice Mère. Elle n'aurait pas pu survivre à cette émotion.

Je suis sûr que vous pleurez avec moi la grande perte que nous venons d'éprouver, mais qui aurait le cœur assez dur pour désirer qu'Elle traîne encore une vie sans jouissance et sans espoir, dans les angoisses continuelles? Nous sommes à présent orphelins tous les deux!!

J'ai été dix-huit ans fidèlement attaché à Elle, que, en même temps, j'ai adorée comme une sainte. Ce n'était que pour Elle que j'ai pu quitter une situation aisée, comme vous le savez. Je ne la regrette pas, mais je suis profondément affligé de l'avoir vu souffrir si longtemps sans la pouvoir soulager. Le voile du deuil couvrira mon avenir! Je touche à ma soixantième et ma santé est ruinée. Ma carrière est finie, mais je désire de vivre encore pour sept enfants chéris. J'ai un fils de 32 ans et un fils de 2 mois. Le premier fera son chemin, car il a des talents, des connaissances profondes, un cœur et une conduite à toute épreuve. Je suis sûr que l'Empereur magnanime le protègera, comme l'Empereur Alexandre, de glorieuse mémoire, m'avait promis de le protéger. Je dois vivre pour les autres et pour une femme excellente, le charme de ma vie.

Je vous envoie une copie de main de l'acte de l'autopsie du corps. Lisez-la avec attention et vous trouverez qu'aucune puissance humaine pouvait sauver les jours précieux de la défunte, vu que le.......... le plus noble était désorganisé à ce point. Je compte sur votre amitié, que vous chercherez l'occasion d'en expliquer la nature à S. M. notre Auguste Empereur et que vous justifierez l'opinion que j'ai eue toujours sur l'état de santé de S. M. l'Impératrice défunte, en remettant à ses pieds nos hommages d'un sujet fidèle!

Adieu! Ayant éprouvé la même peine, la même douleur, vous jugerez mieux de mes sentiments douloureux.

Il me restait encore un devoir à remplir, de prier S. M. l'Impératrice d'accorder des récompenses à M. le docteur Dobbert et au chirurgien Alexandre Matvéeff. Je voulais obtenir cette grâce à Kalouga: la mort subite de S. M. a été funeste à ce projet. Ne pourriez-vous pas parler en leur faveur auprès de S. M. l'Empereur? Ils sont bien dignes d'une gratification par leur service et leur zèle.

Agréez les sentiments de ma considération particulière et conservez-moi votre amitié.

IV.

Нѣсколько писемъ князя Петра Михайловича Волконскаго къ Григорію Ивановичу Вилламову.

Въ дополненіе къ письму Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ вдовствующей Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ послѣ кончины Императора Александра I въ Таганрогѣ прилагаю нѣсколько другихъ интересныхъ писемъ министра двора, князя Петра Михайловича Волконскаго, къ Григорію Ивановичу Вилламову.

Какъ извѣстно, Вилламовъ былъ секретаремъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и лицомъ, пользовавшимся ея неограниченнымъ довѣріемъ. Вдовствующая Государыня настолько интересовалась всѣми подробностями болѣзни и смерти своего сына-первенца, что потребовала планъ дома въ Таганрогѣ, гдѣ скончался Александръ Павловичъ.

Мы ниже печатаемъ письма князя П. М. Волконскаго за ноябрь и декабрь 1825 года къ Г. И. Вилламову и письмо гоффурьера Г. Бабкина къ сыну.

Можетъ-быть, эти различныя подробности какъ болѣзни и смерти Императора Александра I, такъ и послѣдовавшей вслѣдъ за тѣмъ кончины его супруги, пережившей Государя только на пять мѣсяцевъ, убѣдятъ всѣхъ тѣхъ, которые еще сомнѣваются въ естественной кончинѣ Императора и предполагаютъ нѣчто другое.

1.

Таганрогъ, 21 ноября 1825 г.

Имѣю честь увѣдомить В. П. для доклада Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, что Е. И. В. Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна, при всей скорби ужаснѣйшаго общаго несчастія, изволитъ переносить печаль свою съ удивительною твердостью, присутствуя ежедневно два раза при панихидахъ по блаженной памяти усопшемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, и здоровье Е. И. В. довольно хорошо. Вчера ввечеру послѣ панихиды изволила переѣхать въ другой домъ на время бальзамированія тѣла покойнаго Государя Императора и устроенія катафалка въ залѣ.

2.

Таганрогъ, 26 ноября 1825 г.

Для доклада Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ имѣю честь увѣдомить В. П., что Е. И. В. Вдовствующая Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна сего утра въ 9 часовъ изволила пріобщаться св. тайнъ, и хотя съ чрезвычайною твердостью переноситъ общую горесть, но силы Е. В. примѣтно слабѣютъ, и прошедшую ночь проводить изволила не весьма хорошо.

Тѣло блаженной памяти въ Бозѣ почивающаго покойнаго Государя Императора Александра Павловича лежитъ еще на постели, по недостатку различныхъ вещей, ожидаемыхъ изъ Москвы, для переноса тѣла въ залъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ, М. Г., увѣдомленія о дражайшемъ здравіи Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, молясь ежедневно о подкрѣпленіи силъ Е. В. въ столь ужасномъ бѣдствіи, всѣхъ насъ постигшемъ.

3.

Отв. 11 декабря. *Таганрогъ, 30 ноября 1825 г.*

Для доклада Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ имѣю честь увѣдомить В. П., что здоровье Е. И. В. Вдовствующей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, при ужаснѣйшей ея печали, изрядно, но силы слабѣютъ. Вчера ввечеру изволила переѣхать во дворецъ и присутствовала у панихиды при тѣлѣ въ Бозѣ почивающаго покойнаго Государя Императора Александра Павловича, которое 27-го числа положено въ свинцовый гробъ и поставлено на катафалкъ, устроенный въ залѣ до окончанія таковаго же въ греческомъ монастырѣ во имя святаго Александра Невскаго.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія отъ васъ о драгоцѣннѣйшемъ здравіи Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, прося безпрестанно Всевышняго о подкрѣпленіи силъ Е. В. въ столь жесточайшемъ несчастіи.

4.

(Писано 12 декабря 1825.) *Таганрогъ, 3 декабря 1825 г.*

Имѣю честь увѣдомить В. П. для доклада Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, что здоровье Е. И. В. Вдовствующей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, кажется, немного получше, ночи изволитъ проводить покойнѣе, но силы Е. В. все еще слабы, что и не можетъ быть иначе, при столь чрезмѣрной ея горести.

1-го числа сего мѣсяца прибылъ сюда изъ Екатеринославля здѣшней епархіи преосвященный Θеофилъ, мною призванный по сему несчастному случаю для отданія послѣдняго долга въ Бозѣ почивающему покойному Государю Императору Александру Павловичу. Преосвященный со дня пріѣзда своего ежедневно по утрамъ послѣ литургіи отправляетъ соборомъ панихиду у тѣла, а по вечерамъ архимандритъ греческаго монастыря заступаетъ мѣсто преосвященнаго.

Полученныя сегодня изъ Петербурга письма усугубляютъ горесть мою, узнавъ, въ какомъ безпокойствіи изволитъ находиться Государыня Императрица Марія Θеодоровна. Представляю себѣ положеніе Е. В., когда получитъ извѣстіе объ ужаснѣйшемъ бѣдствіи, насъ постигшемъ. Дай, Боже, крѣпости силамъ Е. В. для перенесенія столь жестокаго удара и продли жизнь ея на многія лѣта, для утѣшенія всѣхъ насъ, несчастныхъ.

5.

Таганрогъ, 7 декабря 1825 г.,
вечера въ 7 часовъ.

Вслѣдствіе письма В. П. ко мнѣ отъ 28-го минувшаго ноября, честь имѣю увѣдомить для доклада Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, что здоровье Е. И. В. Вдовствующей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны сего дня довольно изрядно, кромѣ того, что чувствуетъ судороги въ груди и нѣсколько ночей изволила провести худо.

6.

Таганрогъ, 8 декабря 1825 г.

Во исполненіе Высочайшей воли, В. П. мнѣ объявляемой, имѣю честь увѣдомить для доклада Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, что здоровье Е. И. В. Вдовствующей Государыни Императрицы

Елисаветы Алексѣевны отъ горести, ею ощущаемой, сегодня посредственно, прошедшую ночь проводить изволила не весьма спокойно.

Г-ну Штофрегену вновь объявлено, чтобы посылалъ требуемыя В. П. о здоровьѣ Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны бюллетени, о чемъ онъ до сихъ поръ пишетъ къ г. лейбъ-медику Рюлю при каждомъ отсюда отправленіи.

Прошу В. П. и насъ не оставить увѣдомленіемъ о драгоцѣннѣйшемъ для всѣхъ здравіи Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, о сохраненіи коего мы ежедневно молимъ Бога.

7.

Таганрогъ, 14 декабря 1825 г.

Честь имѣю увѣдомить В. П., что отношеніе ваше отъ 5-го сего декабря я получилъ и о здравіи Е. И. В. Вдовствующей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны пишу сегодня прямо къ Е. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

8.

№ 195. *Таганрогъ, 20 декабря 1825 г.*

До полученія еще отношенія В. П. отъ 7-го декабря за № 4121, въ которомъ объявляете Высочайшую волю Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о доставленіи подробнаго плана дома, въ которомъ Его Величество имѣлъ пребываніе, таковой планъ со всѣми подробностями и съ наружнымъ видомъ посланъ уже Ея Величеству отъ Вдовствующей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны чрезъ князя Гагарина.

За увѣдомленіе В. П. о здоровьѣ Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны приношу мою наичувствительнѣйшую благодарность и прошу Бога о продолженіи сохраненія драгоцѣннѣйшаго здравія Ея Величества.

9.

№ 200. *Таганрогъ, 22 декабря 1825 г.*

Хотя Е. И. В. Вдовствующая Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна и изволила уже послать къ Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ планъ дома, который занималъ покойный Государь Императоръ, но какъ В. П. въ отношеніи ко мнѣ изволите упоминать о желаніи Е. В., чтобы на семъ планѣ были показаны мѣста мебелей, кро-

вати, на которой скончался покойный Государь, и мѣсто катафалка подъ трономъ, то, во исполненіе Высочайшей воли Е. В., сдѣлавъ таковой планъ со всѣми означеніями, вручилъ я его г. начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества для поднесенія Ея Величеству и личнаго объясненія всѣхъ означеній.

Здоровье Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны сегодня лучше, но ночь проводила не весьма хорошо, ибо мало почивала.

10.

Таганрогъ, 24 декабря 1826 г.

Отношеніе В. П. отъ 15-го декабря съ приложеніемъ письма отъ Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Өеодоровны на имя Е. И. В. Вдовствующей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны получилъ и вручилъ лично Е. И. В., доведя вмѣстѣ съ тѣмъ до свѣдѣнія Ея и о происшествіяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ 14-го сего декабря. Благодаримъ искренно Всевышняго за благость свою надъ Россіею спасеніемъ отъ бѣдъ и открытіемъ зловредныхъ замысловъ.

Здоровье Е. И. В., благодаря Бога, нѣсколько дней было лучше, но полученныя нынѣ извѣстія весьма огорчили Е. В. и, вѣроятно, будутъ имѣть вліяніе на слабое Ея здоровье.

Назначенное 26-го сего декабря отправленіе тѣла принужденъ я былъ отсрочить, ибо морозы и вѣтры стоятъ чрезмѣрные, о чемъ и прошу васъ доложить Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ.

11.

№ 519. *Таганрогъ, 12 апрѣля 1825 г.*

Покорнѣйше прошу В. П. доложить Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ, что слабость здоровья Вдовствующей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны послѣ послѣдней почты вновь увеличилась, сверхъ того Е. В. чувствуетъ въ груди иногда сильное удушье, которое препятствуетъ даже говорить. Государыня Императрица сама изволила изъявить г. Штофрегену опасеніе насчетъ сего удушья, полагая, что оное происходитъ отъ водяной болѣзни въ груди. Не могу скрыть вамъ, М. Г., безпокойствъ моихъ насчетъ слабости здоровья Е. И. В., замѣчаю, что и г. Штофрегенъ начинаетъ бояться и предложилъ лекарства для предупрежденія сей болѣзни.

Въ прошедшую субботу, 10-го числа, по волѣ Е. И. В. переставлена походная церковь въ комнату, гдѣ Государь Императоръ скончался.

Можетъ-быть, что воспоминаніе горестнаго происшествія производитъ надъ Е. И. В. сіе дѣйствіе. Прошу Бога, чтобы укрѣпилъ силы Ея и позволилъ предпринять назначаемое путешествіе 22-го апрѣля, дабы скорѣе оставить несчастное сіе пребываніе.

Погода хотя и поправляется, но столь непостоянна, что приводитъ меня въ отчаяніе, и дороги, по свѣдѣніямъ, которыя получаю, весьма еще дурны. Супруга моя, отправившаяся отсюда въ Москву, принуждена была возвратиться сюда изъ Харькова по невозможности продолжать далѣе своего путешествія. Надѣюсь, однако, что по весеннему времени дороги могутъ ко дню отъѣзда поправиться и позволятъ благополучно совершить путешествіе наше до Калуги.

12.

№ 532. *Таганрогъ, 15 апрѣля 1826 г.*

Получивъ отношеніе В. П. изъ Павловска отъ 2-го числа сего апрѣля, въ которомъ увѣдомляете, что Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна предполагать изволитъ выѣхать въ Москву 25-го апрѣля, почему и рѣшился я письма на имя Е. И. В. отправить по экстра-почтѣ къ московскому г. почтдиректору, съ тѣмъ, чтобы приказалъ почтальону при встрѣчѣ съ вами дорогою вручить ихъ В. П. для доставленія Е. И. В.

Погода у насъ стоитъ совершенно осенняя, всякой день и ночь идетъ дождь и умножаетъ грязь, что меня крайне безпокоитъ по случаю предполагаемаго путешествія нашего, которое назначено, какъ уже я къ вамъ писалъ, 22-го сего мѣсяца.

Въ ожиданіи удовольствія отъ личнаго съ вами свиданія имѣю честь и проч.

V.

Письмо камеръ-фурьера Бабкина къ сыну, написанное 23 ноября 1825 года изъ Таганрога.

Таганрогъ, 23-е ноября 1825 года.

Любезный Сынъ мой Григорій Даниловичъ!

Я не могу еще опомниться отъ несщастнѣйшаго произшествія, на глазахъ моихъ случившагося, и теперь еще не могу вѣрить себѣ, что Императоръ нашъ Благодѣтель мой, въ свѣтѣ наилучшій изъ Монарховъ, и наиздоровѣйшій и прекраснѣйшій изъ мущинъ, умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ

своихъ. Я не плачу, а рыдаю, что пережилъ Государя. Я писалъ вамъ постепенную болѣзнь Его, но думаю, что письма мои, какъ и прочихъ, задерживались, а теперь, вѣроятно, получили ихъ вмѣстѣ съ громовою вѣстiю, и воображаю, что вы оплакиваете, какъ отца своего лишились.

Сначала болѣзнь Его казалась незначущею. Прiѣхавши изъ Крыма въ Таганрогъ 5-го числа, былъ довольно веселъ. На другой день, какъ обыкновенно, одѣлся въ мундирной сертукъ, только уже не выходилъ со двора какъ то прежде дѣлалось, съ Императрицею обѣдалъ. Только чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, мало кушалъ и, не докончивъ обѣда, вышелъ въ свою комнату. 7-го сдѣлался Ему обморокъ, легъ въ постелю, Вилье далъ какое лѣкарство. 8-го не было лучше, пересталъ принимать лѣкарства, оказалось сильная горячка. Вилье, этотъ подлой интересанъ и малодушной медикъ, не имѣлъ искуства и духу убѣдить Императора принимать лѣкарства, тѣшилъ однимъ только питьемъ разныхъ лимонадовъ. 14-го числа, всѣ испугались отчаяннаго положенiя, въ какое онъ впалъ, позвали священника, который у меня и ночевалъ, и мы провели ночь возлѣ Его комнаты. 15-го, въ 6-ть часовъ утра взяли къ нему священника съ крестомъ, сказали о немъ; Его Величество открылъ глаза, приподнялся на локоть, всѣ вышли, исповѣдался. Всѣ взошли къ нему, съ величайшимъ благоговѣнiемъ причащался Святыхъ Таинъ, поцѣловалъ Крестъ и руку Служителя Божiя, и съ прерывающимся, но выразительнымъ тономъ произнесъ Божественные Слова сiи: „Я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положенiи, въ какомъ нахожусь теперь!“ Тутъ почтеннѣйшiй Старецъ, бросясь у кровати на колѣни, наиубѣдительнѣйше умолялъ Его Величество, для блага народа своего, спасать и беречь свое здоровье, принимать отъ врачей пособiе. Онъ обѣщалъ и дался имъ дѣлать надъ собою, что хотѣли. Истощили слабые познанiя свои, и всѣ не спасли Его. Въ четвертокъ 19-го ноября скончался 47 минутъ 11 часа утромъ. Я видѣлъ послѣднiй вздохъ Его, поразившiй насъ громовою стрѣлою: сцена ужасная, всѣ мы на колѣнахъ у кровати рыдали и кровавыя проливали слезы.

Императрицу отвели въ Ея покои, а я съ камердинеромъ обмыли драгоцѣнное тѣло Его, надѣли чистое бѣлье и бѣлой шлафорокъ, положили на дорожной Его кровати въ кабинетѣ, засвѣтили 4 около кровати свѣчи, въ головахъ образъ Спасителя и въ ногахъ налой и Евангелiе, позвали духовенство, и пѣнiе „Упокой, Господи, усопшаго раба Твоего Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра I-го Всея Россiи“ потрясли сердца предстоящихъ.

Императрицу перевезли въ другой домъ. На третiй день анатомили и бальзимировали тѣло, нашли въ головѣ съ полстакана вода, что и было по словамъ лѣкарей причиною преждевременной кончины Его.

Съ разстерзанными сердцами теперь занимаемся печальнѣйшей Его должностiю къ погребенiю. Въ залѣ дѣлаютъ тронъ, обиваютъ покои трауромъ, но во всемъ чрезвычайное затрудненiе, нѣтъ сукна, бархату, глазету, голуновъ, короны, вездѣ разослали курьеровъ собирать все это.

Послѣ въ церкви тутъ же будетъ дѣлаться катафалкъ. Ожидаемъ сюда новаго Императора Константина Павловича и, по Его уже повелѣнію, повеземъ въ Петербургъ. Вотъ будутъ сцены въ продолженіи пути, на всякомъ шагу плачъ и рыданіе. Я давно уже вижу тебя въ слезахъ, другъ мой, плачь! Онъ достоинъ сердечной жертвы нашей! Смерть эта сразитъ достойнѣйшую Родительницу Его, братцевъ и сестрицъ: нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ семейства, которое такую любовь, дружбу и уваженіе между собою имѣло бы.

Впрочемъ, остаюсь Твой усердный отецъ, Даніилъ Бабкинъ.

XIV.

Свѣдѣнія о томъ, сколько разъ въ году были приглашены Императоромъ Александромъ I къ столу князь А. Н. Голицынъ и графъ А. А. Аракчеевъ.

1812—1825 гг.

1) 1812 г.: Обѣдали у Государя: князь Голицынъ 129 разъ, Аракчеевъ 20 разъ; въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ обѣдали: Голицынъ 5 разъ, Аракчеевъ 14 разъ.

2) 1814 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 23 раза, Аракчеевъ 5 разъ.

3) 1815 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 12 разъ, Аракчеевъ 6 разъ, при чемъ вдвоемъ съ Государемъ обѣдалъ только Аракчеевъ 4 раза.

4) 1816 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 132 раза; Аракчеевъ 29 разъ, въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ: Голицынъ 11 разъ, Аракчеевъ 23 раза.

5) 1817 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 127 разъ, Аракчеевъ 62 раза, въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ обѣдалъ только Аракчеевъ 51 разъ.

6) 1818 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 36 разъ, Аракчеевъ 24 раза, въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ: Голицынъ 1 разъ, Аракчеевъ 9 разъ.

7) 1819 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 47 разъ, Аракчеевъ 32 раза, въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ: Голицынъ 12 разъ, Аракчеевъ 20 разъ.

8) 1820 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 19 разъ, Аракчеевъ 16 разъ, въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ: Голицынъ 1 разъ, Аракчеевъ 12 разъ.

9) 1821 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 52 раза, Аракчеевъ 18 разъ, въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ: Голицынъ 1 разъ, Аракчеевъ 6 разъ.

10) 1822 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 38 разъ, Аракчеевъ 15 разъ, въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ только Аракчеевъ 7 разъ.

11) 1823 г.: Обѣдали у Государя: Голицынъ 33 раза, Аракчеевъ 19 разъ, въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ: Голицынъ 2 раза, Аракчеевъ 13 разъ.

12) 1824 г.: Обѣдалъ у Государя одинъ только Аракчеевъ 22 раза, въ томъ числѣ вдвоемъ съ Государемъ 13 разъ.

13) 1825 г.: Обѣдалъ у Государя только Аракчеевъ 7 разъ вдвоемъ съ Государемъ.

Въ 1824 г. и 1825 г. князь Голицынъ не обѣдалъ ни разу.

Списокъ нѣкоторыхъ лицъ, обѣдавшихъ у Ихъ Величествъ за десятилѣтній періодъ отъ 1801 по 1811 г., съ обозначеніемъ числа приглашеній по годамъ, по свѣдѣніямъ камеръ-фурьерскаго журнала за это время.

	1801 г.	1802 г.	1803 г.	1804 г.	1805 г.	1806 г.	1807 г.	1808 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.	Итого.
Аракчеевъ	1	8	49	44	14	36	30	62	55	45	79	423
Армфельдъ	4									1	48	53
Кн. П. И. Багратіонъ	1	18	26	85	30	90	256	22	55	22	81	686
М. Б. Барклай-де-Толли		2					12	38	11	61	92	216
А. Х. Бенкендорфъ					1	3	8	1	1			14
Л. Л. Беннигсенъ	1						6					7
И. В. Васильчиковъ	13	65	63	9		24	50	30	9	22	11	296
Гр. С. М. Воронцовъ					2	2	2	1	1	2	8	18
Кн. П. М. Волконскій	43	130	209	158	77	117	97	8	48	123	206	1216
Бар. Ф. Винцингероде		56	106	77	8	2	1					250
Гр. П. Х. Витгенштейнъ							6	4	5	10	10	35
С. К. Вязьмитиновъ	1	32	57	58	40	156	183	4	2	1	50	584
Кн. П. Г. Гагаринъ		—	43	82	40	21	57	79	89	39	21	471
Кн. А. Н. Голицынъ	157	314	489	348	274	422	359	283	322	249	418	3635
Горголи			—		—			8	6		4	18
Д. А. Гурьевъ	17	192	182	188	103	126	299	144	158	57	108	1574
Кн. П. П. Долгорукій	1	69	115	28	25	104	скон	чалс	я въ	1806	году	342
А. П. Ермоловъ										1	2	3
Гр. П. В. Завадовскій	7	38	55	54	21	52	92	55	35	28	42	479
Гр. Н. М. Каменскій								11	16	15	6	48
Гр. В. П. Кочубей	73	169	204	190	109	172	261	32	90	84	64	1448
Гр. Е. Ѳ. Комаровскій	4	49	111	57	47	81			36	77	50	512
Коленкуръ							24	144	171	119	85	543

	1801 г.	1802 г.	1803 г.	1804 г.	1805 г.	1806 г.	1807 г.	1808 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.	Итого.
Р. А. Кошелевъ. . . .					2	31	154	99	44	65	89	484
Гр. М. И. Кутузовъ . .	10	13	4	26	8	38		1				100
Х. А. Ливенъ	5	65	118	103	64	171	149	74	164	3		916
С. Н. Маринъ .							5	8	1		40	54
Кн. А. С. Меншиковъ							5	6			2	13
М. А. Милорадовичъ . .							22	2		9	2	35
Н. С. Мордвиновъ .	7	42		6						45	55	155
А. Л. Нарышкинъ .	7	5	60	49	25	67	232	104	188	113	221	1071
Д. Л. Нарышкинъ .		1	1	23	18	27	104	22	22	5	69	292
Н. Н. Новосильцовъ	33	81	218	104	47	150	60	25	28	3		749
Гр. Ожаровскій . . .							66	112	133	86	129	526
Маркизъ Паулуччи . .								4	1	6	10	21
Пфуль						16	127	136	130	36	74	519
Ѳ. В. Ростопчинъ. . .										27		27
Гр. Н. П. Румянцевъ. .	93	240	215	268	112	235	391	163	224	185	287	2413
М. М. Сперанскій. . .							6	23	77	25	32	163
Гр. П. А. Строгановъ .	45	61	155	118	58	2	63	40	19	13	27	601
Д. П. Трощинскій . .	11	41	16	34	21	20						143
Маркизъ Траверсе . .		1							61	60	77	199
Гр. Н. А. Толстой . . .	145	333	465	374	210	442	273	356	354	268	474	3694
А. П. Тормасовъ . . .	2	2	5				8	9	1		10	37
Ѳ. П. Уваровъ	86	78	142	123	82	159	177	315	279	43	101	1585
Кн. Чарторыжскій . .	114	274	388	196	86	130	73	38	67	14		1410
А. И. Чернышевъ . .						2			3	2		7
Адм. П. В. Чичаговъ. .	10	41	100	80	67	116	138	85	39		10	686
Адм. А. С. Шишковъ		3	2		1		2		1			9

Алфавитный указатель.

Nikolaĭ Mikhaĭlovich,
duke of Russia
Imperator Aleksandr
Pervyĭ. 2 izd.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 04 09 06 021 0